Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии

Выпуск XXIII

Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria

Volume XXIII

Симферополь
Simferopol
2018

Посвящается 70-летию Александра Ильича Айбабина

УДК 908(477.75)
ББК 28.89(2Рос-6Кры)
М34

Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(Протокол № 3 от 03.10.2018 г.)

Редакция:
Айбабин А. И., ответственный редактор
Хайрединова Э. А., редактор-составитель
Власова С. И., ответственный секретарь

М 34 Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
Вып. XXIII. — Симферополь: Соло-Рич, 2018. — 808 с.

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»
при поддержке Благотворительного фонда «Артемида»

ISBN 978-5-9216-2298-2
ISSN 2413-189X

© Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, 2018
© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2018
© Авторы, текст, 2018

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
Научный журнал
Основан в 1990 году
Выходит один раз в год
Сайт журнала: www.maiet.cfuv.ru

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».
Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4, НИЦ истории и археологии Крыма.
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-61809 от 18.05.2015 г.).
Журнал включен в базы данных: Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК Минобрнауки РФ) по специальности 07.00.00 — исторические науки и археология.

Редакционная коллегия:
Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)
Герцен А.Г., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)
Дайм Ф., д.и.н., Центральный Римско-германский музей (Майнц, Германия)
Зинько В.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)
Иштванович Э., к.и.н., Музей им. Андраша Йожа (Ньиредьхаза, Венгрия)
Казанский М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)
Кузнецов В.Д., д.и.н., Институт археологии РАН (Москва, Россия)
Кульчар В., к.и.н., Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)
Майко В.В., д.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)
Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)
Степаненко В.П., д.и.н., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
Тункина И.В., д.и.н., Архив Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)
Хайрединова Э.А., к.и.н., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия)
Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)
Цукерман К., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс, Практическая школа высших исследований в Париже (Париж, Франция)

Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria
Academic Periodical
Publishes from 1990
One volume a year
English version of Website:
www.maiet.cfuv.ru/en

Founder: V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Editorial Office: V. I. Vernadsky Crimean Federal University, History and Archaeology of the Crimea Research Centre, 4 Akademika Vernadskogo Ave, Simferopol, Republic of the Crimea, 295007.
The journal is included into Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index), European Reference Index for the Humanities (ERIH), Russian Science Citation Index.

Editorial Board:
Aibabin Aleksandr, DSc, Professor, Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
Daim Falko, Dr. hab., Director of the Romano-Germanic Central Museum (Mainz, Germany)
Gertsen Aleksandr, CSc, Dean of the Historic Faculty at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
Istvánovits Eszter, Dr, Academic Secretary of the Jósa András Múzeum (Nyíregyháza, Hungary)
Kazanski Michel, DSc., Directeur de Recherche, Centre national de la recherche scientifique (CNRS), UMR-8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)
Khairedinova Elzara, CSc, Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)
Khrapunov Igor', DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
Kulcsár Valéria, Dr, Associate Professor at the University of Szeged (Szeged, Hungary)
Kuznetsov Vladimir, DSc, Head of the Classical Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Maiko Vadim, DSc, Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)
Sidorenko Valery, CSc, Deputy Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
Stepanenko Valery, DSc, Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).
Tunkina Irina, DSc, leading researcher, Director of the Saint Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive (Saint Petersburg, Russia).
Zin'ko Viktor, DSc, Leading Researcher of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia).
Zuckerman Constantin, Dr. hab., Professor of Byzantine history at the Ecole pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (EPHE / PSL), Deputy Director of the Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France)

К 70-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА АЙБАБИНА

Александр Ильич Айбабин, крымский историк и археолог, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки и техники Республики Крым, директор научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, действительный член Немецкого археологического института (DAI), основатель и главный редактор «Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии», председатель Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальностям «Всеобщая история» и «Археология»… Можно долго перечислять все звания и должности Александра Ильича, но для специалистов он, прежде всего, талантливый и неординарный Ученый, характеризующийся широтой и самостоятельностью своих позиций в науке, чьи фундаментальные исследования значительно обогатили новыми знаниями историю и археологию Крыма, открыли новые пути и горизонты в познании прошлого нашего Отечества, а для нас, его коллег, учеников, друзей и близких – еще и удивительный Человек незаурядных способностей и высокой морали, пример служения науке, с полной отдачей сил и таланта любимому делу.

30 декабря 2018 года Александр Ильич Айбабин отмечает свое 70-летие. Накануне этого события особенно интересно обратить взгляд назад и вспомнить основные вехи творческого пути, проследить как складывалась многогранная личность ученого. Биография А.И. насыщена событиями, встречами с необычными людьми, а ее отдельные эпизоды вполне могли бы стать сюжетом для приключенческого романа.

Детство

Александр Ильич родился в семье учителей русского языка и литературы (фото 1). Отец, Илья Александрович, в 1939 г. после окончания педагогического рабфака в городе Сыктывкар, в возрасте 20-ти лет был назначен директором начальной школы села Бакур Ижемского района Коми АССР. В 1940 г. молодого директора призвали в армию. Он служил на Севере, в заполярном круге, на полуострове Рыбачий (Кольский полуостров). Там его и застала война. Полуостров Рыбачий, «непо-

топляемый линкор Заполярья», сыграл важную роль в защите Кольского залива и города Мурманска с его незамерзающим портом. Илья Александрович был морским пехотинцем, одним из рядовых защитников полуострова Рыбачий, за что в 1942 г. получил солдатскую медаль «За боевые заслуги».

В мае 1942 г. при Учебном отряде Северного флота была создана Специальная Школа юнг Военно-Морского флота с дислокацией на Соловецких островах. Для школы нужны были квалифицированные специалисты – преподаватели. Тут и пригодилось гражданское образование Ильи Александровича. В 1942 г. его перевели с фронта в Школу юнг, на должность заместителя начальника по учебной части. Одновременно Илья Александрович преподавал русский язык и литературу. Среди его учеников в Школе юнг оказался и будущий знаменитый советский писатель Валентин Пикуль.

В 1944 г. Илья Александрович продолжил обучать ребят в Бакинском военно-морском подготовительном училище. В Баку он встретил свою вторую половину – Марию Ароновну Лисневскую, которая тоже работала преподавателем русского языка и литературы. Вместе они прожили долгую, счастливую жизнь и никогда не расставались. Ради семьи и воспитания детей Мария Ароновна оставила работу. В 1947 г. Бакинское военно-морское подготовительное училище было переведено в Калининград для создания в самой западной области нашей страны высшего военно-морского училища. Вслед за училищем в Калининград переехала молодая чета Айбабиных. Именно здесь, в Калининграде 30 декабря 1948 г. у них родился сын, названный в честь деда по отцовской линии Александром. В 1949 г. Илья Александрович перевелся в Рижское Нахимовское военно-морское училище. Первые детские воспоминания А.И. связаны именно с Ригой. Летом семья вместе с училищем выезжала в летний лагерь. Дорога проходила через лес и передвигающиеся по ней опасались нападения «лесных братьев», поэтому ехавших в открытом кузове грузовика детей охраняли разместившиеся вдоль бортов мальчишки-нахимовцы, вооруженные винтовками. В Рижском училище, в одном из первых наборов у Ильи Александровича учился Джеймс Паттерсон, будущий офицер-подводник, а впоследствии – поэт и прозаик. Он прославился еще в раннем детстве ролью малыша, сына героини Любови Орловой в фильме «Цирк».

В 1953 г. Айбабины перебираются в Тбилиси, куда глава семейства был переведен для работы в Нахимовское военно-морском училище. В Тбилиси в марте 1956 г. семья пережила массовые беспорядки, вызванные развенчанием культа личности Сталина. От погромов семью спас грузин – сосед по дому, который укрыл у себя Марию Ароновну с тремя маленькими сыновьями.

Переезды по нашей огромной стране закончились в 1956 г., когда Илья Александрович получил назначение в Черноморское высшее военно-морское училище им. П.С. Нахимова и семья осела в Севастополе. В училище Илья Александрович проработал до конца жизни – преподавал русский язык и литературу, а после демобилизации в 1961 г. и до 1989 г. – заведовал библиотекой и архивом.

Школьные годы А.И. прошли в Севастополе, в Стрелецкой бухте на берегу моря и рядом с руинами Херсонеса (фото 2). Неудивительно, что юноша мечтал стать морским офицером или археологом. Однако любовь к археологии и настойчивость матери, которая категорически не хотела видеть сына морским офицером, взяли верх. В 1966 г. А.И. поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, на кафедру археологии (фото 3).

Студенческие годы (1966–1972 гг.)

Начало студенческой жизни было непростым. Успешно сдав вступительные экзамены, А.И. не прошел на дневное отделение по конкурсу. Устроившись рабочим на хлебозавод им. Бадаева, А.И. повторно сдает экзамены – и поступает на вечернее отделение. Первая запись, сделанная 29 сентября 1966 г. в трудовой книжке будущего ученого, гласит о том, что он «принят в экспедицию рабочим на ремонт тары» (речь, безусловно, идет не об археологической, а о заводской экспедиции). Два года упорного ежедневного туда, с восьми утра до пяти вечера – на заводе, а затем – на вечерних занятиях в университете, и по результатам успеваемости А.И. переводится на дневное отделение исторического факультета.

А.И. всегда с большой любовью и теплотой вспоминает свою Альма-матер. В те годы исторический факультет Ленинградского государственного университета являлся одним из ведущих центров подготовки высококвалифицированных специалистов. Лекции по специальности читали М. И. Артамонов, П. И. Борисковский, М. П. Грязнов, Б. Б. Пиотровский, П. Н. Третьяков, А. Д. Столяр, Л. С. Клейн, Л. Н. Гумилев, Р. Ф. Итс и М. Б. Щукин. Высокий уровень обеспечивался научной активностью преподавательского состава, его постоянным исследовательским поиском в сфере наиболее важных теоретических и конкретно-исторических проблем археологии, традицией неразрывной связи всех форм преподавания с научным анализом предмета, проблемной постановкой общих задач в их развитии и передачей студентам личного исследовательского опыта, вдохновлявшего на первые собственные шаги в науке [4, с. 124].

Научным руководителем А.И. стал доктор исторических наук, профессор, Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972 гг.), великий российский археолог и историк. Личность этого человека, его творческое начало и исследовательский темперамент, теоретическая одарённость и способность к глубокому историческому синтезу источников, научная смелость, сочетавшаяся с чувством большой ответственности, широчайший и непрерывно растущий кругозор оказали огромное влияние на формирование будущего ученого. По воспоминаниям А.И., Михаил Илларионович никогда не навязывал студентам своих взглядов и поощрял абсолютную самостоятельность в студенческих научных штудиях, всегда был готов проконсультировать или принести нужную редкую книгу из большой домашней библиотеки,

представлял материал из своего научного архива и помогал получить доступ к музейным коллекциям (69)[1].

Написанная под руководством М. И. Артамонова первая курсовая работа А.И., посвященная проблеме происхождения сережек пастырского типа, была высоко оценена и после небольшой доработки стала его первой серьезной публикацией в журнале «Советская археология» (2), что было в то время явлением практически исключительным, учитывая очень строгий отбор материалов для главного археологического издания страны. М. И. Артамонов определил и тему дипломной работы о знаменитом кладе из Малой Перещепины.

За годы учебы в университете А.И. прошел хорошую школу полевых археологических исследований. Археологическое крещение состоялось в 1968 г., в экспедиции П. Н. Щульца и Е. Г. Кастанаян на Порфмии (фото 4). В 1968–1969 и 1971 гг. А.И. работал в Херсонесе (фото 5), в Портовом районе – под руководством В. И. Кадеева и В. В. Борисовой, а также на Западной оборонительной стене – под руководством И. А. Антоновой. При непосредственном участии А.И. в сентябре 1968 г. во рву у Западной стены был открыт известный раннесредневековый склеп с закладной плитой с прорезанными крестом и греческой надписью.

В 1969 г. А.И. трудился в Нижневолжском отряде Астраханской экспедиции ЛОИА под руководством Е. В. Шнайдштейн и А. Н. Мелентьева. Тогда, в ходе исследований бугров Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе были открыты памятники золотоордынского периода. В 1970 г. А.И. работал в экспедиции А. Н. Щеглова на Панском городище (фото 4,3). Будучи студентом-практикантом, А.И. серьезно подходил к археологическим исследованиям, старался осваивать новые методы. Именно он привел в археологию своего друга детства геофизика В. В. Глазунова, разработавшего и первым из отечественных специалистов применившего методы геофизических исследований на археологических памятниках.

В 1971–1972 гг. Александр Ильич участвовал в совместной экспедиции Карельского филиала АН СССР и ЛГУ на катере «Нептун», проводившей подводные археологические работы для изучения онежских петроглифов. Ю. Савватеев, руководивший Онежским отрядом Карельского филиала АН СССР, отмечает уникальность подводных работ, которые ранее велись только на Черном море и указывает, что «инициаторами проведения их в Карелии были археологи – подводники Е. Цуцкин и А. Айбабин». Описывая будни экспедиции, Ю. Савватеев отмечает, что «день за днем погружались Е. Цуцкин и А. Айбабин в легком водолазном костюме и изучали подводную часть святилища» (фото 6) [2, с. 63].

В университете определилась еще одна область научных интересов А.И. – это история Византии и ее владений в Крыму. Помимо занятий на кафедре археологии, А.И. посещал спецкурсы кафедры истории средних веков, на которых прошел хорошую византиноведческую школу. Одно только перечисление имен преподавателей и названий их курсов лекций дает представление о высоком уровне подготовки и

[1] В круглых скобках даны ссылки на работы из списка научных трудов А. И. Айбабина.

вызывает чувство доброй зависти у современного поколения исследователей. А.И. посчастливилось слушать курсы лекций по истории Византии крупнейшего отечественного византиниста Г. Л. Курбатова. Он же вел спецкурсы по поздневизантийскому городу. Благодаря лекциям А. В. Банк, А.И. приобрел обширные знания по византийскому прикладному искусству. Большое значение для формирования будущего ученого имели и спецкурсы В. С. Шандровской по византийской сфрагистике, И. В. Соколовой по нумизматике, Е. Э. Гранстрем по греческой палеографии.

В июне 1972 г. А.И. с отличием защитил диплом «Перещепенский комплекс» и получил рекомендацию для поступления в очную аспирантуру при кафедре археологии, где его работой должен был руководить М. И. Артамонов. Однако жизнь внесла свои коррективы: 31 июля не стало Михаила Илларионовича [5, с. 53–54].

Начало профессионального пути (1972–1988 гг.)

Вернувшись из Ленинграда, А.И. с 1 сентября 1972 г. устроился старшим научным сотрудником отдела дореволюционной истории Феодосийского краеведческого музея, где проработал до 1975 г. (фото 7). За этот небольшой период молодой сотрудник сделал немало полезного для музея: подготовил выставки «Крым в раннем средневековье» и «Тепсень», новаторские по приемам подачи материала; в 1974 г., несмотря на запрет управления культуры Крымского облисполкома, открыл в музее этнографическую экспозицию, посвященную быту феодосийских караимов [3, с. 91]. А.И. был лично знаком с вдовой Максимилиана Волошина – Марией Степановной. В те годы, будучи в почтенном возрасте, она скромно жила на небольшую пенсию и часто становилась жертвой нечестных на руку дельцов, скупавших за копейки картины знаменитого мужа. Благодаря стараниям А.И., Феодосийский краеведческий музей официально закупил у вдовы акварели Максимилиана Волошина. В результате удалось финансово поддержать Марию Степановну и, что немаловажно, пополнить коллекцию музея уникальными экспонатами.

Работая в музее, А.И. приступил к самостоятельным археологическим раскопкам: в 1972 г. провел охранные археологические работы в районе Карантина, на территории Средневековой Кафы (3); в 1973 г. организовал Коктебельскую подводную экспедицию (5) и провел спасательные археологические раскопки в районе маяка на мысе Св. Ильи, на разрушенном земляными работе кургане, где зачистил остатки античного погребения конца IV – первой половины III в. до н.э. с уникальной расписной амфорой (15); в 1974 г. – на раннесредневековом поселении и одновременном ему могильнике на холме Кордон-Оба в пос. Курортный (8).

Работу в музее А.И. совмещал с заочной учебой в аспирантуре Государственного Эрмитажа. Приглашение в аспирантуру А.И. получил осенью 1972 г. телеграммой за подписью ее заведующей Алисы Владимировны Банк, со ставшим знаменитым разъяснением: «Банк – это не учреждение, а фамилия». Вступительный экзамен по специальности А.И. держал перед А. В. Банк, М. А. Тихановой и А. Л. Якобсоном. Научным руководителем был назначен доктор исторических наук

Анатолий Леопольдович Якобсон, признанный классик крымской медиевистики. Темой диссертации стала «Хронология могильников раннесредневекового Крыма IV–VII вв.».

Знакомство с богатейшей музейной коллекцией, общение с первоклассными специалистами, сам дух Эрмитажа сыграли огромную роль в формировании молодого ученого. С полным правом А.И. называет Эрмитаж своей второй Альма-матер. И после окончания аспирантуры А.И. сохранил самые тесные и живые связи с эрмитажниками. Он и сам, на правах бывшего аспиранта, с гордостью причисляет себя к их числу. Каждый раз, приезжая в Ленинград, а теперь – в Санкт-Петербург, А.И., независимо от цели поездки, обязательно посещает Эрмитаж и встречается со своими коллегами.

В мае 1975 г. А.И. переходит в Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР, на должность старшего лаборанта. Вскоре заведующий отделом С. Н. Бибиков переводит А.И. на должность младшего научного сотрудника, в которой он проработал до своего увольнения из отдела в 1989 г.

В Отделе археологии начинается активная археологическая деятельность. А.И. руководит масштабными новостроечными работами в разных регионах Крыма: в Феодосии на территории цитадели исследуются культурные слои, относящиеся к турецкому, генуэзскому и античному периодам, а также армянские церкви (14; 17; 21); в Судаке раскапывается участок средневекового некрополя с погребениями IX–XI и XIII–XV вв. и апсида большого храма (20); в Канакской Балке открыто и частично исследовано поселение бронзового века; в Симеизе исследуется участок средневекового плитового могильника; в Дружном остановлены разработки карьера, уничтожавшего аланский некрополь середины III–IV в., на территории которого зачищены склеп и подбойная могила (49). Полевая работа, обработка материалов раскопок, подготовка отчетов – все это занимает много времени у молодого исследователя, но, вместе с тем, А.И. приобретает богатый опыт и становится настоящим профессионалом, универсальным археологом, знатоком крымских памятников с древнейших времен до нового времени.

Продолжая научно-исследовательскую работу, определенную темой диссертации, в 1978–1982 гг. А.И. проводит раскопки могильника на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, в ходе которых открыто более 160 погребальных сооружений (19; 22; 28). В 1980 г. на некрополе раскопан склеп 257, ставший эталонным для хронологии древностей раннесредневекового Крыма, благодаря найденным в нем византийским монетам и многочисленным вещам, зафиксированным *in situ* на костяках (24). Многие отдельные эски-керменские находки – фибулы, византийские пряжки, детали поясной гарнитуры – включены А.И. в типологию раннесредневековых древностей Юго-Западного Крыма и учтены им при разработке хронологии могильников региона. Группу пряжек, производившихся местными мастерами по византийским образцам, А.И. Айбабин выделил в отдельный тип «Эски-Кермен» (9). Уточненная хронология инвентаря, а также анализ письменных источников и общей ситуации в регионе позволили А.И. пересмотреть предложенную Н. И. Репниковым датировку могильника и отнести время его функционирования к периоду с последней четверти VI до конца IX вв. (36).

В 1977 г. А.И. во время раскопок плитовых могил и каменных гробниц XIV – середины XVIII в. на холме около крепости Фуна, расположенной у с. Лучистое, открыл на северо-западном склоне участок некрополя с раннесредневековыми захоронениями (16). В 1982–1984 и 1986 гг. А.И. провел планомерные исследования раннесредневекового участка могильника, в ходе которых были зачищены нерабленые склепы с многослойными захоронениями, важные для понимания хронологии раннесредневековых древностей Крыма (28; 30).

Поистине титаническая работа была проделана А.И. Айбабиным по подготовке к публикации Скалистинского могильника, раскопанного в 1959–1960 гг. экспедицией под руководством Е. В. Веймарна. Почти десять лет – с 1976 по 1986 гг. – ушло на составление в музеях Бахчисарая, Симферополя, Киева и Москвы полной картотеки 3000 находок из могильника, на создание новой типологии и обоснование хронологии инвентаря погребальных сооружений, после чего стало возможным правильно описать и датировать вещи из Скалистого и подготовить рукопись в печать. Опубликованная в 1993 г. монография «Скалистинский могильник» в соавторстве с Е. В. Веймарном (42) и по сей день остается одним из самых востребованных изданий для археологов и всех специалистов, занимающихся раннесредневековой историей Крыма, Восточной Европы и Византии.

Детально исследуя археологический материал, полученный в ходе собственных раскопок и хранящийся в различных музеях, большей частью неопубликованный, А.И. на основании взаимовстречаемости вещей в закрытых комплексах разработал типологию и хронологию археологического материала раннесредневековых памятников Крыма. Им было отобрано 215 пригодных для корреляции вещевых комплексов и использовано 195 групп однотипных вещей. А.И. уточнил или вновь разработал типологию отдельных типов пряжек, деталей поясных наборов, фибул и керамических сосудов. Результаты этих многолетних исследований легли в основу кандидатской диссертации «Хронология могильников Крыма IV–VII вв.», явившейся самой полной на тот момент сводкой раннесредневековых находок. При этом исследователь не ограничился анализом археологического материала. Основываясь на уточненной хронологии могильников, А.И. по-новому осветил некоторые спорные проблемы этнической истории населения полуострова.

Защита диссертации успешно прошла 18 февраля 1988 г. в Киеве, в Институте археологии АН УССР. Изданный в 1990 г. с небольшими уточнениями и дополнениями ее текст под названием «Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени» (35) и в наши дни является одной из наиболее цитируемых русскоязычных археологических работ. Для многих поколений археологов-медиевистов она остается настольным справочником.

Начало изучения этнической истории Крыма (1989–1992 гг.)

В конце 1980-х гг. с началом процесса возвращения в Крым народов, депортированных по указу И. Сталина в 1944 г., исследования по этнической истории стали осо-

бо актуальны. В 1989 г. А.И. перешел на работу в Симферопольский государственный университет (ныне – Таврическая академия КФУ им. В.И. Вернадского), в научно-исследовательский сектор, где по его инициативе была создана лаборатория по изучению этнической истории Крыма. А.И. обратился в Министерство образования УССР и сумел убедить чиновников в необходимости возобновления изучения «запрещенных» народов Крыма и создания с этой целью бюджетной научной организации. Под руководством А.И. сотрудники лаборатории изучали археологические памятники, историю, религию и этнографию народов, населявших полуостров и примыкающие северопричерноморские степи (100).

А.И. продолжает археологические раскопки. В 1988–1989 гг. экспедицией под его руководством исследовался раннесредневековый участок могильника Черная Речка. В 1989–1991 гг. проводились охранные раскопки в центре г. Керчи, в Кооперативном переулке, где впервые удалось проследить стратиграфию городской застройки Боспора-Корчева на протяжении долгого периода – с конца VII и до середины XVIII в., выявлен и детально зафиксирован хазарский слой.

В конце 1980-х гг. сложилась поистине катастрофическая ситуация с изданием материалов раскопок работавших в Крыму многочисленных археологических экспедиций, практически не публиковались труды по истории и этнографии региона. В 1990 г. А.И. основал и возглавил редколлегию ежегодника «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии» (МАИЭТ), целью которого стало введение в научный оборот новых материалов исследований по названным проблемам как отечественных, так и зарубежных ученых, публикация письменных источников и архивных материалов (100). В редакционной политике А.И. следует традициям Таврической ученой архивной комиссии, издавая не только статьи, но и большие монографические труды.

23–28 сентября 1991 г. по инициативе и под председательством А.И. была проведена конференция «Проблемы истории Крыма», на которой 125 специалистов из крупнейших университетов, академических институтов и музеев из Украины, России, Армении и Болгарии обсудили актуальные вопросы крымской истории от эпохи палеолита до наших дней. Отметим беспрецедентность этого события: впервые после 1952 г. на высоком научном форуме открыто обсуждали искусственно замалчивавшиеся в советское время проблемы истории крымских татар, караимов и крымчаков. Некоторые доклады, обнародованные на конференции, позже были опубликованы в III выпуске МАИЭТа.

С 1989 г. А.И., ученый, широко известный за рубежом по своим публикациям, наконец-то становится «выездным». В сентябре 1989 г. А.И. принял участие в проходившем в г. Софии международном симпозиуме «Культура болгар, хазар, славян», приуроченном к выставке «Сокровище хана Кубрата», где экспонировались предметы из Эрмитажа. А.И. выступил с докладом «Датировка погребений кочевнической знати в Поднепровье», который присутствовавшая там же С. А. Плетнева охарактеризовала как «очень серьезный и доказательный» [1, с. 290].

В 1990–1992 гг. А.И. представил результаты своих исследований на научных форумах в Софии (40), Париже (47) и Йорке (41). Признанием международного авторитета

ученого стало его приглашение в 1992 г. в Британский музей в качестве ведущего специалиста по раннесредневековым древностям для научного консультирования и подготовки к публикации коллекции А.Л. Бертье-Делагарда (132).

Время больших свершений

В 1991 г. известный ориенталист и славист, профессор Гарвардского университета Омельян Йосипович Прицак, вернувшись на родину, занялся воссозданием Института Востоковедения в Национальной академии наук Украины. После знакомства с А.И., он заинтересовался деятельностью лаборатории по изучению этнической истории Крыма (фото 8). Отметив важность современного объективного анализа этноисторических проблем и близость научно-исследовательских тем лаборатории и нового института, О. Й. Прицак предложил А.И. организовать на ее базе отделение института. 3 июля 1992 г. на общем собрании НАН Украины было принято постановление о создании в Симферополе Крымского отделения Института востоковедения (КОИВ) со статусом самостоятельного юридического лица, руководителем отделения назначался А.И. (92). Впервые в Крыму появилась научная организация, в уставе которой, наряду с археологической деятельностью, было прописано проведение византологических исследований, а также изучение истории крымских татар, караимов и крымчаков.

А.И. обладает удивительным талантом организатора и руководителя. Более 22 лет в самые непростые годы – с 1992 по 2014 гг. – он возглавлял КОИВ, и именно благодаря его усилиям научный коллектив не только сохранился, но и успешно развивался. А ведь в это время приключались разные «истории», и не всегда научные. В лихие 90-е бандиты от археологии пытались заставить А.И. отдавать им все ценные находки из раскопок, а в случае отказа грозили физической расправой. В 1995 г. недоброжелатели из НАН Украины пытались ликвидировать КОИВ. А.И. удалось заручиться поддержкой Совета министров и Верховного совета АР Крым и при посредничестве О. Й. Прицака попасть на прием к Б. Е. Патону. А.И. сумел убедить Президента НАН Украины в необходимости сохранения отделения. Были и другие сложные ситуации, из которых А.И. всегда выходил с достоинством.

Руководящая должность и загруженность административной работой не помешали А.И. продолжить активные научные исследования. Особое место в научной деятельности А.И. всегда занимала история византийского Крыма. В 1994–1996 гг. А.И., по приглашению Центра по изучению истории и цивилизации Византии (Национальный центр научных исследований, CNRS) и Коллеж де Франс, работал в Париже над монографией «Этническая история ранневизантийского Крыма» (фото 11). В фундаментальном исследовании, основанном на критическом анализе письменных источников и данных археологии, представлена принципиально новая научная концепция этнокультурной и политической истории Крымского полуострова с IV по X вв., прослеживается воздействие Византии на этнические процессы в Крыму. Монография увидела свет в 1999 г. (73), а в 2002 г. за нее А.И. был отмечен премией НАН Украины им. А.Ю. Крымского. В апреле 1998 г. в Институт истории материальной культуры

РАН (г. Санкт-Петербург) текст монографии был защищен в качестве докторской диссертации «Этническая история ранневизантийского Крыма».

А.И. стал инициатором и главным организатором первых на постсоветском пространстве крупных международных византологических конференций. Одна из них – «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)», проходила 21–27 сентября 1994 г. в г. Алуште. На заседаниях выступили с докладами более 80 ученых из научных организаций, университетов и музеев России, Украины, Германии, Болгарии, Польши, США и Франции. Вторая конференция – «Византия и Крым», проводилась 6–11 июня 1997 г. в г. Севастополе (фото 12; 13). Заседания проходили в Херсонесе Таврическом, в экспозиционных залах средневекового отдела. Здесь, среди витрин с аутентичными средневековыми предметами, более 60 специалистов по всем направлениям византологии – историки, филологи, археологи, сфрагисты и нумизматы из Австрии, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Польши, России, Украины и Франции обсуждали византийское присутствие в Крыму и Северном Причерноморье (79). Основные доклады, прозвучавшие на конференции, опубликованы в VII выпуске МАИЭТа. Конференция запомнилась не только интересными докладами, но и удивительной атмосферой дружелюбия, теплого общения, многочисленными дискуссиями и обсуждением научных тем в кулуарах.

С 1991 г. А.И. неоднократно выступал с докладами на международных конгрессах византинистов в Москве, Париже, Лондоне и Белграде (фото 15; 16). В 2001 г., благодаря поддержке французских коллег, прежде всего, К. Цукермана, А.И. удалось организовать делегацию, достойно представившую крымскую византинистику на юбилейном XX конгрессе, проходившем в Париже (фото 15).

На протяжении последних десятилетий А.И. непрерывно ведет археологические исследования. В 1992–1993 гг. экспедицией под его руководством проводились охранные раскопки хищнически разграбляемого могильника в Баклинском овраге (54). В 1993 г. возобновлено исследование могильника у с. Лучистое (с 1995 г. – совместно с Э.А. Хайрединовой). Это единственный, известный на сегодняшний день, некрополь, функционировавший на протяжении долгого периода – с конца IV и до середины XVIII в., погребальные сооружения которого не были разграблены. Полученные в процессе раскопок некрополя археологические материалы впервые позволили изучать материальную и духовную культуру средневекового населения Юго-Западного Крыма на протяжении столь длительного периода. Благодаря тщательной фиксации материала, его кропотливой обработке, опубликованные комплексы стали хронологическим эталоном для раннесредневековых древностей не только Крыма, но и всей Европы. Начато полное и подробное издание материалов раскопок могильника у с. Лучистое. Выпущено два тома (133; 171), один из них переведен на немецкий язык и издан в Германии (139).

В 1994–1996 гг. по инициативе М. Казанского, исследователя Национального Центра научных исследований (г. Париж), специалистами Крымского отделения института востоковедения и Центра средневековых археологических исследований

(г. Кан) осуществлялся совместный крымско-французский научно-исследовательский проект «Варвары на границах Империи» («Les Barbares sur les frontière de l'Empire»). С крымской стороны проектом руководил А. И. Айбабин, с французской – Кристиан Пиле. Международная команда исследователей провела археологические раскопки в Крыму, на могильнике у с. Лучистое и разведки с целью выяснения местонахождения некрополя эпохи Великого переселения народов в Нижней Нормандии близ села Эран в коммуне Мульт (фото 9). Впервые в истории крымские археологи изучали памятники на территории Франции. Александр Ильич включил в команду исполнителей молодых специалистов, которые, наряду с опытом работы в международной экспедиции, получили доступ к крупнейшим европейским библиотекам. В эпоху отсутствия интернета такая возможность способствовала повышению профессионального уровня. В рамках проекта проводились антропологические исследования, обучение молодых специалистов реставрации и консервации археологических находок, а также знакомство с керамологическими исследованиями. В 1995 г. в ходе работ на территории могильника у с. Лучистое были найдены уникальные комплексы, относящиеся к эпохе Великого переселения народов. В 1997 г. по материалам этих раскопок была проведена выставка «Археология Черного моря. Крым в эпоху Великих вторжений IV–VIII вв.», вызвавшая большой интерес у зрителей (фото 10). Результаты исследований опубликованы в серии статей и в каталоге, подготовленном к выставке (59; 81; 82; 95; 96).

В 2003 г. возобновлены раскопки на плато Эски-Кермен. Исследуется могильник на юго-восточном склоне, участок ранней восточной оборонительной стены, один из кварталов XIII в. на главной улице, а также прилегающая к центральной базилике территория городской застройки (118; 121; 125; 128; 149; 152; 154; 172). В 2006–2008 гг. А.И. становится одним из руководителей масштабного научно-исследовательского проекта «Готы в Крыму», осуществлявшегося совместно крымскими археологами и специалистами Римско-германского центрального музея г. Майнца во главе с Фалько Даймом (фото 20). В рамках проекта наряду с археологическими работами проводились топографические, палеоантропологические и геофизические исследования на плато Эски-Кермен.

Плодотворными оказались проводившиеся под руководством А.И. охранные раскопки в г. Керчи: в 2002 г. у подножия горы Митридат исследованы зольники и остатки святилища римского времени (106); в 2006 г. в центре города в Кооперативном переулке открыты остатки городской застройки конца VII – середины XVIII в. и участок позднесредневекового городского некрополя; в 2007–2008 гг. – в Босфорском переулке, на участке, отведенном под строительство нового здания Керченского историко-археологического музея, обнаружены остатки рыбозасолочного комплекса позднеримского времени, часть жилого квартала ранневизантийского Боспора и участок с плитовыми могилами VII–VIII вв. (126; 127; 135; 155; 179).

Находки из многолетних раскопок А.И. пополнили фонды крымских музеев. Экспозиция «Золотой кладовой» в Центральном музее Тавриды почти на треть со-

стоит из предметов, происходящих из раскопок А.И. на могильниках у с. Лучистое и Эски-Кермен. По инициативе и при активном участии А.И. в Италии (г. Милан, 1994 г.; г. Римини, 1995 г.) и Германии (г. Хайдельберг, 1999 г.) были проведены совместные выставки, посвященные истории и культуре варварских народов Крыма.

По приглашению Т. И. Макаровой и С. А. Плетневой, А.И. написал разделы по археологии средневекового Крыма для вышедшего в 2003 г. тома фундаментального издания «Археология СССР в 20-томах» (102–105). В серии «Монографии Римско-германского центрального музея г. Майнц» в 2011 г. опубликована книга А.И. «Archäologie und Geschichte der Krim in byzyantinischer Zeit» (150), которая, по признанию немецких коллег, является современной энциклопедией по истории и археологии Крыма византийского времени.

В своем насыщенном графике А.И. находит время и для преподавательской деятельности. В 1989–2015 гг. он читал курсы лекций по античной археологии, по этнической истории раннесредневекового Крыма, по истории и археологии славян на кафедре истории древнего мира и средних веков Симферопольского государственного (Таврического национального, ныне – Крымского федерального) университета. По приглашению зарубежных коллег в разные годы А.И. прочел спецкусы и лекции в университетах Сорбонна 1 (Париж, Франция), Хайдельберга (Германия), Варшавы и Познани (Польша). В 2014 г. А.И. было присвоено ученое звание профессора по специальности «Всемирная история». На протяжении многих лет А.И. возглавлял ученный совет по защите докторских диссертаций Института востоковедения НАН Украины.

В 2015 г. КОИВ в качестве структурного подразделения был включен в состав Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского и преобразован в научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, который по сей день возглавляет А.И. В 2016–2017 гг. А.И. участвовал в написании и редактировании первого тома двухтомной «Истории Крыма», первом обобщающем научном исследовании по истории полуострова от каменного века до наших дней. Им написаны главы по истории Крыма с середины III по X вв. (203–207). В 2017 г. в соавторстве с Э. А. Хайреди новой выпущена монография «Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.)», в которой критически рассмотрена дискуссия о местонахождении описанной Прокопием Кесарийским области Дори и города Дороса, а также этнической принадлежности его населения. В работе сделан комплексный анализ выявленной в Юго-Западном Крыму археологической культуры, созданной аланами и готами (195).

Продолжается редакторская и издательская деятельность А.И. С 1991 по 2018 гг. под его редакцией из печати вышло 23 тома «Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии», каждый объемом до 750 страниц. За эти годы МАИЭТ получил широкое признание среди отечественных и зарубежных исследователей. Сборник индексируется в базе РИНЦ, входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК и международную базу ERIH. С 2017 г. МАИЭТ включен в международную базу Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index). А.И. входит в редколлегии изданий «Боспорские исследования», «Античная древность и средние века» и «Нижне-

волжский археологический вестник». А.И. является председателем организационных комитетов ежегодных международных конференций: «Боспорские чтения» (г. Керчь, с 2000 г.) (фото 17) и Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (г. Севастополь, с 2009 г.) (фото 22).

К очередному юбилею А.И. подходит с богатым багажом. Позволим себе немного статистики. Общий стаж научной работы А.И. составляет 46 лет, из них 29 лет он является руководителем научных организаций. А.И. – автор 10 монографий и более 200 статей, значительная часть которых опубликована в зарубежных изданиях на английском, французском, немецком и итальянском языках. С результатами своих исследований А.И. неоднократно выступал на международных конференциях в Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Дании, Израиле, Испании, Италии, Польше, России, США, Турции, Украине, Франции. Под научным руководством А.И. 10 исследователей подготовили и защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 6 – по специальности «Всемирная история» и 4 – по специальности «Археология».

При характеристике творческого пути А.И. чаще всего употребляется слово «впервые». А.И. во многих смыслах является первопроходцем, оставаясь при этом продолжателем лучших традиций отечественной исторической и археологической науки. Работам А.И. присуща строгая аргументация, основанная на конкретном материале. В научных исследованиях А.И. следует заповеди своего великого учителя М. И. Артамонова «честно пытаться представить прошлое таким, каким оно в действительности было». «Смелость и честность» – жизненный девиз, которым руководствовался Михаил Илларионович и который как нельзя лучше определяет деятельность его достойного ученика – Александра Ильича Айбабина.

Накануне юбилея А.И. продолжает удивлять нас своей колоссальной работоспособностью, заражает неутомимой энергией и большой увлеченностью работой (фото 24). От имени коллег, друзей и близких горячо поздравляем Александра Ильича с юбилеем и желаем здоровья, творческого долголетия, научного вдохновения и дальнейших успехов в его плодотворной деятельности!

Э. А. Хайединова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плетнева С.А. Симпозиум «Сокровище хана Кубрата. Культура болгар, хазар, славян» (София, сентябрь 1989 г.) // СА. 1990. № 4. С. 289–292.
2. Савватеев Ю. Онежские петроглифы // Север. 1971. № 9. С. 63–64.
3. Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры. Библиографический словарь. Киев: Болеро, 2011. 192 с.
4. Столяр А.Д. Кафедра археологии // Вопросы истории исторической науки. Л.: ЛГУ, 1984. С. 104–125.
5. Столяр А.Д. Воспоминания об учителе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 34–57.

1

2

3

4

Фото 1. Родители Александра Ильича: 1 – мама, Мария Ароновна Айбабина; 2 – отец, Илья Александрович Айбабин (фото 1947 г.); 3 – шестилетний Александр с мамой (фрагмент семейного фото 1954 г.); 4 – студент Александр Айбабин со своим отцом (фрагмент семейного фото 1968 г.).

1

2

3

4

Фото 2. Детские годы (1,2) и начало изучения пещерных городов Крыма (3 – Эски-Кермен, с братом Борисом, 1968 г.; 4 – село Крепкое, бывшее Черкес-Кермен в окрестностях Эски-Кермена, 1969 г.).

Фото 3. Ленинградский государственный университет. Студент исторического факультета Александр Айбабин в 1968 г. (1) и в июне 1971 г. (3 – общежитие на «Мытне» – Мытнинская набережная 5/2, вдали виден Эрмитаж). Доктор исторических наук Александр Ильич Айбабин около здания исторического факультета в 1998 г. (3) и на фоне отреставрированного здания общежития на «Мытне» в 2017 г. (4).

Фото 4. Первые археологические экспедиции. 1,2 – экскурсия на Илурат, 1968 г. (1 – справа – Е.Г. Кастанаян); 3 – экспедиция А.Н. Щеглова на Панском городище, мыс Тарханкут, октябрь 1970 г. (слева направо: В. Глазунов, А. Айбабин и Е. Цуцкин)

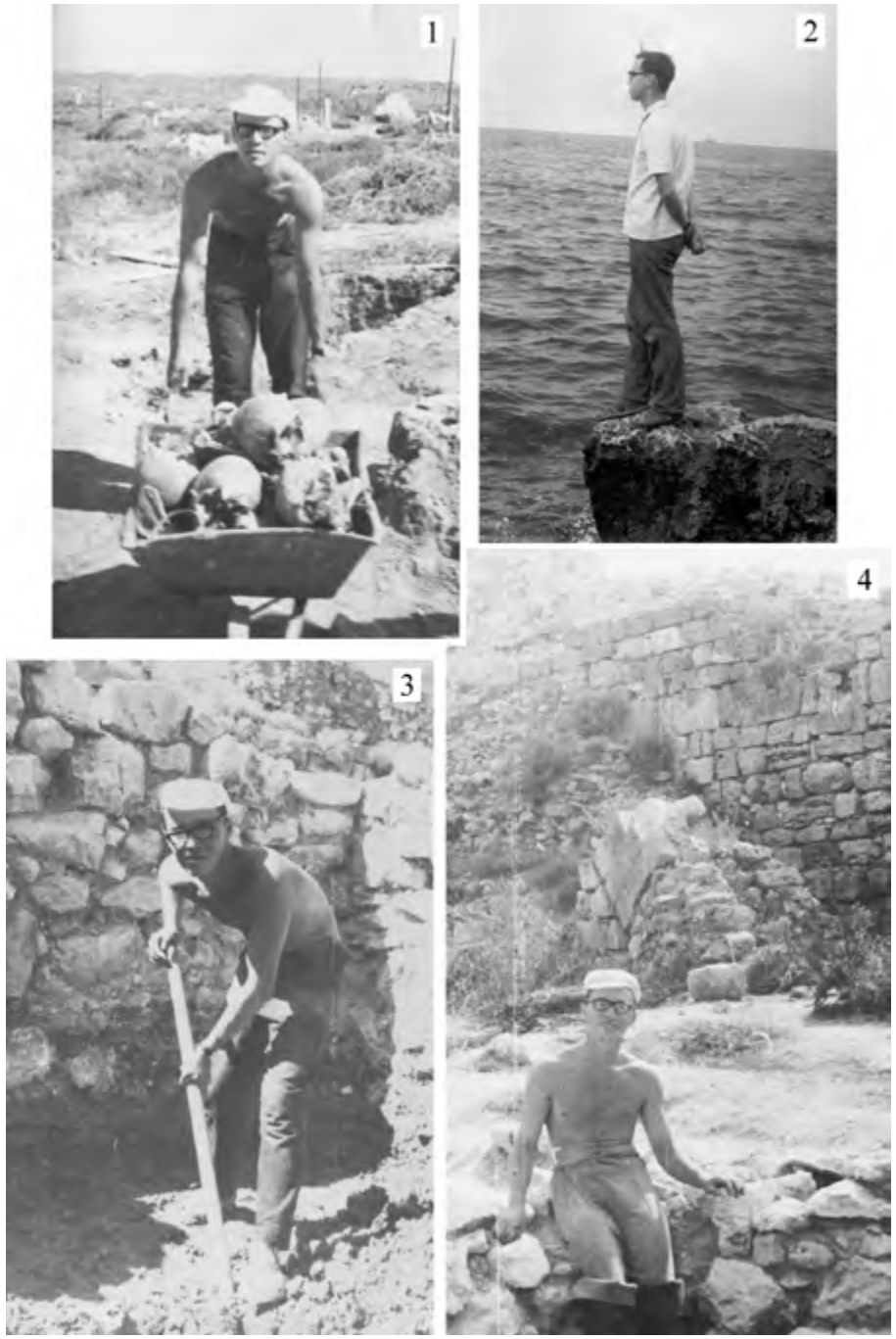


Фото 5. Херсонес Таврический. 1,3,4 – Портовый район, раскопки В.В. Борисовой на римской цитадели, 1969 г.; 2 – Обозревая горизонты…, ноябрь 1970 г.

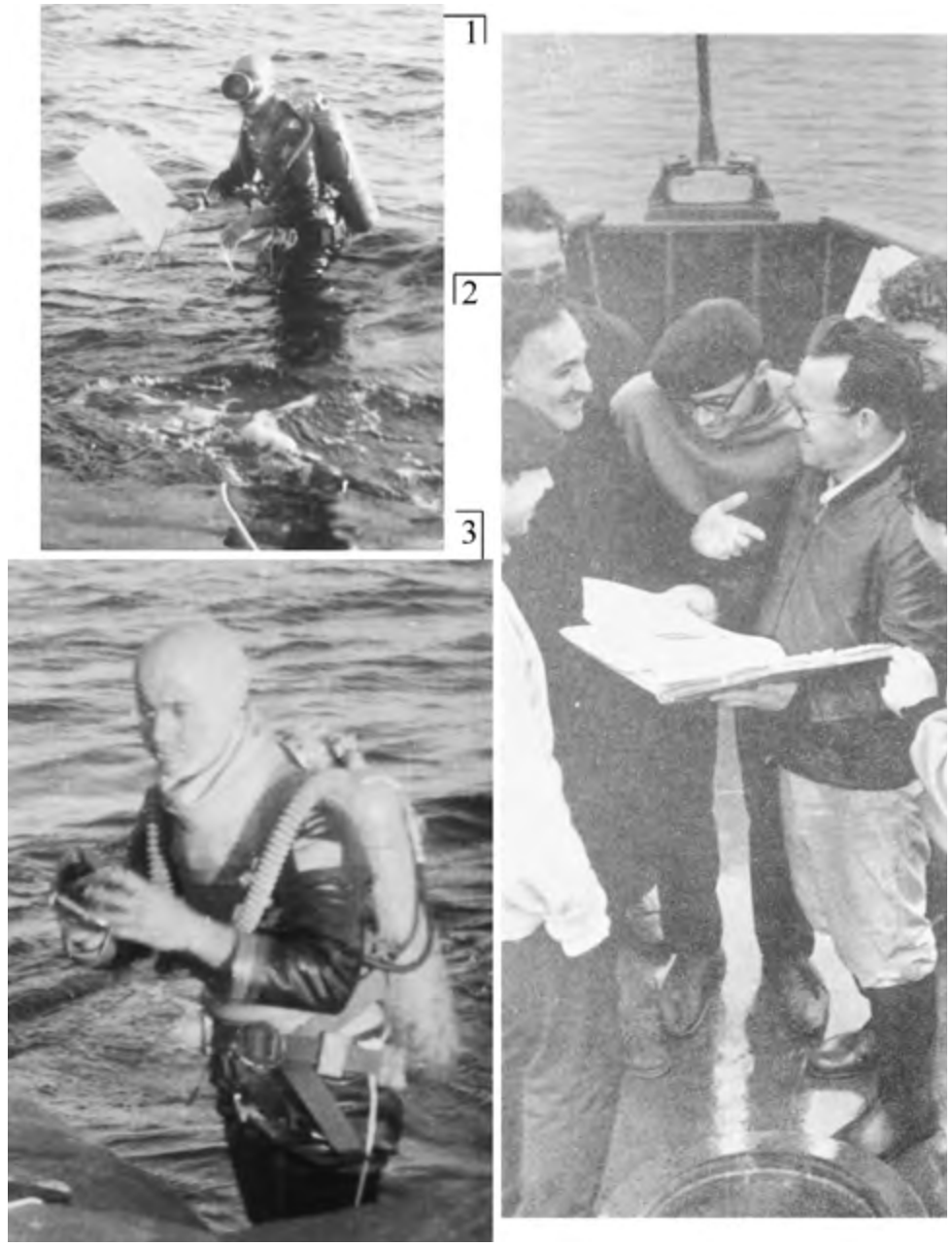


Фото 6. В поисках онежских петроглифов. Экспедиция Онежского отряда Карельского филиала АН СССР в 1971 г. 1,3 – А.И. Айбабин в водолазном костюме перед погружением (из личного архива А.И. Айбабина); 3 – «Планерка» на палубе экспедиционного судна «Нептун», в центре, слева направо: доцент кафедры археологии ЛГУ А.Д. Столяр, А.И. Айбабин и начальник экспедиции Ю. Савватеев [по: 2].

Фото 7. Портреты 1970-80 гг. 1 – артиллерист А.И. Айбабин на военных сборах в Царском Селе; 2 – старший научный сотрудник Феодосийского краеведческого музея, во дворе музея, январь 1973 г.; 3 – младший научный сотрудник Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР.

Фото 8. Визит О.И. Прицака в Крым в 1991 г. 1 – Эски-Кермен, слева направо: О.Й. Прицак, В.С. Рыбалкин, А.И. Айбабин; 2 – Ханский дворец, Бахчисарай, слева направо: В.А. Сидоренко, О.Й. Прицак, А.И. Айбабин; 3 – Меняются кабинеты, компьютеры, кресла… Неизменным остается он – А.И. Айбабин. За рабочим столом, 2015 г.

Фото 9. Совместный крымско-французский проект «Варвары на границах Империи». 1 – раскопки в Крыму, на могильнике у с. Лучистое, июль 1995 г. (слева направо: А.И. Айбабин, Э. Молодцов, Кристиан Пиле, Сесиль Ниель, Монсерра Сансильбано-Колилье, Жаклин Пиле-Лемьер); 2 – раскопки в Нижней Нормандии, в Эране, август 1996 г. (слева направо: С. Мульд, С. Завадский, В. Науменко, А.И. Айбабин, А.Г. Герцен, В. Власов, К. Пиле, В.А. Сидоренко).

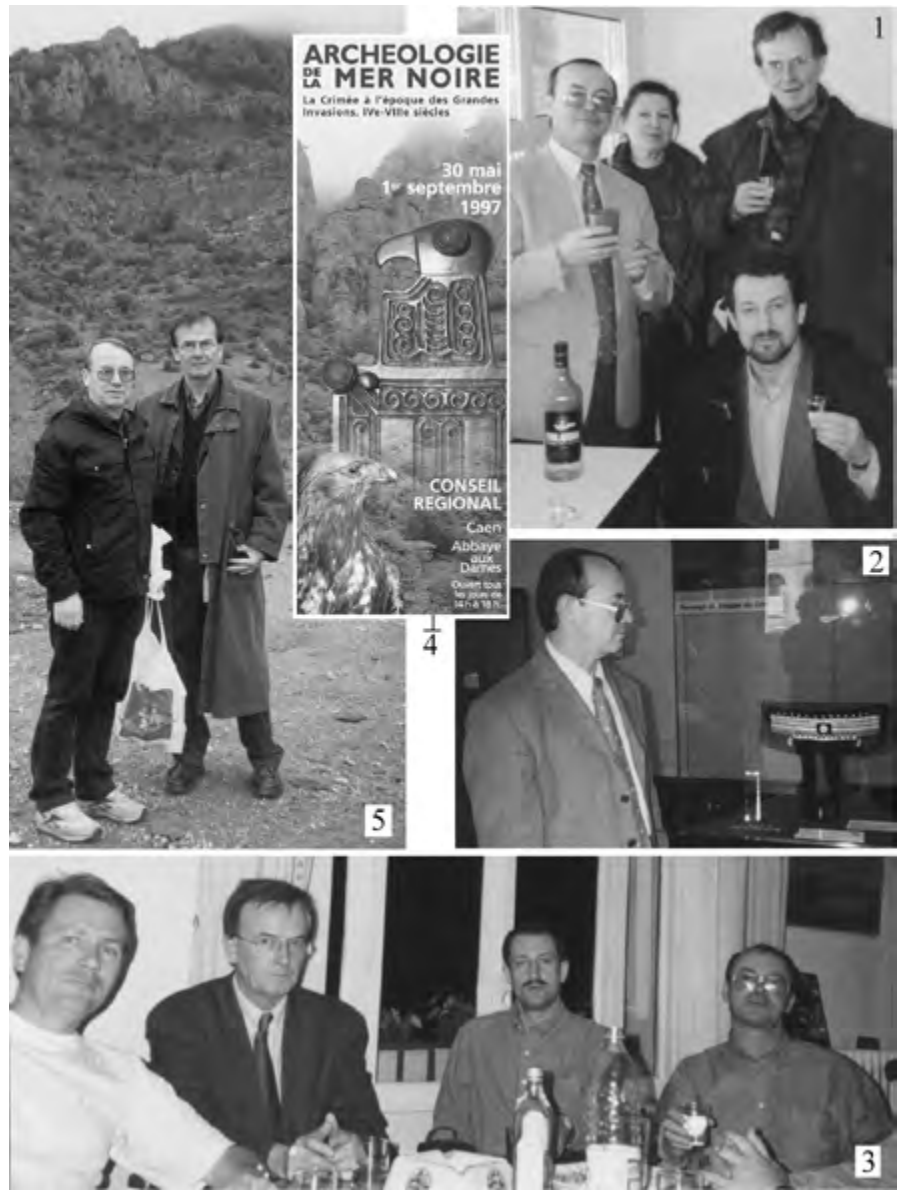


Фото 10. Совместный крымско-французский проект «Варвары на границах Империи». 1 – начало сотрудничества, после подписания договора в университете Кан-Нормандия (слева направо: А.И. Айбабин, Ж. Пиле-Лемьер, К. Пиле и М. Казанский); 2-4 – выставка «Археология Черного моря», организованная в 1997 г. в г. Кан по результатам совместных археологических раскопок (2 – А.И. Айбабин около центрального экспоната – золотой диадемы, найденной в 1995 г.; 3 – организаторы выставки С.В. Павличенко, К. Пиле, М. Казанский и А.И. Айбабин отмечают ее открытие; 4 – афиша выставки); 5 – по местам «былой славы», А.И. Айбабин и К. Пиле на могильнике у с. Лучистое, октябрь 2000 г.

1

2

Фото 11. Центр по изучению истории и цивилизации Византии (CNRS). Париж, улица Кардинала Лемуаня, 52. 1 – обсуждение очередной главы будущей монографии, 1996 г. (М. Казанский, К. Цукерман, А.И. Айбабин); 2 – у входа в Центр, 2005 г. (К. Цукерман, А. Нерссесян, А.И. Айбабин).

1

2

Фото 12. Участники международной конференции «Византия и Крым», проходившей в июне 1997 г. в г. Севастополе, во время экскурсии на плато Эски-Кермен. 1 – слева направо: Ж.-К. Шене, Н. Икономидис, Ж. Дагрон, Ф. Дайм и А.И. Айбабин; 2 – слева направо: А.И. Айбабин, Ф. Дайм, Ж.-К. Шене, М. Казанский, М. Мончиньска и Ж. Дагрон.

Фото 13. Международная конференция «Византия и Крым», проходившая в июне 1997 г. в г. Севастополе. 1 – экскурсия в Балаклаву, слева направо: Ф. Дайм, А.И. Айбабин и И. Йорданов; 2 – плато Эски-Кермен, А.И. Айбабин и Дж. Ховард-Джонсон; 3 – беседы в кулуарах, В.С. Шандровская и А.И. Айбабин.

Фото 14. Портреты конца 1990-х. 1 – дружеская беседа, А.И. Айбабин и К. Цукерман, Севастополь, июнь 1997 г.; 2 – встреча у окна в Эрмитаже, А.И. Айбабин и В. Кульчар, 1998 г.; 3 – Бельгия, 1997 г.

Фото 15. XX международный византийский конгресс в Париже, 2001 г. 1 – в фойе Сорбонны, А.И. Айбабин и А.Г. Герцен; 2 – с с любимыми ученицами Л.А. Голофаст и И.А. Завадской во дворе Сорбонны; 3 – закрытие конгресса, около ледяной фигуры, изображающей квадригу – символ конгресса, Э.А. Хайрединова и А.И. Айбабин.

Фото 16. Международные византийские конгрессы 2006 г. в Лондоне (1,2) и 2016 г. в Белграде (3). 1 – обсуждение докладов за бокалом вина: Г.Ю. Ивакин, К. Цукерман и А.И. Айбабин; 2 – «три богатыря» византинистики: В.П. Степаненко, Г.Ю. Ивакин и А.И. Айбабин; 3 – достойные представители российской византинистики: Т. В. Кущ, Э.А. Хайрединова, Н.А. Алексеенко, В.П. Степаненко, Е.В. Степанова и А.И. Айбабин.

Фото 17. Боспорские чтения. 1 – М.Ю. Вахтина, С.Д. Крыжицкий, В.Д. Письменный, А.И. Айбабин, 2001 г.; 2 – М. Казанский, А.И. Айбабин, В.Н. Зинько и Ю.А. Виноградов, 2018 г.; 3 – А.И. Айбабин с сыном, Е.А. Молев и Г.Ю. Ивакин, 2006 г.

Фото 18. Не счесть количество конференций, в которых принял участие А.И. Айбабин. 1 – Сен-Жермен-ан-Ле, 1992 г., слева направо: М. Мончиньска, К. Годловский, Л. Пекарская, Я. Тейлар, А. Айбабин, Б. Магомедов и А. Коковский; 2 – Стамбул, 2008 г., слева направо: французский коллега, Э. Хайрединова, А. Айбабин, М.-Ф. Озепи; 3 – Киев, 2014 г., слева направо: Г. Ивакин, К. Цукерман, А. Айбабин и М. Сагайдак.

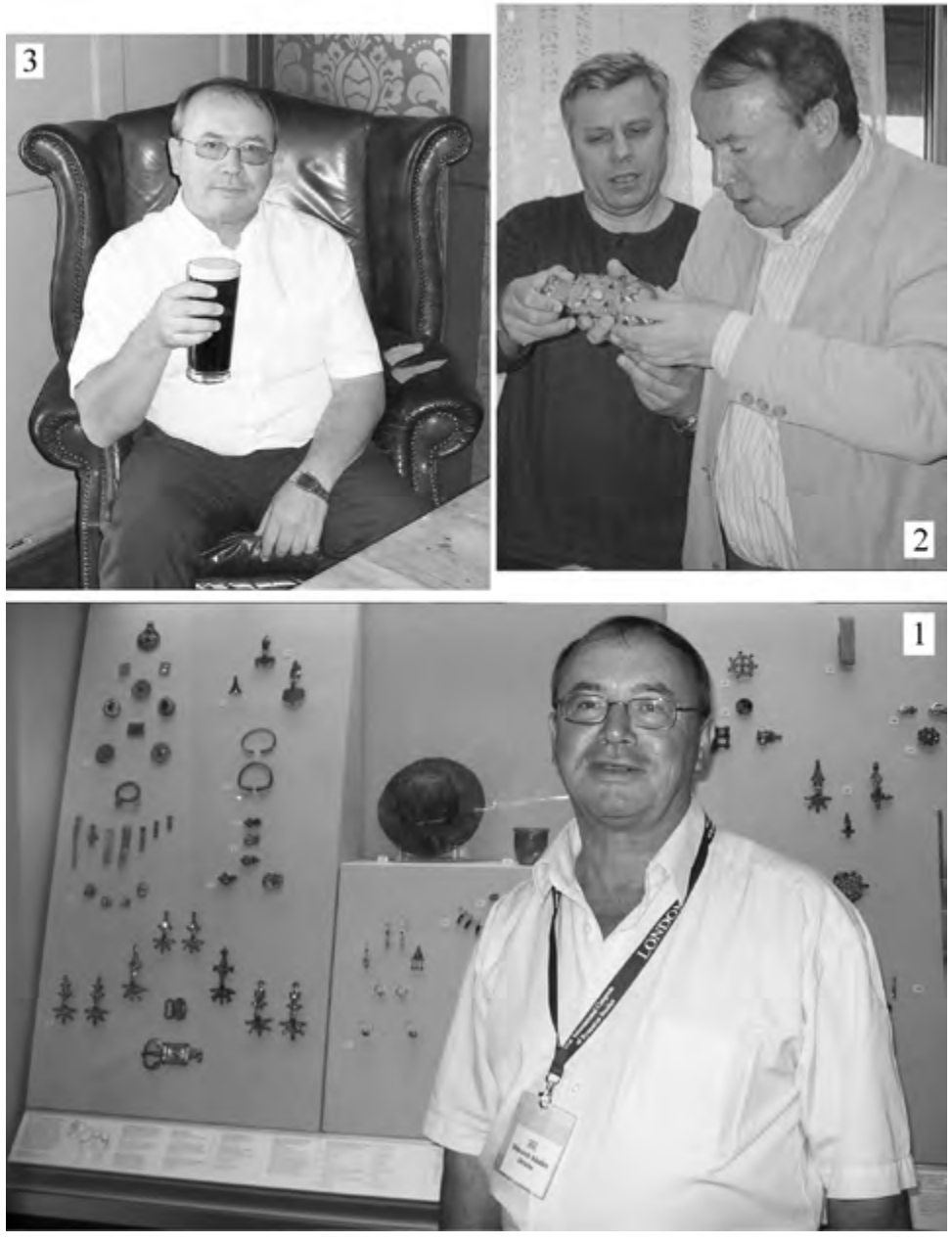


Фото 19. Экспертная деятельность. 1 – Британский музей, 2006 г., около витрины с вещами из коллекции Бертье-Делагарда, которые были определены А.И. в 1992 г.; 2 – Будапешт, 2005 г., определение вещей, незаконно вывезенных из Крыма; 3 – Лондон, Бейкер-стрит, д. 221-б, 2006 г., дегустация пива – тоже своего рода экспертиза, особенно когда сидишь в кресле Шерлока Холмса.

Фото 20. Международный проект «Готы в Крыму». 1 – Мангуп, А.И. Айбабин, Ф. Дайм и атташе по вопросам культуры посольства Германии в Украине, 2007 г.; 2 – Франкфурт, А.И. Айбабин и Ф. Дайм, 2007 г.; 3 – Трир, около мраморной копии ступни от статуи императора Константина, А.И. Айбабин, Ф. Дайм и Г.Ю. Ивакин, 2007 г.

Фото 21. Международная конференция «Византия в контексте мировой культуры», посвященная памяти А.В. Банк (Банковские чтения). 1 – с В.С. Шандровской; 2 – с Е.В. Степановой; 3 – слева направо: Н.А. Алексеенко, В.П. Степаненко, А.И. Айбабин, М.Г. Крамаровский, В.Н. Зинько.

Фото 22. Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис», г. Севастополь, Херсонес, 2010 и 2011 гг. 1 – слева направо: М.Н. Бутырский, Н.А. Алексеенко, Л.В. Седикова, А.И. Айбабин и С.Г. Рыжов; 2 – слева направо: Н.А. Алексеенко, А.И. Айбабин и Д.Е. Афиногенов.

1

2

3

Фото 23. Многое изменилось, неизменным остался берет. 1 – Рига, весна 1970 г.; 2 – Париж, Люксембургский сад, январь 2008 г.; 3 – Лондон, с Глебом Ивакиным на Тауэрском мосту, декабрь 2006 г.

1

2

3

Фото 24. Александр Ильич – удивительный человек: ему, одному из немногих, удается одновременно усидеть на трех стульях (1); в профессии он достиг небывалых высот (2) и накануне своего юбилея продолжает поражать нас своим трудолюбием и необычайной работоспособностью, все время двигаясь по своему пути (3).
(1 – раскопки могильника у с. Лучистое, 2015 г.; 2 – фотофиксация раскопа, городище на плато Эски-Кермен, 2018 г. У основания лестницы, слева направо: Б. Кадочников, Д. Ломакин, А. Умрюхин, М. Курганов, О. Шкедя; 3 – Главные ворота городища на плато Эски-Кермен, лето 2018 г.)

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА АЙБАБИНА

1971

1. К вопросу о взаимоотношениях среднеднепровской (пастырской) и среднедунайской культур в VI–VII вв. // Тезисы III-ей региональной студенческой археолого-этнографической конференции ВУЗов северо-запада СССР. – Рига, 1971. – С. 36–38.

1973

2. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. – 1973. – № 3. – С. 62–72.
3. Работы на территории средневековой Кафы // АО-1972. – М., 1973. – С. 251.

1974

4. Варварский рельеф из Феодосии // СА. – 1974. – № 3. – С. 248–249.
5. Подводная экспедиция в Коктебельском заливе // АО-1973. – М., 1974. – С. 237.
6. Стремена Перещепинского типа // СГЭ. – Л., 1974. – Вып. 39. – С. 32–34.

1975

7. Рец. на кн.: Аулих В.В. Зимновское городище. Киев, 1972 // СА. – 1975. – № 1. – С. 309–313.
8. Раскопки в пос. Курортный // АО-1974. – М., 1975. – С. 245–246. (в соавторстве с И.А. Барановым).
9. Атропоморфная пряжка из Эски-Керменского могильника // СГЭ. – Л., 1975. – Вып. 40. – С. 42–46.
10. Археологические раскопки на холмах Кордон-Оба // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. – Киев, 1975. – Ч. 3. – С. 113–114 (в соавторстве с И.А. Барановым).

1976

11. Стеклянные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма // СГЭ. – Л., 1976. – Вып. 41. – С. 27-30.
12. Раскопки в пос. Курортном // АО-1975. – М., 1976. – С. 292-293. (в соавторстве с И.А.Барановым).

1977

13. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. – 1977. – № 1. – С. 225–239.

14. Феодосийская экспедиция // АО-1976. – М., 1977. – С. 353–354 (в соавторстве с Б.Г. Петерс, Е.А. Айбабиной, Е.А. Катюшиным, Е.В. Коршуновой, А.Н. Паниным, Е.Ю. Расторгуевой, Е.А. Шинаковым).

1978

15. Античное погребение в Феодосии // КСИА. – 1978. – Вып. 156. – С. 80–84.
16. Раскопки могильника средневековой Фуны // АО-1977. – М., 1978. – С. 287–288.
17. Раскопки церкви Иоанна Богослова в г. Феодосии // АО-1977. – М., 1978. – С. 288–289 (в соавторстве с Е.А. Айбабиной).

1979

18. Погребения второй половины V – первой половины VI вв. в Крыму // КСИА. – 1979. – Вып. 158. – С. 22–34.
19. Раскопки Эски-Керменского могильника // АО-1978. – М., 1979. – С. 286–187.
20. Раскопки средневекового могильника в Судаке // АО-1978. – М., 1979. – С. 287–288 (в соавторстве с В.М. Долгополовым).
21. Раскопки средневековой армянской церкви Иоанна Богослова в Феодосии // Тезисы докладов IV Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении. – Ереван, 1979. – С. 8–9, 153–154 (в соавторстве с Е.А. Айбабиной).

1980

22. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1978–1979 гг. // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. – Киев, 1980. – С. 167–168.

1982

23. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсонесе // СА. – 1982. – № 3. – С. 190–198.
24. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи переселения народов V–VIII вв. – М.: Наука, 1982. – С. 165–192.

1983

25. Склеп 406 Скалистинского могильника // СА. – 1983. – № 4. – С. 213–218 (в соавторстве с Е.В. Веймарном).
26. Раскопки на холме Кордон-Оба // АО-1981. – М., 1983. – С. 239 (в соавторстве с И.А. Барановым).

1984

27. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. – 1984. – № 1. – С. 104–122.
28. Раскопки раннесредневековых могильников в Горном Крыму // АО-1982. – М., 1984. – С. 239–240.

1985

29. Погребение хазарского воина // СА. – 1985. – № 3. – С. 191–205.
30. Раскопки могильника у с. Лучистого // АО-1983. – М., 1985. – С. 255.
31. О хронологии пальчатых фибул днепровского типа из Крыма // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. – Киев, 1985. – С. 12–13.

1987

32. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 164–198.

1988

33. О хронологии пальчатых фибул днепровского типа из Крыма // Доклады V Международного конгресса славянской археологии. – Киев, 1988. – Т. 4. – С. 5–9.

1990

34. Келегейское погребение // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. – Херсон, 1990. – С. 9–10.
35. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. I. – С. 3–86, 175–241.

1991

36. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. II. – С. 43–51, 236–242.
37. О датировке раннесредневекового некрополя Боспора // Проблемы по археологии и истории Боспора. Тез. докл. конф. – Керчь, 1991. – С. 7–9.
38. Печенеги и половцы в Крыму // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. конф. – Симферополь, 1991. – С. 3–4.
39. Византийская политика в Крыму в IV–VII вв. // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. – М., 1991. – С. 19–20.
40. Келегейское погребение военного вождя // Проблеми на прабългарската история и култура. – София: Аргес, 1991. – Вып. 2. – С. 28–35.

1992

41. Jewellery manufacture in Crimean Gothia in the 6th–8th centuries // A Conference on Medieval Archaeology in Europe. Vol. V. Art and symbolism. – York, 1992. – P. 1–8.

1993

42. Скалистинский могильник. – Киев: Наукова думка, 1993. – 203 с. (в соавторстве с Е.В. Веймарном).
43. О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора (к публикации И.П. Засецкой) // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 22.
44. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 121–133, 365–383.
45. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV–VI вв. // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 206–211, 388–392.
46. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 211–222 (в соавторстве с А.Г. Герценом, И.Н. Храпуновым).
47. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmèrien et dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIIe s. // Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens. – Saint-Germain-en-Laye, 1993. – P. 163–170.

1994

48. Памяти Анатолия Константиновича Амброза // МАИЭТ. – 1994. – Вып. IV. – С. 7–22 (в соавторстве с С.А. Плетневой).

49. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. – 1994. – Вып. IV. – С. 89–131.
50. Комплексы с большими двупластинчатыми фибулами из Лучистого // МАИЭТ. – 1994. – Вып. IV. – С. 132–172.
51. Некоторые проблемы этногенеза христианского населения средневекового Крыма // Российское византиноведение: итоги и перспективы. Тез докл. конф. – СПб., 1994. – С. 7–8.
52. Византия и Крым в IV–IX вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье. Тез. докл. конф. – Симферополь, 1994. – С. 3–4.
53. I Goti in Crimea (secoli V–VII) // I Goti. – Milano: Elekta, 1994. – P. 110–113, 129–135.

1995

54. Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1992–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь: Таврия, 1995. – С. 125–135 (в соавторстве с В.Ю. Юрочкиным).
55. Le migrazioni dei popoli. Gli Alani, i Goti e gli Unni // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. – Rimini, 1995. – P. 156–170.
56. I Bulgari e i Cazari // Dal mille al mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. – Milano: Electa, 1995. – P. 171–177.
57. Peceneghi e Polovcy in Crimea // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. – Milano: Electa, 1995. – P. 211–225.
58. Les tombes de chefs nomades en Crimée de la fin du IVe siècle au VIe siècle // Le noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Mémoire publiées par Association Française d'Archéologie Mérovingienne. T. IX. – Saint-Germain-en-Laye, 1995. – P. 156–170.

1996

59. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V. – С. 85–93 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
60. Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V. – С. 290–303.
61. Population de Crimée au milieu du IIIe et IVe siècle // L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe recontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. – Valbonne, 1996. – P. 13–39.
62. Ethnic history of Byzantine Crimea (the first half of the 3d–7th centuries) // Byzantium: Identity, Image, Influence. Abstracts of communications. – Copenhagen, 1996. – P. 3114.

1997

63. Исследование раннесредневекового могильника у с. Лучистое // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 14–15 (в соавторстве с С.А. Мульдом, Э.А. Хайрединовой).
64. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Тез. докл. конф. – Симферополь, 1997. – С. 5–9.
65. La Crimée de la l'Antiquité tardive et du haut Moyen Age (milieu du IIIe–IXe s.) // Archéologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époques des Grandes Invasions, IVe–VIIIe siècles. – Caen, 1997. – P. 41–57.
66. La nécropole de Loutchistoe // Archéologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époques des Grandes Invasions, IVe–VIIIe siècles. – Caen, 1997. – P. 67–78 (в соавторстве с E. Khairedinova).

67. La nécrople d'Eski-Kermen // Archéologie de la Mer Noire. La Crimée à l'époques des Grandes Invasions, IVe–VIIe siècles. – Caen, 1997. – P. 79–82 (в соавторстве с E. Khairedinova).

1998

68. Новые данные о начале хазарского господства в Крыму // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. – СПб., 1998. – С. 114–116.
69. Предисловие // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI. – С. 5.
70. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI. – С. 274–311 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).

1999

71. О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет Черняховской культуре. – Киев, 1999. – С. 242–251.
72. Проблемы этнической истории средневекового Крыма // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999. – С. 3–10.
73. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь: Дар, 1999. – 352 с.
74. Les ensembles clos de la phase initiale de la nécropole de Loutchistoe en Crimée // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. – Brno, 1999. – P. 275–308 (в соавторстве с E.A. Khairedinova).
75. Hunnen, Alanen und Goten, Chasaren und Polowzen // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. – Heidelberg, 1999. – S. 56–75.
76. Das Gräberfeld von Lutschistoe // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. – Heidelberg, 1999. – S. 134–148 (в соавторстве с E. Chajredinowa).
77. Die Befestigung und das Gräberfeld von Eski-Kermen // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. – Heidelberg, 1999. – S. 148–151 (в соавторстве с E. Chajredinowa).
78. Das Gräberfeld von Usen-Basch // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. – Heidelberg, 1999. – S. 152.

2000

79. Предисловие // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VII. – С. 3–6.
80. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VII. – С. 168–185.
81. Un nouvel ensemble de fibules digitées provenant de la nécropole de Loutchistoe // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Age. – Leiden, 2000. – P. 65–87 (в соавторстве с E. Khairedinova).
82. Les fouilles de la nécropole de Lutchistoe (IVe–VIIe s.), Crimée, Ukraine // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Age. – Leiden, 2000. – P. 53–64 (в соавторстве с C. Pilet, M. Kazanski, E. Khairedinova).

2001

83. Новые ранние комплексы из могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. – 2001. – Вып. VIII. – С. 74–90 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
84. К вопросу о «новом» комплексе из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. – 2001. – Вып. VIII. – С. 518–524 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
85. К 75-летию Светланы Александровны Плетневой // МАИЭТ. – 2001. – Вып. VIII. – С. 525–527.
86. К 60-летию Олега Михайловича Приходнюка // МАИЭТ. – 2001. – Вып. VIII. – С. 528.

87. Памяти Игоря Авенировича Баранова // МАИЭТ. – 2001. – Вып. VIII. – С. 529.
88. Склеп эпохи «Великого переселения народов» на могильнике близ села Лучистое в Крыму // Средневековые древности Евразийских степей. – Воронеж, 2001. – С. 24–31.
89. Боспор в конце VI–VII вв. // II Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, 2001. – С. 5.
90. New early assemblages from Luchistoe cemetery in the Crimea // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1–5 centuries A.D. – Aszod-Nyiregyhaza, 2001. – P. 249–266 (в соавторстве с E. Khairedinova).
91. Rural Population on the northern Border of the Byzantine Empire in the Mountain Crimea (6th–9th c.) // XXe congrès international des etudes Byzantines. Pré-actes. II. Tables rondes. – Paris, 2001. – P. 13.

2002

92. К десятилетию Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины // МАИЭТ. – 2002. – Вып. IX. – С. 3–8.
93. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого // МАИЭТ. – 2002. – Вып. IX. – С. 37–52.
94. Памяти Александра Вильямовича Гадло // МАИЭТ. – 2002. – Вып. IX. – С. 634–635.
95. Варвары на рубежах Римской империи // Диалог. – Киев, 2002. – Вып. 2. – С. 54–57 (в соавторстве с К. Пиле).
96. Варвары на границах римской империи в Нормандии и Крыму в эпоху Великого переселения народов // БИ. – 2002. – Вып. II. – С. 5–18 (в соавторстве с К. Пиле).
97. На окраине византийской цивилизации // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. – Алушта, 2002. – С. 30–33.
98. О хронологии некрополя Боспора VI–VII вв. // III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 5–8.
99. Этнический состав сельского населения европейского Боспора в позднеримский период // Материалы международной научной конференции «Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища». – СПб., 2002. – Ч. 1. – С. 197–200.

2003

100. К публикации X выпуска МАИЭТ // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 3–4.
101. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 277–306.
102. Крым в середине III – начале VI века (период миграций) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М.: Наука, 2003. – С. 10–26. (Археология: в 20-ти т.).
103. Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. – М.: Наука, 2003. – С. 27–30, 40–52.
104. Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. – М.: Наука, 2003. – С. 55–67.
105. Крым в X – первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. – М.: Наука, 2003. – С. 68–145.
106. Раскопки зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Па-

мяти В.В. Шкорпила. – Керчь, 2003. – С. 7–11 (в соавторстве с И.В. Ачкинази, Л.А. Голофаст).

107. Zur Datierung des germanischen Einfalls auf der Krim // Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dan 4. Jahrhundert nach Christus. – Neumünster, 2003. – S. 65–78.

2004

108. Новые находки первой половины V в. из раскопок могильника у с. Лучистое // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Этнические процессы. – Керчь, 2004. – С. 5–7 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
109. A belt set of pointed desing from Luchistoe // Monumenta Studia Gotica. – Lublin, 2004. – IV. – P. 13–25.

2005

110. Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – 2005. – Вып. XI. – С. 289–313 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
111. Памяти Олега Михайловича Приходнюка // МАИЭТ. – 2005. – Вып. XI. – С. 611–612.
112. Євреї в античному і ранньосередньовічному Криму // Нариси з історії та культури євреїв України. – Київ, 2005. – С. 7–16.
113. On Byzantium's northern border: the rural population of the mountainous Crimea in the 6th to 9th centuries // Les villages dans I'Empire byzantin (IV–XV siècle). – Paris, 2005. – P. 415–424.

2006

114. К 80-летию Светланы Александровны Плетневой // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – С. 5–6.
115. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – С. 615–626.
116. Памяти Игоря Вениаминовича Ачкинази // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – С. 724–726 (в соавторстве с И.А. Завадской).
117. Ранние комплексы с так называемыми «днепровскими» фибулами из Лучистого // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Тез. докл. междунар. науч. конф. – СПб., 2006. – С. 11.
118. Оборонительные стены городища Эски-Кермен // Византия в контексте мировой культуры. Тезисы докладов научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А.В. Банк. – СПб., 2006. – С. 3.
119. Византийская политика в Крыму в конце VI в. // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос. – Керчь, 2006. – С. 5–6.
120. Византийские источники о Готской епархии на территории Хазарии // In Situ. К 85-летию профессора А.Д. Столяра. – СПб., 2006. – С. 228–236.
121. A Byzantine fortress on Eski-Kermen Mountain in Crimea // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies, London, 21-26 august 2006. – London, 2006. – Vol. III. – P. 75.
122. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman. – Paris, 2006. – P. 31–65.

123. Cities and Steppe of the Crimea in the Thirteenth and Fourteenth Centuries According to the Archaeological Data // Der Codex Cumanikus in der Forschungsgeschichte. Il Codice Cumanico e il suo mondo. – Roma, 2006. – P. 297–334.

2007

124. Христианизация крымских готов // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 5–6.
125. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – 2007. – Вып. XIII. – С. 129–150.
126. Новая иудейская манумиссия из Пантикапея // БИ. – 2007. – Вып. XVII. – С. 121–127 (в соавторстве с В.А. Сидоренко).

2008

127. Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. – Керчь, 2008. – С. 5–8 (в соавторстве с А.В. Смокотиной, Э.А. Хайрединовой).
128. О времени сооружения оборонительных стен городища Эски-Кермен // ТГЭ. – 2008. – Вып. XLII. Византия в контексте мировой культуры. – С. 314–328.
129. Crimea in Late Antiquity // Rome the barbarians. The birth of a new world. – Milano: Skira, 2008. – P. 286–289.
130. The Necropolis of Kertch // Rome the barbarians. The birth of a new world. – Milano: Skira, 2008. – P. 290–293.
131. The Necropolis of Lucistoe // Rome the barbarians. The birth of a new world. – Milano: Skira, 2008. – P. 294–296.
132. The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. – London, 2008. – 169 p. (в соавторстве с J. Andrási).
133. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. – Симферополь; Керчь, 2008. – 336 с. (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой). (Боспорские исследования. Suppl. 4).
134. Предисловие // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму. – Симферополь, 2008. – С. 3–4.

2009

135. Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007–2008 гг. // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. – Керчь, 2009. – С. 15–16 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
136. Римская воинская пряжка из Лучистого // МАИЭТ. – 2009. – Вып. XV. – С. 15–25 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
137. Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. – Киев; Харьков, 2009. – Т. 8. – С. 67–88.
138. Ранневизантийский Херсонес – Херсон // XIII сходознавчі читання А. Кримського. – Київ, 2009. – С. 55.
139. Das Gräberfeld beim Dorf Lučistoe Ausgrabungen der Jahre 1977, 1982–1984. – Mainz, 2009. – 380 s. (в соавторстве с E.A. Chajredinova). (Monographien RGZM. Bd. 83).
140. Chronology of Complexes Dating back to the 6th–7th Centuries from the Cemetery near the Village of Luchistoye // Studia Antiqua et medievalia. – Bucuresti, 2009. – P. 27–68 (в соавторстве с E.A. Khairedinova).

141. Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. – 2009. – Вып. 39. – С. 60–70.

2010

142. Die Siedlung Eski-Kermen auf der Krim // Byzanz. Pracht und Alltag. – Bonn; München, 2010. – S. 311–313.
143. Die Nekropole bei dem Dorf Lučistoe // Byzanz. Pracht und Alltag. – Bonn; München, 2010. – S. 314–316.
144. Римская воинская пряжка из Лучистого // Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin. – Lodz; Warszawa, 2010. – P. 509–516 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой). (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. T. II).
145. На северной границе Византии: страна Дори-Готия в VI–X вв. // Орієнтальні студії в Україні. – Київ, 2010. – С. 49–57.
146. Ранневизантийский Херсонес–Херсон // ТГЭ. – 2010. – Вып. LI. Византия в контексте мировой культуры. – С. 353–379.
147. Византия и Крым (истории взаимоотношений в конце IV–VII вв.) // Східний світ. – Київ, 2010. – № 4. – С. 15–32.
148. Das frühbyzantinische Chersonesos/Cherson // F. Daim, J. Drauschke (Hrsg.), Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. – Mainz, 2010. – S. 397–423. (Monographien RGZM. Bd. 84,2,1).
149. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. – 2010. – Вып. XVI. – С. 214–239.

2011

150. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. – Mainz, 2011. – 318 S. (Monographien RGZM. Bd. 98).
151. Элементы скандинавского звериного стиля на фибулах из Лучистого // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. – Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House, 2011. – P. 7–10.
152. Антропоморфна бляшка з розкопок у фортеці Ескі-Кермен // Археологія. – Київ, 2011. – № 4. – С. 89–90.
153. The Byzantine city of Chersonesos in Crimea in the 4th–7th centuries // Russia and the Mediterranean. Vol. A. – Athens, 2011. – P. 111–132.
154. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – 2011. – Вып. XVII. – С. 422–457 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).

2012

155. Раскопки нового рыбозасолочного комплекса в г. Боспор // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь 2012. – С. 5–6.
156. Византийский город на плато Эски-Кермен во второй половине IX–XI вв. // IV Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». – Севастополь, 2012. – С. 5.
157. Крымская Готия в конце VIII–IX вв. // Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тез. докл. и сообщ. – Бахчисарай, 2012. – С. 5–6.
158. Раскопки квартала XII–XIII вв. на плато Эски-Кермен // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Международная научная конференция к 185-летию начала раскопок в Херсонесе. – Севастополь, 2012. – С. 8–9.

159. Early Byzantine Military Fibulas with Returned Food from South-Western Crimea // Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Veroffentlichungen des Deutschen Archaologischen Instituts Istanbul. – Istanbul, 2012. – P. 407–415. (Byzas 15).

2013

160. Предметы христианского культа из раскопок 2003–2008 годов на городище Эски-Кермен // ТГЭ. – 2013. – Т. LXIX. Византия в контексте мировой культуры. – С. 7–21 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
161. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. – 2013. – Вып. XVIII. – С. 277–315.
162. Византийские источники о Крымской Готии в конце VIII – XI вв. // Українське джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни на порозі XXI ст. – Львів, 2013. – С. 151–156.
163. Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. – Mainz, 2013. – S. 165–222. (Monographien RGZM. Bd. 113).
164. К вопросу о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // Проблеми джерелознавства, історіографії та історії сходу. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-річчю з дню народження професора Вольфа Менделевича Бейліса. – Луганск, 2013. – С. 14–19.
165. К вопросу о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013. – С. 11–17.
166. Предметы христианского культа из раскопок 2003–2008 гг. на городище Эски-Кермен // V Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». – Севастополь, 2013. – С. 6–9 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
167. Роль христианства в ассимиляционных процессах в горном Крыму // Византия – Русь. Свято-Владимирские чтения, посвященные 1025-летию Крещения Руси. Тез. докл. и сообщ. – Севастополь, 2013. – С. 4–5.
168. Ранневизантийский Боспор в VI–VII вв. // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Симферополь: Антиква, 2013. – С. 6–7.
169. Written Sourceson Byzantine Ports in the Crimea from the Fourth to Seventh Century // OLKAS: From the Aegean to the Black Sea. Medieval Ports in the Maritime Routes of the East. – Thessalonike, 2013. – P. 57-67.
170. Готия во второй половине IX – XII вв. // Сфрагистический меридиан: КИЇВ – КОРСУНЬ / ХЕРСΩN – KΩNCTANTINOУПОЛIС: материалы международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике. – Севастополь, 2013. – С. 20–22.

2014

171. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 199–1995 гг. – Симферополь; Керчь, 2014. – 400 с. (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой). (Боспорские исследования. Suppl. 14).
172. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. – 2014. – Вып. XIX. – С. 240–277.
173. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // АДСВ. – 2014. – Вып. 42. – С. 215–227.

174. К дискуссии о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму // Хазарский альманах. – Киев; Харьков, 2014. – Т. 12. – С. 161–174.
175. Поливная керамика из слоя разрушения на плато Эски-Кермен XIII в. // Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации». – Севастополь, 2014. – С. 8–11.
176. Экономика городища Эски-Кермен в XIII в. // VI Международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». – Севастополь, 2014. – С. 5–7 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).

2015

177. Еще об одной версии локализации области Дори // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015. – С. 11–14.
178. О гарнизоне Римской империи в Херсонесе в IV в. // VII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». – Севастополь, 2015. – С. 15–18.
179. Плитовые могилы с высеченными крестами // БИ. – 2015. – Вып. XXXI. – С. 354–378 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
180. Металлические изделия из слоя пожара второй половины XIII в. на городище Эски-Кермен // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной. – Киев, 2015. – С. 393–415 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой). (Археологический альманах. № 32).
181. О локализации области Дори // МАИЭТ. – 2015. – Вып. XX. – С. 311–332.
182. Византийский сельскохозяйственный инвентарь из раскопок на Эски-Кермене // ТГЭ. – 2015. – Вып. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. – С. 352–368 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
183. Квартальные часовни Эски-Кермена // Международная научная конференция «II Свято-Владимирские чтения», посвященная 1000-летию памяти святого равноапостольного князя Владимира. Севастополь, 24-29 июля 2015 г. – Севастополь, 2015. – С. 6–7.

2016

184. Византийские порты в Крыму в IV–VII вв. // БИ. – 2016. – Вып. XXXIII. – С. 186–209.
185. Аланы и германцы в Боспорском царстве во второй половине III в. // АДСВ. –2016. – Вып. 44. – С. 10–23.
186. Боспорское царство в последней четверти III – третьей четверти IV вв. // МАИЭТ. – 2016. – Вып. XXI. – С. 300–311.
187. О дате миграции хазар в регион между Каспием и Черным морем // Известия на Националния археологически институт. – София, 2016. – XLIII. – С. 174–181.
188. Еврейская община в позднеантичном Пантикапее и раннесредневековом Боспоре // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. – Керчь, 2016. – С. 12–15.
189. Архонтии и климаты Херсона в Юго-западном Крыму // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». – Севастополь, 2016. – С. 6–8.

190. Предварительные итоги археологических исследований городища Эски-Кермен в 2016 г. // IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тез. докл. и сообщ. – Бахчисарай, 2016. – С. 4–5 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
191. Исследования могильника у с. Лучистое в 2015 г. // МАИЭТ. – 2016. – Вып. XXI. – С. 135–173 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
192. Юго-Западный Крым под властью Византии в конце VI–VII вв. // Крым: проблемы истории. Сборник статей / Отв. ред. А.В. Юрасов. – М.: Индрик, 2016. – С. 31–42.
193. Fortresses of Gothia in the Crimea in the Eighth and Ninth Centuries // Proceedings of the 23st International Congress of Byzantine Studies, Belgrad, 22-27 august 2016. Thematic Sessions of Free Communications. – Belgrad, 2016. – P. 378–379.

2017

194. О нападении гуннов на Боспор в конце IV в. // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. – Керчь, 2017. – С. 11–15.
195. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). – Симферополь: Антиква, 2017. – 368 с. (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
196. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI в. // IX Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». – Севастополь, 2017. – С. 17–19.
197. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22. № 5. – С. 38–45.
198. Архонтии, климаты и крепости в Юго-Западном Крыму в VII веке // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. – Київ: Лаурус, 2017. – С. 13–23.
199. Хазарская Сугдея // МАИЭТ. – 2017. – Вып. XXII. – С. 306–310.
200. А.В. Гадло об истории Крыма под властью хазар // Археология и этнография Кавказа и Крыма: тезисы докладов научной конференции, Санкт-Петербург, 6-8 апреля 2017 г. – СПб., 2017. – С. 9–11.
201. Особенности городской застройки XIII в. на плато Эски-Кермен // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна: тезисы докладов и сообщений научной конференции. – Бахчисарай, 2017. – С. 5–6 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
202. Крымские готы страны Дори (середина III–VII вв.): итоги и перспективы исследований // Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Симферополь, 2017. – С. 6–10 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой, Д.А. Шалыгой).
203. Крым в период германских и аланских миграций. Середина III–IV в. // История Крыма: в 2-х т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. – М.: Кучково поле, 2017. – Т. I. – С. 151–182.
204. Крым в эпоху Великого переселения народов // История Крыма: в 2-х т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. – М.: Кучково поле, 2017. – Т. I. – С. 182–200.
205. Крым в VI–VII вв. // История Крыма: в 2-х т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. – М.: Кучково поле, 2017. – Т. I. – С. 201–235.
206. На границе Византийской империи и Хазарского каганата. Конец VII – IX в. // История Крыма: в 2-х т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. – М.: Кучково поле, 2017. – Т. I. – С. 236–265.

207. Таврика в X – первой половине XIII в. Херсон // История Крыма: в 2-х т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. – М.: Кучково поле, 2017. – Т. I. – С. 266–276 (в соавторстве с А.Г. Герценым, В.В. Майко).
208. Ранневизантийский Боспор // ТГЭ. – 2017. – Вып. LXXXIX. Византия в контексте мировой культуры. – С. 140–150.

2018

209. Миф о таврах в этнической истории средневекового Крыма // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. – Симферополь; Керчь, 2018. – С. 10–11.
210. Neuer gotischer Fundkomplex aus dem Gräberfeld beim Dorf Lučistoe // Studia Barbarica. For professor Andrzej Kokowski on his 65th Birthday. – Lublin, 2018. – S. 396–407 (в соавторстве с E.A. Chajredinova).
211. Средневековый некрополь у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». – Севастополь; Симферополь, 2018. – С. 19–22 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
212. Византийские владения в Юго-Западном Крыму в раннее Средневековье // Византийский мир: реалии и интерпретации. Тезисы докладов XIV научных Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2018. – С. 3–6 (в соавторстве с Э.А. Хайрединовой).
213. О дате образования Крымской Готии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23. № 5. – С. 71–78.
214. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – 2018. – Вып. XXIII. – С 278-305.

АРХЕОЛОГИЯ

А. В. ЗИНЬКО
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ЯКОРНЫХ СТОЯНОК ДРЕВНИХ СУДОВ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ[1]

Аннотация: Крупнейшая якорная стоянка на Боспоре Киммерийском, функционировавшая с эпохи античности до нового времени, расположена в полосе рифов мыса Панагия, который в современных лоциях является географической точкой, определяющей юго-восточные пределы (границу) акватории Керченского пролива. Подводные исследования этого района в 2015–2017 гг. были осуществлены Боспорской подводно-археологической экспедицией Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского и Центра археологических исследований Фонда «Деметра». В результате подводно-археологических разведок у мыса Панагия было обследовано более 7 га площади дна пролива в пределах нескольких полигонов, приуроченных к ключевым скалам рифа. Был открыт большой объем нового археологического материала, характеризующего развитие мореплавания на Боспоре в античное и византийское время.

Ключевые слова: Керченский пролив, мыс Панагия, мыс Тузла, гряда Меньшикова, подводные разведки, кораблекрушения, якорные стоянки античных судов, керамика, античные якоря, памятник античной навигации, античные морские коммуникации.

Подводные археологические исследования в акватории Керченского пролива всегда были обусловлены, в первую очередь, какими-либо строительными работами. Многочисленность морских портов в современной Керчи, оживленность судоходного канала и наличие якорных стоянок в Керченском проливе требуют периодического обследования дна для проведения подводных работ (дноуглубительные работы, реконструкция предприятий, сооружение глубоководных набережных и т.д.). Эти работы, хоть в большинстве случаев не сопровождались научными исследованиями, но практически всегда давали какой-либо археологический материал.

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

Этот факт не мог не остаться без внимания исследователей, так как на протяжении тысячелетий Керченский пролив, в древности Боспор Киммерийский, являлся оживленной морской артерией, по которой проходили торговые пути, связывающие цивилизации Средиземноморья с кочевниками Евразии. В VI в. до н.э. на берегах Боспора древние греки основывают многочисленные поселения, часть из которых в настоящее время оказалась на морском дне из-за поднятия уровня моря. Древние суда доставляли различные товары с материковой и островной Греции, из эллинских городов южного и восточного побережья Понта (Черного моря). Велась внутренняя морская торговля между различными городами Боспорского царства, расположенными на островах азиатской части и в Азовском море (древняя Меотида). Был также значительный флот небольших рыболовецких суден, которые добывали в проливе огромное количество рыбы. Все это способствовало накоплению в акватории Керченского пролива значительного количества объектов подводного культурного наследия античной и византийской эпох.

Научное изучение этих объектов спорадически стало проводиться лишь с 30-х гг. XX века [9, с. 172–177]. Позднее, в середине XX века были проведены подводные археологические исследования в Керченском проливе, организованные Институтом археологии АН СССР под руководством профессора В. Д. Блаватского [3, с. 73–79], и исследование затопленной части античного городища Акры К. К. Шиликом. Здесь же стоит отметить и спорадические находки, сделанные керченскими аквалангистами при проведении различных водолазно-технических работ. Так, во время проведения очередных спусков под воду водолазы зафиксировали между Павловской бухтой и косою Тузла несколько античных и средневековых кораблей и часть каменного заграждения, сооруженного русскими военными в XIX в. [Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Оп. 1. Ед. хр. 883. 23 л.]. Работы возле косы Тузла подтвердили гипотезу о том, что во все исторические периоды островок использовали для стоянки кораблей. Об этом свидетельствовали развалы античного керамического материала, разновременные якоря, затонувшие буи, авиабомбы, корабельные инструменты и прочее. Части еще одного корабля XIX в. были исследованы в районе мыса Ак-Бурун.

В свете недавних международных событий Керченский пролив стал зоной активного строительства и проведения различных дноуглубительных работ. Реализация государственных проектов, таких как «Транспортный переход через Керченский пролив», «Энерго-мост» и «Газовый переход через Керченский пролив», сопровождались не только наземными, но и подводными археологическими разведками, а затем и масштабными археологическими раскопками, принесшими множество новых научных открытий как на суше, так и под водой.

Остановимся на одном из таких подводных объектов, впоследствии исследованном сотрудниками Института археологии РАН С. В. Ольховским и А. В. Степановым. В ходе реализации мостового перехода Керчь–Тамань автором статьи в 2014 г. были предоставлены московским коллегам материалы о «керамическое поле» (объект Белый-3) в районе мыса Ак-Бурун Керченского полуострова. Применяя дорогостоящее оборудование, они интерпретировали скопление керамики на дне акватории вблизи мыса Ак-Бурун как длительную якорную стоянку [12, с. 134]. В защиту своей гипотезы авторы выдвинули три фактора: удобное местоположение под прикрытием высокого мыса и рифовой гряды; свидетельства древних авторов о переправе на Азиатскую сторону Боспора через мыс Ак-Бурун; значительное количество крупных фрагментов разновременной керамики на поверхности дна и в толще донных отложений [13, с. 356].

Проанализировав детально природно-географические факторы и учитывая сложившуюся столетиями розу ветров с преобладающим северо-восточным ветром, можно констатировать, что западная часть Керченской бухты, где и локализуют выше упомянутые исследователи якорную стоянку, наиболее опасное, с точки зрения навигации, место для стоянки судов. Даже упомянутая рифовая гряда, которая состоит из плотного мергеля и уходит под водой от мыса Ак-Бурун в восточном направлении, никак не может быть укрытием от непогоды. Она состоит из плотной осадочной породы камня – мергеля. Видимая под водой часть мергелевой складки обнажилась в результате абразии более рыхлых известняковых пород, лежавших в верхнем геологическом горизонте мыса Ак-Бурун. Формирование современного вида отмели происходило в условиях постоянного гидродинамического воздействия моря. Да и какой смысл организовывать в западной части Керченской бухты якорную стоянку для перегрузки, когда в 1,5 милях на север в этой же бухте находилась гавань Пантикапея с портовыми сооружениями.

Касаемо так подробно и не рассмотренных московскими исследователями керамического поля свидетельств древних авторов о переправе на Азиатскую сторону Боспора через мыс Ак-Бурун, можно с уверенностью утверждать лишь о переправах скифов в Синдику в V в. до н.э. по льду, описанную Геродотом. Однако в своем свидетельстве древний автор не указал ни точного места, ни точного количества этих переправ.

Керамическое поле (объект Белый-3) в акватории мыса Ак-Бурун сформировалось в результате складирования перемещенных сюда на баржах в 1970-х гг. иловых отложений, поднятых в результате дноуглубительных работ в районе Судоремонтного завода г. Керчи, а точнее в местах швартовки плавучих доков. Отсюда и такой разброс разновременной керамики, и ее залегание на дне вместе с современным промышленным мусором (фрагменты рваных кабелей, ржавые бочки, кастрюли, целые и битые стеклянные банки и бутылки) [4, с. 38; 5, с. 140; 6, с. 19–29]. В этом районе к северу от Генуэзского мола всеми исследователями и локализуется главная гавань Боспорского царства, а также портовые сооружения Пантикапея, а затем византийского Боспора [2, с. 25–26; 1, с. 190; 7, с. 180–181].

Крупнейшая якорная стоянка на Боспоре Киммерийском расположена на противоположном берегу Керченского пролива в районе мыса Панагия (рис. 1). Здесь располагается якорная стоянка судов эпохи античности, средневековья и нового

времени, расположенная в полосе рифов мыса Панагия, который в современных лоциях является географической точкой, определяющей юго-восточные пределы (границу) акватории Керченского пролива [8, с. 167–180]. Мыс расположен в 12 км к юго-западу от станицы Тамань. Для судов, входящих в пролив, он является навигационным ориентиром, по которому легко определяется их безопасное положение относительно подводных скал, окаймляющих мыс с запада. Мыс заметен по группе надводных скал и камней, лежащих вблизи берега, а также по горе Зеленского, находящейся в 4,5 км к востоку. Надводные камни вблизи мыса – это вершины подводных скал-останцев, которые тянутся под водой цепочкой в широтном направлении на 3,3 км. Полоса этих скал, стоящих в 40–50 м друг от друга, шириной 200–250 м, носит название рифа Трутаева.

Подводные исследования этого района в последние годы были организованы и осуществлены Боспорской подводно-археологической экспедицией Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского и Центра археологических исследований Фонда «Деметра». Работы продолжались в течение трех лет в 2015–2017 гг. Методы разведок определялись по основным задачам работ и гидрологическим условиям в этой акватории пролива. Вначале были выявлены наиболее перспективные участки рифа и на них проведены предварительные осмотры дна. Таких участков было шесть, они располагались у ключевых подводных скал, вершины которых были видны с поверхности моря. На этих вершинах в точках их минимальных глубин устанавливались яркие буи на тяжелых якорях. Буи фиксировались прибором спутниковой навигации, а их якоря служили опорной точкой для закрепления нулевой марки мерной (базовой) линии батиметрической сетки, которая растягивалась на дне в нужном направлении. Перпендикулярно базовой линии по точкам ее градации смещались ленты геодезических рулеток, по ним ориентировались водолазы при осмотрах дна. Находки фиксировались относительно опорной точки на вершине скалы по расстоянию, азимуту и глубине. Таким способом в 2015 г. были обследованы шесть участков общей площадью 1 га, при этом обнаружено 39 артефактов, большая часть которых представляла каменные и свинцовые детали якорного снаряжения античных судов. Наиболее представительная их часть была открыта по основной полосе рифа на удалении 1,5 км и 2,85 км от вершины мыса.

В центре рифа обнаружена небольшая группа якорных деталей, которая состояла из двух якорных камней и двух свинцовых штоков. Якорные камни находились на дне с разных сторон скалы – один на ее склоне, другой у основания. Больший якорный камень весом 35,5 кг, названный условно «брусом», лежал на глубине 6 м с западной стороны на террасе волноприбойной ниши. Свинцовые штоки найдены на глубине 10 м в 46 м к ССВ от вершины скалы, они покоились на юго-восточном склоне невысокой гряды в 2,5 м друг от друга. Внешне артефакты схожи, но их конструкции различны. Первый шток (южный) (рис. 2,*1*) весом в 17,3 кг имел форму вытянутого бруса размером 53,5х7,8х5,2 см. На одной из его широких граней

посередине находилось П-образное углубление, по которому предмет был сжат в поперечнике на узких гранях. При его изготовлении вместо обычного наполнителя из щебня, галечника или литейных шлаков использованы две прямоугольные «чушки» более качественного свинца. Второй шток (северный) (рис. 2,*2*) имел такую же форму размером 54,8х7,5х5,0 см, но меньший вес – 13,6 кг. На его широкой грани отсутствовало углубление, а посередине с двух сторон по узким граням он был несколько сжат. При его отливке использованы отходы свинца и наполнитель из литейных шлаков.

Вторая представительная группа артефактов была открыта у одной из подводных скал, венчающих западную оконечность рифового пояса. Эта ключевая скала рифа по количественному, видовому, весовому и функциональному содержанию сделанных вокруг нее находок названа «Скалой свинцовых штоков». Обследование дна у скалы проведено в радиусе 100 м к северу и югу от ее вершины. В ССЗ секторе скалы в 75 м от ее вершины на глубине 10 м обнаружено четыре обособленных комплекса свинцовых деталей штоков деревянных якорей античных судов и отдельные фрагменты перевозимой на этих судах транспортной тары.

Комплекс № 1 состояла из 4 свинцовых «чушек», средним весом по 22 кг каждая. Все они имеют трапециевидные в плане и сечении формы и примерно одинаковые размеры – 0,35(0,4)х0,1(0,11)х0,05(0,07) м. Близость расположения, одинаковость и парность форм свидетельствуют о принадлежности «чушек» одному якорю, на котором они использовались как утяжелители штока, залитые в его деревянную основу по две на каждое плечо. Аналоги таких заливок известны в Восточном Средиземноморье.

Комплекс № 2 находился в 21 м от предыдущего. Он состоял из 4 свинцовых «чушек», из которых две являлись почти полными аналогами предметам первого комплекса, а две другие резко отличались от остальных. Принимая эту группу «чушек» за единый комплект утяжелителей штока одного якоря, весьма трудно представить конструкцию его штока с деревянной основой, заполненной столь различными по размерам и форме заливками. Объяснить подобное сочетание форм в одном штоке якоря с точки зрения функционального смысла затруднительно. По-видимому, данный набор свинцовых заливок принадлежал двум различным якорям, некогда упавшим на дно рядом.

Комплекс № 3 находился в 5 м от комплекса № 2. Он состоял из 6 свинцовых «чушек» эталонного образца, аналогичного предметам первого комплекса. Предметы залегали на дне компактно у основания гряды, гребень которой направлен с северо-востока на юго-запад. Четыре одинаковых по весу «чушки» лежали на дне неподалеку друг от друга. Они, предположительно, составляли один парный комплект свинцовых заливок двух плеч одного штока. Две другие «чушки», несколько большего веса, лежавшие в стороне, представляли, очевидно, комплект заливок штока меньшего по весу и габаритам якоря.

Комплекс № 4 состоял из набора свинцовых деталей одного деревянного якоря греко-римского типа, время применения которого относится к III в. до н.э. – II в. н.э. В него входили свинцовый шток с прямоугольным коробом посередине и свинцовая рама для скрепления рогов якоря. Вес штока, рассчитанный по занимаемому объему и удельному весу свинца, составляет около 50 кг, а вес рамы рогов – 9 кг.

На участке дна, вмещавшем эту группу якорных комплексов, найден фрагмент горловины мендейской амфоры конца V в. до н.э. (рис. 3,*1*). Непосредственно у самой скалы обнаружены фрагменты керамических сосудов и один якорный камень. У ее северной подошвы на глубине 10 м находились два профилированных фрагмента пифоса архаического времени. Предметы залегали в полуметре друг от друга у северной подошвы скалы. К югу от вершины скалы зафиксирована ножка амфоры Фасоса – тип II по С. Ю. Монахову (рис. 3,*2*).

В этой же части скалы открыт комплекс свинцовых заливок штока деревянного якоря, весьма значительного размера. Комплекс располагался на глубине 9,5 м и состоял из двух свинцовых брусьев, которые лежали рядом на гребне гряды в расщелине между каменными глыбами. Один брус – расчётный вес артефакта около 120 кг. Другой свинцовый брус – еще большего веса, около 180 кг. Два этих бруса общим весом 300 кг относятся к свинцовым заливкам-утяжелителям штока одного деревянного якоря больших размеров. Аналоги таких деталей штока деревянного якоря известны в Восточном Средиземноморье по материалам кораблекрушения у мыса Такташ-Бурун. В контексте всего комплекса они датируются 440–425 гг. до н.э. [14, p. 581].

Результаты исследований 2015 г. показали, что проводимые ранее у мыса Панагия исследования не затронули большей части площади рифа, они не являлись сплошными [10, с. 17] и полными [11, с. 58]. На дне осталось множество ценных для исторической науки материалов, характеризующих развитие древнего мореплавания в Керченском проливе, которые необходимо было изучать комплексно. Состояние памятника позволило сформулировать более обстоятельную цель его исследований и определить методы ее достижения.

В 2016 г. обследование отдельных участков рифового пояса мыса было направлено на получение детальной археолого-географической информации. При этом решался круг следующих задач: проводились батиметрические обмеры подводного рельефа по секторам обследования; определялось наличие археологического материала, выявлялось его количество, состав и характер распределения на небольших площадях дна. Предполагалось, что выполнение этих задач позволит сформировать предварительное системное представление о географических условиях образования и функционирования памятника, а также определить его научную значимость и степень сохранности.

Всего в 2016 г. было обследовано 4,3 га площади рифов. Первый изучаемый участок был назван – скала «Судовой мельницы»[2] (Риф Трутаева), которая расположена в полосе основного рифа на удалении 980 м от вершины мыса по азимуту 268,6°. Глубина пролива над вершиной этой скалы 0,8 м. Высота скалы в центральной части, от подошвы до макушки, равна 7,5 м. Каменный массив скалы занимает небольшую площадь и несколько растянут с севера на юг. Склоны имеют большую крутизну с запада, севера и востока. С этих сторон глубины у основания скалы достигают 8,5 м. Далее к северу дно ровное и в пределах полосы шириной 80 м спадает до глубин 9,3 м. Южный склон каменного массива пологий, он вытянут на расстояние 35 м от вершины. Основание склона окаймляют наносы ископаемых раковин устриц и галечника из местных пород камней, среди которых преобладают серые мергели и глинистые сланцы. С юго-запада к основанию южного склона примыкает каменная гряда-вал большой протяженности, которая тянется дугой около 100 м к соседнему останцу. Глубины над гребнем этой гряды 4,5 м. Аналогичная гряда-вал, с такими же глубинами на гребне, начинается в 50 м к востоку от скального массива и тянется к восточным останцам рифа.

[2] Скала «Судовой мельницы» названа по находке у ее подножья двух круглых жерновов небольшой мельницы, предположительно, применявшейся на судне античной эпохи. В практике подводной археологии Боспора такие находки являются редкими.

При изучении дна вокруг скалы были обнаружены: два жернова одной судовой мельницы V–IV вв. до н.э. (рис. 3,*3*), фрагмент горла хиосской амфоры IV – начала III вв. до н.э.; два различных по форме свинцовых плеча якорных штоков; вокруг свинцовых штоков в радиусе 5 м проведено зондирование донных отложений с помощью металлоискателя, при этом были обнаружены две бронзовые монеты и сетевой грузик (?) из свинцовой пластины толщиной 1 мм, сложенной вдвое и свернутой в трубку (вес грузика – 35 г). На одной монете прослеживался след перечеканки с изображением плохо сохранившейся звезды. Эта монета, очевидно, местная – IV в. до н.э., перечеканена в III в. до н.э. У юго-западного подножья скалы на глубине 7 м находится часть окаменелой (конгломератной) формы перекрестия веретена и рогов железного якоря. Судя по общей конфигурации формы, фрагмент принадлежит Т-образному якорю, эталонная форма которого широко использовалась в Восточном Средиземноморье с III по VII вв. н.э.

Второй изучаемый участок был назван – скалы «Антефикса»[3] (Риф Северный), он локализован вокруг компактной группы из трех подводных скал, лежащих в центре северной полосы рифа. Вершина одной скалы видна с поверхности моря, над ней глубина 2,5 м. Эта скала имеет высоту, от подошвы до макушки – 5,8 м. Ее южный склон крутой, а западный на глубине 6 м переходит в неширокую террасу, сложенную из крупных валунов. Основание террасы закрыто мелким галечником. Северный склон скалы имеет меньшую крутизну, он в виде полого спадающей гряды тянется на 50 м к северу. Вершина другой скалы массива расположена в 45 м к юго-западу от предыдущей. Глубина над ее вершиной 3,9 м, у основания – 8 м. Склоны этой скалы крутые со всех сторон, их контуры вытянуты с юго-запада на северо-восток. В нескольких метрах к северу от основания скалы из грунта вздыма-

[3] Скала «Антефикса» названа по находке, обнаруженной у ее основания.

ется отдельная небольшая в поперечнике (5х10 м) монолитная глыба высотой в 5 м. В плане она овальной формы, ориентированная большей осью с запада на восток. Глубина над ее вершиной 3,3 м.

При изучении дна вокруг скалы было обнаружено 43 артефакта, из которых 33 – фрагменты строительной керамики, 5 – фрагменты амфор, 4 – якорные камни из местных пород мергеля и одна окаменелая форма железного якоря Т-образного вида. Находки располагались на дне тремя относительно компактными группами. Северная группа находок, состоящая из 10 обломков черепиц и 4 фрагментов амфор, занимала участок дна в 35–45 м от вершины ключевой скалы на северо-северо-запад. Предметы залегали в развалах камней по склону гряды на глубинах 7–8 м. Большая часть строительной керамики этой группы была представлена фрагментами плоских черепиц с остатками профильных форм их бортов. Глина обломков имела светло-коричневый закал, который в изломе черепка был серовато-розового оттенка. Характеристики деталей и состав глины позволили отнести эти фрагменты к эллинистическим черепицам, произведенным в южнопонтийском центре Гераклея. Это определение подтверждается присутствием среди находок донца гераклейской пифоидной амфоры середины IV в. до н.э. с характерной для этого времени ножкой, которая имела аналогичный черепице состав глины. Другие фрагменты тары принадлежали херсонесской амфоре с удлинённым туловом конца IV – начала III вв. до н.э.

Западная группа находок, состоящая из 8 обломков черепиц, одного фрагмента стенки амфоры и двух якорных камней, занимала полосу дна в 10–30 м от вершины скалы к западу и юго-западу на глубинах 6,6–7,7 м. В этой полосе большая часть предметов также залегала в камнях у основания скалы. Исключение составляли только якорные камни, располагавшиеся на глубинах 7,7–8,1 м у подошвы скалы в отложениях из раковин и гальки. Строительная керамика этой группы по морфологии форм, составу глины и обжигу являлась аналогом находок из первой группы.

Южная группа находок состояла из 15 обломков черепиц, двух якорных камней и одной окаменелой формы железного Т-образного якоря. Скопление строительной керамики располагалось в основании склона второй скалы на глубинах 6,0–8,4 м. Черепки являлись полным аналогом находок двух описанных выше групп. Среди них находился античный антефикс довольно редкой формы (рис. 3,*4*). Антефикс – щиток калиптера, выходящий на край крыши и служащий ее декоративным украшением, представляет собой рельефную листовидную пальметту полуовальной в плане формы размером 28,0х14,5 см. Рельеф пальметты состоит из 20 больших лепестков, которые, в свою очередь, отходят от 19 малых лепестков цветка арацеи, помещенного в центр щитка. Цветок опирается на трапециевидное основание, переходящее с задней стороны антефикса в массивный рог, с полукруглым углублением снизу. Обжиг и состав глины предмета позволяет отнести его к строительной керамике из Гераклеи. Судя по композиции рельефа, его форме и размерам, антефикс предварительно датируется IV–III вв. до н.э.

Третий исследованный в 2016 г. участок – скала «Бетонных бочек»[4] (Риф Северный), локализован у подводной скалы, венчающей северную полосу рифа. Эта скала находится на расстоянии 2,46 км и является ключевой, так как доминирует над большой группой меньших скал-останцев, которыми северная полоса рифа смыкается с западной оконечностью основного рифа. Дно у скалы обследовано по юго-восточному сектору в радиусе 100 м от ее вершины на площади 0,8 га. В этом секторе выявлено шесть обособленных останцев, расположенных по двум меридиональным линиям в 50–60 м друг от друга. Первые две скалы лежат к югу от скалы «доминанты», еще три – на параллельной линии в 50 м к востоку. За пределами радиуса обследования обнаружен шестой останец, находящийся в 50 м за второй линией скал, посередине. Высоты скал различны – от 2 до 7 м. Ключевая скала превосходит все остальные по высоте, мощности и занимаемой площади, средний радиус ее контура равен 35 м, глубина над вершиной 1,8 м. Ее каменный массив несколько вытянут по двум осям, к северу и западу. Все склоны массива, кроме южного, имеют значительную крутизну. Глубины у их оснований 8–8,5 м, на некотором удалении к юго-западу они нарастают до 10,5 м. У скалы обнаружен 21 артефакт: 11 – это судовой инвентарь, относящийся к античному мореплаванию; 10 – грузы и якорное снаряжение судов нового времени.

Артефакты, относящиеся к античному мореплаванию, найдены в ВЮВ и ЮЮЗ секторах участка. В ВЮВ секторе они располагаются на дне двумя рассеянными группами. Первая группа артефактов, состоящая из фрагментов амфор, тяготела к каменному штоку античного деревянного якоря, который находился в 40 м к востоку от вершины скалы. Шток залегал в завале глыб у основания соседней скалы на глубине 6 м, ориентированный продольной осью с запада на восток. Одиночные обломки керамики размещались полукругом на расстоянии 20–25 м от штока. Среди них находилась ножка хиосской пухлогорлой амфоры VI – конца V вв. до н.э. Сам шток представлял собой удлиненный трапециевидный в плане и сечении каменный «брус». В его центральной части по граням имелись неширокие прямоугольные углубления небольшой высоты. Они предназначались для крепления штока на деревянном веретене якоря путем обклада. Длина каменного «бруса» 1,14 м, высота 0,15 м, средняя ширина 0,11 м, вес 47,5 кг. Шток изготовлен из твердой породы песчаника грязно-бурого цвета, очевидно, кавказского происхождения.

Вторая группа артефактов открыта за пределами исследуемого участка у небольшой скалы. Вершина этой скалы с глубиной 5,6 м зафиксирована в 115 м от

[4] Скала «Бетонных бочек» названа по массовому скоплению на ее склонах цементных барабанов в виде небольших бочек, попавших на дно, очевидно, в результате аварии судна у вершины скалы. Происхождение этих барабанов, возможно, относится к 1930-м годам. По мнению А. Н. Шамрая, это связано со строительством у противоположного берега пролива, к югу от села Героевское 35-й артиллерийской батареи. Там такие же бетонные бочки были найдены на берегу и под водой в остатках пирса, обслуживавшего батарею с моря. Время строительства батареи 30-е гг. XX в.

«скалы бетонных бочек» по азимуту 110°. С юго-западной стороны скалы найдены горловина и дно колхидской амфоры I в. н.э., а с восточной – три небольших свинцовых штока.

У этой же скалы открыт комплекс артефактов, представляющих аварию судна нового времени. В комплекс входили: два якоря-«кошки» XIX в. весом 100 и 150 кг; два барабана жерновов ветряной мельницы из кварцевого песчаника диаметром 0,9 м, толщиной 0,2 м и весом 300 кг каждый; куча полос железа, предположительно, лезвий сабель и крюк грузовой стрелы.

В результате системных комплексных подводно-археологических разведок у мыса Панагия было обследовано более 7 га площади дна пролива в пределах нескольких полигонов, приуроченных к ключевым скалам рифа. При этом открыт большой объем нового археологического материала, характеризующего развитие мореплавания на Боспоре в античное и византийское время. Материал представлен различными видами каменных якорей и свинцовыми деталями деревянных якорей, а также окаменелыми формами железных якорей. На некоторых участках дна им сопутствовали профилированные фрагменты строительной керамики и керамической тары. На основе полученного материала в первый полевой сезон составлены схематические планы расположения находок на дне пролива относительно долговременных ориентиров, а в последующем – батиметрические планы и разрезы рельефа дна на трех участках (полигонах) у ключевых скал рифа. На планах отмечено точное положение более 120 артефактов, среди которых к античному времени относились 112, средневековому – 1, новому – 10. Артефакты располагались локальными группами неподалеку от скал или у оснований на их склонах. Выявлена тенденция в преобладании эпизодов остановок судов различного водоизмещения на северной или южной стороне скал основного рифа. Якорные камни, окаменелости железных якорей, а также металлические и каменные детали деревянных якорей небольших весовых категорий были распространены по всей полосе основного рифа.

Эти же виды якорных материалов большого веса отмечены только в ее западной части на удалении 2–2,5 км от современной вершины мыса. Общая картина распространения якорного материала античного времени по рифу свидетельствует о высокой степени освоенности этой акватории пролива в данную эпоху. На ней не выявлено признаков кораблекрушений, поэтому она не являлась опасной для мореплавания. Основываясь на современном представлении об уровне моря в то время, можно с высокой долей уверенности предполагать, что рифовый пояс мыса представлял собой широкую цепь выступающих из воды скальных массивов. Судя по местоположению и количеству потерянных вокруг скал якорей и выброшенной за борт керамики, они использовались древними мореплавателями как естественные защитные волноломы для кратковременных стоянок своих судов в пережидании штормов, или в ожидании попутных ветров, при этом велся и лов рыбы. Рифовый пояс мыса Панагия в античное время являлся крупнейшим навигационным пунктом у входа в Боспор Киммерийский и после выхода из него. Археологические предметы

нового времени в общем количестве находок составили незначительную часть, но они свидетельствуют о довольно частых авариях парусных судов в западной части рифа.

Дальнейшее изучение этого памятника древнего мореплавания должно иметь комплексную направленность, которая позволит создать широкую научную основу для выявления многообразных типов связей между обнаруженными артефактами и вмещавшим их подводным ландшафтом. Сведение этих связей в единую модель может объяснить природу возникновения и функционирования одной из крупнейших якорных стоянок античных судов на Боспоре Киммерийском.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Византийские порты в Крыму в IV-VII вв. // БИ. 2016. Вып. XXXIII. С. 186–201.
2. Блаватский В.Д. Материалы по истории Пантикапея // МИА. 1951. № 19.
3. Блаватский В.Д. О подводной археологии // СА. 1958. № 3. С. 73–89.
4. Зинько А.В. Охранные исследования на некрополе Тиритаки и подводные разведки у мыса Ак-Бурун // Археологічні дослідження в Україні в 2013 р. Киев, 2014. С. 38.
5. Зинько А.В. Южная часть Европейского побережья Боспора Киммерийского в античную эпоху (по данным геоархеологических исследований 2011–2014 гг.) // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 136–141.
6. Зинько А.В. Новые подводные археологические исследования в Керченском проливе // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 19–29.
7. Зинько В.Н., Зинько А.В. Древние гавани западного побережья Керченского пролива // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Керчь, 2017. С. 180–186.
8. Зинько А.В., Шамрай А.Н. Памятник древней навигации на Боспоре Киммерийском – якорная стоянка у мыса Панагия // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Керчь, 2017. С. 167–180.
9. Зинько А.В. Из истории подводных археологических исследований в Керченском проливе // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 172–177.
10. Кравченко Д.Ф. Отчет о проведении подводной археологической разведки побережья Таманского полуострова (в районе мысов Тузла, Панагия, Железный Рог). М., 1982 // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 10058.
11. Кондрашов А.В. Подводные исследования у мыса Панагия // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1995. Вып. 2. С. 55–67.
12. Ольховский С.В., Степанов А.В. Подводные археологические исследования на трассе Керченского моста // Таврические студии. Симферополь, 2016. № 10. С. 133–142.
13. Ольховский С.В., Степанов А.В. Спасательные подводные исследования на ОАН «Бухта Ак-Бурун» в 2015 г. // Древности Боспора. М., 2016. Вып. 20. С. 355–364.
14. Deboran N. Carlson: The Classical Greek Shipwreck at Tektax Burnu, Turkey // American Journal of Archaeology. 2003. Vol. 107. P. 581–600.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Vizantiyskie porty v Krymu v IV-VII vv. *Bosporskie issledovaniya*, 2016, Vol. XXXIII, pp. 186–201.
2. Blavatskiy V.D. Materialy po istorii Pantikapeya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, 1951, No 19.
3. Blavatskiy V.D. O podvodnoy arkheologii. *Sovetskaya arkheologiya*, Moscow, 1958, No 3, pp. 73–89.
4. Zin'ko A.V. Okhrannye issledovaniya na nekropole Tiritaki i podvodnye razvedki u mysa Ak-Burun. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini v 2013 r.*, Kiev, 2014, pp. 38.
5. Zin'ko A.V. Yuzhnaya chast' Evropeyskogo poberezh'ya Bospora Kimmeriyskogo v antichnuyu epokhu (po dannym geoarkheologicheskikh issledovaniy 2011–2014 gg.). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XVI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium"*, Kerch, 2015, pp. 136–141.
6. Zin'ko A.V. Novye podvodnye arkheologicheskie issledovaniya v Kerchenskom prolive. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 19–29.
7. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Drevnie gavani zapadnogo poberezh'ya Kerchenskogo proliva. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XVIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti – tovary – otnosheniya"*, Kerch, 2017, pp. 180–186.
8. Zin'ko A.V., Shamray A.N. Pamyatnik drevney navigatsii na Bospore Kimmeriyskom – yakornaya stoyanka u mysa Panagiya. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XVIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti – tovary – otnosheniya"*, Kerch, 2017, pp. 167–180.
9. Zin'ko A.V. Iz istorii podvodnykh arkheologicheskikh issledovaniy v Kerchenskom prolive. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "VII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya"*, Kerch, 2016, pp. 172–177.
10. Kravchenko D.F. Otchet o provedenii podvodnoy arkheologicheskoy razvedki poberezh'ya Tamanskogo poluostrova (v rayone mysov Tuzla, Panagiya, Zheleznyy Rog). M., 1982. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN*, F. 1, R. 1, D. 10058.
11. Kondrashov A.V. Podvodnye issledovaniya u mysa Panagiya. *Izuchenie pamyatnikov morskoy arkheologii*, St-Petersburg, 1995, Vol. 2, pp. 55–67.
12. Ol'khovskiy S.V., Stepanov A.V. Podvodnye arkheologicheskie issledovaniya na trasse Kerchenskogo mosta. *Tavricheskie studii*, Simferopol, 2016, No 10, pp. 133–142.
13. Ol'khovskiy S.V., Stepanov A.V. Spasatel'nye podvodnye issledovaniya na OAN «Bukhta Ak-Burun» v 2015 g. *Drevnosti Bospora,* Moscow, 2016, Vol. 20, pp. 355–364.
14. Deboran N. Carlson: The Classical Greek Shipwreck at Tektax Burnu, Turkey. *American Journal of Archaeology*, 2003, Vol. 107, pp. 581–600.

A. V. ZIN'KO

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

ON THE PROBLEM OF LOCATION OF ANCHORAGES OF ANCIENT SHIPS IN THE CIMMERIAN BOSPOROS

Abstract: The largest anchorage in the Cimmerian Bosporos to function from the Greco-Roman to Modern period is located in the reef line of Cape Panagia, which according to modern pilot chart is the geographical point to determine the south-eastern border (limits) of the Kerch Straits. In 2015–2017, the Bosporan Underwater Archaeology Team of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University and the Archaeological Research Centre at the Demeter Foundation conducted underwater investigations of the area. The underwater reconnaissance at Cape Panagia investigated more than 7 hectares of the straits bottom within several testing grounds arranged at key rocks of the reef. The reconnaissance discovered a big deal of new archaeological materials supplying evidence of the development of navigation in the Bosporos throughout the Greco-Roman and Byzantine periods.

Keywords: Kerch Straits, Cape Panagia, Cape Tuzla, Menshikov Ridge, underwater reconnaissance, shipwrecks, ancient anchorages, pottery, ancient anchors, ancient navigation site, ancient maritime communications.

Рис. 1. Карта восточной побережья Керченского пролива с обозначением мест проведения подводных археологических разведок Боспорской подводно-археологической экспедицией в 2015–2017 гг.

Рис. 2. Свинцовые штоки: 1 – «южный», 2 – «северный».

Рис. 3. 1 – Фрагмент горловины мендейской амфоры конца V в. до н.э. 2 – Фрагмент ножки амфоры Фасоса, тип II по С. Ю. Монахову. 3 – Жернов судовой мельницы V–IV вв. до н.э. 4 – Антефикс IV–III вв. до н.э.

А. В. АНТИПЕНКО
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ ИЗ СКЛЕПА 4(77) ЧЕРНОРЕЧЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА[1]

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению деталей конского снаряжения, найденных в погребении Чернореченского могильника. Комплексный анализ археологического материала включал изучение стилистики и морфологии, техники изготовления и вариаций химического состава металла изделий. Исследованные предметы были изготовлены из латуни с высоким содержанием цинка методом литья в двустворчатые формы. Делается вывод о единовременности изготовления всех вещей, входящих в состав комплекта конской амуниции.

Ключевые слова: снаряжение верхового коня, элементный анализ металла, технология производства.

Чернореченский могильник расположен на северной окраине села Хмельницкое (Балаклавский муниципальный округ г. Севастополя) на восточном склоне 2-й Федюхиной высоты. В 1950 г. В. П. Бабенчиковым на территории некрополя было исследовано 87 погребальных сооружений, в том числе 33 кремации, которые совершались в урнах в отдельных ямах. Трупоположения осуществлялись в подбойных и ямных могилах, а также в склепах Т-образной конструкции [4, с. 90]. Часть материала, полученного в ходе раскопок, была направлена в Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (БИКАМЗ), где хранится и сейчас. В 1963 г. вышла публикация, посвященная результатам изучения этого памятника, которая содержит описание погребальных сооружений и перечисление вещевого инвентаря. Хронологический диапазон наиболее активного использования могильника В. П. Бабенчиков определяет в пределах II–IV вв. [4, с. 122]. Раскопки

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–39–00064 «Исследование химического состава сплавов металлических деталей костюма в сравнении с другими синхронными изделиями варварского населения Крыма II в. до н. э. – IV в. н. э. методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии»

А. И. Айбабина могильника на Черной речке в 1988–1989 гг. и осуществленный им анализ материала предшествующих археологических изысканий позволили выявить комплексы с погребальным инвентарем V–VIII вв. [1, с. 61, 63, рис. 21; с. 91; с. 199], время возникновения могильника исследователь относит к середине III в. [2, с. 41].

На изученной части могильника комплект конской амуниции был обнаружен только в одном случае, в составе погребального инвентаря захоронения в склепе № 4 (77 – номер по полевой документации). Его описание приводим по публикации В. П. Бабенчикова. Склеп состоял из камеры, ориентированной на юго-запад, в которую вел дромос шириной 0,75 м и длиной 1,5 м, завершающийся ступенькой. Часть дромоса была уничтожена подбойными могилами (№55 и №86 по полевой документации) [4, рис.1], хотя при характеристике могилы №55 ситуация изложена обратным образом – в северной части могила перерезана дромосом склепа 77 [4, с. 105]. Вход в склеп размерами 0,65х0,8 м был закрыт вертикально стоящей плитой. Камера склепа подпрямоугольной формы имела размеры 2,2х2,45 м и высоту в центральной части 1,75 м. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине головой на восток в гробовище у северной стенки камеры, перпендикулярно ко входу. Сохранность костей плохая [4, с. 117–118, рис. 22].

Согласно описанию расположения инвентаря, возле восточной стенки склепа, слева от головы погребенного, лежала остродонная амфора веретенообразной формы высотой 73 см, два двуручных кувшина и, судя по всему, еще один сосуд, фрагменты которого можно увидеть на плане могилы в публикации.

В фондах БИКАМЗ[2] на данный момент хранятся два краснолаковых кувшина. Первый миниатюрный двуручный кувшин высотой 13,6 см и диаметром дна 3,7 см имеет приземистое с небольшим ребром тулово на кольцевом поддоне, узкое воронкообразно расширяющееся горло, венчик отогнут (рис. 2,*19*). Аналогичный кувшин происходит из погребения 673/2 могильника Усть-Альма, датирующегося последней четвертью I - началом II вв. н.э. [18, рис.176,9]. По классификации Д. В. Журавлева кувшин из склепа № 4(77) относится к типу миниатюрных столовых амфор формы 6, самые ранние образцы которой датируются концом I – началом II вв. н.э., и продолжают использоваться вплоть до начала III в. [10, с. 72]. У второго краснолакового кувшина на уровне прилепа ручек отбито горло, он также имеет широкое приземистое тулово с небольшим ребром, кольцевой поддон и петлевидные желобчатые ручки. Сохранившаяся высота – 12,4 см, диаметр дна 4,5 см (рис. 2,*20*). Не исключено, что относится к той же форме, что и первый, лучше сохранившийся кувшин.

На шее погребенного найдены две пастовые и одна стеклянная бусины, на груди – две целые и фрагментированная третья фибула [4, с. 118]. В фондах БИКАМЗ сохранились все три фибулы (к.о. 418, 420, 421) в фрагментированном состоянии:

[2] Благодарю за помощь в работе над статьей Главного хранителя БИКАМЗ О.Н. Алпашкину и хранителя музейных предметов И. И. Неневолю.

– фибула «инкерманского» типа с нижней тетивой и узкой пластинчатой спинкой, постепенно расширяющейся к концу ножки. Спинка украшена змейкой, выполненной из проволоки (рис. 1,*21*). Относится к группе 15, серии II по А. К. Амброзу, который датировал фибулы данной конструкции второй половиной II – III вв. [3, с. 52]. В. В. Кропотовым эти изделия отнесены к серии II, варианту 4, форме 3, основное количество находок таких фибул относится к первой половине III в. [14, с. 132–135], однако встречаются в комплексах второй пол. III в. н. э. [2, с. 52, рис. 51, 8].

– две «смычковые» фибулы длиной 2,3 см (рис. 1,*20*) и 3,5 см. Обе застежки относятся к группе 14 по А. К. Амброзу, бытующей с конца I – начала II по III вв. [3, с. 47]. В. В. Кроптовым выделены в группу 7, которая широко датируется II –IV вв. [14, с. 170].

На правом запястье погребенного находился бронзовый браслет с расплющенными концами диаметром 6,9 см, рядом с ним – обломки серебряного перстня со вставкой из синего стекла. Возле левого бедра лежал железный меч длиной 66 см. Длинные мечи в позднесарматское время являются основным типом вооружения на обширной территории [21, с. 15–17].

Между костей ног обнаружен фрагмент железной цепи [4, с. 118]. Фрагменты изделий, сплетенных из железных колец, известны в могильниках Бельбек IV, Скалистое III, Битак и Усть-Альма, в могиле № 208 некрополя Нейзац такое изделие было обнаружено также в ногах погребенного. И. Н. Храпунов считает, что эти вещи имели апотропейное значение в женской субкультуре населения крымских предгорий [24, с. 459]. Не исключено, что, в данном случае, они могли выполнять более утилитарную функцию, возможно, фиксировали веревку, стягивающую ноги погребенного.

Возле западной стенки камеры склепа сделана ступенька, на которую были уложены детали конского снаряжения. В состав комплекта, исходя из описаний В. П. Бабенчикова, входили железные удила, к которым крепились литые псалии. Псалии (2 экз., к.о. 406, 408) состоят из округлого в сечении и расширяющегося к краям стержня длиной 7,4 см с подпрямоугольными выступающими петлями в центральной части и двух неподвижно закрепленных в этих петлях штанг размерами 5,6х0,6 см. Последняя треть штанг представляет собой разъемы, соединенные заклепанными штифтами (рис. 1,*1–2*). Псалии стержневидной конструкции довольно часто встречаются в погребениях сарматского времени, однако они изготовлены из железа и, зачастую, имеют фигурно оформленные окончания. Железные стержневидные псалии, расширяющиеся к краям, с петлями в центральной части найдены в кургане 46 между ст. Казанской и Тифлисской [8, табл.14,136]. Псалии из погребения в Черноречeнском могильнике отличаются наличием дополнительных элементов крепления в виде штанг, использовавшихся, вероятно, для фиксации нащечных ремней. Сходство черноречeнских псалиев с обнаруженными в погребении коня в некрополе Херсонеса и найденными в 1896 г. при раскопках на Глинище в Керчи было отмечено А. В. Симоненко [19, с. 90].

При разборе инвентаря склепа 4(77), хранящегося в фондах БИКАМЗ, удалось обнаружить изделия, которые относятся к уздечному набору, однако не были отражены в публикации. Под коллекционными номерами 407 и 409 хранятся литые штанги (2 экз.) размером 4,4х0,8 см (рис. 1,*3–4*). На одном конце каждой из них расположено трапециевидное отверстие, завершающееся округлой в сечении перемычкой. С другого конца штанга завершается кольцом, внешний диаметр которого достигает 1,4 см. Аналогичная конструкция известна по находкам на территории Херсонеса [19, рис. 1,1–3] и Боспора [20, табл. Б.1]. Эти детали снаряжения фиксировались на внешних петлях грызел и служили для крепления повода, что подтверждается экземплярами из «Золотого кладбища» [8, табл.14,136].

В состав комплекта также входили:

– миниатюрная литая пряжка (к.о. 414) с рамкой округлой формы в передней части и трапециевидной в задней, язычок утрачен. Размеры – 2,3х1,5 см (рис. 1,*7*). Аналогичная пряжка была обнаружена в могиле № 163 некрополя Нейзац, которая датируется IV в. [25, с. 106, 120, рис. 7,30], и погребении 1 кургана 19 Сладковского курганного могильника, где она также входила в состав конского снаряжения. Погребение датируется концом II – первой половиной III вв. [15, с. 190, рис. 2,17]. Пряжки с фигурными щитками входили в поясные наборы, найденные в погребениях могильника Усть-Альма [18, рис. 98,1,2,4,8]. По классификации Д. А. Костромичева пряжка относится к типу D2, который был распространен во второй половине II – первой половине III вв. в сарматском ареале [13].

– наконечник-подвеска (к.о. 417) прямоугольной формы, немного сужающийся книзу, с трапециевидным отверстием в верхней части. Тыльная сторона ровная, лицевая имеет небольшое закругление краев. Размеры – 3,2х0,7 см (рис. 1,5). Наконечник с прорезью для крепления ремня происходит из могильника у с. Заветное [6, табл. VIII,9] и погребения Сладковского курганного могильника [15, рис. 2,18-20]. Еще один экземпляр с фасетированными краями и треугольным завершением найден в склепе 438 некрополя Усть-Альма с погребениями II – начала III вв. [18, рис. 98,3]. В. Ю. Малашев считает, что наконечники с прорезью в верхней части могли предварять появление двухчастных наконечников с зажимом и, соответственно, датируются более ранним временем, чем последние, получившие распространение в позднесарматское время [16, с. 199].

– наконечник-подвеска (к.о. 416) с прямоугольным отверстием в верхней части, овальным расширением в середине и закругленным краем. Размеры 4,0х0,9 см (рис. 1,*6*). В Херсонесе известны 14 наконечников-подвесок, объединенных Д. А. Костромичевым в единую группу по признаку резкого сужения под петлей [12, с. 70]. Отдельные из них [12, рис. 29,2,10] напоминают найденный в погребении на Черной речке, однако в нем переход от петли к расширению оформлен плавно. По мнению исследователя, двухчастные наконечники с подвесками с выделенным корпусом практически не встречаются на ближайших к Херсонесу позднескифских и сарматских памятниках и их находки концентрируются преимущественно на Боспоре [12,

с. 71]. Однако в склепе 438 Усть-Альминского могильника обнаружены две такие подвески [18, табл. 98,5–6], еще одна найдена в погребении 325 могильника Бельбек IV, где она использовалась в качестве амулета. Погребение относится ко второй половине II – началу III вв. [9, с. 112]. Следует сказать, что в коллекции Чернореченского могильника было обнаружено еще две такие подвески (к.о. 803, 558). Находки наконечников-подвесок с выделенным корпусом известны как в римских воинских лагерях, так и в сарматских памятниках Крыма и Венгрии. Подобные изделия на территории Римской империи обнаруживаются со второй трети II в. и доживают до конца II в. [12, с. 70–72].

– наконечник-подвеска (к.о. 415) трапециевидной формы, тыльный конец раздвоен на две пластины толщиной 0,8–1,0 мм для соединения с ремнем, крепившимся с помощью заклепки, которая на данный момент утрачена, нижняя часть оформлена в виде кольца, внешний диаметр которого составляет 1,5 см. Размеры 3,5х1,5 см (рис. 1,*8*). По мнению И. Н. Храпунова, первые наконечники ремней с «пропиленными» тыльными концами появляются в Крыму в позднеримское время, в количественном отношении они значительно уступали наконечникам, сделанным из двух пластин [23, с. 65]. Находки наконечников ремней с завершениями в виде колец, которые входили в состав седельной гарнитуры, происходят из болота Торсберг и датируются раннеримским временем [28, p. 144, abb. 5]. Наконечники с завершением в виде колец с двумя ответвлениями и двух колец входили в состав конского снаряжения из болота Иллеруб [27, abb. 162:ABAO, ABQW], участок датируется, начиная со ступени C1b по 200 г. н.э. [27, p. 471], . Известны находки наконечников с кольцом и одним ответвлением из погребений пшеворской культуры [29, рис. 11,1]. Глубокий U-образный профиль разъема для крепления ремня, присутствующий на экземпляре из Черной речки, характерен для наконечников «норико-паннонского» типа раннеримского времени, однако окончания таких наконечников оформлены иначе – сферическими утолщениями [7, с. 594].

– бляхи-подвески (2 экз., к.о. 412, 413) в виде двух треугольников, развернутых вершинами к кольцу. В верхней части одной подвески сохранился прямоугольный зажим с заклепкой для крепления к ремню. Размер подвески 3,6х1,2 см. Размер зажима 1,8х0,6 см (рис. 1,*9-10*). Аналогий этим изделиям обнаружить не удалось.

– обоймы прямоугольной формы с одной заклепкой (2 экз., к.о. 410, 411). Размеры 1,8х0,6 см (рис. 1,*11*).

– бусины литые округлой формы (6 экз., к.о. 396–401), диаметром 1,5–1,7 см (рис. 1,*12-17*). Металлические бусины-пронизи в количестве 4–7 экземпляров являются распространенной находкой в составе позднесарматской конской амуниции [5, с. 136].

– железный предмет овальной формы, вероятно, рамка от пряжки. Язычок утрачен, но видны следы крепления. Размер 4,8х4,0 см (рис. 1,*18*).

– кольцо железное диаметром 3,5 см (рис. 1,*19*).

Основная масса предметов, входящих в состав погребального инвентаря, имеет широкие датировки в пределах II – IV вв. В пользу того, что погребение было совер-

шено в III в., возможно около середины столетия, свидетельствует конструкция погребального сооружения. Склепы Т-образной планировки распространяются в Крыму, начиная со второй половины III в. вместе с приходом алан [2, с. 58–59]. По мнению И. Н. Храпунова, данная конструкция могла использоваться раньше, что подтверждается исследованиями могильника Нейзац, где раскопаны склепы с материалами первой половины III в. [26, с. 310]. Одиночное погребение, сопровождавшееся конской амуницией, в склепе Т-образной планировки обнаружено у с. Мичуринское, его дата ограничивается первой половиной III в. [17, с. 57].

В каталоге частной коллекции древних бронз А. В. Козыменко опубликован комплект конской амуниции, происходящий из Херсонской обл., Каланчакского р-на, с. Червоный Чабан. В очерке древнейших этапов развития металлургии на Украине, написанном В. И. Клочко, этот комплект назван гуннским и отнесен к IV в. [11, с. 273, илл. 5]. К сожалению, публикация не снабжена рисунками изделий, но, исходя из приведенной фотографии, можно утверждать, что в набор конской амуниции входили: стержневидные псалии (2 экз.) с петлями, в которые неподвижно вставлены штанги с зажимами, длина псалиев 7,5 см (рис. 2,*1,2*); штанги для крепления повода (2 экз.) (рис. 2,*3,4*); наконечники-подвески (2 экз.) с прямоугольным отверстием для подвешивания, овальным расширением в верхней части, длина – ок. 6 см (рис. 2,*5,6*); наконечник-подвеска прямоугольной формы (рис. 2,*7*); наконечник ремня (1 экз.) с зажимом в верхней части, завершающийся кольцом (рис. 2,*8*); пряжка с фигурной рамкой (рис. 2,*9*); литые бусины-пронизи (7 экз.) (рис. 2,*15-16*); обоймы для ремней (5 экз.) (рис. 2,*10-14*); бляхи в форме сегментированного круга, вероятно, с прямоугольными зажимами для крепления (2 экз.) (рис. 2,*17-18*). Фрагмент бляхи с вырезами найден в составе погребального инвентаря конского погребения № 11 1996 г. Усть-Альминского некрополя [18, рис. 104,III].

Комплекты конского снаряжения из Херсонской области и могильника на Черной речке демонстрируют редкое сходство в количестве и типах вещей, входящих в их состав, что для убора верхового коня позднесарматского времени является, скорее, исключением. Известно, что стилистически и морфологически амуниция этого времени образует единую группу, однако убор верхового коня в каждом отдельном случае подбирался индивидуально [22, с. 114]. Совпадение состава комплектов заставляет усомниться в высказанной гуннской принадлежности упряжи из Херсонской области и датировать ее позднесарматским временем.

Все детали снаряжения верхового коня из склепа 4(77) были проанализированы на предмет выявления следов производства для реконструкции цикла операций по их созданию.[3] Необходимо отметить, что вещи подвергались интенсивной очистке от коррозионных наслоений, в результате которой поверхность была силь-

[3] Исследование сохранившихся следов изготовления и статистическая обработка данных по элементному составу металла выполнены ведущим специалистом Лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных науках НИЦ «Курчатовский институт» Анастасией Юрьевной Лободой, за что приношу ей отдельную благодарность.

но растравлена. Тем не менее, на одном конце стержня псалия (к.о. 406) и ближе к центральной части на поверхности металла детектируются усадочные утяжки, образующиеся при литье (рис. 3,*1*). В центральной зоне, на петлях и стержне, обоих псалиев наблюдаются следы шлифовки одной плоскости (верхней – у псалия 406, нижней – у псалия 408). Между петлями изделия к.о. 406 сохранились следы контакта с железом. На обоих стержнях псалиев видна изношенность в трех зонах – между петлями и по бокам от них, также стерты и значительно истончились стенки самих петель, преимущественно в центральной части (рис. 3,*2*). Изначальная толщина стенок сохранилась на некоторых боковых участках и составляет около 2,5 мм. Штанги, закрепленные в подпрямоугольных петлях, имеют идентичную форму и размерные характеристики. Задняя поверхность всех четырех штанг (две – на псалии 406, две – на псалии 408) представляет собой ровную плоскость, в то время как лицевая сторона имеет рельеф по всей длине. Утолщение разомкнутой части штанг также происходит в направлении лицевой стороны. Толщина всех фиксирующих пластин аналогична и составляет от 1,2 мм у основания до 0,9 мм на концах, контуры зажимов также идентичны. Внутренняя поверхность раздвоенного участка, открытая на штанге псалия 408 из-за утраты фрагмента изделия, не имеет сохранившихся следов распила или абразивной обработки (рис. 3,*3*).

Обнаруженные на одном из стержней литейные дефекты (усадочные утяжки) и идентичная форма вставных штанг позволяют предположить, что все составные элементы псалиев были изготовлены методом литья. Гладкая тыльная сторона штанг и рельефная лицевая свидетельствуют о вероятном использовании для их создания двустворчатых литейных форм с одной гладкой стенкой. Полное совпадение как размеров, так и контуров раздвоенных концов штанг, а также отсутствие следов обработки абразивом внутренней поверхности раздвоенного окончания позволяют предположить, что они также были созданы в процессе литья и не являются результатом распиливания. Контуры округлых в сечении стержней, в частности, расположение на них подпрямоугольных выступов, совпадают не зеркально, а «в одну сторону». Таким образом, данные изделия являются не парными предметами, а двумя идентичными отливками, вероятнее всего, изготовленными в одной литейной форме. Данное предположение подтверждает и обнаружение следов абразива на разных плоскостях стержней. В обоих случаях, вероятно, на данной стороне отливок находился литейный брак, который затем был зашлифован. После чего одна отливка была соединена со штангами зашлифованной стороной вверх, а другая – вниз.

На изделиях №№ 407, 409 видны следы использования – один край каждого кольца истончен. На кольце 409, кроме того, детектируются следы контакта с железом. Утонченные в процессе использования края колец и сохранившееся на одном из них железо указывают на использование данных изделий в соединении с железными деталями конского оголовья – удилами. На тыльной стороне кольца 407 обнаружен литьевой шов. На внутренней части боковых сторон рамки пряжки сохранились литьевые дефекты (наросты). На тыльной стороне найдены следы абразивной

обработки – она зашлифована. На ровной тыльной стороне наконечника 415 наблюдаются усадочные утяжки, на лицевую сторону выдается раздвоенная пластина, в месте соединения кольца и пластин – рельеф. Наконечник-подвеска 416 имеет две гладкие стороны, лицевая с чуть закругленным контуром. На тыльной стороне наконечника фиксируются дефекты изготовления (утяжки, недоливы), по контуру виден литейный шов, что также говорит об изготовлении наконечника методом литья в двустворчатой литейной форме с одной гладкой стороной.

Подвеска 412 довольно сильно фрагментирована, подвеска 413 сохранилась полностью, однако имеет следы ремонта (пайка оловом). Оба предмета имеют две гладкие стороны, однако лицевая со скругленными краями. На тыльной стороне 413 обнаружены утяжки. После отливки в двустворчатых формах с одной гладкой стороной изделия были отшлифованы абразивным материалом, следы которого детектируются на обеих поверхностях 412 и на лицевой стороне 413. Самые крупные следы шлифовки на тыльной стороне подвески 412. Обнаруженные на единственной полностью сохранившейся торцовой перемычке следы сильной изношенности и их полное отсутствие на центральных кольцах позволяют предполагать, что при использовании подвески фиксировались за короткие стороны.

Таким образом, выше перечисленные изделия были изготовлены методом литья в двустворчатых формах с одной гладкой стороной. При необходимости дополнительно поверхность шлифовалась.

Бусины 396–401 представляют собой кольца со стыком двух концов на одной стороне. На нескольких бусинах (к.о. 398, 400, 401) детектируются следы изготовления. По контуру отверстия, повторяя его изгиб, идут зоны слабого разрушения металла и следы спрессовывания (ковки) (рис.3,*4*-*5*). Центральное отверстие у всех бусин практически идеально круглое. Основание кольца (место схождения разъемных концов) во всех случаях имеет плоскость. Обнаруженные зоны деструкции металла позволяют предположить, что данные изделия были изготовлены из отлитых прокованных прутков. Вероятно, для формирования изделия металл оборачивался вокруг крупного прутка. Об этом свидетельствует ровное, идентичное для всех бусин отверстие и, при этом, прокованные в плоскость концы прутков.

После проведения элементного анализа состава металла вещей (табл. 1), входящих в состав комплекта конской упряжи[4], было определено, что для всех изделий основным компонентом сплава является медь (от 79,07 до 84,42%) с высоким содержанием цинка (от 15,34 до 21,01%). Помимо того, в составе сплава был обнаружен ряд примесей. Во всех предметах, кроме одной пронизи, содержался свинец (от 0,08 до 0,28%). В нескольких изделиях – серебро (от 0,06 до 0,10%). В сплаве псалия к.о. 408 было установлено наличие олова (0,41%). Железо (от 0,05 до 0,25%) обнаружено в составе металла псалиев, поводного кольца и рамки пряжки. Его наличие, вероятнее всего, является результатом взаимодействия поверхности вещей с несохра-

[4] Элементный анализ проводился на приборе Brucker M1 Mistral с ускоряющим напряжением 50 kV.

нившимися деталями упряжи. Примеси и микропримеси, определенные в составе изделий, в сумме не превышают 1% и видимо являются сопутствующими, непреднамеренными добавками. Анализируя количественные показатели для основных элементов, входящих в состав сплава, можно отметить, что вариации количества цинка минимальны, как для парных изделий, к примеру, псалиев, так и для всего комплекта в целом (рис. 3,6). Наибольший разброс по содержанию цинка зафиксирован в составе пронизей, однако, с учетом неоднородности древних сплавов, вариативность в пределах 5% позволяет отнести все изделия комплекта к единой категории металла.

Таблица 1. Элементный состав сплава изделий.

Изделие	к.о.	Cu	Sn	Pb	Ag	Zn	Fe
псалий	406	79,99	—	0,17	—	19,59	0,25
штанга для крепления повода	407	80,82	—	0,28	0,10	18,74	0,05
псалий	408	79,99	0,41	0,21	—	19,14	0,25
штанга для крепления повода	409	79,3	—	0,28	0,07	20,35	—
рамка пряжки	414	78,73	—	0,18	—	21,01	0,09
наконечник-подвеска	416	80,08	—	0,14	0,08	19,7	—
наконечник с кольцом	415	80,62	—	0,12	—	19,27	—
наконечник-подвеска	417	80,47	—	0,14	—	19,39	—
обойма	410	80,16	—	0,10	0,07	19,67	—
обойма	411	81,41	—	0,08	0,07	18,43	—
подвеска	412	80,04	—	0,12	—	19,84	—
подвеска	413	80,62	—	0,12	—	19,27	—
пронизь	396	80,16	—	0,17	0,06	19,61	—
пронизь	397	80,02	—	0,13	0,06	19,78	—
пронизь	398	84,42	—	0,15	0,09	15,34	—
пронизь	399	81,72	—	0,10	0,07	18,11	—
пронизь	400	79,07	—	0,16	0,07	20,70	—
пронизь	401	80,60	—	—	—	19,40	—

Несмотря на то, что отдельные вещи, входящие в состав комплекта конского снаряжения, своим происхождением связаны с различными, удаленными друг от друга территориями, необходимо отметить, что комплект не был «наборным», его изготовили единовременно из латуни методом литья в двустворчатые формы с

одной плоской стороной. При этом, обнаруженные на поверхности изделий следы изношенности свидетельствуют о длительном использовании конского убора. Интересно, что псалии, входящие в состав снаряжения из Херсонской области, также выполнены из латуни с довольно высоким содержанием цинка (до 13,9%) [11, с. 361]. В связи с этим возникает вопрос, о возможных путях попадания комплектов снаряжениях к их владельцам. Ремесленник или группа ремесленников, совершенно точно, были знакомы с морфологией вещей, бытующих в римских военных лагерях, сталкивались с вещами германского круга и с традиционными для сарматского мира типами изделий, поэтому нельзя исключать, что либо комплект был изготовлен за пределами Крыма, либо сам мастер перемещался на значительные расстояния. Для изготовления своей продукции он использовал очень качественный искусственный сплав, состав которого исключает примеси из вторичного сырья (т.е. не использовали лом). Не исключено, что убор верхового коня формировался не столько по индивидуальному требованию заказчика, сколько был связан с навыками мастеров их изготавливающих, их знакомством с «модой» соответствующего времени и наличием необходимого по составу сплава. Судя по всему, какой-либо специализации для ремесленников, работающих с цветными металлами, не было. Они могли заниматься изготовлением как поясных наборов (пряжки, наконечники), так и специфическими вещами, например, псалиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
3. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 142 с.
4. Бабенчиков В.П. Чорноріченский могильник // Археологічні памятки УРСР. 1963. Т. 13. С. 90–122.
5. Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. 1997. Вып. 14. С. 133–142.
6. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Труды ГИМ. 1989. Вып. 70. Археологические исследования на юге Восточной Европы. С. 17-69.
7. Гавритухин И., Воронцов А. Узкие ременные наконечники со щелью для крепления, бытовавшие во 2-3 веках на востоке Европы // Studia Barbarica. Т. 1. Lublin, 2018. С. 592–617.
8. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с
9. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М.: Исторический музей, 2016. Ч. 1. 272 с.

10. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика юго-западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 320 с. (МАИЭТ. Suppl. 9).
11. Клочко В.И., Козыменко А.В. Древний металл Украины. Киев, 2017. 366 с.
12. Костромичев Д.А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии)// Stratum plus. 2011. № 4. С. 15–164.
13. Костромичев Д.А. Ажурные пряжки с пельтавидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // Stratum plus. 2015. № 4. С. 299–356.
14. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Адеф-Украина, 2010. 384 с.
15. Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматские погребения в курганах на р. Быстрой // СА. 1987. № 1. С. 183–193.
16. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–233.
17. Мульд С.А. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 51–67.
18. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
19. Симоненко А.В., Зубарь М.В. О снаряжении боевых коней в первые века н. э. на территории Северного Причерноморья // Золото, конь и человек. Киев: КНТ, 2012. С. 89–99.
20. фон Штерн Э.Р. Содержание гробницы, раскопанной в 1896 году в Керчи // ЗООИД. 1898. Вып. XXI. С. 271–292.
21. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
22. Храпунов И.Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии и культуры. 2006. Вып. XVI/1. С. 104–118
23. Храпунов И.Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 61–79.
24. Храпунов И.Н. Изделия сплетенные из железных колец // БИ. 2010. Вып. XXIII. С. 459–462.
25. Храпунов И.Н. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в до н. э. – IV в. н. э.) Т. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 97–121.
26. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // БИ. 2004. Вып. VII. С. 299–326.
27. von Carnap-Bornheim C., Ilkjær J. Illerup Ådal. 7. Die Prachtausrüstungen. Tafelband. Århus: Aarhus University Press, 1996. 486 s.
28. Lau N. Zum Ritus der Opferung von Kriegsbeute in der jüngeren römischen Kaiserzeit – Spuren ritueller Zerstörungen an Pferdegeschirren aus dem Thorsberger Moorfund // Akten der 16 Internationalen Roman Military Equipment Conference (ROMEC), Xanten, 13. –16. Juni 2007. Mainz an Rhein, 2010. P. 137–152. (Xantener Berichte. Bd. 16).
29. Madyda-Legutko R. Funkcje uzytkowe niektorych elementow wystroju pasow ludnosci kultury przeworskiej. Casus kablaczkow, zawieszek, skuwek z pierscieniem // Wiadamosci archeologiczne. 2016. Vol. LXVII. P. 65–110.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. *Etnicheskaja istorija rannevizantijskogo Kryma.* Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
2. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. *Krymskie goty strany Dori* (seredina III – VII v.). Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
3. Ambroz A.K. *Fibuly juga evropejskoj chasti SSSR.* Moscow, Nauka Publ., 1966, 142 p.
4. Babenchikov V.P. Chornorichenskij mogil'nik. *Arheologichni pamjatki URSR*, 1963, Bd. 13, pp. 90–122
5. Bezuglov S.I. Voinskoe pozdnesarmatskoe pogrebenie bliz Azova. *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g*, 1997, Vol. 14, pp. 133–142.
6. Bogdanova N.A. Mogil'nik pervyh vekov nashej ery u s. Zavetnoe. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja*, 1989, Vol. 70. Arheologicheskie issledovanija na juge Vostochnoj Evropy, pp. 17–69
7. Gavrituhin I., Voroncov A. Uzkie remennye nakonechniki so shchel'ju dlja kreplenija, bytovavshie vo 2-3 vekah na vostoke Evropy. *Studia Barbarica*, Bd. 1, Lublin, 2018, pp. 592–617.
8. Gushchina I.I.. Zasetskaya I.P. «Zolotoye kladbishche» rimskoy epokhi v Prikubanye. St-Petersburg, Farn Publ., 1994, 172 p.
9. Gushhina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Jugo-Zapadnom Krymu*. Moscow, Istoricheskij muzej Publ., 2016, Part 1, 272 p.
10. Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaja keramika jugo-zapadnogo Kryma I–III vv. n. e. (po materialam pozdneskifskih nekropolej Bel'bekskoj doliny).* Simferopol, 2010, 320 p.
11. Klochko V.I., Kozymenko A.V. *Drevnij metall Ukrainy*. Kiev, 2017, 366 p.
12. Kostromichev D.A. Rimskoe voennoe prisutstvie v Hersonese v nachale I – pervoj polovine V vv. (po dannym arheologii). *Stratum plus*, 2011, No 4, pp. 15–164.
13. Kostromichev D.A. Azhurnye prjazhki s pel'tavidnoj ramkoj: voprosy tipologii, hronologii i proishozhdenija. *Stratum plus*, 2015, No 4, pp. 299–356.
14. Kropotov V.V. *Fibuly sarmatskoj epohi*. Kiev, Adef-Ukraina Publ., 2010, 384 p.
15. Maksimenko V.E., Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskie pogrebenija v kurganah na r. Bystroj. *Sovetskaja arkheologija*, 1987, No 1, pp. 183–193.
16. Malashev V.Ju. Periodizacija remennyh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni. Ju.K. Guguev (Ed.), *Sarmaty i ih sosedi na Donu*, Rostov-na-Donu: Terra Publ., 2000, pp. 194–233.
17. Mul'd S.A. Pozdnesarmatskoe pogrebenie v Central'nom Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII, pp. 51–67.
18. Puzdrovskij A.E. *Krymskaja Skifija II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamjatniki*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p.
19. Simonenko A.V., Zubar' M.V. O snarjazhenii boevyh konej v pervye veka n.je. na territorii Severnogo Prichernomor'ja. *Zoloto, kon' i chelovek*, Kiev, KNT Publ., 2012, pp. 89–99.
20. fon Shtern E.R. Soderzhanie grobnicy, raskopannoj v 1896 godu v Kerchi. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*, 1898, Vol. XXI, pp. 271–292.
21. Khazanov A.M. *Ocherki voennogo dela sarmatov.* Moscow, Nauka Publ., 1971, 172 p.
22. Khrapunov I.N. Sklep III v. n. e. iz mogil'nika Nejzac. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*, 2006, Vol. XVI/1, pp. 104–118.
23. Khrapunov I.N. Nakonechniki remnej iz mogil'nika Nejzac. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 61–79.
24. Khrapunov I.N. Izdeliya spletennyye iz zheleznykh kolets. *Bosporskie issledovaniya*, 2010, Vol. XXIII, pp. 459–462

25. Khrapunov I.N. Serebrjanye i bronzovye prjazhki iz mogil'nika Nejzac. I.N. Khrapunov (Ed.), *Krym v sarmatskuju epohu (II v do n. e. – IV v. n. e.). T. II. 20 let issledovanij mogil'nika Nejzac*, Simferopol, Nasledie tysjacheletij Publ., 2016, pp. 97–121.
26. Khrapunov I.N., Mul'd S.A. Sklepy s pogrebenijami III v. n. e. iz mogil'nika Nejzac. *Bosporskie issledovaniya*, 2004, Vol. VII, pp. 299–326.
27. von Carnap-Bornheim C., Ilkjær J. *Illerup Ådal. 7. Die Prachtausrüstungen. Tafelband.* Århus, Aarhus University Press, 1996, 486 p.
28. Lau N. Zum Ritus der Opferung von Kriegsbeute in der jüngeren römischen Kaiserzeit – Spuren ritueller Zerstörungen an Pferdegeschirren aus dem Thorsberger Moorfund. *Akten der 16 Internationalen Roman Military Equipment Conference (ROMEC), Xanten, 13. –16. Juni 2007*, Mainz an Rhein, 2010, pp. 137–152. (Xantener Berichte. Bd. 16).
29. Madyda-Legutko R. Funkcje uzytkowe niektorych elementow wystroju pasow ludnosci kultury przeworskiej. Casus kablaczkow, zawieszek, skuwek z pierscieniem. *Wiadamosci archeologiczne*, 2016, Vol. LXVII, pp. 65–110.

A. V. ANTIPENKO
V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

RIDING HORSE TACK FROM BURIALVAULT 4 (77) AT CHERNORECHENSKII CEMETERY

Abstract: This paper discusses horse tack parts excavated from a grave in Chernorechenskii cemetery. Complex analysis of the archaeological material addresses the style, morphology, manufacturing technique, and chemical composition of metal. The artefacts under study were made of brass containing a great deal of zinc, by casting into two-part moulds. The conclusion states that the whole assemblage of horse tack was made simultaneously.

Keywords: riding horse tack, trace metal analysis, manufacturing technique.

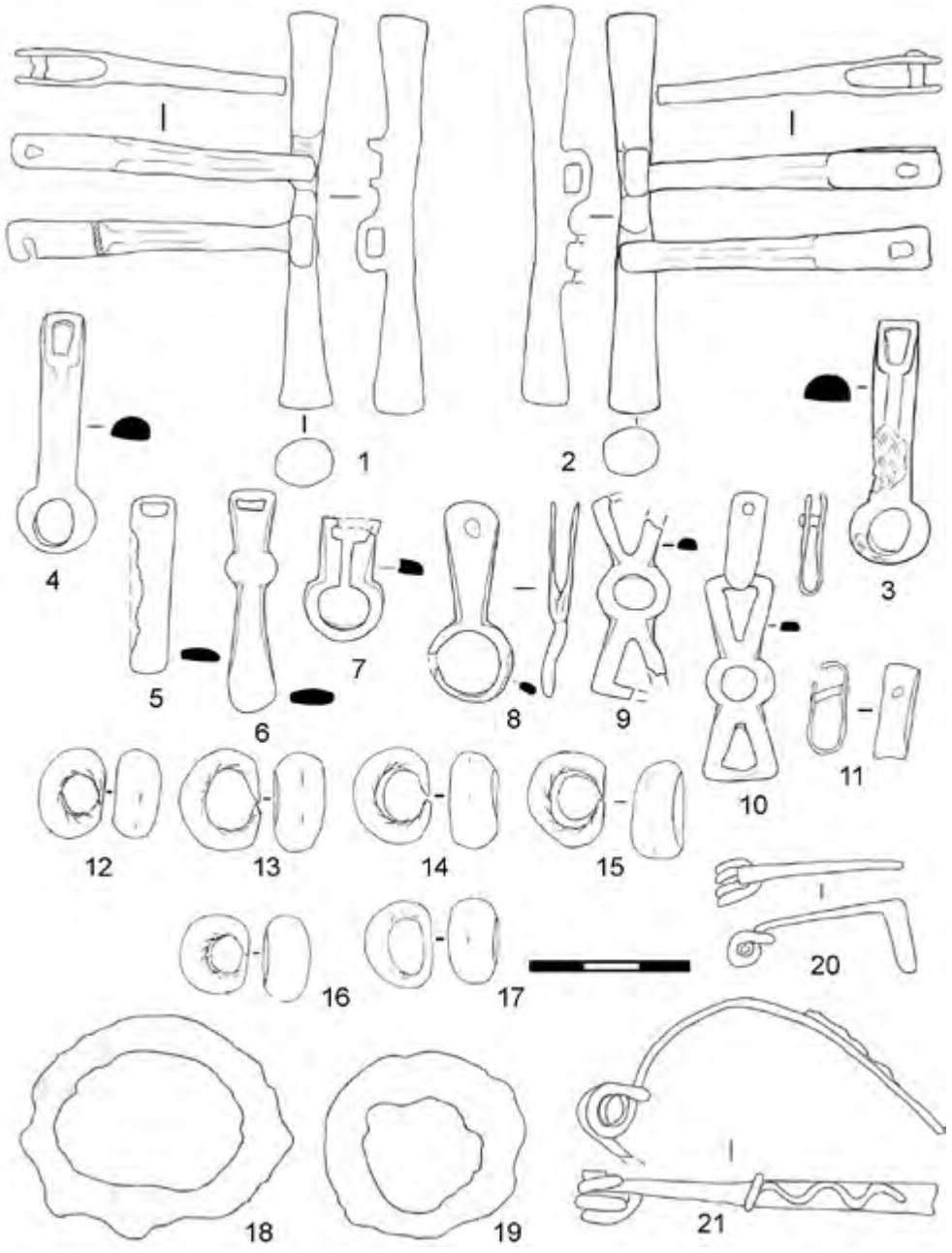


Рис. 1. Комплект конского снаряжения из склепа 4(77) Чернореченского могильника. 1, 2 – псалии; 3, 4 – поводные штанги; 5, 6, 8 – наконечники ремней; 7 – пряжка; 9–10 – подвески; 11 – обойма; 12–17 – бусины-пронизи; 18 – пряжка (?); 19 – кольцо; 20–21 – фибулы. 1–17 – латунь, 18–19 – железо, 20–21 – бронза.

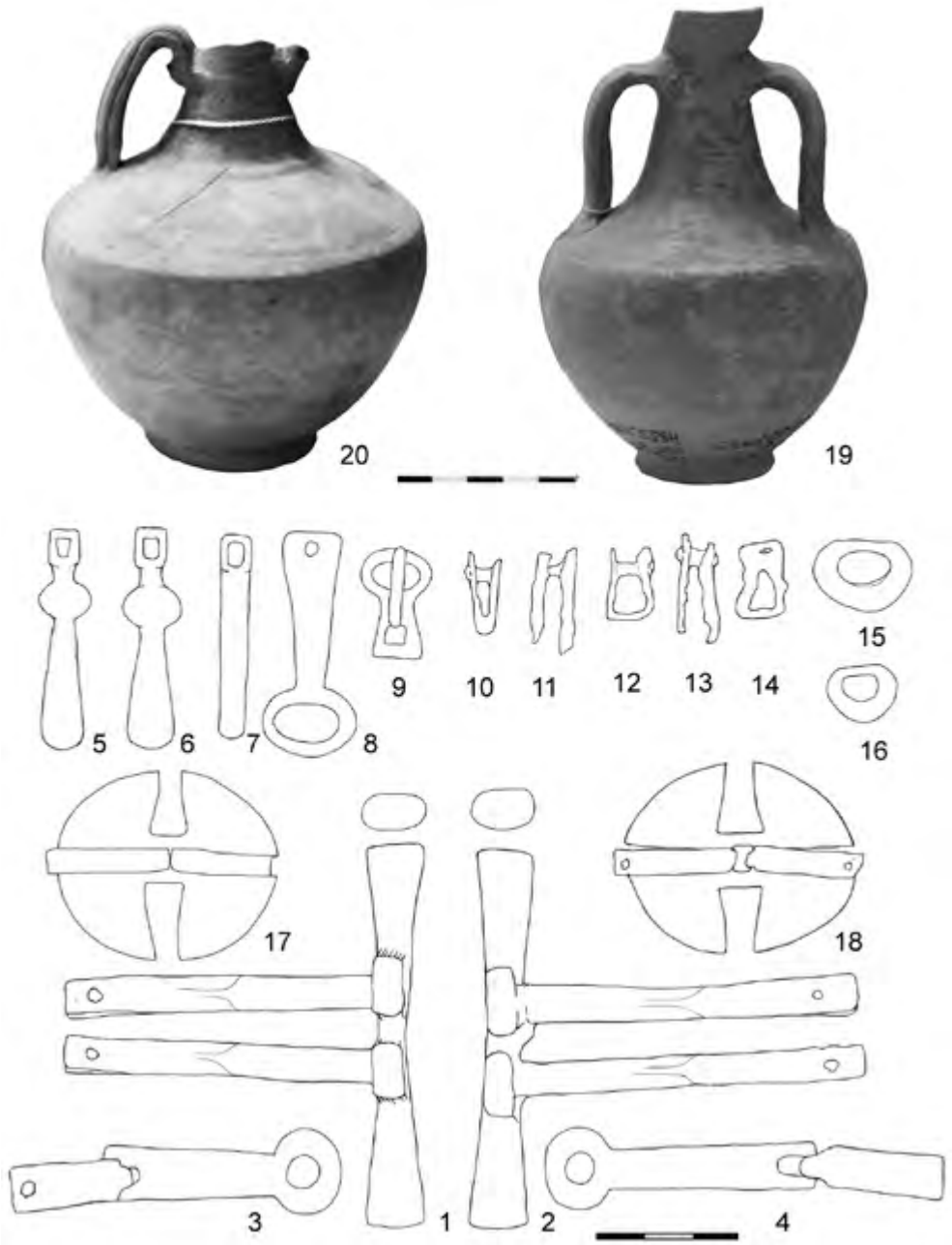


Рис. 2. Детали конской амуниции из Херсонской области (прорисовка выполнена автором по фото [11, с. 273, илл. 5]). 1, 2 – псалии; 3, 4 – поводные штанги; 5–8 – наконечники ремня; 9 – пряжка; 10–14 – обоймы; 15, 16 – бусины – пронизи; 17, 18 – украшения конского оголовья. 19, 20 – кувшины из склепа 4(77) Чернореченского могильника.

Рис. 3. Следы изготовления и использования на предметах конской амуниции. 1 – усадочные утяжки на псалии к.о.406; 2 – следы использования на псалии к.о. 406; 3 – внутренняя поверхность зажима псалия к.о. 408; 4-5 – следы проковки на бусинах; 6 – график вариации основных компонентов сплава.

E. ISTVÁNOVITS[a], V. KULCSÁR[b]

a) Jósa András Museum (Nyíregyháza, Hungary), b) University of Szeged (Szeged, Hungary)

AN EARLY MIGRATION PERIOD BURIAL UNDER THE PILGRIMAGE CHURCH OF MÁRIAPÓCS

Abstract: This paper publishes a looted, West–East oriented burial dated to the middle – second half of the 5th century, which was found during the rescue excavation and conservation of the Pilgrimage Church of Máriapócs (Szabolcs-Szatmár-Bereg Coutny). The assemblage includes a pair of Léva type bronze brooches of the Pannonian series by Igor' Gavritukhin, a bronze earring with blurred polyhedric knob, a large B-shaped iron buckle, and a small iron buckle with segmented frame, bronze prong and rivets. Originally, with a pair, it could belong to the shoe belts. Most of the finds have analogies west of the Danube, in Pannonia.

Keywords: Post-Hunnic period, B-shaped buckles, buckles with segmented frame, Léva type brooches.

In 2009, archaeological research was conducted in the famous Pilgrimage Church of Máriapócs (Northeast Hungary, Szabolcs-Szatmár-Bereg County), preceding the renovation works of the building (fig. 1). Excavation was led by Attila Jakab, the archaeologist of the Jósa András Museum in Nyíregyháza. In the course of investigation, he found an Early Migration Period burial in the SE corner of the crypt, 290 cm deep under the modern surface[1], registered as feature 2.

Our colleague was able to investigate the vicinity of the grave in a 5.4x9 m large area, but no further graves were found either in the crypt, or in its southern foreground. However, we should take into consideration that the grave was found in the corner of the crypt, and on the basis of the excavated territory it is impossible to tell whether this was a single burial or a part of a cemetery.

[1] This daily surface is obviously not identical with the one from the Early Migration Period, but it is notable, that at the southern entrance of the crypt, subsoil appeared 180 cm deep, that is to say, the contours of the grave were observed even more than 1 m deeper than it.

Feature 2

The contours of a W–E (290–110º) directed, rectangular pit with rounded corners and reddish-brown fill appeared in the loessy yellowish brown subsoil. The burial was looted[2]: the skull and the mandible laid in the northern part of the grave. Most of the human remains (long bones and fragment of a scapula) were heaped in the western part of the grave, while no bones were found in the eastern part. Anthropological material was in very poor condition. The line of the coffin could be traced 19 cm deep, in the western part of the grave, and in the southern part the line of the 50 cm wide coffin ran 76 cm long. The eastern end of the grave was cut by the foundation ditch of the eastern wall of the crypt. The grave-pit's survived length was 220 cm, width: 70 cm, depth (from the level of turnout) 25 cm.

Finds[3]:

1. A fragment of an iron object came to light 4 cm deep, in the western end of the grave. It could probably be the fragment of a chain or netting, consisting of some rings with circular cross section (exterior diameter 1.25 cm, interior diameter 0.8 cm) with a 1x2.8 cm large iron plate corroded to them. One of the rings is complete, and fragments of further two can be seen (Table I,*2*).
2. In the western end of the grave, 3 cm deep, NW of the latter object: a fragment of a small iron object, probably belonging to the same chain or netting, with a 1.9.x2.8 cm large iron plate. There is an imprint of textile piece on its exterior surface[4] (Table I,*3*).
3. In the western part of the grave, around the place of the breast: a Léva/Prša type brooch lying in N–S direction. Its triangular head is chip carved, ending in a pentagonal plain knob. The length of the head with the knob is 2.6 cm, width: 1.7 cm. The bow's cross section is a semi-spherical, it is 1.85 cm long and 0.5 cm wide. The foot is rhomboid, chip-carved, ending in a semispherical knob. Its length with the knob is 3.4 cm, width: 1.2 cm. The full length of the brooch is 7.4 cm. Its iron spring was low cord, but of very poor condition. The needle is missing. Width: 0.9 cm (Table II,*1*).
4. In the medium part of the grave, around the place of the breast bone: an earring made of thin bronze wire of round cross section, with a broken polyhedric knob at one end. Diameter: 1.5 cm. The knob is 0.5x0.7 cm large (Table I,*4*).
5. South of the middle of the grave, around the place of the right arm: ruined fragments of an iron object of unknown function (Table I,*8*).
6. 10 cm west of the previous object: a large iron buckle. It is B-shaped, with circular cross section, 2.5x4.5 cm large. Its prong originally could cope over the frame, iron

[2] Homogenous fill and regular shape of the grave show that looters' pit was dug precisely onto the grave-pit.

[3] The finds are kept in the collection of the Jósa András Museum, inv.no. 2018.86.1–15. We thank Péterné Szinyéri for the restoration of the objects and Gabriella Beleznai for the illustrations.

[4] We were not able to determine whether objects nos. 1 and 2 are fragments of a chain or of a netting, so we left them out of examination.

fragment no. 5 probably was its point. Double-plate, fragmented chape of the buckle was bent over the frame. It could be 3.2 cm wide, remained length: 2.5 cm (Table II,*3*).

7. In the central part of the grave: fragment of an iron object, probably, part of a blade and handle piece of a small, middle handled, straight, one-bladed knife. Length: 3.15 cm, width: 1 cm. The length of the handle: 1.7 cm, a few traces of wood can be seen on it, its end was riveted with a 0.5. long rivet (Table I,*5*).
8. At the same place: an irregular shaped iron object, perhaps an oval buckle frame with fragments of plate rusted to it (Table I,*6*).
9. Potsherd: fragment of a grey wheel made vessel with red core, at the northern wall of the grave, around the middle part of the pit; 1.8x1.9 cm[5].
10. Small fragment of a piece of a slag slightly burned to fungosity, at the southern wall of the grave; 1.1x1.3x1.9 cm[6].
11. In the eastern part of the grave: an iron buckle. The frame is oval, thickening, with circular cross section. Its 1.9 cm long bronze prong copes over the frame. Its rectangular base has four flutes running crosswise. Perhaps, the frame is segmented, it is 1.5x2 cm large. The badly fragmented chape bent over the frame was fixed with two 0.6 cm long bronze rivets with semi-spherical heads (Table I,*11*).
12. In the eastern part of the grave, 20 cm NE from the previous object: a 0.4 cm long bronze rivet with a round plate of 0.6 cm diameter (Table I,*10*).
13. In the western part of the grave, under the bones: a pressed globular shaped opaque green glass bead (diameter: 0.7 cm, height: 0.5 cm, diameter of the hole: 0.4 cm) and a coral bead of irregular shape, height: 1.3 cm (Table I,*7*).
14. West of the skull, close to the bottom of the grave: a Léva/Prša type brooch obviously made as the pair of the previously described one (Table II,*2*).

Single grave

Only a single grave was found under the church of Máriapócs, however, it can be suggested that there were more burials. The contours of the grave came to light just 1-2 cm under the floor of the crypt. Further graves could be destroyed during construction works. Besides, there were only limited possibilities for the research of the environment. Judging from the composition of the assemblage it is difficult to make assumptions on the character of the cemetery (if any). It could consist of relatively many burials, like the one from Csongrád-Kenderföldek [17, p. 310–318; 18, p. 47–52] but could belong as well to a "small family" burial ground like the one from Szekszárd-Palánk [19, p. 3] or a of one-two graves group like the one in Maglód Site 1[7].

[5] The sherd is uncharacteristic and is not suitable for exact dating. It can be contemporary to the grave, but taking into consideration that from one of the pits Roman Age finds came to light, it is more probable that the pottery fragment got into the fill of the grave from an earlier settlement layer.

[6] Probably got to the grave secondary.

[7] Unpublished excavation of Tibor Ákos Rácz (Ferenczy Museum, Szentendre). We thank him for the information.

Finds

Brooches

The best basis for chronological determination is provided by the pair of brooches of Léva (Léva/Levice–Prša or Léva–Tokari) type first circumscribed by Joachim Werner who collected and dated its pieces [24, S. 428–429]. On the basis of assemblages from Léva (today Levice, Slovakia) and Bodrogmonostorszeg (today Bački Monoštor, Serbia) (roll shaped hairring, broken nomadic mirror, silver cicada brooch; chip carved buckle, cicada brooch[8], Rautenfibel), he dated the type to the middle – second half of the 5th century. Judging from the distribution of the finds Werner suggested that these brooches took shape in the area of Kerch from where the type spread to the West [24, S. 431, Verbreitungskarte 1]. According to István Bóna „wurden von Germanen, Alanen und vielleicht auch Hunnen in gleicher Weise getragen" [2, S. 248–249, Abb. 34]. Recently, Igor' Gavritukhin published the most complete catalogue of the type, typology and summary of the scholarship [5][9]. According to his convincing opinion based on the spread area and accompanying finds, this type must had appeared in the period preceding the Battle of Nedao, that is to say, before the middle of the 5th century, in its second quarter. It could stay in use after the fall of the Hunnic Empire [5, p. 114, 117]. In connection with the appearance of the Léva brooches in Bulgaria, Alexandr Stanev pointed out that they did not occur together with 6th century objects. So, with all probability, they are to be connected with Theoderich's people who left the Lower Danube region in 488. That is to say, in this region, this date seems to be the upper border of the use of the type [20, c. 373]. The main spread areas of the Léva brooches are the Carpathian Basin and the European steppe [5, fig. 5–7]. A specific feature of their distribution in the Carpathian Basin is that they are missing from the left bank of the Tisza (i.e. the territory east of the river): the ones from Máriapócs are the first pieces found here[10].

So, the finding of Léva type brooches in Máriapócs is special from two aspects. First, as it was mentioned above, they are extremely rare east of Tisza. Second, our brooches belong to a characteristic variant registered by I. Gavritukhin as Pannonian series [5, p. 112, fig. 6:f]. To the main features of this series belong elongated triangular head and the size exceeding the average (6–6.6 cm). Out of the three sites listed by Gavritukhin we have to point out Halbturn. Finds from there remind the ones from Máriapócs most of all. The subtype got its name (Pannonian) because all of the sites (Carnuntum, Halbturn, Levél) lie in the NW corner of the Carpathian Basin. From typological point of view this subtype belongs to the latest group of the Léva type brooches. Based on these, we can most

[8] In the reality, it must have been the knob of a double-plate brooch and not a cikada.

[9] To the pieces collected by him we can add pair of brooches found in 2006 during preventive excavations of Motorway M0, in Maglód Site 1, grave 1068 (see footnote 7) and a stray find from Rákóczifalva. We thank Zsófia Masek for providing this yet unpublished information [12].

[10] Rákóczifalva mentioned in the previous footnote is situated on the left bank of the Tisza, but the brooch found here is a stray find, we have no information on its context.

probably date the manufacture time of the pieces from Máriapócs to the third quarter of the 5th century.

The looting of the burial does not allow us to evaluate the way of wearing the brooches. It is obvious that wearing them in pairs corresponds to the general custom of using brooches. One of them laid in the western part of the grave, around the right part of the breast, in N-S direction, while the other one was found west of the skull, close to the bottom of the grave-pit. Recently, Boglárka Mészáros dealt with the wearing custom of the brooch type in the Carpathian Basin [14]. Out of 29 sites collected by her, only seven burials contained enough information for such an examination. In all cases, Léva type brooches got into burials as part of female costume. Pieces from Csongrád–Kenderföldek and Jászberény–Szőlő-dűlő were found in pairs on the shoulders, referring to peplos like costume. In the case of Máriapócs the situation must had been similar[11]. At the same time, we would not take it for granted that this type of costume is Germanic. This assumption is problematic at least because two brooches on a costume are relatively frequently met also in Sarmatian burials. According to Valéria Kulcsár's data brooches in pairs occur in 12% of the cases in Sarmatian graves collected by her up to 1993 [9, p. 52].

Material composition of the brooches from Máriapócs – the high contents of zinc – shows that iron buckle with bronze prong formed one group with them[12].

Polyhedric earring

Simple bronze hair/earrings with cast polyhedric knob are common in the graves of the 5th century. The one found in Máriapócs is a simplified version, the angles of the knob are blurred, reminding more a sphere than a polyhedric shape. A similar piece was found e.g. in grave 14 of Viminacium, dated to phase C of the cemetery, that is to say, to the third third of the 5th – beginning of the 6th century. We should note that in the same grave a D-shaped iron buckle was found, that can be considered the antecedent of B-shaped buckles (see later) [6, p. 119, fig. 14:13, pl. 2:2].

[11] Though we cannot be sure that the brooches were found in situ in the looted grave, however, the fact that they laid more or less in one line with the height of the shoulders, refers to a peplos. At the same time, we know that one of the brooches came to light directed from north to south, that is to say, perpendicular to the body. So, diagonal way of closing the costume can be also suggested.

[12] We thank for the examination and evaluation of the data Miklós Kis-Varga (Institute for Nuclear Research of the Hungarian Academy of Sciences, Debrecen). According to it, composition of bronze objects is the following:

Sample	Fe	Cu	Zn	Ag	Sn	Pb
Bronze rivet	0.36	87.3	7.67	0.06	—	4.59
Earring, ring	0.71	78	6.32	0.26	12.4	2.29
Earring, knob	0.57	80.3	6.87	0.08	8.95	3.18
Buckle with bronze prong	0.68	83.5	13.2	0.11	1.43	0.93
Brooch 1	0.78	83.8	14.2	0.19	—	0.49
Brooch 2	0.96	81	16.3	0.43	—	1.28

Beads

Out of the two beads found in the grave, the glass one is uncharacteristic. As to the other one, we have to emphasise that coral ones were customary in earlier, Sarmatian graves, but are very rare in the 5th century burials of the Carpathian Basin. The same is the situation in the North Pontic region, where they belong to frequent finds in the Roman Age, but become single objects in the Migration Period [13, c. 104]. There may be a cessation of the source after the Roman Age in the backround of this phenomenon.

Buckles

There were two or three buckles in the assemblage: one bigger B-shaped piece and a smaller one with oval frame and bronze prong and rivets. In case of the third iron object (Table I,6) we can suggest that it belonged to a buckle. It is not easy to examine these finds, because the scholarship mostly deals with golden, silver and bronze buckles, while evaluation of iron buckles – obviously because of their poor preservation and hardly reconstructable shape – has been neglected, so it is not surprising that most of the analogies are not iron pieces.

The larger (2.5x4.5 cm) iron buckle (Table II,*3*) has a B-shaped, thickening frame (version at fig. 2:*2*). Its has a characteristic feature: its side meeting the point of the prong is arched. In our opinion, this form makes a serious difference comparing to the regular D-shape pieces (version at fig. 2:*1*). While the latter are met in a large number in the 5th century material, the B-shaped ones are much rarer – similarly to the liver shaped oval buckles (where the side of frame joining the prong is profiled). Such oval buckle can be mentioned e.g. from Zsámbok grave 2 [8, p. 4, tab. VI:1] or from Sióagárd–Gyümölcsös grave 2 differing only with its oval cross section and missing prong and chape. The author of the Sióagárd publication dated the find to the first half – middle third of the 5th century [15, p. 39, 40, fig. 2:1]. Fragmented iron buckle coming from grave 6 of the Zsámbok cemetery can be, probably, also mentioned here. Its publisher dated it on the basis of the accompanying finds to the middle third – third quarter of the 5th century [8, p. 34, tab. VIII:2). To the same version belongs the piece found in grave 666 of Fonyód-Mérnöki-telep. It is B-shaped, but – contrary to the buckle from Máriapócs – its side is not straight but arched. According to Péter Straub, the publisher, the site belongs to the group of small cemeteries of southern Transdanubia (territory west of the Danube), dated to the middle third of the 5th century. He also noted that this kind of buckles cannot be dated more precisely inside the 5th century [21, S. 213, 218, 220, Taf. 5:4]. Perhaps the closest analogies of the Máriapócs buckle were found in the cemetery of Mözs also dated to the middle of the 5th century. They are especially characteristic for their damascened decoration [16, p. 349, fig. 7:1–2]. (This poses the question whether they could have segmented surface like the smaller buckle from Máriapócs. In the case of the bigger one, this cannot be determined because of its poor state of preservation.) It is conspicuous that all the pieces listed above, probably the antecedents of the big buckle from Máriapócs, come from Transdanubia.

We know well dated B-shaped iron buckles – though not many – from the steppe region, e.g. from the cemetery of Djurso near Novorossijsk grave 408. On the basis of a glass plate and a double-plate brooch, the grave belongs to the third phase of the cemetery, that is to say, to phase D3/E-E (470/480-530/540 AD) [7, p. 45, 48, fig. 10:28].

B-shaped buckles were generally spread in the Roman provincial find material [11, S. 53, Abb. 52:2,4,6,8,9,11, 53:39]. We meet mainly their bronze version supplied with rectangular chape bent through the frame. The Late Roman cemetery of Ságvár is to be mentioned, where 33 bronze and two iron pieces came to light, most of them belonging to this shape (noting that the character of iron buckles is questionable). According to Alice Burger they can be dated between 351 and 375 [3, p. 144]. In Intercisa (Dunaújváros), judging from their large number, such pieces were dated to the 4th century and described under the term of the so-called Kerbschnittschnalle. Already in this publication the possibility of the type's continuity in the later Germanic material has been suggested [1, S. 460, Abb. 101–102]. We did not consider our aim to make a systematic collection, so we mention here only as an example grave 123 of the provincial Andernach-Kirchberg cemetery in Germania inferior and a stray find from the same site. Pieces of such type come to light from late 4th and sometimes early 5th century context [4, S. 109–111]. These Late Roman products can be probably considered the antecedents of the iron buckles of the Hun Age.

The smaller iron buckle with bronze prong, judging from its size, probably belonged to shoes. Iron object described under number 8 could be its pair, but its frame is hardly readable, the prong and chape are missing. As we have already mentioned, on the basis of the material composition of the smaller buckle's bronze prong, it can be definitely related to the brooches. We have not succeeded in finding an exact analogy. The closest parallels are perhaps the golden plated iron shoe buckles of the grave with deformed skull found in Drslavice. They have segmented frame and prongs bending over the frame, with profiled base [22, p. 35, tab. VIII:2–3]. They were dated to the first half of the 5th century [23, S. 110, Taf. 43:11]. A close analogy of the piece from Máriapócs, a buckle with iron chape and bronze frame was found in grave 793 of the Üllő Site 9 cemetery. Bronze rivets with semispherical heads are especially similar. Segmented buckles were mostly spread in the second half of the 5th century and in the 6th century [recently in details: 10].

Rivet

Judging from the position and analogies of the rivet with decorated plain head could have belonged to the belt. Metal composition of the rivet differs from the rest of the bronze objects coming from the assemblage.

A similar piece with plain head decorated with notches on the edge (height 0.7 cm) came to light as a stray find from Biharkeresztes–Ártánd, Nagyfarkasdomb[13]. Parallels

[13] Déri Museum, Debrecen, inv.no. 77.131.2.

are known from the Migration Period cemetery of Viminacium. These objects described by their publishers as "nail like" rivets were found as part of belts. Their analogies come both from Illyricum and Gepidian territory north of the Lower Danube from 6th century environment, but pieces with notched edge are also known from earlier assemblages dated to the classical Hun Age (Untersiebenbrunn) [6, p. 26, fig. 13:1–13].

We can assume that, judging from the pair of brooches, the burial, in all probability, was made in the last decades of the 5th century. Neither the further objects, not the W-E orientation of the grave tell against it. Analogies of most finds have appeared already in the second half/end of the 5th century and became widely spread in the beginning/first half of the 6th century. The assemblage is special because of its several Pannonian connections. The brooches have analogies in the NW part of the province, and in the territory east of the Tisza they are the first representatives of the Léva type. The assemblage from Máriapócs is a specific component of the very complex and colourful, continuously multiplying find horizon of the Hun and post-Hun Age in the Upper Tisza region.

REFERENCES

1. Alföldi M.R. Schmucksachen. *Intercisa II. (Dunapentele): Geschichte der Stadt in der Römerzeit*, Budapest, Akadémiai Kiadó Publ., 1957, pp. 399–476. (Archaeologia Hungarica XXXVI).
2. Bóna I. *Das Hunnenreich*. Budapest, Stuttgart, Corvina Publ., 1991.
3. Burger A.Sz. The Late Roman Cemetery at Ságvár. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1966, XVIII, pp. 99–234.
4. Brückner M. *Die spätrömischen Grabfunde aus Andernach*. Mainz, 1999. (Archäologische Schriften des Instituts für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität 7).
5. Gavritukhin I. Brooches of the Levice-Tokari sub-group. I. Khrapunov, F-A. Stylegar (Eds.), *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia toward the Black Sea*, Kristiansand, Simferopol, Dolya Publ., 2013, pp. 107–127.
6. Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. *Les nécropoles de Viminacium à l'epoque des grandes migrations.* Paris, Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance Publ., 2006.
7. Kazanski M.M. Khronologia nachal'noi fazy mogil'nika Diurso. *Istoriko-arkheologicheskij almanakh*, Armavir, Moscow, 2001, vol. 7, pp. 41–58.
8. Kiss A. *A zsámboki 5. századi temető. Alapszakos Szakdolgozat (BA thesis).* Budapest, 2015. URL: https://www.academia.edu/11955874/A_zs%C3%A1mboki_5._sz%C3%A1zadi_temet%C5%91._BA_szakdolgozat_2015.
9. Kulcsár V. *A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai* [The burial rite of the Sarmatians of the Carpathian Basin]. Aszód, Osváth Gedeon Múzeumi Alapítvány Publ., 1998. (Múzeumi Füzetek 49).
10. Kulcsár V. Hun kori nyúzott lovas temetkezés Üllőről [Hun Age burial with horse skin from Üllő]. M.L. Nagy, K. L.Szőlősi (Eds.), *„To make a fairy's whistle from a briar rose". Studies presented to Eszter Istvánovits on her sixtieth birthday*, Nyíregyháza, Jósa András Múzeum Publ., 2018, pp. 381–393.
11. Lányi V. Die spätantiken Gräberfelder von Pannonien. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae,* 1972, XXIV, pp. 53–214.

12. Masek Zs. Lévai típusú fibulatöredék Rákóczifalváról. *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, 2019, in print
13. Mastykova A.V. *Zhenskij kostium Central'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v konce IV – seredine VI v. n.je.* Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2009.
14. Mészáros B. 5. századi viseletrekonstrukciók néhány fibula alapján [Clothing in the 5th century AD, according to some of the brooches types]. Gy. Bíró (Ed.), *Szakkolégiumi Füzetek II. A Móra Ferenc Szakkollégium Évkönyve*, Szeged, 2015, pp. 134–146.
15. Ódor J.G. 5. századi temető Sióagárdon [Das Gräberfeld von Sióagárd aus dem 5. Jahrhundert]. *A Wosinsky Mór Múzeum Évkönyve. Vol. XXIII.Hadak útján XII. „Régiók és kistájak a népvándorlás korában". A népvándorlás kor fiatal kutatói konferenciájának előadásai Simontornya, 2001. szeptember 3-5,* Szekszárd, 2001, pp. 39–50.
16. Ódor J.G. The 5th century cemetery and settlement at Mözs (Tolna County, Hungary) – some issues concerning the "East-Germanic" period in Transdanubia. O. Heinrich-Tamáska (Hrsg.), *Keszthely-Fenékpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia. Castellum Pannonicum Pelsonense 2*, Budapest, Leipzig, Keszthely, Rahden/Westf., Verlag Marie Leidorf GmbH, 2011, pp. 347–359.
17. Párducz M. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1959. vol. 11, pp. 309–398.
18. Párducz M. *Die ethnischen Probleme der Hunnenzeit in Ungarn*, Budapest, Akadémiai Kiadó Publ., 1963. (Studia archaeologica 1).
19. Salamon Á. *Népvándorlás temetők Szekszárd-Palánkon*. Szekszárd, 1968. (A szekszárdi Balogh Ádám Múzeum füzetei 9).
20. Stanev A. *Elementi na germanskia fibulen kostium na iug ot Dunav. Po arheologicheski danni ot balkanskite provincii na Iztochnata Rimska Imperia V-VI vek*. Sofia, Avangard print, 2012.
21. Straub P. Hunnenzeitliche Gräbergruppen in der Gemarkung von Fonyód (Kom. Somogy) [Burial groups of the Hun period in the district of Fonyód (County Somogy)]. O. Heinrich-Tamáska, P. Straub (Hrsg.), *Mensch, Siedlung und Landschaft im Wechsel der Jahrtausende am Balaton*. Budapest, Leipzig, Keszthely, Rahden/Westf., Verlag Marie Leidorf GmbH, 2014, pp. 207–222. (Castellum Pannonicum Pelsonense, Bd. 4).
22. Tejral J. *Morava na sklonku antiky.* Praha, Academia Publ., 1982. (Monumenta Archaeologica XIX).
23. Werner J. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München, 1956. (Abhandlungen Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse 31).
24. Werner J. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine. *Slovenská Archeológia*, 1959, vol. VII.2, pp. 422–438.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alföldi M.R. Schmucksachen // Intercisa II. (Dunapentele): Geschichte der Stadt in der Römerzeit. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1957. S. 399–476. (Archaeologia Hungarica XXXVI).
2. Bóna I. Das Hunnenreich. Budapest, Stuttgart: Corvina, 1991.
3. Burger A.Sz. The Late Roman Cemetery at Ságvár // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1966. XVIII. P. 99–234.
4. Brückner M. Die spätrömischen Grabfunde aus Andernach. Mainz, 1999. (Archäologische Schriften des Instituts für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität 7).

5. Gavritukhin I. Brooches of the Levice-Tokari sub-group // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia toward the Black Sea / Eds. I. Khrapunov, F-A. Stylegar. Kristiansand, Simferopol: Dolya Publ., 2013. P. 107–127.
6. Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'epoque des grandes migrations. Paris: Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2006.
7. Казанский М.М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 2001. Вып. 7. С. 41–58.
8. Kiss A. A zsámboki 5. századi temető. Alapszakos Szakdolgozat (BA thesis). Budapest, 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/11955874/A_zs%C3%A1mboki_5._sz%C3%A1zadi_temet%C5%91._BA_szakdolgozat_2015 (дата доступа: 05.05.2018).
9. Kulcsár V. A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai. Aszód: Osváth Gedeon Múzeumi Alapítvány, 1998. (Múzeumi Füzetek 49).
10. Kulcsár V. Hun kori nyúzott lovas temetkezés Üllőről // „To make a fairy's whistle from a briar rose". Studies presented to Eszter Istvánovits on her sixtieth birthday / Eds. M.L. Nagy, K. L.Szőlősi. Nyíregyháza: Jósa András Múzeum, 2018. P. 381–393.
11. Lányi V. Die spätantiken Gräberfelder von Pannonien // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. Vol. XXIV. S. 53–214.
12. Masek Zs. Lévai típusú fibulatöredék Rákóczifalváról // Communicationes Archaeologicae Hungariae. 2019 (в печати).
13. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: Институт археологии РАН, 2009.
14. Mészáros B. 5. századi viseletrekonstrukciók néhány fibula alapján // Szakkolégiumi Füzetek II. A Móra Ferenc Szakkollégium Évkönyve / Ed. Gy. Bíró. Szeged, 2015. P. 134–146.
15. Ódor J.G. 5. századi temető Sióagárdon // A Wosinsky Mór Múzeum Évkönyve. Szekszárd, 2001. Vol. XXIII. *Hadak útján XII. „Régiók és kistájak a népvándorlás korában". A népvándorlás kor fiatal kutatói konferenciájának előadásai Simontornya, 2001. szeptember 3-5.* P. 39–50.
16. Ódor J.G. The 5th-century cemetery and settlement at Mözs (Tolna County, Hungary) – some issues concerning the "East-Germanic" period in Transdanubia // Keszthely-Fenékpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia / Hrsg. O. Heinrich-Tamáska. Budapest, Leipzig, Keszthely, Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2011. P. 347–359. (Castellum Pannonicum Pelsonense 2).
17. Párducz M. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1959. Vol. 11. S. 309–398.
18. Párducz M. Die ethnischen Probleme der Hunnenzeit in Ungarn. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. (Studia archaeologica 1).
19. Salamon Á. Népvándorláskori temetők Szekszárd–Palánkon. Szekszárd, 1968. (A szekszárdi Balogh Ádám Múzeum füzetei 9).
20. Станев А. Елементи на германския фибулен костюм на юг от Дунав. По археологически данни от балканските провинции на Източната Римска Империя V-VI век. София: Авангард принт, 2012.
21. Straub P. Hunnenzeitliche Gräbergruppen in der Gemarkung von Fonyód (Kom. Somogy) // Mensch, Siedlung und Landschaft im Wechsel der Jahrtausende am Balaton / Hrsg. O. Heinrich-Tamáska, P. Straub. Budapest, Leipzig, Keszthely, Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2014. S. 207–222. (Castellum Pannonicum Pelsonense 4).
22. Tejral J. Morava na sklonku antiky. Praha: Academia, 1982. (Monumenta Archaeologica XIX).

23. Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956. (Abhandlungen der Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse 31).
24. Werner J. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine // Slovenská Archeológia. 1959. Vol. VII.2. S. 422–438.

Э. ИШТВАНОВИЧ[a], В. КУЛЬЧАР[b]
а) Музей им. Андраша Йожа (Ньиредьхаза, Венгрия),
б) Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕЙ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ПОД ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ В Г. МАРИАПОЧ

Аннотация: В статье публикуется ограбленное погребение широтной ориентации, датированное серединой – второй половиной V в. н.э., найденное в ходе охранных раскопок при реставрации паломнической церкви в г. Мариапоч (обл. Саболч-Сатмар-Берег). Характерными находками являются пара бронзовых фибул типа Лева паннонской серии по классификации Гавритухина, бронзовая серьга с 14-гранником расплывчатой формы, большая B-образная железная пряжка, а также маленькая, вероятно, первоначально парная обувная железная пряжка с ребристой рамкой, бронзовым язычком и штырями. Большинство вещей находит аналогии к западу от Дуная, в Паннонии.

Ключевые слова: пост-гуннское время, B-образные пряжки, пряжки с ребристой рамкой, фибулы типа Лева.

Fig. 1. Situation of Máriapócs in Hungary and in Szabolcs-Szatmár-Bereg County.

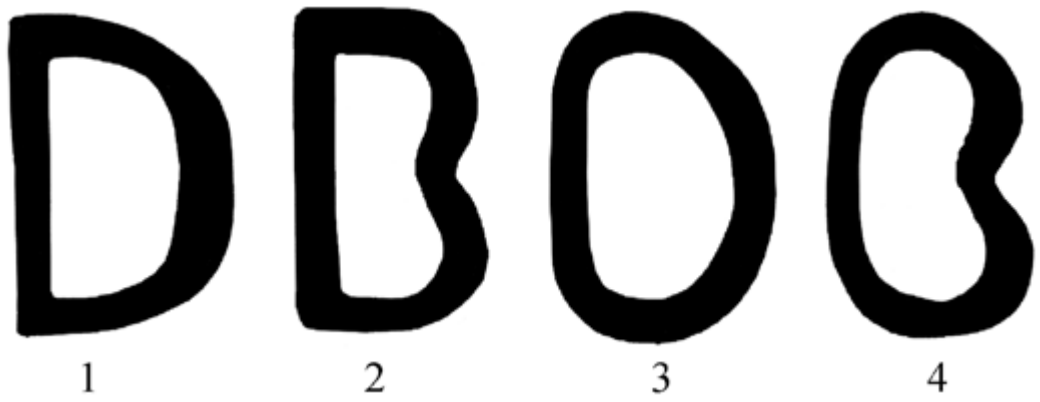


Fig. 2. Variants of buckles mentioned in the text: 1 – D-shaped; 2 – B-shaped; 3 – oval; 4 – kidney shaped.

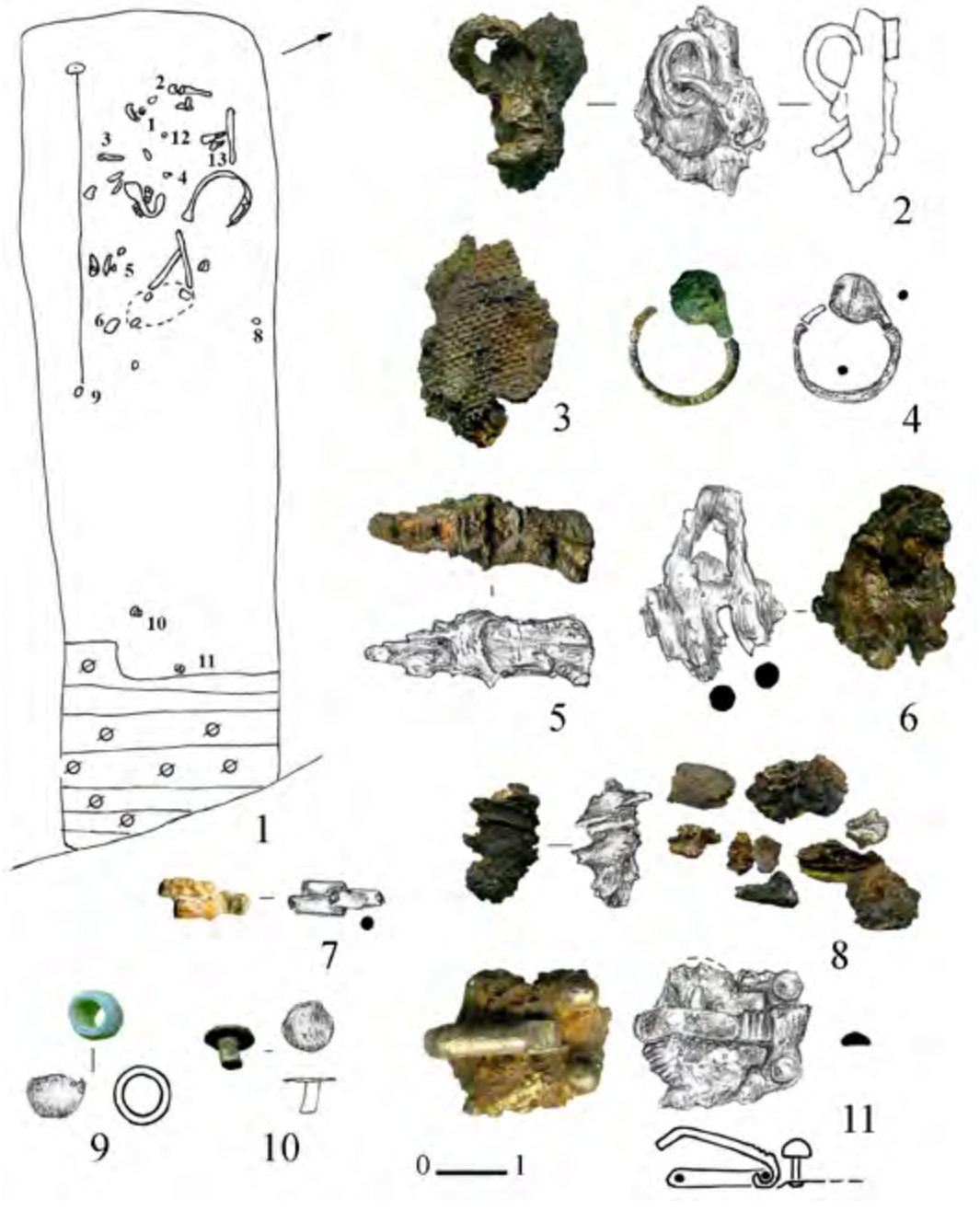


Table I. Finds from Máriapócs-Pilgrimage Church, feature (grave) 2.

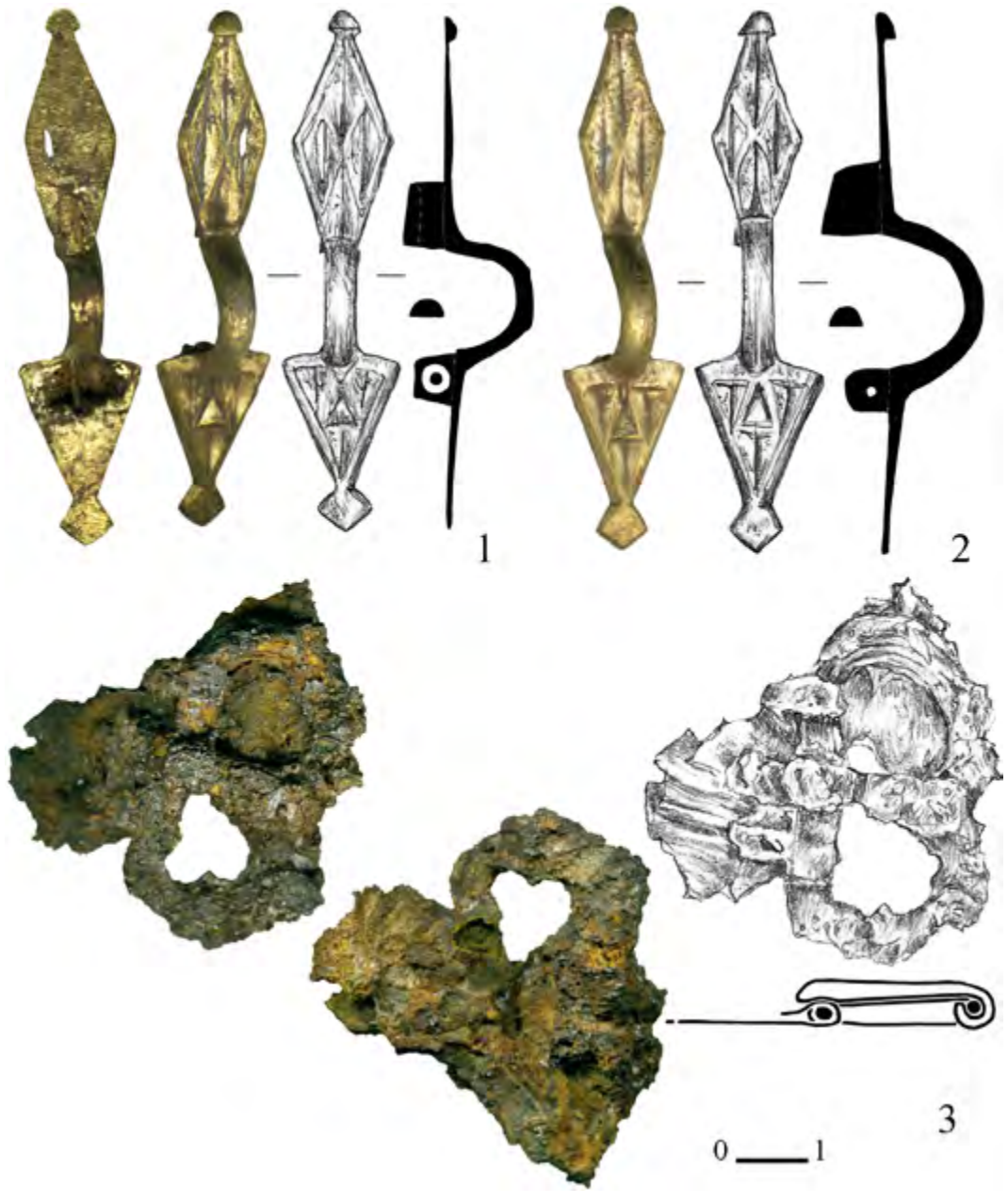


Table II. Finds from Máriapócs-Pilgrimage Church, feature (grave) 2.

М. М. КАЗАНСКИЙ
Национальный центр научных исследований (CNRS) (Париж, Франция)

ЦЕНТРЫ ВЛАСТИ У ГУННО-БОЛГАР ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПОСТГУННСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация: Предпринята попытка с помощью археологических данных определить географию центров власти степных племен во второй половине V – первой половине VI вв. на территории между бассейнами Дуная и Дона. Богатые находки престижного характера, погребения и поминальные комплексы, а также золотые монеты маркируют центры власти в постгуннской степи. Особо следует отметить богатство находок в Ялпуге, близ дельты Дуная и в Морском Чулеке, у устья Дона, очевидно, связанное с очень высоким статусом погребенных там людей. Можно предположить, что обе находки достаточно точно указывают на локализацию центров власти у степных кочевников послеаттиловской эпохи. Скорее всего, с болгарами, или же с гуннами сыновей Аттилы связаны находки в Ялпуге, Новогригорьевке (на Днепре) и в Ольвии. Донские находки и золотые монеты указывают на существование здесь некоего центра власти, связанного с оногурами. Наконец, погребение из Чикаренко в Крыму может принадлежать альциагирам.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, постгуннское время, «княжеские» находки, гунны, болгары, оногуры.

Не знаю, помнит ли кто-нибудь, что Александр Ильич Айбабин начинал свою научную жизнь не как специалист по археологии Крыма. Под руководством Михаила Илларионовича Артамонова в Ленинградском университете он написал и успешно защитил дипломную работу о знаменитом Перещепинском «кладе», принадлежавшем раннесредневековым кочевникам Северного Причерноморья. Поэтому данной статьей я хотел бы напомнить и об этой стороне научной деятельности юбиляра.

После падения державы Аттилы в 454/455 гг. кочевые гуннские и болгарские народы остаются хозяевами понтийских степей. В данной работе предпринята попытка с помощью археологических находок определить центры власти степных

племен в постгуннское время, т.е. во второй половине V – первой половине VI вв. на территории между бассейнами Дуная и Дона.

География расселения кочевых народов в постгуннское время в Северном Причерноморье определяется в общих чертах благодаря данным письменных источников (рис. 1). Редкие археологические находки того времени (рис. 1,*1–7*), хотя и определяют общие географические рамки территории, занятой степными кочевниками [11, с. 108–121; 25; 16; 31], но сами по себе информации о принадлежности конкретных памятников тому или иному гунно-болгарскому народу не несут. Как сообщает Иордан, после разгрома гуннов при Недао в 454/455 гг. сыновья Аттилы со своими ордами закрепляются в Северо-Западном Причерноморье [12, § 263]. Эрнак, младший сын Аттилы занимает удаленную часть Малой Скифии, в то время как его братья Эмнетзур и Ультзиндур[1] поселятся в «прибрежной Дакии», т.е. на Нижнем Дунае [12, § 266]. Около 456 г. сыновья Аттилы были разгромлены остроготов в Паннонии и бежали на Днепр [12, § 269]. Несколько позднее, в 466 г. Динтцик, сын Аттилы снова нападает на готов и опять терпит поражение. Под его началом тогда находятся ултзиндуры, биттугуры бардоры и ангискиры [12, § 272, 273]. Ангискиры, несомненно, являются германским народом [о них см.: 13], в то время как биттугуры и бардоры обычно считаются гуннскими племенами. Бардоры сопоставляются с гуннским племенем витторы/витгоры [3, с. 62], последних упоминает Агафий Миринейский в своем описании заключительной фазы Готской войны Юстиниана в Италии [1, II.13]. Агафий также упоминает известные ему гуннские народы котригуров, утигуров, ультизуров и вуругундуров (может быть, бардоры Иордана?). Ультизуры и вуругундуры слыли могущественными во времена императора Льва (457–474 гг.), потом они исчезли [1, V.11]. Что же до котригуров/кутригуров и утигуров, то эти два названия появляются в источниках только с конца 540-х – начала 550-х гг[2].Скорее всего, до этого времени те и другие особой военно-политической роли не играли и входили в состав других, более значимых объединений кочевни-

[1] По свидетельству Приска в начале 430-х гг. гуннский предводитель Руа вступает в войну с народами Дуная: амилзурами, итимарами, тоносурами и воисками [21, фр. 1]. Если верить Иордану, в момент появления гуннов в понтийских степях около 375 г. эти народы жили не на Дунае, а где-то на берегах Меотиды, то ли на Нижнем Дону, то ли в Восточном Крыму. Иордан их перечисляет в том же порядке, что и Приск – алпидзуры, алцилдзуры, итимары, тункарсы, боиски [12, § 126]. Очень возможно, что Иордан позаимствовал этот список народов у Приска. Можно предполагать, вслед за А. В. Гадло [7, с. 14], что амильдзуры/альпидзуры/алцилдзуры, итимары, тоносуры/тункарсы и воиски/боиски пришли на Нижний Дунай из степей Приазовья под давлением гуннов.

[2] Пожалуй, впервые эти названия появляются в зафиксированных Прокопием рассказах посольства готов-тетракситов, имевшего место в 547 г. [22, IV.4.9, 19.14].

ков, или же речь идет о совершенно новых политических образованиях кочевников[3] [14, с. 50].

Около 480–481 гг. в Северо-Западном Причерноморье появляется новый народ – болгары. Впрочем, по легенде, рассказанной Павлом Диаконом, болгары уже в начале V в. атакуют лангобардов, проживавших тогда к северу от Среднего Дуная [35, I.16]. Появление здесь болгар в это время могло бы свидетельствовать об их включении в гуннской союз. Однако речь идет именно о легенде, другие авторы фиксируют болгар лишь с 480 г., когда они появляются в качестве весомой военной силы на дунайской границе Восточной Римской империи. Император Зенон приглашает их против готов [30, fr. 211,4; см.: 3, с. 80]. Таким образом, вполне вероятно, что болгары – это новый народ, появившийся или, по крайней мере, проявивший себя в Северном Причерноморье только после падения империи Аттилы. Болгар упоминает в своем географическом описании Скифии Иордан, отражающем, на мой взгляд, ситуацию 480–520 гг. [подробнее: 14, с. 76–78]. Иордан помещает их над Понтийским морем, скорее всего, в Северо-Западном Причерноморье, сравнительно недалеко от нижнедунайских границ Империи, поскольку здесь болгары выступают как враги ромеев [12, § 36, 37]. В том же географическом очерке Иордан указывает и имя степных обитателей Крыма – это гунны-альциагиры [12, § 37]. Согласно А. И. Айбабину, крымскими альциагирами были, в частности, напавшие около 537 г. на Боспор гунны под предводительством Муагерия [2, с. 96, 97].

Что касается восточной половины северопонтийских степей, то господствовавшие там при Аттиле и управляемые одним из его сыновей гунны-акациры около 463 г. были разбиты коалицией сарагур, оногур/хунугур и урогов (угров?) [21, фр. 30; см.: 3, с. 76]. Свидетельства авторов второй половины V – VII вв. позволяют разместить сарагур на Северо-Восточном Кавказе, где они воюют с персами [21, фр. 37], а угров – где-то на Нижней Волге [24, VII.7.1.13; 3, с. 62–64]. Хунугуры Иорданом не локализованы, известно лишь, что они занимаются торговлей мехом [12, § 36, 37]. Зато у Равеннского Анонима (конец VII – начало VIII вв.), использовавшего описание Скифии Иордана (автор сам об этом говорит), страна Оногория находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота [23, IV.2; см.: 20, с. 162]. На этом основании логичнее всего разместить оногур/хунугуров в Северном Приазовье, близ устья Дона, представлявшего собой удобную дорогу на север, что и объяснило бы их участие в торговле мехом [подробнее: 15][4].

[3] Показательно, что между 539 и 559 гг. степные кочевники Северного Причерноморья не предпринимают никаких самостоятельных военных акций на западных рубежах Византии. Как раз на этот период, особенно на 545-551 гг. приходится серия мощных вторжений склавинов на балкано-дунайские провинции Империи. Не исключено, что в 540-е гг. в понтийских степях происходит серьезная военно-политическая перестройка, что, с одной стороны, надолго отвлекло степных кочевников от внешних военных акций, а с другой –развязало руки склавинам.

Рассмотрим некоторые археологические находки, свидетельствующие о локализации центров власти у северопонтийских кочевников в постгуннское время. Речь идет о богатых находках с вещами престижного характера, маркирующих географию таких центров.

Наиболее западной является случайная находка (или грабительские раскопки) 2006 г. на правом берегу озера Ялпуг, близ дельты Дуная (рис. 2). Сейчас берег озера разрушен водами. Вещи, кажется, были обнаружены в воде [8; 19; 34]. Они помещались в бронзовый сосуд (диаметром 35 см, высотой 10 см), с двумя ручками, украшенными лебедиными головами [19, с. 366]. Большая часть вещей бесследно пропала, сохранились лишь фотографии. Некоторые вещи были впоследствии идентифицированы в составе частных коллекций [например: 34, fig. 2]. Всего обнаружено не менее 49 вещей, их значительная часть изготовлена из золота, с декором из гранатов и бирюзы в стиле клуазоне (рис. 2)[5]. Это фрагменты декора клинкового оружия, детали ременной гарнитуры, седельные накладки типа Засецкая Iб – Ахмедов 5 [см. 4, с. 25, 26; 9, с. 46; 10, с. 143], аппликации в виде фигурок львов, возможно, от луки седла [см.: 4, с. 40, 41; 33, S. 195–198], фрагменты удил и др. [19, с. 366–370; 34]. По параллелям из «княжеских» и «королевских» погребений в Центральной и Западной Европе эти вещи были справедливо отнесены ко второй половине V в., при этом обоснованно предполагается происхождение вещей из византийских мастерских [34, p. 88]. Предполагалось даже, что вещи принадлежали какому-то варварскому вождю на службе Империи [19, с. 371, 372].

Еще одна престижная находка происходит из степей Днепровского Левобережья. На берегу р. Конка в 1884 г. Д. Я. Самоквасовым было исследовано несколько захоронений. В погребении VII под каменной закладкой были обнаружены кусочки угля, какие-то жженые кости, красноглиняный фрагментированный сосуд, согнутый железный меч, трехлопастные наконечники стрел, железные удила, бронзовые, обтянутые золотым листком бляшки с человеческими личинами, штампованные бронзовые пластины-накладки и лунница, также обтянутые золотым листом (рис. 3,*13–22*) [9, с. 165, табл. 6]. По штампованным пластинам и антропоморфным накладкам находка может быть отнесена к постгуннскому, т.н. шиповскому горизонту [11, с. 113]. Определение данного комплекса как погребения является сугубо предположительным, речь может идти и о т.н. поминальном комплексе.

Ряд престижных вещей постгуннского времени происходит из Ольвии. Это, во-первых, металлическая обкладка седла типа 4а по И. П. Засецкой, имеющая аналогии в могильниках постгуннского времени Дюрсо и Шипово [9, с. 46; 10, с. 45],

[4] Не исключено, что в течение VII в. их территория могла сместиться к востоку от Дона и Азовского моря, где, возможно, их упоминает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар – пришельцы» [3, с. 167–169; 7, с. 58, 69].

[5] Благодарю Олега Савельева за любезно предоставленный оригинал фотографии из публикации [8].

а также пряжка стиля клуазоне (рис. 4,*1*)[6], с овальными рамкой и щитком [17, с. 104, 105, рис. 47; 37], типичная для мужских «вождеских» могил. Изредка пряжки с овальными щитком и рамкой встречаются и в богатых женских погребениях [см., например: 29, pl. XIV]. Пряжки, подобные найденной в Ольвии, имеют средиземноморское происхождение [см.: 26; 28; 32]. Скорее всего, ольвийские вещи происходят из разрушенных гунно-болгарских погребений, поскольку во второй половине V в. античный город уже не существовал, а здешние степи были заняты кочевниками. Впрочем, здесь следует проявлять осторожность, поскольку торговцы древностями часто указывали как место происхождения вещей известные античные памятники, в частности «Ольвия» или «Керчь», чтобы поднять цену.

Необходимо упомянуть и так называемый Ольвийский клад [36, № 166], который представляет собой покупку, точное происхождение предметов неизвестно (рис. 5). Можно однако утверждать, что вне всякого сомнения вещи входили в состав престижного женского убора, возможно, происходящего из погребения. Принадлежность данного убора гунно-болгарам гипотетична и опирается, в основном, на его происхождение якобы из Ольвии. Клад включает в себя предметы женского убора, такие как колье с овальным медальоном, браслеты, серьги, перстни, булавки. Вещи явно принадлежат к числу византийских изделий второй половины V в. и представляют собой престижный женский убор [16].

Несколько восточнее, уже в Северном Приазовье, было найдено погребение Дмитриевка – Вольная Вода (рис. 4,*2*). Это ингумация, сопровождавшаяся захоронением коня и парадным мечом византийского происхождения, датированным второй половиной V в. [11, с. 110].

Также несколько изолированно выглядит и курганное погребение Чикаренко в Северо-Восточном Крыму, содержавшее остатки ингумации с богатым инвентарем, в т.ч. с парадным мечом (рис. 3,*1–12*) [5]. Пряжки и наконечники в стиле клуазоне датируются второй половиной V в. [11, с. 110; 27, p. 207–209].

Группа престижных находок постгуннского времени зафиксирована в бассейне Нижнего Дона. Это, в первую очередь, две женские ингумации в Морском Чулеке близ дельты Дона. Погребения содержали женские украшения, во второй могиле в ногах находились элементы парадной конской сбруи (рис. 6–9). Оба захоронения, судя по богатству инвентаря, несомненно относятся к числу «княжеских» и датируются второй половиной V – началом VI вв. [полная публикация: 11]. О высоком ранге погребенной в могиле 2 свидетельствуют и два «статусных» золотых браслета с расширенными концами и латинской весовой надписью (рис. 8). Здесь уместно вспомнить посольство сарагур, оногур и урогов, явившееся в 463 г. в Константинополь с предложением дружбы [3, с. 62] и наверняка получившее богатые дары [о дипломатических дарах см. подробнее: 11, с. 92–95]. Золотые калачевидные серьги, скорее всего, происходящие из богатого погребения, были найдены в Верхне-Кур-

[6] Благодарю Клауса фон Карнап-Борнхайма за любезно предоставленную фотографию этого предмета.

моярской, несколько восточнее дельты Дона (рис. 6,*11,12*). Они аналогичны найденным в погребении 1 Морского Чулека (рис. 6,*1,2*) и, по всей вероятности, относятся к тому же времени [11, с. 12, 13].

Надо упомянуть и комплекс в могильнике Ливенцовский VII, курган 35 [6]. Здесь была обнаружена каменная площадка с вещами, костями животных, редкие и мелкие обломки сожженных костей. Под каменной площадкой была выявлена небольшая яма, также содержавшая вещи. Среди найденных вещей выделяются предметы вооружения, элементы ременной гарнитуры и, вероятно, конской узды (рис. 10). Исследователи памятника обоснованно определяют его как поминальный комплекс, подчеркивают его «воинский» характер и относят по имеющемуся инвентарю к юстиниановской эпохе [6, с. 36, 37].

Золотые монеты второй половины V – середины VI вв. в северопонтийском Барбарикуме известны в бассейне Нижнего Дона, в степной зоне (рис. 1,*8–10*). Это находки из Луганска [монета Юстиниана – 18, № 232], Белояровки [монеты Юстиниана – 18, № 253], Лимаривки [монета Юстина и сасанидский сосуд, возможно, из погребения – 18, № 231]. Скорее всего, эти монетные находки связаны с гунно-болгарскими кочевниками, занимавшими в это время донские и приазовские степи.

Итак, богатые находки и золотые монеты маркируют центры власти в постгуннской степи. Особо следует отметить богатство находок в Ялпуге и Морском Чулеке, очевидно связанное с очень высоким статусом погребенных там людей. Можно предположить, что обе находки достаточно точно указывают на локализацию центров власти у степных кочевников послеаттиловской эпохи. Скорее всего, с болгарами, или же с гуннами сыновей Аттилы, связаны находки в Ялпуге, Новогригорьевке и Ольвии. Донские находки и золотые монеты указывают на существование здесь некоего центра власти, связанного с оногурами [15]. Наконец, погребение из Чикаренко в Крыму может принадлежать альциагирам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. и ком. М. В. Левченко. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 222 с.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
4. Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: Государственный Исторический Музей, 2012. С. 19–48.
5. Баранов И.А. Погребение V в. н.э. в Северо-Восточном Крыму // СА. 1973. № 3. С. 243–245.
6. Безуглов С.И., Ильюков Л.С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 25–48. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).

7. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. 216 с.
8. Дзиговский А.Н., Савельев О.К. Гунны // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса, 2013. С. 696–703.
9. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV –V вв.). СПб.: Эллипс ЛТД, 1994. 222 с.
10. Засецкая И.П. Классификация обкладок ленчиков седла V – первой половины VI вв. // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 142–146.
11. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
12. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Латинский текст, вступ. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 508 с.
13. Казанский М.М. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // Scripta Antiqua. 2011. Вып. 1. С. 27–49.
14. Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.
15. Казанский М.М. Оногуры в постгуннское время на Дону // Дивногорский сборник. 2016. Вып. 6. С. 96–111.
16. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 97–108.
17. Капошина С.И. Золотые серьги из Ольвии // КСИА. 1950. Вып. 33. С. 103–109.
18. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 64 с. (САИ, Вып. Е4–4).
19. Паламарчук С.В., Фокеев М.М. Вещевой комплекс Ялпугского клада // Древнее Причерноморье. 2011. Т. IX. С. 366–382.
20. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 488 с.
21. Приск Панийский. Готская история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб.: Тип-я Имп. Академии Наук, 1890. С. 810–847.
22. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
23. Равеннский Аноним. Космография // Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. С. 161–286.
24. Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 224 с.
25. Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 167–190.

26. Adams D. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Insititut der UAW, 2000. P. 13–70.
27. Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe au VIe siècle // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Eds. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1995. P. 207–216.
28. Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985. 230 p.
29. Bărbulescu M. Mormântul princiar germanic de la Turda. Cluj-Napoca: Tribuna, 2008. 388 p.
30. Johannis Antiocheni Frangmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C. Müller. Paris: A. Firmin-Didot, 1851. Vol. IV. P. 534–622.
31. Kazanski M. Tombes des élites steppiques de l'époque post-hunnique dans la région pontique // Přehled výzkumů. 2017. Vol. 58-1. P. 65–84.
32. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. 1996. Vol. 28. P. 203–209.
33. Kiss A. Archäologische Angaben zur Geschichte der Sättel des Frühmittelalters // Alba Regia. 1984. Vol. XXII. S. 189–207.
34. Levada M., Saveliev O. Découverte "princière" de l'époque des Grandes Migrations près du lac de Jalpug (delta du Danuve). Note préliminaire // Přehled výzkumů. 2017. Vol. 58-1. P. 85–89.
35. Paul Diacre. Histoire des Lombards. Tournhaut: Brepols, 1994. 208 p.
36. Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 2. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1965. 144 p.
37. Von Carnap-Borheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Almandinrundeln aus Olbia // Germania. 1995. Bd. 73/1. S. 151–155.

REFERENCES

1. Agafij. *O tsarstvovanii Yustiniana*. Moscow, Leningrad, Akadimiya nauk SSSR Publ., 1953, 222 p.
2. Ajbabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
3. Artamonov M.I. *Istoriya khazar*. Leningrad, Ermitazh Publ., 1962, 524 p.
4. Akhmedov I.R. Metallicheskie detali dekora zhestkikh sedel Vostochnoj Evropy gunnskogo i postgunnskogo vremeni. K izucheniyu voprosov proiskhozhdeniya i klassifikatsii. D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (Eds.), *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoj*, Moscow, Gosudarstvennyj Istoricheskij Muzej Publ., 2012, pp. 19–48.
5. Baranov I.A. Pogrebenie V v. n.e. v Severo-Vostochnom Krymu. *Sovetskaya arkheologiya*, 1973, No 3, pp. 243–245.
6. Bezuglov S.I., Il'yukov L.S. Pamyatnik pozdnegunnskoj epokhi v ust'e Dona. Yu.K. Guguev (Ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona*, Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., 2007, pp. 25–48. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona. Vol. II).
7. Gadlo A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* Leningrad, Leningradskij universitet Publ., 1979, 216 p.
8. Dzigovskij A.N., Savel'ev O.K. Gunny. I.V. Bruyako (Ed.), *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*, Odessa, 2013, pp. 696–703.
9. Zasetskaya I.P. *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepej v gunnskuyu epokhu (konets IV –V vv.)*. St-Petersburg, Ellips LTD Publ., 1994, 222 p.

10. Zasetskaya I.P. Klassifikatsiya obkladok lenchikov sedla V – pervoj poloviny VI vv. Zasetskaya I.P., Kazanskij M.M., Akhmedov I.R., Minasyan R.S. *Morskoj Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu.* St-Petersburg, Ermitazh Publ., 2007, pp. 142–146.
11. Zasetskaya I.P., Kazanskij M.M., Akhmedov I.R., Minasyan R.S. *Morskoj Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu.* St-Petersburg, Ermitazh Publ., 2007, 212 p.
12. Iordan. *O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov. Getica.* St-Petersburg, Aleteja Publ., 2001, 508 s.
13. Kazanskij M.M. Drevnosti postgunnskogo vremeni na yuge Vostochnoj Evropy i angiskiry. *Scripta Antiqua*, 2011, Vol. 1, pp. 27–49.
14. Kazanskij M.M. Arkheologicheskaya situatsiya v Srednem Podneprov'e v VII v. A.M. Oblomskij (Ed.), *Problemy vzaimodejstviya naseleniya Vostochnoj Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2014, pp. S. 45–137.
15. Kazanskij M.M. Onogury v postgunnskoe vremya na Donu. *Divnogorskij sbornik*, 2016, Vol. 6, pp. 96–111.
16. Kazanskij M.M., Mastykova A.V. Zhenskie mogily znati postgunnskogo vremeni v pontijskikh stepyakh i konstantinopol'skaya moda. T.A. Pavlenko, R.B. Skhatum, V.V. Ulitin (Eds.), *IV «Anfimovskie chteniya» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza*, Krasnodar, Traditsiya Publ., 2014, pp. 97–108.
17. Kaposhina S.I. Zolotye ser'gi iz Ol'vii. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 1950, Vol. 33, pp. 103–109.
18. Kropotkin V.V. *Klady vizantijskikh monet na territorii SSSR*. Moscow, Akadimiya nauk SSSR Publ., 1962, 64 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov, Vol. E4–4).
19. Palamarchuk S.V., Fokeev M.M. Veshchevoj kompleks Yalpugskogo klada. *Drevnee Prichernomor'e*, 2011, T. IX, pp. 366–382.
20. Podosinov A.V. *Vostochnaya Evropa v rimskoj kartograficheskoj traditsii*. Moscow, Indrik Publ., 2002, 488 p.
21. Prisk Panijskij. Gotskaya istoriya. Latyshev V.V. *Izvestiya drevnikh pisatelej o Skifii i Kavkaze. Tom I. Grecheskie pisateli*, St-Petersburg, Akademiya nauk Publ., 1890, pp. 810–847.
22. Prokopij iz Kesarii. *Vojna s gotami*. Moscow, Akadimiya nauk SSSR Publ., 1950, 516 p.
23. Ravennskij Anonim. Kosmografiya. Podosinov A.V. *Vostochnaya Evropa v rimskoj kartograficheskoj traditsii*, Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 161–286.
24. Feofilakt Simokatta. *Istoriya*. Moscow, Akadimiya nauk SSSR Publ., 1957, 224 p.
25. Khrapunov I.N., Kazanskij M.M. Pogrebenie № 114 na mogil'nike Nejzats (predgornyj Krym) i drevnosti kochevnikov Severnogo Prichernomor'ya vtoroj poloviny V – pervoj poloviny VI v. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*, 2015, Vol. 238, pp. 167–190.
26. Adams D. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments. C. Bálint (Hrsg.), *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert*, Budapest, Napoli, Roma, Archäologisches Insititut der UAW, 2000, pp. 13–70.
27. Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe au VIe siècle. F. Vallet, M. Kazanski (Eds.), *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*, Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne, 1995, pp. 207–216.
28. Arrhenius B. *Merovingian Garnet Jewellery*, Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1985, 230 p.
29. Bărbulescu M. *Mormântul princiar germanic de la Turda*. Cluj-Napoca, Tribuna, 2008, 388 p.

30. Johannis Antiocheni Frangmenta. *Fragmenta Historicorum Graecorum*, Paris, 1851, Vol. IV, pp. 534–622.
31. Kazanski M.Tombes des élites steppiques de l'époque post-hunnique dans la région pontique. *Přehled výzkumů*, 2017, Vol. 58-1, pp. 65–84.
32. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné. *Antiquités Nationales*, 1996, Vol. 28, pp. 203–209.
33. Kiss A. Archäologische Angaben zur Geschichte der Sättel des Frühmittelalters. *Alba Regia*, 1984, Vol. XXII, pp. 189–207.
34. Levada M., Saveliev O. Découverte "princière" de l'époque des Grandes Migrations près du lac de Jalpug (delta du Danuve). Note préliminaire. *Přehled výzkumů*, 2017, Vol. 58-1, pp. 85–89.
35. Paul Diacre. *Histoire des Lombards*. Tournhaut, Brepols Publ., 1994, 208 p.
36. Ross M.C. *Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 2.* Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1965, 144 p.
37. Von Carnap-Borheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Almandinrundeln aus Olbia. *Germania*, 1995, Bd. 73/1, pp. 151–155.

M. M. KAZANSKI

National Centre for Scientific Research (CNRS) (Paris, France)

CENTRES OF POWER AMONG THE BLACK SEA HUNNO-BULGARS IN THE POST-HUNNIC PERIOD

Abstract: This paper presents an attempt to determine the geography of the centres of power of steppe tribes in the second half of the fifth and the first half of the sixth century, in the area between the Danube and Don basins, according to archaeological account. Rich and prestigious finds, graves, funeral assemblages, and gold coins marked the centres of power in the Post-Hunnic steppe. It should be especially mentioned that rich finds in Yalpug, near the delta of the Danube, and in Morskoi Chulek, near the estuary of the Don, were possibly related to especially high status of persons buried there. One can suppose that both finds quite exactly indicated the centres of power among the steppe nomads of the post-Attila age. Perhaps the finds in Yalpug, Novogrigor'evka (on the Dnieper), and in Olbia were related to the Bulgars or the Huns of Attila's sons. The finds and gold coins from the Don area indicated that there was some centre of power related to the Onogurs. Finally, the burial in Chikarenko in the Crimea could belong to the Altziagiri.

Keywords: Northern Black Sea Area, Post-Hunnic period, "princely" finds, Huns, Bulgars, Onogurs.

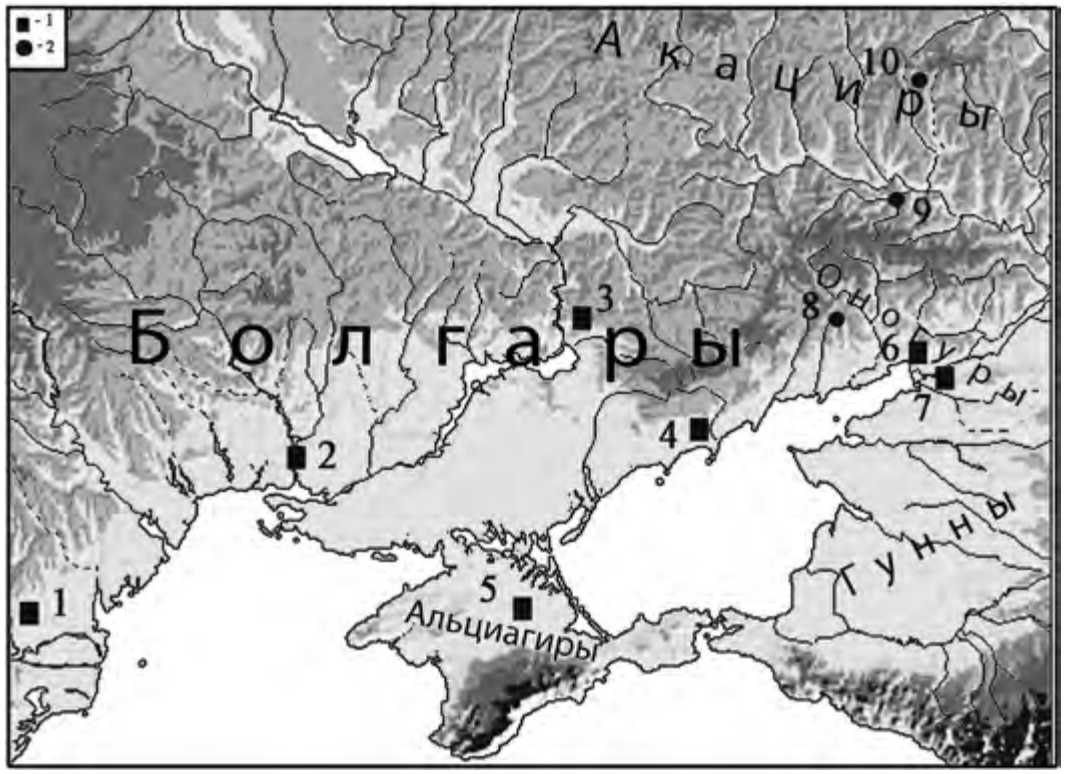


Рис. 1. Карта расселения гунно-болгрских племен по Иордану и богатые находки (1 – вещевые находки; 2 – золотые монеты).
1 – Ялпуг; 2 – Ольвия; 3 – Новогригорьевка; 4 – Дмитриевка-Вольная Вода; 5 – Чикаренко; 6 – Морской Чулек; 7 – Ливенцовский VII; 8 – Белояровка; 9 – Луганск; 10 – Лимаривка.

Рис. 2. Находка на озере Ялпуг [по: 8, табл. 23, 24]. Фото О. К. Савельева.

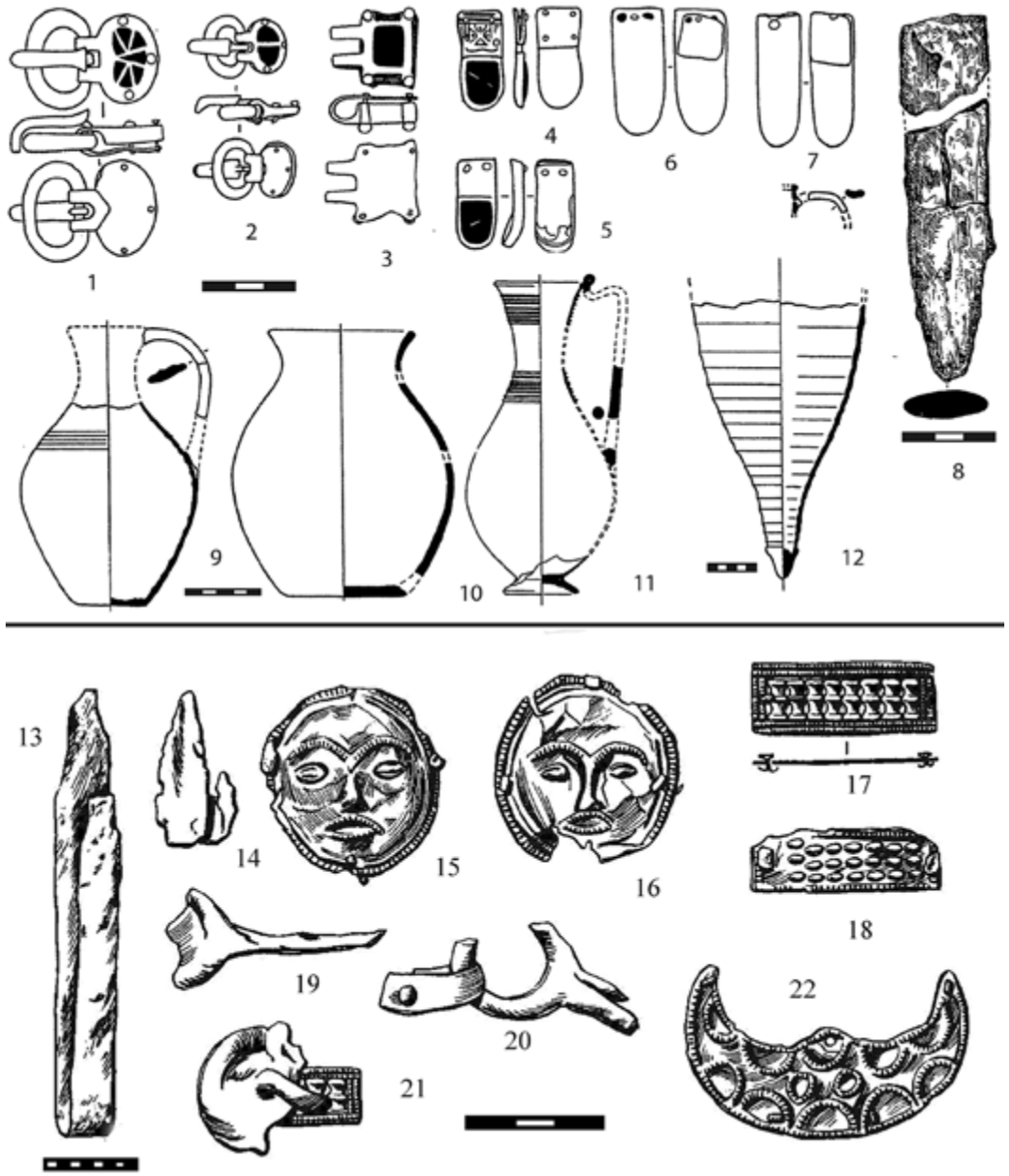


Рис. 3. Вещи постгуннского времени из находок в Чикаренко (1–12) и Новогригорьевке, могила VII (13–22) [1-12 – по: 27, fig. 5; 13-22 – по: 11, рис. 40,1-10].

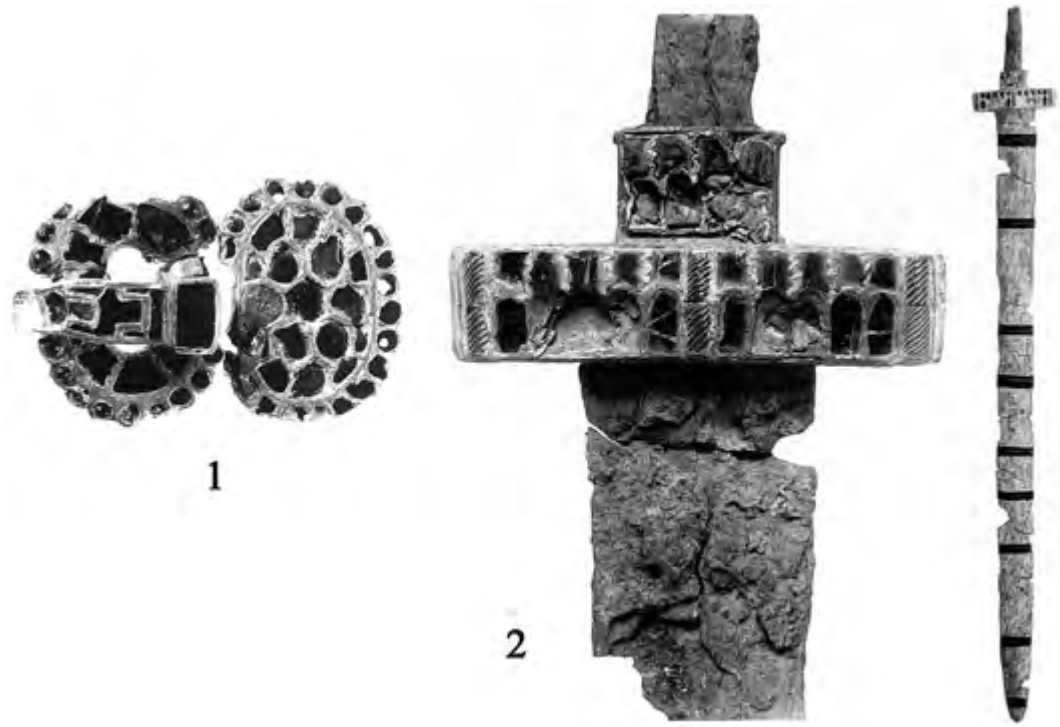


Рис. 4. Меч из погребения в Дмитриевке (1) и пряжка из Ольвии (2) [1 – по: 11, рис. 34; 2 – по: 37, Abb. 1]. 1 – Фото К. фон Карнап-Борнхайма.

Рис. 5. «Клад из Ольвии» [по: 36, pl. LXXIX–LXXXII].

Рис. 6. Находки из погребения 1 могильника Морской Чулек (1–10) и случайная находка из станицы Курмоярская (11–12) [по: 11, табл. I, рис. 1].

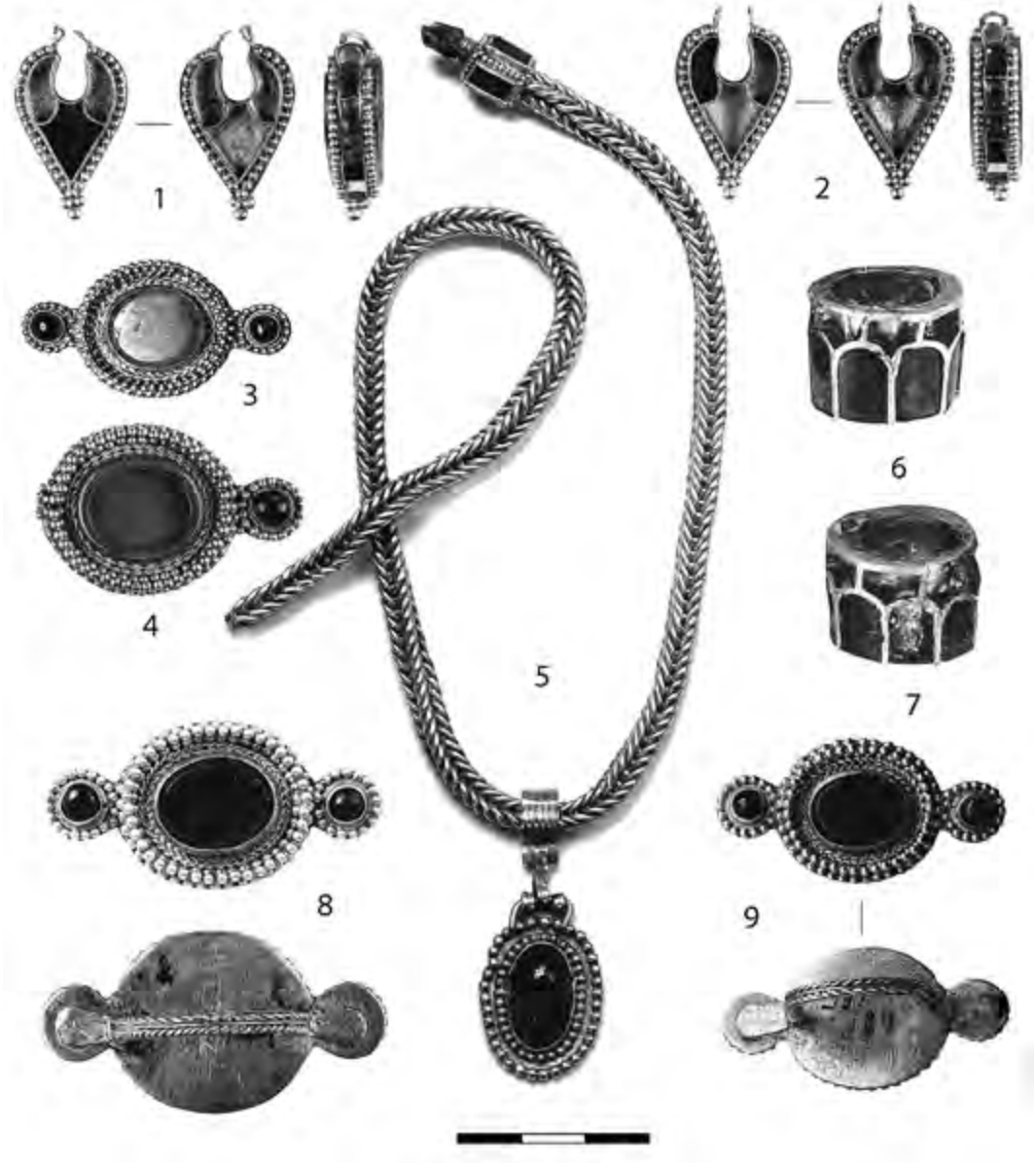


Рис. 7. Находки из погребения 2 могильника Морской Чулек [по: 11, табл. II].

Рис. 8. Браслеты из погребения 2 могильника Морской Чулек [по: 11, табл. III].

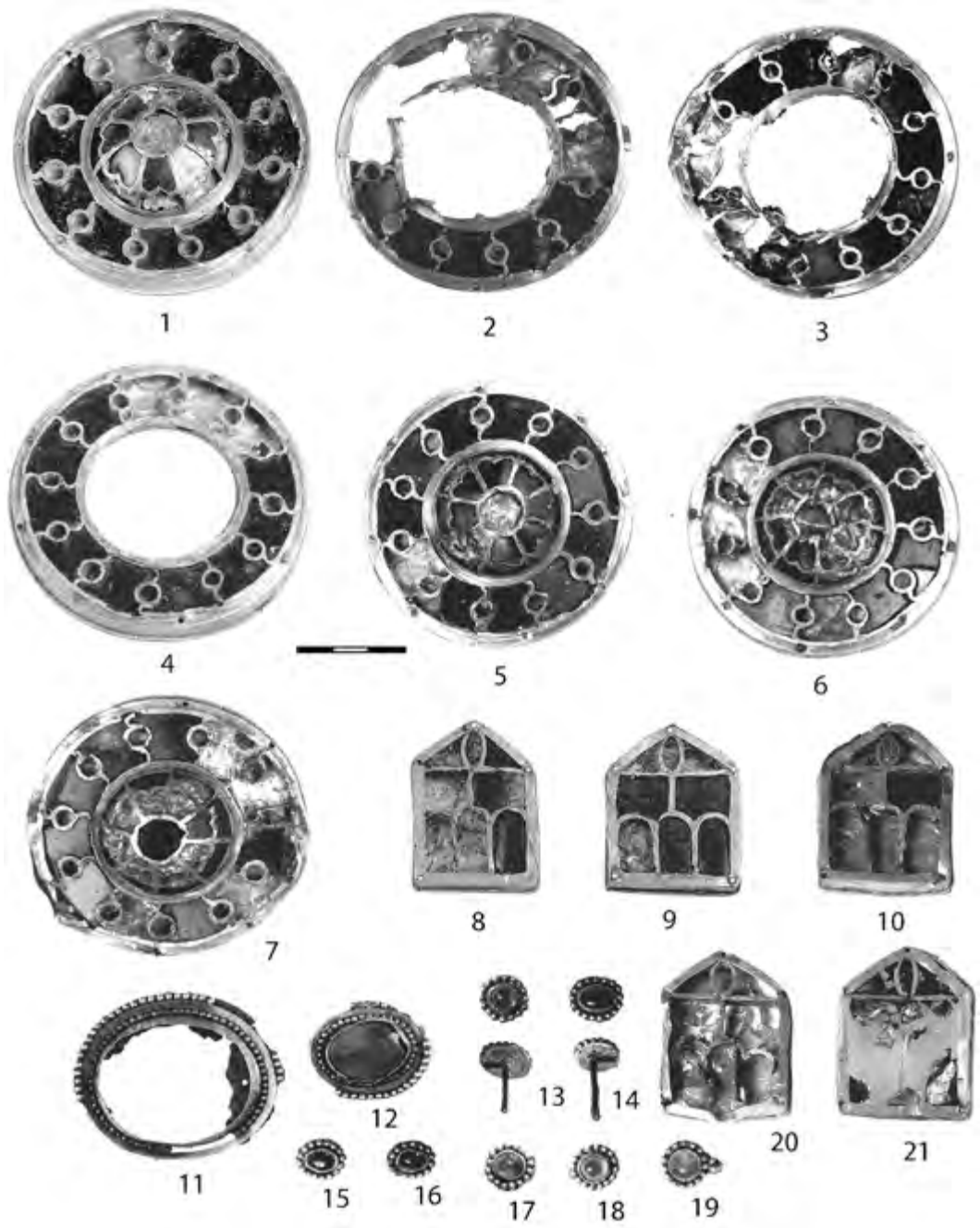


Рис. 9. Элементы конской упряжи из погребения 2 могильника Морской Чулек [по: 11, табл. IV].

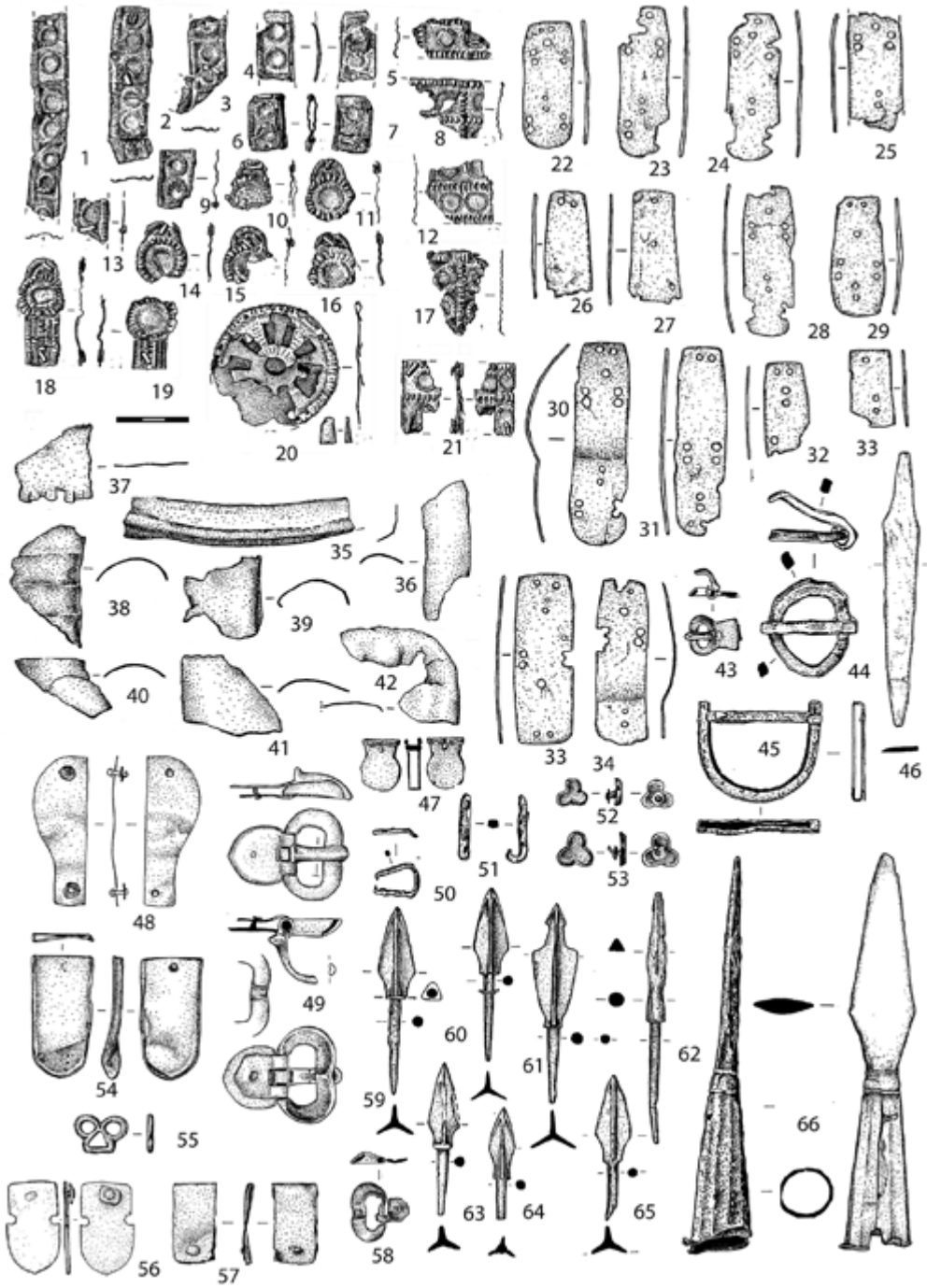


Рис. 10. Вещевые находки из кургана 35 в некрополе Ливенцовский VII [по: 6, рис. 4-9].

В. Н. ЗИНЬКО, Е. А. ЗИНЬКО

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

САКРАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ТИРИТАКИ[1]

Аннотация: В статье рассматриваются сакральные постройки ранневизантийского времени в боспорском городе Тиритака. Длительное время жители этого города были язычниками. В результате раскопок в центральной части города было открыто святилище с двумя алтарями. Подобные по конструкции алтари известны на позднеантичных памятниках Боспора и связаны с местными культами и верованиями. Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно утверждать, каких языческих божеств в нем почитали. Это святилище в центре Тиритаки функционировало несколько столетий и было заброшено, судя по археологическим материалам, лишь во второй половине V в. Вероятно, это следует связывать с тем, что в последней трети V в. христианство становится официальной религией Боспорского царства, и именно с этого времени появляются бесспорные материальные свидетельства присутствия христиан среди жителей боспорского города Тиритака. В это время в юго-восточной части города строится трехнефная христианская базилика. Она была исследована в 1930-е годы В. Ф. Гайдукевичем. Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака происходил довольно медленно. На протяжении длительного времени основная масса жителей, как об этом свидетельствует материальная культура, были язычниками. Лишь после принятия Боспором христианства в качестве государственной религии, церковь начинает играть ведущую роль в жизни города.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Тиритака, археологические исследования, святилище, христианство, базилика.

Несмотря на определенное запустение, связанное с варварскими походами второй половины III в., в IV–VI вв. город Тиритака (рис. 1), судя по проводимым с 1932 г. раскопкам, оставался важным пунктом в южной части европейского побережья Боспора

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты»

Киммерийского. Кварталы, открытые В. Ф. Гайдукевичем в южной и восточной припортовых частях города, сохранили регулярную застройку и прежнее направление основных улиц [3; 4; 15, S. 495–496]. По его мнению, Тиритака в это время представляла собой «совершенно оригинальный тип боспорского города, значительная часть территории которого была занята производственно-хозяйственными постройками» [2, с. 173]. С севера на юг проходила лишь одна основная уличная магистраль, по обеим сторонам которой располагались жилые дома, принадлежащие тиритакским рыбопромышленникам и виноделам. Вся остальная площадь города была занята, главным образом, производственными постройками [2, с. 378]. Однако во второй половине III в. большая часть рыбозасолочных цистерн была заброшена и лишь немногие впоследствии были перестроены и использовались.

В результате археологических работ последних лет авторами статьи впервые были исследованы слои IV–VI вв. в центральной части верхнего города [7–10]. Работы позволили сделать выводы о более сложной планировке Тиритаки, чем предполагал В. Ф. Гайдукевич. Так, на раскопе XXVI (рис. 2), площадью более 1 тыс. кв. м, были раскопаны фрагменты нескольких улиц и постройки различного назначения[2], в основе своей повторяющие городскую планировку, заложенную еще в архаическую эпоху. Постройки занимали всю городскую территорию, общей площадью до 10 га, ограниченную ветхими крепостными стенами, капитально перестроенными на отдельных участках еще в I в. [10, с. 93]. Основными занятиями жителей этого боспорского города были рыбный промысел и сельское хозяйство, а также некоторые ремесла.

Открытые в центральной части города постройки располагались на двух разноуровневых террасах, ориентированных по линии северо-восток – юго-запад (рис. 3). Верхнюю террасу с юго-запада ограничивает стена шириной 0,8–1,0 м, а с северо-востока примыкает улица шириной до 2 м, вымощенная обломками амфорной тары. Улица функционировала довольно долго, на это указывает два уровня керамической мостовой, а также материалы из развала, перекрывшего улицу, датированные не ранее третьей четверти VI в. К западу от улицы находилась большая жилищно-хозяйственная постройка площадью около 300 кв. м, состоящая из нескольких помещений, двух комплексов цистерн и хозяйственного двора (рис. 3). Вход в эту городскую усадьбу располагался с северной стороны, а дальше во двор вела мощеная крупными известняковыми камнями вымостка. В восточной части двора усадьбы находился рыбозасолочный комплекс из трех цистерн. Средние размеры северной и центральной цистерны – 2,8х2,3 м, а глубина – 3,30 м. Южная цистерна была немного меньше и имела размер 2,50х2,48 м и глубину 2,50 м. К восточной стене рыбозасолочных цистерн с юга примыкала внешняя ограда усадьбы, а за ней находилась улица, вымощенная фрагментами керамики. Со стороны двора эти цистерны были ограничены довольно толстой невысокой каменной стеной, в

[2] В настоящее время готовиться 3-й том «Тиритака. Раскоп XXVI», в котором анализируются строительные комплексы и материалы IV-VII вв. н.э.

южной части которой находился проход к цистернам. При расчистке пола в северной цистерне был обнаружен слой костных остатков керченской сельди. Возможно, эти цистерны были предназначены для производства рыбных соусов наподобие римского гарума [5, с. 182].

На основании новейших раскопок установлено, что своеобразной градостроительной доминантой в центральной части верхнего города, вероятно, являлось большое отдельно стоящее здание (СК-1), площадью около 72 кв. м. Это была культовая постройка, которая первоначально представляла собой однокамерное прямоугольное здание с внутренними размерами 12,5х5,7 м, вытянутое с северо-востока на юго-запад. Кладки стен, шириной от 0,6 до 1,0 м, местами сохранились на высоту 3–5 рядов камней, а в юго-западной стене находился дверной проем шириной 1,5 м (рис. 4). Возведенное еще в I–II вв., на рубеже III–IV вв. святилище перестраивается, и его внутренний объем делится на два помещения. В глубине дальнего (северного) помещения вдоль задней стены сохранились фрагменты двух алтарей в виде прямоугольных каменных загородок из поставленных на ребро плоских известняковых камней (рис. 5). Внутри загородок прослежена лишь подсыпка из крупного морского песка толщиной до 0,02 м. Подобные по конструкции алтари известны на позднеантичных памятниках Боспора и связаны с местными культами и верованиями. Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно утверждать, каких языческих божеств в нем почитали [6, с. 332].

Языческое святилище в центре Тиритаки функционировало несколько столетий и было заброшено, судя по археологическим материалам, лишь во второй половине V в. Вероятно, это следует связывать с тем, что в последней трети V в. христианство становится официальной религией Боспорского царства, и именно с этого времени появляются бесспорные материальные свидетельства присутствия христиан среди жителей боспорского города Тиритака. Хотя следует отметить, что отдельные находки краснолаковой керамики с христианской символикой встречались и при раскопках более ранних городских построек, датируемых IV – первой половиной V вв. События, связанные с принятием боспорской правящей верхушкой христианства в лице царя Тиберия Юлия Дуптуна, коренным образом изменили публичную религиозную практику [12, с. 432]. Забрасываются старые святилища и с помощью Византии начинается строительство христианских базилик в боспорских городах. В то же время в частной жизни, в той или иной степени, сохранились и прежние языческие обряды. Поэтому период последней трети V – начала VI вв. можно рассматривать как время перехода общественной культовой жизни от языческих обрядов к христианским литургиям [11, с. 114].

Среди раннехристианских храмов Боспора наиболее хорошо, с археологической точки зрения, сохранилась трехнефная базилика в юго-восточной части города Тиритака, исследованная еще в 1930-х годах В. Ф. Гайдукевичем (рис. 6). Это, пожалуй, наиболее поздняя монументальная общественная постройка, известная

на городской территории Тиритаки. Базилика была построена в припортовой (нижней) части города на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса первых веков. План здания имеет несколько перекошенную форму, а фундамент вдвое превосходил по толщине наземные стены. На основании уцелевших частей здания В. Ф. Гайдукевичем установлено, что базилика была трехнефная, ориентированная на восток – юго-восток. Внутренние размеры базилики следующие: ширина – 9 м, длина до алтарной части – около 10,2 м, ширина среднего нефа – 4,75 м, ширина боковых нефов – 1,35 м. Тем самым, по площади она была лишь немногим больше, чем заброшенное несколькими десятилетиями ранее языческое святилище в верхнем городе. Стены базилики и фундаменты сложены из местного известняка в виде грубо обработанных квадров или просто бута. Многочисленные обломки говорят о том, что некоторые части этого здания были сложены из кирпичей – плинфы, а кровля была черепичная [3, с. 70]. Долгое время предполагалось, что алтарная часть была пристроена на отдельных фундаментах впритык к основному корпусу здания базилики. Однако при расчистке фундамента постройки в 2009 г. нам удалось установить, что с восточной стороны находилась не пристройка, а два контрфорса, в толще же очень массивной восточной стены была устроена небольшая овальная ниша – апсида. Внутри базилики местами сохранились основания колоннад, состоявших из 4-х колонн, имевших продольное направление через всё помещение базилики. В восточной части южного нефа находилась купель, к которой можно было подойти через боковой вход, сделанный в южной стене базилики. В основании этого входа *in situ* сохранился массивный порожный камень с квадратными основаниями для двухстворчатой двери. Эти материалы археологических исследований В. Ф. Гайдукевича позволили восстановить план базилики (рис. 7) и создать ее объемную реконструкцию (рис. 8).

При исследовании базилики В. Ф. Гайдукевичем в большом количестве были обнаружены обломки мраморных архитектурных деталей, которые позволяют датировать эту постройку в пределах второй половины или конца V – начала VI вв. [3, с. 71]. Одна из них – база колонны (рис. 9) была обнаружена *in situ* на северном стилобате, в его северо-западной части. Помимо базы колонны, при раскопках были выявлены фрагменты нескольких стволов мраморных колонн, наиболее сохранившийся из которых имел в длину 1,65 м. Найдено также несколько капителей, среди которых одна полностью сохранившаяся импостная ионического ордера и разбитая на несколько частей капитель коринфского ордера.

Импостная капитель (рис. 10) четырехсторонняя, имеет два длинных и два коротких симметричных фасада. Отличие состоит в том, что по одной из узких сторон эхина в рельефе высечен крест со слегка расширяющимися концами (так называемый мальтийский крест). По центру главных фасадов расположена одна крупная ова, фланкированная по обе стороны угловыми волютами. Балюстры капители имеют центральный перехват, от которого в обе стороны расходится декор в виде чешуйчатых листьев. Капитель эта принадлежит типу III (простому типу с гладким

эхином) по классификации В. Веми [16, p. 17], получившему широкое распространение с середины V в. в Восточном Средиземноморье.

Сложившаяся на Боспоре историческая ситуация, а также материалы археологических исследований, дают основание выдвинуть предположение, что лишь с конца V в. начинается активная христианизация жителей Тиритаки. Причем ведущую роль в этом процессе играла Византия, за средства которой, вероятнее всего, и была построена тиритакская базилика для христианской общины города.

В начале VI в. Византийская империя активизирует свою политику в Крыму, в том числе и на Боспоре Киммерийском. Из сочинений Малалы, Феофана, Псевдо-Дионисия Тельмарского, Иоана Никиусского и Михаила Сирийца известно, что в первый же год правления Юстиниана I (527–565 гг.) правитель живших близ Боспора гуннов Горд, как называл его Феофан, или Грод, как называл его Малала, крестился в Константинополе. Это указывает на то, что племена Горда переходят под контроль империи. Однако не пожелавшие принять христианство гунны убили Горда и передали власть его брату Муагерию. Гунны захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон. По словам Феофана, император послал морем отряд под командой комита устьев Евксинского Понта апоипата Иоанна. Гунны, как только узнали о приближении византийцев, бежали из города Боспор. Феофан и Малала отнесли описанные события к 527–528 гг. [14, с. 50–51; 1, с. 94–95]. Каких-либо свидетельств боевых действий, связанных с гуннским погромом, в Тиритаке не выявлено. Наступивший после этого период политической стабильности на Боспоре Киммерийском продолжался довольно недолго, в течении двух царствований – Юстиниана I и Юстина II.

Материалы археологических раскопок свидетельствуют о сохранении во время Юстиниана прежней планировки и границ города Тиритака. В первой половине VI в. строительство ведется в центральной части города, где перестраиваются дома и возводятся новые производственные и хозяйственные комплексы. Во дворах и постройках городских усадеб Тиритаки исследовано значительное количество хозяйственных ям и керамических пифосов, которые служили для хранения зерна, вина и рыбы. Особый интерес представляет биконический пифос, вкопанный внутри небольшой каменной загородки, примыкающей к двухкамерному дому. На его боку под венчиком по сырой глине было прочерчено граффито в виде равноконечного христианского креста и надписи «ФІЛЕ». Археологический материал из заполнения пифоса и из перекрывавшего постройки слоя свидетельствует о прекращении жизни в этой городской усадьбе одновременно с другими строительными комплексами в третьей четверти VI в.

Для последнего периода жизни города характерно наличие среди столовой керамики значительно большего количества краснолаковой посуды с изображением крестов, а также полное исчезновение терракотовых статуэток языческих божеств. Кроме того, в 2012 г. была обнаружена мраморная доска с надгробной эпитафией церковного чтеца Феодора, которая датируется VI в. Она свидетельствует о высоком

иерархическом статусе предстоятеля христианской общины города [13, с. 387]. Это первая находка христианского надгробия для Тиритаки.

Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака происходил довольно медленно. На протяжении длительного времени основная масса жителей, как об этом свидетельствует материальная культура, были язычниками. Судя по археологическим и эпиграфическим источникам, подавляющее большинство населения Тиритаки в это время составляли, как и ранее, боспорские греки, в среду которых, возможно, с конца III в. начинает проникать христианское вероучение. Но лишь в последней трети V в., после официального принятия Боспорским царством христианства в качестве государственной религии, церковь начинает играть ведущую роль в жизни города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999.
2. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
3. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.
4. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 149–218.
5. Зинько А.В. Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н.э. // БИ. 2006. Вып. XI. С. 177–186.
6. Зинько А.В. Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. // ТГЭ. 2008. Вып. XLII. Византия в контексте мировой культуры. С. 329–337.
7. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В. Исследования хоры Нимфея и городища Тиритака // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ, 2004. С. 129–133.
8. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В. Археологические исследования хоры Нимфейского полиса и боспорского города Тиритака в 2004 г. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005. С. 129–133.
9. Зинько В.Н., Зинько А.В. Ранневизантийские слои Тиритаки (по материалам раскопок 2002–2005 гг.) // Византия в контексте мировой культуры. Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 12–13.
10. Зинько В.Н., Зинько А.В. Тиритака в V–VI вв. н.э. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 91–102.
11. Зинько Е.А. Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 78–89.
12. Зинько Е.А. Процесс христианизации Боспорского царства // БИ. 2010. Вып. XXIII. С. 424–433.
13. Зинько Е.А., Зинько В.Н. Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака // ТГЭ. 2015. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. С. 377–388.
14. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: Хронография Феофана, Бревиарий Никифора. М.: Наука, 1980.
15. Gajdukevic V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie Verlag, 1971.
16. Vemi V. Les chapiteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne. Athénes, 1989. (BCH. Suppl. XVII).

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma.* Simferopol, Dar Publ., 1999.
2. Gaydukevich V.F. *Bosporskoye tsarstvo.* Moscow, Leningrad, Akademia Nauk SSSR Publ., 1949.
3. Gaydukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935–1940 gg. *Materialy i issledovanija po archeologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1952, No 25, pp. 15–134.
4. Gaydukevich V.F. Raskopki Tiritaki i Mirmekiya v 1946–1952 gg. *Materialy i issledovanija po archeologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1958, No 85, pp. 149–218.
5. Zin'ko A.V. Rybolovnyy promysel v Tiritake v III v. n.e. *Bosporskiye issledovaniya*, Simferopol, Kerch, 2006, Vol. XI, pp. 177–186.
6. Zin'ko A.V. Bosporskiy gorod Tiritaka v rannevizantiyskuyu epokhu. Po materialam raskopok 2002–2005 gg. *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha*, St-Petersburg, 2008, Vol. XLII., pp. 177–186.
7. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu., Zin'ko A.V. Issledovaniya khory Nimfeya i gorodishcha Tiritaka. *Arkheologichni vidkrittya v Ukraini 2002–2003 rr.*, Kiev, 2004, pp. 129–133.
8. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu., Zin'ko A.V. Arkheologicheskiye issledovaniya khory Nimfeyskogo polisa i bosporskogo goroda Tiritaka v 2004 g. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2003–2004 rr.*, Zaporizhzhya, 2005, pp. 129–133.
9. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Rannevizantiyskiye sloi Tiritaki (po materialam raskopok 2002–2005 gg.). *Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. Tezisy dokladov*, St-Petersburg, 2006, pp. 12–13.
10. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Tiritaka v V–VI vv. n.e. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2008, Vol. XIV, pp. 91–102.
11. Zin'ko E.A. Khristianskiye motivy v rospisyakh pantikapeyskikh sklepov. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol', 2003, Vol. X, pp. 78–89.
12. Zin'ko E.A. Protsess khristianizatsii Bosporskogo tsarstva. *Bosporskiye issledovaniya*, Simferopol, Kerch, 2010, Vol. XXIII, pp. 424–433.
13. Zin'ko E.A., Zin'ko V.N. Protsess khristianizatsii naseleniya bosporskogo goroda Tiritaka. *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha*, St-Petersburg, 2015, T. LXXIV, pp. 377–388.
14. Chichurov I.S. *Vizantiyskiye istoricheskiye sochineniya: Khronografiya Feofana, Breviariy Nikifora*. Moscow, Nauka Publ., 1980.
15. Gaydukevich V.F. *Das Bosporanische Reich*. Berlin, Akademiya Verlag, 1971.
16. Vemi V. *Les chapiteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne*. Athénes, 1989. (Bulletin de Correspondance Hellénique. Suppl. XVII).

V. N. ZIN'KO, E. A. ZIN'KO

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

SACRAL BUILDINGS IN EARLY BYZANTINE TYRITAKE

Abstract: This paper addresses sacral buildings from the Early Byzantine period in the Bosporan city of Tyritake. Throughout the long period, the residents of this city confessed paganism. The excavations in the central city area uncovered a sanctuary with two altars. Altars of similar construction are known in late antique sites in the Bosporos; they were related to local cults and faiths. Repeated reconstructions destroyed most of cult artefacts from the sanctuary, so it would be hard to determine which pagan deities venerated in it. This sanctuary in the centre of Tyritake existed throughout a few centuries; according to archaeological materials, it was abandoned in the second half of the fifth century. Perhaps it was related to the transformation of Christianity into the official religion of the Bosporan Kingdom in the last third of the fifth century; from this time on, there appeared the materials supplying unequivocal evidence of the presence of Christians among the residents of the Bosporan city of Tyritake. In this period, a Christian basilica comprising a nave and two side aisles was constructed ion the south–eastern city area. V. F. Gaidukevich investigated the monument in the 1930s. The Christianization of the population of the Bosporan city of Tyritake was rather a long process. According to the material culture, most of the city residents were pagans during a long period. Only when the Bosporos accepted Christianity as the state religion, the church started playing a key role in the city life.

Keywords: Cimmerian Bosporos, Tyritake, archaeological research, sanctuary, Christianity, basilica.

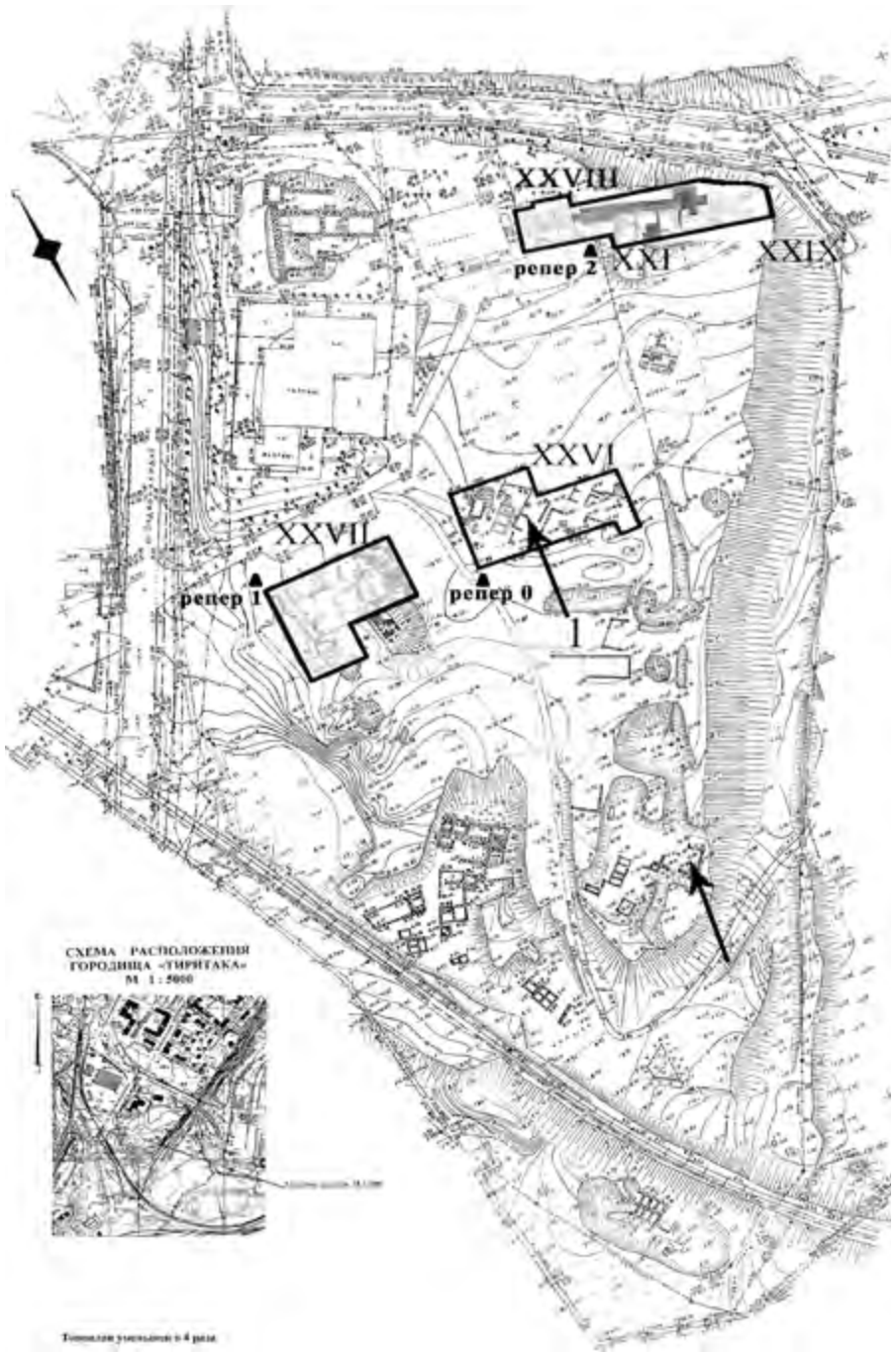


Рис. 1. План боспорского города Тиритака.
1 – языческое святилище; 2 – христианская базилика.

Рис. 2. Раскоп XXVI в центральной части города.

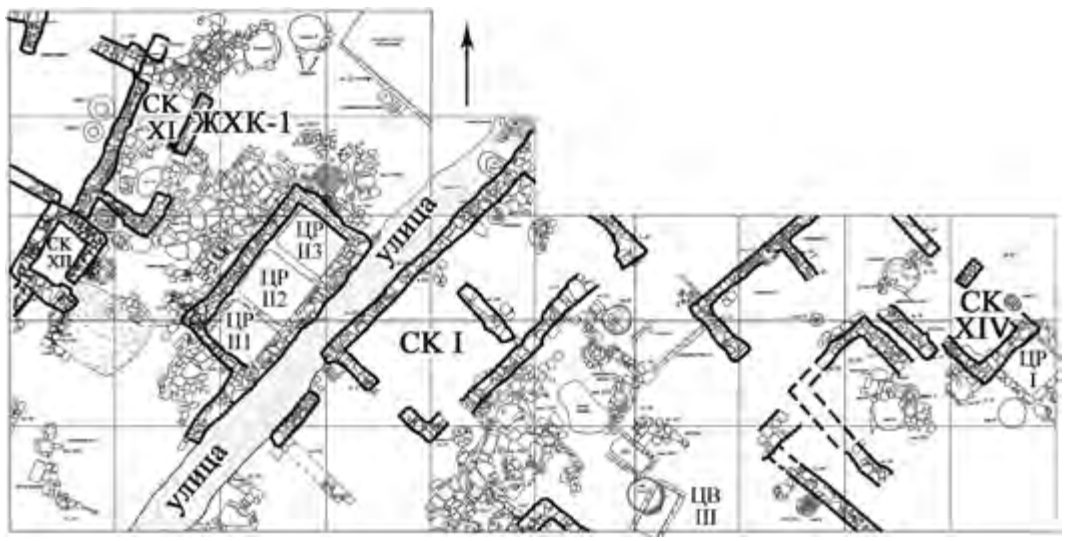


Рис. 3. План раскопа XXVI.

Рис. 4. Здание святилища (СК-1), вид с юго-востока.

Рис. 5. Алтари в северной части святилища, вид с юго-востока.

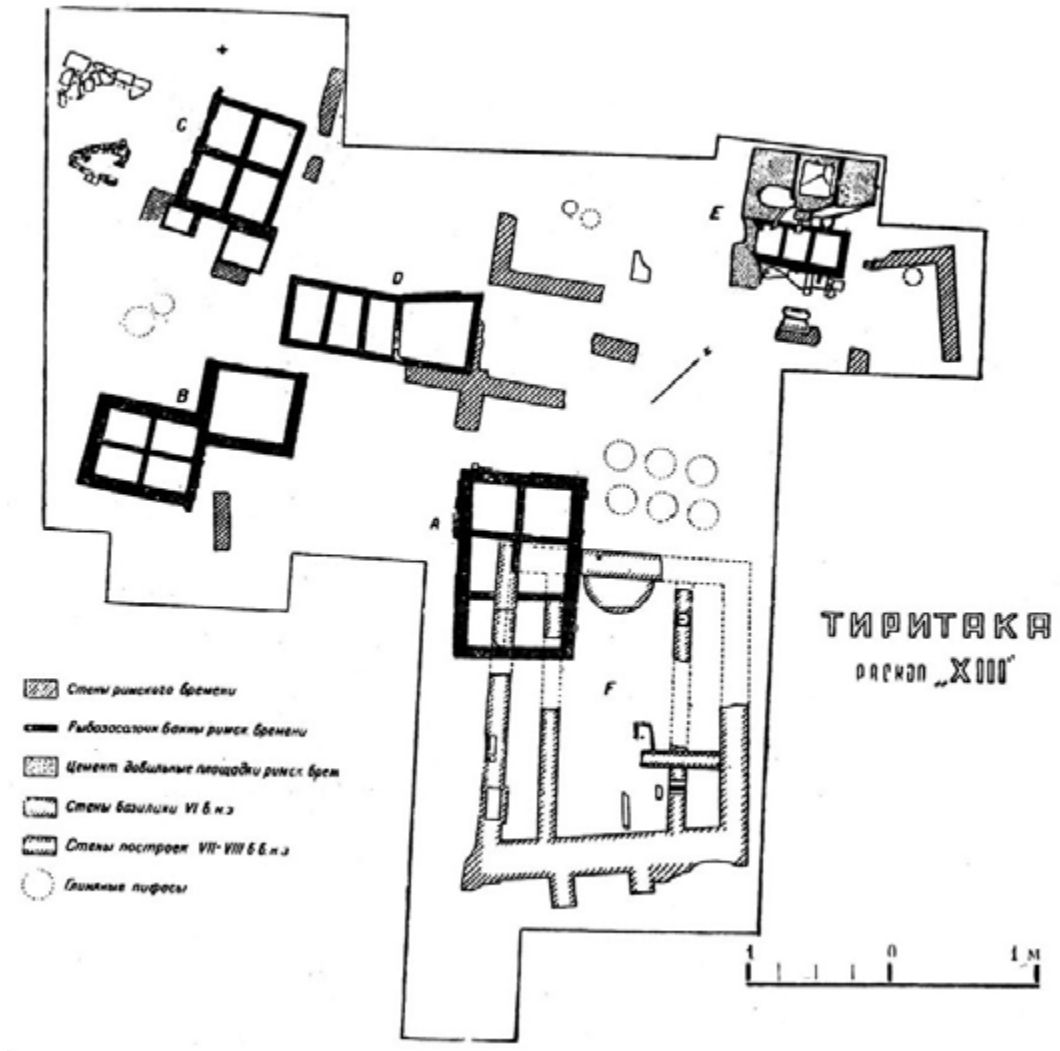


Рис. 6. План раскопа XIII по В. Ф. Гайдукевичу.

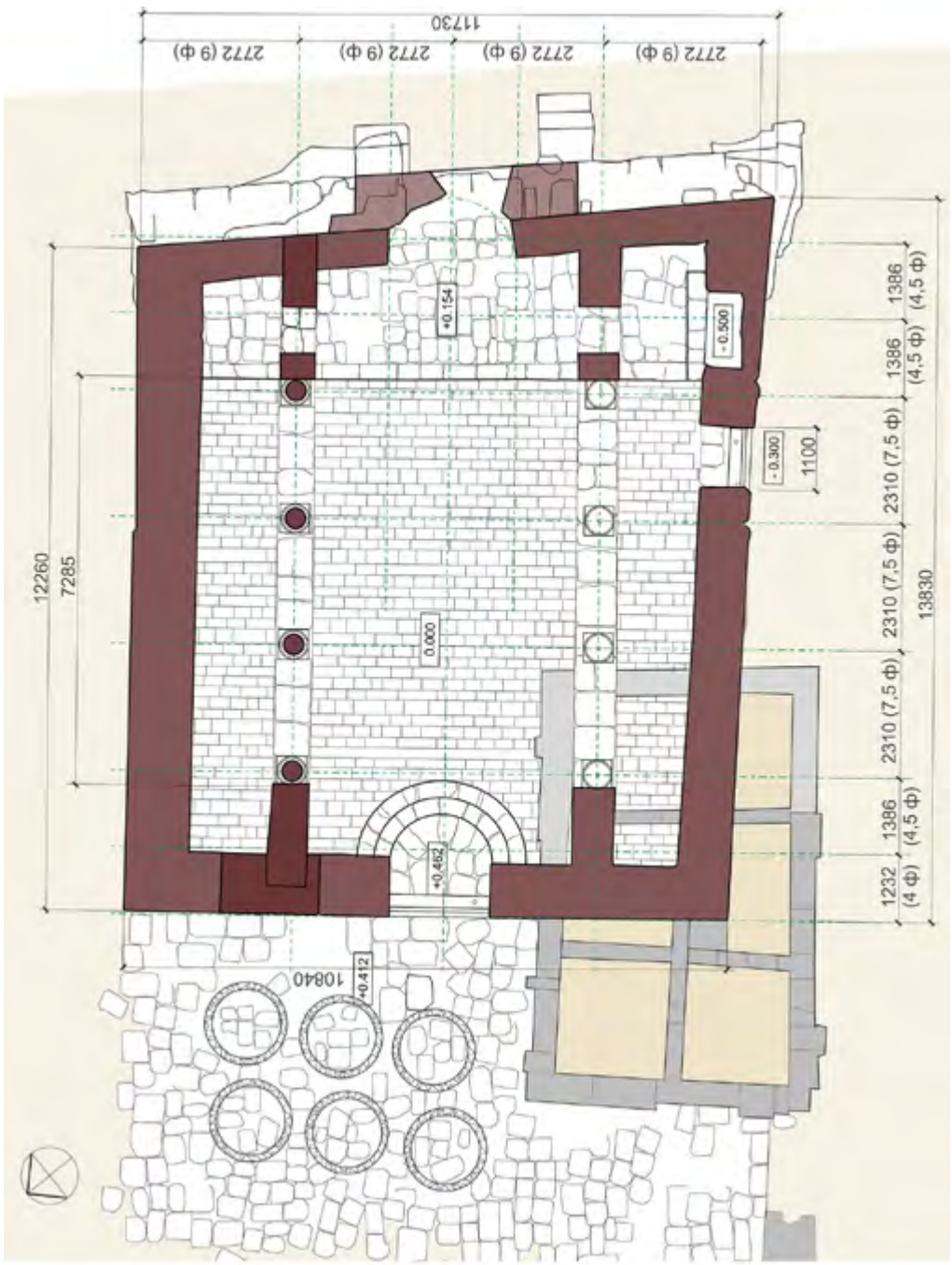


Рис. 7. Реконструкция плана базилики.

Рис. 8. Объемная реконструкция базилики.

Рис. 9. Мраморная база колонны базилики.

Рис. 10. Мраморная импостная капитель базилики.

И. О. ГАВРИТУХИН, А. М. ОБЛОМСКИЙ
Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

ПАЛЬЧАТЫЕ ФИБУЛЫ С РОМБАМИ НА НОЖКЕ, ПРОИСХОДЯЩИЕ ИЗ РЕМЕСЛЕННОГО ЦЕНТРА СТАЕВО НА Р. ВОРОНЕЖ [1]

Аннотация: Публикуются 5 фибул и матрица, украшенные ромбами на ножке и лучами на головной пластине, найденные на поселениях Стаево-4 и 5 (Тамбовская область России). Рассмотрены типология, хронология, ареалы аналогичных фибул; некоторые из них публикуются впервые. Особое внимание уделено взаимоотношению ремесленных центров Восточной Европы. Наряду с другими, выделена серия Стаево, производившаяся в поселке ювелиров и торговцев Стаево-5 и имевшая небольшую зону распространения.

Ключевые слова: фибулы, V–VII века, верхневоронежская группа памятников, ремесленные центры.

Памятники V–VII вв., расположенные у с. Стаево

Поселения у села Стаево (Мичуринский р-н Тамбовской обл.) были открыты Сергеем Ивановичем Андреевым в 1999 г., исследуются Раннеславянской археологической экспедицией Института археологии РАН (начальник А. М. Обломский) с 2015 г. Раннесредневековые материалы обнаружены здесь на селищах 3, 4, 5. Они расположены на правом коренном берегу р. Воронеж около ее истоков, в 2,5 км ниже по течению от места слияния рек Лесной Воронеж и Польной Воронеж (рис. 1А,*1*).

Эти поселения относятся к верхневоронежской культурной группе начального периода раннего Средневековья (в рамках второй половины V – VII вв., см. ниже), выделенной А. М. Обломским в 2011 г. [32]. Они находятся (рис. 1А), в основном, в верхней и средней части бассейна р. Воронеж, но известны и западнее, на Дону и его правых притоках, северо-восточнее, вплоть до р. Цны (Коровий Брод), южнее (Терешковский вал, Острогожский клад [о нем: 12]).

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-09-00376.

К юго-западу от Верхнего Подонья в это время распространены раннеславянские пеньковская и колочинская культуры, к северу и востоку – культура рязано-окских могильников и т.н. средневековая мордовская культура (на р. Цне – с VII в., скорее всего, не ранее его середины или последних десятилетий), соотносимые с финнами. К западу и северо-западу от Верхнего Дона (Верхняя Ока, Москворечье) известны единичные памятники, где прослеживаются традиции мощинской и позднедьяковской культур, на юге – степных кочевников, скорее всего, тюркского круга. Одно из погребений, соотносимых со степняками (Арцыбашево), локализуется к востоку от истоков Дона.

Если не считать материалов разведок, которые не всегда однозначны в интерпретации, то с определенностью к верхневоронежской группе в настоящее время можно отнести 14 памятников и серию случайных находок. Все поселения – неукрепленные. Могильники пока не найдены. По набору форм лепных сосудов и некоторым другим находкам материалы этих поселений неоднородны. Условно их можно подразделить на две этнокультурные линии.

К линии Ярок относятся исследовавшиеся раскопками поселения Ярок-5 и 9, Красный Городок-4, Большая Кузьминка-4А, Стаево-4 и 5 (рис. 1А,*1,3,5,8,15*). Наиболее яркие находки происходят с двух последних поселений. Прочие памятники этой линии демонстрируют элементы того же керамического набора, что и в Стаево, но как бы в урезанном виде, что, наверное, объясняется малочисленностью полученных на них керамических коллекций.

По формам лепных сосудов, составу керамического комплекса, находкам конических грузил для ткацких станков, набору пряслиц, использованию зеркал, ранних пальчатых и гибридных пальчато-двупластинчатых фибул, некоторых типов браслетов, сережек с полиэдрическими окончаниями в Стаево-4 и 5 (см. о некоторых находках ниже) фиксируется продолжение традиций, представленных на памятниках типа Чертовицкое – Замятино конца IV – V вв. [см. о них обзор и литературу: 38]. В лепной керамике памятников линии Ярок наиболее выразительны «пост-киевский», «пост-черняховский» и «окский» компоненты. По украшениям, деталям ременных гарнитур, некоторым другим предметам (антропоморфные амулеты, экзагий для взвешивания византийского солида) у обитателей поселка у с. Стаево прослеживаются отчетливые связи с населением южных областей Восточной Европы [37, с. 318].

Иной состав керамического комплекса наблюдается на поселениях линии Кривец. Эталонным для памятников этой традиции является поселение Кривец-4. К ней относятся, также, селища Новоникольское-8, Ярлуково, Терешковский вал, Коровий Брод (рис. 1А,*4,6,7,11,16*). По формам лепная керамика поселения Кривец-4 составляет два набора. Груболепные сосуды первого характерны для колочинской культуры Поднепровья, ко второму относятся лепные горшки и миски окского происхождения, как с шероховатой, так и с лощеной поверхностью. Лепная колочинская керамика найдена не только в Кривце-4, но и на всех поселениях этой линии[2].

Нижнюю хронологическую границу линии Ярок верхневоронежской группы в рамках второй половины V – начала VI вв. определяют: ранние варианты пальчатых фибул [35, рис. 12,4,5; 13,1,2; 36, рис. 16,1; 37, рис. 5,1–3] (об одной из них – рис. 5,*1* нашей статьи – см. ниже), фибулы серии Мощенка по И. О. Гавритухину[3] [36, рис. 16,2; 37, рис. 5,4; см. о них: 17, с. 214; 18, с. 30–31] и варианта 6 северокавказской серии трехпалых двупластинчатых фибул по И. О. Гавритухину [37, рис. 5,6; см. о них: 25, с. 323; 39, с. 11]. В рамках второй половины V в. датируется финал группы Чертовицкое – Замятино [38, с. 295], культура которой близка линии Ярок верхневоронежской группы. Очевидно, они некоторое время сосуществовали или хронологически смыкаются[4].

Верхняя хронологическая граница линии Ярок определяется многочисленными находками деталей ременных гарнитур геральдического круга [36, рис. 10,19; 37, рис. 6,12–15,17], в целом датируемых в рамках середины VI – VII вв. Для узкой датировки отметим находки в Стаево-4 и 5 цельнолитых пряжек с трапециевидными рамками и обоймами в виде геральдического щита с вырезами по бокам [36, рис. 10,19; 37, рис. 6,13,14]. Такие пряжки во всех случаях, когда есть нужные данные, входят в обувные наборы [45; см. также их обзор в: 65, p. 59–65]. По типолого-хронологической схеме, предложенной И. О. Гавритухиным, упомянутые стаевские пряжки относятся к блоку 3 серий III и IV (длина не более 21 мм, с приостренной задней частью обойм), основное время бытования которого – около второй и третьей четвертей VII в. [65, p. 62–63, fig. 22].

Как наиболее ранние, так и наиболее поздние находки, датирующие линию Ярок, есть на поселениях Стаевского гнезда, о котором идет речь в данной статье.

Узко датируемые вещи с памятников линии Кривец представлены фибулами, деталями ременной гарнитуры и другими вещами, характерными для кладов круга Мартыновки [33, с. 194, 195], что определяет дату в рамках последних десятилетий VI – VII вв., вероятно, исключая последние десятилетия VII столетия[5]. Для ответа на вопрос о времени появления памятников линии Кривец в верховьях р. Воронеж данных пока недостаточно. Не исключено, что это население освоило интересующий нас регион до появления «мартыновских» уборов. С другой стороны, оно могло

[2] Более подробно характеристику керамики памятников обеих линий см. в [33; 35; 36].

[3] В свете значительно числа новых находок (см. о некоторых ниже) правильнее говорить о типе Мощенка с подразделением на несколько серий. Специальная работа о нем готовится И. О. Гавритухиным. В данной статье использованы некоторые взятые из нее наблюдения.

[4] Пока более предпочтительным мы считаем второй вариант. А. М. Обломским готовится к печати специальная работа об этом.

[5] Датировка периода формирования этих наборов у специалистов не вызывает принципиальных расхождений. Дата сокрытия кладов остается предметом дискуссий, не имеющих прямого отношения к теме нашей статьи.

появиться здесь в связи с потрясениями, вызвавшими выпадение кладов круга Мартыновки, и оставалось в регионе в течении сравнительно короткого времени.

Как мы видим, территория верхнего и среднего течения р. Воронеж, а возможно и всего лесостепного Подонья, во второй половине V – VII вв. была особой зоной, где представлены разные по происхождению традиции – как минимум, две раннеславянские, окско-финские, какие-то южные.

Следует отметить, что селища верхневоронежской группы, как правило, бедны находками, культурные слои весьма слабо насыщены материалом, который обычно встречается либо в сооружениях, либо около них. Судя по всему, поселения были кратковременными. Поскольку большинство селищ многослойные, то точные данные о размерах раннесредневековых поселков отсутствуют. Тем не менее, по планиграфии исследованных сооружений можно утверждать, что на них могли быть расположены от одной (большинство памятников) до двух (Ярок-9) или трех (Кривец-4) усадеб [33; 35].

На общем фоне резко выделяется группа поселений у с. Стаево. Культурный слой раннего Средневековья зафиксирован на селищах Стаево-3, 4, 5, отделенных друг от друга оврагами. Площадь поселения Стаево-3 составляет 5400 кв. м, Стаево-4 – 24200 кв. м, Стаево-5 – 62400 кв. м. Общая площадь комплекса (без учета оврагов) составляет 9,2 га, т.е. она значительно больше, чем у остальных поселений верхневоронежской группы.

Стаево-3 занимает практически всю территорию современного хутора, который находится к западу от с. Стаево. Поселение исследовалось только в ходе разведок, находки представлены керамикой. В Стаево-4 и 5 в 2015–2018 гг. велись раскопки. Одновременно с ними по всей территории этих селищ осуществлялся планомерный металлопоиск, в результате чего для них были составлены планы расположения вещей из металла, найденных на поверхности. Это позволило выявить участки наибольшей концентрации предметов различного назначения и определить общую планировку поселка.

Стаево-4 находится в 100 м (через овраг) к северо-западу от Стаево-3, занимает край правого коренного берега р. Воронеж высотой до 8 м от низкой поймы. В ходе раскопок в 2015–2016 гг. было исследовано 644 кв. м [36]. Культурный слой Стаево-4 обильно насыщен остатками производства железа: кусками бурого железняка, очевидно, служившего сырьем (274 экз.), шлаками (820 кусков). Около печи одной из полуземлянок обнаружено скопление мелких обломков обогащенной железной руды, смешанной с углем и известняком, по-видимому, представлявшее собой смесь (шихту), подготовленную для загрузки в горн. Среди находок преобладают изделия из железа: целые и фрагментированные ножи, в т.ч. серповидные, кузнечные инструменты (пробойники, зубильца), железные поковки-полуфабрикаты, бытовые предметы, наконечники стрел и сулицы. Среди изделий из цветных металлов [34, рис. 21–22; 36, рис. 10,19; 16,1–5,9–11,15,18] отметим три фибулы (об одной из них – рис. 5,1 нашей статьи – см. ниже), пять деталей ременных гарнитур, обломки трех зеркал типа Карповка [см. о них: 31].

Стаево-5 (рис. 1Б) расположено на высоте 8–17 м от низкой поймы р. Воронеж, в 100 м (через овраг) к северо-западу от Стаево-4. В 2016–2018 гг. здесь раскопано 1348 кв. м. Планируется продолжение работ. Найдены многочисленные выплески и слитки бронзы, а также обрезки бронзовых пластин и прутиков, в т.ч. и с расплющенными концами, обломки бронзовых изделий, как фибул и других украшений (часть из них деформированы, вероятно, для помещения в тигель), так и, например, котлов т.н. гуннского типа (определение С. В. Демиденко). Скорее всего, значительная часть этих вещей была предназначена для переплавки. В основном на западной и восточной окраинах поселения найдены и бракованные бронзовые изделия (в т.ч. рис. 3,1). Из западной части памятника происходят обломки бронзовых вещей, железные клещи и другие инструменты (пробойники, зубила, сверла, резцы и т.п., в т.ч. комплект из 29 инструментов, лежавших вместе), 6 матриц [37, рис. 4] для изготовления деталей гарнитур т.н. геральдического стиля и пальчатой фибулы (рис. 2,*1*; см. о ней ниже). На раскопе 6 зафиксированы углубленное в грунт и два наземных сооружения, очевидно, связанных с бронзолитейным ремеслом. В последних исследованы открытые очаги и небольшие печи, ямы с многочисленными обломками глиняных тиглей, серия ям, заполненных глиной, специально приготовленной для изготовления, вероятнее всего, тиглей и литейных форм.

Ременные гарнитуры в Стаево-5 представлены десятью пряжками с вертикально-овальными и прямоугольной рамками, тремя круглыми накладками с насечками по краю, пятнадцатью деталями гарнитур т.н. геральдического стиля, в т.ч. пятью матрицами для их изготовления [37, рис. 4,2–6; 6,13,15–17], пальчатые фибулы – шестью экземплярами и одной матрицей [37, рис. 4,1; 5,2,3,6] (о пяти – рис. 2; 3; 4,*2* нашей статьи – см. ниже). Найдены также три «серьги» с полиэдрическим окончанием [37, рис. 6,1–3]; две из них близки крымским варианта 4 по Э. А. Хайрединовой [46, с. 103, рис. 13,11–12], но не имеют красных вставок, которые имитируются литыми выступами; одна – варианту 2 [46, с. 100–102], но на одной из граней у нее сделана ромбическая ячейка для вставки из стекла или камня. Очевидно, это изделие воспроизводит паяные полихромные серьги, но в другой технике. Есть обломки браслетов (6 экземпляров) и височных колец или сережек с одним орнаментированным расплющенным концом (3 экземпляра). Из 13 обломков зеркал семь относятся к типу Карповка, три – к типу Березовка, одно – редкое, несет тамгообразное изображение [37, рис. 6,8,10]. Обращают на себя внимание 4 бронзовые фигурки человечков, имеющие петлю на обороте [37, рис. 6,4,5], относящиеся к типу 1 по Д. Б. Шелову [51; см. также: 13]. Отметим также византийский экзагий и обломок железной фибулы византийского круга [37, рис. 1,1,8; об аналогиях фибуле см.: 20, с. 51–52, 58].

Судя по всему, в Стаево-4 был центр железоделательного и кузнечного производств, в Стаево-5 – ювелирного ремесла и торговли.

Из Стаево происходит выразительная коллекция, включающая пять пальчатых фибул и матрицу для изготовления типологически близких застежек. Ножки у этих фибул и матрицы украшены вписанными друг в друга рельефными ромбами, а головные пластины – веерно расположенными лучами (список 1; рис. 2; 3; 4,*2*; 5,*1*). Этим вещам и посвящена данная статья.

Типология, хронология, ареалы пальчатых фибул с ромбической орнаментацией на ножке и лучевой на головной пластине

Пальчатые фибулы с ромбической ножкой, украшенной вписанными друг в друга ромбами, и полукруглой головной пластиной, зачастую украшенной парными волютами, выделены Х. Кюном в тип 64/Гурзуф [80, S. 728–742, Taf. 261,64/1–35; 262,64/36–59]. Следует отметить, что по ряду характеристик застежки, отнесенные к этому типу, весьма гетерогенны. Например, Ф. Бирбрауер по небольшой выборке, связанной с рассмотрением памятников итало-готского круга, отметил ряд фибул, у которых ножка украшена вписанными ромбами, но воздержался от выделения среди них выразительных типов (что сделал в ряде других случаев), ограничившись комментариями о разном культурном контексте некоторых экземпляров [56, S. 12–14; 57, S. 104–106].

Наряду с такими вариативными признаками, как число и форма выступов на пластинах, пропорции пластин, оформление дужки и т.п., прежде всего, у рассматриваемых фибул обращает на себя внимание структура орнаментации головной пластины. По этому признаку наиболее представительны три параллельно развивающихся ряда[6]:

– с различными вариантами спиральной орнаментации (как на рис. 15; некоторые авторы считают ее связанной с растительными мотивами);

– с вписанными друг в друга дугами (как на рис. 16; употребляется и название «арочная орнаментация»);

– с радиальными «лучами» (рассматриваемые в нашей статье).

Последние выделены Х. Кюном в тип 65/Сисак [80, S. 742–749, Taf. 262,65/1–4; 263,65/5–19]. Как и тип 64, эта подборка весьма гетерогенна, а некоторые образцы могут быть отнесены как к этому, так и к другим типам. Например, даже у Х. Кюна две находки из Чехии (рис. 8,*1,3*) даны среди образцов как типа 64, так и 65 [80, Taf. 261,64/28–29; 263,65/9–10], при этом их близкие аналоги, тоже с ножкой, показательной для типа 64, фигурируют только в связи с типом 65, образуя в его рамках большинство [80, Taf. 262,65/1–2,4; 263,65/8,11–12,14,16,18]. Некоторые экземпляры отнесены Х. Кюном к типу 65 явно ошибочно. Два из них [80, Taf. 263,65/6,7] имеют иную орнаментацию головной пластины, они принадлежат причерноморской серии подгруппы Левице – Токари по И. О. Гавритухину [64, p. 112–114, fig. 3,3,10]. Еще у одной находки [80, Taf. 263,65/17] головная пластина украшена вертикальными параллельными линиями [см. об аналогиях: 71, S. 100, 113–115, Abb. 5.11, нижний ряд; добавление к этому списку: 89, s. 115, 120 (No 17), rys. 3,4].

[6] Термин «ряд» был предложен для подборки фибул, по которой прослеживаются вариации одного признака [20, с. 38]

Выделение фибул с головной пластиной, имеющую лучевую («веерную») орнаментацию, поддержано, хотя и в несколько модифицированном виде, некоторыми болгарскими коллегами [49, с. 110–111; 42, с. 126–129]. Однако лишь на выборке небольших трехпалых экземпляров М. Надь показала гетерогенность таких фибул (*mit strahlenverzirung Kopfplate*) даже в пределах Центральной Европы [59, S. 120–122].

Более плодотворным оказался путь, по которому типы рассматриваемых застежек определяются по сочетанию бóльшего числа признаков, что позволяет проследить вполне отчетливый культурно-исторический контекст. Таков, например, выделенный Аттилой Кишем тип Бакодпуста (см. ниже). М. М. Казанский среди пальчатых фибул, представленных на памятниках раннеславянского круга, выделяет тип Морешть (с ножкой, украшенной концентрическими ромбами, и головной пластиной, несущей арочный декор), связанный с гепидской средой, в основном, второй и третьей четвертей VI в. [74, p. 109–110; 29, с. 194]. В рамках этого типа можно говорить и о локальных сериях [24]. И. О. Гавритухин использовал наличие лучевой орнаментации головной пластины как признак для выделения особого варианта в рамках серии Мощенка (сочетание пятипалой головной пластины с ножкой, характерной для двупластинчатых фибул; как на рис. 17; см. также прим. 3), распространенного в зоне Днепро-Донской лесостепи и в Крыму [17, с. 214]. Число таких примеров можно увеличить.

Для нашей темы важно и отделение южнорусских форм от их центральноевропейских прототипов и аналогов, в т.ч. тех, ножка которых украшена вписанными друг в друга ромбами, начатое Б. Салиным, Й. Вернером и другими учеными [93, S. 21–22, 24, 26; 105, S. 26–33]. Отметим решающий вклад в этом направлении исследований ряда российских специалистов, в чем важную роль сыграли труды чествуемого данным сборником юбиляра [6, с. 213–214; 7, с. 10–13; 9, с. 75–81; 10, с. 37, 45–46; 1, с. 20–21; 2, с. 268–269; 73, p. 326; 27, с. 406–408, 417–422, 426–427, 435–436; 15, с. 29–31; 25, с. 311–314; 4, с. 28; в этих работах более детальная библиография].

Опираясь на упомянутые и другие работы коллег, рассмотрим подробнее пальчатые фибулы, ножка которых близка по форме ромбу, имеет 1–3 основных выступа (концевой, а в ряде случаев и четко выраженную пару боковых), украшена вписанными друг в друга фигурами, близкими ромбам, а головная пластина орнаментирована радиальными лучами. Ряд форм, связанных с особым контекстом, например, тип IG, вариации типов IC, IK славянской группы по Й. Вернеру [104], требуют специального обширного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Тип Бакодпуста – трехпалые, с ножкой без боковых выступов (список 2.А).

В целом он соответствует одноименному типу, выделенному А. Кишем [76, S. 305, Tab. 2]; единственное исключение – находка из Клужа–Сомершень, имеющая треугольную ножку. Х. Кюн отнес небольшие трехпалые фибулы с треугольной

ножкой к типу 69/Зиндельфинген, в рамках которого выразительную подборку образуют экземпляры с лучевой орнаментацией головной пластины и линейной (но вписанные друг друга треугольники, а не ромбы) на ножке [80, Taf. 267,69/3–4,6–7,10,20]. Показательна и гепидская подборка таких фибул [см. некоторые экземпляры: 59, Abb. 59,2–4]. Анализ фибул с треугольной ножкой, в т.ч. с лучевой и линейной орнаментацией (часть типа/группы Буле – Лаурикум – Зиндельфинген), предложен Ж. Пинаром [91, p. 128–130]. Очевидно, что такие фибулы принадлежат особому кругу, анализ которого далеко выходит за рамки темы нашей статьи.

К сожалению, для систематического подразделения фибул типа Бакодпуста информации, доступной нам лишь по публикациям, не достаточно. Тем не менее, некоторые наблюдения возможны.

Выделяется ***подтип 1*** (рис. 6; 7,*1–4,6–8*; 18,*а–б*), включающий сравнительно небольшие изделия (длина до 60 мм), с хорошо проработанными гранями в орнаментации. Как правило, они сделаны из серебра, с внешней стороны полностью или частично позолочены, имеют по две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины. Иногда бордюр по краю пластин украшен имитацией зерни (рис. 6,*3–4*; 7,6). Для *серии Бендекпуста* (рис. 6; 7,*7–8*) показателен пальцевидный концевой выступ на ножке. Две пары таких изделий (рис. 6,*3–6*) относятся к *узкому варианту*[7] *Дунапатай.* Для *серии Бернхадрштал* (рис. 7,*3–4,6*) показателен двурогий концевой выступ на ножке [о фибулах с таким или близким по форме окончанием ножки см. также: 62]. Некоторые фибулы (рис. 7,*1,2*; находка из Крыма: список 2.А, по данным интернета) выделяются другими формами концевого выступа на ножке, модификацией лучевого орнамента на головной пластине и другими признаками, в т.ч. в двух случаях наличием одной стойки для оси пружины (в третьем случае данные отсутствуют). Они пока рассматриваются как *особые вариации*.

Фибулы, эпонимные для рассматриваемого типа (рис. 6,*5–6*), происходят из погребения 3 Дунапатай–Бёдпуста («Бакодпуста»). Этот комплекс включает также большие двупластинчатые фибулы с полихромными накладками у дужки и является одним из показательных для ступени D2/D3 культур восточногерманского круга (около 440–460/470 гг.)[8], точнее, для его ранней части – эпохи Аттилы. Ряд находок из небогатых комплексов (рис. 6,*1–4*; 7,*3–4,7–8*) отнесены Я. Тейралом ко второй трети V в. по контексту могильников, в основном небольших, что соответствует и наблюдениям ряда венгерских коллег [101, S. 110–114, Abb. 3,b,c,e; там литература].

Отметим, что упомянутые находки наиболее выразительных серий связаны со Средним Подунавьем (рис. 18,*а*). Основная часть памятников, откуда они происходят, тяготеет к юго-западу Венгрии, один расположен на северо-востоке Австрии. Эти зоны связаны с оседлым населением, обитавшим западнее ядра Гуннской державы, расположенного до битвы на Недао (около 454 г.) в Среднем Потисье. В следующую эпоху (до 470-х гг.) в интересующих нас зонах локализуют остготов (рис. 18,*13–15*), скиров (рис. 18,*16*), свевов и герулов (рис. 18,*12*). Особые вариации, выделяющиеся орнаментом головной пластины и другими элементами, происходят с земель, расположенных к северу и востоку от этих областей (рис. 7,*1,2*; 18,*5,18*).

Экземпляры из Крыма (список 2.А, по данным интернета) и, вероятно, два фрагмента из Суджанского района Курской области (список 3.Д; рис. 11,*6*) отличаются от образцов описанных серий худшим качеством исполнения, числом стоек для оси пружины, формой концевого выступа на ножке. Это – явные реплики с рассмотренных «стильных» вещей, вполне вероятно, изготовленные уже в Восточной Европе (рис. 18,*25*; 19,*22*).

К ***подтипу 2*** типа Бакодпуста относятся фибулы, более крупные, чем подтипа 1 (длина более 70 мм; рис. 8,*1–3*; 9,*1,2,6,7*; 10,*1*; вероятно, 8,*4*; 9,*3–5*; 14,*6*), как правило, сделанные менее аккуратно, чем рассмотренные «стильные» образцы подтипа 1, и распространенные за пределами зон, откуда те происходят (рис. 18,*в–д*; 19,*4*).

Экземпляры с двумя стойками для оси пружины, расположенными по бокам головной пластины, достоверно известны на территории Чехии и Болгарского Подунавья (рис. 8,*1–3*; 18,*в*). Скорее всего, к этому контексту относятся находки из Трансильвании и Поднестровья (рис. 8,*4*; 14,*6*; 18,*21*; 19,*4*). Впрочем, в этих зонах есть и застежки, для которых по доступным нам сведениям место расположения стоек не ясно (рис. 9,*3,6,7*), а в болгарской зоне найдена головная пластина с лучевой орнаментацией и одной стойкой для оси пружины (рис. 9,*4*). Часть указанных фибул выделяется и длинными сравнительно узкими 4–5-частными «пальцами» (рис. 8,*1–3*; 9,*6*). Аналогичный выступ на конце ножки, ставший уже 6-частным, имеет и экземпляр с северо-востока Болгарии (рис. 9,*5*).

Достоверные крупные фибулы типа Бакодпуста с одной стойкой для оси пружины пока известны лишь по находке из Трансильвании и по приобретению в Керчи (рис. 9,1,2; 18,г). Однако, вероятно, этому контексту принадлежит находка из Болгарии (рис. 9,4), а для ряда упомянутых выше экземпляров, как и для фибулы из Моравии (рис. 10,1; 18,11), число и расположение стоек для оси пружины нам не известно. Нет нужных данных и для находки из Италии (рис. 7,5; 18,10). Поэтому более детальный типологический анализ фибул подтипа 2 отложим до появления бóльшего числа данных.

К сожалению, рассматриваемые находки сделаны вне археологического контекста или в контексте, допускающем широкую датировку. Тем не менее, экземпляры из чешского ареала (рис. 8,*1,3*; 18,*6,8*) Я. Тейрал считает возможным связывать с группой Винаржице и относить ко второй трети V в. [напр.: 101, S. 112–113, Abb. 3,a]. Действительно, они типологически близки рассмотренным выше образцам подтипа 1 и не характерны для эльбо-германского (тюрингского и лангобардского) контекста, доминирующего в этом регионе с конца (вероятно, с четвертой четверти) V по середину VI вв.

[7] О термине см. [5, с. 7].

[8] Здесь и далее понимание фаз (ступеней) культур восточногерманского круга и их датировка даны по Я. Тейралу [98; 99; 100].

Ряд находок с северо-востока Балкан (рис. 8,*2*; 9,*4,7*) некоторые болгарские исследователи соотносят с пребыванием здесь остготов Теодориха Великого между 474/476 и 488 гг., тем более, что для Нов (Свиштов) присутствие остготского отряда зафиксировано письменными источниками [49, с. 111; 67, s. 61; 42, с. 127, 129]. А. Хараламбиева, учитывая следы длительного использования и ремонта отдельных экземпляров, предполагает возможность, что они принесены остготами на Балканы, а сделаны были еще в Паннонии [69, p. 394]. Всего этого нельзя исключить, хотя, конечно, подобные идентификации весьма рискованны, а спектр традиций и хронологические границы восточногерманского присутствия на северо-востоке Балкан существенно шире указанных. Кроме того, ближайшие аналогии некоторым рассматриваемым болгарским находкам, как было отмечено выше, происходят с территории Чехии, а не из юго-западной Венгрии и соседних земель, где локализуют паннонских остготов до их движения на Балканы.

Экземпляр из Италии (рис. 7,*5*; 18,*10*) в русле упомянутой гипотезы болгарских коллег можно соотнести с остготами Теодориха Великого, расселившимися здесь в 490-х гг. Однако не исключена связь этой фибулы и с предшествовавшими остготскому завоеванию Италии отрядами Одоакра, в которых были многочисленные выходцы из Подунавья [84; 58; 19, с. 467].

Итак, появление фибул типа Бакодпуста относится к середине V в. и связано с преимущественно восточногерманской средой Среднего Подунавья эпохи Аттилы. Весьма компактные типологически основные серии подтипа 1 бытовали, вероятно, не столь уж долго, и к концу V в. или несколько раньше стали анахронизмом. Возможно, верхняя хронологическая граница таких фибул для основного ядра «стильных» серий (рис. 18,*12–16*) связана с разгромом скиров, свевов, герулов и их союзников паннонскими остготами и последовавшими вскоре миграциями: как части побежденных (в т.ч. в Италию), так и победителей на Балканы (все между 469 и 473 гг.).

Фибулы более пестрой подгруппы 2, учитывая типологическую близость подтипу 1 при ином ареале, вероятно, были в ходу уже в это же время. Те и другие могли быть разными воплощениями ранних геометризированных кербшнитных стилей, получивших у варваров распространение с эпохи Аттилы. Впрочем, нельзя исключить, что подтип 2 производен от подтипа 1, а разница ареалов обусловлена упомянутыми миграциями или переработками среднедунайских стилей в зонах их влияния. Тогда подтип 2 должен датироваться 470-ми гг. и позднее или не исключать этого. Для территории Чехии и Моравии (рис. 18,*6–8,11*) верхнюю дату, не очень удаленную от начала 470-х гг., подтверждает смена здесь этнокультурного контекста не позднее конца V в. В других регионах вполне вероятно бытование рассматриваемых застежек и в первые десятилетия VI в., судя по аналогичным фибулам, отличающимся лишь орнаментом головной пластины [25, с. 311; 71, S. 90].

Трехпалые фибулы с боковыми выступами на ножке или имеющие такие элементы и интересующую нас орнаментацию (Список 2.Б; 2.А/Б, 2.Г) представлены четырьмя разнородными находками. Выделение типов в данном случае явно преждевременно.

Экземпляр из Морешть (рис. 13,*4*; 18,*20*) вполне вписывается в контекст находок, характерных для соотносимых с гепидами могильников и поселений, возникших после битвы на Недао и существовавших в VI в. [некоторые примеры см.: 72, S. 141] (о фибулах гепидского круга см. также ниже, при рассмотрении пятипалых застежек). К. Хоредт относит интересующую нас находку к ранней части гепидского комплекса в Морешть, предположительно, погребению, разрушенному поселением [72, S. 141–142]. Впрочем, приведенные им аргументы косвенные, а ограничение даты фибулы рамками V в. условно. Р. Хархою датировал ее второй половиной V в. по аналогии с другими трехпалыми экземплярами и ссылкой на «стратиграфические» наблюдения К. Хоредта [70, S. 102–103]. Такая датировка не исключена, но требует дополнительной аргументации.

Фибула из Монсхайма (рис. 11,*3*; 18,*4*) серебряная, имеет небольшие размеры и две стойки для оси пружины, что сближает ее с образцами подтипа 1 типа Бакодпуста (см. выше). Из погребения 4, где встречена рассматриваемая находка, происходят также брошка в виде лошади и булавка с изображением головы хищной птицы [80, Taf. 186], не редкие в могильниках раннемеровингского круга.

Судя по находкам из могильников на территории северной Франции, аналогичные броши (тип 283) показательны для периода 440/450–470/480 гг., булавки (тип 314) в это время только появляются, а характерны для 470/480–520/530 гг. [82]. По выборке с могильников на Нижнем Рейне булавки этого типа (Nad-3) отнесены к 460/480–510/525 гг. [85]. По хронологии женских могил из Вайнгартена в юго-западной Германии броши-лошадки важного для нас типа (индикатор 15) датированы 490–530 гг. [92]. По хронологии женских комплексов, исследованных в южной Германии, сочетание интересующих нас типов брошей и булавок (X 19 и X 3) относится к 480–510 гг. [78]. Учитывая ограниченность выборок, различия методик [94, S. 459–460], некоторую условность «цифровых» календарных дат, а также наибольшую географическую близость к Монсхайму памятников, использованных в системе У. Кох [78], дата в рамках последних десятилетий V – начала VI вв. кажется нам вполне надежной, тем более, что она принципиально не противоречит выводам по другим хронологическим шкалам.

Фрагмент из могильника Братей 3 (рис. 8,*4*; 18,*21*) мог принадлежать фибуле подтипа 2 типа Бакодпуста (как на рис. 8,*1–3*; см. выше), но мог иметь на ножке и боковые выступы. Он найден в погребении 244 с пряжкой, крепящейся к ремню характерными для византийской традиции пластинчатыми «ушками» [55, Taf. 40,G.244/8]. Пряжки этой традиции широко представлены на памятнике, да и по всем другим признакам это захоронение не выпадает из контекста могильника, вполне убедительно датированного авторами публикации (по материалам Лигии Бэрзу ее готовил Р. Хархойу) в пределах после 568 г. (образования Аварского кага-

ната), но перед третьей третью или четвертой четвертью VII в. (горизонтом Игар – Озора [см. о нем и датировках: 16]).

Авторы публикации считают, что этот фрагмент фибулы, как и некоторые другие ранние вещи в могильных комплексах, – антик [55, S. 94–95, Typ 15a1a]. Это вполне соответствует его находке в скоплении у левого колена костяка вместе с другими мелкими предметами [55, S. 250], что вполне может быть остатками сумки, крепящейся упомянутой небольшой пряжкой и, возможно, ременным наконечником (не опубликован). Однако погребение 244 было частично нарушено в древности, т.е. не может использоваться как бесспорный аргумент в пользу рассматриваемой интерпретации.

Бракованный полуфабрикат, найденный в Белгородской области (рис. 4,*1*; 18,*28*; 19,*26*; список 2.Г)[9], прямо свидетельствует о наличии производства интересующих нас фибул на востоке Днепровского Левобережья. К сожалению, из-за отсутствия ряда показательных деталей его сопоставление с другими образцами рассматриваемого круга затруднено.

Пятипалые фибулы, имеющие интересующую нас орнаментацию (Список 2.В), весьма гетерогенны, а многие представлены фрагментами, что в ряде случаев затрудняет систематические классификацию и анализ.

Экземпляру без боковых выступов на ножке, найденному в Стаево-4 (рис. 5,*1*; 18,*29*; 19,*29*), точных аналогов нам не известно. Отсутствие боковых выступов на ножке, размеры, характер проработки деталей сближает его с образцами подтипа 2 типа Бакодпуста (см. выше). Сложная форма кнопок с «балясинами» известна уже у типологически ранних экземпляров пальчатых фибул (например, рис. 7,*2,6*), что отметил еще Б. Салин [93, S. 26], хотя и существует довольно долго, постепенно упрощаясь и вытесняясь другими формами. Наиболее вероятная дата рассматриваемой вещи, судя по стилистическим характеристикам, лежит в рамках второй половины V – первой трети VI вв. Не исключено, что эта застежка сделана в Подунавье, однако там на фибулах с интересующим нас орнаментом пока не зафиксирован способ крепления оси пружины двумя сравнительно близко расположенными стойками, как у этой стаевской находки; впрочем, такой способ крепления оси пружины не редок в Подунавье у фибул других типов, в т.ч. близких по времени этому экземпляру.

[9] При рассмотрении этой и ряда других находок из Восточной Европы использованы материалы исследования И. О. Гавритухина «Фибулы 5–6 вв. из ареала колочинской культуры», частично представленного на 5-й конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» (Тула – Монастырщина, 2015 г.) и заседаниях Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья ИА РАН. Ряд дополнительных наблюдений об обсуждаемых ниже западно- и центральноевропейских находках есть в статье «Kazanski M. Fibules digitées de tradition «danubienne» de l'époque des Grandes Migrations, découvertes en Gaule du Sud»; мы благодарны Михаилу Михайловичу за возможность ознакомится с этой рукописью, которая готовится к печати, и ценные заметки по нашему тексту.

Форма концевого выступа на ножке рассматриваемой фибулы близка представленной на ножке из Курска (рис. 14,*4*; 19,*24*), тоже не имеющей боковых выступов, но с четко проработанным кербшнитным декором, что характерно для типологически ранних пальчатых фибул. Близко им завершение ножки и у фибулы из Спас-Перекши (рис. 5,*2*; 19,*30*), которая тоже не имеет боковых выступов на ножке. Отметим схожее завершение ножки и у явно не поздних восточноевропейских фибул других типов [напр.: 1, рис. 10,9; 15,4; 25, рис. 22,35]. Показательна и пятилучевая композиция на головной пластине рассматриваемой застежки из Стаево – у фибул интересующего нас круга, особенно крупных размеров, лучей больше, причем, как правило, намного. Учитывая сказанное, предположение о восточноевропейском производстве (первоначально – по привозным образцам) уже типологически ранних фибул рассматриваемого круга выглядит весьма вероятным (см. об этом подробнее в следующей части данной статьи).

Представленная фрагментами пара фибул из коллекции Диргардта (рис. 12,*4–5*) Й. Вернером отнесена к южнорусским формам и датирована второй половиной V в. [105, S. 29]. Однако использование позолоченного серебра, как у рассматриваемых изделий, более показательно для ряда центрально- и западноевропейских пальчатых фибул; не противоречит такой атрибуции и характеристика морфологических элементов, представленных на диргартовской паре. Эти фибулы типологически не раньше рассмотренной чуть выше стаевской, т.е. не исключают датировку и первой третью VI в., а учитывая отсутствие данных о большей части ножки, и несколько более позднюю (ср. ниже о находке из Тортоны).

Этой диргартовской паре очень близка находка из Тортоны в Италии (рис. 12,*3*; 18,*2*), которая может рассматриваться как более дешевое воспроизведение таких образцов. Это сопоставление – еще один аргумент против южнорусской атрибуции рассмотренных фибул из коллекции Диргардта. Интересующая нас находка из Тортоны происходит из коллекции, связываемой с раскапывавшимся в конце XIX в. остготским могильником (документация отсутствует), из которого гипотетически реконструируется 6 комплексов [56; 57, S. 322–327, Tav. XLIV–XLIV]. Хотя для хронологических рамок некоторых из этих вещей не исключен и несколько более ранний отрезок (эпоха Одоакра), а для рассматриваемой фибулы местные прототипы (как рис. 7,*5*; см. выше, о типе Бакодпуста), набор находок из важной для нас тортонской коллекции в целом делает наиболее вероятной ее остготскую атрибуцию, т.е. хронологические рамки от 490-х до 550-х гг. Отметим, что Ф. Бирбрауер отнес рассматриваемую фибулу к ранним формам, т.е. принесенным остготами в Италию [56, S. 13–14, 24; 57, S. 106].

Фрагменту фибулы из Стаево-5 (рис. 4,*2*; 18,*29*; 19,*29*), как и рассмотренному выше экземпляру с соседнего поселения, мы не знаем точных аналогий. Ножки, расширенные ближе к дужке, с двумя округлыми боковыми выступами, имеются у многих фибул, в т.ч. с ножкой, украшенной ромбами, как центральноевропейских (в основном гепидских), так и крымских (в основном боспорских) типов. Однако

в этой выборке каплевидные очертания «ромбов» на ножке более характерны для ряда фибул гепидского круга. Имеются в Подунавье аналогии и/или прототипы и другим элементам рассматриваемой стаевской застежки. Судя по всему, она сделана в гепидских традициях, но в Подунавье или по привезенным оттуда образцам в Восточной Европе (ср. выше о другой находке из Стаево) – сказать трудно.

Находка из Майнца (рис. 11,*1*; 18,*3*) особенно выделяется на фоне рассматриваемых фибул необычно крупными боковыми выступами на ножке и своеобразными «надставленными плечиками» при переходе от ножки к дужке. Нам не известны традиции, где такие детали давали бы выразительный ряд. Остальным деталям рассматриваемой находки нетрудно найти аналогии в Подунавье и Италии. Судя по всему, экземпляр из Майнца является единичной вариацией, сделанной в указанных регионах или под влиянием тамошних восточногерманских традиций.

Для девяти рассматриваемых фибул характерны ножки с боковыми выступами в виде птичьих головок (Список 2.В.2; рис. 10,*2*; 11,*2*; 12,*1–2*; 18,*26*), что, наряду с размерами (длина, судя по известным находкам, 95-99 мм) и другими признаками, позволяет выделить их в особую **серию Лучистое**. Аналогичные фибулы, имеющие, как правило, другую орнаментацию пластин, отнесены Х. Кюном к типу *3*/Керчь, И. П. Засецкой – к варианту 1 вида I и варианту 1 подвида IVa [79, S. 92–94; 27, рис. 3,1,8]. Типологический контекст и зона концентрации находок не вызывают сомнений, что производство таких фибул связано с Боспором. Однако серия Лучистое имеет иной ареал – семь фибул происходит из раскопок А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой близ Алушты на Южном берегу Крыма, одна пара предположительно связывается с Черниговской областью, не исключая других регионов Украины.

Самая ранняя фибула этой серии найдена в Лучистом, в детском погребении 5 из слоя 2 склепа 268[10]. Это погребение датировано последней четвертью VI в., т.к. под ним находилось захоронение с орлиноголовой пряжкой варианта 1 (второй половины VI в.), а над ним – погребение с орлиноголовой пряжкой варианта 2 (конца VI – первой четверти VII в.). Рассматриваемая фибула отличается от остальных экземпляров серии Лучистое тем, что для крепления оси пружины у нее сделана одна центральная стойка, а не две, расположенные по бокам от дужки. Пара фибул этой серии происходит из погребения 7 слоя 4 склепа 228. С ней найдена и орлиноголовая пряжка варианта 3, что определяет дату комплекса около второй четверти VII в.

Другая пара фибул серии Лучистое (рис. 10,*2*; 11,*2*) найдена в склепе 59, погребении 19. Оно относится к наиболее ранним захоронениям в слое 4 этого склепа, которые датированы первой четвертью VII в. [4, с. 21–23, 82–89, рис. 4]. Еще пара фибул этой серии (рис. 12,*1–2*) происходит из погребения 1 склепа 100, не опубликованного полностью, как это образцово сделано А. И. Айбабиным и Э. А. Хайрединовой пока для находок из могил 1–80. В предварительных публикациях этот комплекс датирован по орлиноголовой пряжке варианта 2 концом VI – первой четвертью VII вв. [2, с. 273, 276–280, табл. XIX,4,6; 44, рис. 1; 3, с. 20, рис. 12]. При наличии некоторых дискуссионных моментов в хронологической системе крымских коллег [напр.: 21], в данном случае предложенная ими датировка представляется убедительной.

[10] Фибулы из склепов 268 и 228 не опубликованы. Информация предоставлена Э. А. Хайрединовой. Типология и хронология сопутствующего инвентаря дана по А. И. Айбабину и Э. А. Хайрединовой [3]. Мы приносим Эльзаре Айдеровне и Александру Ильичу благодарность за их очень ценные дополнения.

В лучистинских склепах 100 и 228 зафиксировано, что рассмотренные фибулы были попарно соединены длиной бронзовой цепью из восьмерковидных проволочных звеньев. Такой элемент убора неоднократно встречен в Лучистом, причем с фибулами разных традиций [напр.: 3, табл. 157; 4, табл. 75; 129]. Аналогичные блоки нагрудного убора распространены довольно широко, но на Боспоре таковых нам не известно.

Одна из фибул серии Лучистое (рис. 10,*2*) собрана из двух частей: ножки, имеющей аналогии на Боспоре, и головной пластины с лучевым орнаментом, аналоги которой хоть в небольшом количестве, но известны в Крыму. Возможно, этот сборный экземпляр стал «родоначальником» серии Лучистое. Впрочем, комбинации элементов фибул разных типов использовались ювелирами и в ходе творчества, не обязательно в связи с ремонтом. Как бы то ни было, серию Лучистое следует связывать с мастерами, знакомыми с боспорскими традициями, но работавшими для иного потребителя.

Скорее всего, фибулы серии Лучистое были сделаны около конца VI в. в мастерской, связанной с общиной, оставившей могильник Лучистое[11]. Они использовались на протяжении жизни практически одного поколения и вышли из обихода во второй четверти VII в. Судя по всему, эта серия маркирует кратковременный и узколокальный эпизод в истории ремесла Крыма. Попадание пары таких фибул на север (см. список 2.В.2, по данным интернета), если информация о ней верна[12], вполне вписывается в контекст крымско-днепровских контактов, весьма интенсивных и в интересующее нас время.

На фоне рассмотренных вариаций, возникших в разной среде на основе образцов типа Бакодпуста или близких ему, выделяется и **серия Стаево** (список 2.В.1). От них ее отличают сочетание сравнительно небольших размеров (до 60 мм по известным находкам), небольшого числа лучей на головной пластине (в основном, по шесть), одной стойки для оси пружины, сложно профилированных «пальцев», двух боковых округлых выступов на ножке и ее каплевидного завершения. Четыре стаевские находки образуют типологический ряд, «ступени» которого фиксируются в

[11] В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что кратковременное усиление в Юго-Западном Крыму элементов бопорских традиций связано с бегством части ремесленников из боспорских центров, пострадавших от тюрок в 576 г. [о тюркских разгромах на Боспоре см.: 2, с. 134–142; там др. литература].

[12] Есть данные о торговле вещами из грабящихся могильников Крыма, выдаваемыми за находки из лесостепных и других регионов Украины.

виде вариантов от 1 (по нашему мнению, типологически наиболее архаичного) до 3 (наиболее типологически далекого от первого).

Два экземпляра (рис. 3) сделаны по одному образцу, или один послужил образцом для другого. Об этом свидетельствует совпадение формы и расположения основных деталей, хотя они и отличаются особенностями проработки, что отражает индивидуальную доделку формы для каждой отливки и затем изделия. Судя по иглоприемникам, загнутым в разные стороны, они, скорее всего, образуют пару в одном уборе [см. об этом: 52, с. 305–306]. Обе фибулы не имеют потертостей и других следов ношения, а одна из них (рис. 3,*1*) – бракована. Размер (длина около 60 мм), каплевидная орнаментация ножки, округлые боковые выступы со «срезанным» сегментом, крупный концевой выступ, пальцы с одним валиком и иногда подтреугольным концом, другие детали позволяют выделить эти находки в вариант 3 серии Стаево.

Матрица, найденная в Стаево (рис. 2,*1*), относится к варианту 1, отличающемуся от варианта 3 меньшими размерами (длина 54 мм), более четкой проработкой орнамента пластин, ромбическими (с учетом как бы срезанных углов) ножкой и ее орнаментом, округлыми боковыми выступами, размерами и оформлением концевого выступа на ножке, «пальцами» с двумя валиками и другими деталями. Отметим и слабый загиб по часовой стрелке «лучей» на головной пластине.

Фибула с ремонтировавшейся стойкой для оси пружины (рис. 2,*2*), как и стаевские варианта 3, не имеет видимых следов ношения. Она относится к варианту 2, занимающему в типологическом ряду «промежуточное» место между вариантами 1 и 3.

Экземпляр из Ольвии с утраченным концом ножки, судя по доступному нам изображению (рис. 11,*4*), ближе всего рассмотренным вариантам 2 или 3. Конечно, по мере увеличения числа находок, характеристики вариантов необходимо будет уточнить.

Все четыре рассмотренные находки из Стаево, судя по всему, связаны с производством фибул серии Стаево. Есть все основания локализовать этот ремесленный центр на поселении Стаево-5. Пока мы затрудняемся с ответом на вопрос: отражает ли типологический ряд от варианта 1 к варианту 3 реальную эволюцию в рамках рассматриваемого типа (и производственного центра) или различие вариантов связано с другими причинами?

Для датировки серии Стаево и ее вариантов пока нет выразительных комплексов. Отметим, что эти фибулы явно не относятся к типологически ранним пальчатым застежкам. Большое число находок, связанных с производством, а не использованием фибул в костюме, свидетельствует в пользу соотнесения рассматриваемой серии с поздними этапами существования интересующих нас стаевских поселений.

О серийности можно говорить и в отношении типологически не ранних фибул **гепидского и итало-готского круга**. Для того и другого более характерны иные типы фибул с ромбической орнаментацией ножки или с головной пластиной,

украшенной лучами. Границы между этими (и не только) типами застежек весьма подвижны – многие детали экземпляров разных типов имеют переклички. Остановимся на некоторых находках, в которых влияние интересующего нас сочетания орнаментации пластин проявилось наиболее отчетливо (список 2.В.4).

Пара фибул из Сентеша–Кёкеньцуга (рис. 13,*2–3*) отличается от рассматриваемых в данной работе тем, что центральная часть ножки у них заполнена не вписанными друг в друга ромбами, а комбинацией из примыкающих друг к другу ромбиков. Такое решение центральной части показательно для ряда типов фибул меровингского круга, но известно также у гепидов и остготов [напр.: 80, Taf. 263,66/1–8,10–11,13; 264,66/14–16,19; 267,12/1–9; 268,12/10–29,31–34; 269,12/35–40,43,47,55; 270,12/65,67; 78, Taf. 28,2–3; 29,5–7; 31,8; 32,3; 35,6; 51,5; 57, Tav. XLIV,1–2; LXIV,1–2; LXXXII,3].

У находки из Сентеша–Надьхедь (рис. 13,*1*), напротив, интересующее нас сочетание орнаментальных композиций составляет центр, имеющий кайму из колечек, характерную для многих гепидских фибул. Аналогичная композиция не чужда и итало-готским фибулам [напр.: 57, Tav. II,1; XXIIX,2; LXIV,3; LXXII,1–3,5–7], правда, для них показательна переработка полос из S-видных деталей, не редких на восточногерманских изделиях, в плетенку, а не колечки.

Рассмотренные экземпляры происходят из обширных грунтовых могильников, одна из зон концентрации которых находится на территории г. Сентеш и близ него (рис. 18,*17*). Их гепидская атрибуция по письменным источникам у специалистов не вызывает сомнений. У застежек из памятников этого круга можно найти аналогии практически всем деталям рассматриваемых экземпляров, в т.ч. признаки, диагностичные именно для гепидских традиций [см. аналитические очерки в сводах: 59; 68; а также: 74, p. 109–110; 29, с. 194; 24; там более ранняя литература].

У фибулы из Крань (рис. 13,*5*; 18,*9*) орнамент пластин аналогичен тому, что у рассмотренной находки из Сентеша–Надьхедь. Отличаются лишь их размеры и набор выступов на ножке; впрочем, и они вполне вписываются в характеристики обычных гепидских находок. То, что могильник Крань территориально и хронологически связан с Остготским королевством, не противоречит сказанному – о присутствии гепидов в дружинах этого объединения известно по письменным источникам, контакты гепидов и остготов фиксируются и другими находкам [напр.: 57, S. 50–51, 100–101, 125–126, 141–142, 228–230; 14, с. 432, 463, 505].

Фибула из Колленьо (рис. 13,*6*; 18,*1*) по контексту памятника принадлежит итало-готскому кругу, что определяет и дату в рамках не ранее 490-х гг. Орнамент на ее головной пластине может быть развитием того, что представлен на особых вариациях типа Бакодпуста (рис. 7,*1,2*), но, конечно, не только у них. На пятипалых и близких им фибулах он встречается в основном у застежек меровингского круга [напр.: 80, Taf. 268,12/12,20; 269,12/52; 281,22/7,16–17; 288,27/1,3–4,6–10; 289,78/4; 77, Taf. 12,8–9; 13,1–4; 15,1]. Это не удивительно, учитывая разнообразные контакты остготов с франками, да и положение памятника недалеко от границ Франкского королевства. Поперечное членение центрального ромба на ножке фибулы из Кол-

леньо – весьма редкая композиция, но не чуждая остготским фибулам [напр.: 57, Tav. LIII,3; LIV,2].

Прекращение этих традиций обусловлено крушением Остготского королевства, уничтожением его элиты в ходе долгой кровопролитной войны с Византией, уходом ядра остготской армии в 552 г., вскоре последовавшей ассимиляцией оставшихся в Италии носителей восточногерманского убора. Схожая или несколько более широкая дата (в рамках последних десятилетий V – середины VI вв.) приемлема и для рассмотренных выше гепидских экземпляров, учитывая, что для Подунавья аварского времени (с 567/568 г.) такие изделия не характерны, хотя влияние интересующей нас орнаментики прослеживается и в VII в., например, на ряде фибул типов IG, IC, IK славянской группы по Й. Вернеру [104].

Список центрально-, южно-, да и западноевропейских фибул с элементами интересующей нас орнаментики, учитывая проницаемость границ типов, можно существенно расширить. Однако сказанного о выборке выразительных образцов достаточно для понимания тенденций развития рассматриваемых застежек к западу от Карпат.

Фибулы с ромбовидным орнаментом ножки или головной пластиной, украшенной лучами, в лесостепной зоне Восточной Европы и их историко-культурный контекст

Резко возросшее в недавнее время число находок фибул с указанными характеристиками позволяет рассматривать лесостепную полосу от Поднепровья до Подонья и примыкающие к ней регионы в качестве особой зоны концентрации и эволюции интересующих нас застежек (рис. 19).

Достоверных фибул типа Бакодпуста здесь пока не найдено, но по данным интернета зафиксированы другие типы трехпалых фибул без боковых выступов на ножке. Кроме того, некоторые фрагменты застежек (рис. 11,*6*; 14,*1,4,6*; находка из Суджанского р-на по списку 3.Д) не исключают отнесение их к типу Бакодпуста. Кругу архаичных форм принадлежат и пятипалые фибулы без боковых выступов на ножке (рис. 5). Практически все перечисленные вещи на фоне центрально- и южноевропейских находок обладают определенным своеобразием.

Окончание ножки фибулы из Курска (рис. 14,*4*; 19,*24*), как было отмечено выше при рассмотрении интересующих нас пятипалых фибул, имеет восточноевропейский круг аналогий. Кроме того, она – полая, что у ножек фибул встречается очень редко, но именно так сделано окончание ножки экземпляра из Спас-Перекши (рис. 5,*2*; 19,*30*). Полые и «пальцы» головной пластины у застежки из Курской области (рис. 15,*5*), впрочем, это встречается почаще. Отмеченную форму окончания ножки имеет и находка из Стаево-4 (рис. 5,*1*; 19,*29*), которую сближает со спас-перекшинской и уникальное для фибул рассматриваемого круга, да и вообще редкое, сочетание ножки без боковых выступов и головной пластины, имеющей 5 «пальцев».

Своеобразны и головные пластины этих фибул. У стаевской (рис. 5,*1*) она украшена пятилучевой композицией, что не встречено у крупных фибул интересующего нас круга (см. выше часть о типологии). Экземпляры из Спас-Перекши и Курской области (рис. 5,*1*; 15,*5*) сближает наличие многовитковой спиральной орнаментации головной пластины. А. К. Амброз рассматривал такую композицию декора среди признаков выделенной им верхнеднепровской школы ювелирного ремесла, сложившейся на основе дунайских традиций [8]. Дискуссия о возможном дунайском производстве отдельных вещей из Поднепровья [напр.: 43] не противоречит этой точке зрения [о вещах, связанных с этим кругом, см.: 11; 66, p. 150, 152–153; 30, с. 94–103; там библиография].

На фоне рассматриваемых находок, экземпляр из Курска (рис. 14,*4*) имеет особенно четкую проработку деталей и может вполне корректно сопоставляться с дунайскими изделиями ступеней D2/D3 и D3, ставшими образцами для восточноевропейского производства (напр., рис. 14,*6,8* [1, с. 20]). Эта вещь, учитывая круг рассмотренных аналогий, относится к наиболее ранним свидетельствам таких переработок, в данном случае, судя по всему, связанных с лесостепью востока Днепровского Левобережья.

Ножка фибулы из Суджанского района (рис. 11,*6*; 19,*22*), не имеющая боковых выступов, украшенная ромбами, с двурогим/лопатковиднымм концевым выступом, как было отмечено выше (см. о типе Бакодпуста), является имитацией «стильных» дунайских образцов. Она, как и головная пластина трехпалой фибулы с лучевой орнаментацией, найденная в том же районе (см. список 3.Д), может быть фрагментом привозного изделия, но не исключено, что изготовленного в Восточной Европе, даже в регионе находки. В любом случае эти экземпляры вписываются в контекст, рассмотренный чуть выше в связи с исследованием ножки фибулы из Курска. Имеются и другие данные о производстве в ареале колочинской культуры вещей, связанных с дунайскими традициями V в. как через лесостепь, так и по трассам в лесной зоне (см. прим. 9).

Ножка фибулы из Ксизово (рис. 14,*1*; 19,*28*) украшена ромбами, выполненными углублениями. Такой способ нанесения орнамента на других фибулах рассматриваемого круга нам не известен. Скорее всего, это местная имитация образцов, у которых композиция из ромбов выполнена в кербшнитной технике. Интересующие нас поселение и могильник в Ксизово относятся к группе Чертовицкое – Замятино, верхняя хронологическая граница которой датируется в рамках второй половины V в. (см. в начале статьи). Сказанное свидетельствует о востребованности орнамента в виде вписанных ромбов и на Верхнем Дону вскоре после того, как он начал употребляться для изделий варварского круга на Среднем Дунае.

Лучевая орнаментация головной пластины показательна для фибул серии Перехваль типа Мощенка (рис. 17; список 3.Г и прим. 3). Сочетание пятипалой головной пластины и ножки, типичной для не поздних двупластинчатых

фибул, определяет дату появления этой серии в пределах второй половины V в. Выделивший такие находки И. О. Гавритухин, отметил их восточноевропейский контекст [17, с. 213–214, рис. 1,10; 18, с. 30]. Новые материалы свидетельствуют, что этот контекст связан, главным образом, с зоной Днепро-Донской лесостепи (рис. 19,*к*), а единичные находки в Крыму [17, с. 214, рис. 2,12,13,15], судя по всему, являются привозными или сделанными по лесостепным образцам.

Находки в лесостепи и на юге лесной зоны головных пластин с лучевой орнаментацией (рис. 14,*2,6,7*; 19,*з-и*), вне зависимости от особенностей утраченной ножки этих застежек, дополняют данные о популярности этого орнаментального мотива в рассматриваемом регионе. Часть этих изделий, скорее всего, привезена из Подунавья (например, рис. 14,*6*, судя по расположению стоек для оси пружины, характерному для ряда дунайских типов), но большинство, более вероятно, местного производства. К привозным образцам (судя по технике изготовления и линии развития, связанной с Подунавьем), способствовавшим распространению в восточноевропейской лесостепи орнамента в виде вписанных ромбов, относится пряжка из Пекарей (рис. 14,*8*) [см. обзор: 25, с. 319].

Аналогичная картина – наличие изделий эпохи Аттилы (привозных и/или сделанных по дунайским образцам) и возникновение вскоре в Днепро-Донской лесостепи местных серий застежек, оказавших влияние, как минимум, до Крыма – зафиксирована при рассмотрении причерноморской серии фибул подгруппы Левице – Токари [64, p. 212–214, 120–123; 23]. О местном производстве свидетельствуют не только результаты картографирования и типологические наблюдения, но и наличие в V в. вероятных баз для этого – центров ювелирного ремесла, например, на Острой Луке Дона, где проводились обширные целенаправленные раскопки [38, с. 113]. Детальный анализ изделий других типов, несомненно, дополнит эту картину (см. прим. 9; ряд наблюдений и библиографию в [30]).

Судя по всему, в ходе распада Гуннской державы после битвы на Недао (около 454 г.) интересующая нас ее северо-восточная периферия некоторое время сохраняла единство. Здесь в ряде явно взаимосвязанных ремесленных мастерских от Среднего Поднепровья до Верхнего Подонья сформировались локальные формы изделий. Влияние продукции этих центров (малопримечательной на общем фоне) вплоть до Крыма позволяет предполагать, что рассматриваемое объединение имело и существенный военно-политический вес.

Удар по этому объединению могло нанести появление пришельцев из Азии в 460-х гг. или другие события, последовавшие за этими [см. обзор: 28, с. 103–104]. Во всяком случае, вещи наступившей эпохи, происходящие из бассейна Среднего Днепра, как правило, принадлежат сериям, отличающимся от даже

однотипных им находок в Верхнем Подонье, а нередко это различие фиксируется уже на уровне типов[13]. Такую картину можно проследить и по фибулам, рассматриваемым в данной статье.

В Средним Поднепровье известны фибулы, ножка которых имеет боковые выступы и украшена вписанными ромбами, а головная пластина орнаментирована спиралями (рис. 15,*1,2,4*; 19,*г-д*; список 3.Б). На Дону таких изделий пока не найдено.

Находки из Игрени и Канева или его окрестностей (рис. 15,*1,2*) имеют ближайшие аналогии в Крыму (рис. 15,*3* [25, списки 4д и 4е на с. 338, рис. 12,5,19]), что отражает сохраняющиеся контакты Поднепровья с Крымом. В этой связи отметим массово распространенные в Поднепровье местные имитации литьем боспорских двупластинчатых фибул с боковыми стойками на головной пластине, выделенные И. О. Гавритухиным в тип Новоселица [18, с. 30, рис. 22,16; 30, с. 100, рис. 14,10–13]. На Верхнем Дону они не известны.

Однотипная рассматриваемым здесь застежка из Среднего Поднепровья (рис. 15,*4*) принадлежит гепидскому кругу[14], зона влияния которого хорошо прослеживается от территории Польши и Восточного Прикарпатья до Днепровского Левобережья и Северо-Восточного Причерноморья [71, S. 94–105; 74; 29; 24]. Среди находок, особенно интересующих нас, ее очерчивают фибулы типа Морешть (рис. 16; 19,*в*; список 3.А). Их находки в Южной Польше (рис. 16,*2*) и довольно многочисленные из западных областей Украины (рис. 19,*1–3,6*) мало отличаются от собственно гепидских; они привезены из Подунавья или являются репликами тамошних образцов[15]. Лишь в Мазурском Поозерье и Поднепровье выделяются местные вариации.

Яркий пример последних – экземпляр из Мартыновки (рис. 16,*1*), имеющий на обороте ножки «ребро жесткости» и форму пальцев, не характерные для гепидских изделий, но получившие развитие на фибулах, показательных для убора, представленного в кладах круга Мартыновки [17, с. 209]. Вопрос о появлении «ребер жесткости» [см. о них: 50] на днепровских фибулах остается открытым. Ближайший по времени и территории их предшественник известен на фибулах варианта Херсонес причерноморской серии подгруппы Левице – Токари [17, с. 209; 64, p. 114]. Нельзя исключить, что этот прием, восходящий

[13] М. М. Казанский [30, с. 94-107] и И. О. Гавритухин (прим. 9) отмечают для этого времени локальные отличия и внутри Днепровского региона, но в целом не сомневаются в его своеобразии на фоне соседних.

[14] К сожалению, по схематичному рисунку нельзя определить к какому кругу относится фибула из Бужима (рис. 14,*5*; 19,*14*).

[15] К этому кругу относится и типологически более ранняя находка из Широкой Гребли (см. в списке 3.Б; рис. 19,*5*).

к образцам основной серии этой подгруппы, появился в Поднепровье при участии крымских мастеров. Как бы то ни было, рассматриваемая мартыновская и ряд других застежек [напр.: 18, с. 30–33; 19, с. 482; 30, с. 103–107], сделанных в Поднепровье, показывают среду, в которой сформировались фибулы, характерные для комплексов круга Мартыновского клада.

Непосредственное доказательство производства фибул, рассматриваемых в данной статье, дает бракованный полуфабрикат, найденный в Белгородской области (рис. 4,*1*; 19,*26*; список 2.Г). У него трапециевидное сечение дужки, что имеет аналогию у однотипных находок из Стаево-5 (рис. 3). Есть в Стаево-5 и фибула с ножкой, поле которой оформлено так же, как у белгородского экземпляра (рис. 2,*2*). Однако схожее оформление ножки известно и у фибул из днепровского региона (например, рис. 16,*1*), а редко встречающееся трапециевидное сечение дужки вполне могло появится как комбинация широко распространенных дужек треугольного сечения с теми, которые имеют вертикальную полосу по центру (как рис. 11,5; 13; 15,*2–4*; 16 и подобные). Наконец, наличие на боковых выступах у ножки циркульной орнаментации, имитирующей вставки, как у рассматриваемой белгородской застежки, не зафиксировано у находок с Дона.

Из-за отсутствия ряда деталей трудно сказать, в какой степени этот полуфабрикат связан с типологически более ранними днепровскими фибулами интересующего нас круга, а это представляется вполне вероятным. Впрочем, не исключено что белгородский экземпляр непосредственно связан с гепидскими образцами (как рис. 13,*4* или подобными) и вполне вписывается в контекст днепровских фибул, рассмотренный выше на примере фибул типа Морешть.

Существенно иная картина прослеживается на Дону. Здесь к концу V в. прекращается жизнь на поселениях типа Чертовицкое – Замятино, и часть этого населения сдвинулась к верховьям р. Воронеж, где сформировалась линия Ярок верхневоронежской группы (см. в начале данной статьи). В последней явно ослабевают контакты с Подунавьем, в предшествующее время весьма выразительные, а в ряде случаев и непосредственные [22, с. 235–237]. Однако верхневоронежское население не осталось в изоляции, его связи в южном секторе, вплоть до Крыма и Северного Кавказа, остаются сильными (см. некоторые примеры в начале данной статьи).

Своеобразие не ранних вариаций рассматриваемых фибул, найденных в верховьях р. Воронеж (рис. 2; 3; 4,*2*), в какой-то степени объяснимо развитием традиций, представленных в Верхнем Подонье более архаичными вариациями интересующих нас застежек (как рис. 5,*1*; 14,*1*; см. подробнее ниже). Следует иметь ввиду и то, что некоторые находки из Стаево имеют весьма далекое (как минимум, до Византии) происхождение [37, с. 308–316]. Скорее всего, они попадали на Дон через Азовское и Черное моря, не минуя Крым. Этому есть примеры и на интересующих нас фибулах.

Фибула из коллекции Бертье-Делагарда (рис. 11,*4*), относящаяся к серии Стаево (см. выше, о пятипалых фибулах), числится как происходящая из Ольвии. Даже если

это не так[16], едва ли эта вещь найдена вне Северного Причерноморья, с которым связаны научные интересы и археологическая коллекция А. Л. Бертье-Делагарда [54]. Сердцевидный вырез на концевом выступе ножки у матрицы из Стаево (рис. 2,*1*) имеет ближайшие аналогии у экземпляра из Херсонеса (рис. 15,*3*). Тем не менее, нет оснований, чтобы говорить о формировании прототипов рассматриваемых верхневоронежских застежек в Крыму, где фибулы с ножкой, украшенной ромбами, весьма многочисленны, но относятся к другим типам. По сумме признаков, ближайший аналог серии Стаево (рис. 2; 3; 11,*4*; список 2.В.1) – серия Лучистое (рис. 10,*2*; 11,*2*; 12,*1–2*; список 2.В.2). Однако это сходство вполне объяснимо как конвергентное; по крайней мере, нет достаточных оснований считать, что серия Стаево производна от серии Лучистое или наоборот.

Скорее всего, рассматриваемые верхневоронежские фибулы являются результатом местного развития, конечно, не исключающего влияния, в т.ч. из Крыма или опосредованными образцами, попадавшими в Крым [см., напр., о гепидских фибулах: 24].

Как было отмечено выше, производство интересующих нас фибул в Поднепровье развивалось отдельно от верхневоронежского, хотя ремесленные центры этих регионов имели тесно связанные истоки. Особенно показательно наличие в бассейне р. Воронеж памятников линии Кривец, с которых происходит представительный ряд фибул и деталей ременных гарнитур днепровских серий, характерных для кладов круга Мартыновки [33, с. 194, 195]. Ни одной такой вещи не найдено на памятниках линии Ярок, хотя, не исключено, что она сосуществовала с линией Кривец, как минимум, некоторое время (см. в начале данной статьи).

Фибулы, имеющие ромбическую орнаментацию ножки и лучевую головной пластины, в Поднепровье не образуют серий, хотя некоторые делались там (как минимум, экземпляр на рис. 4,*1*). Они являются единичными вариациями в процессе творчества местных мастеров, результатом которого стало формирование около конца VI в. или в начале VII в. устойчивых типов и вариантов фибул, характерных для кладов круга Мартыновки, но существенно отличающихся от интересующих нас.

Рассмотренные фибулы, связанные с памятниками линии Ярок, представлены как несерийными экземплярами (рис. 4,*2*; 5,*1*), так и серией Стаево (рис. 2; 3). Напомним, что кроме матрицы для производства застежек этой серии (рис. 2,*1*), в Стаево-5 найдено еще пять матриц, которые предназначены для изготовления частей ременных гарнитур (см. в начале данной статьи). Их детальное исследование продолжается, но уже сейчас можно говорить, что аналогичные накладки и наконечники ремней представлены, как минимум, от Поволжья до Причерноморья и Кавказа.

[16] Продавцы нередко указывали для некоторых вещей, особенно невзрачных, на связь с памятником, получившим известность или интересующим покупателя. Сами эти вещи могли быть найдены в другом месте.

Судя по всему, продукция, связанная с этими матрицами, могла распространяться весьма широко.

Иное дело – фибулы. Потребителями фибул серии Стаево являлись, судя по всему, люди, оставившие памятники линии Ярок верхневоронежской группы, даже, не исключено, что лишь представители одной или нескольких общин. Столь же узкий круг потребителей, но в варварской округе византийской крепости Алустон, имела, вероятно, серия Лучистое. Появление единичных фибул этих серий вдалеке от концентрации целевых потребителей (см. списки 2.В.1 и 2.В.2), наверное, связано с перемещением людей из этих общин.

К сожалению, четких оснований для датировки публикуемых стаевских фибул у нас пока нет, ни по комплексам на памятниках, ни по прямым аналогиям (все эти застежки в той или иной степени весьма своеобразны). В целом же, фибула из Стаево-4 (рис. 5,*1*) соответствует кругу довольно архаичных форм рассмотренных фибул. Ее наиболее вероятная датировка пока такова: вторая половина или около последних десятилетий V в. (не ранее появления линии Ярок верхневоронежской группы, вероятно, сменяющей группу Чертовицкое – Замятнино; см. в начале данной статьи) – около первых десятилетий, не позднее первой половины VI в. (учитывая, что в это время фибулы с ножкой без боковых выступов повсеместно выходят из употребления, а верхневоронежскую группу, с ее широким спектром связей, трудно отнести к зоне, где долго бытовали реликты стилей, вышедших из «моды»).

Находки из Стаево-5 (рис. 2; 3; 4,*2*) явно типологически позднее только что рассмотренной. Впрочем, пятипалые фибулы с боковыми выступами на ножке известны со второй половины V в., а их массовые серии распространяются едва ли существенно позже шикарных единичных образцов, показательных для ступени D3. В VI в. такие формы принадлежат к господствующим, но не чужды и контексту VII в. Дата экземпляра, представленного в Стаево обломком (рис. 4,*2*), скорее всего, не выходит за рамки конца V – VI вв., учитывая наибольшие типологические «перекличк» с «классическими» гепидскими и типологически близкими им фибулами (как рис. 13; 15,*4*; 16 и многие другие), хотя, конечно, не только с ними.

Варианты серии Стаево (рис. 2; 3), судя по всему, близки друг другу по времени. Напомним, что эти экземпляры составляют более половины образцов пальчатых фибул из Стаево-5. Как правило, если поселение гибнет или оставлено внезапно (судя по ряду признаков, так произошло в Стаево-5), то значительное число находок относится к этому времени. Этот аргумент в пользу датировки рассматриваемой серии первой половиной – серединой VII в. (см. о верхней хронологической границе линии Ярок в начале данной статьи), конечно, косвенный. Однако более существенных оснований для сужения ее даты мы пока не видим.

Прямых прототипов и близких аналогий для рассматриваемых стаевских фибул за пределами верхневоронежской группы мы не знаем, что свидетельствует в пользу предположения об их местном производстве. Для серии Стаево находка матрицы и бракованного экземпляра не оставляет особых сомнений в таком утверждении.

Чтобы подвести черту (но не итог) предварительным наблюдениям и предположениям, напомним, что еще несколько лет назад никто даже не подозревал о существовании не только коллекции фибул и матрицы, которым посвящена данная статья, но и Стаевского торгово-ремесленного центра. Надеемся, что к следующему юбилею Александра Ильича мы сможем немало добавить к сказанному здесь[17].

Список 1

Пальчатые фибулы и матрица, ножка которых украшена вписанными ромбами, найденные в Стаево

Раскопки и сборы А. М. Обломского (рис. 1Б; 18,*29*; 19,*29*). Описание, рисунки и большинство фото выполнены И. О. Гавритухиным, что объясняет непрофессионализм некоторых технических деталей. В представленном виде эти находки публикуются впервые.

1. Стаево-5, сборы 2016 г., № 475. Матрица (рис. 2,*1*). Общая длина 54 мм. Основа полукруглой (с внутренней стороны, напротив «пальцев» – слабо выраженные углы) головной пластины (16х11х1,4 мм) имеет высокий бордюр треугольного сечения; внутри – 6 «лучей», с третьего по пятый – слегка загнутых в направлении по ходу солнца, в этом же направлении возрастает расстояние между «лучами». Каждый из 5 «пальцев» (длина 4,5–5,5 мм) имеет грибовидный конец и 2 рельефных валика на ножке. Дужка (длина спереди 13, сзади 8,5 мм, высота изгиба 4,5 мм) пятиугольного сечения (5–6х2–2,5 мм) ближе к головной пластине немного шире и ниже, чем у ножки, а сзади имеет неглубокую выемку (т.н. не сильно полая). Ножка в форме ромба, с двумя боковыми и концевым выступами (30х17 мм с задней стороны); в основу (ее края скошены, высота 1,4 мм) вписано 3 ромба, центральный имеет вид вытянутой пирамидки, 2 других образованы бордюрами, из них у внешнего ромба один бордюр имеет вид вытянутого треугольника, один – очень слабо проработан, прочие бордюры у этих ромбов более ровные, треугольные в сечении. Боковые выступы высокие (2,5 мм) округлые, со скошенными краями (диаметр снизу 5 мм, сверху 4 мм). Концевой выступ отделен рельефным валиком, имеет каплевидную форму, сегментовидное сечение (11х6х2,5 мм), углубление в виде сердечка с приподнятой центральной частью. Оборот заглажен, но имеются небольшие понижения, где шероховатость сохранилась. Похоже, что первоначально имелись иглоприемник

[17] В день сдачи нашей статьи в редакцию (на пределе возможных сроков) мы получили информацию о находке в Липецкой области пары целых фибул, очень близких той, что представлена фрагментом, приведенном на рис. 4,2. За день до передачи нашей статьи в верстку нами были получены данные о находке в Рязанской области фибулы варианта 2 серии Стаево.

и стойка для оси пружины, но они были счищены под корень. Резьба четкая, но не аккуратная. Все изделие покрыто болотно-зеленой патиной[18].

2. Стаево-5, раскоп 5, кв. В-4, культурный слой, глубина +23 см, № 133. Фибула (рис. 2,*2*). Общая длина 56 мм. Основа полукруглой головной пластины (15х10х1,3 мм) имеет высокий бордюр треугольного, местами близкого сегментовидному, сечения; внутри – 6 «лучей» (в сечении – низкие треугольники с заглаженной гранью), расстояние между которыми возрастает в направлении по ходу солнца. Каждый из 5 «пальцев» (3 центральных длиной 4–5 мм, 2 боковых – 3–3,5 мм) имеют грибовидный конец с 1 рельефным валиком на ножке; эти детали сильно сглажены. Дужка (длина спереди 12,5 мм, сзади 10 мм, высота изгиба 4 мм) сегментовидного сечения (5–4–6х1,2–1–2 мм) в центральной части, ближе к ножке, имеет наименьшую ширину и высоту; ближе к головной пластине слабо читаются 2 сильно сглаженных вертикальных ребра. Ножка в форме ромба, с двумя боковыми и концевым выступами (30,5х17 мм с задней стороны); в основу (ее края скошены, высота до 1,3 мм) вписано 3 ромба со скругленными боковыми углами, центральный имеет вид длинной миндалины с возвышающимся центром и ребром по длинной оси симметрии, 2 других образованы бордюрами (в сечении – низкие треугольники с заглаженной гранью). Боковые выступы высокие (2,2 мм) округлые, со скошенными краями (диаметр снизу 4,5, сверху 3,3 мм) и сильно сглаженными гранями. Концевой выступ отделен рельефным пологим валиком, имеет миндалевидную со срезанным концом форму, сегментовидное сечение (12,5х6х1,8 мм), углубление, с краями, параллельными абрису выступа, вдоль которых расположены 2 узкие листовидные врезки («глаза»). Оборот заглажен. Иглоприемник (длина в основании 6,5 мм, высота 1,8 мм) загнут вправо. В месте, где должна быть стойка для оси пружины, находится слой припоя, вероятно, для фиксации вставной стойки. Грани везде сглажены. Все изделие покрыто темно-серой патиной, в местах потертости имеет золотистый (латунный) цвет.

3. Стаево-5, сборы 2017 г, № 260. Фибула (рис. 3,*1*). Общая длина 59 мм. Основа полукруглой (со слабо выраженными углами напротив «пальцев») головной пластины (17,5х11х2 мм) имеет высокий бордюр треугольного (с округлой гранью) сечения; внутри – 3 «луча» (в сечении – низкие немного асимметричные треугольники с заглаженной гранью), на месте еще нескольких «лучей» – отверстие (брак при отливке). Каждый из 5 «пальцев» (центральный длиной 6,5 мм, пара по бокам от него – 5,5–6 мм, пара дальних – 4–4,5 мм) имеют грибовидный немного заостренный конец с 1 рельефным валиком на ножке, который посередине расширяется, напоминая перемычку. Дужка (длина спереди 14 мм, сзади 10–11 мм, высота изгиба 6 мм) имеет

[18] Для находок из Стаево материал не указан, т.к. планируется специальное исследование металла, из которого они сделаны. Впрочем, нет особых сомнений, что эти вещи изготовлены из сплава на основе меди. Для других находок он указан по данным публикации или определен визуально. Везде не отмечены случаи наличия железных окислов, связанных с пружинящим аппаратом (чаще всего, с осью для крепления пружины), вставки и др. детали.

сечение в виде трапеции со срезанными нижними углами, вогнутым основанием (не сильно полая), сглаженными верхними гранями (6,5–6–6,5х3 мм), в центральной части ее ширина наименьшая. Ножка имеет форму асимметричного по длине ромба, 2 короткие стороны которого чуть выпуклые (в целом абрис напоминает каплю), с двумя боковыми и концевым выступом (30,5х16,5 мм с задней стороны); в основу (высота около 1 мм) вписано 3 фигуры; центральная имеет вид длинной миндалины с возвышающимся центром и скошенным боком, 2 других образованны бордюрами, имеют абрис, средний между длинным миндалевидным и каплевидным, со срезанными верхом и, у большего, низом; бордюры и край имеет сечение, близкое сегменту, лишь иногда напоминая низкие треугольники с заглаженной гранью. Боковые выступы высокие (около 2 мм) округлые, с как бы срезанным сегментом, со скошенными краями (диаметр снизу около 5,5 мм, сверху около 4 мм) и сглаженными гранями. Концевой выступ отделен рельефным валиком-полосой, имеет каплевидную со срезанным низом форму, внизу сегментовидное, вверху близкое трапециевидному сечение (13,5х8х2 мм), имеет углубление, перпендикулярное высоте выступа, с врезками вдоль оси симметрии выступа – двумя параллельными по центру и двумя боковыми в виде узкого сегмента. От линии боковых выступов ножка деформирована – отогнута назад. Оборот изделия неаккуратно заглажен, кроме дужки, полость которой не обработана. Иглоприемник (длина в основании 6,5 мм, высота до 7 мм) немного ассиметричен, загнут вправо. Стойка для оси пружины имеет вид полуовала; загнута влево из-за деформации. Грани везде сглажены. Все изделие покрыто темно-зеленой (с более светлыми пятнами) патиной.

4. Стаево-5, сборы 2018 г. № 563. Фибула (рис. 3,*2*). Общая длина 60 мм. Основа полукруглой (со слабо выраженными углами напротив «пальцев», немного асимметричной из-за сужения бордюра слева) головной пластины (17х11х2 мм) имеет высокий бордюр треугольного (с округлой гранью) сечения; внутри – 6 «лучей» (в сечении – низкие, иногда немного асимметричные треугольники с заглаженной гранью). Каждый из 5 «пальцев» (центральный длиной 6,5 мм, пара по бокам от него – 5,5 мм, пара дальних – 4–4,5 мм) имеют грибовидный немного заостренный конец с 1 рельефным валиком на ножке, который посередине расширяется, напоминая перемычку. Дужка (длина спереди 14 мм, сзади 10–11 мм, высота изгиба 6 мм) имеет сечение в виде трапеции со срезанными нижними углами, вогнутым основанием (не сильно полая), сглаженными верхними гранями (6,5–6–6,5х3 мм), в центральной части ее ширина наименьшая. Ножка имеет форму асимметричного по длине ромба, две короткие стороны которого чуть выпуклые (в целом абрис напоминает каплю), с двумя боковыми и концевым выступом (30,5х16,5 мм с задней стороны); в основу (высота около 1 мм) вписано 3 фигуры; центральная имеет вид длинной миндалины с возвышающимся центром, 2 других образованы бордюрами, имеют абрис, средний между длинным миндалевидным и каплевидным, со срезанными верхом и, у большего, низом; бордюры и край имеют сечение, близкое сегменту, лишь иногда напоминая низкие треугольники с заглаженной гранью). Боковые выступы высо-

кие (около 2 мм) округлые, с как бы срезанным сегментом, со скошенными краями (диаметр снизу около 5,5 мм, сверху около 4 мм) и сглаженными гранями. Концевой выступ отделен рельефным валиком-полосой, имеет каплевидную со срезанным низом форму, внизу сегментовидное, вверху близкое трапециевидному сечение (14х8х2 мм), имеет углубление, перпендикулярное высоте выступа, с врезками вдоль оси симметрии выступа – двумя параллельными по центру и двумя боковыми в виде узкого сегмента. От линии боковых выступов ножка немного деформирована – отогнута вперед. Оборот изделия заглажен, кроме дужки, полость которой не обработана, имеет перпендикулярную дужке рельефную полосу. Иглоприемник (длина в основании 6,5 мм, высота до 7 мм) немного ассиметричен, загнут влево. Стойка для оси пружины имеет вид полуовала с чуть расширенной слегка асимметричной закругленной частью; загнута вправо из-за деформации. Грани везде сглажены. Все изделие покрыто зеленой (с пятнами) патиной.

5. Стаево-5, сборы 2016 г., № 27. Фрагмент фибулы (рис. 4,*2*). Общая длина 50 мм; первоначально – едва ли менее 75 мм. Основа полукруглой (со слабо выраженными углами напротив «пальцев») головной пластины (22х13х1–2 мм) имеет высокий бордюр треугольного (с округлой гранью) сечения, близ дужки он аналогичен «лучам»; внутри – еще 9 «лучей» (в сечении – низкие треугольники с заглаженной гранью, в ряде случаев почти сегменты). Каждый из 3 центральных «пальцев» (длиной 7–8 мм) имеет скругленный конец и 2 рельефных поперечных валика; на боковых «пальцах» (6 и 5 мм) заметны лишь следы валика; все детали, особенно на боковых «пальцах», как бы замыты. Дужка (длина спереди 22 мм, сзади 16 мм, высота изгиба 6 мм) имеет сечение (9–6,5–8х3–4–1,5 мм) в виде высокого треугольника со сглаженной вершиной, окаймленного двумя парами невысоких валиков (внутренняя – чуть выше внешней), основание вогнутое (дужка не сильно полая); центральный «гребень» дужки плавно понижается по направлению к головной пластине и ножке; с одной стороны часть внешнего валика утрачена при отливке. Ножка имеет форму асимметричного по длине ромба с двумя боковыми выступами (ширина с задней стороны 22 мм); в основу (высота не более 0,5 мм) вписано 4 фигуры; центральная имеет вид длинной миндалины с возвышающимся центром, 3 других образованы бордюрами, имеют абрис, близкий каплевидному со срезанным низом; бордюры и край имеют сечение, близкое сегменту. Боковые выступы сравнительно невысокие (до 1 мм) округлые, с как бы срезанным сегментом, утоньшаются к краям (диаметр снизу около 5 и 4,5 мм). Внутри ножка имеет прогиб, почти незаметный с лицевой стороны. Оборот изделия заглажен, кроме дужки, полость которой не обработана. Иглоприемник (длина в основании 9 мм, высота до 5 мм) ассиметричен, слегка загнут влево, но не может удерживать иглу. Стойка для оси пружины имеет вид полуовала с чуть расширенной слегка асимметричной закругленной частью. Грани везде сглажены. Все изделие покрыто коричнево-зеленой патиной.

6. Стаево-4, сборы 2015 г, № 1. Фибула (рис. 5,*1*) собирается из двух фрагментов (вероятно, сломана в древности, но этот участок памятника распахивался). Общая длина 91 мм. Основа полукруглой (со слабо выраженными углами напротив «пальцев», кроме одного) головной пластины (23х15х2 мм) имеет высокий бордюр треугольного (с округлой гранью) сечения, близ дужки он аналогичен «лучам»; внутри – еще 5 «лучей» (в сечении – низкие немного асимметричные треугольники с заглаженной гранью). Каждый из 5 «пальцев» (центральный длиной 12,5 мм, пара по бокам от него – 10,5–11 мм, пара дальних – 9,5 мм) имеет грибовидный (на двух лучшей сохранности – немного заостренный) конец, ножку в виде массивной балясины, расположенной между двух валиков. Три «пальца» отогнуты: центральный и один боковой (в меньшей степени) – вперед, другой боковой – сильно назад. Дужка (длина спереди 24 мм, сзади 20 мм, высота изгиба 9 мм) имеет сечение в виде треугольника с чуть выгнутыми сторонами и более вогнутым основанием (не сильно полая), сглаженной верхней гранью (6–5–8х2–2–3 мм); в центральной части ближе к головной пластине ее ширина наименьшая, ближе к ножке ее высота наибольшая (3,5 мм); вероятно, ребро дужки было выделено желобками, украшено поперечными «галочками». Ножка имеет форму асимметричного по длине ромба, с концевым выступом (44х17 мм с задней стороны); в основу (высота около 0,8 мм, у дужки – до 1,2 мм) вписано 3 фигуры; центральная имеет вид капли с возвышающимся центром и скошенными боками, 2 других образованы бордюрами, имеют абрис, средний между каплевидным и ромбовидным, со срезанным низом; бордюры, включая внешний, имеют сечение в виде низкого треугольника со сглаженной гранью; короткие стороны внешнего бордюра имеют вид длинного треугольника, у прочих – стороны почти везде параллельны. Концевой выступ отделен рельефным валиком, имеет каплевидную со срезанным низом форму, сечение треугольное, со сглаженными углами (15х8,1х2 мм); имеет пару «глазков» в виде врезных полуокружностей. Ножка деформирована – близ середины высоты отогнута назад. Оборот изделия неаккуратно заглажен близ конца ножки и на части головной пластины. Иглоприемник (длина в основании 10 мм, высота до 3 мм) чуть ассиметричен, загнут вправо. Две стойки для оси пружины расположены на расстоянии 10 мм друг от друга, имеют вид полукруга, но одна асимметричного, другая – со срезанными с трех сторон краями. Ось пружины сделана из округлого в сечении стержня диаметром 1,6 мм, ее концы расклепаны. Между ней и головной пластиной сохранился фрагмент брусочка (6х2,5х1,3 мм), с одного конца немного расклепанного, с другого – обломанного на сгибе. Грани везде сглажены. Корпус покрыт темно-зеленой (с более светлыми пятнами) патиной; ось пружины и брусочек – железные.

Список 2
Пальчатые фибулы, ножка которых украшена вписанными ромбами, а головная пластина – радиальными «лучами»

Внутри списков по типам и вариациям находки приведены в порядке русского алфавита. В описании указаны другие названия и написание латиницей, если

она используется в стране, где место находки расположено. В списке литературы приведены только базовые публикации и упоминания в важнейших сводах. Данные о ряде венгерских находок уточнены благодаря любезному содействию Валерии Кульчар, которой мы приносим благодарность.

А. Тип Бакодпуста:

Бернхардшталь–Аулюссен (Австрия: Bernhardsthal-Aulüssen), единичная находка (рис. 18,*12*). Серебро, позолота; 2 стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина, судя по рисунку, 42 мм, возможно, был еще один «палец», тогда длина фибулы составляла около 51 мм (рис. 7,*6*) [53, S. 615, Abb. 945].

Гарлитц (Германия: Garlitz), погребение в урне (рис. 18,5). Серебро, позолота; по публикациям число стоек для оси пружины не ясно (фибула утрачена во время Второй мировой войны); длина фрагмента 37 мм, фибулы – едва ли более 60 мм (рис. 7,*1*). Благодарим Эрдмуте Шульце за помощь в уточнении информации [80, S. 746 (No 14), Taf. 263,65/14; 81, S. 143–144 (No 192)].

Дунапатай–Бёдпуста (фигурирует и как Бакодпуста, Пуста-Бакод; Венгрия: Dunapataj-Bödpuszta, Bakodpuszta, Puszta-Bakod), погребение 3 (рис. 18,*16*). Пара; серебро, позолота; по доступным публикациям число стоек для оси пружины не ясно; длина по 48 мм (рис. 6,*5–6*) [75, S. 104, Abb. 7,1,2; 93, S. 364, Abb. 40; 80, S. 746–747 (No 16), Taf. 263,65/16].

Кёвагосёлёш (Венгрия: Kővágószőlős), погребение 6 (рис. 18,*14*). Пара; серебро, позолота; по доступным публикациям число стоек для оси пружины не ясно; длина по 50 мм (рис. 7,*7–8*) [63, p. 133, tab. III,4–5].

Керчь (фигурирует и как Крым), коллекция Мартина (ныне Государственного исторического музея в Стокгольме), контекст находки не ясен (рис. 18,*27*). Бронза; одна стойка для оси пружины; длина 72 мм (рис. 9,*1*) [93, S. 364, Abb. 37; 80, S. 744–745 (No 4), Taf. 262,65/4; 1, рис. 14,9].

Кыйов (Чехия: Kyjov), единичная находка (рис. 18,*11*). Бронза; число стоек для оси пружины не ясно из-за вторичного использования вещи; длина 72 мм (рис. 10,*1*) [97, s. 202 (No 21), obr. 37,3; 80, S. 745 (No 11), Taf. 263,65/11 (с указанием на «Чехословакия, Моравия» и длины 78 мм)].

Медвен (Болгария), остатки римско-византийской крепости в местности «Калето», единичная находка (рис. 18,*23*). Бронза; по публикациям число стоек для оси пружины не ясно; длина 67 мм (рис. 9,*7*) [49, с. 110–111, табл. II,1; 42, с. 340 (№ 96), обр. 31,3].

Ниредьхаза–Рожретсёлё (Венгрия: Nyíregyháza–Rozsrétszőlő), погребение 198 (рис. 18,*18*). Серебро, позолота; одна стойка для оси пружины; длина 53 мм (рис. 7,*2*). Благодарим авторов раскопок Каталин Алмаши, Балаж Герей, Эстер Иштванович за предоставленные изображения и позволение их впервые опубликовать. Особенно Эстер – за всестороннюю помощь в работе с находкой (включая знакомство И. О. Гавритухина с оригиналом).

Осоппо (Италия: Osoppo), погребение (рис. 18,*10*). По доступным публикациям материал, число стоек для оси пружины, длина – не ясны (рис. 7,*5*) [102, p. 156–158; tav. III,1; 60, S. 177, Abb. 14].

Свиштов (Болгария), остатки римско-византийского г. Новы (*Novae*), на тротуаре *via praetoria* (рис. 18,*22*). Бронза; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина фрагмента 66 мм, фибулы – не менее 80 мм (рис. 8,*2*) [67, s. 62–63 (No 170), tabl. XI,10; 42, с. 339 (№ 94), обр. 31,1].

Тольна–Мёж (Венгрия: Tolna-Mözs-Icsei-dűlő), погребение 53 (рис. 18,*15*). Пара; серебро, позолота; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина, судя по рисунку, по 59,5 мм (рис. 6,*1–2*). Благодарим Яноша Одора за уточнения к опубликованной информации и предоставление для нашей публикации рисунков, более полных, чем в предварительных публикациях [87, p. 374, fig. 6,1–2].

Тольна–Мёж (Венгрия: Tolna-Mözs-Icsei-dűlő), погребение 64 (рис. 18,*15*). Пара; серебро, позолота; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина, судя по рисунку, 53,5–54,5 мм (рис. 7,*3–4*). Благодарим Яноша Одора за уточнения к опубликованной информации и предоставление для нашей публикации рисунков, более полных, чем в предварительных публикациях [87, p. 374, fig. 6,3–4].

Хач–Бендекпуста (Венгрия: Hács-Béndekpuszta), погребение 18 (рис. 18,*13*). Пара; серебро, позолота; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина по 44 мм (рис. 6,*3–4*) [76, S. 297, Abb. 12,4].

Хорни-Кшелы-у-Колина (Чехия: Horní Kšely u Kolína), единичная находка (рис. 18,8). Материал по доступным публикациям не ясен; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина фрагмента 60 мм, фибулы – около 75 мм или несколько более (рис. 8,*1*) [96, T. XIX,7; 80, S. 735 (No 29), 745 (No 10), Taf. 261,64/29; 263,65/10 (дублирование; один раз – с сокращенным названием; длина указана один раз 62 мм, другой – 60 мм)].

Цага (Румыния: Ţaga), погребение, исследованное в 1968 г. (рис. 18,*19*). Бронза; одна стойка для оси пружины (уточнено по схематичному рисунку, представленному Валентиной Михайловной Горюновой, за что приносим ей благодарность); длина 92 мм (рис. 9,*2*) [70, S. 103, 192, Taf. XC,F/5].

Чехия (Čechy), коллекция Народного музея (Прага), единичная находка (рис. 18,*7*). Материал по доступным публикациям не ясен; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина фрагмента, судя по рисунку, 84 мм, фибулы – около 100 мм или несколько более (рис. 8,*3*), однако вероятно, что масштаб в публикации указан не верно и эта фибула аналогична находке из Хорни-Кшелы (так она приведена, например, в [56, Taf. 4,6]) [96, T. XIX,8; 80, S. 735 (No 28), 745 (No 9), Taf. 261,64/28; 263,65/9 (дублирование, с указанием один раз на «Богемия», другой на «Чехословакия»; длина дана один раз как 90 мм)].

Чехословакия, вероятно, Чехия (Богемия), коллекция Народного музея (Прага), поступление из частной коллекции в 1926 г. (рис. 18,*6*). Материал и число стоек для оси пружины по публикации не ясны; длина 70 мм (рис. 9,*7*) [80, S. 745 (No 12), Taf. 263,65/12].

По данным интернета[19]*:*

Крым (рис. 18,*25*). С одной стойкой для оси пружины; кнопки маленькие; на конце ножки две маленькие полусферы; детали не аккуратны; длина несколько более 43 мм.

Б. Трехпалые с боковыми выступами на ножке:

Монсхайм (Германия: Monsheim), погребение 4 (рис. 18,*4*). Серебро; две стойки для оси пружины; длина 45 мм (рис. 11,*3*) [80, S. 300, Taf. 67,210; 262,65/2].

Морешть (Румыния: Moreşti), находка на поселении (рис. 18,*20*). Материал и число стоек для оси пружины по публикациям не ясны; длина 67 мм (рис. 13,*4*) [72, S. 144, Taf. 41,1; 70, S. 102, 180 (No 58/1/1), Taf. XCI,G/8].

По данным интернета:

Украина, возможно, Черкасская обл. (не картографирована). Вероятно, бронза; с двурогим окончанием ножки; проработка деталей не четкая; небольшая.

А/ Б. Трехпалые, информации о выступах на ножке нет:

Братей (Румыния: Bratei), могильник 3, погребение 244 (рис. 18,*21*). Фрагмент; бронза; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина фрагмента 47 мм, фибулы – едва ли менее 90 мм (рис. 8,*4*) [55, S. 94, 250, Taf. 40,G.244/4; 74,G.244/4].

В. Пятипалые:

В.1. Серия Стаево:

Ольвия, коллекция Бертье-Делагарда (ныне Британского музея), обстоятельства находки не известны (рис. 18,*24*; 19,*31*). Бронза; одна стойка для оси пружины; длина фрагмента 40 мм, фибулы – едва ли менее 50 мм (рис. 11,*4*) [80, S. 745 (No 8), Taf. 263,65/8; 54, p. 43 (No 22), pl. 13,22].

Стаево (рис. 18,*29*; 19,*29*), 4 экземпляра. См. список 1, №№ 1–4 (рис. 2; 3).

В.2. Серия Лучистое:

Лучистое, склеп 59, слой 4, погребение 19 (рис. 18,*26*). Пара (одна фибула собрана из двух частей); бронза; по две стойки для оси пружины, расположенные по бокам от дужки; длина 97 и 96 мм (рис. 10,*2*; 11,*2*) [4, с. 23, 88 (№ 65 и 66), рис. 4,3–4, табл. 107; 229,1].

Лучистое, склеп 100, погребение 1 (рис. 18,*26*). Пара; бронза; по две стойки для оси пружины, расположенные по бокам от дужки; длина 95 и 97 мм (рис. 12,*1–2*; предоставлены Эльзарой Айдеровной Хайрединовой, которой мы приносим за это благодарность) [2, табл. XIX,6; 44, рис. 11,1,3; 3, рис. 12,17].

Лучистое, склеп 228, слой 4, погребение 7 (рис. 18,*26*). Пара; бронза; по две стойки для оси пружины, расположенные по бокам от дужки; длина по 99 мм. Раскопки А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой. Не опубликованы; любезная информация авторов раскопок.

Лучистое, склеп 268, слой 2, погребение 5 (рис. 18,*26*). Бронза; одна стойка для оси пружины; длина 96 мм. Раскопки А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой. Не опубликована; любезная информация авторов раскопок.

По данным интернета:

Украина, предположительно Черниговская обл. (не картографированы). Пара; бронза; точных размеров нет.

В.3. Других серий:

Коллекция Диргардта (ныне Римско-германского музея в Кёльне), место и обстоятельства находки не известны (не картографированы). Пара, фрагменты; серебро, следы позолоты на пластинах; одна стойка для оси пружины; длина фрагментов по 44 мм, фибул – едва ли менее 75 мм (рис. 12,*4–5*) [105, S. 29 (No 107), Taf. 25,107; 80, S. 747 (No 18), Taf. 263,65/18].

Майнц, вероятно, в местности Цальбах (Германия: Mainz-Zahlbach), единичная находка (рис. 18,*3*). Бронза; число стоек для оси пружины по публикации не ясно; длина фрагмента 56 мм, фибулы – едва ли менее 80 мм (рис. 11,*1*) [80, S. 287 (No 187), Taf. 61,187; 262,65/1].

Стаево (рис. 18,*29*; 19,*29*). См. список 1, № 5 (рис. 4,*2*).

Стаево (рис. 18,*29*; 19,*29*). См. список 1, № 6 (рис. 5,*1*).

Тортона (Италия: Tortona), вероятно, некрополь, комплекс не ясен (рис. 18,*2*). Фрагмент; плохое серебро или бронза; одна стойка для оси пружины; длина фрагмента 43 мм, фибулы – едва ли менее 75 мм (рис. 12,*3*) [56, S. 4–5 (No 5), Taf. 2,1; 57, S. 324–325 (No 35.e), Taf. XLIV,5].

По данным интернета:

Украина, вероятно, Черниговская обл. (не картографирована). Имеет одну или близко расположенные две стойки; ножка без боковых выступов; грани орнамента четкие; длина 95 мм.

В.4. Образцы гепидских и итало-готских форм, наиболее близких рассматриваемым:

Колленьо (Италия: Collegno), погребение 4 (рис. 18,*1*). Серебро; число стоек по публикации не ясно; длина фрагмента 57 мм (рис. 13,*6*) [83, p. 8, 196 (cat. I.4)].

Крань (Словения: Kranj), находка на могильнике (рис. 18,*9*). Бронза, позолота; число стоек для оси пружины по публикациям не ясно; длина фрагмента 76 мм (рис. 13,*5*) [57, Tav. LXXIV,5; 95, s. 79 (No 23), t. 120,2].

[19] Здесь и далее для работы с находками, опубликованными в интернете, мы пользовались базой данных, созданной Игорем Анатольевичем Бажаном, за что приносим ему благодарность. Так как эти фибулы, насколько нам известно, не переданы в музеи, их изображение не публикуется. Данные о некоторых характеристиках отсутствуют.

Сентеш–Кёкеньцуг (Венгрия: Szentes-Kökényzug), погребение 56 (рис. 18,17). Пара; серебро, позолота; число стоек по публикациям не ясно; длина по 94 мм (рис. 13,*2–3*) [61, Taf. XI,1–2; 80, S. 751 (No 4), Taf. 263,66/4].

Сентеш–Надьхедь (Венгрия: Szentes-Nagyhegy), погребение 8 (рис. 18,17). Серебро; число стоек по публикациям не ясно; длина с утратой, судя по рисунку, 85 мм, фибулы целиком – около 90 мм (рис. 13,*1*) [61, S. 46, Taf. XXIV,17; 86, S. 185–186, Abb. 43,3 (в подписи указана как погребение 9)].

Г. Число «пальцев» неизвестно, с боковыми выступами на ножке:

Учитывая важность для темы нашей статьи этой впервые публикуемой находки, она описана подробнее, чем другие в этом списке.

Белгородская область (рис. 18,*28*; 19,*26*). Передана в Сейминско-Суджинскую экспедицию (начальник Олег Александрович Радюш, которого мы благодарим за право публикации находки), оттуда – в Курский областной музей археологии (№ 302/50/23). Бракованный полуфабрикат части фибулы (рис. 4,*1*; выполнен И. О. Гавритухиным). Общая длина 35 мм. От головной пластины сохранилась небольшая часть, на которой просматриваются основания «лучей», а на обратной стороне – фрагмент стойки для оси пружины или не раскованная заготовка для нее. Дужка (длина спереди около 15 мм, сзади – около 12 мм) трапециевидного сечения (4,5x1,5 мм). Ножка по форме близка ромбу, имеет два боковых выступа (общая ширина 20 мм); в основу (высота около 0,9 мм) вписано 3 миндалевидные фигуры; центральная имеет возвышение в центре и грань по длинной оси симметрии, две другие образованны бордюрами, имеют сечение в виде треугольника, грани довольно четкие. Боковые выступы высокие (до 1,7 мм) округлые, со скошенными краями (диаметр снизу 5 мм, сверху 4,5 мм); по центру имеют углубленную композицию «окружность с точкой посередине» (мотив «птичий глаз»); все грани сглажены. У одного выступа не проработано место перехода к основе ножки, у другого – не срезан выплеск металла. Оборот изделия не заглажен. Иглоприемник не раскован и не загнут (длина в основании до 7 мм, высота до 8,5 мм). Изделие покрыто серой патиной с зеленым отливом, в местах потертости имеет золотистый (латунный) цвет.

Список 3

Данные о пальчатых фибулах, ножка которых украшена вписанными ромбами или головная пластина – радиальными «лучами», найденных в лесостепной и близлежащих от нее зонах Восточной Европы

А. Тип Морешть и близкие ему:

Деренковец, обстоятельства находки не ясны (рис. 19,*11*). Бронза; число стоек для оси пружины по публикации не ясно; длина, судя по рисунку, 74 мм (рис. 16,*3*) [106, с. 369 (№ 38), табл. 79,4].

Мартыновка, покупка, вероятно, разрушенное погребение (рис. 19,*10*). Бронза; две стойки для оси пружины, расположенные у дужки; длина, судя по рисунку,

84–85 мм (рис. 16,*1*; фото из фонда Г.Ф. Корзухиной в рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН, С-Петербург – предоставлено Ольгой Алексеевной Щегловой, за что приносим ей благодарность) [106, с. 359–360 (№ 27–2), табл. 7,5; 40, с. 161 (№ 60), рис. 102,6].

По данным интернета[20]*:*

Волынская обл., на р. Черногуска, в 30 км от Луцка (рис. 19,*1*). Пятипалая; на дужке вдоль оси симметрии расположены прямоугольные в сечении полосы (по центру – более высокая, по краям – ниже и тоньше); у перехода дужки к ножке находятся два маленьких выступа; окончание ножки – двурогое, в виде полукруглой «лопатки»; длина 42 мм.

Волынская обл., «недалеко» от Луцка (рис. 19,*2*). Пятипалая; головная пластина и дужка, типичные для находок в Подунавье; две близко расположенные стойки для оси пружины.

Винницкая обл. (рис. 19,*6*). Пятипалая; дериват с тремя парами выступов на ножке; две близко расположенные стойки для оси пружины; длина несколько более 80 мм.

Запорожская обл., близ Днепра (рис. 19,*15*). Трехпалая, редкий вариант.

Ивано-Франковская обл. (рис. 19,*3*). Пятипалая; головная пластина и часть дужки, типичные для находок в Подунавье; одна стойка для оси пружины; на дужке украшена полосой с использованием мотива «волчий зуб».

Курская обл., возможно, из клада круга Мартыновки (рис. 19,*23*). Пара; пятипалые; на одном экземпляре – излом, на другом – брак литья; по две близко поставленные стойки для оси пружины; на пластинах – много дуг и ромбов; весьма крупные.

Межричьи, село, Лебединский р-н Сумской обл. (рис. 19,*20*). Пятипалая; две стойки для оси пружины по бокам от дужки, длина около 90 мм.

Украина, вероятно, Черниговская обл. (не картографирована). Пара; пятипалые; по две близко расположенные стойки для оси пружины; в середине головной пластины, ножки, на пальцах нанесен орнамент с мотивом «птичий глаз»; рельефный орнамент состоит из тонких бордюров с плоским верхом; длина по 115 мм.

Б. Других типов, с ножкой, украшенной вписанными ромбами[21]**:**

Бужим Чигиринского уезда, обстоятельства находки не известны; вероятно, Бужин Шабельниковской волости этого уезда (рис. 19,*14*). Материал, число стоек для оси пружины, длина по схематичному рисунку А. А. Спицына не ясны (рис. 14,5) [30, с. 100, рис. 15,6].

Игрень, случайная находка, вероятно, она же или очень похожая вещь фигурирует как происходящая из района Звонецких порогов; до уточнения информации мы

[20] Атрибуция некоторых находок условна.

[21] Для пары фибул из Римско-германского музея в Кельне указание на Никополь, как отметил М. М. Казанский, вероятно, связано с местом покупки находки из Крыма или проживанием коллекционера [30, с. 100 и прим. 18, рис. 15,11–12]. Поэтому мы не включаем эти находки в список 3 и не отмечаем их на карте (рис. 19).

рассматриваем их как один пункт (рис. 19,*16*). Серебро; число стоек для оси пружины по публикациям не ясно; длина, судя по рисунку, 78–79 мм (рис. 15,2) [106, с. 421 (№ 134–3), табл. 108,2; 73, fig. 2,21; 25, с. 338 (список 4д); 30, с. 100, рис. 15,9].

Канев или его окрестности, обстоятельства находки не известны (рис. 19,*9*). Материал, число стоек для оси пружины, длина по публикациям не ясна (рис. 15,*1*) [41, рис. 8,2; 73, fig. 2,22; 25, с. 338 (список 4д); 30, с. 100, рис. 15,10].

Спас-Перекша, на городище дьяковской и/или мощинской и древнерусской культур «Спасский городец», вероятно, в насыпи вала (рис. 19,*30*). Бронза или низкопробное серебро; одна стойка для оси пружины; длина с утратой 77 мм, фибулы целиком – чуть больше 80 мм (рис. 5,*2*; фото Ильи Рафаэльевича Ахмедова, которого мы благодарим за разрешение публикации фото) [106, с. 418 (№ 123), табл. 107,2; 11, рис. 12,1; 30, с. 100, рис. 15,2; 16,15 (повторено)].

Среднее Поднепровье, в пределах Васильковского, Каневского, Таращанского уездов Киевской губернии, обстоятельства находки не ясны (рис. 19,*8*). Бронза; число стоек для оси пружины по публикации не ясно; длина, судя по рисунку, 60–61 мм (рис. 15,*4*) [106, с. 409 (№ 102–1), табл. 80,9; 30, с. 100, рис. 15,1].

По данным интернета:

Белгородская обл., данные М. Е. Левады (рис. 19,*26*). [30, с. 100, прим. 19].

Украина (не картографирована). Трехпалая, с сильно закрученным спиральным орнаментом на головной пластине; число стоек для оси пружины не понятно; ножка без выступов, но с большими плечиками; длина около 60 мм.

Украина (не картографирована). Трехпалая, со спиральным орнаментом на головной пластине; боковые «пальцы» выполнены в виде птичьих голов; две близко расположенные стойки для оси пружины; в начале и конце ножки – по паре очень маленьких выступов; орнамент сглажен; длина около 70 мм.

Широкая Гребля, Хмельницкий р-н Винницкой обл. (рис. 19,*5*). Трехпалая, орнамент на головной пластине выполнен в виде двух сегментов или эллипсов; одна стойка для оси пружины; ножка без боковых выступов, с длинным основанием округлого окончания; длина около 60 мм.

В. Ножки фибул, украшенные вписанными ромбами:

Курск, близ Кировского моста, единичная находка не позднее 1970-х гг. (рис. 19,*24*). Сплав серого цвета; длина фрагмента 36 мм, фибулы – не менее 70 мм (рис. 14,*4*; выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала: Курский областной музей археологии, КОКМ-16641/54; благодарим Геннадия Юрьевича Стародубцева и Андрея Геннадьевича Шпилева за помощь в работе) [15, рис. 11; 66, p. 155 (No 7), fig. 6B,5].

Ксизово-19, подъемный материал, участок 3 (рис. 19,*28*). Сплав на основе меди; длина фрагмента 40,5 мм, фибулы – не менее 65 мм (рис. 14,*1*; выполнен И. О. Гавритухиным при камеральной обработке находок Раннеславянской археологической экспедиции ИА РАН, фото ее начальника А. М. Обломского) [38, с. 154, 229–230, рис. 232,6].

Суджанский р-н Курской обл., контекст находки не ясен (рис. 19,*22*), планируется к передаче в Суджанский краеведческий музей. Благодарим за информацию и предоставленное для публикации фото Власту Евгеньевну Родинкову. Бронза или низкопробное серебро; окончание ножки – двурогое, в виде полукруглой «лопатки»; длина фрагмента 28 мм, фибулы – вероятно, около 50 мм (в пределах 45–60 мм) (рис. 11,*6*).

Усох (Трубчевск), погребение 4 (рис. 19,*19*). Бронза; длина фрагмента, судя по рисунку, 37 мм (рис. 14,*3*) [106, с. 407–408 (№ 90), табл. 80,12; 40, с. 155 (№ 2), рис. 102,4].

Г. Серии Перехваль и близкие ей типа Мощенка:

Перехваль, на городище со слоями раннеримского и гуннского времени (рис. 19,*27*), передана в Раннеславянскую археологическую экспедицию ИА РАН (начальник А. М. Обломский) в 2017 г., планируется к передаче в Липецкий областной историко-краеведческий музей. Белый металл; одна стойка для оси пружины; место иглоприемника зачищено; длина 78,5 мм (рис. 17,*2*; выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала при камеральной обработке находок экспедиции). Публикуется впервые.

Пастырское, обстоятельства находки не известны, коллекция Кундеровича (рис. 19,*13*). Материал, число стоек для оси пружины по публикации не ясны; длина фрагмента, судя по рисунку, 56 мм, фибулы – не менее 65 мм (рис. 17,*1*) [106, с. 377–378 (№ 73–26), табл. 28,1].

По данным интернета:

Белгородская обл., данные М. Е. Левады (рис. 19,*26*) [30, с. 100 и прим. 20][22].

Киевская обл., юг (рис. 19,*7*). Бронза; одна стойка для оси пружины; длина, судя по фото, 75–80 мм.

Глиница, Краснопольский р-н Сумской обл. (рис. 19,*21*). Одна стойка для оси пружины; вместо приемника – следы пайки; длина 55 мм.

Черкасская обл., правобережье Днепра, вероятно, из размывов берега (рис. 19,*12*). Одна стойка для оси пружины; длина около 75 мм.

Д. Головные пластины с лучевым орнаментом:

Брянская обл., контекст находки не ясен (рис. 19,*18*), передана в Сейминско-Суджинскую экспедицию (начальник Олег Александрович Радюш, которого мы благодарим за право публикации находки). Бронза или низкопробное серебро; пятипалая; с одной стойкой для оси пружины; вероятная ширина фрагмента (учитывая симметричность) около 26 мм (рис. 14,*7*; выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала при камеральной обработке находок экспедиции).

[22] В упомянутом списке М. Е. Левады фигурируют также находки из Сумской и Черкасской областей. Не исключено, что речь идет о тех же вещах, которые приведены нами по данным И. А. Бажана. К сожалению, эти базы данных не согласованы. До уточнения информации мы даем находки из этих областей по одному разу.

Вербычна (в польской огласовке, в украинской – Вербычка), контекст находки не ясен, коллекция Пулавского (рис. 19,*4*). Бронза; трехпалая; с двумя стойками для оси пружины, расположенными у края головной пластины; ширина, судя по рисунку, 47 мм (рис. 14,*6*) [90, s. 220, Tabl. XLVII,15].

Порозок, единичная находка (рис. 19,*25*). Бронза; пятипалая; число стоек для оси пружины не ясно; ширина, судя по рисунку (вероятно, в масштабе 1:1), 45 мм (рис. 14,*2*) [26, с. 62, 68 (рис. сверху)].

Суджанский р-н Курской обл., контекст находки не ясен (рис. 19,*22*), планируется к передаче в Суджанский краеведческий музей. Благодарим за информацию Власту Евгеньевну Родинкову. Бронза или низкопробное серебро; трехпалая; с одной стойкой для оси пружины; ширина фрагмента 27,5 мм.

По данным интернета:

Черниговская обл. (рис. 19,*17*). Пятипалая; с одной стойкой для оси пружины.

Список 4

Данные о других вещах, изображения которых приведены в статье

Книн–Греблье (Хорватия: Knin Greblje), погребение 154. Бронза; одна стойка для оси пружины, ширина фрагмента 30 мм (рис. 11,*5*; выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала: Музей хорватских археологических памятников, Сплит, No D LXVIII) [103, S. 27; Tab. XIX,5].

Ковачевец (Болгария), остатки римско-византийской крепости в местности «Ковачевско кале», единичная находка. Головная пластина; бронза; по публикациям число стоек для оси пружины не ясно; ширина фрагмента 28 мм, с учетом симметричности головной пластины – 35 мм (рис. 9,*3*) [42, с. 127, 339–340 (№ 95); обр. 31,2].

Курская область, контекст находки не ясен, передана в Сейминско-Суджинскую экспедицию (начальник Олег Александрович Радюш, которого мы благодарим за право публикации находки), оттуда – в Курский областной музей археологии (№ 232/43/134). Бронза; одна стойка для оси пружины; ширина 47 мм (рис. 15,*5*; выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала).

Медвен (Болгария), остатки римско-византийской крепости в местности «Калето», единичная находка. Бронза; одна стойка для оси пружины, ширина фрагмента 35 мм (рис. 9,*4*) [49, с. 116–117 (№ 7), табл. II,2; 69, Т. II,1; 42, с. 127, 340 (№ 97), обр. 31,4].

Краков–Нова-Гута (Польша: Kraków–Nowa Huta), находка на поселении 1. Бронза; две стойки для оси пружины, расставленные немного по сторонам от основания дужки; ширина фрагмента 43 мм (рис. 16,*2*; выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала: Археологический музей, Краков, N 4/8/1535:3) [88, s. 76, 157–158, rys. 19,9].

Пекари, обстоятельства находки не известны, коллекция Ханенко. Бронза, обкладка золотой пластиной; длина, судя по рисунку, 85 мм (рис. 14,*8*) [47, с. 24 (№ 380), таб. IX,380].

Стан (Болгария), остатки римско-византийской крепости, единичная находка. Ножка; бронза; длина фрагмента 42 мм (рис. 9,*5*) [48, с. 68, Т. VIII,1; 42, с. 128, 340–341 (№ 98), обр. 31,5].

Херсонес, коллекция ГИМ. Одна из пары; вероятно, серебро; две стойки для оси пружины, расположенные по краям головной пластины; длина 79 мм (рис. 15,*3*; выполнен А. К. Амброзом). Архив ИА РАН, фонд А. К. Амброза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–86, 174–241.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 334 с. (Боспорские исследования. Suppl. 4).
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. Симферополь; Керчь: Майстер Книг, 2014. 400 с. (Боспорские исследования. Suppl. 14).
5. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 116 с. (Свод археологических источников. Вып. Д1–30).
6. Амброз А.К. Рец. на: Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1. Berlin, 1961 // СА. 1966. № 4. С. 211–214.
7. Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 10–23.
8. Амброз А.К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи / ред. Ю.В. Кухаренко. М.: Наука, 1970. С. 70–74. (МИА. № 176).
9. Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник / ред. Я.М. Паромов. М.: Архэ, 1992. Вып. 1. С. 6–108.
10. Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1995. Вып. IV. С. 31–88.
11. Ахмедов И.Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – VI вв. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 138–177. (Раннеславянский мир. Вып. 15).
12. Березуцкий В.Д., Золотарев П.М., Куцев Е.А. Острогожский клад (последняя треть – конец VII в. н.э.) // РА. 2017. № 1. С. 131–140.
13. Володарець-Урбанович Я.В. Антропоморфна фігурка із Засулля-Мгару // Археологія. Киев, 2016. № 1. С. 79–88.
14. Вольфрам Х. Готы. СПб.: Ювента, 2003. 656 с.

15. Гавритухин И.О. Боспор и Поднепровье в VI–VII вв. (К изучению северопонтийских ювелирных школ) // Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6–11 июня 1997 г.). Тезисы докладов. Симферополь: Ахтиар, 1997. С. 27–32.
16. Гавритухин И.О. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Евразии в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 2. Хазарское время. Донецк: Донецкий гос. университет, 2001. С. 45–162.
17. Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации второй половины V – VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 208–220.
18. Гавритухин И.О. Днепровское лесостепное Левобережье. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения и отдельные находки постгуннского времени // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. / ред. И.О. Гавритухин. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 30–33, 67, 411–412. (Раннеславянский мир. Вып. 9).
19. Гавритухин, И.О. Фибулы типа Удине-Планис // Петербургский апокриф: Послание от Марка / ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев, 2011. С. 464–490. (Библиотека Stratum).
20. Гавритухин И.О. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.: Проблемы и материалы / ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 35–89. (Раннеславянский мир. Вып. 13).
21. Гавритухин И.О. Рец. на: Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. 1. Симферополь; Керчь, 2008 // РА. 2011. № 2. С. 177–181.
22. Гавритухин И.О. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности: Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / сост. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 212–240. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
23. Гавритухин И.О. Фибулы подгруппы Левице – Токари в Подонье // Острая Лука Дона в древности: Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / сост. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 202–211, 403, 573, 616–618. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
24. Гавритухин И.О. Пальчатая фибула потисского круга из Юго-Западной России // Сборник в честь М. Надь. Будапешт (в печати).
25. Гавритухин И.О., Казанский М.М. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V – VI вв. // Археологические вести. 2006. № 13. С. 297–344.
26. Ерошенко В.В., Любенский Б.Б. У истоков славянской культуры (новая версия) // Черноземная лесостепь – контактная зона. Проблемы археологии и истории. Белгород, Белгородский гос. университет, 2001. С. 59–71.
27. Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 394–478.
28. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 210 с.
29. Казанский М.М. Славяне и дунайские германцы в VI веке: свидетельства письменных источников и некоторые археологические данные // Штрихи к портретам минувших

эпох. Археология, история, этнография. Кн. I (MMXIV) / ред. Е.П. Токарева, В.Г. Лушин. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2014. С. 175–200.
30. Казанский М.М. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // Stratum plus. 2018, № 4. С. 83–118.
31. Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник / ред. А.З. Винников. Воронеж, 2016. Вып. 6. С. 241–254.
32. Обломский А.М. О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона // Stratum plus. 2011. № 5. С. 51–60.
33. Обломский А.М. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья: Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины / ред. С.И. Андреев. Тамбов: Тамбовский гос. университет, 2012. Вып. 3. С. 172–229.
34. Обломский А.М. Исследование раннесредневекового поселения Стаево-4 в Мичуринском р-не Тамбовской обл. // Тамбовская старина / ред. Н.Б. Моисеев. Тамбов, 2016. Вып. 5. С. 11–25.
35. Обломский А.М. О двух типах славянских памятников Верхнего Подонья в эпоху раннего средневековья // Степи Восточной Европы в средние века: Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой / ред. И.Л. Кызласов. М.: Авторская книга, 2016. С. 119–149.
36. Обломский А.М. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // Древности. Исследования. Проблемы: Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинев; Тирасполь, 2018. С. 355–388. (Библиотека Stratum).
37. Обломский А.М., Швырёв А.Д. Византийская гирька для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж // КСИА. 2018. № 250. С. 307–326.
38. Острая Лука Дона в древности: Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / сост. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. 660 с. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
39. Пашковский могильник № 1. Том 2: Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Исследование материалов Пашковского могильника. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.
40. Родинкова В.Е. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. С. 124–130, 155–162. 282–289. (Раннеславянский мир. Вып. 3).
41. Рыбаков Б.А. Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина // СА. 1953. Вып. 17. С. 23–104.
42. Станев А. Елементи на германския фибулен костюм на юг от Дунав. [Б/м]: Авангард принт, 2012. 376 с.
43. Фурасьев А.Г. О датировке и происхождении одной группы пряжек эпохи Великого переселения народов // СГЭ. 2001. Вып. LIX. С. 24–27.
44. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91–133.
45. Хайрединова Э.А. Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 125–160.
46. Хайрединова Э.А. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 95–132.

47. Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья: Вып. IV. Эпоха Великого переселения народов. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1901. 30 с., 20 табл.
48. Хараламбиева А., Атанасов Г.Ат. Фибули от Новопазарско от I–VII в. // Годишник на музеите от Северна България. 1992. Т. XVIII. С. 57–75.
49. Хараламбиева А., Атанасов Г.А. Фибули от епохата на великото преселение на народите // Известия на Народния музей Варна. 1993. Т. 29(44). С. 103–121.
50. Шаблавина Е.А. Пальчатая фибула из коллекции Е.А. Горюнова // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 244–253.
51. Шелов Д.Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время / ред. А.И. Милюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 241–243.
52. Щеглова О.А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. 1999. № 5. С. 287–312.
53. Adler H. KG Bernhardsthal // Fundberichte aus Österreich. 1995. Bd. 33.
54. Andrási J., Aibabin A. The Berthier-Delagarde collection of Crimean jewellery in the British Museum and related material. London: The British Museum Press, 2008. 181 p.
55. Bârzu L. Ein gepidisches Denkmal aus Siebenbürgen. Das Gräberfeld 3 von Bratei. Cluj-Napoca; Bistriţa: Accent, 2010. 416 S.
56. Bierbrauer V. Ostgotische und ostgotenzeitliche Grabfunde von Tortona, Prov. Alessandria (Italien) // Bollettino della Società Pavese di Storia Patria. 1973. Vol. 22/23. S. 3–30.
57. Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevi, 1975. 378 S., 90 Taf.
58. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) – Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1995. Bd. 38 (1991). S. 541–592.
59. Bóna I., Nagy M. Gepidische Gräberfelder im Theissgeiet I. Budapest: Magyar Nemzeti Muzeum, 2002. 388 S. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 1).
60. Buora M. Von der Adria (Aquileia) bis zur mittleren Donau: Das Fibelspektrum römischer Zeit vom 1. Jh. v. Chr. bis zum 6. Jh. n. Chr. // Die Barbaren Roms Inklusion, Exklusion und Identität im Römischen Reich und im Barbaricum (1.–3. Jahrhundert n. Chr.) / Hrsg. A. Rubel. Hartung-Gorre Verlag, 2016. S. 163–198.
61. Csállany D. Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonaubecken (454–568 u.Z.). Budapest: Verlag der ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1961. 406 S., 281 Taf. (Archaeologia Hungarica S.N. XXXVIII).
62. Dobos A. Gepidic finds from Capusu Mare (Cluj county) // Ephemeris Napocensis. 2009. Vol. 19. P. 219–242.
63. Gábor O. 5. századi sírok Kővágószőlos határában // A Janus Pannonius Múzeum Évkönyve. 1999. Vol. 43 (1998). P. 131–140.
64. Gavritukhin I. Brooches of the Levice–Tokari Sub-group // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Bleak Sea / eds. I. Khrapunov, F.A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 2013. P. 107–127.

65. Gavritukhin I. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, 2018. (Archäologie in Eurasien. Bd. 36).
66. Gavritukhin I., Radiush O. A Polychrome Brooch from Konevo and its Context // Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte: Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag. Band 1 / Hrsg. J. Drauschke et al. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2018. P. 137-160. (Monographien des RGZM. Bd. 150–1).
67. Genčeva E. Zapinki rzimskie i późnoantyczne z Novae // Novensia. 1998. T. 11. P. 7–69.
68. Gepidische Gräberfelder im Theissgeiet II / Hrsg. I. Bóna, É. Garam, T. Vida. Budapest: Magyar Nemzeti Muzeum, 2005. 334 S. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 2).
69. Haralambieva A. Production of dress ornaments in the fortresses and settlements in North Bulgaria during the period from the 5-th till the 7-th century AD // The Roman and Late Roman City / eds. L. Ruseva-Slokoska, R. Ivanov, V.D. Inchev. Sofia, 2002. P. 393–397.
70. Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică, 1998. 268 S., 90 Taf.
71. Hilberg V. Masurische Bügelfibeln. Daumen und Kellaren 2. Neumünster: Wachholz Verlag, 2009. 616 S. (Schriften des archäologischen Landesmuseums 9).
72. Horedt K. Moreşti. Grabungen in einer vor- und frühgeschichen Siedlung in Siebenbürgen. Bukarest: Kriterion Verlsg, 1979. 220 S., 7 Beil, 50 Taf.
73. Kazanski M. Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve et au VIe s. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 324–337, 567–581.
74. Kazanski M. Les fibules germaniques danubiennes dans le contexte slave (VIe siècle) // Arheologia Moldovei. 2013. Vol. XXXVI. P. 105–117.
75. Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze und ihre materielle Hinterlassenschaft // Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. Vol. 35. P. 95–131.
76. Kiss A. Das germanische Gräberfeld von Hács-Béndekpuszta (Westungarn) aus dem 5.–6. Jahrhundert // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1995. Vol. 36. P. 275–342.
77. Koch A. Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich. Teil 1–2. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseum; Dr. Rudolf Habelt, 1998. 748 S., 33 Karten, 62 Taf. (Monographien des RGZM. Bd. 41).
78. Koch U. Das alamannisch-fränkische Gräberfelder bei Pleidelsheim. Stuttgart: Kommissionsverlag Konrad Theiss, 2001. 647 S., 127 Taf. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 60).
79. Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Garz: Akademische Drick- und Verlagsabstalt, 1940. 546 S., 130 Taf. (Rheinische Forschungen zur Vorgeschichte. Bd. 4).
80. Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Garz: Akademische Drick- und Verlagsabstalt, 1974. 1386 S., 336 Taf.
81. Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Garz: Akademische Drick- und Verlagsabstalt, 1981. 432 S., 96 Taf.
82. Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingen entre Manche et Lorraine. Paris, 2004. 62 p.
83. Longobardi: Un popolo che cambia ls istoria / cur. G.P. Brogiolo, F. Marazzi, C. Giostra. Milano: Skira, 2017. 526 p.

84. Menke M. Archäologischen Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhundert in der Zone nordwärts der Alpen // Pergrinatio Gothica / ed. J. Kmieciński. Łódż: Katedra archeologii Uniwersytetu Lodzkiego, 1986. S. 239–281. (Archaeologia Baltica VII).
85. Müssemeier U., Nieveler E., Plum R., Pöppelmann H. Chronologie der merowingerzeitlichen Grabfunde vom linken Niederrhein bis zur nördlichen Eifel. Bonn: Rheinland-Verlag, 2003. 120 S. (Materialen zur Bodendenkmalpflege Rheinland. Bd. 15).
86. Nagy M. Szöreg–Téglagyár // Gepidische Gräberfelder im Theissgeiet II / Hrsg. I. Bóna, É. Garam, T. Vida. Budapest: Magyar Nemzeti Muzeum, 2005. S. 120–202, 275–294, 327–330. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 2).
87. Ódor J.G. The 5th-century cemetery an settlement at Mözs (Tolna County, Hungary) – some issues concerning the „East-Germanic" period in Transdanubia // Keszthely–Fenékpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia. / Hrsg. O. Heinrich-Tamaska. Budapest; Leipzig; Keszthely; Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 2011. P. 373–386. (Castellum Pannonicum Pelsonense 2).
88. Parczewski M. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytika i datowanie źródeł archeologicznych. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988. 300 s. (Prace Komisji Archeologicznej 27).
89. Parczewski M. Metalowe zabytki naddnieprzańskie z VI–VIII w. w zbiorach krakowskiego Muzeum Archeologicznego // Archaeoslavica. Kraków, 1991. No 1. S. 115–128.
90. Piętka-Dąbrowska T. Przycynki do znajomości okresu od I do VI w.n.e. z międzyrzecza Dnepru i Bugu // Wiadomości Archeologiczne. 1961. T. XXVII, zeazyt 2. S. 217–239.
91. Pinar Gil J. Un gruppo poco studiato di fibule di epoca gota: produzione, circolazione, utent i // Luoghi, artigiani e modi di produzione nell'oreficeria antica / cur. I. Baldini, A.L. Morelli. Bologna: Ante Quem soc. coop., 2012. P. 119–141.
92. Roth H., Theune C. SW I-V: zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Südwestdeutschland; ein Vorbericht zum Gräberfeld von Weingarten, Kr. Ravensburg. Stuttgart, 1988. 37 S., 7 Tab. (Informationen aus Baden-Württemberg 6).
93. Salin B. Die altgermanische Thierornamentik. Stockholm: Walström und Widstrem, 1935. 388 S.
94. Siegmund F. Рец. на: Ursula Koch, Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Konrad Theiss Verlag, Stuttgart 2001. 647 Seiten; 314 Abbildungen, 120 SW- u. 8 Farbtafeln // Bonner Jahrbücher. 2006. Bd. 204 (2004). S. 458–461.
95. Stare V. Kranj nekropola iz časa preseljevanja ljudstev (s prispevkoma Zdenko Vinski, Ovrednotenje grobnih pridatkov in István Kiszely, Antropološki pogledi). Ljubljana: Narodni muzej v Ljubljani, 1980. 124 s., 136 t.
96. Svoboda B. Čechy v dobe stehováni národů. Praha: Academia, 1965. 380 s., 61 tab. (Monumenta Arehaeologica 13).
97. Tejral J. Morava na sklonku antiku. Praha: Academia, 1982. 256 s. (Monumenta Arehaeologica 19).
98. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mitteltren Donauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesnger, M. Kazanski. Brno, 1997. S. 321–392. (Spisy Archeologiského Ústavu Akademie věd České Republiky 8).
99. Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen "gentes" im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel Beiträge zur Kultur- und Identitätsbildung in der Völkerwanderungszeit / Red. J. Tejral, V. Martererová. Brno, 2007. S. 55–121. (Spisy Archeologiského Ústavu Akademie věd České Republiky 26).
100. Tejral J. Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts // Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen. Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28. Februar 2008 / Hrsg. J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn, 2008. S. 249–283.
101. Tejral J. Spätantik – merowingisch – frühmittelalterlich. Strittige Übergänge im mittleren Donauraum aus der Sicht der Archäologie // Grenz Übergänge. Spätrömisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau. Akten des 27. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donauraum, Ruma, 4.-7.11.2015 / Hrsg. I. Bugarski, O. Heinrich-Tamáska, V. Ivanišević, D. Syrbe. Remshalden, 2016. S. 103–120. (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 4).
102. Villa L. Le tracce della presenza gota nell'Italia nord-orientale e il caso dell'insediamento di S. Giorgio di Attimis (UD) // Goti dall'oriente alle Alpi / cur. M. Buora, L. Villa. Trieste: Editred sas, 2006. P. 147–173. (Archeologia di frontiera 7).
103. Vinski Z. Razmatranja o iskopovanjima u Kninu na nalazišta Greblje // Starohrvatska prosveta. 1989. Serija III, svezak 19. S. 5–73.
104. Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947 / Hrsg. G. Behrens, J. Werner. Mainz: E. Schneider Verlag, 1950. S. 150–172.
105. Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1. Berlin: Verlag Gerb. Mann, 1961. 68 S. 56 Taf.
106. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 352–435.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1990, vol. I, pp. 3–86, 174–241.
2. Aibabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999. 352 s.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 godov.* Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 334 p. (Bosporskie issledovaniya, Suppl. 4).
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 godov.* Simferopol, Kerch, Majster Knig Publ., 2014, 400 p. (Bosporskie issledovaniya, Suppl. 14).
5. Ambroz A.K. *Fibuly yuga evropejskoj chasti SSSR*. Moscow, Nauka Publ., 1966, 116 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1–30).
6. Ambroz A.K. Rets. na: Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1. Berlin, 1961. *Sovetskaya arkheologiya*, 1966, No 4, pp. 211–214.
7. Ambroz A.K. Dunajskie elementy v rannesrednevekovoj kul'ture Kryma. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 1968, vol. 113, pp. 10–23.

8. Ambroz A.K. Yuzhnye khudozhestvennye svyazi naseleniya Verkhnego Podneprov'ya v VI v. Yu.V. Kukharenko (Ed.), *Drevnie slavyane i ikh sosedi*, Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 70–74. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 176).
9. Ambroz A.K. Bospor. Khronologiya rannesrednevekovykh drevnostej. Ya.M. Paromov (Ed.), *Bosporskij sbornik*, Moscow, Arkhe Publ., 1992, vol. 1, pp. 6–108.
10. Ambroz A.K. Yugo-Zapadnyj Krym. Mogil'niki IV–VII vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1995, vol. IV, pp. 31–88.
11. Akhmedov I.R. Nekotorye indikatory kul'turnykh vzaimodejstvij v drevnostyakh ryazano-okskikh finnov vtoroj poloviny V – VI vv. A.M. Oblomskij (Ed.), *Problemy vzaimodejstviya naseleniya Vostochnoj Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2014, pp. 138–177. (Ranneslavyanskij mir, 15).
12. Berezutskij V.D., Zolotarev P.M., Kutsev E.A. Ostrogozhskij klad (poslednyaya tret' – konets VII v. n.e.). *Rossijskaya arkheologiya*, 2017, No 1, pp. 131–140.
13. Volodarets'-Urbanovich Ya.V. Antropomorfna figurka iz Zasullya-Mgaru. *Arkheologiya*, Kiev, 2016, No 1, pp. 79–88.
14. Vol'fram Kh. *Goty.* St-Petersburg, Yuventa Publ., 2003, 656 s.
15. Gavritukhin I.O. Bospor i Podneprov'e v VI–VII vv. (K izucheniyu severopontijskikh yuvelirnykh shkol). *Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii «Vizantiya i Krym» (Sevastopol', 6–11 iyunya 1997 g.)*, Simferopol, 1997, pp. 27–32.
16. Gavritukhin I.O. Khronologiya «sredneavarskogo» perioda. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya. Trudy po arkheologii. T. 2. Khazarskoe vremya*, Donetsk, Donetskij Universitet Publ., 2001, pp. 45–162.
17. Gavritukhin I.O. Srednedneprovskie ingumatsii vtoroj poloviny V – VI vv. V.M. Goryunova, O.A. Shcheglova (Eds.), *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e*, St-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2004, pp. 208–220.
18. Gavritukhin I.O. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e. Ingumatsii, svyazannye s kul'turoj osedlogo naseleniya i otdel'nye nakhodki postgunnskogo vremeni. I.O. Gavritukhin. A.M. Oblomskij (Eds.), *Vostochnaya Evropa v seredine 1 tys. n.e.*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2007, pp. 30–33, 67, 411–412. (Ranneslavyanskij mir, 9).
19. Gavritukhin, I.O. Fibuly tipa Udine-Planis. O.V. Sharov (Ed.), *Peterburgskij apokrif: Poslanie ot Marka*, St-Petersburg, Kishinev, 2011, pp. 464–490. (Biblioteka Stratum).
20. Gavritukhin I.O. Vizantijskie podvyaznye fibuly s S-vidnoj petlej dlya osi pruzhiny. Nakhodki k severu i vostoku ot Dunaya. I.V. Islanova, V.E. Rodinkova (Eds.), *Arkheologiya Vostochnoj Evropy v I tysyacheletii n.e.: Problemy i materialy*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2010, pp. 35–89. (Ranneslavyanskij mir, 13).
21. Gavritukhin I.O. Rets. na: Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. Mogil'nik u s. Luchistoe. T. 1. Simferopol'; Kerch', 2008. *Rossijskaya arkheologiya*, 2011, No 2, pp. 177–181.
22. Gavritukhin I.O. Fibuly epokhi Velikogo pereseleniya narodov, najdennye v Ksizovo. A.M. Oblomskij (Ed.), *Ostraya Luka Dona v drevnosti: Arkheologicheskij kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2015, pp. 212–240. (Ranneslavyanskij mir, 16).
23. Gavritukhin I.O. Fibuly podgruppy Levitse–Tokari v Podon'e // A.M. Oblomskij (Ed.), *Ostraya Luka Dona v drevnosti: Arkheologicheskij kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2015, pp. 202–211, 403, 573, 616–618. (Ranneslavyanskij mir, 16).
24. Gavritukhin I.O. Pal'chataya fibula potisskogo kruga iz Yugo-Zapadnoj Rossii. *Sbornik v chest' M. Nad'.* Budapesht (in print).
25. Gavritukhin I.O., Kazanskij M.M. Bospor, tetraksity i Severnyj Kavkaz vo vtoroj polovine V – VI vv. *Arkheologicheskie vesti*, 2006, No 13, pp. 297–344.
26. Eroshenko V.V., Lyubenskij B.B. U istokov slavyanskoj kul'tury (novaya versiya). *Chernozemnaya lesostep' – kontaktnaya zona. Problemy arkheologii i istorii*, Belgorod, Belgorodskij Universitet Publ., 2001, pp. 59–71.
27. Zasetskaya I.P. Datirovka i proiskhozhdenie pal'chatykh fibul bosporskogo nekropolya rannesrednevekovogo perioda. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1998, vol. VI, pp. 394–478.
28. Zasetskaya I.P., Kazanskij M.M., Akhmedov I.R., Minasyan R.S. *Morskoj Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu.* St-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2007, 210 s.
29. Kazanskij M.M. Slavyane i dunajskie germantsy v VI veke: svidetel'stva pis'mennykh istochnikov i nekotorye arkheologicheskie dannye. E.P. Tokareva, V.G. Lushin (Eds.), *Shtrikhi k portretam minuvshikh epokh. Arkheologiya, istoriya, etnografiya*, Book I (MMXIV), Zimovniki, Zimovnikovskij kraevedcheskij muzej Publ., 2014, pp. 175–200.
30. Kazanskij M.M. Prestizhnye nakhodki i tsentry vlasti postgunnskogo vremeni v Podneprov'e. *Stratum plus*, 2018, No 4, pp. 83–118.
31. Mastykova A.V. Zerkala tipa Karpovka: k voprosu o formirovanii saltovo-mayatskoj kul'tury. A.Z. Vinnikov (Ed.), *Divnogorskij sbornik*, Voronezh, 2016, vol. 6, pp. 241–254.
32. Oblomskij A.M. O rannesrednevekovykh slavyanskikh drevnostyakh v bassejne Dona. *Stratum plus*, 2011, No 5, pp. 51–60.
33. Oblomskij A.M. Rannesrednevekovye pamyatniki Verkhnego Podon'ya: Predvaritel'nye itogi issledovaniya. S.I. Andreev (Ed.), *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoj ravniny*, Tambov, Tambovskij Universitet Publ., 2012, vol. 3, pp. 172–229.
34. Oblomskij A.M. Issledovanie rannesrednevekovogo poseleniya Staevo-4 v Michurinskom r-ne Tambovskoj obl. N.B. Moiseev (Ed.), *Tambovskaya starina*, Tambov, 2016, vol. 5, pp. 11–25.
35. Oblomskij A.M. O dvukh tipakh slavyanskikh pamyatnikov Verkhnego Podon'ya v epokhu rannego srednevekov'ya. I.L. Kyzlasov (Ed.), *Stepi Vostochnoj Evropy v srednie veka: Sbornik pamyati Svetlany Aleksandrovny Pletnevoj*, Moscow, Avtorskaya kniga Publ., 2016, pp. 119–149.
36. Oblomskij A.M. Rannesrednevekovoe poselenie Staevo-4 v Verkhnem Podon'e. V.S. Sinika, R.A. Rabinovich (Eds.), *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy: Sbornik statej v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova*, Kishinev, Tiraspol', 2018, pp. 355–388. (Biblioteka Stratum).
37. Oblomskij A.M., Shvyrev A.D. Vizantijskaya gir'ka dlya vzveshivaniya monety, najdennaya v verkhov'yakh r. Voronezh. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*, 2018, No 250, pp. 307–326.
38. Oblomskij A.M. (Ed.), *Ostraya Luka Dona v drevnosti: Arkheologicheskij kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.).* Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2015, 660 p. (Ranneslavyanskij mir, 16).
39. *Pashkovskij mogil'nik № 1. Tom 2: Mastykova A.V., Kazanskij M.M., Saprykina I.A. Issledovanie materialov Pashkovskogo mogil'nika*. Moscow, St-Petersburg, Institut arkheologii RAN Publ., Nestor-Istoriya Publ., 2016, 372 p.

40. Rodinkova V.E. Metallicheskie detali odezhdy i ukrasheniya kak khronologicheskie indikatory. Gavritukhin I.O., Oblomskij A.M. *Gaponovskij klad i ego istoriko-kul'turnyj kontekst*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 1996, pp. 124–130, 155–162. 282–289. (Ranneslavyanskij mir, 3).
41. Rybakov B.A. Drevnie rusy. K voprosu ob obrazovanii yadra drevnerusskoj narodnosti v svete trudov I. V. Stalina. *Sovetskaya arkheologiya*, 1953, vol. 17, pp. 23–104.
42. Stanev A. *Elementi na germanskiya fibulen kostyum na yug ot Dunav.* Avangard print, 2012, 376 p.
43. Furas'ev A.G. O datirovke i proiskhozhdenii odnoj gruppy pryazhek epokhi Velikogo pereseleniya narodov. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2001, vol. LIX, pp. 24–27.
44. Khajredinova E.A. Zhenskij kostyum s yuzhnokrymskimi orlinogolovymi pryazhkami. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2000, vol. VII, pp. 91–133.
45. Khajredinova E.A. Obuvnye nabory V-VII vv. iz Yugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2003, vol. X, pp. 125–160.
46. Khajredinova E.A. Ser'gi s litym nepodvizhnym mnogogrannikom iz Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, vol. XX, pp. 95–132.
47. Khanenko B.N., Khanenko V.I. *Drevnosti Pridneprov'ya: Vol. IV, Epokha Velikogo pereseleniya narodov.* Kiev, Tipografiya S.V. Kul'zhenko, 1901, 30 p.
48. Kharalambieva A., Atanasov G.At. Fibuli ot Novopazarsko ot I–VII v. *Godishnik na muzeite ot Severna B"lgariya*, 1992, T. XVIII, pp. 57–75.
49. Kharalambieva A., Atanasov G.A. Fibuli ot epokhata na velikoto preselenie na narodite. *Izvestiya na Narodniya muzej Varna*, 1993, T. 29(44), pp. 103–121.
50. Shablavina E.A. Pal'chataya fibula iz kollektsii E.A. Goryunova. V.M. Goryunova, O.A. Shcheglova (Eds.), *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e*, St-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2004, pp. 244–253.
51. Shelov D.B. Antropomorfnyj amulet iz Tanaisa. A.I. Milyukova, M.G. Moshkova, V.G. Petrenko (Eds.), *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya*, Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 241–243.
52. Shcheglova O.A. Zhenskij ubor iz kladov «drevnostej antov»: gotskoe vliyanie ili gotskoe nasledie? *Stratum plus*, 1999, No 5, pp. 287–312.
53. Adler H. KG Bernhardsthal. *Fundberichte aus Österreich*, 1995, Bd. 33.
54. Andrási J., Aibabin A. *The Berthier-Delagarde collection of Crimean jewellery in the British Museum and related material*. London, The British Museum Press, 2008, 181 p.
55. Bârzu L. *Ein gepidisches Denkmal aus Siebenbürgen. Das Gräberfeld 3 von Bratei.* Cluj-Napoca, Bistriţa, Accent Publ., 2010, 416 p.
56. Bierbrauer V. Ostgotische und ostgotenzeitliche Grabfunde von Tortona, Prov. Alessandria (Italien). *Bollettino della Società Pavese di Storia Patria*, 1973, Vol. 22/23, pp. 3–30.
57. Bierbrauer V. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto, Centro italiano di studi sull'alto medioevi, 1975, 378 p.
58. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) – Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien. J*ahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 1995, Bd. 38 (1991), pp. 541–592.
59. Bóna I., Nagy M. *Gepidische Gräberfelder im Theissgeiet I.* Budapest, Magyar Nemzeti Muzeum Publ., 2002, 388 p. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae, 1).

60. Buora M. Von der Adria (Aquileia) bis zur mittleren Donau: Das Fibelspektrum römischer Zeit vom 1. Jh. v. Chr. bis zum 6. Jh. n. Chr. A. Rubel (Hrsg.), *Die Barbaren Roms Inklusion, Exklusion und Identität im Römischen Reich und im Barbaricum (1.–3. Jahrhundert n. Chr.)*, Hartung-Gorre Verlag, 2016, pp. 163–198.
61. Csállany D. *Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonaubecken (454–568 u.Z.).* Budapest, Verlag der ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1961, 406 p. (Archaeologia Hungarica S.N., XXXVIII).
62. Dobos A. Gepidic finds from Capusu Mare (Cluj county). *Ephemeris Napocensis*, 2009, Vol. 19, pp. 219–242.
63. Gábor O. 5. századi sírok Kővágószőlos határában. *A Janus Pannonius Múzeum Évkönyve*, 1999, Vol. 43 (1998), pp. 131–140.
64. Gavritukhin I. Brooches of the Levice–Tokari Sub-group. I. Khrapunov, F.A. Stylegar (Eds.), *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Bleak Sea*, Kristiansand, Simferopol, Dolya Publ., 2013, pp. 107–127.
65. Gavritukhin I. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links. Belinskij A.B., Härke H. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994−1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. Bonn, Habelt-Verlag, 2018. (Archäologie in Eurasien, 36).
66. Gavritukhin I., Radiush O. A Polychrome Brooch from Konevo and its Context. J. Drauschke et al. (Hrsg.), *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte: Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag. Band 1*, Mainz, Römisch-Germanischen Zentralmuseums Publ., 2018, pp. 137–160. (Monographien des RGZM, Bd. 150–1).
67. Genčeva E. Zapinki rzimskie i późnoantyczne z Novae. *Novensia*,1998, T. 11, pp. 7–69.
68. Bóna I., Garam É., Vida T. (Hrsg.), *Gepidische Gräberfelder im Theissgeiet II*. Budapest, Magyar Nemzeti Muzeum Publ., 2005, 334 p. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae, 2).
69. Haralambieva A. Production of dress ornaments in the fortresses and settlements in North Bulgaria during the period from the 5-th till the 7-th century AD. L. Ruseva-Slokoska, R. Ivanov, V.D. Inchev (Eds.), *The Roman and Late Roman City*, Sofia, 2002, pp. 393–397.
70. Harhoiu R. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. Bukarest, Editura Enciclopedică Publ., 1998, 268 p.
71. Hilberg V. *Masurische Bügelfibeln. Daumen und Kellaren 2*. Neumünster, Wachholz Verlag, 2009, 616 p. (Schriften des archäologischen Landesmuseums, 9).
72. Horedt K. *Moreşti. Grabungen in einer vor- und frühgeschichen Siedlung in Siebenbürgen.* Bukarest, Kriterion Verlsg, 1979, 220 p.
73. Kazanski M. Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve et au VIe s. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1996, vol. V, pp. 324–337, 567–581.
74. Kazanski M. Les fibules germaniques danubiennes dans le contexte slave (VIe siècle). *Arheologia Moldovei*, 2013, Vol. XXXVI, pp. 105–117.
75. Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze und ihre materielle Hinterlassenschaft. *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1983, Vol. 35, pp. 95–131.
76. Kiss A. Das germanische Gräberfeld von Hács-Béndekpuszta (Westungarn) aus dem 5.–6. Jahrhundert. *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1995, Vol. 36, pp. 275–342.

77. Koch A. *Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich*. Teil 1–2. Mainz, Römisch-Garmanischen Zentralmuseum, Dr. Rudolf Habelt Publ., 1998, 748 p. (Monographien des RGZM, Bd. 41).
78. Koch U. *Das alamannisch-fränkische Gräberfelder bei Pleidelsheim*. Stuttgart, Kommissions verlag Konrad Theiss, 2001, 647 p. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg, Bd. 60).
79. Kühn H. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz*. Garz, Akademische Drick- und Verlagsabstalt, 1940, 546 p. (Rheinische Forschungen zur Vorgeschichte, Bd. 4).
80. Kühn H. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Garz, Akademische Drick- und Verlagsabstalt, 1974. 1386 S., 336 Taf
81. Kühn H. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland*. Garz: Akademische Drick- und Verlagsabstalt, 1981, 432 p.
82. Legoux R., Périn P., Vallet F. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingen entre Manche et Lorraine*. Paris, 2004, 62 p.
83. *Longobardi: Un popolo che cambia ls istoria*. Milano, Skira Publ., 2017, 526 p.
84. Menke M. Archäologischen Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhundert in der Zone nordwärts der Alpen. J. Kmieciński (Ed.), *Pergrinatio Gothica*. Łódż: Katedra archeologii Uniwersytetu Lodzkiego, 1986. S. 239–281. (Archaeologia Baltica, VII).
85. Müssemeier U., Nieveler E., Plum R., Pöppelmann H. *Chronologie der merowingerzeitlichen Grabfunde vom linken Niederrhein bis zur nördlichen Eifel*. Bonn, Rheinland-Verlag, 2003, 120 p. (Materialen zur Bodendenkmalpflege Rheinland, Bd. 15).
86. Nagy M. Szöreg–Téglagyár. I. Bóna, É. Garam, T. Vida (Hrsg.), *Gepidische Gräberfelder im Theissgeiet II*, Budapest, Magyar Nemzeti Muzeum Publ., 2005, pp. 120–202, 275–294, 327–330. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae, 2).
87. Ódor J.G. The 5th-century cemetery an settlement at Mözs (Tolna County, Hungary) – some issues concerning the „East-Germanic" period in Transdanubia. O. Heinrich-Tamaska (Hrsg.), *Keszthely–Fenékpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia*, Budapest, Leipzig, Keszthely, Rahden/Westf., Verlag Marie Leidorf, 2011, pp. 373–386. (Castellum Pannonicum Pelsonense, 2).
88. Parczewski M. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytika i datowanie źródeł archeologicznych*. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988, 300 p. (Prace Komisji Archeologicznej, 27).
89. Parczewski M. Metalowe zabytki naddnieprzańskie z VI–VIII w. w zbiorach krakowskiego Muzeum Archeologicznego. *Archaeoslavica*, Kraków, 1991, No 1, pp. 115–128.
90. Piętka-Dąbrowska T. Przycynki do znajomości okresu od I do VI w.n.e. z międzyrzecza Dnepru i Bugu. *Wiadomości Archeologiczne*, 1961, T. XXVII, zeazyt 2, pp. 217–239.
91. Pinar Gil J. Un gruppo poco studiato di fibule di epoca gota: produzione, circolazione, utenti. *Luoghi, artigiani e modi di produzione nell'oreficeria antica*, Bologna, Ante Quem soc. coop. Publ., 2012, pp. 119–141.
92. Roth H., Theune C. *SW I-V: zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Südwestdeutschland; ein Vorbericht zum Gräberfeld von Weingarten*, Kr. Ravensburg. Stuttgart, 1988, 37 p. (Informationen aus Baden-Württemberg, 6).
93. Salin B. *Die altgermanische Thierornamentik*. Stockholm, Walström und Widstrem Publ., 1935, 388 p.

94. Siegmund F. Review: Ursula Koch, Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Konrad Theiss Verlag, Stuttgart 2001. 647 Seiten; 314 Abbildungen, 120 SW- u. 8 Farbtafeln. *Bonner Jahrbücher*, 2006, Bd. 204 (2004), pp. 458–461.
95. Stare V. *Kranj nekropola iz časa preseljevanja ljudstev (s prispevkoma Zdenko Vinski, Ovrednotenje grobnih pridatkov in István Kiszely, Antropološki pogledi)*. Ljubljana, Narodni muzej v Ljubljani Publ., 1980, 124 p.
96. Svoboda B. *Čechy v dobe stehováni národů*. Praha, Academia Publ., 1965, 380 p. (Monumenta Arehaeologica, 13).
97. Tejral J. *Morava na sklonku antiku*. Praha, Academia Publ., 1982, 256 p. (Monumenta Arehaeologica, 19).
98. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. J. Tejral, H. Friesnger, M. Kazanski (Hrsg.), *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mitteltren Donauraum*, Brno, 1997, pp. 321–392. (Spisy Archeologiského Ústavu Akademie věd České Republiky, 8).
99. Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen "gentes" im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie. J. Tejral, V. Martererová (Eds.), *Barbaren im Wandel Beiträge zur Kultur- und Identitätsbildung in der Völkerwanderungszeit*, Brno, 2007, pp. 55–121. (Spisy Archeologiského Ústavu Akademie věd České Republiky, 26).
100. Tejral J. Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts. J. Bemmann, M. Schmauder (Hrsg.), *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen. Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28. Februar 2008*, Bonn, 2008, pp. 249–283.
101. Tejral J. Spätantik – merowingisch – frühmittelalterlich. Strittige Übergänge im mittleren Donauraum aus der Sicht der Archäologie. I. Bugarski, O. Heinrich-Tamáska, V. Ivanišević, D. Syrbe (Hrsg.), *Grenz Übergänge. Spätrömisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau. Akten des 27. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donauraum, Ruma, 4.-7.11.2015*, Remshalden, 2016, pp. 103–120. (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter, 4).
102. Villa L. Le tracce della presenza gota nell'Italia nord-orientale e il caso dell'insediamento di S. Giorgio di Attimis (UD). *Goti dall'oriente alle Alpi*, Trieste, Editred sas Publ., 2006, pp. 147–173. (Archeologia di frontiera, 7).
103. Vinski Z. Razmatranja o iskopovanjima u Kninu na nalazišta Greblje. *Starohrvatska prosveta*, 1989, Serija III, svezak 19, pp. 5–73.
104. Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. G. Behrens, J. Werner (Hrsg.), *Reinecke Festschrift zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947*, Mainz, E. Schneider Verlag, 1950, pp. 150–172.
105. Werner J. *Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1*. Berlin, Verlag Gerb. Mann, 1961, 68 p.
106. Korzukhina G.F. Klady i sluchajnye nakhodki veshchej kruga «drevnostej antov» v Srednem Podneprov'e. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1996, vol. V, pp. 352–435.

I. O. GAVRITUKHIN, A. M. OBLOMSKIY
Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

RADIATE-HEADED BROOCHES WITH RHOMBI ON THE FOOT-PLATE ORIGINATING FROM THE STAEVO MANUFACTURING CENTRE ON THE VORONEZH RIVER

Abstract: This paper publishes five brooches and a matrix, decorated with rhombi on the foot-plate and protrusions on the head-plate, excavated at the settlements of Straevo-4 and Staevo-5 in the Tambov oblast', Russia. The typology, chronology, and distribution areas of analogous brooches have been discussed; some of the finds are published for the first time. Particular attention has been paid to interrelations of craft centres in Eastern Europe. Apart of the others, there have been established the Staevo series, which was produced in the settlement of jewellers and merchants called Staevo-5 to distribute through a small area.

Keywords: brooches, fifth to seventh centuries, Upper Voronezh Sites Group, craft centres.

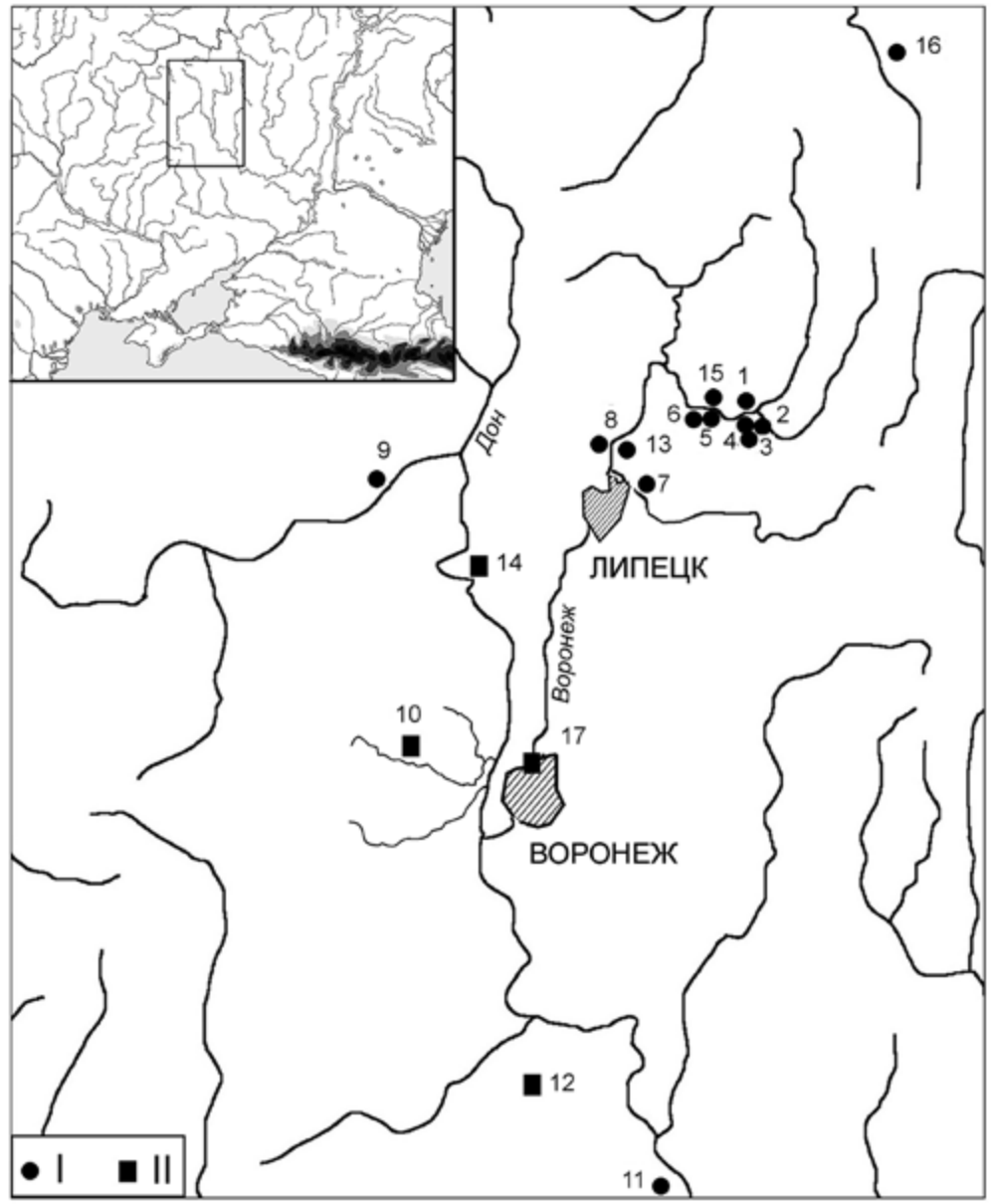


Рис. 1А. Карта памятников верхневоронежской группы и случайных находок этого периода: I – поселение; II – случайная находка.
1 – Стаево-3, 4, 5; 2 – Красный Городок-2; 3 – Красный Городок-4; 4 – Новониколь-ское-8; 5 – Ярок-9; 6 – Кривец-4; 7 – Ярлуково; 8 – Большая Кузьминка-4А; 9 – Елец, Лавский комплекс; 10 – р. Ведуга; 11 – Терешковский вал; 12 – Острогожский клад; 13 – Капитанщино; 14 – устье р. Репец; 15 – Ярок-5; 16 – Коровий Брод; 17 – г. Воронеж.

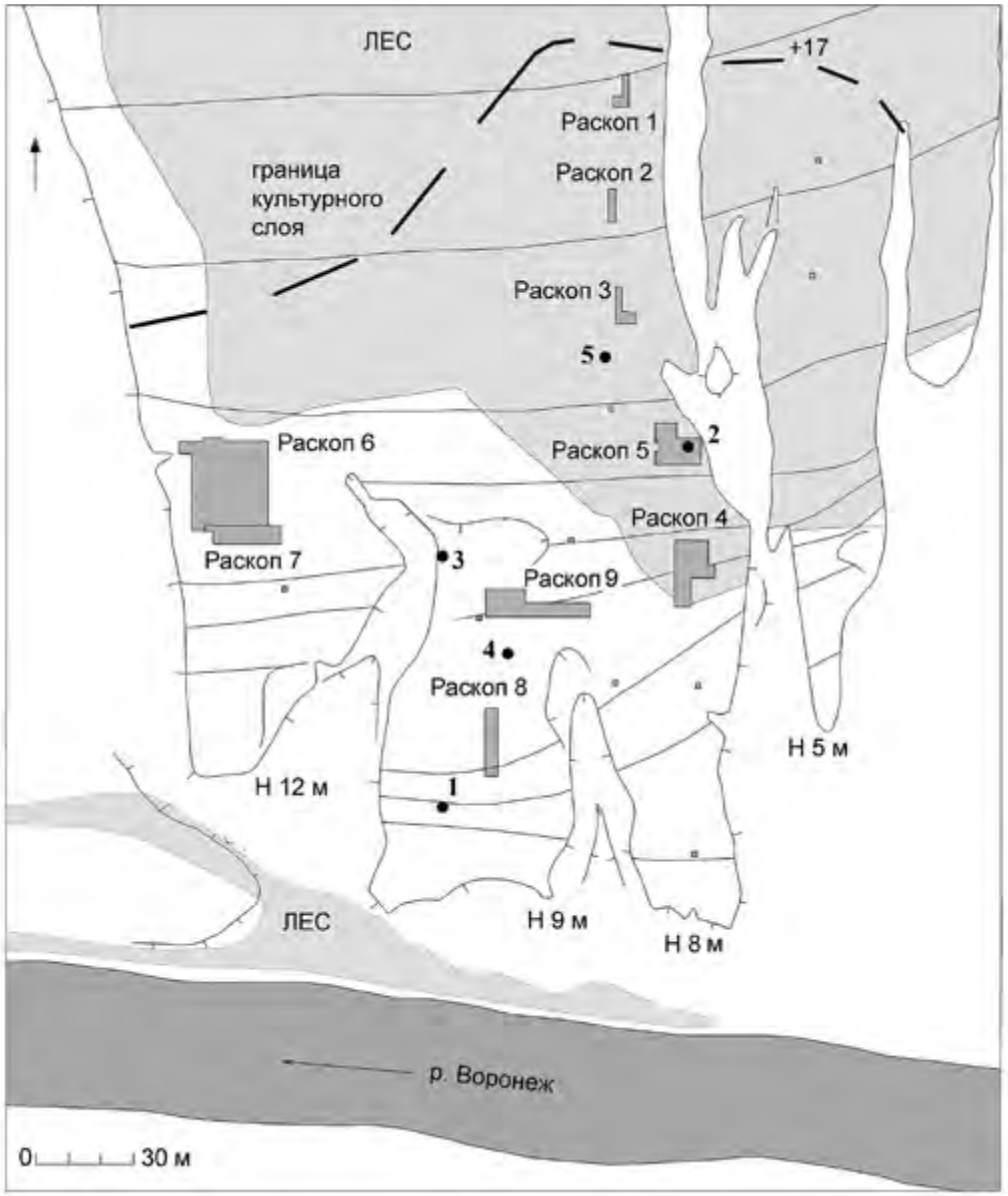


Рис. 1Б. Стаево-5. План памятника и места находок пальчатых фибул с ромбами на ножке. Горизонтали через 1 м; Н – высота обрыва. Съемка А. М. Обломского.
1-5 – нумерация фибул по списку 1.

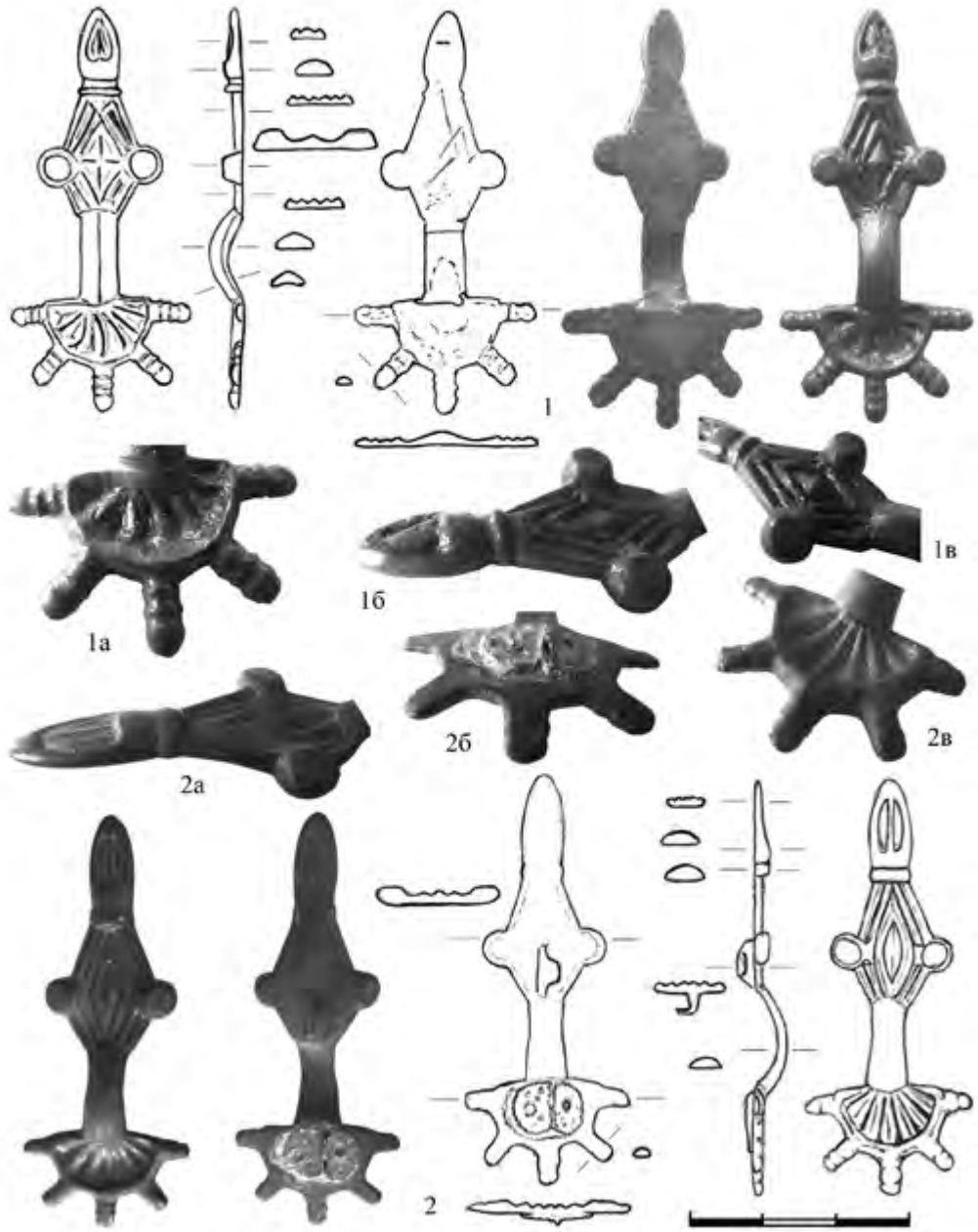


Рис. 2. Матрица и фибула серии Стаево из Стаево-5 (список 1,*1,2*).

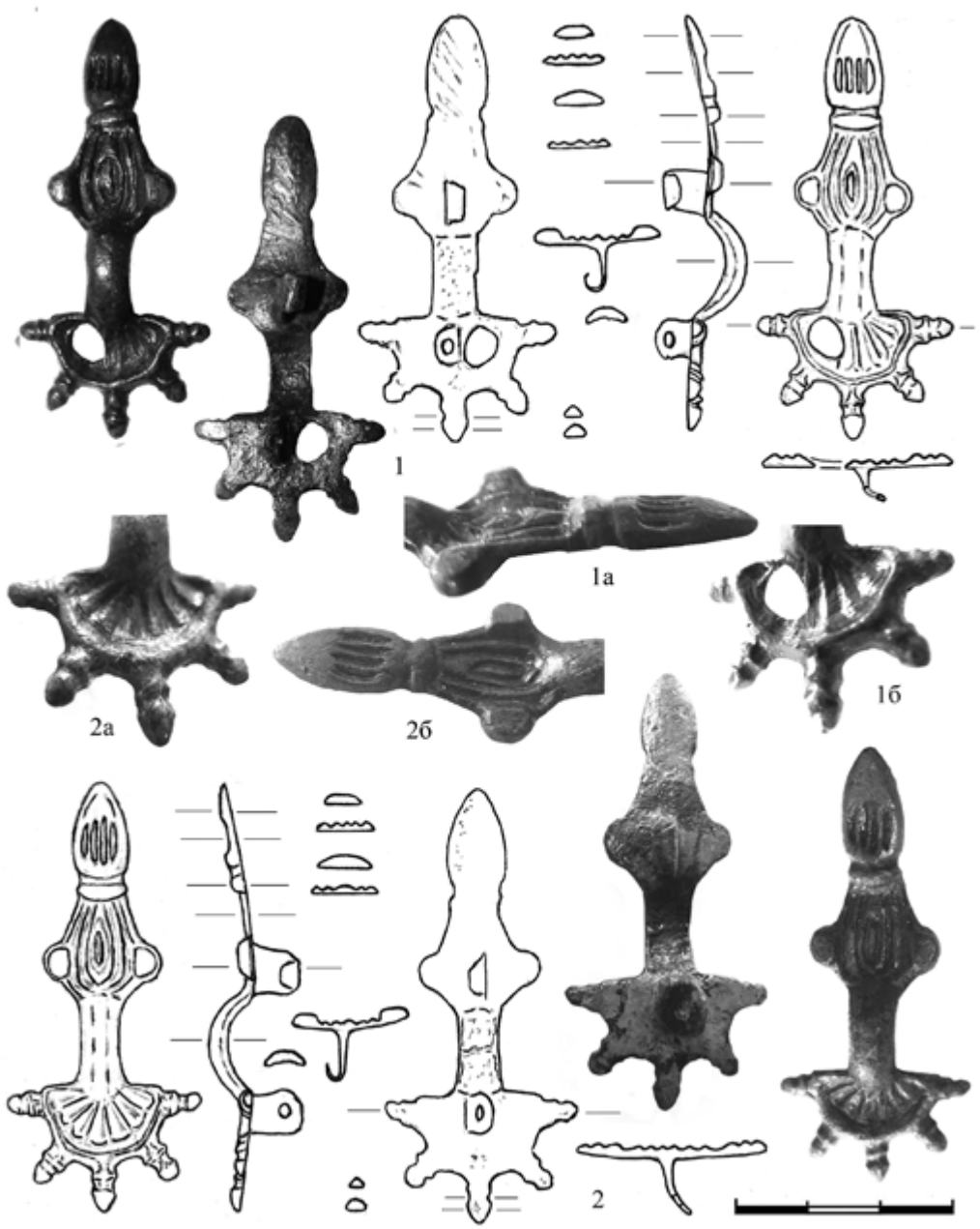


Рис. 3. Фибулы серии Стаево из Стаево-5 (список 1,*3,4*).

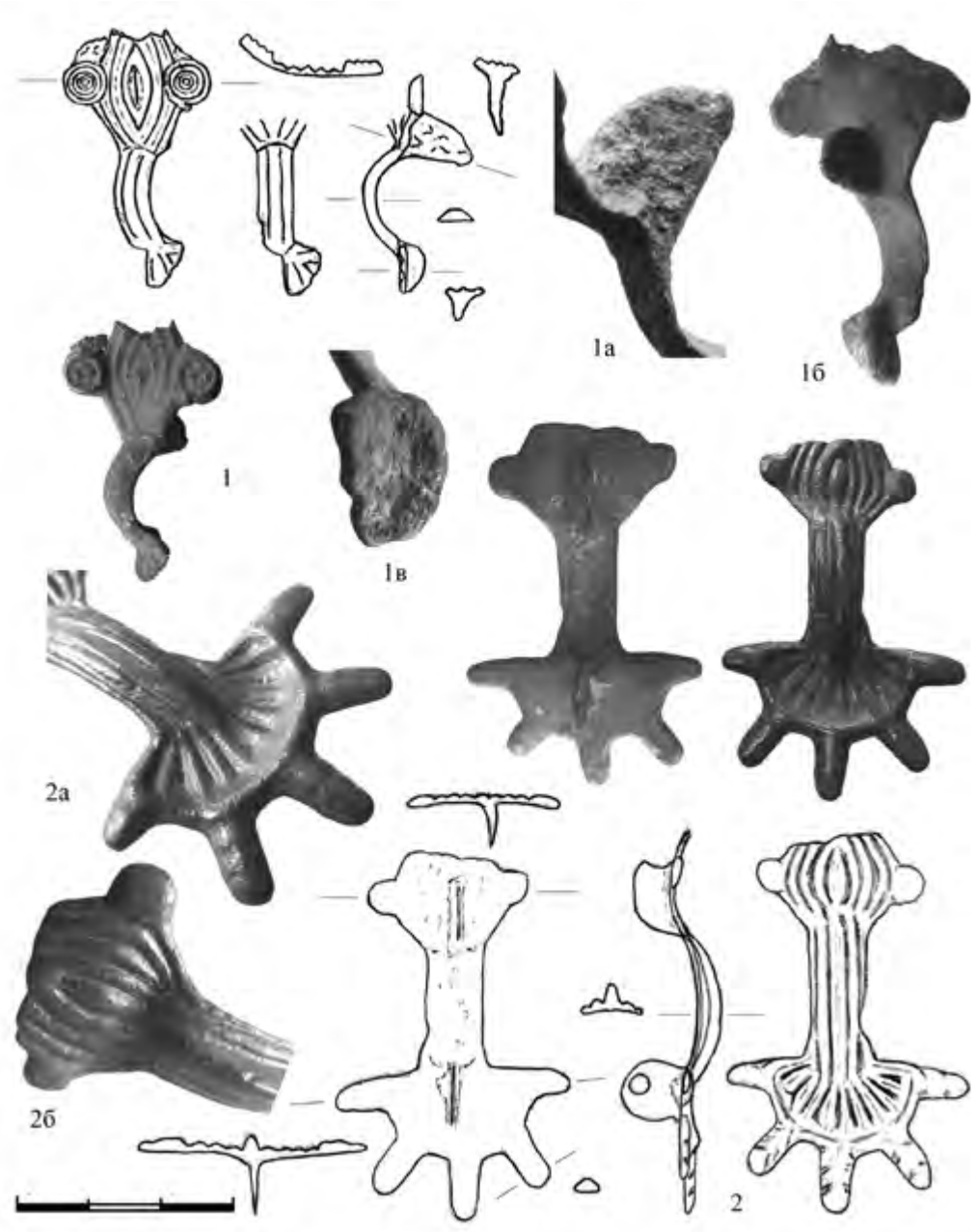


Рис. 4. Фибулы, украшенные лучами на головной пластине и ромбами на ножке.
1 – Белгородская обл.; 2 – Стаево-5 (списки: 1 – 2.Г; 2 – 1,5).

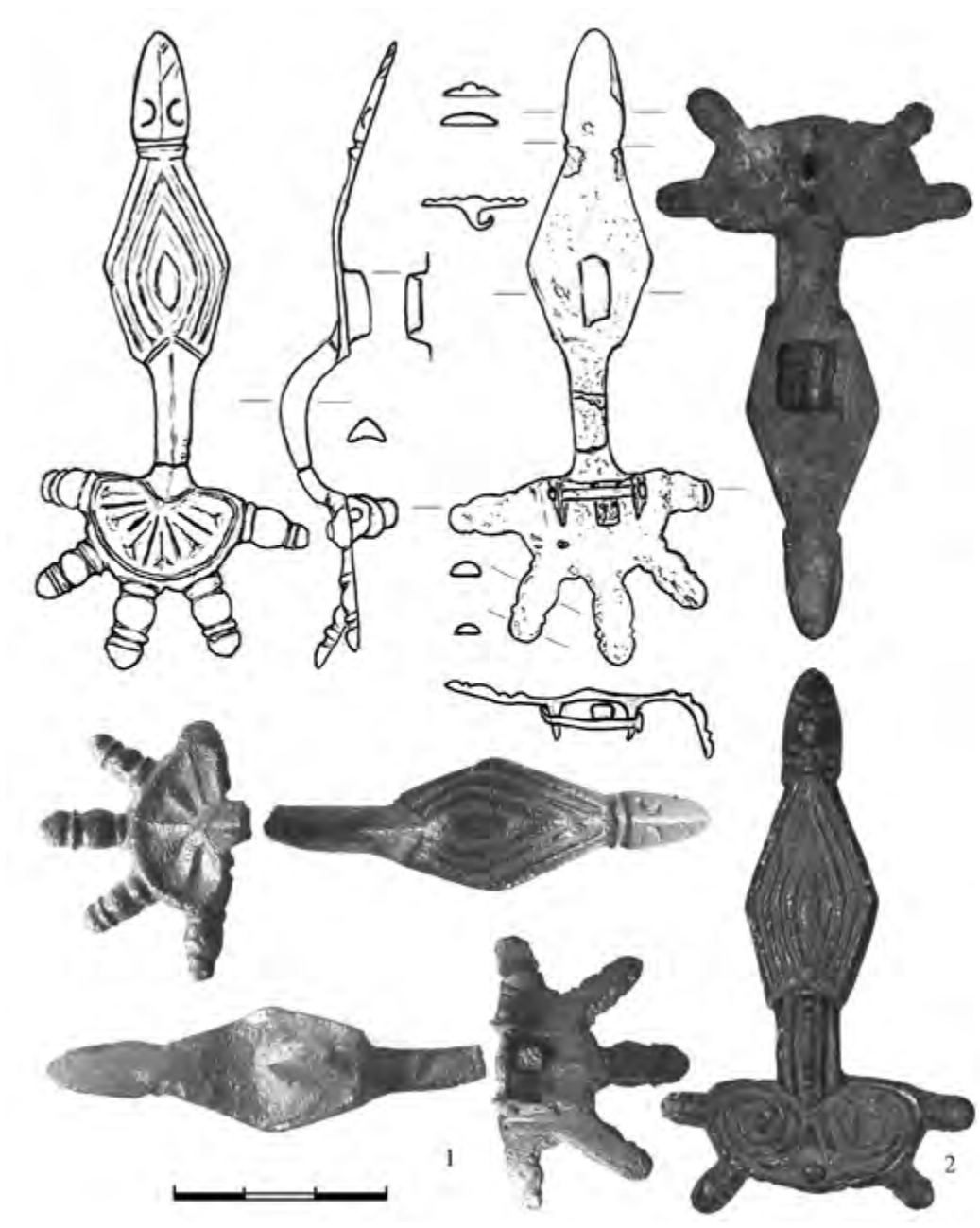


Рис. 5. Пятипалые фибулы, украшенные ромбами на ножке, не имеющей боковых выступов.
1 – Стаево-4; 2 – Спас-Перкша (списки: 1 – 1,*б*; 2 – 3.Б).

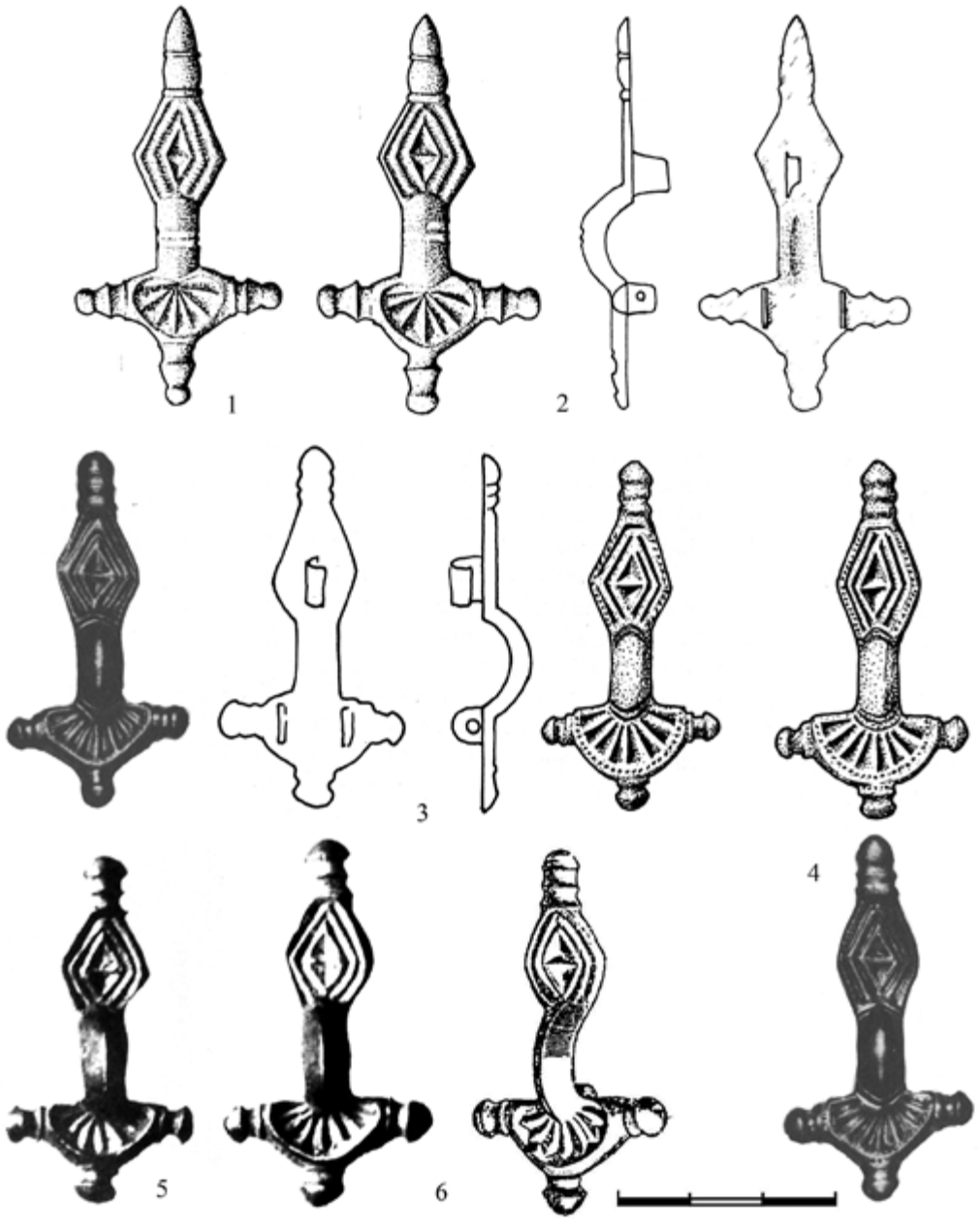


Рис. 6. Фибулы типа Бакодпуста.
1–2 – Тольна–Мёж, погр. 53; 3–4 – Хач–Бендекпуста, погр. 18; 5–6 – Дунапатай–Бёдпуста, погр. 3 (список 2.А).

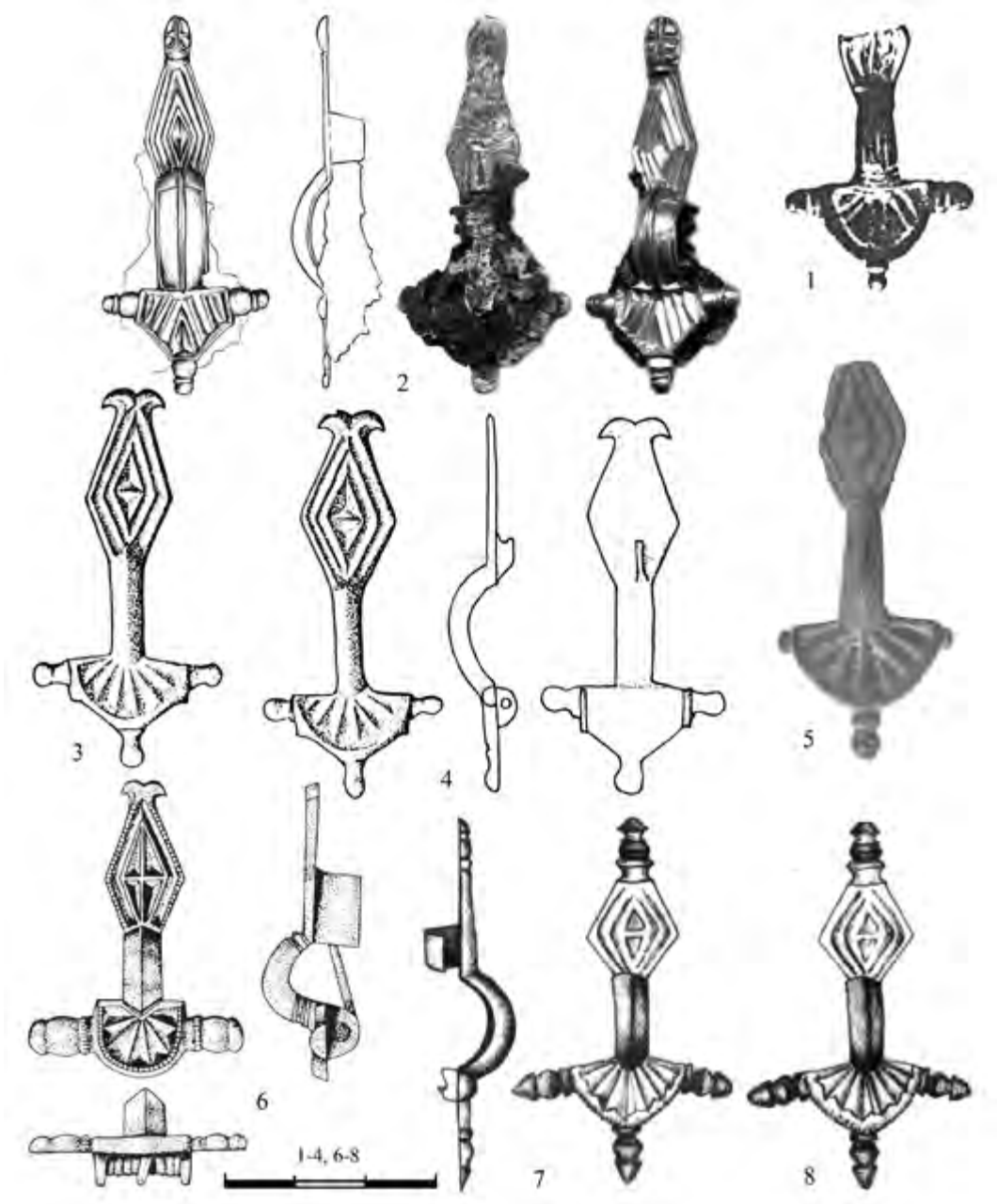


Рис. 7. Фибулы типа Бакодпуста.
1 – Гарлитц, погр. в урне; 2 – Ниредьхаза–Рожретсёлё, погр. 198; 3–4 – Тольна–Мёж, погр. 64; 5 – Осоппо; 6 – Бернхардшталь–Аулюссен; 7–8 – Кёвагосёлёш, погр. 6 (список 2.А).

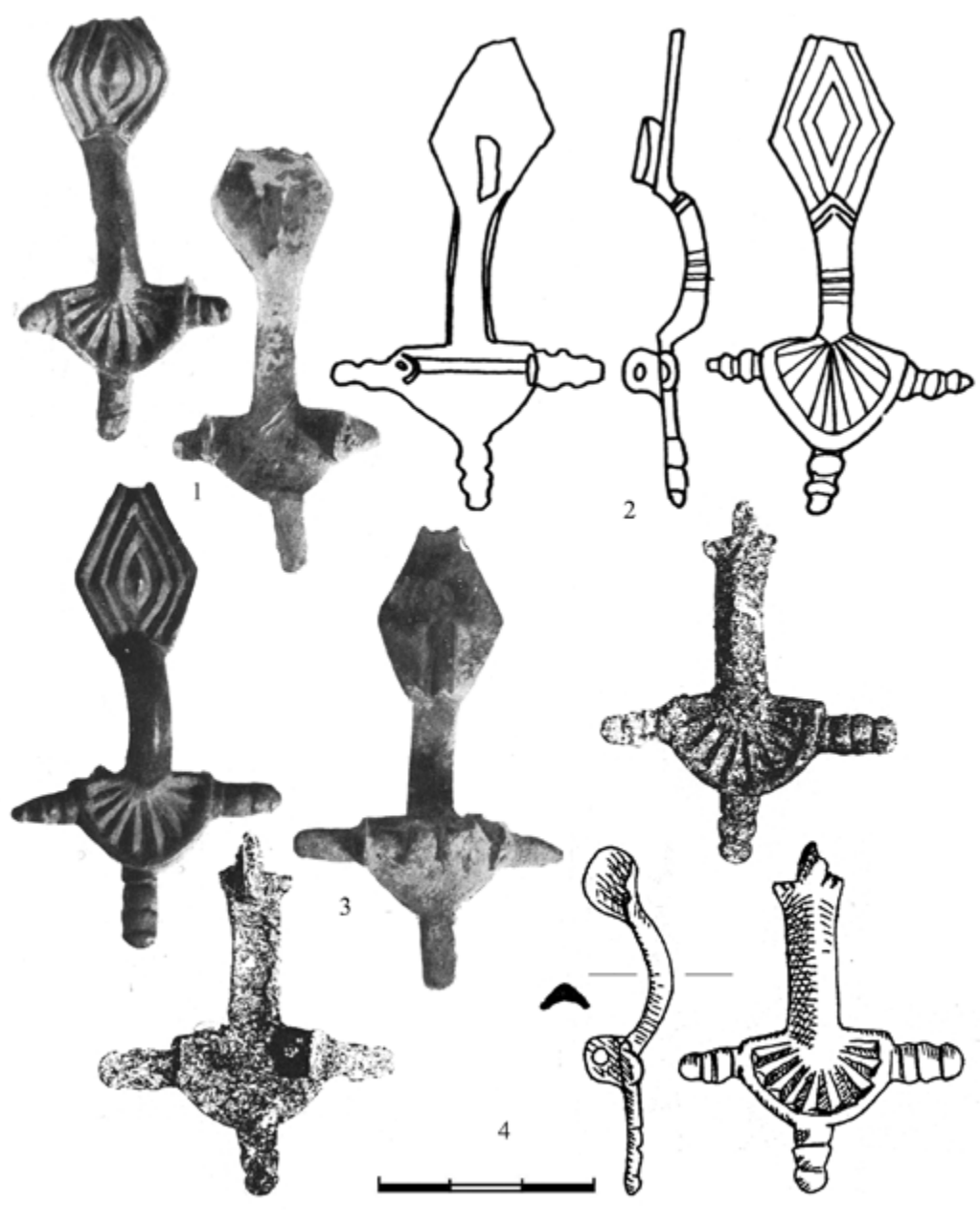


Рис. 8. Фибулы типа Бакодпуста и близкий им фрагмент.
1 – Хорни-Кшелы-у-Колина; 2 – Свиштов; 3 – Чехия; 4 – Братей 3, погр. 244 (списки: 1-3 – 2.А; 4 – 2А/Б).

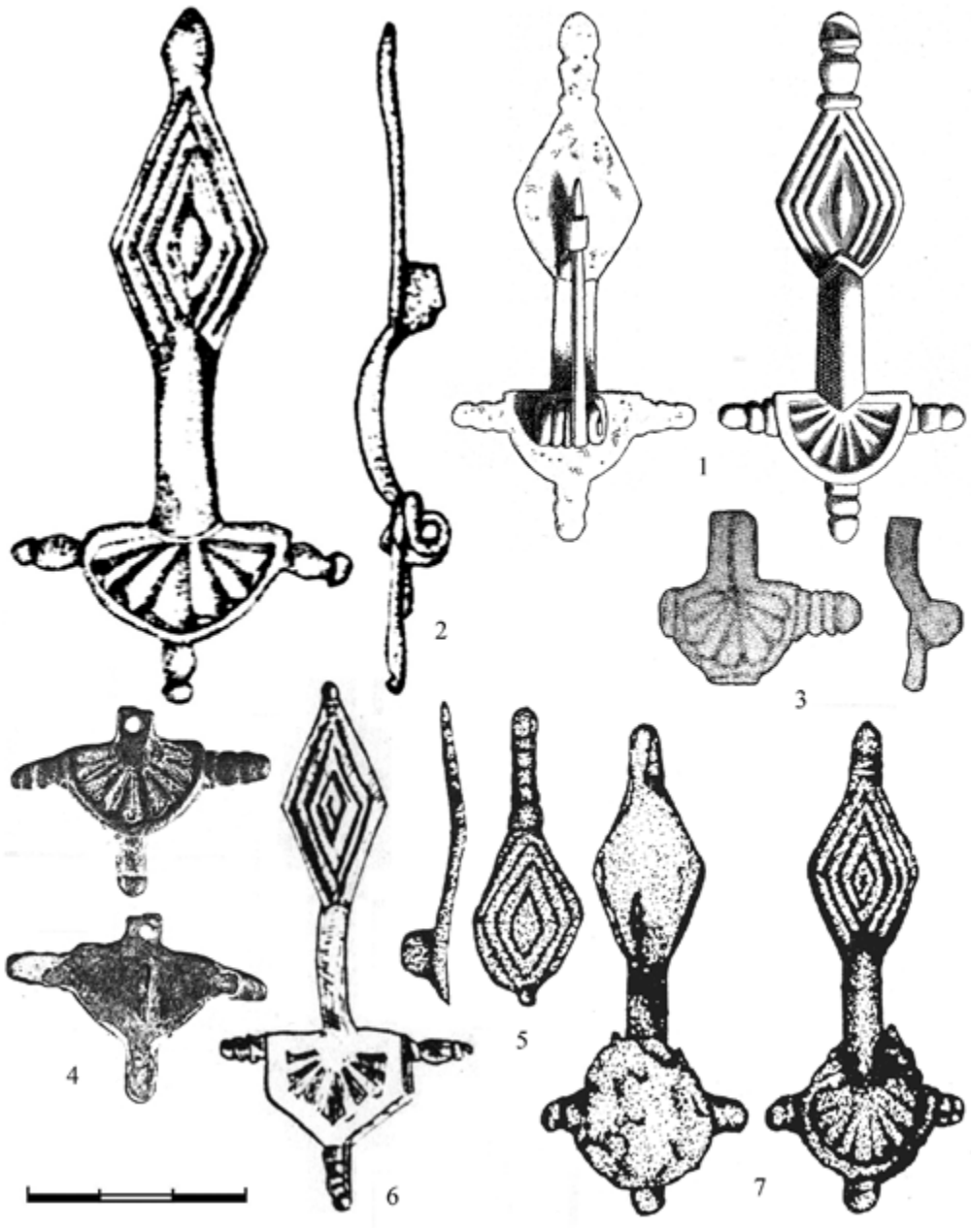


Рис. 9. Фибулы типа Бакодпуста и близкие им фрагменты.
1 – Керчь; 2 – Цага, погр. 1/1968; 3 – Ковачевец; 4, 7 – Медвен; 5 – Стан; 6 – Чехословакия (списки: 1, 2, 6, 7 – 2.А; 3–5 – 4).

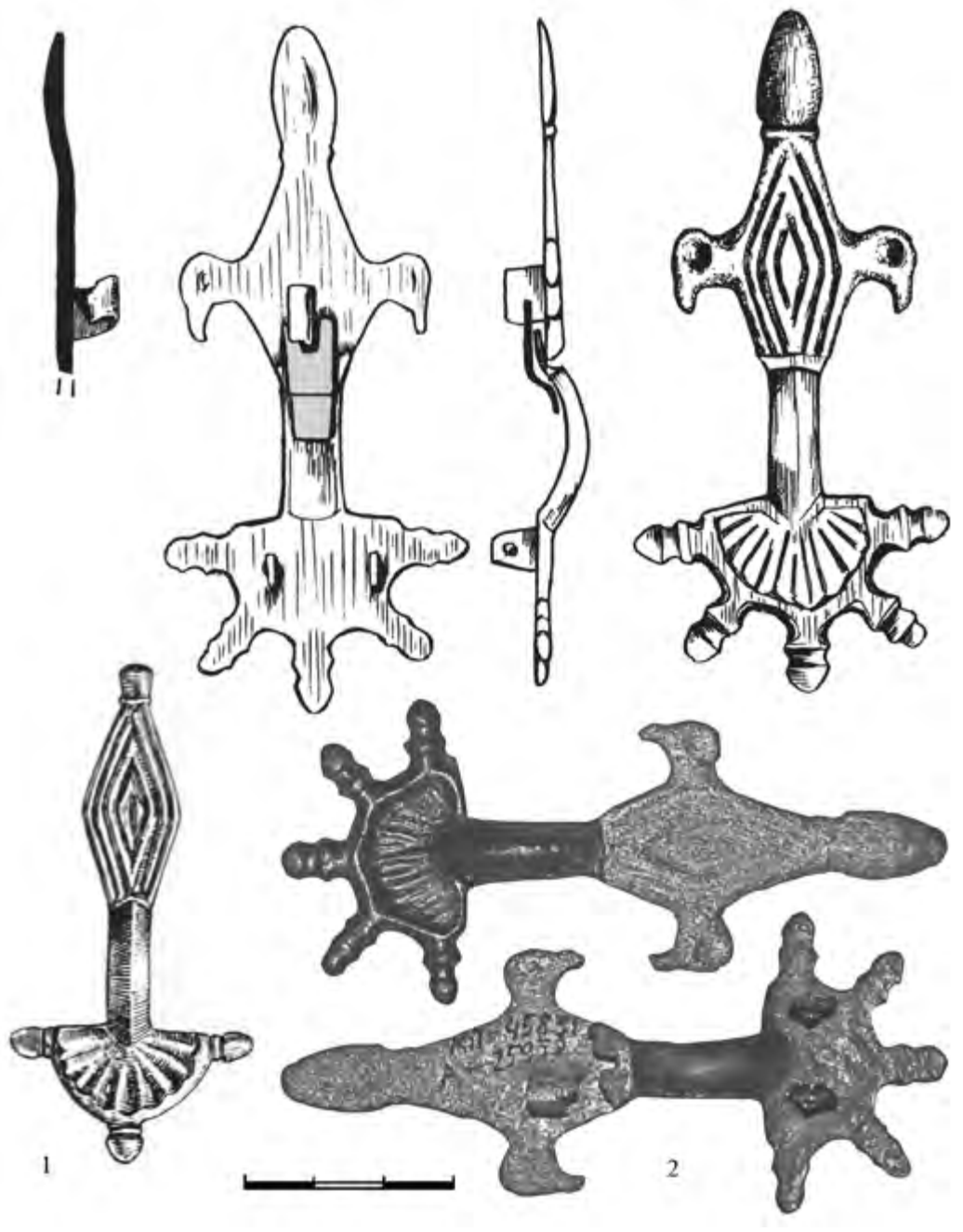


Рис. 10. Фибулы типа Бакодпуста и серии Лучистое.
1 – Кыйов; 2 – Лучистое, склеп 59, погр. 19 (списки: 1 – 2.А; 2 – 2.В.2).

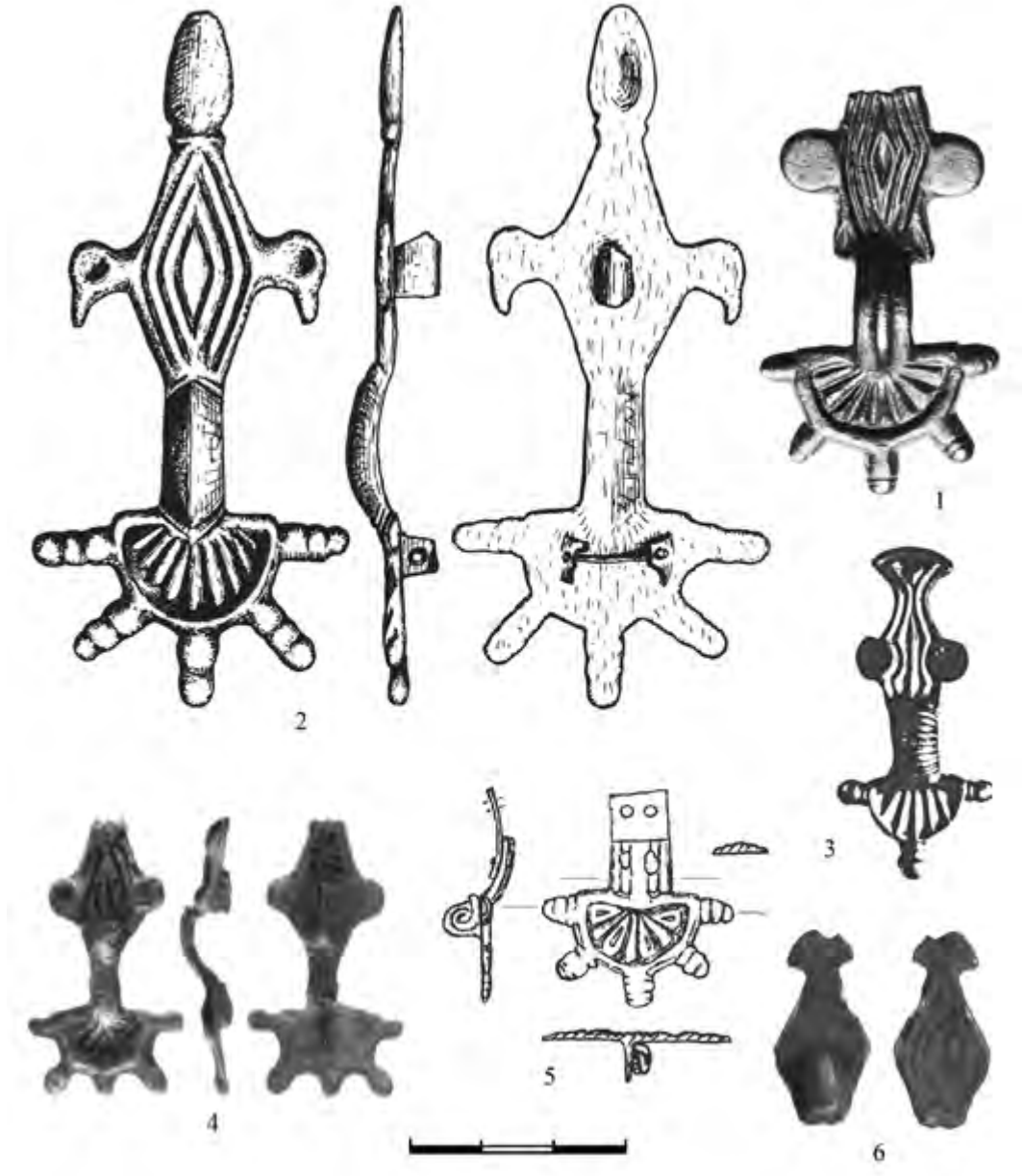


Рис. 11. Фибулы, украшенные лучами на головной пластине и/или ромбами на ножке. 1 – Майнц; 2 – Лучистое, склеп 59, погр. 19; 3 – Монсхайм, погр. 4; 4 – Ольвия; 5 – Книн–Греблье, погр. 154; 6 – Суджанский р-н Курской обл. (списки: 1 – 2.В.3; 2 – 2.В.2; 3 – 2.Б; 4 – 2.В.1; 5 – 4; 6 – 3.В).

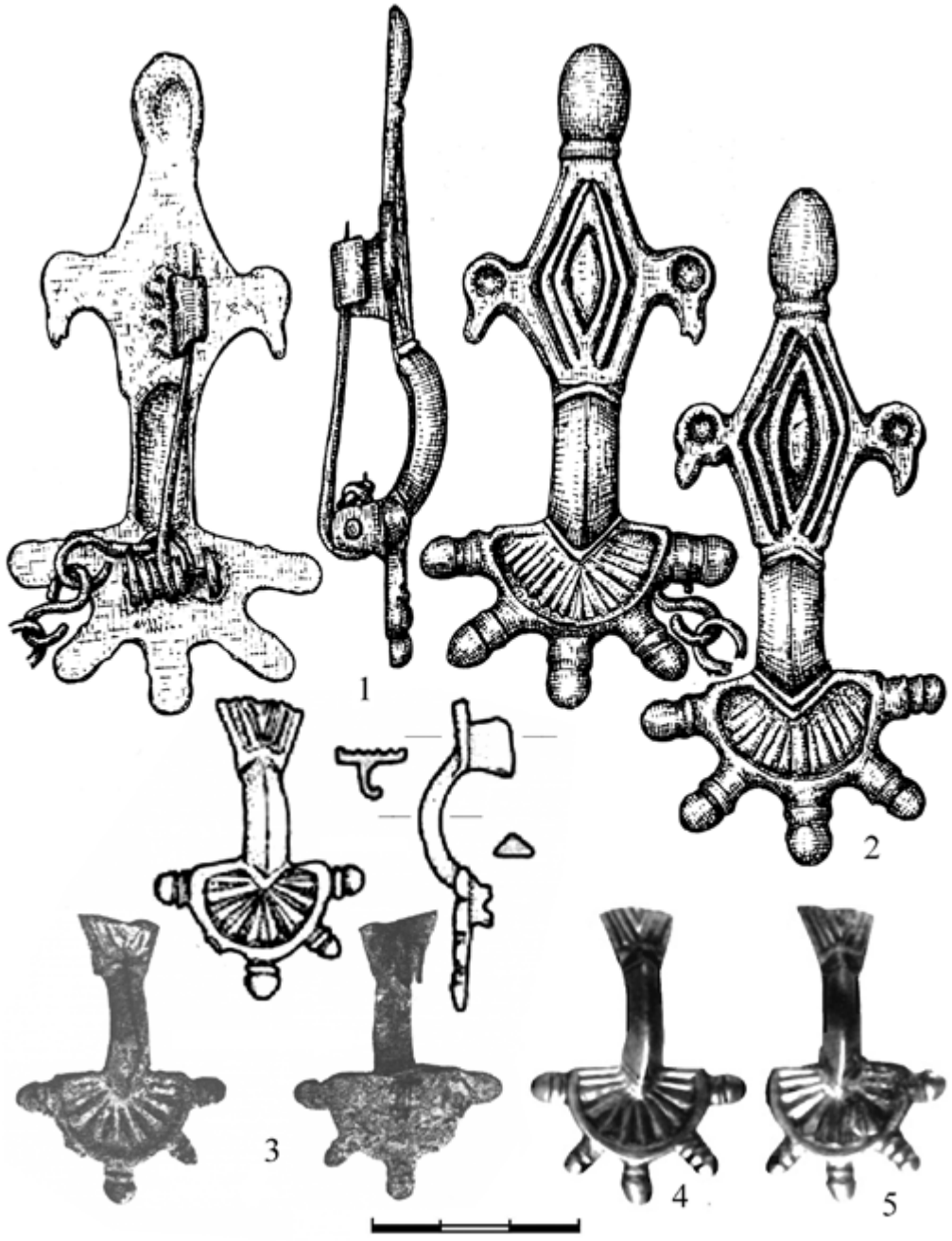


Рис. 12. Фибулы, украшенные лучами на головной пластине и ромбами на ножке. 1–2 – Лучистое, склеп 100, погр. 1; 3 – Тортона; 4–5 – коллекция Диргардта (списки: 1 – 2.В.2; 2-5 – 2.В.3).

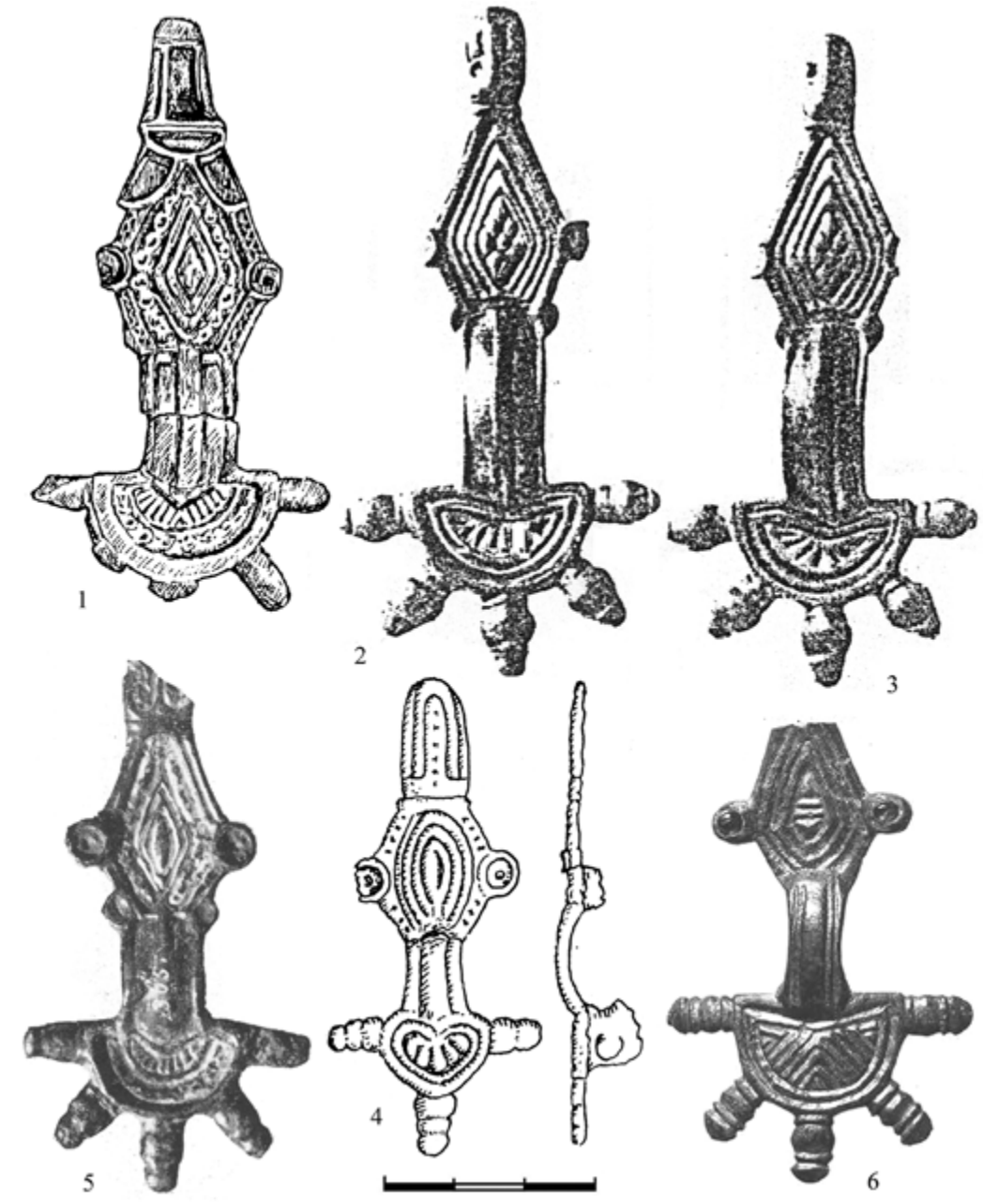


Рис. 13. Фибулы гепидских и итало-готских типов.
1 – Сентеш–Надьхедь, погр. 8; 2–3 – Сентеш–Кёкеньцуг, погр. 56; 4 – Морешть; 5 – Крань; 6 – Колленьо, погр. 4 (списки: 1–3, 5–6 – 2.В.4; 4 – 2.Б).

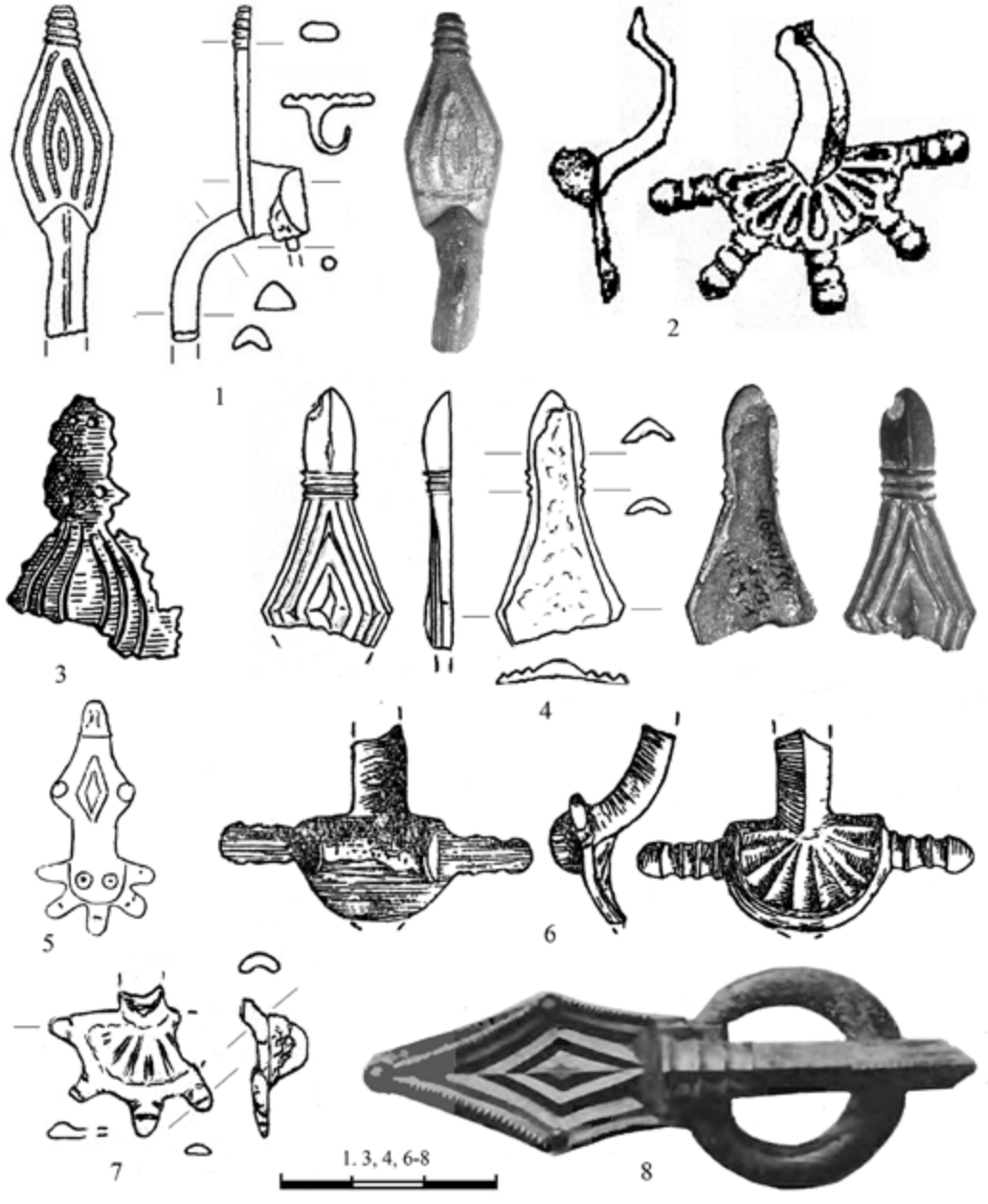


Рис. 14. Фибулы и пряжка, украшенные ромбами или лучами.
1 – Ксизово-19; 2 – Порозок; 3 – Усох, погр. 4; 4 – Курск; 5 – Бужим; 6 – Вербычна; 7 – Брянская обл.; 8 – Пекари (списки: 1, 3, 4 – 3.В; 2, 6, 7 – 3.Д; 5 – 3.Б; 8 – 4.)

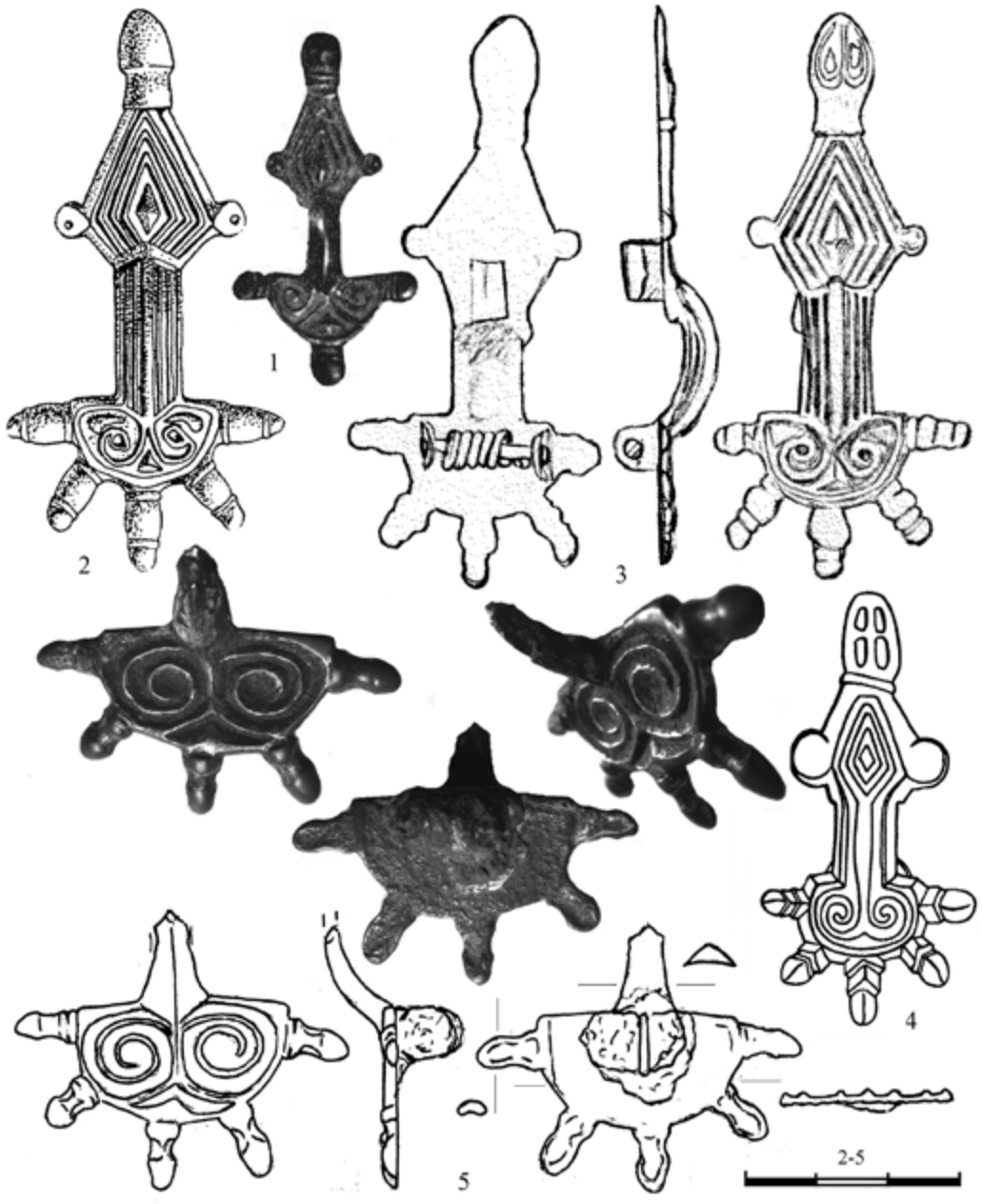


Рис. 15. Фибулы, украшенные спиралями на головной пластине.
1 – Канев; 2 – Игрень; 3 – Херсонес; 4 – Среднее Поднепровье; 5 – Курская область (списки: 1, 2, 4 – 3.Б; 3, 5 – 4)

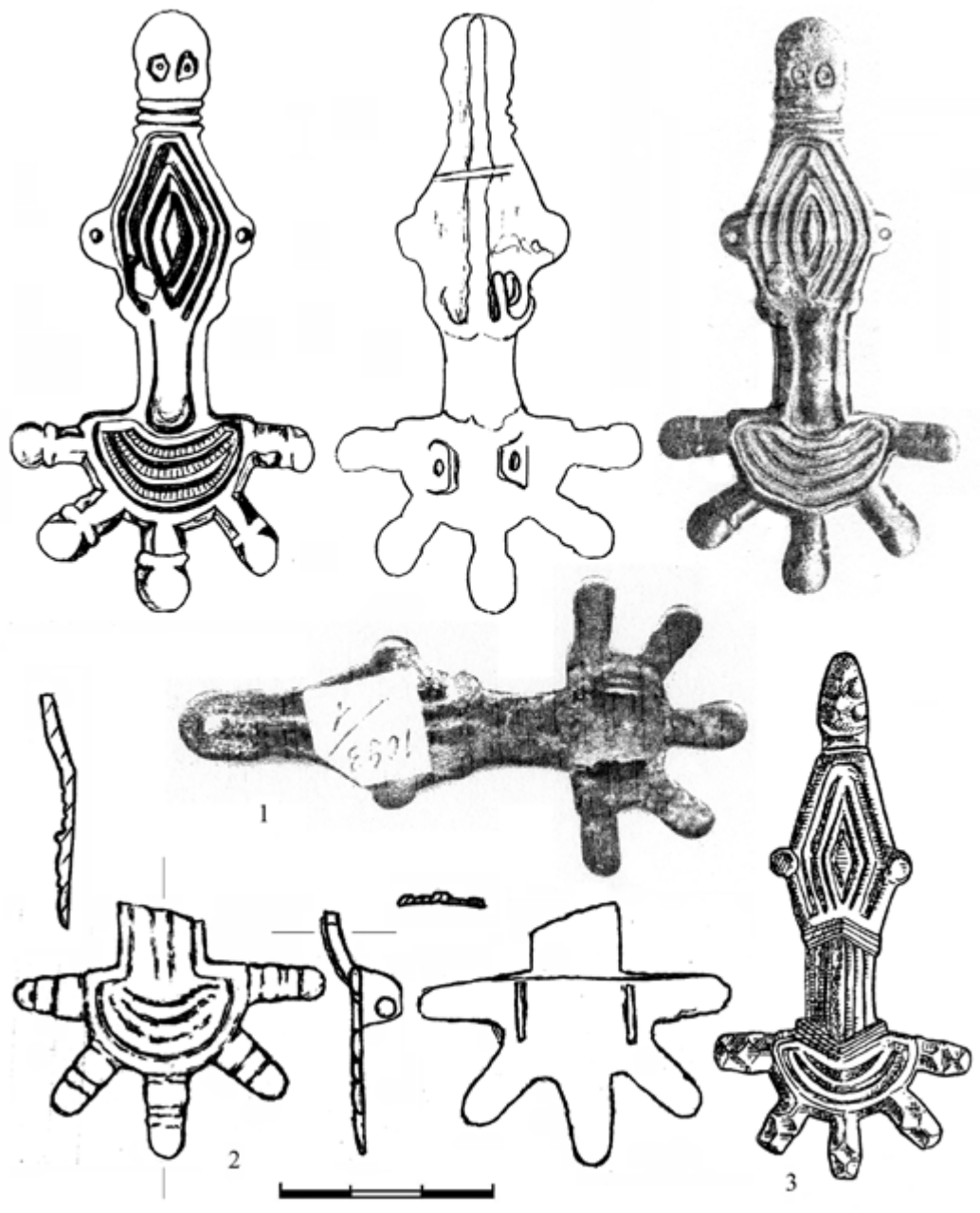


Рис. 16. Фибулы типа Морешть и близкий им фрагмент.
1 – Мартыновка; 2 – Краков–Нова-Гута; 3 – Деренковец (списки: 1, 3 – 3.А; 2 – 4)

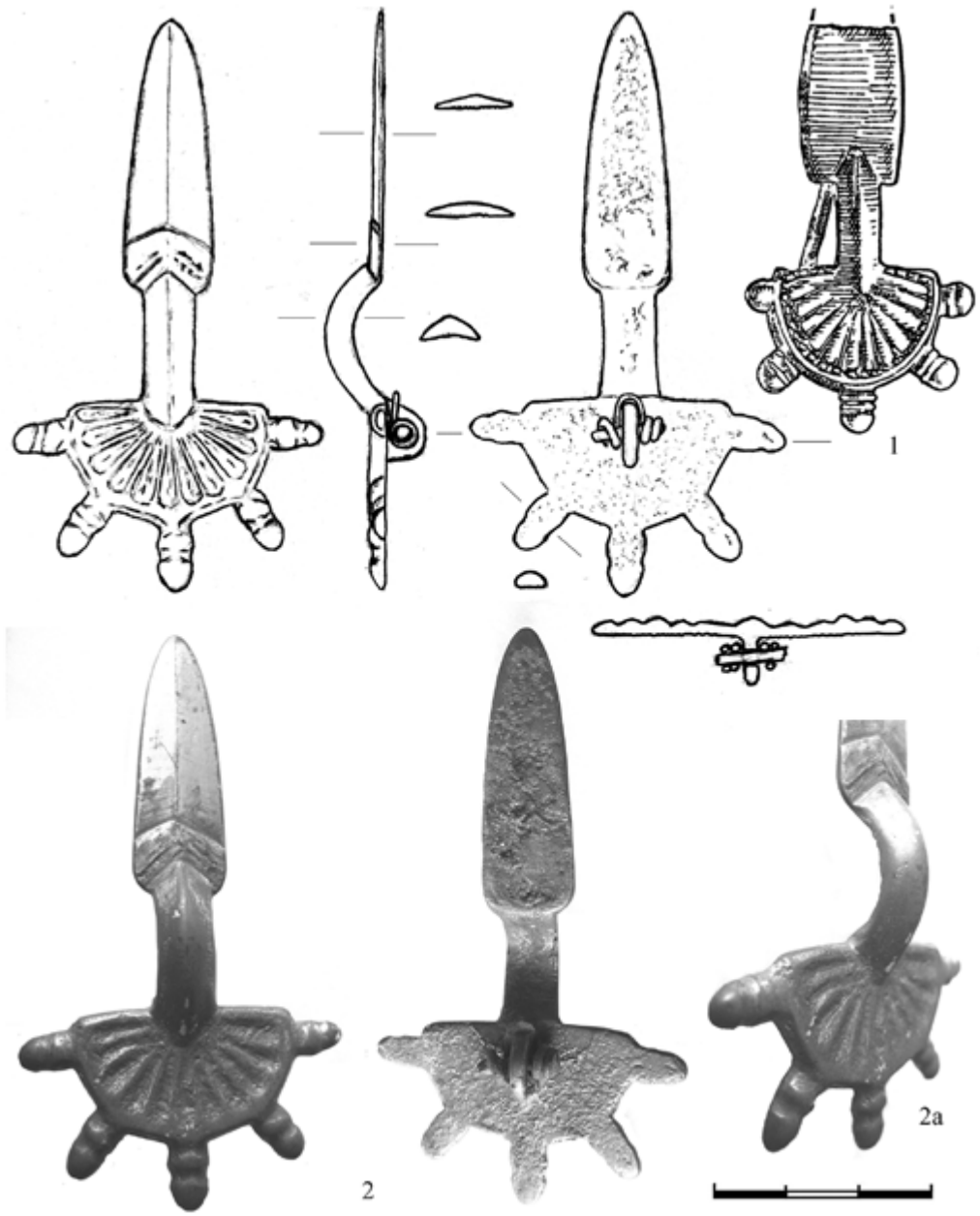


Рис. 17. Фибулы серии Перехваль типа Мощенка.
1 – Пастырское; 2 – Перехваль (список 3.Г)

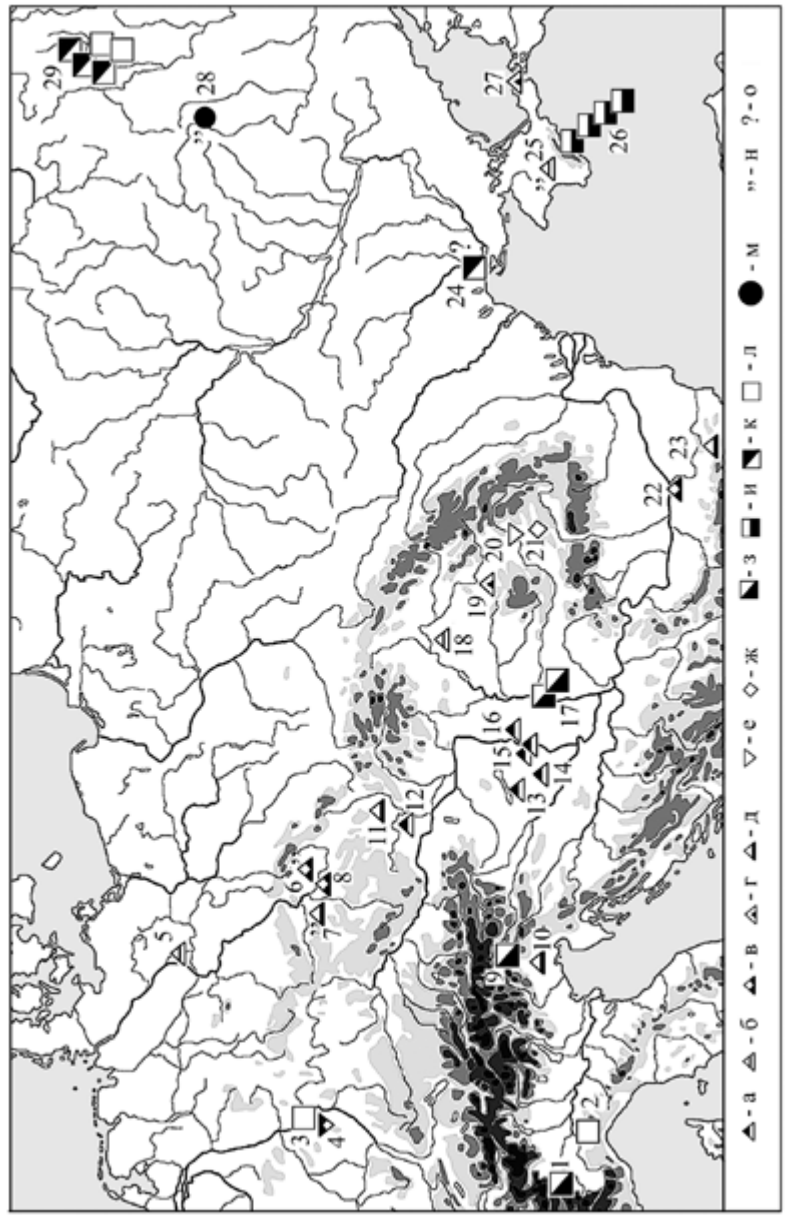


Рис. 18. Распространение фибул, украшенных лучами на головной пластине и ромбами на ножке.
а-д – тип Бакодпуста: а-б – подтипа 1 (б – особых вариаций), в-д – подтипа 2 (в – с двумя стойками для оси пружины, г – с одной стойкой, д – о числе стоек нет данных); е-ж – трехпалые: е – с выступами по бокам ножки, ж – большая часть ножки утрачена; з-л – пятипалые: з – гепидских и итало-готских форм, и – серии Лучистое, к – серии Стаево, л – других или неясных серий; м – бракованный полуфабрикат; н-о – локализация: н – с точностью до области, о – условна.
1 – Колленьо, 2 – Тортона, 3 – Майнц, 4 – Монсхайм, 5 – Гарлитц, 6 – Чехословакия (вероятно, Чехия), 7 – Чехия, 8 – Хорни-Кшелы-у-Колина, 9 – Крань, 10 – Осоппо, 11 – Кыйов, 12 – Бернхардшталь–Аулюссен, 13 – Хач, 14 – Кёвагосёлёш, 15 – Тольна, 16 – Дунапатай, 17 – Сентеш, 18 – Ниредьхаза, 19 – Цага, 20 – Морешть, 21 – Братей, 22 – Свиштов, 23 – Медвен, 24 – Ольвия, 25 – Крым, 26 – Лучистое, 27 – Керчь, 28 – Белгородская обл., 29 – Стаево.

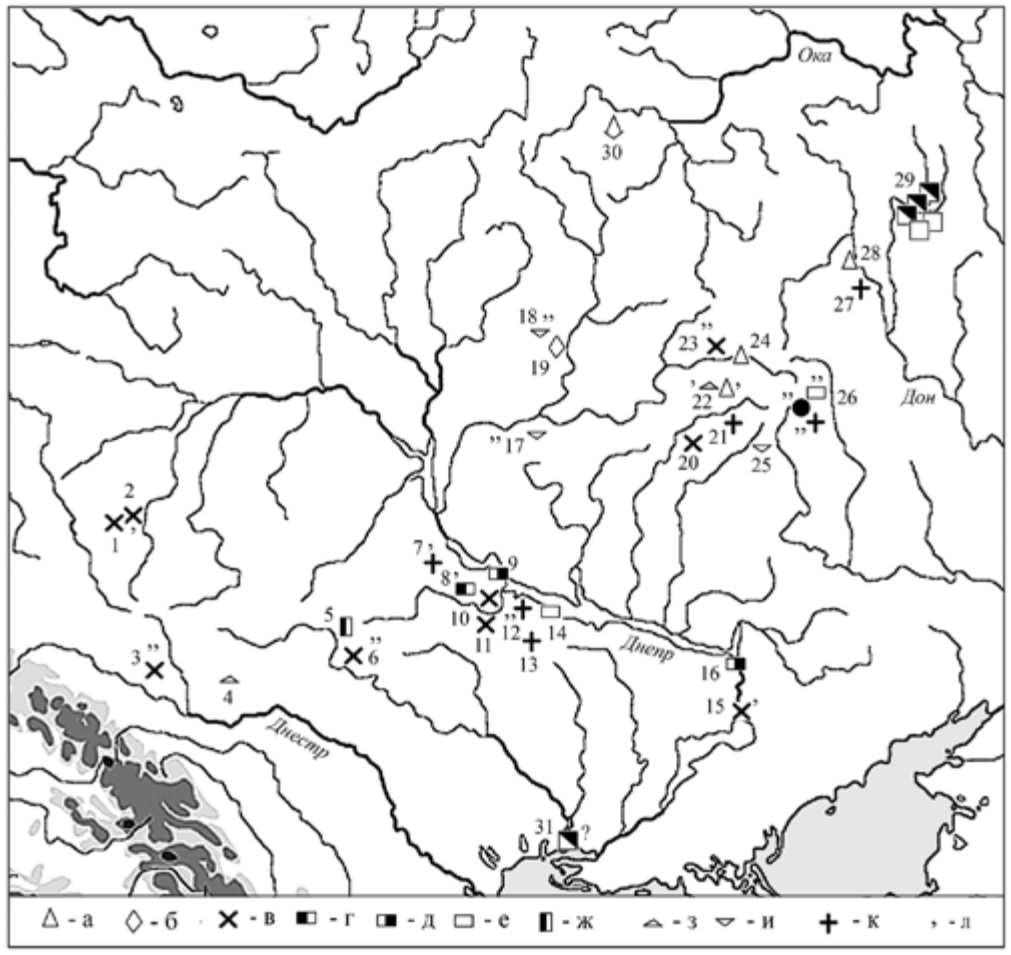


Рис. 19. Распространения в Восточной Европе (кроме Крыма) фибул, украшенных лучами на головной пластине и/или ромбами на ножке.
Условные знаки как на рис. 18; дополнительные: а-ж – ножка, украшенная ромбами: а – без боковых выступов, б – с боковыми выступами, в – тип Морешть и близкие ему, г-е – с орнаментацией головной пластины спиралями или окружностями (контексты: г – дунайский, д – понтийский, е – не ясен), ж – трехпалые особой вариации; з-к – головная пластина, украшенная лучами: з – трехпалые, и – пятипалые, к – серии Перехваль типа Мощенка; л – локализация с точностью до района.
1 – Волынская обл. (на р. Черногуска, в 30 км от Луцка), 2 – Волынская обл. (недалеко от Луцка), 3 – Ивано-Франковская обл., 4 – Вербычна, 5 – Широкая Гребля, 6 – Винницкая обл., 7 – Киевская обл., юг, 8 – Среднее Поднепровье (в пределах Васильковского, Каневского, Таращанского уездов), 9 – Канев или окрестности, 10 – Мартыновка, 11 – Деренковец, 12 – Черкасская обл. (правобережье Днепра), 13 – Пастырское, 14 – Бужин, 15 – Запорожская обл. (близ Днепра), 16 – Игрень, 17 – Черниговская обл., 18 – Брянская обл., 19 – Усох, 20 – Межричьи, 21 – Глиница, 22 – Суджанский р-н, 23 – Курская обл., 24 – Курск, 25 – Порозок, 26 – Белгородская обл., 27 – Перехваль, 28 – Ксизово, 29 – Стаево, 30 – Спас-Перекша, 31 – Ольвия.

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА
Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ПОЯСНОЙ НАБОР С ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКОЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI В. ИЗ МОГИЛЬНИКА У С. ЛУЧИСТОЕ

Аннотация: Во второй половине VI в. в Юго-Западном Крыму распространились детали воинских наборных поясов, именуемые в специальной литературе геральдическими. В статье публикуется поясной набор второй половины VI в., найденный в склепе 212 на могильнике у с. Лучистое, обосновывается датировка, выявляется круг аналогий, на основании иконографических данных и расположения предметов в погребении предлагаются варианты реконструкции. Бляшки из набора украшены изображениями креста и стилизованной виноградной лозы. На обратной стороне пряжки прорезаны кресты. Христианская символика, а также аналогии, выявленные в Херсоне, Сирии и Подунавье, позволяют отнести набор к византийской продукции.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, крымские готы, геральдические поясные наборы, христианская символика.

Во второй половине VI в. в Юго-Западном Крыму распространились детали воинских наборных поясов, именуемые в специальной литературе геральдическими по наличию элемента в форме гербового щитка. По мнению А. К. Амброза, геральдический стиль возник в византийских провинциях Нижнего Подунавья как смешение византийских и варварских вкусов в среде местных военных поселений [9, с. 118; 10, с. 201; 11, с. 49]. Многочисленные находки различных деталей геральдических поясных наборов и каменных литейных форм подтверждают существование в Нижнем Подунавье центра по их изготовлению и распространению [36, fig. 2,3]. Вместе с тем, происходящая из Каппадокии литейная форма для производства геральдических бляшек и наконечников ремней [27, p. 629, fig. 1], а также находки на территории Малой Азии и Сирии геральдических деталей поясной гарнитуры второй половины VI в. [41, Kat. 71; 42, Abb. 112] позволяют говорить об одновременном распространении стиля во многих областях империи.

В своих исследованиях по хронологии раннесредневековых древностей Крыма Александр Ильич Айбабин неоднократно обращался к этой теме. Им выделено пять типов геральдических поясных наборов, бытовавших в Юго-Западном Крыму, отличающихся техникой изготовления и декором; классифицированы отдельные детали гарнитуров – бляшки, наконечники основных и вспомогательных ремней, обоснована их хронология; на основании расположения предметов *in situ* в погребениях сделаны наблюдения об их размещении на ремне [2, с. 52–57, рис. 43; 48–52; 3, с. 111, 148–149, рис. 44, 59, табл. XXXI; 4, с. 41, табл. 20]. В последнее время, в первую очередь, благодаря раскопкам на могильниках у с. Лучистое и Алония, источниковая база для изучения геральдических поясов увеличилась. Среди новых находок особый интерес вызывает поясной набор с христианской символикой, происходящий из могильника у с. Лучистое (рис. 1–3), публикации которого посвящена данная работа. В статье дана характеристика отдельным деталям гарнитура, обосновывается датировка, выявляется круг аналогий, на основании иконографических данных и расположения предметов в погребении предлагаются варианты реконструкции пояса.

Археологический контекст находки

В 2002 г. на северо-западном раннем участке могильника у с. Лучистое на глубине 0,4–1,1 м от современной дневной поверхности раскопан склеп 212 (рис. 1). Т-образный в плане склеп ориентирован камерой на юго-восток. Камера в плане почти квадратная, с закругленными углами. На ее полу зачищены остатки погребений четырех взрослых (1–4) и одного ребенка (5) (рис. 1,*1*). Взрослых 1–3 похоронили вытянуто на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми вдоль туловища руками и уложенными на бедрах кистями. Вдоль северо-восточной стенки камеры склепа на полу лежали перемещенные кости из более ранних захоронений взрослого (4) и ребенка (5) (рис. 1,*2*). В погребении 4, среди перевернутых и раздавленных тазовых костей (рис. 1,*2а*) лежали серебряная пряжка, наконечник основного ремня из белого металла, бронзовая геральдическая бляшка, железные пластинчатое кресало прямоугольной формы (размеры 2,2х6,3 см) и два фрагмента однолезвийного ножа с прямой спинкой (длина 4,9 и 8,5 см); около тазобедренного сустава левой ноги – кремень (размеры 1,5х2,4 см), бронзовые геральдическая бляшка и пряжка с овальной рамкой и треугольным в сечении язычком, с двумя рельефными валиками на тыльной стороне (длина пряжки 2,9 см; ширина – 3,3 см); около левого коленного сустава – бронзовые детали поясного набора: три геральдических и две двурогие бляшки, а также два наконечника вспомогательных ремней (рис. 1,*2б*); среди больших берцовых костей – железный черешковый однолезвийный нож с прямой спинкой.

В погребении 1 в области пояса зачищена орлиноголовая пряжка южнобережного типа 2-го варианта (рис. 1,1А), датирующаяся концом VI – первой четвертью VII вв. [2, с. 33; 6, рис. 12,II]. Остатки погребений 4 и 5 сдвинули к стенке камеры

для того, чтобы расчистить место для новых захоронений 1–3. Учитывая датировку орлиноголовой пряжки 2-го варианта из погребения 2, более раннее перемещенное захоронение 4 с интересующим нас поясным набором следует отнести ко второй половине VI в.

Характеристика деталей поясного набора

В состав поясного набора входят: серебряная пряжка, наконечник основного ремня из белого металла и бронзовые детали: пять геральдических бляшек, две двурогие двухсоставные бляшки, два наконечника вспомогательных ремней (рис. 2–3). До реставрации на поверхности бронзовых предметов прослеживался тонкий слой белого металла, являвшийся, скорее всего, остатками лужения.

Серебряная пряжка состоит из трапециевидной рамки с граненой лицевой стороной и вогнутой нижней частью, подвижных язычка и двух зажимов для ремня (рис. 2,*10*; 3,*3*). Общая длина пряжки 4,1 см, вес 19,97 г, все детали отлиты из серебра 800° пробы[1]. Размеры рамки: длина 2,4 см и ширина 3,7 см. Она украшена тремя продольными параллельными врезными линиями на боковых сторонах. В тыльной части рамки сделана круглая в сечении перекладина, на которой крепятся язычок и два зажима для ремня. Сегментовидный в сечении язычок отлит с прямоугольной площадкой на тыльной стороне. Его длина 2,8 см. Зажимы для ремня длиной 2,5 см сделаны из согнутой пополам пластины с узкой петлей (длина 1,2 см), фиксировавшейся на пряжке, и круглым щитком (диаметр 1,3 см), внутрь которого вставлялся ремень и зажимался гвоздиком с небольшой выпуклой круглой шляпкой (рис. 4,5). Верхняя пластина щитка украшена небольшими поперечными насечками, нанесенными по краю (рис. 3,*3а*). На обратной стороне нижней пластины каждого зажима прорезано по кресту (рис. 3,*3б*).

Близкая по форме и конструкции пряжка найдена в могильнике Алония близ Ялты, в склепе 2, в мужском погребении, рядом с которым находился женский костяк с большой орлиноголовой пряжкой 1-го варианта второй половины VI в. (рис. 5,*16*; 6,*1*) [6, рис. 12,I; 21, с. 137, рис. 10,1, 12]. Обе поясные застежки, из Лучистого и Алонии, следует рассматривать как один из вариантов пряжек с трапециевидной рамкой и зажимами для ремня, которые А. И. Айбабин выделил в тип II-2 так называемых малых пряжек византийского круга [2, с. 49, рис. 46,2,3]. В Юго-Западном Крыму они найдены: в Лучистом в склепах 10, 77 и 95 в погребениях конца VI – первой четверти VII вв. (рис. 5,*19*) [29, S. 91, Abb. 84; 38, p. 30, 32, fig. 3,12,17; 5,I; 6, рис. 17,20, табл. 49,1; 7, с. 38–39, рис. 10,14, табл. 192,2] и в Скалистом в склепе 449 с вещами второй половины VI – первой четверти VII вв. (рис. 5,*20*) [13, с. 114, рис. 82,13; 2, с. 49, рис. 46,3]. За пределами Крыма подобные поясные застежки извест-

[1] Проба и вес изделий определены в Южном управлении пробирного надзора государственной пробирной палаты Украины, г. Одесса. Сведения предоставлены Главным хранителем Центрального музея Тавриды Л. Н. Храпуновой, за что приношу ей глубокую благодарность.

ны в Абхазии, в могильнике у крепости Цибилиум в погребении воина конца VI – VII вв. [14, с. 158–159, рис. 22,5] и в Болгарии (рис. 5,*17,18*). Последние лишены точного археологического контекста и по аналогиям датированы второй половиной VI – первой половиной VII вв. [20, с. 52–53, 241–242, группа А, тип XV, кат. № 341, 342, табл. 41,341,342].

Перечисленные пряжки – пластинчатые, с четкими гранями на верхней части рамки, у многих на тыльной стороне сделаны углубления. Пряжки из Лучистого и Алонии – более массивные, грани на поверхности рамки едва заметны, а тыльная сторона украшена врезными линиями. Края круглых зажимов лучистинской пряжки украшены поперечными подтреугольными насечками (рис. 3,*3а*). Такой прием декора характерен для византийских пряжек, деталей поясных наборов и фибул VI в. из Северной Италии, Подунавья, Малой Азии и Крыма (рис. 5,*19*) [5, рис 1,1; 4,3–5; 8, рис. 118,9; 124,3-5; 140,1б; 45, Taf. 11,2,3,11,16; 34, Pl. 6,62; 40, fig. 8,a,b].

Наконечник основного ремня из белого металла (оловянистой бронзы?) отлит в виде коробочки с прямыми боковыми и верхней сторонами, с закругленной нижней частью (рис. 2,*11*; 3,*7*). Высота наконечника 4,2 см, ширина 2,4 см, толщина 0,5 см. Верхняя часть лицевой стороны фрагментирована. На обеих сторонах наконечника при отливке сделаны декоративные круглые отверстия, образующие своим расположением геометрические фигуры. В центре размещен треугольник из крупных отверстий, соединенных между собой врезной линией, под ним – ромб из четырех небольших отверстий, в верхней части – два небольших треугольника вершинами вверх из мелких отверстий. В верхней части сделано круглое отверстие для заклепки, при помощи которой наконечник закреплялся на вставленном внутрь ремне (рис. 4,5). В момент обнаружения наконечника внутри еще находились остатки кожаного ремня.

Идентичный наконечник ремня найден вне археологического контекста в Болгарии в с. Драгоево Шуменской области. Л. А. Трайкова отнесла его к типу IIа раннесредневековых наконечников и датировала второй половиной VI – началом VII вв. [20, с. 351, кат. № 1909, табл. 151,1909]. Наборы похожих литых наконечников от основного и вспомогательных ремней в виде коробочки с прорезным декором другой формы обнаружены в Садовско-Кале [45, Taf. 11,13–17], в Суук-Су в могиле 54 второй половины VI в. (рис. 6,*3*) [2, рис. 49,9–13] и в Абхазии в могильнике у крепости Цибилиум в воинском погребении конца VI – VII вв. [14, с. 158–159, рис. 22,6,9,10].

Геральдические поясные бляшки отлиты из бронзы с ажурным стилизованным растительным декором (рис. 2,*1–5*; 3,*1,2*). На обороте припаяны две поперечные пластинчатые стойки с круглыми отверстиями для крепления на ремне. По размеру и декору бляшки представлены двумя вариантам. На бляшке 1-го варианта (рис. 2,*5*; 3,*2*; 7,*2*) вырезана композиция с четырьмя круглыми отверстиями по углам воображаемого квадрата, внутри которого размещен латинский крест со стилизованным растительным орнаментом у основания. Высота 2,8 см, ширина 2,7 см. У четырех

бляшек 2-го варианта (рис. 2,*1–4*; 3,*1*) в центре размещена стилизованная крестовидная фигура, образованная виноградной лозой или плющом, а над ней прочерчен окруженный завитками латинский крест под двумя наклоненными друг к другу линиями. Центральная фигура прорезана, а некоторые ее детали – верхние завитки, часть контура листьев – нанесены резной линией. Высота бляшек 2,7–2,9 см, ширина – 2,6–2,8 см. На бляшках обоих вариантов декор выполнен при отливке, поэтому некоторые отверстия не имеют четких контуров или заполнены затеком металла (рис. 7,*1,2*).

Во второй половине VI – VII вв. бытовали литые геральдические бляшки с прорезным декором различного вида [2; 15, рис. 42,7,8,10,21,27,33]. При этом бляшки, орнаментированные наподобие публикуемым, немногочисленны. Единственная аналогия лучистинской бляшке 1-го варианта выявлена в Болгарии, в районе Шумена (рис. 5,*4*), датируется она, как и большинство происходящих из этого региона ажурных геральдических поясных деталей, второй половиной VI – началом VII вв. [20, с. 125–126, 317, табл. 120,1409]. Для бляшек с изображением стилизованной крестовидной фигуры 2-го варианта можно назвать лишь несколько аналогий, выявленных в Херсоне, Болгарии и Сирии. В Херсоне фрагментированная бляшка (рис. 5,*1*) обнаружена в квартале Х-Б под помещением 3 в заполнении рыбозасолочной цистерны, использовавшейся в ранневизантийское время и засыпанной в VII в. [17, с. 70–82, 137, рис. 32,16]. В Болгарии две бляшки найдены в районе Варны (рис. 5,*2,3*). Л. А. Трайкова выделила их в группу В, тип I накладок с ажурным декором и датировала второй половиной VI – началом VII вв. [20, с. 125–126, Табл. 120,1407,1408]. Происходящая из Сирии бляшка входит в состав поясного гарнитура (рис. 5,*21,22*), хранящегося в Амстердаме в коллекции музея Алларда Пирсона. Археологический контекст сирийских предметов не известен, исследователями они датируются второй половиной VI в. [40, fig. 7; 42, Abb. 112].

Двурогие двухчастные поясные бляшки отлиты из бронзы, на их обратной стороне в верхней части и по центру припаяны две поперечные пластинчатые стойки с круглыми отверстиями для крепления на ремне (рис. 2,*8,9*; 3,*4*). Высота 3,7 см, ширина 1,8 см. Верхняя часть бляшек, с вогнутыми боковыми сторонами, украшена шестью расположенными в два ряда круглыми отверстиями, между которыми прорезан равноконечный крест; нижняя, геральдической формы – стилизованным изображением личины, переданным двумя круглыми и одним овальным отверстиями. Обе части разделены двумя поперечными бороздками. На одной из бляшек (рис. 3,*4*) элементы декора почти полностью заполнены затеком металла. Идентичные бляшки найдены в Болгарии в с. Драгоево Шуменского района при случайных обстоятельствах [20, с. 136, 333, Группа В, тип XVIII, табл. 134,1642–1644].

Бронзовые наконечники вспомогательных ремней отлиты с прямыми верхней и боковыми сторонами, с заостренной нижней частью. На их обратной стороне припаяны две поперечные пластинчатые стойки с круглыми отверстиями для крепления на ремне (рис. 2,*6,7*; 3,*5,6*). Высота наконечников 3,0 см, ширина 1,8 см. На-

конечники украшены фигурными отверстиями, образующими стилизованное изображение личины. Вдоль верхнего края прочерчены две параллельные поперечные линии. Аналогичные наконечники ремней найдены на территории Болгарии (рис. 5,*12–15*), где они датируются второй половиной VI – началом VII вв. [20, с. 137–138, Группа В, тип XXI, табл. 137,1721,1722,1725,1728].

Учитывая аналогии и стратиграфию захоронений в склепе 212, описанный поясной набор следует датировать второй половиной VI в. Детали поясного гарнитура отличаются декором, не характерным для крымских находок. Большинство аналогично орнаментированных предметов происходит из Северной Болгарии, с территорий византийских провинций Нижнего Дуная, где во второй половине VI в. находился один из центров распространения геральдического стиля. Здесь же найдены и другие по форме одновременные детали геральдических поясных наборов, на которых в разных сочетаниях повторяются элементы декора, присутствующие на лучистинских изделиях – прорезной крест с круглыми отверстиями между ветвей и стилизованная виноградная лоза (рис. 5,*5,6,11*) [20, табл. 120,1410,1411; 138,1410,1411]. Скорее всего, детали лучистинского поясного набора были привезены из Нижнего Подунавья. В Юго-Западный Крым они могли поступать через Херсон, с которым у жителей региона были налажены торговые связи. Подобные предметы по привозным образцам могли изготавливать и в самом Херсоне, бывшем в эпоху раннего средневековья одним из крупнейших ремесленных центов [3, с. 130, 168]. На территории городища найдено несколько матриц для изготовления деталей поясной гарнитуры, относящихся к VII в. [1].

Следует обратить внимание на сирийский поясной гарнитур, хранящийся в Амстердаме в музее Аларда Пирсона [39, fig. 3,9–10]. Он состоит из геральдической бляшки и пряжки, отлитой целиком с трапециевидной рамкой и геральдическим щитком. В центре бляшки и щитка пряжки прорезан одинаковый узор – виноградная лоза с симметрично расположенными по бокам гроздьями (рис. 5,*21,22*). Виноградная лоза передана реалистично и детально: изгибающийся стебель со свисающими гроздьями, над которыми прорезаны спирально закрученные усики (рис. 7,*4*). На происходящих из Болгарии и Крыма деталях поясных наборов изображение виноградной лозы является лишь грубым и схематичным повторением сирийских образцов (рис. 7,*1*). Общая форма и симметрия декора на них сохранена, но вместо грозди схематично изображен виноградный лист. Скорее всего, сирийские изделия являются более ранними и, возможно, именно они послужили образцами для мастеров, изготовлявших бляшки, найденные в Крыму и Болгарии.

Интерпретация изображений на геральдических бляшках

На геральдических бляшках из Крыма, Болгарии и Сирии представлен довольно редкий для этого рода предметов декор: крестовидная фигура из виноградной лозы и крест на фоне виноградной лозы, схематически переданной волнистой линией.

Сочетание креста и виноградной лозы широко представлено в ранневизантийском прикладном искусстве. Оно встречается на мозаиках (обрамление арок в базилике Сан-Витале, около середины VI в.), дорогих аксессуарах одежды (золотая фибула второй половины V в., найденная на Палатине) [35, pl. XIV,3], а также на серебряных обложках книг с изображением святых (Сирия, вторая половина VI в.) (рис. 7,*3*) [43, p. 618–619, Cat. 554, 555].

Орнаментальный мотив в виде виноградной лозы известен в прикладном искусстве с античного времени. Некоторые исследователи считают его сирийским по происхождению [35, p. 44]. С распространением христианства изображение лозы обрело символическое значение, связываемое с таинством Причащения и откровением божественной истины [22, с. 210–211; 43, p. 618–619, Cat. 554, 555]. Такая трактовка изображения основывается на словах Христа «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь…»; «Я есмь лоза, а вы – ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего», содержащихся в Евангелии от Иоанна (15: 1, 5)[2]. Возможно, виноградная лоза ассоциировалась с самим Спасителем, поэтому ее изображение помещали на крестах. В качестве примера можно привести золотой крест второй половины V в. из Алжира, из клада, найденного в Тенезе (рис. 7,5). Его лицевая сторона «увита» реалистично выгравированной на поверхности металла виноградной лозой с многочисленными листьями. С христианской символикой связано и изображение виноградной лозы с фигурами птиц, клюющих виноград, выполненное в технике «опус интеррасиле» на отдельных деталях золотого поясного гарнитура из этого же клада (рис. 7,*6,7*).

Стилизованное изображение виноградной лозы встречается на одежных аксессуарах и в более позднее время. В центр круглой фибулы VII в., происходящей из Албании из могильника Лежа, вставлен медальон с вытисненной крестовидной виноградной лозой, по форме аналогичной изображениям на публикуемых геральдических бляшках (см. статью Ф. Дайма в настоящем сборнике, рис. 16,5). Фибулы этого типа считаются своего рода амулетами, а их распространение в Европе связывается с паломниками [30].

Христианская символика на раннесредневековой поясной гарнитуре

Самые ранние примеры использования христианской символики на поясных деталях относится ко второй половине IV – началу V вв. На лицевой стороне наконечников поясов, происходящих из относящихся к этому времени погребений римских солдат, встречаются изображения различных крестов: в виде двух перекрещенных линий с круглыми углублениями на концах, с расширяющимися концами, выполненными в технике кербшнита, либо образованных циркульным орнаментом [35, p. 38–40, fig. 9; 10,2; 28, Taf. XXXI,1].

[2] Библейские цитаты даны по синодальному переводу.

С начала VI в. в Восточно-Римской империи распространился обычай украшать различные предметы, роскошные или повседневные, христианскими символами и сюжетами [16, с. 361]. Именно тогда христианская символика массово распространяется на поясной гарнитуре. Эта традиция появляется и в воинском обмундировании варварской элиты, бывшей на службе Византии. В качестве примера можно назвать шлем типа Балденхайм, происходящий из Поэльбья, принадлежавший византийскому офицеру начала VI в., в налобной части которого изображен крест с расширяющимися концами с буквами альфой и омегой [31, p. 309, fig. 11].

В первой половине VI в. на территории Византии и в прилегающих областях в употребление вошли поясные пряжки с подвижным прямоугольным или овальным щитком, на котором размещали христианские символы и надписи. Часто на них изображали крест – прорезной, гравированный или инкрустированный стеклом. Встречаются композиции, представляющие крест в окружении птиц. Популярностью пользовались надписи с мольбой к богу или разным святым о помощи для носящего [2, рис. 37,17; 37, fig. 11,13–17; 13,19; 15,3–7; 16,1,8; 17,1; 41, Kat. 50, 78, 79; 20, табл. 28,251–257; 31,281–282; 42,359–360]. Христианская символика появляется и на вошедших в моду около середины VI в. геральдических деталях поясной гарнитуры. В Малой Азии найдена пряжка, на геральдическом щитке которой помещен крест, образованный врезными кружочками с точкой в центре [41, Kat. 71]. Судя по многочисленным находкам, особой популярностью пользовались цельнолитые пряжки типа «Суцидава», с большим отверстием в форме креста по центру щитка и носившиеся на поясе вместе с ними геральдические бляшки, декорированные в таком же стиле [41, Kat. 109–111, 112–116; 20, табл. 50, 51, 53–58, 64].

Об использовании христианских символов на поясе свидетельствуют и иконографические данные. На мозаике 546–547 гг. в конхе апсиды базилики Сан-Витале представлен св. Виталий в одеждах знатного сановника [19, с. 44, табл. 52]. На изображении видна часть его пояса, украшенная четырьмя равноконечными крестами [32, S. 285, fig. 9,4].

Присутствие христианской символики на предметах одежды не удивительно. В представлении раннесредневековых христиан крест был не только символом веры, он наделялся еще и мощной оберегающей силой [12, с. 220–221]. На деталях публикуемого поясного набора присутствует одиннадцать изображений креста: по кресту на двух двурогих бляшках (рис. 3,*4*), крест на геральдической бляшке 1-го варианта (рис. 3,*2*) и по два креста на четырех геральдических бляшках 2-го варианта (стилизованный крест в виде виноградной лозы и отдельно прочерченный в верхней части) (рис. 3,*1*). Для человека, носившего на поясе весь гарнитур, это количество казалось недостаточным: еще два небольших креста были прочерчены, скорее всего, самим владельцем, на обратной стороне зажимов, при помощи которых пряжка крепилась к ремню (рис. 3,*3б*). В раннесредневековое время размещение крестов на обратной стороне изделия, скрытой от посторонних глаз, не было редким. В Керчи в одной из могил VII в. найдена костяная пластинчатая накладка на пояс или сумочку, на

обратной стороне которой присутствует крест [23, рис. 2,1]. Крест прочерчен неровно, видимо, владельцем, а не мастером, изготовившим накладку. В VI–VII вв. в Византии были распространены изготовлявшиеся в константинопольских ювелирных мастерских золотые медальоны с выпуклой каменной или стеклянной вставкой, с выгравированным на обратной стороне крестом с расширяющимися концами и надписью «ΦΩC ZΩH» – «Свет, Жизнь» [33, S. 183, Kat. 147; 43, p. 5, 8, fig. 3]. Эти изделия сочетали в себе украшения и предмет христианского культа, спрятанный от посторонних глаз на груди носящего [25, с. 92, рис. 3,6].

Реконструкция поясного набора

Представление о том, как выглядели наборные византийские пояса с подвесными ремешками дают изображения на фресках и мозаиках, а также бронзовые мужские статуэтки (рис. 8–9) [26]. Особого внимания заслуживают фрески второй половины VI в. из базилик в Кисуфиме (Израиль, 576–578 гг.) и Умм аль-Расасе (Иордания) с сценами охоты на медведя и на гепарда. На них показаны охотники-воины, вооруженные щитом и мечом (рис. 8,*2,3*) и всадник, верхом на коне, с копьем в руках (рис. 8,*1*). Мужчины одеты в туники, подпоясанные узким ремнем, от которого на равном расстоянии друг от друга свисают четыре узких ремешка длиной примерно 15–25 см (рис. 8,*1а,2а,3а*). Ремешки расположены симметрично – по два от центральной застежки, места их соединения с основным поясом, а также окончания выделены на мозаике кубиками другого цвета.

На мозаиках представлена только передняя сторона пояса. Полностью пояс можно увидеть на бронзовых ранневизантийских канделябрах или подставках под светильники, отлитых в форме мужских фигурок. Целый канделябр, происходящий из Восточного Средиземноморья, хранится в Кельне в коллекции Музея Шнютгена, (рис. 9,*1*) [26, Taf. 19]; фрагментированные фигурки найдены в Малой Азии в Смирне [47, pl. 33,718] и в Поднепровье в с. Стрекалово под Полтавой (рис. 9,*2*) [18, с. 394, кат. 75, табл. 95]. На литых статуэтках мужчины представлены в типичных византийских туниках, украшенных декоративными вставками и подпоясанными широкими ремнями, от которых на одинаковом расстоянии друг от друга свисают более узкие вспомогательные ремешки. Длина их равна примерно четверти обхвата талии – 15–20 см. На бронзовых фигурках видно, что вспомогательные ремни равномерно распределены по всему поясу – и в передней части, и на спине. Количество ремней разное: на канделябре из Кельна – их пять, три спереди (рис. 9,*1б*), два – на спине (рис. 9,*1в*); на фигурке из Поднепровья – шесть, по три спереди и сзади (один из ремешков раздвоен, возможно, так изображены наложившиеся друг на друга конец пояса и вспомогательный ремень). Места соединения основного и вспомогательных ремней и их окончания выделены и украшены циркульным орнаментом, изображающим, скорее всего, металлические бляшки и наконечники (рис. 9,*1а-б,2а-б*).

Иконографические данные подтверждаются материалами археологических раскопок. В могильнике у с. Лучистое в мужском погребении из склепа 74 *in situ*

зачищены детали поясного набора, что позволило нам сделать его реконструкцию (рис. 6,*2*) [7, табл. 168,3]. Бляшки – геральдические и двухсоставные двурогие, чередуясь, располагались равномерно по всему поясу. На их обратной стороне сохранились остатки двух слоев кожи – от основного и вспомогательного ремней. Бляшки были функциональными и декоративными деталями. Они скрепляли два ремня и, одновременно, прикрывали место соединения. Количество поясных бляшек соответствовало числу наконечников вспомогательных ремней. Судя по набору деталей, аналогичным образом выглядели одновременные пояса из мужских погребений из Суук-Су и Алонии (рис. 6,*1,3*). Детали каждого поясного набора выполнялись и декорировались в едином стиле.

На основании иконографических и археологических материалов нами сделана реконструкция пояса с публикуемыми ременными деталями (рис. 10). Основной ремень, имевший ширину 2,4 см (по ширине прорези в рамке пряжки), застегивался трапециевидной застежкой, укрепленной на нем при помощи двух зажимов (рис. 4,*5*). Конец основного ремня вставлялся в большой наконечник в форме коробочки. По ширине наконечник равен отверстию на рамке пряжки. Судя по количеству бляшек, к основному ремню было прикреплено семь вспомогательных ремней. Четыре из них размещались на лицевой стороне, на одинаковом расстоянии друг от друга, симметрично от пряжки (рис. 10,А); три – на обратной стороне (рис. 10,Б). В погребении найдено только два наконечника вспомогательных ремней. Скорее всего, они были закреплены только на ремнях лицевой стороны. Не исключено, что в качестве наконечников использовались двурогие бляшки. В таком случае пояс имел бы только четыре вспомогательных ремня и выглядел иначе (рис. 4,*1,2*). У бляшек и наконечников вспомогательных ремней на обратной стороне припаяны длинные пластинчатые стойки для крепления на ремне. Стойки прорезали кожу ремня (или двух ремней – вспомогательного и основного) и закреплялись кожаным шнурком, пропущенным через сделанное в них круглое отверстие (рис. 4,*3,4*). Металлические детали фиксировались при помощи деревянного или бронзового стерженька, вставленного в круглое отверстие стойки – наподобие того, как это делалось у византийских цельнолитых пряжек типа «Сиракузы» (рис. 4,*3,4г*) [24, с. 263, рис. 5].

В поясном наборе только пряжка сделана из серебра. Однако в древности весь гарнитур производил впечатление серебряного. Детали, отлитые из бронзы, были покрыты слоем белого металла, скорее всего, олова, имитировавшего серебро. Таким образом, изготовленные из дешевых материалов предметы производили впечатление дорогих и массивных серебряных изделий.

Следует обратить внимание на особенность расположения геральдических бляшек на ремне. Судя по прослеженному в погребениях положению *in situ*, геральдические бляшки размещались обычно заостренной частью вверх (рис. 6,*1,2*). Этому соответствует и размещение на бляшке стилизованного изображения личины – прорезных отверстий, обозначающих «глаза» и «брови». В данном случае только одна бляшка, судя по изображению латинского креста, крепилась на ремне заостренной

частью вверх (рис. 4,*1*; 10,Б). На остальных бляшках композиция из крестовидной виноградной лозы и выгравированного креста с завитками сделана таким образом, что все изделие должно быть развернуто заостренной частью вниз (рис. 2,*1–4*; 3,*1*; 4,*2*; 10), иначе крест оказывался перевернутым (рис. 4,*2*). Возможно, в древности вообще не придавалось значение тому, как выглядит декор на бляшках – прямо или перевернуто. Поскольку расположение бляшек в перемещенном погребении не сохранилось *in situ* (рис. 1,*2*), на представленных нами реконструкциях даны варианты с разным размещением бляшек (рис. 4,*1,2*; 10).

Помимо деталей поясной гарнитуры в погребении из слепа 212 содержалась еще и дополнительная небольшая бронзовая пряжка, предназначавшаяся для ремня шириной не более 2,3 см. Ею могли застегивать пояс штанов, либо использовать в качестве застежки для небольшой поясной сумочки, в которую помещался набор из железного пластинчатого кресала и кремня [8, рис. 119,II; 123,1].

* * *

Геральдический поясной набор второй половины VI в. из склепа 212 могильника у с. Лучистое предназначался для кожаного пояса со свисающими узкими ремнями. Христианская символика, использованная в декоре отдельных деталей, а также аналогии, выявленные в Херсоне, Сирии и Подунавье, позволяют отнести набор к византийской продукции. В Юго-Западном Крыму наборные пояса носили воины, представители местного гото-аланского населения, союзники Византии. Именно в мужских погребениях с геральдическими поясными деталями выявлены мечи и палаши [8, с. 153, рис. 121,2–5; 122,2–5].

Находки, подобные описанному поясному набору из Юго-Западного Крыма, являются наглядным примером тесных экономических и культурных связей региона с Восточно-Римской империей в эпоху раннего средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. 1982. № 3. С. 190–198.
2. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.
3. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
4. Айбабин А.И. Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 27–30, 40–52.
5. Айбабин А.И. ранневизантийские фибулы с подвязной ножкой из Юго-западного Крыма // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 60–70.
6. Айбабин А.И., Хайединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь, 2008. 336 с. (БИ. Suppl. 4).
7. Айбабин А.И., Хайединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с. (БИ. Suppl. 14).

8. Айбабин А.И., Хайединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
9. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96–123.
10. Амброз А.К. Рец. на кн.: Á. Salamon, I. Erdélyi. Das Völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971 // СА. 1973. № 4. С. 289–294.
11. Амброз А.К. Юго-западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 31–88.
12. Барабанов Н.Д. Византийские филактерии. Специфика арсенала // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 214–227.
13. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
14. Воронов Ю.Н., Шинкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 121–165.
15. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с. (Раннеславянский мир. Вып. 3).
16. Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 552 с.
17. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-А и X-Б) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
18. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 352–435.
19. Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. 194 с.
20. Трайкова Л.А. Коланът южно от Долен Дунав края на III – началото на VII в. София: Национален археологически институт с музей, 2017. 556 с.
21. Турова Н.П., Черныш С.А. Раннесредневековый могильник Алония (материалы исследований 1998, 2001, 2002 гг.) // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 133–146.
22. Уваров А.С. Христианская символика. Часть I. Символика древнехристианского периода. М., СПб., 2001. 255 с.
23. Хайединова Э.А. Костюм городского населения Боспора в VII–VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 286–317.
24. Хайединова Э.А. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // БИ. 2016. Вып. XXXIII. С. 242–265.
25. Хайединова Э.А. Византийские перстни с надписью «ΦΩC ZΩH» из погребений крымских готов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 88–104.
26. Bálint C. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des vielteiligen Gürtels // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma, 2000. S. 99–162.
27. Bavant B. Un moule d'orfèvre protobyzantin au British Museum // Travaux et mémoires. Paris, 2005. T. 15. Mélanges Jean-Pierre Sodini.
28. Bullinger H. Spätantike Gürtelbeschläge: Typen, Herstellung, Trageweise und Datierung. Brugge: De Tempel, 1969. 78 S.
29. Chajredinowa E. Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999. S. 84–93.

30. Daim F. Pilgeramulette und Frauenschmuck? Zu den Scheibenfibeln der frühen Keszthely-Kultur // Zalai Múzeum. 2002. Bd. 11. P. 113–132.
31. Droberjar E. A propos des contacts entre l’empire d’Orient et les Germains de l’Elbe au VIe siècle // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration / Eds. V. Ivanišević, M. Kazanski. Paris, Beograd, 2012. P. 297–316.
32. Eger Ch. Between Amuletic Ornament and Sing of Authority: Christian Symbols on Mediterranean Dress Accessories of the Fourth to Sixth Centuries // Graphic signs of faith, identity, and power / Eds. I. Garipzanov, C. Goodson, Y. MacGuire. Turnhaut: Brepols, 2017. P. 281–324.
33. Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert / Hrsg. M. Fansa, B. Bollmann. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2008. 220 p.
34. Ferrazzoli A.F. Byzantine Small Finds from Elaiussa Sebaste // Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Veroffentlichungen des Deutschen Archaologischen Instituts Istanbul. Istanbul, 2012. P. 289–307. (Byzas 15).
35. Heurgon J. Le trésor de Ténès. Paris, 1958. 75 p.
36. Ivanišević V. Metal Workshops of Caričin Grad (Justiniana Prima) // Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte. Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag / Hrsg. J. Drauschke, E. Kislinger, K. Kühtreiber, T. Kühtreiber, G. Scharrer-Liška, T. Vida. Mainz, 2018. S. 711–724. (Monographien des RGZM. Bd. 150).
37. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // Archéologie médiévale. 1994. T. XXIV. P. 137–198.
38. Khaïrédinova E. Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI–VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople: Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001). Kiev, Simferopol, Paris, 2007. P. 11–44.
39. Neeft K. Van Burdur tot Abcoude. Byzantijnse gespen en riembeslag in Amsterdam // Vereniging van Vrienden Allard Pierson Museum Amsterdam. 1988. Nr. 43. P. 4–6.
40. Possenti E. Due reperti bizantini altomedievali da Oderzo (TV) // Forum Iulii. 2010. Vol. 33. P. 189–212.
41. Schulze-Dörrlamm M. Byzantiniche Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römicsch-Germanischen Zentralmuzeum. Tail I: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit festem Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römicsch-Germanischen Zentralmuzeums, 2009. 258 S.
42. Schulze-Dörrlamm M. Byzantiniche Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römicsch-Germanischen Zentralmuzeum. Tail II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römicsch-Germanischen Zentralmuzeums, 2009. 404 S.
43. Spier J. A Byzantine Pendant in the J. Paul Getty Museum // The J. Paul Getty Museum Journal. 1987. Vol. 15. P. 5–14.
44. Treasures of the Holy Land: Ancient Art from the Israel Museum. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1986. 280 p.
45. Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). München, 1992. 600 S. (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 43).
46. Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / Ed. K. Weitzmann. New-York, 1979. 736 p.

47. Wulff O. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke. Vol. I. Berlin, 1909.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. O proizvodstve poyasnykh naborov v rannesrednevekovom Khersone. *Sovetskaya arkheologiya*, Moscow, 1982, No 3, pp. 190–198.
2. Ajbabin A.I. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, vol. I, pp. 3–86, 175–241.
3. Ajbabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
4. Ajbabin A.I. Krym v VI–VII vekakh (pod vlast'yu Vizantijskoj imperii). T.I. Makarova, S.A. Pletneva (Eds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka*, Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 27–30, 40–52.
5. Ajbabin A.I. rannevizantijskie fibuly s podvyaznoj nozhkoj iz Yugo-zapadnogo Kryma. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2009, vol. 39, pp. 60–70.
6. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* Simferopol, Kerch, 2008, 336 p.
7. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg.* Simferopol, Kerch, 2014, 400 p.
8. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)*. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
9. Ambroz A.K. Problemy rannesrednevekovoj khronologii Vostochnoj Evropy. *Sovetskaya arkheologiya*, 1971, No 2, pp. 96–123.
10. Ambroz A.K. Review: Á. Salamon, I. Erdélyi. Das Völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971. *Sovetskaya arkheologiya*, 1973, No 4, pp. 289–294.
11. Ambroz A.K. Yugo-zapadnyj Krym. Mogil'niki IV–VII vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1994, vol. IV, pp. 31–88.
12. Barabanov N.D. Vizantijskie filakterii. Spetsifika arsenala. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2002, vol. 33, pp. 214–227.
13. Vejmarn E.V., Ajbabin A.I. *Skalistinskij mogil'nik*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
14. Voronov Yu.N., Shinkao N.K. Vooruzhenie voinov Abkhazii IV–VII vv. A.K. Ambroz, I.F. Erdeli (Eds.), *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov*, Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 121–165.
15. Gavritukhin I.O., Oblomskij A.M. *Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst*. Moscow, 1996, 296 p.
16. Giju A. *Vizantijskaya tsivilizatsiya*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005, 552 p.
17. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Severnyj rajon Khersonesa v rannevizantijskoe vremya (kvartaly X, X-A i X-B). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2013, vol. XVIII, pp. 49–161.
18. Korzukhina G.F. Klady i sluchajnye nakhodki veshchej kruga “drevnostej antov” v Srednem Podneprov'e. Katalog pamyatnikov. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1996, vol. V, pp. 352–435.

19. Lazarev V.N. *Istoriya vizantijskoj zhivopisi*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 194 p.
20. Trajkova L.A. *Kolan"t yuzhno ot Dolen Dunav kraya na III – nachaloto na VII v.* Sofia, 2017, 556 p.
21. Turova N.P., Chernysh S.A. Rannesrednevekovyj mogil'nik Aloniya (materialy issledovanij 1998, 2001, 2002 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2015, vol. XX, pp. 133–146.
22. Uvarov A.S. *Khristianskaya simvolika. Chast' I. Simvolika drevnekhristianskogo perioda.* Moscow, St-Petersburg, 2001, 255 p.
23. Khajredinova E.A. Kostyum gorodskogo naseleniya Bospora v VII–VIII vv. (po nakhodkam iz nekropolya v Bosforskom pereulke). *Bosporskie issledovaniya*, Kerch, 2013, vol. XXVIII, pp. 286–317.
24. Khajredinova E.A. Pryazhki tipa «Sirakuzy» iz Kerchi. *Bosporskie issledovaniya*, Kerch, 2016, vol. XXXIII, pp. 242–265.
25. Khajredinova E.A. Vizantijskie perstni s nadpis'yu «ΦΩS ZΩH» iz pogrebenij krymskikh gotov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, T. 23, No 5, pp. 88–104.
26. Bálint C. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des vielteiligen Gürtels. C. Bálint (Hrsg.), *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert*, Budapest, Napoli, Roma, 2000, pp. 99–162.
27. Bavant B. Un moule d'orfèvre protobyzantin au British Museum. *Travaux et mémoires*, Paris, 2005, T. 15. Mélanges Jean-Pierre Sodini.
28. Bullinger H. *Spätantike Gürtelbeschläge: Typen, Herstellung, Trageweise und Datierung.* Brugge, De Tempel Publ., 1969, 78 p.
29. Chajredinowa E. Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert. *Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden*, Heidelberg, 1999, pp. 84–93.
30. Daim F. Pilgeramulette und Frauenschmuck? Zu den Scheibenfibeln der frühen Keszthely-Kultur. *Zalai Múzeum*, 2002, Bd. 11, pp. 113–132.
31. Droberjar E. A propos des contacts entre l’empire d’Orient et les Germains de l’Elbe au VIe siècle. V. Ivanišević, M. Kazanski (Eds.), *The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration*, Paris, Beograd, 2012, pp. 297–316.
32. Eger Ch. Between Amuletic Ornament and Sing of Authority: Christian Symbols on Mediterranean Dress Accessories of the Fourth to Sixth Centuries. I. Garipzanov, C. Goodson, Y. MacGuire (Eds.), *Graphic signs of faith, identity, and power*, Turnhaut, Brepols Publ., 2017, pp. 281–324.
33. Fansa M., Bollmann B. (Hrsg.), *Die Kunst der frühen Christen in Syrien. Zeichen, Bilder und Symbole vom 4. bis 7. Jahrhundert.* Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 2008, 220 p.
34. Ferrazzoli A.F. Byzantine Small Finds from Elaiussa Sebaste // *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Veroffentlichungen des Deutschen Archaologischen Instituts Istanbul, Istanbul*, 2012, pp. 289–307.
35. Heurgon J. *Le trésor de Ténès*. Paris, 1958, 75 p.
36. Ivanišević V. Metal Workshops of Caričin Grad (Justiniana Prima). J. Drauschke, E. Kislinger, K. Kühtreiber, T. Kühtreiber, G. Scharrer-Liška, T. Vida (Hrsg.), *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte. Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag*, Mainz, 2018, pp. 711–724.

37. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles. *Archéologie médiévale*, 1994, T. XXIV, pp. 137–198.
38. Khaïrédinova E. Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI–VII siècles). *Kiev – Cherson – Constantinople: Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001)*, Kiev, Simferopol, Paris, 2007, pp. 11–44.
39. Neeft K. Van Burdur tot Abcoude. Byzantijnse gespen en riembeslag in Amsterdam. *Vereniging van Vrienden Allard Pierson Museum Amsterdam*, 1988, Nr. 43, pp. 4–6.
40. Possenti E. Due reperti bizantini altomedievali da Oderzo (TV). *Forum Iulii*, 2010, vol. 33, pp. 189–212.
41. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantiniche Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römicsch-Germanischen Zentralmuzeum. Tail I: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg und mit festem Beschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts*. Mainz, Verlag des Römicsch-Germanischen Zentralmuzeums, 2009, 258 S.
42. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantiniche Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römicsch-Germanischen Zentralmuzeum. Tail II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts.* Mainz, Verlag des Römicsch-Germanischen Zentralmuzeums, 2009, 404 p.
43. Spier J. A Byzantine Pendant in the J. Paul Getty Museum. *The J. Paul Getty Museum Journal*, 1987, vol. 15. pp. 5–14.
44. *Treasures of the Holy Land: Ancient Art from the Israel Museum*. New York, The Metropolitan Museum of Art Publ., 1986, 280 p.
45. Uense S. *Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien).* München, 1992, 600 p.
46. Weitzmann K. (Ed.), *Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century*. New-York, 1979, 736 p.
47. Wulff O. *Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke*. Vol. I. Berlin, 1909.

E. A. KHAIREDINOVA

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

HERALDIC BELT SET FEATURING CHRISTIAN SYMBOLS FROM THE SECOND HALF OF THE SIXTH CENTURY FROM THE CEMETERY NEAR LUCHISTOE VILLAGE

Abstract: In the second half of the sixth century, parts of composite warrior belts, also known as heraldic in the scholarship, spread through the south-western Crimea. This paper publishes a belt set from the second half of the sixth century discovered in Burial Vault 212 at the cemetery near modern Luchistoe village, explains its chronology, discovers the circle of its analogies, and, against the background of iconography and location of parts in the grave, suggests variants of reconstruction. The badges in the set are decorated with image of cross and stylized grapevine. On the reverse of the buckle, there are carved-through crosses. Christian symbols and analogies from Cherson, Syria, and the Danube area suggest that the belt set was made in Byzantium.

Keywords: Byzantium, south-western Crimea, Crimean Goths, heraldic belt sets, Christian symbols.

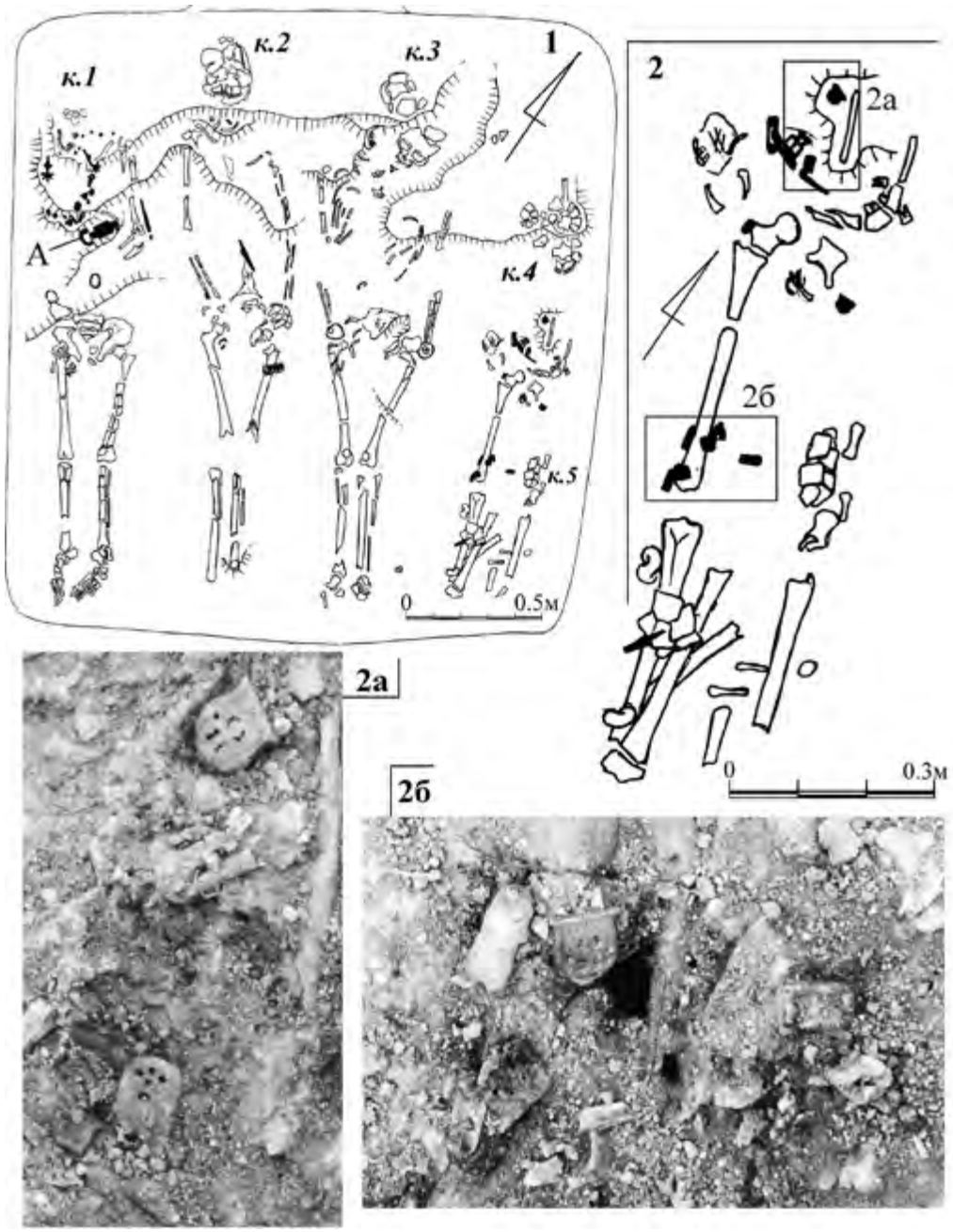


Рис. 1. Могильник у с. Лучистое, склеп 212.
1 – план камеры склепа с погребениями (А – орлиноголовая пряжка 2-го варианта из погребения 1); 2 – план перемещенных погребений 4 и 5; 2а-б – расположение деталей поясного набора в момент их обнаружения. Фото и рисунок автора.

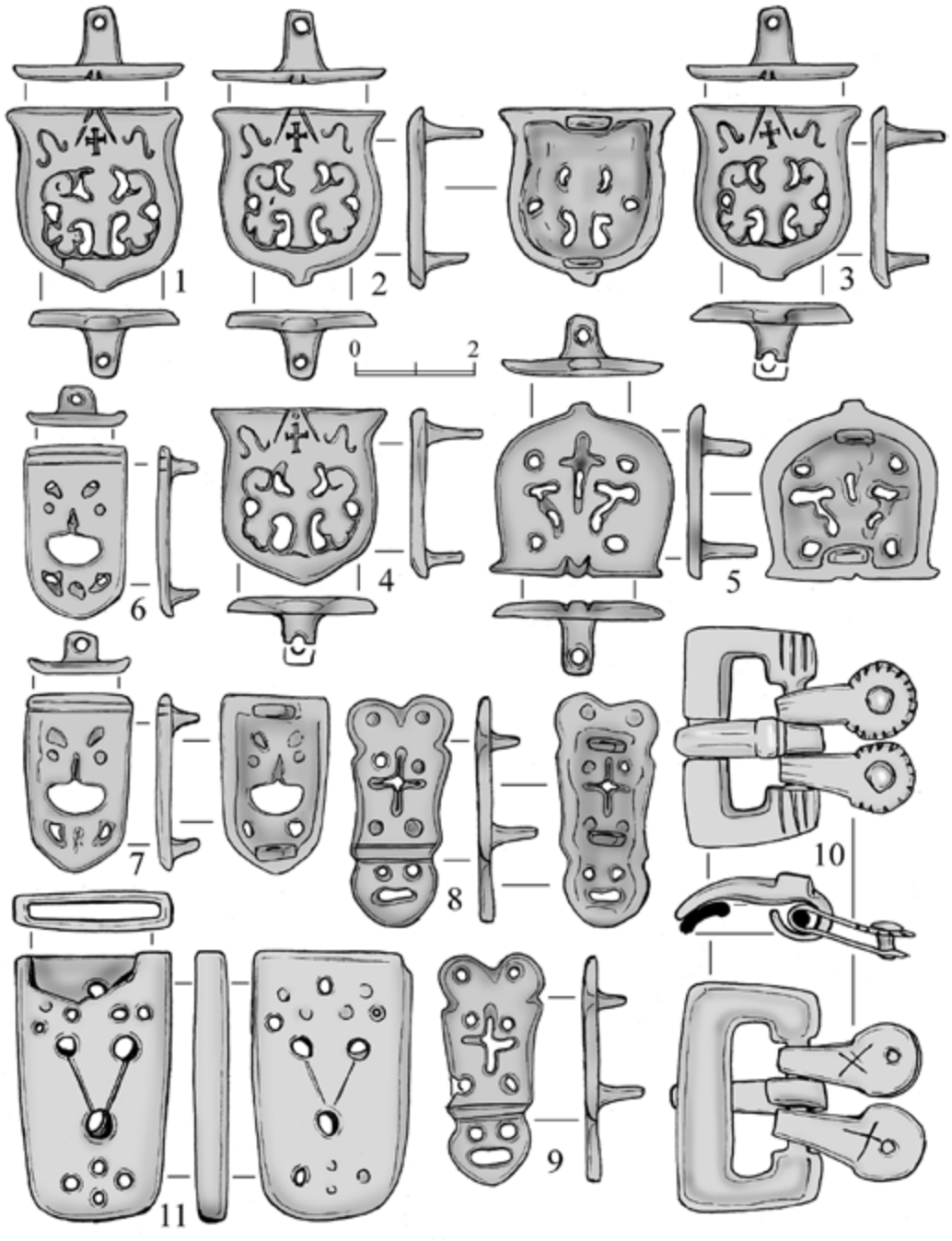


Рис. 2. Детали поясного набора второй половины VI в. Могильник у с. Лучистое, склеп 212, погребение 4. Рисунок автора.

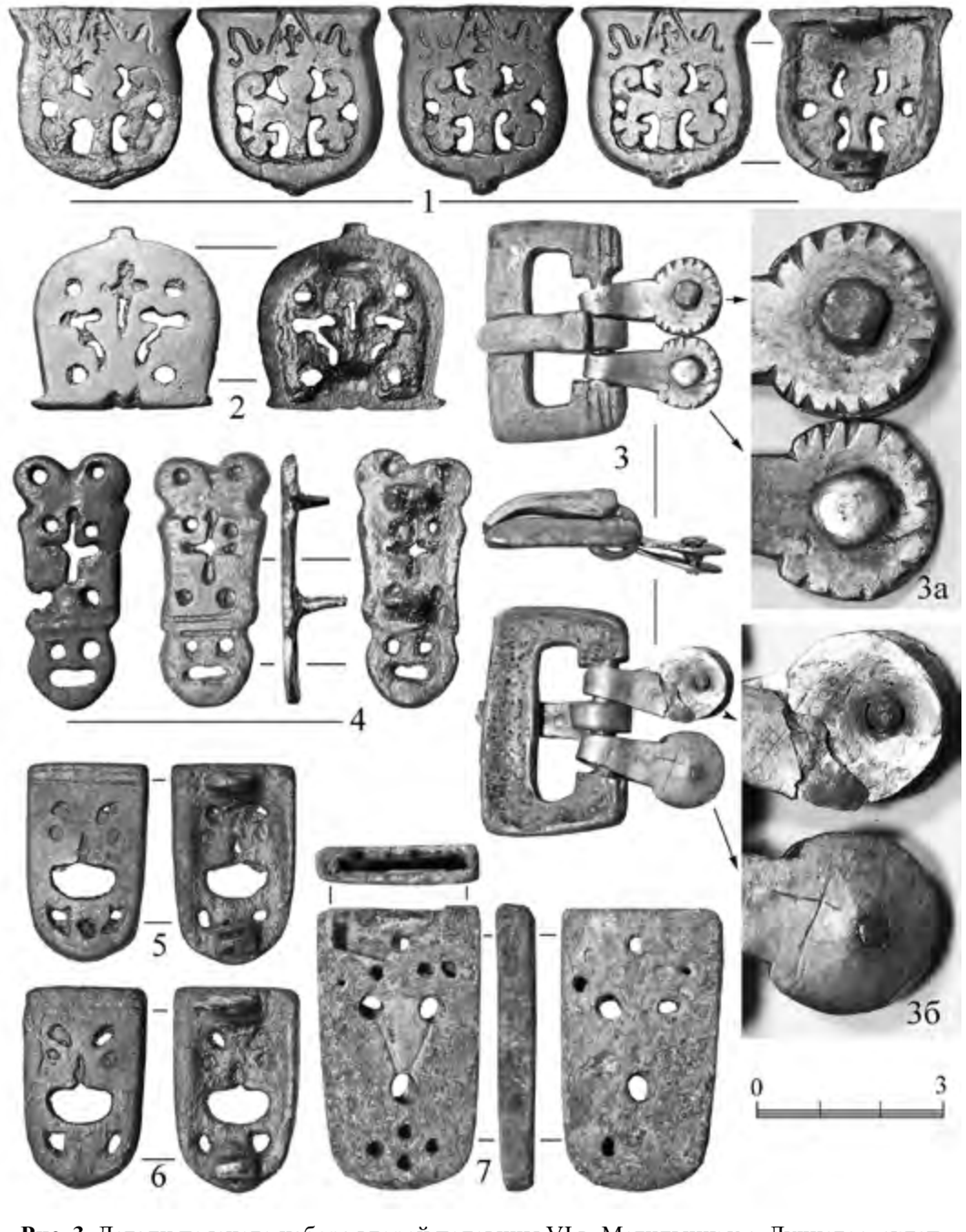


Рис. 3. Детали поясного набора второй половины VI в. Могильник у с. Лучистое, склеп 212, погребение 4. Фото автора.

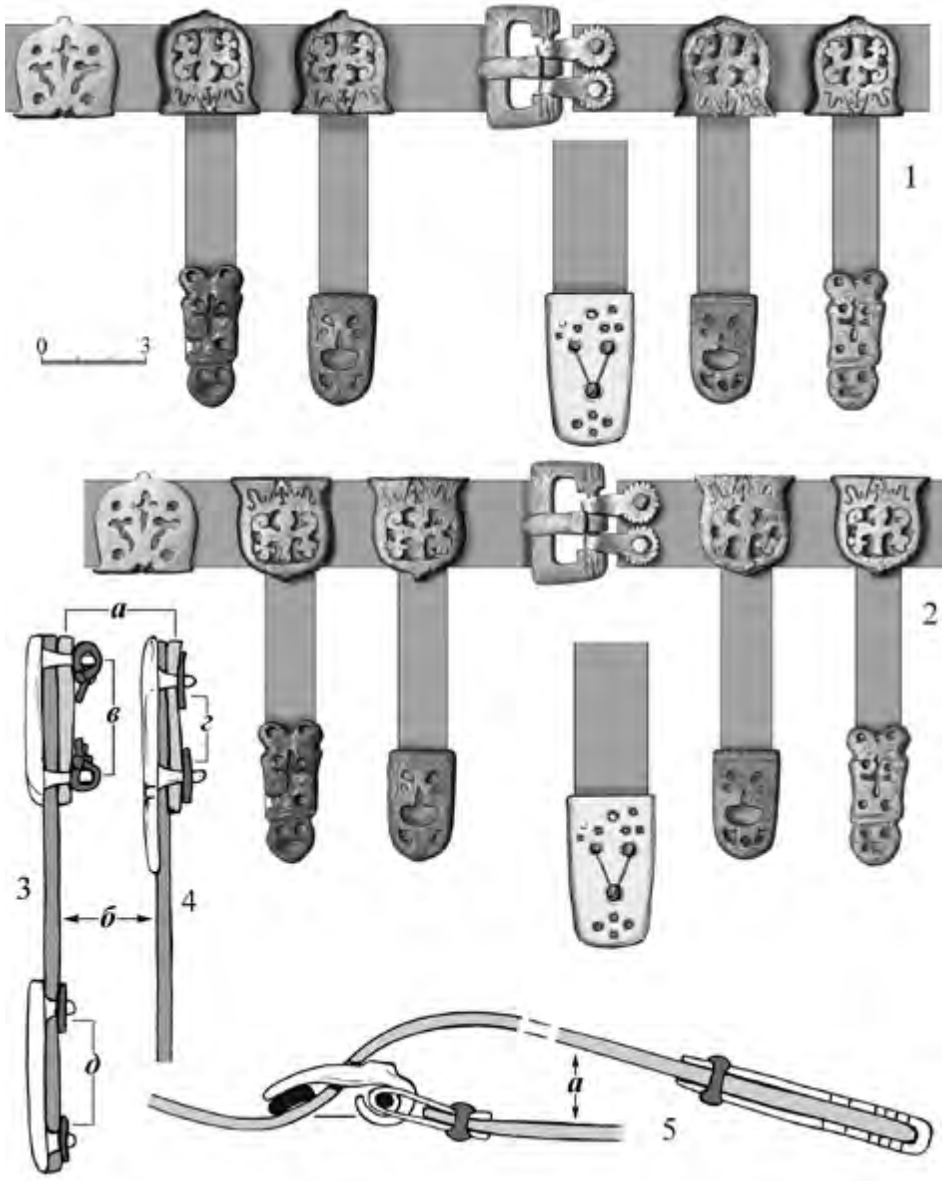


Рис. 4. Геральдический поясной набор второй половины VI в. Могильник у с. Лучистое, склеп 212, погребение 4. Фото, реконструкция и рисунок автора.
1, 2 – варианты реконструкции расположения деталей на ремне; 3, 4 – схема крепления на ремне бляшек и наконечника; 5 – схема крепления на основном ремне пряжки и наконечника; а – основной ремень; б – вспомогательный ремень; в – фиксация бляшки с помощью кожаного шнурка; г, д – фиксация бляшки или наконечника при помощи деревянного стержня.

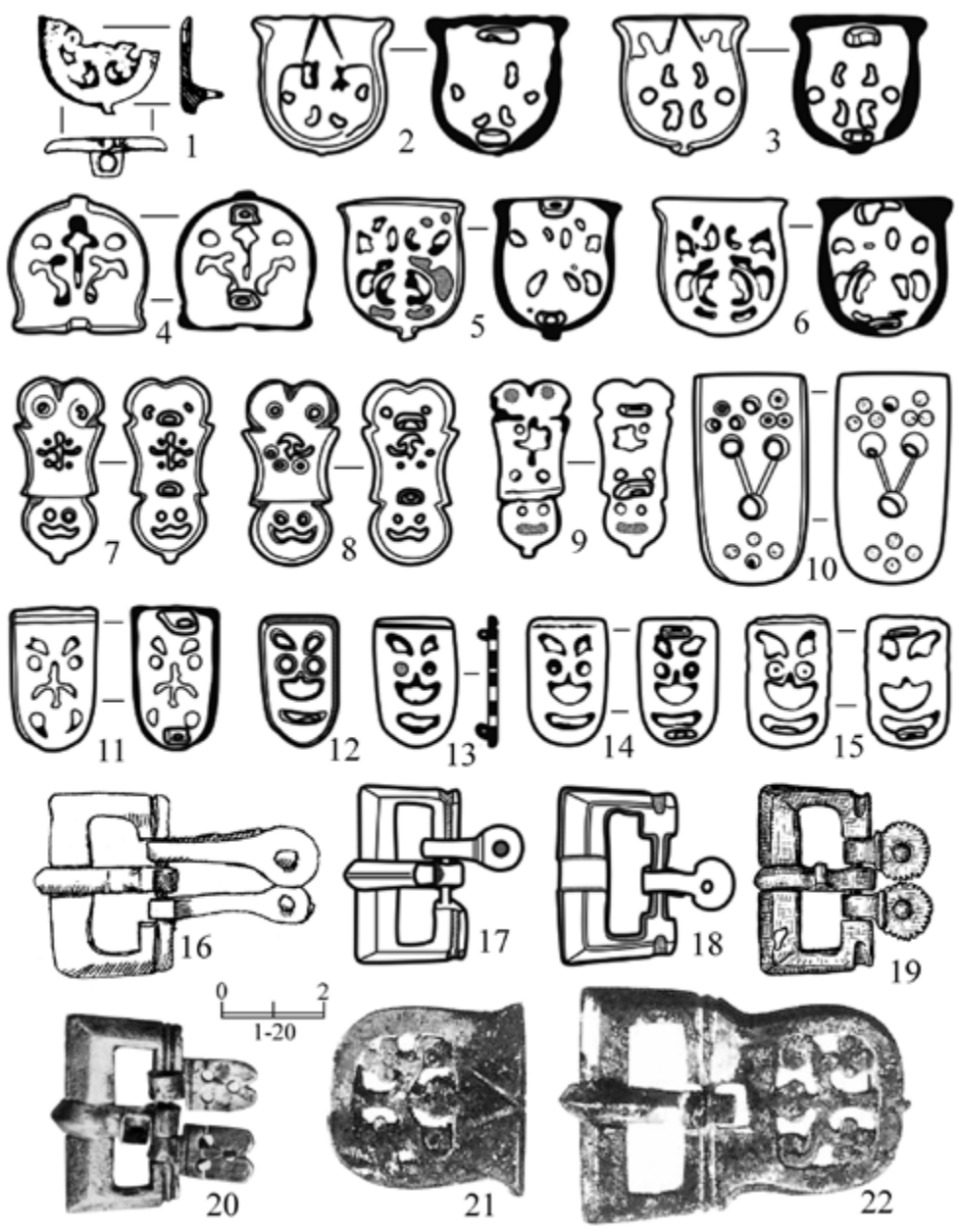


Рис. 5. Детали поясных наборов, аналогичные найденным в Лучистом.
1, 16, 19, 20 – Крым (1 – Херсонес; 16 – Алония, склеп 2; 19 – Лучистое, склеп 77; 20 – Скалистое, склеп 449); 2–15, 17, 18 – Болгария; 21, 22 – Сирия.
[1 – по: 17, рис. 32,16; 2–15, 17, 18 – по: 20, кат. 341, 342, 1407–1411, 1642-1644, 1721, 1722, 1725, 1728, 1737, 1909; 21, 22 – по: 39, fig. 3,9–10].

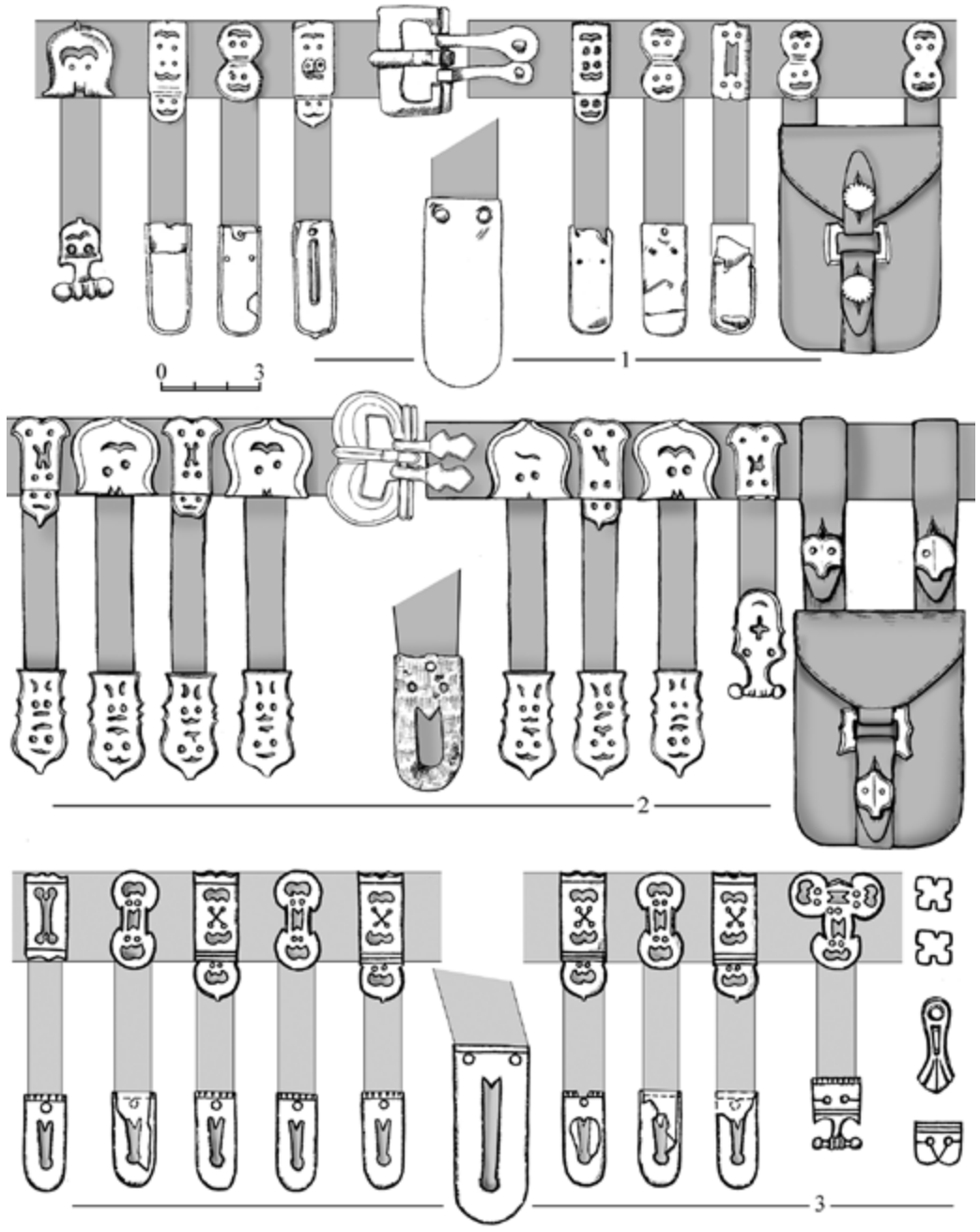


Рис. 6. Поясные наборы второй половины VI в. из Юго-Западного Крыма.
1 – Алония, склеп 2, погребение 2; 2 – Лучистое, склеп 74, погребение 1; 3 – Суук-Су, могила 54. Реконструкция и рисунок автора.

Рис. 7. Изображения виноградной лозы и креста на ранневизантийских изделиях.
1, 2 – увеличенное изображение декора на бронзовых геральдических бляшках, могильник у с. Лучистое, склеп 212, вторая половина VI в. (фото автора); 3 – серебряная обложка книги с изображением св. Петра, Сирия, вторая половина VI в. [43, p. 618, Cat. 554]; 4 – серебряная цельнолитая пряжка с геральдическим щитком, Сирия, вторая половина VI в. (прорисовка автора); 5–7 – крест и детали поясной гарнитуры, Тенез, Алжир, вторая половина V в. [35, pl. XX,1; XXI; XXXIX,1].

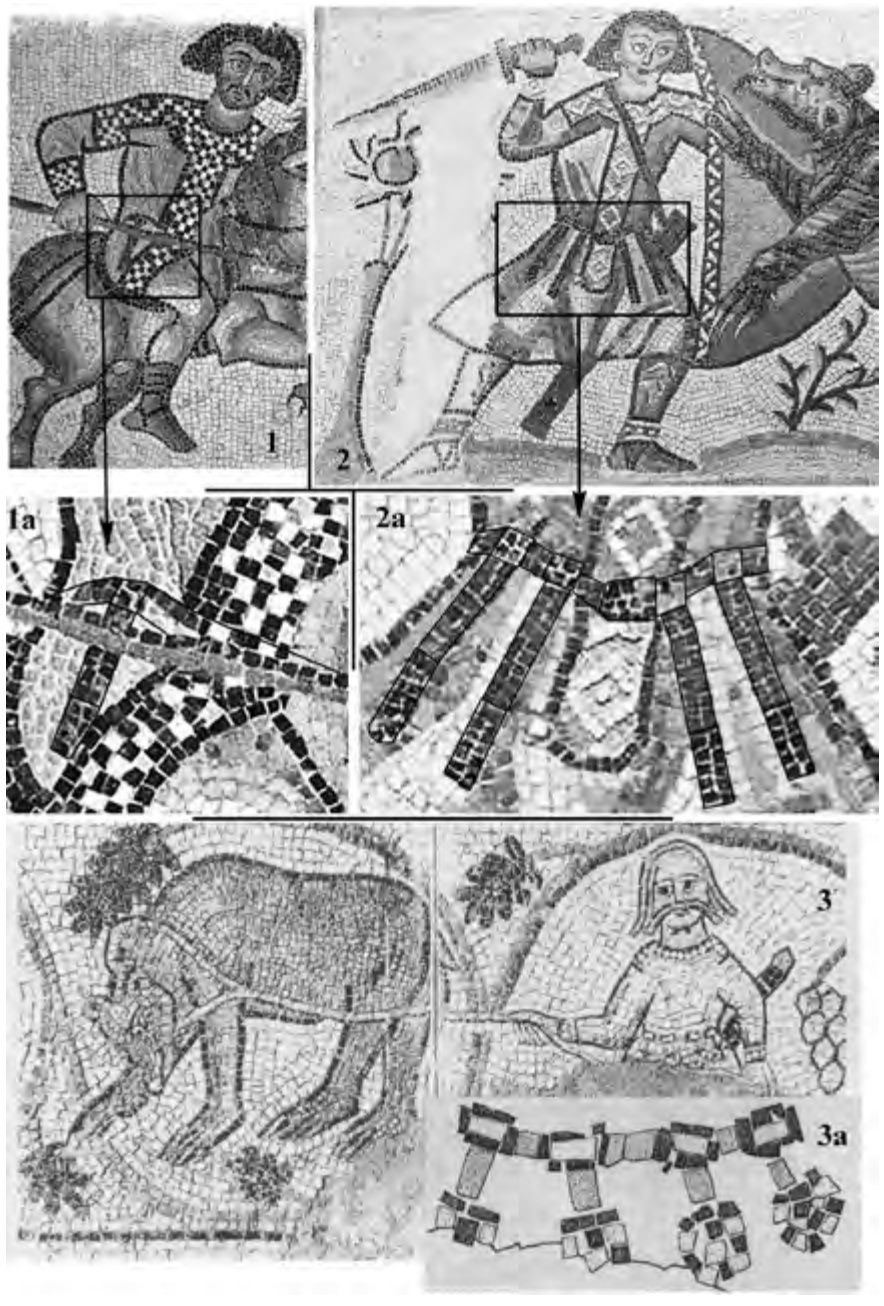


Рис. 8. Византийские мозаики с изображением воинов-охотников с наборными поясами второй половины VI в.
1, 2 – Кисуфим (Израиль, 576–578 гг.) [44, p. 244–245, fig. 109, Cat. 129]; 3 – Умм аль-Расас, Иордания [26, Taf. 18]; 1а, 2а, 3а – детальное изображение поясов.

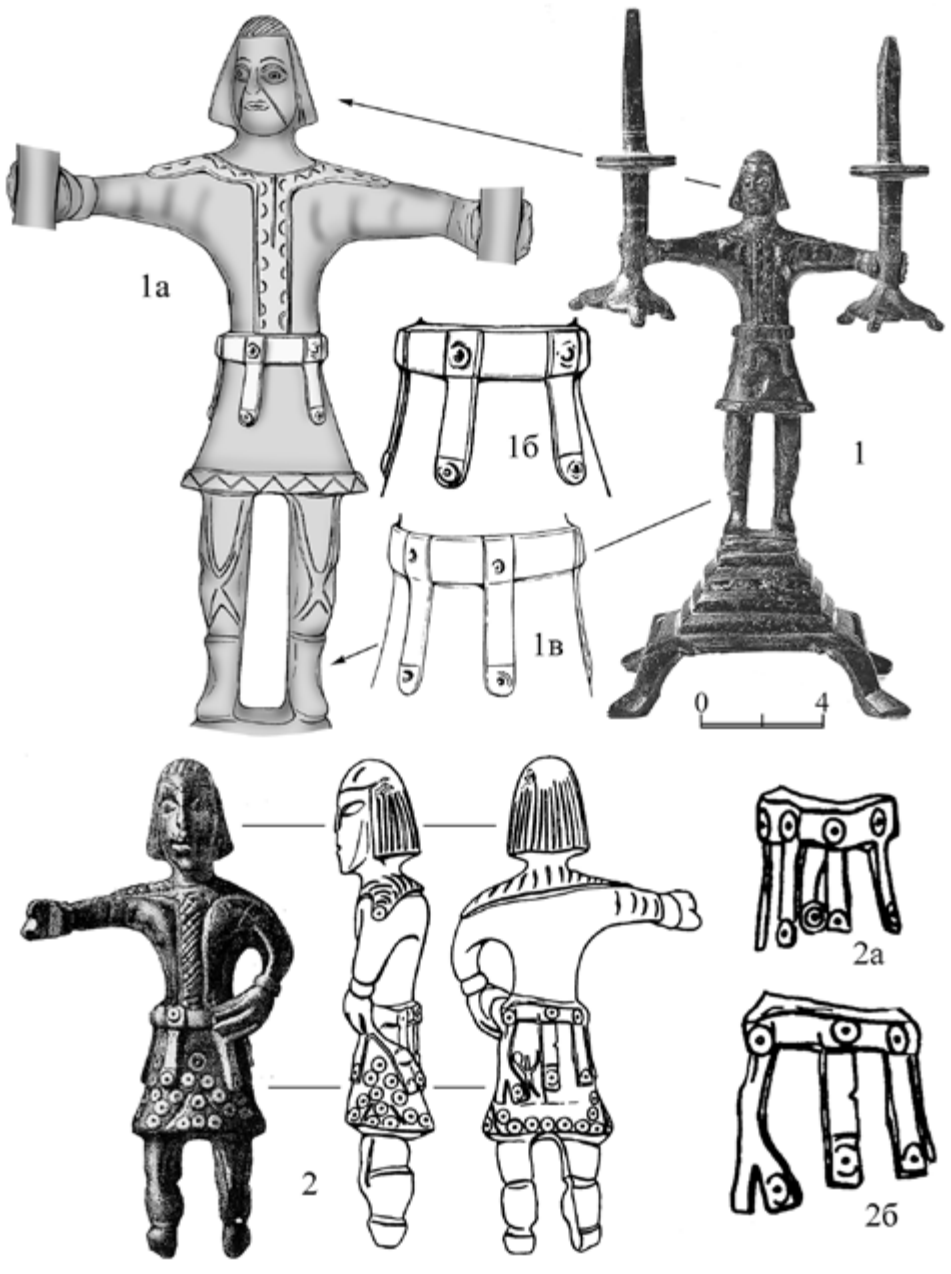


Рис. 9. Византийские канделябры VI в., отлитые в форме мужских фигурок в тунике, опоясанной наборным поясом.
1 – Восточное Средиземноморье, Музей Шнютгена, Кельн, фото и прорисовка мужской фигурки (1а) и пояса спереди (1б) и сзади (1в) [1 – по: 26, Taf. 19; 1а-в – прорисовка автора]; 2 – находка конца XIX в., с. Стрекалово (Полтавская область), прорисовка пояса сбоку (2а) и сзади (2б) [18, с. 394, кат. 75, табл. 95].

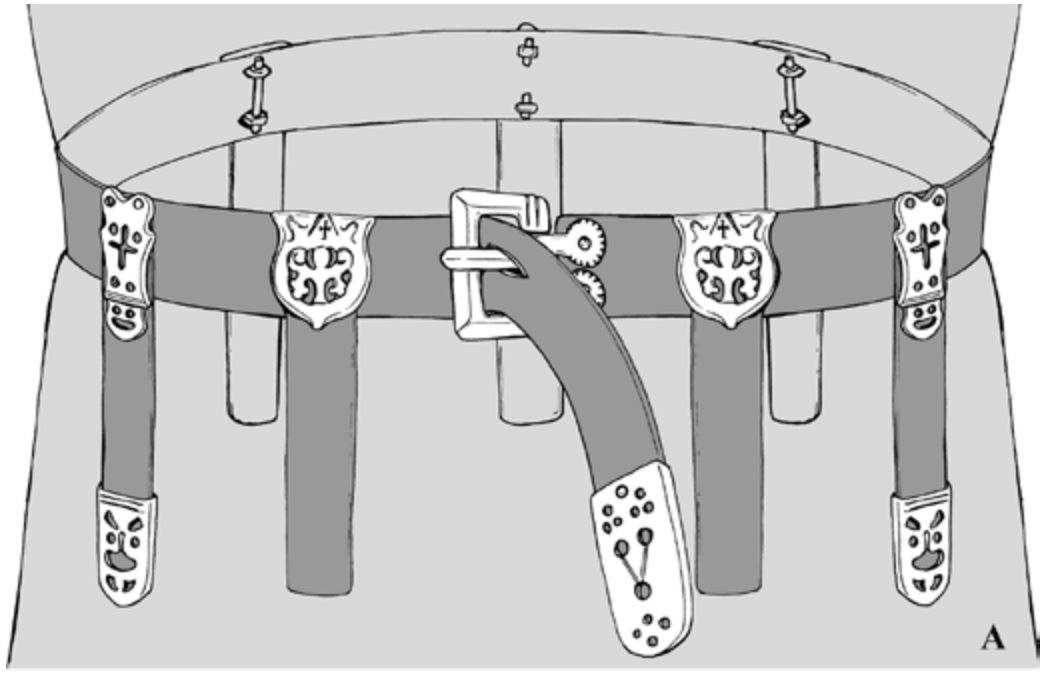


Рис. 10. Вариант реконструкции наборного пояса второй половины VI в. с геральдическими бляшками по находкам из могильника у с. Лучистое, склеп 212, погребение 4 (А – вид спереди, Б – вид сзади). Реконструкция и рисунок автора.

В. Ю. РАДОЧИН
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКОВ У С. ЛУЧИСТОЕ И ЭСКИ-КЕРМЕН)[1]

Аннотация: Многолетние систематические раскопки на могильниках у с. Лучистое и на склоне плато Эски-Кермен дали многочисленный костный материал из коллективных и индивидуальных погребений. Предварительные результаты сравнительного анализа позволили обнаружить значительную схожесть серий по половозрастным характеристикам и отметить некоторые отличия в показателях возраста смерти с учетом дифференциации по типам погребальных сооружений. Палеопатологические изменения на костях обеих серий дают возможность говорить, что население, оставившее могильники у с. Лучистое и на склоне плато Эски-Кермен, испытывало схожие стрессовые нагрузки по целому ряду показателей. Адаптивные реакции организма, связанные с перенапряжением костно-мышечного аппарата, травматическими поражениями и специфическими состояниями организма, чаще фиксировались на серии из Эски-Кермена. Характер отмеченных патологических изменений в обеих сериях позволил предположить, что основная масса населения вела мирный образ жизни, и по структуре нагрузок и стрессовым маркерам может быть отнесена к так называемому комплексному хозяйственному типу оседлого населения. Фиксируемые отличия в типах искусственной деформации черепа указывают, что внутри каждой из исследованных серий практиковался определенный вид искусственной деформации. Данное наблюдение предполагает наличие некоторых устойчивых традиций, бытовавших у отдельных групп населения в рамках одной археологической культуры.

Ключевые слова: Крым, Лучистое, Эски-Кермен, антропология, палеопатология, деформированные черепа, маркеры стресса, дискретно-варьирующие признаки.

[1] Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

Современные исторические и археологические исследования невозможны без привлечения данных палеоантропологии. Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма являются важным источником для реконструкции исторических процессов, происходивших в регионе в разные хронологические периоды.

Раннесредневековые могильники у с. Лучистое и на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен относятся к единой археологической культуре, выявленной в Юго-Западном Крыму, на территории между Внутренней и Главной грядами (от устья Чёрной речки и Балаклавы до склонов Демирджи и Чатыр-Дага) и на Южном берегу (в окрестностях Алустона, и на южных склонах Главной гряды близ Гурзуфа, Ялты, Ореанды и Симеиза) [4, с. 149, 309; 10]. Анализ погребальной обрядности, костюма, керамики, а также данные письменных источников позволяют говорить о том, что названная археологическая культура оставлена гото-аланским населением [1, с. 215; 38, с. 171].

Многолетние систематические раскопки под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой на могильниках у с. Лучистое и на склоне плато Эски-Кермен дали интересный материал по средневековой истории Крыма. Результаты исследований палеоантропологических данных позволили обратить внимание на некоторые вопросы, связанные с определенными устойчивыми традициями и особенностями жизни населения в несколько отличных бытовых и географических условиях[2].

Люди, оставившие могильники у с. Лучистое и на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, жили в синхронном хронологическом промежутке, принадлежали одной общности с близкими материальными и обрядовыми традициями. Краниологические серии из обоих памятников обнаруживают схожие характеристики.

Могильник у с. Лучистое, находящийся в горном Крыму у подножия горы Демерджи, возник на рубеже IV – V вв. в результате переселения аланских племен со склонов Третьей гряды вглубь Крымских гор [2, с. 82; 3, с. 6].

Городище на плато столовой горы Эски-Кермен, площадью 8,5 га, находится в Бахчисарайском районе в 5 км юго-западнее села Залесное. Часть юго-восточного склона горы занимает могильник, возникший одновременно с крепостью в конце VI в. [4, с. 160, 167, 171].

Систематические раскопки на могильнике у с. Лучистое начались в 1982 г. [3, с. 12-13]. На сегодняшний день получено 747 костяков разной степени сохранности из 177 погребальных сооружений (76 склепов и 101 могилы). Почти две трети погребений были совершены в склепах (544 индивидуума из склепов и 203 из могил) [19, с. 32-46; 23 с. 110-134; 24, с. 161-171; 25 с. 184-235]. В виду геологических особенностей памятника, повлиявших на сохранность материала, для полноценного исследования оказалась пригодна лишь треть костяков. Основная часть исследованных

[2] Автор выражает благодарность А. И. Айбабину и Э. А. Хайрединовой за предоставленный для исследования материал.

погребений относится к VI – IX вв. На ранний этап функционирования могильника (конец IV – начало V вв.) приходится около 5% захоронений.

За время планомерных и систематических раскопок на могильнике Эски-Кермен с 2006 по 2017 гг. исследовано 44 погребальных сооружений (17 склепов и 27 могил), в которых выявлены костные останки 150 погребенных [26, с. 271-298; 28, с. 88-117; 29, с. 205-218; 38, с. 140-213; 43, с. 335-359; 42, с. 361-377; 44, с. 333-339]. В настоящей работе использованы результаты исследований костного материала, происходящего из захоронений второй половины VI – IX вв. Результаты более ранних исследований антропологического материала опубликованы в работах Г. И. Петрова, Г. Ф. Дебеца, Г. П. Зиневич. В них авторы исследовали материал из разновременных захоронений и сосредоточили свое внимание на морфологическом облике жителей Эски-Кермена [22, с. 12-16; 12, с. 333-386; 16, с. 93-140].

Осознавая все риски, связанные с тем, что могильники исследованы не полностью, возьмем на себя смелость сделать предварительный сравнительный анализ серий по некоторым наиболее значимым показателям, отражающим условия обитания.

Некоторые демографические данные

Соотношение числа погребенных мужчин и женщин, в обеих сериях, практически одинаковое. В серии из Лучистого незначительно преобладают женщины (30,7% против 27,7%), в Эски-Кермене – мужчины (31,1% против 28,8%). Детские погребения в Лучистом составили 37,0%, в Эски-Кермене – 35,5% от общего числа.

Средний возраст смерти с учетом детской когорты для населения Лучистого составил 22,4 года и, соответственно, 31,3 года – без учета детской смертности. Средний возраст смерти населения, оставившего могильник на склоне Эски-Кермена, составил 21,4 года с учетом детской части населения и 31,6 года без ее учета.

Для обоих могильников отмечается незначительное преобладание детских погребений по отношению к женским, в соотношении 1:1,2.

Средний возраст смерти погребенных индивидуумов на обоих некрополях с учетом типов погребальных сооружений представлены в таблице 1.

	Склепы		Могилы	
	Лучистое	Эски-Кермен	Лучистое	Эски-Кермен
Мужчины	35,1	33,6	30,3	31,3
Женщины	31,2	25,3	28,8	29,4
Подростки	13,9	16	13,5	14
Дети	5,6	4,3	4,3	5,1
Неопределённые	30,2	34,2	30,2	34,3

Таблица 1. Средний возраст смерти погребенных на могильниках у с. Лучистое и Эски-Кермена с учетом дифференциации по погребальным сооружениям.

Исходя из полученных половозрастных данных, были построены графики процентного соотношения мужчин и женщин по возрастным интервалам для погребенных на могильнике у с. Лучистое – таблица 2 и некрополе Эски-Кермена – таблица 3.

Для Лучистого наибольший процент умершего мужского населения приходится на возрастной интервал 30-44, что совпадает с периодом наибольшей физической активности и, как следствие, повышенных стрессовых нагрузок на организм. Ситуация с женской серией выглядит несколько отличной, что объясняется постоянно присутствующим стрессовым фактором при достижении детородного периода и связанных с ним чрезмерных нагрузок и осложнений. Существует мнение, что женский организм, в принципе, более подвержен различным негативным воздействиям [5, с. 20]. Нельзя также исключать особенности палеодиеты и инфекционную составляющую [13, с. 171]. Для данных полученных в интервале 45-50+, как для мужчин, так и для женщин, можно говорить о естественном убывании популяции.

В серии из Эски-Кермена пики мужской смертности приходятся на возраст 25-35 лет, что может свидетельствовать о повышенных стрессовых факторах, влияющих на организм в данном возрастном интервале. Правомерно предположить, что тяжелые физические нагрузки, испытываемые мужской частью населения, являлись причинами патологических факторов, повышающих вероятность смерти в данном возрастном интервале. Для женской серии показательна высокая смертность в репродуктивный период жизни с пиковыми показателями в возрасте 25-29 лет. Крайне низкое число доживших до возрастных показателей 40-50+ в целом отражает тяжелые условия жизни в популяции.

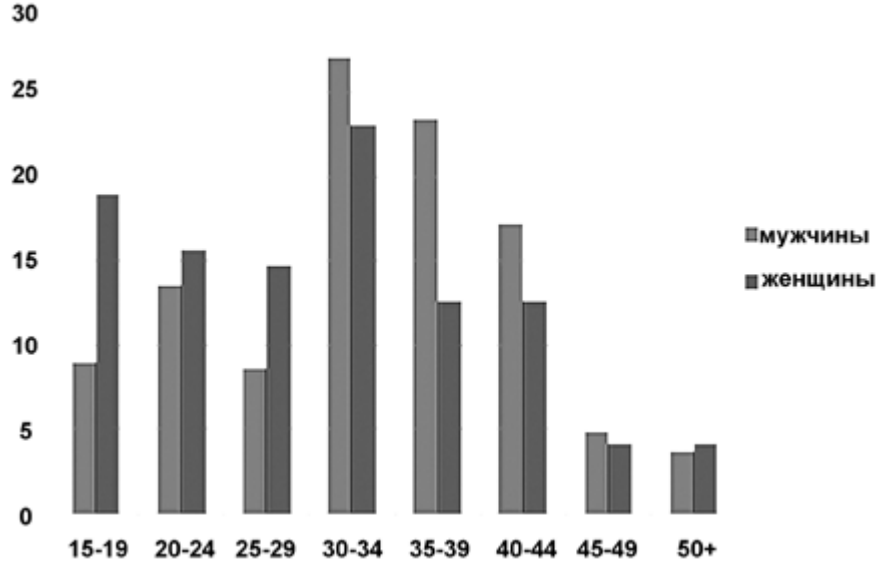


Таблица 2. Процентное соотношение умерших мужской и женской серий по возрастному интервалу (могильник у с. Лучистое).

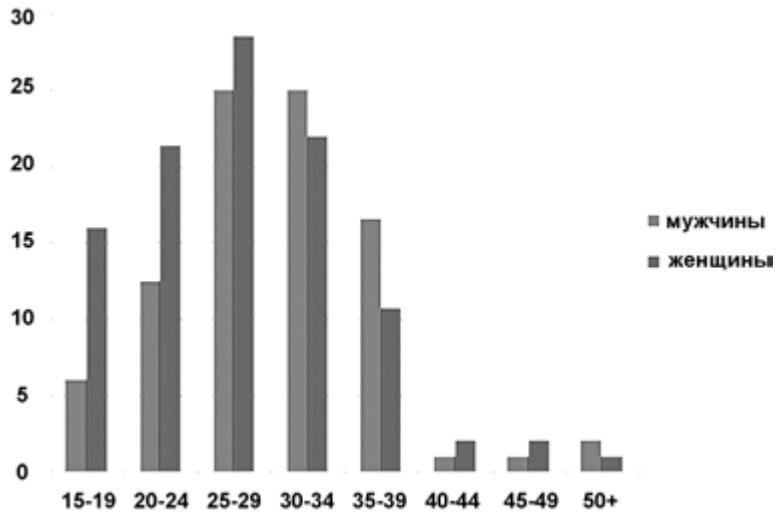


Таблица 3. Процентное соотношение умерших мужской и женской серий по возрастному интервалу (могильник Эски-Кермена).

Для детской выборки обеих серий наблюдается схожая ситуация по всем возрастным периодам. На смерть до первого года приходится 11% погребенных детей в Лучистом и 14% – из Эски-Кермена. Остальные возрастные отрезки демонстрируют относительно ровные показатели на уровне 15-20%. Исключение составляет возрастной период 4-7 лет (для обоих памятников), на который приходится наибольший процент умерших детей (40% для Лучистого и 47% для Эски-Кермена). Это может объясняться рядом обстоятельств, которые приходятся на этот возрастной интервал, такими, как период интенсивного вытяжения и связанная с этим перестройка организма, возрастающая двигательная активность и, как следствие, повышенный травматизм. Нельзя также исключить повышенную вероятность инфицирования.

Дискретно-варьирующие признаки

По мнению многих исследователей, фиксация дискретно-варьирующих признаков на костях черепа и посткраниального скелета отражает вариабельность форм и, в свою очередь, позволяет косвенно установить родственные связи внутри популяции [21, с. 52-54; 34, с. 76-80; 7, с. 71-72].

На материале из Лучистого генетически наследуемые маркеры отмечены на 6,6% костяков, для Эски-Кермена эта цифра составляет 50,6%. В большинстве случаев это были добавочные косточки на черепе. На втором месте по частоте отмечаются наличие метопического шва (sutura metopica) на черепе и межмыщелкового отверстия (septal opertura) на плечевых костях. Для обоих могильников достаточно часто отмечалась гиподонтия третьих моляров. При сравнении материала из склепов и могил Лучистого отмечено, что на костях из склепов генетические маркеры

фиксировались в два раза чаще на женских костяках, а из могил – в два раза чаще на мужских. В целом количество маркеров отмечено поровну на мужских и женских костяках. У погребенных в склепах Эски-Кермена генетические маркеры встречались на треть, а в могилах – в два раза чаще на женских костяках, чем на мужских. Не редки случаи сочетанных вариантов дискретно-варьирующих признаков.

Большее разнообразие эпигенетических вариантов для обеих серий наблюдалось на женских костяках. Некоторые генетические стигмы были отмечены только у мужчин или только у женщин. Так, например, на материале из Эски-Кермена только на женских костяках выявлены надмыщелковые отростки на плечевых костях *(processus supracondylaris)*, spina bifida, os acromiale, а на материале из Лучистого только на мужских костяках отмечены микродонтия и аномалии грудины. Признаки монголоидности отмечены в незначительном количестве только на материале из Лучистого, как на мужских, так и на женских костяках.

Патологические изменения

Патологические изменения, отмеченные на костях, отражают стрессовые нагрузки, испытываемые организмом, и являются важным источником информации в системе реконструкции условий жизни древнего населения.

Некоторые наиболее часто фиксируемые заболевания в обеих сериях, для удобства сравнения, были объединены в группы по их локализации или этиологии.

Зубочелюстные патологии

Зубочелюстные патологические изменения на материале из Лучистого отмечены у 45,7% населения, для Эски-Кермена этот показатель составил 76%.

Наиболее частой для обеих серий была прижизненная *утрата зубов.* Нарушение целостности зубного ряда считается одним из важных маркеров здоровья популяции, поскольку может являться следствием ряда стрессовых нагрузок на организм, таких как осложнения после кариеса, усиленная нагрузка на зубочелюстной аппарат, пародонтоз, травмы и т.д. [9, с. 5]. На материале из Лучистого утрата зубов отмечена у 15,6% населения. В Эски-Кермене практически у четверти взрослого населения (24,5%) по тем или иным причинам были утрачены один и более зубов.

Отложение зубного камня отмечено у 10,6% населения из Лучистого и 25% – из Эски-Кермена. Образование зубного камня имеет сложную этиологию и зависит от ряда причин, среди которых, прежде всего, диета, pH слюны, гигиена полости рта. Способствует образованию зубного камня и пища с низкими абразивными свойствами (примером может служить вязкая, термически обработанная пища, прежде всего, растительного происхождения [13, с. 292-293; 37, с. 47]). Считается, что образованию зубного камня может способствовать увеличение в рационе мясной пищи. Как правило, нами фиксировался наддесневый зубной камень, преимущественно, на язычной поверхности зубов, реже на вестибулярной. Для обоих некрополей процент

погребенных с зубным камнем в разных погребальных сооружениях одинаковый. Для серии из Лучистого у мужчин зубной камень отмечен в два раза чаще, чем у женщин. В данной связи, можно предположить некоторое различие в пищевом рационе между мужчинами и женщинами. Для обеих серий характерно отсутствие зубного камня на зубах из детских погребений.

Одним из важных индикаторов состояния здоровья палеопопуляции является *кариес* – сложный, медленно развивающийся инфекционный процесс разрушения твердых тканей зуба. Кариес, как биологический индикатор, подразумевает широкий спектр негативных причин, которые провоцируют эту патологию: микрофлора зубного налета, недостаточно калорийное, однообразное питание, повышенное содержание углеводов в диете. Кариес имеет статистически достоверную зависимость от социального и экономического уровня группы [9, с. 43-48, 97; 35, с. 144]. Среди основных факторов, влияющих на предрасположенность к данному заболеванию, выделяют также географический, профессиональный, возрастной и половой. Исследователи рассматривают кариес как маркер общей иммунной ослабленности организма [13, с. 81].

Кариесное поражение в серии из Лучистого отмечено у 19,3%, из Эски-Кермена – у 18% погребенных. На обоих некрополях кариес на мужских сериях отмечен в два раза чаще, чем на женских. Для обеих серий характерно отсутствие кариеса на зубах из детских погребений.

Эмалевая гипоплазия, проявляющаяся в разного рода дефектах зубной эмали, относится к так называемым маркерам эпизодического стресса. Неравномерное развитие толщины эмалевого покрова происходит из-за дефицита «строительного материала» в процессе его формирования и роста. Воздействующие стрессовые состояния заставляют организм в первую очередь затрачивать потенциал на преодоление этих состояний, что приводит к ростовым задержкам. К возможным причинам возникновения таких стрессовых состояний исследователи относят периоды сезонного голодания, инфекции, лихорадочные состояния, наличие различных традиций при грудном вскармливании, переход на другой тип питания, гиповитаминоз, другие заболевания [9, с. 51; 37, с. 49]. Таким образом, эмалевая гипоплазия является своеобразным маркером, указывающим на физиологический стресс, перенесенный в детском возрасте. Во взрослом возрасте недоразвитие эмали делает зубную систему более уязвимой к разного рода стрессовым состояниям (разрушения, сколы, кариес). Эмалевая гипоплазия на материале из Лучистого отмечена поровну на мужских и женских костяках без дифференциации по погребальным сооружениям и составила 4% от всех исследованных. Для погребенных на могильнике Эски-Кермен данный стрессовый маркер отмечен у 7,3% погребенных. У погребенных в могилах женщин эмалевая гипоплазия отмечалась в два раза чаще, чем у мужчин, в то время как у погребенных в склепах соотношение мужчин и женщин с эмалевой гипоплазией одинаковое. Дефекты ростовых задержек на зубах в обеих сериях, как правило, указывали на неоднократность стрессовых состояний.

Заболевания позвоночника

Погребенные на могильнике у с. Лучистое индивидуумы в 19,6% имели те или иные патологические изменения позвоночника, для Эски-Кермена этот показатель составил 29,8%. На обоих некрополях наиболее часто фиксировались такие заболевания как остеохондроз, спондилоартроз, спондилоз, узлы Шморля. Более половины всех отмеченных поражений позвоночника на материале из Лучистого приходится на остеохондроз и спондилоз. Для Эски-Кермена этот показатель превышает 60%. Подавляющее большинство указанных поражений приходится на нижний грудной и поясничные отделы позвоночника.

Остеохондроз позвоночника – это дистрофические изменения, характеризующиеся разрушением межпозвонковых дисков и изменениями прилежащих тел позвонков. К причинам заболевания принято относить метаболические процессы, повышенные нагрузки, травматические поражения, наследственные факторы. Считается также, что провоцировать появление остеохондроза может переохлаждение. На позвонках данное заболевание фиксируется в виде краевых костных разрастаний [15, с. 50].

При *спондилозе* отмечается окостенение передней продольной связки, ограничивающей подвижность позвоночного столба [33, с. 54-55; 15, с. 60-65]. Наиболее вероятной причиной заболевания являются острые травмы [15, с. 65], также причиной этого заболевания могут служить повышенные статические нагрузки.

Важно, что упомянутые заболевания позвоночника фиксировались на обоих могильниках у индивидуумов среднего возрастного периода. Для похороненных в возрастном интервале после 45 лет число погребенных с дегенеративными изменениями позвоночника достигает практически 90% для обоих некрополей.

Еще одной частой патологией позвоночника являлись узлы *Шморля*. Механизм их возникновения определяется изменениями, происходящими в межпозвоночных дисках с образованием хрящевых узлов, имеющих определенную плотность, которые, в свою очередь, вдавливаются в сегменты смежных позвонков. Считается, что узлы Шморля возникают в результате старения организма, вследствие первичных заболеваний, обусловленных наследственностью, либо являются реакцией на травматическое поражение. В молодом возрасте их возникновение провоцируется быстрым ростом ребенка, когда мягкие ткани успевают вытянуться, а костные ткани отстают, таким образом в губчатом теле позвонка образуются пустоты, в которые со временем продавливаются замыкательные пластины позвонков. Остается устойчивой теория, что обнаруживая подобное заболевание в молодом возрасте, следует рассматривать его как реакцию организма на чрезмерные физические нагрузки [13, с. 179-180; 33, с. 76]. Косвенно можно предполагать, что наличие узлов Шморля в молодом возрасте впоследствии могло провоцировать остеохондроз и спондилоартроз. Узлы Шморля на материале из Эски-Кермена фиксировались у трети населения, более половины всех случаев отмечены на костяках молодого и среднего возраста, это

в два раза чаще, чем у населения, оставившего могильник у с. Лучистого. На обоих памятниках данная патология отмечена поровну у мужчин и женщин.

На материале из Лучистого патологии позвоночника отмечались в 2 раза чаще на мужских костяках, преимущественно у погребенных в склепах. Для жителей городища на плато Эски-Кермен патологические изменения несколько чаще отмечены у женской части населения, преимущественно у погребенных в могилах.

Заболевания суставов

Патологии в крупных суставах верхних и нижних конечностей в Лучистенской серии отмечены у 5,5%, в Эски-Кермене – у 14,6% погребенных. Наиболее частыми были проявления остеоартроза.

Остеоартроз – заболевание, поражающее сустав и имеющее различную этиологию. К наиболее распространенным можно отнести перенапряжение сустава, травматизацию, инфекционные поражения, последствия артрита [18, с. 15-20]. Для обеих серий, в целом, остеоартроз на костях верхнего отдела скелета чаще всего фиксировался в грудинно-ключичном, плечевом и локтевом суставах. Для костей нижних конечностей проявления артроза наиболее часто отмечены в коленных и тазобедренных суставах. Это, в свою очередь, указывает на повышенную нагрузку в перечисленных суставах, связанную с двигательной активностью, либо специфическими состояниями в повседневной жизни.

Проявления, характерные для *рассекающего остеохондрита* (болезнь Кенига) [11, с. 28-30; 33, с. 120-121], фиксировались преимущественно на латеральных и медиальных мыщелках бедренных костей и надколенниках. Рассекающий остеохондрит – заболевание, которое сопровождается отделением части хрящевой ткани вследствие асептического некроза. Частота фиксации данной патологии является важным маркером, поскольку наиболее часто провоцирующим моментом является травматизация и перенапряжение в отдельных суставах. Данная патология отмечена только на костях из Эски-Кермена.

На серии из Лучистого подавляющее большинство патологий в суставах приходится на мужскую часть населения. Количество погребенных мужчин с патологическими изменениями в суставах в склепах и могилах одинаковое. На материале из Эски-Кермена заболевания крупных суставов рук и ног на мужских костяках отмечены в два раза чаще, чем на женских. При этом у погребенных в склепах мужчин патологии суставов отмечены в два раза чаще, чем у погребенных в могилах. Число женских костяков с поражениями крупных суставов рук и ног из разных погребальных сооружений одинаковое.

Воспалительные процессы

Патологические изменения, связанные с воспалительными процессами, отмечались как на краниологических сериях, так и на костях посткраниальных скеле-

тов из обоих могильников. На материале из Лучистого признаки воспалительных процессов отмечены у 5,6% населения, для Эски-Кермена данная цифра составила 19,3%. Наиболее частыми для обеих серий были проявления, связанные с периоститом.

Периостит – это воспаление надкостницы, как реакция костной ткани на различные патогенные причины, среди которых травматизация, неспецифические инфекции. Считается, что данная патология может служить маркером профессиональной деятельности и условий среды обитания [13, с. 175; 32, с. 80]. Данное заболевание на нашем материале преимущественно фиксировалось на костях голени. В Лучистом периостит отмечен в равной степени на мужских и женских костяках поровну из обоих типов погребальных сооружений. В Эски-Кермене патология чаще отмечалась на женских костяках из могил.

Одонтогенный остеомиелит отмечен на костях из обоих некрополей, но на материале из Эски-Кермена фиксировался в два раза чаще. Для обеих серий патология отмечена в равной степени на мужских и женских костяках. Во всех случаях проявления абсцесса было сочетанным с другими заболеваниями зубочелюстного аппарата.

Изменения, характерные для *хронического отита*, отмечены внутри слухового канала и на прилегающей наружной поверхности и фиксировались только на материале из Лучистого, как у мужчин, так и у женщин. К причинам развития данного заболевания можно отнести осложнения после респираторных заболеваний, травматические поражения, проблемы гигиены, переохлаждение и т.д. Отметим, что провоцирующим фактором отита может стать плохое состояние зубного аппарата [9, с. 227]. Зафиксировано и несколько случаев мастоидита, развившегося, вероятнее всего, как следствие запущенного отита, хотя нельзя исключать и травматические поражения.

Следы *хронического синусита* выявлены на мужских и женских костяках только на материале из Эски-Кермена и носили запущенный хронический характер. Данное заболевание развивается как осложнение при вирусных инфекциях, переохлаждениях, аномалиях развития и др., в том числе и при поражении верхнечелюстного зубного аппарата [17, с. 274-276; 40, с. 834-837].

Поротический гиперостоз

Маркеры физиологических стрессов, такие как поротический гиперостоз и его частный случай cribra orbitalia, отражают некоторые специфические состояния и отмечены на костях из обеих серий.

Наиболее часто эти состояния связывают с адаптивной реакцией организма на хронические инфекции и железодефицитные анемические состояния [9, с. 63, 210-211; 41, с. 350; 14, с. 95-97; 31, с. 35-36], однако его этиология на сегодняшний день окончательно не расшифрована [6, с. 21-28]. Под анемией подразумевают уменьшение содержания эритроцитов и гемоглобина в единице объема. Причинами развития

данной патологии могут быть наследственные состояния, нерациональное питание, малое употребление продуктов, содержащих животные белки, недостаточное поступление с пищей витаминов, железа, частые кровопотери, присутствие в желудочно-кишечном тракте паразитов, хронические инфекции, малярия. В этой связи поротический гиперостоз рассматривается как индикатор патогенной нагрузки в условиях конкретной среды обитания и как показатель состояния здоровья в широком смысле слова, без учета каких-либо конкретных диагнозов. Также cribra orbitalia может быть вызвана локальными воспалительными процессами [44, с. 336-338].

Поротические изменения костей отмечены на серии из Лучистого в 15,6% случаев. Для серии из Эски-Кермена этот показатель составил 52%. Для обеих серий cribra orbitalia значительно чаще отмечалась у женщин, в то время как поротический гиперостоз на костях черепа у мужчин. Проявления поротического гиперостоза у детей из обеих серий отмечены на трети детских костяков от общего числа погребенных. На материале из Лучистого поротические проявления отмечались в два раза чаще, а в Эски-Кермене в четыре раза чаще на женских костяках по сравнению с мужскими. До 70% всех случаев проявления поротического гиперостоза отмечено, как в Лучистом, так и в Эски-Кермене, у погребенных в склепах.

Травмы

Оценка степени и характера травматических поражений дает представление об уровне общего благополучия в исследуемой серии, как на уровне реконструкций трудовой активности, так и в плоскости социальной напряженности, в том числе и милитаризированных контактов. В ряде случаев характер травм позволяет установить причины смерти индивидуума [39, с. 4; 30, с. 56].

На материале из Лучистого травматические поражения отмечены на 6% исследованных костяков. Большинство травм отмечены на костях рук и ног и могут характеризоваться как бытовые. Все выявленные переломы костей рук и ног имели следы заживления со смещением и образованием костной мозоли. Данное обстоятельство в некоторой степени характеризует уровень медицинской помощи. Случаи компрессионных переломов позвонков также отмечены на костяках обоих полов и локализовались, в основном, в нижнем грудном и поясничном отделах. Экзостозы, появление которых часто провоцируется травматическими поражениями, отмечены на длинных костях ног, в основном, у мужской части населения.

Всего три травмы, отмеченные на мужских костяках, можно с высокой степенью достоверности отнести к разряду боевых. К ним относятся две рубленые раны плечевых костей и ранение стрелой в тазовую кость. Все три травмы были не смертельные, о чем говорят признаки заживления на плечевых костях и облитерация наконечника стрелы, застрявшего в тазовой кости.

Серия из Эски-Кермена показала, что 10,6% населения имели те или иные травматические поражения. Наибольшее количество зафиксированных травм приходится на травмы черепа – 41%, чаще всего это были компрессионные травмы, затрагива-

ющие только компакту. Три черепно-мозговых травмы имели сквозные разрушения и были несовместимы с жизнью. Большинство отмеченных травм на костях черепа и посткраниальных скелетов носили бытовой характер. Травмы позвоночника и костей рук отмечены только на женских костяках. Экзостозы на длинных костях ног отмечены только на женских костяках погребенных в могилах.

Травматические поражения, которые можно считать боевыми, отмечены в двух случаях: рубленая рана лобной кости из женского погребения и колотая рана надколенника из мужского погребения. Обе боевые травмы зафиксированы у погребенных в склепах.

Маркеры перенапряжения, связанные с физическими нагрузками

Одним из маркеров патологического перенапряжения костного аппарата является *энтезопатия* – это воспаление с дегенеративными изменениями, развивающимися в зонах прикрепления связок, суставных капсул или сухожилий к костям. Считается, что данная патология провоцируется чрезмерными нагрузками на определенные отделы организма, если физиологическая нагрузка не чередуется с достаточно продолжительным выключением из активной деятельности. Возникновение энтезопатии также связывают с длительными нагрузками при выполнении стереотипных движений, не обязательно связанных со значительными перенапряжениями и микротравмами.

Энтезопатии на материале из Лучистого отмечены на 18% исследованных костяков и в подавляющем большинстве зафиксированы на костях ног, преимущественно на надколенниках, большеберцовых и пяточных костях.

Отличий по локализации энтезопатий или количественному распределению по половому признаку и типам погребальных сооружений не выявлено.

На материале из Эски-Кермена энтезопатия отмечена у 11% захороненных, в подавляющем большинстве на костях из мужских погребений в склепах. Чаще всего энтезопатия локализовалась на задней поверхности локтевого отростка локтевой кости, надколеннике, большой бугристости большеберцовой кости и пяточной кости в области прикрепления ахиллова сухожилия.

Искусственные деформации

Некоторые культурные традиции, присущие определенным группам либо внутригрупповым слоям, являются достаточно устойчивыми на протяжении длительного времени и могут являться маркерами самоидентификации. Таким элементом, несомненно, может быть искусственная и, что важно, преднамеренная деформация черепа (далее рассматривается только преднамеренная искусственная деформация черепа). Погребения с деформированными черепами были зачищены в склепах и могилах на обоих некрополях.

Деформированные черепа, полученные при раскопках могильника у с. Лучистое, составляют 24% от общего числа (данные с учетом степени сохранности материала). Из захоронений раннего хронологического периода (конец IV – первая половина V вв.) выявлен только один случай преднамеренной лобно-затылочной искусственной деформации черепа женщины, погребенной в склепе. Наибольшее количество деформированных черепов происходит из захоронений VI-VII вв. Практически все они деформированы по типу двойного бандажирования и имеют ярко выраженную лобно-затылочную деформацию. Искусственно измененные черепа фиксировались в равной степени для обоих полов. Интересно отметить, что резкое увеличение количества искусственно деформированных черепов совпадает с появлением несколько отличных краниометрических характеристик на недеформированной выборке внутри серии и некоторыми изменениями в конструкциях склепов.

Материал из Эски-Кермена дал краниологическую серию, в которой 72% черепов имели следы искусственной деформации. Деформация отмечена практически поровну на мужских и женских костяках, захороненных в подбойных могилах и склепах. В подавляющем большинстве, деформация проводилась по типу циркулярного сплошного бандажирования, в результате чего черепа приобретали башенную форму, либо были вытянуты кзади.

Полученный в ходе многолетних исследований материал из погребений в Лучистом и Эски-Кермене позволил увидеть некоторые отличия в типе деформаций. Так, на могильнике Лучистое зафиксирована четко разграниченная лобно-затылочная деформация, в то время как на материале из Эски-Кермена деформация имела башенную форму, либо деформацию, сильно вытянутую кзади, выполненную в технике сплошного бандажирования. Зафиксированные на каждом памятнике единичные случаи отличающихся от основного типа деформаций внутри серий можно отнести к индивидуальным особенностям развития костей черепа.

В связи с вышесказанным интересны результаты, полученные К. Ф. Соколовой при исследовании антропологической коллекции из могильника Чуфут-Кале. Памятник относиться к той же археологической культуре, что и некрополи Лучистое и Эски-Кермен, а краниоскопические и краниометрические характеристики чуфут-калинской серии находят близкое сходство с материалом из Эски-Кермена. По результатам исследования К. Ф. Соколова отметила, что около половины черепов были деформированы и имели лобно-затылочную, кольцевую и смешанную деформации и принадлежали, в основном, мужчинам, погребенным в склепах и подбойных могилах [36, с. 63].

***

Анализ половозрастной структуры погребенных на могильниках у с. Лучистое и городища Эски-Кермена позволил установить, что для обоих памятников по некоторым показателям демографическая ситуация была схожая, в частности, соотношение полов, численное соотношение взрослых и детских погребений, показатели среднего возраста смерти групп в целом. Вызывает интерес заниженное число

подростковых погребений мужского пола, как в Лучистом, так и в Эски-Кермене. Вероятно, может иметь место некоторое особенное «бережное» отношение к данной категории населения.

Некоторые отличия в среднем возрасте смерти наблюдаются у захороненных в разных по конструкции погребальных сооружениях. На могильнике у с. Лучистое для всех групп средний возраст смерти у погребенных в склепах выше, чем у захороненных в могилах. На материале из Эски-Кермена было установлено, что возраст смерти мужчин выше у погребенных в склепах, в то время как для женской и детской серий наоборот. Крайне малое число погребенных на Эски-Кермене индивидуумов в возрастном интервале 40-50+, вероятно, отражает тяжелые условия жизни.

Частота встречаемости дискретно-варьирующих признаков на обеих сериях выявила их повышенное количество на серии из Эски-Кермена и, в особенности, в его женской части. Косвенно можно предположить, что население, оставившее могильник на склоне плато Эски-Кермен, имело достаточно тесное биологическое родство, преимущественно в его женской составляющей. Для обеих серий большее разнообразие эпигенетических вариантов наблюдалось на женских костяках. Некоторые генетические стигмы были отмечены только у мужчин или только у женщин. Не редки случаи сочетанных вариантов дискретно-варьирующих признаков. Признаки монголоидности отмечены в незначительном количестве только на материале из Лучистого, как на мужских, так и на женских костяках. В целом, можно говорить о большей однородности серии из Эски-Кермена по сравнению с серией из Лучистого.

Для обеих серий наибольшее количество патологических изменений приходится на заболевания зубочелюстного аппарата, самыми распространенными из которых были утрата зубов, зубной камень и кариес. У населения Эски-Кермена заболевания, связанные с зубной системой, отмечены почти в два раза чаще, чем у жителей, оставивших могильник у с. Лучистое.

Патологические изменения на позвоночнике отмечены на 19,6% исследованных костяков из Лучистого и 29,9% из Эски-Кермена. Наиболее частыми были поражения, связанные с остеохондрозом, спондилозом, межпозвонковыми грыжами (узлы Шморля). Для обоих некрополей погребенные индивидуумы с возрастным порогом 45 лет и более в 90% имели патологические изменения в позвоночнике. У погребенных в Лучистом патологии позвоночника чаще отмечались у мужчин, а в могильнике на плато Эски-Кермен – у женщин. Поражения позвоночника, связанные с чрезмерными нагрузками в молодом возрасте, характерны для обоих памятников.

Заболевания крупных суставов конечностей фиксировались на серии из Лучистого у 5,5% погребенных и у 14,6% из Эски-Кермена. Наиболее частыми были заболевания, связанные с разными стадиями остеоартроза. В обеих сериях поражения суставов чаще отмечались на мужских костяках.

Признаки воспалительных процессов на костной серии из Лучистого отмечены у 5,6% захороненных и у 19,3% погребенных на могильнике Эски-Кермена. Наиболее частыми были проявления периостита на костях голени. На серии из Лучистого периостит отмечен поровну на мужских и женских костях. На костях из женских погребений в Эски-Кермене патология отмечена в 2 раза чаще, чем на мужских. Следы воспалений, характерные для отита и мастоидита, отмечены только на материале из Лучистого. Изменения костной ткани, типичные для запущенных хронических форм синусита, фиксировались только на костном материале из Эски-Кермена.

Поротический гиперостоз и, как его частный случай, cribra orbitalia на сериях из Лучистого и Эски-Кермена чаще фиксировались на костях черепа из женских погребений. Для погребенных на некрополе Лучистого патология фиксировалась у 15,6% захороненных. У жителей Эски-Кермена поротические изменения отмечены у 52%. Повышенный процент погребенных с признаками железодефицитных состояний из Эски-Кермена подтверждает наблюдение не только о географической зависимости в распространении данной патологии [8, с. 251], но и о повышенных стрессовых нагрузках на организм в условиях городского проживания. Для обеих серий чаще поротические изменения фиксировались на костях у погребенных в склепах. Также отмечено, что портические изменения на костях свода черепа чаще отмечены в мужских погребениях, в то время как cribra orbitalia чаще отмечалась на женских.

По результатам сравнения обе серии показали достаточно низкую степень травматизма. Травматические поражения на материале из Лучистого отмечены у 6% исследованных костяков. В большинстве случаев травмы отмечены на костях посткраниального скелета. На материале из Эски-Кермена травмы фиксировались на 10,6% погребенных и чаще отмечались на мужских костяках. Наибольшее количество травм приходится на кости черепа и имеют следы заживления. Для серий из Лучистого и Эски-Кермена характерно минимальное количество травм, которые могут быть охарактеризованы как боевые.

Маркеры перенапряжения, связанные с повышенными силовыми нагрузками или часто повторяющимися стереотипными движениями, отмечены на костях рук и ног обеих серий. На материале из Лучистого частота встречаемости этих маркеров составила 18% и не имела четко выраженного полового разграничения. Для погребенных на некрополе Эски-Кермена маркеры перенапряжения отмечены у 11% и, в основном, фиксировались на мужских костяках из склепов.

Палеопатологические изменения на костях обеих серий дают возможность говорить, что население, оставившее могильники у с. Лучистое и на склоне плато Эски-Кермен, испытывало схожие стрессовые нагрузки по целому ряду показателей. Адаптивные реакции организма, связанные с перенапряжением костно-мышечного аппарата, травматическими поражениями и специфическими состояниями организма, чаще фиксировались на серии из Эски-Кермена. Характер отмеченных патологических изменений в обеих сериях позволил предположить, что основная масса населения вела мирный образ жизни, и по структуре нагрузок и стрессовым маркерам может быть отнесена к так называемому комплексному хозяйственному типу оседлого населения.

Преднамеренные искусственные деформации черепа отмечены на 24% черепов из Лучистого и 72% из Эски-Кермена. Важно отметить, что деформация отмечена в равной степени на мужских и женских черепах.

Искусственно деформированные черепа из обоих могильников деформированы по типу циркулярного бандажирования, но имеют отличные типы конечных форм. Для черепов из Лучистого характерна лобно-затылочная деформация, выполненная в технике двойного бандажа. На черепах из Эски-Кермена отмечена техника сплошного бандажа, в результате которого получалась башенная форма, либо вытянутая кзади. Данное обстоятельство говорит в пользу некоторой закрытости группы со своими устойчивыми традициями на протяжении достаточно продолжительного времени. В этой же связи следует обратить внимание, что искусственно деформированные черепа по типу «бешик» отмечены только в серии из Лучистого [20, с. 3; 27, с. 306].

Резкое увеличении числа искусственно деформированных черепов, найденных на некрополе у с. Лучистое в погребениях, начиная со второй половины VI в., изменения в конструкции склепов и некоторые краниометрические отличия, по сравнению с более ранним материалом, могут быть связаны с притоком нового родственного населения на данную территорию, однако, окончательные выводы в этом вопросе пока преждевременны.

В заключение можно констатировать, что население Эски-Кермена испытывало повышенные (по сравнению с серией из Лучистого) стрессовые нагрузки на организм по целому ряду показателей, характеризующих здоровье исследуемой группы в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 211-222.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Том I. Раскопки 1977, 1982-1984 годов. Симферополь-Керчь, 2008. 336 с.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III-VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
5. Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. 1972. № 1. С. 3-21.
6. Бочкарева И.В., Калмина О.А., Иконников Д.С., Исаев И.Н., Андреев К.В., Панюшкина Л.И. Cribra orbitalia как показатель железодефицитного состояния // Материалы IV Межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы медицинской науки и образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_medicinskoy_nauki_i_obrazovaniya_2013.pdf

7. Бросалов В.М. Распространенность ряда дискретно-варьирующих признаков на черепах жителей г. Пензы XVII-XIX вв. // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 2. С. 71-77.
8. Бужилова А.П. Болезни в средневековой Руси (антропологический обзор) // Восточные славяне. Антропология и этническая история / Ред. Т.И. Алексеева. М.: Научный мир, 2002. С. 243-253.
9. Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
10. Вейрман Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 204 с.
11. Герасименко М.А., Белецкий А.В., Чернявский К.С., Жук Е.В. Болезнь Кенига коленного сустава у детей: клиника, диагностика, лечение // Медицинский журнал Белорусского государственного медицинского университета. 2007. № 2. С. 28-30.
12. Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения Средневековых городов Крыма // Сборник музея антропологии и этнографии. 1949. Вып. XII. С. 333-386.
13. Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. 368 с.
14. Емельянчик О.А. Анализ встречаемости скелетного индикатора анемии cribra orbitalia у населения Беларуси XI-XIX вв. // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия биологических наук. 2010. № 4. С. 95-100.
15. Жарков П.Л. Остеохондроз и другие дистрофические изменения позвоночника у взрослых и детей. М.: Медицина, 1994. 187 с.
16. Зиневич Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев: Наукова думка, 1973. 262 с.
17. Козлов В.А. Воспалительные заболевания тканей челюстно-лицевой области // Стоматология: Учебник для медицинских вузов и последипломной подготовки специалистов / Под ред. В.А. Козлова. СПб.: СпецЛит., 2003.
18. Косинская Н.С. Дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата. Л.: Медгиз., 1961. 202 с.
19. Назарова Т.Л., Потехина И.Д. Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1990. 46 с. (Препринт. Ин-т археологии АН УССР).
20. Перерва Е.В. Палеопатология населения хазарского времени Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая балка 1 и 2) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. № 4. С. 216-233.
21. Перерва Е.В. Дискретно-варьирующие признаки на костях посткраниального скелета: на примере антропологических материалов из некрополя Водянского городища // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4(28). С. 51-70.
22. Петров Г.И. Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции (Предварительная информация) // Материалы Эски-Керменской экспедиции *1931-1933 гг.* М.; Л.: ОГИЗ, 1935. С. 12-16. (ИГАИМК. Вып. 117).
23. Радочин В.Ю. Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистого // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 119-134.
24. Радочин В.Ю. Антропологические материалы из погребений V-IX вв. могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 161-171.
25. Радочин В.Ю. Антропологические материалы из могильника у с. Лучистое (раскопки 2003-2007 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 184-235.

26. Радочин В.Ю., Бассалыго О.А. Результаты исследования антропологического материала из некрополя Эски-Кермена // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 271-298.
27. Радочин В.Ю. К вопросу о взаимовлиянии культур на примере краниологического материала из могильников Крыма // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 306-310.
28. Радочин В.Ю. Антропологический материал из раскопок некрополя Эски-Кермена в 2006-2008 гг. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 88-117.
29. Радочин В.Ю. Антропологический материал из раскопок некрополя Эски-Кермена в 2015 г. // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 208-221.
30. Ражев Д.И. Травмы черепов средневекового населения западной Сибири: распространение, структура, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2(21). С. 56-69.
31. Ражев Д.И. Факторы распространения поротического гиперостоза в средневековых группах западной Сибири // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2016. № 1. С. 35-45.
32. Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Медицина, 1964. 532 с.
33. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.
34. Амори С., Крюбези Э. Узы родства в погребальных ансамблях: дискретные признаки и древняя ДНК // Биологическая антропология и археология: к синтезу научных дисциплин. Париж; Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований, 2013.
35. Святко С.В. Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита – раннего железа: новые данные по диете // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2(58). С. 143-156.
36. Соколова К.Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 63-87.
37. Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы андроновской культуры Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 6. С. 44-52.
38. Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермена в 2006-2008 гг. // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 140-213.
39. Худавердян А.Ю., Енгибарян А.А., Варданян Ш.А., Матевосян Р.Ш., Каралян З.А. Анализ травматических поражений в палеопатологи: распространение, структура, интерпретации (эпохи бронзы и железа, Армянское нагорье) // Новый армянский медицинский журнал. 2014. Т. 8. № 1. С. 4-15.
40. Яременко А.И., Матина В.Н., Суслов Д.Н., Лысенко А.В. Хронический одонтогенный верхнечелюстной синусит: Современное состояние проблемы (обзор литературы) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 10. С. 834-837.
41. Aufrderheide A.C., Rodrigues-Martin C. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. Cambridge: University Press, 1997. 478 p.

42. Jakobi F., Stecher M., Zesch S., Radochin V., Alt K.W. Ėski Kermen, Almalyk und Lučistoe – Bioarchäologie auf der Krim // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim / S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick (Hrsg.). Mainz, 2013. S. 335-360. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 113).
43. Brandt G., Haak W., Blechscmidt Ch., Karimnia S., Alt K.W. Die Völker der Krim im Frühmittelalter – Anwendung und Potential der Paläogenetik in Bezug auf archäologische Fragen // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim / S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick (Hrsg.). Mainz, 2013. S. 361-378. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 113).
44. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan // American Journal of Physical Anthropology. 2004. Vol. 123(4). P. 333-339.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I., Gercen A.G., Khrapunov I.N. Osnovnye problemy etnicheskoj istorii Kryma. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, Vol. III, pp. 211-222.
2. Ajbabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
3. Ajbabin A.I., Hajredinova E.A. *Mogilnik u sela Luchistoe. Tom I. Raskopki 1977, 1982-1984 godov*. Simferopol, Kerch, 2008, 336 p.
4. Ajbabin A.I., Hajredinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III-VII v.)*. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
5. Alekseev V.P. Paleodemografiya SSSR. *Sovetskaya arheologiya*, Moscow, 1972, No 1, pp. 3-21.
6. Bochkareva I.V., Kalmina O.A., Ikonnikov D.S., Isaev I.N., Andreev K.V., Panyushkina L.I. *Cribra orbitalia kak pokazatel zhelezodeficitnogo sostoyaniya*. Materialy IV Mezhregionalnoj nauchnoj konferencii «Aktualnye problemy medicinskoj nauki i obrazovaniya». URL: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_medicinskoy_nauki_i_obrazovaniya_2013.pdf
7. Brosalov V.M. Rasprostranennost ryada diskretno-variruyushih priznakov na cherepah zhitelej g. Penzy XVII-XIX vv. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, No 2, pp. 71-77.
8. Buzhilova A.P. Bolezni v srednevekovoj Rusi (antropologicheskij obzor). T.I. Alekseeva (Ed.), *Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya*, Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2002, pp. 243-253.
9. Buzhilova A.P. *Homo sapiens: istoriya bolezni*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2005, 320 p.
10. Vejrman E.V., Ajbabin A.I. *Skalistinskij mogilnik*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 204 p.
11. Gerasimenko M.A., Beleckij A.V., Chernyavskij K.S., Zhuk E.V. Bolezn Keniga kolennogo sustava u detej: klinika, diagnostika, lechenie. *Medicinskij zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta*, Minsk, 2007, No 2, pp. 28-30.
12. Debec G.F. Antropologicheskij sostav naseleniya Srednevekovyh gorodov Kryma. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii*, Leningrad, 1949, Vol. XII, pp. 333-386.
13. Dobrovolskaya M.V. *Chelovek i ego pisha*. Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2005, 368 p.

14. Emelyanchik O.A. Analiz vstrechaemosti skeletnogo indikatora anemii cribra orbitalia u naseleniya Belarusi XI-XIX vv. *Izvestiya Nacionalnoj akademii nauk Belarusi. Seriya biologicheskih nauk*, Minsk, 2010, No 4, pp. 95-100.
15. Zharkov P.L. *Osteohondroz i drugie distroficheskie izmeneniya pozvonochnika u vzroslyh i detej*. Moscow, Medicina Publ., 1994, 187 p.
16. Zinevich G.P. *Antropologicheskie materialy srednevekovyh mogilnikov Yugo-Zapadnogo Kryma*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1973, 262 p.
17. Kozlov V.A. Vospalitelnye zabolevaniya tkanej chelyustno-licevoj oblasti. V.A. Kozlov (Ed.), *Stomatologiya: Uchebnik dlya medicinskih vuzov i poslediplomnoj podgotovki specialistov*, Saint-Petersburg, SpecLit Publ., 2003.
18. Kosinskaya N.S. *Degenerativno-distroficheskie porazheniya kostno-sustavnogo apparata*. Leningrad, Medgiz Publ., 1961, 202 p.
19. Nazarova T.L., Potehina I.D. *Antropologicheskie materialy iz mogilnikov Yugo-Zapadnogo Kryma.* Kiev, 1990, 46 p. (Preprint. Institut arheologii AN USSR).
20. Pererva E.V. Paleopatologiya naseleniya hazarskogo vremeni Severnogo Kavkaza (po materialam mogilnikov Gorkaya balka 1 i 2). *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza*, Armavir, 2004, No 4, pp. 216-233.
21. Pererva E.V. Diskretno-variruyushie priznaki na kostyah postkranialnogo skeleta: na primere antropologicheskih materialov iz nekropolya Vodyanskogo gorodisha. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, No 4(28), pp. 51-70.
22. Petrov G.I. Ob antropologicheskih materialah Eski-Kermenskoj ekspedicii (Predvaritelnaya informaciya). *Materialy Eski-Kermenskoj ekspedicii* 1931-1933 gg., Moscow, Leningrad, 1935, pp. 12-16. (Izvestiya Gosudarstvennoj akademii istorii materialnoj kultury. Vyp. 117).
23. Radochin V.Yu. Novye antropologicheskie materialy iz mogilnika u s. Luchistogo. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2002, Vol. IX, pp. 119-134.
24. Radochin V.Yu. Antropologicheskie materialy iz pogrebenij V-IX vv. mogilnika u s. Luchistoe. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 161-171.
25. Radochin V.Yu. Antropologicheskie materialy iz mogilnika u s. Luchistoe (raskopki 2003-2007 gg.). *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 184-235.
26. Radochin V.Yu., Bassalygo O.A. Rezultaty issledovaniya antropologicheskogo materiala iz nekropolya Eski-Kermena. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, Vol. XII, pp. 271-298.
27. Radochin V.Yu. K voprosu o vzaimovliyanii kultur na primere kraniologicheskogo materiala iz mogilnikov Kryma. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "XII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekovya. Vzaimovliyanie kultur"*, Kerch, 2011, pp. 306-310.
28. Radochin V.Yu. Antropologicheskij material iz raskopok nekropolya Eski-Kermena v 2006-2008 gg. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX, pp. 88-117.
29. Radochin V.Yu. Antropologicheskij material iz raskopok nekropolya Eski-Kermena v 2015 g. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 208-221.
30. Razhev D.I. Travmy cherepov srednevekovogo naseleniya zapadnoj Sibiri: rasprostranenie, struktura, interpretacii. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 2013, No 2(21), pp. 56-69.

31. Razhev D.I. Faktory rasprostraneniya poroticheskogo giperostoza v srednevekovyh gruppah zapadnoj Sibiri. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya*, 2016, No 1, pp. 35-45.
32. Rejnberg S.A. *Rentgenodiagnostika zabolevanij kostej i sustavov.* Moscow, Medicina Publ., 1964, 532 p.
33. Rohlin D.G. *Bolezni drevnih lyudej.* Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, 304 p.
34. Amori S., Kryubezi E. Uzy rodstva v pogrebalnyh ansamblyah: diskretnye priznaki i drevnyaya DNK. *Biologicheskaya antropologiya i arheologiya: k sintezu nauchnyh disciplin*, Paris, Samarkand, 2013.
35. Svyatko S.V. Analiz zubnyh patologij naseleniya Minusinskoj kotloviny (Yuzhnaya Sibir) epoh eneolita – rannego zheleza: novye dannye po diete. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2014, No 2(58), pp. 143-156.
36. Sokolova K.F. Antropologicheskie materialy iz rannesrednevekovyh mogilnikov Kryma. *Istoriya i arheologiya srednevekovogo Kryma*, Moscow, AN SSSR Publ., 1958, pp. 63-87.
37. Tur S.S., Rykun M.P. Kraniologicheskie materialy andronovskoj kultury Altaya v paleoekologicheskom aspekte issledovaniya. *Izuchenie istoriko-kulturnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri*, Gorno-Altajsk, 2007, Vol. 6, pp. 44-52.
38. Khajredinova E.A. Raskopki nekropolya na sklone plato Eski-Kermena v 2006-2008 gg. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, Vol. XVI, pp. 140-213.
39. Hudaverdyan A.Yu., Engibaryan A.A., Vardanyan Sh.A., Matevosyan R.Sh., Karalyan Z.A. Analiz travmaticheskih porazhenij v paleopatologi: rasprostranenie, struktura, interpretacii (epohi bronzy i zheleza, Armyanskoe nagore). *Novyj armyanskij medicinskij zhurnal*, 2014, T. 8, No 1, pp. 4-15.
40. Yaremenko A.I., Matina V.N., Suslov D.N., Lysenko A.V. Hronicheskij odontogennyj verhnechelyustnoj sinusit: Sovremennoe sostoyanie problemy (obzor literatury). *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovanij,* 2015, No 10, pp. 834-837.
41. Aufrderheide A.C., Rodrigues-Martin C. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. Cambridge, University Press, 1997, 478 p.
42. Jakobi F., Stecher M., Zesch S., Radochin V., Alt K.W. Ėski Kermen, Almalyk und Lučistoe – Bioarchäologie auf der Krim. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick (Eds.), *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim*, Mainz, 2013, pp. 335-360. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 113).
43. Brandt G., Haak W., Blechscmidt Ch., Karimnia S., Alt K.W. Die Völker der Krim im Frühmittelalter – Anwendung und Potential der Paläogenetik in Bezug auf archäologische Fragen S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick (Eds.), *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim*, Mainz, 2013, pp. 361-378. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 113).
44. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan. *American Journal of Physical Anthropology*, 2004, Vol. 123(4), pp. 333-339.

V. Yu. RADOCHIN
V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

SOME LIFE FEATURES OF MEDIAEVAL POPULATION OF THE CRIMEA (ACCORDING TO THE PALAEOANTHROPOLOGICAL RESEARCHES OF THE CEMETERIES NEAR LUCHISTOE VILLAGE AND ESKI-KERMEN)

Abstract: Many-year-long systematic investigations of the cemeteries near Luchistoe village and on the side of Eski-Kermen plateau produced abundant skeletal material from collective and individual graves. From preliminary results of the comparative analysis there are reasons to suppose a great degree of similarity betweens series by age-and-gender characteristics and to determine certain differences in age-at-death indicators, with account to differences by burial construction types. Palaeopathological changes on both skeletal series provide a possibility to state that the populations that left the cemeteries at the village of Luchistoe and on the side of Eski-Kermen plateau experienced the same stress loads by a series of indexes. Organism adaptive reactions related to musculoskeletal system overstrain, traumatic injuries, and specific body states were more often on the Eski-Kermen series. The nature of the palaeopathological changes recorded in both series suggests that the main bulk of the populations lead peaceful way of life, and the structure of activities and stress markers determines them as the so-called complex economy type of settled population. The differences documented in the types of artificial skull deformations indicate that, within every series under study, there was a specific type of artificial skull deformations. This observation supposes the existence of certain stable traditions among particular population groups within the same archaeological culture.

Keywords: Crimea, Luchistoe, Eski-Kermen, physical anthropology, palaeopathology, deformed skulls, stress markers, discrete variable features.

А. А. ДУШЕНКО
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ВИЗАНТИЙСКИЕ РАЗНОВЕСЫ ИЗ РАСКОПОК МАНГУПА[1]

Аннотация: В статье рассмотрены находки византийских бронзовых разновесов из раскопок Мангупа. По форме артефакты разделены на два типа – квадратные и дисковидные. К типу 1 относятся 5 разновесов, определенных как экзагии – гири для контроля веса золотых монет. Буквенные обозначения номинала и масса предметов указывает, что они использовались в качестве эталонов для номисмы и ее фракций – семисиса и тремисиса. На основании аналогий разновеса типа 1 датированы IV–VI вв. Тип 2 включает экзагий весом в 6 номисм и разновес с греческой буквой К (П?) неопределенного номинала. Предметы типа 2 датируются VII – началом IX вв. Оба типа разновесов были широко распространены на территории Византийской империи и соседних регионов. Находки византийских гирь на территории Мангупа свидетельствуют об использовании населением Дороса имперской весовой системы. Наличие среди них экзагиев указывает на проведение финансовых расчетов с использованием золотых монет.

Ключевые слова: Византия, Мангуп, Дорос, раннее средневековье, весовые эталоны, экзагии.

Культурные напластования средневековых поселений, как правило, содержат значительное количество артефактов, не относящихся к массовым категориям археологического материала. В англоязычной специальной литературе для их обозначения обычно используется термин «small finds», в отечественной – формулировка «индивидуальные находки». За исключением наиболее ярких экземпляров, эти предметы редко становятся объектами специального изучения. При этом индивидуальные находки могут содержать новую информацию об истории памятников, на территории которых они были найдены.

[1] Работа выполнена в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты», а также научного проекта РФФИ № 17-49-92019 ра «Историко-археологические исследования княжеского дворца Мангупского городища в 2018 г.: восточный участок дворцового комплекса».

В процессе работы с коллекцией археологического материала из раскопок Мангупского городища, находящегося на постоянном хранении в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника[2], была выделена категория предметов, идентифицированных как разновесы – гири для определения массы тел при помощи взвешивания. По форме мангупские разновесы могут быть разделены на два типа. Артефакты **типа 1** представляют собой тонкие (2–3 мм) бронзовые пластины квадратной или подпрямоугольной формы (рис. 1,*1–5*). К **типу 2** отнесены разновесы, имеющие форму диска (рис. 1,*6–7*).

Тип 1. Отлитый из бронзы предмет подпрямоугольной формы[3] (рис. 1,*1*) был найден в слое отвала на участке исследований в верховьях Лагерной Балки Мангупа [5, с. 28, рис. 263,8]. На его грубо зашлифованной лицевой стороне резцом прочерчена греческая буква N. Вес предмета составляет 4,69 г.

Схожий по форме и размерам разновес (рис. 1,*2*) происходит из слоя отвала, залегавшего на южной периферии дворца правителей Феодоро, расположенного в центральной части мангупского плато [6, с. 19, рис. 101,12]. Предмет отполирован. На лицевой стороне резцом прочерчена греческая буква N, дополнительно декорированная точками. Масса предмета – 4,15 г.

Еще один разновес с литерой N (рис. 1,*3*) имеет квадратную форму. Он также был найден на территории дворца и относится к категории «подъемного материала» [8, рис. 36,9]. Буквенное обозначение на лицевой стороне предмета нанесено резцом, причем диагональная черта буквы N удлинена. Его вес составляет 4,69 г.

Квадратный разновес без буквенных обозначений (рис. 1,*4*) был открыт в слое с керамикой VI–X вв., сформировавшегося в процессе функционирования раннесредневековой застройки в верховьях Лагерной Балки [5, с. 33, рис. 233,6]. Его масса – 2,31 г.

Последний предмет первого типа (рис. 1,5) происходит из дернового слоя, исследованного в южной части дворца [7, с. 7, рис. 48,15]. На лицевой стороне предмета прочерчено буквенное обозначение в виде греческой буквы Н. Его вес составляет 1,39 г.

Анализ буквенных обозначений и массы разновесов **первого типа** с литерой N (рис. 1,*1–3*) на лицевой стороне позволяет уверенно интерпретировать их как экзагии – весовые эталоны для золотых монет весом в одну номисму. Масса разновеса без буквенного обозначения (рис. 1,*4*), составляющая 2,31 г, указывает на его соответствие половине номисмы или семисису. Экзагий с литерой Н и весом в 1,39 г, видимо, являлся эталоном для 1/3 номисмы – тремисиса.

Номисма как стандарт веса золотой монеты (солида) была введена в 309 г. Константином Великим [18, с. 99; 19, с. 113; 25, p. 611; 15, с. 98]. Основной единицей византийской весовой системы была литра (фунт). Из одного фунта золота чеканились 72 солида [31, s. 162; 25, p. 611]. Вес золотого солида был законодательно закреплен в XII книге кодекса Феодосия [28, XII. 7. 1] и в X книге кодекса Юстиниана [26, X. 73. I]. Теоретическая масса солида (номисмы) была определена нумизматами и составила 4,55 г. Масса византийского фунта, таким образом, равнялась 327,60 г [30, p. 207; 25, p. 611]. При этом реальный вес золотых монет и их весовых эталонов мог значительно отличаться от теоретического [25, p. 611].

Масса мангупских экзагиев с литерой N отличается от теоретического веса номисмы в 4,55 г. Два разновеса (рис. 1,*1,3*) весом 4,69 г незначительно превышают его. Это может быть объяснено наличием на них патины и окислов, образовавшихся в результате залегания предметов в культурном слое. Вероятно, те же причины определили незначительное увеличение массы разновеса для семисиса (рис. 1,*4*) (2,31 г вместо теоретических 2,28 г).

Вызывают интерес отклонения от теоретического веса номисмы, зафиксированные у экзагия с литерой N, украшенной точками (рис. 1,*2*) и разновеса для тремисиса (рис. 1,5), составляющие 0,40 г и 0,38 г соответственно. Оба предмета не имеют следов механических повреждений, которые могли бы стать причиной уменьшения их веса. Наиболее логичным объяснением этого явления представляется намеренное снижение веса экзагиев для получения выгоды их обладателями. Подобную интерпретацию облегченных экзагиев предлагают С. Б. Сорочан [16, с. 159] и Е. Паунов [15, с. 99].

Другим возможным объяснением может быть применение этих разновесов при проверке массы так называемых легковесных солидов – золотых монет с весом ниже установленного стандарта, использовавшихся, главным образом, при ведении финансовых операций с варварским населением приграничных с империей территорий[4]. По данным Х. Адельсона, легковесные солиды чеканились в Византийской империи со времени правления Юстиниана I (527–565 гг.) до Константина IV Погоната (668–685 гг.) [21, p. 51–57]. Безусловно, предложенная интерпретация легковесных экзагиев из раскопок Мангупа может рассматриваться только в качестве гипотезы и требует более убедительных доказательств.

Аналогии мангупским экзагиям первого типа широко распространены на территории Византийской империи и за ее пределами. Они известны в Херсонесе [2, с. 237–240; 19, с. 94–106; 9, с. 11–12], Константинополе [10, с. 84–87, табл. II,1,6,8,9,11,14,17,18], на территории Малой Азии [20, p. 33–48; 27, p. 381, pl. 11,8; 33, p. 859–862], Балкан [23, p. 206–209, pl. 94, № 1587–1592; 15, с. 97–112; 22, s. 440], Аппенинского полуострова [32, s. 60, fig. III,4, IV,1,2, V; 34, p. 587–588, fig. 1]. А. М. Обломским и А. Д. Швыревым была опубликована находка квадратного бронзового экзагия с литерой N из раскопок поселения Стаево-5, расположенного в верховьях р. Воронеж в Тамбовской области и датирующегося второй половиной V – VII вв. [14, с. 307–309, рис. 1,1].

[2] Автор благодарит руководителя Мангупской археологической экспедиции А. Г. Герцена за возможность публикации материалов, а также главного хранителя фондов БИКАМЗ О. А. Алпашкину и хранителя коллекции Мангупа Г. А. Трещило за помощь в работе с коллекцией.

[3] См. каталог в Приложении 1 к данной статье.

[4] Подробно о феномене легковесных солидов см. [21].

Следует отметить, что разновесы квадратной формы использовались не только для контроля веса монет. Коммерческие гири с буквенными обозначениями весового номинала, аналогичные по форме экзагиям первого типа, имеют схожий ареал распространения [2, с. 237–240; 19, с. 106–112, рис. 24–26; 10, с. 84–87, табл. I,1–4,9–11,13,14,18; 20, p. 33–48].

Хронология бытования экзагиев первого типа достаточно широка. Исследователи датируют квадратные разновесы с буквенными обозначениями номисмы или ее фракций в пределах IV–VI вв. [25, p. 612; 20, p. 41; 34, p. 588; 33, p. 857]. С конца VI в. они постепенно сменяются разновесами в форме диска [25, p. 612; 20, p. 41].

Практические все мангупские находки этого типа не имеют четкого археологического контекста. Исключением является экзагий семисиса, происходящий из горизонта раннесредневекового времени [5, с. 33, рис. 233,6]. Впрочем, широкая датировка формирования этого слоя (VI–X вв.) не позволяет уточнить хронологию использований квадратных экзагиев населением Мангупского городища. На данном этапе исследований они могут быть датированы в пределах общих временных рамок бытования типа, то есть IV–VII вв.

Тип 2. Ко второму типу мангупских разновесов относится отлитый из бронзы предмет, имеющий форму диска с утолщением в центральной части и выступающим ободком (рис. 1,*6*). В центре предмета имеется небольшое углубление, которое, возможно, указывает на финальную обработку изделия на токарном станке. На лицевой стороне рядом с углублением видна прочерченная литера N. Артефакт был найден в горизонте, сформировавшемся в османский период истории Мангупа (XVI–XVIII вв.) на территории дворца правителей Феодоро [7, с. 7–8, рис. 47,2]. Масса разновеса составляет 24,95 г.

Использование описанного разновеса в качестве экзагия подтверждается наличием на его лицевой стороне буквенного обозначения номисмы. Вес предмета указывает на его соответствие 6 номисмам.

Византийские экзагии весом в две и более номисмы обычно имели дополнительные буквенные обозначения количества единиц веса (В – две номисмы, Г – три номисмы и т.д.) (см., например: рис. 2,*1–6*). На мангупской находке они отсутствуют. Сохранившаяся литера N прочерчена на предмете тонким резцом и практически не видна невооруженным взглядом. Схожая ситуация зафиксирована на недавно найденном в Гурзуфе разновесе в две унции [13, с. 139–142, рис. 1]. Авторы публикации находки объясняют это особенностями изготовления гирек такого типа. После отливки бронзовой основы их инкрустировали серебром. На поверхности готового изделия буквенные обозначения были более заметны [13, с. 140].

Масса экзагия (24,95 г) дает номисму в 4,16 г, что на 0,39 г меньше ее теоретического веса. Вероятно, это связано с механическими повреждениями предмета. Другим возможным объяснением может служить отсутствие серебряной инкрустации, которая могла компенсировать недостаток веса гирьки.

Ко второму типу мангупских разновесов также относится предмет, представляющий собой массивную, отлитую из бронзы гирю дисковидной формы (рис. 1,*7*). Поверхность изделия грубо зашлифована. На лицевую сторону гири с помощью резца нанесена греческая литера К (возможно, П). Вес гири составляет 186,59 г. Предмет был найден на уровне современной дневной поверхности на территории раннесредневекового могильника в балке Алмалык-дере на восточном склоне Мангупа [4, рис. 248,5].

Масса разновеса не позволяет однозначно определить его весовой стандарт. Он мог равняться 40 номисмам в 4,66 г. Однако экзагиев с таким стандартом веса среди опубликованных материалов найти не удалось. Другим возможным вариантом является интерпретация его как гирьки в 6 унций. Находки разновесов этого стандарта известны на территории Византии [19, с. 11–112; 30, p. 206; 10, табл. I,18; 20, p. 33]

Унция являлась одной из стандартных единиц византийской весовой системы. Согласно трактату св. Епифания, написанному в 392 г., унция составляла 1/12 часть литры [24, p. 139]. При теоретическом весе литры (фунта) в 327,60 г унция должна равняться 27,30 г. Отметим, что мангупский разновес тяжелее теоретического веса 6 унций на 22,79 г.

Буквенное обозначение на лицевой стороне находки также не вносит ясности в вопрос определения стандарта разновеса. Буквой К на византийских весах и гирях обозначалась масса в 20 единиц, литерой П – 80 [30, p. 225]. В первом варианте мангупский разновес дает неизвестную весовую единицу в 9,33 г, во втором – 2,33 г, что близко семисису (1/2 номисмы). Видимо, вопрос окончательного определения номинала рассматриваемой гири остается открытым.

Как и разновесы первого типа, гири дисковидной формы бытовали практически на всей территории Византийской империи и сопредельных регионов. Находки аналогичных и близких по форме разновесов известны в Херсонесе [19, с. 95–112, рис. 20, 23], Гурзуфе [13, с. 139–142, рис. 1], Константинополе [10, табл. I,12,15, II,2–5,7,10,12,13,15,16], Анатолии [20, p. 41], Амории [27, p. 381, fig. 11,1,2,6,7], Киликии [33, p. 857–859, 862], Коринфе [23, p. 206–212, pl. 94, 95, № 1595–1610], Болгарии [15, с. 102–104, табл. I,2,10], Сардинии [32, s. 58, 61, fig. III,1–3, IV,3,4]. Набор разновесов дисковидной формы был обнаружен при исследовании кораблекрушения VII в. у острова Ясси-Ада [30, p. 202–204, fig. 10].

Интересно отметить археологические свидетельства производства дисковидных разновесов на территории Крыма. Каменная форма для отливки гирек второго типа была найдена в Херсонесе [11, с. 69]. Авторы публикации разновеса в 2 унции из Гурзуфа интерпретируют его как заготовку, забракованную по причине недопустимо низкого веса [13, с. 140].

Хронологические рамки бытования разновесов второго типа в Византии определяются исследователями в пределах конца VI – начала IX вв. [25, p. 612; 20, p. 41]. Дисковидный экзагий весом в 6 номисм найден в «переотложенном» состоянии в

слое XVI–XVIII вв. [7, с. 7–8]. Гирька с литерой К (П?) не имеет археологического контекста. Таким образом, мангупские разновесы дисковидной формы могут быть датированы в общих рамках бытования типа.

Разновесы обоих типов, зафиксированных среди материалов Мангупского городища, как правило, входили в состав наборов, включавших гирьки разного веса и равноплечные весы-зигии [10, с. 85; 20, p. 40; 17, с. 237]. Подобные наборы помещались в деревянные футляры с ячейками под разные стандарты разновесов (рис. 2,*7*). Ярким примером такого набора являются 9 гирек и экзагиев, найденных в Херсонесе в 1904 г. и опубликованных А. А. Васильевым [2, с. 237–240]. Разновесы в 1, 2, 3 и 6 унций украшены схематическим изображением трехнефного храма, легендой θεου χαρισ (др.-греч. «Слава Божья») и снабжены буквенным обозначением весового стандарта. Экзагии весом в 2, 3, 4 и 5 номисм декорированы изображением арки с акротериями, крестом и обозначением веса (рис. 2,*4*).

Данные письменных источников указывают на повышенное внимание к весовым эталонам со стороны византийской администрации. Проверку полновесности золотых солидов осуществляли специальные чиновники – зигостаты. Эта должность была учреждена указом императора Юлиана Отступника в 363 г. [28, XII. 7. 2; 29, p. 376].

Согласно статье от 386 г. XII книги Кодекса Феодосия разновесы всех номиналов должны были храниться на каждой почтовой станции. Такая мера обеспечивала налогоплательщикам возможность контролировать правильность взимания податей. За увеличение веса эталонов с целью получения выгоды сборщик налогов мог подвергнуться наказанию [28, XII. 6. 21; 29, p. 375].

Кроме того, в кодексе Феодосия имеется описание методики работы с весами при оплате налога золотом. Их следовало держать двумя пальцами, три пальца должны были оставаться свободными и быть направленными в сторону сборщика во избежание нажима на перекладину весов [28, XII. 7. 1; 29, p. 375–376].

Кодекс Юстиниана возлагал ответственность за торговые разновесы на эпарха города и префектов претория. Выпуск экзагиев контролировал Comes Sacrorum Largitionum. Торговые гири выпускались под патронажем эпарха Константинополя. Весовые эталоны предписывалось хранить в «самых священных» церквях города [25, p. 612; 20, p. 36, 39; 15, с. 98–99]. В этой связи интересна локализация находок разновесов на территории Мангупского городища. Четыре предмета были найдены в районе дворца, еще два – в верховьях Лагерной Балки. Оба объекта расположены на расстоянии не более 200 м от мангупской базилики, которую можно уверенно рассматривать как «самую священную» церковь раннесредневекового Мангупа [1, с. 306].

Согласно «Книге эпарха», торговцы, уличенные в использовании весов и весовых эталонов, не имеющих клейма градоначальника, должны быть подвержены наказанию [3, с. 55, 63].

Письменные свидетельства важной роли весовых эталонов в экономической жизни Византии подтверждаются археологическими находками. Многие разновесы в дополнение к буквенным обозначениям номинала украшены христианскими символами – изображениями святых, храмов, крестами, христограммами и так далее (см., например: рис. 2,1–4). По мнению исследователей, такие изображения носили морально-нравственный смысл и служили своеобразным напоминанием об одной из заповедей: «Не укради» [9, с. 12; 16, с. 160].

Византийские разновесы часто имеют маркировку, указывающую на официальное лицо, под контролем которого был произведен тот или иной весовой эталон. В Британском музее хранятся четыре инкрустированных серебром квадратных разновеса с изображениями императоров и соправителей [25, fig. 8]. Известны находки гирек с именами, изображениями и монограммами эпархов Константинополя, проконсулов, Comes Sacrorum Largitionum и других чиновников [18, с. 103; 10, с. 85–86, табл. I,11, II,8; 25, p. 612; 20, p. 36]. Ярким примером разновесов с именами имперских чиновников является серия гирек VI в. из бронзы и стекла с именем и изображением константинопольского градоначальника Зимарха (рис. 2,5) [18, с. 106–107; 10, табл. III,2–5]. По мнению Ф. И. Успенского и Н. П. Лихачева, имена и изображения чиновников придавали разновесам официальный характер [18, с. 102–103; 12, с. 520]. Возможно, подобные предметы могли использоваться для проверки гирек, принадлежавшим частным лицам.

Находки византийских разновесов на территории Мангупского городища свидетельствует об использовании населением Дороса (раннесредневековое название крепости) имперской весовой системы. Наличие среди них экзагиев указывает на проведение финансовых операций с использованием золотых монет. Характер этих расчетов на текущем этапе исследования вопроса можно определить лишь предположительно: сбор налогов, плата за военную или административную службу, торговые сделки. Разновесы могли принадлежать как представителям административного аппарата (зигостатам, сборщикам налогов), так и частным лицам (торговцам, менялам). Косвенным подтверждением последнего предположения может служить отсутствие на мангупских гирьках официальной маркировки. Рассмотренные в настоящем исследовании весовые эталоны позволяют говорить об активном участии Дороса в экономической жизни Византийской империи в эпоху раннего средневековья.

Приложение 1

Каталог разновесов из раскопок Мангупского городища

1. **Экзагий** (рис. 1,*1*) бронзовый, литой, подпрямоугольной формы. Поверхность грубо зашлифована. На лицевой стороне прочерчена греческая буква N.
   Размеры: 15x14x3 мм. Вес: 4,69 г.
   Место находки: Мангуп-2007. Лагерная Балка. Раскоп XVI. Слой отвала. № к.о. 1071.

2. **Экзагий** (рис. 1,*2*) бронзовый, литой, подпрямоугольной формы. Поверхность отполирована. На лицевой стороне прочерчена греческая буква N. Точки пересечения линий буквы оформлены комбинациями из трех точек. Еще три точки нанесены вдоль диагональной линии, по одной точек – в верхней центральной и нижней левой частях буквы.
   Размеры: 12x11x3 мм. Вес: 4,15 г.
   Место находки: Мангуп-2009. Дворец. Квадрат 11. Прирезка. Слой отвала и дерна. № к.о. 417.
3. **Экзагий** (рис. 1,*3*) бронзовый, литой, квадратной формы. Поверхность грубо зашлифована. На лицевой стороне прочерчена греческая буква N с удлиненной диагональной линией.
   Размеры: 12x12x4 мм. Вес: 4,69 г.
   Место находки: Мангуп-2014. Дворец. Случайная находка. № к.о. 9.
4. **Экзагий** (рис. 1,*4*) бронзовый, литой, квадратной формы. Поверхность грубо зашлифована. Буквенные обозначения отсутствуют.
   Размеры: 11x11x2 мм. Вес: 2,31 г.
   Место находки: Мангуп-2007. Лагерная Балка. Раскоп XV. 3-й слой в северо-западной части. № к.о. 1305.
5. **Экзагий** (рис. 1,*5*) бронзовый, литой, квадратной формы. Поверхность грубо зашлифована. На лицевой стороне прочерчена греческая буква H.
   Размеры: 9x9x3 мм. Вес: 1,39 г.
   Место находки: Мангуп-2010. Дворец. Квадрат 17. Дерн. № к.о. 69.
6. **Экзагий** (рис. 1,*6*) бронзовый, литой, в форме диска с утолщением в центральной части и выступающим ободком. Поверхность зашлифована. В центре лицевой стороны имеется углубление, рядом прочерчена греческая буква N.
   Размеры: диаметр – 30 мм, высота – 8 мм. Вес: 24,95 г.
   Место находки: Мангуп-2010. Дворец. Квадрат 18. Каменный раскат в дерне. № к.о. 55.
7. **Гиря весовая** (рис. 1,*7*), бронзовая, литая, дисковидной формы. Поверхность грубо зашлифована. На лицевой стороне резцом с шириной рабочей части около 2 мм прочерчена греческая буква К (П?).
   Размеры: диаметр – 58 мм, высота – 8 мм. Вес: 186,59 г.
   Место находки: Мангуп-2006. Алмалык. Случайная находка. № к.о. 857.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.
2. Васильев А.А. Описание византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии // Известия Российской академии истории материальной культуры. Петроград, 1922. Т. II. С. 237–240.
3. Византийская книга эпарха / Вступ. статья, пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 300 с.
4. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2006 г. Симферополь, 2007. 292 с. // НА Археологического музея КФУ им. В.И. Вернадского.
5. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2007 г. Симферополь, 2008. 236 с. // НА Археологического музея КФУ им. В.И. Вернадского.

6. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2009 г. Симферополь, 2010. 197 с. // НА Археологического музея КФУ им. В.И. Вернадского.
7. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2010 г. Симферополь, 2011. 173 с. // НА Археологического музея КФУ им. В.И. Вернадского.
8. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2014 г. Симферополь, 2015. 214 с. // НА Археологического музея КФУ им. В.И. Вернадского.
9. Гурулева В.В. Византийские весовые знаки с изображением храма из Херсонеса // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов IX научных Сюзюмовских чтений, 24–27 августа 1997 г. Екатеринбург: УрГУ, 1997. С. 11–12.
10. Гурулева В.В. Византийские весовые знаки бывшего музея Русского Археологического института в Константинополе // Нумизматика и эпиграфика. М., 1999. Вып. XVI. С. 82–98.
11. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. СПб., 1902. Вып. 4. С. 51–119.
12. Лихачев Н.П. Византийские эксагии // Известия Российской академии наук. М., 1925. Серия VI. Т. 19. Вып. 12–15. С. 519–526.
13. Манаев А.Ю., Новиков С.А., Турова Н.П., Чореф М.М. Византийский разновес, найденный на территории Гурзуфа // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2017. Вып. 9. С. 138–144.
14. Обломский А.М., Швырев А.Д. Византийская гирька для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 307–326.
15. Паунов Е. Римски и ранновизантийски мерки за тежест от земите по Горна Струма // Известия на исторически музей Кюстендил. 2005. Т. XII. С. 97–112.
16. Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков. Этюды рынка. Харьков: Майдан, 2001. 474 с.
17. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Часть I. Харьков, М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. 600 с.
18. Успенский Ф.И. О бронзовых разновесах византийского происхождения, находящихся в коллекции // Нумизматика и эпиграфика. М., 1999. Вып. XVI. С. 99–107.
19. Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Керчь, 1962. Т. II. С. 7–235.
20. Acara Eser M. Byzantine Period // Anatolian Weights and Measures / Ed. G. Kürkman. Istanbul: Suna & İnan Kiraç Research Institute on Mediterranean Civilizations, 2003. P. 32–48.
21. Adelson H. Light Weight Solidi and Byzantine Trade During the Sixth and Seventh Centuries. New York: The American Numismatic Society, 1957. 187 p.
22. Custurea G. Ponduri antice şi medievale descoperite recent în Dobrogea // Pontica. Constanta, 2009. No 42. S. 439–443.
23. Davidson G.R. Corinth. Volume XII. The Minor Objects. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 525 p.
24. Epiphanius' Treatise on Weights and Measures. The Syriac Version / Ed. J.E. Dean. Chicago: The University of Chicago Press, 1935. 145 p.
25. Entwistle C. Byzantine Weights // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A.E. Laiou. Washington: Dumbarton Oaks, 2002. Vol. 2. P. 611–614.
26. Codex Iustinianus / Ed. P. Krueger. Berlin: Apud Weidmann, 1892. 513 s.

27. Lightfoot C.S. Byzantine Weights and Related Material // Amorium Reports 3: The Lower City Enclosure. Finds, Reports and Technical Studies / Eds. C.S. Lightfoot, E.A. Ivison. Istanbul: MAS Matbaacılık A.Ş., 2012. P. 379–386.
28. Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmonlianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Eds. Th. Mommsen, P. Meyer. Berlin: Apud Weidmann, 1905. Vol. I–II. 931 s.
29. Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions / Ed. C. Pharr. Princeton: Princeton University Press, 1952. 643 p.
30. Sams G.K. The Weighing Implements // Yassi Ada. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck / Eds. G. Bass, F. Van Doorninck. Texas: A & M University Press, 1982. Vol. I. P. 202–230.
31. Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1970. 291 s.
32. Serra P.B. "Exagia" e "Tesserulae Nominibus Virorum Laudabilium Inscriptae" di eta Bizantina dalla Sardegna // Archivio Storico Sardo. Cagliari, 1989. Vol. XXXVI. P. 45–76.
33. Tekin O. Early Byzantine Weights in the Silifke Museum // Vir Doctus Anatolicus. Studies in Memory of Sencer Şahin. Philia Supplements. Istanbul, 2016. Vol. 1. P. 857–862.
34. Tobias B. Il peso monetale. Note cronotipologiche e distributive // Castelseprio e Torba: Partimonio dell' Umanità / Ed. P.M. De Marchi. Mantova: SAP Societa Archeologica s.r.l., 2013. P. 587–586.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.).* Simferopol, Antikva Publ., 2017, 366 p.
2. Vasil'ev A.A. Opisanie vizantiiskikh gir' i eksagiev, khraniashchikhsia v Akademii. I*zvestiia Rossiiskoi akademii istorii material'noi kul'tury.* Petrograd, 1922, vol. II. pp. 237–240.
3. Siuziumov M.Ia. (Ed.), *Vizantiiskaia kniga eparkha*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury Publ., 1962, 300 p.
4. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh Mangupskogo gorodishcha v 2006 g. Simferopol', 2007. 292 p. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo.*
5. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh Mangupskogo gorodishcha v 2007 g. Simferopol', 2008. 236 p. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo.*
6. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh Mangupskogo gorodishcha v 2009 g. Simferopol', 2010. 197 p. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo.*
7. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh Mangupskogo gorodishcha v 2010 g. Simferopol', 2011. 173 p. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo.*
8. Gertsen A.G. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh Mangupskogo gorodishcha v 2014 g. Simferopol', 2015. 214 p. *Nauchnyi arkhiv Arkheologicheskogo muzeia Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo.*
9. Guruleva V.V. Vizantiiskie vesovye znaki s izobrazheniem khrama iz Khersonesa. *Vizantiia: kumuliatsiia i transliatsiia kul'tur. Tezisy dokladov IX nauchnykh Siuziumovskikh chtenii, 24–27 avgusta 1997 g.* Ekaterinburg, UrGU Publ, 1997, pp. 11–12.

10. Guruleva V.V. Vizantiiskie vesovye znaki byvshego muzeia Russkogo Arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole. *Numizmatika i epigrafika*, Moscow, 1999, vol. XVI, pp. 82–98.
11. Kostsiushko-Valiuzhinich K.K. Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1901 godu. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, St-Petersburg., 1902, vol. 4, pp. 51–119.
12. Likhachev N.P. Vizantiiskie eksagii. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk*, Moscow, 1925, Series VI, T. 19, vol. 12–15, pp. 519–526.
13. Manaev A.Iu., Novikov S.A., Turova N.P., Choref M.M. Vizantiiskii raznoves, naidennyi na territorii Gurzufa. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2017, vol. 9, pp. 138–144.
14. Oblomskii A.M., Shvyrev A.D. Vizantiiskaia gir'ka dlia vzveshivaniia monety, naidennaia v verkhov'iakh r. Voronezh. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, Moscow, 2018, vol. 250, pp. 307–326.
15. Paunov E. Rimski i rannovizantiiski merki za tezhest ot zemite po Gorna Struma. *Izvestiia na istoricheski muzei Kiustendil*, 2005, vol. XII, pp. 97–112.
16. Sorochan S.B. *Vizantiia IV–IX vekov. Etiudy rynka*. Khar'kov, Maidan Publ., 2001, 474 p.
17. Sorochan S.B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaia polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury. Part I.* Khar'kov, Moskva, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke Publ., 2013, 600 p.
18. Uspenskii F.I. O bronzovykh raznovesakh vizantiiskogo proiskhozhdeniia, nakhodiashchikhsia v kollektsii. *Numizmatika i epigrafika*, Moscow, 1999, vol. XVI, pp. 99–107.
19. Chuistova L.I. Antichnye i srednevekovye vesovye sistemy, imevshie khozhdenie v Severnom Prichernomor'e. *Arkheologiia i istoriia Bospora*, Kerch', 1962, vol. II, pp. 7–235.
20. Acara Eser M. Byzantine Period. G. Kürkman (Ed.), *Anatolian Weights and Measures*, Istanbul, Suna & İnan Kiraç Research Institute on Mediterranean Civilizations, 2003, pp. 32–48.
21. Adelson H. *Light Weight Solidi and Byzantine Trade During the Sixth and Seventh Centuries*. New York, The American Numismatic Society, 1957, 187 p.
22. Custurea G. Ponduri antice şi medievale descoperite recent în Dobrogea. *Pontica*, Constanta, 2009, No 42, pp. 439–443.
23. Davidson G.R. *Corinth. Volume XII. The Minor Objects*. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 1952, 525 p.
24. Dean J.E. (Ed.), *Epiphanius' Treatise on Weights and Measures. The Syriac Version*. Chicago, The University of Chicago Press, 1935, 145 p.
25. Entwistle C. Byzantine Weights. A.E. Laiou (Ed.), *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century*, Washington, Dumbarton Oaks, 2002, vol. 2, pp. 611–614.
26. Krueger P. (Ed.), *Codex Iustinianus*. Berlin, Apud Weidmann, 1892, 513 p.
27. Lightfoot C.S. Byzantine Weights and Related Material. C.S. Lightfoot, E.A. Ivison (Eds.), *Amorium Reports 3: The Lower City Enclosure. Finds, Reports and Technical Studies*, Istanbul, MAS Matbaacılık A.Ş., 2012, pp. 379–386.
28. Mommsen Th., Meyer P. (Eds.), *Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmonlianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes.* Berlin, Apud Weidmann, 1905, vol. I–II, 931 p.
29. Pharr C. (Ed.), *Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions.* Princeton, Princeton University Press, 1952, 643 p.
30. Sams G.K. The Weighing Implements. G. Bass, F. Van Doorninck (Eds.), *Yassi Ada. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck*. Texas, A & M University Press, 1982, vol. I, pp. 202–230.

31. Schilbach E. *Byzantinische Metrologie*. München, C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1970, 291 p.
32. Serra P.B. "Exagia" e "Tesserulae Nominibus Virorum Laudabilium Inscriptae" di eta Bizantina dalla Sardegna. *Archivio Storico Sardo*, Cagliari, 1989, vol. XXXVI, pp. 45–76.
33. Tekin O. Early Byzantine Weights in the Silifke Museum. *Vir Doctus Anatolicus. Studies in Memory of Sencer Şahin. Philia Supplements*, Istanbul, 2016, vol. 1, pp. 857–862.
34. Tobias B. Il peso monetale. Note cronotipologiche e distributive. P.M. De Marchi (Ed.), *Castelseprio e Torba: Partimonio dell'Umanità*, Mantova, SAP Societa Archeologica s.r.l., 2013, pp. 587–586.

A. A. DUSHENKO
V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

BYZANTINE WEIGHTS EXCAVATED AT MANGUP

Abstract: This paper discusses Byzantine bronze weights excavated at Mangup. The artefacts are divided into two types according to their square or discal shape. Type 1 comprises five artefacts defined as exagia, or weights used to control the weight of gold coins. From the letters indicating nominal values and the weight of the artefacts there are reasons to consider them standard weights for the nomisma coin and its fractions, semissis and tremissis. According to the analogies, weights of Type 1 dates from the fourth to sixth centuries. Type 2 includes an exagion of the weight equalling six nomismata and a weight showing Greek letter "K" (or "П") of undefined nominal value. The Type 2 artefacts date from the seventh to early ninth centuries. Both types of weights widely spread out through the Byzantine territory and in neighbouring countries. The finds of Byzantine weights at Mangup supply evidence that the residents of Doros followed the imperial weighting system. The presence of exagia indicates financial operations with gold coins.

Keywords: Byzantium, Mangup, Doros, Early Middle Ages, weight standards, exagia.

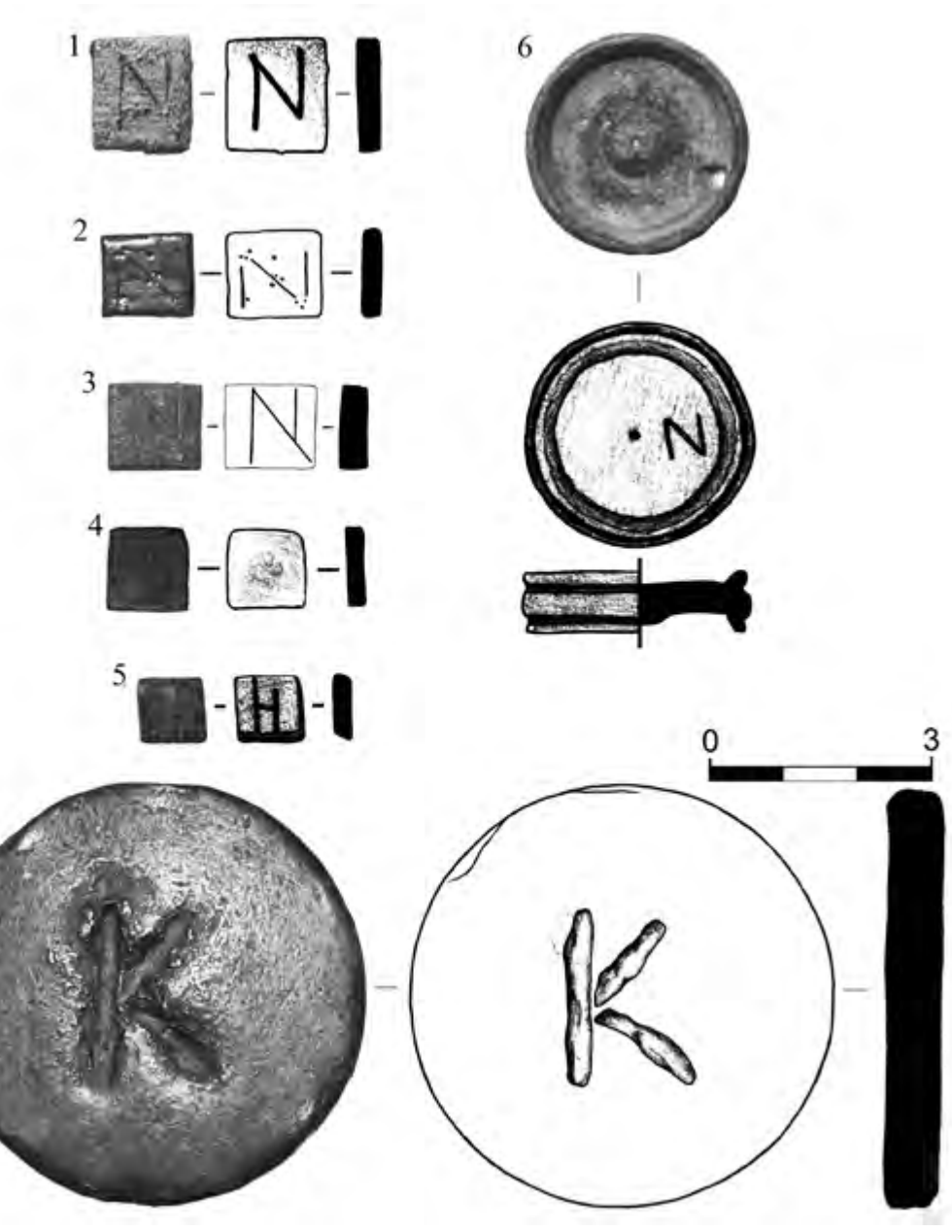


Рис. 1. Разновесы из раскопок Мангупского городища (1–5 – тип 1, 6–7 – тип 2).

Рис. 2. 1 – разновес в 1 фунт из Британского музея [по: 10, табл. III,1]. 2, 3, 6 – разновесы из Анатолии [по: 20, p. 212–214]. 4 – экзагий в 5 номисм из Херсонеса [по: 2, с. 239]. 5 – экзагий в 72 номисмы с изображением эпарха Константинополя Зимарха [по: 10, табл. III,2]. 7 – футляр для весов и набора разновесов [по: 17, рис. 86].

Н. В. ЖИЛИНА

Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

ЛУННИЧНЫЕ СЕРЬГИ И КОЛТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА (МАТРИЦА ИЗ ФОНДОВ ГИАМЗ «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»)

Аннотация: Целью статьи является краткий обзор лунничных украшений византийской традиции в Крыму в свете одной находки из раскопок в Херсонесе: матрицы для колта (раскопки С. Г. Рыжова, 1983 г.). По аналогиям из погребений в могильниках Крыма матрица может датироваться от IX до начала XI вв. Находка матрицы в средневековом Херсоне свидетельствует о работе мастерской в византийской традиции. Находка дает важное звено, демонстрирующее проявление византийских прототипов для украшений в Восточной Европе.

Ключевые слова: серьги, подвески, лунничная форма, матрица, византийская традиция.

Лунничная форма украшения универсальна и не происходит из одного региона. Основной элементарной частью многих подвесных украшений является кольцо, и лунничная форма возникает от утолщения, утяжеления и сосредоточения декора в нижней части кольца. Впоследствии форма лунницы уже вторично связывается с различными вариантами осмысления из сферы символики небесных светил.

По мнению Н. П. Кондакова, общий прототип лунничных украшений происходит из Сирии и был воспринят Византией, Русью и народами Причерноморья, при этом на Руси и в Причерноморье разрабатывается не «культурный» византийский, а «варварский» вариант объемных лунничных колтов [9, с. 197–203]. Тем не менее, древнерусские и причерноморские лунничные украшения оказались различны. Плоскостные лунничные серьги на Руси не распространились. Прототипами древнерусских лунничных колтов являются византийские, форма, орнаментика и эволюция тех и других очень сходны [5, с. 273; 12, с. 21, 22].

Среди лунничных головных украшений средневекового Крыма различаются плоскостные серьги, носимые в ушах, и объемные колты, крепившиеся к головному убору. Предпосылкой перехода к колтам стала, вероятно, сложность и громоздкость парадного праздничного головного убранства знати. Разница в назначении отража-

ется в форме и конструкции этих близких категорий. На колтах бывает оформлена полость для вкладывания тканей, пропитанных благовониями. Дужка колтов имеет устойчивое крепление на штифтах или шарнирах и вытянутую форму для крепления на рясенную ленту или цепь. Известны примеры таких украшений, крепившихся к головному убору на цепочках длиной до 13 см, снабженные также иглой для прикалывания к ткани [9, с. 197–199, рис. 111–112].

Изображения повседневного женского византийского убора постоянно показывают ношение серег, что является ожидаемым продолжением античных традиций: женщина с зеркалом, египетский шерстяной ковер V–VI вв. [16, No 629]; св. Екатерина Александрийская, миниатюра Минология Василия II, 986 г. [11, табл. 73]; женщины и служанка, фрески церкви Св. Пантелеймона, Нерези, 1164 г. [10, с. 323].

Лунничная форма серьги лучше отразилась на западноевропейских изображениях XI в.: одна из добродетелей на алтаре из церкви в Ваттербахе (Германия) около 1000 г.; королева Кунигунда, рельеф на алтаре, Базель (Швейцария), 1020 г.; Богородица на фреске церкви Сан Квертце де Пидрет, Каталония, Испания, XI в. [18, Abb. 7,1–3].

Ранние портреты византийских императриц VI–VIII вв. отображают пышность и обилие подвесного яруса: рясна Ариадны (панель императорского диптиха из Национального музея Барджелло) и Феодоры (мозаика собора Сан-Витале в Равенне, 545–547 гг.). Рясна включают в себя кольцевидные части, приближающиеся к лунничным, к которым крепятся подвески. На изображении св. Агнесы на мозаике в церкви Сант-Аньезе-фуори-ле-Мура в Риме VII в. обильные рясна завершены округлой подвеской, похожей на колт. Параллельно с рясна ми головного убора императрицы и придворные дамы в VI–XI вв. носят серьги в ушах, из-за обильного подвесного яруса у императриц серьги бывают мало заметны (императрица Феодора и придворная дама, мозаика Равенны).

Колты, округлые подвески к головному убору на цепях из бляшек, в Византии заметны по изображениям с XI в.: Феодора, пластина диадемы, перегородчатая эмаль, середина XI в. [17, Abb. 13]; императрица Елена, ставротека, Эстергом (Венгрия), первая половина XI в. [18, Abb. 78; 5, с. 200]. Более отчетливые изображения колтов и способов их ношения относятся к XIII–XIV вв.: св. Елена, ставротека, конец XI – начало XII вв. [3, № 200]; св. Елена, фреска Софийского собора в Новгороде, 1144 г. [11, табл. 210]; императрица Евфросинья, свинцовый моливдовул, 1195–1203 гг. [3, № 237]; Десислава, фрагмент фрески Церкви св. Пантелеймона в Бояне, середина XIII в.; Мария Комнина Акрополитисса, чеканный оклад иконы, XIII–XIV вв. [3, № 246]; невеста, фреска «Брак в Кане Галилейской», церковь Св. Николая, Салоники (Греция), XIV в.

Возможно, к XI–XII вв. произошло слияние рясен и сережных подвесок в единую конструкцию рясен с колтами. Колты воспринимают форму серег, но их носят на рясна х-лентах и рясна х-цепях, а не в ушах. В таком виде они являются инсигниями правящих особ и знати: семья Левона II, миниатюры армянской рукописи, 1272 г. [15, p. 355].

Наблюдения над формами известных византийских лунничных серег и колтов приводят к таким же представлениям. В VI в. лунничная форма серег становится одной из основных [8, № 120]. Серьги выполнены в прорезной технике и литье. Из Херсонеса происходят простые кольцевидные серьги VII в. с утолщением центральной части внизу, переходящие к лунничной форме, показывающие путь образования лунницы [8, № 126, 127].

В это же время в Причерноморье и Средиземноморье известны и золотые объемные колты, некоторые, по мнению Н. П. Кондакова, были изготовлены специально для погребального убора. Украшения орнаментированы крупной филигранью, на них наблюдается стиль перегородчатой инкрустации стеклом, характерный для раннего Средневековья [8, № 119, 130, 131; 9, с. 200–202, рис. 114–117]. Аналогичные золотые подвески из женского погребения в Новопокровке (Восточный Крым), украшенные разноцветными стеклянными вставками, А. И. Айбабин связывает с культурой хазар и датирует концом VII – первой половиной VIII вв. [1, с. 288–295, рис. 4,5,6]. Украшения имеют мощное штифтовое крепление к головному убору.

Такие колты распространены у кочевых народов Северного Причерноморья и Крыма, возможно, и Поволжья, место производства их остается невыясненным, но очень вероятно следование византийской технологии. Этот вариант колтов, орнаментированных в ювелирной технике филиграни, вероятно, был выработан византийскими мастерами для убора варварской знати. Возможно, изделия такого уровня выполнялись на заказ в византийских мастерских.

В IX–X вв. лунничная форма в Византии продолжает развиваться от плоскостных форм к объемным, тисненым. Некоторые украшения продолжали носить как серьги. Роскошные золотые экземпляры оформлены в техниках филиграни и перегородчатой эмали. Более простые серебряные украшения совмещают форму лунницы и грозди, плоскостность и объемность [15, № 166, 167, 228; 16, No 564, 565; 18, Abb. 5,1,2]. Около XI в. складываются лунничные колты, подвески к головному убору, более тяжелые и предназначенные как для украшения, так и для несения внутри корпуса благовоний, размещаемых во внутренней полости [6, с. 200, рис. 125]. К сожалению, датировка византийских украшений во многих случаях остается приблизительной и дискуссионной.

Крымский материал, наоборот, обладает строгими стратиграфическими датировками, вытекающими из четкой хронологии крымских погребений. С византийской формой лунничных серег связывается группа крымских украшений, хорошо известных по находкам из гото-аланских могильников. Несколько пар серег найдено в могильнике у с. Лучистое в погребениях IX в. (рис. 1,*5–12*). Серьги выполнены штампованием из одинарной пластины. На лицевых сторонах представлены различные композиции с образом птиц: парных или одиночных – павлин с распластанными крыльями, птица в профиль. В склепе 14 такая пара обнаружена в районе черепа (рис. 1,*3,4*), около височных костей зафиксированы остатки ткани [2, с. 86, 87, табл. 58,1,2]. В некоторых случаях изображения не сохранились (рис. 1,*5,6*). Не все

серьги аналогичны византийским по орнаментации. Используется более простой геометрический орнамент, прорези. Есть упрощенные формы с тремя, а не с пятью шариками. Видимо, такие варианты являлись подражанием византийской форме (рис. 1,*11,12,15*).

В IX квартале северо-восточного района Херсонеса найдена бронзовая матрица для изготовления двусторонних лунничных украшений, скорее всего – колтов[1] (рис. 2). Точной стратиграфической датировки данная находка, к сожалению, не получила. Матрица найдена на площади перед баней, входившей в комплекс дома, погибшего в XII–XIII вв. Ряд находок из помещений дома связывается с ювелирным производством [13, с. 21; 14, рис. 50а][2].

Изображение лицевой стороны – распластанная птица (павлин) – хорошо соответствует паре серег из склепа 14 могильника Лучистое, выполненных по матрице с аналогичным изображением (рис. 1,*16*; 2,*1а,2а*). Различными являются только некоторые детали изображения, например, штриховка перьев. В целом отмечается и стилистическая близость: геометризованное, несколько схематичное изображение. Но, в отличие от серег, матрица предназначена для изготовления двухстороннего объемного изделия, возможно, для колта. На оборотной стороне матрицы находится четко организованное трапециевидное клеймо завитково-растительного орнамента в геометризованном варианте (рис. 2,*1б,2б*). Размер матрицы из Херсонеса также близок размеру серег из погребений.

Вероятно, данная находка матрицы демонстрирует изготовление более сложных и продвинутых относительно плоскостных серег украшений, связанных с развитием той же византийской традиции лунничных изделий. Изображение сохраняется практически без существенных изменений. Поэтому датировку аналогий из погребений – IX в. – можно рассматривать как ориентирующую, во всяком случае, как начальную хронологическую отправную точку для матрицы. Возможно, колты или украшения по данной матрице могли изготавливаться и позже, в IX – начале XI вв. Для этого времени на ювелирных украшениях характерен геометризованный стиль орнаментации [7, с. 61–65].

Находка матрицы в средневековом Херсоне свидетельствует о работе мастерской в византийской традиции. Следует отметить, что среди древнерусских украшений нет близкой аналогии такому изображению павлина ни в технике черни, ни в технике эмали. Наиболее ранние древнерусские украшения в этих техниках можно относить ко второй половине XI в. Поэтому данная интересная находка дает важное промежуточное звено, демонстрирующее проявление развития византийских прототипов для украшений в Восточной Европе.

[1] Матрица происходит из раскопок С. Г. Рыжова 1983 г. (Инв. № 37050/167). Благодарю С. Г. Рыжова за возможность ознакомления с материалами раскопок и публикации этой находки.

[2] Благодарю Т. Ю. Яшаеву, заведующую Отделом византийской истории ГИАМЗ «Херсонес Таврический» за помощь в подготовке статьи и консультации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 277–315.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 335 с. (Боспорские исследования. Suppl. 4).
3. Банк А.В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М.: Советский художник, 1966. 392 с.
4. Волошинов А.А. Раннесредневековый склеп на могильнике у с. Верхоречье Бахчисарайского района // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 252–257.
5. Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.
6. Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН, «Гриф и К», 2010. 260 с.
7. Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS; Книжный дом «Либроком», 2014. 400 с.
8. Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 272 с.
9. Кондаков Н.П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Том первый. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1896. 214 с. Табл.
10. Культура Византии. Вторая половина VII – XII вв. / Под ред. З.В. Удальцовой. М.: Наука, 1989. 660 с.
11. Лазарев В.Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1948. Т. II. Атлас. 350 табл.
12. Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975. 134 с.
13. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках в IX квартале в северо-восточном районе Херсонеса. 1983 г. // Научный архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. Р-1. Д. № 2402.
14. Рыжов С.Г. Альбом иллюстраций, 1983 г. // Научный архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Ф. Р-1. Д. 2403.
15. The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261 / Eds. H.C. Evanc, W.D. Wilson. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2006.
16. Everyday Life in Byzantium / Ed. D. Papanikola-Bakirtz. Athens: Epikoinonia Ltd., 2002. 600 p.
17. Schulze-Dorlamm M. Die Kaiserkrone Konrads II. (1024–1039). Mainz: Thorbecke, 1991. 146 S. (Monographien RGZM. Bd. 23).
18. Schulze-Dorlamm M. Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes. Mainz: Thorbecke, 1991. 134 S. (Monographien RGZM. Bd. 24).

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Arkheologicheskoie nasledie khazar vremeni sozdaniia kaganata. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2013, Vol. XVIII, pp. 277–315.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoye. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 godov.* Simferopol'; Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 335 p.
3. Bank A.V. *Vizantiyskoie iskusstvo v sobraniiakh Sovetskogo soiuza.* Leningrad, Moscow, Sovetskiy Khudozhnik Publ., 1966, 392 p.
4. Voloshinov A.A. Rannesrednevekovyi sklep na mogil'nike y s. Verkhorech'e Bakhchiarayskogo rayona. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2005, Vol. XI, pp. 252–257.

5. Darkevich V.P. *Svetskoye iskusstvo Vizantii. Proizvedeniya vizantiyskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoy Evrope X–XIII veka.* Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, 350 p.
6. Zhilina N.V. *Zern' i skan' Drevney Rusi.* Moscow, Institut Arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, "Grif и K" Publ., 2010, 260 p.
7. Zhilina N.V. *Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiia, stilistika i khronologiia ukrasheniy.* Moscow, URSS, Knizhnyy dom "Librokom" Publ., 2014, 400 p.
8. Zalesskaia V.N. *Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vekov. Katalog kollektsii*. St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, 272 p.
9. Kondakov N.P. *Russkie klady. Issledovaniie drevnostey velikoknyazheskogo perioda.* T. I. St-Petersburg, 1896, 214 p.
10. Udal'tsova Z.V. (Ed.), *Kul'tura Vizantii. Vtoraia polovina VII – XII v.* Moscow, Nauka Publ., 1989, 660 p.
11. Lazarev V.N. *Istoriia vizantiyskoy zhivopisi. T. II. Atlas.* Moscow, Iskusstvo Publ., 1948, 350 tabl.
12. Makarova T.I. *Peregorodchatyie emali Drevney Rusi.* Moscow, Nauka Publ., 1975, 134 p.
13. Ryzhov S.G. Otchyot o raskopkakh v IX kvartale v severo-vostochnom rayone Khersonesa. 1983 g. *Arkhiv of the State Museum-Preserve Tauric Chersonese.* F. R-1. D. 2402.
14. Ryzhov S.G. Al'bom illustratsiy. 1983 g. *Arkhiv of the State Museum-Preserve Tauric Chersonese.* F. R-1. D. 2403.
15. Evanc H.C., Wilson W.D. (Eds.), *The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261.* New York, The Metropolitan Museum of Art Publ., 2006.
16. Papanikola-Bakirtz D. (Ed.), *Everyday Life in Byzantium*. Athens, Epikoinonia Ltd., 2002, 600 p.
17. Schulze-Dorlamm M. *Die Kaiserkrone Konrads II. (1024–1039).* Mainz, Thorbecke Publ., 1991, 146 S.
18. Schulze-Dorlamm M. *Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes*. Mainz, Thorbecke Publ., 1991, 134 S.

N. V. ZHILINA

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

LUNULAR EARRINGS AND PENDANTS IN MEDIAEVAL CRIMEA (A MATRIX FROM THE COLLECTION OF THE STATE MUSEUM PRESERVE OF TAURIC CHERSONESE)

Abstract: This paper presents a brief review of lunular adornments featuring the Byzantine tradition in the Crimea in the light of a find uncovered in Chersonese, a matrix for making of pendants (excavated by S. G. Ryzhov in 1983). According to the parallels in the burials in the Crimean cemeteries, this matrix dates from the ninth to early eleventh century. The matrix found in mediaeval Cherson testifies that there was a workshop working in the Byzantine tradition. This find supplies an important link demonstrating Byzantine prototypes of Eastern European jewelry.

Keywords: earrings, pendants, lunular form, matrix, Byzantine tradition.

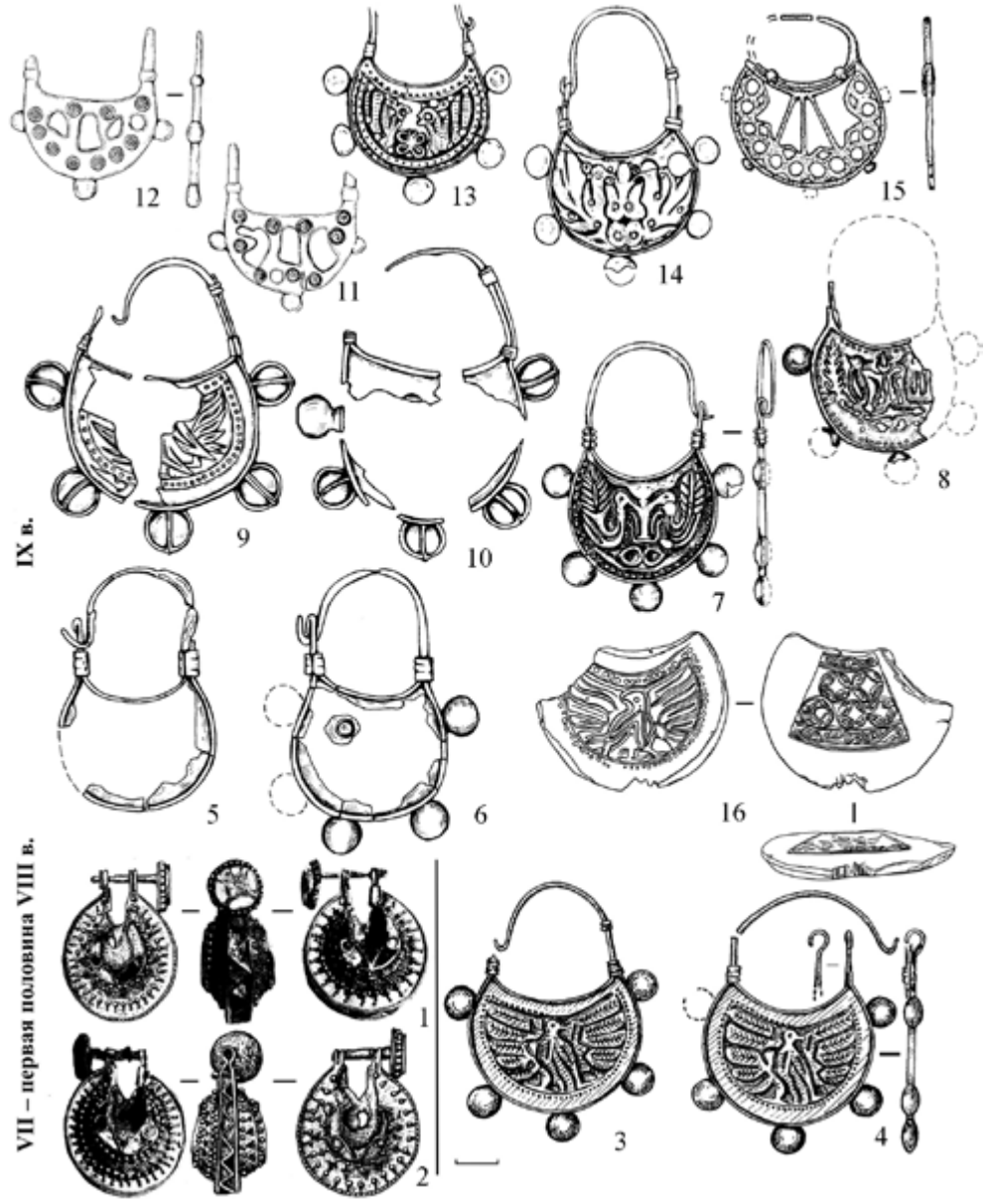


Рис. 1. Лунничные головные украшения: 1, 2 – золотые височные подвески, женское погребение, Восточный Крым, Новопокровка [1, рис. 4,5,6]; могильник Лучистое, серьги, бронза: 3, 4 – склеп 14, погребение 1 [2, табл. 58,1,2]; 5, 6 – склеп 20, погребение 3 (вторая половина IX в.) [2, табл. 72,1,2]; 7, 8 – склеп 29, слой 2 [2, табл. 84,1,2]; 9, 10 – могила 37, филигрань [2, табл. 123,1,2]; 11, 12 –случайные находки 1971 г. [2, табл. 6,5,6]; 13, 14 – могила 203 [2, рис. 32,14,15]; 15 – Верхоречье, склеп VIII – первой половины IX в. [4, рис. 2,10]; 16 – матрица, бронза, Херсонес, Северо-Восточный район, IX квартал, раскопки С. Г. Рыжова.

Рис. 2. Матрица, бронза, Херсонес, Северо-Восточный район, IX квартал, раскопки С. Г. Рыжова. Фонды ГИАМЗ «Херсонес Таврический», инв. № 37050/167. Рисунок Н. С. Сафроновой, художника ИА РАН, по фото К. В. Зыковой, фотографа ГИАМЗ «Херсонес Таврический».

А. И. АЙБАБИН

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

РАСКОПКИ УСАДЬБЫ 2 В КВАРТАЛЕ I НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН[1]

Аннотация: В статье публикуются обнаруженные в 2007–2008 гг. материалы раскопанной в восточной части квартала I усадьбы 2 (рис. 2). На занимаемом усадьбой участке зафиксированы два периода жизнедеятельности. Ранний период начался в VII в. В начале второго периода в X в. в южной части квартала снесли ранний двор усадьбы 2 и подготовили участок для часовни (рис. 3–4; 11). В этот период усадьба 2 состояла из прямоугольных в плане помещений 1–5 и нового хозяйственного двора, сооруженного в ее северной части (рис. 2; 4; 6–11). Скальную поверхность всех помещений первого этажа и вырубленные в скале подвалы, хранилища и ямы перекрывал мощный слой разрушения. Керамика и монеты из слоя датируют гибель усадьбы второй половиной XIII в. Вероятно, город разрушили татары в конце XIII в. во время похода войск Ногая в 1298/99 г.

Ключевые слова: Эски-Кермен, квартал, усадьба, помещение, амфора, поливная керамика.

Город на плато Эски-Кермен (рис. 1) отличается градостроительным обликом от других так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. На протяжении всего периода существования в городе сохранялась созданная в раннее средневековье сетка прямоугольных кварталов, сооруженных по обе стороны продольных главной и параллельной ей улиц [1, с. 222–223].

В 1936–1937 гг. экспедиция ГАИМК раскрыла остатки кварталов на двух участках в восточной части плато: у восточной калитки и в 130 м к северу от нее (рис. 1) [9, с. 277–280, рис. 1; 5, с. 69–87; 2, с. 241, рис. 5]. С 2003 г. экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины, а с 2014 по 2018 гг. экспедиция Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского изучала квартал I, расположенный

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00314 А «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму».

на главной улице напротив пещерного каземата V (рис. 1–2). В квартале раскрыты строительные остатки пяти усадеб и часовни. Результаты исследования усадьбы 1 и квартальной часовни уже изданы [2, с. 241, рис. 1][2].

В статье публикуются обнаруженные в 2007–2008 гг. материалы раскопанной в восточной части квартала усадьбы 2 (рис. 2). На занимаемом ей участке зафиксированы два периода жизнедеятельности. Ранний период, вероятно, начался в VII в. [2, с. 240, 250].

Довольно сложно реконструировать планировку усадьбы 2 раннего периода. Как показано в статьях 2010 [1, с. 215–216] и 2011 гг. [3, с. 422], в этот ранний период в ее южной части размещался двор, с запада граничивший с двором усадьбы 1, с юга – с первой поперечной улицей (ширина 2,95–3,5 м), с востока – с краем террасы. С севера за ямой 3 его ограничивала стена ранней усадьбы. Видимо, первоначально вход находился в северо-восточном углу двора, где под стеной 30 прослежены высеченные в скале три ступени лестницы (рис. 3–5; 6,*4*). На территории двора выявлены вырубленные в скале ямы 1, 3, 4, 21, 25, давильня и тарапан раннего периода.

Во второй период жизнедеятельности усадьба 2 состояла из прямоугольных в плане помещений 1–5 и нового хозяйственного двора, сооруженного в ее северной части (рис. 6–11). Она с севера ограничена оградой двора (длина 7,8 м), с запада – внешней общей для помещений 3 и 4 двора стеной 20 (длина 12,4 м), с юга стенами 21 и 29, а с востока – общей для помещений 1, 2, 5 и двора стеной 31. Стены помещений трехслойные, облицованные с двух сторон кладкой из небольших бутовых камней на грязевом растворе, сложены на вырубленных в материковой скале цоколях либо на поверхности скалы. В углы закладывали крупные обтесанные камни. Откосы и порог дверных проемов выложены крупными обработанными прямоугольными блоками из местного известняка (рис. 6–8; 10–11).

В начале второго периода в южной части квартала снесли ранний двор усадьбы 2 и подготовили участок для часовни (рис. 3–4; 11). В северо-западном углу участка в скале вырубили водосток (длина 6,2 м, ширина 0,1–03 м, глубина 0,1 м). При углублении пола часовни стесали верхнюю часть хозяйственных ям и трапециевидного в плане суслоприемника тарапана (рис. 3–4). Стены часовни возвели над водостоком, давильней и ямой 4 [1, с. 215–216, рис. 4–5, 14].

Давильня (рис. 3–4; 12–15) вырублена в северо-восточном углу двора [1, с. 216, рис. 6–7]. Она состоит из двух ям (длина большей из них 1,94 м, ширина 1 м, длина меньшей 0,78 м, ширина 0,55 м). У западного борта большой ямы стоял известняковый блок (0,7х0,4х0,3 м), в ее южном борту высечена ниша. Вероятно, в ней был установлен давильный пресс, а меньшую яму использовали для сбора жидких продуктов.

Для укрепления северо-восточного угла часовни западную часть большой ямы перекрыли массивной плитой. Очевидно, вскоре после постройки часовни на дне

[2] В статье 2014 г. дана уточненная нумерация усадеб в квартале и зачищенных в них жилищ и хозяйственных сооружений.

большой ямы захоронили женщину с младенцем. Тело умершей положили на спине, продвинув голову под перекрытие (рис. 12–15), а на ее ноги – младенца. В области пояса женщины лежал лепной кувшинчик (рис. 15), подобный найденным в Херсоне в слоях IX–X вв. [13, с. 80, рис. 48,3], в Тмутаракани и в Саркеле в слоях конца X – начала XI вв. [8, с. 29, рис. 17,6].

Юго-восточную часть **ямы 4** (рис. 3–4; 16,*1–2*) (1,05х0,6 м, глубина 0,6 м) накрыли массивной известковой плитой, на которой возвели стену часовни 23 [3, рис. 2–3]. Верхняя часть ямы заполнена светло-серым зольным грунтом, а нижняя часть – темно-серым зольным грунтом, содержавшим мелкие фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Однотипные кувшины изготовлялись в последней трети IX – XI или до начала XII в. [10, с. 63; 11, с. 318–320, рис. 5; 14, p. 35].

Часовню не могли построить раньше захоронения X в. в давильне. По керамике из захоронения в давильне и нижнего слоя заполнения ямы 4 начало второго периода жизнедеятельности в квартале можно отнести к X в.

В поздний период нашли применение ранней хозяйственной **яме 1** (диаметр 1,04 м, глубина 1,45 м) (рис. 3–4). Поскольку она расположена напротив входа в храм, то ее закрывали прямоугольной крышкой [3, с. 424, 425, рис. 2–3, 4,1, 12–13]. В яме под слоем разрушения, содержавшем угли от сгоревших балок, фрагменты белоглиняных поливных сосудов типа GWW IV [17, p. 30-33, fig. 11,8–26], амфор с бугристой внутренней поверхностью класса 52 по херсонесской классификации 1995 г. (ХК-95) [10, с. 83–88] и с высоко поднятыми ручками класса 45 по ХК-95 [10, с. 73–77] или Günsenin IV [15, p. 274–276, Fig. 12–14; 16, p. 31–34], лежал скелет ребенка. Ниже прослежен серый слой, насыщенный золой, мелкими камнями и большим количеством мелких костей скелета человека (ребра, позвонки, пальцы рук и ног). На дне выявлен темный зольный слой мощностью 0,5 м, содержавший фрагменты стеклянной лампады второй половины XIII в. [2, с. 249, рис. 16,1], амфор класса 52 по ХК-95 и класса 45 по ХК-95 (Günsenin IV). Амфоры класса 52 по ХК-95 в Херсоне типичны для слоев второй половины XIII – XIV вв. [13, с. 111–113; 6, с. 194; 2, с. 246, рис. 17,1–3], а на Пелопоннесе и в Коринфе – для слоев последней четверти XIII – первой четверти XIV вв. [20, p. 196, 198, 199, Fig. 5]. Амфоры класса 45 по ХК-95 в Юго-Западном Крыму и в Причерноморье встречены в слоях XIII–XIV вв. [13, с. 111–113; 6, с. 193–194; 2, с. 246, рис. 15]. Судя по керамике из нижнего слоя, в яме похоронили в XIII в.

В начале второго периода жизнедеятельности рядом с часовней и водостоком подготовили участок для возведения **помещения 1**, освободив от хозяйственной **ямы 3** (глубина 1,2 м) (рис. 3; 9,*3*; 17) раннего периода. Для этого в ее борту вырубили новую **яму 3б** (глубина 1 м). На дне каждой ямы высечено круглое углубление под ножку пифоса. Ямы были засыпаны однородным серым плотным зольным грунтом с мелкими камнями. Из заполнения извлекли фрагмент дна высокогорлого кувшина с плоскими ручками, фрагмент стенки амфоры X–XII вв. типа Гюнзенин II [15, p. 271; 16, p. 26–27] и фрагменты поливных сосудов IX–X вв. группы GWW II

по классификации Дж. Хейса [17, p. 18, 113–114]. Как полагает Л. А. Голофаст, в опубликованной этом же томе совместно с И. А. Завадской статье, керамика из засыпи ям характерна для X–XI или начала XII в.

Помещение 1 (рис. 2; 8–9; 11–13; 18–20) пристроено к южной внешней стене 21/28 (длина 9 м) и к восточной внешней стене 31 (длина участка в помещении 4,9 м). Зафиксировано два строительных периода [2, рис. 12,2]. Первоначально помещение примыкало к водостоку (площадь 19,9 м²). Стена 22 (длина 5,35 м) сложена впритык к стене 21/28 (длина в помещении 4,9 м), к стене 29а и к стене часовни 24. Фундамент стены 22 поставлен на три крупных блока, которыми перекрыли засыпь ямы 3. От стены 29а сохранился высеченный в скале цоколь (длина 1,9 м, ширина 0,5 м, высота от уровня пола 1 м). Его западной стороной был борт ямы 3 (рис. 17). Скальный пол помещения подтесан на глубину 0,3–0,9 м. Вдоль цоколя стены 22 в скале высечены две кормушки (длина 1,8 м, ширина 0,82 м, глубина 0,05–0,1 м). Бортом одной кормушки был цоколь стены 29а.

Комплекс керамики из ям 3 и 3а дает основание отнести строительство помещения 1 к X или к XI в. Видимо, поскольку между часовней и помещением оставили слишком узкое пространство (ширина 0,3 м), то во время сильного дождя вода с крыши более высокого здания заливала крышу более низкого. Поэтому спустя некоторое время в помещении 1 разобрали стену 29а и параллельно ей поверх одной кормушки сложили стену 29 (длина 4,6 м) с дверным проемом (ширина 0,9 м) (рис. 19). Площадь помещения 1 второго строительного периода уменьшилась до 15,7 м². Между помещением и часовней образовался тупик (длина 6 м, ширина 1,5 м), по которому из помещения выходили на улицу на соседней террасе.

Помещение 2 (рис. 2; 7–10; 20) (площадь 12,5 м²) дверным проемом в стене 28 соединялось с помещением 1. Стена 27 (длина 3,1 м, ширина 0,56 м) сложена впритык к стенам 21/28 и 32. От общей с помещением 5 стены 32а (длина 5 м) сохранилось высеченное в скале основание цоколя (рис. 20). В ее северо-западном углу находился дверной проем с лестницей с тремя ступеньками, высеченными в скале в помещении 5. Очевидно, стена 2а была пристроена к стене 31. В заглубленном на 0,3–0,5 м полу вырублены хранилище 2, маленькая круглая яма для ручной мельницы и ямы для установки деревянных столбов.

Хранилище 2 (рис. 8; 20) (длина 2,1 м, ширина 1,5 м, глубина от уровня пола 1,2 м) в плане неправильной формы с закругленными углами. По верхним краям его длинных бортов вырублены продольные углубления (длина 2,1 м, ширина от 0,11 до 0,17 м, глубина 0,08 м), предназначенные для укладки деревянного перекрытия. На дне вырублены четыре ямы для установки пифосов. Хранилище заполнено мощным метровым завалом камней, перекрывавшим слой светло-серого зольного грунта мощностью 0,3 м. В слое камней найдены фрагменты пифосов, керамид и калиптеров, амфор класса 52 по ХК-95 и класса 48 по ХК-95 (Günsenin III) [15, p. 271–273, Fig. 8; 16, p. 28–30], встреченные в слоях XII–XIII вв., и железные гвозди. В светло-сером зольном слое обнаружены фрагменты амфор класса 52 по ХК-95, класса 45 по ХК-95 (Günsenin IV) [15, p. 274–276, Fig. 12–14; 16, p. 31–34], высокогорлого кувшина с плоскими ручками, керамид и калиптеров.

Помещение 3 (рис. 2; 7–8; 21) (площадь 9 м²) сооружено в углу, образованном внешними стенами усадьбы 20 и 21/28. К стене 21 (длина 2,4 м, ширина 0,6 м) впритык сложены стены 20 и 27 (длина 3,1 м, ширина 0,56 м). К стене 27 впритык возведена стена 32 (длина 2,8 м, ширина 0,56 м, сохранилась на высоту 0,95 м) с дверным проемом (ширина 0,85 м) в помещение 4. Пол помещения 3 заглублен на 0,4–0,5 м.

Помещение 4 (рис. 2; 7–8; 10; 21) (площадь 11,8 м²) пристроено к внешней стене 20 (длина участка в помещении 3,8 м). Стена 34а (длина 3,2 м) сооружена впритык к стене 33 (длина 4 м, ширина 0,6 м). В стене 33 сделан дверной проем (ширина 1 м) в помещение 5, а в стене 34а – широкий дверной проем (ширина 1,68 м) во двор. Порог проема сложили из одного ряда обработанных камней. Скальный пол помещения подрублен на глубину 0,2 м. В полу высечены три круглых ямы (диаметром от 0,2 до 0,3 м) и одна яма для установки деревянного столба.

Помещение 5 (рис. 2; 7–8; 10; 22–23) (площадь 20,5 м²) ограничено стенами 31(длина участка в помещении 4,2 м), 32а (длина участка в помещении 5 м), 33 и 34 (длина участка в помещении 4,8 м). Стена 34 сложена впритык к стенам 31 и 33. Скальный пол помещения подрублен на глубину 0,25 м. В полу вырублены хранилище 3, пять круглых ям и две прямоугольные ямы под основания деревянных столбов.

Хранилище 3 (рис. 10; 22–23) (длина 1,4 м, ширина 1 м, глубина 1,5 м) в плане неправильной формы с закругленными углами. Видимо, незадолго до гибели городища владелец усадьбы для удвоения объема хранилища начал вырубать в восточном борту большой прямоугольный блок (длина 6,2 м, ширина 6,4 м). Нижняя часть хранилища заполнена слоем серого зольного плотного грунта толщиной 0,65 м, содержавшим фрагменты амфор класса 45 по ХК-95 (Günsenin IV) [15, p. 274–276, Fig. 12–14; 16, p. 31–34]. В грунт вкопан тонкостенный пифос, найденный in situ. Плотный грунт перекрывал слой пожара, из которого извлекли белоглиняные кувшин и чашу с подглазурной росписью марганцевой краской [2, с. 248, рис. 21,4,4а; 22], типичные для группы 9 по Якобсону [13, с. 144, 146] или для группы GWW IV (Glazed White Ware IV), датированной серединой XII – XIII вв. [17, p. 30–33]. В Херсоне керамика типа GWW IV обнаружена в слоях XIII в. [6, с. 210–213]. Там же найдены фрагменты амфор класса 43 по ХК-95 (Günsenin II) и красноглиняного сосуда покрытого монохромной темно-желтой глазурью группы 6 по Якобсону [13, с. 133, 135, 138, 140, рис. 84–88]. А. Л. Якобсон считал, что сосуды этой группы в XIII в. изготовляли в Херсоне [13, с. 133, 140]. По мнению Л. А. Голофаст, данная керамика по орнаментике подобна сосудам группы Port St. Symeon Ware, получившей название по месту производства в порту Сен Симеон (араб. Аль-Мина), располагавшемся на территории Принципата Антиохии [6, с. 208]. В Сен Симеон рассматриваемая керамика найдена в слоях с монетами первой половины XIII в., возникших в период

господства крестоносцев [19, p. 115–116]. После разгрома города в 1268 г. аналогичную керамику производили и в других центрах [18, p. 16].

Двор (рис. 2; 7–8; 24–28) (длина 8 м, ширина 4,1 м) сооружен во второй период жизнедеятельности между помещениями 4, 5 и второй поперечной улицей (ширина 3 м), скальная поверхность которой в результате подтески понижена к краю террасы. Северный край двора возвышается над поверхностью улицы от 0,18 до 0,74 м. От северной стены удалось проследить вход во двор с поперечной улицы (ширина 0,9 м) и остатки постелей. Вдоль северного края выявлены высеченные в скале три круглых и прямоугольные ямы для столбов. Через вход на улицу была вырублена водосточная канава (ширина 0,2 м), проложенная до высеченной на краю террасы водосборной цистерны. С запада двор ограничен участком стены 20 (длина 3,92 м), а с юга – стенами 34а с дверным проемом в помещение 4 и 34. От восточной стены 31 сохранились высеченные на краю террасы постели (длина до 1 м, ширина 0,6 м) и лестница с тремя ступенями (длина 1 м, ширина 0,3 м, высота 0,3 м), вырубленными у входа с нижней террасы. Скальный пол двора ровный. В его юго-восточном углу вырублено **хранилище 5** (рис. 8; 24; 27) (размеры 1,5х1,4 м, глубина 1 м). На дне высечены три ямы для установки пифосов. Хранилище заполнено плотным грунтом, перемешанным с известняковым отесом, большим количеством камней, фрагментов черепицы и амфор класса 45 по ХК-95 (Günsenin IV), класса 48 по ХК-95 (Günsenin III), класса 52 по ХК-95. Найдены также единичные фрагменты высокогорлого кувшина с плоскими ручками и амфоры класса 24 по ХК-95 [10, с. 50–52, табл. 20–22] VIII–IX вв.

В 1 м от восточной стороны хранилища 5 начали вырубать еще одно **хранилище 5а** (длина 1,4 м, ширина 1,4 м, глубина 0,2 м). В этом же углу двора в скальном полу вырублены яма для ручной мельницы и пять ям для деревянных столбов.

Описанные помещения пригодны только для хозяйственной деятельности. Скальный пол в помещениях подрублен на глубину от 0,2 до 1 м. В помещениях 2 и 5 и во дворе в скальном полу высечены хранилища – большие ямы неправильной формы с закругленными углами, в которых стояли пифосы. В помещении 1 с вырубленными кормушками держали домашних животных. Хотя каменные основания лестниц на второй этаж не сохранились, можно предположить, что усадьба была двухэтажной. Ее обитатели жили на сооруженном из дерева верхнем этаже. Деревянные перекрытия первого этажа дополнительно подпирали прямоугольными столбами, которые устанавливали в ямы, специально вырубленные в скальном полу всех помещений первого этажа [2, с. 241–243]. Крышу накрывали плоской черепицей [7, с. 213–232].

В помещениях 5 и во дворе обнаружены свидетельства добычи каменных блоков, предназначавшихся для облицовки откосов и порогов дверных проемов. Блоки выламывали не только в каменоломнях [12, с. 208–221], но и в процессе вырубки хранилищ и подвалов.

Судя по упомянутым кормушкам, многочисленным ямам для ручных мельниц, находке в помещении 2 серпов [4, с. 352–363, Ил. 2,2,5,10,11; 3,4-6], жители данной усадьбы, так же как и их соседи, выращивали злаки и разводили домашних животных.

Скальную поверхность всех помещений первого этажа и вырубленные в скале подвалы, хранилища и ямы перекрывал мощный слой разрушения, насыщенный камнями от рухнувших стен и содержавший многочисленные фрагменты черепицы от обвалившейся крыши, остатки сгоревшего дерева и множество больших гвоздей. Из слоя разрушения извлекли фрагменты плоскодонных двуручных амфор классов 45, 48 и 52 по ХК-95 и трехручных кувшинов класса 51 по ХК-95 [10, с. 82–83], характерных для слоев XIII–XIV вв., и фрагменты поливной керамики XII–XIII вв. В слое разрушения также встречены херсоно-византийские бронзовые монеты XIII в. с монограммой «ро».

Керамический комплекс и монеты позволяют датировать слои разрушения города второй половиной XIII в. Вероятно, город разрушили татары в конце XIII в. во время похода войск Ногая в 1298/99 г. [2, с. 246–250].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 214–239.
2. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Византийский сельскохозяйственный инвентарь из раскопок на Эски-Кермене // ТГЭ. 2015. Вып. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. С. 352–368.
5. Веймарн Е.В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // АДСВ. Свердловск, 1982. С. 69–87.
6. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
7. Завадская И.А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 213–232.
8. Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 5–72.
9. Репников Н.И. Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. М., Л., 1941. С. 277–279.
10. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995.
11. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X века из раскопок квартала «Б» северного района Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. X. С. 312–329.
12. Хайрединова Э.А. Каменоломня на подъемной дороге городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 208–221.
13. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 164 с.

14. Aibabin A.I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 31–65.
15. Günsenin N. Recherches sur les Amphores Byzantines dans les musées Turcs // BCH. 1989. Suppl. XVIII.
16. Günsenin N. Les Amphoras Byzantines (Xe-XIIIe siecles): typologie, production, circulation d'apres les collections turques. Thèse de Doctorat Université Paris I (Panthéon-Sorbonne). 1990. 320 p.
17. Hayes J.W. The pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992.
18. Kubiak W.B. Overseas Pottery Trade of Medieval Alexandria as Shown be Recent Archaeological Discoveries // Folia Orientalia. 1969. X. P. 5–30.
19. Kubiak W.B. Crusaders' Pottery of Al-Mīnā Found at Fusṭāṭ // Folia Orientalia. 1970. XII. P. 113–123.
20. Sanders G. Three Peloponnesian churches and their importance for the chronology of Late 13th and Early 14th century pottery in the Eastern Mediterranean // BCH. 1989. Suppl. XVIII.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. Gorodishche na plato Eski-Kermen v period gospodstva khazar v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, vol. XVI, pp. 214–239.
2. Ajbabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, vol. XIX, pp. 240–277.
3. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. Pozdnesrednevekovaya chasovnya na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, vol. XVII, pp. 422–457.
4. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. Vizantijskij sel'skokhozyajstvennyj inventar' iz raskopok na Eski-Kermene. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, St-Petersburg*, 2015, vol. LXXIV, pp. 352–368.
5. Vejmarn E.V. Zhilye usad'by Eski-Kermenskogo gorodishcha. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Sverdlovsk, 1982, pp. 69–87.
6. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Raskopki kvartala X v Severnom rajone Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 182–260.
7. Zavadskaya I.A. Problemy interpretatsii rel'efnykh metok na srednevekovoj cherepitse Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2015, vol. XX, pp. 213–232.
8. Pletneva S.A. Srednevekovaya keramika Tamanskogo gorodishcha. *Keramika i steklo drevnej Tmutarakani*, Moscow, 1963, pp. 5–72.
9. Repnikov N.I. Gorodishche Eski-Kermen. *Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934-1936 gg.*, Moscow, Leningrad, 1941, pp. 277–279.
10. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantijskogo Khersonesa*. Ekaterinburg, 1995.
11. Ryzhov S.G., Sedikova L.V. Kompleksy X veka iz raskopok kvartala «B» severnogo rajona Khersonesa. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 1999, vol. X, pp. 312–329.
12. Khajredinova E.A. Kamenolomnya na pod"emnoj doroge gorodishcha Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, vol. XXI, pp. 208–221.
13. Yakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj Tavriki*. Leningrad, 1979, 164 p.

14. Aibabin A.I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea. *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006, pp. 31–65.
15. Günsenin N. Recherches sur les Amphores Byzantines dans les musées Turcs. *Bulletin de correspondance hellénique*, 1989, Suppl. XVIII.
16. Günsenin N. *Les Amphoras Byzantines (Xe-XIIIe siecles): typologie, production, circulation d'apres les collections turques.* Thèse de Doctorat Université Paris I (Panthéon-Sorbonne), 1990, 320 p.
17. Hayes J.W. *The pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul.* Vol. 2. Princeton, 1992.
18. Kubiak W.B. Overseas Pottery Trade of Medieval Alexandria as Shown be Recent Archaeological Discoveries. *Folia Orientalia*, 1969, X, pp. 5–30.
19. Kubiak W.B. Crusaders' Pottery of Al-Mīnā Found at Fusṭāṭ. *Folia Orientalia*, 1970, XII, pp. 113–123.
20. Sanders G. Three Peloponnesian churches and their importance for the chronology of Late 13th and Early 14th century pottery in the Eastern Mediterranean. *Bulletin de correspondance hellénique,* 1989, Suppl. XVIII.

A. I. AIBABIN

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

THE EXCAVATION OF URBAN HOUSE 2 IN QUARTER I AT ESKI-KERMEN PLATEAU

Abstract: This paper publishes the materials of Urban House 2 located in the eastern area of Quarter I, which was excavated in 2007–2008 (fig. 2). In the area of the house, there were two occupation periods. The early period started in the seventh century. When the second period started in the tenth century, the early courtyard of Urban House 2 in the southern quarter area was destroyed to prepare this territory for the altarless church building (fig. 3–4; 11). It was the period when Urban House 2 consisted of Rooms 1–5, of rectangular ground plan, and a new production courtyard constructed in the northern area (fig. 2; 4; 6–11). There was a thick destruction layer covering bedrock surface of the ground-floor rooms, as well as underground rooms, storages, and pits carved into the bedrock. The pottery and coins from the layer date the destruction of the house to the second half of the thirteenth century. Perhaps the Tatars destroyed the town in the late thirteenth century, during the raid undertaken by Nogay's army in 1298–1299.

Keywords: Eski-Kermen, quarter, urban house, room, amphora, glazed pottery.

Рис. 1. Ситуационный план местонахождения раскопов на плато Эски-Кермен.
1 – квартал I, 2 – базилика, 3 – главные ворота, 4 – храм «Трех всадников», 5 – раннесредневековый городской некрополь, 6 – восточная оборонительная стена, 7 – Главная улица.

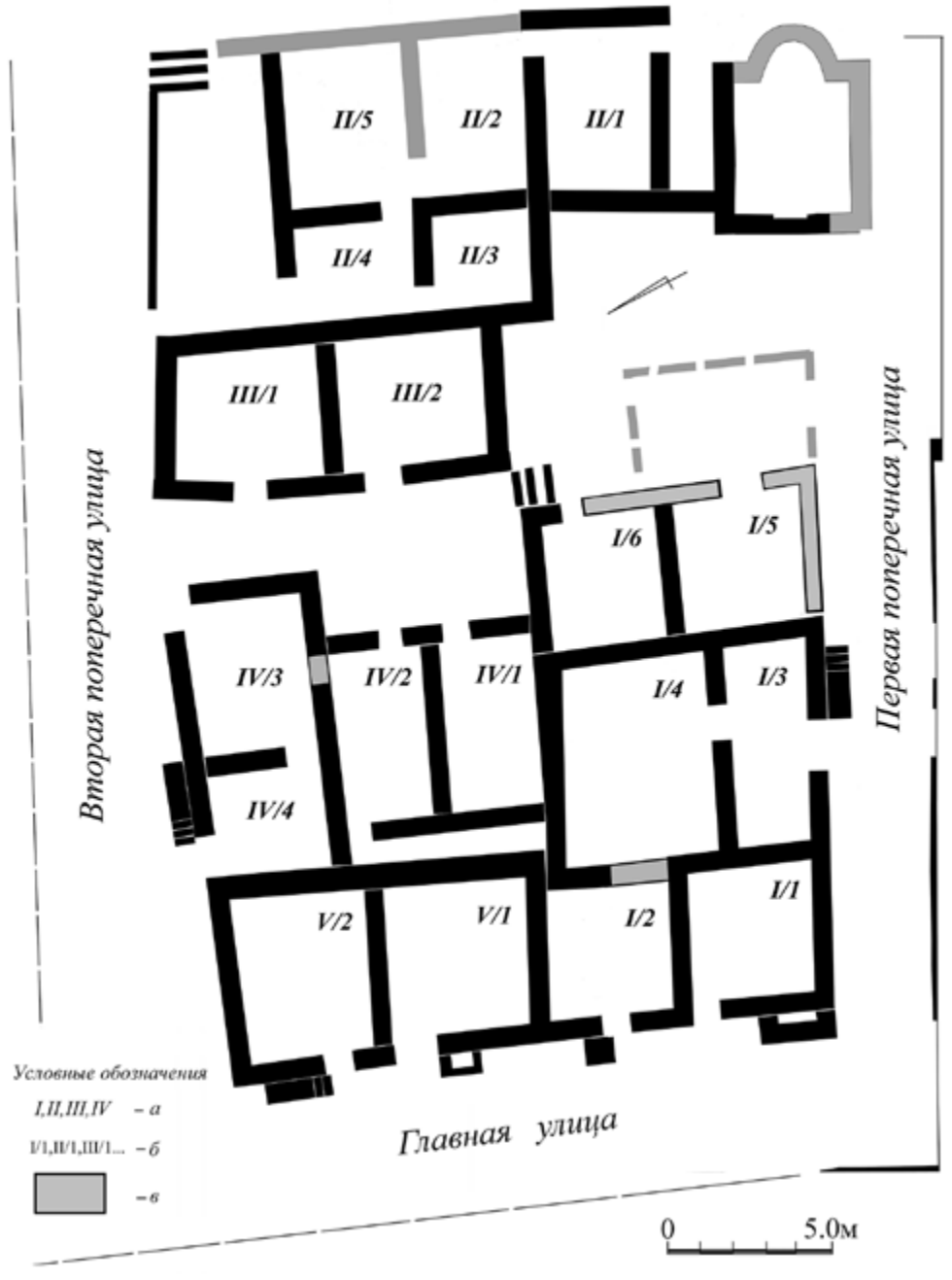


Рис. 2. План квартала I.
Условные обозначения: а – номера усадьб, б – номера помещений, в – постели несохранившихся стен.

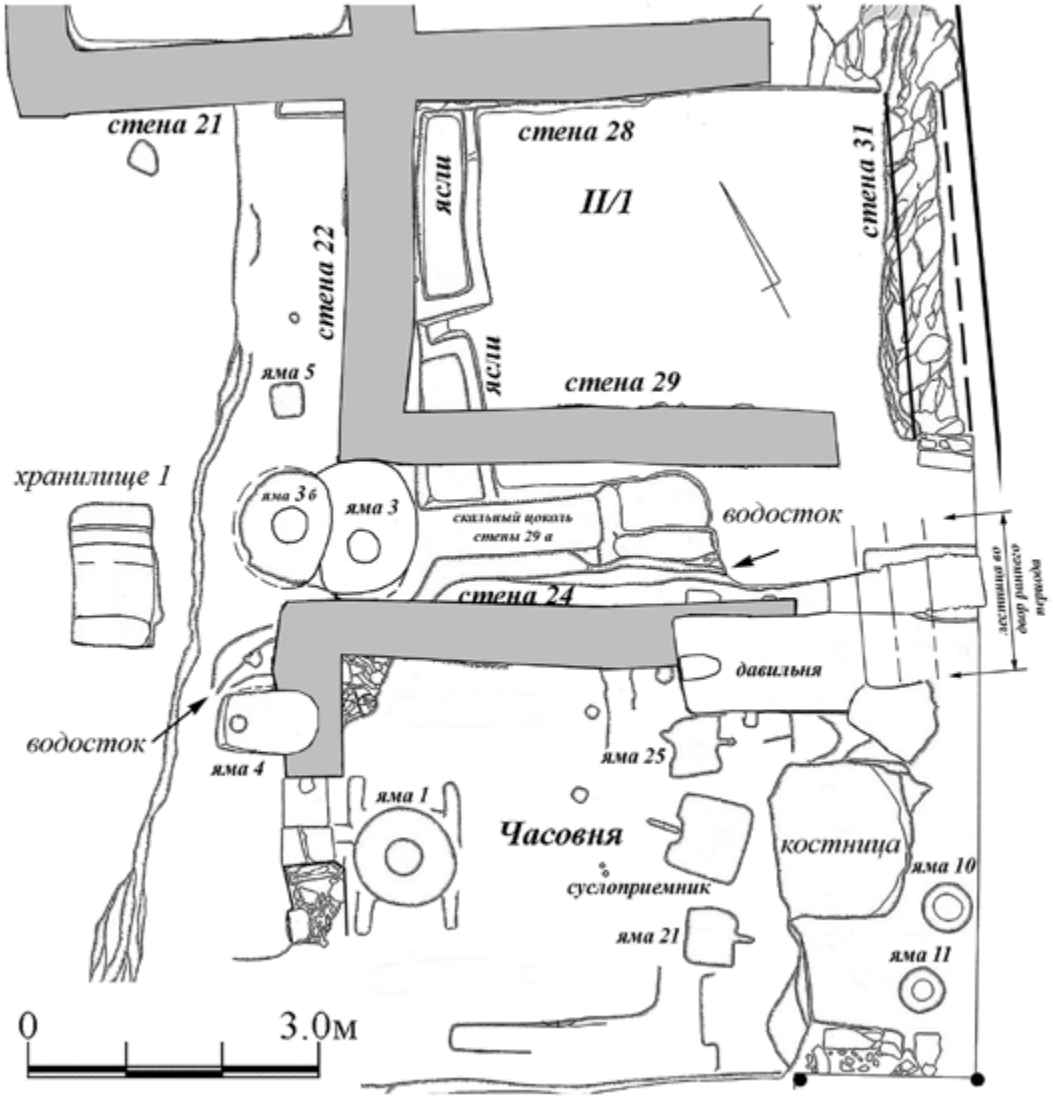


Рис. 3. Усадьба 2 раннего периода. Вырубленные хозяйственные ямы, давильня и тарапан.

Рис. 4. Вырубленные хозяйственные ямы, давильня и тарапан раннего периода.
Рис. 5. Усадьба 2 раннего периода. Лестница под стеной 30.

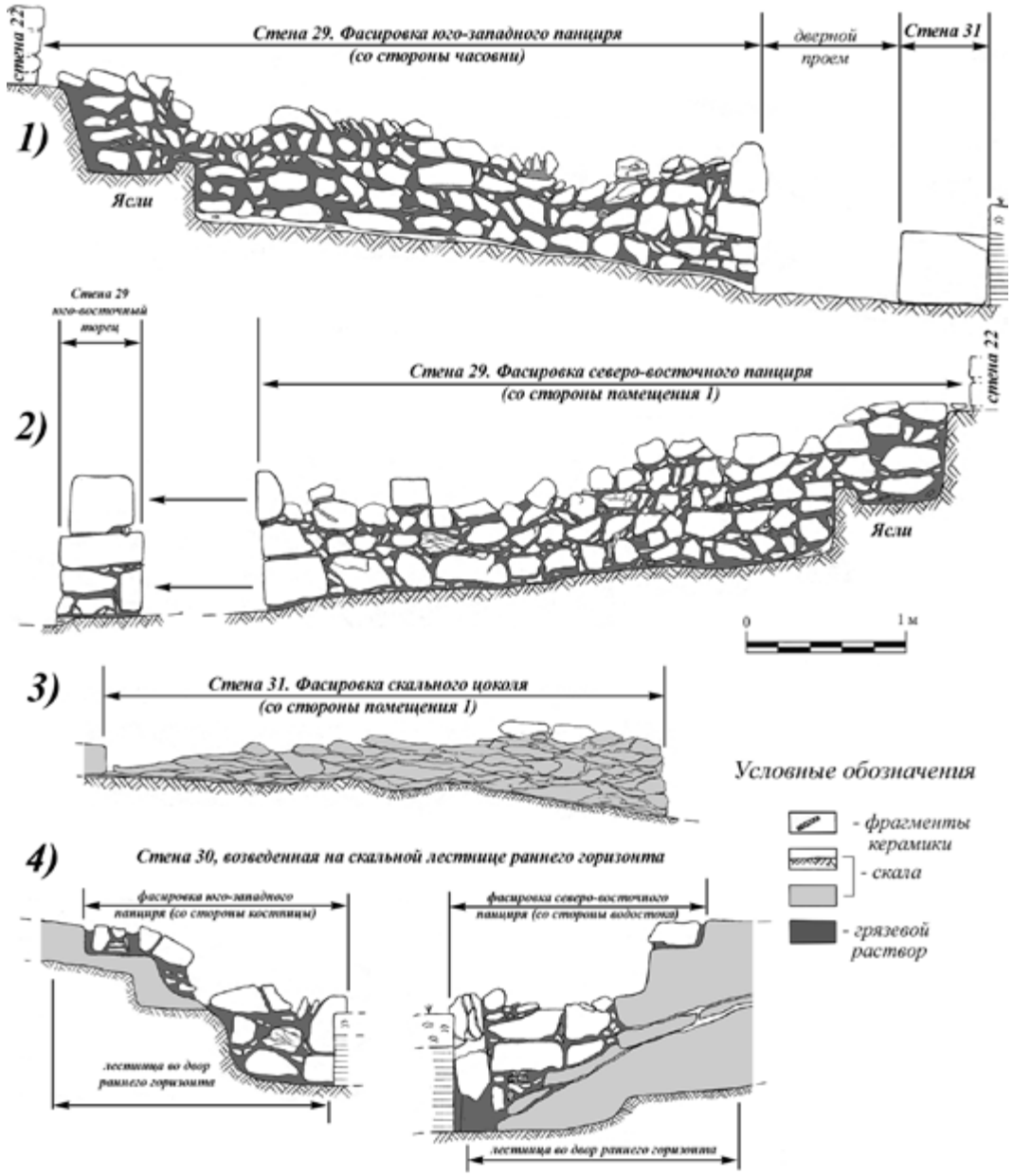


Рис. 6. Фасировки стен 29–30.

Рис. 7. Усадьба 2 во второй период жизнедеятельности. Фото с севера.

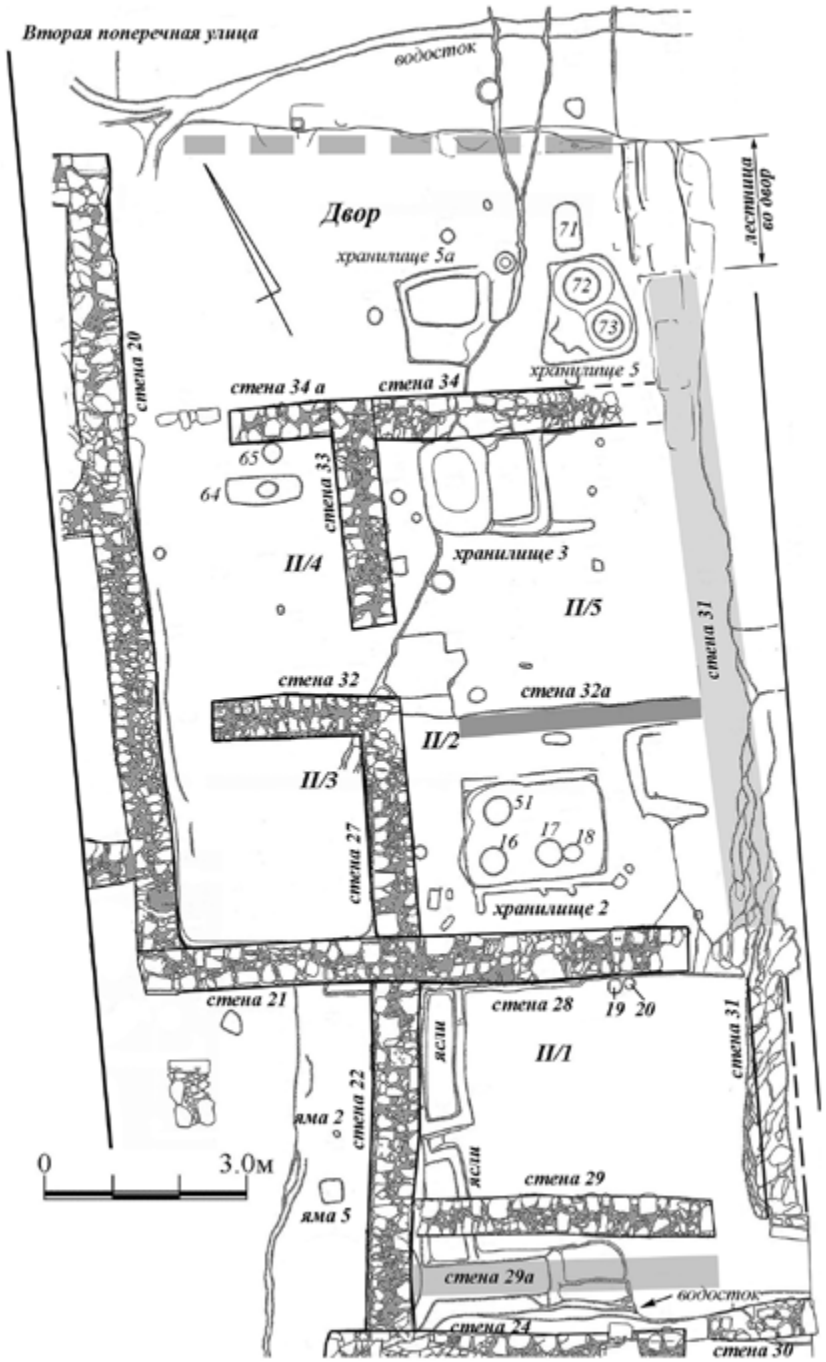


Рис. 8. План усадьбы 2 второго периода жизнедеятельности.

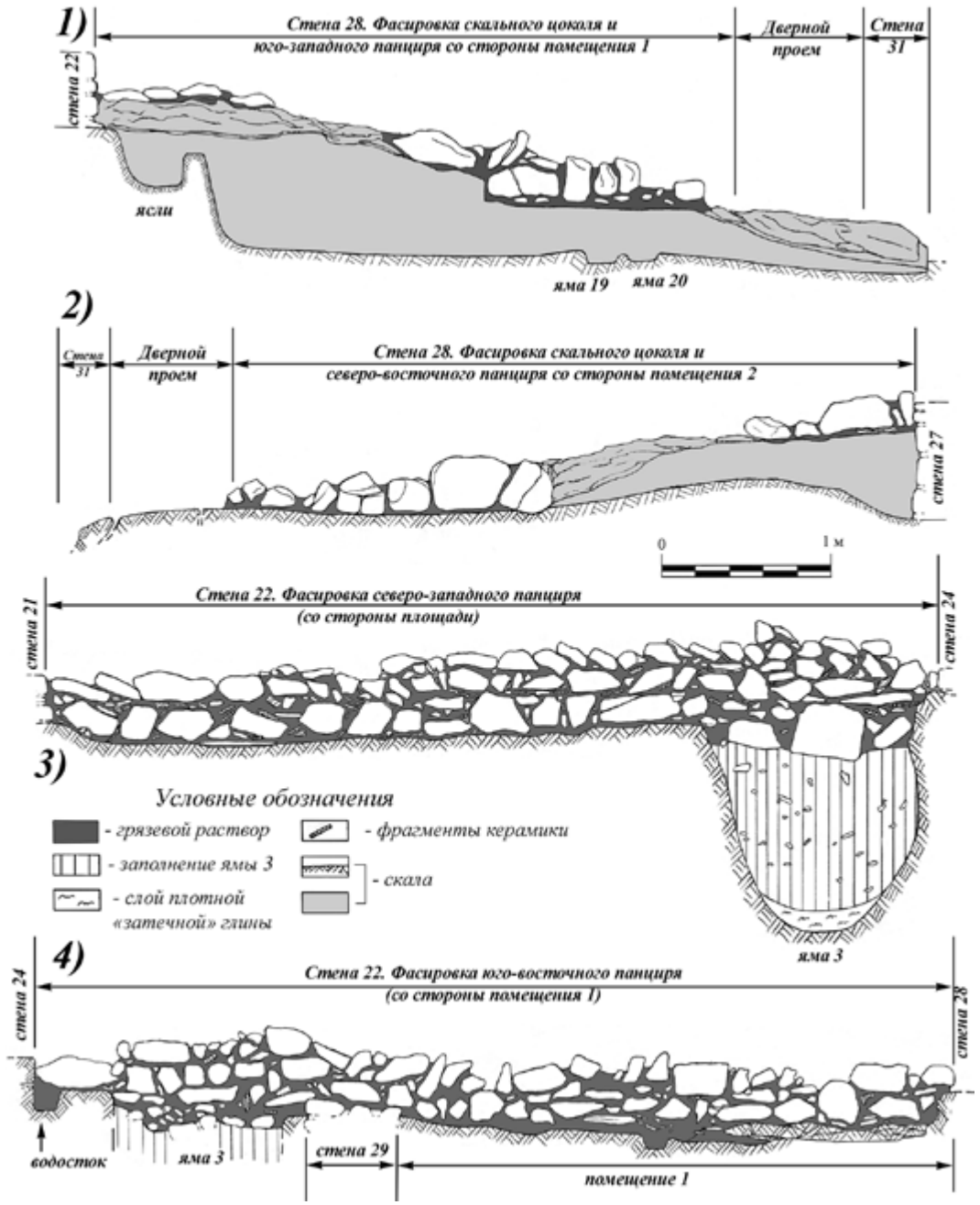


Рис. 9. Фасировки стен 22 и 28.

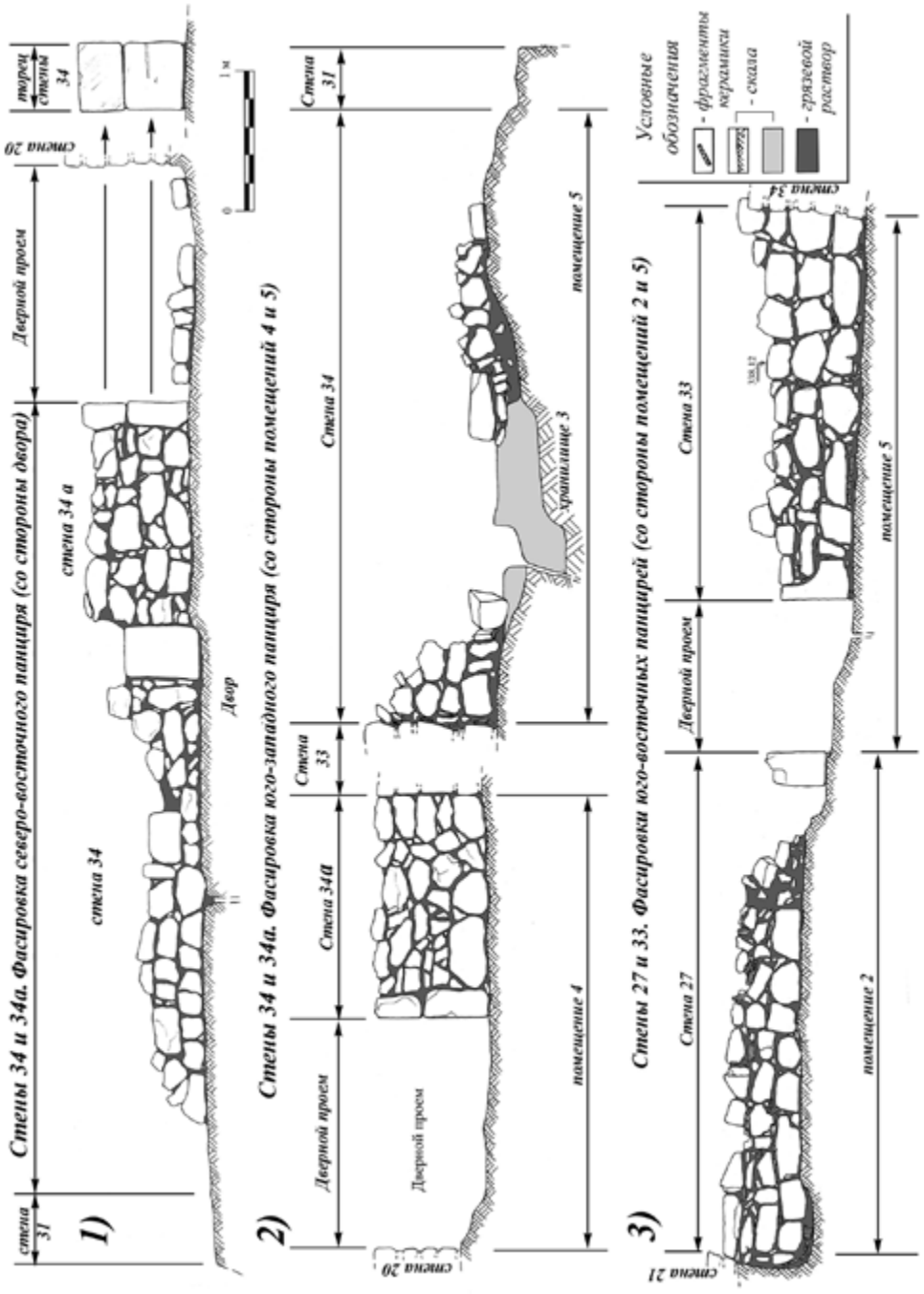


Рис. 10. Фасировки стен 27, 33, 34 и 34а.

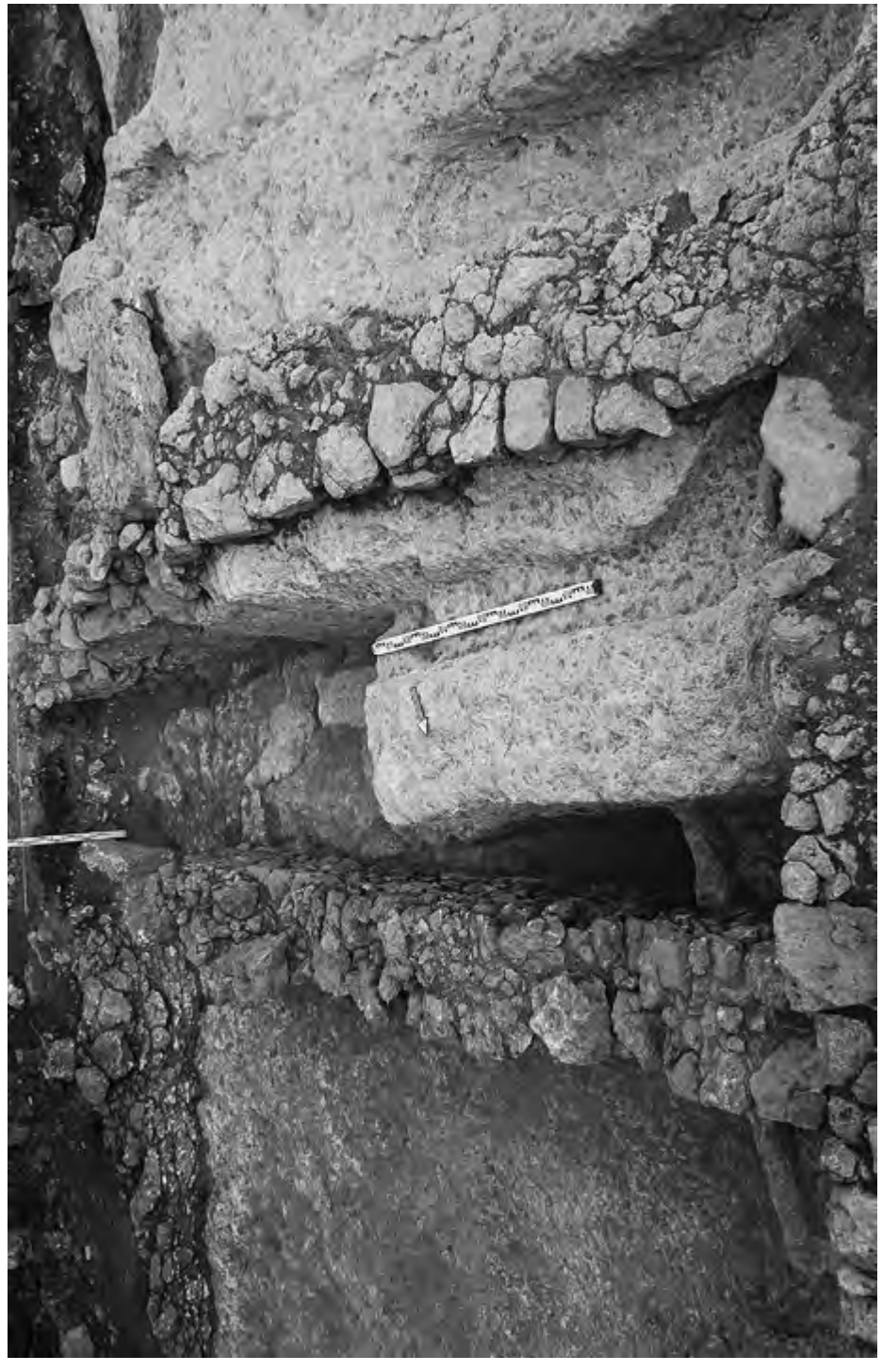


Рис. 11. Тупик между часовней и помещением 1. Цоколь стены 29а и водосток.

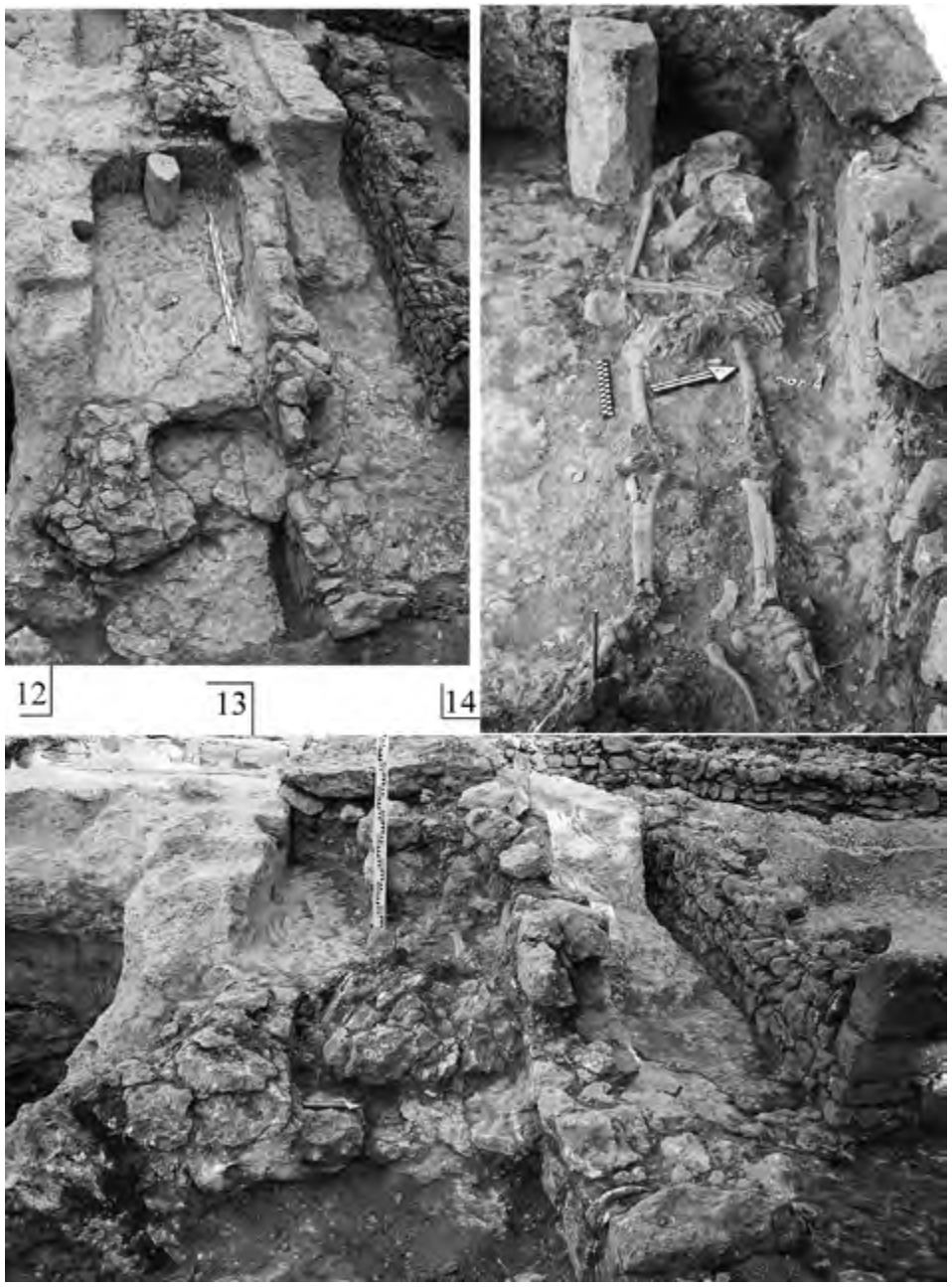


Рис. 12. Давильня.
Рис. 13. Перекрытие давильни.
Рис. 14. Захоронение в давильне.

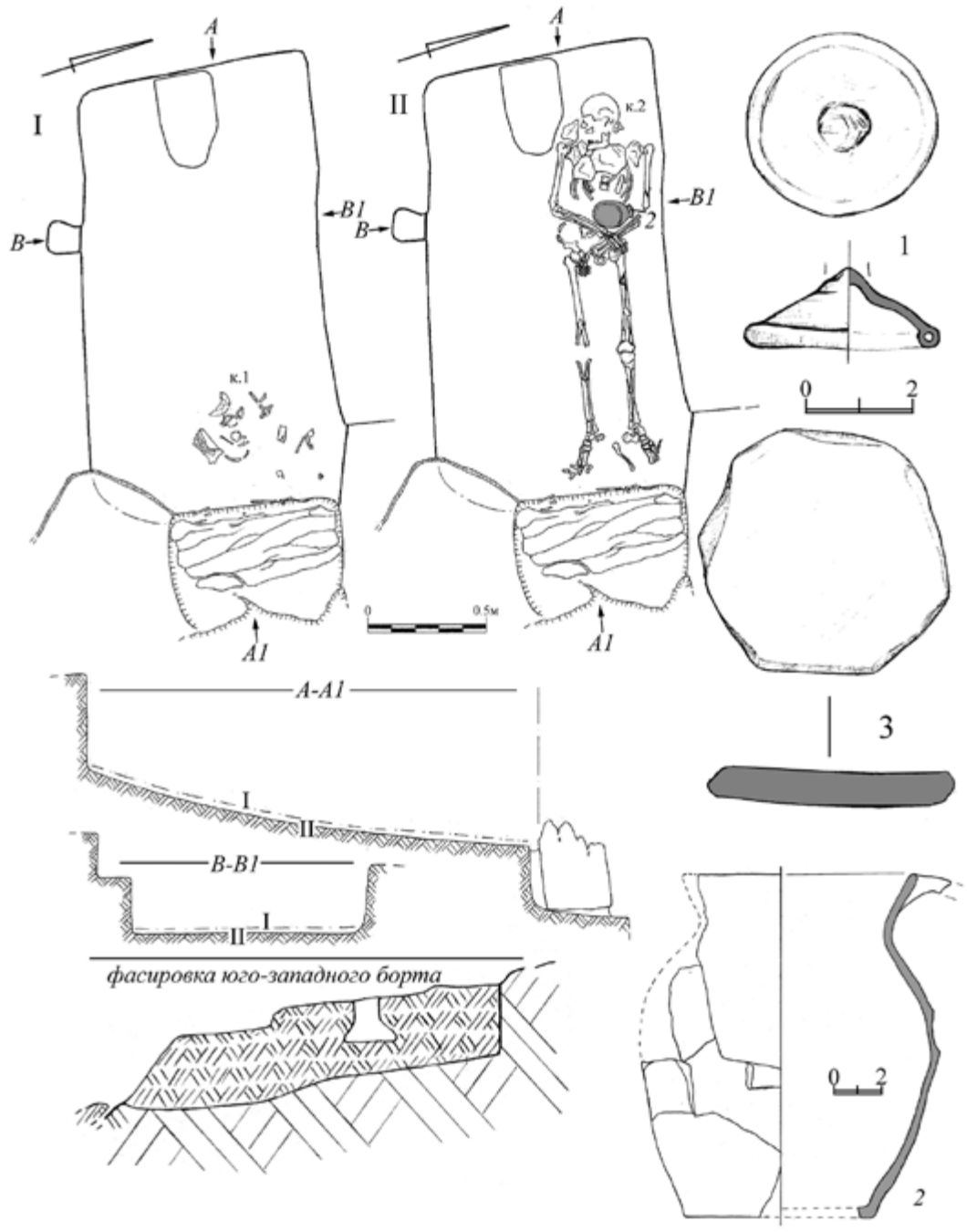


Рис. 15. Захоронение женщины и младенца в давильне и инвентарь из него.

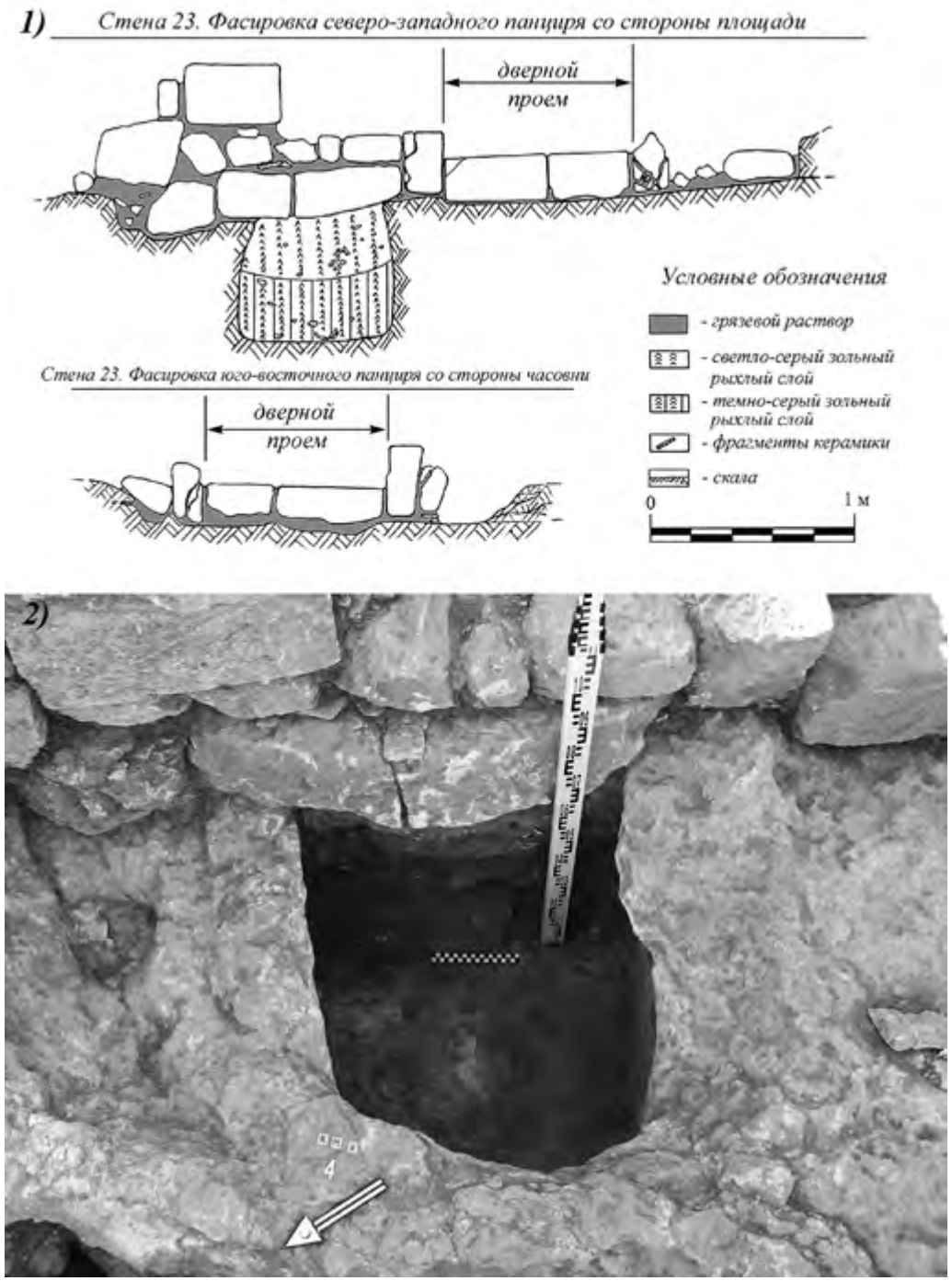


Рис. 16. Фасировки стены 23 (1) и яма 4 (2).

Рис. 17. Ямы 3 и 3б.

Рис. 18. Помещение 1.
Рис. 19. Дверной проем в помещение 1.

Рис. 20. Помещение 2 и хранилище 2.
Рис. 21. Помещения 3 и 4.

Рис. 22. Помещение 5.
Рис. 23. Хранилище 3.

Рис. 24. Двор 2 второго периода жизнедеятельности.
Рис. 25. Лестница у входа во двор 2 второго периода жизнедеятельности.
Рис. 26. Постель под фундамент стены 31.

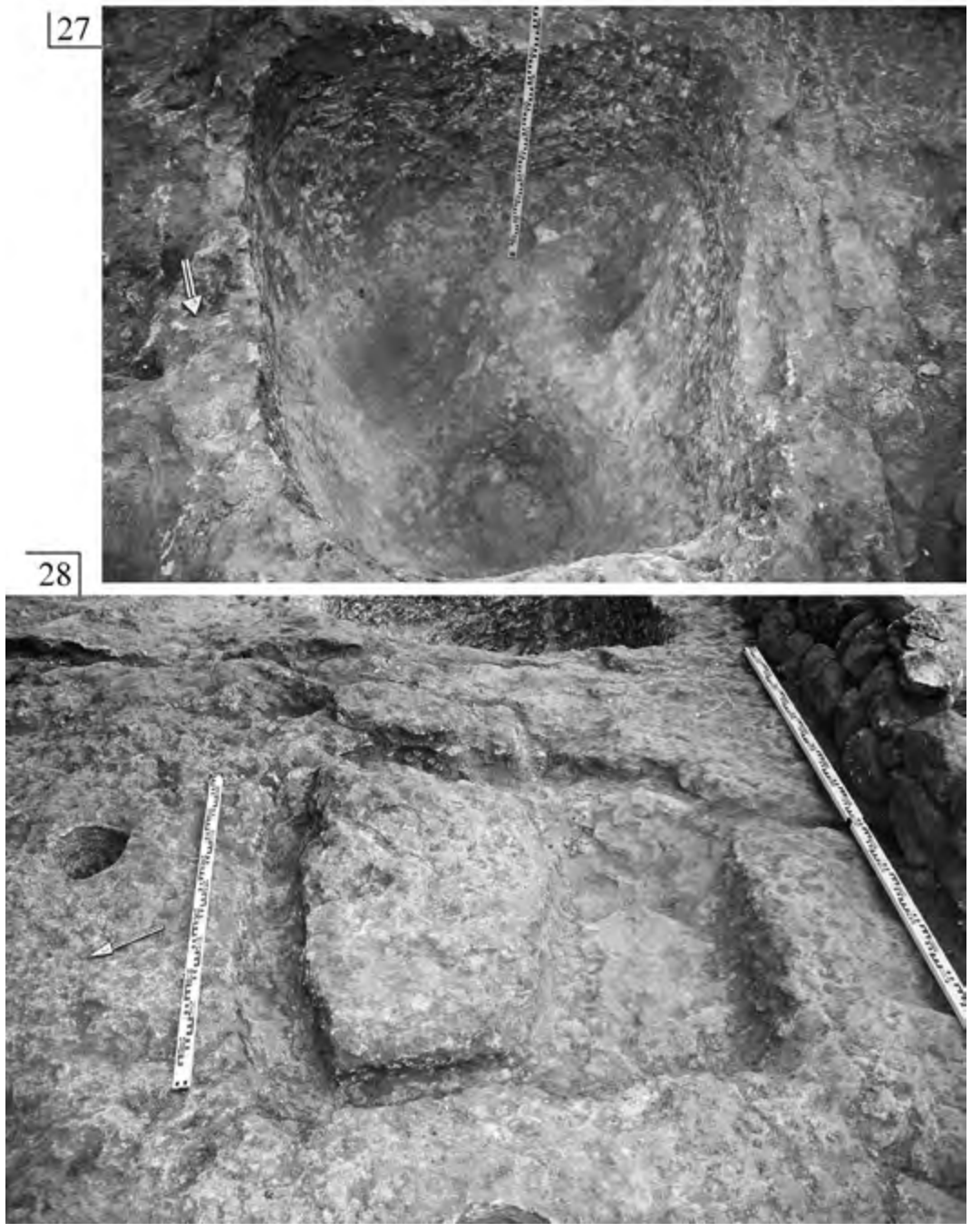


Рис. 27. Хранилище 5.
Рис. 28. Хранилище 5а.

И. А. ЗАВАДСКАЯ[а], **Л. А. ГОЛОФАСТ** [б]
а) Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)
б) Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ВЫРУБОК В КВАРТАЛЕ 1 НА ГОРОДИЩЕ ЭСКИ-КЕРМЕН (раскопки 2006 и 2007 гг.)[1]

Аннотация: Руины города, расположенные на плато Эски-Кермен в Горном Крыму, представляют собой во многом уникальный и чрезвычайно ценный памятник для истории полуострова византийского времени. Высокая степень сохранности жилого массива эски-керменского городища позволяет исследователям изучить в деталях открываемые объекты и различные категории материала и существенно расширить имеющиеся знания по истории и культуре крымского средневековья. В статье впервые публикуются керамические комплексы из заполнений ям, хранилищ и подвалов, вырубленных в скале на хозяйственной территории между усадьбами I и II в квартале 1 и раскопанных под руководством А. И. Айбабина в 2006 и 2007 гг. Материалы гончарной и строительной керамики, происходящие из этих вырубок, позволяют сделать некоторые выводы и предположения относительно определенных этапов в истории исследуемого квартала. Раньше всех на изученном участке были засыпаны ямы 3 и 4, находившиеся во дворе усадьбы II. Это произошло в процессе перестройки усадьбы II и строительства часовни не ранее середины X – XI вв. Хранилище 1 и подвал 5 были снивелированы не ранее XII в., а хранилище 8 не ранее конца XII в. Заполнение подвала 4 относится к самому позднему времени, не ранее второй половины XIII в. и, вероятнее всего, связано с гибелью квартала в результате набега Ногайя в 1299 г. Отличия в составе черепицы из заполнения изучаемых вырубок позволяет сделать вывод о том, что на определенном этапе в квартале произошел ремонт (реконструкция) крыш помещений всех усадеб. В результате «старую» черепицу (группы Iб, II, III, и IV по эски-керменской классификации) перебрали и дополнили вновь привезенной из двух производственных центров, один из которых находился в округе Мангупского городища (Илька-2, группа Iа по эски-керменской классификации), другой в Херсоне или его округе (1-я

[1] Работа выполнена в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

группа по херсонесской классификации). Достаточно массовые поставки новой черепицы могут свидетельствовать об определенных экономических возможностях жителей квартала. Следовательно, обновленные крыши могли прослужить их хозяевам как столетие, так и несколько десятилетий до гибели всего квартала в конце XIII в.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Эски-Кермен, Херсонес, средневековая гончарная и строительная керамика.

Средневековое городище на плато Эски-Кермен в горном Крыму, в отличие от многих других одновременных крымских памятников, достаточно хорошо сохранилось. К счастью, оно не было привлекательным для грабителей, а ранние археологические раскопки конца 1920–1930-х гг. затронули сравнительно небольшие площади. Высокая степень сохранности жилого массива эски-керменского городища позволяет исследователям изучить в деталях открываемые объекты и различные категории материала и существенно расширить имеющиеся знания по истории и культуре крымского средневековья.

Современные раскопки на городище проводятся с 2003 г. под руководством А. И. Айбабина, с 2015 г. под совместным руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой[2]. В результате систематических комплексных исследований в течение 11 полевых сезонов (2003–2008, 2013, 2015–2018 гг.) впервые на эски-керменском городище практически полностью открыт жилой квартал 1, с запада ограниченный главной улицей, с юга и севера двумя поперечными улицами (рис. 1). В квартале размещались несколько усадеб, состоящих из 2–6 построенных из камня помещений и многочисленных вырубок хозяйственного назначения в скальном полу внутри помещений и на территории разделявших усадьбы хозяйственных дворов. Согласно археологическим находкам из слоев разрушения, квартал погиб в пожаре в конце XIII в. [5; 9].

Проведенные исследования квартала позволяют говорить о сравнительно продолжительном функционировании жилых и хозяйственных комплексов на его территории. Несмотря на то, что при строительстве открытых помещений предшествующие им постройки были уничтожены, о более ранней жизнедеятельности на этом месте свидетельствуют некоторые сохранившиеся скальные вырубки. Одним из первых был открыт винодельческий комплекс в помещениях 1 и 2 усадьбы I[3] (рис. 1,А). По описанию А. И. Айбабина, тарапан общей длиной 3,6 м состоял из вырубленных в скале давильной площадки и ямы для слива виноградного сока [4, с. 216]. Впоследствии комплекс засыпали и над ним соорудили стену, разделявшую помещения 1 и 2. Стена между двумя соседними помещениями 3 и 4 этой же усадьбы частично перекрыла хранилище 4, предназначенное для пифосов (рис. 1,В) [1]. Свидетельства более раннего хозяйствования сохранились и на территории усадьбы II. По хронологии А. И. Айбабина, в конце IX – X вв. эту усадьбу частично перестроили и на территории примыкавшего к ней с юга хозяйственного двора с винодельческим комплексом и пифосовидной зерновой ямой возвели часовню [4, с. 215–216; 7; 5, с. 243]. В процессе функционирования часовни давильню и зерновую яму приспособили для захоронений (соответственно могилы 4 и 5) [4, с. 216; 7, с. 424–425].

Изучение разновременных объектов на территории открытого квартала позволяет более детально реконструировать его историю, выделить определенные этапы в его жизнедеятельности, а также уточнить хронологические рамки бытования некоторых категорий находок. Особый интерес в этой связи представляет материал и характер заполнений скальных вырубок на участке хозяйственного назначения, открытом в 2006 и 2007 гг. Его территория ограничена с востока помещениями 5 и 6 усадьбы I, с севера – помещением 2 усадьбы III и помещением 3 усадьбы II, с запада помещением 1 усадьбы II и часовней, с юга – первой поперечной улицей (рис. 1–2). Скорее всего, данный участок с находившимися на нем вырубками был разделен на хозяйственные дворы, принадлежавшие усадьбам I и II. Как и остальная часть квартала, эта территория была покрыта слоем разрушения мощностью 0,5–0,9 м, под которым открылись многочисленные вырубки разных размеров и назначения [2, л. 4–9]. К сожалению, точное время их создания определить практически невозможно. Однако верхний хронологический рубеж их функционирования с бóльшей или мéньшей точностью можно установить по археологическому материалу из их заполнений, прежде всего, керамическим находкам, которые представлены фрагментами тарной и столовой гончарной посуды[4], а также строительной керамики, а именно плоских кермид с бортиками и полуцилиндрических калиптеров.

При изучении строительной керамики использована, главным образом, **эски-керменская классификация** [подробно см.: 26, с. 295–304; 27, с. 254; 28, с. 218–219]. В данной классификации на основании качества черепка и визуально распознаваемых примесей выделены четыре основные группы: в **группу I** включена черепица с плотным, прочным черепком от светло- до темно-красного цвета, с содержанием измельченного известняка, железистых частиц и песка. Прежде всего, по форме профильных частей выделены две подгруппы: Iа и Iб. Черепица группы Iа, скорее всего, является продукцией одной гончарной мастерской [29]. У черепицы **группы II** менее плотный и однородный черепок от светло-оранжевого до светло-красного цвета, с добавлением дробин шамота, известняка, песка. В **группу III** объединены черепицы с комковатым, как правило, темно-красным черепком, с умеренной концентрацией шамота, с добавлением частиц известняка, железа, дресвы и

[2] Авторы благодарят руководителей раскопок за возможность изучить и опубликовать указанные керамические комплексы.

[3] Нумерация помещений и усадеб изменилась в последние годы раскопок. Планы с актуальной нумерацией и делением помещений по усадьбам опубликованы ранее [5, с. 260, рис. 6; 10, рис. 1], а также в статье А. И. Айбабина в этом выпуске [6, рис. 2].

[4] При описании комплексов не учитываются такие «консервативные» группы керамики как кухонная и лепная посуда, представленные во всех рассматриваемых комплексах в сравнительно большом количестве одними и теми же формами, не меняющимися на протяжении столетий.

песка. Черепица **группы IV** с рыхлым, чаще всего непрочным черепком красного и коричневого цвета, с большим содержанием шамота и других отощителей (дресва, железо, песок). Группы III и IV по эски-керменской классификации соответствуют 2-й группе по херсонесской классификации (далее ХК) [38, с. 79–80; 43, с. 42–43]. На Эски-Кермене присутствует также черепица **1-й группы по ХК** с плотным кирпично-красным черепком с характерными желтоватыми включениями и разводами от частиц известняка, со светлым плотным ангобом. Кроме того, в сравнительно небольшом количестве обнаружены фрагменты других по составу теста и качеству черепка керамид, которые не были объединены в группы, но учтены при статистических подсчетах.

К наиболее раннему времени на территории двора относятся заполнения ям 3 и 4, раскопанных в 2007 г. (рис. 1–2). Они находились во дворе усадьбы II и были засыпаны в связи с переустройством этой усадьбы и строительством часовни.

Яма 3 (глубина 1,0–1,2 м) сдвоенная, скорее всего, предназначенная для хранения зерна, была перекрыта в восточной части северо-западной стеной (22) усадьбы II [3, л. 5] (рис. 1-2). В ее заполнении, состоящем из серого плотного зольного грунта, находились средние и мелкие разрозненные фрагменты гончарной и строительной керамики.

Гончарная керамика. Немногочисленный материал из засыпи ямы включал фрагмент дна высокогорлого кувшина с плоскими ручками, стенку амфоры типа Гюнзенин II [68, p. 271; 69, p. 26–28], а также 2 мелких фрагмента белоглиняных сосудов группы GWW II.

Появление высокогорлых плоскодонных амфор-кувшинов с плоскими ручками относят к середине, второй половине, третьей четверти и концу IX в., пик бытования – к X – первой половине XI в., а конец – к третьей четверти XI или даже XII в. [54, с. 32, 75; 11, с. 92; 41, с. 74; 48, с. 47; 44, с. 63; 46, с. 320; 36, с. 57; 20, с. 255–256]. Центры их производства пока не выявлены, но наиболее вероятными районами их изготовления считают Таманский (Таматарха и ее округа) и Керченский полуострова [20, с. 255].

Бытование амфор типа Гюнзенин II (в русскоязычной литературе – амфоры с венчиком «воротничкового типа» или «в виде отложного воротничка») относят к середине X – XI / началу XII вв. Амфоры данного типа были широко распространены по всему Средиземноморью и Причерноморью [обширную библиографию см.: 89, p. 135; 33, с. 87–89]. По мнению Булгакова, их производили на северном берегу Малой Азии, например, Трапезунде [15], хотя на сегодняшний день каких-либо следов их производства в Южном Причерноморье не выявлено, а химический анализ показал, что основную массу амфор данного типа производили в беотийском городе Халкис/Негропонте [94].

Начало бытования керамики группы GWW II по классификации Дж. Хейса, характеризующейся хорошо отмученной глиной и желтой или зеленой поливой, наложенной непосредственно на глину без промежуточного слоя ангоба [73, p. 18],

относится к началу IX в. Этим временем датируется самый ранний комплекс Сарачан, в котором выявлены сосуды этой группы (deposit 36[5]) [73, p. 113]. Однако первые большие комплексы, содержащие развитые формы такой керамики, по монетам датируются 925–950 гг. Бытует она до конца XII в. (deposits 37, 38) [73, p. 18]. Таким образом, материал из засыпи ямы укладывается в широкий хронологический диапазон – X–XI – начало XII вв.

Строительная керамика. В заполнении ямы 3 обнаружено 38 оббитых и заизвесткованных фрагментов черепиц. Большинство принадлежало шамотированным керамидам группы IV (28 фр.), единичные обломки – керамидам групп Iб (6 фр.) и II (3 фр.), один фрагмент – керамиде с коричневым рыхлым черепком, с примесью железистых частиц и дресвы (табл. 1). В заполнении ямы обнаружено также не менее 50 мелких неопределяемых керамических обломков.

Яма 4 (1,05х0,6 м, глубина 0,6 м) прямоугольной формы расположена к юго-западу от ямы 3. Над ее восточной частью сооружена северо-западная стена (23) часовни [3, л. 5] (рис. 1-2). Заполнение состояло из светло-серого зольного грунта в верхней половине и темно-серого зольного грунта в нижней части ямы.

Гончарная керамика. В темно-сером зольном слое выявлены: 7 фрагментов горл, фрагмент нижней части тулова (рис. 3,*2–5*) и 25 фрагментов стенок высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, а также фрагмент ойнохои скалистинского типа (рис. 3,*1*), которые представляли собой одноручные сосуды с яйцевидным корпусом, воронковидным ойнохоевидным горлом и плоским дном. К наружной стороне венчика крепилась уплощенная ручка с пальцевым вдавлением у места прилепа. Верхняя часть тулова таких сосудов, как правило, декорирована линейным или линейно-арочным орнаментом, нанесенным светлым или, реже, красным ангобом. Ойнохои скалистинского типа появляются, судя по находкам в херсонесских комплексах, в последней трети VI в. [23, с. 90, рис. 46] и широко используются до IX или X в. [16, с. 191; 12, с. 25], хотя есть мнение об их бытовании до XI в. включительно [48, с. 48; 36, с. 63]. Высказываются предположения об их изготовлении в нескольких центрах Южной Таврики (Канакская балка, Радиогорка [52, с. 141, рис. 9,5–9; 47, с. 153, рис. 4; 49, с. 435, рис. 3,2,6–7,14–16; 40, с. 59, 70, рис. 14, 39]. По мнению В. Е. Науменко, наиболее вероятным районом производства рассматриваемой группы столовой керамики является округа Баклы и район Скалистого [36, с. 63].

Верхний, светло-серый зольный слой в северо-западной части ямы 4 содержал: 3 мелких фрагмента стенок амфор с бугристой внутренней поверхностью и фрагмент стенки кувшинчика, украшенного поясами горизонтального и волнообразного рифления, выполненного мелким гребенчатым штампом.

Плоскодонные сосуды с ангобированной внешней поверхностью и бугристой внутренней поверхностью или, по терминологии А. Л. Якобсона, большие плоскодонные кувшины-амфоры [54, с. 113] (тип 25 по ХК-1971 [11, с. 95]; класс 52 по ХК-

[5] Один из авторов к числу комплексов начала IX в. из Сарачан ошибочно отнес комплекс 37, датирующийся 925–950 гг. [21, с. 200].

1995 [44, с. 83–88]) отнесены к разряду амфор достаточно условно, т.к. они не были предназначены для транспортировки и использовались для хранения воды, вина, оливкового масла и других съестных припасов. Обычно их называют *stamnoi* или амфоровидные сосуды и ставят в один ряд с пифосами, от которых отличаются тем, что их можно перенести с места на место [66, p. 359, 363].

Подобной формы сосуды производились в различных региональных мастерских, но, не будучи предназначены для перевозки, распространялись только на прилегающей к месту производства территории [55, p. 188]. *Stamnoi*, выпускаемые в разных мастерских, были схожи по форме (все они имели короткое горло, овоидное тулово, устойчивое плоское дно, две или три вертикальные или горизонтальные, часто уплощенные ручки), размерам и назначению, но отличались отдельными морфологическими деталями и орнаментикой: их украшали налепными лентами, разнообразным врезным орнаментом, росписью ангобом и т.д.

Амфоровидные сосуды были широко распространены по всей Византийской империи с XI–XII вв. Именно этим временем датируются закрытые комплексы Дядово и другие комплексы, открытые на территории Болгарии и Румынии (Диногетии, Тырговиште, Гратини Родопах, в Северной Добруджи) [13, с. 40, табл. 40а, 41б, 48а,б, 50; 63, p. 191, 193, fig. 224,1–2]. В Коринфе они происходят из слоев XII–XIII вв. [84, p. 396–397]. В Лаконии подобные сосуды, т.н. “lakonian amphorae”, щедро украшенные врезным орнаментом, производились предположительно в Агиос Стефанос в первой половине / середине XII в., хотя не исключается более широкий диапазон их бытования [55, p. 188; 90, p. 293; 84, p. 397–398, fig. 7.3, 7.4]. Большое количество *stamnoi*, бытовавших до начала XIV в. и очень близких по форме херсонесским, дали раскопки на Пелопоннесе [82, p. 199, fig. 6]. Сосуды с элементами орнамента, схожими с орнаментикой херсонесских трехручных сосудов, выявлены в Пергаме [87, N 425]. Следует отметить, что в некоторых регионах форма дожила до наших дней: похожие сосуды можно и сейчас купить в Спарте [84, p. 397].

В Херсонесе находки *stamnoi* авторы ХК-1971 отмечают, начиная со слоев XI в. и кончая слоями гибели Херсонеса [11, с. 95]. А. Л. Якобсон, который считает их производными от высокогорлых кувшинов с плоскими ручками [54, с. 113], датирует их XII–XIII вв. [53, с. 102]. Авторы ХК-1995 – второй половиной XIII – XIV вв., отмечая при этом находки аналогичных сосудов в слоях конца XII – XIII вв. на территории Югославии [44, с. 84]. Последняя датировка объясняется, по-видимому, отсутствием в Херсонесе комплексов, которые можно было бы уверенно отнести к более раннему времени. Таким образом, вопрос о начале бытования *stamnoi* в Херсонесе пока следует оставить открытым.

Большое количество таких амфор в поздневизантийских усадьбах Херсонеса и их отсутствие за пределами Юго-Западной Таврики позволило сделать вывод об их производстве в Херсонесе [54, с. 113], что подтверждают химические анализы [93, p. 387] и тот факт, что основная масса столовой посуды и черепицы Херсонеса, бытовавших одновременно с рассматриваемыми сосудами, сделана из аналогичной

глины [11, с. 95]. На Эски-Кермене этого рода амфоры доминировали в жилых домах XIII в., раскопанных Н. И. Репниковым [42, с. 281, рис. 1,4].

Таким образом, основная часть засыпи ямы 4 образовалась во время бытования кувшинов с плоскими ручками, т.е. не ранее X–XI вв. К сожалению, крайне ограниченный ассортимент выявленной керамики и широкие рамки ее бытования не позволяют определить время образования засыпи более узко. В верхнем слое северо-западной части ямы, не перекрытой стеной, содержится более поздний материал.

Строительная керамика. В заполнении ямы 4 находилось сравнительно немного оббитых разрозненных обломков керамид групп IV (19 фр.), II (10 фр.), Iб (4 фр.) и III (2 фр.) (табл. 1). На единственном фрагменте керамиды группы IV сохранились остатки рельефной метки в виде нескольких изогнутых валиков (рис. 3,*6*). Фрагмент керамиды с аналогичной меткой был обнаружен в слое дерна при раскопках участка главной улицы в 2004 г. Из заполнения также изъято 44 мелких керамических осколка.

Самыми крупными скальными вырубками на территории рассматриваемого хозяйственного участка являются хранилище 1, скорее всего, принадлежавшее усадьбе II, а также хранилище 8 и подвалы 4 и 5 во дворе усадьбы I. Над хранилищами 1 и 8 после их заполнения были сооружены стены (26 и 18), остатки которых зафиксированы в ходе раскопок в 2006 и 2007 гг. Поскольку направления этих стен согласуются с планировкой помещений, можно предположить, что они были возведены до разрушения квартала.

Хранилище 1, раскопанное в 2007 г., (1,5х0,85 м, глубина 1,0 м) прямоугольной формы расположено к западу от ям 3 и 4 (рис. 1-2). Над юго-западной частью хранилища сохранился фрагмент стены 26, впущенной в заполнение, состоящее из рыхлого коричневого грунта [3, л. 6]. Из заполнения изъяты средние и мелкие разрозненные, как правило, заизвесткованные фрагменты керамики.

Гончарная керамика. В числе керамических находок – фрагмент горла (рис. 4,*3*), 6 фрагментов стенок и 4 фрагмента уплощенных ручек высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, фрагмент стенки амфоры типа Гюнзенин III (в отечественной литературе чаще упоминаются под названием «амфоры с высоко поднятыми ручками»), 5 фрагментов стенок и фрагмент ручки амфор с бугристой внутренней поверхностью, а также фрагмент пифоса с треугольным в сечении вытянутым по вертикали венчиком (рис. 4,*1*), принадлежавший, скорее всего, к группе I по И. Б. Тесленко, к которой относится большинство пифосов, выявленных в ходе раскопок квартала. Пифосы этой группы массово появляются в Крыму примерно со второй половины VIII – IX вв. Изготавливали их в местных мастерских, во множестве обнаруженных в юго-восточной и юго-западной частях полуострова [51, с. 132–134, 142]. Благодаря своей массивности и прочности некоторые пифосы использовались на протяжении нескольких столетий.

Амфоры с высоко поднятыми ручками (Гюнзенин III [69]; тип 61 по классификации Дж. Хейса [73, p. 76]; тип XXII по ХК-1971 [11, с. 93], класс 48 по ХК-1995 [44, с. 78–80]), чрезвычайно редко встречающиеся на участке, датируются XII–XIII

вв. [94, p. 6; 89, p. 136] с пиком бытования в середине XII – начале XIII вв. [73, p. 76]. Однако известны находки таких амфор и в более ранних слоях, например, в Диногетии-Гарван более 70 целых амфор этого типа найдено в закрытых комплексах сгоревших жилищ, датируемых на основании монет Алексея I Комнина и Иоанна II (1118–1143 гг.) XI–XII вв. [60, p. 259]. Их ареал охватывает обширную территорию Средиземноморья и Причерноморья [см.: 89, p. 136; 31, с. 223–234; 39, с. 25].

Выдвигались различные предположения относительно места их производства. Однако, химический анализ показал, что производили их в беотийском городе Халкис/Негропонте [94], что, в частности, объясняет интенсивное распространение этого типа амфор на беотийской, прилегающей к Халкис/Негропонте территории, где в больших количествах производили вино, масло и мед, для перевозки которых была необходима тара [92, p. 165].

Кроме того, в засыпи были обнаружены фрагменты различных столовых сосудов. Среди них: фрагмент стенки кувшинчика, декорированного чередующимися поясами волнообразного и горизонтального рифления, выполненного мелким трехзубым штампом (рис. 4,*2*), фрагмент уплощенной ручки с круглым отверстием, проделанным в сырой глине, а также мелкий фрагмент стенки тонкостенного белоглиняного поливного сосуда с подтеками лимонной поливы на обеих сторонах, определение которого в настоящий момент затруднительно.

Строительная керамика состояла из фрагментов керамид (197 фр.) и калиптеров (12 фр.). Большинство принадлежало шамотированным керамидам группы IV (107 фр., 54,3%), остальные распределены между группами: Iб (26 фр.), II (46 фр.) и III (11 фр.), а также 5 фрагментов от керамид со светлым, песочного цвета плотным черепком с редкими включениями мелких дробин известняка и шамота. Два мелких обломка от керамид 1-й группы по ХК были обнаружены вблизи кладки 26. Калиптеры в основном принадлежали группе IV (11 фр.) и 1 обломок – группе Iб (табл. 1). В заполнении находились также очень мелкие неопределяемые керамические фрагменты и осколки (не менее 76).

Хранилище 8, открытое в 2006 г., неправильной формы (2,4х2,65 м, глубина 1,0 м) обнаружено в северо-западной части двора за стеной помещений 5 и 6 усадьбы I, которой, скорее всего, оно и принадлежало (рис. 1-2). Как установлено А. И. Айбабиным, хранилище было вырублено в два приема, сначала южная, затем северная части [2, л. 5–6]. Сооружение предназначалось для хранения пифосов, донья которых устанавливались в специальных ямах, вырубленных в скальном дне. Заполнение состояло из грунта с камнями мощностью до 0,3 м, под которым залегал светло-серый зольный грунт. Впоследствии в заполнение была впущена стена 18, которая пересекла хранилище с запада на восток.

Гончарная керамика. В заполнении найдены фрагменты пифоса с треугольным в сечении слегка отогнутым наружу венчиком с плоской верхней поверхностью. На верхней поверхности венчика – пояс круглых довольно глубоких углублений и вырезанный крест, выполненный толстой врезной линией (рис. 4,*4,4а*). Подобная орнаментация характерна для пифосов XII–XIII вв. из Херсонеса [54, с. 117]. Там же найден фрагмент округлого дна пифоса на сплошной цилиндрической ножке (рис. 4,5).

Наибольшим количеством фрагментов представлены амфоры с бугристой внутренней поверхностью[6] (рис. 5,*3,4*). Двумя фрагментами стенок представлены амфоры типа Гюнзенин III, а амфоры типа Гюнзенин IV [68, p. 274–276; 69, p. 31–34] или с дуговидными ручками – двумя фрагментами отогнутых наружу венчиков (рис. 5,*1,2*), двумя фрагментами ручек и 12 фрагментами стенок. Кроме того, в слое выявлены 11 фрагментов кувшинов с плоскими ручками, в том числе фрагмент двучастного венчика (рис. 5,5).

Круглодонные желобчатые амфоры с сильно расширенным туловом, коротким горлом и высоко поднятыми над горлом дуговидными массивными ручками (Гюнзенин IV [68, p. 274–276; 69, p. 31–34], тип 23 по ХК-1971 [11, с. 94]; класс 45 по ХК-1995 [44, с. 73–77]) датируются в пределах XII–XIV вв. [44, с. 74; 89, p. 136], хотя самые ранние варианты происходят из слоев XI–XII вв., а самые поздние – конца XIV – начала XV вв. [89, p. 136–137]. Имеют широкий ареал [54, с. 111–112, рис. 69,1,4]. Частые находки таких амфор на Эски-Кермене в слое XII–XIII вв. отмечал Н. И. Репников [42, с. 281, рис. 2]. Известны они и по раскопкам на поселениях Тепе-Кермен [50, с. 256, рис. 1,4], Бакла [45, с. 26, рис. 4], на укреплении Исар-Кая, где амфоры с дуговидными ручками доминировали [35, с. 239] и т.д. В Херсонесе они служили основным видом домашней тары для хранения зерна и мелкой рыбы (хамсы) [54, с. 111, 113, рис. 69,1–4] и принадлежат к числу доминирующих типов [23, с. 193–194]. Существуют разные предположения по поводу их происхождения. По мнению И. В. Волкова, их производили в Трапезунде, который в это время был почти единственным и очень крупным экспортером вина в Причерноморье [17, с. 91; 18, с. 203]. Н. Гюнзенин называет Ганос (совр. Gaziköy) в окрестностях Константинополя на северо-западном берегу Мраморного моря, где выявлено обширное производство амфор, что подразумевает такое же производство вина, большая часть которого шла на продажу на рынках в окрестностях Константинополя. Помимо печи для обжига амфор Гюнзенин обнаружен и исследован корабль, нагруженный амфорами рассматриваемого типа, потерпевший крушение недалеко от Ганоса [70, p. 193–201; 71, p. 167–178; 72, p. 121]. Не исключено, что функционировало несколько центров, производивших амфоры данного типа.

Выявленный в заполнении хранилища 8 комплекс простой гончарной керамики включает фрагмент открытого сосуда с валикообразным венчиком (рис. 5,*6*) и 2 фрагмента горл кувшинов с треугольным в сечении ребром в средней части (рис. 5,*7,8*).

Несколькими фрагментами представлена посуда группы GWW II. Один принадлежал открытому сосуду с вертикальным венчиком и небольшой овальной в сечении ручкой, прикрепленной непосредственно под венчиком (рис. 6,*3*); на обеих сторонах и на ручке – желтая полива, местами со светло-коричневатым оттен-

[6] Информацию о количественном содержании в комплексах разных групп керамики см. Приложения 1 и 2.

ком. Второй – закрытому сосуду с валикообразным венчиком и уплощенной ручкой, прикрепленной к венчику (рис. 6,*4*). Зеленая полива покрывает только ручку и внешнюю поверхность сосуда. Возможно, оба фрагмента можно отнести к типу 13 по Дж. Хейсу (Open Cups with Two Handles) – чашам с двумя ручками), характерному для X – начала XI вв. [73, p. 25, 27, fig. 9,1–7]. Открытые сосуды с коническим туловом, подтреугольным в сечении венчиком с плоской верхней поверхностью и глубоким желобком под венчиком на внутренней стороне (тип 1 по классификации Дж. Хейса [73, p. 22, fig. 7,1]) представлены двумя фрагментами (рис. 6,*1,2*). На внутренней стороне первого – плотная, блестящая полива желтого цвета с пятнами и разводами нерастворившегося красителя. Возможно, сосуд был украшен росписью коричневым ангобом, получаемым путем добавления в него красной глины. Подкрашенный ангоб, как правило, накладывали петлями, полосами, каплями [73, p. 21]. На внутренней стороне второго – плотная, блестящая зеленая пятнистая полива, на наружной – полива бледно-желтого цвета с зелеными пятнами.

Так называемая Эгейская группа, датирующаяся концом XII – началом XIII вв. [58, p. 313; 79, p. 144; 59, p. 46], представлена фрагментом блюда на низком, слегка расширяющемся книзу кольцевом поддоне (рис. 6,*6*). На внутренней поверхности – орнамент, нанесенный широкой врезной линией по ангобу под зеленой покрывающей поливой. На наружной поверхности – светлый ангоб. Группа 1.5.3 Aegean Coarse Incised Ware, наиболее распространенный тип посуды Эгейской группы [59, p. 46].

Эгейская группа была впервые выделена в 1975 г. А. Х. С. Мигоу, который обозначил ее как ‘Low Ring Base Ware’ (Посуда на низком кольцевом поддоне) или «Early 13th Century Aegean Ware» (Эгейская посуда начала XIII в.) и по материалу из слоя разрушения 1222 г. замка в Саранда Колоннес (Пафос) на Кипре выделил такие ее характеристики, как довольно грубое тесто, низкий кольцевой поддон, желтая покрывающая полива, иногда расцвеченная зелеными пятнами, два типа венчиков и два основных типа врезной орнаментики [78, p. 34–45]. Позднее набор первоначально выделенных Мигоу признаков по находкам в Восточной Фокиде значительно расширился. В частности, были найдены сосуды этой группы, покрытые зеленой поливой [56, p. 45–46]. Сам термин «Aegean Wares» («Эгейская посуда») предложен П. Армстронг [56, p. 45].

Посуда Эгейской группы была распространена довольно широко, но главным образом на территории Византийской империи (совр. Греция, Турция, Крым, Италия, на Кипре, в Ливане и Израиле [65, p. 234, fig. 4; 56, p. 46]). Любопытно, что находят ее не только в городах или на прибрежных территориях. В значительных количествах она встречается на сельских поселениях и на значительном расстоянии от моря. Разная глина и разные морфологические типы сосудов Эгейской группы говорят в пользу функционирования нескольких производивших ее центров [57, p. 345–346].

Скорее всего, Эгейской группе принадлежал и фрагмент глубокой чаши с округлым туловом и нешироким отогнутым бортиком (рис. 6,*5*). На внутренней стороне – бледно-желтая полива, наложенная тонким слоем на светлый ангоб. Поверхность расцвечена зелеными пятнами. На наружной поверхности – розоватый ангоб. Следы ремонта в древности (три отверстия). Возможно, довольно редко встречающийся тип 1.5.2. Aegean Green-Splashed Ware [59, p. 45], но не исключено, что принадлежал сосуду типа 1.5.4 (Aegean Coarse Incision with Green Splash), от которого сохранился лишенный гравированного орнамента фрагмент.

Кроме того, в заполнении хранилища был выявлен фрагмент стенки блюда группы Зевксиппа, которую в настоящее время датируют с последних десятилетий / конца XII до середины XIII вв. [82, p. 195–196; 77, p. 259–266; 79, p. 22; 59, p. 49] или до третьей четверти XIII в. включительно [67, p. 72] или в рамках XIII в. [81, p. 162; 82, p. 195–196; 62, p. 87], а иногда даже в рамках середины XIII – XIV вв. [91, p. 109] (подробно об этой группе керамики см. статью Л. А. Голофаст и А. В. Мастыковой в этом выпуске). Верхняя поверхность фрагмента покрыта зеленовато-оливковой (цвет несколько изменился в результате пребывания в огне) блестящей поливой хорошего качества, наложенной на ангоб. Местами полива отслоилась. Нижняя поверхность сбита.

Таким образом, заполнение хранилища 8 по гончарной керамике следует относить ко времени не ранее конца XII – XIII вв.

Строительная керамика из заполнения хранилища 8 на разных уровнях типологически однородна и состояла, главным образом, из мелких и средних оббитых и разрозненных фрагментов керамид (270 фр.). Основная масса принадлежала группам IV (94 фр., 35%), Iб (81 фр., 30%), II (57 фр., 21,1%) и III (22 фр., 8,2%); 8 мелких обломков от керамид из каолиновой глины и 5 фрагментов от других единичных керамид, не входящих в эски-керменскую классификацию (табл. 1). Единственный фрагмент бокового бортика керамиды группы Iа был обнаружен под основанием стены 18 и два небольших обломка (бокового бортика и центрального поля) керамид 1-й группы по ХК в верхней части заполнения. На одном фрагменте керамиды группы II сохранились два параллельных валика, идущих от верхнего поля, которые могли быть частью метки или необычно расположенными водосливными валиками (рис. 6,*7*). На трех фрагментах керамид группы IV – остатки рельефных меток, одна из них с нечеткими, расплывшимися контурами, похожа на греческую букву (γ или λ) (рис. 6,*8*), две другие пока не восстанавливаются. В заполнении хранилища зафиксированы также 5 фрагментов калиптеров групп Iб, II и IV. Грунт заполнения содержал много мелких керамических осколков (более 250).

Керамиды	Яма 3, всего	Яма 4, всего	Хранилище 1, всего, %	Хранилище 8, всего, %
Ia	–	–	–	1 – *0,4*
Iб	6	4	26 – *13,2*	81 – *30,0*
II	3	10	46 – *23,4*	57 – *21,1*
III	–	2	11 – *5,6*	22 – *8,1*
IV	28	19	107 – *54,3*	94 – *34,8*
1-я гр. по ХК	–	–	2 мелких – *1,0*	2 – *0,7*
другие	1	–	5 – *2,5*	13 – *4,9*
Всего	***38***	***35***	***197***	***270***
Калиптеры				
Ia	–	–	–	–
Iб	–	–	1	2
II	–	–	–	1
III	–	–	–	1
IV	–	–	11	1
Всего	–	–	***12***	***5***

Таблица 1. Количество фрагментов черепиц разных групп в заполнениях ям 3 и 4, хранилищ 1 и 8[7].

К югу от хранилища 8 находятся два подвала 4 и 5, также принадлежавшие усадьбе I (рис. 1–2). Судя по их форме и расположению, подвалы были вырублены в скале одновременно. Оба они состояли из прямоугольной входной ямы с закругленными углами и округлого подвального помещения со сводчатым потолком. Северные края входных ям расположены на одной линии, расстояние между ямами 1,0–1,4 м. Подвальные помещения вырублены под первой поперечной улицей. В скальных полах входных ям и подвальных помещений зафиксированы углубления под сосуды [2, л. 7–9].

Подвал 5, открытый в 2006 г. (входная яма: 1,3х1,65 м, глубина 1,4 м; подвальное помещение: 1,5х1,9 м, высота 1,6 м), находился непосредственно за стеной помещения 5 усадьбы I (рис. 1-2). Заполнение входной ямы состояло из светло-серого зольного грунта с линзами золы и углей в верхней части и находившегося ниже слоя коричневого рыхлого грунта с мелким камнем и ракушкой [2, л. 9]. В подвальном помещении такой же коричневый рыхлый грунт залегал над коричнево-серым зольным слоем. По заключению А. И. Айбабина, подвал, вероятно, был засыпан после

[7] Некоторые данные о публикуемых в этой статье комплексах уже приводились в более ранних публикациях. Отдельные статистические показатели могут незначительно варьировать, что связано с разной системой подсчета. В данном случае при подсчете учитывался каждый обнаруженный при раскопках фрагмент, даже в том случае, если впоследствии некоторые фрагменты склеивались в более крупные части (ранее они могли быть посчитаны как один фрагмент). В настоящей статье все данные перепроверены, уточнены и соответствуют полевым описям.

пожара. В заполнении входной ямы и подвального помещения обнаружены многочисленные фрагменты гончарной и строительной керамики.

Гончарная керамика. Во входной яме пифосы представлены фрагментом стенки со следами заглаживания гребенчатым штампом, фрагментом массивного треугольного в сечении венчика с плоской верхней поверхностью (рис. 7,*1*) и фрагментом округлого дна на цилиндрической ножке. Кувшины с плоскими ручками – фрагментом двухчастного венчика (рис. 7,*2*), фрагментом уплощенной ручки, 3 фрагментами стенок и 2 фрагментами доньев.

Амфорам типа Гюнзенин III принадлежал фрагмент цилиндрического горла, 2 фрагмента массивных овальных в сечении ручек и 5 фрагментов стенок, в том числе 2 – с граффити (рис. 7,*4*). Амфорам типа Гюнзенин IV – небольшой фрагмент стенки и фрагмент горла с частью овальной в сечении ручки, а амфорам с бугристой внутренней поверхностью – 101 фрагмент стенок (рис. 7,*3*), 7 фрагментов уплощенных ручек и 6 фрагментов плоских доньев.

Группа простой гончарной керамики включает фрагмент ангобированной стенки кумана с отверстием для носика и вертикальным ребром, а также фрагмент стенки с округлым туловом с залощенной поверхностью и вертикальным ребром. Куманы, как правило, широкогорлые, богато орнаментированные сосуды с почти вертикально поставленным носиком, прикрепленным к верхней части тулова, в Херсонесе появляются, по мнению А. Л. Якобсона, в XII в., но особенно массовыми становятся в слоях XIII в. [53, с. 100, рис. 67,1, 71, 72; 32, с. 16].

Кроме того, в засыпи выявлены 3 мелких фрагмента стенок и фрагмент слегка утолщенного венчика поливных сосудов группы GWW II (рис. 7,*5*).

Несколько более многочисленный и разнообразный материал выявлен в подвальном помещении, где найдены 2 фрагмента пифосов с массивным треугольным в сечении венчиком с плоской верхней поверхностью (рис. 7,*7*) и фрагмент стенки со следами заглаживания гребенчатым инструментом на наружной поверхности, такие же следы, но менее четко выраженные, имеются и на внутренней стороне (рис. 7,*8*). Кувшины с плоскими ручками представлены 25 фрагментами, включая 2 фрагмента цилиндрических горл с двухчастным венчиком (рис. 8,*1*). К более позднему времени относятся 2 фрагмента стенок и фрагмент ручки амфор типа Гюнзенин III, 10 фрагментов стенок амфор с дуговидными ручками и многочисленными фрагментами амфор с бугристой внутренней поверхностью, в том числе 4 фрагмента горл, 7 фрагментов ручек и 6 фрагментов плоских доньев.

Набор простой гончарной керамики включает фрагмент стенки толстостенного сосуда с врезным орнаментом в виде треугольника, выполненного тройной линией (рис. 8,*2*); фрагмент горла с хорошо заглаженной поверхностью и фрагмент стенки, украшенной линейным орнаментом, нанесенным светлым ангобом, ойнохой скалистинского типа (рис. 8,*3,5*); фрагмент горшочка с простым непрофилированным, отогнутым наружу венчиком и уплощенной ручкой с пальцевым вдавлением у основания (рис. 8,*4*). Подобные горшочки относятся к числу наиболее распространен-

ных форм бытовой керамики в средневековой Таврике. Время их бытования определяется в рамках второй половины VIII / начала IX – XI вв. [36, с. 63–64].

Среди фрагментов неполивной столовой посуды следует отметить 2 фрагмента кувшина с вертикально поставленным утолщающимся к плоско срезанному краю венчиком и двумя горизонтальными треугольными в сечении ребрами на горле (рис. 8,*8,9*); фрагмент горшочка с небольшим отогнутым наружу венчиком с уплощенной ручки (рис. 8,*7*); фрагмент горшка с простым непрофилированным, отогнутым наружу венчиком и желобчатым туловом (рис. 8,*6*), фрагмент горшочка (?) с плоским дном и округлым туловом, украшенным четким врезным линейно-волнистым орнаментом, выполненным мелко-гребенчатым штампом и еще два фрагмента стенок, декорированных аналогичным образом (рис. 8,*10,11*), а также 5 фрагментов ангобированных стенок, украшенных разнообразным врезным орнаментом и вертикальными вдавлениями. Следует отметить, что большая часть простой гончарной керамики выполнена из глины, визуально схожей с глиной амфор с бугристой внутренней поверхностью.

Поливная керамика представлена, главным образом, посудой группы GWW II, к которой относятся фрагмент небольшого отогнутого бортика открытого сосуда с зеленой пятнистой блестящей поливой хорошего качества на обеих сторонах (рис. 8,*14*); фрагмент открытого сосуда с зеленой пятнистой поливой на внешней стороне, слегка утолщенным венчиком с плоской верхней поверхностью и треугольным в сечении ребром под венчиком (рис. 8,*13*); фрагмент открытого сосуда с коническим туловом и небольшим венчиком подтреугольного сечения, отделенного от тулова небольшим ребром и врезной линией, расположенной на расстоянии 1,3 см от него, на внутренней поверхности – бледно-желтая полива с коричневыми точками и бледно-зелеными пятнышками (тип 13 по Дж. Хейсу, характерный для X – начала XI вв. [73, p. 25, 27, fig. 9,1–7]) (рис. 8,*15*); фрагмент овальной в сечении ручки с каплями бледно-желтой поливы (рис. 8,*12*).

Однако несколькими мелкими фрагментами представлена и более поздняя поливная посуда, в том числе мелкий фрагмент стенки сосуда группы GWW IV и 4 мелких фрагмента стенок закрытого поливного белоглиняного сосуда с зеленой поливой на внешней стороне, скорее всего, принадлежащий к группе монохромной белоглиняной посуды, которая в соседнем Херсонесе представлена самыми разнообразными формами и составляет в комплексе поливной керамики XIII в. из квартала X Северного района около 14,3% [23, с. 212]. Что же касается поливной керамики группы Glazed White Ware IV (GWW IV) по Дж. Хейсу [73, p. 30–33] или группы 9 по А. Л. Якобсону [54, с. 144, 146, рис. 92], то она характеризуется тестом светлых оттенков – от белого до бежевого и розоватого, почти бесцветной поливой, наложенной тонким слоем и обычно покрывающей только внутреннюю поверхность открытых сосудов и наружную поверхность – закрытых. В. Франсуа определяет время ее бытования в рамках XII – третьей четверти XIII вв. [67, p. 65]. По мнению Дж. Хейса, центром производства Glazed White Ware IV был Константинополь, где

рассматриваемая керамика относится к числу самых многочисленных в комплексах второй половины XII – начала XIII вв. [73, p. 30–33]. Хорошо представлена в Восточном Средиземноморье и Причерноморье. В комплексе поливной керамики из квартала X Северного района Херсонеса она составляет около 20% [23, с. 210].

Таким образом, заполнение подвала 5 и его входной ямы по гончарной керамике может быть датировано не ранее XII в.

Строительная керамика из заполнения входной ямы подвала 5 состояла из мелких и средних оббитых разрозненных фрагментов керамид (223 фр.) и калиптеров (11 фр.) (табл. 2). Типологически разная черепица распределялась на всех уровнях заполнения достаточно однородно. Среди керамид наиболее многочисленной была группа IV (88 фр., 39,5%), примерно равное количество принадлежало группам Iб (57 фр., 25,5%) и II (54 фр., 24,2%). Группа III представлена 11 обломками, столько же фрагментов относится, вероятно, к одной керамиде со слоистой структурой черепка песочно-оранжевого цвета. Единственный обломок керамиды 1-й группы по ХК обнаружен в самом верхнем слое заполнения входной ямы. На 6 фрагментах керамид сохранились части рельефных меток, из которых три определяются. Одна из них – метка в виде греческой буквы Г на керамиде группы III (из 6 фр.) (рис. 7,*6*), которая также отмечена на ряде других одноматричных керамид из раскопок помещений 3, 4 и 6 усадьбы I, первой поперечной улицы, помещения 2 усадьбы III. Точные аналогии имеет также низкорельефная метка в виде схематично изображенной лошади вправо на сильно оббитом обломке керамиды группы IV. Обломки археологически целой керамиды с полностью сохранившейся такой меткой найдены в подвале помещения 3 усадьбы I [26, с. 302–303, № 19, рис. 4,4]. Большое количество фрагментов от таких же одноматричных черепиц обнаружены в слоях разрушения помещений 3, 4, 5 и 6 усадьбы I, а также вблизи помещения 5 усадьбы II и помещения 2 усадьбы III. Часть низкорельефной метки в виде угла и прямого валика над ним (буква К?) сохранилась на небольшом фрагменте керамиды группы IV. Фрагменты калиптеров принадлежат группам Iб (4 фр.) и IV (7 фр.). В заполнении было много мелких керамических обломков, плохо поддающихся определению (более 240).

Черепица из заполнения подвального помещения также была представлена, главным образом, мелкими и средними оббитыми фрагментами керамид (361 фр.) и калиптеров (30 фр.) (табл. 2). Соотношение керамид по группам достаточно близко материалу из входной ямы. Большинство принадлежало группе IV (138 фр., 38,2%), следующие по численности группы: II (115 фр., 31,9%), Iб (78 фр., 21,6%) и III (20 фр., 5,5%). В числе остальных – фрагменты керамид со светлым, песочного цвета не плотным черепком (7 фр.) и сильно пережженные обломки (3 фр.). Части рельефных меток зафиксированы на 8 фрагментах керамид групп Iб (1 фр.), II (3 фр.) и IV (4 фр.). Только 2 из них возможно определить по аналогии с керамидами из раскопок других участков квартала. Один принадлежит керамиде группы IV с частью схематичного изображения головы лошади (под верхним бортиком вблизи правого водосливного валика), идентичного метке на описанном выше фрагменте из входной ямы

(рис. 7,*9,10*). Высокорельефный валик на обломке керамиды группы II, скорее всего, является частью метки в виде большого угла или буквы U, которая полностью или частично сохранилась на многих фрагментах черепиц этой группы из раскопок на разных участках квартала, в том числе на археологически целой форме, происходящей из слоя разрушения помещения 1 усадьбы II. Фрагменты калиптеров из подвала 5 распределены между группами Iб (15 фр.), II (2 фр.) и IV (13 фр.). Из трех обломков сложена нижняя часть калиптера группы IV, полная ширина которого составляла 14,0 см (рис. 7,*11*). Засыпь также была насыщена очень мелкими керамическими осколками (более 360).

Керамиды	Входная яма подвала 5, всего, %	Подвальное помещение, всего, %	Всего, %
Ia	–	–	–
Iб	57 – *25,5*	78 – *21,6*	135 – *23,1*
II	54 – *24,2*	115 – *31,9*	169 – *28,9*
III	11 – *4,9*	20 – *5,5*	31 – *5,3*
IV	88 – *39,5*	138 – *38,2*	226 – *38,7*
1-я гр. по ХК	1 – *0,5*	–	1 – *0,2*
другие	12 – *5,4*	10 – *2,8*	*22 – 3,8*
Всего	***223***	***361***	***584***
Калиптеры			
Ia	–	–	–
Iб	4	15	19
II	–	2	2
III	–	–	–
IV	7	13	20
Всего	***11***	***30***	***41***

Таблица 2. Количество и процентное соотношение черепиц разных групп из заполнения подвала 5 и его входной ямы.

Подвал 4, открытый в 2006 г. (входная яма: 1,7х2,1 м, глубина до 1,5 м; подвальное помещение: 1,8х2,3 м, высота до 1,7 м), находился в непосредственной близости от подвала 5, к востоку от него (рис. 1-2). Верхняя часть заполнения входной ямы и подвального помещения состояла из развала камней мощностью 0,8 м и 1,4 м соответственно, под которым во входной яме залегал слой светло-серого зольного грунта толщиной 0,7 м, а в подвальном помещении – слой насыщенного золой и углями серого грунта мощностью до 0,4 м [3, л. 8]. На всех уровнях заполнения во входной яме и подвальном помещении обнаружены фрагменты гончарной и строительной керамики.

Гончарная керамика. В заполнении входной ямы подвала 4 выявлены фрагмент пифоса с треугольным в сечении венчиком с плоской верхней поверхностью с прочерченной на ней зигзагообразной линией и круглым углублением (рис. 9,*1*) и фрагмент пифоса с аналогичным треугольным в сечении венчиком с плоской верх-

ней поверхностью, но без орнаментации. Ранний материал представлен двумя фрагментами двухчастных венчиков высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (рис. 9,*3,4*). 24 фрагмента стенок принадлежали амфорам типа Гюнзенин IV, в том числе 1 – с граффити (рис. 9,*2*); один фрагмент стенки – амфоре типа Гюнзенин III. Большим количеством фрагментов (135) представлены амфоры с бугристой внутренней поверхностью.

Простая гончарная керамика представлена фрагментом кувшина (?) с треугольным в сечении венчиком и треугольным в сечении ребром (рис. 9,*5*), фрагментом кувшинчика со слегка отогнутым наружу простым венчиком, а также несколькими фрагментами стенок с рифлением, выполненным мелким гребенчатым штампом. Все перечисленные фрагменты выполнены из глины, схожей с глиной амфор с бугристой внутренней поверхностью.

Обширным ассортиментом представлена поливная керамика. Фрагмент перегоревшей стенки принадлежал закрытому белоглиняному сосуду группы GWW IV, и несколько фрагментов – группе монохромной белоглиняной поливной керамики: 5 фрагментов стенок, фрагмент овальной в сечении ручки и фрагмент выпуклого сферического в сечении дна с зеленой поливой на внутренней на сплошном поддоне (рис. 9,*10*).

Фрагмент стенки открытого красноглиняного сосуда с геометрическим орнаментом, выполненным толстой врезной линией по ангобу под зеленой плотной блестящей поливой, наложенной на слой светлого ангоба, принадлежит группе Сен Симеон (рис. 9,*11*), датирующейся XIII в. [59, p. 56]. На внешней поверхности – полоса зеленой поливы, частично наложенной на белый ангоб, частично на глину, и подтек ангоба. Для посуды группы Сен Симеон (группа 6 по Якобсону [54, с. 133–140, рис. 84–88]; класс Ii по В. Франсуа [64, p. 96–98]), долгое время считавшейся продукцией херсонесских мастерских [54, с. 133, 140], характерны толстые стенки, разнообразные изображения, выполненные толстой врезной линией, процарапанной сквозь слой белого ангоба, и почти бесцветная с легким желтоватым или оливковым оттенком покрывающая глазурь с зеленой и желто-коричневой расцветкой, придерживающейся линий рисунка и варьирующейся по интенсивности в пределах одного сосуда. Орнаментика сосудов этой группы, отличающаяся яркостью и разнообразием сюжетов, резко выделяется на фоне производившейся в то время поливной посуды. Как правило, все центральное поле сосудов, занятое крупными изображениями разнообразных розеток, плетенок, растительными мотивами, зооморфными и антропоморфными изображениями, обрамлено орнаментальным поясом, состоящим из завитков, псевдокуфических надписей, различных геометрических элементов и отделенным от центрального мотива поясом концентрических окружностей.

Свое название группа получила по порту Антиохии (араб. Аль-Мина), где она впервые была выделена. Порт с начала XII в. до 1268 г. занимали франки, которые называли его Порт Сен Симеон. Порт располагался в устье Оронта и являлся важнейшим торговым и ремесленным центром Принципата Антиохии [76, p. 45–53].

Здесь керамика рассматриваемой группы вместе с отходами производства в большом количестве встречалась в слоях с монетами первой половины XIII в., соответствующих периоду господства крестоносцев [75, p. 115–116; 86, p. 356 и др.]. Однако посуда группы Сен Симеон производилась не только в Аль-Мине. Недавние исследования показали, что Polychrome Sgraffito Ware, идентичная той, что производилась в Порте Сен Симеон, производилась в Анатолии, Киликии, северной Сирии и западной Месопотамии и, таким образом, не может рассматриваться исключительно как керамика крестоносцев. Производство ее зафиксировано в Антиохии, Сардах, Миссисе, Кинете, Эпифании и других городах Турции. Аналогичная керамика была популярна на западе Месопотамии в мамлюкский период и, возможно, производилась где-то в долине Евфрата. Посуду, имитирующую изделия группы Сен Симеон, продолжали изготавливать и после разгрома Аль-Мина в Западной Анатолии, предположительно в Сардах [88, p. 56; 85, p. 686, fig. 6]. Кроме того, существует предположение, что после разгрома Сен Симеона в 1268 г. местные гончары переселились в другое место, возможно, в Атлит или на Кипр, где наладили производство похожей керамики [74, p. 16; 75, p. 113–123]. Наличие множества мастерских, производивших керамику в стиле Сен Симеон, требует дальнейших исследований по идентификации продукции различных центров. По этой причине мы используем термин «Посуда порта Сен Симеон» для обозначения керамики из различных производственных центров, но выполненной в том же стиле, что и посуда, открытая непосредственно в порту Сен Симеон, где она впервые была выделена.

Керамика группы «Порт Сен Симеон» имела широкое распространение. Она зафиксирована на территориях крестоносцев, расположенных вдоль восточного побережья Средиземного моря (в Израиле, Палестине, Сирии, Турции, на Кипре), в Италии [80, p. 106; 64, p. 97], в Египте она доминировала на рынке дешевой посуды в течение нескольких десятилетий XIII в. [74, p. 16; 75, p. 113–123]. Однако, на территории Византийской империи встречается в крайне незначительных количествах [65, p. 234–235]. Что же касается отмечаемого А. Л. Якобсоном доминирования керамики группы 6 в херсонесском комплексе поливной посуды, то следует отметить, что ее количество все же не превышает количество фрагментов других групп. Так, в комплексе поливы из раскопок слоя пожара в квартале X Северного района она составляет около 13%, значительно уступая керамике группы Зевксиппа и белоглиняной поливной посуде (обе группы составляют по 32%) [23, с. 209].

Пятью фрагментами в комплексе заполнения входной ямы подвала 4 представлена посуда Эгейской группы, датирующаяся концом XII – началом XIII вв.: фрагмент стенки с бледно-бледно-желтой поливой, наложенной на плотный белый ангоб на внутренней стороне; фрагмент чаши с коническим туловом и вертикальным бортиком, украшенной орнаментом, процарапанным по плотному белому ангобу (рис. 9,*7*). Покрывающая полива хорошего качества, с блеском, бледно-желтая; на внешней стороне ангобом и бледно-желтой поливой покрыт только бортик; фрагмент стенки с бледно-бледно-желтой поливой, наложенной на слой плотного белого ангоба, и врезной дугообразной линией на внутренней стороне, на наружной стороне – жидкий белый ангоб (рис. 9,*8*); фрагмент блюда с треугольным в сечении венчиком (рис. 9,*6*). На внутренней стороне – очень бледная желтоватая полива, наложенная на светлый ангоб. На наружной стороне – светлый (розоватый) ангоб и подтеки бледно-желтой поливы; фрагмент блюда на низком кольцевом, расходящемся книзу массивном поддоне (рис. 9,*9*). На внутренней стороне – желтая полива с разрывами на поверхности, наложенная на светлый ангоб. Видна часть широкой врезной линии, прочерченной по ангобу.

Аналогичный материал выявлен и в подвальном помещении. Три фрагмента принадлежали пифосам с подтреугольным в сечении венчиком с плоской верхней поверхностью (рис. 11,*1,2*) и пифосу с округлым массивным дном на лепешкообразном поддоне.

Единственным фрагментом стенки представлены высокогорлые кувшины с плоскими ручками. Амфорам типа Гюнзенин III принадлежали 3 фрагмента стенок, а амфорам типа Гюнзенин IV – 116 фрагментов, включая 3 фрагмента коротких воронковидных горл с овальной в сечении ручкой (рис. 11,*3*) и 9 фрагментов стенок с граффити (рис. 11, *4–6*).

Большим количеством (215) представлены амфоры с бугристой внутренней поверхностью, в том числе 6 фрагментов цилиндрических горл и орнаментированные стенки (рис. 12, *1–5*).

Один фрагмент, вероятно, принадлежал трехручному сосуду с округлым туловом и маленьким слегка отогнутым треугольным в сечении венчиком (рис. 12,*6*). На наружной стороне венчика – треугольный в сечении налеп с пальцевыми вдавлениями, расположенными на равном расстоянии друг от друга. Сохранились остатки основания уплощенной горизонтальной ручки. Украшен вертикальными глубокими небрежно нанесенными насечками и глубокими косыми линиями, а также треугольным в сечении дугообразным ребром с поперечными насечками. Внешняя поверхность сосуда покрыта светлым кремового оттенка ангобом.

По мнению А. Л. Якобсона, это праздничный, богато украшенный вариант амфор с бугристой внутренней поверхностью, от которых он отличается наличием трех плоских широких горизонтально прикрепленных ручек и верхней частью тулова, богато украшенной налепными валиками с насечками или зонами рифления и гребенчатой волной. Они хорошо известны по раскопкам в Херсонесе и на Эски-Кермене [54, с. 113–114, рис. 69,8,9; 42, с. 281, рис. 3].

Все выявленные в подвале фрагменты простой гончарной посуды выполнены из глины, схожей с глиной амфор с бугристой внутренней поверхностью, и принадлежали кувшинам или куманам с цилиндрическим или воронковидно расширяющимся горлом, часто с небольшим горизонтальным ребром в средней части и уплощенными ручками (рис. 13; 14,*1–4*). Как известно по материалу из раскопок слоя XIII в. Херсонеса [32, с. 15–16, рис. 2; 54, с. 117, рис. 42Б,5,8; 22, №№ 192, 193, 211, 212; 23, рис. 5,1,2; 6,4], подобные сосуды часто богато украшали разнообразным

врезным и налепным орнаментом: рядами горизонтальных насечек, линейно-арочным орнаментом нанесенными мелким зубчатым штампом, небольшими ребрами с насечками, вдавлениями овальной формы, пирамидальными выступами и т.д. (рис. 13,*5–7*; 14,*3–4*). Поверхность сосудов часто слегка залощена.

Довольно разнообразен ассортимент представленной в заполнении подвала 4 поливной посуды. Маленький фрагмент стенки белоглиняного сосуда с бледно-желтой, местами с зеленоватым оттенком поливой на внутренней стороне и такой же бледно-желтой поливой с коричневой полосой на наружной принадлежал группе GWWII, для которой характерны коричневые полосы.

Фрагмент полихромной чаши с коническим туловом и небольшим почти горизонтально отогнутым бортиком с орнаментом, выполненным толстой врезной линией по плотному светлому ангобу и расцвеченным зеленым и коричневым, на внутренней стороне принадлежит группе Сен Симеон (рис. 14,5). Покрывающая полива бледно-желтая, хорошего качества, с блеском, без признаков выветривания. На наружной поверхности ангоб и бледно-зеленая полива покрывают только бортик и узкую полосу в верхней части тулова.

Один фрагмент принадлежал открытому поливному белоглиняному сосуду на кольцевом слегка расходящемся книзу поддоне с росписью зеленой и марганцевой красками на внутренней стороне под бледно-желтой покрывающей поливой (рис. 14,*6*). На наружной стороне и на нижней стороне дна – подтеки и пятна зеленой поливы. Группа 9 по А. Л. Якобсону [54, с. 144, 146, рис. 92]; Glazed White Ware IV по Дж. Хейсу [73, p. 30–33]).

Несколькими фрагментами представлена посуда Эгейской группы: фрагмент открытого сосуда с треугольным в сечении венчиком с бледно-желтой поливой, нанесенной на плотный белый ангоб на внутренней стороне и пятном блестящей зеленой поливы на венчике (тип Aegean Green-Splashed Ware, наружная поверхность венчика покрыта плотным белым ангобом и бледно-желтой поливой (тип 1.5.2 по Ависсару и Штерн [59, p. 45]) или Aegean Coarse Incision with Green Splash (тип 1.5.4 по Ависсару и Штерн [59, p. 47]); фрагмент стенки блюда с орнаментом, нанесенным широкой врезной линией по плотному светлому ангобу, под бледно-желтой покрывающей поливой (рис. 14,*9*), на внешней стороне – плотный светлый ангоб и пятно зеленой блестящей поливы (тип Aegean Coarse Incision with Green Splash (тип 1.5.4 по Ависсару и Штерн [59, p. 47]); фрагмент блюда на массивном низком кольцевом, коническом в сечении поддоне с желтой поливой, нанесенной на плотный белый ангоб на внутренней стороне и плотным светлым ангобом на внешней (рис. 14,*7*).

Фрагмент стенки открытого сосуда с орнаментом в виде горизонтальной и волнистой линий, нанесенных толстой врезной линией по плотному светлому ангобу (рис. 14,*8*) принадлежит группе «Late Sgraffito Ware» (подробно об это группе керамики см. статью Л. А. Голофаст и А. В. Мастыковой в этом томе). Покрывающая полива – бледно-желтая с легким оливковым оттенком, с некоторым блеском, местами осыпалась. На наружной стороне – пятно такой же поливы. Время бытования этой

группы керамики, как правило, определяют в рамках второй половины XIII – XIV вв. [91, p. 111]. Однако, скорее всего, орнаментированная подобным образом посуда в больших количествах поступала в Крым в середине – третьей четверти XIII в. и уже к концу столетия ее импорт полностью прекращается [19, с. 136; 14, с. 26].

Фрагмент чаши с округлым туловом и скругленным краем относится к группе Зевксиппа или является ее дериватом. На внутренней и внешней поверхностях – желтая с легким оливковым оттеком полива, наложенная на слой плотного белого ангоба (рис. 14,*10*). На внутренней стороне вдоль края и чуть ниже – широкие врезные полосы. На наружной стороне, также вдоль края идут две тонкие врезные линии.

Таким образом, комплекс гончарной керамики из подвала 4 и его входной ямы относится к периоду не ранее второй половины XIII в.

Строительная керамика из заполнения входной ямы подвала 4 представлена, главным образом, средними и мелкими фрагментами керамид (1017 фр.) и калиптеров (100 фр.) (табл. 3). Подавляющее их большинство (81,7%) найдено в развале камней. Среди керамид из развала камней (821 фр.) доминировали фрагменты 1-й группы по ХК (334 фр., 40,7%), среди которых верхняя часть керамиды (из 3-х фр.) с сохранением полной ширины и части рельефной метки (рис. 10,*1*). Следующими в количественном отношении были группы IV (186 фр., 22,7%), Ia (112 фр., 13,6%), Iб (111 фр., 13,5%), II (69 фр., 8,4%) и III (7 фр.). По одному обломку принадлежали керамиде из каолиновой глины и керамиде со светло-коричневым плотным черепком с включениями дробленного известняка и минералов, с частью неопределенной рельефной метки. Соотношение разных групп в светло-сером зольном грунте существенно отличается. Фрагменты керамид 1-й группы по ХК (23 фр., 11,7%) находились, главным образом, в верхней части слоя (17 фр.); более многочисленными были группы IV (58 фр., 29,6%), II (41 фр., 20,9%), Iб (38 фр., 19,4%) и Ia (26 фр., 13,3%), группа III представлена 10 фрагментами. Среди фрагментов керамид из заполнения входной ямы на 58 сохранились части и, реже целые метки, из которых 52 фрагмента обнаружены в развале камней и 6 – в верхней части светло-серого зольного грунта. Подавляющее большинство маркированных обломков принадлежит 1-й группе по ХК (41 фр.). В числе наиболее выразительных меток – схематичное изображение коня в левой верхней части керамиды в сочетании с буквой В [30, с. 151]. В развале камней и светло-сером зольном слое обнаружены 7 обломков с остатками данной метки, один из них, наиболее полно сохранившийся, склеился с фрагментом, происходящим из заполнения ямы 1, расположенной в часовне (раскопки 2007 г.) (рис. 10,*2*). Всего при раскопках квартала обнаружено 22 фрагмента от аналогичных одноматричных керамид. Все они были локализованы на довольно ограниченной территории: в заполнениях подвала 4 и его входной ямы, и в слоях над южной частью двора между подвалом 4 и часовней. Особый интерес представляет метка в виде схематически изображенной человеческой фигуры с удлиненным предметом в правой руке (орудие или музыкальный инструмент?) и сегментовидной фигурой над головой (головной убор, шлем, нимб?) (рис. 10,*3*) [30, с. 152]. Пока известны части только от двух керамид с этой меткой, причем каждая

из них собралась из трех обломков, пять из которых происходят из развала камней и верхней части светло-серого зольного грунта входной ямы подвала 4 и один – из развала камней в южной части двора, вероятно, недалеко от подвала 4. Из развала камней входной ямы подвала 4 получены также фрагменты керамид 1-й группы по ХК с метками в виде букв: Э (2 фр.), К (4 фр.) и В (4 фр.) (рис. 10,*4–6*). Ломанные рельефные валики, скорее всего, являющиеся результатом дефекта матрицы в нижней ее части, зафиксированы на 5 фрагментах, два из которых склеились с обломками из развала камней подвального помещения (рис. 10,*7*). На остальных фрагментах керамид этой группы (15 фр.) отмечены части пока неопределенных меток. На 10 фрагментах керамид группы IV сохранились рельефные метки и их остатки, включая метку в виде буквы Г (1 экз.) (рис. 10,*8*), в виде дуги (1 экз.) и в виде трех каплевидных выпуклостей (4 экз.) (рис. 10,*9*). От керамид группы III зафиксированы 3 фрагмента с частями рельефных букв М (1 фр.) и Е (2 фр.). По одному фрагменту с остатками неопределяемых меток принадлежало керамидам групп Ia, Iб и II. Из заполнения входной ямы изъяты также 100 фрагментов калиптеров, из которых 92 – из развала камней и 8 – из светло-серого зольного грунта. Подавляющее большинство принадлежало группе Ia (87 фр.), включая 2 с сохранением полной ширины (18,0 и 18,5 см) из развала камней. Остальные фрагменты отнесены к группам IV (6 фр.), Iб (4 фр.) и II (3 фр.).

Характер и распределение строительной керамики из заполнения подвального помещения подвала 4 практически аналогичны материалу из его входной ямы (табл. 3). Из 525 фрагментов керамид и 45 фрагментов калиптеров соответственно 424 и 41 найдены в развале камней, 101 и 4 – в сером грунте с золой и углями. В развале камней среди керамид почти треть принадлежала 1-й группе по ХК (122 фр., 28,8%), остальные распределены между группами IV (97 фр., 22,9%), Iб (83 фр., 19,6%), II (56 фр., 13,2%), Ia (53 фр., 12,5%) и III (13 фр., 3,0%). В сером грунте с золой и углями основная масса фрагментов керамид принадлежала группам Ia (26 фр.), IV (22 фр.), Iб (21 фр.), II (21 фр.) и III (7 фр.). От керамид 1-й группы по ХК обнаружено лишь 4 обломка. На 19 фрагментах сохранились целые (3) и части (16) рельефных меток. Большинство из них от керамид 1-й группы по ХК (10 фр.), в числе которых целые метки в виде букв В (1) и К (1), часть метки в виде изображения головы и шеи птицы вправо (1) (рис. 11,*7*), уже упоминавшийся фрагмент керамиды с ломанными валиками, который соединился с обломком из входной ямы этого подвала. В развале камней подвального помещения обнаружен также фрагмент с частью уже известной метки в виде изображения коня, который оказался от той же черепицы, что и фрагмент из развала камней над южной частью двора. Остатки меток в виде букв М и К сохранились на обломках керамид группы III. Часть метки в виде буквы К отмечена и на одном фрагменте группы II. Остальные части меток на обломках черепиц групп II (2 фр.) и IV (4 фр.) пока не определяются. В сером грунте с золой и углями обнаружен также фрагмент керамиды группы Ia, на лицевой стороне которого прочерчено несколько небольших крестиков (рис. 11,*8*). Среди калиптеров (45 фр.) доминировали фрагменты группы Ia (29 фр.), включая верхнюю часть с манжетовидным уступом и среднюю гладкую часть, сохранившие полную ширину этих

экземпляров, соответственно 16,2 и 12,8 см. В заполнении входной ямы и подвального помещения было много мелких неопределяемых керамических обломков (более 730).

	Входная яма подвала 4			Подвальное помещение			
	Развал камней	Светло-серый грунт	**Всего, %**	Развал камней	Серый грунт с золой и углями	**Всего, %**	**Всего, %**
Керамиды							
Ia	112	26	138 – *13,6*	53	26	82 – *15,6*	220 – *14,3*
Iб	111	38	149 – *14,6*	83	21	101 – *19,2*	250 – *16,2*
II	69	41	110 – *10,8*	56	21	77 – *14,7*	187 – *12,1*
III	7	10	17 – *1,7*	13	7	20 – *3,8*	37 – *2,4*
IV	186	58	244 – *24,0*	97	22	119 – *22,7*	363 – *23,5*
1-я гр. по ХК	334	23	357 – *35,1*	122	4	126 – *24,0*	483 – *31,3*
другие	2	–	2 – *0,2*	–	–	–	2 – *0,2*
Всего	***821***	***196***	***1017***	***424***	***101***	***525***	***1542***
Калиптеры							
Ia	82	5	87	13	–	29	116 – *80,0*
Iб	1	3	4	25	4	13	17 – *11,7*
II	3	–	3	1	–	1	4 – *2,8*
III	–	–	–	1	–	1	1 – *0,7*
IV	6	–	6	1	–	1	7 – *4,8*
Всего	***92***	***8***	***100***	***41***	***4***	***45***	***145***

Таблица 3. Количество и процентное соотношение черепиц разных групп из заполнения подвала 4 и его входной ямы.

***

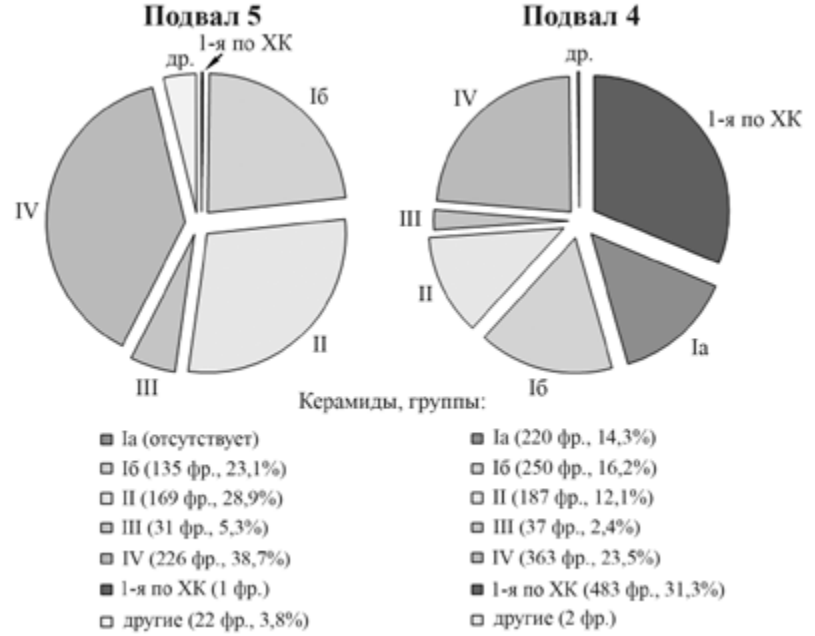
Описанные выше керамические комплексы из заполнений наиболее крупных скальных вырубок на хозяйственной территории, принадлежавшей усадьбам I и II, позволяют сделать некоторые выводы и предположения относительно определенных этапов в истории исследуемого квартала. Следует отметить, что помимо керамических находок в их заполнениях в сравнительно небольшом количестве найдены, в основном, фрагментированные изделия из железа, бронзы, стекла и кости. Некоторые из наиболее значимых находок опубликованы, например, ажурная бронзовая подвеска в виде круга с крестом из светло-серого зольного грунта хранилища 8 и бронзовая деталь книжной застежки из светло-серого зольного слоя входной ямы подвала 4 [8, с. 397, 398]. Как установили А. И. Айбабин и Э. А. Хайрединова, похожие бронзовые подвески обнаружены в Коринфе, в слоях XII–XIII вв., аналоги книжной застежки встречаются в культурных слоях разных регионов с X по XIV вв. [8, с. 397; 7, с. 426]. Таким образом, эти и другие индивидуальные находки из рассматриваемых скальных сооружений, судя по аналогиям, бытовали длительное время, поэтому в контексте данной статьи они не могут служить хронологическими реперами. Более надежным датирующим материалом является комплекс гончарной керамики.

Как уже было отмечено, к наиболее раннему времени, согласно стратиграфическим наблюдениям, относятся заполнения ям 3 и 4, над которыми были возведены, соответственно, одна из стен усадьбы II и северо-западная стена часовни. Это подтверждает и выявленная в них керамика. Так, в заполнении ямы 3 наиболее поздними оказались фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (класс 41 по ХК-1995) и амфоры типа Гюнзенин II (класс 43 по ХК-95). Согласно датировке этих типов керамики, яма 3 была засыпана не ранее середины X – XI вв. Заполнение ямы 4 не было однородным. В темно-сером зольном грунте северо-западной части ямы и в заполнении юго-восточной части доминировали фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, и лишь вверху, в светло-сером грунте северо-западной части заполнения обнаружены несколько мелких фрагментов амфор с бугристой внутренней поверхностью (класс 52 по ХК-1995). Отметим, что северо-западная часть ямы не была перекрыта стеной, поэтому фрагменты более поздних амфор могли попасть в верхнюю часть заполнения после сооружения стены часовни над ее юго-восточной частью. Скорее всего, ямы 3 и 4 были засыпаны одновременно в процессе перестройки усадьбы II и строительства часовни, что произошло не ранее середины X – XI вв.

В заполнениях хранилища 1 и подвала 5 и его входной ямы наиболее поздними являются фрагменты амфор Гюнзенин III (класс 48 по ХК-1995), Гюнзенин IV (класс 45 по ХК-1995) и с бугристой внутренней поверхностью (класс 52 по ХК-1995), а также посуды группы GWW IV, что позволяет датировать засыпь этих сооружений временем не ранее XII в. Не ранее конца XII в., скорее всего, было засыпано хранилище 8, где помимо перечисленных типов амфор были выявлены обломки поливных сосудов Эгейской группы и группы Зевксиппа. К еще более позднему времени относится заполнение подвала 4 и его входной ямы, которое включало наряду с фрагментами выше упомянутых типов амфор и поливных сосудов фрагменты поливной керамики групп «Сен Симеон» и «Late Sgraffito Ware», датирующихся, соответственно, XIII в. и второй половиной XIII в. Таким образом, согласно керамическому материалу, подвал 4 прекратил функционирование в рамках второй половины XIII в. Вероятнее всего, он был засыпан в результате разрушения всего квартала, которое А. И. Айбабин обоснованно связывает с набегом Ногая в 1299 г. [5, с. 249–250].

Существенные отличия в заполнениях исследуемых вырубок имеет и состав черепицы. Так, строительная керамика из хранилищ 1 и 8 и подвала 5 состоит из небольших, сильно оббитых фрагментов, основная масса которых (94–96,5%) принадлежит керамидам групп IV, II, Iб и III (табл. 1–2). В хранилище 8 единственный фрагмент керамиды группы Ia находился под основанием стены 18, в верхней части заполнения обнаружены два небольших обломка керамид 1-й группы по ХК. В хранилище 1 два мелких фрагмента от керамид 1-й группы по ХК обнаружены вблизи поздней кладки 26. Единственный обломок такой же керамиды находился в самом верхнем слое заполнения входной ямы подвала 5. В подвальном помещении подвала 5 фрагменты керамид группы Ia и 1-й группы по ХК полностью отсутствовали. Совершенно иной состав черепицы и характер заполнения наблюдается в подвале 4 (табл. 3). В отличие от заполнения подвала 5 и его

входной ямы, состоящего, главным образом, из светло-серого зольного грунта и коричневого рыхлого грунта, в подвале 4 и его входной яме залегал мощный слой развала камней, аналогичный развалу камней в слое разрушения на территории двора и остальной части квартала. Это доказывает, что подвал 4 был засыпан в результате разрушения квартала. Именно из развала камней происходит более 80% всех фрагментов черепицы из подвала 4. Всего из этого подвала изъято 1678 фрагментов черепицы, в то время как из соседнего подвала 5 почти в три раза меньше (625 фр.). К тому же сохранность определенной части материала в подвале 4 значительно лучше, что позволило собрать из фрагментов несколько экземпляров керамид и калиптеров с сохранением полной ширины. Важно еще раз отметить, что несколько фрагментов керамид 1-й группы по ХК с остатками меток из подвала 4 оказались от тех же керамид, обломки которых найдены в слое разрушения на территории южной части двора и в заполнении ямы 1, расположенной в часовне. Больше трети от всех фрагментов керамид принадлежало 1-й группе по ХК (483 фр., 31,3%), основная их масса (456 фр.) находилась в развале камней. Следующими в количественном отношении были группы IV (363 фр., 23,5%), Iб (250 фр., 16,2%) и Ia (220 фр., 14,3%). Большинство фрагментов калиптеров относится к группе Ia (116 из 145 фр.). Таким образом, комплекс строительной керамики из заполнения подвала 4 и его входной ямы почти наполовину (48,6%) состоял из фрагментов черепицы 1-й группы по ХК и группы Ia, которые практически полностью отсутствовали в хранилищах 1, 8 и подвале 5, за исключением единичных, скорее всего, случайно оказавшихся в заполнениях обломков (см. Диаграммы 1–2). Показательно их полное отсутствие в более ранних заполнениях ям 3 и 4 (табл. 1).



Диаграммы 1–2. Соотношение разных групп черепиц из заполнений подвалов 5 и 4.

Следует отметить, что черепицы этих групп в разных соотношениях встречаются на территории всего квартала. Группа Ia является самой многочисленной среди керамид в исследуемом квартале и составляет около 34% (более 38 тыс. фр. по раскопкам до 2017 г. включительно). Наибольшее количество фрагментов в процентном соотношении зафиксировано в слоях разрушения помещений усадьбы I (до 63,1%) и усадьбы IV (до 42,8%). Меньше всего группа Ia представлена в помещениях усадьбы II (до 22,8%) [29, с. 161–162]. Керамиды 1-й группы по ХК в общем объеме строительной керамики в эски-керменском квартале занимают сравнительно небольшой процент – 9,7% (чуть более 11 тыс. фрагментов). В основном они были сосредоточены в слоях разрушения помещений усадьбы III (37,7%) и усадьбы II (27,5%). На территории усадеб I, IV и V их фрагменты встречались довольно редко (0,3–3,6%), что, скорее всего, объясняется их случайным попаданием на эти участки уже после разрушения квартала [30, с. 148–149]. В слое разрушения на хозяйственной территории, разделяющей упомянутые усадьбы, встречены все известные в квартале группы черепиц. Отличается лишь процентное соотношение разных групп в северной и южной частях данного участка, что объясняется разным составом черепичных кровель близлежащих помещений (см. Диаграммы 3–4). В разном соотношении, черепицы 1-й группы по ХК и группы Ia обнаружены на всей хозяйственной территории в значительном количестве (Ia – 554 фр., 1-я по ХК – 237 фр.).

Диаграммы 3–4. Соотношение разных групп черепиц из слоя разрушения в северной и южной частях хозяйственной территории раскопок 2006 и 2007 гг.

Отсутствие черепицы 1-й группы по ХК и группы Ia (за исключением единичных, скорее всего, случайных обломков) в заполнениях двух хранилищ (1 и 8) и подвала 5 свидетельствует о том, что они были засыпаны до гибели квартала, в слоях разрушения которого черепица обеих групп присутствует повсеместно. Вероятнее всего, эти хозяйственные вырубки стали ненужными и были снивелированы до, в процессе или же сразу после ремонта (реконструкции) крыш в квартале, т.е. в тот период, когда «новая» черепица (группы Ia и 1-й группы по ХК) либо еще отсутствовала, либо была еще целой. Судя по комплексу гончарной керамики, хранилище 1 и подвал 5 могли быть засыпаны не ранее XII в., а хранилище 8 – не ранее конца XII в. Поэтому нельзя исключать, что эти вырубки были засыпаны в разное время. В любом случае хронологическим рубежом появления в квартале «новой» черепицы и, следовательно, реконструкции крыш, является наиболее поздняя из этих дат – время не ранее конца XII в.

В ходе ремонта в значительном объеме использованы черепицы также других групп (Iб, II, III и IV), которые покрывали крыши до ремонта. Самой массовой из них была шамотированная черепица группы IV. В большинстве усадеб (суммарно по всем помещениям) «старая» черепица составляла более половины всего кровельного материала. Лишь в усадьбе III «новой» черепице принадлежало более 65%. Это свидетельствует о бережном отношении к строительной керамике и о длительном ее использовании. Вероятно, «старую» черепицу перебрали и дополнили ее вновь привезенной. Как недавно было установлено, черепица группы Ia, скорее всего, производилась в керамическом центре Илька-2, открытом и частично исследованном в округе Мангупского городища под руководством В. Е. Науменко в 2010–2013 гг. [37, с. 52–54; 29, с. 184]. Центр производства черепицы 1-й группы по ХК пока не обнаружен, однако исходя из идентичности их глиняного теста с некоторыми типами столовой посуды, в частности амфор с бугристой внутренней поверхностью (класс 52 по ХК-1995), а также широкого распространения такой черепицы и посуды в позднесредневековых слоях Херсонеса/Херсона, с большой долей вероятности можно предполагать, что их изготавливали на территории Херсона или в его округе [11, с. 95; 44, с. 82–84; 30, с. 148].

Таким образом, анализ керамических комплексов из заполнений скальных вырубок, открытых в 2006–2007 гг., позволяет выявить в истории исследуемого квартала Эски-Кермена этап, связанный с определенным переустройством хозяйственной территории между усадьбами I и II и реконструкцией крыш помещений всех квартальных усадеб. Интересно отметить, что хозяева усадеб I, IV и V, расположенных в западной части квартала, предпочли использовать новую черепицу только из производственного центра Илька в округе Мангупского городища (группа Ia), в то время как хозяева усадеб II и III восточной части квартала привезли кровельный материал из двух центров, вероятно, из Херсона (1-я группа по ХК) и из Ильки (группа Ia). Достаточно массовые поставки новой черепицы могут свидетельствовать об определенных экономических возможностях жителей исследованного квартала. Реконструкция крыш, судя по комплексу гончарной керамики, состоялась не ранее конца XII в., а возможно и в XIII в. Следовательно, обновленные крыши могли прослужить их хозяевам как столетие, так и несколько десятилетий до гибели всего квартала в конце XIII в.

Приложение 1

Количество и процентное соотношение фрагментов кувшинов и амфор из заполнений хозяйственных вырубок (раскопки 2006, 2007 гг.)

		Яма 3	Яма 4	Хранили-ще 1	Хранили-ще 8	Вход. яма подвала 5	Подвал 5	Вход. яма подвала 4	Подвал 4
Кувшины с плоскими ручками, середина IX – третья четв. XI в.	венчики	–	7	1	1	1	2	2	–
	ручки	–	–	4	1	1	4	–	–
	стенки	–	25	6	6	3	15	–	1
	донья	1	1	–	2	2	4	–	–
	всего - %	**1 – *50,0***	**33 – *91,7***	**11 - *61,1***	**10 – *10,3***	**7 – *5,3***	**25 – *20,7***	**2 – *1,2***	**1 – *0,3***
Амфоры Гюнзенин 2, середина X – XI/нач. XII в.	**всего, %**	**1 – *50,0***	–	–	–	–	–	–	–
Амфоры с бугристой внутренней поверхностью, XII (?)–XIV вв.	венчики	–	–	–	2	–	4	2	6
	ручки	–	–	1	7	7	7	5	5
	стенки	–	3	5	56	101	66	117	184
	донья	–	–	–	4	6	6	11	20
	всего, %	–	**3 – *8,3***	**6 – *33,3***	***69 – 71,1***	**114 – *87,0***	**83 – *68,6***	**135 – 83,3**	**215 – *64,0***
Трехручные сосуды	**всего, %**	–	–	–	–	–	–	–	**1 – *0,3***
Амфоры типа Гюнзенин 4, XII–XIV вв.	венчики	–	–	–	2	–	–	–	3
	ручки	–	–	–	2	1	–	–	3
	стенки	–	–	–	12	1	10	24	110
	всего, %	–	–	–	**16 – *16,5***	**2 – *1,5***	**10 – *8,3***	**24 – *14,9***	**116 – *34,5***
Амфоры типа Гюнзенин 3, XII–XIII вв.	венчики	–	–	–	–	1	–	–	–
	ручки	–	–	–	2	2	1	–	–
	стенки	–	–	1	–	5	2	1	3
	всего, %	–	–	**1 – *5,6***	**2 – *2,0***	**8 – *6,1***	**3 – *2,5***	**1 – *0,6***	**3 – *0,9***

Приложение 2

Количество фрагментов столовой посуды из заполнений хозяйственных вырубок (раскопки 2006, 2007 гг.)

		Яма 3	Яма 4	Хранили-ще 1	Хранили-ще 8	Вход. яма подвала 5	Подвал 5	Вход. яма подвала 4	Подвал 4
GWW II, нач. IX–XII вв.		2	–	–	4	4	4	–	1
Эгейская группа, к. XII – нач. XIII вв.		–	–	–	2	–	–	5	3
Группа Зевксиппа, к. XII – трет. четв. XIII вв.		–	–	–	1	–	–	–	1
GWW IV, XII – трет. четв. XIII вв.		–	–	–	–	–	1	1	1
Группа Сен Симеон, XIII в.		–	–	–	–	–	–	1	1
Late Sgraffito Ware, втор. пол. XIII в.		–	–	–	–	–	–	–	1
Монохромная белоглин. посуда		–	–	–	–	–	4	7	–
Ойнохои скалист. типа, трет. четв. VI–X вв.		–	1	–	–	–	2	–	–
Горшочки с пальцевым вдавлением у основания ручки, VIII / нач. IX–XI вв.		–	–	–	–	–	1	–	–
Неполивная столовая посуда	венчики	–	–	–	5	1	5	2	7
	ручки	3	1	–	1	10	1	–	7
	орнамент. стенки	–	1	1	–	2	11	7	7
	неорнамент. стенки	82	89	60	105	42	159	55	8
	донья	3	5	2	7	3	11	2	7
	всего	**88**	**96**	**63**	**118**	**58**	**187**	**66**	**36**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Отчет об охранных археологических раскопках на территории городища Эски-Кермен в 2004 г. // Научный архив ИА НАН Украины. Д. 2004/223. 36 л.
2. Айбабин А.И. Отчет об охранных археологических раскопках на территории городища и некрополя Эски-Кермен в 2006 г. // Научный архив ИА НАН Украины. Д. 2006.
3. Айбабин А.И. Отчет об охранных археологических раскопках на территории городища и некрополя Эски-Кермен в 2007 г. // Научный архив ИА НАН Украины. Д. 2007.
4. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 214–239.
5. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
6. Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII.
7. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
8. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Металлические изделия из слоя пожара второй половины XIII в. на городище Эски-Кермен // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной / отв. ред. И. Б. Тесленко. Киев, 2015 С. 393–415. (Археологический альманах. № 32).
9. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Предварительные итоги археологических исследований городища Эски-Кермен в 2016 г. // IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений научной конференции (г. Бахчисарай, 8–9 сентября 2016 г.). Бахчисарай, 2016. С. 4–5.
10. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Особенности городской застройки XIII в. на плато Эски-Кермен // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений научной конференции (г. Бахчисарай, 7–8 сентября 2017 г.). Бахчисарай, 2017. С. 5–6.
11. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 81–101.
12. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
13. Борисов Б.Д. Средновековно селище и некропол до с. Дядово (разкопки през 1989 и 1981 г.) // Expeditio Thracica. София, 1982. Вып. 3. С. 4–60.
14. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20–37.
15. Булгаков В.В. Византийские амфоры IX-XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 4(5) [Электронный ресурс]. URL: http://archaeologe.kiev.ua/journal/040700/ bulgakov.htm.
16. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
17. Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 23–25 января 1996 г.). Новгород, 1996. Вып. 10. С. 90–103.
18. Волков И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 130–146.

19. Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев, 2005. С. 122–160.
20. Герцен А.Г., Иванова О.С. Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.
21. Голофаст Л.А. Поливная керамика из слоев хазарского времени в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. Вып. 4. С. 195–206.
22. Голофаст Л.А., Романчук А.И., Рыжов С.Г., Антонова И.А. Византийский Херсон. Каталог выставки. М.: Наука, 1991. 256 с.
23. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
24. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-А и X-Б) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
25. Джанов А.В., Майко В.В. Византия и кочевники в Юго-Восточной Таврике в XI–XII вв. // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 160–181.
26. Завадская И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003–2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 291–315.
27. Завадская И.А. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма // ТГЭ. 2010. Вып. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 года. С. 254–268.
28. Завадская И.А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 213–232.
29. Завадская И.А. Черепица группы Ia на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 158–184.
30. Завадская И.А. О торговых связях города на плато Эски-Кермен с Херсоном (по материалам строительной керамики) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2017. Вып. 9. С. 145–164.
31. Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета им. Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // Vita Antiqua. Киев, 1999. Вып. 2. С. 223–234.
32. Ивашута Л.П. Неполивная керамика позднесредневекового Херсона (по материалам раскопок портового квартала) // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 14–22.
33. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X – XII вв. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. 467 с.
34. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь: Антиква, 2007. 348 с.
35. Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2. С. 228–245.
36. Науменко В.Е. Высокогорлые кувшины с плоскими ручками. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. С. 50–58, 60–64. (Боспорские исследования. Suppl. 5).
37. Науменко В.Е., Моисеев Д.А., Смекалова Т.Н., Чудин А.В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований) // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Тезисы докладов и сообщений Международной научной кон-

ференции (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 52–54.
38. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94.
39. Паршина Е.А., Созник В.В. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Київ, 2012. С. 7–42.
40. Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 53–79.
41. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 62–75.
42. Репников Н.И. Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936. Краткие отчеты и сведения / Ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 279–280.
43. Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. 238 с.
44. Романчук А.И. Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. 170 с.
45. Рудаков В.Е. Материалы XII–XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.) // АДСВ. 1975. Вып. 12. С. 20–28.
46. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. их раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. X. С. 312–329.
47. Рыжова Л.А. Гончарная печь VIII-IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // АДСВ. Свердловск, 1982. Вып. 19. Византия и ее провинции. С. 149–156.
48. Сазанов А.В. К хронологии Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред. Ю. М. Могаричев. Симферополь, 1994. С. 42–57.
49. Седикова Л.В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 434–440.
50. Талис Д.Л. Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / Ред. С.М. Орешников М.: Советская Россия, 1971. С. 250–262.
51. Тесленко И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Симферополь, Кишинев, 2015. С. 13–163.
52. Фронджуло М.А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма / Ред.-сост. О. И. Домбровский. Киев: Наукова думка, 1968. С. 99–132.
53. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 258 с.
54. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 163 с.
55. Armstrong P. Lakonian Amphorae // Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athenes / Éds. V. Déroche, J.-M Spieser. Athens, 1989. P. 185–188.
56. Armstrong P. Some Byzantine and Later Settlements in Eastern Phokis // ABSA. 1989. Vol. 84. P. 1–47.
57. Armstrong P. A Group of Byzantine Bowls from Skopelos // Oxford Journal of Archaeology. 1991. Vol. 10. Issue 3. P. 335–347.

58. Armstrong P. Byzantine Thebes: Excavations on the Kadmeia, 1980 // ABSA. 1993. Vol. 88. P. 295–335.
59. Avissar M., Stern E.J. Pottery of the Crusader, Ayyubid and Mamluk Periods in Israel. Jerusalem, 2005. 177 p. (IAA Reports 26).
60. Barnéa I. Ceramica di import // Dinogetia I. Editura Academiei Republicii Socialiste România. Bucureşti, 1967. P. 229–276. (Biblioteca di arhaeologie. 13).
61. Barnea I., Ştefănescu S. Bizantini, romani si bulgari la Dunarea de Jos. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1971. 439 p. (Din istoria Dobrogei. III).
62. Berti G., Gelichi S. «Zeuxippus Ware» in Italy // Materials Analysis of Byzantine Pottery. Washington, 1997. P. 85–104.
63. Borisov B.D. Djadovo. Bulgarian, Dutch, Japanese Expedition. Vol. 1. Medieval Settlement and Necropolis (11th–12th century). Tokyo: Tokai University Press, 1989. 384 p.
64. François V. La céramique Byzantine à Thasos. Athènes, 1995. 384 p. (Études Thasiennes. XVI).
65. François V. Sur la circulation des céramiques Byzantines en Méditerranée orientale et occidentale // La céramique médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'AIECM2. Aix-en-Provence (13–18 novembre 1995). Aix-en-Provence, 1997. P. 231–236.
66. François V. Cuisine et pots de terre à Byzance // BCH. 2010. Vol. 134, livraison 1. P. 317–382.
67. François V. La vaisselle de terre à Byzance. Catalogue des collections du Musée du Louvre. Paris: Musée du Louvre editions / Somogy editions d'Art, 2017. 456 p.
68. Gunsenin N. Recherches sur les amphores Byzantines dans les musees Turcs // Recherches sur la Ceramica Byzantine. Paris, 1989. P. 267–276.
69. Günsenìn N. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques (thèse de doctorat presentèe à l'Université Paris I, Panthéon-Sorbonne). Paris, 1990.
70. Gunsenin N. Ganos, centre de production d'amphores a l'epoque Byzantine // Anatolia Antiqua. Paris, 1993. Vol. II. P. 193–201.
71. Gunsenin N. Ganos: resultants des campagnes de 1992 et 1993 // Anatolia Antiqua. Paris, 1994. Vol. III. P. 165–178.
72. Gunsenin N. L'épave de Çamalti Burnu I (île de Matmata, Proconèse): résultats campagnes 1998–2000 // Anatolia Antiqua. Paris, 2001. Vol. IX. P. 117–133.
73. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992. 455 p.
74. Kubiak W.B. Overseas Pottery Trade of Medieval Alexandria as Shown be Recent Archaeological Discoveries // Folia Orientalia. 1969. Vol. X. P. 5–30.
75. Kubiak W.B. Crusaders' Pottery of Al-Mīnā Found at Fusţāţ // Folia Orientalia. 1970. Vol. XII. P. 113–123.
76. Lane A. Medieval Finds at al-Mina in North Syria // Archaeologia. 1937. Vol. 87. P. 19–78.
77. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware Again // Mediterranean // Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athenes / Éds. V. Déroche, J.-M Spieser. Athens, 1989. P. 259–266.
78. Megaw A.H.S. An early thirteenth-century Aegean glazed ware // Studies in Memory of David Talbor Rice / Eds. G. Robertson, G. Henderson. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1975. P. 34–45.
79. Papanikola-Bakirtzi D. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999. 270 p.

80. Pringle D. Thirteenth-century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel // Levant. 1984. Vol. XVI. P. 91–111.
81. Sanders G.D.R. An Assemblage of Frankish Pottery at Corinth // Hesperia. 1988. Vol. 57. P. 159–195.
82. Sanders G. Three Peloponnesian Churches and their Importance for the Chronology of the Late 13th and Early 14th Century Pottery in the Eastern Mediterranean // Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athenes / Éds. V. Déroche, J.-M Spieser. Athens, 1989. P. 189–199.
83. Sanders G.D.R. Excavations at Sparta: The Roman Stoa, 1988–91. Preliminary Report. Part 1. (c) Medieval Pottery // ABSA. 1993. Vol. 88. P. 251–286.
84. Sanders G.D.R. The Medieval Pottery // Taylour W.D., Janko R. Ayios Stephanos: Excavations at a Bronze Age and Medieval Settlement in Southern Laconia. London: British School at Athens, 2008. P. 389–410.
85. Scott J.A., Kamilli D.C. Late Byzantine Glazed Pottery from Sardis // Actes du XV Congrès international d'études Byzantines. Vol. II. Athènes, 1981. P. 679–796.
86. Ševčenko N. Some 13th-century Pottery at Dumbarton Oaks // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1974. Vol. 28. P. 353–360.
87. Spieser J.-M. Die Byzantinische Keramik aus der Stadtgrabung von Pergamon. Berlin, New York, 1996. (Pergamenische Forschungen. Bd. 9).
88. Stern E. Excavations of the Courthouse Site at 'Akko: The Pottery of the Crusader and Ottoman Periods // 'Atiqot. Jerusalem, 1997. XXXI. P. 35–70.
89. Todorova E. The Medieval Amphorae (9th to 14th Centuries AD) from Excavations at Silistra in 2007 (Preliminary Report) // PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26–30, 2007 / Eds. Ch. Tzochev, T. Stoyanov, A. Bozkova. Sofia, 2011. P. 131–140.
90. Vassi O. An Unglazed Ware Pottery Workshop in Twelfth-century Lakonia // ABSA. 1993. Vol. 88. P. 287–293.
91. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht, 2005. 223 p.
92. Vroom J. Byzantine Sea Trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Mediterranean (ca. 7th–14th Centuries) // Trade in Byzantium. Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium / Eds. P. Magdalino, N. Necipoglu. Istanbul, 2013. P. 157–177.
93. Waksman S.Y. Byzantine Chersonesos, an Investigation of the Local Production of Ceramics by Chemical Analysis // Çanak. 2007. Vol. 7. P. 383–398.
94. Waksman S.Y., Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Todorova E.P., Vaxevanis G. Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae // Journal of Archaeological Science: Reports. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.12.008.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii gorodishcha Eski-Kermen v 2004 g. *Nauchnyj arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy*, D. 2004/223.

2. Aibabin A.I. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii gorodishcha i nekropolya Eski-Kermen v 2006 g. *Nauchnyj arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy*, D. 2006.
3. Aibabin A.I. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii gorodishcha i nekropolya Eski-Kermen v 2007 g. *Nauchnyj arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy*, D. 2007.
4. Aibabin A.I. Gorodishche na plato Eski-Kermen v period gospodstva khazar v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2010, vol. XVI, pp. 214–239.
5. Aibabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2014, vol. XIX, pp. 240–277.
6. Aibabin A.I. Raskopki usad'by 2 v kvartale I na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2018, vol. XXIII.
7. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Pozdnesrednevekovaia chasovnia na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, vol. XVII, pp. 422–457.
8. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Metallicheskie izdeliya iz sloya pozhara vtoroj poloviny XIII v. na gorodishche Eski-Kermen. I.B. Teslenko (Ed.), *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statej, posvyashchennyj yubileyu E.A. Parshinoj*, Kiev, 2015, pp. 393–415.
9. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Predvaritel'nye itogi arkheologicheskikh issledovanij gorodishcha Eski-Kermen v 2016 g. *Materialy nauchnoy konferentsii "IV Bakhchisarajskie nauchnye chteniya pamyati E. V. Vejmarna, Bakhchisaraj, 8–9 sentyabrya 2016 g."*, Bakhchisaraj, 2016, pp. 4–5.
10. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Osobennosti gorodskoi zastroiki XIII v. na plato Eski-Kermen. *Materialy nauchnoy konferentsii "V Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E.V. Veymarna, Bakhchisaray, 7–8 sentyabrya 2017 g."*, Bakhchisaray, 2017, pp. 5–6.
11. Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. Srednevekovye amfory Khersonesa. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Sverdlovsk, 1971, vol. 7, pp. 81–101.
12. Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ya*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 168 p.
13. Borisov B.D. Srednovekovno selishche i nekropol do s. Dyadovo (razkopki prez 1989 i 1981 g.). *Expeditio Thracica, Sofiya*, 1982, vol. 3, pp. 4–60.
14. Bocharov S.G., Maslovskij A.N. Vizantijskaya polivnaya keramika v gorodakh Severnogo Prichernomor'ya zolotoordynskogo perioda (vtoraya polovina XIII – konets XIV vv.). *Povolzhskaya arkheologiya*, 2012, No 1, pp. 20–37.
15. Bulgakov V.V. Vizantijskie amfory IX-XIV vv.: osnovnye tipy [Vostochnoevropejskij arkheologicheskij zhurnal. 2000. № 4(5)]. URL: http://archaeologe. kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm.
16. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskij mogil'nik*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
17. Volkov I.V. Amfory Novgoroda Velikogo i nekotorye zametki o vizantijsko-russkoj torgovle vinom. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya (Materialy nauchnoj konferentsii, Novgorod, 23–25 yanvarya 1996 g.)*, Novgorod, 1996, vol. 10, pp. 90–103.
18. Volkov I.V. O proiskhozhdenii dvukh grupp srednevekovykh klejmennykh amfor. *Mors'ka torgivlya v Pivnichnomu Prichornomor'i*, Kiev, 2001, pp. 130–146.
19. Volkov I.V. Polivnaya keramika kompleksa Kabardi (1240–1260). S.G. Bocharov, V.L. Myts (Eds.), Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv., Kiev, 2005, pp. 122–160.

20. Gertsen A.G., Ivanova O.S. Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v rajone tserkvi sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastrojki (seredina IX – nachalo X vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2010, vol. XVI, pp. 240–295.
21. Golofast L.A. Polivnaya keramika iz sloev khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2017, vol. 4, pp. 195–206.
22. Golofast L.A., Romanchuk A.I., Ryzhov S.G., Antonova I.A. *Vizantijskij Kherson. Katalog vystavki*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 256 p.
23. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Raskopki kvartala Kh v Severnom rajone Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2003, vol. X, pp. 182–260.
24. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Severnyj rajon Khersonesa v rannevizantijskoe vremya (kvartaly X, X-A i X-B). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2013, vol. XVIII, pp. 49–161.
25. Dzhanov A.V., Majko V.V. Vizantiya i kochevniki v Yugo-Vostochnoj Tavrike v XI–XII vv. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 1998, vol. IX, pp. 160–181.
26. Zavadskaya I.A. Serii cherepits s remeslennymi znakami iz Eski-Kermena (po materialam raskopok 2003–2005 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2008, vol. XIV, pp. 291–315.
27. Zavadskaya I.A. Problemy izucheniya krovel\'nogo materiala srednevekovykh tsentrov Yugo-Zapadnogo Kryma. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 2010, vol. LIII, pp. 254–268.
28. Zavadskaya I.A. Problemy interpretatsii rel\'efnykh metok na srednevekovoi cherepitse Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, vol. XX, pp. 213–232.
29. Zavadskaya I.A. Cherepitsa gruppy Ia na Eski-Kermene: k voprosu o meste proizvodstva. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2017, vol. XXII, pp. 158–184.
30. Zavadskaya I.A. O torgovykh svyazyakh goroda na plato Eski-Kermen s Khersonom (po materialam stroitel'noj keramiki). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2017, vol. 9, pp. 145–164.
31. Zelenko S.M. Itogi issledovanij podvodno-arkheologicheskoj ekspeditsii Kievskogo universiteta im. Tarasa Shevchenko na Chernom more v 1997–99 gg. *Vita Antiqua*, Kiev, 1999, vol. 2, pp. 223–234.
32. Ivashuta L.P. Nepolivnaya keramika pozdnesrednevekovogo Khersona (po materialam raskopok portovogo kvartala). *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Sverdlovsk, 1975, vol. 11, pp. 14–22.
33. Majko V.V. *Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine* X – XII vv. Kiev, Vidavets' Oleg Filyuk Publ., 2014, 467 c.
34. Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Shaposhnikov A.K. *Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «khazarskogo perioda»*. Simferopol, Antikva Publ., 2007, 348 p.
35. Myts V.L. Srednevekovoe ukreplenie Isar-Kaya. *Sovetskaya arkheologiya*, 1987, No 2, pp. 228–245.
36. Naumenko V.E. Vysokogorlye kuvshiny s ploskimi ruchkami. Stolovaya posuda. V.N. Zin'ko, L.Yu. Ponomarev. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* Simferopol', Kerch, 2009, pp. 50–58, 60–64.
37. Naumenko V.E., Moiseev D.A., Smekalova T.N., Chudin A.V. Novye srednevekovye goncharnye tsentry v okruge Mangupskogo gorodishcha (predvaritel'nye rezul'taty kompleksnykh arkheologicheskikh i geofizicheskikh issledovaniy). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Okhrana kul\'turnogo naslediya: problemy i perspektivy» (Sevastopol, Natsional'nyy zapovednik «Khersones Tavricheskiy», 30 sentyabrya – 5 oktyabrya 2012 g.)*, Sevastopol, 2012, pp. 52–54.
38. Parshina E.A. Srednevekovaya keramika Yuzhnoj Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965–1969 gg.). S.N. Bibikov (Ed.), *Feodal'naya Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56–94.
39. Parshina E.A., Soznik V.V. Amfornaya tara Partenita (po materialam raskopok 1985–1988 gg.). *1000 rokiv vizantijs'koi torgivli (V–XV stolittya)*, Kiev, 2012, pp. 7–42.
40. Parshina E.A., Teslenko I.B., Zelenko S.M. Goncharnye tsentry Tavriki VIII–X vv. *Mors'ka torgivlya v Pivnichnomu Prichornomor'i*, Kiev, 2001, pp. 53–79.
41. Pletneva S.A. Saltovo-mayatskaya kul'tura. *Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya*, Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 62–75.
42. Repnikov N.I. Gorodishche Eski-Kermen. V.V. Gol'msten (Ed.), Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934–1936. *Kratkie otchety i svedeniya*, Moskow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1941, pp. 279–280.
43. Romanchuk A.I. *Stroitel'nye materialy vizantijskogo Khersona.* Ekaterinburg, Ural'skij universitet Publ., 2004, 238 p.
44. Romanchuk A.I. Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantijskogo Khersona.* Ekaterinburg, Ural'skij universitet Publ., 1995, 170 p.
45. Rudakov V.E. Materialy XII–XIII vv. iz raskopok posada Baklinskogo gorodishcha (raskopki 1973 g.). *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Sverdlovsk, 1975, vol. 12, pp. 20–28.
46. Ryzhov S.G., Sedikova L.V. Kompleksy Kh v. ikh raskopok kvartala X «B» Severnogo rajona Khersonesa. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 1999, vol. X, pp. 312–329.
47. Ryzhova L.A. Goncharnaya pech' VIII-IX vv. vblizi Khersona (v rajone Radiogorki). *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, Sverdlovsk, 1982, vol. 19, pp. 149–156.
48. Sazanov A.V. K khronologii Baklinskogo gorodishcha IX–XI vv. Yu.M. Mogarichev (Ed.), *Problemy istorii i arkheologii Kryma*, Simferopol, 1994., pp. 42–57.
49. Sedikova L.V. Keramicheskie pechi IX v. v Khersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1994, vol. IV, pp. 434–440.
50. Talis D.L. Pozdnesrednevekovaya keramika Tepe-Kermena. S.M. Oreshnikov (Ed.), *Istoriya i kul'tura Vostochnoj Evropy po arkheologicheskim dannym.* Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1971, pp. 250–262.
51. Teslenko I.B. Pifosy iz arkheologicheskikh kompleksov Tavriki XIV–XV vv. // S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov (Eds.), *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda*, Kazan', Simferopol, Kishinev, 2015, pp. 13–163.
52. Frondzhulo M.A. Raskopki srednevekovogo poseleniya na okraine s. Planerskoe 1957–1959 gg. O.I. Dombrovskij (Ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovogo Kryma*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1968, pp. 99–132.
53. Yakobson A.L. Srednevekovyj Khersones (XII–XIV vv.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, 1950, No 17, 258 p.
54. Yakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj Tavriki*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 163 p.
55. Armstrong P. Lakonian Amphorae. V. Déroche, J.-M Spieser (Éds.), *Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athenes*, Athens, 1989, p. 185–188.

56. Armstrong P. Some Byzantine and Later Settlements in Eastern Phokis. *Annual of the British School at Athens*, 1989, Vol. 84, pp. 1–47.
57. Armstrong P. A Group of Byzantine Bowls from Skopelos. *Oxford Journal of Archaeology*, 1991, Vol. 10, Issue 3, pp. 335–347.
58. Armstrong P. Byzantine Thebes: Excavations on the Kadmeia, 1980. *Annual of the British School at Athens*, 1993, Vol. 88, pp. 295–335.
59. Avissar M., Stern E.J. *Pottery of the Crusader, Ayyubid and Mamluk Periods in Israel.* Jerusalem, 2005, 177 p. (IAA Reports 26).
60. Barnéa I. Ceramica di import. *Dinogetia I. Editura Academiei Republicii Socialiste România*, Bucureşti, 1967, pp. 229–276. (Biblioteca di arhaeologie. 13).
61. Barnea I., Ştefănescu S. *Bizantini, romani si bulgari la Dunarea de Jos*. Bucureşti, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1971, 439 p. (Din istoria Dobrogei. III).
62. Berti G., Gelichi S. «Zeuxippus Ware» in Italy. *Materials Analysis of Byzantine Pottery*, Washington, 1997, pp. 85–104.
63. Borisov B.D. *Djadovo. Bulgarian, Dutch, Japanese Expedition. Vol. 1. Medieval Settlement and Necropolis (11th–12th century)*. Tokyo, Tokai University Press, 1989, 384 p.
64. François V. *La céramique Byzantine à Thasos*. Athènes, 1995, 384 p. (Études Thasiennes. XVI).
65. François V. Sur la circulation des céramiques Byzantines en Méditerranée orientale et occidentale. *La céramique médiévale en Méditerranée. Actes du VIe congrès de l'AIECM2. Aix-en-Provence (13–18 novembre 1995)*, Aix-en-Provence, 1997, pp. 231–236.
66. François V. Cuisine et pots de terre à Byzance. *Bulletin de correspondance hellénique*, 2010, Vol. 134, livraison 1, pp. 317–382.
67. François V. *La vaisselle de terre à Byzance. Catalogue des collections du Musée du Louvre*. Paris, Musée du Louvre editions / Somogy editions d'Art, 2017, 456 p.
68. Gunsenin N. Recherches sur les amphores Byzantines dans les musees Turcs. *Recherches sur la Ceramica Byzantine*, Paris, 1989, pp. 267–276.
69. Günsenìn N. *Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques (thèse de doctorat presentèe à l'Université Paris I, Panthéon-Sorbonne)*. Paris, 1990.
70. Gunsenin N. Ganos, centre de production d'amphores a l'epoque Byzantine. *Anatolia Antiqua*, Paris, 1993, Vol. II, pp. 193–201.
71. Gunsenin N. Ganos: resultants des campagnes de 1992 et 1993. *Anatolia Antiqua*, Paris, 1994, Vol. III, pp. 165–178.
72. Gunsenin N. L'épave de Çamalti Burnu I (île de Matmata, Proconèse): résultats campagnes 1998–2000. *Anatolia Antiqua*, Paris, 2001, Vol. IX, pp. 117–133.
73. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery.* Princeton, N.J., Princeton University Press, 1992, 455 p.
74. Kubiak W.B. Overseas Pottery Trade of Medieval Alexandria as Shown be Recent Archaeological Discoveries. *Folia Orientalia*, 1969, Vol. X, pp. 5–30.
75. Kubiak W.B. Crusaders' Pottery of Al-Mīnā Found at Fusṭāṭ. *Folia Orientalia*, 1970, Vol. XII, pp. 113–123.
76. Lane A. Medieval Finds at al-Mina in North Syria. *Archaeologia*, 1937, Vol. 87, pp. 19–78.
77. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware Again // Mediterranean. V. Déroche, J.-M Spieser (Éds.), *Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athenes*, Athens, 1989, pp. 259–266.

78. Megaw A.H.S. An early thirteenth-century Aegean glazed ware. G. Robertson, G. Henderson (Eds.), *Studies in Memory of David Talbor Rice*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 1975, pp. 34–45.
79. Papanikola-Bakirtzi D. *Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito*. Athens, 1999, 270 p.
80. Pringle D. Thirteenth-century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel. *Levant,* 1984, Vol. XVI, pp. 91–111.
81. Sanders G.D.R. An Assemblage of Frankish Pottery at Corinth. *Hesperia*, 1988, Vol. 57, pp. 159–195.
82. Sanders G. Three Peloponnesian Churches and their Importance for the Chronology of the Late 13th and Early 14th Century Pottery in the Eastern Mediterranean. V. Déroche, J.-M Spieser (Éds.), *Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athenes*, Athens, 1989, pp. 189–199.
83. Sanders G.D.R. Excavations at Sparta: The Roman Stoa, 1988–91. Preliminary Report. Part 1. (c) Medieval Pottery. *Annual of the British School at Athens*, 1993, Vol. 88, pp. 251–286.
84. Sanders G.D.R. The Medieval Pottery. W.D. Taylour, R. Janko (Eds.),. *Ayios Stephanos: Excavations at a Bronze Age and Medieval Settlement in Southern Laconia*, London, British School at Athens Publ., 2008, pp. 389–410.
85. Scott J.A., Kamilli D.C. Late Byzantine Glazed Pottery from Sardis. *Actes du XV Congrès international d'études Byzantines*, Vol. II, Athènes, 1981, pp. 679–796.
86. Ševčenko N. Some 13th-century Pottery at Dumbarton Oaks. *Dumbarton Oaks Papers*, Washington, 1974, Vol. 28, pp. 353–360.
87. Spieser J.-M. *Die Byzantinische Keramik aus der Stadtgrabung von Pergamon*. Berlin, New York, 1996. (Pergamenische Forschungen. Bd. 9).
88. Stern E. Excavations of the Courthouse Site at 'Akko: The Pottery of the Crusader and Ottoman Periods. *'Atiqot*, Jerusalem, 1997, XXXI, pp. 35–70.
89. Todorova E. The Medieval Amphorae (9th to 14th Centuries AD) from Excavations at Silistra in 2007 (Preliminary Report). Ch. Tzochev, T. Stoyanov, A. Bozkova (Eds.), *PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26–30, 2007*, Sofia, 2011, pp. 131–140.
90. Vassi O. An Unglazed Ware Pottery Workshop in Twelfth-century Lakonia. *Annual of the British School at Athens*, 1993, Vol. 88, pp. 287–293.
91. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide.* Utrecht, 2005, 223 p.
92. Vroom J. Byzantine Sea Trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Mediterranean (ca. 7th–14th Centuries). P. Magdalino, N. Necipoglu (Eds.), *Trade in Byzantium. Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium*, Istanbul, 2013, pp. 157–177.
93. Waksman S.Y. Byzantine Chersonesos, an Investigation of the Local Production of Ceramics by Chemical Analysis. *Çanak*, 2007, Vol. 7, pp. 383–398.
94. Waksman S.Y., Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Todorova E.P., Vaxevanis G. *Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae* [Journal of Archaeological Science: Reports. 2016]. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.12.008.

I. A. ZAVADSKAYA[a)], **L. A. GOLOFAST**[b)]
a) V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
b) Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

POTTERY ASSEMBLAGES FROM PRODUCTION CARVINGS IN QUARTER 1 OF THE ANCIENT TOWN OF ESKI-KERMIN (2006 AND 2007 EXCAVATIONS)

Abstract: The ruins of the town located atop Eski-Kermen plateau in the mountainous Crimea are the site in many respects unique and especially valuable for the investigation of the history of the peninsula in the Byzantine period. The high degree of preservation of the residential buildings of the ancient city of Eski-Kermen allow the researchers to study the excavated monuments and various categories of finds in every detail and to enlarge the notion of the history and culture of the mediaeval Crimea. This paper presents the first-time publication of pottery assemblages discovered within the filling of the pits, storages, and cellars carved into bedrock in the production area between Houses I and II in Quarter I by A. I. Aibabin's excavations in 2006 and 2007. Wheel-made and building ceramics found in these carvings allow one to draw certain conclusions and to put up speculations concerning particular stages in the history of the quarter under study. Pits 3 and 4 located in the courtyard of House II were backfilled earlier than the others in the said area. It happened during the reconstruction of House II and the building of an altarless church in no earlier than the mid-tenth or eleventh century. Storage 1 and Subterranean Room 5 were levelled in no earlier than the twelfth century, and Storage 8 in no earlier than the late-twelfth century. Subterranean Room 4 was backfilled later than other structures, in no earlier than the second half of the thirteenth century, most likely in relation to the collapse of the whole quarter during the raid of Nogay in 1299. Different composition of clay of roof-tiles from the filling of the carvings under analysis suggest that there was a period when all the roofs of the houses within this quarter were renovated. In result, "old" roof-tiles (Groups Iб, II, III, and IV of the Eski-Kermen classification) were sorted and supplied with new materials taken from two production centres, one located in vicinity of the ancient town of Mangup (Il'ka-2, Group Ia of the Eski-Kermen classification) and another in Cherson or its environs (Group 1 of the Chersonese classification). Abundant supplies of new roof-tiles possibly testify to certain economic wealth of the Eski-Krmen quarter residents. According to the wheel-made pottery assemblage, the reconstruction period of roofs in the quarter dates widely, from not earlier than the late twelfth or possibly the thirteenth century. Therefore renovated roofs could serve to the residents throughout either a century or a few decades, as long as the quarter collapsed in the late thirteenth century.

Keywords: south-western Crimea, Eski-Kermen, Chersonese, mediaeval wheel-made and building ceramics.

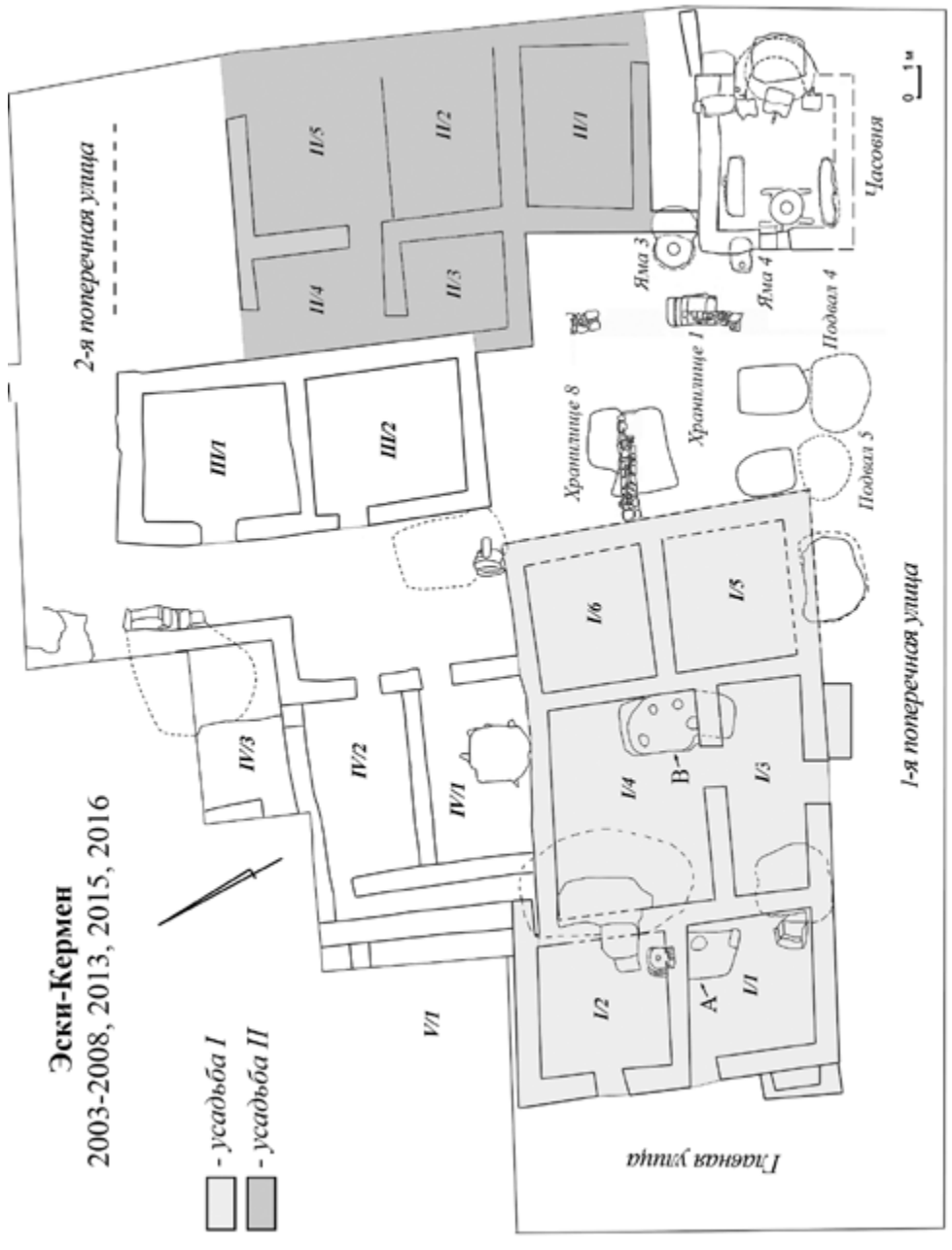


Рис. 1. План-схема квартала 1 на городище Эски-Кермен, раскопки 2003–2008, 2013, 2015 и 2016 гг. (на основе опубликованного плана: [10, рис. 1]).

Рис. 2. Эски-Кермен. Квартал 1. Хозяйственная территория с вырубками, раскопки 2006 и 2007 гг. (фотография опубликована [5, рис. 12,1]).

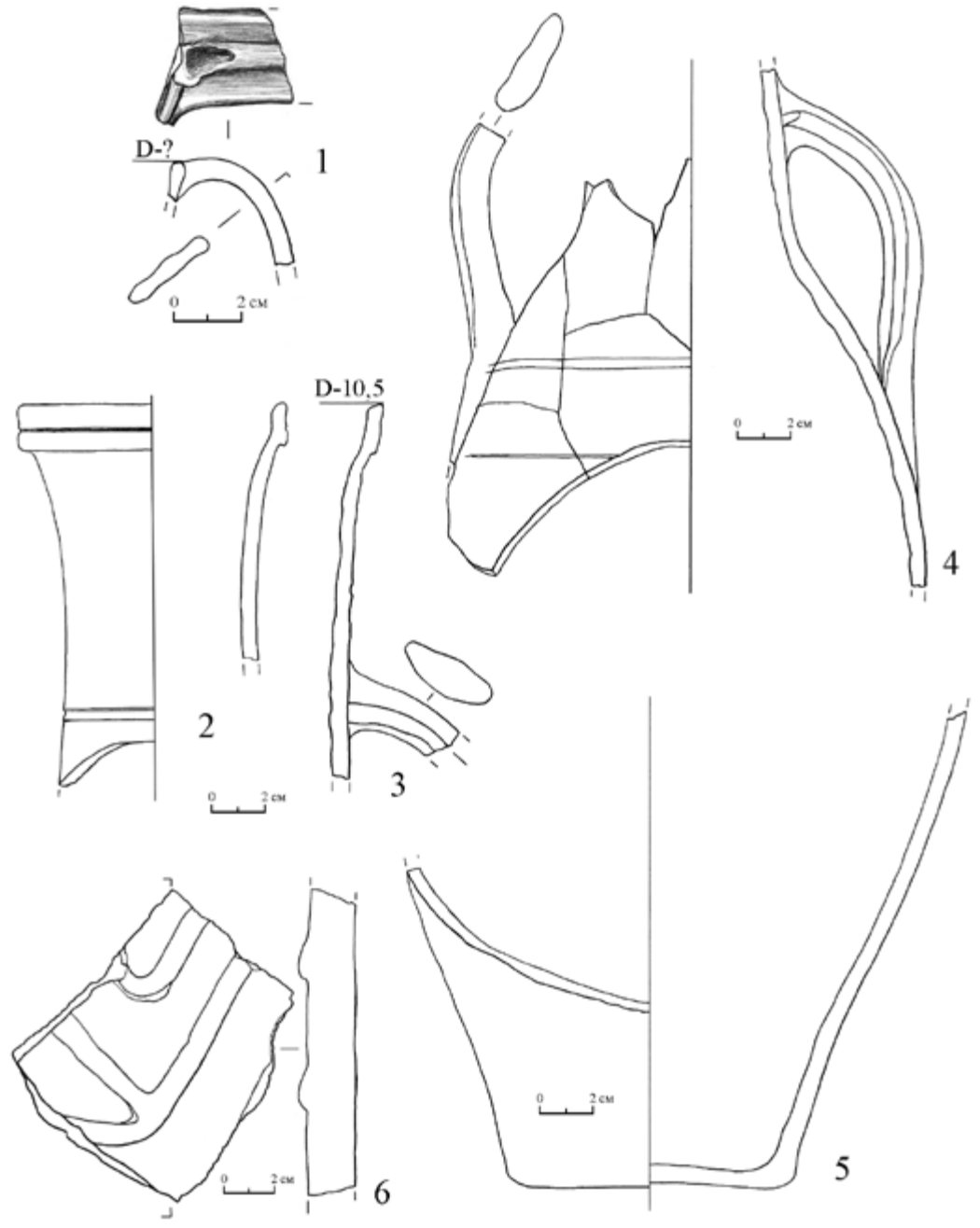


Рис. 3. Керамика из заполнения ямы 4, фрагменты: 1 – ойнохои скалистинского типа; 2–5 – высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, 6 – керамиды группы IV с частью рельефной метки.

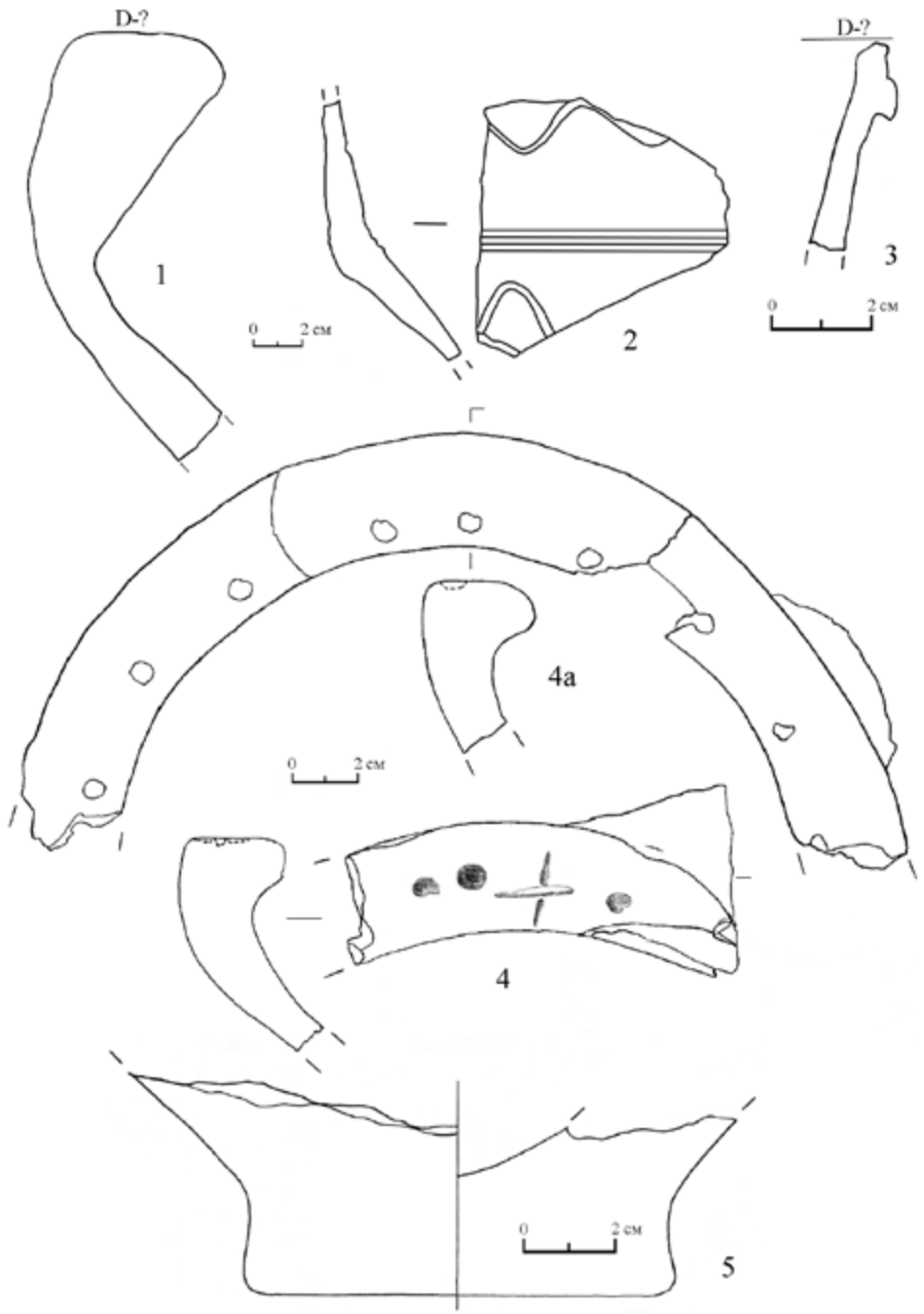


Рис. 4. Керамика из заполнений хранилищ 1 и 8. Хранилище 1, фрагменты: 1 – пифоса; 2 – красноглиняного кувшина; 3 – высокогорлого кувшина с плоскими ручками. Хранилище 8, фрагменты: 4, 4а, 5 – пифосов.

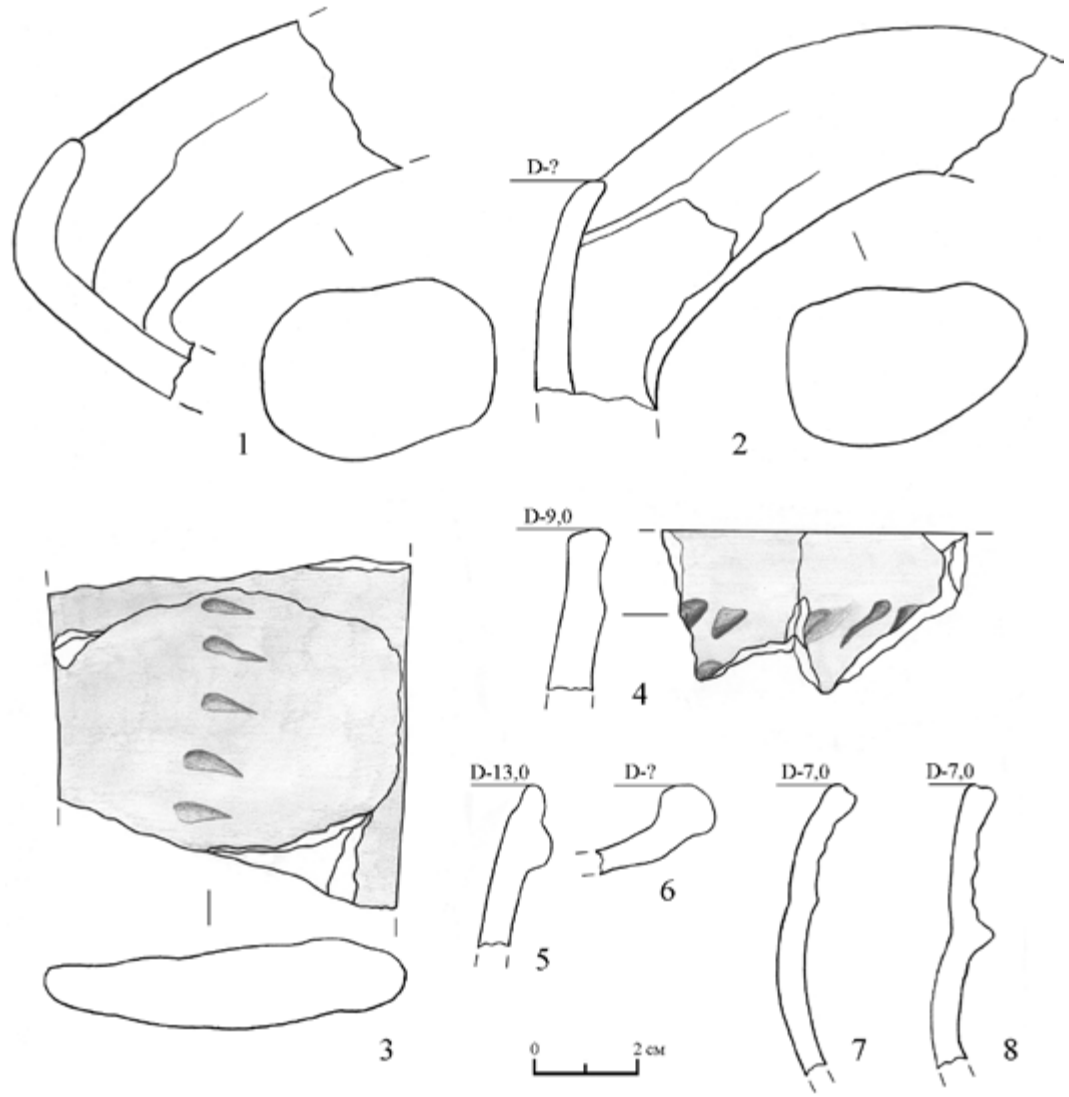


Рис. 5. Керамика из заполнения хранилища 8, фрагменты: 1–2 – амфор типа Гюнзенин IV; 3–4 – амфор с бугристой внутренней поверхностью; 5 – высокогорлого кувшина с плоскими ручками; 6 – красноглиняной миски; 7–8 – красноглиняных кувшинов.

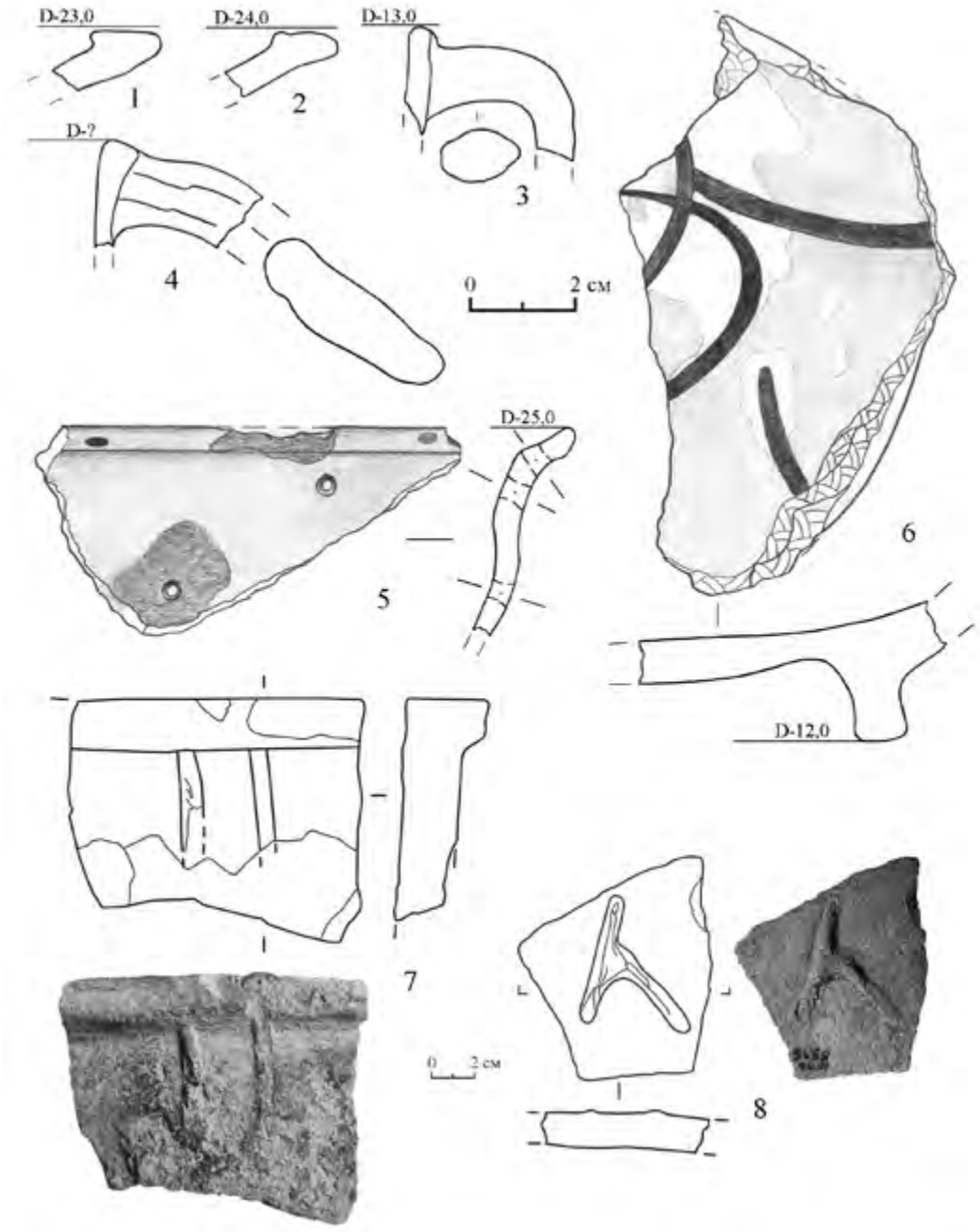


Рис. 6. Керамика из заполнения хранилища 8. Поливная керамика, фрагменты: 1-4 – керамика группы GWW II; 5-6 – керамика Эгейской группы. Керамиды, фрагменты: 7 – группы II; 8 – группы IV с рельефной меткой.

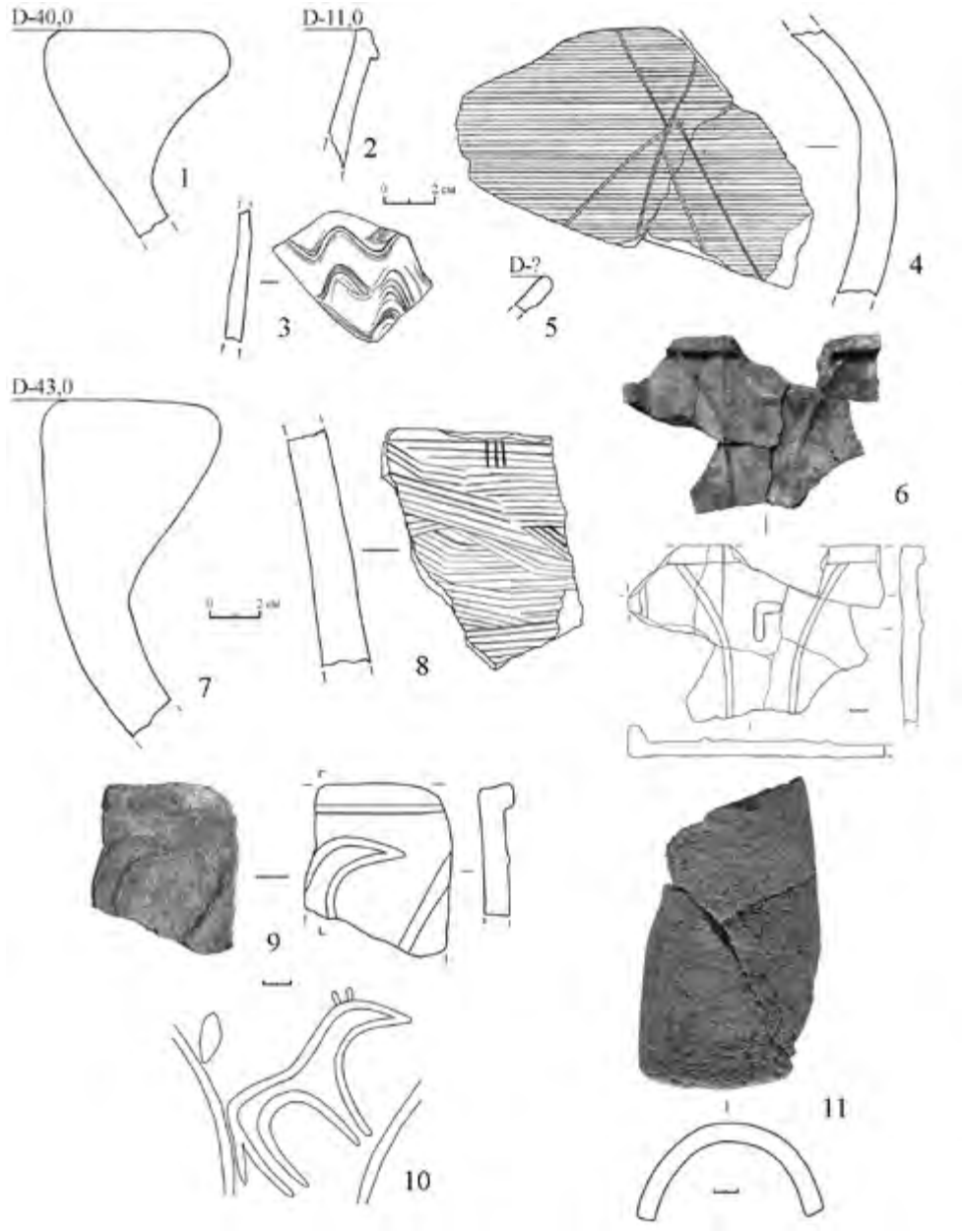


Рис. 7. Керамика из заполнения подвала 5 и его входной ямы. Входная яма подвала 5, фрагменты: 1 – пифоса; 2 – высокогорлого кувшина с плоскими ручками; 3 – амфоры с бугристой внутренней поверхностью; 4 – амфоры типа Гюнзенин III; 5 – сосуда группы GWWII; 6 – черепицы группы III с рельефной меткой. Подвал 5, фрагменты: 7–8 – пифосов; 9 – керамиды группы IV с частью рельефной метки; 10 – реконструкция рельефной метки [26, с. 315, рис. 5,19]; 11 – калиптера группы IV.

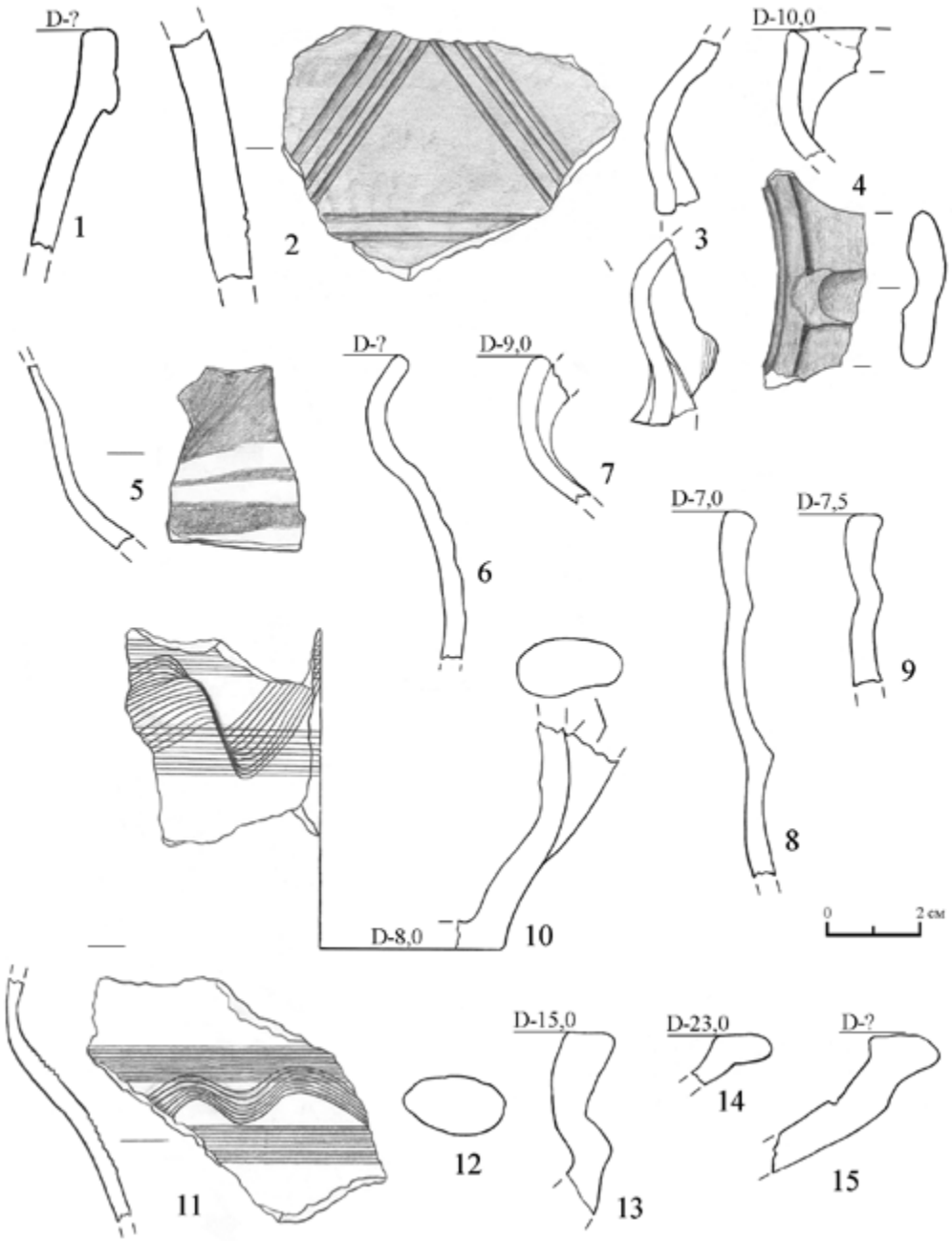


Рис. 8. Керамика из заполнения подвала 5, фрагменты: 1 – высокогорлого кувшина с плоскими ручками; 2 – сосуда с врезным орнаментом; 6, 7, 10, 11 – красноглиняных горшочков; 8–9 – красноглиняных кувшинов; 3, 5 – ойнохой скалистинского типа; 4 – горшочка; 12–15 – сосудов группы GWW II.

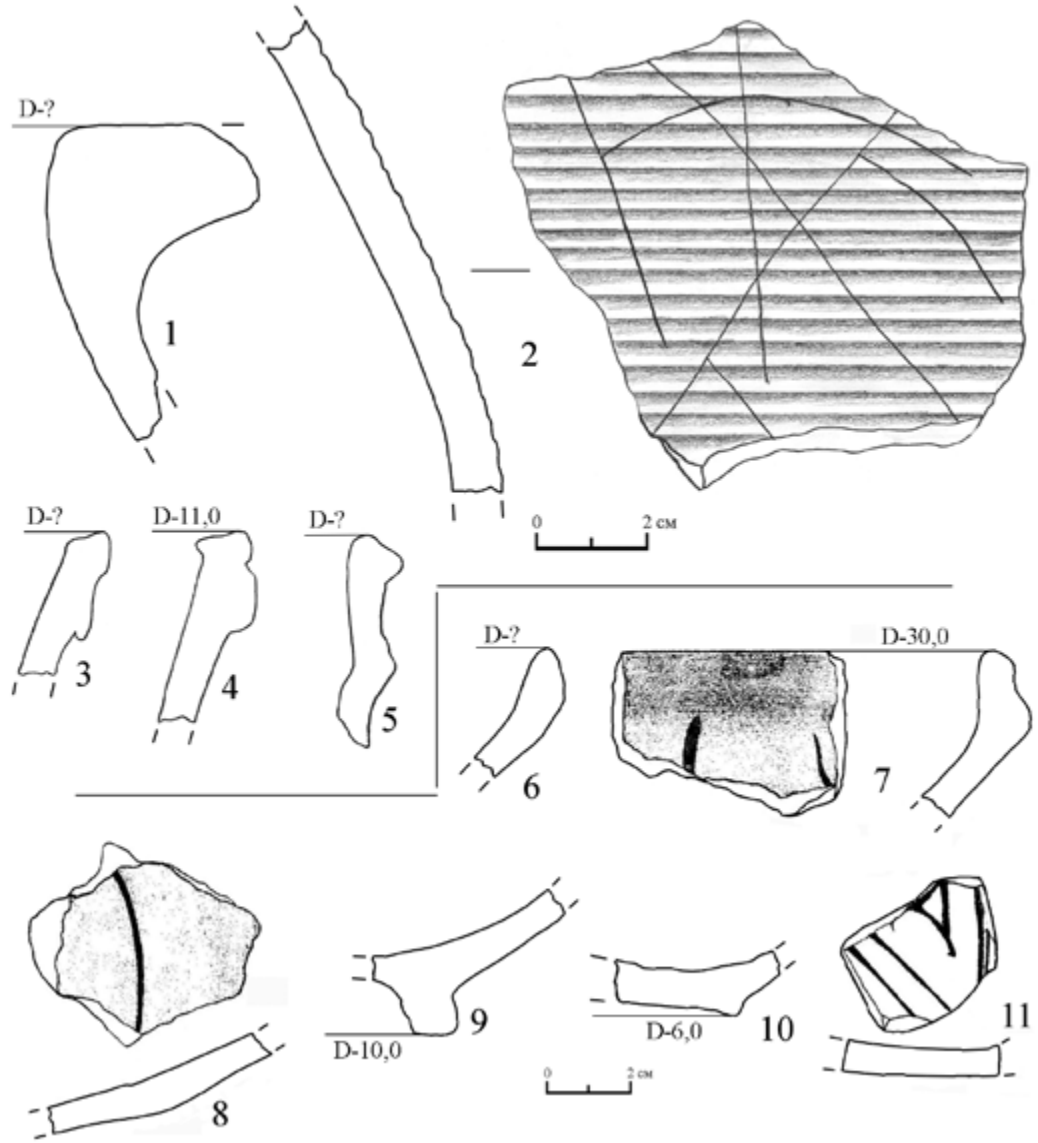


Рис. 9. Керамика из заполнения входной ямы подвала 4, фрагменты: 1 – пифоса; 2 – амфоры типа Гюнзенин 4; 3–4 – высокогорлых кувшинов с плоскими ручками: 5 – красноглиняного кувшина; 6–9 – поливной посуды Эгейской группы; 10 – сосуда группы монохромной белоглиняной поливной керамики; 11 – сосуда группы Сен Симеон.

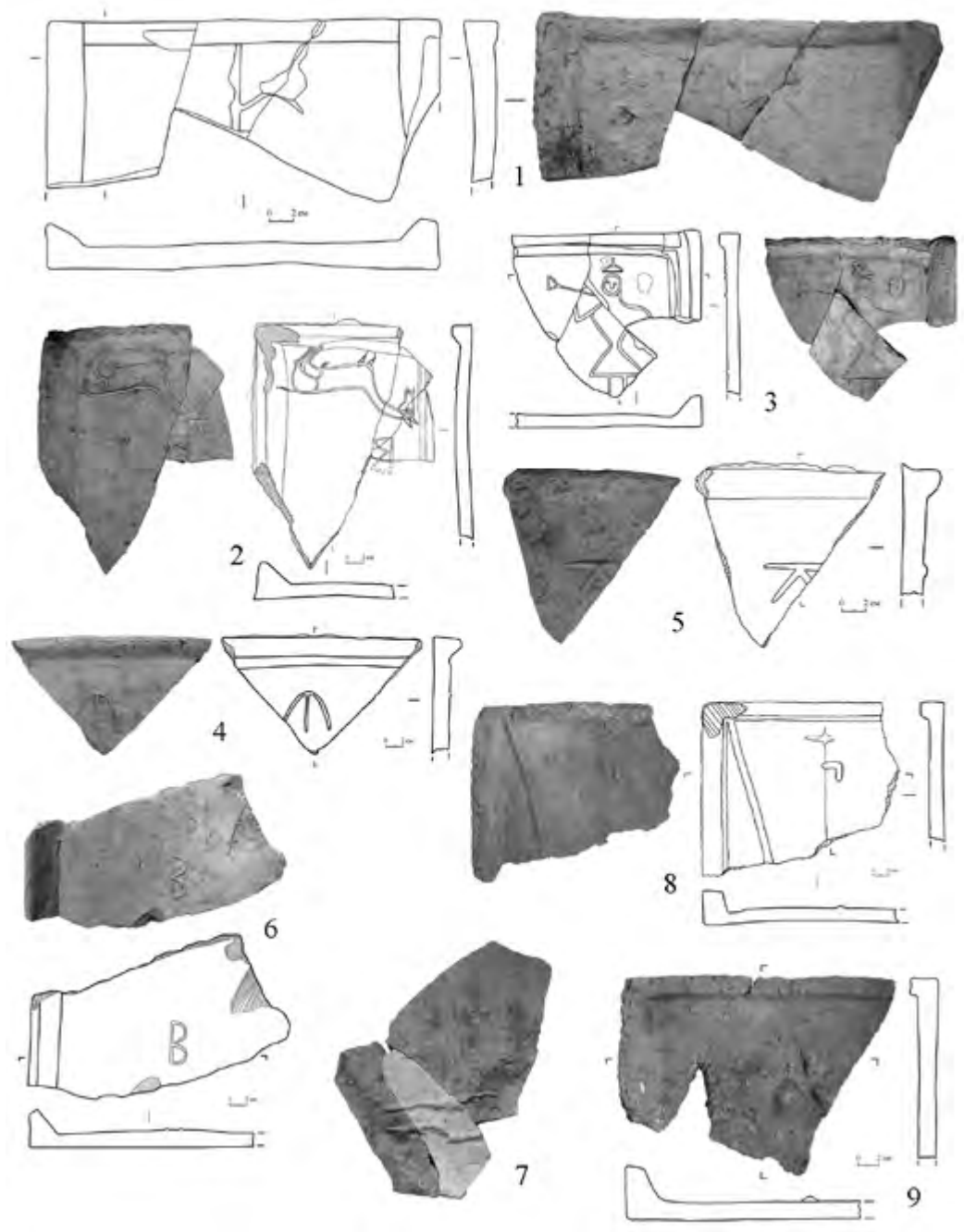


Рис. 10. Керамиды из заполнения входной ямы подвала 4, фрагменты: 1–6 – керамид 1-й группы по ХК с рельефными метками; 7 – керамиды 1-й группы по ХК с матричным браком (?); 8–9 – керамид группы IV с рельефными метками.

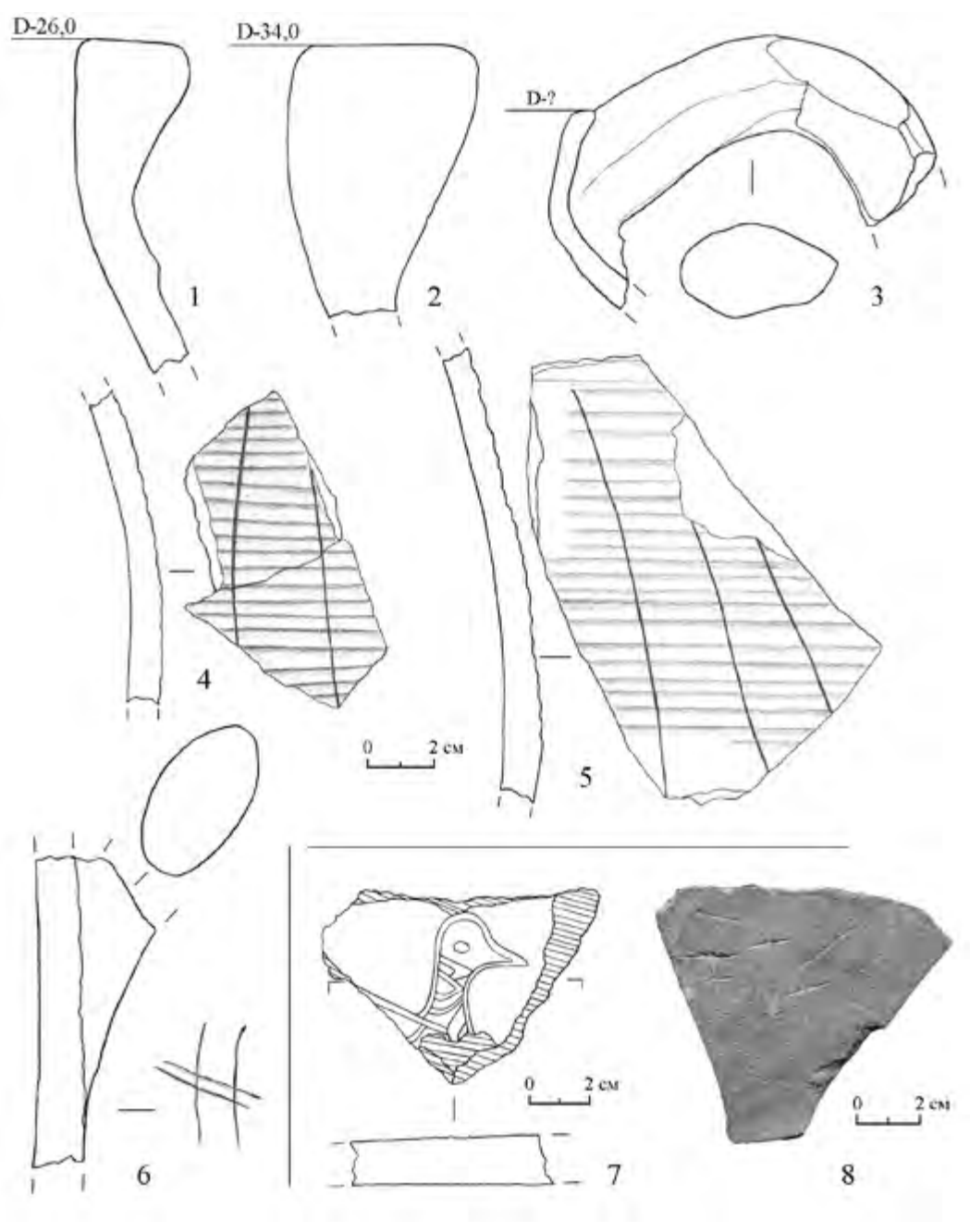


Рис. 11. Керамика из заполнения подвала 4, фрагменты: 1–2 – пифосов; 3–6 – амфор типа Гюнзенин IV; 7 – керамиды 1-й группы по ХК с частью рельефной метки; 8 – керамиды группы Ia с прочерченными крестами.

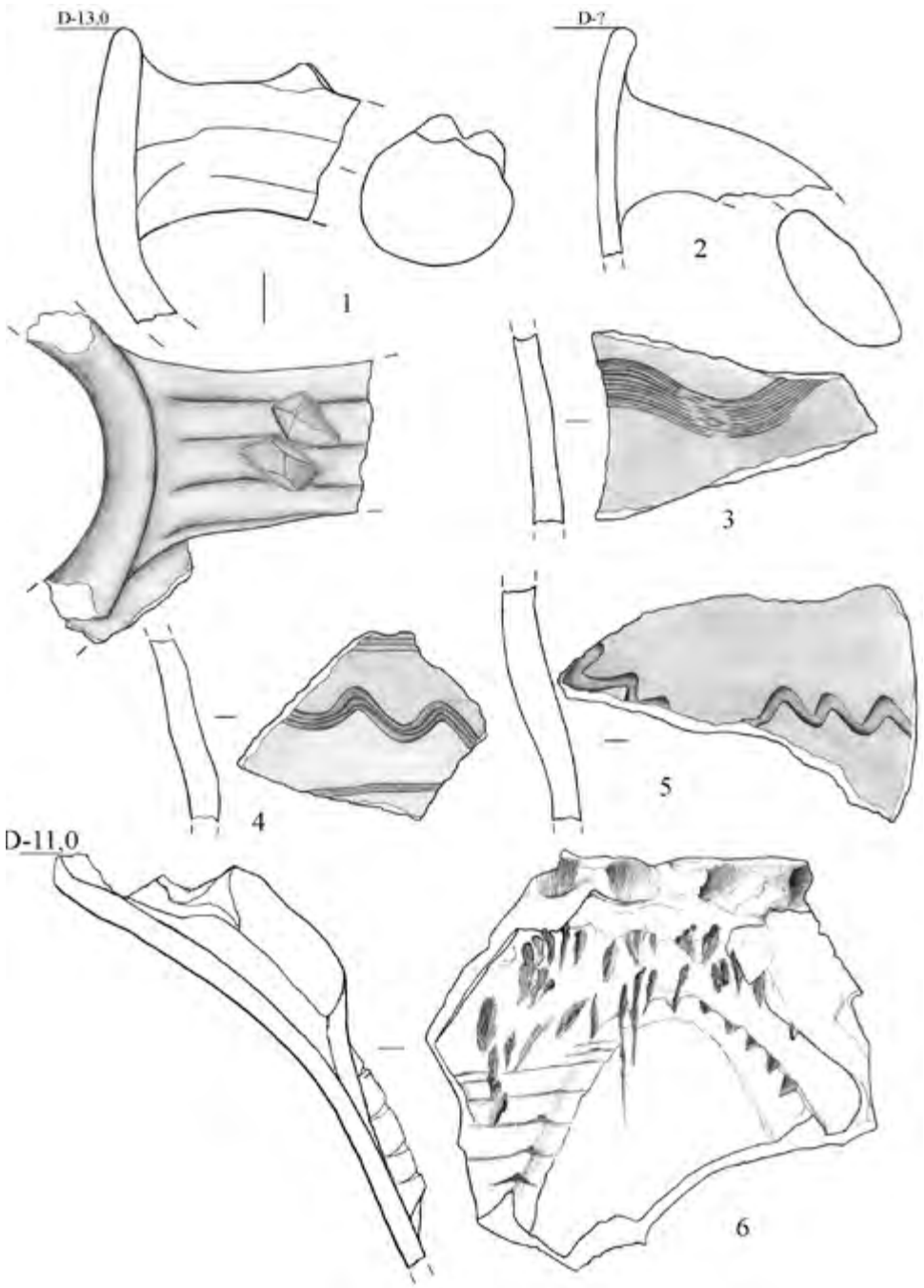


Рис. 12. Керамика из заполнения подвала 4, фрагменты: 1–5 – амфор с бугристой внутренней поверхностью; 6 – трехручного сосуда.

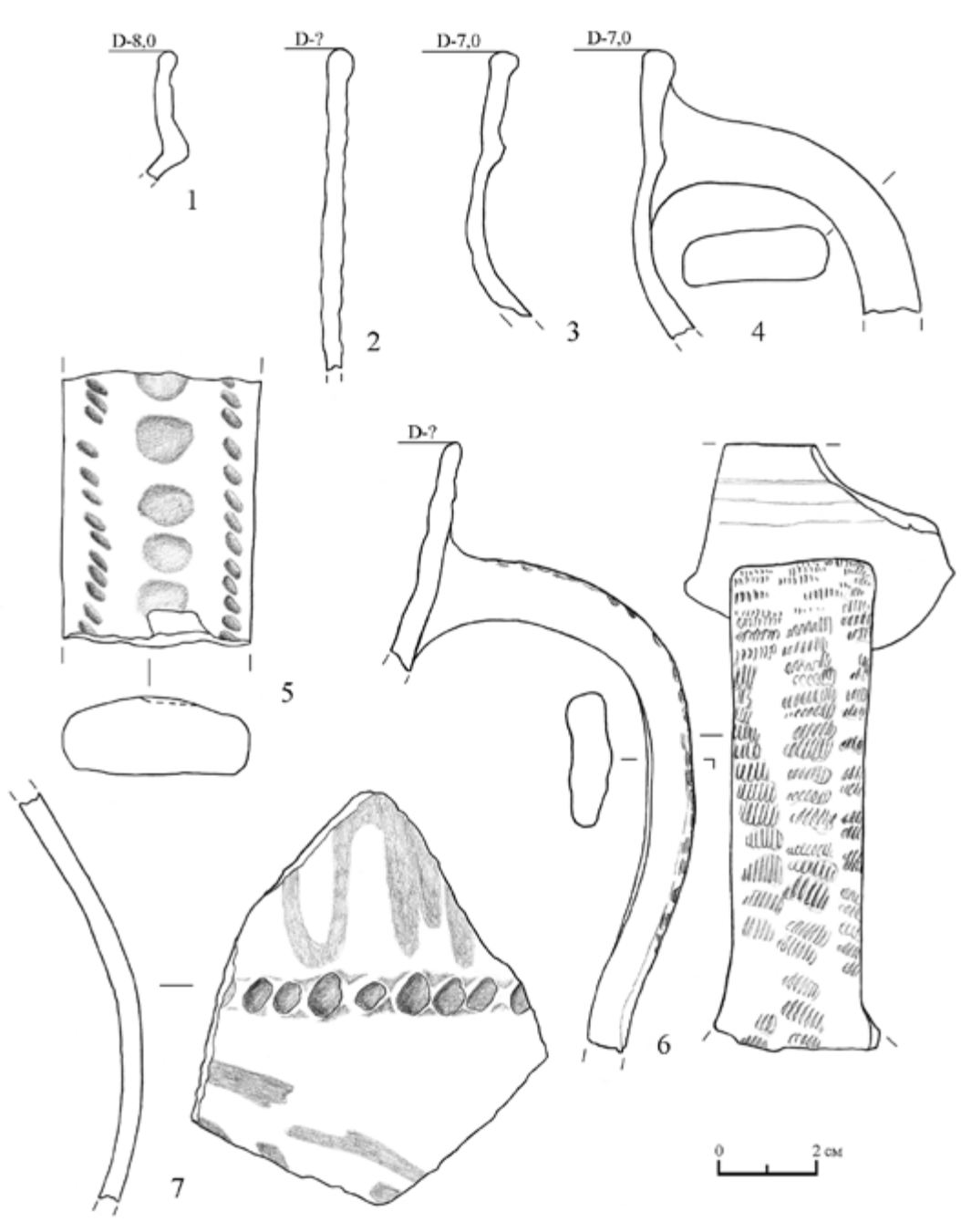


Рис. 13. Простая гончарная керамика из заполнения подвала 4.

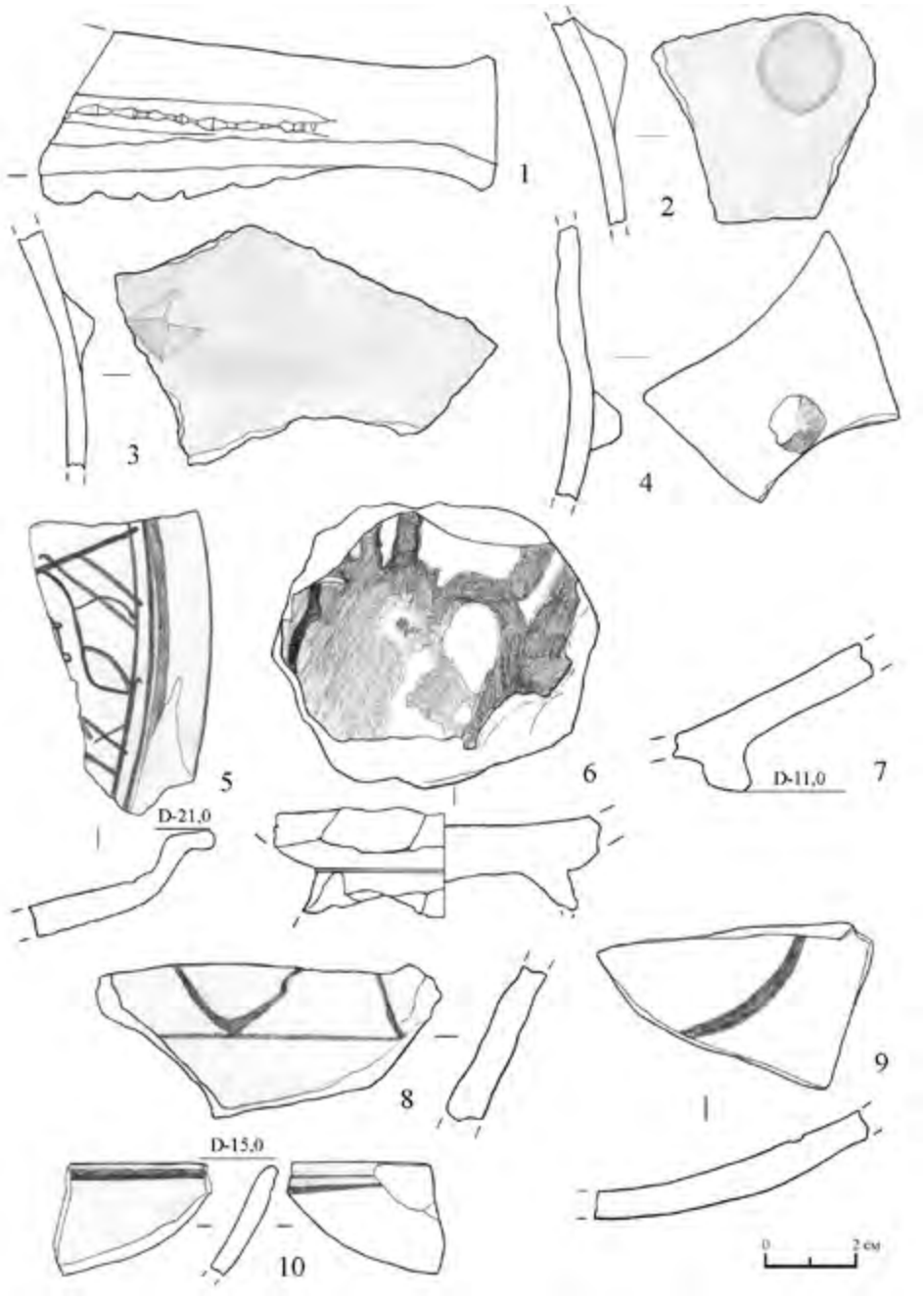


Рис. 14. Керамика из заполнения подвала 4, фрагменты: 1–4 – куманов; 5 – сосуда группы Сен Симеон; 6 – сосуда группы GWW IV; 7, 9 – сосудов Эгейской группы; 8 – сосуда группы «Late Sgraffito Ware»; 10 – сосуда группы Зевксиппа.

Л. А. ГОЛОФАСТ, А. В. МАСТЫКОВА
Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

О ПОЛИВНОЙ ЧАШЕ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ХРАМОВОЙ ГРОБНИЦЫ В ГОРЗУВИТАХ

Аннотация: Впервые Гурзуф упоминается в середине VI в., когда Прокопий Кесарийский в своем трактате «О постройках», посвященном строительной деятельности императора Юстиниана, сообщает о сооружении в Юго-Западной Таврике двух крепостей – Горзувиты и Алустон. На поселении Горзувиты в 1951 г. А. Л. Якобсоном были выявлены руины одноапсидного храма, который перекрывался более поздней церковью. Нижний храм по керамическому материалу А. Л. Якобсон датировал VI–VII вв., возможно, отчасти VIII в., верхний – IX–X вв. Однако в 2017 г. при новых исследованиях этого памятника в нижнем храме была открыта коллективная гробница с поливной керамической чашей, лежавшей у верхнего погребенного. Эта находка дала возможность пересмотреть датировки храмовых построек, предложенные А. Л. Якобсоном. В статье дается подробная характеристика этой поливной чаши, ее атрибуция, датировка, выявлен круг аналогий, что позволило датировать ее серединой – третьей четвертью XIII в., в конце XIII в. импорт этой продукции в Крым прекращается. На основании полученных результатов делается вывод, что нижняя церковь функционировала еще в XIII в., а верхняя, перекрывавшая коллективную гробницу, была построена не ранее XIII в., а может быть еще позже, учитывая находку монеты золотоордынского хана Узбека у ее западной стены. Сочетание таких черт обряда верхнего погребения, как наличие сосуда открытого типа, а также двух вертикально поставленных камней, поддерживающих череп покойного, могут быть западноевропейскими по происхождению и в этом случае свидетельствуют о связях населения Крыма с греческими территориями, занятыми «латинянами» в XIII в.

Ключевые слова: Византия, Северное Причерноморье, поздневизантийский период, поливная керамика, храмовые постройки, погребальный обряд, франки.

В данной статье будут рассмотрены некоторые особенности погребального обряда в коллективной гробнице, открытой в средневековом храме в Горзувитах в 2017 г. Впервые упоминание о Горзувитах появляется в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках», посвященном строительной деятельности императора Юстиниана,

где Прокопий рассказывает о сооружении в Юго-Западной Таврике по указанию императора двух крепостей – Горзувиты (Гурзуф) и Алустон (Алушта) [Procopius, *De Aedificius*, III.VII.11]. Сохранившиеся руины средневековой генуэзской крепости на склонах горы Дженевез-Кая в юго-восточной приморской части Гурзуфа всегда привлекали внимание путешественников и ученых. Неудивительно, что именно здесь и локализовали крепость Юстиниана. Так, уже П. И. Кеппен «разместил» византийскую крепость Горзувиты именно на этой скале [19, с. 53–61, 175–177], и правильность такого расположения ни у кого не вызывала сомнений [6, с. 56–58; 32 и др.]. В 1956–1966 гг. на скале Дженевез-Кая были предприняты масштабные раскопки под руководством О. И. Домбровского в связи со строительством здесь новых корпусов международного пионерского лагеря «Артек» и гостиницы «Скальная» [15; 16]. О. И. Домбровский выделил три основных периода существования крепости: 1 – от юстиниановского времени до хазарского; 2 – от хазарского времени до постройки генуэзской крепости; 3 – генуэзский период до окончательного разрушения крепости в конце XV в. во времена турецкого владычества [16, с. 13].

Первым исследователем поселения Горзувиты стал известный византинист А. Л. Якобсон, который и дал это название данному археологическому памятнику [43; 45, с. 109–120]. Ленинградский исследователь полагал, что наличие большого могильника Суук-Су VI–VII вв., расположенного по левую сторону от шоссе, идущего вдоль Артека к Аю-Дагу, а также факт постройки византийским императором в VI в. крепости свидетельствуют о существовании здесь крупного и стратегически важного поселения. По А. Л. Якобсону, именно благодаря строительству крепости «Горзувиты могли стать одним из опорных пунктов византийского господства на полуострове» [47, с. 23].

В 1951 году А. Л. Якобсон приступил к разведочным раскопкам поселения Горзувиты, которое до него археологически не изучалось. Участок, выбранный для полевых изысканий, расположен на южном склоне возвышенности Лысый Бугор («Хазары») между горой Аю-Даг и скалой Дженевез-Кая, а также между урочищами Бал-Гота и Суук-Су, где в конце XIX – начале XX в. были открыты известные могильники крымских готов [33–35]. Эта территория находится между пос. Гурзуф и пионерским лагерем «Артек» № 2[1], ниже Гурзуфского шоссе [43, с. 3]. На месте наибольшего всхолмления, образованного из слежавшегося древнего завала камней, был заложен раскоп 1, культурные напластования которого были датированы А. Л. Якобсоном следующим образом: верхний слой по большому количеству черепицы и керамическому материалу – IX–X вв., нижний слой менее насыщенный – VI–VII вв., возможно отчасти VIII в. На площади именно этого раскопа были открыты нижние части стен двух небольших храмов, из которых верхний, более поздний, был построен на развалинах нижнего, более раннего (рис. 1). Поскольку обе храмовые постройки стратиграфически связаны с выявленными культурными напластованиями, то А. Л. Якобсон датировал храмы в соответствии с хронологией слоев [45, с. 110–112, рис. 49,1 и 50]. Однако в 2017 г. при новых исследованиях в нижнем храме была открыта коллективная гробница с поливной керамической чашей, позволившей пересмотреть датировки храмовых построек, предложенные А. Л. Якобсоном [24; 25; 13].

[1] Ныне лагерь «Лазурный». В настоящее время вся эта территория принадлежит Международному детскому Центру «Артек».

Привлекают внимание две черты погребального обряда, выявленные у самого верхнего захоронения в этой гробнице – наличие в могиле сосуда открытого типа, а также два вертикально поставленных камня у черепа покойного. Им и посвящена данная работа.

Обстоятельства находки

В 2017 г. в связи со строительством лагеря «Солнечный» (МДЦ «Артек») на территории, куда входил в том числе и участок, исследованный в свое время А. Л. Якобсоном, Институт археологии РАН приступил к археологическим исследованиям. Эта территория расположена на расстоянии приблизительно 200–250 м от берега моря между лагерями Артека – «Кипарисный»[2] (с юга-запада) и «Лазурный»[3] (с северо-востока), сверху (с севера-запада) она ограничена ул. Ленинградской. Поскольку в отчете и в публикации А. Л. Якобсона отсутствуют топографический и ситуационный планы, а также и план взаиморасположения раскопов 1 и 2, то локализация раскопов 1951 г. проводилась с помощью архивных видовых фотографий и словесных описаний раскопочных мест [43, с. 3; 44, рис. 1, 6, 10]. В результате, на краю террасы с крутым склоном, обращенным на юг, было установлено месторасположение храмовой постройки (нижний раскоп 1), раскопанной А. Л. Якобсоном. На небольшой площадке были вновь открыты остатки стен двух церквей, из которых верхняя, более поздняя возведена на развалинах нижней, более ранней. Нижний храм представляет собой прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой, ориентированной на северо-восток; верхний храм повторяет форму более раннего. Обе церкви небольшие, размеры нижнего храма по наружному контуру составляют 8,0х4,72 м, размеры верхнего – 5,17х3,53 м. Толщина стен нижнего храма – 78 см, верхнего – 65 см. Хорошо сохранились лишь основания южной и западной стен обоих сооружений. Северная стена как верхней, так и нижней храмовых построек, а также апсидная часть сильно повреждены проложенной уже после 1951 г. траншеей подземных коммуникаций. Стены нижнего храма сложены из крупного неотесанного камня, вероятно, на глинистом растворе. Стены же верхнего храма представляют собой кладку, сложенную на известковом растворе из двух рядов не очень круп-

[2] Ранее лагерь назывался «Артек» № 3.

[3] Ранее назывался «Артек» № 2. Именно от ограды этого лагеря и до скалы Дженевез-Кая А. Л. Якобсоном в ходе разведки были зафиксированы остатки древних построек с большим количеством фрагментов кровельной черепицы [45, с. 110].

ного камня с подтесной лицевой поверхности. Местами для выравнивания кладки использованы фрагменты черепицы.

В западной половине нижней постройки при исследовании земляного пола была открыта гробница, перекрытая четырьмя массивными плитами со следами обработки; у западного края с северной стороны была положена еще одна плита меньшего размера (рис. 2). Зазоры между плитами закрыты небольшими каменными плитками, камнями, крупной галькой, фрагментами кровельной черепицы (керамид) и плинфы (рис. 3). Плиты опирались на обкладку, которая была выложена по контуру гробницы и состояла из камней, блоков ракушечника, нескольких фрагментов керамид, в том числе с меткой, и плинфы; местами прослеживался известковый раствор. Гробница представляет собой грунтовую яму ладьевидной в плане формы, стенки которой внутри выложены пилеными блоками ракушечника на известковом растворе (рис. 4). При снятии перекрытия с гробницы на внутренней стороне одной из плит было обнаружено прочерченное изображение креста (рис. 5). Грунтовое заполнение между плитами и останками погребенных отсутствовало, на верхнем костяке лишь местами фиксировался просыпавшийся из щелей грунт. Гробница несомненно относится к нижнему, раннему, храму, поскольку она была обнаружена под западной стеной верхнего храма, перекрывавшей край могилы.

В гробнице было похоронено около 20 человек – мужчины, женщины, дети. Все захоронения, за исключением верхнего, были сдвинуты и перемешаны, анатомический порядок костяков нарушен. В целом погребальный инвентарь очень незначительный – два стеклянных браслета, несколько стеклянных и каменных бус, бронзовый бубенчик-пуговка, маленькие железные гвоздики, небольшие стеклянные фрагменты и мелкие обломки бронзовых предметов неясного назначения. Соотнесение этих предметов с каким-либо погребенным не представляется возможным.

Верхний погребенный – мужчина в возрасте 40–49 лет[4] положен на спину в вытянутом положении, головой на запад (рис. 4). Череп – брахикранный, европеоидный, лицевая часть черепа ориентирована на восток. С двух сторон череп фиксировался двумя вертикально поставленными камнями. Руки согнуты в локтях, скрещены в области таза, кисть правой руки положена поверх левой. Ноги вытянуты, расположены параллельно друг другу. Длина тела около 170 см, костяк очень массивный. У северной стенки гробницы возле левой тазовой кости погребенного мужчины лежала вверх дном фрагментированная поливная чаша (рис. 6). Еще четыре ее фрагмента найдены вдоль северной стены гробницы, к востоку от нее (рис. 7)[5]. Здесь же, среди обломков чаши, ближе к левой бедренной кости обнаружен фрагмент красноглиняной керамиды, рядом с ним выявлена часть коричневоглиняного небольшого кувшинчика, уходящего глубже и относящегося, скорее всего, к нижнему захоронению.

[4] Половозрастное определение выполнено Марией Всеволодовной Добровольской (Институт археологии РАН, Москва). Биоархеологические исследования продолжаются.

[5] Реставрация этой чаши была проведена Анастасией Сергеевной Макаровой (Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва) [подробнее см.: 13, с. 65, 66].

Описание и атрибуция чаши

Поливная чаша, найденная при верхнем погребенном, представляет особый интерес (рис. 8–9). Она имеет коническое тулово, небольшой вертикальный бортик и конический невысокий поддон. Нижняя поверхность поддона вогнутая, сегментовидная, с коническим выступом в центре, хорошо заглажена мокрой рукой. На изломе виден стык, образовавшийся в результате присоединения заготовки поддона к нижней поверхности тулова, а на нижней части тулова видны следы заглаживания стыка мокрой рукой. На нижней поверхности поддона – граффити в виде нерасшифровываемых символов, которые часто встречаются на поливной керамике (рис. 10–11). Единого мнения по поводу назначения подобных знаков нет: они могли быть меткой владельца, мастера, мастерской, а идентичные граффити, процарапанные на импортных, еще не бывших в употреблении сосудах различных групп и типов с места судакского кораблекрушения конца XIII в., позволили предположить, что граффити могли иметь какое-то значение, связанное с процессом распределения товара [17, с. 132, рис. 2,7; 14,7].

Внутренняя поверхность – со следами вытягивания глины, скорее всего пальцами, в виде углубленных бороздок, покрыта желтой с легким оливковым оттенком блестящей поливой, наложенной на слой плотного светлого ангоба (рис. 8–9). Внешняя сторона бортика также покрыта поливой, которая наложена на неаккуратно нанесенный слой плотного светлого ангоба; местами ангоб и полива выходят за пределы бортика (рис. 11–12). На внешней стороне тулова – подтеки поливы и ангоба (рис. 12). Глина красновато-желтая (5YR 6/8), с многочисленными мельчайшими частицами слюды и мелкими красновато-коричневыми включениями. На внешней поверхности тулова имеются следы пребывания в огне. Полива, местами с легкой пленкой иризации на поверхности и мелким цеком, в значительной степени отслоилась вместе с ангобом, а местами и верхним слоем глины[6].

Примечательно отсутствие следов трипода на внутренней стороне дна сосуда, а также капель или хотя бы утолщения слоя поливы вдоль края венчика, где, как правило, она скапливалась во время обжига сосудов в перевернутом состоянии, когда их ставили штабелями, разделяя триподами. Возможно, это указывает на ее изготовление в небольшой мастерской, не нацеленной на большой объем выпускаемой продукции.

[6] Минералого-петрографические и электронно-микроскопические исследования керамической массы и поливы горзувитской чаши были проведены Раисой Викторовной Лобзовой (Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва). Подробнее см. статью в этом издании.

Внутренняя сторона украшена простым орнаментом, выполненным толстой врезной линией: спираль на дне; врезная линия вдоль внутреннего края бортика; на верхней части тулова, под бортиком – четыре параллельные линии, поверх двух нижних прочерчена волна (рис. 8–9). Орнаментика чаши аналогична декору сосудов класса I, а если учесть цвет покрывающей поливы, то класса IA группы Зевксиппа («Zeuxippus Ware»; класс Ih по В. Франсуа [60, p. 91–96], названной так А. Х. С. Мигоу на основании керамического материала из бань Зевксиппа в Константинополе [72, p. 68]. Здесь, при раскопках в 1927 году она была впервые выделена и подробно описана Тэлботом Райсом сначала под названием «Group C. Shiny Olive Incised Ware» [88, p. 34], потом – «Elaborate Incised» [89, fig. 5,14]. Превосходное качество этой посуды отличает ее от других групп не столь изысканной керамики этого времени. Для нее характерны бесцветная или слабо окрашенная блестящая плотная покрывающая глазурь, наложенная поверх белого ангоба и плотный тонкий черепок. Ее важной отличительной особенностью является обжиг при очень высокой температуре, в результате чего черепок приобретает пурпурный, темно-серый или даже черный цвет, особенно на венчике. А.Х.С. Мигоу выделил два класса керамики этой группы [72]. В частности, в класс I он включил монохромные сосуды, как правило, украшенные простейшим орнаментом в виде насечек, концентрических окружностей и спиралей, прочерченных толстой врезной линией и покрытых бесцветной (класс IA), желто-коричневой (класс IB) или зеленой поливой (класс IC). Сосуды класса II отличаются желтовато-коричневой подцветкой более сложного и разнообразного рисунка, включающего S-образные фигуры, овалы, треугольники, тонкие линии, одиночные или в группах, трилистники, грибоподобные деревья, прочерченные по ангобу тонким инструментом в сочетании с деталями, выполненными лопаткой [72, p. 68].

Химический анализ показал, что производилась она где-то в бассейне Эгейского моря [75, p. 263], возможно, на западе современной Турции [102, p. 109]. Посуда класса II, как показал NAA анализ, возможно, изготовлялась на Кипре и в каком-то неустановленном центре вне острова [53, p. 118]. Однако количество образцов, подвергшихся анализу, слишком невелико, чтобы делать какие-то окончательные выводы, и точное расположение центра или центров ее производства до сих пор остается предметом спора. А. Х. С. Мигоу датировал посуду группы Зевксиппа последними десятилетиями XII и первыми двумя десятилетиями XIII в. [74, p. 266]. Однако в настоящее время бытование этой керамики относят ко времени с последних десятилетий/конца XII до середины XIII в. [91, p. 195–196; 74; 76, p. 22], до третьей четверти XIII в. включительно [61, p. 72] или в рамках XIII в. [90, p. 162; 91, p. 195–196; 52, p. 87], а иногда даже середины XIII – XIV в. [102, p. 109]. Ареал охватывает обширную территорию Средиземноморья и Причерноморья [95, p. 74, 75].

Популярность посуды группы Зевксиппа спровоцировала производство похожей керамики, так называемых дериватов или имитаций, которые по отдельным признакам были схожи с настоящей Зевксипповой посудой, но никогда не обладали

всей совокупностью ее характеристик и были худшего по сравнению с ней качества. При общей для всех изделий этой группы схожести с Зевксипповой керамикой, они отличались друг от друга качеством глины, цветом поливы, орнаментикой, техникой обжига и т.д. Такое разнообразие объясняется наличием многочисленных мастерских, производивших керамику, в той или иной степени напоминающую посуду типа Зевксиппа, и наводнивших ею местные и региональные рынки.

Эта группа, также впервые выделенная А. Х. С. Мигоу, известна в научной литературе под разными названиями: «Zeuxippus Family», «Imitation Zeuxippus», «Zeuxippus Ware Imitation», «Zeuxippus Influenced Ware», «Zeuxippus Derivatives», «Thick Zeuxippos Ware», «Orange-Brown Glazed Ware», «Regional Zeuxippus Derivative», «Glossy Ware», «Spirale cerchio Ware», «Zeuxippus Ware Subtypes» [50; 52, p. 87, 88; 62, p. 47, 48; 63, p. 201; 69, p. 252–254; 102, p. 111; 104, p. 106, n. 9]. Э. Штерн объединила все сосуды из раскопок в Акко, в Израиле (на берегу Средиземного моря примерно в 23 км севернее Хайфы), как истинной Зевксипповой группы, так и ее производных в одну группу под названием «Turkey/Greece Glazed Ware», выделив в ней три подгруппы, из которых две – это настоящая Зевксиппова керамика («Turkey/Greece Glazed Ware» 1 и 2) и одна («Turkey/Greece Glazed Ware» 3) объединяет посуду разного качества, произведенную под влиянием настоящей Зевксипповой керамики в разных центрах [95, p. 72, 73]. Однако наиболее удачным представляется более общий термин, предложенный Г. Сандерсом «Late Sgraffito Ware» [92, p. 257].

Как правило, основным критерием причисления того или иного сосуда к группе Зевксипповых дериватов является орнаментика, схожая с орнаментикой сосудов истинной группы Зевксиппа. В результате, в т.н. семью Зевксиппа попали сосуды, украшенные простыми мотивами, главным образом концентрическими окружностями, волнистыми линиями, поясами насечек и т.д., которые входят в состав орнаментальных композиций, украшающих сосуды, в основном, класса 1 истинной Зевксипповой группы, хотя и не столь аккуратно и изящно выполненные. Однако одним из авторов предлагаемой статьи уже высказывалось предположение, что простой орнамент на большей части таких сосудов не требовал специального копирования каких-либо образцов, и производившие такую керамику мастера могли и не видеть настоящей зевксипповой керамики, т.е. не находились под ее непосредственным влиянием [14, с. 200]. Широкое распространение таких сосудов по всему Средиземноморско-Причерноморскому региону объясняется, по всей видимости, прежде всего, их дешевизной, т.к. их производство не требовало особых вкуса и навыков, как другая более сложная в производстве посуда, распространенная в то же время и на тех же территориях. Все это позволяет рассматривать такие сосуды как либо вообще не связанные с Зевксипповой керамикой, либо связанные с ней лишь опосредованно. Аналогичной точки зрения придерживается и М. Л. фон Вартбург, которая также не исключает распространения моды на подобные сосуды. По ее мнению, «подгруппы Зевксипповой керамики нужно рассматривать как серию керамической продукции, которая соответствовала широко распространенной моде, и про-

изводилась в различных центрах на протяжении длительного периода времени…» [100, p. 338]. Схожесть Зевксипповых дериватов по каким-то признакам, прежде всего, по орнаментике, с настоящей зевксипповой керамикой не является безусловным свидетельством прямого ее влияния [100]. Кроме того, следует учитывать, что мотив концентрических окружностей был весьма распространен и не только в рассматриваемое время, благодаря апотропеическому значению, которое ему придавали. Считалось, что концентрические окружности символизируют зеркало и способны отвращать Сатану [58, p. 117].

География распространения посуды, декорированной таким образом, очень широка. Как справедливо отмечают С. М. Зеленко, И. Б. Тесленко и С. Й. Ваксман, «керамика с незатейливым и простым в исполнении узором, вероятно, была предназначена для удовлетворения массового спроса и производилась в таких больших количествах, что сегодня довольно трудно отыскать в Восточном Средиземноморье и Причерноморье какой-либо более-менее крупный населенный пункт, а тем более город, существовавший в XIII – первой половине XIV в., в культурных слоях которого не была бы обнаружена подобная посуда». Они же приводят обширный список пунктов, где были найдены сосуды, орнаментированные подобным образом [17, с. 131, 132].

Производили такую посуду в многочисленных мастерских, и не только на территории Византийской империи: на западе современной Турции (например, в Константинополе и Никее [105, p. 128, 129], Пергаме [103, p. 209–218; 104, p. 111], районе Троады; на Кипре (Лемба, Пафос) [81, p. 4, 10, 11; 57, p. 81–84; 104, p. 105–133; 94, p. 54], Сирии и Палестине, в частности в Иерусалиме [92, p. 257], в государствах крестоносцев [86, p. 104], в Коринфе [92, p. 257], в бассейне Эгейского моря (в Спарте, на Хиосе и Паросе), в Северной Италии (в Венеции и Падуе) [99, p. 234, 235; 102, p. 109–111], в неизвестном центре второй половины XIII – первой половины XIV в., продукция которого составляет груз корабля (группа 1 или группа «Новый Свет»), потерпевшего крушение в районе Судака в конце XIII в. [17], Фессалониках [76, p. 220, №№ 255, 256], Серре [77, p. 57]. Время ее бытования определяют, как правило, в рамках второй половины XIII – XIV вв. [102, p. 111], хотя орнаментированную подобным образом посуду делали и в оттоманское время на Балканах [86, p. 104; 101, p. 521, 522] и в Чембало во второй половине XIV – XV вв. [11, с. 507–509, рис. 2,6].

Таким образом, найденную в Горзувитах в храмовой гробнице чашу, строго говоря, можно отнести к широкому временному диапазону. Однако, судя по насыщенности глины горзувитской чаши частицами слюды, возможно, она относится к той дешевой массовой продукции, которая поступала в Крым в большом количестве в середине – третьей четверти XIII в., но уже к концу XIII в. ее импорт полностью прекращается [10, с. 136; 8, с. 26; 9, с. 27–29]. Для этой массовой керамики, как и для чаши из Горзувит, также характерна насыщенная слюдой глина, и представлена она, главным образом, чашами на кольцевом поддоне с бортиком разного профиля, украшенными, в основном, одиночными волнистыми и несколькими горизонтальными

линиями на бортике и на верхней части тулова и концентрическими окружностями (или спиралями) на дне. Причем в этот период (середина – конец XIII в.) эта посуда абсолютно преобладает среди поливной керамики, бытовавшей в Северном Причерноморье [8, с. 26; 9, с. 27–29]. Ее происхождение относят либо к Трапезундской империи [9, с. 29], либо к Константинополю [10, с. 136], хотя, на наш взгляд, этот вопрос пока следует оставить открытым.

Особенности погребального обряда

Особый интерес вызывает само присутствие в погребении открытого сосуда, что в сочетании с двумя вертикально поставленными камнями, поддерживающими череп, выбивается из византийского погребального обряда, который в целом был соблюден при устройстве рассматриваемого захоронения (рис. 13). Как известно, основные черты византийского погребального обряда сложились еще в ранневизантийский период (IV–VII вв.) и сохранялись на протяжении всей византийской истории, хотя и с некоторыми изменениями[7]. В IV–VII вв. постепенно стираются погребальные традиции язычества: погребения со временем перемещаются с традиционных кладбищ, расположенных вне городских стен (*extra muros*), внутрь города, что было связано с ростом популярности культа мучеников, мощи которых переносили из храмов, расположенных за пределами городских стен, в храмы внутри города, и желанием христиан быть похороненными рядом с ними, *ad sanctus* [66, p. 102, 103; 97, p. 368][8]. В течение VI–IX вв. использование традиционных кладбищ во многих городах либо полностью прекращается, либо они уменьшаются в размерах[9]. Теперь кладбища устраивают, по большей части, внутри города (*intra muros*), главным образом, вокруг храмов, и Новеллу Льва VI «Мудрого» (конец IX или начало X вв.) [*Les Novelles*..., liii, p. 198–201], разрешившую погребения внутри города, следует рассматривать как акт, который признал практику, общепринятую уже в течение нескольких предшествующих столетий [66, p. 102].

[7] При этом византийские и в целом средиземноморские погребальные памятники известны, прежде всего, по городским некрополям. Такое очевидное преобладание данных о городском погребальном обряде по отношению к имеющейся информации о сельских кладбищах необходимо учитывать для понимания темпов изменения погребальных практик и традиций.

[8] Надо учитывать, что постепенно меняется и сам облик ранневизантийских городов – они систематически окружаются укреплениями, а в городской топографии церкви, особенно посвященные культу мучеников, а также епископские кварталы начинают играть организующую роль [93, p. 134, 135].

[9] Тем не менее, как показывает пример некрополя Сирмия в Северном Иллирикуме, в V–VI вв. кладбища располагались как внутри города, так и вне городских стен [см. публикацию некрополя: 83, p. 39–92]. В Каллатисе, на западном побережье Черного моря в V–VI вв. городское кладбище было расположено *extra muros* [см. публикацию некрополя: 82].

Постепенно желание быть похороненным *ad sanctos* становится более выраженным. Появляются захоронения внутри храмов: сначала в нартексе или боковых нефах, а позже и в главном нефе. Сначала погребения внутри церкви удостаивались только святые и представители духовенства[10]. В раннесредневековый период могилы прихожан появляются в районе порога церкви, а начиная с XII в. погребения прихожан продвигаются дальше внутрь храма [54, p. 72, 73], а их расположение в пределах здания зависело от статуса погребенного. Большая часть исторических и эпиграфических источников свидетельствует о том, что внутри храма, как правило, помимо представителей духовенства хоронили богатых донаторов с их семьями. Причем священников хоронили в алтаре или недалеко от него, тогда как прихожан – в нартексе или наосе [65]. Захоронения же большей части прихожан располагались на кладбищах вокруг храма.

Начиная с конца V и особенно с VI в., когда все более распространяется практика создания кладбищ внутри города, недостаток места приводит к многократному использованию одних и тех же могил[11], в которые добавляли новых умерших, укладывая их в вытянутом положении. При этом, чтобы освободить место для новых погребений, сдвигали в сторону более ранние.

В ранневизантийское время доминирующей становится поза погребенных на спине в вытянутом положении с руками, скрещенными на животе или тазе, и ориентация погребенного по линии восток-запад, головой на запад так, чтобы он оказался лицом к Христу во время второго пришествия [85, p. 379], хотя есть и другие объяснения подобной ориентации [96, p. 12].

Приблизительно после середины VII в. заметно сокращается количество погребального инвентаря, и так достаточно скромного в средиземноморской погребальной традиции поздней античности и раннего средневековья. В частности, в могилах становится меньше керамики, которая ограничивается почти исключительно кувшинами и лекифами. Они, вероятно, содержали вино, масло или воду, которые использовали для окропления тела незадолго до закрытия погребения [85, p. 381] или во время заупокойной службы в церкви [96, p. 8]. Из погребений исчезают глиняные светильники, которые, скорее всего, заменили простыми свечами, наличие которых

[10] Однако на территории бывшей Западной Римской империи погребения светской знати появляются внутри храмов уже во второй половине V – начале VI в., как об этом свидетельствует, например, погребение знаменитого франкского короля Хлодвига в церкви Апостолов Павла и Петра в Париже [78, p. 363–379] или многочисленные захоронения меровингской знати в церкви Сен-Дени под Парижем [из последних работ: 79, p. 173–183], а также целая серия явно светских, в том числе женских погребений с дорогими украшениями в базиликах вандальской Северной Африки, в частности в Хеншир Касбат / *Thuburbo Majus,* Аннабе / *Hippo Regius*, Карфагене, Константине [сводная таблица см.: 87, Abb. 44].

[11] Этот феномен был прослежен и в некрополе Херсонеса, *extra muros*, где обнаружены коллективные раннесредневековые захоронения, насчитывающие десятки, а то и сотни костяков [46, с. 250, 263].

в могилах выявить невозможно. Иногда роль светильников выполняли стеклянные сосуды [85, p. 388, 391, 393].

Уже в ранневизантийское время в могилах появляются христианские символы, обычно только в качестве изображения на стенах гробниц, склепов и т.д. [см., например: 21; 18, рис. 26, 27, 60, 63–65, 94, 169,2]. В средневизантийский период (VII–XII вв.) христианская символика хорошо представлена как на закладных плитах, перекрывающих могилы, как, например, в горзувитской гробнице (рис. 5), так и на различных предметах, использовавшихся в ходе погребального ритуала [85, p. 377]. В погребениях появляются фрагменты керамики с процарапанными надписью «IC XC NIKA» («Иисус Христос – Ника») и изображением креста, помещенные около рта или руки погребенного. Подобные находки, редкие в погребениях средневизантийского периода, часто встречаются в поздневизантийское время (XIII – середина XV в.) [85, p. 377, 407, 413]. Зафиксированы они и в Крыму. Так, на городище Эски-Кермен на некрополе у храма «Трех всадников» в двух могилах поверх челюстей погребенных лежали фрагменты стенок пифоса или центрального поля черепиц с прочерченными тонкой линией крестом и монограммой «Иисус Христос – Ника» [4, с. 20]; черепица с прочерченными крестом и аналогичной монограммой также была обнаружена в костнице под апсидой часовни XIII в., открытой в квартале 1 на плато Эски-Кермена [3, с. 426, рис. 19,9]. Небольшие фрагменты керамических сосудов с процарапанным крестом выявлены в каменном склепе и плитовых могилах XIII в. под черепом или под грудной клеткой костяков в могильнике у с. Лучистое [2; 41; 42]. Аналогичные находки известны также в с. Гончарное и на некрополе Судак-IX [23, рис. 188]. В могиле № 12, открытой в южной части храма XIV–XVI вв., расположенного на поляне северо-восточного склона горы Аю-Даг[12], нижняя часть черепа погребенного мужчины была прикрыта крупным фрагментом стенки амфоры с дуговидными ручками XII–XIV вв., на внутренней стороне которого, обращенной к лицу покойного, имелась прочерченная монограмма «IC XC NIKA», вписанная между ветвями креста [39, с. 38, 86, 96, рис. 5, 9, 10, 80, 82–85; Цит. по: 37, с. 263; 38, с. 134, 135, рис. 4]. Обломок стенки амфоры с дуговидными ручками с граффито в виде креста и стенки пифоса с крестом и буквами I и X (вероятно, монограмма «IC XC NIKA») обнаружены в заполнении могилы № 14 на некрополе, расположенном в ансамбле с храмом на южной окраине с. Малый Маяк (бывш. Биюк-Ламбат) у юго-восточных отрогов горы Ай-Тодор [37, с. 266, рис. 13,2,3].

Такие предметы как серьги, кольца, браслеты, поясные пряжки, бусы, монеты с отверстием и гребни принадлежали повседневному костюму и попадали в могилы

[12] Согласно опубликованному А. В. Лысенко и И. Б. Тесленко каталогу археологических памятников Аю-Дага этот памятник имеет № 26 [22, с. 79, 80, рис. 2]. Вслед за Н. И. Репниковым [35, с. 102, рис. 4–5] авторы именно здесь локализуют поляну (урочище) Ай-Констант и в дальнейших своих публикациях упоминают этот памятник уже с этим топонимом [37, с. 263; 38, с. 132, 133; дискуссию о топониме см.: 7, с. 45, 46, рис. 11].

как часть погребальной одежды и могут быть интерпретированы как стремление представить умершего «в приличном виде» или же – в случае помещения в могилу особо дорогих и престижных предметов – как намерение продемонстрировать его высокий социальный статус. Византийские письменные источники свидетельствуют о том, что лицо и верхняя часть тела оставались открытыми до самого последнего момента, обеспечивая демонстрацию одежды и украшений умершего [85, p. 379]. Следует учитывать и тот факт, что многие из этих предметов изначально делали и носили с магической целью, как апотропеи, которые были чрезвычайно популярны среди христиан и регулярно встречаются в могилах, куда их помещали с целью защитить близкого человека и после его смерти [55].

Погребальный обряд поздневизантийского периода продолжает традиции предыдущих столетий, несмотря на политические и культурные турбулентности эпохи. Однако в XIII–XV вв. в византийском погребальном обряде появляется новая традиция – помещать в могилы открытые, а не закрытые, как в ранних могилах, сосуды. Их ставили на пол могилы рядом с погребенным, часто вверх дном [96, p. 42]; некоторые сосуды находят в разбитом виде – видимо, в конце погребальной церемонии их разбивали и только затем помещали в могилу [70, p. 260, 291, no. 21; 71, p. 10; 85, p. 413]. Часто такие сосуды отличаются высоким качеством и изысканной орнаментикой, т.е. их не делали специально для использования во время погребального обряда.

В Крыму подобные находки встречаются достаточно редко: помимо рассматриваемого горзувитского погребения с поливной чашей, еще известно лишь несколько. Во время раскопок эски-керменской трехнефной базилики у ее северной апсиды найдена могила, представлявшая собой продолговатую яму, в которой находился скелет ребенка 12–14 лет, лежащего в вытянутом положении на спине, головой на запад, с руками, сложенными крест-накрест на груди. Около правого бедра находилась перевернутая поливная тарелка XIII–XIV вв. с отбитыми краями [31, с. 46, 47].

В могиле 4, открытой у юго-западной стены, возле порога небольшого двухапсидного храма конца XIV – XV вв., расположенного в окрестностях крепости Фуна, находился один погребенный, у левого плеча которого стояла красноглиняная поливная чаша с отбитым краем. Монохромная (желтая полива по ангобу) чаша с рельефным моделированием корпуса при помощи коротких вертикальных вдавлений имела кольцевой поддон [5, с. 197, 201–203, рис. 8,2; 10, с. 122–160].

Чашка-пиала была найдена в могиле XIV в. в одном из небольших храмов Чембало во втором нефе, по мнению авторов раскопок, специально пристроенном «с целью совершения погребений членов отдельной семьи» [1, с. 9–11, 77–79]. Еще две чаши были найдены в погребениях, открытых в небольшой одноапсидной церкви св. Николая, которая функционировала в генуэзский период истории Чембало и некоторое время после захвата крепости турками, а также в однонефном храме № 3 на этом же памятнике [12, с. 59].

В Херсонесе известно одно погребение с двумя небольшими поливными сосудами открытого типа, стоящими у ног одного из двух лежавших в могиле костяков (могила 1, пристроенная к южной стене часовни 1) [36, л. 23].

Поливные сосуды открытых форм XIII–XIV вв. были найдены в склепе, входившим в комплекс небольшого монастыря на мысе Виноградном [48, с. 77, рис. 7]. Камера склепа была заполнена костями (всего выявлено более сорока костяков). Хотя ни один сосуд невозможно связать с каким-либо конкретным захоронением (костяком), их находка в склепе свидетельствует о том, что, скорее всего, они были помещены туда вместе с умершими.

Поливная тарелка с отбитыми краями находилась в погребении № 6, перекрытом более поздней пристройкой к одноапсидному храму на горе Ай-Тодор на северной окраине с. Малый Маяк (бывш. Биюк-Ламбат) [28, с. 16; Цит. по: 37, с. 273, рис. 1,7; 30, с. 74, рис. 14,12]. Е.А. Паршина в целом датирует храм в рамках XII–XV вв. [29, с. 254–256].

Совсем другая картина наблюдается в районе Средиземноморья, где новая традиция зафиксирована на юге материковой Греции [51, p. 252; 68, p. 510], в частности в Коринфе [64; 96, p. 42], Фессалониках [98, p. 211; 49, p. 217, 220], на Крите [84, p. 318–320, fig. 9b; 56] и Кипре [80]. Дж. Томпсон отмечает наличие могил с поливными чашами открытой формы в Малой Азии и Константинополе [96, p. 42].

Выдвигают самые разные предположения о назначении подобных чаш.К. К. Когонашвили и О. А. Махнева пишут, что присутствие сосудов в христианских плитовых могилах в Крыму – сугубо местный обычай, связанный с пережитками языческого культа [20, с. 119]. В. Л. Мыц объясняет появление в крымских могилах XIII–XIV вв. сосудов, не акцентируя внимания на их форме, «появлением в Таврике населения, для которого христианский погребальный обряд являлся только общепринятой формой, наполняемой содержанием с иными традициями» [26, с. 217]. Н. В. Гинькут аргументированно интерпретирует один из сосудов открытого типа, найденных в могилах Чембало, как евлогию, к которым она относит и чашки из херсонесского погребения [12]. Иногда исследователи без каких-либо оснований говорят о присутствии в таких сосудах заупокойной пищи. Чаще высказывается предположение, что в подобные чаши наливали вино, которое затем выливали на умершего, или в них накладывали «kollyva» (κόλλυβα, или жито)[13].

Однако тот факт, что новая традиция прослеживается в византийских могилах после 1200 года и, в первую очередь, на территориях, захваченных «латинянами» («франками»)[14], объясняет, по мнению ряда исследователей, появление поливных

[13] *Kollyva* (у русских христиан – «кутья») – вареная пшеница с медом и/или сахаром, миндалем, зернами граната, изюмом, анисом и проч., которая до сих пор используется в православном богослужении. Православные христиане рассматривают *kollyva* как символ смерти и воскрешения [49, p. 217, 220].

[14] Под латинянами и франками византийцы понимали западных европейцев – католиков. Как известно, «латиняне» захватили власть в европейской части Византийской империи в результате четвертого крестового похода в 1204 г.

сосудов открытых форм влиянием погребального обряда этих «латинян» [80, p. 56–60, 62, 68, 69, 71; 65; 96, p. 42, 45–48]. Так, в Коринфе и Агиос Мамас поливные чаши отсутствуют в погребениях XI – XII вв., но имеются в подавляющем большинстве могил более позднего «латинского» времени [80, p. 55–61; 96, p. 195].

Дж. Томпсон относит истоки этого обычая к Франции, где в средневековых погребениях находят т.н. вазы «flammulé» или горшки, которые использовались в ходе погребального обряда для курения ладана (на раскаленные угли, находившиеся в таком горшке, брызгали или сыпали благовония) [96, p. 174]. Существует несколько предположений о целях этого действия, но в любом случае речь идет о способе избавления от неприятного запаха [59, p. 182; 96, p. 177]. Причем сосуды, использовавшиеся при погребении, имели домашнее происхождение, т.е. их не делали специально для погребального обряда, а брали из дома уже бывшие в употреблении и, как правило, поврежденные. Существовала глубокая вера в то, что эти сосуды нельзя возвращать домой после похорон, т.к. они более не были «чистыми», и поэтому их надо было разбить и оставить в могиле или рядом с ней [49, p. 218, 220]. Попавшие на Восток «франки» также использовали уже бывшую в употреблении домашнюю керамику, подгоняя французские традиции к тем условиям, в которых оказались. Они заменили вазы «flammulé» открытыми чашами, которые в то время еще не были известны во Франции, где появились только в XIV в. [59, p. 181, 182; 96, p. 177, 178]. Кстати, в Коринфе и Атлите открыты могилы, в которых найдены чаши с остатками пепла, что служит подтверждением их использования для курения благовоний [64, p. 120, 121; 96, p. 90].

Второй необычной деталью рассматриваемого погребения является наличие двух вертикально поставленных камней по обе стороны черепа погребенного (рис. 4; 13). По мнению ряда исследователей, этот обычай также был привнесен в Византию с европейского Запада в XIII в. Е. Айвисон приводит примеры соблюдения такого обычая в девяти городах Греции, в том числе в Коринфе и Фессалониках [71, p. 10], на Кипре [80, p. 62, 68; 91, p. 189–199; 96, p. 46, 48], Крите [56] и в Турции. Все приведенные им погребения датируются временем после 1204 года и располагаются на тех территориях Византийской империи, которые находились под контролем «франков» [65, p. 86]. В той же Немее подавляющее большинство «цефалических» погребений относятся к средне- и поздневизантийскому периодам, и факт нахождения Немеи в это время под управлением «латинян» является хорошим аргументом в пользу западного влияния на погребальный обряд города [51, p. 235–239, 343–345].

В Крыму подобная особенность в погребальном обряде – «отгораживание» головы камнями – встречается крайне редко. Так, в могиле № 12, открытой в южной части одноапсидного храма XIV–XVI вв. на поляне «Ай-Констант» на г. Аю-Даг, был погребен мужчина 35–40 лет, лежавший на спине в вытянутом положении, головой на юго-юго-запад, руки покоились в области груди. Череп погребенного лицевой частью был обращен вверх и фиксировался с двух сторон каменными плитками, на нижней части черепа, как уже говорилось выше, лежал фрагмент стенки амфоры с

прочерченным крестом и монограммой «IC XC NIKA». Исследователи этого памятника интерпретировали данное погребение как захоронение священника [39, с. 38, 86, 96, рис. 5, 9–10, 80, 82–85; Цит. по: 37, с. 262, 263; 38, с. 135–137, рис. 4].

Известен еще похожий случай. В нижнем ярусе могилы № 1, расположенной к востоку от южной апсиды двухапсидного храма на холме Тузлух у с. Семидворье (Алушта), захоронен мужчина в вытянутом положении на спине, головой на запад, лицом на восток; левая рука вытянута вдоль тела, правая – согнута в локте, кисть расположена в области таза. Череп погребенного поддерживался только одним вертикально поставленным с южной стороны камнем [40, с. 104, рис. 2,65,66]. По мнению А. Е. Мусина, эту могилу можно считать монашеской, т.к. имеющийся у головы погребенного камень он относит к «возголовице» – к тем элементам обрядности, которые упоминаются в посвященной иноческому погребению главе Студийского типика конца XII в. («возголовице мало», помещавшееся под голову покойного) [27, с. 298]. А. Е. Мусин также приводит подобные примеры из погребальной археологии Древней Руси – наличие в могилах «возголовиц» в виде каменных подушечек. На основании этих параллелей, как считает исследователь, семидворское погребение при храме можно соотнести с монастырской традицией [27, с. 298]. На наш взгляд, в горзувитском погребении, как возможно и в семидворском, все-таки присутствует иной погребальный обряд, когда камни не подкладывались под голову усопшего, а ставились вертикально возле его головы. Также стоит заметить, что вывод, сделанный А. Е. Мусиным о монашеской атрибуции обряда вряд ли можно соотнести с нашим конкретным случаем, поскольку в горзувитской храмовой гробнице были захоронены мужчины, женщины и дети, что мало соответствует монашескому коллективу.

* * *

Итак, подведем итоги. Открытие гробницы в нижнем раннем храме и присутствующая в ней, у верхнего погребенного, керамическая поливная чаша дали возможность пересмотреть существующие прежде датировки церквей. Напомним, что А. Л. Якобсон относил нижний храм к VI–VII вв., возможно, отчасти к VIII в., и верхний – к IX–X вв. [45, с. 110–112]. Поиск аналогий горзувитской чаше и проведенный сравнительный анализ позволили определить время ее бытования серединой – третьей четвертью XIII в. Учитывая полученные результаты, можно утверждать, что нижняя церковь функционировала еще в XIII в., и вряд ли дата ее постройки может приходиться на VI–VII вв. и соответствовать времени юстиниановского строительства в стране готов. Верхняя церковь, перекрывавшая коллективную гробницу, была построена не ранее XIII в., а может быть и позже, о чем свидетельствует найденная в 1951 г. при расчистке ее западной стены монета золотоордынского хана Узбека (1313–1341 гг.) [45, с. 112].

В горзувитской храмовой гробнице присутствуют два элемента погребального обряда, выявленные у самого верхнего захоронения, – наличие в могиле сосуда открытого типа, а также два вертикально поставленных камня у черепа покойного (рис. 13).

Такие черты обряда считаются западноевропейскими по своему происхождению, что позволяет поставить их в один ряд со схожими погребениями, известными, например, в материковой Греции или на Кипре, в которых выявлено такое же сочетание элементов погребального обряда. Каким образом эти черты проникли в Крым, остается только гадать. Впрочем, следует отметить, что элементы западной погребальной традиции прослеживаются даже в местах, никогда не находившихся под властью «латинян» и распложенных в самом центре Византии. Например, начиная с XIII в. византийское духовенство перенимает распространенную на католическом Западе практику помещать в могилы служителей церкви глиняные кубки-потиры [67].

Подчеркнем, что такое сочетание черт обряда больше не встречается в других захоронениях на некрополе Горзувит, в том числе и в тех, которые могли быть синхронными храмовой гробнице. К числу последних относится, например, гробница (погребение № 15), открытая в 2018 г. у западной стены храма и имеющая такую же конструкцию, как и коллективная могила внутри храма. Можно предложить в качестве рабочей гипотезы, что погребенный в верхнем слое храмовой гробницы и его окружение (те люди, которые его хоронили) могли иметь какие-то связи с территориями подвластными «латинянам», где подобные погребальные обычаи имели место. Нельзя исключать также возможность того, что сам погребенный из Горзувит прибыл в Крым с территории, попавшей под правление «латинян», обычаи которых переняли местные православные жители. Ответить сейчас на вопрос, кем был человек, чей прах был захоронен последним в гробнице, открытой в храме в Горзувитах, затруднительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина Н.А., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году. СПб.; Симферополь, 2008. 216 с. (Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. VII).
2. Айбабин А.И. Раскопки могильника средневековой Фуны // АО 1977 г. М., 1978. С. 287–288.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Средневековый некрополь у храма «Трех всадников» на склоне плато Эски-Кермен // X Международный Византийский Семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г.) / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 19–21.
5. Айбабина Е.А. Двухапсидный храм у крепости Фуна // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 194–205.
6. Бобринский А. Несколько слов о местности, прилегающей к развалинам замка в Гурзуфе // ИТУАК. 1894. Вып. 21. С. 56–58.
7. Бочаров С.Г. Описание средневековых храмов региона Алушты в архивных материалах П.И. Кеппена // «О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: Стилос, 2004. С. 43–57.
8. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20–37.
9. Бочаров С.Г., Масловский А.Н., Ситдиков А.Г. Столовая поливная керамика провинциальных византийских центров как хроноиндикатор для памятников Крыма, Причерноморья и Восточной Европы второй половины XIII – XIV вв. // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тезисы докладов. Севастополь, 2014. С. 27–29.
10. Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев, 2005. С. 122–160.
11. Гинькут Н.В. Византийские и восточные традиции в культуре генуэзской крепости Чембало (Крымский полуостров) по данным поливной керамики // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Proceedings of the International Symposium Ethnic contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea / Ed. V. Cojocaru. Iaşi, 2005. P. 495–512.
12. Гинькут Н.В. Чашка-евлогия XIV в. из раскопок храмового погребения на территории крепости Чембало // ХСб. 2011. Вып. XVI. С. 57–63.
13. Голофаст Л.А., Мастыкова А.В., Макарова А.С. Поливная чаша из средневекового храма в Горзувитах // X Международный Византийский Семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г.) / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 61–68.
14. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
15. Домбровский О.И. Разведки и раскопки на Южном берегу и в горных районах Крыма // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. Вып. II. С. 51–52.
16. Домбровский О.И. Средневековые поселения и «Исары» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 5–56.
17. Зеленко С.М., Тесленко И.Б., Ваксман С.Й. Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (Морфологическая типология и лабораторные исследования) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття) / Ред. Я.І. Морозова. Київ, 2012. С. 129–148.
18. Зинько Е.А. Грунтовые склепы некрополя Пантикапея–Боспора (исследования 1996–2009 гг.). Симферополь; Керчь, 2017. 210 с. (Боспорские исследования. Suppl. 16).
19. Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб., 1837. 415 с.
20. Когонашвили К.К., Махнёва О.А. Средневековая Фуна // Феодальная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 111–123.
21. Кулаковский Ю. Древности Южной России. Керченская христианская катакомба 491 года // Материалы по археологии России. СПб., 1891. № 6. С. 1–30.
22. Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / Сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Киев: Стилос, 2002. С. 59–88.

23. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X – XII вв. Киев, 2014. 467 с.
24. Мастыкова А.В. Раскопки в 2017 г. храма в Горзувитах: первые результаты // Материалы научной конференции «Археология средневекового храма», посвященной 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича / Ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь, 2017. С. 47–49.
25. Мастыкова А.В. О византийском храме в Горзувитах: раскопки 2017 г. // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь; Керчь, 2018. С. 292–298.
26. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
27. Мусин А.Е. Литургические особенности храма // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым) / Ред.-сост. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин. Киев: Антиквар, 2015. С. 271–304. (Археологический альманах. № 32).
28. Паршина Е.А. Отчет о раскопках на г. Ай-Тодор у с. Малый Маяк в 1969 г. Отчет об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 гг. Симферополь, 1969 // Архив Института археологии Крыма РАН. Инв. № 547. Папка 911.
29. Паршина О.О. Середньовічне укріплення на горі Ай-Тодор // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Киев, 1972.
30. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94.
31. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 36–53.
32. Репников Н.И. Гурзуф и его ближайшие окрестности в историко-археологическом отношении // ИТУАК. 1904. № 36. С. 37–42.
33. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1–80.
34. Репников Н.И. Некоторые могильники области Крымских готов. Часть II // ЗООИД. 1907. Т. XXVII. С. 101–148.
35. Репников Н.И. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК. 1909. № 30. С. 99–126.
36. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1988 году // Архив ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. 2849.
37. Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: Стилос, 2004. С. 260–296.
38. Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. 7–10 июля 2005 г., пос. Партенит / Отв. ред. Л. Ясельская. Симферополь, 2006. С. 132–144.
39. Тесленко И.Б., Семин С.В., Лысенко А.В. Отчет о раскопках христианского храма на северо-восточном склоне горы Аю-Даг (пгт. Партенит) и участка на западном склоне крепостной горки, за пределами оборонительных рубежей крепости Алустон (г. Алушта) в 1999 г. Симферополь, 1999. 128 с. // Архив Института археологии Крыма РАН. Инв. № 627. Папка 1027.

40. Тесленко И.Б. Стратиграфия и характеристика культурных отложений // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым) / Ред.-сост. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин. Киев: Антиквар, 2015. С. 63–116. (Археологический альманах. № 32).
41. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 151–182.
42. Хайрединова Э.А. Кресты в захоронениях: особенности погребального обряда средневекового христианского населения Юго-Западного Крыма // Материалы научной конференции «Археология средневекового храма», посвященной 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича / Ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь, 2017. С. 72–74.
43. Якобсон А.Л. Отчет об археологической разведке средневекового поселения и могильника Горзувит (бл. Гурзуфа) в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 654.
44. Якобсон А.Л. Раскопки средневекового поселения Горзувиты в 1951 г. Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. Р–1. № 655.
45. Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 109–120.
46. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. 364 с.
47. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. 224 с.
48. Яшаева Т.Ю. Пещерный комплекс в округе Херсонеса // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 71–81.
49. Antonaras A.C. Glass Vessels in Late Byzantine Grave in Thessaloniki. Offerings or Funerary Ritual Remains? // Giving Gifts to God: Evidences of Votive Offerings in the Sanctuaries, Temples and Churches / Ed. D. Gjorgjievski. Skopje, Kumanovo, 2018. P. 217–224.
50. Armstrong P. Zeuxippus Derivative Bowls from Sparta // Φιλολάκων: Laconian Studies in Honor of Hector Catling / Ed. J.M. Sanders. Oxford, 1992. P. 1–9.
51. Beatrice J.S. Community Health at Nemea, Greece: a Bioarchaeological Approach to the Impact of Sociopolitical Change in Byzantium. A Dissertation Submitted to Michigan State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Michigan, 2012. 403 p.
52. Berti G., Gelichi S. «Zeuxippus Ware» in Italy // Materials Analysis of Byzantine Pottery. Washington, 1997. P. 85–104.
53. Boas A. The Import of Western Ceramics to the Latin Kingdom of Jerusalem // Israel Exploration Journal. Jerusalem, 1994. Vol. 44. № 1–2. P. 102–122.
54. Binski P. Medieval Death: Ritual and Representation. London, 1996. 224 p.
55. Bollók Á. Apotropaion and Burial in Early Byzantium: Some Preliminary Considerations // Byzanz und das Abendland: Begegnungen zwischen Ost und West / Ed. E. Juhász. Budapest, 2013. P. 227–241.
56. Bourbou Ch. The Cemetery Excavation at the Middle Byzantine Cemetery of Zoodochos Pigi (Crete-Greece) [Электронный ресурс]. URL: https://www.doaks.org/research/support-for-research/project-grants/reports/2010-2011/bourbou (дата обращения 18.05.2018).
57. Dikigoropoulos A.I., Megaw A.H.S. Early Glazed Pottery from Polis // RDAC (1940–48). 1948. P. 77–93.

58. Doğer L., Armağan M.E. Byzantine Glazed Pottery Finds from Aigai (Aiolis) Excavations // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Т. 2. Казань; Кишинев, 2017. P. 107–133.
59. Durand M. Archéologie du cimetière médiéval au sud-est de l'Oise du VIIème au XVIème siècle relations avec l'habitat et évolution des rites et des pratiques funéraires, paléodémographie // Revue archéologique de Picardie. 1988. No special 6. 275 p.
60. François V. La céramique Byzantine à Thasos. Athènes: École française d'Athènes, 1995. 383 p. (Études Thasiennes. Vol. 16.).
61. François V. La vaisselle de terre à Byzance. Catalogue des collections du Musée du Louvre. Paris, 2017. 456 p.
62. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992. 455 p.
63. Hayes J.W. A Late Byzantine and Early Ottoman Assemblage from the Lower City in Troia // Studia Troica. 1995. Vol. 5. P. 197–210.
64. Ivison E.A. Death and Burial at Medieval Corinth (c. 960–1400) // Death and Burial. A Conference on Medieval Archaeology in Europe 21st–24th September 1992 at the University of York / Eds. T. Dickinson, E. James. York, 1992. P. 117–121.
65. Ivison E.A. Mortuary Practices in Byzantium (c. 950–1453): An Archaeological Contribution. Ph.D. dissertation. Centre for Byzantine and Modern Greek Studies, School of Antiquity, University of Birmingham. Birmingham, 1993.
66. Ivison E.A. Burial and Urbanism at Late Antique and Early Byzantine Corinth (c. AD 400–700) // Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages / Eds. N. Christie, S.T. Loseby. Aldershot, 1996. P. 99–125.
67. Ivison E.A. 'Supplied for the Journey to Heaven': a Moment of West-East Cultural Exchange: Ceramic Chalices from Byzantine Graves // Byzantine and Modern Greek Studies. 2000. Vol. 24. P. 147–193.
68. Kontogiannis N.D. Excavation of a 13th century Church near Vasilitsi, Southern Messenia // Hesperia. 2008. Vol. 77. P. 497–537.
69. Mackay T.S. More Byzantine and Frankish Pottery from Corinth // Hesperia. 1967. Vol. 36. P. 249–320.
70. Makropoulou D. Concerning the Late-Byzantine Cemetery of Vlatadon Monastery // Η Θεσσαλονίκη. 1985. Vol. 1. P. 255–309.
71. Makropoulou D. Grave Finds and Burial Practices in Thessaloniki (4th–15th cents.) // Proccedings of 21st International Congress of Byzantine Studies, London, 21–26 August 2006 / Ed. E. Jeffreys. London, 2006. P. 1–11.
72. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware // ABSA. 1968. Vol. 63. P. 67–88.
73. Megaw A. H. S. An Early Thirteenth Century Aegean Glazed War // Studies in Memory of David Talbot Rice / Eds. G. Robertson, G. Henderson. Edinburgh, 1975. P. 34–45.
74. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware Again // Recherches sur la céramique Byzantine / Éds. V. Déroche, J.-M Spieser. Athènes, Paris, 1989. P. 259–266.
75. Megaw A.H.S., Jones R.E. Byzantine and Allied Pottery: a Contribution by Chemical Analysis to Problems of Origin and Distribution // ABSA. 1983. Vol. 78. P. 235–263.
76. Papanikola-Bakirtzi D. Thessaloniki Workshop Production Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999. 270 p.
77. Papanikola-Bakirtzis D., Maguire E.D., Maguire H. Ceramic Art from Byzantine Serres. Urbana, Chicago, 1992. 75 p.

78. Périn P. La tombe de Clovis // Media in Francia ...Recueil de mélanges offert à Karl Ferdinand Werner. Maulévrier: Hérault-Editions, 1989. P. 363–379.
79. Périn P. Les tombes mérovngiennes de la basilique de saint-Denis // Glaube, Kult und Herrschaft / Hrsg. U. von Freedin, H. Friesinger, E. Wamers. Bonn, 2009. P. 173–183.
80. du Plat Taylor J. Medieval Graves in Cyprus // Ars Islamica. 1938. Vol. 5. P. 55–86.
81. du Plat Taylor J., Megaw A.H.S. Cypriot Medieval Glazed Pottery-Notes for a Preliminary Classification // RDAC. 1939. P. 1–13.
82. Preda C. Callatis Necropola romano-bizantină. Bucureşti: Editura Academiei Republicii socialiste România, 1980. 226 p.
83. Popović I. Les nécropoles du Ve et VIe siècles // Sirmium à l'époque des Grandes Migrations / Eds. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević. Leuven, Paris, Bristol, 2017. P. 39–92.
84. Poulou-Papadimitriou N. Pottery of the Middle Byzantine Period and the First Centuries of the Venetian Occupation from Petras, Siteia // Petras, Siteia. 25 Years of Excavations and Studies. Acts of a Two-day Conference Held at the Danish Institute at Athens, 9–10 October 2010 / Ed. M. Tsipopoulou. Athens, 2012. P. 315–323. (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 16).
85. Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation // Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe / Eds. M. Salamon et al. Kraków, 2012. P. 377–428.
86. Pringle D. Thirteenth-century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel // Levant. 1984. XVI. P. 91–111.
87. Quast D. Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien // Jahrubuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 2005. Bd. 52. P. 237–315.
88. Rice D.T., Jones A.H.M., Casson S. Preliminary Report upon the Excavations Carried out in and Near the Hippodrome of Constantinople in 1927 on Behalf of the British Academy. London, 1928. 54 p.
89. Rice D.T. Byzantine Glazed Pottery. Oxford, 1930. 120 p.
90. Sanders G.D.R. An Assemblage of Frankish Pottery at Corinth // Hesperia. 1988. Vol. 57. P. 159–195.
91. Sanders G. Three Peloponnesian Churches and their Importance for the Chronology of the Late 13th and Early 14th Century Pottery in the Eastern Mediterranean // Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athenes. Athens, 1989. P. 189–199.
92. Sanders G.D.R. Excavations at Sparta: The Roman Stoa, 1988–1991. Preliminary Report, Part 2. C. Medieval Pottery // ABSA. 1993. Vol. 88. P. 251–286.
93. Sodini J.-P. Les prolongements de l'urbanisme hellénistico-roman // Le grand atlas de l'archéologie. Paris: Encyclopaedia Universalis, 1985. P. 134–135.
94. Stern E.J. Excavation of the Courthouse Site at 'Akko: The Pottery of the Crusader and Ottoman Periods // 'Atiqot. 1997. XXXI. P. 35–70.
95. Stern E.J. 'Acco I. The 1991–1998 Excavations. The Crusader-Period Pottery. 2 vol. Jerusalem, 2012. 181 p. (IAA Reports 51).
96. Thompson J.A. Death and Burial in the Latin East. A Study of the Crusader Cemetery at 'Atlit, Israel. PhD Thesis, Cardiff University. Cardiff, 2006. 409 p.
97. Tzavella E. Burial and Urbanism in Athens (IVth–IXth c. AD.) // Journal of Roman Archaeology. 2008. Vol. 21. P. 352–368.

98. Vavylopoulou-Charitonidou A. Céramique d'offrande trouvée dans des tombes Byzantines tardives de l'hippodrome de Thessalonique // Recherches sur la céramique Byzantine / Éds. V. Déroche, J.-M Spieser. Athènes, Paris, 1989. P. 207–226.
99. Vionis A.K. A Crusader, Ottoman and Early Modern Aegean Archaeology: Built Environment and Domestic Material Culture in the Medieval and Post-Medieval Cyclades, Greece (13th–20th Century AD). Leiden, 2012. 423 p.
100. Von Wartburg M.-L. Lemba Ware Reconsidered // RDAC. 1997. P. 323–340.
101. Vroom J. Medieval and Post Medieval Pottery from a Site in Boeotia: a Case Study Example of Post-Classical Archaeology in Greece // ABSA. 1998. Vol. 93. P. 513–546.
102. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht, 2005. 223 p.
103. Waksman S.Y., Rossini I., Heitz C. Byzantine Pergamon: Characterization of the Ceramics Production Centre // Archeometry 94, the Proceedings of the 29th International Symposium on Archaeometry / Eds. S. Demirci, A.M. Özer, G.D. Summers. Ankara, 1996. P. 209–218.
104. Waksman S.Y., Spieser J.-M. Byzantine Ceramics Excavated in Pergamon: Archaeological Classification and Characterization of the Local and Imported Productions by PIXE and INAA Elemental Analysis, Mineralogy and Petrography // Materials Analysis of Byzantine Pottery / Ed. H. Maguire. Washington, 1997. P. 105–133.
105. Waksman S.Y., Francois V. Vers une redefinition typologique et analytique des ceramiques byzantines du type Zeuxippus Ware // BCH. 2004–2005. P. 87–182.

REFERENCES

1. Adaksina N.A., Myts V.L. *Otchet ob arheologicheskih issledovanijah srednevekovoj kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2007 godu*. St-Petersburg, Simferopol, 2008, 216 p. (Materialy Juzhno-Krymskoj arheologicheskoj ekspeditcii. Vol. VII).
2. Ajbabin A.I. Raskopki mogil'nika srednevekovoj Funy. *Arheologicheskie otkrytija 1977 goda*, Moscow, 1978, pp. 287–288.
3. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. Pozdnesrednevekovaja chasovnja na plato Eski-Kermen. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, Vol. XVII, pp. 422- 457.
4. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. Srednevekovyj nekropol' u khrama "Trekh vsadnikov" na sklone plato Eski-Kermen. *X mezhdunarodnyj vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»*, Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 19–21.
5. Ajbabina E.A. Dvukhapsidnyj khram u kreposti Funa. *Vizantijskaja Tavrika*, Kiev, 1991, pp. 194–205.
6. Bobrinskij A. Neskol'ko slov o mestnosti, prilegajushhej k razvalinam zamka v Gurzufe. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1894, Vol. 21, pp. 56–58.
7. Bocharov S.G. Opisanie srednevekovyh khramov regiona Alushty v arkhivnykh materialakh P.I. Keppena. *"O drevnostjah Juzhnogo berega i gor Tavricheskih" (po materialam konferencii v chest' 210-letija so dnja rozhdenija Petra Ivanovicha Keppena)*, Kiev, Stilos Publ., 2004, pp. 43–57.
8. Bocharov S.G., Maslovskij A.N. Vizantijskaja polivnaja keramika v gorodah Severnogo Prichernomor'ja zolotoordynskogo perioda (vtoraja polovina XIII – konec XIV vv.). *Povolzhskaja arheologija*, 2012, No 1, pp. 20–37.

9. Bocharov S.G., Maslovskij A.N., Sitdikov A.G. Stolovaja polivnaja keramika provincial'nyh vizantijskih centrov kak hronoindikator dlja pamjatnikov Kryma, Prichernomor'ja i Vostochnoj Evropy vtoroj poloviny XIII–XIV vv. *Polivnaja keramika Prichernomor'ja – Sredizemnomor'ja kak istochnik po izucheniju vizantijskoj civilizacii*, Sevastopol, 2014, pp. 27–29.
10. Volkov I.V. Polivnaja keramika kompleksa Kabardi (1240–1260). Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, 2005, pp. 122–160.
11. Gin'kut N.V. Vizantijskie i vostochnye tradicii v kul'ture genujezskoj kreposti Chembalo (Krymskij poluostrov) po dannym polivnoj keramiki. V. Cojocaru (Ed.), *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Proceedings of the International Symposium Ethnic contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea*, Iaşi, 2005, pp. 495–512.
12. Gin'kut N.V. Chashka-evlogija XIV v. iz raskopok hramovogo pogrebenija na territorii kreposti Chembalo. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 2011, Vol. XVI, pp. 57–63.
13. Golofast L.A., Mastykova A.V., Makarova A.S. Polivnaja chasha iz srednevekovogo hrama v Gorzuvitah. *X mezhdunarodnyj vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»*, Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 61–68.
14. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Raskopki kvartala X v severnom rajone Hersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 182–260.
15. Dombrovskij O.I. Razvedki i raskopki na Juzhnom beregu i v gornyh rajonah Kryma. *Arheologicheskie issledovanija na Ukraine v 1967 g.*, Kiev, 1968, Vol. II, pp. 51–52.
16. Dombrovskij O.I. Srednevekovye poselenija i "Isary" Krymskogo Juzhnoberezh'ja. S.N. Bibikov (Ed.), *Feodal'naja Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 5–56.
17. Zelenko S.M., Teslenko I.B., Vaksman S.J. Neskol'ko grupp polivnoj posudy s korablekrushenija konca XIII v. vblizi Sudaka (Krym) (Morfologicheskaja tipologija i laboratornye issledovanija). Ja.I. Morozova (Ed.), *1000 rokiv vizantijs'koi torgivli (V–XV ctolittja)*, Kiev, 2012, pp. 129–148.
18. Zin'ko E.A. *Gruntovye sklepy nekropolja Pantikapeja–Bospora (issledovanija 1996–2009 gg.).* Simferopol, Kerch, 2017, 210 p. (Bosporskie issledovanija. Suppl. 16).
19. Keppen P.I. *Krymskij sbornik. O drevnostjah Juzhnogo berega i gor Tavricheskih.* St-Petersburg, 1837, 415 p.
20. Kogonashvili K.K., Mahnjova O.A. Srednevekovaja Funa. S.N. Bibikov (Ed.), *Feodal'naja Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 111–123.
21. Kulakovskij Ju. Drevnosti Juzhnoj Rossii. Kerchenskaja hristianskaja katakomba 491 goda. *Materialy po arheologii Rossii*, St-Petersburg, 1891, Vol. 6, pp. 1–30.
22. Lysenko A.V., Teslenko I.B. Antichnye i srednevekovye pamjatniki gory Aju-Dag. V.G. Rudnickaja, I.B. Teslenko (Eds.), *Alushta i Alushtinskij region s drevnejshih vremen do nashih dnej*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 59–88.
23. Majko V.V. *Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine X–XII vv.*, Kiev, 2014, 467 p.
24. Mastykova A.V. Raskopki v 2017 g. hrama v Gorzuvitah: pervye rezul'taty. *Materialy nauchnoj konferencii «Arheologija srednevekovogo hrama», posvjashhennoj 170-letiju K.K. Koscjushko-Valjuzhinicha*, Sevastopol, 2017, pp. 47–49.
25. Mastykova A.V. O vizantijskom hrame v Gorzuvitah: raskopki 2017 g. *XIX Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Tradicii i innovacii*, Simferopol, Kerch, 2018, pp. 292–298.

26. Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty*. Simferopol, Universum Publ., 2009, 528 p.
27. Musin A.E. Liturgicheskie osobennosti hrama. I.B. Teslenko, A.E. Musin (Eds.), *Drevnosti Semidvor'ja I. Srednevekovyj dvuhapsidnyj hram v urochishhe Edi-Evler (Alushta, Krym),* Kiev, Antikvar Publ., 2015, pp. 271-304. (Arheologicheskij al'manah. Vol. 32).
28. Parshina E.A. Otchet o raskopkah na g. Aj-Todor u s. Malyj Majak v 1969 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN*, Inv. 547, Papka 911.
29. Parshina O.O. Seredn'ovichne ukriplenija na gori Aj-Todor. *Arheologichni doslidzhennja na Ukraini v 1969 r.*, Kiev, 1972.
30. Parshina E.A. Srednevekovaja keramika Juzhnoj Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965–1969 gg.). S.N. Bibikov (Ed.), *Feodal'naja Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56–94.
31. Parshina E.A. Eski-Kermenskaja bazilika. *Arhitekturno-arheologicheskie issledovanija v Krymu*, Kiev, 1988, pp. 36–53.
32. Repnikov N.I. Gurzuf i ego blizhajshie okrestnosti v istoriko-arheologicheskom otnoshenii. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1904, Vol. 36, pp. 37–42.
33. Repnikov N.I. Nekotorye mogil'niki oblasti krymskih gotov. *Izvestiya Arkheologicheskoj komissii*, Moscow, 1906, Vol. 19, pp. 1–80.
34. Repnikov N.I. Nekotorye mogil'niki oblasti Krymskih gotov. Part II. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*, Odessa, 1907, T. XXVII, pp. 101–148.
35. Repnikov N.I. Razvedki i raskopki na Juzhnom beregu Kryma i v Bajdarskoj doline v 1907 godu. *Izvestiya Arkheologicheskoj komissii*, Moscow, 1909, Vol. 30, pp. 99–126.
36. Ryzhov S.G. Otchet o raskopkah X «A» kvartala v Severnom rajone Hersonesa v 1988 godu. *Arkhiv Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika "Khersones Tavricheskij"*, D. 2849.
37. Teslenko I.B., Lysenko A.V. Srednevekovyj hristianskij hram na juzhnoj okraine s. Malyj Majak i ego arheologicheskoe okruzhenie. *"O drevnostjah Juzhnogo berega i gor Tavricheskih" (po materialam konferencii v chest' 210-letija so dnja rozhdenija Petra Ivanovicha Keppena),* Kiev, Stilos Publ., 2004, pp. 260–296.
38. Teslenko I.B., Lysenko A.V. Pogrebenie svjashhennika v odnom iz srednevekovyh hramov gory Aju-Dag. *Materialy Mezhdunarodnoj cerkovno-istoricheskoj konferencii "Duhovnoe nasledie Kryma" pamjati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfskogo*, Simferopol, 2006, pp. 132–144.
39. Teslenko I.B., Semin S.V., Lysenko A.V. Otchet o raskopkah hristianskogo hrama na severo-vostochnom sklone gory Aju-Dag (pgt. Partenit) i uchastka na zapadnom sklone krepostnoj gorki, za predelami oboronitel'nyh rubezhej kreposti Aluston (g. Alushta) v 1999 g. Simferopol', 1999. *Arkhiv Instituta arkheologii Kryma* RAN, Inv. 627, Papka 1027.
40. Teslenko I.B. Stratigrafija i harakteristika kul'turnyh otlozhenij. I.B. Teslenko, A.E. Musin (Eds.), *Drevnosti Semidvor'ja I. Srednevekovyj dvuhapsidnyj hram v urochishhe Edi-Evler (Alushta, Krym)*, Kiev, Antikvar Publ., 2015, pp. 63-116. (Arheologicheskij al'manah. Vol. 32).
41. Khajredinova E.A. Rannesrednevekovye kresty iz Jugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 151–182.
42. Khajredinova E.A. Kresty v zahoronenijah: osobennosti pogrebal'nogo obrjada srednevekovogo hristianskogo naselenija Jugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy nauchnoj konferencii «Arheologija srednevekovogo hrama», posvjashhennoj 170-letiju K.K. Koscjushko-Valjuzhinicha,* Sevastopol, 2017, pp. 72–74.
43. Jakobson A.L. Otchet ob arheologicheskoj razvedke srednevekovogo poselenija i mogil'nika Gorzuvit (bl. Gurzufa) v 1951 g. *Arkhiv Instituta arkheologii* RAN, R–1, No 654.
44. Jakobson A.L. Raskopki srednevekovogo poselenija Gorzuvity v 1951 g. Al'bom illjustracij. *Arkhiv Instituta arkheologii* RAN, R–1, No 655.
45. Jakobson A.L. Razvedochnye raskopki srednevekovogo poselenija Gorzuvity. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury AN SSSR, 1954, Vol. 53, pp. 109–120.
46. Jakobson A.L. Rannesrednevekovyj Hersones. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1959, No 63, 364 p.
47. Jakobson A.L. Rannesrednevekovye sel'skie poselenija Jugo-Zapadnoj Tavriki. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, 1970, No 168, 224 s.
48. Jashaeva T.Ju. Peshhernyj kompleks v okruge Hersonesa. Ju.M. Mogarichev (Ed.), *Problemy istorii i arheologii Kryma*, Simferopol, Tavrija Publ., 1994, pp. 71–81.
49. Antonaras A.C. Glass Vessels in Late Byzantine Grave in Thessaloniki. Offerings or Funerary Ritual Remains? D. Gjorgjievski (Ed.), *Giving Gifts to God: Evidences of Votive Offerings in the Sanctuaries, Temples and Churches, Skopje*, Kumanovo, 2018, pp. 217–224.
50. Armstrong P. Zeuxippus Derivative Bowls from Sparta. J.M. Sanders (Ed.), *Φιλολάκων: Laconian Studies in Honor of Hector Catling*, Oxford, 1992, pp. 1–9.
51. Beatrice J.S. *Community Health at Nemea, Greece: a Bioarchaeological Approach to the Impact of Sociopolitical Change in Byzantium.* Dissertation Submitted to Michigan State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Michigan, 2012, 403 p.
52. Berti G., Gelichi S. «Zeuxippus Ware» in Italy. *Materials Analysis of Byzantine Pottery,* Washington, 1997, pp. 85–104.
53. Boas A. The Import of Western Ceramics to the Latin Kingdom of Jerusalem. *Israel Exploration Journal*, Jerusalem, 1994, Vol. 44, Issue 1–2, pp. 102–122.
54. Binski P. *Medieval Death: Ritual and Representation*. London, 1996, 224 p.
55. Bollók Á. Apotropaion and Burial in Early Byzantium: Some Preliminary Considerations. E. Juhász (Ed.), *Byzanz und das Abendland: Begegnungen zwischen Ost und West*, Budapest, 2013, pp. 227–241.
56. Bourbou Ch. The Cemetery Excavation at the Middle Byzantine Cemetery of Zoodochos Pigi (Crete-Greece). URL: https://www.doaks.org/research/support-for-research/project-grants/reports/2010-2011/bourbou (accessed: 18.05.2018).
57. Dikigoropoulos A.I., Megaw A.H.S. Early Glazed Pottery from Polis. *Report of the Department of Antiquities, Cyprus (1940–1948)*, 1948, pp. 77–93.
58. Doğer L., Armağan M.E. Byzantine Glazed Pottery Finds from Aigai (Aiolis) Excavations. S.G. Bocharov, V. Fransua, A.G. Sitdikov (Eds.), *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.*, T. 2, Kazan', Kishinev, 2017, pp. 107–133.
59. Durand M. Archéologie du cimetière médiéval au sud-est de l'Oise du VIIème au XVIème siècle relations avec l'habitat et évolution des rites et des pratiques funéraires, paléodémographie. *Revue archéologique de Picardie*, 1988, No. special 6, 275 p.
60. François V. *La céramique Byzantine à Thasos*. Athènes, École française d'Athènes Publ., 1995, 383 p. (Études Thasiennes. Vol. 16).

61. François V. *La vaisselle de terre à* Byzance. Catalogue des collections du Musée du Louvre. Paris, 2017, 456 p.
62. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery.* Princeton, 1992, 455 p.
63. Hayes J.W. A Late Byzantine and Early Ottoman Assemblage from the Lower City in Troia. *Studia Troica*, 1995, Vol. 5, pp. 197–210.
64. Ivison E.A. Death and Burial at Medieval Corinth (c. 960–1400) // T. Dickinson, E. James (Eds.), *Death and Burial. A Conference on Medieval Archaeology in Europe 21st–24th September 1992 at the University of York, York*, 1992, pp. 117–121.
65. Ivison E.A. *Mortuary Practices in Byzantium (c. 950–1453): An Archaeological Contribution.* Ph.D. dissertation. Centre for Byzantine and Modern Greek Studies, School of Antiquity, University of Birmingham. Birmingham, 1993.
66. Ivison E.A. Burial and Urbanism at Late Antique and Early Byzantine Corinth (c. AD 400–700). N. Christie, S.T. Loseby (Eds.), *Towns in Transition: Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages*, Aldershot, 1996, pp. 99–125.
67. Ivison E.A. 'Supplied for the Journey to Heaven': a Moment of West-East Cultural Exchange: Ceramic Chalices from Byzantine Graves. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 2000, Vol. 24, pp. 147–193.
68. Kontogiannis N.D. Excavation of a 13th century Church near Vasilitsi, Southern Messenia. *Hesperia*, 2008, Vol. 77, pp. 497–537.
69. Mackay T.S. More Byzantine and Frankish Pottery from Corinth. *Hesperia*, 1967, Vol. 36, pp. 249–320.
70. Makropoulou D. Concerning the Late-Byzantine Cemetery of Vlatadon Monastery. *Η Θεσσαλονίκη*, 1985, Vol. 1, pp. 255–309.
71. Makropoulou D. Grave Finds and Burial Practices in Thessaloniki (4th–15th centuries). E. Jeffreys (Ed.), *Proceedings of 21st International Congress of Byzantine Studies, London, 21–26 August 2006*. London, 2006, pp. 1–11.
72. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware. *Annual of the British School at Athens*, 1968, Vol. 63, pp. 67–88.
73. Megaw A. H. S. An Early Thirteenth Century Aegean Glazed War. G. Robertson, G. Henderson (Eds.), *Studies in Memory of David Talbot Rice*, Edinburgh, 1975, pp. 34–45.
74. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware Again. V. Déroche, J.-M Spieser (Eds.), *Recherches sur la céramique Byzantine*, Athènes, Paris, 1989, pp. 259–266.
75. Megaw A.H.S., Jones R.E. Byzantine and Allied Pottery: a Contribution by Chemical Analysis to Problems of Origin and Distribution. *Annual of the British School at Athens*, 1983, Vol. 78, pp. 235–263.
76. Papanikola-Bakirtzi D. *Thessaloniki Workshop Production Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito*. Athens, 1999, 270 p.
77. Papanikola-Bakirtzis D., Maguire E.D., Maguire H. *Ceramic Art from Byzantine Serres*. Urbana, Chicago, 1992, 75 p.
78. Périn P. La tombe de Clovis. *Media in Francia ...Recueil de mélanges offert à Karl Ferdinand Werner*, Maulévrier, Hérault-Editions, 1989, pp. 363–379.
79. Périn P. Les tombes mérovngiennes de la basilique de saint-Denis. U. von Freedin, H. Friesinger, E. Wamers (Eds.), *Glaube, Kult und Herrschaft*, Bonn, 2009, pp. 173–183.
80. du Plat Taylor J. Medieval Graves in Cyprus. *Ars Islamica*, 1938, Vol. 5, pp. 55–86.
81. du Plat Taylor J., Megaw A.H.S. Cypriot Medieval Glazed Pottery-Notes for a Preliminary Classification. *Report of the Department of Antiquities, Cyprus*, 1939, pp. 1–13.

82. Preda C. *Callatis Necropola romano-bizantină*. Bucureşti, Editura Academiei Republicii socialiste România, 1980, 226 p.
83. Popović I. Les nécropoles du Ve et VIe siècles. I. Popović, M. Kazanski, V. Ivanišević (Eds.), *Sirmium à l'époque des Grandes Migrations*, Leuven, Paris, Bristol, 2017, pp. 39–92.
84. Poulou-Papadimitriou N. Pottery of the Middle Byzantine Period and the First Centuries of the Venetian Occupation from Petras, Siteia. M. Tsipopoulou (Ed.), *Petras, Siteia. 25 Years of Excavations and Studies. Acts of a Two-day Conference Held at the Danish Institute at Athens, 9–10 October 2010*, Athens, 2012, pp. 315–323. (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 16).
85. Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation. M. Salamon et al. (Eds.), *Roma, Constantinople and Newly-Converted Europe*, Kraków, 2012, pp. 377–428.
86. Pringle D. Thirteenth-century Pottery from the Monastery of St. Mary of Carmel. *Levant*, 1984, XVI, pp. 91–111.
87. Quast D. Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien. *Jahrubuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 2005, Bd. 52, pp. 237–315.
88. Rice D.T., Jones A.H.M., Casson S. *Preliminary Report upon the Excavations Carried out in and Near the Hippodrome of Constantinople in 1927 on Behalf of the British Academy.* London, 1928, 54 p.
89. Rice D.T. *Byzantine Glazed Pottery.* Oxford, 1930, 120 p.
90. Sanders G.D.R. An Assemblage of Frankish Pottery at Corinth. *Hesperia*, 1988, Vol. 57, pp. 159–195.
91. Sanders G. Three Peloponnesian Churches and their Importance for the Chronology of the Late 13th and Early 14th Century Pottery in the Eastern Mediterranean. *Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athenes*, Athens, 1989, pp. 189–199.
92. Sanders G.D.R. Excavations at Sparta: The Roman Stoa, 1988–1991. Preliminary Report, Part 2. C. Medieval Pottery. *Annual of the British School at Athens*, 1993, Vol. 88, pp. 251–286.
93. Sodini J.-P. Les prolongements de l'urbanisme hellénistico-roman. *Le grand atlas de l'archéologie*, Paris, Encyclopaedia Universalis Publ., 1985, pp. 134–135.
94. Stern E.J. Excavation of the Courthouse Site at 'Akko: The Pottery of the Crusader and Ottoman Periods. *'Atiqot*, 1997, XXXI, pp. 35–70.
95. Stern E.J. *'Acco I. The 1991–1998 Excavations. The Crusader-Period Pottery*. 2 vols. Jerusalem, 2012, 181 p. (IAA Reports 51).
96. Thompson J.A. *Death and Burial in the Latin East. A Study of the Crusader Cemetery at 'Atlit, Israel.* PhD Thesis, Cardiff University. Cardiff, 2006, 409 p.
97. Tzavella E. Burial and Urbanism in Athens (IVth–IXth c. AD.). *Journal of Roman Archaeology,* 2008, Vol. 21, pp. 352–368.
98. Vavylopoulou-Charitonidou A. Céramique d'offrande trouvée dans des tombes Byzantines tardives de l'hippodrome de Thessalonique. V. Déroche, J.-M Spieser (Eds.), *Recherches sur la céramique Byzantine*, Athènes, Paris, 1989, pp. 207–226.
99. Vionis A.K. *A Crusader, Ottoman and Early Modern Aegean Archaeology: Built Environment and Domestic Material Culture in the Medieval and Post-Medieval Cyclades, Greece (13th–20th Century AD).* Leiden, 2012, 423 p.
100. Von Wartburg M.-L. Lemba Ware Reconsidered. *Report of the Department of Antiquities, Cyprus,* 1997, pp. 323–340.

101.Vroom J. Medieval and Post Medieval Pottery from a Site in Boeotia: a Case Study Example of Post-Classical Archaeology in Greece. *Annual of the British School at Athens,* 1998, Vol. 93, pp. 513–546.
102.Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide.* Utrecht, 2005, 223 p.
103.Waksman S.Y., Rossini I., Heitz C. Byzantine Pergamon: Characterization of the Ceramics Production Centre. S. Demirci, A.M. Özer, G.D. Summers (Eds.), *Archeometry 94, the Proceedings of the 29th International Symposium on Archaeometry*, Ankara, 1996, pp. 209–218.
104.Waksman S.Y., Spieser J.-M. Byzantine Ceramics Excavated in Pergamon: Archaeological Classification and Characterization of the Local and Imported Productions by PIXE and INAA Elemental Analysis, Mineralogy and Petrography. H. Maguire (Ed.), *Materials Analysis of Byzantine Pottery*, Washington, 1997, pp. 105–133.
105.Waksman S.Y., Francois V. Vers une redefinition typologique et analytique des ceramiques byzantines du type Zeuxippus Ware. *Bulletin de correspondance hellénique*, 2004–2005, pp. 87–182.

L. A. GOLOFAST, A. V. MASTYKOVA
Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ON A GLAZED BOWL IN THE CONTEXT OF FUNERAL RITE OF THE MEDIEVAL CHURCH TOMB IN GORZUBITAI

Abstract: The first account of the settlement in Gurzuf appeared in the mid-sixth century when Procopius of Caesarea in his treatise “The Buildings” addressing constructions undertaken by emperor Justinian I informed that two forts, Alouston and in Gorzubitai, were erected in Taurica. In 1951, A. L. Yakobson excavated the settlement in Gorzoubitai and uncovered the ruins of a single-apsidal church, above which there had been a later one. Yakobson dated the bottom church to the sixth and seventh centuries, perhaps partly to the eighth century, according to the pottery discovered, and the top church to the eleventh and tenth centuries. However, the new research of the monument in 2017 discovered, in the bottom church, a collective tomb containing a glazed bowl placed next to the uppermost person. This find allows one to revisit Yakobson’s dates of the church buildings. This paper supplies detailed characteristics of the glazed bowl, its attribution, chronology, and the circle of its parallels, suggesting the dating of the find to the middle or the third quarter of the thirteenth century. Importation of such pottery to the Crimea ceased by the late thirteenth century. The results obtained suggest the conclusion that the bottom church still existed in the thirteenth century, though the top church that covered the collective tomb was built in no earlier than the thirteenth century, plausibly later, according to a coin of khan Uzbeg of the Golden Horde discovered near its western wall. The combination of features in the top burial, i. e. the placement of an open-type vessel and two vertical stones supporting the head of the dead, could be of Western European origin. If it was the case, it confirms the Crimean population’s connections to Greek territories which were taken by the “Latins” in the thirteenth century.

Keywords: Byzantium, Northern Black Sea Area, Late Byzantine period, glazed pottery, church buildings, funeral rite, Franks.

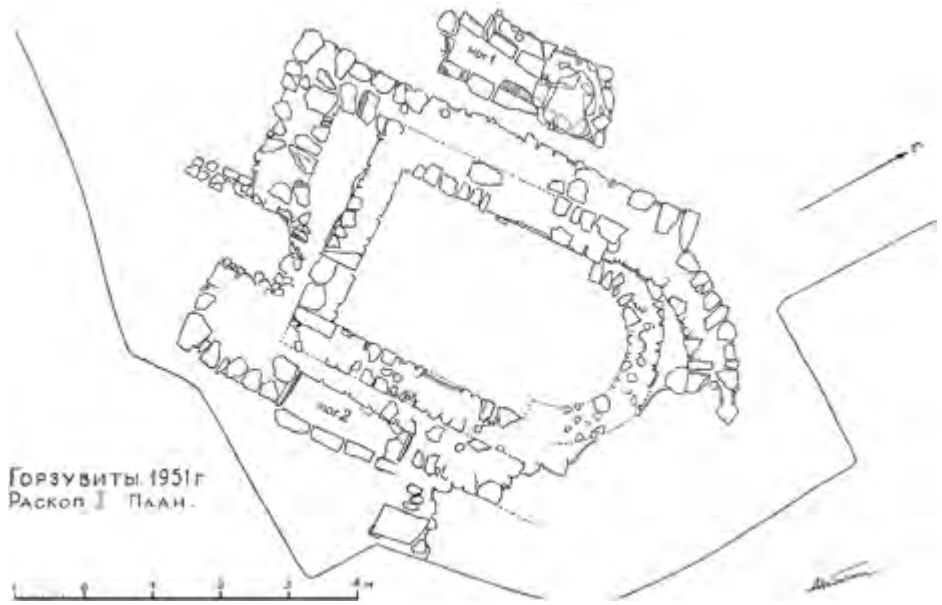


Рис. 1. Горзувиты-1951 г. Раскоп I. План храма [по: Якобсон, 1951а, рис. 6].

Рис. 2. Горзувиты-2017 г. Общий вид храма с восточной стороны.

Рис. 3. Горзувиты-2017 г. Плитовое перекрытие гробницы в храме, вид с северо-восточной стороны.

Рис. 4. Горзувиты-2017 г. Общий вид гробницы, открытой в храме, вид с южной стороны.

Рис. 5. Горзувиты-2017 г. Плита перекрытия гробницы с прочерченным изображением креста

Рис. 6. Горзувиты-2017 г. Расположение поливной чаши у северной стенки гробницы.

Рис. 7. Горзувиты-2017 г. Поливная чаша из гробницы, до реставрации.

Рис. 8. Горзувиты-2017 г. Поливная чаша из гробницы, после реставрации.

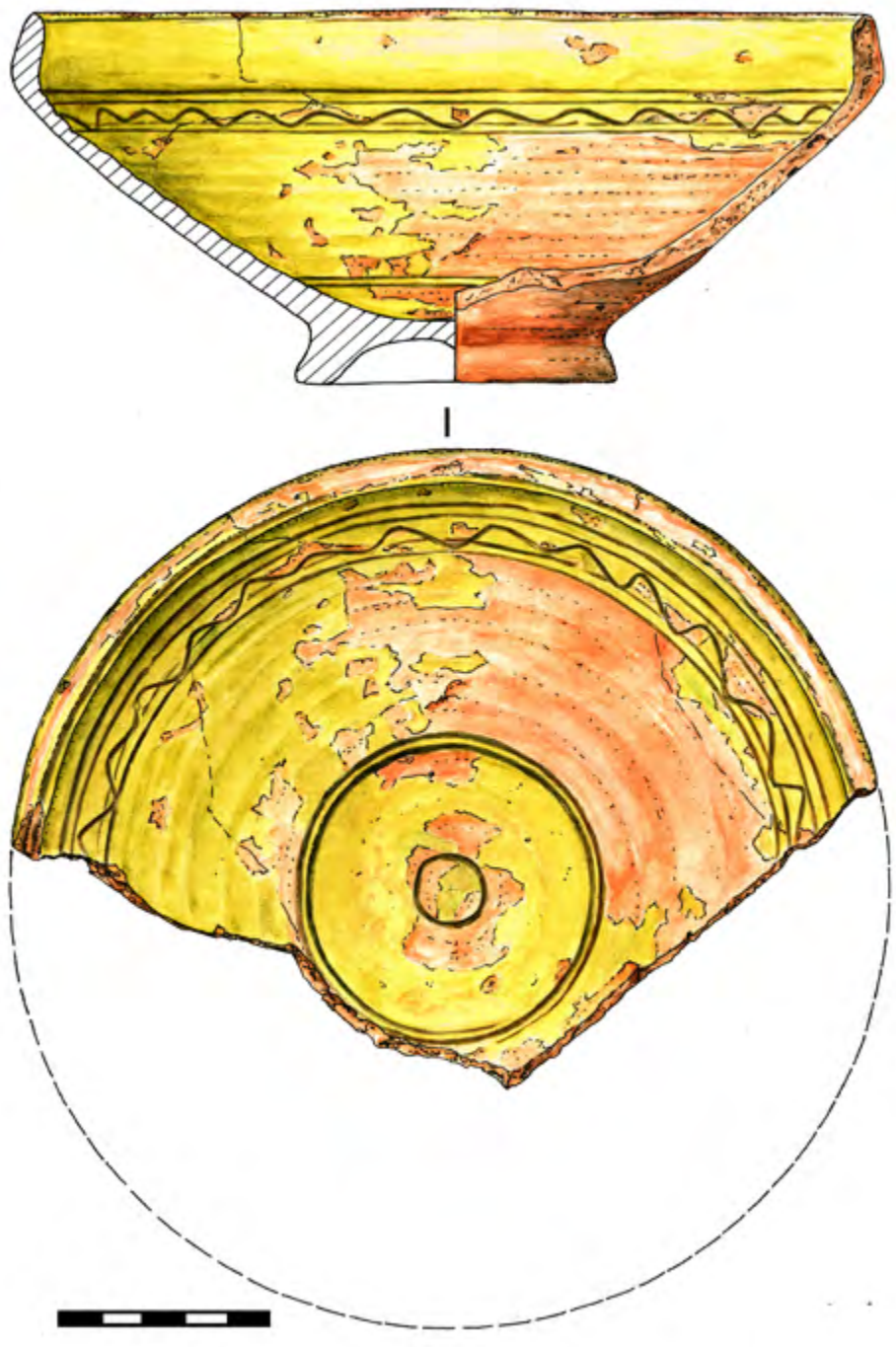


Рис. 9. Горзувиты-2017 г. Поливная чаша из гробницы. Рисунок С. Л. Богаченко.

Рис. 10. Горзувиты-2017 г. Граффити на дне поливной чаши из гробницы.

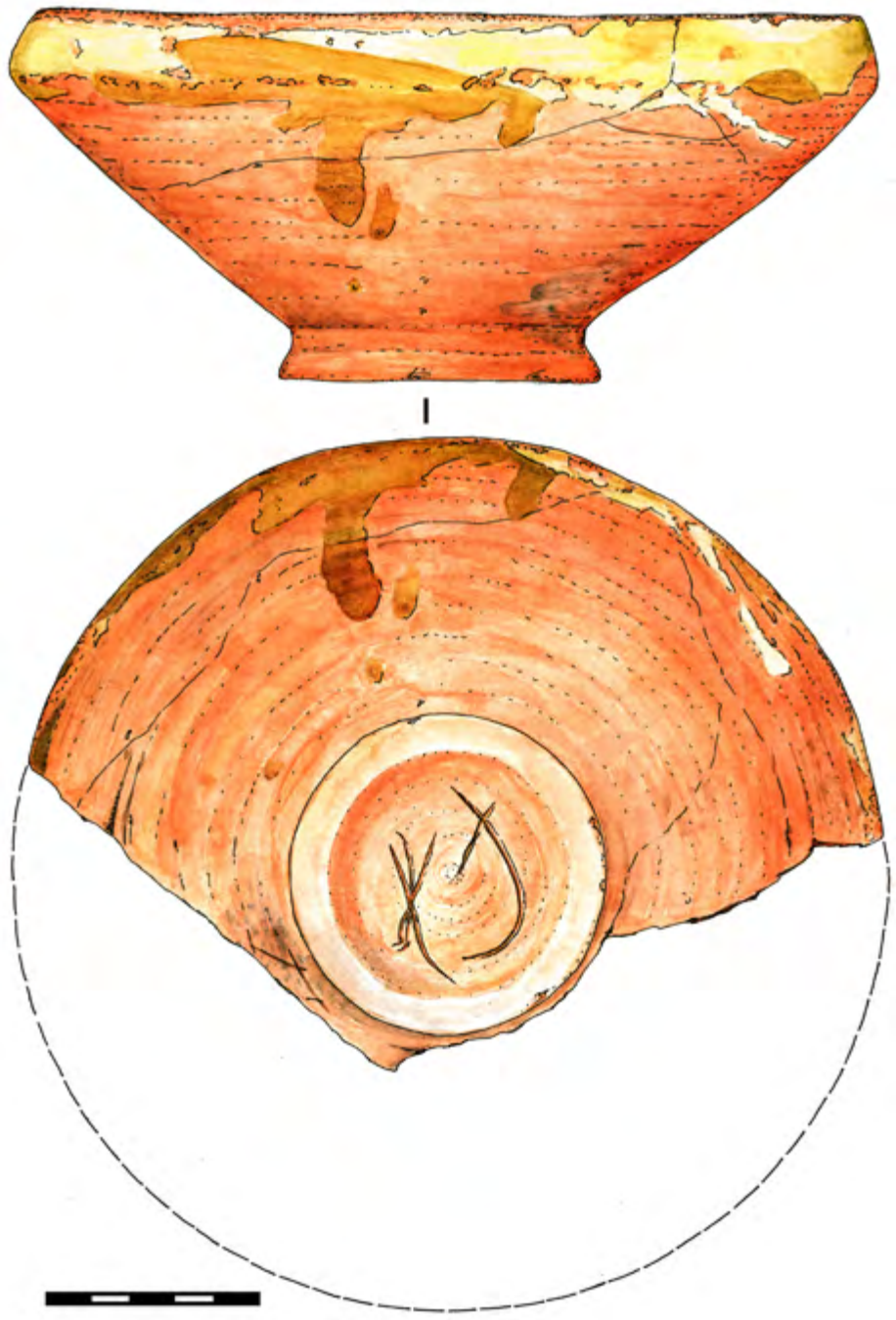


Рис. 11. Горзувиты-2017 г. Поливная чаша из гробницы. Рисунок С. Л. Богаченко.

Рис. 12. Горзувиты-2017 г. Поливная чаша из гробницы, после реставрации.

Рис. 13. Горзувиты-2017 г. Западная часть верхнего погребения в храмовой гробнице.

Р. В. ЛОБЗОВА

Государственный научно-исследовательский институт реставрации (Москва, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИВНОЙ ЧАШИ ИЗ ХРАМОВОЙ ГРОБНИЦЫ В ГОРЗУВИТАХ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫМИ МЕТОДАМИ[1]

Аннотация: В статье приведены результаты изучения глазури, черепка и новообразований чаши методами оптической и электронной микроскопии. Полива свинцовая, хромофор – железо.

Ключевые слова: минералогия, петрография, микроскопия, электронная микроскопия.

Из керамических изделий наиболее устойчивы к выветриванию предметы, имеющие поливу. Благодаря гидрофобным свойствам глазури керамический материал хорошо сохраняется. По его составу можно реконструировать первичный состав глины, условия и температуру обжига изделия. По составу глазури можно отнести изделие к определенному времени изготовления.

Методы исследования керамики приводятся в ряде работ. Обзорная информация естественно-научных методов изучения древней керамики представлена в работе Э. В. Сайко и Л. В. Кузнецовой [3]. Здесь рассматриваются достоинства и недостатки различных аналитических методов, использовавшихся в различных странах при изучении археологической керамики. «Наличие большого количества химических, физических и физико-химических методов позволяет археологам, реставраторам, историкам искусства получать новые объективные сведения о составах, технологических особенностях и месте изготовления древней и средневековой керамики разных стран» [3, с. 42]. О характере, составе, структуре черепка и глазури, условий и степени обжига, связи глазури с черепком позволяют судить бинокулярная микроскопия и петрографический анализ. Прецизионный метод аналитической сканирующей микроскопии (сканирующий электронный микроскоп (СЭМ) и рентгеноспектральный микроанализ (РСМА)) позволяет определить не только микроморфологию тонкодисперсных и аморфных образований, таких как глина, стекло, глазурь и др., но и их элементный состав, как по площади, так и в точках.

[1] Исследование является приложением к статье А. В. Мастыковой и Л. А. Голофаст.

В ходе проведения Институтом археологии РАН в 2017 г. археологических работ на территории МДЦ «Артек» (пгт. Гурзуф, Ялтинский округ) была открыта коллективная гробница в храме, в которой была обнаружена фрагментированная поливная чаша [1, с. 62, рис. 2-3].

Нами исследовался материал чаши: керамическая основа (черепок) и полива минералого-петрографическим и электронно-микроскопическим методами. Микроскопическое изучение проб проводилось с помощью стереомикроскопа EZ4 D (Германия), одновременно велась фотофиксация наиболее интересных участков исследуемых фрагментов. Микроскопия в отраженном свете позволила оценить следующие свойства керамики: цвет, микроструктуру, пористость, форму и характер распределения пор, а также свойства минеральных включений, в том числе отощителей (размеры и форма частиц, процентное содержание слагающих минералов и других частиц). В иммерсионных препаратах (поляризационный микроскоп ПОЛАМ–Р-211 М) анализировались отдельные частицы керамической матрицы и включения. Для анализа микроморфологии и элементного состава отдельных участков проб использовался сканирующий электронный микроскоп JSM-5300 (Япония), оснащенный спектрометром Link ISIS (Великобритания). Анализы выполнены без учета углерода, представлены как в виде элементного состава, так и в пересчете на окисную их форму, по программе, принятой в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН. СЭМ-изображения и РСМА керамической массы и глазурей фиксировались как по площади, так и в точках.

Результаты исследования. Выявлено резкое различие текстурно-структурных особенностей, минерального и химического составов керамического черепка и поливы. Цвет черепка красный, структура слоистая, пористость высокая, на поверхности следы обработки, в отдельных участках утрат видны отпечатки (рис. 1,*1*). В минеральном составе черепка преобладают кварцевые зерна песчаной и алевритовой размерности, неравномерно распределенные в метаглинистой матрице. Средний размер зерен (играют роль отощителя) 0,2-0,3 мм. На черепке имеются новообразования белесого цвета, сменяющиеся бурыми (рис. 1,*2*). Электронно-микроскопическое исследование выявило микрослоистую структуру черепка, обусловленную параллельно ориентированными волокнами и пластинками метаглинистого вещества. Характерны линзовидная отдельность, неравномерно распределенные микропоры, отпечатки крупных округлых зерен кварца, мелкие таблитчатые фрагменты полевого шпата (рис. 1,*3*). В химическом составе черепка преобладает кремнезем (64,92-67,04%), содержание глинозема чуть больше 18%, суммарное количество оксидов железа в пересчете на FeO колеблется от 7,04 до 8,8%, оксид калия (2,29-4,38%) преобладает над оксидом натрия (1,17-1,39%), извести около 1%. Отличительной особенностью черепка является наличие диоксида титана (0,55-0,94%).

Полива (глазурь) зеленая болотного оттенка аморфная стекловидная. Толщина ее различна, минимальная в углублении под линиями коричневой глазури (рис. 2,*1*). Последняя в тонком сколе имеет золотистый цвет. Полива нанесена на слой

ангоба. Для поливы характерен мелкий цек, по этим микротрещинам происходит утрата поливы (рис. 2,*2*). Морфологические особенности поливы выражены в наличии в стекловатой фазе трубчатых образований (свилей?), микротрещин и микропор (рис. 2,*3*). На лицевой поверхности поливы выделяются в виде черных точек микропоры (пузырьки в поливе). Они имеют округлую или удлиненную форму. Электронно-микроскопическими исследованиями в черных точках поливы (микропорах) обнаружен кальций, а также небольшое количество калия в ассоциации с серой и фосфором, присутствие которых связано с остатками микробиоты [2]. Судя по элементному составу, полива кремнисто-свинцовая, содержание свинца составляет более 50 до 60%, кремнезема около 30%. Отсутствие щелочей позволяет отнести поливу к бесщелочной. Из элементов-хромофоров выявлены железо (1,37%) и в отдельных участках никель. В качестве примеси в поливе присутствуют кальций и алюминий. На поливе, как и на черепке, имеются поздние наслоения, представленные карбонатными почковидными от белого до желтого и коричневатого цвета новообразованиями (рис. 2,*4*), судя по реакции на 5% HCl, они имеют кальцитовый состав.

Выводы. Полива свинцовая, бесщелочная, маложелезистая. Особенности химического состава материала чаши (черепка и поливы) выражены как в различном содержании основных петрогенных компонентов – кремнезема, глинозема, так и сидерофильных – оксидов железа. Оксид титана, а также щелочные оксиды калия и натрия присутствуют только в керамической основе (черепке). Красный цвет черепка и его химический состав свидетельствуют об использовании глиняного теста, обогащенного оксидами железа, которые при обжиге придали красноватые оттенки черепку. Оксид титана при обжиге дает «черные мушки», но в красножгущихся глинах его содержание не лимитируется, в отличие от беложгущихся глин, в которых содержание железа и титана строго ограничено. Щелочной компонент и небольшое количество магния могут быть связаны с примесью гидрослюды и монтмориллонита. По соотношению кремнезема к глинозему и характеру щелочей можно предположить каолин – монтмориллонитовый состав глин, возможно, при изготовлении чаши были использованы сукновальные глины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голофаст Л.А., Мастыкова А.В., Макарова А.С. Поливная чаша из средневекового храма в Горзувитах // X Международный Византийский Семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г.) / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 61–68.
2. Лобзова Р.В., Магазина Л.О., Макарова А.С., Мастыкова А.В. Исследование материала глазурованной керамики с помощью сканирующего электронного микроскопа // XXVII Российская конференция «Современные методы электронной и зондовой микроскопии в исследованиях органических, неорганических наноструктур и нанобиоматериалов» (Черноголовка, 28–30 августа 2018 г.). Т. 2. 2018. С. 112–113.

3. Сайко Э.В., Кузнецова Л.В. Методологические основы исследования древней керамики. Обзорная информация. М., 1977. 52 с.

REFERENCES

1. Golofast L.A., Mastykova A.V., Makarova A.S. Polivnaya chasha iz srednevekovogo khrama v Gorzuvitah. N.A. Alekseenko (Ed.), *X Mezhdunarodnyj Vizantijskij Seminar "ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis"*, Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 61-68.
2. Lobzova R.V., Magazina L.O., Makarova A.S., Mastykova A.V. Issledovaniye materiala glazurovannoy keramiki s pomoshchyu skaniruyushchego elektronnogo mikroskopa. XXVII *Rossiyskaya konferentsiya "Sovremennye metody elektronnoy i zondovoy mikroskopii v issledovaniyakh organicheskikh, neorganicheskikh nanostruktur i nanobiomaterialov"*, Chernogolovka, 2018, Vol. 1, pp. 112-113.
3. Sayko E.V., Kuznetsova L.V. *Metodologicheskiye osnovy issledovaniya drevney keramiki. Obzornaya informatsiya.* Moscow, 1977, 52 p.

R. V. LOBZOVA

State Research Institute for Restoration (Moscow, Russia)

RESEARCHING THE GLAZED BOWL FROM THE CHURCH TOMB IN GORZUBITAI BY SCIENTIFIC METHODS

Abstract: This paper supplies the results of studies of the glaze, ceramic body, and new formations on the bowl by optical and digital microscopic methods. The research has discovered lead glaze and iron chromophore.

Keywords: mineralogy, petrography, microscopy, digital microscopy.

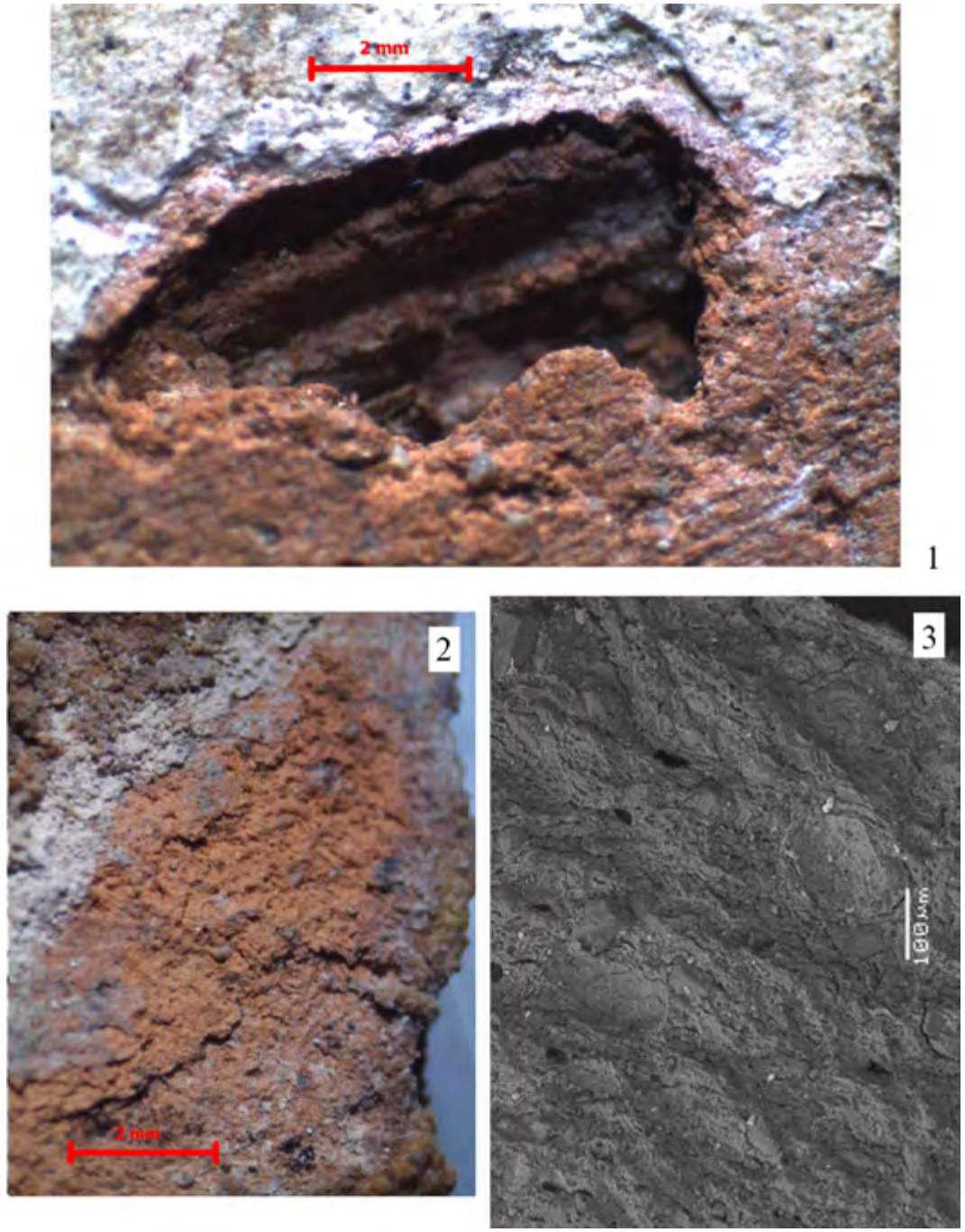


Рис. 1. 1 – Микрофотография черепка. Отпечатки и следы обработки на черепке. 2 – Белесые и бурые новообразования на черепке. 3 – Микроморфология черепка. СЭМ-изображение.

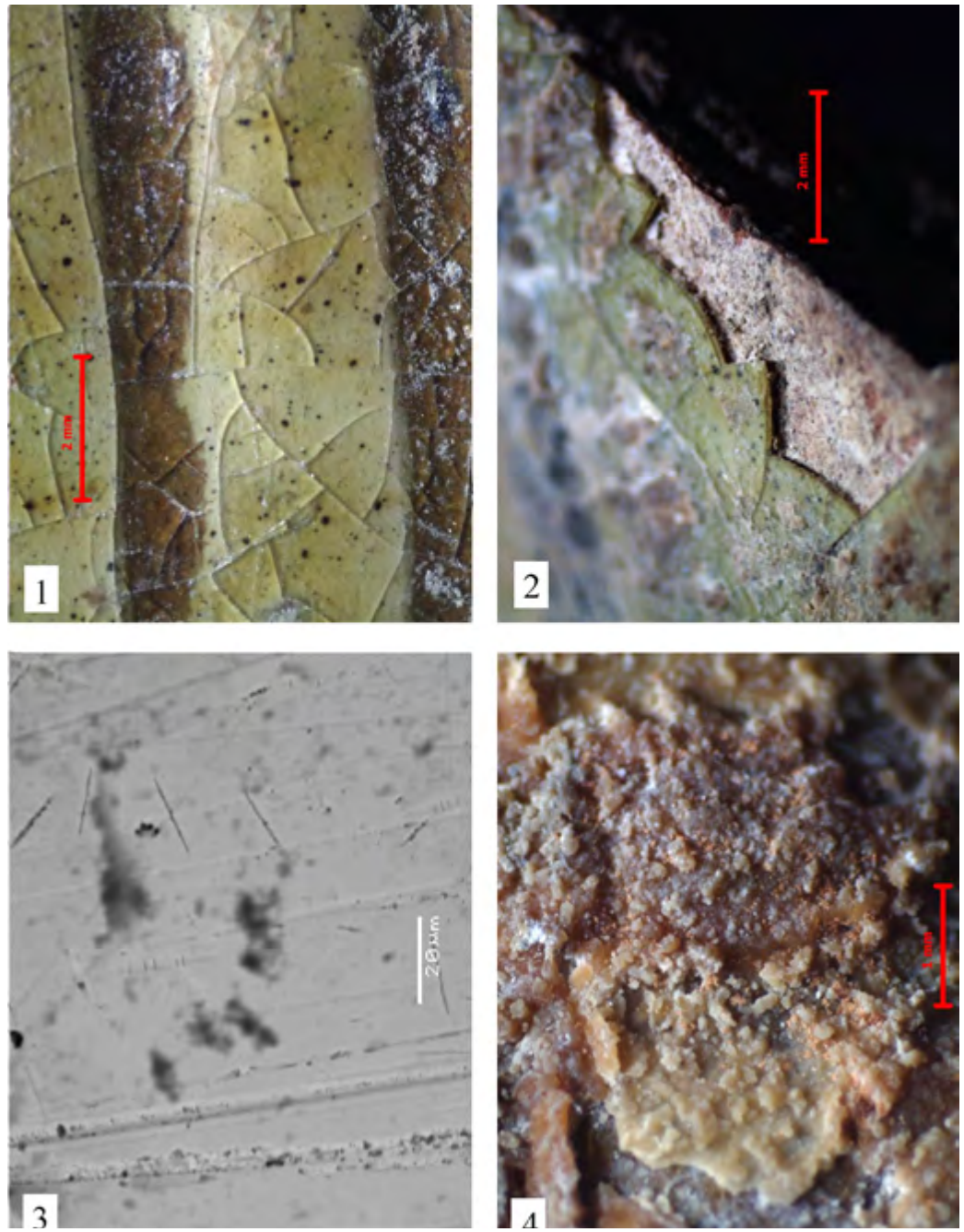


Рис. 2. 1 – Коричневая глазурь, полосы в углублениях. Мелкий цек. 2 – Отслоения глазури по микротрещинам цека. 3 – Микроморфология глазури. СЭМ-изображение. 4 – Карбонатное наслоение на глазури.

Л. В. СЕДИКОВА

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС XIII В. ИЗ СЛОЯ РАЗРУШЕНИЯ УСАДЕБ 2 И 3 В КВАРТАЛЕ L ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА

Аннотация: В научный оборот вводится комплекс тарной и столовой керамики из слоя разрушения Херсонеса (византийского Херсона), датируемого третьей четвертью XIII в. Находки относятся как к известным, так и ранее не публиковавшимся типам местной и привозной керамики. К местному производству относится один тип амфор и пифосов, а также столовая неполивная посуда. Все представленные в публикации образцы поливной керамики привозились в Херсон из разных регионов. Основными поставщиками керамики были Константинополь и его окрестности, Эгейский регион, различные центры Малой Азии, а также мусульманской Сирии.

Ключевые слова: Византийский Херсон, пифосы, амфоры, столовая поливная и неполивная керамика, местное производство, импорт.

Раскопки древнего городища Херсонес Таврический ведутся уже более 190 лет, за это время раскопано около трети его территории. Исследование Херсона – крупнейшего византийского города в Северном Причерноморье, является важным звеном в изучении провинциально-византийской культуры. Многолетние раскопки показали, что наиболее репрезентативными являются слои разрушения города, датируемые разными исследователями в пределах второй четверти – конца XIII в. [1, с. 240; 66, с. 173–186, 187–190]. Материалы раскопок этих слоев, содержащие различные категории находок, публиковались многими авторами. Среди представленного археологического материала керамика традиционно занимает одно из ведущих мест. Введение в научный оборот новых керамических материалов, происходящих из комплексов, будет способствовать не только расширению и уточнению типологии, но и корректировке хронологии отдельных, порой хорошо известных, типов керамики.

Предлагаемая публикация содержит материалы раскопок квартала L Южного района Херсонесского городища (рис. 1). Работы проводились совместной экспедицией Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» и Института классической археологии Техасского университета в Остине (США) при поддержке Института гуманитарных исследований Паккарда. Раскопки квартала были начаты в 2001 г. при участии группы специалистов из университета Саленто (Италия). Руководителями раскопок в 2001–2002 гг. были Л. В. Седикова и П. Артур. Некоторые результаты этих раскопок представлены в тезисах докладов [2, p. 103; 67, с. 106–107]. В 2004–2006 гг. была исследована большая часть квартала. Руководителями экспедиции в эти годы являлись Л. В. Седикова и А. Рабиновиц. Подавляющая часть представленных в статье материалов происходит из совместных с А. Рабиновицем раскопок, предварительные результаты которых опубликованы [1, с. 196–274; 3, p. 173; 4, с. 198–199].

Все находки происходят из слоя разрушения квартала и отражают набор тарной и столовой керамики, находившейся в обиходе у жителей усадеб 2 и 3 в момент катастрофы (рис. 2). В каталог включены целые формы и профильные фрагменты, отражающие весь типологический ряд тарной и столовой керамики, найденной в слое разрушения.

Наибольший интерес представляет керамика из помещения 33, являвшегося кладовой торговой лавки. Здесь представлено большинство типов керамики, распространенных в Херсонесе в этот период (кат. 1–3, 5, 7–10, 14, 25, 37, 41, 43, 47, 49, 56, 57, 59, 60, 63, 64–66, 69, 71). Поливная керамика из слоя разрушения на Главной улице, судя по характеру обрушения юго-восточной стены помещения 33, находилась на полках этой кладовой (кат. 23, 24, 28–32). В торговую лавку вместе с кладовой входило помещение 28, где состав керамического комплекса был немногочисленным (кат. 19, 39, 42). В хозяйственном помещении 29, кроме пифосов, аналогичных найденным в помещении 33, были найдены амфоры и поливная посуда (кат. 6, 16, 21, 51, 34, 54). На удивление богатым керамическими находками было помещение 32, или маленький внутренний дворик (кат. 4, 35, 36, 37, 44). Слой разрушения большого жилого помещения 36 оказался потревоженным. Возможно, этим можно объяснить малочисленность керамических находок из слоя (кат. 46, 50, 52, 53, 58, 65). Немногочисленными были находки и в помещении 38 (кат. 20, 27, 67, 68). Пифосы были единственными керамическими изделиями, находившимися в помещении 35. Почти пустым было помещение 31а (кат. 17). Находки из слоя разрушения на поперечной улице также были единичными (кат. 55).

Тарная керамика

Пифосы (кат. 1–3). Толстостенные широкогорлые сосуды с округлым туловом. По форме венчиков выделяется два вида пифосов.

А. Венчик прямоугольный в сечении. Часто плечи таких пифосов украшены поясками округлых вдавлений.

В. Венчик треугольный в сечении, часто украшенный врезным зигзагообразным орнаментом. Интересной находкой является пифос с граффити, изображающим корабли [5, с. 37–46].

А. Л. Якобсон считал пифосы местной продукцией XII–XIII вв. [6, с. 114, рис. 71]. Следует, однако, заметить, что состав глиняного теста у пифосов различается. Часть из них имеет значительные примеси слюды, что может свидетельствовать об их производстве вне Херсонеса. Подобные пифосы обнаружены при подводных исследованиях в районе Судака на месте предполагаемого кораблекрушения [7, с. 225, рис. 3], а также в слое XIII в. Эски-Кермена [8, с. 267, рис. 13,1,2].

1. Пифос фрагментированный. Инв. № 118/37406 (рис. 3,*1*).
Высота фрагмента 12 см, диаметр венчика 28 см, толщина венчика 3,9 см, толщина стенок 2,1 см.
2004, контекст SR 456, помещение 33.
Глина красная 2.5 YR 5/8 (по каталогу Munsel), пористая, с включениями песка и мелких частиц слюды. Поверхность заглаженная.
Венчик пифоса, прямоугольный в сечении. На вертикальной поверхности по сырой глине прочерчено изображение креста в прямоугольной рамке.

2. Пифос фрагментированный (рис. 3,*2*).
Сохранившаяся высота венчика 6,5 см, диаметр венчика 32 см, толщина стенки 1,8 см.
2004, SR 410, помещение 33.
Глина красная 2.5 YR 5/8, крупнозернистая, с включением частиц известняка и песка.
Горло с отогнутым, треугольным в сечении венчиком. На верхней поверхности венчика прочерчен зигзагообразный орнамент. На горле сохранились остатки прочерченной метки.

3. Пифос фрагментированный. Инв. № 62/37406 (рис. 3,*3*).
Длина фрагмента 16 см, ширина 12 см, толщина стенок 2,2 см.
2004, SR 410, помещение 33.
Глина красно-коричневая 5 YR 4/4, с включением крупных частиц слюды. Поверхность обгоревшая.
Стенка, украшенная пояском округлых вдавлений, сделанных пальцем. Под горлом – граффити.

Плоскодонные амфоры с ангобированной поверхностью (кат. 4–10). Характерным признаком этих сосудов является неровная, бугристая внутренняя поверхность. В ряде случаев амфоры украшались мелким зональным рифлением, волнистыми или прямыми врезными линиями и насечками.

Относятся к типу 25 по херсонесской классификации 1971 г. [9, с. 95, рис. 27–30]. А. Л. Якобсон отмечал, что «большие плоскодонные кувшины-амфоры» были обязательной принадлежностью жилых усадеб Херсонеса XIII в. [6, с. 113, рис. 69,6–7]. В классификации 1995 г. амфоры отнесены к классу 52 и датированы второй половиной XIII – XIV вв. [10, с. 83, табл. 28,42,46–50,57–59]. Из последних публикаций по Херсонесу следует отметить находки аналогичных амфор в слое разрушения жило-

го квартала X в Северном районе [11, с. 194–195, рис. 3,3], в слое разрушения квартала XCVII в Северо-Восточном районе [12, с. 71] и в слое разрушения Эски-Кермена [8, с. 270, рис. 16,3], датируемых в пределах второй половины XIII в.

Л. А. Голофаст отмечает крайнюю скудность данных о производстве керамики в Херсонесе в XIII в., но допускает наличие, как минимум, одной печи с наружной стороны Западной оборонительной стены [13, с. 349–351]. Вместе с тем, тот факт, что данный тип амфор не был широко распространен за пределами Юго-Западного Крыма и наибольшее их количество найдено в Херсонесе, может косвенно указывать на их местное происхождение. Кроме того, все исследователи отмечают близость состава глиняного теста этих амфор и многочисленной столовой неполивной посуды, которую также принято считать местной.

Вопрос датировки амфор на сегодняшний день также нельзя считать решенным. А. В. Сазанов предпринял аргументированную корректировку даты комплекса из Портового района, который А. И. Романчук датировала XIV в. [14, с. 89–114]. Плоскодонные ангобированные амфоры, входившие в этот комплекс, определенно можно отнести к XIII в. [15, с. 198]. Таким образом, мы не можем с уверенностью говорить о XIV в., как о верхней дате существования плоскодонных ангобированных амфор, во всяком случае, об их производстве в этот период. Что касается нижней даты этих амфор, то можно предположить, что в XII в. они уже производились. Так, в траншеях под фундаменты стен последнего периода существования исследуемого нами квартала обнаружено сочетание находок поливной керамики группы Glazed White Ware II второй половины IX–XI вв., которая отражает предшествующую фазу застройки, и фрагментов обсуждаемого типа амфор. Ввиду отсутствия характерных находок XIII в. эти фрагменты могут отражать время строительства квартала, т.е. конец XI – XII вв. О том, что плоскодонные ангобированные амфоры могли появиться в XII в., упоминал и А. Л. Якобсон [6, с. 114]. Следует сказать, что фрагменты амфор группы 52 найдены практически во всех контекстах времени гибели квартала, а их целые или археологически целые формы представлены в контекстах SR 351, 356, 410, 456.

4. Амфора. Целая форма. Инв. № 16/37406 (рис. 4,*4*).
Высота 55 см, диаметр венчика 8 см, диаметр тулова 34 см, диаметр дна 18 см, толщина стенок 0,8 см, ширина ручек 4,7 см, толщина ручек 1,7 см.
2004, SR 356, помещение 32.
Глина красная 2.5 YR 5/6, с редкими включениями известняка.
Поверхность бугристая, особенно внутри, покрыта желтоватым ангобом.
Тулово грушевидное, дно плоское. Горло невысокое цилиндрическое, венчик плоско срезан. Уплощенные ручки прикреплены в средней части горла.

5. Амфора фрагментированная. Инв. № 62/37406 (рис. 4,*5*).
Диаметр горла 8,5 см, диаметр венчика 8 см, ширина ручки 5,1 см, толщина ручки 1,5 см, толщина стенок 0,6 см.
2004, SR 410, помещение 33.

Глина красная 2.5 YR 5/8, плотная, с известняковыми включениями.
Поверхность заглаженная, неравномерно покрыта светлым ангобом.
Горло цилиндрическое бороздчатое, венчик плоско срезан. Сохранилась половина горла. В средней части горла прикреплена уплощенная ручка. На ее внешней стороне – граффити.

6. Амфора фрагментированная (рис. 4,*6*).
Диаметр венчика 7,2 см, сохранившаяся высота 18,4 см, ширина ручки 4,2 см, толщина ручки 1,7 см, толщина стенок 0,6 см.
2004, SR 351, помещение 29.
Глина красная 2.5 YR 5/8, плотная.
Поверхность покрыта светлым ангобом.
Верхняя часть амфоры с высоким горлом, имеющим ребро в средней части. Венчик в виде отогнутого валика. Уплощенные ручки крепились к горлу на уровне валика. На плечах две зоны мелкого гребенчатого рифления. Чуть ниже горла – орнамент в виде вертикальных наколок, выполненных гребенкой.

7. Амфора фрагментированная. Научно-вспомогательный фонд (далее - НВФ), приложение к коллекции № 37406 (рис. 4,*7*).
Сохранившаяся высота 50 см, диаметр дна 17 см, диаметр тулова 37 см, ширина ручки 5,5 см, толщина ручки 1,8 см, толщина стенок 0,8 см.
2004, SR 456, помещение 33.
Глина светло-красная 10 YR 6/6, с включениями частиц известняка.
Поверхность бугристая внутри, снаружи покрыта светлым ангобом.
Грушевидное тулово с плоским дном. Горло цилиндрическое, венчик утрачен. Ручки уплощенные. Верхняя часть тулова украшена зонами мелкого гребенчатого орнамента.

8. Амфора. Целая форма. НВФ, коллекция № 37406 (рис. 4,*8*).
Высота 51,5 см, диаметр венчика 7,5 см, диаметр тулова 35,5 см, диаметр дна 16,5 см, ширина ручки 5 см, толщина ручки 2,2 см, толщина стенок 0,8 см.
2004, SR 456, помещение 33.
Глина светло-красная 2.5 YR 6/8, с включениями частиц известняка.
Поверхность бугристая внутри, снаружи покрыта светлым ангобом.
Тулово грушевидное, дно плоское. Горло короткое цилиндрическое. Ручки уплощенные.

9. Амфора фрагментированная (рис. 5,9).
Сохранившаяся высота 22,5 см, диаметр венчика 9 см, ширина ручки 4,8 см, толщина ручки 1,6 см, толщина стенок 1 см.
2004, SR 456, помещение 33.
Глина красная 10YR 5/6, плотная, с включениями частиц известняка.
Поверхность покрыта густым светлым ангобом.
Верхняя часть широкого тулова. Горло цилиндрическое, в верхней части бороздчатое, чуть расширенное к устью, венчик горизонтально срезан. У основания горла орнамент в виде широкой врезной волнистой линии. Тулово и ручка амфоры покрыты многочисленными граффити.

10. Амфора фрагментированная. НВФ, коллекция № 37406 (рис. 5,*10*).
Сохранившаяся высота 48 см, диаметр венчика 7 см, диаметр тулова 35 см, ширина ручки 5 см, толщина ручки 2 см, толщина стенок 1,1 см.
2004, SR 456, помещение 33.

Глина светло-красная 2.5 YR 6/8, с включениями частиц известняка.
Поверхность бугристая внутри, снаружи покрыта светлым ангобом.
Тулово грушевидное, нижняя часть утрачена. Цилиндрическое, чуть бороздчатое горло. Ручки уплощенные. Верхняя часть тулова украшена зонами мелкого гребенчатого орнамента.

Широкогорлые амфоры с горизонтально расположенными ручками (кат. 11–14). Эти изделия характеризуются широким горлом и двумя, чаще тремя горизонтально расположенными широкими плоскими ручками. Дно у сосудов обычно плоское, ручки и горло часто украшены налепными валиками, насечками, ямками или волнистой линией. Поверхность часто покрыта светлым ангобом. Производились сосуды двух подтипов – большие, имевшие, как правило, три ручки, и малые, с двумя ручками. Черепки непрофильных частей сосудов имеют большое сходство с амфорами класса 52 и при идентификации практически не различимы. А. Л. Якобсон относил подобные амфоры к парадным сосудам херсонесского производства, появившимся в XII в., имевшим наибольшее распространение в XIII в. и дожившим до XV в. [6, с. 114, рис. 69,8,9]. В классификации 1995 г. сосуды отнесены к классу 51 и датированы XIII–XIV вв. [10, с. 82–83, табл. 45]. По всей вероятности, кувшины-амфоры класса 51 синхронны амфорам класса 52. Время активного производства и распространения – XIII в. Аналогичный целый сосуд найден в слое пожара XIII в. в X квартале Херсонеса [11, с. 194–195, рис. 3,1] и в синхронном слое на Эски-Кермене [8, с. 271, рис. 17,4]. За пределами Юго-Западного Крыма не известны.

11. Амфора фрагментированная (рис. 6,*11*).
Диаметр венчика 20 см, сохранившаяся высота 6,8 см, толщина стенок 0,9 см.
2004, SR 431, помещение 37.
Глина красная 2.5 YR 5/8, плотная. Поверхность тщательно заглажена.
Широкое короткое цилиндрическое горло с чуть отогнутым венчиком. Снаружи украшено тремя рядами глубоких насечек – продолговатых и округлых.

12. Амфора фрагментированная (рис. 6,*12*).
Наибольшая длина фрагмента 20 см, ширина ручки 9 см, толщина ручки 1,8 см, толщина стенок 0,8 см.
2004, SR 431, помещение 37.
Глина красная 2.5 YR 5/8, плотная.
Поверхность амфоры бугристая, покрыта светлым ангобом.
Стенка амфоры, на плече которой горизонтально прикреплена широкая плоская ручка.

13. Амфора фрагментированная (рис. 6,*13*).
Ширина ручки 10 см, толщина 2,1 см.
2004, SR 437, помещение 37.
Глина светло-красная 10R 6/8, плотная, с редкими включениями известняка.
Поверхность заизвесткована.
Ручка амфоры. Плоская широкая ручка украшена поясками округлых насечек.

14. Амфора фрагментированная. НВФ, коллекция № 37406 (рис. 6,*14*).
Сохранившаяся высота 28 см, диаметр венчика 14 см, ширина ручки 5,7 см, толщина ручки 2 см, толщина стенок 1 см.
2004, SR 456, помещение 33.
Глина красная 2.5 YR 5/8.
Поверхность покрыта светлым ангобом.
Амфора с округлым туловом, коротким широким горлом. Широкие плоские ручки прикреплены горизонтально и чуть приподняты над плечами. На тулове, под горлом и на ручках широкие бороздки. Венчик снаружи украшен пояском ямок. Донная часть отсутствует.

Амфоры типа Günsenin III [16, p. 28, fig. 16] (кат. 15–16). Характерными признаками являются наличие удлиненного бороздчатого тулова, высоко поднятых над горлом массивных ручек и глиняного теста с лакунами от выгоревших органических включений. В херсонесской классификации 1971 г. амфоры обозначены как тип XXII [9, с. 93]. А. Л. Якобсон, отмечая находки подобных амфор в различных центрах – от Кипра, Афинской агоры, городов Западного Причерноморья до древнерусских городов, тем не менее, считал херсонесские находки преимущественно местной формой XII–XIII вв. [6, с. 110–111, рис. 68,5–8]. В классификации 1995 г. амфоры с удлиненным бороздчатым корпусом и высоко поднятыми ручками (класс 48) датированы XII–XIV вв. Верхняя дата основана на определении А. И. Романчук слоя разрушения в Портовом районе, а также на слоях Каффы и Азака, датированных XIV в. [10, с. 78–79, табл. 34,36,41,43,44,58]. Дж. Хейс отнес подобные амфоры из раскопок Saraçhane к типу 61 середины XII – начала XIII вв. и предположил, что местом их производства может быть центральная Греция [17, p. 76, fig. 26,11]. Встречаются в Восточном Средиземноморье на памятниках, связанных с крестоносцами [18, p. 39]. И. Врум считает одним из центров производства амфор северо-западное побережье Турции, а временем бытования – конец XII – первую четверть XIII вв. [19, p. 153–155].

15. Амфора фрагментированная (рис. 7,*15*).
Сохранившаяся высота 25 см, ширина ручки 3,7 см, толщина ручки 2,3 см, толщина стенок 1,2 см.
2004, SR 431, помещение 37.
Глина желтовато-красная 5 YR 5/8, с редкими включениями известняка и продолговатыми пустотами от органических включений.
Поверхность покрыта светлым ангобом.
Тулово бороздчатое, конической формы, с округлыми плечами и высоким горлом. Стенки толстые. Овальная в сечении ручка нижним прилепом крепилась к плечу амфоры.

16. Амфора фрагментированная (рис. 7,*16*).
Сохранившаяся высота горла 5,5 см, ширина ручки 3,5 см, толщина ручки 2,4 см, толщина стенок 1,2 см.
2004, SR 351, помещение 29.

Глина красновато-желтая 5 YR 6/8, с продолговатыми пустотами от органических включений.
Верхняя часть амфоры с узким горлом и чуть отогнутым венчиком. Массивные, овальные в сечении ручки высоко подняты над венчиком.

Амфоры типа Günsenin IV [16, p. 31–32] (кат. 17–18). Большие грушевидные амфоры с дуговидными ручками, тип 23 по херсонесской классификации 1971 г. [9, с. 93]. А. Л. Якобсон констатировал широкое распространение амфор на территории Крыма и древнерусских городов в XIII–XIV вв. и не высказывался однозначно об их месте производства [6, с. 111–113]. Аналогичные амфоры найдены в Херсонесе в слое разрушения X квартала [11, с. 193–194, рис. 3,2,5], а также квартала XCVII [12, с. 71]. В классификации 1995 г. описываемые амфоры отнесены к классу 45 и датированы XIII–XIV вв. [10, с. 73–77, табл. 35–42, 53–59]. Верхняя дата бытования этого типа амфор в Херсонесе была связана с датировкой XIV в. комплекса из Портового района, содержавшего амфоры данного типа [14, с. 94]. Реальная дата комплекса – XIII в. [15, с. 198]. И. В. Волков считает, что этот тип амфор в Северном Причерноморье доминирует в слоях XIII–XIV вв. [20, с. 87, рис. 13]. Местом их производства он считает Трапезунд [21, с. 91]. С этой точкой зрения согласны В. Ю. Коваль и А. Н. Масловский, последний, однако, полагает, что один из вариантов амфор продолжал бытовать и во второй половине XIV в., и в XV в. [22, с. 349–350; 23, с. 383]. Местом производства этого типа амфор Н. Гюнзенин считает Ганос [24, p. 167–178]. В Saraçhane амфоры типа 62 встречаются в слоях конца XII – начала XIII вв. [17, p. 76, fig. 24,12–13]. По всей вероятности, центр производства этого типа амфор, а возможно и не один, можно локализовать на южном побережье Черного моря.

17. Амфора фрагментированная. Инв. № 19/37406 (рис. 7,*17*).
Диаметр венчика 5,5 см, сохранившаяся высота 19,3 см, ширина ручки 3,7 см, толщина 2,5 см, толщина стенок 0,7–1,3 см.
2004, SR 386, помещение 31а.
Глина красновато-желтая 5YR 6/6, плотная, с мелкими включениями слюды и известняка.
Поверхность покрыта светлым истертым слоем ангоба.
Верхняя часть бороздчатого тулова. Горло короткое, венчик отогнут. Дуговидные, овальные в сечении ручки подняты над горлом.

18. Амфора фрагментированная (рис. 7,*18*).
Сохранившаяся высота 24 см, ширина ручки 4,4 см, толщина ручки 2,5 см, толщина стенок 1 см.
2004, SR 437, помещение 37.
Глина светло-красная 2.5 YR 6/8, плотная, с включением частиц слюды.
Поверхность покрыта светлым ангобом.
Амфора с округлыми стенками и коротким расширяющимся к устью горлом. Дуговидные ручки подняты над горлом. Верхняя часть корпуса бороздчатая. Нижняя часть утрачена. На ручке граффити.

Столовая посуда

Поливная керамика

Incised Sgraffito Ware (Aegean Ware) (кат. 19–21). Эта группа представлена толстостенными поливными блюдами, украшенными растительным, геометрическим орнаментом или изображениями, выполненными широкой врезной линией по ангобу. В классификации А. Л. Якобсона подобные сосуды включены в группу 3, которую он датировал XII в., отчасти XIII в. и считал привозными [6, с. 128–131, рис. 80–81]. А. И. Романчук в своем каталоге описала аналогичные изделия из Северного и Портового районов Херсонеса как «Толстостенные блюда и миски с изображением животных и птиц («выемчатая» техника и «сграффито»)» и датировала первой половиной XIII в. [25, с. 93]. В. Н. Залесская включила аналогичные блюда из Херсонеса в раздел «Керамика, декорированная в технике позднего сграффито и снятия фона без подцветки» и датировала XIII в. [45, с. 182– 184, рис. 382–385, 387–388]. Блюда описываемой группы найдены в слоях разрушения X квартала Северного района [11, с. 200, рис. 12,7], а также в слое разрушения квартала XCVII [12, с. 92, рис. 19,7]. Керамика группы Incised Sgraffito Ware или Aegian Ware [26, p. 39] широко представлена находками в Эгейском регионе Турции, в Коринфе, Беотии, Италии, Сирии и Палестине, и производилась в нескольких центрах. Возможными производителями этой керамики считаются Константинополь [17, p. 44], Кипр [27, p. 100], Эгейский регион [19, p. 163–164; 28, p. 339–340]. Изделия, близкие по форме и декору, Д. Папаникола-Бакиртси относит к группе Incised Sgraffito Ware [29, p. 21-22]. Опубликованное Г. Сандерсом блюдо из Коринфа с близкой орнаментикой отнесено к категории Medalion-Style Sgraffito [30, p. 388, fig. 23,15].

Исследования химического состава образцов керамических изделий, найденных на Кипре, в Ливане, Турции и Херсонесе, принадлежавших нескольким группам поливной керамики, в том числе Incised Sgraffito Ware, проведенные И. Ваксман и М.-Л. фон Вартбург, указывают на наличие одного или нескольких, расположенных в сходном геологическом регионе, центров производства [31, p. 380].

Фрагменты данной группы керамики найдены в слое разрушения квартала – SR 340, 351, 355.

19. Блюдо поливное фрагментированное (рис. 8,*19*).
Диаметр поддона 16 см, диаметр венчика 39 см, сохранившаяся высота 8,5 см, толщина стенок 1 см.
2004, SR 340, помещение 28.
Глина желтовато-красная 5YR 5/8.
Поверхность изнутри покрыта светло-желтой прозрачной поливой.
Блюдо толстостенное на кольцевом поддоне. Стенки округлые, венчик чуть отогнут и горизонтально срезан. Поверхность снаружи и изнутри покрыта белым ангобом. Рисунок нанесен широкими врезными линиями. Вокруг утраченной центральной части расположено шесть широких концентрических окружностей. Три верхних окружности

перечеркнуты вертикальными штрихами, сгруппированными по 5-6 линий. Венчик орнаментирован чередующимся ромбовидным орнаментом с перекрестьями и вертикальными полосками.

20. Тарелка поливная фрагментированная (рис. 8,*20*).
Диаметр венчика 38 см, наибольшая длина 5,8 см, наибольшая ширина 5,6 см, толщина стенок 0,8 см.
2005, SR 535, помещение 38.
Глина красно-коричневая 5 YR 5/4.
Поверхность внутри покрыта светло-оливковой поливой.
Массивная стенка с чуть загнутым бортиком. Врезной растительно-геометрический орнамент нанесен широким резцом по слою белого ангоба.

21. Блюдо поливное. Инв. № 28/37406 (рис. 8,*21*).
Высота 5 см, диаметр венчика 24,5 см, диаметр поддона 13,5 см, толщина стенок 0,8 см.
2004, SR 351, помещение 29.
Глина красная 2.5 YR 5/8, с множеством включений известняка.
Поверхность внутри и верхняя часть снаружи покрыта прозрачной светло-оливковой поливой.
Блюдо имеет почти плоское дно на небольшой кольцевой подставке. Бортик высокий прямой. Гравированный орнамент нанесен по слою белого ангоба. В центре блюда расположена розетка, вокруг нее между концентрическими окружностями вписаны широкие, радиально расходящиеся насечки. В следующем регистре – более короткие насечки между концентрическими окружностями прерываются тремя розетками. Розетки украшены волнистыми линиями. Третий регистр – в пространство между окружностями вписан псевдокуфический орнамент.

Slip-Painted Ware (кат. 22–24). Поливные сосуды с подглазурной росписью ангобом. По А. Л. Якобсону – группа 8 XIII–XIV вв. [6, с. 144, рис. 91,2]. А. И. Романчук предполагала, что изделия данной группы из Херсонеса являются местной продукцией XIII–XIV вв. [25, с. 27–28]. Сосуды группы Slip-Painted Ware найдены в слое разрушения квартала X Северного района [11, с. 205–206, рис. 9] и в слое разрушения квартала XCVII Северо-Восточного района Херсонеса [12, с. 92, рис. 12,5]. Второй половиной XIII в. датирован слой разрушения квартала VIII, в котором также найдены изделия группы Slip-Painted Ware [32, с. 69, рис. 5]. Керамика с росписью ангобом из раскопок Государственного Эрмитажа в Херсонесе датирована XIII в. [45, с. 179–189, рис. 373–378]. Отнесение данной группы керамики к местному производству рядом исследователей Херсонеса основано лишь на наличии большого числа его находок, тогда как известно, что в Греции посуду, выполненную в подобной технике, выпускали в XIII–XIV вв. [33, p. 101, fig. 79–80]. Кувшины и миски, подобные херсонесским, из раскопок крепости Saranda Kolones в Пафосе относятся к началу XIII в. [34, p. 264–265, fig. 5,c,d]. Аналогичную керамику из раскопок франкских поселений в Израиле Э. Штерн относит к кипрскому производству и датирует XIII в. [54, p. 192, fig. 9,1]. Находки посуды с подглазурной росписью ангобом из многочисленных центов на юге Турции Б. Бёхлендорф-Арслан относит к кипрско-

му производству XIII в. [70, p. 80–81]. Т. С. Мак-Кей датирует находки аналогичной керамики из раскопок Коринфа второй четвертью XIII в. [35, p. 404, fig. 24,1]. Декор в виде точек и окружностей встречается на посуде этой группы из Изника [36, p. 538, fig. 9]. Наибольшее количество фрагментов было найдено в заполнении ямы в помещении 37 и в слое разрушения на Главной улице – SR 431, 298, 579.

22. Кувшин поливной фрагментированный (рис. 9,*22*).
Сохранившаяся высота фрагмента 12,5 см, толщина стенок 0,5 см.
2004, SR 431, помещение 37.
Глина красновато-желтая 7.5 YR 4/6, с редкими включениями железистых минералов.
Поверхность покрыта темно-оливковой поливой.
Сосуд с шаровидным туловом и плоским дном. Сосуд украшен орнаментом в виде двойных окружностей, нанесенных белым ангобом.

23. Миска поливная фрагментированная (рис. 9,*23*).
Высота 10 см, диаметр поддона 8,4 см, диаметр венчика 21 см, толщина стенок 0,6 см.
2005, SR 579, Главная улица.
Глина красно-коричневая 2.5 YR 5/4, с небольшими пустотами в тесте.
Поверхность, за исключением донной части снаружи, покрыта желтой поливой.
Глубокая миска с округлыми стенками на кольцевом расходящемся поддоне. Край заострен. Снаружи под бортиком две врезные линии. Внутри и снаружи орнамент в виде окружностей и полуокружностей, нанесенных густым белым ангобом.

24. Миска поливная фрагментированная (рис. 9,*24*).
Высота 7,6 см, диаметр поддона 9 см, диаметр венчика 22 см, толщина стенок 0,7 см.
2005, SR 579, Главная улица.
Глина красно-коричневая 2.5 YR 5/4, с небольшими пустотами в тесте.
Поверхность внутри и, за исключением нижней части, снаружи покрыта блестящей желтой поливой.
Миска с расходящимися стенками и вертикальным заостренным бортиком на кольцевом расходящемся поддоне. Подглазурный орнамент в виде двойных окружностей и точек нанесен белым ангобом. На дне следы от сипаи.

Polychrome Sgraffito Wares (кат. 25–31). Эта группа характеризуется наличием врезного рисунка по слою ангоба, покрытого почти бесцветной поливой с цветной расцветкой, чаще всего зеленого и темно-желтого цвета. А. Л. Якобсон относил эту керамику к группе 6, датировал XIII в. и считал продукцией херсонесских мастеров, изготовленной под влиянием декоративного искусства Ближнего Востока [6, с. 133–140, рис. 84–88]. Опубликованные А. И. Романчук находки из Портового района отнесены к слоям XIII – второй половины / конца XIV вв. [25, с. 101–129]. Находки из раскопок Северного района Херсонеса В. Н. Залесская относит к группе «Керамика, декорированная в технике позднего сграффито и снятия фона с подцветкой» и датирует XIII–XIV вв. [45, с. 195–212, рис. 413–415, 417–419, 422– 441]. Аналогичные находки из VIII и XCVII кварталов датированы авторами раскопок соответственно второй половиной и концом XIII в. [32, с. 65, рис. 4; 12, с. 72, рис. 9,11; 13,18; 15,10] и

также отнесены к местному производству. Polychrome Sgraffito Wares найдены также в слое разрушения X квартала, датированного третьей четвертью XIII в. [11, с. 207–209, рис. 11,1–2; 12,1–6]. Авторы публикации отмечают близость херсонесских изделий к группе керамики Порта Сен-Симеон (PSS) и ее имитациям. Принадлежность части изделий группы Polychrome Sgraffito Wares из Херсонеса к продукции Порта Сен-Симеон предположил и В. Ю. Коваль [37, с. 221–222]. Такие признаки как массивные стенки, изображение гарпий (сиринов?) на сосудах указывают на близость подобных сосудов из Херсонеса к этой группе сирийских изделий, широко известных по раскопкам памятников, связанных с крестоносцами [38, p. 45–53; 39, p. 193, fig. 13,66–69; 40, p. 144, fig. 4]. Вместе с тем, глина херсонесских изделий отличается от продукции, произведенной в Порте Сен-Симеон. Наличие многочисленных центров, производивших имитации керамики Порта Сен-Симеон, отмечалось рядом исследователей. В северо-восточном Средиземноморье подобная керамика производилась в Антиохии, в Мисисе, в Кинете и его окрестностях [41, p. 285], считалось, что имитации производились и на Кипре [42, p. 120]. Предположение о том, что поливная керамика типа PSS продолжала производиться в районе Порта Сен-Симеон после падения Антиохии под натиском Мамлюков в 1268 г., а также в других центрах, таких как Кинет, подтвердили исследования глины с помощью нейтронной активации, проведенные С. Редфортом и М. Дж. Блекменом [44, p. 106; 71, p. 131–135]. Следует согласиться с М.-Л. фон Вартбург, что производство Polychrome Sgraffito Wares, в частности, на Пафосе в XIII – начале XIV вв., не следует считать имитацией продукции PSS [43, p. 430]. Это был процесс развития производства поливной керамики, включавший как западные, так и восточные влияния и традиции. В целом, близкая херсонесской Polychrome Sgraffito керамика существовала в XII/XIII – XIV вв. Пока нет возможности локализовать производственные центры, из которых в город поступала эта группа керамики. Все находки происходят из слоя разрушения квартала, наибольшее количество – в слое пожара в помещении 33 и на поверхности Главной улицы SR 392, 410,456, 512, 579.

25. Кувшин поливной. Инв. № 22/37406 (рис. 10,*25*).
Высота 23 см, диаметр венчика 8,5 см, диаметр поддона 8 см, ширина ручки 2,9 см, толщина ручки 1,2 см, толщина стенок 1,5 см.
2004, SR 392, 410, 456, помещение 33.
Глина светло-коричневая 7.5 YR 6/4, с включением частиц известняка и железистых минералов.
Поверхность покрыта прозрачной светло-оливковой глазурью.
Тулово яйцевидное, на низком кольцевом расходящемся поддоне. Стенки толстые. Горло широкое воронковидное. Ручка верхним прилепом прикреплена к средней части горла. Рисунок нанесен толстой врезной линией по слою белого ангоба. Отдельные детали рисунка подцвечены желто-коричневой и зеленой поливой. Горло украшено чередующимися желтыми и зелеными вертикальными полосами. На плечах – пояс из рас-

цвеченных двойных кружков. В центральной части тулова расположены изображения павлинов и Сирина. Сосуд сильно пострадал в пожаре.

26. Тарелка поливная фрагментированная (рис. 10,*26*).
Диаметр поддона 8,6 см, сохранившаяся высота 4,4 см, толщина стенок 0,6 см.
2004, SR 431, помещение 37.
Глина светло-красная 2.5 YR 6/8, с редкими включениями известняка и железистых минералов.
Поверхность покрыта светло-оливковой прозрачной поливой.
Тарелка на массивном расходящемся кольцевом поддоне. Стенки толстые. На дне по слою белого ангоба нанесен гравированный рисунок, подцвеченный зеленой и коричневой красками. Сохранилась нижняя часть фигуры птицы с острыми когтями.

27. Тарелка поливная фрагментированная (рис. 10,*27*).
Наибольшая длина фрагмента 4,5 см, ширина 3,8 см, толщина стенки 0,6 см.
2005, SR 512, помещение 38.
Глина светло-красная 2.5 YR 6/8, пористая.
Поверхность покрыта прозрачной светло-зеленой поливой.
Тарелка с округлыми стенками и горизонтально отогнутым бортиком. В месте изгиба бортика небольшая бороздка. По слою белого ангоба гравированной линией нанесен растительно-геометрический орнамент с использованием сетчатого декора. Отдельные элементы подцвечены желтоватой поливой.

28. Миска поливная фрагментированная (рис. 11,*28*).
Высота 7,2 см, диаметр венчика 7 см, диаметр поддона 7 см, толщина стенок 0,9 см.
2005, SR 579, Главная улица.
Глина желтовато-красная 5YR 5/6, с включениями мелких частиц известняка, а также имеющая крошечные пустоты.
Поверхность покрыта светло-оливковой поливой. Частично обгорела.
Миска с косыми стенками и высоким бортиком. Край чуть отогнут. Поддон кольцевой расходящийся. Внутри широкой врезной линией по слою белого ангоба нанесен врезной растительный орнамент, окружающий птицу с раскрытым клювом. Бортик выделен двойными врезными линиями. Отдельные детали рисунка расцвечены желтой и зеленой поливой. Верхняя часть наружной поверхности покрыта ангобом, сверху – зеленой поливой.

29. Миска поливная фрагментированная (рис. 11,*29*).
Состоит из двух фрагментов. Диаметр 28 см, диаметр поддона 8 см, толщина стенок 0,7 см.
2005, SR 579, Главная улица.
Глина красная 2.5 YR 5/8, с включением частиц известняка и маленькими пустотами в тесте.
Поверхность внутри покрыта светло-оливковой поливой, отдельные детали расцвечены зеленой и желтой краской. Снаружи полива зеленая.
Миска с массивными округлыми стенками и широким, горизонтально отогнутым бортиком. В месте его изгиба – выступ. Поддон кольцевой. Внутренняя часть покрыта слоем белого ангоба, по которому прочерчен рисунок в виде «Соломонова узла», раскрашенного желтой и зеленой красками. Внутренняя часть одной из петель украшена гравированным сетчатым орнаментом. На бортике – сегменты, раскрашенные зеленой и желтой краской под прозрачной поливой. На дне следы от сипаи.

30. Миска поливная фрагментированная (рис. 11,*30*).
Сохранившаяся высота 3,7 см, диаметр 7,6 см, толщина стенок 0,8 см.
2005, SR 579, Главная улица.
Глина красная 2.5 YR 5/8, с включениями частиц известняка и маленькими пустотами в тесте.
Поверхность покрыта светло-оливковой поливой.
Миска с массивными стенками на кольцевом поддоне. Бортик высокий прямой. Внутренняя поверхность покрыта ангобом, по которому прочерчен рисунок в виде концентрических окружностей в центре и на венчике, а также расходящихся от него лепестков и трилистников. Лучи и пространство над трилистниками украшено врезным сетчатым орнаментом. Детали рисунка расцвечены светло-коричневой и зеленой поливой. На дне сохранились следы сипаи.

31. Миска поливная фрагментированная (рис. 11,*31*).
Сохранившаяся высота 2,9 см, диаметр поддона 8 см, толщина стенок 0,8 см.
2005, SR 579, Главная улица.
Глина красно-желтая 5YR 6/6, с включением частиц известняка и маленькими пустотами в тесте.
Поверхность внутри покрыта прозрачной светло-оливковой поливой, детали расцвечены зеленой и коричневой красками.
Миска с массивными стенками на кольцевом поддоне. Внутренняя поверхность покрыта тонким слоем ангоба, по которому толстой врезной линией прочерчен растительный орнамент в виде расходящихся от центра лепестков. На дне следы от сипаи.

Monochrome Wares (кат. 32–33). Красноглиняные монохромные сосуды, покрытые зеленой или желтой поливой. Изделия этой группы А. Л. Якобсон относил к группе 7 и считал продолжением группы 6 (Polychrome Sgraffito Ware). Подобные изделия он считал местной продукцией, датируемой преимущественно XIII в. [6, с. 140–142]. Группу красноглиняных монохромных сосудов с радиально расположенными орнаментальными мотивами А. И. Романчук датировала XIII–XIV вв. [25, с. 56–64], однако форма и рисунок одного из публикуемых нами сосудов сближает его с полихромной миской, датированной автором каталога XIII в. [25, табл. 116,323]. Монохромных красноглиняных поливных изделий при раскопках нашего квартала найдено не много. Характерный сосуд происходит из слоя разрушения на Главной улице.

К красноглиняным поливным сосудам относится кувшин-куман, покрытый зеленой поливой по слою ангоба. Близкой аналогией является кувшин из Портового района Херсонеса, датированный исследовательницей XIV в. [25, табл. 211,7], а также кувшин из раскопок Г. Д. Белова в Херсонесе «внутри монастырской ограды», датированный XIII в. [45, с. 193, рис. 410]. Подобный сосуд найден в золотоордынском Азаке [23, с. 368, рис. 25,12] и в слое третьей четверти XIV в. в Судакской крепости [46, с. 530, рис. 2,1]. Для уточнения датировки подобных сосудов необходимы дополнительные данные. Сосуд обнаружен в засыпи ямы в помещении 37.

32. Миска поливная фрагментированная (рис. 12,*32*).
Высота 7,2 см, диаметр бортика 20 см, диаметр поддона 6,6 см, толщина стенок 0,8 см.
2005, SR 579, Главная улица.
Глина красная 2.5 YR 5/6, с редкими включениями частиц известняка.
Поверхность внутри и в верхней части снаружи покрыта зеленой глазурью.
Миска с косыми стенками и почти вертикальным бортиком. Край чуть отогнут. Массивный расходящийся кольцевой поддон. Внутри гравированный рисунок прочерчен по слою ангоба. Снаружи подтеки ангоба местами доходят до поддона. В центральной части миски в двойные окружности вписан крест. Между его ветвями – треугольники. Под венчиком внутри – бороздки. Рисунок выполнен небрежно. На дне следы сипаи.

33. Кувшинчик-куман фрагментированный. Инв. № 46/37406 (рис. 12,*33*).
Сохранившаяся высота 9 см, диаметр тулова 9 см, ширина ручки 1,7 см, толщина ручки 1,1 см, толщина стенок 0,6 см.
2004, SR 431, помещение 37.
Глина красно-желтая 7.5 YR 6/6, рыхлая.
Поверхность в верхней части покрыта зеленой пятнистой поливой по слою белого ангоба.
Сосуд имеет широкое тулово, расширяющееся кверху горло. К венчику крепилась овальная в сечении ручка. Носик-слив прикреплен к плечу сосуда.

Zeuxippus Ware (кат. 34–44). Керамика класса Ih по В. Франсуа [47, p. 91-96]. Группа керамики, характеризующаяся тонким плотным черепком, изящным врезным рисунком, нанесенным по слою ангоба, прозрачной, местами расцвеченной, блестящей поливой. Среди херсонесских материалов впервые была выделена А. Л. Якобсоном и разделена на две группы: 10, датированную XI–XII вв. [48, с. 195–197] и 11, отнесенную к XII–XIII вв. [48, с. 197–198]. В своей последней работе по керамике А. Л. Якобсон объединил описываемую керамику в одну группу 1 и датировал XI–XII вв. [6, с. 120–126]. В настоящее время можно констатировать, что Зевксиппова керамика является одним из самых распространенных типов привозной посуды Херсонеса XIII в. Изделия этой группы, блюда и кувшин, были найдены Ю. П. Калашником в XX квартале Северного района в слое пожара, датированного XIII в., причем датировка монетного комплекса укладывается в 20–70-е гг. XIII в. [49, с. 165–187]. Находки Зевксиппова керамики из раскопок Северного района Херсонеса В. Н. Залесская датирует XIII в [45, с. 147–178]. Изделия этой группы найдены в слоях разрушения X квартала Северного района, датированного третьей четвертью XIII в. [11, с. 200–205, рис. 7,8], в слое разрушения квартала XCVII Северо-Восточного района [12, рис. 15,1,2,9,11; 18,2,5,9; 19,1-3], время гибели которого отнесено к концу XIII в. Многочисленные находки Зевксиппова керамики из Херсонеса, прежде всего из Портового района, в своем каталоге поливной керамики А. И. Романчук датировала как XIII в. [25, табл. 142–184, 186–192], так и XIII–XIV вв. [25, табл. 185]. Как уже отмечалось, принадлежность слоев, содержавших подобную керамику, XIV веку скорректирована А. В. Сазановым [15, с. 208–210]. Зевксиппова

керамика встречается на многих памятниках средневекового Крыма, в частности, на Эски-Кермене [8, с. 247, рис. 18], Мангупе [72, с. 95], в Сугдее [59, с. 72, рис. 6,1].

Условность объединения разнообразной керамики под одним названием неоднократно обсуждалась в литературе [50, p. 67–68; 51, p. 43–44; 52, p. 257; 18, p. 54; 19, p. 164–166]. Очевидным является также тот факт, что изделия Зевксипповой группы производились в нескольких, достаточно отдаленных центрах, таких как Эгейский регион [53, p. 263], Кипр и какой-то неизвестный центр вне Кипра [42, p. 118], вероятно, Пергам [55, p. 209-218], северная Италия [56, p. 85].

Возможность херсонесского производства ряда высокохудожественных блюд из серии Zeuxippus Ware допускали В. Н. Даниленко и А. И. Романчук [57, с. 60-61; 25, с. 133]. Однако материальных свидетельств, подтверждающих эту гипотезу, пока не выявлено. Так, сравнение химического состава глины образцов группы Zeuxippus Ware и местной керамики из раскопок Херсонеса показало их неоднородность [58, p. 394]. Общая дата типа – конец XII – XIII вв. представляется наиболее вероятной.

Керамика группы Zeuxippus Ware из исследованного квартала делится на несколько групп. Класс 1А по А. Мигоу [50, p. 40] представлен тарелкой с простейшей орнаментацией (кат. 34). Миски и блюда (кат. 35–41) можно отнести к Классу II. Среди них миска (кат. 35) выделяется по характеристикам глиняного теста и, несомненно, относится к дериватам Зевксипповой керамики. Светлая глина может косвенно указывать на район Константинополя в качестве места ее производства. Кувшины (кат. 42–43), аналоги которым найдены, в частности, при раскопках замка Саранда Колонес в Пафосе [34, p. 265, fig. 5,b,d].

Многочисленные разнообразные фрагменты керамики, которые могут быть отнесены к Зевксипповой группе или ее имитациям, были найдены в контекстах времени существования квартала, а археологически целые формы – в контекстах, отражающих время разрушения квартала SR 355, 338, 456, 340, 335, 431, 351, 392, 393, 410, 352.

34. Тарелка поливная фрагментированная. Инв. № 35/37406 (рис. 13,*34*).
Высота 5 см, диаметр венчика 19 см, диаметр поддона 6 см, толщина стенок 0,45 см.
2004, SR 355, помещение 29.
Глина светло-красная 2.5 YR 6/8, плотная.
Поверхность покрыта прозрачной светло-оливковой поливой.
Тарелка с горизонтально отогнутым венчиком и небольшим ребром по внутреннему краю. Поддон кольцевой расходящийся. Внутренняя поверхность и венчик украшены врезными концентрическими окружностями разной толщины. Орнамент нанесен по слою белого ангоба, покрывающего внутреннюю и верхнюю часть наружной поверхности. В стенках имеются отверстия – следы ремонта в древности.

35. Миска поливная фрагментированная. Инв. № 27/37406 (рис. 13,*35*).
Высота сохранившегося фрагмента 8 см, диаметр венчика 22 см, толщина стенок 0,5 см.
2004, SR 338, помещение 32.
Глина розовая 7.5YR 8/4, с редкими включениями частиц известняка.

Поверхность внутри и в верхней части снаружи покрыта прозрачной темно-желтой поливой.
Миска полусферической формы с чуть отогнутым плоским венчиком. Дно утрачено. Орнаментирована гравированными линиями по слою белого ангоба. В центральной части и под венчиком двойные окружности. В верхнем регистре тонкой гравировкой выполнены медальоны и треугольники.

36. Миска поливная фрагментированная. Инв. № 20/37406 (рис. 13,*36*).
Высота 6 см, диаметр венчика 20 см, диаметр поддона 6,5 см, толщина стенок 0,5 см.
2004, SR 338, помещение 32.
Глина красная 2.5 YR 5/6, плотная.
Поверхность покрыта светло-оливковой поливой.
Миска полусферической формы с отогнутым венчиком. Поддон кольцевой расходящийся. Гравированный орнамент выполнен по слою белого ангоба. В центральной окружности плохо сохранившееся изображение птицы. На стенках внутри в верхнем регистре изображены чередующиеся двойные треугольники и медальоны с нечетким изображением, вероятно, стригилей.

37. Миска поливная фрагментированная. Инв. № 26/37406 (рис. 13,*37*).
Высота 6,5 см, диаметр венчика 15,5 см, диаметр поддона 5,5 см, толщина стенок 0,45 см.
2004, SR 456, помещение 33.
Глина красная 2.5 YR 5/6, с включениями известняка.
Поверхность внутри и, частично, снаружи покрыта оливковой поливой. Сильно обожжена в пожаре.
Миска полусферической формы. Венчик не выражен. Поддон кольцевой расходящийся. Рисунок нанесен гравированной линией по слою белого ангоба. На стенках снаружи подтеки ангоба. На дне изображена розетка с волнистым орнаментом. В следующем регистре вокруг розетки в окружность вписаны орнаментированные треугольники.

38. Тарелка поливная фрагментированная. Инв. № 34/37406 (рис. 14,*38*).
Высота 5 см, диаметр венчика 18 см, диаметр поддона 6 см, толщина стенок 0,6 см.
2004, SR 338, помещение 32.
Глина красная 2.5 YR 5/8.
Поверхность покрыта прозрачной светло-оливковой поливой.
Тарелка с округлыми стенками, венчик не выражен. Поддон кольцевой расходящийся. Орнамент нанесен врезной линией по слою белого ангоба. Под венчиком внутри широкая бороздка. На дне внутри двух концентрических окружностей изображены треугольники и розетки с S-образным рисунком. Медальоны подцвечены желтой поливой.

39. Блюдо поливное фрагментированное. Инв. № 33/37406 (рис. 14,*39*).
Диаметр венчика 38 см, диаметр поддона 10 см. Состоит из двух фрагментов. Наибольшая длина большего фрагмента 19 см, наибольшая ширина 10,5 см, толщина стенок 0,8 см.
2004, SR 340, помещение 28.
Глина красно-коричневая 5 YR 5/4, плотная.
Поверхность покрыта прозрачной оливковой поливой. Отдельные детали подцвечены желтой краской.
Блюдо с округлыми стенками на расходящемся кольцевом поддоне. Венчик заострен и чуть приподнят. Все блюдо, за исключением донной части снаружи, покрыто белым ангобом. Рисунок выполнен тонкой гравированной линией. В центре композиции изображен воин в доспехах, с мечом и щитом в руках. Венчик внутри украшен геометрическим орнаментом в виде перекрещивающихся прямых линий и кружков. Снаружи – две широкие бороздки.

40. Блюдо поливное фрагментированное (рис. 14,*40*).
Диаметр венчика 29 см, длина сохранившегося фрагмента 11,5 см, ширина сохранившегося фрагмента 6 см, толщина стенок 0,6 см.
2004, SR 431, помещение 37.
Глина красная 2.5 YR 5/8, плотная.
Поверхность покрыта прозрачной оливковой глазурью.
Блюдо с косыми стенками. Бортик в виде вертикально срезанного края. Гравированный орнамент нанесен по слою белого ангоба. По краю блюда проходит орнаментальный пояс в виде чередующихся стригилей и отрезков прямых линий, выполненных гребенкой.

41. Кувшин поливной фрагментированный. Инв. № 24/37406 (рис. 14,*41*).
Высота 24,2 см, диаметр дна 6,4 см, диаметр венчика 6,4 см, толщина стенок 0,5 см.
2004, SR 392, 393, 410, помещение 33.
Глина пережженная, плотная.
Поверхность покрыта оливковой поливой, почти полностью обгоревшей.
Тулово яйцевидной формы на низком дисковидном поддоне. Длинное узкое горло завершается венчиком в виде квадрифолия. По слою ангоба нанесен врезной орнамент. На горле – широкие горизонтальные врезные линии, в средней части тулова – чередующиеся отрезки гребенчатого орнамента и стригили. Орнамент расположен между двумя поясами широких врезных линий.

42. Кувшин поливной фрагментированный. Инв. № 29/37406 (рис. 15,*42*).
Высота сохранившегося фрагмента 15 см, диаметр тулова 13 см, диаметр поддона 7,5 см, толщина стенок 0,4 см.
2004, SR 340, 352, помещение 28.
Глина красно-коричневая 5 YR 5/4, плотная.
Поверхность покрыта густой желто-красной поливой.
Тулово яйцевидной формы, поддон дисковидный расходящийся, чуть вогнутый в центре. Узкое горло утрачено. Орнамент нанесен врезными линиями по слою ангоба. В широкой части тулова между широких врезных линий расположен орнамент в виде чередующихся отрезков гребенчатого орнамента и стригилей.

43. Кувшин поливной фрагментированный (рис. 15,*43*).
Высота сохранившегося фрагмента 11,5 см, диаметр венчика 6,5 см, толщина стенок 0,65 см.
2004, SR 410, помещение 33.
Глина пережженная.
Поверхность покрыта светло-зеленой поливой.
Сосуд с высоким цилиндрическим горлом, завершающимся раструбом в виде квадрифолия. Горло и венчик украшены широкими поперечными врезными линиями, прочерченными по слою белого ангоба.

44. Блюдо поливное фрагментированное. Инв. № 52/ 37363 (рис. 15,*44*).
Высота сохранившегося фрагмента 3,4 см, диаметр поддона 10,2 см, толщина стенок 0,7 см.
2001, РА 78, помещение 25.
Глина красная 2.5 YR 5/8, плотная.
Поверхность покрыта прозрачной светло-оливковой поливой.

Поддон кольцевой расходящийся. На дне рисунок, выполненный врезными линиями по ангобу. В центре блюда изображена птица, вписанная в окружность. Рисунок усложнен орнаментированными треугольниками и розеткой. На дне снаружи граффити.

Glazes White Ware IV (кат. 45–57). Белоглиняная поливная посуда с подглазурной росписью зеленой и марганцевой красками была впервые выделена А. Л. Якобсоном из херсонесской керамики как группа 3 тип II [48, с. 219–220]. В своей последней классификации он описал эту керамику как группу 9 и датировал концом XI – XII вв., однако отметил, что она продолжает бытовать и в XIII в. [6, с. 146]. В публикации «комплекса XIV в.» из Портового района А. И. Романчук представила изделия группы GWW IV [14, с. 101]. О датировке комплекса из Портового района уже говорилось выше [15, с. 198–203]. В каталоге поливной керамики из Херсонеса автор датирует подобные изделия уже XIII в. [25, с. 178]. Керамика группы GWW IV найдена в XX квартале Северного района в слое пожара, датированного XIII в. [49, с. 169, рис. 15–17]. Она найдена в слоях разрушения X квартала Северного района, датированного третьей четвертью XIII в. [11, с. 210–212. рис. 14–15], в слое разрушения квартала XCVII Северо-Восточного района [12, с. 74, рис. 19,10,14–16], время гибели которого отнесено к концу XIII в. Аналогичные миски встречены в Большом дворце Константинополя в стадии V [60, pl. 23,1-4; 24,1-2]. Дж. Хейс выделил подобные изделия из белой глины в группу IV и считал их продукцией Константинополя XII – начала XIII вв. [17, p. 30]. Большой ансамбль белоглиняной керамики получен в результате раскопок места кораблекрушения в районе Судакской бухты, датируемого концом XIII в. [68, с. 172]. Находки из квартала L позволяют говорить о более поздней верхней дате существования этого типа поливной посуды, нежели это принято в европейской историографии. А. В. Сазанов находит объяснение большого числа находок керамики группы GWW IV в Херсонесе в комплексах, датируемых от первой декады XIII в. до 1250-60 гг. [61, p. 91–92], в более длительном, чем считалось ранее, цикле существования этого типа керамики.

Среди наших находок встречаются блюда, кувшины, вазочки.

К этой же группе могут быть отнесены и белоглиняные кувшины, покрытые снаружи зеленой поливой. Подобных форм нет среди изделий группы GWW IV Дж. Хейса, но их технологическая близость несомненна. Аналогичный кувшин найден в стадии V Большого дворца [60, pl. 27, fig. 3]. Редкой формы кувшин-ойнохоя, аналогичный № 57, представлен в комплексе первой половины XIII в. из Сугдеи [59, с. 84, рис. 3,3]. Белоглиняные кувшины встречены во всех херсонесских комплексах, датированных XIII в., о которых речь шла выше. Таким образом, кувшины могут быть датированы тем же периодом, что и остальные изделия группы GWW IV.

Фрагменты керамики группы GWW IV найдены во всех контекстах времени существования квартала, в том числе в траншеях под фундаменты стен усадеб 2 и 3. Целые или археологически целые изделия этой группы присутствовали в слое разрушения квартала в помещениях 29, 32, 33, 36, в яме в помещении 37 и на поперечной улице (SR 338, 341, 431, 424, 392, 393, 410, 414, 355, 372, 434, 438).

45. Блюдо поливное фрагментированное. Инв. № 30/37406 (рис. 16,*45*).
Высота 8,4 см, диаметр венчика 33 см, диаметр поддона 10 см, толщина стенок 0,6 см.
2004, SR 338, 341, помещение 32.
Глина розовато-белая 7.5 YR 8/2, рыхлая, с редкими включениями шамота.
Поверхность покрыта бледно-оливковой поливой.
Массивное блюдо имеет низкий расходящийся поддон. Венчик горизонтально отогнут, профилирован бороздкой. В центральной части блюда частично сохранилось изображение животного (барса?). Вокруг – крупный орнамент в виде плетенки. Более мелкая плетенка расположена на бортике. Рисунок выполнен марганцевой краской с зеленой подцветкой.

46. Тарелка поливная фрагментированная (рис. 16,*46*).
Высота 5 см, диаметр венчика 23 см, диаметр поддона 8 см, толщина стенок 0,45 см.
2004, SR 431, помещение 37.
Глина палево-желтая 2.5 Y 8/2, с включениями железистых минералов.
Поверхность внутри и верхняя часть снаружи покрыта прозрачной светло-оливковой поливой.
Тарелка с горизонтально отогнутым венчиком. Поддон кольцевой расходящийся. На внутреннем поле изображена птица на длинных ногах. Венчик украшен косыми мазками. Рисунок выполнен марганцевой и зеленой красками.

47. Кувшин-куман фрагментированный. Инв. № 38/37406 (рис. 16,*47*).
Высота 15 см, диаметр устья 9 см, диаметр дна 6,5 см, ширина ручки 2,1 см, толщина ручки 1,2 см, толщина стенок 0,6 см.
2004, SR 424, помещение 36.
Глина розово-белая 5 YR 8/2, с многочисленными включениями железистых минералов.
Поверхность покрыта прозрачной поливой.
Сосуд имеет форму цилиндра, «перехваченного» в средней части. Дно плоское расходящееся. Венчик слегка отогнут, к краю прикреплена овальная в сечении ручка. В средней части тулова прикреплен носик-слив, направленный вверх. Орнамент в виде двойных арочных линий и треугольников небрежно нанесен марганцевой краской.

48. Кувшин поливной фрагментированный. Инв. № 23/37406 (рис. 17,*48*).
Высота 20 см, диаметр тулова 13 см, диаметр поддона 8 см, диаметр горла 2,7 см, толщина стенок 0,65 см.
2004, SR 392, 393, 410, помещение 33.
Глина белая, пережженная.
Поверхность покрыта прозрачной, сильно обгоревшей поливой.
Тулово широкое цилиндрическое. Поддон кольцевой расходящийся. Горло длинное узкое, завершается венчиком в виде квадрифолия. Подглазурная роспись сделана марганцевой и зеленой красками. На горле по вертикали нанесены мазки. На тулове плохо читаемый орнамент в виде линейных и точечных окружностей.

49. Кувшин фрагментированный (рис. 17,*49*).
Сохранившаяся высота 10 см, диаметр поддона 6,6 см, толщина стенок 0,7 см.
2004, SR 431, помещение 37.
Глина белая 10 YR 8/1, с включениями железистых минералов.
Поверхность верхней части сосуда снаружи покрыта прозрачной поливой.

Кувшин с округлыми стенками на кольцевом расширяющемся поддоне. Плохо читаемый рисунок выполнен коричневой и зеленой красками.

50. Вазочка поливная фрагментированная. Инв. № 41/37406 (рис. 17,*50*).
Высота 6 см, диаметр венчика 10 см, диаметр поддона 5 см, толщина стенок 0,5 см.
2004, SR 410, помещение 33.
Глина белая 7.5 YR 8/1, с редкими включениями железистых минералов.
Поверхность обгоревшая, цвет поливного покрытия не определяется.
Вазочка имеет округлые стенки и горизонтально отогнутый венчик. Массивная ножка-подставка расширяется книзу. Рисунок не читается.

51. Кубок поливной фрагментированный (рис. 17,*51*).
Высота 8,8 см, диаметр венчика 7,6 см, диаметр поддона 5,5 см, толщина стенок 0,25 см.
2004, SR 414, помещение 36.
Глина белая, перегоревшая.
Поверхность покрыта прозрачной глазурью.
Сосуд на высокой конусовидной ножке. Округлые стенки, венчик чуть отогнут. Рисунок, нанесенный коричнево краской, не читается.

52. Кувшин поливной. Инв. № 31/37406 (рис. 18,*52*).
Высота 16 см, диаметр венчика 4 см, диаметр дна 4,5 см, ширина ручки 1,8 см, толщина ручки 1,1 см.
2004, SR 355, помещение 29.
Глина бело-розовая.
Поверхность, за исключением придонной части, покрыта зеленой пятнистой поливой.
Кувшинчик вытянутых пропорций. Тулово сужается кверху. К слегка отогнутому венчику прикреплена ручка. Дно массивное плоское. Поверхность сосуда имеет сглаженное рифление.

53. Кувшин поливной. Инв. № 37/37406 (рис. 18,*53*).
Высота 13 см, диаметр венчика 5 см, диаметр дна 5 см, диаметр тулова 8 см, толщина стенок 0,4 см.
2004, SR 372, помещение 36.
Глина розовая 7.5 YR 8/4, с включением красноватых частиц.
Поверхность, за исключением придонной части, покрыта зеленой пятнистой поливой.
Кувшинчик с шаровидным туловом, с плоским, чуть вогнутым дном. Высокое узкое горло в верхней части имеет утолщение, переходящее в воронковидный венчик.

54. Кувшин поливной фрагментированный. Инв. № 36/37406 (рис. 18,*54*).
Высота 16 см, диаметр тулова 10,5 см, толщина стенок 0,3–0,9 см, ширина ручки 2,4 см, толщина ручки 1,25 см.
2004, SR 424, помещение 36.
Глина белая 10 YR 8/1, с включениями шамота и железистых минералов.
Поверхность сосуда снаружи, за исключением нижней части, покрыта зеленой пятнистой поливой.
Тулово, в нижней части округлое, переходит в широкое гофрированное горло. К краю плоско срезанного венчика прикреплена овальная в сечении ручка. Устье кувшина имеет небольшой слив.

55. Кувшин поливной фрагментированный. Инв. № 32/37406 (рис. 18,*55*).
Высота сохранившегося фрагмента 17,3 см, диаметр тулова 11 см, диаметр дна 7,5 см, толщина стенок горла 0,25 см.
2004, SR 355, помещение 29.
Глина розовая 5 НК 7/3, с мелкими включениями известняка, кварца и редких – железистых минералов.
Поверхность сосуда, за исключением придонной части, покрыта светло-зеленой поливой.
Кувшин яйцевидной формы. Донная часть чуть вогнута. Высокое узкое горло имеет шаровидное расширение в верхней части. Венчик утрачен.

56. Кувшин поливной фрагментированный. Инв. № 3/37425 (рис. 19,*56*).
Сохранившаяся высота 15 см, ширина ручки 2,2 см, толщина ручки 1,3 см, диаметр дна 5,2 см, толщина стенок 0,7 см.
2005, SR 434, поперечная улица.
Глина розовая 2.5 YR 8/3, с включением слюды и железистых минералов.
Поверхность покрыта темно-зеленой поливой.
Кувшинчик с округлой нижней частью тулова, сужающейся кверху. Горло утрачено. Дно плоское. Ручка овальная в сечении.

57. Кувшин поливной фрагментированный (рис. 19,*57*).
Приблизительная высота 45 см, диаметр дна 13 см, диаметр горла 6 см, ширина ручки 3,8 см, толщина ручки 1,3 см, толщина стенок 0,5 см.
2004, SR 438, помещение 33.
Глина различных оттенков, от красновато-белого 7.5 YR 8/2 до красно-коричневого 2.5YR 7/4. Тесто хрупкое, с включением частиц железистых минералов и слюды.
Поверхность снаружи и изнутри покрыта жидкой зеленой поливой, сильно пострадавшей в пожаре.
Тулово сосуда вытянутое деформированное. Почти горизонтальные плечи переходят в цилиндрическое горло. Венчик ойнохоевидный. На плечах бороздки. Дно плоское. Ручки уплощенные, слегка приподнятые.

Полихромная расписная посуда (кат. 58–59). В эту категорию достаточно условно включены два сосуда. Они совершенно различны по морфологии, составу глины и декору, но объединяет их наличие цветной подглазурной росписи по слою ангоба. Кувшины, аналогичные № 58, были найдены в слое разрушения XX квартала Херсонеса [45, с. 92, рис. 135–136]. Автор публикации датирует их рубежом XII–XIII вв. Наличие слюды в тесте у № 59 может свидетельствовать о его не местном происхождении. Тулово сосуда, украшенное «ложками», сближает его с восточными сосудами, имитировавшими металлические изделия [62, p. 102]. Кувшины найдены в слое разрушения в помещениях 33 и 36 (SR 410, 414, 435).

58. Кувшин поливной фрагментированный. Инв. № 40/37406 (рис. 20,*58*).
Сохранившаяся высота 17,5 см, диаметр тулова 12 см, диаметр дна 8 см, ширина ручки 1,5 см, толщина ручки 1,5 см.
2004, SR 410, помещение 33.
Глина красновато-желтая 5 YR 6/8.

Поверхность покрыта желтой, зеленой и коричневой, сильно обгоревшей поливой.
Кувшин с шаровидным туловом и плоским, чуть вогнутым дном. Стенки тонкие. Горло узкое, венчик утрачен. К горлу прикреплена квадратная в сечении ручка. Орнамент в виде мазков белого ангоба, покрытого цветной глазурью, читается плохо.

59. Кувшин поливной фрагментированный. Инв. № 25/37406 (рис. 20,*59*).
Сохранившаяся высота 15 см, диаметр тулова 9,5 см, диаметр дна 6,5 см, толщина стенок у основания горла 0,4 см.
2004, SR 414, 435, помещение 36.
Глина желтовато-красная 5 YR 5/6, с включениями слюды.
Поверхность покрыта прозрачной глазурью. Обгорела в пожаре.
Кувшин имеет вытянутое тулово, профилированное «ложками». Дно плоское, чуть вогнутое. В основании утраченного горла сохранилось мелкое рифление. Орнамент в виде вертикальных зеленых полос и коричневых мазков с подтеками нанесен на слой белого ангоба.

Islamic frit ware (кат. 60–61). Миска из светлого теста (кашина) с бирюзовым поливным покрытием не относится к числу частых находок в Херсонесе. Целый сосуд был найден в слое разрушения жилого квартала Северного района, датированного автором раскопа XIV в. [63, с. 215], а также в соседней усадьбе квартала L [68, с. 80]. Находки подобных изделий происходят, в том числе, и из древнерусских городов, вплоть до Новгорода. Они считаются сирийскими и датируются в пределах XII–XIII вв. [37, с. 218–219]. Аналогичные миски иранского производства датируются концом XII – началом XIII вв. [64, p. 320, Cat. L.19, p. 322, Cat. L.24]. В Сирию технология производства кашинных сосудов пришла из Египта [65, p. 464, fig. 8], массовое производство относят ко второй половине XII – началу XIII вв. [69, p. 25].

Подобная исламская посуда из раскопок Константинополя Дж. Хейсом датирована концом XII – началом XIII вв. [17, p. 43–44, fig. 16].

Кувшинчик с полихромной, почти не читающейся росписью, скорее всего, также имеет восточное происхождение. Форма сосуда сближает его с кувшинами иранского производства XII в. [64, Cat. Ab. 9, p. 115]. Оба сосуда найдены в слое пожара в помещении 33 (SR 393, 380, 410).

60. Миска поливная фрагментированная. Инв. № 42/37406 (рис. 21,*60*).
Диаметр венчика 19 см, диаметр поддона 7 см, толщина стенок 0,5 см.
2004, SR 380, 393, 410, помещение 33.
Тесто – бело-розовый кашин.
Поверхность, за исключением поддона, покрыта бирюзовой поливой.
Миска глубокая, с косыми стенками. Поддон кольцевой расходящийся. На внутренней стороне миски рельефный поясок растительного орнамента, выполненный штампом.

61. Кувшин поливной фрагментированный. Инв. № 39/37406 (рис. 21,*61*).
Высота 15,5 см, диаметр венчика 6 см, диаметр дна 5 см, ширина ручки 1,9 см, толщина ручки 0,9 см, толщина стенок 0,6 см.
2004, SR 393, помещение 33.

Тесто светло-коричневое 7,5 YR 6/4, с включениями белых частиц.
Поверхность покрыта зеленой и красной поливой, сильно пострадавшей в пожаре.
Кувшин с шаровидным туловом на дисковидном расходящемся поддоне. Высокое горло в виде раструба. Овальная в сечении ручка верхним прилепом соединяется с нижней частью горла. Рисунок не читается.

Неполивная столовая посуда

А. Кувшины местного производства (кат. 62–68). Красноглиняные сосуды с округлым туловом и, чаще всего, удлиненным горлом. Венчик может быть отогнутым или иметь форму квадрифолия. Все сосуды имеют набор несложной декорировки – прямые, волнистые или прерывистые врезные линии, наколки, накладные валики и «шишечки» с насечками, пояски вдавлений. Характерной особенностью сосудов является наличие слоя светлого ангоба на поверхности. Идентичным также является плотное глиняное тесто с включениями карбонатов. К этой группе можно присоединить и кувшины-куманы, имеющие удлиненный носик-слив. Характер декора и обработки поверхности этих сосудов такой же, как и кувшинов. В случае, когда найдены непрофильные части сосудов, трудно определить, был ли это просто кувшин или кувшин-куман. Не случайно, при описании домашней посуды XII–XIII вв. из Херсонеса, А. Л. Якобсон отнес эти изделия к одной категории [6, с. 117–118, рис. 72]. Он также отмечал близость состава глины и декора этих сосудов с ангобированными и трехручными амфорами, а также пифосами, что в очередной раз указывало на их местное происхождение. Аналогичные кувшины из Портового района А. И. Романчук найдены в слое пожара XIII в. [25, табл. 217–219]. Посуда этой группы присутствовала в слое разрушения XCVII квартала, датированного концом XIII в. [12, с. 84, рис. 11,5,7]. Подобные находки происходят из слоя разрушения X квартала, датированного третьей четвертью XIII в. [11, с. 196–197, рис. 5,1–2; 6,3–4].

В нашем случае, херсонесские неполивные кувшины также найдены в слое разрушения квартала. Их репрезентативные фрагменты и археологически целые формы происходят из помещения 33 (SR 410, 456), помещения 36 (SR 414), помещения 38 (SR 536, 569, 580).

62. Кувшин-куман фрагментированный (рис. 22,*62*).
Сохранившаяся высота 13 см, толщина стенок 0,4 см, ширина носика 2,6 см, толщина стенок носика 0,4 см.
2004, SR 410, помещение 33.
Глина перегоревшая, плотная, красно-коричневая, с включениями известняка.
Поверхность покрыта светлым ангобом.
Кувшин с округлым туловом и узким горлом. Дно, большая часть горла и венчик утрачены. К плечу сосуда прикреплен носик-слив, направленный вверх. Горло украшено неглубокими бороздками. На тулове два ряда горизонтальных поясков неглубоких «ямок». Между ними небрежный врезной орнамент в виде пересекающихся волнистых линий.

63. Кувшин фрагментированный. Инв. № 49/37406 (рис. 22,*63*).
Высота горла 7,6 см (без ручки), диаметр венчика 8,5 см, ширина ручки 4,2 см, толщина ручки 1,9 см, толщина стенок 0,3 см.
2004, SR 410, помещение 33.
Глина красно-коричневая 5YR 5/4, плотная, с редкими включениями известняка.
Поверхность тщательно заглажена и покрыта светлым ангобом.
Горло кувшина цилиндрическое, чуть расширенное в средней части. С внутренней стороны чуть отогнутого венчика неглубокая бороздка. Ручка плоская. Горло декорировано горизонтальными бороздками и двумя поясами округлых насечек. Ручка украшена тремя вертикальными рядами насечек.

64. Кувшин фрагментированный. Инв. № 48/37406 (рис. 22,*64*).
Высота 18,5 см, диаметр дна 6 см, диаметр тулова 11,5 см, диаметр горла 2,8 см, толщина стенок 0,5 см.
2004, SR 410, помещение 33.
Глина красная, плотная, с включениями известняка.
Поверхность покрыта светлым ангобом.
Тулово шаровидное, горло узкое высокое, расширяется к утраченному венчику. Дно плоское, стенки тонкие. Горло и тулово сосуда украшено горизонтальными валиками с косыми линиями наколок.

65. Кувшин фрагментированный (рис. 22,*65*).
Сохранившаяся высота горла 8 см, ширина ручки 3,1 см, толщина ручки 1,3 см, толщина стенки 0,4 см.
2004, SR 414, помещение 36.
Глина красная 2,5 YR 5/8, плотная, с редкими включениями известняка.
Поверхность тщательно заглажена.
Кувшин тонкостенный с венчиком в виде квадрифолия. Уплощенная ручка прикреплена ниже венчика. На плечах орнамент в виде трех рядов пунктирных врезных линий.

66. Кувшин фрагментированный (рис. 22,*66*).
Сохранившаяся длина горла 9 см, ширина ручки 2,1 см, толщина ручки 1,3 см, толщина стенок 0,8 см.
2004, SR 456, помещение 33.
Глина красная 2.5 YR 5/8, плотная, с включениями частиц известняка.
Поверхность покрыта густым слоем светлого ангоба.
Кувшин разбит на множество фрагментов. Горло высокое узкое, с ребром в средней части. Овальная в сечении ручки верхним прилепом крепилась к основанию горла. Форма тулова не определяется. Сосуд декорирован продольными вдавлениями на тулове, округлыми выступами-«шишечками» и орнаментом наколок.

67. Кувшин фрагментированный. Инв. № 2/37425 (рис. 23,*67*).
Сохранившаяся высота 15 см, диаметр дна 7 см, диаметр тулова 13 см, толщина стенок 0,3 см.
2005, SR 535, 569, 580, помещение 38.
Глина светло-красная 2.5 YR 6/8, плотная, с включениями частиц известняка.
Поверхность тщательно заглажена и покрыта светлым ангобом.
Тулово шаровидное, с небольшим выступом на плечах. Узкое горло почти полностью утрачено. Дно плоское. Сосуд украшен глубокими врезными волнистыми линиями – сплошными и пунктирными.

68. Кувшин фрагментированный. Инв. № 1/37425 (рис. 23,*68*).
Приблизительная высота 20,5 см, диаметр дна 8,2 см, диаметр тулова 13 см, диаметр венчика 5 см, толщина стенок 0,7 см.
2005, SR 535, 569, 580, помещение 38.
Глина светло-красная 2.5 YR 6/8, с включением частиц известняка.
Поверхность покрыта густым слоем светлого ангоба.
Тулово шаровидное. Дно плоское. Горло узкое, с отогнутым нависающим венчиком. На горле два выступающих горизонтальных ребра, в нижней его части – пирамидальные налепы. На тулове – накладные дуговидные валики, декорированные насечками. На стенке следы крепления ручки.

В. Кувшины привозные (кат. 69–71). Отличаются цветом (красно-коричневый) и составом глины. Два изделия №№ 70 и 71, при несхожести формы и декора, объединяются наличием слюды в глиняном тесте. Первый сосуд покрыт коричневым ангобом, второй украшен небрежной росписью ангобом. Назвать место производства сосудов затруднительно.

Все сосуды найдены в слое разрушения помещения 33 (SR 410, 456, 392).

69. Кувшин фрагментированный. Инв. № 45/37406 (рис. 24,*69*).
Высота 10,5 см, диаметр дна 4,5 см, диаметр венчика 3 см, ширина ручки 1,4 см, толщина ручки 0,65 см, толщина стенок 0,3 см.
2004, SR 410, 456, помещение 33.
Глина предположительно красная, с включением частиц известняка.
Поверхность бугристая, обгоревшая.
Сосуд с яйцевидным туловом и плоским дном. Горло цилиндрической формы, имеет расширение в месте крепления ручки. Венчик не выражен. Ручка уплощенная.

70. Кувшин-ойнохоя. Инв. № 52/37406 (рис. 24,*70*).
Высота 22 см, диаметр тулова 14,2 см, диаметр дна 7,6 см, толщина стенок 0,5 см.
2004, SR 456, помещение 33.
Глина красная 2.5 YR 5/8, с включениями мелкого песка, частиц известняка и слюды.
Поверхность покрыта коричневым ангобом.
Тулово яйцевидное с широким высоким горлом. Судя по остаткам, венчик имел ойнохоевидный слив. Дно плоское. Уплощенная ручка утрачена. На горле неглубокий гребенчатый орнамент. Под венчиком вертикальная шлифованная линия. На стенке прочерчена зигзагообразная линия.

71. Кувшин фрагментированный. Инв. № 50/37406 (рис. 24,*71*).
Высота 18,5 см, диаметр дна 6,5 см, диаметр тулова 12 см, ширина ручки 1,5 см, толщина ручки 1,2 см, толщина стенок 0,4 см.
2004, SR 392, помещение 33.
Глина красная 2.5 YR 5/8, с включением мелких частиц слюды и редких – известняка.
Поверхность шероховатая.
Кувшин с яйцевидным бороздчатым туловом, плавно переходящим в невысокое узкое горло. Венчик отогнут, на горле небольшое «ребро», к которому прикреплена почти квадратная в сечении ручка. Дно плоское, чуть вогнутое. Тулово украшено рисунком в виде трех небрежно выполненных «пальметт» с расходящимися лучами. На ручке горизонтальные полоски. Рисунок выполнен белым ангобом.

Представленный в публикации материал характеризует состав керамического комплекса усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонеса на момент его разрушения и в целом соответствует набору керамики из синхронных слоев на других участках городища. Слой разрушения квартала L датируют, в том числе, монеты – сельджукские Кей-Кубада I (1220–1237 гг.) и Латинские имитации (1204–1261 гг.). Таким образом, гибель квартала, как и города в целом, можно отнести к середине – третьей четверти XIII в. К сожалению, в письменных источниках нет упоминания о катастрофических событиях, происходивших в Херсоне, относящихся к этому времени.

В керамический комплекс из слоя разрушения входят образцы тарной и столовой керамики. Часть из них относится к местному, часть – к импортному производству. Импортная керамика поступала в Херсон из Константинополя и его округи, Малой Азии, Эгейского региона и мусульманской Сирии. Вся поливная керамика из раскопок усадеб в квартале L привозная. Тезис о собственном производстве поливной посуды в средневековом Херсоне пока не находит археологического подтверждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рабиновиц А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
2. Arthur P., Sedikova L. Excavations at Chersonesos (Sevastopol, Ukraine) 2001 // Abstracts of the Annual Meeting of the Archaeological Institute of America. 2002.
3. Sedikova L., Rabinowitz A. Imported ceramics of the 13th century excavated at the Tauric Chersonesos in 2004–2006 // European Association of Archaeologist. 13th Annual Meeting. Abstracts book. Zadar, 2007.
4. Седикова Л.В. Исследования квартала поздневизантийского времени в Южном районе Херсонеса // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Научные доклады. Екатеринбург, 2004.
5. Седикова Л.В., Рабиновиц А. Новые граффити с изображением кораблей из Херсонеса // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Сборник научных трудов. Севастополь, 2013.
6. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
7. Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997-99 гг. // Vita Antiqua. Киев, 1999. № 2.
8. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX.
9. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
10. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
11. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.

12. Ушаков С.В. Поливная керамика из комплексов XIII в. северо-восточного района Херсонеса (квартал XCVII, помещения 1, 3, 11) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
13. Голофаст Л.А. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
14. Романчук А.И. Материалы к истории Херсона XIV–XV вв. // АДСВ. 1982. Вып. 19: Византия и ее провинции.
15. Сазанов А.В. К вопросу о комплексе XIV в. из Портового района Херсонеса // Причерноморье в средние века. 2005. Вып. VI.
16. Günsenin N. Les amphores byzantines (X-XIII siecles): typologie, production, circulation d'apres les collections turques. Paris, 1990.
17. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. Oxford, 1992.
18. Stern E.J. Excavation of the courthouse site at Akko: the pottery of the Crusader and Ottoman periods // Atigot. 1997. Vol. XXXI.
19. Vroom J. After Antiquity: Ceramics and society in the Aegean from the 7th to the 20th century A.C. A case study from Boeotia, Central Greece // Archaeological Studies Leiden University. 2003. № 10.
20. Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
21. Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 1996. Вып. 10.
22. Коваль В.Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X-XIII вв.) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.
23. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21.
24. Günsenin N. Ganos: resultants des campagnes de 1992 et 1993 // Anatolia antique. Paris, 1994. Vol. III.
25. Романчук А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Екатеринбург, 2003.
26. Megaw A.H.S. An Early Thirteenth-Century Aegean Ware // Studies in Memory of David Talbot Rice. Edinburgh: University Press, 1975.
27. Blackman M.J., Redfort S. Neutron Activation Analysis of Medieval ceramics from Kinet, Turkey, especially Port Saint Symeon Ware // Ancient Near Eastern Studies. 2005. Vol. 42.
28. Armstrong P. A Group of Byzantine bowls from Skopelos // Oxford Journal of archaeology. 1991. Vol.10. No 3.
29. Papanikola-Bakirtzi D. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999.
30. Sanders G.D.R. Recent Developments in the Chronology of Byzantine Corinth // Corinth. The Centenary. 1896-1996. Princeton, N.J., 2003.
31. Waksman S.Y., Von Wartburg M.-L. “Fine-Sgraffito Ware”, “Aegean Ware”, and other wares: new evidence for a major production of Byzantine ceramics // Report of the Department of Antiquities Cyprus. 2006.
32. Рыжов С.Г. Художественная керамика XII–XIII вв. из Херсонеса // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
33. Morgan Ch. The byzantine pottery // Corinth. 1942. Vol. XI.

34. Megaw A.H. Zeuxippus Ware again // Bulletin de correspondance hellénique. 1989. Suppl. XVIII. Recherches sur la céramique Byzantine.
35. MacKay T.S. Pottery of the Frankish period: 13th and early 14th century // Corinth. Princeton, N.J., 2003. Vol. XX. The Centenary 1896-1996.
36. Őzkul Findik N. Slip Painted Iznik Ceramics // Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts. Istanbul, 2007. (Byzas. Vol. 7).
37. Коваль В.Ю. Керамика средневековой Сирии в Восточной Европе // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
38. Lane A. Medieval Finds at al-Mina in North Syria // Archaeologia. 1937. Vol. 87.
39. Pringle D. Medieval pottery from Caesarea: the Crusader period // Levant. 1985. Vol. XVII.
40. Pringle D. Excavations in Acre, 1974: The Pottery of the Crusader Period from Site D // Atiqot. 1997. Vol. XXXI.
41. Redford S. On Sāgīs and Ceramics: Systems of Representation in the Northeast Mediterranean // France and Holy Land. Frankish Culture at the End of the Crusades. London, 2004.
42. Boas A. The Import of Western Ceramics to the Latin Kingdom of Jerusalem // Israel Exploration Journal. 1994. Vol. 44.
43. Wartburg M.-L. von. Chronology and stratigraphy of the Medieval Pottery of Cyprus: a critical review // Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts. Istanbul, 2007. (Byzas. Vol. 7).
44. Blackman M.J., Redfort S. Neutron Activation Analysis of Medieval ceramics from Kinet, Turkey, especially Port Saint Symeon Ware // Ancient Near Eastern Studies. 2005. Vol. 42.
45. Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV вв. СПб., 2011.
46. Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2004.
47. François V. La céramique Byzantine á Thasos // Ėtudes Thasiennas. Athènes, 1995. Vol. XVI.
48. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
49. Калашник Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса: Раскопки 1982–1988 гг. // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.
50. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware // Annual of the British School in Athens. 1968. Vol. 63.
51. Armstrong P. Some Byzantine and later settlements in Eastern Phokis // Annual of the British School at Athens. 1989. Vol. 84.
52. Sanders G.D.R. Excavations at Sparta: the Roman Stoa, 1988-91. Preliminary report. Part I(c). Medieval pottery // Annual of the British School at Athens. 1993. Vol. 88.
53. Megaw A.H.S., Johns R.E. Byzantine and Allied Pottery: A Contribution by Chemical Analysis to the Problems of Origin and Distribution // Annual of the British School at Athens. 1983. Vol. 78.
54. Stern E.J. Pottery and identity in the Latin Kingdom of Jerusalem: a case study of Acre and Western Galilee // Medieval and Post Medieval ceramics in the Eastern Mediterranean. Fact and fiction. Turnhout, 2015.
55. Waksman S.Y., Rossini I., Heitz C. Byzantine Pergamon: characterization of the ceramics production centre // Archaeometry 94. The Proceedings of the 29th International Symposium of Archaeometry. Ankara, 1996.
56. Berti G., Gelichi S. "Zeuxippus Ware" in Italy // Materials Analysis of Byzantine Pottery. Washington, D.C., 1997.

57. Даниленко В.Н. Из истории прикладного искусства средневекового Херсона // Византийская Таврика. Киев, 1991.
58. Waksman S.Y., Romanchuk A. Byzantine Chersonesos, an investigation of the local production of ceramics by chemical analysis // Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts. Istanbul, 2007. (Byzas. Vol. 7).
59. Майко В.В. Закрытый комплекс первой половины XIII в. в Портовой части средневековой Сугдеи // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Сборник научных трудов. Севастополь, 2013.
60. Stevenson R. The pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperors. London, 1947.
61. Sazanov A. Byzantine pottery "Glazed White Ware IV" by J. Hayes in the Northern Black Sea Coast region: deposits, typology, chronology and technology // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies, III. London, 2006.
62. Tabbaa Y. Bronze shapes in Iranian ceramics of the twelfth and thirteenth centuries // Muqarnas. 1987. Vol. 4.
63. Белов Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4.
64. Watson O. Ceramics from Islamic Lands. London: Thames & Hudson, 2006.
65. Gelichi S. Pottery from Harim Castle (Northern Syria): Crusader and Muslim Period // Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts. Istanbul, 2007. (Byzas. Vol. 7).
66. Sedikova L. Glazed Ware from the mid thirteenth-century destruction layer of Chersonesos // Medieval and Post Medieval ceramics in the Eastern Mediterranean. Factandfiction. Turnhout, 2015.
67. Седикова Л.В. Поливная керамика из усадьбы 1 Южного района Херсонеса // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья, как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов. Севастополь, 2014.
68. Седикова Л.В. Восточные связи Херсонеса по данным раскопок квартала 50 // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Тезисы докладов. М., 2017.
69. Avissar M., Stern E.J. Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk period in Israel. Jerusalem, 2005. (IAA Reports. No 26).
70. Böhlendorf-Arslan B. Medieval Cypriot pottery in Turkey and Germany: an overview of distribution in archaeological sites and collections // Cypriot Medieval ceramics. Reconsiderations and New Perspectives. Nicosia, 2014.
71. Redfort S. Port Saint Symeon ceramics and Cyprus // Cypriot Medieval ceramics. Reconsiderations and New Perspectives. Nicosia, 2014.
72. Науменко В.Е., Душенко А.А. Византийская глазурованная керамика из раскопок дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп) по материалам исследований 2006-2010 гг. // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья, как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов. Севастополь, 2014.

REFERENCES

1. Rabinovits A., Sedikova L.V., Khenneberg R. Povsednevnaya zhizn' provintsial'nogo goroda v pozdnevizantiyskiy period: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v Yuzhnom rayone Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, Vol. XV.

2. Arthur P., Sedikova L. Excavations at Chersonesos (Sevastopol, Ukraine) 2001. *Abstracts of the Annual Meeting of the Archaeological Institute of America*, 2002.
3. Sedikova L., Rabinowitz A. Imported ceramics of the 13th century excavated at the Tauric Chersonesos in 2004–2006. *European Association of Archaeologist. 13th Annual Meeting*, Zadar, 2007.
4. Sedikova L.V. Issledovaniya kvartala pozdnevizantiyskogo vremeni v Yuzhnom rayone Khersonesa. *Rossiya – Krym – Balkany: dialog kul'tur*. Ekaterinburg, 2004.
5. Sedikova L.V., Rabinovits A. Novye graffiti s izobrazheniem korabley iz Khersonesa. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis*, Sevastopol, 2013.
6. Yakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoy Tavriki.* Leningrad, 1979.
7. Zelenko S.M. Itogi issledovaniy podvodno-arkheologicheskoy ekspeditsii Kievskogo universiteta imeni Tarasa SHevchenko na CHernom more v 1997-99 gg. *Vita Antiqua*, Kiev, 1999, No 2.
8. Aybabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX.
9. Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. Srednevekovye amfory Khersonesa. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1971, Vol. 7.
10. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiyskogo Khersona.* Ekaterinburg, 1995.
11. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Raskopki kvartala X v severnom rayone Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2003, Vol. X.
12. Ushakov C.V. Polivnaya keramika iz kompleksov XIII v. severo-vostochnogo rayona Khersonesa (kvartal XCVII, pomeshcheniya 1, 3, 11). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.*, Kiev, 2005.
13. Golofast L.A. Remesla i promysly Khersona v XIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV.
14. Romanchuk A.I. Materialy k istorii Khersona XIV–XV vv. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1982, Vol. 19: Vizantiya i ee provintsii.
15. Sazanov A.V. K voprosu o komplekse XIV v. iz Portovogo rayona Khersonesa. *Prichernomor'e v srednie veka*, 2005, Vol. VI.
16. Günsenin N. *Les amphores byzantines (X-XIII siecles): typologie, production, circulation d'apres les collections turques*. Paris, 1990.
17. Hayes J.W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul.* Vol. 2. Oxford, 1992.
18. Stern E.J. Excavation of the courthouse site at Akko: the pottery of the Crusader and Ottoman periods. *Atigot*, 1997, Vol. XXXI.
19. Vroom J. After Antiquity: Ceramics and society in the Aegean from the 7th to the 20th century A.C. A case study from Boeotia, Central Greece. *Archaeological Studies Leiden University,* 2003, No 10.
20. Volkov I.V. Importnaya amfornaya tara zolotoordynskogo goroda Azaka. *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv.*, Rostov-na-Donu, 1989.
21. Volkov I.V. Amfory Novgoroda Velikogo i nekotorye zametki o vizantiysko-russkoy torgovle vinom. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Materialy nauchnoy konferentsii*, Novgorod, 1996, Vol. 10.

22. Koval' V.Yu. Amfory vizantiyskogo kul'turnogo kruga v srednevekovoy Rusi (X-XIII vv.). *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni*, Moscow, 2003.
23. Maslovskiy A.N. Keramicheskiy kompleks Azaka. Kratkaya kharakteristika. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.,* Azov, 2006, Vol. 21.
24. Günsenin N. Ganos: resultants des campagnes de 1992 et 1993. *Anatolia antique*, Paris, 1994, Vol. III.
25. Romanchuk A.I. *Glazurovannaya posuda pozdnevizantiyskogo Khersona.* Ekaterinburg, 2003.
26. Megaw A.H.S. An Early Thirteenth-Century Aegean Ware. *Studies in Memory of David Talbot Rice*, Edinburgh, University Press, 1975.
27. Blackman M.J., Redfort S. Neutron Activation Analysis of Medieval ceramics from Kinet, Turkey, especially Port Saint Symeon Ware. *Ancient Near Eastern Studies*, 2005, Vol. 42.
28. Armstrong P. A Group of Byzantine bowls from Skopelos. *Oxford Journal of archaeology*, 1991, Vol. 10, No 3.
29. Papanikola-Bakirtzi D. *Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito.* Athens, 1999.
30. Sanders G.D.R. Recent Developments in the Chronology of Byzantine Corinth. *Corinth,* Princeton, N.J., 2003, Vol. XX. The Centenary 1896-1996.
31. Waksman S.Y., Von Wartburg M.-L. “Fine-Sgraffito Ware”, “Aegean Ware”, and other wares: new evidence for a major production of Byzantine ceramics. *Report of the Department of Antiquities Cyprus*, 2006.
32. Ryzhov S.G. Khudozhestvennaya keramika XII–XIII vv. iz Khersonesa. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya* X–XVIII vv., Kiev, 2005.
33. Morgan Ch. The byzantine pottery. *Corinth*, 1942, Vol. XI.
34. Megaw A.H. Zeuxippus Ware again. *Bulletin de correspondance hellénique*, 1989, Suppl. XVIII. Recherches sur la céramique Byzantine.
35. MacKay T.S. Pottery of the Frankish period: 13th and early 14th century. *Corinth*, Princeton, N.J., 2003, Vol. XX. The Centenary 1896-1996.
36. Őzkul Findik N. Slip Painted Iznik Ceramics. *Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts*, Istanbul, 2007.
37. Koval' V.Yu. Keramika srednevekovoy Sirii v Vostochnoy Evrope. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya* X–XVIII vv., Kiev, 2005.
38. Lane A. Medieval Finds at al-Mina in North Syria. *Archaeologia*, 1937, Vol. 87.
39. Pringle D. Medieval pottery from Caesarea: the Crusader period. *Levant*, 1985, Vol. XVII.
40. Pringle D. Excavations in Acre, 1974: The Pottery of the Crusader Period from Site D. *Atiqot,* 1997, Vol. XXXI.
41. Redford S. On Sāgīs and Ceramics: Systems of Representation in the Northeast Mediterranean. *France and Holy Land. Frankish Culture at the End of the Crusades*, London, 2004.
42. Boas A. The Import of Western Ceramics to the Latin Kingdom of Jerusalem. *Israel Exploration Journal,* 1994, Vol. 44.
43. Wartburg M.-L. von. Chronology and stratigraphy of the Medieval Pottery of Cyprus: a critical review. *Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts*, Istanbul, 2007.
44. Blackman M.J., Redfort S. Neutron Activation Analysis of Medieval ceramics from Kinet, Turkey, especially Port Saint Symeon Ware. *Ancient Near Eastern Studies*, 2005, Vol. 42.
45. Zalesckaya V.N. *Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiyskaya keramika* IX–XV vv. St-Petersburg, 2011.

46. Baranov I.A. Kompleks tret'ey chetverti XIV veka v Sudakskoy kreposti. *Sugdeyskiy sbornik*, Kiev, Sudak, 2004.
47. François V. La céramique Byzantine á Thasos. *Ètudes Thasiennas*, Athènes, 1995, Vol. XVI.
48. Yakobson A.L. Srednevekovyy KHersones (XII–XIV vv.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1950, No 17.
49. Kalashnik Yu.P. Srednevekovyy dom v XX kvartale Khersonesa: Raskopki 1982–1988 gg. *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad, 1989.
50. Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware. *Annual of the British School in Athens*, 1968, Vol. 63.
51. Armstrong P. Some Byzantine and later settlements in Eastern Phokis. *Annual of the British School at Athens*, 1989, Vol. 84.
52. Sanders G.D.R. Excavations at Sparta: the Roman Stoa, 1988-91. Preliminary report. Part I(c). Medieval pottery. *Annual of the British School at Athens*, 1993, Vol. 88.
53. Megaw A.H.S., Johns R.E. Byzantine and Allied Pottery: A Contribution by Chemical Analysis to the Problems of Origin and Distribution. *Annual of the British School at Athens*, 1983, Vol. 78.
54. Stern E.J. Pottery and identity in the Latin Kingdom of Jerusalem: a case study of Acre and Western Galilee. Medieval and Post *Medieval ceramics in the Eastern Mediterranean. Fact and fiction*, Turnhout, 2015.
55. Waksman S.Y., Rossini I., Heitz C. Byzantine Pergamon: characterization of the ceramics production centre. *Archaeometry 94. The Proceedings of the 29th International Symposium of Archaeometry*, Ankara, 1996.
56. Berti G., Gelichi S. "Zeuxippus Ware" in Italy. *Materials Analysis of Byzantine Pottery,* Washington, D.C., 1997.
57. Danilenko V.N. Iz istorii prikladnogo iskusstva srednevekovogo Khersona. *Vizantiyskaya Tavrika,* Kiev, 1991.
58. Waksman S.Y., Romanchuk A. Byzantine Chersonesos, an investigation of the local production of ceramics by chemical analysis. *Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts,* Istanbul, 2007.
59. Mayko V.V. Zakrytyy kompleks pervoy poloviny XIII v. v Portovoy chasti srednevekovoy Sugdei. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis*, Sevastopol, 2013.
60. Stevenson R. The pottery. *The Great Palace of the Byzantine Emperors*, London, 1947.
61. Sazanov A. Byzantine pottery "Glazed White Ware IV" by J. Hayes in the Northern Black Sea Coast region: deposits, typology, chronology and technology. *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies*, III, London, 2006.
62. Tabbaa Y. Bronze shapes in Iranian ceramics of the twelfth and thirteenth centuries. *Muqarnas,* 1987, Vol. 4.
63. Belov G.D. Raskopki v Severnoy chasti KHersonesa v 1931-1933 gg. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1941, No 4.
64. Watson O. *Ceramics from Islamic Lands*. London, Thames & Hudson Publ., 2006.
65. Gelichi S. Pottery from Harim Castle (Northern Syria): Crusader and Muslim Period. *Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts*, Istanbul, 2007.
66. Sedikova L. Glazed Ware from the mid thirteenth-century destruction layer of Chersonesos. *Medieval and Post Medieval ceramics in the Eastern Mediterranean. Factandfiction*, Turnhout, 2015.

67. Sedikova L.V. Polivnaya keramika iz usad'by 1 Yuzhnogo rayona Khersonesa. *Polivnaya keramika Prichernomor'ya – Sredizemnomor'ya, kak istochnik po izucheniyu Vizantiyskoy tsivilizatsii,* Sevastopol', 2014.
68. Sedikova L.V. Vostochnye svyazi Khersonesa po dannym raskopok kvartala 50. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye i religioznye svyazi Kryma s Siriey i gosudarstvami Blizhnego Vostoka*, Moscow, 2017.
69. Avissar M., Stern E.J. *Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk period in Israel.* Jerusalem, 2005.
70. Böhlendorf-Arslan B. Medieval Cypriot pottery in Turkey and Germany: an overview of distribution in archaeological sites and collections. *Cypriot Medieval ceramics. Reconsiderations and New Perspectives*, Nicosia, 2014.
71. Redfort S. Port Saint Symeon ceramics and Cyprus. *Cypriot Medieval ceramics. Reconsiderations and New Perspectives*, Nicosia, 2014.
72. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Vizantiyskaya glazurovannaya keramika iz raskopok dvortsa praviteley knyazhestva Feodoro (Mangup) po materialam issledovaniy 2006-2010 gg. *Polivnaya keramika Prichernomor'ya – Sredizemnomor'ya, kak istochnik po izucheniyu Vizantiyskoy tsivilizatsii,* Sevastopol', 2014.

L. V. SEDIKOVA

State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese (Sevastopol, Russia)

A THIRTEENTH-CENTURY POTTERY ASSEMBLAGE FROM THE DESTRUCTION LAYER OF URBAN HOUSES 2 AND 3B IN QUARTER L OF ANCIENT CHERSONESE

Abstract: This paper introduces into the scholarly circulation an assemblage of transport and table pottery from the layer of destruction of Chersonese (Byzantine Cherson) dated to the third quarter of the thirteenth century. These finds comprise known and previously not published types of local and imported wares. Locally manufactured were one amphora type and one pithos type, and also non-glazed table pottery. All the samples of glazed ware presented in this paper were imported to Cherson from various regions. The main pottery suppliers were Constantinople and its environs, the Aegean Sea area, and various centres in the Asia Minor and Moslem Syria.

Keywords: Byzantine Cherson, pithoi, amphorae, ta ble glazed and non-glazed ware, local manufacture, import.

Рис. 1. План Херсонеса с указанием расположения квартала L.

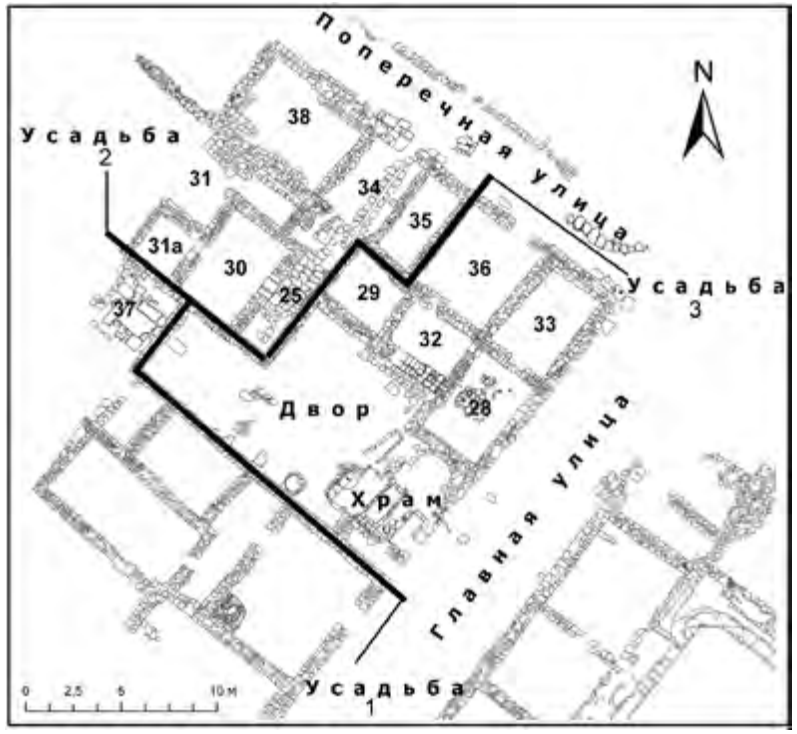


Рис. 2. План раскопанной части квартала L.

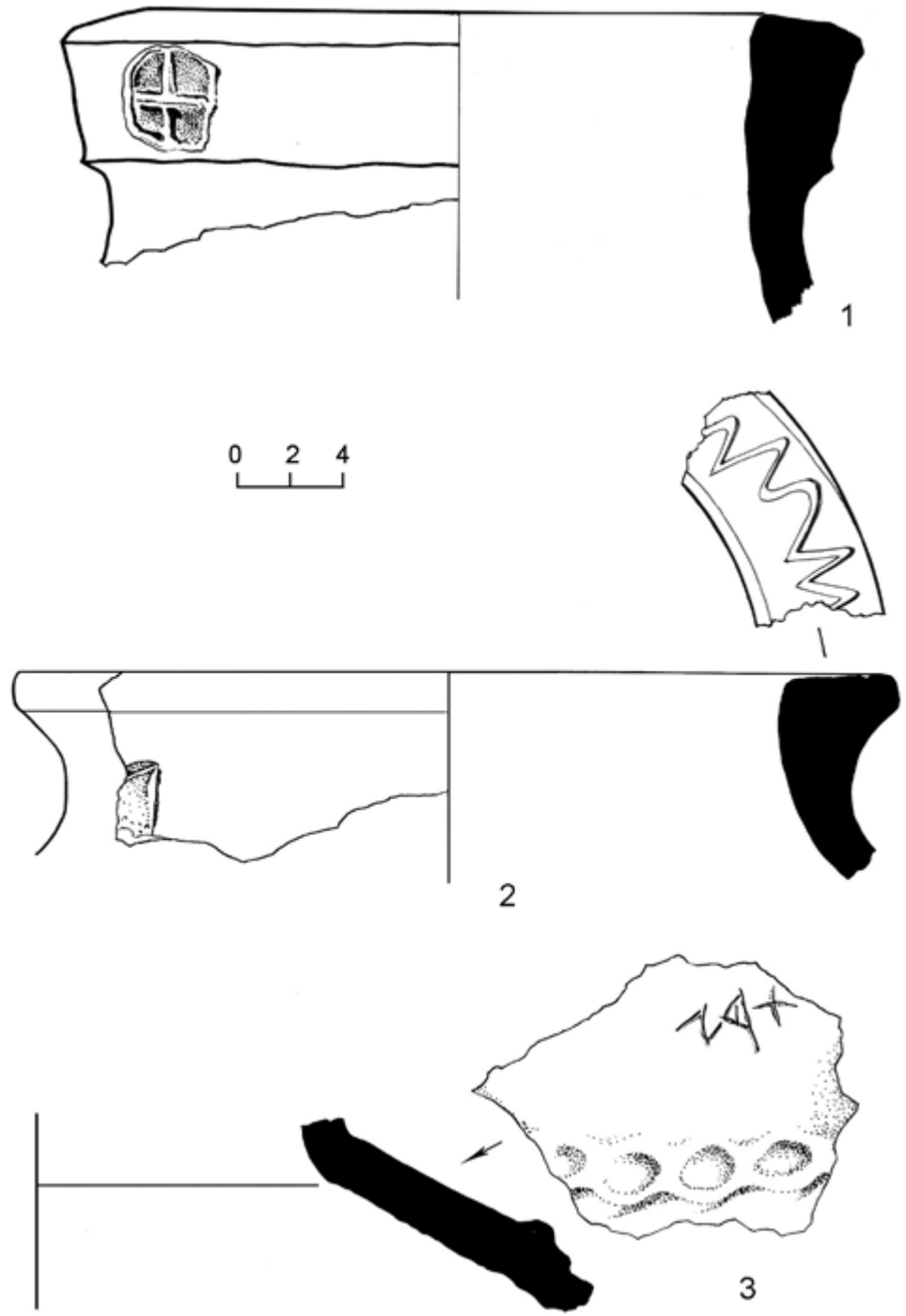


Рис. 3. Пифосы.

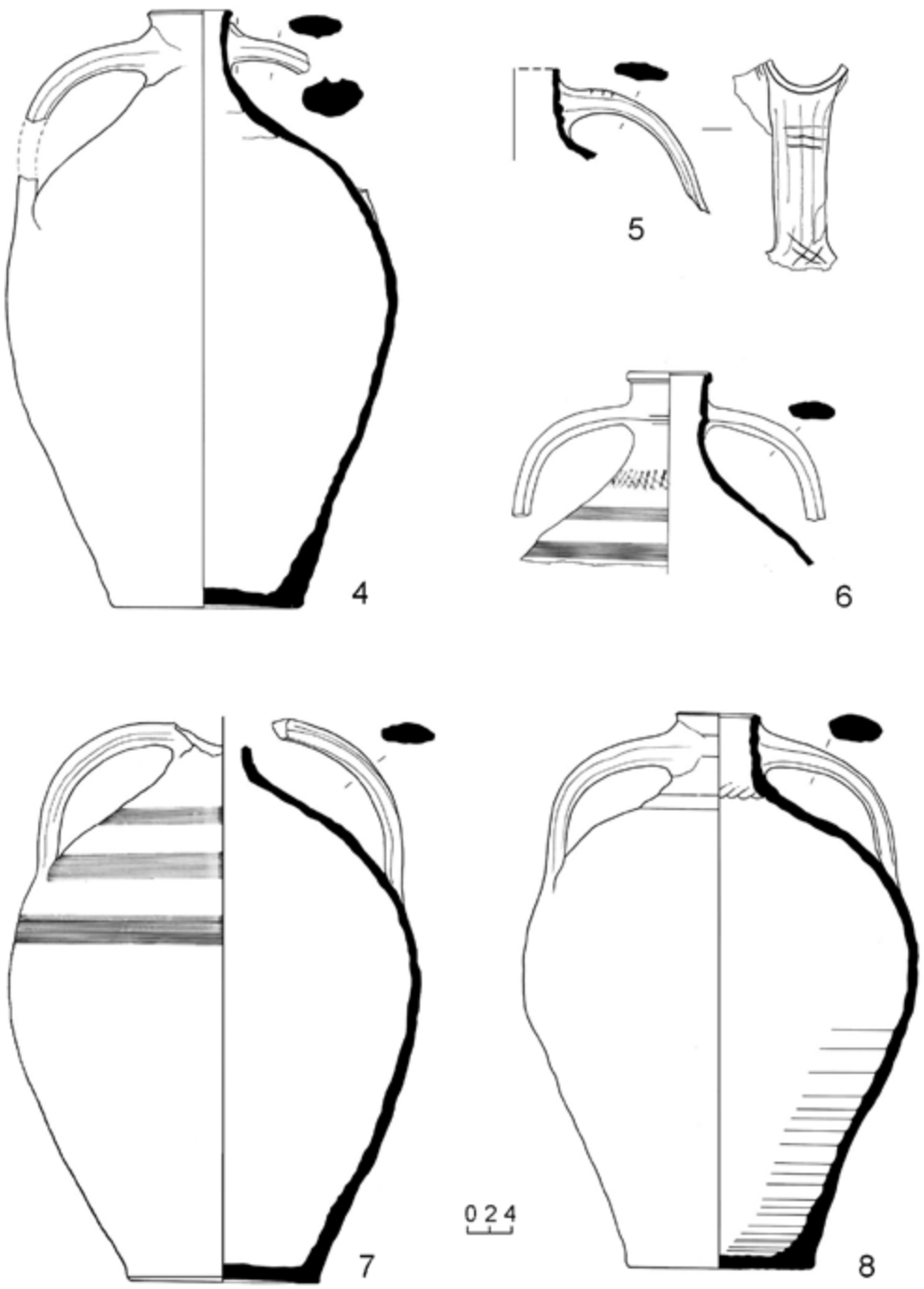


Рис. 4. Амфоры. Класс 52.

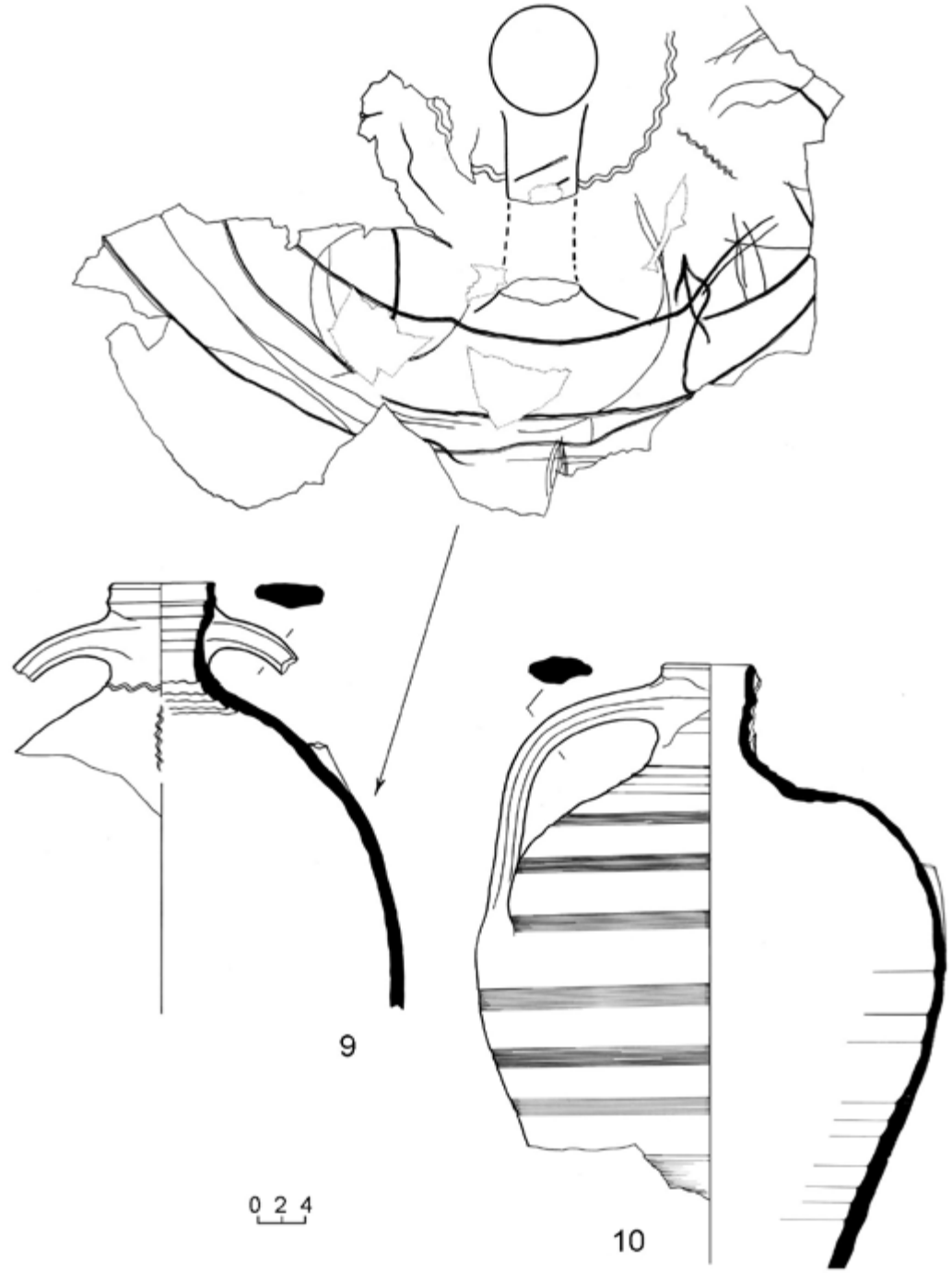


Рис. 5. Амфоры. Класс 52.

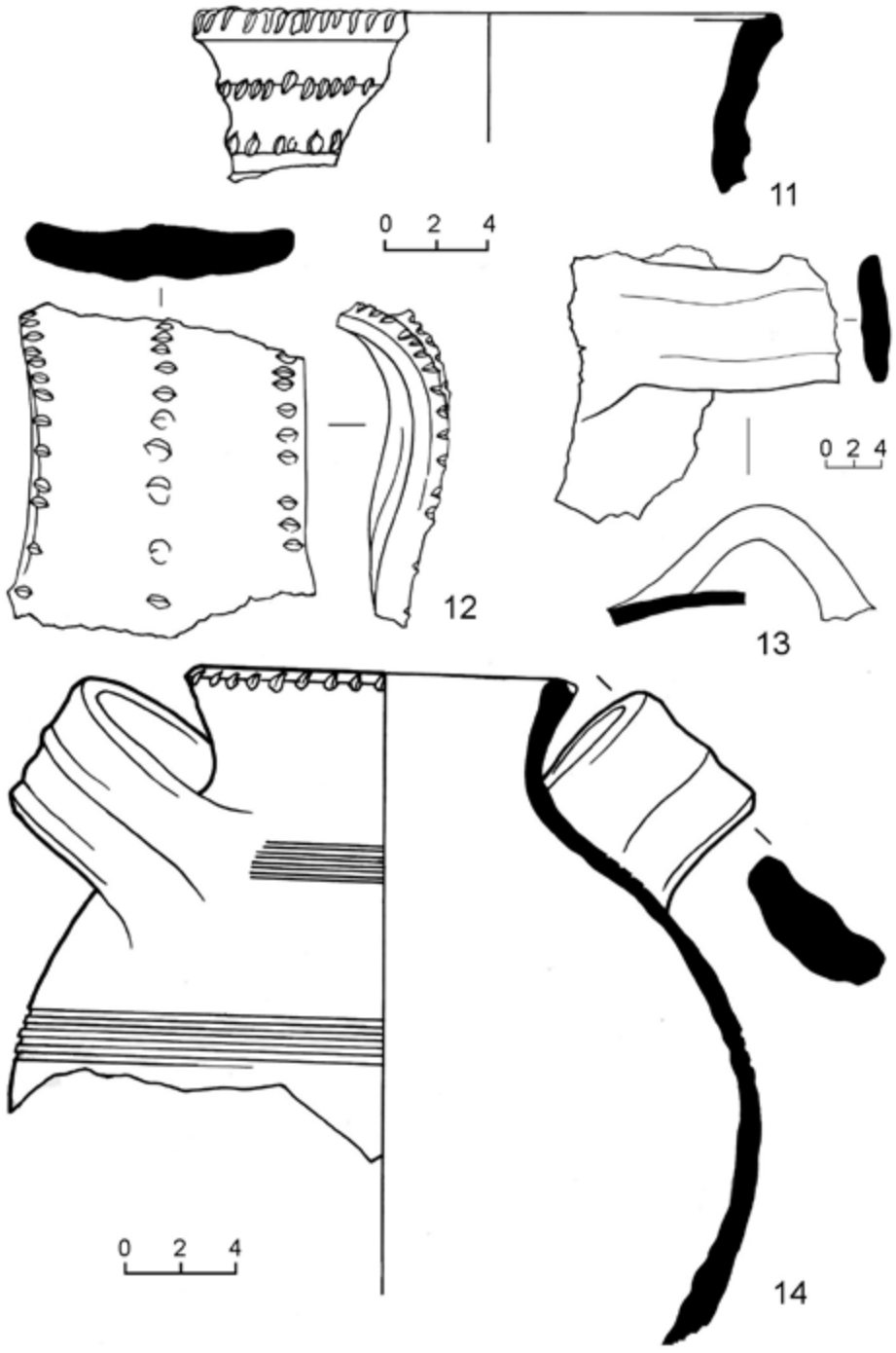


Рис. 6. Амфоры. Класс 51.

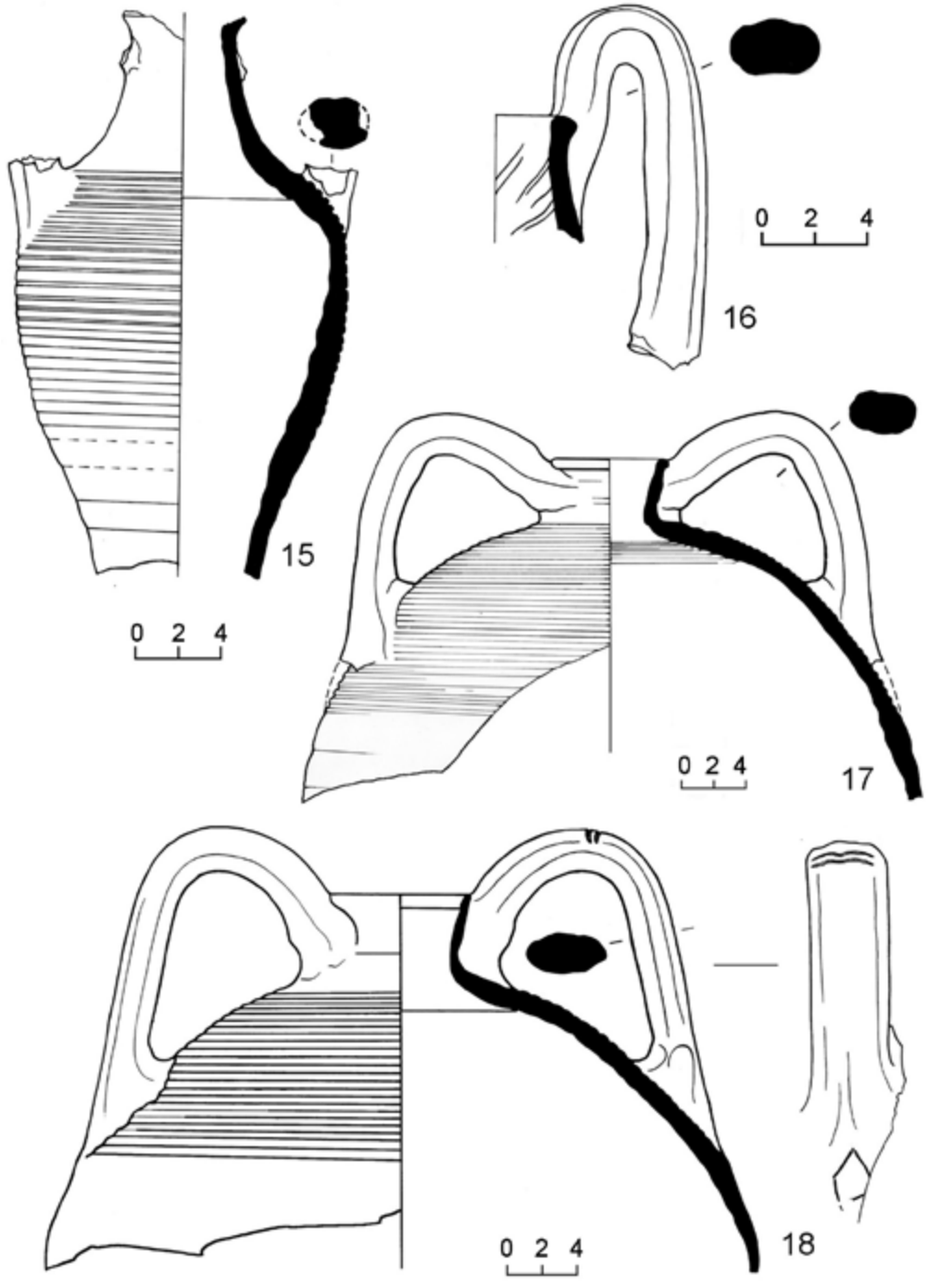


Рис. 7. Амфоры. Тип Günsenin III (15-16). Тип Günsenin IV (17-18).

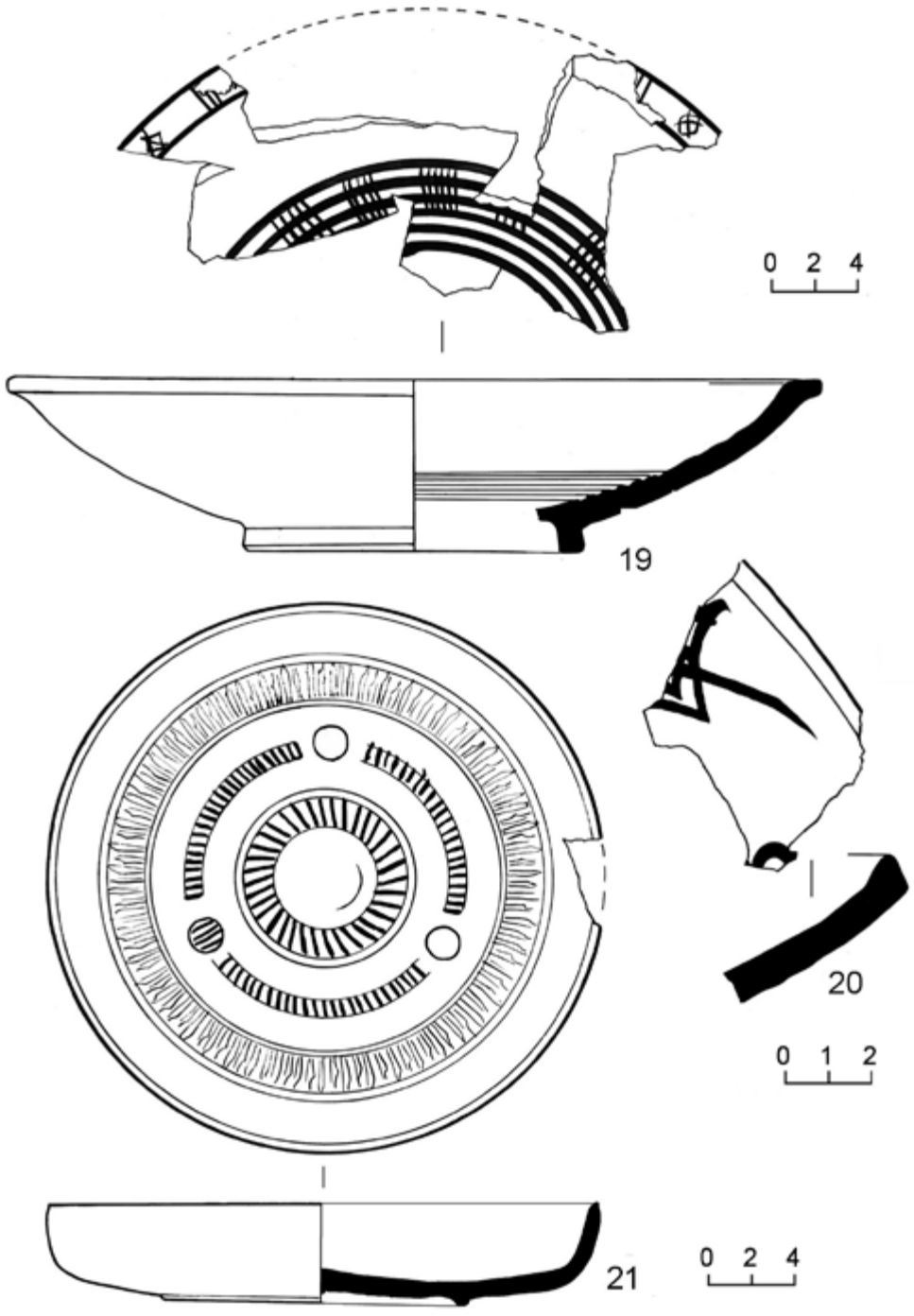


Рис. 8. Поливные блюда типа Incised Sgraffito Ware.

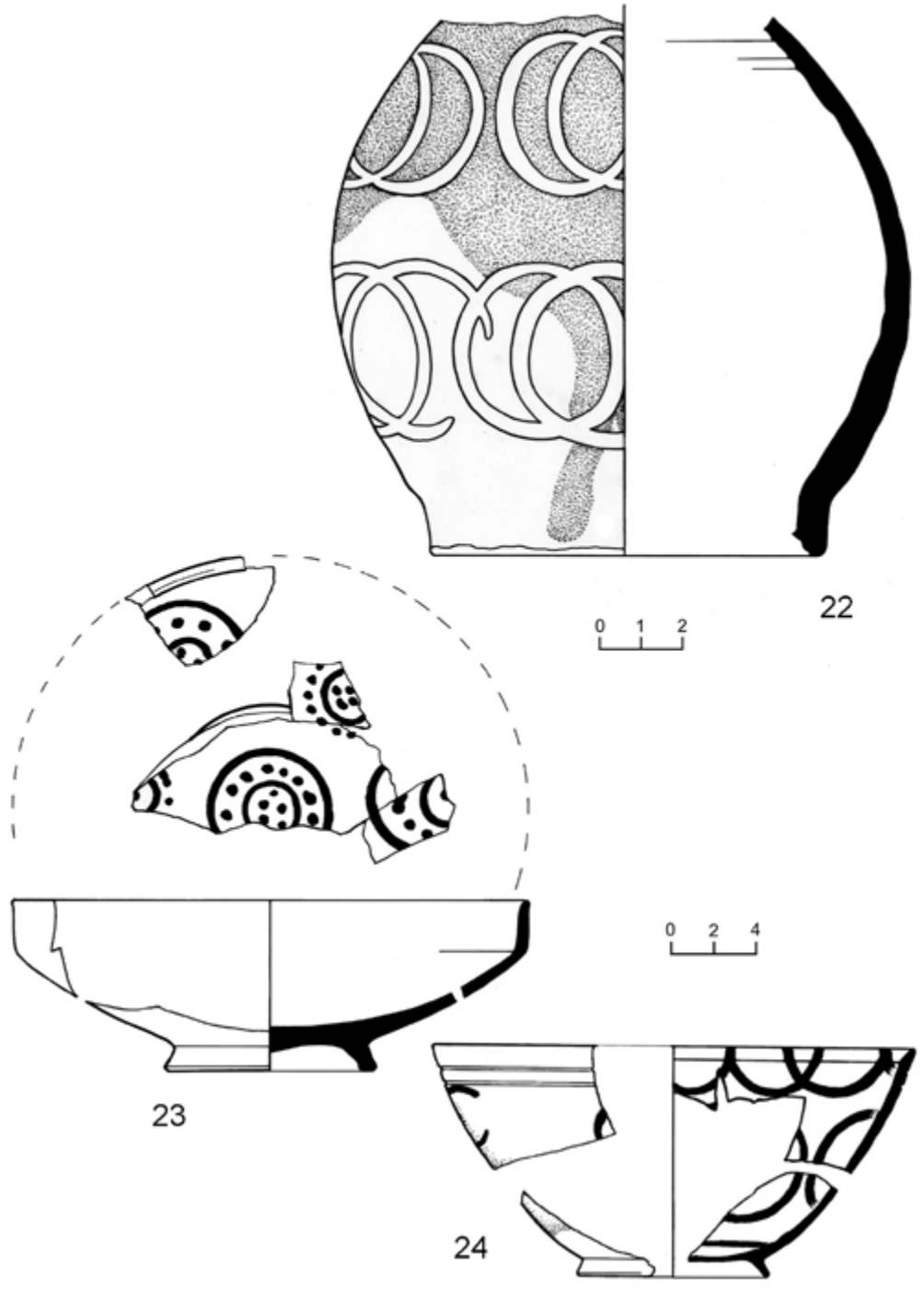


Рис. 9. Поливные сосуды типа Slip – Painted Ware.

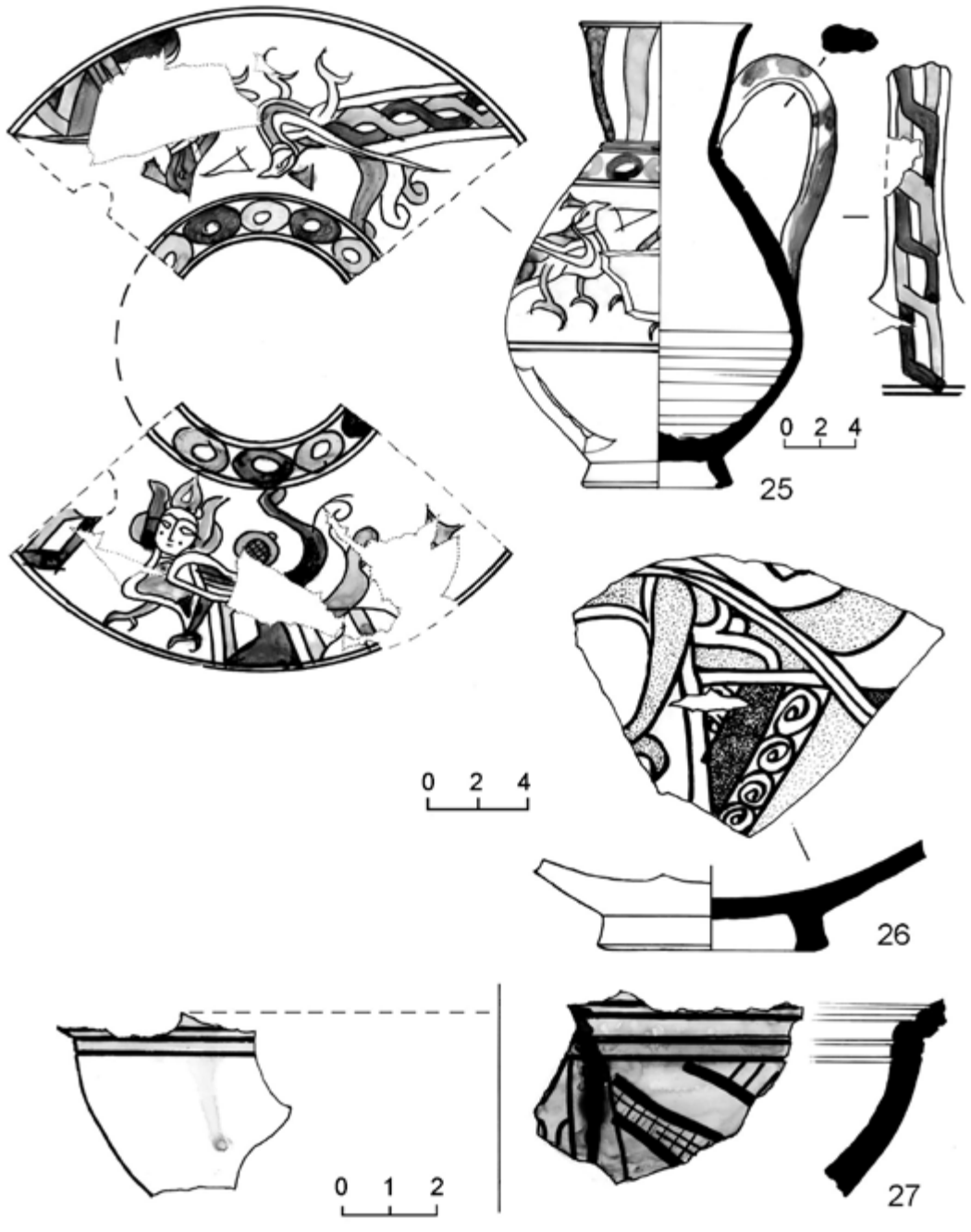


Рис. 10. Поливные сосуды типа Polychrome Sgraffito Wares.

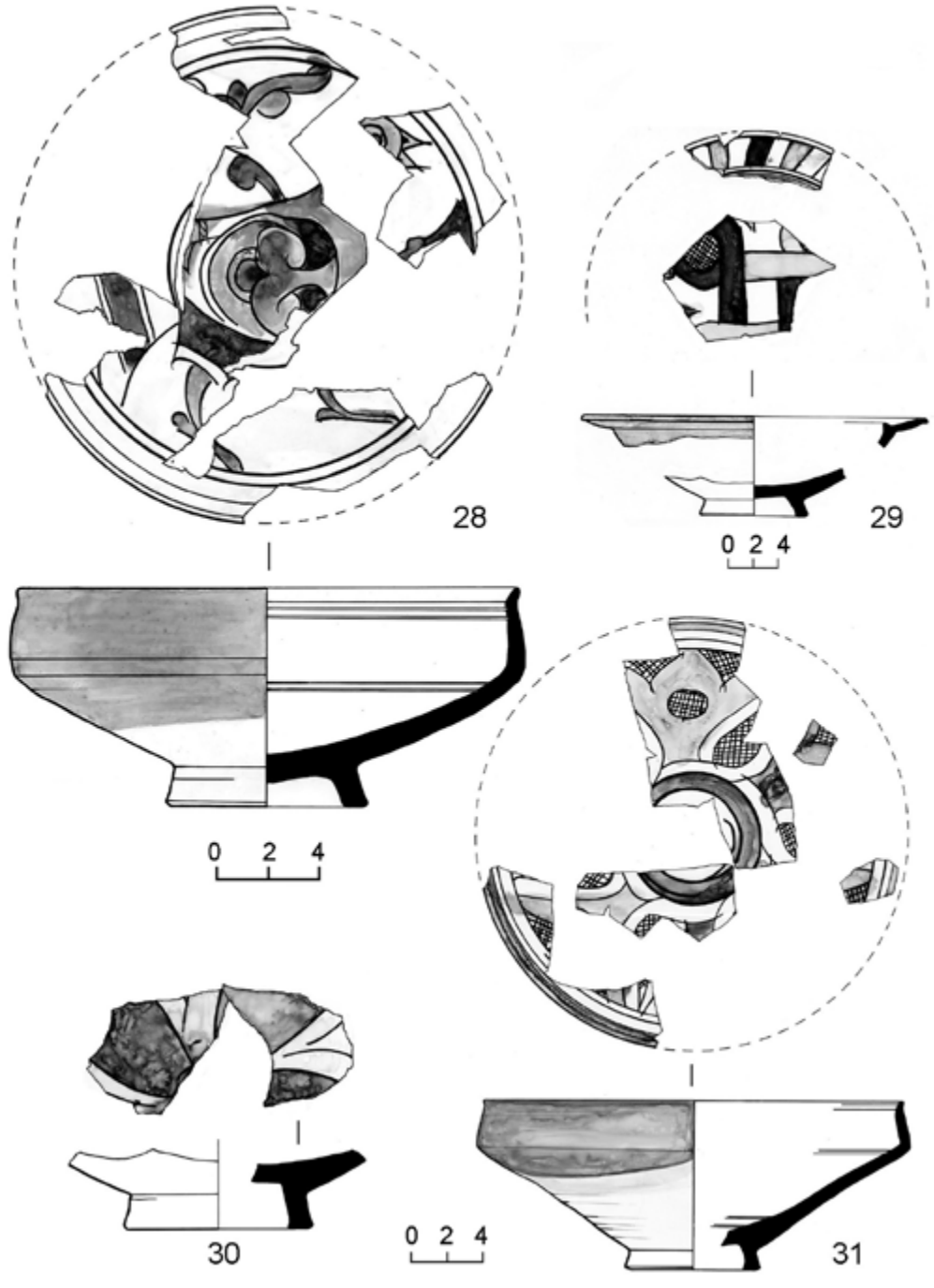


Рис. 11. Поливные сосуды типа Polychrome Sgraffito Wares.

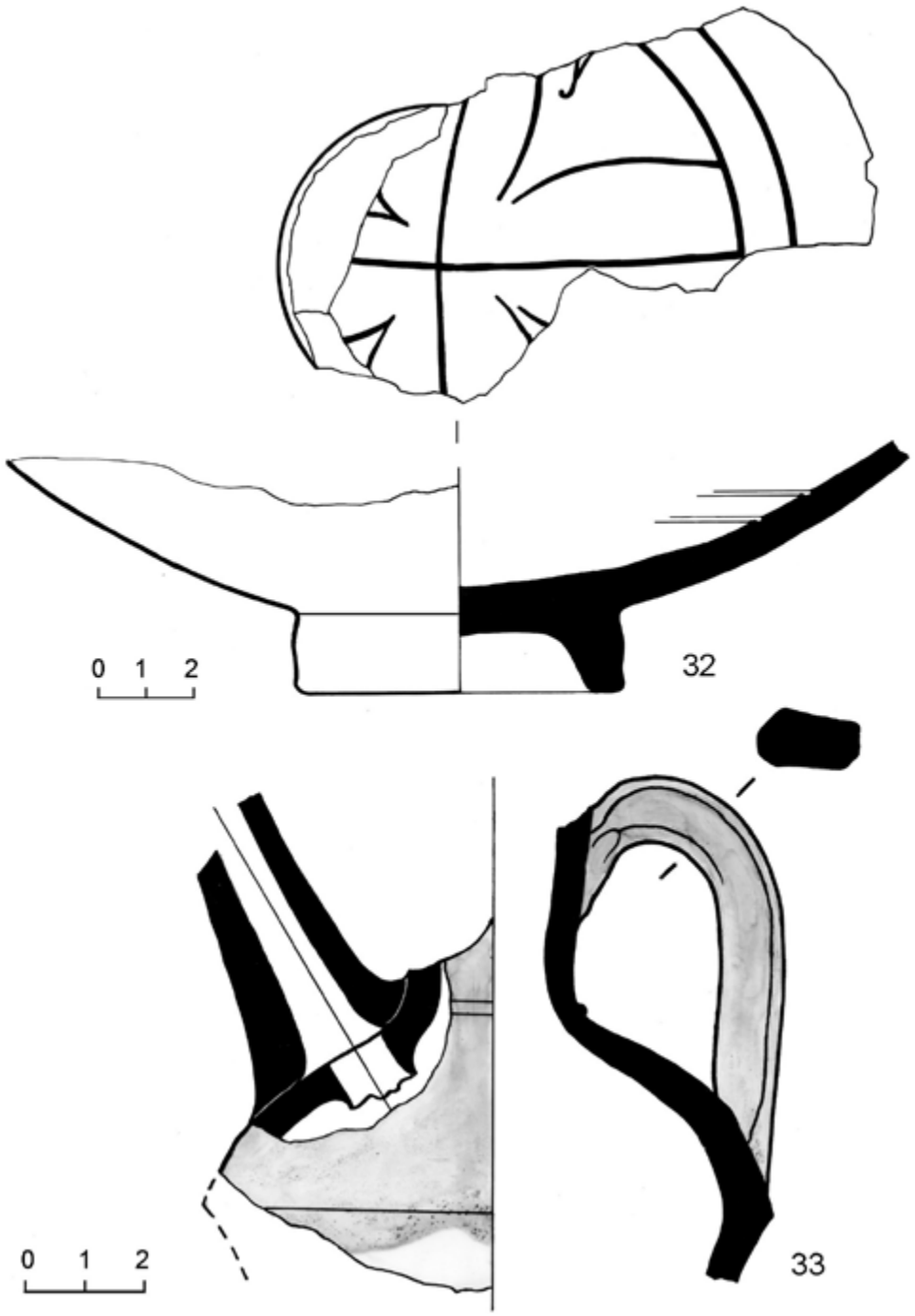


Рис. 12. Поливные сосуды типа Monochrome Wares.

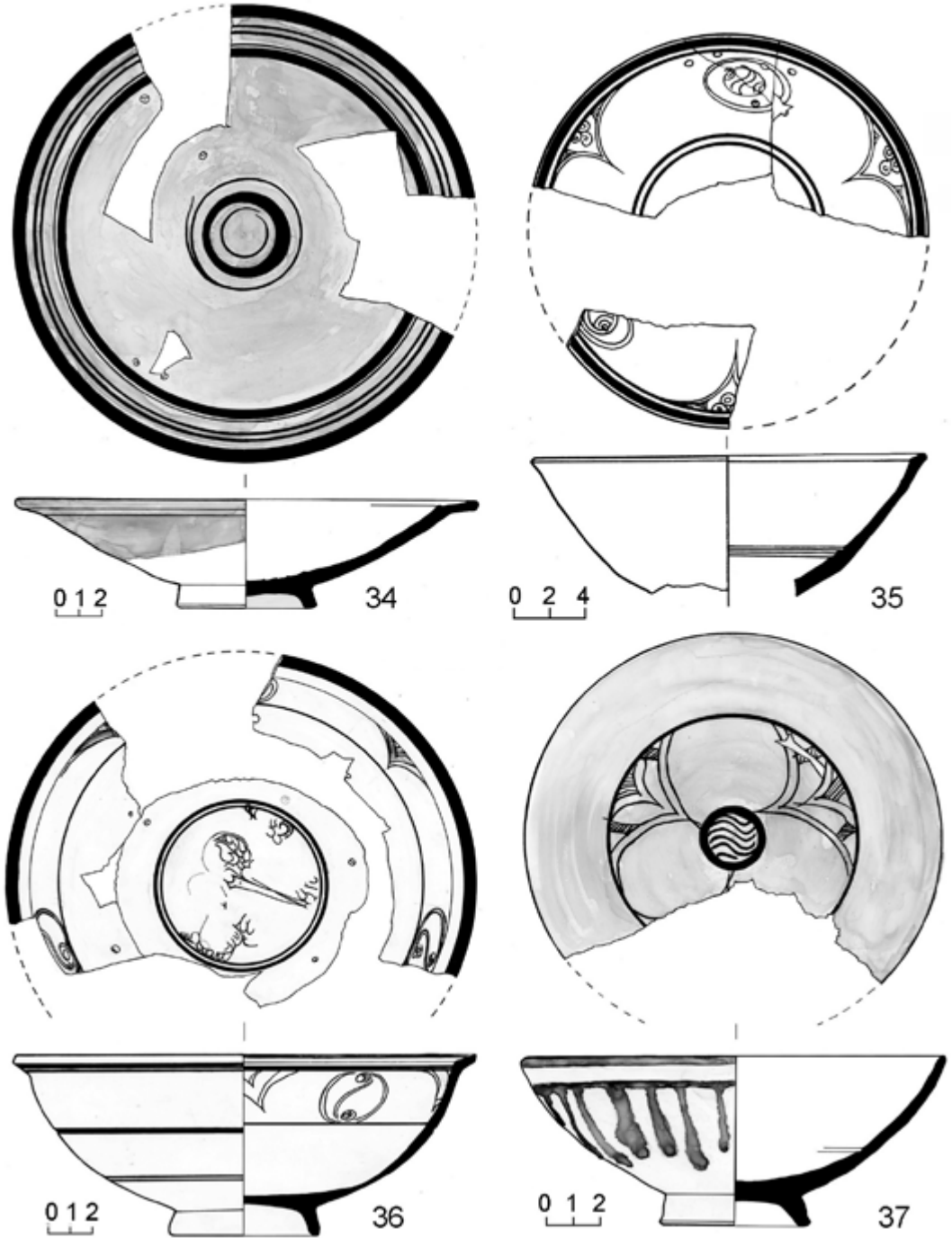


Рис. 13. Поливные сосуды типа Zeuxippus Ware.

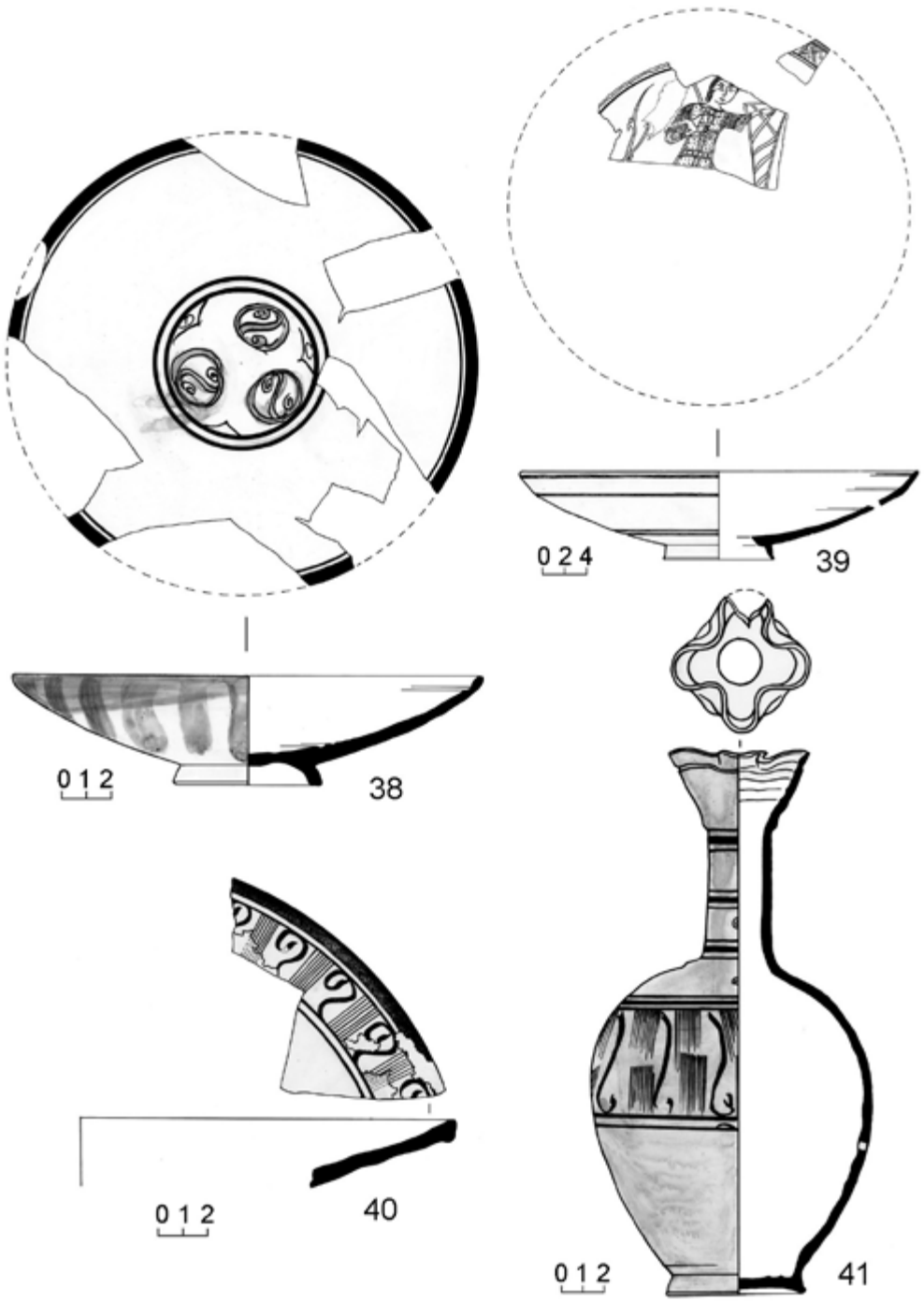


Рис. 14. Поливные сосуды типа Zeuxippus Ware.

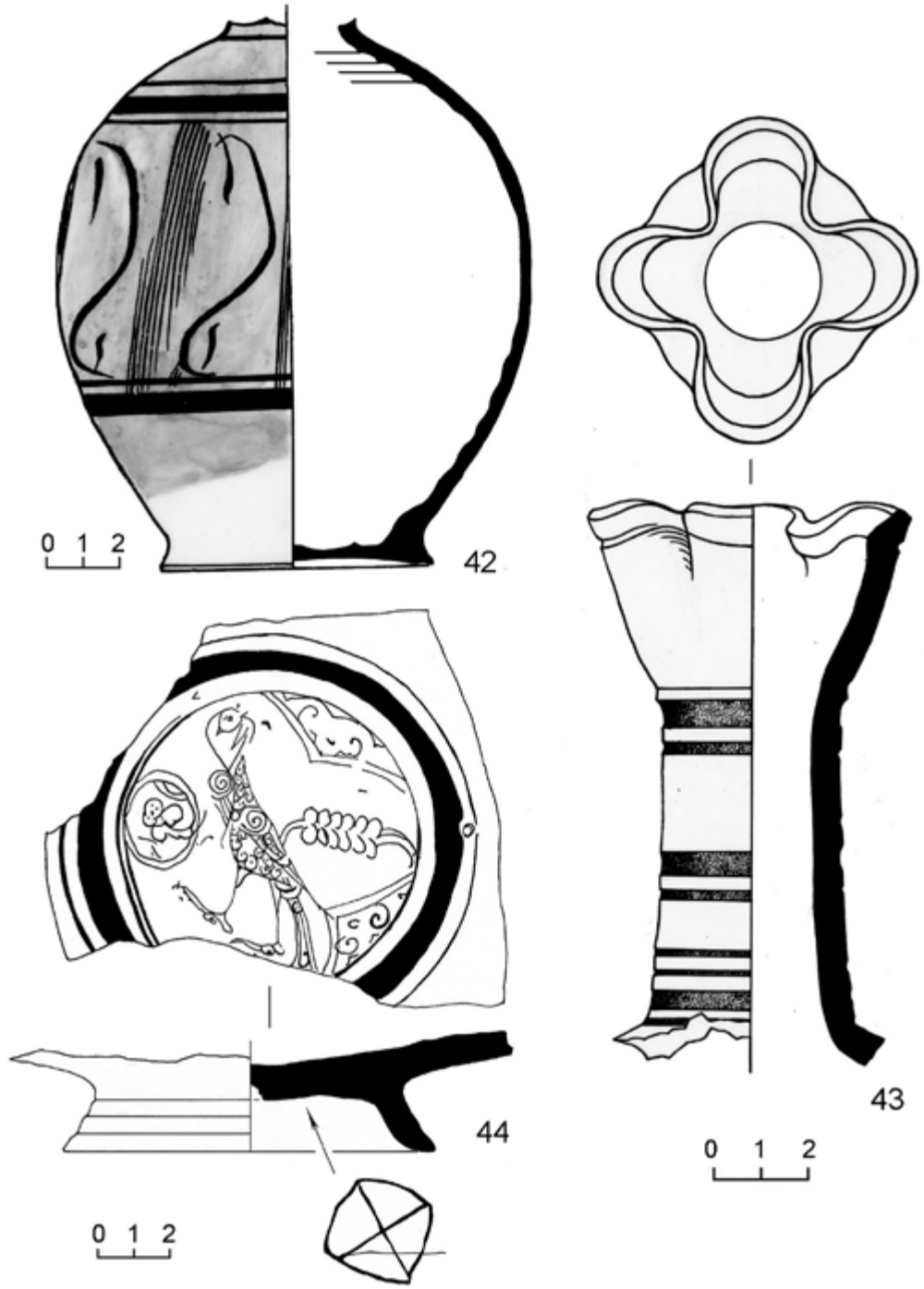


Рис. 15. Поливные сосуды типа Zeuxippus Ware.

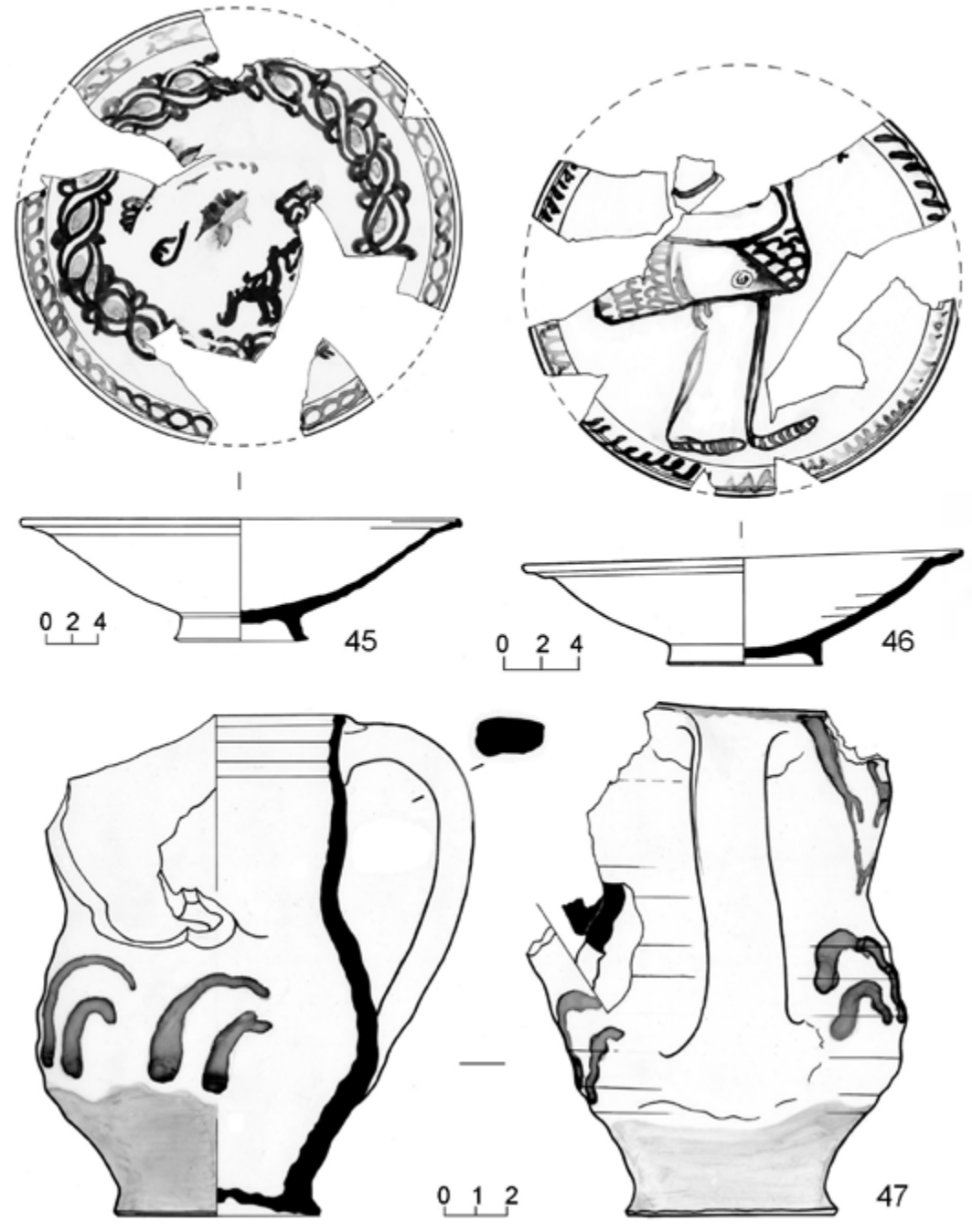


Рис. 16. Поливные сосуды типа Glazes White Ware IV.

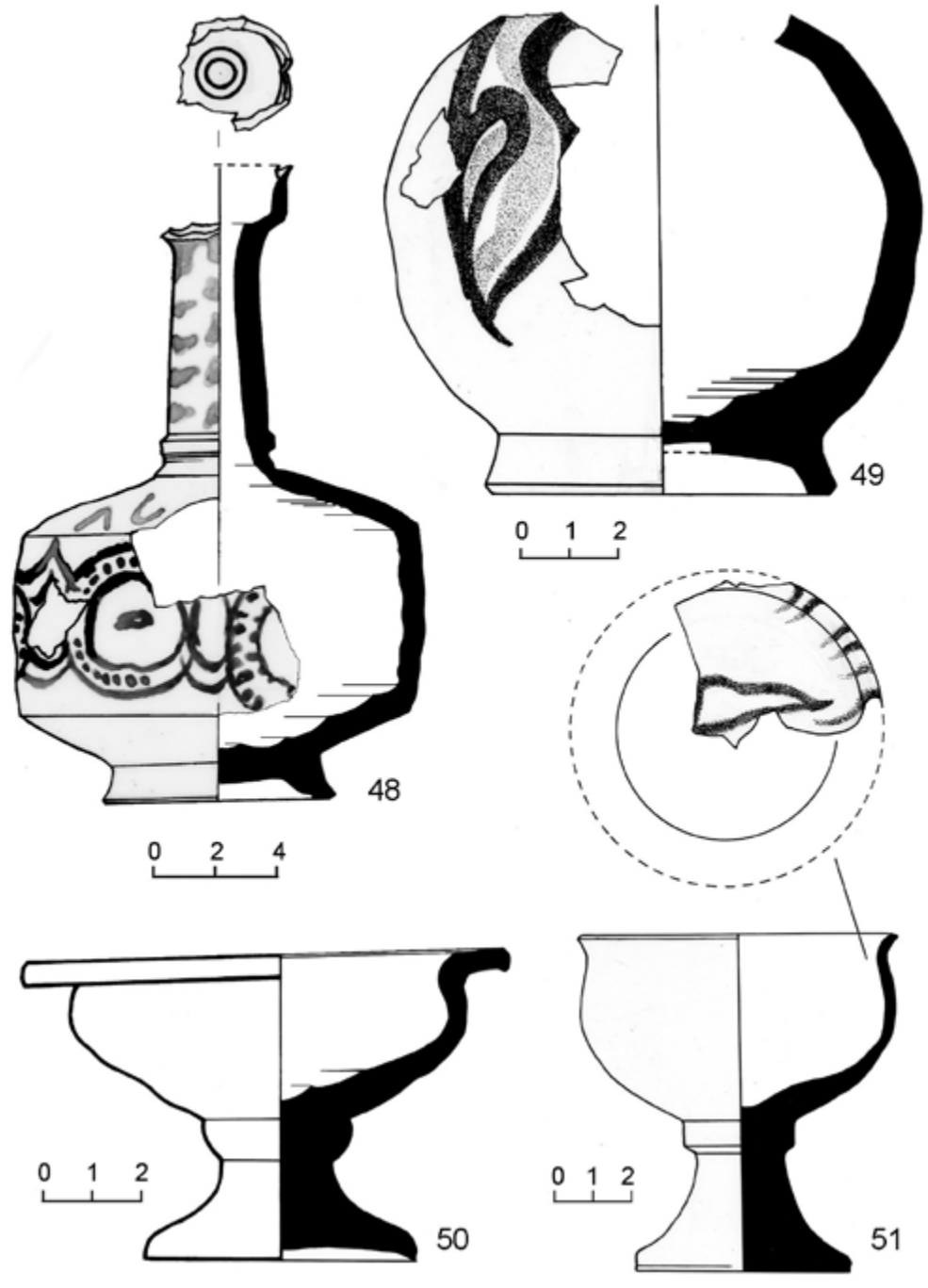


Рис. 17. Поливные сосуды типа Glazes White Ware IV.

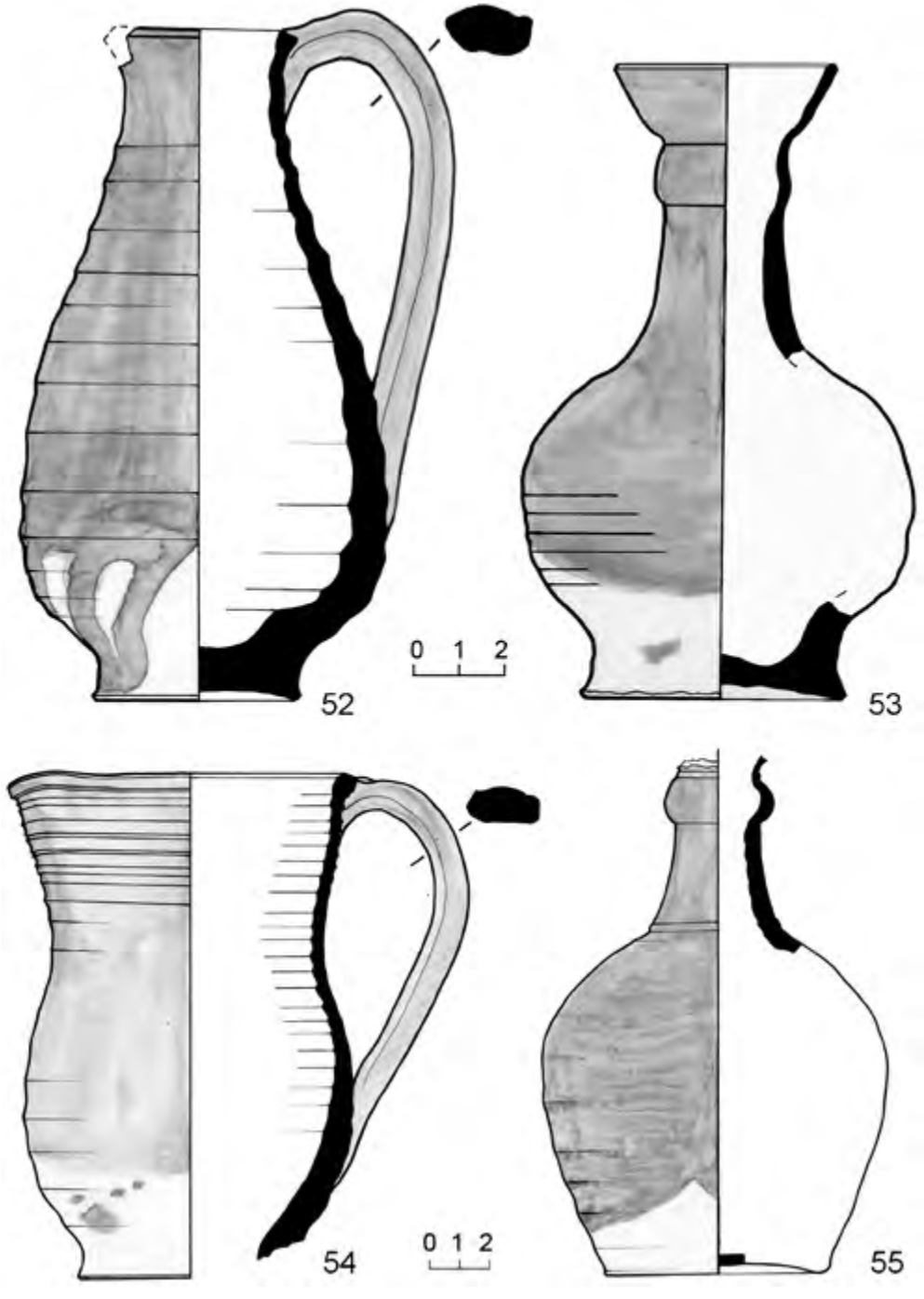


Рис. 18. Поливные сосуды типа Glazes White Ware IV.

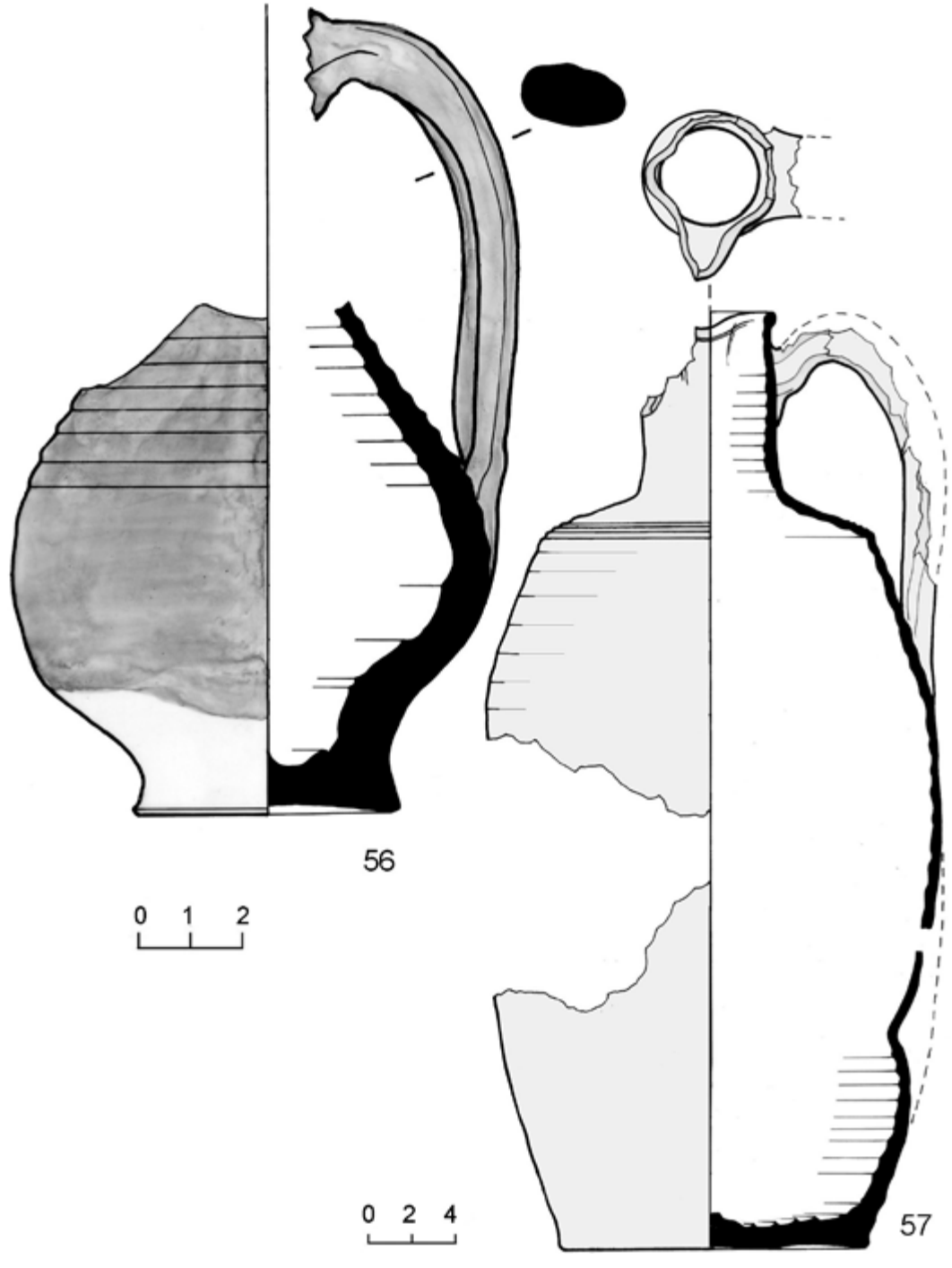


Рис. 19. Поливные сосуды типа Glazes White Ware IV.

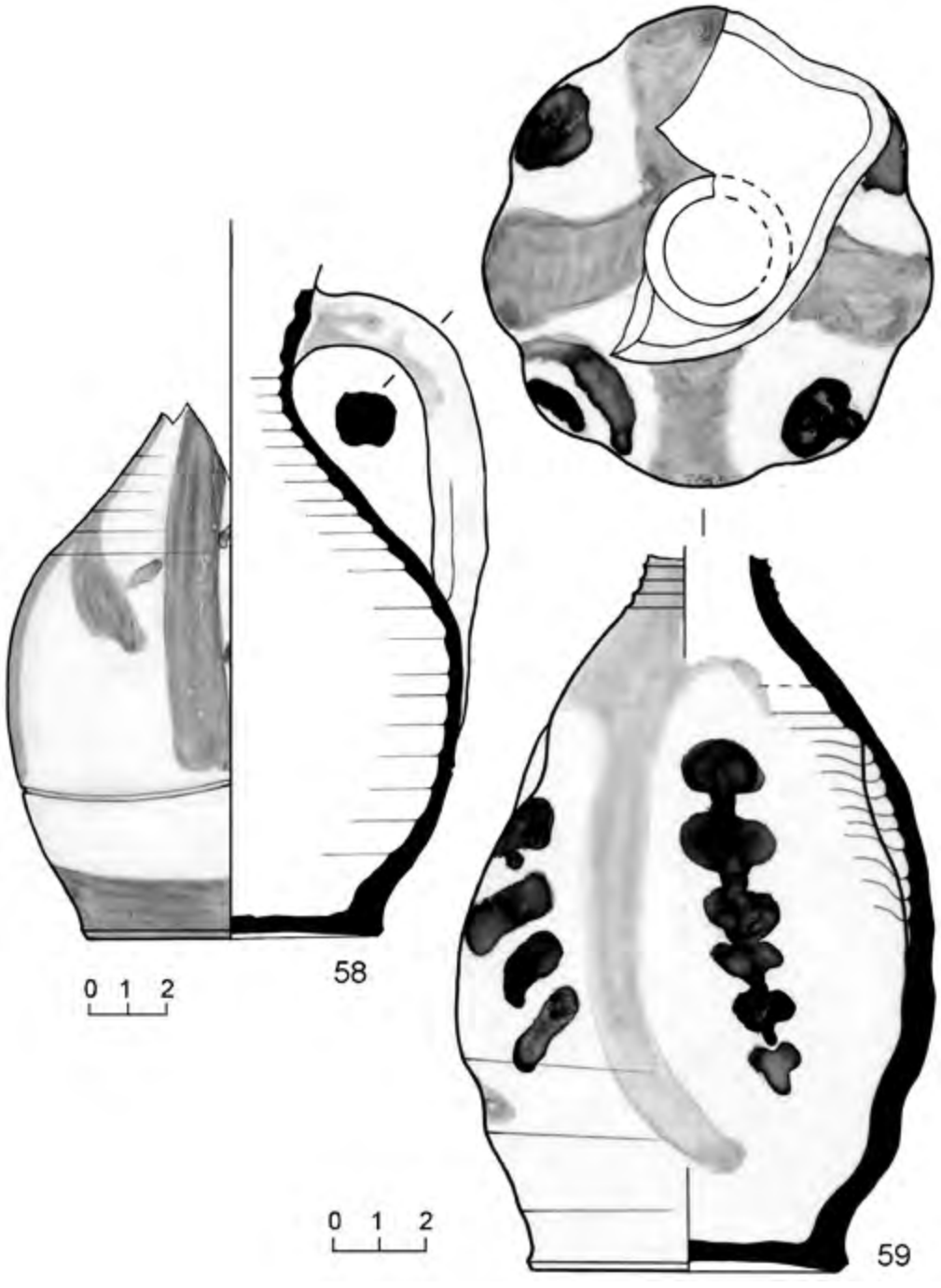


Рис. 20. Поливная полихромная расписная посуда.

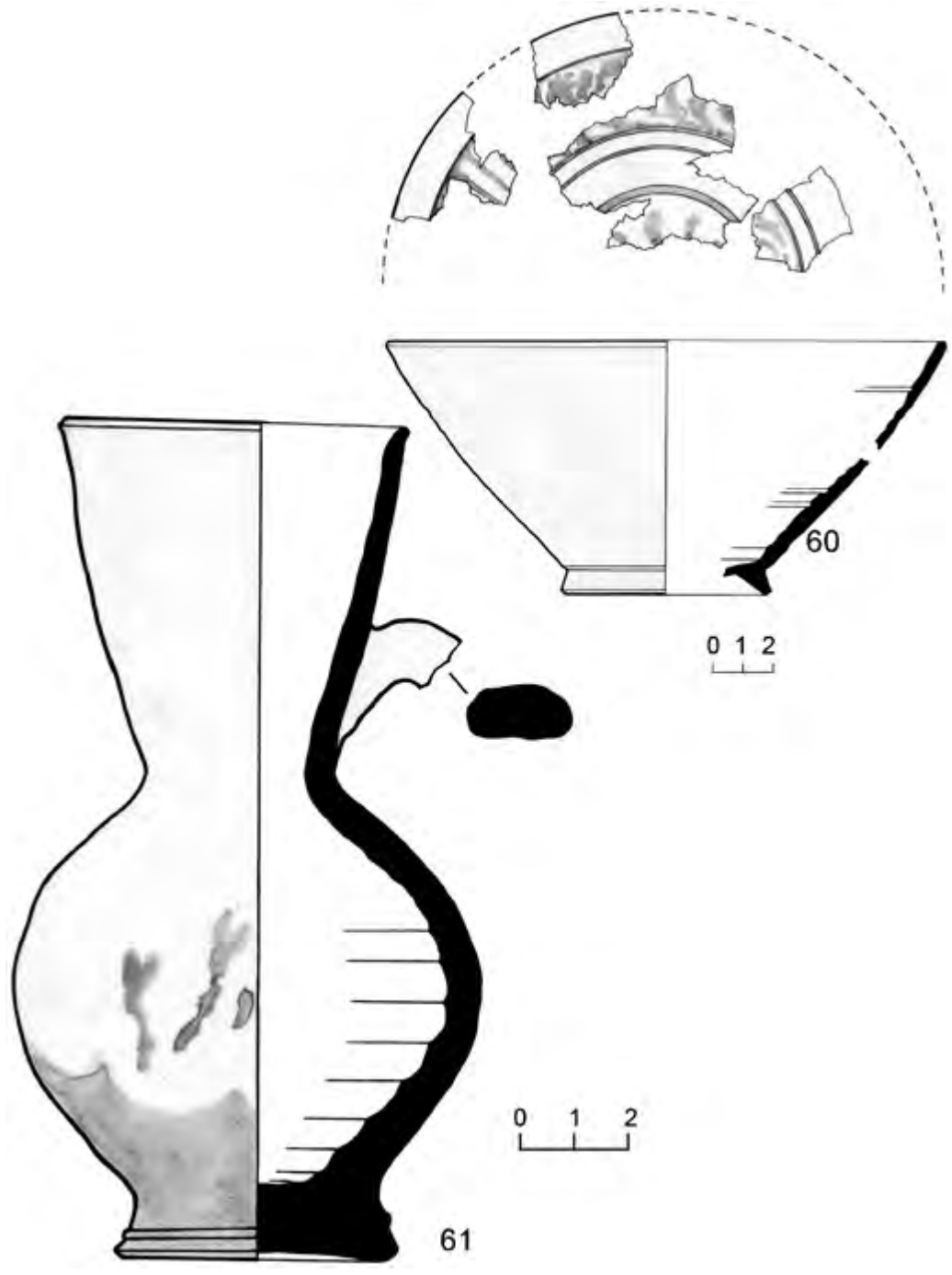


Рис. 21. Islamic frit ware.

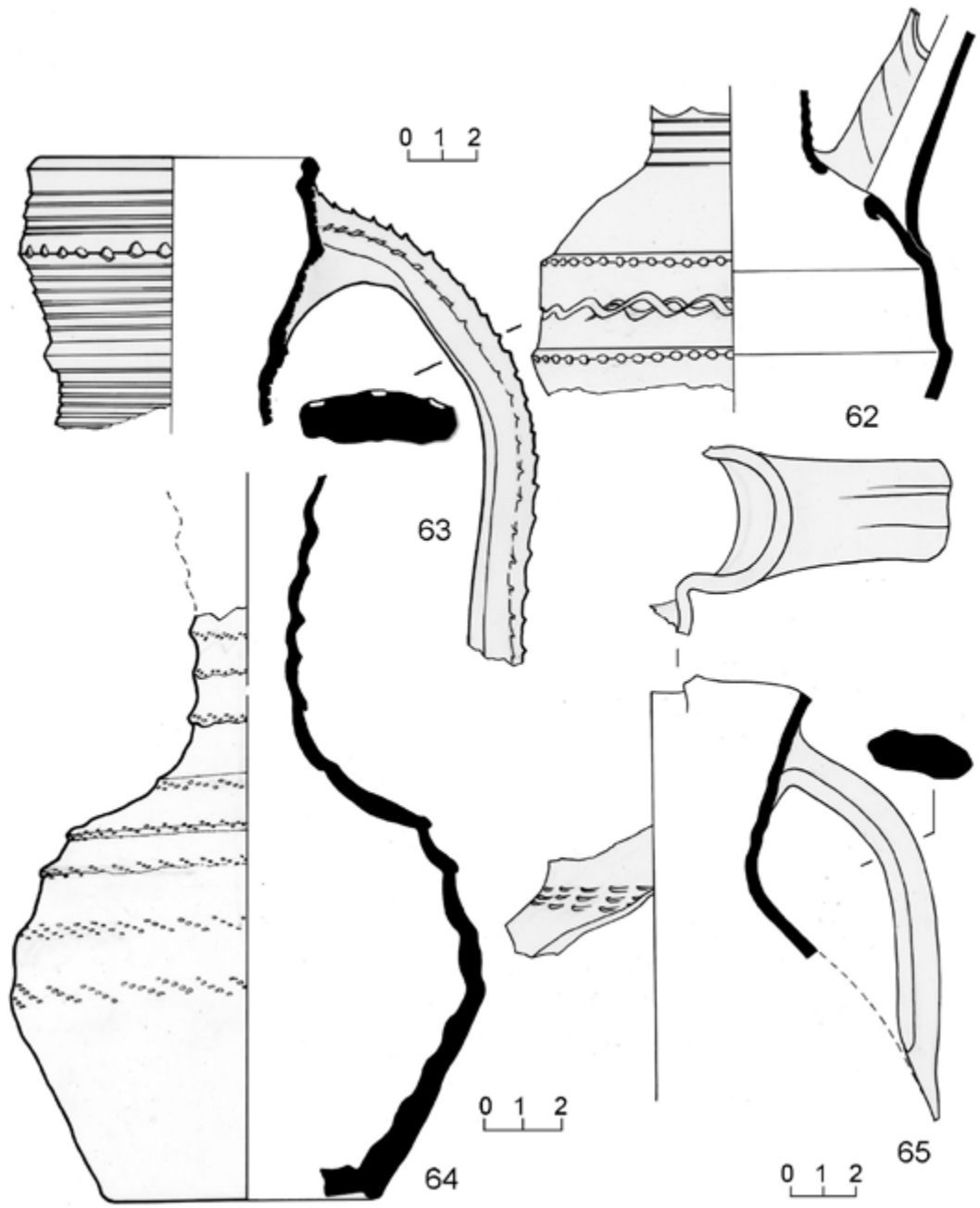


Рис. 22. Неполивная столовая посуда местного производства.

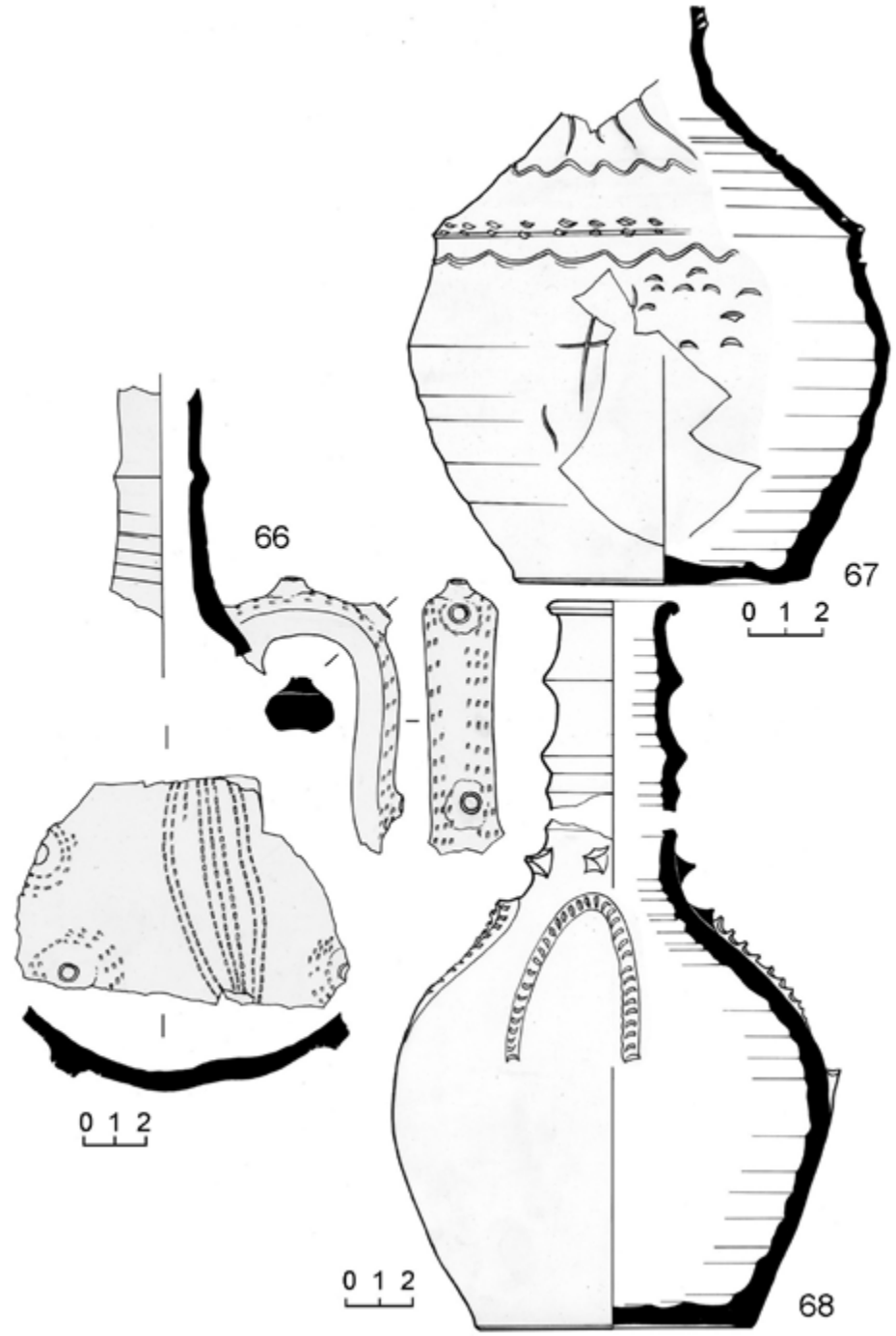


Рис. 23. Неполивная столовая посуда местного производства.

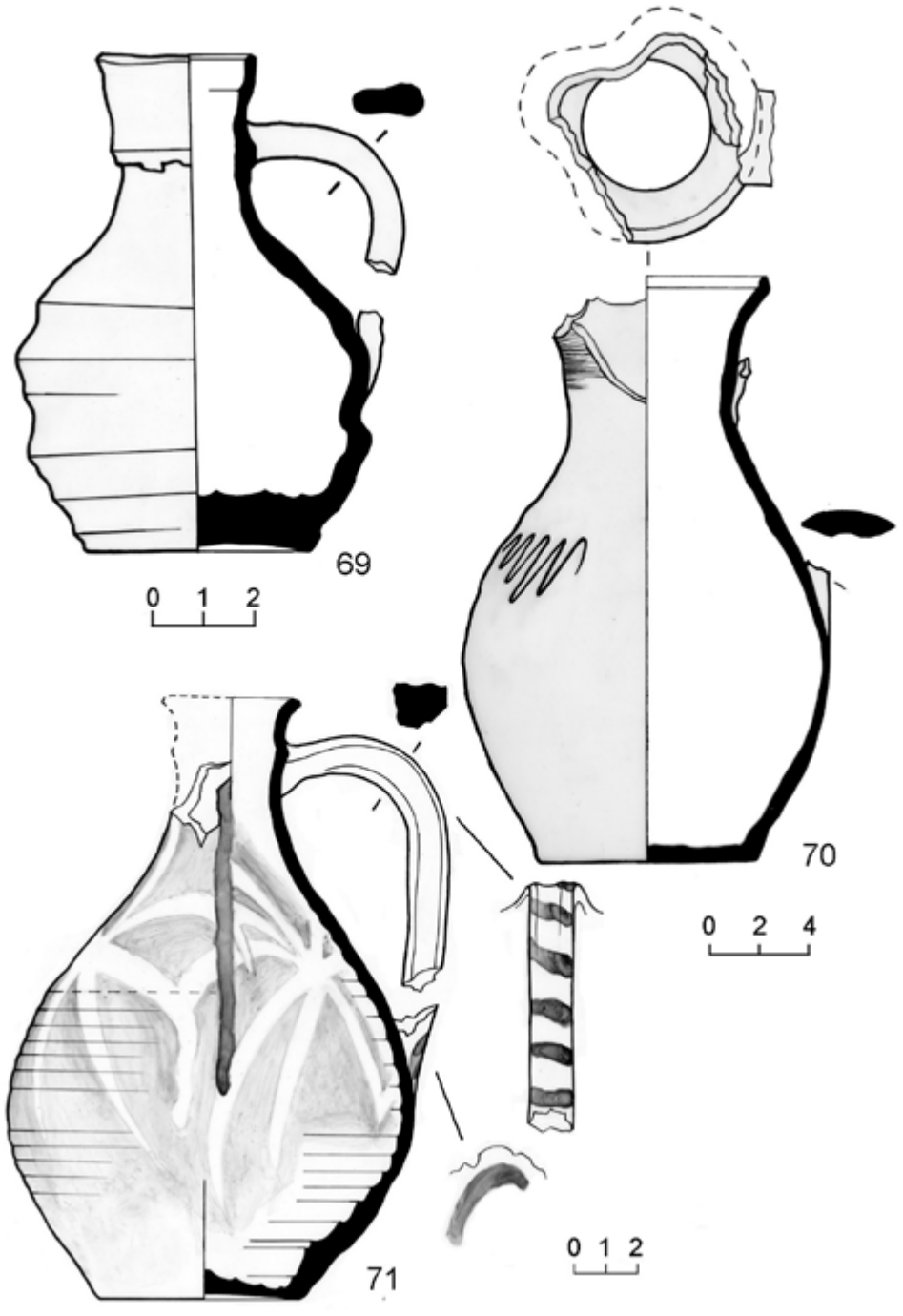


Рис. 24. Привозная неполивная столовая посуда.

И. Б. ТЕСЛЕНКО
Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА ЭПОХИ ПАЛЕОЛОГОВ ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ В АЛУШТЕ

Аннотация: После реставрации империи Ромеев под эгидой династии Палеологов в 1261 г. ее власть уже практически не распространялась на Таврику. Однако византийские товары, в частности керамика, продолжали поступать сюда на протяжении еще более полутора столетий. Основными их поставщиками были итальянские купцы, закрепившиеся на побережье Крыма. Для детализации представлений о масштабах этой торговли актуальными остаются полные публикации материалов раскопок различных археологических памятников. Исходя из этого, главной целью настоящей работы стало введение в научный оборот находок поливных керамических изделий византийского круга второй половины XIII – XIV вв. из раскопок небольшого средневекового городского центра, располагающегося на территории современной Алушты в Южном Крыму.

Ключевые слова: Крым, Южный берег, средневековье, эпоха Палеологов, морская торговля, византийская поливная керамика.

Начало эпохи Палеологовского возрождения ознаменовано активизацией торговли в Черноморском бассейне. С возвращением Константинополя к Ромеям в 1261 г. и воцарением там новой династии Палеологов, правившей до окончательной гибели Византии в 1453 г., изменились правила использования проливов, беспрепятственный и беспошлинный проход по которым теперь получают генуэзцы. Создавая серьезную конкуренцию венецианцам, они устремились в Северное Причерноморье, стремясь завоевать выгодные позиции на границе Степи, где активизировались торговые пути, проходящие по землям, завоеванным монголами.

Итогом усилий лигурийцев стало основание в Северном Причерноморье ряда торговых факторий, наиболее крупной из которых была Каффа в Юго-Восточном Крыму, просуществовавшая около двух столетий [54, p. 114–118] и постепенно распространившая свой контроль практически на все побережье Таврики от Боспора до Тарханкута [6].

С другой стороны, на территории государства Джучидов по линиям новых коммуникаций и на перевалочных пунктах торговых маршрутов также разрастались городские центры, крупнейшими из которых на Крымском полуострове стали подчиненная монголами во второй четверти XIII в. Сугдея (с 1365 г. переходит под власть генуэзцев) и основанный ими в 1260-е гг. Солхат – столица крымского Улуса [см. напр.: 20, с. 344–345; 29, с. 142–143; 30].

Торговая активность в Северном Причерноморье способствовала экономическому подъему Крыма, что нашло отражение в материальной культуре местного населения, в том числе в керамических комплексах, значительно пополнившихся новыми группами привозной керамики. И хоть власть самой Византийской империи уже практически не распространялась на Таврику, значительная часть керамического импорта при посредничестве итальянских купцов поступала с ее настоящих и бывших[1] владений, сохранявших византийские культурные традиции.

Основная масса привозимого заморского товара оседала в крупных городских центрах (Каффа, Судак, Солхат, Чембало), однако множество более мелких приморских населенных пунктов также оказались в какой-то степени задействованы в морских коммерческих операциях. Среди них и небольшой региональный центр, разросшийся вокруг возведенной в VI веке по приказу византийского императора Юстиниана (527–565) сторожевой крепости Алустон и известный из генуэзских письменных источников XIV в. под названием Луста [см. напр.: 21, с. 299]. Остатки этого населенного пункта располагаются в центре современной Алушты, на вершине прибрежной части хребта (историческое название – «Крепостная горка»), разделяющего долины рек Демерджи и Улу-Узень (Месарли).

Материалы многолетних археологических исследований памятника позволяют получить некоторое представление о масштабах поступления керамики византийского круга в крымскую провинцию в период всплеска коммерческой активности времен Палеологов.

Следует отметить, что теме византийского керамического импорта в Крым и Юго-Восточную Европу на протяжении последней трети XIII – XIV вв. в целом уделено уже довольно много внимания. К настоящему времени удалось выделить ряд характерных визуально фиксируемых признаков, по которым эта керамика выделяется в вещевых комплексах, а также уточнить хронологическую позицию некоторых групп [см. напр.: 5, с. 306–323; 8; 12; 13; 18; 35; 51, с. 398]. Однако, как уже отмечалось, для детализации сведений о масштабах торговли посудой в средневековом Крыму актуальными остаются полные публикации материалов раскопок различных археологических памятников [50, с. 226]. Исходя из этого, главной целью настоящей работы стало введение в научный оборот находок керамических изделий византийского круга палеологовского времени из Алушты.

Подготовительная часть исследования включала два этапа – изучение отчетной документации о раскопках городища и коллекций находок, переданных на

[1] Имеется в виду, в первую очередь, часть нынешней Греции.

хранение в государственный музейный фонд, в данном случае – Алуштинский историко-краеведческий музей (ныне Алуштинский отдел ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»).

Археологический контекст, общие замечания

Раскопки на территории городища проводились в 1981 (В. А. Сидоренко), 1984–1994 (В. Л. Мыц) и 1998 гг. (И. Б. Тесленко). Площадь территории, в той или иной мере затронутой этими работами, составила около 0,5 га (рис. 1). Исследования за его пределами, на различных участках посада, на склонах и у подножья «Крепостной горки» (небольшие раскопки, шурфовки, сбор подъемного материала, картографирование археологических объектов) предпринимались в 1998, 1999, 2000–2002, 2004, 2007, 2009 гг. (руководитель работ И. Б. Тесленко). В 2001 г. осуществлена топографическая съемка памятника (автор В. В. Семенов).

На основании данных археологии и свидетельств письменных источников В. Л. Мыц выделил пять основных этапов в истории средневековой Алушты [41]. Затем, с появлением новых данных, он несколько детализировал строительную периодизацию городища, уточнив отдельные из предложенных ранее датировок [42, с. 140, 170–176; 43, с. 76][2]. Выделенные исследователем «золотоордынский» (последняя четверть XIII в. – 1380-е гг.) и «генуэзский» (1380-е гг. – 1475 г.) периоды отчасти совпадают с палеологовской эпохой.

Нижний хронологический рубеж первого из них маркируется тотальным пожаром, произошедшим не ранее 1260-х гг. и уничтожившим городскую застройку. Один из жилищно-хозяйственных комплексов, сохранившийся и исследованный наилучшим образом, был недавно опубликован [44]. Культурные остатки со слоями аналогичного по времени и масштабам бедствия, кроме Алушты, зафиксированы также в Херсонесе, на Эски-Кермене, Бакле и в других средневековых населенных пунктах [1, с. 223; 24; 14; 15; 16; 44; 45 и др.]. По поводу точной даты этого события специалисты все еще не пришли к единому мнению [44]. Однако даты введенных в научный оборот нумизматических находок из связанных с ним контекстов не выходят за рамки конца 1250–1260-х гг. [3; 44, с. 96–97]. Среди причин катастрофы называют поход Ногая 1278 г. [44, с. 99], но убедительных доказательств в пользу этой версии пока мало.

Со временем правления Палеологов можно с уверенностью соотносить только комплексы, образовавшиеся после этих событий, на руинах сожженных домов. На Алуштинском городище – это остатки городской застройки на цитадели и за ее стенами, где к середине XIV в. появляется как минимум три новые линии городских улиц, повторяющие восточный контур цитадели (рис. 1).

[2] Детально о периодизации оборонительных рубежей см. [25].

В последней трети XIV в., предположительно в середине 1360-х гг., на городище случается очередной масштабный пожар[3]. В этот раз трагическое происшествие не повлияло на общую планировку городской застройки, она остается практически прежней. После ремонтов и реконструкций дома продолжают существовать на том же месте вплоть до турецкого вторжения 1475 г. Слои пожара 1360-х гг. и последовавших затем реконструкций выражены в стратиграфии памятника на отдельных его участках [48, с. 332–333], что позволяет уточнять датировку находок керамики в тех случаях, когда они увязаны с конкретным архитектурно-археологическим объектом и слоем[4].

Анализ керамических находок

В музейный фонд в более или менее полном объеме переданы материалы раскопок 1984–1987, 1992, 1993, 1998 (городище) и 1999, 2000–2002, 2007, 2009 (посад) гг. Частично в музей поступили находки 1988-1991, 1994, 2004 гг. (наиболее выразительные или чем-то примечательные артефакты). Методика раскопок и фиксации материала 1980-х гг. не соответствует современным представлениям о необходимом качестве научных полевых исследований, что во многом, видимо, было обусловлено спецификой новостроечных работ. По этой причине полученную выборку нельзя считать вполне репрезентативной, однако на ее основании все же можно составить общее впечатление о различных группах поздневизантийского импорта, поступавшего на городище.

В целом в музейной коллекции выявлено 89 изделий византийского круга из раскопок на территории городища, которые по условиям обнаружения и/или известным датированным аналогиям[5] могут быть отнесены к палеологовскому периоду (рис. 2–14)[6], еще 1 чаша и 2 блюда идентифицированы по рисункам и фотографии из отчетов 1985 и 1990 гг. [38, рис. 54,1; 55,4; 40, рис. 41].

[3] Датировка пожара подтверждается находками монет Узбека (1313–1339) с надчеканкой второй половины XIV в. и анонимной джучидской монеты, чеканенной в Сарай-ал-Джедид в 1350–1361 гг., в слоях, связанных с последующей реконструкцией строений [48, с. 332]. Анализ событий, которые могли стать причиной бедствия, см. напр. [43, с. 55–68].

[4] К сожалению, такое сопоставление возможно далеко не всегда из-за отсутствия детальной информации об условиях находки в коллекционных описях 1980-х – начала 1990-х годов, где зачастую ограничивались лишь указанием номеров раскопов и «штыков». Кроме того, в некоторых случаях информация в тексте отчета и ссылках на иллюстративный материал не совпадает с данными в коллекционной описи и соответственно не может быть признана достоверной.

[5] Для аналогий привлечены находки из хронологически гомогенных комплексов иных географически близких памятников, седи которых выделим материалы кораблекрушения у побережья пос. Новый Свет (Юго-Восточный Крым) [23; 74; 75], закрытых комплексов Азака [4; 8; 22; 32; 33; 34; 35] и культурных слоев Кабарди (Северное Приазовье) [11], селения Посидима (Юго-Восточный Крым) [7].

[6] На иллюстрациях к статье представлено 80 из них.

Эти предметы представляют несколько стилистических семей, которые не являются гомогенными. Они объединяют продукцию различных мастерских, образующих технологические группы, которые могут иметь также и хронологические отличия.

Наиболее представительна семья **керамики сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора** (“Sgraffito with Concentric Circles”, далее «SCC») – самая распространенная среди имитаций одного из типов так называемой «Зевксиповой» керамики (“Zeuxippus Derivative”, “Zeuxippus Influence Ware”, “Zeuxippus Ware Family”, др.) [73; 75 etc.]. Она составляет около 73% предмета коллекции (рис. 2–7; 8,*1–8*; 9). Около 95% этих сосудов покрыты монохромной желтой, коричнево-желтой (преобладают), зеленой или желтовато-зеленой глазурью с вариациями оттенков (рис. 2; 4–7; 8,*1–8*; 9). Около 5% – с подцветкой рисунка тонкими радиальными полосами зеленой краски под слабо окрашенной зеленовато-желтой глазурью (рис. 3,*1–3*).

Изделия в стиле «SCC» получили наибольшее распространение в последней трети XIII – первой четверти XIV вв. Они в обилии встречаются в Восточном Средиземноморье и Причерноморье, в том числе в Крыму и Приазовье, даже на небольших поселениях. Керамика «SCC» производилась во многих больших и малых мастерских от Северной Италии и Эгейского региона до Крыма, включая Западную Анатолию, Центральную Грецию и Балканы [73; 75, p. 360–361].

В алуштинской коллекции по визуально определимым признакам выделено *4 условных технологических группы* изделий этой семьи. Представители иных групп малочисленны, использование их для каких-либо обобщений не целесообразно.

Группа 1 – 27% семьи «SCC» алуштинской коллекции – наиболее близка к группе «Новый Свет» («Novy Svet Ware», далее «NS»), названной так по месту находки большой партии подобных изделий в грузе потерпевшего крушение корабля, остатки которого обнаружены у побережья одноименного поселка в Юго-Восточном Крыму [23; 74] (рис. 2; 8,*2,3,4,6,7*; 9,*4,5*). Она соответствует подгруппе 1 группы 1 по классификации керамики Кабарди (Приазовье) И. В. Волкова [11, с. 136], группе 2 византийской поливной керамики по С. Г. Бочарову, А. Н. Масловскому [8, с. 26] и группе 2 византийской керамики из поселения Посидима (Юго-Восточный Крым) по С. Г. Бочарову [7, с. 422–424]. Для нее характерен плотный красно-оранжевый черепок, мелкодисперсная формовочная масса с большим количеством мельчайшего песка и чешуек слюды, утончающийся к опорной плоскости край поддона, использование одноцветной яркой коричнево-желтой, желтой, реже зеленой глазури внутри и вдоль верхнего края снаружи, роспись в виде волны, вертикальных полос, а также потеки и пятна белого ангоба на внешней поверхности.

Группа «NS» представляет собой продукцию какой-то одной или близкородственных крупных мастерских, использовавших общий источник сырья. Эти изделия согласно археометрическим исследованиям были распространены довольно широко – от Восточного Средиземноморья до Северного Причерноморья (встречаются

в Акре, Никее/Изнике, Константинополе/Стамбуле, крымских городах и поселениях пр.). Место расположения самого производственного центра все еще остается не известным [73, p. 675–678; 75, p. 366–373]. Наиболее полный анализ морфологических типов сосудов группы в сочетании с результатами химического анализа формовочной массы приведены в статье французской исследовательницы С. Й. Ваксман и автора [75]. Химический анализ глины трех сосудов алуштинской коллекции (рис. 2,*3,5,9*) подтверждает принадлежность их к группе «NS» [73, p. 676–677, fig. 24–25].

Изделия из раскопок в Алуште представлены преимущественно фрагментами днищ. Частично реконструирована форма одного блюда (рис. 2,*3*), верхние части двух чаш с вертикальным слегка вогнутым бортом (рис. 2,1,*2*) и одной глубокой полусферической чашки, декорированной рядом пальцевых вдавлений в верхней части корпуса (рис. 2,***4***). Подавляющее большинство находок на лицевой поверхности украшено концентрическими кругами или спиралями. На одном днище окружность дополнена радиальными полосами, выполненными густой многорядной гребенкой (рис. 2,*6*), еще один обломок орнаментирован четырьмя парами радиальных волнистых линий (рис. 2,*7*).

По стилистике и некоторым технологическим особенностям к группе «NS» близки изделия мастерских Никеи/Изника [59], Анайи/Кадикалеси [63], Пергама и Константинополя [69, p. 148, fig. 2,IST45,121; 72, p. 120, fig. 1; 4; 9; 76]. Существенные отличия заметны лишь по химическим характеристикам состава сырья [70; 75, p. 367, fig. 18]. В связи с этим, с одной стороны нельзя исключать возможность наличия продукции этих или иных близкородственных центров в группе 1 алуштинской коллекции, с другой – такое сходство может свидетельствовать о дислокации мастерских, выпускавших керамику группы «NS», так же как и упомянутых выше, в Северо-Западной Анатолии или Восточной Фракии. Версия о производстве такой посуды в Трапезунде, утвердившаяся в русскоязычной научной литературе, слабо аргументирована [7, с. 425; 8, с. 30]. Автор этого предположения И. В. Волков, выделяя «несколько устойчивых подгрупп» в данной группе, что, по его мнению, свидетельствует «о работе серии родственных мастерских», предлагает два варианта возможной их локализации, а именно – Трапезундскую империю и центральную часть Византии (район Константинополя), однако в итоге не настаивает ни на одном из них [10, с. 288–289; 11, с. 136–137]. Он отмечает, что «сходство рассматриваемой керамики с амфорами «трапезундской» группы … на текущий момент – *самый веский аргумент против версии их (как и амфор) происхождения из Трапезундской империи»* (выделено мною – И.Т.) и что «встречаемость такой керамики за проливами … может свидетельствовать о ее происхождении не из Причерноморья, по крайней мере, не из Трапезундской империи» [11, с. 136]. Аргументами в пользу «центральной части Византии» он считает широкое распространение этой керамики за пределами центра как в южном – юго-западном, так и в северном – северо-восточном направлении от центра [10, с. 288; 11, с. 136]. С другой стороны, исследователя смущает, что «именно в это время Константинополь находился под властью латинян»

и это обстоятельство, по мнению Игоря Викторовича вряд ли способствовало «бурному развитию» здесь производства поливной керамики и столь широкому ее распространению [10, с. 289; 11, с. 137]. Однако это не совсем так.

Во-первых, во время правления латинян керамическое производство на завоеванных ими территориях не пришло в упадок[7]. Так, например, в Халкисе (Халкиде) под властью венецианцев продолжалось массовое изготовление амфор так называемой «триллийской группы» (тип II и III по Н. Гюнсенин)[8], а также поливной керамики «Эгейской группы» или «Middle Byzantine Production» (MBP) [71], ассортимент которой значительно изменился только к середине XIII в., что могло быть связано, например, с изменением кулинарных привычек, новыми модными тенденциями в декоре керамики и пр. (в Халкисе также начали изготавливать сосуды с простым линейным или спиралевидным орнаментом) [77; 78]. В Константинополе в период правления латинян продолжался массовый выпуск белоглиняной керамики с росписью минеральными красками (GWW IV), значительный поток импорта которой был направлен в Причерноморский регион. Причем изготовление GWW IV продолжалось вплоть до возвращения в столицу власти Ромеев и даже, вероятно, некоторое время спустя, что подтверждает крупная партия белоглиняной расписной посуды в грузе «новосветского» корабля, а также многочисленные находки ее в комплексах со слоями пожара, случившегося не ранее 1260 г. [14; 44; 74].

Отсутствие на Кабарди амфор так называемой «триллийской» группы как раз может свидетельствовать о некотором кризисе венецианской торговли в регионе, произошедшем после исчезновения с политической карты Латинской империи[9].

Во-вторых, массовый выпуск керамики именно указанной группы начался, скорее всего, уже после возвращения Константинополя под власть Ромеев, о чем свидетельствует отсутствие группы «NS» в многочисленных слоях пожара второй

[7] Радикальные перемены в производстве и торговле не всегда синхронны смене власти, тем более если эта власть лояльна к местному населению и ей выгодно сохранять и развивать местные ремесла, а также торговать получаемой от них продукцией. В таких условиях, наоборот, может наблюдаться даже некоторый экономический подъем в среде покоренного населения.

[8] Халкис был не единственным центром производства этого типа амфор, но довольно мощным. Его продукция согласно химическим исследованиям сырья фиксируется на различных памятниках Причерноморско-Средиземноморского региона, в том числе в грузе «новосветского» корабля [78].

[9] Верхнюю хронологическую границу керамического комплекса Кабарди, вероятно, следует отнести ко времени не ранее 1261-го г., но, скорее всего, не позже конца третьей четверти XIII в., когда в археологических комплексах становятся заметны другие группы поливной посуды, в том числе увеличивается количество изделий мастерских Юго-Восточного Крыма [7; 35]. А. Н. Масловский также аргументировано предлагает не ограничивать верхнюю дату Кабарди, а соответственно и раннего комплекса Азака 1261 г., предлагая для нее более широкий диапазон в рамках 60-х гг. или третьей четверти XIII в. [33, с. 290–292].

половины XIII в. на памятниках Крыма, а финал синхронен началу крупных завоеваний Османов в Северо-Западной Анатолии.

Для уточнения нижней даты появления керамики группы «NS» важно учитывать комплексы двух категорий: наиболее поздние, где этой керамики еще нет, и наиболее ранние, где она уже встречается.

Среди «поздних» контекстов – слои пожара и разрушений на городищах Крыма, датируемые монетами конца 1250–1260-х гг.

Из «ранних» объектов необходимо упомянуть следующие.

1. Кораблекрушение у побережья пос. Новый Свет. Его нижняя дата определяется тремя с половиной десятками монет трапезундского императора Мануила I Комнина (1238–1263) 1260-х гг. выпуска [19].

2. Заполнение пифосных ям в портовой части Судака с находками трех пулов чеканки Солхата 1260-х и 1270-х гг., два из которых с изображением стремявидной тамги [31], появляющимся на джучидских монетах не ранее 665 г.х. (1266 г.) [17].

3. Ранний комплекс из раскопок Азака, датируемый второй половиной третьей четверти XIII в. (не ранее 1263–1269 гг.) [33].

4. Керамический комплекс Кабарди [11].

Приведенные данные позволяют датировать массовое появление керамики группы «NS» в Северном Причерноморье не ранее самого начала 1260-х гг., но не позднее 1270-х гг., то есть – ранним периодом правления Палеологов. Верхняя дата наибольшего распространения по материалам Азака и Крыма приходится на последнюю четверть XIII в. В комплексах 1310-х гг. преобладают уже иные группы византийского импорта [22]. Следовательно, период активного обращения «NS» на рынке составил около четверти столетия. Отдельные экземпляры этих изделий встречаются в слоях более позднего времени, в частности на крепости Чембало, основание которой относят к 1340-м гг.[10] Однако это уже раритеты, к тому же используемые вторично, вероятно, в изготовлении крышек для кувшинов [12, с. 106, рис. 4].

Материалы раскопок городища в Алуште мало информативны для уточнения хронологии керамики круга группы «NS» и позволяют лишь констатировать отсутствие ее в слоях пожара второй половины XIII в.[11], а также некоторую связь с жилищно-хозяйственной застройкой, возникшей после этого бедствия.

Группа 2 – около 60% семьи «SCC» алуштинской коллекции[12]. Для нее характерны мелкопористая структура черепка и заметные включения частиц рыхлого минерала белого цвета (извести) различной фракции в формовочной массе (отдельные зерна до 0,25 см в сечении). В работе С. Г. Бочарова и А. Н. Масловского по византийскому керамическому импорту изделия с такими признаками специально не отмечены, вероятно они оказались среди продукции «еще целого ряда византийских центров», примыкающих к выделенной ими группе 2 (она же «NS») [8, с. 26].

Группа не гомогенна. Здесь более-менее выразительна одна подгруппа (1), представители которой с внешней стороны покрыты тонким слоем вещества белого цвета, появившегося, возможно, в следствии выплавления на поверхности солей из формовочной массы в процессе обжига (рис. 6,*1,3–6*; 7,*1,5*) (около 12,5% семьи «SCC» алуштинской коллекции). По этому признаку, а также конфигурации профиля эти изделия наиболее близки к сосудам подгруппы 2 группы 1 по классификации И. В. Волкова для керамики Кабарди [11, с. 137] и соответственно, скорее всего, синхронны группе «NS». Кроющая глазурь насыщенного желтого цвета, матовая. Формы представлены блюдами с прямыми стенками без выраженного борта и чашами с вертикальным бортом, профиль которого с внешней стороны усложнен горизонтальным ребром. Отдельные фрагменты носят следы ремонта в виде просверленных по обожженной глине округлых отверстий (рис. 6,*3,4,7*).

Обломки прочих сосудов условно объединены в подгруппу 2 (не гомогенна). Здесь представлены два блока изделий: с монохромным покрытием глазурью желтого, желто-коричневого или зеленого цвета в вариациях оттенков (рис. 4,*1,2,4–6;* 5,*1,3*; 6,*2*; 7,*2–4,7*; 8,*5,9*; 9,*6–8*) и с подцветкой гравированного рисунка тонкими радиальными полосами зеленой краски под слабо окрашенной зеленоватой поливой (рис. 3,*1,2*). Детальная хронология их затруднительна и пока может быть определена лишь в границах распространения семьи «SCC» в целом. Все изделия по планиграфической и общей стратиграфической позиции тем или иным образом связаны с застройкой, возникшей после пожара второй половины XIII в. Более конкретные условия находки по отчетной документации удалось выяснить лишь для одного сосуда второго блока. Это крупная глубокая чаша с прямым, наклоненным вовнутрь бортом, реконструированная из 15 фрагментов (рис. 3,*1*). Она обнаружена на полу, соотносимом с первым строительным периодом одного из строений второй линии городских улиц снаружи цитадели (рис. 1,*66*) [39, с. 22–23, рис. 104]. Это обстоятельство не позволяет сколько-нибудь уточнить датировку предмета, но по крайней мере свидетельствует об использовании этого сосуда жителями данной усадьбы на первом этапе ее существования, завершившемся около середины 1360-х гг.

Группа 3 – около 13% семьи «SCC» алуштинской коллекции. Для нее характерен довольно плотный, иногда слегка слоистый черепок с тонкими порами, мелкозернистый песок и заметные включения частиц рыхлого минерала красновато-коричневого или темно-коричневого цвета в формовочной массе. Группа не гомогенна. В работе С. Г. Бочарова и А. Н. Масловского сосуды с такими признаками также специально не отмечены [8].

Здесь, как и в предыдущей группе, представлены два блока изделий: с монохромным покрытием глазурью (рис. 4,*3*; 5,*2*; 7,*6*; 8,*8*; 9,*3*) и с подцветкой гравиро-

[10] О хронологии памятника см. напр. [2].

[11] Отметим, что отдельные представители семьи «SCC», какие-то из дериватов т.н. Зевксиповой керамики, в слое пожара одной из усадеб Алушты присутствуют, однако они отличаются по визуально определимым особенностям состава сырья и морфологическим признакам от группы «NS» [44].

[12] К этой подгруппе относится также поддон одной чаши с иным декором, но сходными технологическими характеристиками (рис. 8,***9***).

ванного рисунка тонкими радиальными полосами зеленой краски под слабо окрашенной зеленоватой поливой (рис. 3,*3*). Условия находки предметов, отмеченные в отчетной документации, не дают оснований для детализации их хронологической позиции[13].

Группа 4 – представлена 2 фрагментами днищ с линейным концентрическим и спиралевидным декором (рис. 9,*1,2*). Она наиболее близка по визуальным характеристикам формовочной массы к продукции алуштинской гончарной мастерской, в которой могли копироваться византийские образцы и, таким образом, она может быть включена в ареал изделий византийского культурного влияния. Подтвердить или опровергнуть предложенную атрибуцию данных изделий можно будет только на основании специальных исследований сырья, химический состав которого для местной продукции уже известен [68]. Оба предмета происходят из слоев, связанных с жизнедеятельностью усадеб т. н. «золотоордынского» периода истории городища (рис. 1,*1,41*) [48, с. 333, рис. 14,6; 51, рис. 12,1; 15,11]. Следовательно, верхняя дата их бытования может пока быть определена временем первого разорения этих усадеб, около середины 1360-х гг. Стиль декора в целом характерен для византийской керамики более раннего времени, возможно это одни из первых изделий местной мастерской.

Вторая стилистическая семья включает **изделия, декорированные пятнами пурпурно-коричневой краски («брызгами марганца») под слабо окрашенной желтой глазурью** (Manganese Painted Plane or Sgraffito Ware, далее «MPW»). Для изделий характерны два способа украшения внешней поверхности: расцветка исключительно пятнами марганца различной конфигурации (удлиненные, округлые, аморфные); сочетание раскраски с орнаментом сграффито в виде концентрических кругов. В алуштинской коллекции «MPW» представлены четырьмя фрагментами сосудов открытой формы (около 4% коллекции): двумя днищами, верхней частью блюда с узким условно горизонтальным бортом и венчиком небольшой полусферической чашки (рис. 11,*1–4*). Структура черепка мелкозернистая. Для формовочной массы характерны примеси мелкого песка, белых чешуйчатых блесток (слюда?), частиц мягкого минерала красно-коричневого цвета. Эти признаки, а также стиль и манера декора позволяют соотнести ее с одной из групп византийского импорта, получившего распространение в Северном Причерноморье в золотоордынский период (она включена в группу 14А по А. Масловскому, группу 3 по С. Г. Бочарову и А. Н. Масловскому) [32, с. 393–397; 35; 8, с. 26–30]. Серия изделий «MPW», по наблюдениям А. Н. Масловского, была массовой только в первой четверти XIV в. [35, с. 237]. Контекст алуштинских находок не позволяет сколько-нибудь уточнить хронологическую позицию этой стилистической семьи византийского импорта.

Вопросы происхождения и распространения «MPW», безусловно, нуждаются в дополнительных исследованиях. Предположения коллег о «трапезундском» источнике этого товара не имеют пока каких-либо вещественных доказательств, также сомнительны замечания о большой редкости «MPW» «в пределах византийского мира» [9, с. 21]. На сегодня известны как минимум один гончарный центр в Северо-Западной Анатолии (Пергам) и один в Константинополе/Стамбуле (район Сиркеджи), где среди продукции иного стиля есть и «MPW» [69, p. 148, fig. 2,IST116; 76, p. 334–336, fig. 8,IST116,117; 72, p. 114–116, fig. 8]. Находки готовых изделий «MPW» этих или иных центров при раскопках объектов с материалами XIII – начала XIV вв. здесь также встречаются [см., напр.: 55, taf. 186,2; 58, tab. 49,230–236; 50,237,238; 76, p. 336, fig. 9]. Стиль «MPW» палеологовского времени, вероятно, наследовал традиции византийской белоглиняной расписной керамики предшествующего периода, в декоре которой использовалась расцветка аморфными пятнами зеленой или пурпурно-коричневой краски под слабо окрашенной желтой или зеленоватой глазурью [61, p. 31, pl. 7,g,i].

[13] Лишь по отношению к двум предметам отмечено, что они происходят из «помещения 1» без указания слоя [37, с. 41, 44] (рис. 1,*1*; 8,*8*; 9,*3*).

Третья стилистическая семья включает **изделия с разнообразным орнаментом сграффито, как покрытом монохромной глазурью, так и с подцветкой пятнами зеленой и/или коричневой краски** (Monochrome Sgraffito Ware, Green/ Brown or Green and Brown Sgraffito Ware, Late Byzantine Sgraffito Ware etc., далее **«LBSW»**). Подобные сосуды сопоставимы с наиболее массовыми представителями группы 14А по азакской классификации А. Н. Масловского [32, с. 393–397; 35, с. 232] и группы 3 византийского керамического импорта Северного Причерноморья по С. Г. Бочарову, А. Н. Масловскому [8, с. 26].

В алуштинской коллекции «LBSW» представлены 1 полуэллипсоидальной чашкой с полным профилем и фрагментами еще 6 сосудов открытой формы (около 8% предметов коллекции) (рис. 10), которые условно можно объединить в одну технологическую группу.

Черепок довольно рыхлый, мелкопористый, легко крошится, на изломе коричневато-оранжевого цвета различной насыщенности. В формовочной массе значительное количество мелкозернистого песка, частицы мягкого минерала красно-коричневого цвета, заметны включения белых блесток. Орнамент выполнен резцами одной (около 0,2 см) или различной (около 0,2 и 0,1 см) ширины. Среди элементов декора – концентрические круги, эллиптические заостренные лепестки, восьмеркообразные фигуры, как правило в сочетании с сетчатой либо наклонной штриховкой. Внутри полива желтая от светлых до темных тонов, снаружи в верхней части сосудов – светло-зеленая, 1 экземпляр декорирован с обеих сторон (рис. 10,*3*).

В отличие от Алушты, в Азаке – это наиболее массовая группа византийского импорта, максимальное распространение которой здесь приходится на конец XIII – первую четверть XIV вв. В этот период ее доля среди поливной керамики комплексов может превышать 50%, но со второй половины 1330-х гг. она уже в 2 раза уступает продукции Юго-Восточного Крыма по численности, а к середине XIV в. ее импорт прекращается вовсе [8, с. 30; 34, с. 97; 35, с. 237]. А. Н. Масловский предлагает более узкую хронологию для некоторых стилистических серий, указывая,

например, что композиции с заштрихованными лепестками вокруг центрального медальона встречаются только в комплексах с пулами 1320–1330-х гг. [35, с. 237–238]. Учитывая незначительный процент этой семьи византийского импорта среди находок в Алуште, очевидно, что в палеологовский период город находился в стороне от основного потока данного товара. Отметим, что и в материалах раскопок Херсонеса, судя по опубликованным данным, «LBSW» хотя и встречаются гораздо чаще, чем в Алуште, однако также значительно уступают по численности изделиям семьи «SCC» [см., напр.: 46, табл. 14–27; 29,85–90; 41,142, 144; 43; 44, 149; 50 – «SCC», в том числе «NS»; 38; 39,131; 46,156–158; 51,159a; 52,169; 62,199 – «LBSW»].

Химические исследования сырья таких находок из Северного Причерноморья не проводились, поэтому их сложно с уверенностью соотнести с продукцией какого-либо из известных центров. В то же время, некоторые параллели в стиле и манере декора прослеживаются среди изделий мастерских Салоник, Микро Писто, Константинополя [65, p. 188–189; 69, p. 147–148, fig. 2,IST118; 79].

А. Н. Масловский считает наиболее вероятной «трапезундскую» локализацию для группы 14А [35, с. 238], в качестве одного из дополнительных аргументов указывая на интенсивные торговые связи Трапезунда с Азаком в этот период. Однако он не подкрепляет этот тезис какими-либо ссылками на материалы археологических исследований в этом регионе, которые, следует признать, труднодоступны.

На территории Северо-Западной Турции, где публикации результатов раскопок и каталогов музейных коллекций представлены в целом гораздо лучше, подобные находки не редкость [см., напр.: 56, p. 344–346, 369, 370, kat. 813, 814, 819, 823, 878, 879, 280, 281; 66].

Четвертая стилистическая семья алуштинской коллекции – **изделия со сложным врезным орнаментом, выполненным в выемчатой и сграффито технике** (так называемые «Elaborate Incised Ware», далее «EIW») – включает 14 реконструированных и фрагментированных изделий (чуть более 15% предметов коллекции) (рис. 12–14). По визуально фиксируемым признакам она может быть разделена на три технологические группы.

Группа 1 EIW составляет большинство (рис. 12,*3,4;* 13,*2–8;* 14,*1*). По описанию она близка группе 15А Азакской классификации А. Н. Масловского [32, с. 397–399] или группе 6 по С. Г. Бочарову и А. Н. Масловскому [8, с. 32–33].

Характерные признаки – оранжево-красный черепок, который довольно легко крошится, формовочная масса с большим количеством разнородного песка среди которого бывают заметны окатанные частицы рыхлого минерала бурого цвета, использование сграффито в сочетании с выемчатой техникой декора, сплошное покрытие глазурью внутри и снаружи, тонкие стенки готовых изделий.

В алуштинской коллекции представлены два вида сосудов: колоколовидный кубок с плоским дном (рис. 14,*1*) и полусферические чашки на достаточно высоких кольцевых поддонах усечено-конической формы небольшого диаметра (рис. 12,*3,4*; 13,*2–8*).

Орнаментация изделий разнообразна. Среди основных элементов украшения внутренней поверхности встречены фигура льва, кипарисы (рис. 12,*3,4*), различные плетенки, розетки, зигзаги, шахматный орнамент (рис. 13,*2–8*). Наружная сторона у двух изделий оформлена в виде стилизованных лепестков лотоса под зеленой или зеленовато-желтой глазурью (рис. 12,*4*; 14,*1*), у остальных – полностью (до поддона) покрыта зеленой или светло-желтой поливой по белому ангобу (рис. 12,*3*; 13,*2–8*).

Аналогичные изделия хорошо известны на средневековых памятниках Восточного Средиземноморья и Причерноморья: Константинополь, Никея, Салоники, Фасос, Родос, Калиакра, Варна, Несебр, Белгород-Днестровский, Херсонес, Чембало, Судак, Каффа, Азак и др. [см., напр.: 5; 12, с. 100–103, рис. 2–3; 26, с. 176–190; 27, с. 104–111; 28, с. 112–116; 46, с. 51–56, табл. 29,94,96–98; 30,99–105; 52, с. 256, цв. вст. 25,1–5; 53, с. 65–77, №№ 43, 57, 59, 60, 74, 75, 79; 60, p. 195–202; 65, p. 22; 69, с. 147–151].

Производство EIW традиционно связывают со столицей Византийской империи и ее ближайшими окрестностями [53, с. 64; 67, p. 38 и др.]. Археологические свидетельства существования такого производства в Константинополе были получены в 2007 г. при раскопках в районе Сиркеджи в Стамбуле. Здесь открыли остатки гончарной мастерской Палеологовского периода, значительную часть продукции которой составляли изделия в стиле EIW, очень близкие некоторым крымским находкам по визуальным характеристикам сырья, морфологии, технике и стилю декора [69, p. 147–151]. Однако, как отмечает в своей статье С. Й. Ваксман, химический анализ формовочных масс показал различия между некоторыми находками из Крыма и Стамбула, что свидетельствует о различном происхождении сырья и вероятно различных, хотя и близкородственных центрах производства, местонахождение которых пока не установлено [69, p. 150].

В Северном Причерноморье находки византийских EIW зафиксированы в комплексах не ранее середины – второй половины XIV в. [5, с. 308–309; 12, с. 101–103; 8, с. 32–33, рис. 5,3–13; 32, с. 397].

В Алуште большинство стратифицированных находок изделий группы 1 EIW происходит из культурных слоев, образовавшихся в промежутке между пожарами второй половины XIII и последней трети XIV в., что не противоречит указанной дате, однако и не уточняет ее. Для некоторых предметов удалось определить контекст более детально: реконструированный кубок и фрагменты верхней части небольшой чашки, оформленные изображениями лепестков лотоса с внешней стороны (рис. 12,*4*; 14,*1*), происходят из слоя пожара 1360-х гг. одной из усадеб, то есть, вероятно, еще находились в использовании на время бедствия [51, с. 398–399, рис. 12,6,7; 15,7,8].

Группа 2 EIW из Алушты представлена одной чашкой (рис. 14,*2*).

По визуальным характеристикам она ближе всего к местной керамике, так называемой группы Юго-Восточного Крыма (далее ЮВК) каффинской подгруппы. У нее плотный черепок, в изломе желто-красного цвета с более светлым, бежевым слоем у внешней поверхности; пластичная, достаточно однородная формовочная

масса, с мелкими частицами рыхлого минерала белого цвета (известняк) и мелкодробленого шамота (?). Ее лицевую поверхность украшает сложная плетенка, практически в точности копирующая изображения на византийских EIW [см., напр.: 60, fig. 2,1,7]. При этом форма самой чаши и даже техника выполнения ее поддона практически повторяет византийские образцы.

Чаша найдена на полу второго строительного периода одного из помещений, реконструированных после пожара последней трети XIV в. (рис. 1,*66*) [39, с. 19–23, 72, рис. 114], то есть в контексте не ранее 60-х гг. XIV в.

К *группе 3* отнесены 3 изделия (рис. 12,*1,2*; 13,*1*). Это небольшие полусферические чашки на высоких кольцевых поддонах усечено-конической формы небольшого диаметра, которые по конфигурации профиля и технике декора, так же как и предыдущий экземпляр, подобные чашкам группы 1, однако отличаются характеристикой формовочной массы. Черепок изделий плотный, насыщенного желто-красного цвета. Глина довольно пластичная, со значительным количеством мелких частиц извести[14], в целом похожа на формовочную массу продукции ЮВК, но с заметной примесью мелкозернистого песка. Одна из чаш украшена многослойным зигзагом, нанесенным широким и тонким резцами. Поле еще двух изделий заполняют изображения голубей, выполненные в технике резерважа и сграффито. Очень близкие по технике, стилю и манере исполнения изображения птиц известны на чашках из мастерских Салоник [65, p. 188–221], Никеи [59, p. 429–430, fig. 10] и Константинополя [69, p. 148, fig. 2,54,97]. Однако продукция этих мастерских значительно отличается составом формовочных масс от алуштинских экземпляров.

Чашки с изображением птиц происходят из заполнения ямы, соотносимой с первым строительным периодом помещения 65 (рис. 1) и таким образом могут быть датированы временем не позднее 1360-х годов [48, с. 332–333]. Третий сосуд найден в заполнении помещения 66 (рис. 1), детальный контекст находки не ясен.

Таким образом, из доступных для изучения материалов раскопок на территории средневекового городища в центре современной Алушты выделено 4 стилистических семьи и не менее 9 технологических групп керамики византийского круга, 6 из которых поступили сюда, вероятно, из заморских центров (Западной Анатолии? Балкан?), 3 – возможно, крымского происхождения. Однако все эти предположения безусловно нуждается в дальнейших исследованиях, в первую очередь, с применением археометрических методов.

Следует отметить, что не все разновидности византийского импорта, известного на сегодня в Северном Причерноморье, встречаются в Алуште. Например, среди керамических находок не удалось обнаружить кувшины с росписью вертикальными полосами белого ангоба, которые представлены на новосветском корабле, в комплексах Кабарди, Херсонесе [75, fig. 14–15; 11, рис. 20; 21; 46, табл. 1–2], группу светлоглиняных кухонных поливных сосудов, хорошо известную из раскопок в Азаке,

[14] При значительном увеличении заметно, что частицы округлых очертаний, с пузырьком воздуха внутри.

Чембало и поселений на Южном берегу Крыма (группа 16 по А. Н. Масловскому) [32а, с. 401–403, рис. 37,1–7; 52, с. 255, рис. 16,8–11], а также кувшины красочно декорированные в технике сграффито и резерважа, также представленные в Азаке, Кафе, Херсоне, Чембало, на других памятниках региона и за его пределами [см., напр.: 27, с. 103–107, рис. 41,9,10; 28, рис. 2,3; 12, рис. 1; 46, табл. 73–78; 32, с. 399–401, рис. 36; др.]. Если кухонные сосуды могли быть просто не взяты в коллекцию из-за своего ординарного вида, то отсутствие поливных декорированных кувшинов несколько удивляет. Возможно, они были более дорогими и менее востребованными в быту, поэтому не пользовались спросом среди местного населения небольшого приморского городка.

Кроме того, среди керамических материалов из раскопок городища крайне мало импортной керамики, синхронной рассматриваемой византийской посуде, но происходящей из других регионов. Например, золотоордынские кашинные изделия на городище встречаются лишь изредка в виде отдельных мелких фрагментов. В единственном экземпляре найден обломок итальянского кувшина группы «Maiolica arcaica blu» XIV в. [51, с. 402–403]. Другие группы западного и восточного импорта последней трети XIII–XIV вв., известные в Северном Причерноморье и Восточной Европе [см., напр.: 32, с. 412–444], в алуштинской коллекции обнаружить пока не удалось[15]. Это, видимо, обусловлено слабостью связей городища с крупными городскими центрами и некоторой его изоляцией от оживленной международной морской торговли, а также отсутствием заинтересованности торговцев, всегда стремящихся получить максимальные прибыли с наименьшими затратами, в поставках сюда более дорогостоящего товара.

Также очевидно преобладание в коллекции византийской керамики семьи «SCC» (сграффито с концентрическими кругами и спиралями), которая массово поступает в Северное Причерноморье примерно с 1260-х гг. до начала XIV в. Это обстоятельство, во-первых, свидетельствует о том, что населенный пункт в центре современной Алушты вскоре после пожара, случившегося не ранее 1260-х гг., продолжил свое существование и был вовлечен в торговые операции крупных игроков черноморского рынка, которыми на то время, безусловно, были итальянцы; во-вторых, позволяет предположить, что массовая незатейливая византийская керамика в этот период была достаточно выгодным товаром для региональной торговли, что в дальнейшем во многом, видимо, стимулировало развитие товарного поливного производства и в самом Крыму. Отсутствие сколько-нибудь значительного количества монетных находок на памятнике – следствие менового характера таких коммерческих операций.

[15] Более разнообразным ассортимент импортной керамики здесь становится к XV в., преимущественно его середине – третьей четверти (испанский люстр, турецкие «Miletus Ware», китайский селадон), когда византийская керамика уже не поступала в Северное Причерноморье, что, очевидно, было связано с глубоким кризисом и последующей гибелью империи Ромеев, однако он тоже был скорее скудным, чем массовым [47; 49; 42, с. 154].

К первой четверти XIV в. в Северном Причерноморье появляются новые группы изделий византийского круга с более разнообразной орнаментацией, однако на алуштинское городище они поступали уже в гораздо меньшем объеме.

Одной из причин этого явления могло быть развитие местного производства поливной посуды как в самой Лусте/Алуште [48], так и в городских центрах Юго-Восточного Крыма (Солхат, Сугдея, Каффа), продукция которых ко второй четверти – середине XIV в. стала доминирующей и на полуострове, и в соседних регионах, вытеснив со временем, вероятно, даже местных мелких производителей.

Вторым существенным фактором в уменьшении объемов импорта из Византийских центров стали завоевания турками-османами на протяжении 1300–1330-х гг. малоазийских владений Византии, где располагались крупные гончарные центры (Никея/Изник, Эфес, Анайя/Кадикалеси, Пергамон и др.). Как известно, в османский период здесь также было организовано керамическое производство, однако технология изготовления, ассортимент и стиль продукции были иные, что свидетельствует о кардинальной смене гончарных традиций с приходом нового населения [см., напр.: 57].

В середине – второй половине XIV в. на городище в небольшом количестве продолжала поступать столовая византийская посуда, однако это были уже более утонченные и, вероятно, более дорогостоящие изделия столичной школы, рассчитанные на отдельных потенциальных покупателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 215–227.
2. Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345–1475 гг.) // Таврические студии. Исторические науки. 2015. Вып. 7. С. 12–18.
3. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 187–191.
4. Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. 1998. Вып. 15. С. 179–252.
5. Бочаров С.Г. Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 306–323.
6. Бочаров С.Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Publishing House, 2016. С. 263–268. (Археологические источники Восточной Европы).

7. Бочаров С.Г. Поселение Посидима в Юго-Восточном Крыму и его керамический комплекс (рубеж XIII–XIV вв.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII века / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Казань; Кишинев: Stratum Publishing House, 2017. Т. 2. С. 409–446. (Археологические источники Восточной Европы).
8. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Волжская археология. 2012. № 1. С. 20–36.
9. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда) // Материалы первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск, 2012 / Ред. Ю. Д. Обухов. Казань: ИД «Казанская недвижимость», ИА им. А. Х. Халилова АН РТ, 2016. С. 20–42. (Археология евразийских степей. № 23).
10. Волков И.В. Надпись тушью на чаше из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. 2004. Вып. 19. С. 286–291.
11. Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 122–159.
12. Гинькут Н.В. Поливная керамика византийского круга из раскопок «Консульской церкви» генуэзкой крепости Чембало // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 99–120.
13. Гинькут Н.В. Византийская поливная керамика и ее имитации из раскопок генуэзской крепости Чембало // VI Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Севастополь, 2–6 июня 2014 г.). Тезисы докладов и сообщений / Ред.-сост. Н.А. Алексеенко. Севастополь: СПД Арефьев, 2014. С. 20–21.
14. Голофаст Л.А. 2008. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 345–384.
15. Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 275–377.
16. Голофаст Л.А., Рыжов С.Н. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
17. Гончаров Е.Ю. «Стремявидная» тамга – тамга Берке? (Джендский вклад в нумизматику Крыма) // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки / Ред. Г.В. Боряк. Київ, 2011. С. 58–65.
18. Гукин В.Д., Джанов А.В. Новые находки керамики византийского круга из раскопок портовой части средневековой Сугдеи в 2010–2011 годах // Труды Государственного Эрмитажа. 2013. Вып. 69: Византия в контексте мировой культуры: сборник научных трудов, посвященный памяти А.В. Банк (1906–1984). С. 30–39.
19. Дергачева Л.В., Зеленко С.М. Монеты Трапезунда с кораблекрушения XIII века в бухте поселка Новый Свет // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III. С. 425–439.
20. Джанов А.В. Судакская крепость. Двести лет исследований // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. Киев; Судак; СПб.: Академпериодика, 2006. С. 322–358.
21. Джанов А.В. Казалии Солдайи и Готии по данным книг Массарии Каффы // История и археология Крыма. 2017. Вып. V. С. 286–340.

22. Дмитриенко В.Н., Масловский А.Н. Комплекс 1310-х годов из раскопок Азака // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. 2006. Вып. 22. С. 231–257.
23. Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // Vita Antiqua. 1999. Вып. 2. С. 223–234.
24. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Кладовая дома XIII века в северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 182–194.
25. Кирилко В.П. Крепостные сооружения средневековой Алушты // Stratum plus. 2014. Вып. 6. С. 177–234.
26. Кравченко А.А., Столярик Е.С. Керамика византийского круга из Белгорода XIII–XIV веков // Материалы по археологии Северного Причерноморья / Ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1983. С. 176–190.
27. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре. Киев: Наукова думка, 1986. 128 с.
28. Кравченко А.А. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур / Ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1991. С. 111–120.
29. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа: Сб. науч. тр. / Ред. Г.И. Смирнова. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. С. 141–157.
30. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 506–532.
31. Майко В.В. Закрытый комплекс середины XIII в. из раскопок в портовой части средневековой Сугдеи // Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма. Материалы VI Международной научной конференции (Новый Свет, 6–7 октября 2012 г.) / Ред. В.Ю. Ганкевич, А.А. Непомнящий. Симферополь: Новый Свет, 2013. С. 185–194.
32. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. 2006. Вып. 21. С. 308–472.
33. Масловский А.Н. О времени возникновения Азака // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году. 2006. Вып. 22. С. 257–295.
34. Масловский А.Н. Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. 2008. Т. 6. С. 93–124.
35. Масловский А.Н. Об одной группе византийской поливной керамики кон. XIII – 1-й пол. XIV в. из раскопок золотоордынского Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. 2010. Т. 8. С. 231–252.
36. Масловский А.Н. Начало производства поливной керамики в Юго-Восточном Крыму в последней четверти XIII – первой половине XIV в. // Филология и культура. 2012. № 1(27). С. 192–196.
37. Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1984 г. // Архив ИА НАНУ. Д. 1984/7б.
38. Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1985 г. // Архив ИА НАНУ. Д. 1985/12в.
39. Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1988 г. // Архив ИА НАНУ. Д. 1988/30.

40. Мыц В.Л., Адаксина С.Б. Отчет о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1990 г. // Архив ИА НАНУ. Д. 1990/21б.
41. Мыц В.Л. Ранний этап строительства крепости Алустон // ВВ. 1997. Т. 57(82). С. 187–203.
42. Мыц В.Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / Сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Киев: Стилос, 2002. С. 139–189.
43. Мыц В.Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
44. Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики Монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII в. // Stratum Plus. 2016. Вып. 6. С. 69–106.
45. Паршина Е.А. «Дом священника» на театральной улице Херсонеса // Древняя и средневековая Таврика: Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной. Киев, 2015. С. 17–38. (Археологический альманах. № 33).
46. Романчук А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2003. 224 с., 228 табл.
47. Тесленко И. Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник / Ред. Н.М. Куковальская. Киев; Судак: Академпериодика, 2004. С. 467–494.
48. Тесленко И. Б. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 324–348.
49. Тесленко И.Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 385–410.
50. Тесленко И.Б. Поливная керамика Крыма от эпохи Золотой Орды и генуэзской колонизации до Османских завоеваний: 120 лет исследований (историографический очерк) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2016. Вып. VIII. С. 92–158.
51. Тесленко И.Б. Комплекс керамики из раскопок усадьбы золотоордынского периода на территории средневекового городища в Алуште (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII века / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Казань; Кишинев: Stratum Publishing House, 2017. Т. 2. С. 387–407. (Археологические источники Восточной Европы).
52. Тесленко И.Б., Лысенко А.В., Майко В.В., Семин С.В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // История и археология Крыма. 2017. Вып. V. С. 192–233.
53. Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика // Музей Императорского Одесского общества истории и древностей. 1906. Т. III. С. 52–83, IX табл. ил.
54. Balard M. La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). Vol. 2. Génes; Rome: École française de Rome, 1978.
55. Böhlendorf-Arslan B. Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei. Istanbul: Yayinlari, 2004.
56. Böhlendorf-Arslan B. Die Spätantike, byzantinische und postbyzantinische Keramik. Bestandskataloge. Band 4. Wiesbaden, 2013.
57. Burlot J., Waksman S.Y., Böhlendorf-Arslan B., Vroom J., Japp S., Teslenko I. The early Turkish pottery productions in western Anatolia: provenances, contextualization and techniques //

XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Antalya, 19–24 October 2015. Antalya, 2015. P. 427–429.
58. Doğer L. Hisartepe/Daskyleion Kazısı Bizans Seramikleri, Prof. Dr. Tomris Bakır'a Armağan. Daskyleion II. İstanbul: Ege Yayınları, 2012.
59. François V. Les ateliers de céramique byzantine de Nicée/Iznik et leur production (Xe-début XIVe siècle) // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1997. Vol. 121(1). P. 411–442.
60. François V. Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine á l'époque Paleologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 195–208.
61. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery. Princeton: University Press, 1992.
62. Inanan F. Anaia–Kadikalesi: A New Zeuxippus Ware Production Centre // Proceedings of the International Symposium "Trade and Production Through the Ages", Konya, 25–28 November 2008. Konya: Selçuk University, 2010. P. 115–128.
63. Inanan F. Zeuxippus Type Ceramics and Samples from Kadikalesi/Anaia, Kusadasi // Byzantine Craftsmen – Latin Patrons. Reflections from the Anaian Commercial Production in the Light of the Excavations at Kadikalesi near Kuşadası / Mercangöz Z. (ed.). Istanbul: Yayinlari, 2013. P. 59–76.
64. Karpov S. P. Main Changes in the Black Sea Trade and Novigation, 12th-15th centuries // Proceedings of the 22nd International congress of Byzantine Studies, Sofia, 22–27 August 2011. Sofia, 2011. P. 419–429.
65. Byzantine Glazed Ceramics / Ed. D. Papanicola-Bakirtzi. Athens: Archaeological Receipts Fund, 1999.
66. Patitucci Uggeri S. A type of polychrome derivative «zeuxippus ware» from excavations at Kyme (Turkey) // XIth Congress AIECM3 on medieval and modern period Mediterranean ceramics, Antalya, October 19–24, 2015. Antalya, 2015. P. 449–452.
67. Talbot Rice D. Byzantine Glazed Pottery. Oxford: Clarendon Press, 1930.
68. Teslenko I., Waksman S.Y. Lusta, a Small Glazed Pottery Workshop on the Southern coast of Crimea // In & Around. Ceramiche e comunitá. Secondo convegno tematico dell' AIECM3. Faenza, Museo Internazionale delle Ceramiche, 17–19 april 2015. Faenza: All'Insegna del Giglio, 2016. P. 192–194.
69. Waksman S.Y. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople / Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study // Atti del IX Congresso Internationale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009. Venezia, 2012. P. 147–151.
70. Waksman S.Y. The Identification and Diffusion of Anaia's Ceramic Products: A Preliminary Approach Using Chemical Analysis // Byzantine Craftsmen – Latin Patrons. Reflections from the Anaian Commercial Production in the Light of the Excavations at Kadikalesi near Kuşadası / Ed. Z. Mercangöz. Istanbul: Yayinlari, 2013. P. 101–112.
71. Waksman S.Y. Defining The Main "Middle Byzantine Production" (MBP): Changing Perspectives In Byzantine Pottery Studies // XIth Congress AIECM3 on medieval and modern period Mediterranean ceramics, Antalya, October 19–24, 2015. Antalya, 2015. P. 397–407.
72. Waksman S.Y., Spieser J.-M. Byzantine ceramics excavated in Pergamon. Archaeological classification and characterization of the local and imported productions by PIXE and INAA elemental analysis, mineralogy and petrography // Materials Analysis of Byzantine Pottery / Ed. H. Maguire. Washington D.C., 1997. P. 105–133.

73. Waksman S.Y., François V. Vers une redefinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware // Bulletin de correspondence hellénique. 2004–2005. P. 128–129, 629–724.
74. Waksman S.Y., Teslenko I., Zelenko S. Glazed Wares as Main Cargoes and Personal Belongings in the Novy Swet Shipwreck (13th c. AD, Crimea): a Diversity of Origins Investigated by Chemical Analysis // Actas del VIII Congreso Internacional de Ceramica Medieval. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marso de 2006. T. II. Ciudad Real: Asociación Española de Arceología Medieval, 2009. P. 851–856.
75. Waksman S.Y., Teslenko I. "Novy Svet Ware", an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations // International Journal of Nautical Archaeology. 2010. Vol. 39.2. P. 357–375.
76. Waksman S.Y., Erhan N., Eskalen S. Caractérisation des céramiques produites dans les ateliers de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2009 // Anatolia Antiqua. 2010. Vol. XVIII. P. 329–337.
77. Waksman S.Y., Kontogiannis N.D., Skartsis S.S., Vaxevanis G. The main "Middle Byzantine Production" and pottery manufacture in Thebes and Chalcis // Annual of the British School at Athens. 2014. Vol. 109. P. 379–422.
78. Waksman S.Y., Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Todorova E.P., Vaxevanis G. Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae // Journal of Archaeological Science: Reports. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.12.008.
79. Zikos N. Pottery workshop at Mikro Pisto in Thrace // Byzantine Glazed Ceramics / Ed. D. Papanicola-Bakirtzi. Athens: Archaeological Receipts Fund, 1999. P. 243–248.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. O date razrushenija gorodiwa na plato Eski-Kermen. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2014, vol. 42, pp. 215–227.
2. Adaksina S.B., Myc V.L. Formirovanie malyh gorodov Genujezskoj Gazarii (na primere faktorii v Chembalo: 1345–1475 gg.). *Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki*, 2015, vol. 7, pp. 12–18.
3. Alekseenko N.A. K voprosu o dejatel'nosti Hersonesskogo monetnogo dvora v XIII stoletii. *Khersonesskij sbornik*, 1996, vol. VII, pp. 187–191.
4. Belinskij I.V., Maslovskij A.N. Tipologicheskaja harakteristika materialov raskopok uchastka zolotoordynskogo Azaka (g. Azov, ul. Moskovskaja, 7). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 gg.*, 1998, vol. 15, pp. 179–252.
5. Bocharov S.G. Gruppa vizantijskih polivnyh chash vtoroj poloviny XIV v. Bocharov S.G., Mytc V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 306–323.
6. Bocharov S.G. Istoricheskaja geografija Genujezskoj Gazarii 1275–1475 gg. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Dialog gorodskoj i stepnoj kul'tur na Evrazijskom prostranstve. Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy. Materialy Sed'moj Mezhdunarodnoj konferencii, posvjawjonnoj pamjati G.A. Fjodorova-Davydova*, Kazan', Jalta, Kishinev, Stratum Publishing House, 2016, pp. 263–268.

7. Bocharov S.G. Poselenie Posidima v JUgo-Vostochnom Krymu i ego keramicheskij kompleks (rubezh XIII–XIV vv.). Bocharov S.G., Fransua V., Sitdikov A.G. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII veka*, Kazan', Kishinev, Stratum Publishing House, 2017, vol. 2, pp. 409–446.
8. Bocharov S.G., Maslovskij A.N. Vizantijskaja polivnaja keramika v gorodah Severnogo Prichernomor'ja zolotoordynskogo perioda (vtoraja polovina XIII – konec XIV vv.). *Volzhskaja arheologija*, 2012, No 1, pp. 20–36.
9. Bocharov S.G., Maslovskij A.N. Polivnaja keramika s rospis'ju margancem (Vizantija i Zolotaja Orda). Obuhov Ju.D. (Ed.), *Materialy pervogo Madzharskogo arheologicheskogo foruma. Pjatigorsk – Budenovsk, 2012*, Kazan', 2016, pp. 20–42.
10. Volkov I.V. Nadpis' tush'ju na chashe iz Azova. *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 2002 g.*, 2004, vol. 19, pp. 286–291.
11. Volkov I.V. Polivnaja keramika kompleksa Kabardi. Bocharov S.G., Mytc V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 122–159.
12. Gin'kut N.V. Polivnaja keramika vizantijskogo kruga iz raskopok «Konsul'skoj cerkvi» genujezkoj kreposti Chembalo. *Khersonesskij sbornik*, 2005, vol. XIV, pp. 99–120.
13. Gin'kut N.V. Vizantijskaja polivnaja keramika i ee imitacii iz raskopok genujezskoj kreposti Chembalo. Alekseenko N.A. (Ed.), *VI Vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperija i polis» (Sevastopol', 2–6 ijunja 2014 g.). Tezisy dokladov i soobwenij*, Sevastopol', SPD Aref'ev Publ., 2014, pp. 20–21.
14. Golofast L.A. 2008. Remesla i promysly Hersona v XIII v. (po nahodkam iz sloja pozhara). *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, vol. XIV, pp. 345–384.
15. Golofast L.A. Gradostroitel'nyj oblik Hersona v XIII veke. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, vol. XV, pp. 275–377.
16. Golofast L.A., Ryzhov S.N. Raskopki kvartala X v severnom rajone Hersonesa. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 182–260.
17. Goncharov E.Ju. «Stremjavidnaja» tamga – tamga Berke? (Dzhendskij vklad v numizmatiku Kryma). Borjak G.V. (Ed.), *Special'ni istorichni disciplini: pitannja teorii ta metodiki. Aktual'ni problemi numizmatiki u sistemi special'nih galuzej istorichnoï nauki*, Kiïv, 2011, pp. 58–65.
18. Gukin V.D., Dzhanov A.V. Novye nahodki keramiki vizantijskogo kruga iz raskopok portovoj chasti srednevekovoj Sugdei v 2010–2011 godah. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2013, vol. 69, pp. 30–39.
19. Dergacheva L.V., Zelenko S.M. Monety Trapezunda s korablekrushenija XIII veka v buhte posjolka Novyj Svet. *Sugdejskij sbornik*, 2008, vol. III, pp. 425–439.
20. Dzhanov A.V. Sudakskaja krepost'. Dvesti let issledovanij. *Skrzhinskaja E.Ch. Sudakskaja krepost'. Istorija – arheologija – jepigrafika*, Kiev, Sudak, St-Petersburg, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 322–358.
21. Dzhanov A.V. Kazalii Soldaji i Gotii po dannym knig Massarii Kaffy. *Istorija i arheologija Kryma*, Simferopol, 2017, vol. V, pp. 286–340.
22. Dmitrienko V.N., Maslovskij A.N. Kompleks 1310-h godov iz raskopok Azaka. *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g.*, 2006, vol. 22, pp. 231–257.
23. Zelenko S.M. Itogi issledovanij podvodno-arheologicheskoj jekspedicii Kievskogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko na Chernom more v 1997–99 gg. *Vita Antiqua*, 1999, vol. 2, pp. 223–234.

24. Zolotarev M.I., Korobkov D.Ju., Ushakov S.V. Kladovaja doma XIII veka v severo-vostochnom rajone Hersonesa. *Khersonesskij sbornik*, 1998, vol. IX, pp. 182–194.
25. Kirilko V.P. Krepostnye sooruzhenija srednevekovoj Alushty. *Stratum plus*, 2014, vol. 6, pp. 177–234.
26. Kravchenko A.A., Stoljarik E.S. Keramika vizantijskogo kruga iz Belgoroda XIII–XIV vekov. Vanchugov V.P. (Ed.), *Materialy po arheologii Severnogo Prichernomor'ja*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 176–190.
27. Kravchenko A.A. *Srednevekovyj Belgorod na Dnestre*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, 128 p.
28. Kravchenko A.A. Importnaja polivnaja keramika XIII–XIV vv. iz Kaffy. Vanchugov V.P. (Ed.), *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e – kontaktnaja zona drevnih kul'tur*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 111–120.
29. Kramarovskij M.G. Solhat-Krym: k voprosu o naselenii i topografii goroda v XIII–XIV vv. Smirnova G.I. (Ed.), *Itogi rabot arheologicheskih ekspedicij Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad, Gosudarstvennyj Ermitazh Publ., 1989, pp. 141–157.
30. Kramarovskij M.G. Dzhuchidy i Krym: XIII–XV vv. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 506–532.
31. Majko V.V. Zakrytyj kompleks serediny XIII v. iz raskopok v portovoj chasti srednevekovoj Sugdei. Gankevich V.Ju., Nepomnjawij A.A. (Eds.), *Aktual'nye voprosy istorii, kul'tury i jetnografii Jugo-Vostochnogo Kryma. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Novyj Svet, 6–7 oktjabrja 2012 g.)*, Simferopol', Novyj Svet Publ., 2013, pp. 185–194.
32. Maslovskij A.N. Keramicheskij kompleks Azaka. Kratkaja harakteristika. *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 godu*, 2006, vol. 21, pp. 308–472.
33. Maslovskij A.N. O vremeni vozniknovenija Azaka. *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 godu*, 2006, vol. 22, pp. 257–295.
34. Maslovskij A.N. Podval kupecheskogo doma konca pervoj poloviny XIV veka iz Azaka. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ja*, 2008, vol. 6, pp. 93–124.
35. Maslovskij A.N. Ob odnoj gruppe vizantijskoj polivnoj keramiki kon. XIII – 1-j pol. XIV v. iz raskopok zolotoordynskogo Azaka. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ja. Zolotoordynskoe vremja*, 2010, vol. 8, pp. 231–252.
36. Maslovskij A.N. Nachalo proizvodstva polivnoj keramiki v Jugo-Vostochnom Krymu v poslednej chetverti XIII – pervoj polovine XIV v. *Filologija i kul'tura*, 2012, vol. 1(27), pp. 192–196.
37. Myts V.L. Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah srednevekovoj kreposti Aluston v 1984 g. *Arhiv Instituta arheologii NAN Ukrainy*, D. 1984/7b.
38. Myts V.L. Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah srednevekovyh ukreplenij Aluaton i Funa v 1985 g. *Arhiv Instituta arheologii NAN Ukrainy*, D. 1985/12v.
39. Myts V.L. Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah srednevekovoj kreposti Aluston v 1988 g. *Arhiv Instituta arheologii NAN Ukrainy*, D. 1988/30.
40. Myts V.L., Adaksina S.B. Otchet o raskopkah srednevekovogo ukrepleniya Aluston v 1990 g. *Arhiv Instituta arheologii NAN Ukrainy*, D. 1990/21b.
41. Myts V.L. Rannij jetap stroitel'stva kreposti Aluston. *Vizantijskij Vremennik*, 1997, vol. 57(82), pp. 187–203.

42. Myts V.L. Genujezskaja Lusta i Kapitanstvo Gotii v 50–70-e gg. XV v. Rudnickaja V.G., Teslenko I.B. (Ed.), *Alushta i Alushtinskij region s drevnejshih vremen do nashih dnej,* Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 139–189.
43. Myts V.L. *Kafa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty.* Simferopol, Universum Publ., 2009, 528 p.
44. Myts V.L. Zavoevanie pozdnevizantijskoj Tavriki Mongolami: istoriko-arheologicheskij kontekst katastrofy poslednej chetverti XIII v. *Stratum Plus*, 2016, vol. 6, pp. 69–106.
45. Parshina E.A. «Dom svjawennika» na teatral'noj ulice Hersonesa. *Drevnjaja i srednevekovaja Tavrika: Sbornik statej, posvjawjonnyj jubileju E.A. Parshinoj*, Kiev, 2015, pp. 17–38.
46. Romanchuk A.I. *Glazurovannaja posuda pozdnevizantijskogo Khersona. Portovyj rajon*. Ekaterinburg, Uralskij Universitet Publ., 2003, 224 p.
47. Teslenko I.B. Ispanskaja keramika s rospis'ju ljustrom v Krymu. Kukoval'skaja N.M. (Ed.), *Sugdejskij sbornik*, Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2004, pp. 467–494.
48. Teslenko I.B. Proizvodstvo polivnoj keramiki v kreposti Aluston (Krym). Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv. Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds., *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 324–348.
49. Teslenko I.B. Tureckaja keramika s rospis'ju kobal'tom v Krymu (problemy hronologii). Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 385–410.
50. Teslenko I.B. Polivnaja keramika Kryma ot jepohi Zolotoj Ordy i genujezskoj kolonizacii do Osmanskih zavoevanij: 120 let issledovanij (istoriograficheskij ocherk). *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2016, vol. VIII, pp. 92–158.
51. Teslenko I.B. Kompleks keramiki iz raskopok usad'by zolotoordynskogo perioda na territorii srednevekovogo gorodiwa v Alushte (Krym). Bocharov S.G., Fransua V., Sitdikov A.G. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII veka*, Kazan', Kishinev, Stratum Publishing House, 2017, vol. 2, pp. 387–407.
52. Teslenko I.B., Lysenko A.V., Majko V.V., Semin S.V. Novoe poselenie XIV–XV vv. u zapadnogo podnozh'ja g. Aju-Dag (Juzhnyj Krym). *Istorija i arheologija Kryma*, Simferopol, 2017, vol. V, pp. 192–233.
53. Shtern E.R. Feodosija i ee keramika. *Muzej Imperatorskogo Odesskogo obwestva istorii i drevnostej*, 1906, vol. III, pp. 52–83.
54. Balard M. *La Romanie Génoise (XIIe – début du XV e siècle). Vol. 2.* Génes, Rome, École française de Rome Publ., 1978.
55. Böhlendorf-Arslan B. *Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei*. Istanbul, Yayinlari Publ., 2004.
56. Böhlendorf-Arslan B. *Die Spätantike, byzantinische und postbyzantinische Keramik. Bestandskataloge. Band 4*. Wiesbaden, 2013.
57. Burlot J., Waksman S.Y., Böhlendorf-Arslan B., Vroom J., Japp S., Teslenko I. The early Turkish pottery productions in western Anatolia: provenances, contextualization and techniques. *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Antalya 19–24 October 2015, Antalya, 2015*, pp. 427–429.
58. Doğer L. *Hisartepe/Daskyleion Kazısı Bizans Seramikleri, Prof. Dr. Tomris Bakır'a Armağan. Daskyleion II*. İstanbul, Ege Yayınları Publ., 2012.
59. François V. Les ateliers de céramique byzantine de Nicée/Iznik et leur production (Xe – début XIVe siècle). *Bulletin de correspondance hellénique*, 1997, vol. 121(1), pp. 411–442.

60. François V. Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine á l'époque Paleologue. Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 195–208.
61. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery.* Princeton, University Press, 1992.
62. Inanan F. Anaia–Kadikalesi: A New Zeuxippus Ware Production Centre. *Proceedings of the International Symposium "Trade and Production Through the Ages", Konya, 25–28 November 2008*, Konya, Selçuk University Publ., 2010, pp. 115–128.
63. Inanan F. Zeuxippus Type Ceramics and Samples from Kadikalesi/Anaia, Kusadasi. Mercangöz Z. (ed.), *Byzantine Craftsmen – Latin Patrons. Reflections from the Anaian Commercial Production in the Light of the Excavations at Kadikalesi near Kuşadası*, Istanbul, Yayinlari Publ., 2013, pp. 59–76.
64. Karpov S.P. Main Changes in the Black Sea Trade and Novigation, 12th-15th centuries. *Proceedings of the 22nd International congress of Byzantine Studies, Sofia, 22–27 August 2011*, Sofia, 2011, pp. 419–429.
65. Papanicola-Bakirtzi D. (ed.), *Byzantine Glazed Ceramics.* Athens, Archaeological Receipts Fund Publ., 1999.
66. Patitucci Uggeri S. A type of polychrome derivative «zeuxippus ware» from excavations at Kyme (Turkey). *XIth Congress AIECM3 on medieval and modern period Mediterranean ceramics, October 19–24, 2015 Antalya,* Antalya, 2015, pp. 449–452.
67. Talbot Rice D. *Byzantine Glazed Pottery.* Oxford, Clarendon Press, 1930.
68. Teslenko I., Waksman S.Y. Lusta, a Small Glazed Pottery Workshop on the Southern coast of Crimea. *In & Around. Ceramiche e comunitá. Secondo convegno tematico dell' AIECM3. Faenza, Museo Internazionale delle Ceramiche, 17–19 april 2015*, Faenza, 2016, pp. 192–194.
69. Waksman S.Y. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople / Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study. *Atti del IX Congresso Internationale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009,* Venezia, 2012, pp. 147–151.
70. Waksman S.Y. The Identification and Diffusion of Anaia's Ceramic Products: A Preliminary Approach Using Chemical Analysis. Mercangöz Z. (ed.), *Byzantine Craftsmen – Latin Patrons. Reflections from the Anaian Commercial Production in the Light of the Excavations at Kadikalesi near Kuşadası,* Istanbul, Yayinlari Publ., 2013, pp. 101–112.
71. Waksman S.Y. Defining The Main "Middle Byzantine Production" (MBP): Changing Perspectives In Byzantine Pottery Studies. *XIth Congress AIECM3 on medieval and modern period Mediterranean ceramics, October 19–24, 2015 Antalya*, Antalya, 2015, pp. 397–407.
72. Waksman S.Y., Spieser J.-M. Byzantine ceramics excavated in Pergamon. Archaeological classification and characterization of the local and imported productions by PIXE and INAA elemental analysis, mineralogy and petrography. Maguire H. (éd.), *Materials Analysis of Byzantine Pottery*, Washington D.C., 1997, pp. 105–133.
73. Waksman S.Y., François V. Vers une redefinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware. *Bulletin de correspondence hellénique*, 2004–2005, pp. 128–129, 629–724.
74. Waksman S.Y., Teslenko I., Zelenko S. Glazed Wares as Main Cargoes and Personal Belongings in the Novy Swet Shipwreck (13th c. AD, Crimea): a Diversity of Origins Investigated by Chemical Analysis. *Actas del VIII Congreso Internacional de Ceramica Medieval. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marso de 2006.* Ciudad Real, 2009, vol. II, pp. 851–856.

75. Waksman S.Y., Teslenko I. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations. *International Journal of Nautical Archaeology,* 2010, vol. 39.2, pp. 357–375.
76. Waksman S.Y., Erhan N., Eskalen S. Caractérisation des céramiques produites dans les ateliers de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2009. *Anatolia Antiqua*, 2010, vol. XVIII, pp. 329–337.
77. Waksman S.Y., Kontogiannis N.D., Skartsis S.S., Vaxevanis G. The main “Middle Byzantine Production” and pottery manufacture in Thebes and Chalcis. *Annual of the British School at Athens*, 2014, vol. 109, pp. 379–422.
78. Waksman S.Y., Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Todorova E.P., Vaxevanis G. Investigating the origins of twomain types of Middle and Late Byzantine amphorae. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2016. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.12.008.
79. Zikos N. Pottery workshop at Mikro Pisto in Thrace. Papanicola-Bakirtzi, D. (ed.), *Byzantine Glazed Ceramics*, Athens, Archaeological Receipts Fund Publ., 1999, pp. 243–248.

I. B. TESLENKO

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

THE BYZANTINE-INFLUENCED GLAZED POTTERY FROM THE PALAIOLOGEAN PERIOD EXCAVATED IN THE FORTRESS IN ALUSHTA

Abstract: After the restoration of the Byzantine Empire under the Palaiologean dynasty in 1261, it almost not spread its power on Taurica. However, Byzantine commodities, especially pottery, continued to penetrate there for more than 150 years that followed. Their main suppliers were Italian merchants, who established themselves in the Crimean coast. To understand the scale of this trade, there is need to organize complete publications of the materials excavated at various archaeological sites. Therefore the main goal of the present research is to make complete introduction to scholarly circulation of the Byzantine-influenced glazed pottery from the thirteenth and fourteenth centuries excavated at a small medieval urban centre located in modern Alushta area in the southern Crimea.

Keywords: Crimea, the southern coast of the Crimea, Middle Ages, Palaiologean period, maritime trade, Byzantine glazed pottery.

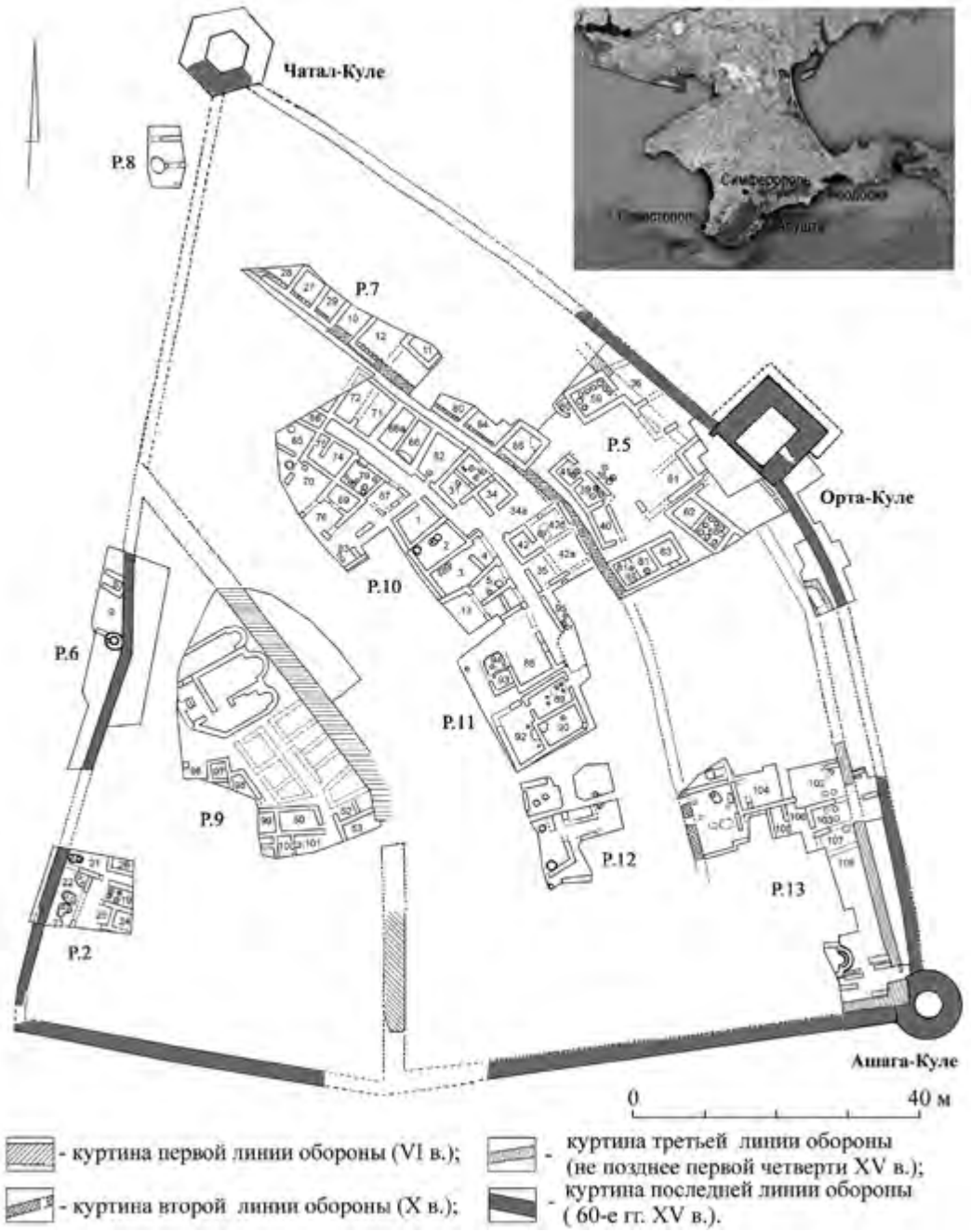


Рис. 1. Крепость в Алуште. План разновременных крепостных сооружений и застройки XIV–XV вв. Р.2,5–13 – номера раскопов. 1–5, 13–108 – номера помещений, указанные в отчетной документации. Рисунок автора.

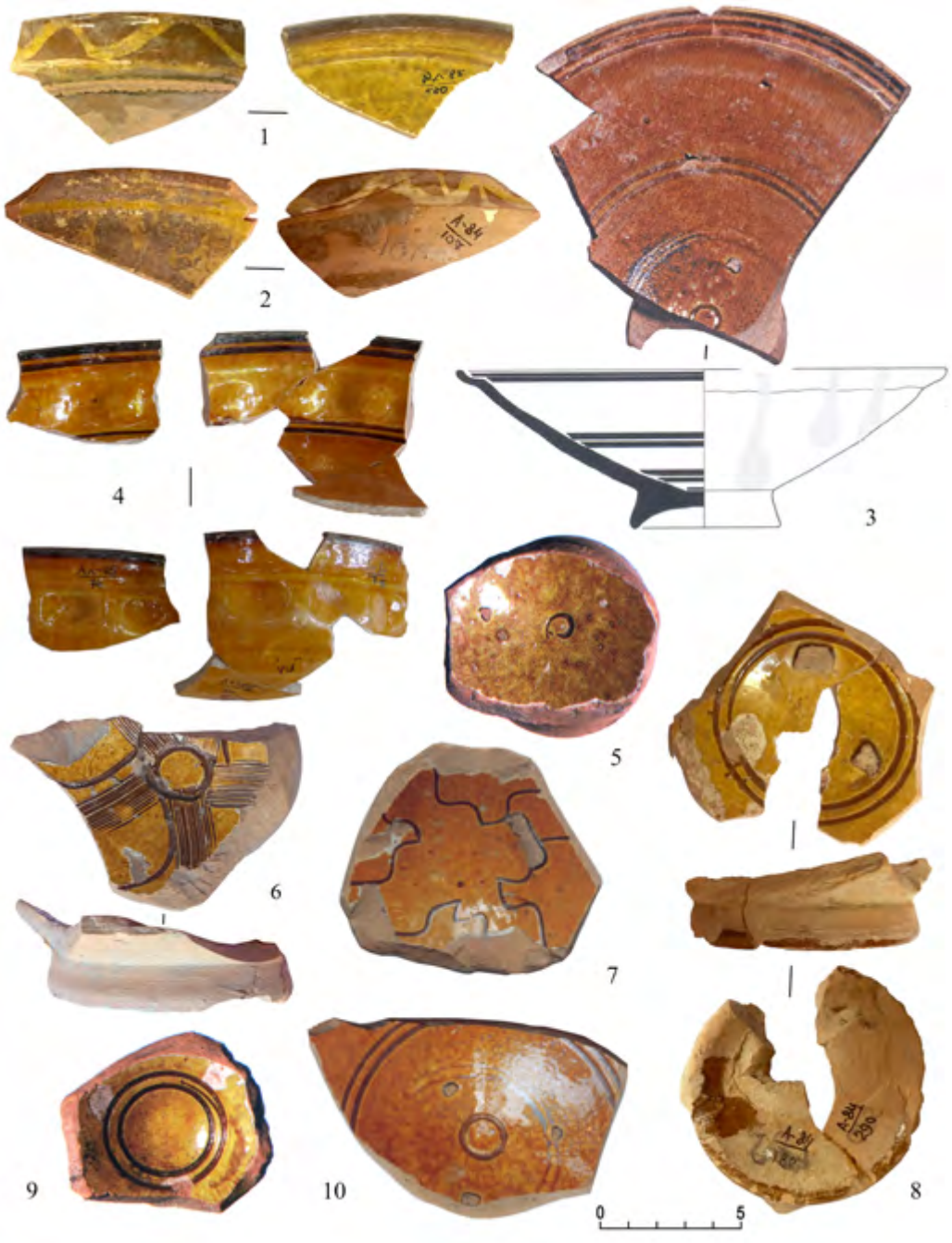


Рис. 2. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC») (1-6, 8-10). 1-10 – группа 1 [3, 5, 9 – по: 73, fig. 24-25]. Рисунок автора.

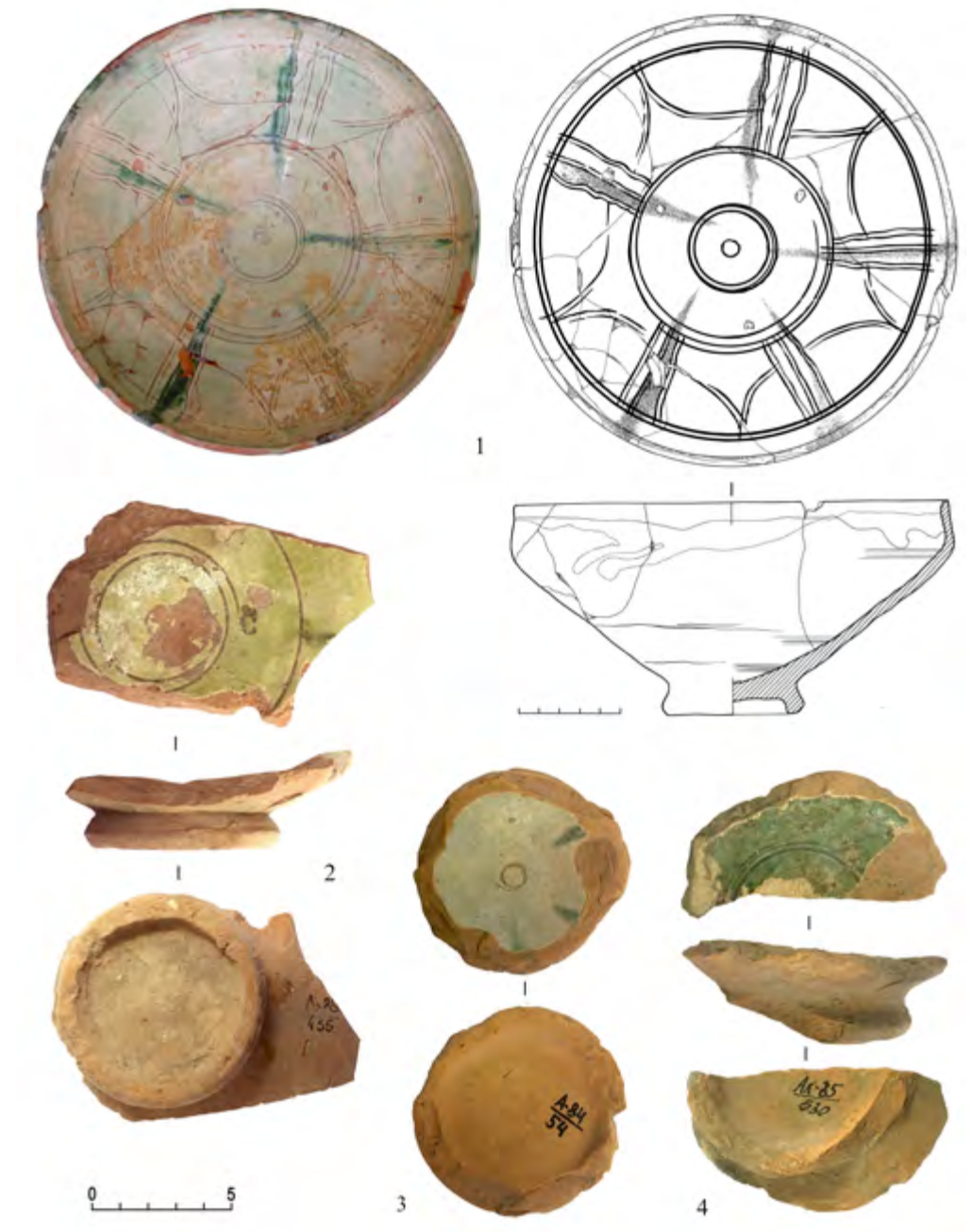


Рис. 3. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC»). 1-2 – группа 2, подгруппа 2, блок 2; 3 – группа 3, блок 2. Рисунок автора.

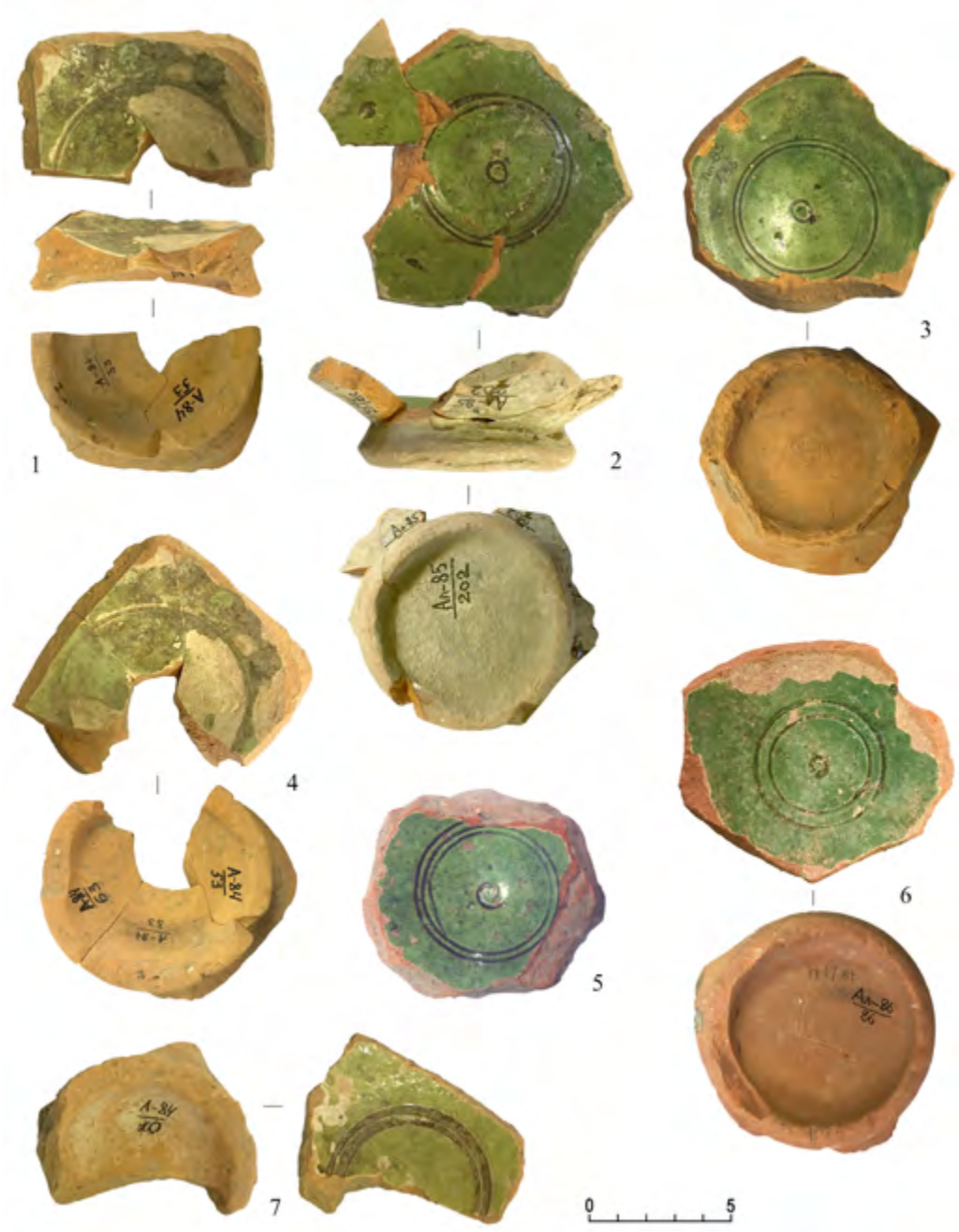


Рис. 4. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC»). 1, 2, 4-6 – группа 2, подгруппа 2, блок 1; 3 – группа 3, блок 1. Рисунок автора.

Рис. 5. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC»). 1, 3 – группа 2, подгруппа 2, блок 1; 2 – группа 3, блок 1. Рисунок автора.

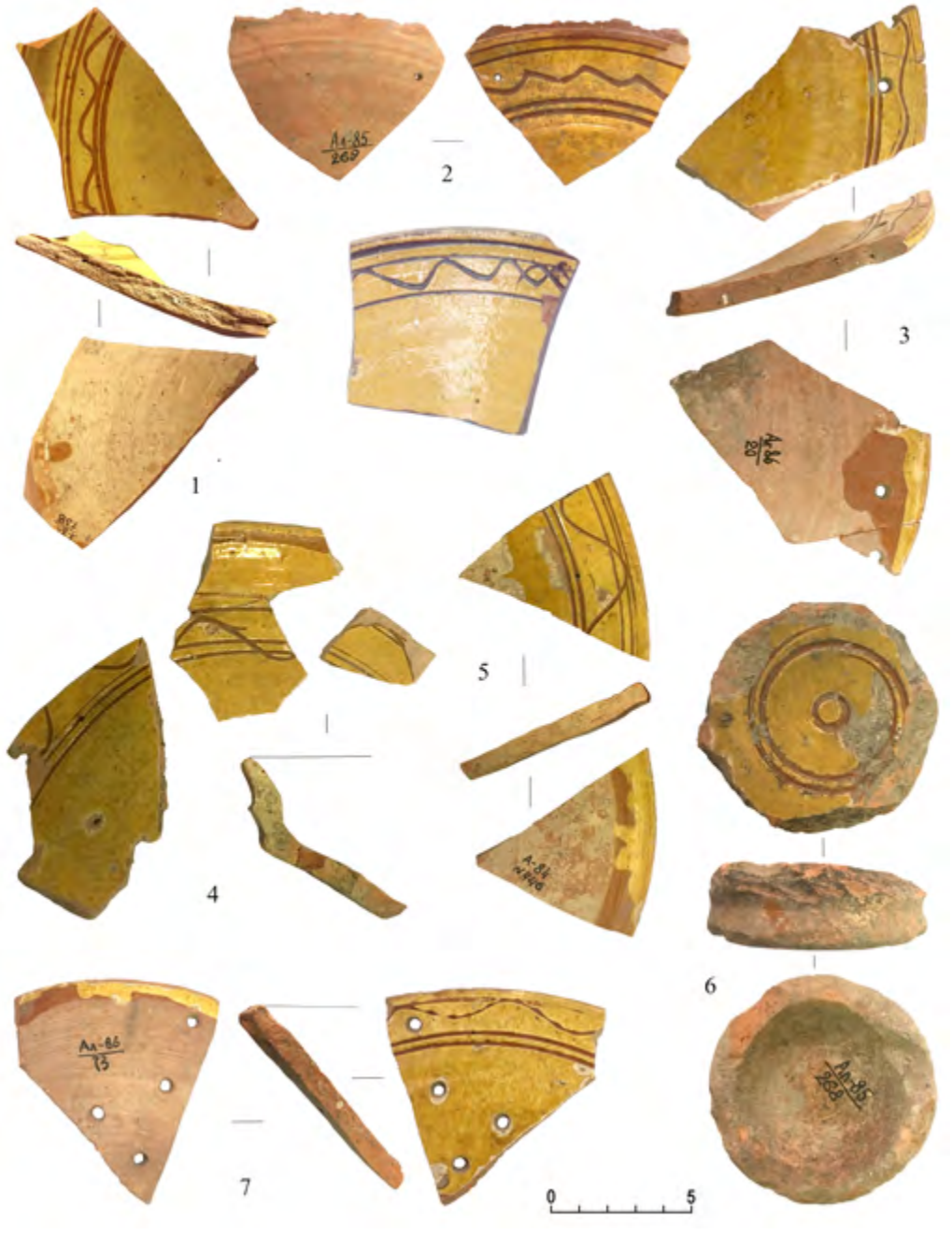


Рис. 6. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC»). 1, 3-6 – группа 2, подгруппа 1; 2 – группа 2, подгруппа 2, блок 1. Рисунок автора.

Рис. 7. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC»). 1, 5 – группа 2, подгруппа 1; 2-4, 7 – группа 2, подгруппа 2, блок 1; 6 – группа 3, блок 1. Рисунок автора.

Рис. 8. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC»). 2-4, 6, 7 – группа 1; 5, 9 – группа 2, подгруппа 2, блок 1; 8 – группа 3. Рисунок автора.

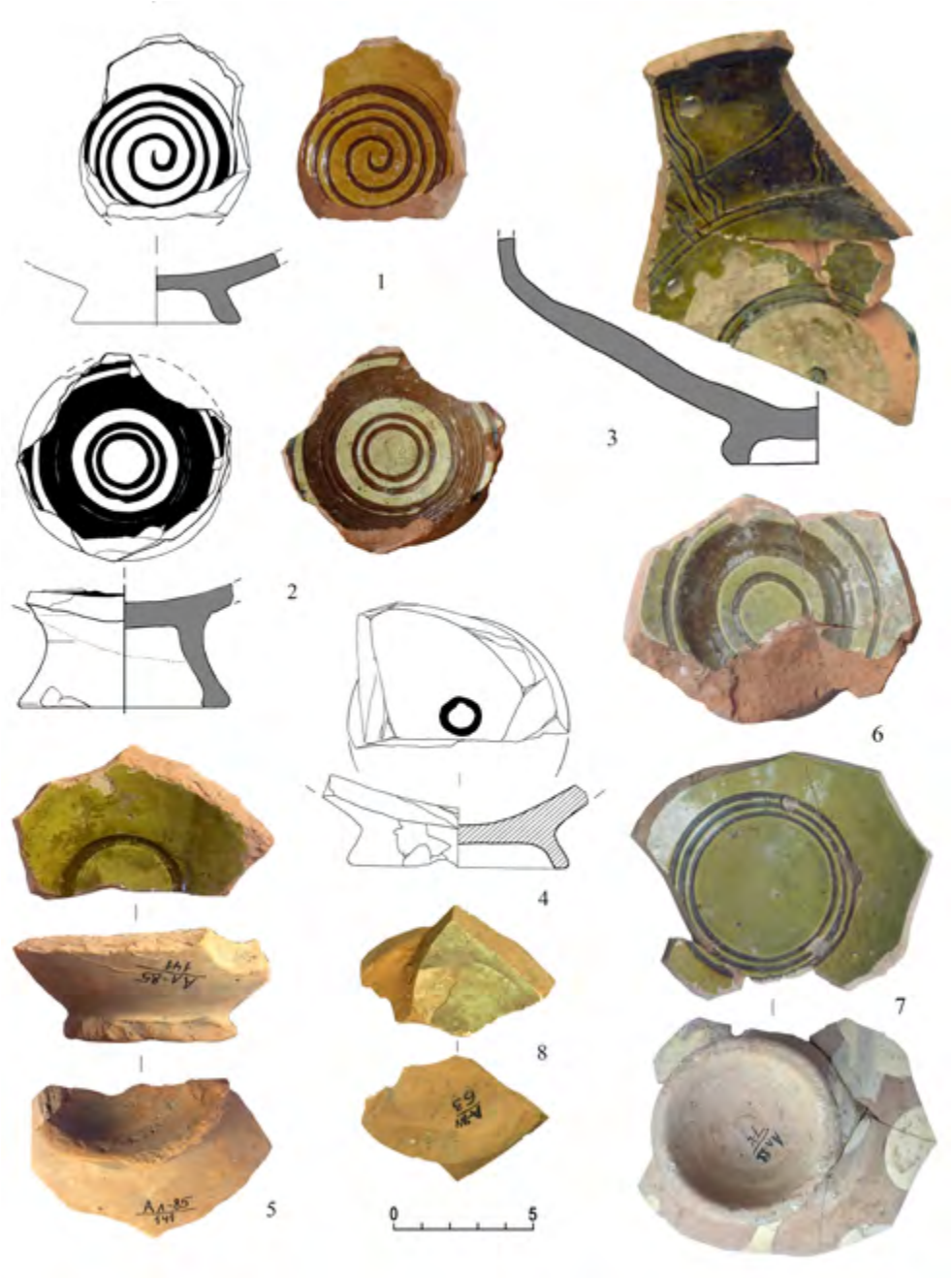


Рис. 9. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC») (1, 2, 4-8). 1, 2 – группа 4; 4, 5 – группа 1; 6-8 –группа 2, подгруппа 2, блок 1; 3 – группа 3, блок 1. Рисунок автора.

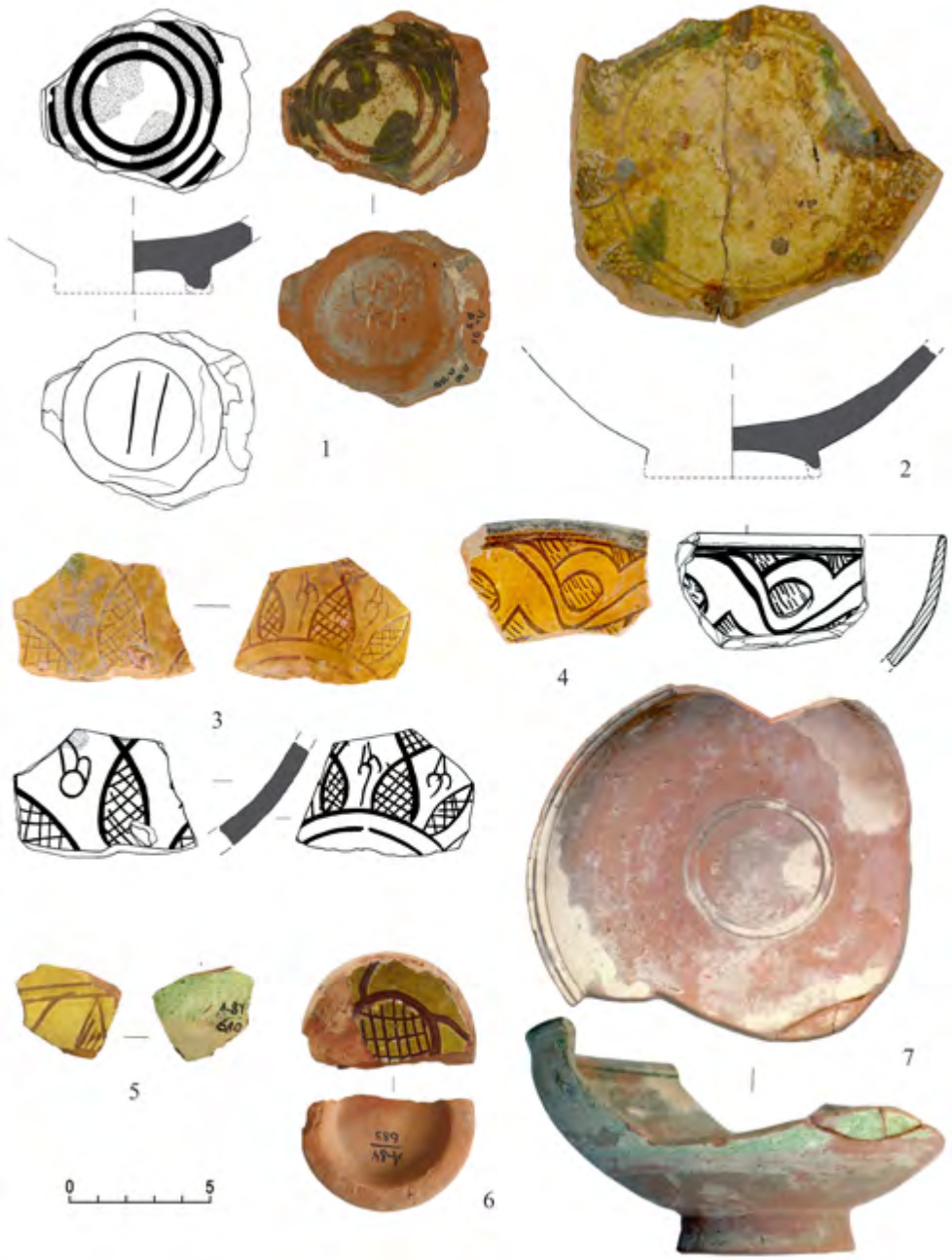


Рис. 10. Изделия с разнообразным орнаментом сграффито как под монохромной глазурью, так и с подцветкой пятнами зеленой и/или коричневой краски («LBSW»). Рисунок автора.

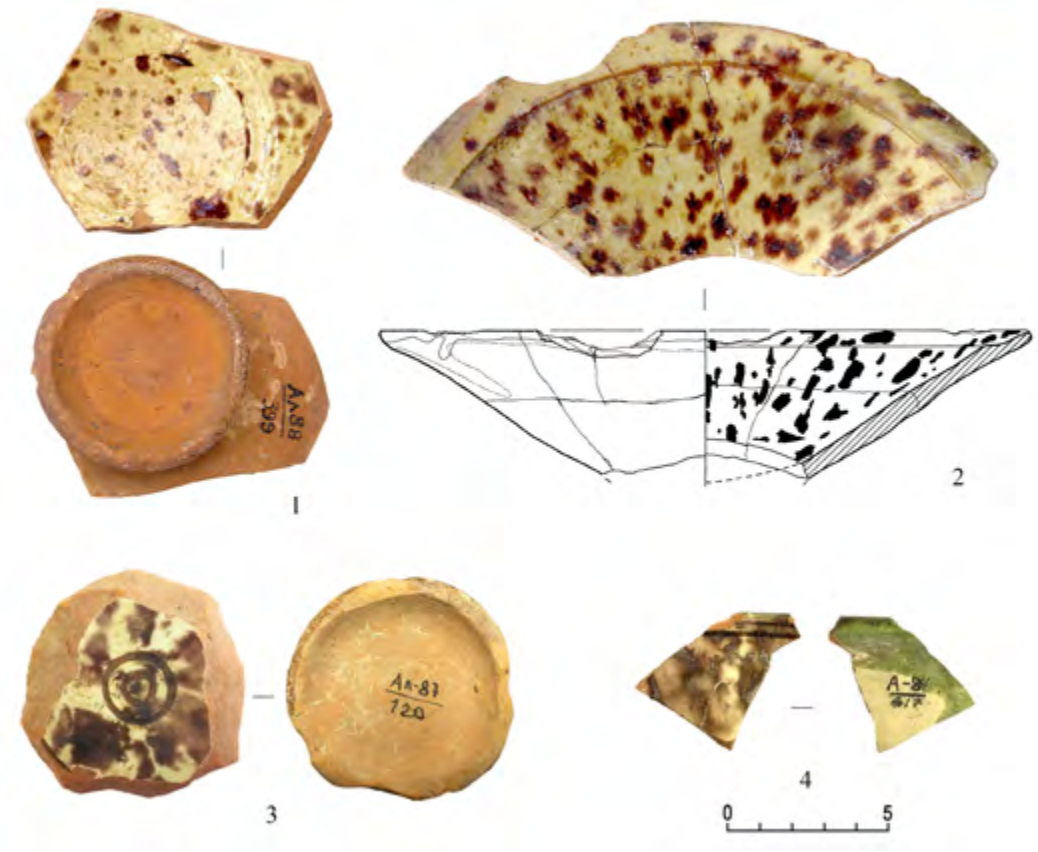


Рис. 11. Керамика, украшенная пятнами пурпурно-коричневой краски («брызги марганца») под слабо окрашенной желтой глазурью («MPW»). Рисунок автора и С. В. Семина.

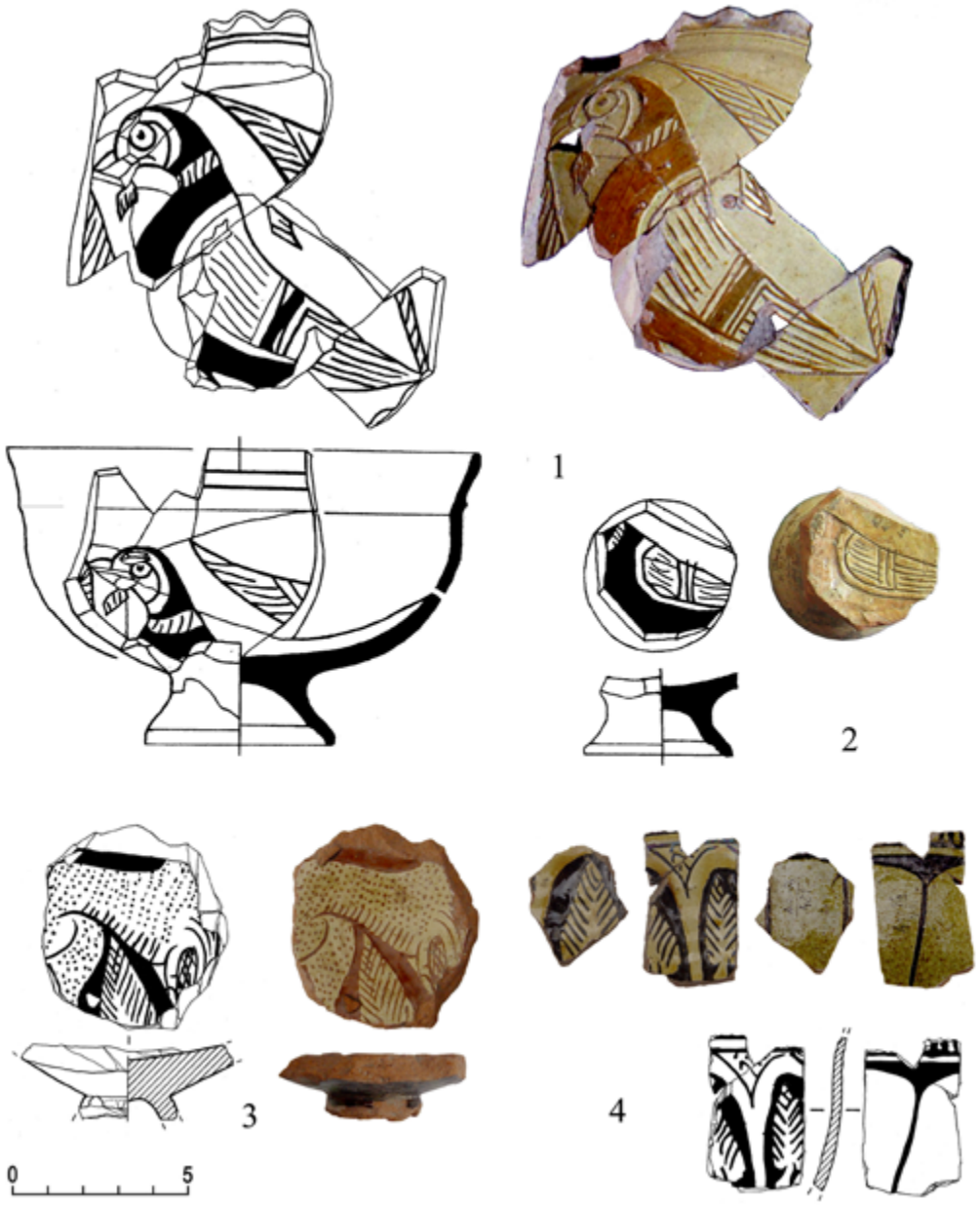


Рис. 12. Изделия со сложным врезным орнаментом, выполненным в выемчатой и сграффито технике («EIW»): 1, 2 - группа 3; 3, 4 - группа 1. Рисунок автора и С. В. Семина.

Рис. 13. Изделия со сложным врезным орнаментом, выполненным в выемчатой и сграффито технике («EIW») : 1 - группа 3; 2–8 – группа 1. Рисунок автора и С. В. Семина.

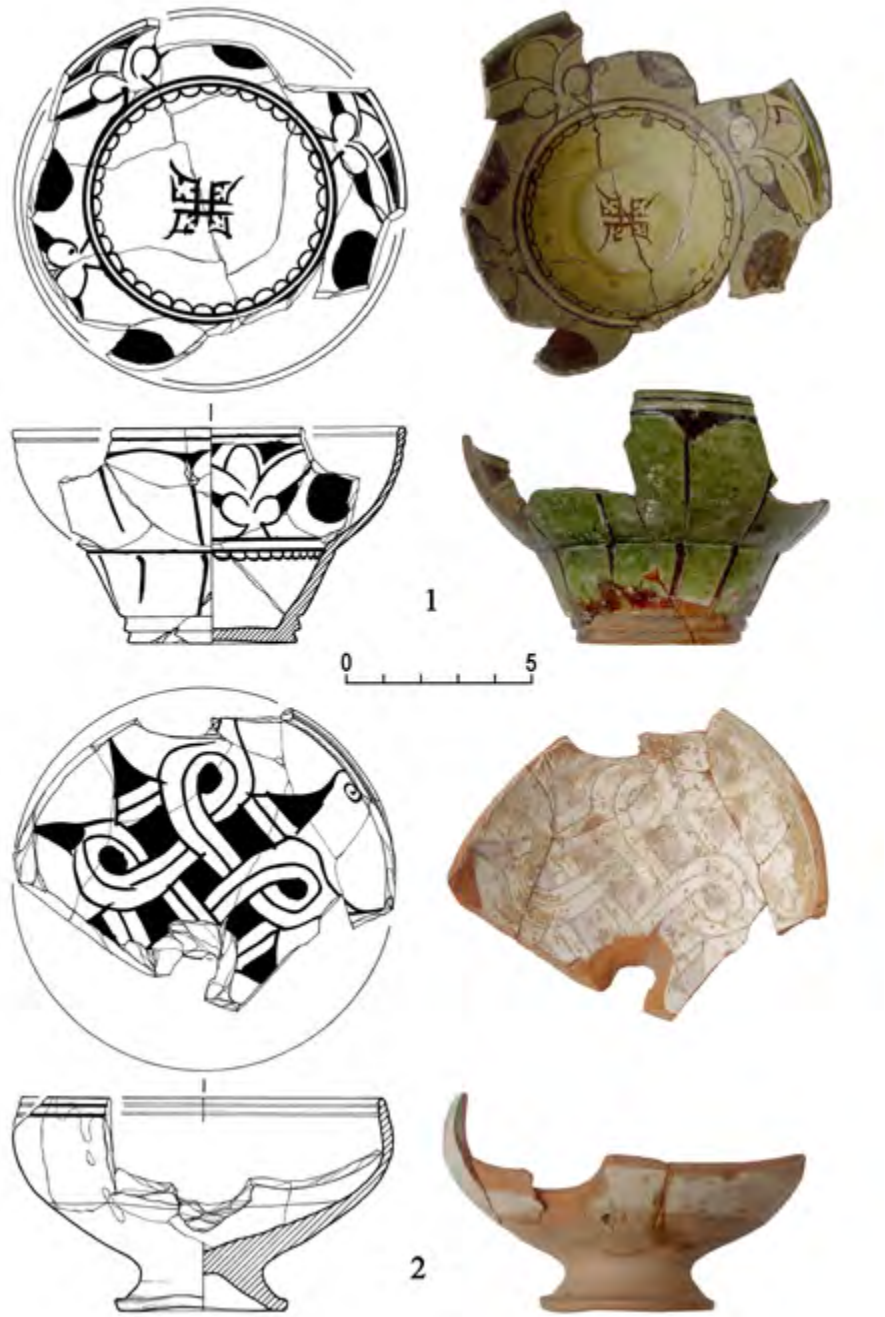


Рис. 14. Изделия со сложным врезным орнаментом, выполненным в выемчатой и сграффито технике («EIW»). 1 – группа 1; 2 – группа 2. Рисунок автора и С. В. Семина.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ[а)], **Д. Э. СЕЙДАЛИЕВА**[б)]

а) Крымский инженерно-педагогический университет; Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия); Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия)

б) Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

КЕРАМИКА КАК ИНДИКАТОР ИННОВАЦИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КОЧЕВНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

(на примере находок с поселения «Старый Фонтан»)[1]

Аннотация: Статья посвящена публикации некоторых категорий импортных керамических изделий из раскопок поселения золотоордынского времени «Старый Фонтан» в Крыму. Поселение было локализовано по результатам археологических разведок 2014 г., в ходе подготовки проекта строительства высоковольтной линии электропередач «Кафа-Симферополь» и исследовано в 2016 г. Нумизматический, а также другой сопутствующий инвентарь, позволяют датировать золотоордынское поселение в пределах XIV в., в том числе выделить два хронологических этапа существования поселения. Целью публикации было показать каким образом культурные традиции оседлого населения проникают в традиционную кочевническую культуру. Судя по набору археологических находок, памятник представляет собой типичное поселение золотоордынского времени, содержащее признаки присутствия как кочевой, так и оседлой культур. В ходе раскопок было выявлено значительное количество археологических материалов, в том числе и значительное число керамических фрагментов, среди которых особый интерес представляют импортные сосуды, производства поволжских гончарных мастерских, а также византийских производственных центров. Так в ранних горизонтах функционирования поселения были обнаружены два керамических фрагмента, производство которых связывают с Константинопольской мастерской. Фрагмент сероглинянного тисненого кувшина, происходящий из верхнего горизонта, вероятно происходит из Поволжья, куда эта ремесленная традиция, вероятно, пришла из среднеазиатских (хорезмских) мастерских. Керамический импорт из регионов с оседлым населением входит в быт кочевого населения Крымского юрта Улуса Джучи, являясь сво-

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156. 2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты»,

еобразным индикатором инноваций, характерных для кочевых культур. Несмотря на незначительное количество импортных материалов, полученные в ходе исследований результаты позволяют выявить торгово-экономические связи в средиземноморско-черноморском бассейне, локализовать местные торговые пути, а также проследить пути возникновения и развития многокомпонентной культуры Улуса Джучи.

Ключевые слова: Крым, Улус Джучи, Византия, Хорезм, Старый Фонтан, средневековая керамика.

Средневековое поселение «Старый Фонтан» находится в 1 км к юго-востоку от с. Некрасово Белогорского района Республики Крым, у подножия северного склона горного массива Кубалач. До 1948 г. с. Некрасово носило название Мелек. Одно из его первых упоминаний встречается в «Ведомости о выведенных из Крыма в Приазовье христианах» А. В. Суворова от 18 сентября 1778 года [6]. В книге «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах» П. С. Паллас писал о поместье, «…которому также принадлежат две татарские деревни, одна русская и одна ногайская, называемая Мелек, имеющая пятьсот человек населения» [12, с. 113]. На карте 1842 года, на почтовой дороге из Карасубазара в Феодосию, обозначен трактир Мелек у Фонтана, который в «Списке населенных мест Таврической губернии по сведениям 1864 года» уже не фигурирует. На картах 1842 и 1865 гг. рядом с с. Мелек имеется хутор Фонтан. В 2014 г. в ходе проведения разведок в связи со строительством высоковольтной линии электропередач «Каффа–Симферополь», на этой территории были выявлены объекты археологии «Городище и поселение Мелек», относящиеся к эпохе раннего железного века, и зольник, позже локализованный в границах средневекового поселения. Во избежание неясностей, в дальнейшем исследователям предлагается именовать обнаруженное средневековое поселение по названию хутора, зафиксированного тут на картах 1924 г. – «Старый Фонтан», а поселение раннего железного века – «Мелек».

В ходе охранных исследований 2016 г. на памятниках было раскопано три участка [см.: 14]. Материалы, представленные в данной публикации, были обнаружены на участке № 3. За центр раскопа на этом участке был принят геодезический репер электроопоры № 182, от него по оси север–юг был разбит раскоп со сторонами 10х10 м, что составило в общей сложности четыре квадрата со сторонами 5х5 м. Последовательное изучение слоя дерна и ниже залегающих горизонтов до скалы подтвердило наличие здесь культурного слоя мощностью от 0,5 до 1,2 м. Анализ стратиграфии северного борта раскопа показал, что накопление культурного слоя происходило в два этапа – первый (наиболее ранний) связан со слоем светлого золистого суглинка на скале мощностью 0,2–0,3 м, второй – со слоем золистого гумуса мощностью 0,6–0,8 м. Культурные горизонты разделяет прослойка темного гумуса толщиной 0,15 м. Слой золистого гумуса максимально насыщен гончарной керамикой, среди которой преобладали фрагменты столовой посуды с поливным покрытием разных

цветов и орнаментацией, также было найдено несколько фрагментов плоскодонных красноглиняных амфор. Поливная керамика, найденная на поселении, демонстрирует значительное разнообразие посуды различного происхождения, включая хорошо известные археологические группы и типы. Одновременно с этим материалом были обнаружены многочисленные железные, бронзовые и серебряные изделия: гвозди, ослиные подковы, механизмы дверных замков, пряжки, ножи, серп, перстни и их фрагменты, монеты. Нумизматический материал из нижнего горизонта участка исследований (слой плотного золистого суглинка) датируется в целом временем правления хана Узбека (1313–1341 гг.). Монеты, происходящие из верхнего горизонта (слой серого золистого гумуса), в большинстве своем, датируются 60-70-ми гг. XIV в. Серебряные акче крымских ханов XVIII в., происходящие и из нижнего горизонта, и из верхнего, скорее всего, попали в слой из верхних слоев (из дерна?) случайно в ходе исследований. Таким образом, нумизматический материал позволяет выделить во времени функционирования три этапа: первый датируется 20-30-ми гг. – серединой XIV в.; второй – серединой – 60-70-ми гг. XIV в.; третий этап связан по времени с поселением эпохи Крымского ханства. В средней части квадратов 1 и 2 зафиксированы камни кладки, образующие угол сооружения. Кладка расположена на слое золистого гумуса, камни кладки представляют собой необработанный известняк, сложенный, видимо, насухо или на грязевом растворе. С этим сооружением, вероятно, связан слой пожара, который примыкает к подошве кладки.

Для нижнего горизонта дата определена таким образом, поскольку одна из монет представляет собой пул 726 г.х. (1326 г.) выпуска, чеканенный на монетном дворе г. Сарая. По предположению А. В. Якушечкина, возможно дата искажена и следует читать 772 г.х. (1370 г.). На одной стороне монеты расположен двойной картуш из точечной (внешней) и сплошной концентрических окружностей. Внутри, в центре, надпись: «Высочайшее повеление»; вокруг, вдоль внутренней окружности, еще одна надпись: «16 пул – данник». На обратной стороне расположен двойной картуш из точечной (внешней) и сплошной концентрических окружностей. Внутри, в центре, рисунок птицы влево, голова развернута вправо, над спиной три небольших круга, расположенных треугольником. Вокруг, вдоль внутренней окружности надпись: «Бита в Сарае, 726». Вторая монета предположительно датируется серединой XIV в. На ней с одной стороны имеется орнамент в виде цветочной розетки, обратная сторона стерта. Третья монета представляет собой данг 720 г.х. (1320/1321 гг.). Чекан монетного двора г. Крым. На одной стороне, в нижней части – тамга дома Бату и надпись: «Султан Мухаммед Узбек Хан, да будут победы его славны». На другой стороне – два картуша из сплошной окружности. Во внутреннем картуше надписи символа веры. Между картушами, по кругу, надпись: «[Бита (в) богохранимом Крыму в году семьсот двадцатом]». Надчекан «хан». Золотая Орда, время правления хана Узбека (1313–1341 гг.)[2]. В целом анализ нумизматического матери-

[2] Определение нумизматического материала выполнено аспирантом Института истории им. Ш. Марджани АН РТ А.В. Якушечкиным.

ала позволяет датировать нижний горизонт зольника 20–30-ми гг. XIV в. и связать его с крупным поселением, существовавшим на берегу водоносной балки в эпоху развитого средневековья.

Из нижнего горизонта квадрата 2 (слой плотного золистого суглинка) происходят фрагменты двух доньев на кольцевом поддоне (рис. 1) от сосудов, изготовленных в одном из производственных керамических центров Византийской империи. Византийские чаши типа «Elaborate Incised Ware» отличаются тонкостенностью (3–4 мм). Черепок, как правило, кирпично-красного или оранжево-красного цвета [16, с. 110]. Единственной заметной устойчивой примесью в формовочной массе являются частицы мелкозернистого песка. Это небольшие чашечки с сегментовидным туловом на низкой ножке [1]. От чаш сохранилась только центральная часть сосуда на кольцевом поддоне, поэтому мы можем предполагать общий размер чаш лишь по прямым аналогиям: диаметр 10–12 см и высота 5–6 см. Орнаментация изделий достаточно стандартна. На аналогичных маленькой питьевой чашечке на ножке (рис. 1,*1*) сосудах встречаются изображения в технике «резерва» в виде разнообразных цветков в сочетании с геометрическими мотивами [3, с. 33]. По классификации А. Кузева [10], это третий тип, подтип 2. Он представлен чашами с орнаментом, основу которого составляет пяти- или шестиконечная звезда с вписанным в нее пятилепестковым цветком или округлым пятном в центре [4, с. 308]. Такие чаши известны в Варне [10, рис. 14], Херсонесе [7, с. 186–187, 189, рис. 391, 393, 400], Мангупе [11, с. 93-95], Белгороде-Днестровском [8, с. 186], Калиакре [2, табл. III,30], Константинополе [20, p. 204-205, fig. 2,1-5,7-14], Фессалониках, на Крите [21, p. 122–123, fig. 8.2; 8.4], в Афинах, Никее [15, с. 111] и др.

Орнаментация второй чаши (рис. 1,*2*) также представляет собой сочетание растительного и геометрического мотивов. На фоне ромба изображена четырехлепестковая розетка. Здесь сочетание выемчатой техники и тонкой гравировки в нанесении орнамента создает рельефность лепестков. Темный фон вершин ромбов дополняет контрастность светлой орнаментальной полосы, заполненной двумя параллельными линиями, между которыми мелкая вертикальная штриховка. Столь насыщенная и тонко исполненная орнаментальная композиция характерна для византийской и варненской поливной керамики XIII–XIV вв. Такие чаши были найдены при раскопках Константинополя [20, fig. 2,16], Фессалоник, Крита [21, p. 122-123, fig. 8.4], Белгорода-Днестровского [8, с. 186], Афин, Никеи, Эфеса, Калиакры [15, с. 111] и др.

Производство керамики типа «Elaborate Incised Ware» связывают с Константинополем; в 2007 году при раскопках Стамбула выявлены остатки гончарной мастерской периода правления династии Палеологов [15, с. 111]. В этой керамике довольно распространенным мотивом является изображение плетенки, где сочетаются как растительные, так и геометрические элементы. Такой вид орнамента связан с керамическими традициями Востока, в частности Ирана [20]. Различные конфигурации сплетений двойных полос в центре композиции образуют многоугольное декорированное поле. Композиция выполнена в выемчатой технике.

Монетные находки из верхнего горизонта датируются в основной массе в пределах 60-90-х гг. XIV в. Одна монет чеканена на монетном довре «Ал-Джадид» в 782 г.х. (1380 г.), вторая, с надписью «Хан Абдаллах, да продлит [Аллах его правление]» – на монетном дворе Азака (годы правления Абдаллаха 1367–1379 гг.). В сером гумусе, который так же соответствует верхнему горизонту, были обнаружены еще несколько монет, две из которых, согласно определению, соответствуют 772 г.х. (1380 г., монетный двор «Ал-Джадид») и 796 г.х. (1393/1394 г.). На второй – имя хана Токтамыша и обозначение монетного двора «Крым». Остальные монеты из этого слоя трудно идентифицируются. Среди находок глазурованной керамики из верхнего горизонта (слоя золистого гумуса) выделяются многочисленные полихромные чаши с орнаментом в технике «сграффито» и «шамплеве» (группа «Polychrome Sgraffito Ware»), чаши с подглазурной росписью белым ангобом под коричневой, желтой или зеленой глазурью (группа «Slip-Painted Ware»), чаша с гравировкой по светлому ангобному покрытию под монохромной желтой глазурью (группа «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware») и др. Существует предположение, что подобные изделия изготавливались на территории Юго-Восточного Крыма [16, с. 495–564; 18, с. 85–90].

Импорт представлен фрагментом сероглиняного штампованного кувшина (рис. 2,*1*), вероятно, из Поволжья. Кувшин покрыт тиснением в виде чешуек («кольчужный орнамент»). Если брать за основу классификацию Г. А. Федорова-Давыдова [18], то, вероятней всего, такой вид кувшина можно отнести к типу IV, варианту II одноручных кувшинов (ручка, уплощенная в сечении), с приплюснутым туловом, узким горлом и зауженным венчиком, на низком кольцевом поддоне. Орнамент с чешуей возле кольцевого поддона обычно сопровождался в сюжете с растительными мотивами и арабской надписью в верхней части; на месте соединения двух частей кувшина были расположены параллельные концентрические линии. Ближайшая известная нам аналогия была обнаружена в ходе раскопок Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1991 г. [9] (рис. 2,*2*). Производство таких сосудов в Поволжье является прямым подражанием хорезмским кувшинам, либо такие изделия следует рассматривать как работу хорезмских мастеров, привезенных из Средней Азии в Золотую Орду [5]. Плано Карпини упоминает о том, что в золотоордынские города свозились со всех покоренных земель востока, запада и юга наиболее квалифицированные специалисты [13, с. 58]. Нумизматический материал позволяет датировать комплекс, из которого происходит фрагмент тисненого кувшина, второй половиной XIV в.

Таким образом, среди находок с поселения «Старый Фонтан» присутствуют предметы, прямые аналогии которым встречаются на памятниках с материальной культурой оседлого населения. Наличие среди находок сероглиняной тисненой керамики, произведенной в Поволжье, говорит о проникновении в самобытную кочевническую ремесленную традицию среднеазиатских элементов, в первую очередь, на уровне производства (ремесленное подражание или привлечение хорезмских мастеров) и модных тенденций в столовой керамике. Этот же факт говорит о проч-

ных внутриэкономических связях между регионами Улуса Джучи. Византийская импортная керамика на крымских памятниках золотоордынского времени также иллюстрирует торгово-экономические связи в средиземноморско-черноморском бассейне и позволяет, в некоторой степени, локализовать местные торговые пути. Кроме того, импортная византийская керамика на типичных золотоордынских поселениях крымских предгорий отображает новые модные тенденции кочевнического общества Золотой Орды. Внедрение инноваций в традиционную ремесленную среду и быт кочевого населения Золотой Орды является одним из важнейших аспектов формирования этой многокомпонентной и многообразной культуры Евразийского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский И.В., Масловский А.Н. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 160–177.
2. Бобчева Л. Сграффито керамика от Калиакра // Известия на народен музей Варна. 1979. Т. XV.
3. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20–36.
4. Бочаров С.Г. Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 306–323.
5. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. Т. IV. С. 261–342.
6. Ведомости о выведенных из Крыма в Приазовье християнах…от 18 сентября 1778 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.azovgreeks.com/gendb/rus/dzuha/5-app-3.htm (дата обращения 02.10.2018).
7. Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV вв. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 256 с.
8. Кравченко А.А., Столярик Е.С. Керамика византийского круга из Белгорода XIII–XIV вв. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1983. С. 179–191.
9. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым, СПб., 1992 //Архив Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
10. Кузев А. Средневековна сграфито керамика. Варна, 1984.
11. Науменко В.Е., Душенко А.А. Византийская глазурованная керамика из раскопок Дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп): по материалам исследований 2006-2010 гг. // Поливная керамика Причерноморья–Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тез. докл. междунар. науч. семинара. Севастополь, 2014. С. 93–95.

12. Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с.
13. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. статья и прим. Н.П. Шастиной. М., 1957. 272 с.
14. Сейдалиев Э.И. Научный отчет о научных археологических исследованиях (раскопках) на объектах культурного наследия: «Поселение «Чобан-Чокрак», «Поселение Тууш-1» Кировского района, «Поселение и некрополь Тобен-Сарай», «Городище и поселение Мелек», Белогорского района, «Поселение «Денисовка I» Симферопольского района Республики Крым в зоне строительства высоковольтной линии 220 кВ Кафа-Симферопольская II цепь в 2015-2016 гг. Т. 1-2. Симферополь, 2016 // Архив Института археологии РАН.
15. Тесленко И.Б. Византийская керамика группы «Elaborate Incised Ware» из усадеб XIV в. городища Луста (современная Алушта, Крым) // Поливная керамика Причерноморья–Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тез. докл. междунар. науч. семинара. Севастополь, 2014. С. 109–115.
16. Тесленко И.Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I. С. 495-564.
17. Тесленко И.Б., Сейдалиева Д.Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII – начала XV вв. // Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 85–106.
18. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
19. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.; Л., 1950. (МИА. № 17).
20. François V. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine à l'epoque Paléologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 195–208.
21. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide. Bijleveld: Parnassus Press, 2005. 223 p.

REFERENCES

1. Belinskii I.V., Maslovskii A.N. Importnaia polivnaia keramika Azaka (XIV v.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 160–177.
2. Bobcheva L. Sgraffito keramika ot Kaliakra. *Izvestiia na naroden muzei Varna*, 1979, Vol. XV.
3. Bocharov S.G., Maslovskii A.N. Vizantiiskaia polivnaia keramika v gorodakh Severnogo Prichernomor'ia zolotoordynskogo perioda (vtoraia polovina XIII – konets XIV vv.). *Povolzhskaia arkheologiia*, 2012, No 1, pp. 20–36.
4. Bocharov S.G. Gruppa vizantiiskikh polivnykh chash vtoroi poloviny XIV v. *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 306–323.
5. Vakturskaia N.N. Khronologicheskaia klassifikatsiia srednevekovoi keramiki Khorezma (IX–XVII vv.). Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii, Moscow, 1959, Vol. IV, pp. 261–342.

6. *Vedomosti o vyvedennykh iz Kryma v Priazov'e khristiianakh... ot 18 sentiabria 1778 goda*. URL: http://www.azovgreeks.com/gendb/rus/dzuha/5-app-3.htm
7. Zalesskaia V.N. *Pamiatniki vizantiiskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiiskaia keramika IX–XV vv. Katalog kollektsii*. St-Petersburg, State Hermitage Publ., 2011, 256 p.
8. Kravchenko A.A., Stoliarik E.S. Keramika vizantiiskogo kruga iz Belgoroda XIII–XIV vv. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 179–191.
9. Kramarovskii M.G. Otchet o polevykh issledovaniiakh 1991 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. Staryi Krym, St-Petersburg, 1992. *Arkhiv Otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitaga*.
10. Kuzev A. *Srednevekovnasgrafito keramika*. Varna, 1984.
11. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Vizantiiskaia glazurovannaia keramika iz raskopok Dvortsa pravitelei kniazhestva Feodoro (Mangup): po materialam issledovanii 2006-2010 gg. P*olivnaia keramika Prichernomor'ia – Sredizemnomor'ia kak istochnik po izucheniiu vizantiiskoi tsivilizatsii,* Sevastopol, 2014, pp. 93–95.
12. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
13. Shastina N.P. (Ed.), *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka*. Moscow, 1957, 272 p.
14. Seidaliev E.I. Nauchnyi otchet o nauchnykh arkheologicheskikh issledovaniiakh (raskopkakh) na ob"ektakh kul'turnogo naslediia: «Poselenie «Choban-Chokrak», «Poselenie Tuush-1» Kirovskogo raiona, «Poselenie i nekropol' Toben-Sarai», «Gorodishche i poselenie Melek», Belogorskogo raiona, «Poselenie «Denisovka I» Simferopol'skogo raiona Respubliki Krym v zone stroitel'stva vysokovol'tnoi linii 220 kV Kafa-Simferopol'skaia II tsep' v 2015-2016 gg. Simferopol, 2016, T. 1-2. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossijskoj Akademii Nauk.*
15. Teslenko I.B. Vizantiiskaia keramika gruppy «Elaborate Incised Ware» iz usadeb XIV v. gorodishcha Lusta (sovremennaia Alushta, Krym). *Polivnaia keramika Prichernomor'ia – Sredizemnomor'ia kak istochnik po izucheniiu vizantiiskoi tsivilizatsii,* Sevastopol, 2014, pp. 109–115.
16. Teslenko I.B. Odna iz goncharnykh traditsii Tavriki XIV-XV vv. (keramika gruppy Iugo-Zapadnogo Kryma). *Istoriia i arkheologiia Kryma*, Simferopol, 2014, Vol. I, pp. 495–564.
17. Teslenko I.B., Seidalieva D.E. Goncharnoe proizvodstvo i keramicheskii import Kryma kontsa XIII – nachala XV vv. *Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki.* Simferopol, Tarpan Publ, 2016, pp. 85–106.
18. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia*. Moscow, 1994, 228 p.
19. Iakobson A.L. *Srednevekovyi Khersones (XII-XIV vv.).* Moscow, Leningrad, 1950.
20. François V. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine à l'epoque Paléologue. *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.,* Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 195–208.
21. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide.* Bijleveld, Parnassus Press, 2005, 223 p.

E. I. SEIDALIEV[a], D. E. SEIDALIEVA[b]

a) Crimean Engineering and Pedagogical University; Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia); Ch. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

b) V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

POTTERY AS INNOVATION INDICATOR IN TRADITIONAL NOMADIC CULTURE OF THE GOLDEN HORDE (THE CASE OF THE FINDS FROM THE SETTLEMENT OF STARYI FONTAN)

Abstract: This paper publishes certain categories of imported ceramic ware excavated at the settlement of Staryi Fontan from the Golden Horde period in the Crimea. The settlement was discovered by archaeological surveys in 2014, during the preparation of the construction of the "Kaffa-Simferopol" high-voltage line, and was investigated in 2016. According to numismatic and other related finds, there are reasons to date the settlement to the fourteenth century and to establish two chronological stages of its existence. This publication is to show how the cultural traditions of the sedentary population penetrated into traditional nomadic culture. According to the set of archaeological finds, this site was a typical settlement from the Golden Horde period, containing features of nomadic and sedentary cultures. The excavations discovered significant amount of archaeological materials, including numerous ceramic fragments, among which import vessels produced in pottery workshops in the Volga area and in Byzantine production centres are of particular interest. Thus the early horizons of the settlement contained two ceramic fragments produced possibly in a Constantinople workshop. A fragment of an embossed gray-clay pitcher from the top horizon probably originates from the Volga area, where this craft production tradition probably came from the Central Asian (Khwarazm) workshops. Ceramic imports from the regions with settled population penetrated into the daily life of the nomadic population of the Crimean yurt of the Ulus of Jochi as a kind of innovation indicator typical of nomadic cultures. Despite insignificant amount of imported materials, the results obtained by the research allow the identification of trade and economic ties in the Mediterranean – Black Sea basin, the localization of local trade routes, and the tracing of the ways of the origin and development of the multi-component culture of the Ulus of Jochi.

Keywords: Crimea, Ulus of Jochi, Byzantium, Khwarazm, Staryi Fontan, mediaeval pottery.

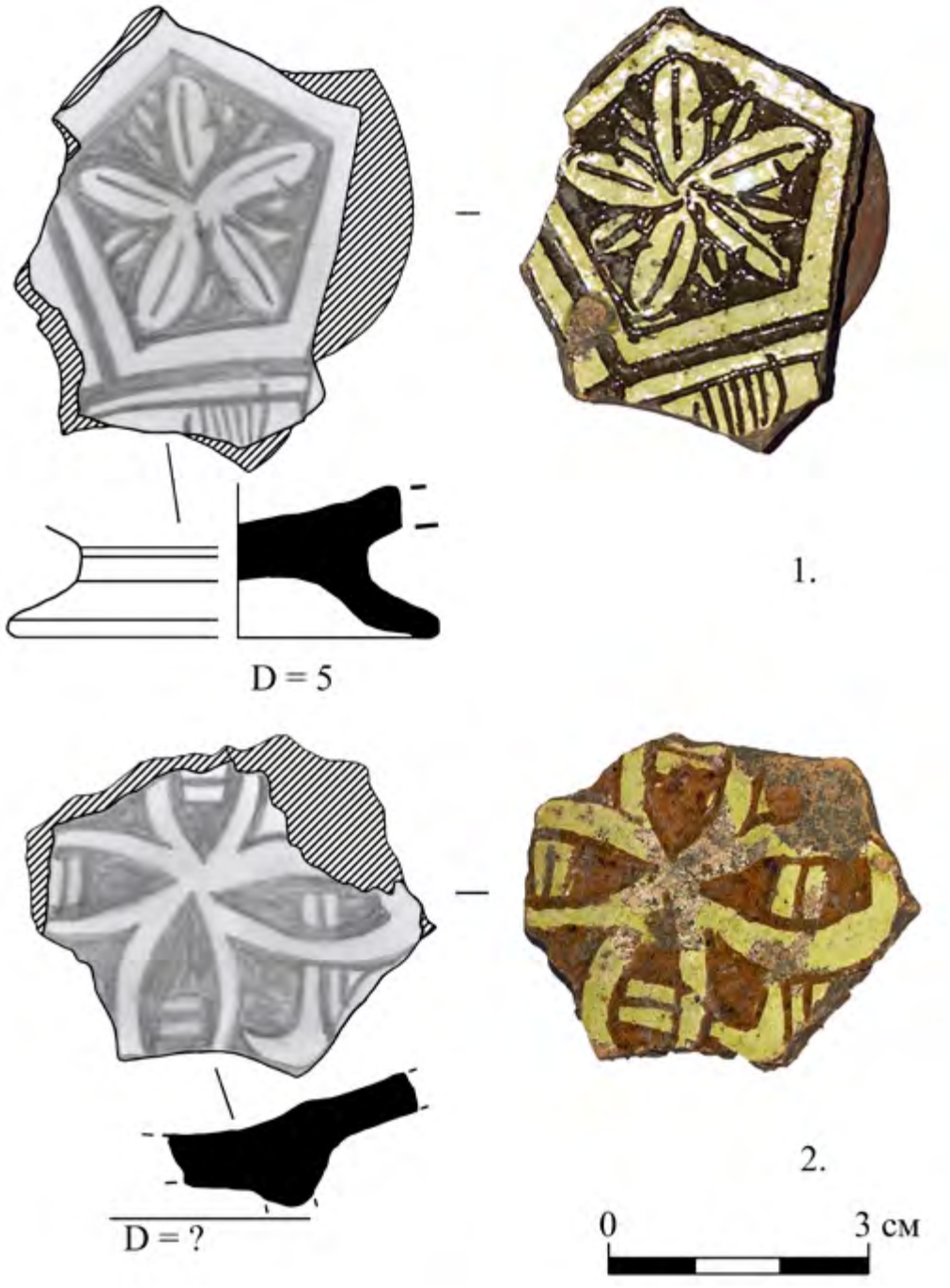


Рис. 1. Византийские чаши типа «Elaborate Incised Ware», найденные на поселении «Старый Фонтан».

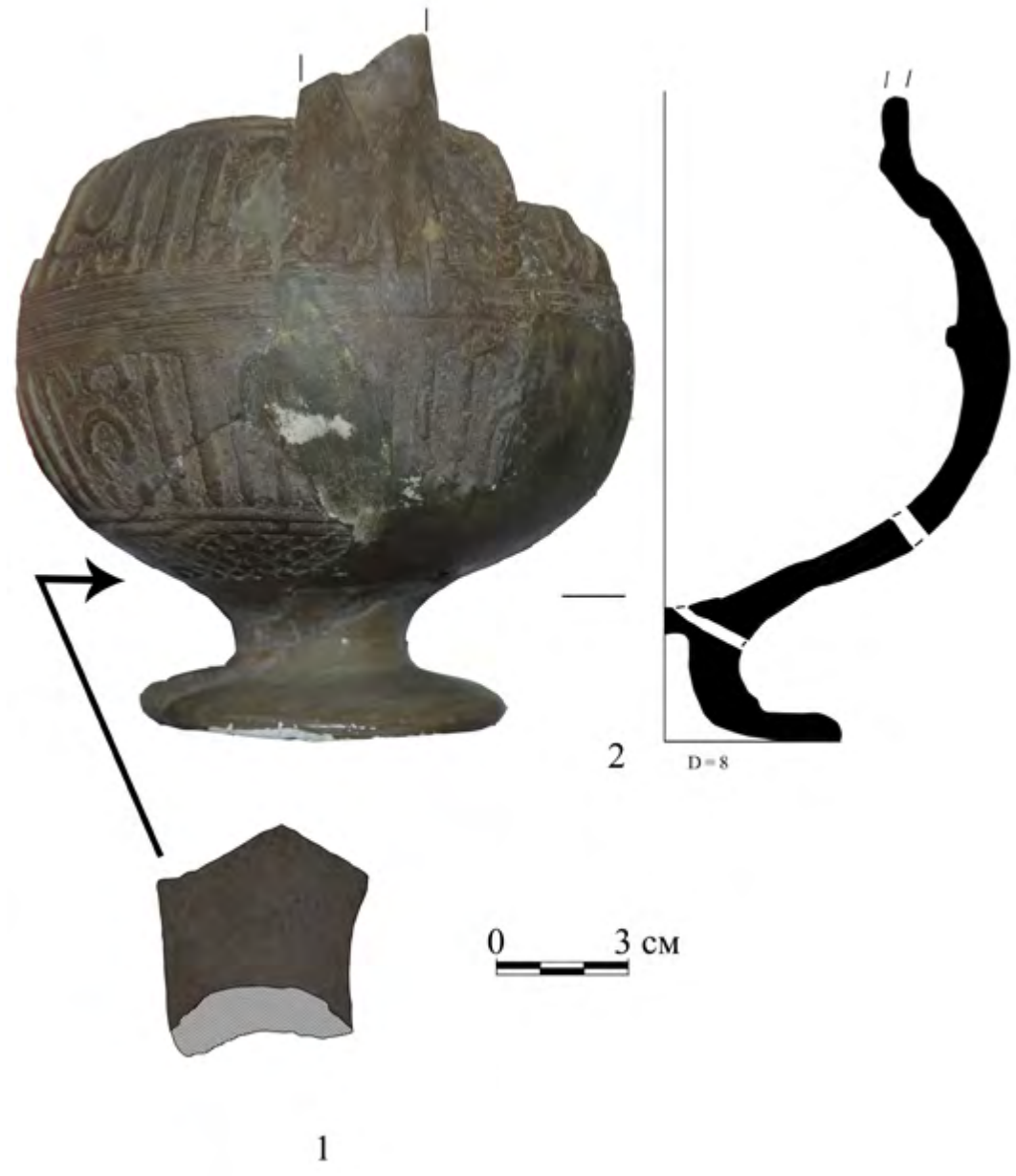


Рис. 2. Фрагмент сероглиняного штампованного сосуда (1) и аналогия (2) из раскопок Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (фото предмета из фондов Старокрымского литературно-художественного музея).

СФРАГИСТИКА И ЭПИГРАФИКА

В. А. СИДОРЕНКО

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ДВЕ НАДПИСИ НА КАМНЕ ИЗ РАСКОПОК В БОСФОРСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В КЕРЧИ В 2007 Г. [1]

Аннотация: Статья посвящена публикации двух надписей, фрагменты которых высечены на мраморной плите из раскопок в Керчи А.И. Айбабина в 2007 г. Первая надпись представляла собой посвящение времени Левкона I или его сына Перисада, датируемое 385–345 гг. до н.э. Вторая – манумиссия, частноправовой документ об отпуске на волю раба. Манумиссия датируется временем правления Котиса I (45/46–62/63 гг. н.э.), дополняя число ранее найденных памятников иудейских общин Боспора.

Ключевые слова: античный Боспор, эпиграфические памятники, посвящение, манумиссия, Левкон I, Перисад I.

Во время раскопок А.И. Айбабина в Босфорском переулке в Керчи в 2007 г. были найдены два соединяющихся по сколу фрагмента мраморной прямоугольной плиты. Размеры обоих фрагментов 21,0 х18,5 х 6,5 см. Камень использовался в вымостке двора (Участок 1, сектор 1, коллекционная опись № 385). Фрагменты мраморной плиты хранятся в Керченском лапидарии, инв. № КЛ-2491.

Отчетливые остатки двух разновременных надписей сохранились на боковой и лицевой поверхностях плиты.

От первой надписи (рис. 1) на правой боковой грани плиты сохранилось десять букв одной строки, ниже которой прослеживаются следы обрубки уничтоженного рельефного валика. Надпись выполнена четко прописанными буквами, палеография которых типична для монументальных боспорских надписей IV в. до н.э. – буквы широкие, далеко отстоят друг от друга, концы гаст снабжены апексами, концы сигмы выступают за габариты отчетливой разметки строки. Высота букв 1,3–1,5 см (кроме сигмы и слегка увеличенной беты).

[1] Работа выполнена в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ №33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».

В надписи читается имя Левкона: [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ἀνέθηκεν τὸν θρόνον (?) … ἄρχοντος] Λεύκωνος Βο[σπόρου καὶ Θεοδόσιης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων], или патронимик его сына Перисада: [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ἀνέθηκε … ἄρχοντος Παιρισάδους τοῦ] Λεύκωνος Βο[σπόρου καὶ Θεοδόσιης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων].

Перевод: [… посвятил стол … при] Левконе [архонте] Боспора [и Феодосиии, и царе синдов и всех маитов]; или: [… посвятил … при Перисаде, сыне] Левкона, [архонте] Боспора [и Феодосиии, и царе синдов и всех маитов].

Сохранившаяся часть надписи не дает оснований для восстановления предшествовавшего текста, включавшего имена дедиканта и божества (или парных божеств), но перед именем Левкона (или именем и патронимиком Перисада) восстанавливаем ἄρχοντος и обычный для посвящений глагол ἀνέθηκε, который в подобных боспорских надписях времени Левкона I и Перисада часто стоит непосредственно перед титулом архонта [КБН, 6–8], но при обозначении посвящаемого предмета смещается к дедиканту [КБН, 1014]. Преимущественно посвятительные надписи, датированные временем Левкона I, были найдены как в самом Пантикапее [КБН, 6–8], так и в других боспорских городах [КБН, 1014, 1037, 1038, 1111]. Посвящение на известняковой плите [КБН, 1014], найденное в 1818 г. на Тамани возле станицы Ахтанизовской, дает имя Перисада с патронимиком, что позволяет датировать его началом единоличного правления Перисада I, наступившим после смерти его брата-соправителя Спартока II в 349/348 г. до н.э. [Diodor, XVI, 52, 10]. Вместе с тем предполагается, что власть Спартока II носила формальный характер, а фактическим правителем Боспора, Феодосии, Синдики и меотийских племен в пятилетнее соправительство с братом был Перисад [КБН, с. 22], на что косвенно указывает отсутствие упоминаний Спартока в эпиграфических свидетельствах. Для датировки нашей надписи с именем Левкона нельзя исключать возможность принадлежности ее времени правления Перисада, в связи с чем представляются два варианта восстановления текста. Имя Перисада могло иметь иное окончание – Παιρισάδεος, но его, как и перечисление меотийских племен (Τορετῶν, Δανδαρίων, Ψησσῶν) вместо Μαϊτῶν πάντων, мы исключаем после расчета соответствия числа букв реконструируемой длине надписи.

Можно было бы предположить, что посвящение находилось на постаменте или алтаре, из нижней части которого была выпилена плита, сохранившая размеры плоскости постамента и использованная для второй надписи – манумиссии, частноправового документа об отпуске на волю раба [как КБН, 69–74]. Судя по наличию следов сколотого карниза, опоясывавшего нижнюю часть мраморного блока, строка надписи могла завершать текст, поскольку продолжение ее на профилированном выступе исключалось. Заманчивость такого предположения заключается в возможности датировать посвящение периодом войны Левкона I за Феодосию 390–385 гг. до н.э., поскольку при таком расположении на камне она не могла бы иметь продолжения καὶ Θεοδόσιης κτλ. и относилась бы к раннему времени архонтства Левкона I, когда

власть его распространялась только на Боспор. Посвящением без титула архонта Феодосии является таковое самого Левкона Фебу Аполлону, происходящее из Семибратнего городища [3, с. 34–47]. Подобное предположение и обоснование датировки высказывались автором в предварительной публикации, посвященной в основном вырезанной на вторично используемом камне манумиссии [2, с. 121– 127]. Но реконструкция размеров плиты по восстанавливаемым строкам манумиссии (рис. 3) указывает на размещение всей надписи с посвящением времени Левкона I (или Перисада) на более короткой поперечной боковой плоскости камня (ок. 28 см), при длине продольных – ок. 32 см, что необычно как для алтаря, так и для постамента, где надпись логичнее ожидать на более широких из их вертикальных плоскостей. Другой противоречащий алтарю или постаменту признак – это близость надписи к сколотому карнизу и округлость верхнего края абаки последнего, отчетливо улавливаемая по остаткам профиля на краю скола.

Судя по всему, посвятительная надпись размещалась на боковой окантовке столешницы мраморного стола, из которой была выпилена плита для манумиссии. В подобном случае восстановление ее может включать полный титул Левкона: [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ἀνέθηκε(ν) τὸν θρόνον(?) … ἄρχοντος] Λεύκωνος Βο[σπόρου καὶ Θεοδόσιης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων vel Σίνδων, Τορετῶν, Δανδαρίων, Ψησσῶν]; или же имя и титул его сына Перисада: [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ἀνέθηκε(ν) … ἄρχοντος Παιρισάδους τοῦ] Λεύκωνος Βο[σπόρου καὶ Θεοδόσιης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων vel καὶ Θατέων vel Σίνδων, Τορετῶν, Δανδαρίων, Ψησσῶν]. Название посвящаемого предмета могло не упоминаться, поскольку на нем самом находилась надпись.

Можно примерно представить размеры столешницы, из которой была вырезана плита. Если исходить из самой краткой формы посвящения (дедикант, божество, ἀνέθηκεν κτλ.), то количество букв в нем составляло для посвящения времени Левкона около 45+72=117, Перисада – 131. Равномерно распределяемые по строке, сохранившиеся на камне 10 букв занимают 19,2 см. При заполнении надписью всей протяженности поля, 117 букв должны соответствовать длине около 2 м, при 131 – около 2,5 м. Можно предполагать, что столешница была разделена на равные плиты, одна из которых, используемая для манумиссии, имела размеры 28х32см (рис. 2). В этом случае деление ее на четыре части давало бы исходные размеры (без учета их утрат при вырубке) 56х64 см при общей длине ее краев около 240 см. Можно обратить внимание на привязку начала имени Левкона к углу столешницы. Если проецировать длину надписи в 64 буквы «Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ Θεοδόσιης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν πάντων» на боковые стороны реконструируемого габарита столешницы, то она займет 123 см при указанном ранее соответствии 10 букв – 19 см. Это практически равно расчетной протяженности двух сторон (28х2 +32х2=120 см). Следует учесть, что расчет длины реконструируемой части надписи примерен, а включение в нее расширенных и узких букв (омега и йота) в расчет не принимается. Можно полагать, что той же длине соответствовала и ее дедикантная часть. Два варианта предполагаемого размещения надписи на четырех сторонах столешницы можно представить в виде следующей схемы:

Вариант: «посвящение времени Левкона»	
……..[19]……...……ΑΝΕΘΗΚΕΤΟΝ	ок. 29 зн. (56 см)
ΘΡΟΝΟΝ……[19]……...… ΑΡΧΟΝΤΟΣ	ок. 33 зн. (64 см)
ΛΕΥΚΩΝΟΣΒΟΣΠΟΡΟΥΚΑΙΘΕΟΔΟΣΙΗΣΚΑΙ	29 зн. (56 см)
ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣΣΙΝΔΩΝΚΑΙΜΑΙΤΩΝΠΑΝΤΩΝ	33 зн. (64 см)
Вариант: «Посвящение времени Перисада»	
……...……...… ΑΝΕΘΗΚΕΝ.……...…….	ок. 29 зн. (56 см)
……[11]……...…ΑΡΧΟΝΤΟΣΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥΣΤΟΥ	ок. 33 зн. (64 см)
ΛΕΥΚΩΝΟΣΒΟΣΠΟΡΟΥΚΑΙΘΕΟΔΟΣΙΗΣΚΑΙ	29 зн. (56 см)
ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣΣΙΝΔΩΝΚΑΙΜΑΙΤΩΝΠΑΝΤΩΝ	33 зн. (64 см)

Расчеты не позволяют уточнять датировку надписи, которая может относиться как к раннему периоду правления Перисада (середина IV в. до н.э.), так же и ко времени Левкона (если начало ее превосходило оптимальные расчеты). Она может датироваться 385–345 гг. до н.э.

Вторая надпись (рис. 3) находится на лицевой плоскости камня. Сохранились 8 строк, вырезанных на выглаженной поверхности. Расстояние между строками 0,8 см, высота букв 1,4–1,5 см, кроме ро, вертикальная гаста которой опускается ниже строки (1,6–1,8 см), уменьшенных омикрона (0,9–1,0 см) и теты (1,1–1,2 см). Вырезана аккуратно, буквы четкие, врезаны глубоко, имеют небольшие апексы, отчетлива линейная разметка строк. Стиль письма характерен для I–II вв.

[Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου]
[Ἰουλίου Κότυος φιλοκαίσαρος]
[καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς, ἔτους]
[. . τ΄ μηνὸς Ξανδι]κο(ῦ) γι΄, Θητο γυ[νὴ πρό-]
[τερον τοῦ δεῖνος …]τρο(ῦ) ἀνατέθει Μει-
[κρᾶτος(?) τῷ θεῷ] τ[ὸ]ν [θ]ρεπτ[ὸν ἐμα-]
[υτῆς(?) ὅπως ᾖ ἀπ]αρενόχλητοι καὶ ἀ-
[νεπίληπτοι χ]ωρὶς τοῦ προσκαρτε-
[ρεῖν τῇ προσε]υχῇ ἐπιτροπευού-
[σης τῆς συν]αγωγῆς τῶν Ἰου-
[δαίων καὶ θ]εοσεβῶν.

Перевод: [В царствование царя Тиберия Юлия Котиса, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, года 3.. месяца Ксанди]ка 13, Тхето, бывшая жена …тра, посвятила Мей[крата(?) богу,] вскормленника своего, чтобы он был гарантирован от захвата и беспокойства при условии усердного посещения молельни под опекой же иудейской синагоги и богопочитающим (богобоязненным).

Ст. 1-3. Имя Котиса восстанавливается в ст. 2 из расчета реконструируемой по стт. 9-10 длины строки: другие имена в gen. (Ἀσπούργου, Ῥησκουπόριδος) увеличи-

ли бы число знаков, изменив размещение букв в последующих строках. Если бы после имени царя в надписи были опущены эпитеты φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς, как это встречается в фанагорийской манумиссии 51 г. н.э. [4, с. 60, 62], то датировочная формула сокращалась бы более чем на строку, для имени Рескупорида оставалось недостаточно места, и в избытке для других царских имен.

Ст. 4. Поскольку правление Котиса продолжалось (судя по датированым статерам с его монограммой) с 342 по 359 гг. б. э. (45/46–62/63 гг. н.э.) или по 67/68 г., в начале ст. 4 восстанавливается только цифра сотен. Окончание Gen. Sing. на –ο (вм. –ου) в названии месяца Ксандика повторяется и в следующей строке в личном имени. Подобная грамматическая особенность была распространена на Боспоре в конце V – IV вв. до н.э. [КБН, с. 801, § 4, 2], но для первых веков н.э. является анахронизмом, а для IV в. н.э. расценивается издателями надписи КБН, 743 как ошибка резчика. В нашем случае неединичность использования окончания Gen. Sing. –ο исключает вероятность ошибки. Женское имя Θητο неизвестно, но словарями отмечено мужское Θητοῦς [9, Sp. 139]. Следующее за именем хозяйки отпущенника γυ[νὴ] уверенно восстанавливается по остаткам нижних частей вертикальных гаст от двух начальных букв, пробел между апексами которых при своей величине возможен только при схождении *гаммы с юпсилоном* (и *тау*, но это исключается).

Стт. 5-6. От имени бывшего мужа хозяйки отпущенника сохранилось окончание –τρο(ῦ). Непременное отсутствие артикля при косвенных падежах имен собственных не только в боспорских манумиссиях, но и других надписях римского времени [8, p. 37], позволяет считать все потенциальное для восстановления пространство в строке между [πρό|τερον] и ἀνατέθει занятым этим именем. В обратном словаре личных имен (Дорнсейфф-Хансен) находится единственное, соответствующее по длине лакуне имя Κλεινόπατρος [7, S. 282], но возможно, в ней помещались короткое имя и патронимик с генетивом на –τροῦ. Манумиссии не дают примеров упоминаний для бывших мужей вдов их патронимиков, но это нельзя исключать. Восстановление личного имени или имени с патронимиком в ст. 5 кажется излишним при отсутствии ориентиров, и число имен с окончанием родительного падежа на –τροῦ велико. Глагол ἀνατέθει, возможно, воспроизведен в надписи вместо ἀνατίθει, хотя для обозначения действия освобождения в манумиссиях используются различные формы глаголов. Часть манумиссий сообщает об обряде посвящения: ἀνέθηκεν – *посвятил* (41 г. н.э., Горгиппия) [КБН, 1021], ἀνέθηκαν вм. ἀνέθημεν – *посвятили* [КБН, 74], ἀνατίθει – *посвящает* (105 г. н.э.) [КБН, 1021], указывая имена божеств, которым посвящается вскормленник: ὑπὸ Δία, Γῆν, Ἥλιο[ν] – *попечением Зевса, Геи, Гелиоса* [КБН, 1021], (ϑ)εῷ τῆς Μᾶς? καὶ Παρ(ϑ)ε|νου – *богам Мас? и Деве* [КБН, 74]; Διεὶ καὶ Ἥρᾳ Κυλει|δῶν – *Зевсу и Гере Килидов* [КБН, 1021] и др. Другая – прямо говорит о действии освобождения вскормленника: ἀφί[ησι] – *отпускает* (Горгиппия, 59 г. н.э.) [КБН, 1124], ἀφ(ε)ίημι ἐπὶ τῆς προσευχῆς – *отпускаю при молельне* [КБН, 70-71], ἀφίημι … ἐν τῇ προσευχῇ – *отпускаю в молельне* [КБН, 73], происходящем при иудейских молельнях, на что указывает упоминание иудейской синагоги (τῆς συναγωγῆς τῶν

Ἰουδαίων). Горгипейские манумиссии отличаются упоминанием посвящения «богу высочайшему, вседержителю, благословенному», сочетаемым этот открывающий манумиссию лозунг с глаголами ἀφείομεν – *отпускаем* [КБН, 1125], [ἀφίημι ἐλευϑέρ]ους – *отпускаю свободными* [КБН, 1126]. В наиболее ранней из известных манумиссий (времени Аспурга, 313 г. б.э. = 16 г. н.э.) [КБН, 985] сочетаются те и другие признаки: посвящение (ἀ|[ν]ατίϑησι) языческому Аполлону происходит в молельне при условии почитания (ϑω|[π]εί[ας]) и усердного посещения (προσ|[κ]αρ[τερή]σεως). По мнению издателей КБН, «перед нами случай, когда обычная в иудейских молельнях форма посвящения сочетается с именем греческого божества» [КБН, с. 564]. Можно заметить, что «обычная в иудейских молельнях» форма с упоминанием синагоги у иудеев появляется немногим позже. Манумиссия 16 г. н.э. не упоминает синагоги, а о молельнях (προσευχή), предназначаемых как для иудеев, так и язычников, достаточно свидетельств [КБН, с. 657]. Как видим, манумиссии отчетливо разделяются на языческие и иудейские, причем рассматриваемая нами относится к числу наиболее ранних иудейских, когда отпущение вскормленника-раба подразумевалось под посвящением богу (подобно заимствованному – языческих манумиссий), но не выражалось юридически-правовым термином отпускания на свободу. Рассмотренное кажется достаточным, чтобы в ст. 6 после имени вскормленника восстанавливать адресата посвящения – τῷ ϑεῷ, богу иудеев ὑψίστῳ (высочайшему) с эпитетами горгипейских манумиссий.

В окончании ст. 6 видим забой букв перекрестными косыми насечками, возможно, преднамеренное исправление резчика, по непонятной причине коснувшееся части слова [ϑ]ρεπτ[ὸν]. Однако, в основном забой приходится на следовавшее за ним местоимение. Возможно, у резчика возникли сомнения, и он исправлял написанное. Для манумиссий характерно употребление личных местоимений вместо возвратных [8, p. 47], но в данном случае, вероятно, личное – было исправлено.

Ст. 7-8. Наиболее близкой нашей является манумиссия, изданная [КБН, 71] в чтении Ю. Ю. Марти [5, с. 66–68] без исправлений в ст. 3: «[ἐμ]α[υ]τῆς ϑρεπτ[όν]» [6, с. 145]. По мнениям И. И. Толстого и Б. И. Наделя, в ней (ст. 4) изъявительное наклонение глагола (εἰσίν) употреблено вместо сослагательного. В нашей надписи по количеству отсутствующих в ст. 7 букв между [ὅπως] и [ἀπ]αρενόχλητοι не находится места для презенсно-индикативной формы глагола εἶναι, что позволяет в сочетании с отчетливо читаемым оптативом восстанавливать конъюнктив ᾖ.

Стт. 9-11. Последние строки восстанавливаются по аналогии с известными иудейскими манумиссиями. В прямой связи с безымянностью «бога» находится завершающее надпись условие быть [ϑ]εοσεβῶν (богопочитающим, богобоязненным), подразумевающее единство бога и не встречающееся в посвящениях языческих, по сути же означающее принятие религии иудаизма. Равнозначность ϑεὸν σέβων [КБН, 71] и ϑωπεία надписей Пантикапея и Горгиппии отмечалась Б. И. Наделем [6, с. 145], не обращавшим, между тем, внимания на встречаемость ϑωπεία как в иудейских манумиссиях, так же и в языческой [КБН, 985], в то время как использование в язы-

ческих θεὸν σέβων, θεοσεβῶν не только не отмечается, но и исключено по причине конкретизации безымянного бога иудеев. Таким образом, можно говорить только о смысловой близости значений θωπεία и θεὸν σέβων, θεοσεβῶν при их существенных отличиях.

Манумиссия дополняет число предшествующих находок подобных памятников, являясь «эпиграфическим подтверждением существования на Боспоре иудейской общины прозелитов» [1, с. 14]. Заключающее ее отчетливо читаемое θεοσεβῶν позволяет рассматривать его в том же значении, что θεὸν σέβων [КБН, 71], подобно πρωτάρχων и πρῶτος ἄρχων декретов Херсонеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Еврейская община в позднеантичном Пантикапее и раннесредневековом Боспоре // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 12–14.
2. Айбабин А.И., Сидоренко В.А. Новая иудейская манумиссия из Пантикапея // БИ. 2007. Вып. XVII. С. 121–127.
3. Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 34–47.
4. Даньшин Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 59–72.
5. Марти Ю.Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. М., Л., 1934. Вып. 104. Из истории Боспора. С. 57-89.
6. Надель Б.И. Филологические и дипломатические заметки к боспорским манумиссиям // ВДИ. 1958. № 1. С. 137–145.
7. Dornseiff F., Hansen B. Rückläufiger Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin: Akademie Verlag, 1957. 320 S. (Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschafnen zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. Bd. 102. Helf 4)
8. Kocewalow A. Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum graecorum orae septentrionalis Ponti Euxini. Leopoli, 1935. 132 p.
9. Preisigke F. Namenbuch enthaltend alle griechischen, latenischen, äghptischen, frfbischen und sosstigen semitischen und nichtsemitischen Menschennamen, soweit sie in griechichen Urkunden (Paphri, Ostraka, Inschriften, Mumienschildern usw) Üghptens sich vorfinden. Heidelberg, 1922. 528 S.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. Evrejskaya obshchina v pozdneantichnom Pantikapee i rannesrednevekovom Bospore. *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya,* Kerch, 2016, pp. 12–14.
2. Ajbabin A.I., Sidorenko V.A. Novaya iudejskaya manumissiya iz Pantikapeya. *Bosporskie issledovaniya*, 2007, vol. XVII, pp. 121–127.
3. Blavatskaya T.V. Posvyashchenie Levkona I. *Rossijskaya arkheologiya*, 1993, No 2, pp. 34–47.
4. Dan'shin D.I. Fanagorijskaya obshchina iudeev. *Vestnik drevnej istorii*, 1993, No 1, pp. 59–72.
5. Marti Yu.Yu. Novye epigraficheskie pamyatniki Bospora. *Izvestiya Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury*, Moscow, Leningrad, 1934, vol. 104, pp. 57-89.

6. Nadel' B.I. Filologicheskie i diplomaticheskie zametki k bosporskim manumissiyam. *Vestnik drevnej istorii,* 1958, No 1, pp. 137–145.
7. Dornseiff F., Hansen B. *Rückläufiger Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin, Akademie Verlag, 1957, 320 p.
8. Kocewalow A. *Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum graecorum orae septentrionalis Ponti Euxini.* Leopoli, 1935, 132 p.
9. Preisigke F. *Namenbuch enthaltend alle griechischen, latenischen, äghptischen, frfbischen und sosstigen semitischen und nichtsemitischen Menschennamen, soweit sie in griechichen Urkunden (Paphri, Ostraka, Inschriften, Mumienschildern usw) Üghptens sich vorfinden. Heidelberg,* 1922, 528 p.

V. A. SIDORENKO

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

TWO STONE INSCRIPTIONS EXCAVATED IN BOSFORSKII LANE IN KERCH IN 2007

Abstract: This paper publishes two inscriptions, which fragments are carved on a marble slab excavated by A. I. Aibabin in Kerch in 2007. The first inscription was a dedication from the age of Leucon I or his son Pairisades, dated to 385–345 BC. The second was amanumission, or a private document of an owner freeing slave. The manumission dates to the age of King Kotys I (45/46–62/63 AD), thus enlarging the number of already discovered monuments related to Jewish communes in the Bosporos.

Keywords: antique Bosporos, epigraphic monuments, dedication, manumission, Leucon I, Pairisades I.

Рис. 1. Надпись на боковой стороне плиты КЛ-2491.

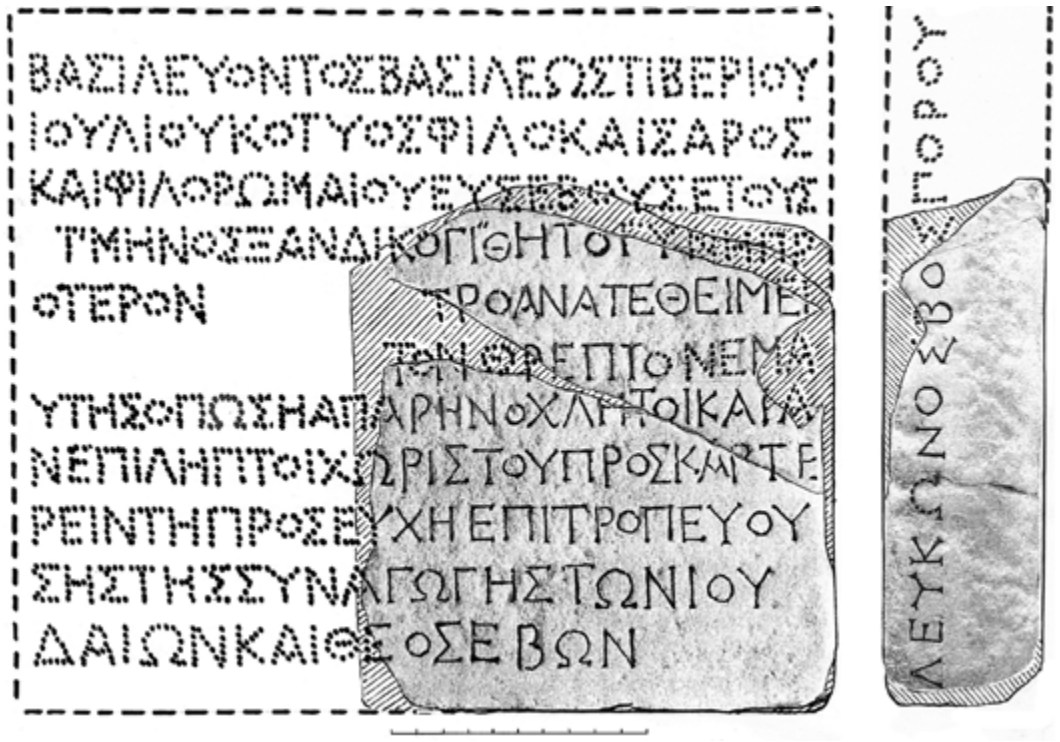


Рис. 2. Реконструкция габаритов плиты КЛ-2491 по графическому восстановлению строк манумиссии.

Рис. 3. Фасадная сторона плиты с манумиссией.

Вернер ЗАЙБТ
Австрийская академия наук, Институт средневековых исследований,
Отделение византиноведения (Вена, Австрия)

КУР ХЕРСΩNOΣ

Аннотация: В статье рассматривается уникальная должность кира Херсона. Печати этих чиновников (четыре варианта) опубликованы недавно, однако единого мнения об их чтении, хронологии и функциях соответствующих должностных лиц исследователи пока не выработали. Приводится новое чтение и датировка печатей, а название должности предложено восстанавливать как «κῦρ Χερσῶνος». Имя одного из владельцев, предположительно «Зопак», может быть связано с его аланским происхождением. Хронология всех печатей находится в пределах 840–860/880 гг. Констатируется, что наличие должности кира было одним из проявлений особых взаимоотношений между Византийской империей и Крымом. В центре византийского влияния на полуострове, Херсоне, сохранялась более выраженная, чем в иных частях империи, традиция муниципального управления. Должность кира возникла вскоре после учреждения византийской фемы в Крыму (841 г.). Это был, вероятно, командир местных отрядов, подобно мерархам и турмархам других фем. В Крыму это войско имело особое значение, поскольку византийцы не держали в регионе крупные контингенты из других фем, дабы не ставить под удар отношения с соседними тюркскими племенами. Через несколько десятилетий, когда ситуация нормализовалась, исчезла и необходимость в сохранении херсонских киров. Вероятно, их преемником стал протевонт, лишенный военных полномочий и в итоге получивший функции контроля за обеспечением правопорядка.

Ключевые слова: кир Херсона, сфрагистика, византийский Херсон, византийская администрация, история Византии, византийская Таврика.

Отношения между Византийской империей и Крымом часто были особенными. Периоды, когда Византия оккупировала, по крайней мере, часть полуострова, особенно на его южном берегу, сменялись периодами существования своего рода вассальных отношений, а также временем, когда влияние империи существенно уменьшалось, но расширялись торговые контакты. Ведущую роль в отношениях между Византией и Крымом играл город Херсон (античный Херсонес). Даже в эпоху, когда в регионе существовала византийская фема, центральная администрация испытывала сомнения в лояльности

крымских подданных. С другой стороны, в Херсоне сохранялась более выраженная, чем в иных частях империи, традиция муниципального управления, в которой в исследуемое время иногда фиксируются удивительные – редкие и даже уникальные – должности.

Так, внимание исследователей привлекла изданная Г. Закосом и А. Веглери печать, датированная второй половиной IX в., в легенде которой они предложили читать «ἐξουσιαστὴς Χερσῶνος» [30, no. 2526]. Однако вызванный этой публикацией энтузиазм вскоре угас, поскольку в рецензии на нее мне пришлось исправить чтение данной печати, атрибутировав ее хорошо известному Феофобу, занимавшему пост «ἐξουσιαστὴς Περσῶν» [26, p. 212 (ad no. 2526); об этом лице см. также: 33, p. 106–129, 135–150].

Еще одной необычной должностью, существовавшей в Крыму, по крайней мере, на протяжении нескольких десятилетий IX в., был «κῦρ Χερσῶνος». Она известна исключительно по печатям, прежние интерпретации которых, к сожалению, иногда содержат ошибки. Начало дискуссии положила А. Ф. Вишнякова, опубликовавшая в 1939 г. первую печать ипата и кира Херсона (второй тип по нашей классификации). По ее мнению, кир был эквивалентом эпарха (*«Достоинство кира относилось к разряду ипархов, а ипарх был градоначальником»*) [5, с. 122–123], что совершенно неубедительно. Эту мысль повторила И. В. Соколова в своем каталоге печатей византийского Херсона. По ее мнению, дополнительным аргументом могла быть отпечатавшаяся на моливдовуле ткань – ведь *«Эпарх, надзиравший за всей торгово-хозяйственной жизнью города, мог в некоторых случаях опечатывать товары»* [9, с. 114, 146, № 4; см. также: 1, с. 215]. От имени владельца печати сохранились только две буквы, «AK», которые ошибочно восстанавливались как «[Ἰσ]ακ(ίῳ)», причем этот вариант до сих пор используют многие исследователи. Реконструкция титула «ипат» не вызывает сомнений, но вместо корректного «κυρῷ» было предложено чтение «κυρ(ίῳ)». Решающей ошибкой, повлиявшей на интерпретацию печати, оказалось ошибочное отнесение находки к VIII в., то есть ко времени, когда Херсон находился под контролем архонтов. На самом же деле, архонты Херсона, возглавлявшие зависимый от Византии город, вероятно, действовали приблизительно с 740 г. вплоть до учреждения византийской фемы в Крыму в 841 г. [см.: 28, с. 188–189]. За последние десятилетия византийская сфрагистика продвинулась достаточно далеко, и не только в плане сужения датировок. Хотя инвокативные монограммы типа V по В. Лорану в сочетании с тетраграммой стали обычным явлением начиная с конца VII в., написание букв на нашей печати совершенно очевидно указывают на IX в. Н. А. Алексеенко сделал шаг в правильном направлении, передатировав эту печать вместе с двумя другими типами концом VIII – началом IX в. [14, pp. 115–117; 2, с. 261–262, № I.2.2], но и эта хронология представляется слишком ранней. Ситуация еще более запуталась, когда в 2006 г. С. Б. Сорочан и К. Д. Смычков опубликовали новую печать кира Херсона, несомненно относящуюся ко времени после середины IX в. [10, с. 207–212, 359, 361, рис. 2; ср.: 28, с. 190].

Попробуем же еще раз обратиться к изучению соответствующих печатей.

Практически синхронные печати двух разных людей относятся к середине IX в. – вероятно, ко времени, когда Византия уже учредила фему в Крыму. С 1966 г. известны

две печати Льва, ипата и кира Херсона, найденные в Херсонесе [см.: 14, p. 115, no. 23; 2, с. 260–261, № I.2.2[1]]. Экземпляр с лучше читаемой легендой из коллекции А. Финенко ныне находится в собрании М. Н. Бутырского (МБ–09), а другой, из коллекции Ю. Самойленко, оказался в собрании А. Е. Шереметьева в Киеве (AKh–190). Последняя представлена на рис. 1.[2] Несмотря на то, что обе печати фрагментированы, чтение легенд не вызывает сомнений.

На лицевой стороне находится чрезвычайно популярная крестообразная инвокативная монограмма типа V по В. Лорану («Θεοτόκε βοήθει») с обычной тетраграммой «τῷ σῷ δούλῳ» («Богородица помоги – твоему рабу»).

Легенда оборотной стороны читается как:

ΛЄON-TI VΠATѠ – [S] KVPѠ X[Є-PCON,] –
Λέοντι ὑπάτῳ καὶ κυρῷ Χερσ(ῶ)ν(ος)
Льву, ипату и киру Херсона[3]

Куда больше вопросов возникает в отношении печатей следующего лица – вероятно, преемника Льва. Печать первого типа (найдена в Херсонесе, хранится в Херсонесском музее, инвентарный номер Н–6604) впервые опубликована в 1939 г. От имени сохранились лишь две буквы, «АК», что дает возможность разных реконструкций, например, «Исаак» [см.: 14, p. 116, no. 24; 2, с. 261–262, № I.2.2], «Феофилакт» [27, с. 306, 309] или «Ставракий». Поскольку, вероятно, существует и другой тип печати этого же лица, мы предлагаем читать здесь «Зопак» (Zopakes) – редкое, но, тем не менее, возможное имя. В этом случае можно предположить аланское происхождение этого лица [см.: 28, с. 190]. Имя «Zōpaki» зафиксировано на одной иранской печати [см.: 21, S. 386]. Вероятно, в нашем случае это имя можно связать с осетинским «saw bäx» – «черный конь» [см.: 19, S. 192]. В лингвистическом отношении аланы – предки современных осетин – принадлежат к северо-восточной подгруппе иранских языков.

Лицевая сторона печати очень похожа на тип печати Льва, а легенда оборотной стороны читается как:

[ZOП]AK, - VП, S KVP - XЄPC
Ζοπάκ(η) ὑπ(άτῳ) (καὶ) κυρ(ῷ) Χερσ(ῶνος)
Зопаку, ипату и киру Херсона

[1] В этой работе исследователь упомянул о сделанном мною предположении относительно реконструкции имени владельца печати, но сохранил прежнюю датировку.

[2] Я признателен А. Е. Шереметьеву за разрешение переиздать эту и следующие печати, а также А. Алфёрову за присланные фотографии.

[3] Н. А. Алексеенко датировал этот тип концом VIII – началом IX в., что, разумеется, слишком рано.

Описывая следующий тип, начнем с парижской печати (Institut français d'études byzantines 25; рис. 2[4]). Прежде я ошибочно предлагал читать здесь имя «Зоил» и должность стратига [6, с. 91–92], а Н. А. Алексеенко увидел Зоила, императорского ипата и кира Херсона [14, p. 116–117, no. 25; 2, с. 262–263, № I.2.3].

Лицевая сторона печати также очень близка упомянутым выше типам, тогда как легенда оборотной стороны читается [см.: 28, с. 190] как:

ZOП.-., VΠATѠ- KVPѠ XЄ.-CONOC
Ζοπ[άκ(η)] ὑπάτῳ κυρῷ Χε[ρ]σ(ῶ)νος
Зопаку, ипату и киру Херсона

Третья буква в имени куда больше напоминает *nu*, чем *эту*. В конце второй строки возможен вариант реконструкции VΠATO [S].

Данная реконструкция делает тщетными попытки использовать эту печать для реконструкции служебной карьеры (*cursus honorum*) Зоила, известного по его печатям архонта Херсона.

Необычен следующий тип. Сама печать (рис. 3), прежде находившаяся в коллекции Ю. Самойленко, ныне оказалась в киевском собрании А. Е. Шереметьева (AKh–350).

Лицевая сторона идентична предыдущей печати, а вот оборотная представляет собой достаточно редкий вариант данного типа. Первая строка также начинается с букв «+ZO», за которыми следует «Н» или «П», а потом еще одна литера, вероятно «А» или «Λ». В начале второй строки явно находится закрытая «В» и массивный знак сокращения (вероятно со следами переделки штемпеля – быть может, из «К» и знака сокращения). Далее идут остатки прежде находившейся здесь «V», которую частично заменила новая литера «С». От «П» сохранилась правая гаста, ставшая левой гастой новой литеры «П». В конце строки видны остатки прежде находившейся здесь «Т» и следующей за ней буквы. Нижняя часть легенды осталась неизменной. Вероятно, Зопака повысили в ранге – из ипата до императорского спафария, после чего он попросил неумелого мастера сделать новую надпись на своем буллотерии, чтобы отразить его новый титул.

Легенда читается следующим образом:

+ZOП.-B, CП... – KV.Ѡ...-CONO.
Ζοπ[ά(κη)] β(ασιλικῷ) σπ[αθ(αρίῳ) (καὶ)] κυ[ρ]ῷ [Χερ]σ(ῶ)νο[ς]
Зопаку, императорскому спафарию и киру Херсона

В предыдущей работе [28, с. 190], используя фотографии из публикации Н. А. Алексеенко, мне не удалось обнаружить различия между печатями. В недав-

[4] Я признателен Ж-К. Шене (Париж) за фотографии этой печати.

ней публикации Н. А. Алексеенко фигурирует реконструкция странного титула «императорский ипат» и сохраняется датировка началом IX в. [2, с. 262–263].

В 2006 г. была опубликована печать из коллекции К. Смычкова (Беловодск), указавшая на третье лицо по имени Михаил, также занимавшее должность «κῦρ Χερσῶνος» [10, с. 207–212, 359, 361, рис. 2; ср.: 28, с. 190]. Недавно Н. А. Алексеенко опубликовал лучше сохранившийся параллельный оттиск (рис. 4), происходящий из собрания А. Е. Шереметьева (AKh-1710) [3, с. 32–33, рис. 1–2; 2, с. 406–407, № III.5.1].

В результате выяснилось, что на лицевой стороне изображен нимбированный латинский крест (с единственной горизонтальной перекладиной) на ступенчатом основании, с обычной круговой инвокативной надписью: «Κ(ύρι)ε βοήθη τ(ῷ) [σ](ῷ δούλ(ῳ)» («Господи, помоги своему рабу»), причем во всех случаях вместо омеги стоит омикрон.

Легенда оборотной стороны читается следующим образом:

MIX-.HΛ R, CΠ-.Θ, Ƨ ЄΠH TѠ-N VKHAK, Ƨ K-VPѠ XЄP-CѠN

Μιχ[α]ὴλ β(ασιλικῷ) σπ[α]θ(αρίῳ) (καὶ) ἐπ(ὶ) τῶν (οἰ)κ(ει)ακ(ῶν) (καὶ) κυρῷ Χερσῶν(ος)

Михаилу, императорскому спафарию, эпи тон икиакон и киру Херсона

Известен (несколько более поздний) тип печати (другого?) Михаила, также бывшего императорским спафарием и ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν, но занимавшего пост протевонта Херсона, с изображением нимбированного патриаршего креста на лицевой стороне [16, no. 82.10; 14, p. 216–217, no. 132; 2, с. 414–415, № III.8.1]. Хотя этих признаков недостаточно для признания того, что печати принадлежали одному лицу, последнее все же возможно. Н. А. Алексеенко датировал данную печать первой половиной X в., но, вероятно, это слишком поздно.

Решающую роль для определения хронологии печати играет изображение нимбированного креста на ее лицевой стороне. Изображения креста на ступенчатом основании становятся популярными начиная приблизительно с середины IX в. [см.: 34, σ. 676–679; 17, p. 275–284; 15, p. 225–232; 23, p. 43–52]. Самые разные из них имели форму костыльного креста (с одной горизонтальной перекладиной и небольшими поперечинами на концах ветвей, без растительного орнамента), но вскоре преобладать стал патриарший крест (с двумя горизонтальными перекладинами). Латинские кресты (с одной горизонтальной поперечиной) встречаются очень редко, вероятно, будучи недолго существовавшим переходным типом между двумя базовыми. По нашему мнению, этот тип датируется 860–880 гг. Н. А. Алексеенко предпочитает более позднюю датировку (последняя треть IX в.). Существует известное сходство между этими находками и несколько более поздней печатью Феофания, императорского протоспафария и стратига Херсона [14, p. 127, no. 37; 2, с. 282–283, № III.1.9],

которую Н. А. Алексеенко также датировал последней третью IX в., но, по нашему мнению, та несколько более ранняя.

В отличие от своих предшественников, Михаил был не ипатом, а императорским спафарием. Что же касается титула «ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν», то хорошо известно, что в XI в. существовало влиятельное ведомство с таким названием, управлявшее фискальным доменом [см.: 25, p. 136–137], однако до той поры данный термин означал всего лишь «οἰκειακοὶ ἄνθρωποι» императорского двора, во многих случаях оставаясь просто родом титула. В этом списке могли находиться спафарии, спафарокандидаты и протоспафарии, точно так же, как в более позднее время попадали в список «ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου». На этом основании никак нельзя делать выводы (для IX в.!) об обязанностях кира Херсона, относившихся к области фиска или императорских поместий. Но именно об этом, кажется, пишет Н. А. Алексеенко [3].

В чем же заключались обязанности кира Херсона?

Полагаю, что название анализируемой должности следует раскрывать как «κῦρ», а не «κύριος», как читали некоторые исследователи. В более позднее время слово «κύρ» или «κῦρ» (сокращенная форма от «κύριε») стало формой обращения или приветствия, применявшейся к уважаемому человеку. Так, например, в «Жизнеописании императора Василия» (книга V «Продолжателя Феофана») встречаем выражение «αἳ αἳ κῦρι Λέων», относившееся к сыну императора – Льву VI (Vita Basilii imperatoris 101.4) [18, p. 330; ср.: 24, S. 900; 35, σ. 209–226]. Форма дательного падежа должна быть «κυρί», но на печатях стоит «κυρῷ». Иногда это слово становилось даже частью имени, но в случае кира Херсона речь идет о – пусть и очень редком – техническом термине (*terminus technicus*) византийской администрации.

Как сказано выше, все указанные печати, вероятно, относятся к сравнительно короткому периоду – первым десятилетиям византийской фемы в Крыму, то есть ок. 841–875 гг. (я согласен с К. Цукерманом, который датировал образование фемы 841 г. [31, p. 210–215; 11, с. 312–316]). Полагаю, что многочисленные печати архонтов Херсона исчезли после учреждения фемы. Потому подчиненный стратигу кир стал, некоторым образом, наследником прежних архонтов. Правда, действовал он в других условиях и имел – по крайней мере, частично – другие обязанности. Следует иметь в виду, что изначально амбиции Византии простирались достаточно далеко – об этом свидетельствует учреждение фемы Климатов. В это время у хазар возникли проблемы с венграми, которые со времени ок. 836 по ок. 889 г. находились в Северном Причерноморье [см.: 32; 12]. Однако мадьяры и хазары не были готовы терпеть подобную экспансию империи [см.: 31, p. 67–74; 11, с. 316–321], и вскоре новый стратиг вынужден был согласиться на куда меньшую территорию с центром в Херсоне. С этого момента приходится иметь дело с фемой Херсона, территория которая могла несколько расшириться спустя какое-то время. Но сам термин «кир» в указанный период имел исключительный, выдающийся характер, а потому не мог принадлежать простому гражданскому служащему. Некоторые исследователи в

этой связи приводят параллель с «Житием» св. Иоанна Готского (составлено в 815–842 гг.), повествующим о готском восстании против хазарского каганата в 787 г., которое возглавляли правитель и знать этой страны («τῷ κυρῷ καὶ τοῖς ἄρχουσιν αὐτοῦ») [8, с. 28–29; ср.: 4, с. 416–417; 20, p. 161–169; 29, p. 115; 13, S. 196–197; 7, с. 207].

По-видимому, кир Херсона был командиром местных (союзных) отрядов, подобно мерархам и турмархам других фем. Такое (местное) войско играло в Крыму особую роль, поскольку император не собирался отправлять туда сильную армию из других фем и не хотел ставить под удар отношения с соседними тюркскими племенами. После «нормализации» ситуации исчезла и необходимость в сохранении херсонских киров. Вероятно, их «преемником» стал менее честолюбивый протевонт [о печатях протевонтов конца IX–X вв. см.: 14, p. 216–221; 2, с. 414–423; 28, с. 192; см. также: 22, p. 182–184], лишенный военных полномочий и в итоге получивший функции контроля над обеспечением правопорядка.

Перевёл с английского Н. И. Храпунов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
2. Алексеенко Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1: Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь: Колорит, 2017. 474 с.
3. Алексеенко Н.А. Представители бюро ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν в херсонской администрации: новая печать кира Херсона конца IX в. // ТГЭ. 2018. Вып. XCIV. С. 29–45.
4. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. Т. 2. Ч. 2. СПб.: Типография Императорской академия наук, 1912. С. 351–427.
5. Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1. С. 121–133.
6. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. 1995. Вып. 27. С. 91–97.
7. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. 744 с.
8. Никитский А. Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἐπισκόπου Γοτθίας / Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 25–34.
9. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Искусство, 1983. 176 с.
10. Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С. 207–217.
11. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь: Таврия, 1997. С. 312–323.
12. Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 663–688.
13. Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2011. 276 S.
14. Alekseyenko N. L'administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux. Paris: ACHCByz, 2012. 268 p.
15. Caseau B. L'iconographie des sceaux après la fin de l'iconoclasm (IXe–XIe s.) // Сто години от рождението на д-р Васил Хараланов (1907–2007). Шумен: Регионален исторически музей, 2008. С. 225–231.

16. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / Ed. J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1991. 253 p.
17. Cheynet J.-Cl. La société byzantine. L'apport des sceaux. 2 vols. Paris: ACHCByz, 2008. 732 p.
18. Chronographiae quae Theophanis Continuati nomine fertur liber quo Vita Basilii imperatoris amplectitur / Ed. and trans. I. Ševčenko. Berlin: De Gruyter, 2011. 584 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. T. 42).
19. Fritz S. Iranisches Personennamenbuch. Bd. III: Neuiranische Personennamen. Fasz. 3: Die ossetischen Personennamen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006. 321 S. (Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse. Bd. 746).
20. Huxley G. On the Vita of St. John of Gothia // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1978. Vol. 19. No. 2. P. 161–169.
21. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg: N. G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1895. 526 S. (reprint: Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963).
22. Khrapunov N. Continuity in the Administration of Byzantine Cherson According to Seals and Other Sources // Byzantine and Rus' Seals. Kyiv, 2015. P. 179–191.
23. Koltsida-Makre I. The Representation of the Cross on Byzantine Lead Seals // Studies in Byzantine Sigillography. 1994. Vol. 4. P. 43–51.
24. Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.-12. Jahrhunderts. 1. Bd. A–K. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001. 905 S.
25. Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation administrative de l'empire byzantin au XIe siècle (1025–1118) // Travaux et mémoires. 1976. № 6. P. 125–152.
26. Seibt W. Review of: Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Vol. I // Byzantinoslavica. 1975. Vol. 36. P. 208–213.
27. Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons / Зайбт В. Государственная система управления Херсона в VII–VIII вв. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 302–309.
28. Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? // Зборник радова Византолошкого института. 2013. Т. 50. № 1. С. 187–194.
29. Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm: Papers Given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975. Birmingham: Centre for Byzantine Studies, University of Birmingham, 1977. P. 113–131.
30. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Vol. I. Pt. 1–4. Basel: J. J. Augustin, 1972. 1965 p.
31. Zuckerman C. Short Notes: Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. 1997. Vol. 21. P. 210–222.
32. Zuckerman C. Les Hongrois au pays de Lebedia: une nouvelle puissance aux confins de Byzance et de la Khazarie ca 836-889 // Το εμπόλεμο Βυζάντιο (9ος – 12ος αι.). Αθηνα: Ίδρυμα Γουλανδρή-Χορν, 1997. Σ. 51–74.
33. Zuckerman C. Emperor Theophilos and Theophobos in Three Tenth-Century Chronicles: Discovering the "Common Source" // Revue des études byzantines. 2017. T. 75. P. 101–150.
34. Βασιλείου-Seibt A.-K. Σύμβολον ζωηφόρον. Παραστάσεις σταυρών σε βυζαντινά μολυβδόβουλλα // Φιλοτιμία. Τιμητικός τόμος για την ομότιμη καθηγήτρια Αλκμήνη Σταυρίδου-Ζαφράκα. Θεσσαλονίκη: Βάνιας, 2011. Σ. 676–679.
35. Κοντογιαννοπούλου Α. Η προσηγορία κυρ στη βυζαντινή κοινωνία // Βυζαντινά. 2012. Τ. 32. Σ. 209–226.

Werner SEIBT
Austrian Academy of Sciences, Institute for Mediaeval Research, Division of Byzantine Research (Vienna, Austria)

ΚΥΡ ΧΕΡΣΩΝΟΣ

Abstract: This article addresses the unique position of *kyr Chersonos.* Although appropriate seals (four variants) were published recently, the scholarship did not create yet a single interpretation of their reading and chronology, and the functions of the owners. This article supplies new readings and datings of these seals, suggesting to reconstruct the name of the office as "κῦρ Χερσῶνος." The name of one seal-owner could be Zopakes, perhaps indicating his Alanic origin. The chronology of all the seals of the type is within 840–860/880 AD. The position of *kyr Chersonos* indicated exceptional relations between the Byzantine Empire and the Crimea. The town of Cherson playing a dominant role in Byzantine-Crimean relations kept a better organized municipal tradition than in other parts of the Empire. The positions of *kyr Chersonos* appeared after the establishment of the new Byzantine thema on the Crimea (841 AD). Perhaps he had the command of local forces, similar like a *merarches* or *tourmarches* in other *themata*. Such an army was of special importance on the Crimea, because the emperor did not want to send a strong army there from other themata and he did not want to stress the relations with the neighbouring Turkic tribes too much. When the situation became normalized in a few decades, there was not any more a necessity to promote *kyroi* of Cherson. Probably the less ambitious *proteuon* became their successor, but without military duties, eventually with a kind of police supervision.

Keywords: *kyr Chersonos*, sigillography, Byzantine Cherson, Byzantine administration, Byzantine history, Byzantine Crimea.

Relations between the Byzantine Empire and the Crimea were often exceptional; there were periods of Byzantine occupation of at least parts of the peninsula, esp. on the southern coast, periods of a kind of vassal status, and periods of quite reduced influence, but with expanding commercial contacts. The town of Cherson especially played a dominant role in Byzantine-Crimean relations. Even when there was a Byzantine *thema* in this region, the central administration suspected the loyalty of these subjects. On the other hand there existed a better organized municipal tradition in Cherson than in other parts of the Empire, with sometimes surprising dignities, rare or even singular, appearing in these centuries.

Scholars were excited when G. Zacos and A. Veglery published a seal where they proposed the reading ἐξουσιαστὴς Χερσῶνος, dated to the second half of the ninth century [30, no. 2526]. But the enthusiasm did not last for long, as I had to correct this reading in my review, attributing the seal to the well-known Theophobos as ἐξουσιαστὴς Περσῶν [26, p. 212 (ad no. 2526); for this person see now: 33, p. 106–129, 135–150].

On the other hand there was certainly the strange dignity of a κῦρ Χερσῶνος on the Crimea, at least for some time in the ninth century, known only by seals, partly interpreted with mistakes in the past. A. F. Vishnjakova opened the discussion in 1939 by publishing a first seal of a *hypatos* and kyr *Chersonos* (our second type). She regarded "kyr" as

equivalent of "eparchos", absolutely not convincing [5, c. 122–123]. This idea was repeated by I. V. Sokolova in her main contribution to the seals of Cherson. In her opinion, another argument was the impression of textile on the seal, since the "*Eparchos as the supervisor of every commercial and economic life in the city could, in some cases, seal the commodities*" [9, c. 114, 146, № 4; cf. also: 1, c. 215]. Concerning the personal name of the sealing person there were only two letters visible, scil. AK, which were reconstructed erroneously as [Ἰσ]ακ(ίῳ), followed by many scholars till today. The title *hypatos* was read in the right way, but instead of κυρῷ they proposed κυρ(ίῳ). The decisive mistake was the wrong dating to the eighth century, linking the interpretation to a time when *archontes* were in charge of Cherson. *Archontes* Chersonos as heads of the Byzantine vassal town of Cherson were probably active between c. 740 and the establishing of a Byzantine *thema* in 841 [cf.: 28, c. 188–189]. During the last decennia Byzantine sigillography could make significant progress, not at least in a relatively narrow dating. Though invocative monograms of the type Laurent V together with the tetragram were common from the late seventh century, the letters stem clearly from the ninth century. N. Alekseyenko made a step in the right direction by redating this seal and two other types to the late eighth / early ninth century [14, pp. 115–117; 2, c. 261–262, № I.2.2], but that was still too early. Things became even more complicated, when S. B. Soročan and K. D. Smyčkov published in 2006 another seal of a *kyr Chersonos*, surely from a time after the middle of the ninth century [10, c. 207–212, 359, 361, рис. 2; cf.: 28, c. 190].

Let us study the relevant seals anew.

Two nearly synchronous persons were active around the middle of the ninth century, probably already from a time when Byzantium had established a *thema* in this region. Since 1966 we know two seals of a Leon *hypatos* and *kyr Chersonos* found in Cherson [cf.: 14, p. 115, no. 23; 2, c. 260–261, № I.2.2][5]. The exemplar with more text readable from the collection Finenko is now in the collection Butyrskij in Moscow (MB–09), the other one, from the coll. Samojlenko came into the coll. Sheremetiev in Kiev/Kyiv (AKh–190). The last one is our fig. 1.[6] Though both seals are fragmented their reading is certain.

On the obverse there is the very common cruciform invocative monogram of the type Laurent V (Θεοτόκε βοήθει) with the usual tetragram τῷ σῷ δούλῳ.

The reverse legend reads:

ΛЄON-TI VΠATѠ – [S] KVPѠ X[Є-PCON,] –
Λέοντι ὑπάτῳ καὶ κυρῷ Χερσ(ῶ)ν(ος)[7]

[5] Here he mentions my proposal to correct the name, but repeats his old dating.
[6] I thank O. Sheremetiev for the permission to republish this (and the following) seals and O. Alf'orov for sending the photos.
[7] Alekseyenko dated this type to the late eighth – early ninth century, surely too early.

The next person, perhaps Leon's successor, poses much more problems. A first type (found in Cherson and archived in the local museum (inv. no. H–6604) was first published in 1939. Of the name only two letters are readable, scil. AK, giving room for various hypotheseis, reaching from Isaakios [cf.: 14, p. 116, no. 24; 2, c. 261–262, № I.2.2.] to Theophylaktos [27, c. 306, 309] and Stavrakios. As there exists probably another type of this man we would like to propose Zopakes, a rare but possible name; in this case we think about a person of Alanic origin [cf.: 28, c. 190]. The name Zōpaki is documented on an Iranian seal [cf.: 21, S. 386]. Perhaps in our case the name could be connected with Osetian "saw bäx" ("black horse") [cf.: 19, S. 192]. The Alans and the ancestors of modern Ossetians belong linguistically to the northeast-Iranian group.

The obverse is very similar to Leon's type, and the reverse reads:

[ZOΠ]AK, - V̲Π, S KVP - XЄPC
Ζοπάκ(η) ὑπ(άτῳ) (καὶ) κυρ(ῷ) Χερσ(ῶνος)

For the next type we start with a seal in Paris (Institut français d'études byzantines 25; fig. 28). Concerning this example I had proposed in the past erroneously the name Zoilos and the office of *strategos* [6, c. 91–92], and Alekseyenko wanted to read Zoilos *imperial hypatos and kyr(os)* of Cherson [14, p. 116–117, no. 25; 2, c. 262–263, № I.2.3].

The obverse is again very near to the above mentioned types, and the reverse reads [cf.: 28, c. 190]:

ZOΠ.-., VΠATW̲- K̲VP̲W XЄ.-CONOC
Ζοπ[άκ(η)] ὑπάτῳ κυρῷ Χε[ρ]σ(ῶ)νος

The third letter of the name looks very much like a Pi, not an Eta. At the end of the second line also VΠATO [S] would be possible.

Under these conditions any attempt to use this seal for building a *cursus honorum* of the Zoilos mentioned as *archon* of Cherson is in vain.

The following type is strange. The seal, formerly in the coll. Samojlenko, is now also in the collection Sheremetiev (AKh–350) (fig. 3).

The obverse is identical with the preceding seal, but the reverse offers apparently a recut version of this type. The first line starts also with +ZO, followed by H or Π, and one more letter, probably A or Λ. The second line starts with a clear closed B with a massive abbreviation, probably with traces of a recutting, perhaps of K and abbreviation. Then the old V is still somehow discernible, but partly replaced by C. Of the Π only the right haste is still visible, what became the left haste of the new Π. At the end of the line traces of the old T and the following letter. The lower part of the legend remained unchanged. Apparently Zopaki was upgraded from *hypatos* to imperial *spatharios* and asked an unskillful artisan to recut his *boulloterion* with the new title.

The legend reads:

+ZOΠ̲.-B, CΠ̲... – K̲V̲.W̲...-COṆO.
Ζοπ[ά(κη)] β(ασιλικῷ) σπ[αθ(αρίῳ) (καὶ)] κυ[ρ]ῷ [Χερ]σ(ῶ)νο[ς]

In my previous article [28, S. 190], relying only on the photos in Alekseyenko's earlier publication, I had not realized the differences between the two seals. Even in his recent monograph, Alekseyenko identifies the two types constructing a strange "imperial hypatos" and remains in the dating to the early ninth century [2, c. 262–263].

In 2006 a seal of the collection Smyčkov (Belovodsk) was published, documenting a third person as κῦρ Χερσῶνος, a Michael [10, c. 207–212, 359, 361, рис. 2; cf.: 28, c. 190]. Recently Alekeseyenko edited a better conserved parallel piece (fig. 4) from the collection Sheremetiev (AKh–1710) [3, c. 32–33, рис. 1–2; 2, c. 406–407, № III.5.1].

It is now without question that on the obverse there is a Latin cross (with only a single horizontal bar), nimbated, on steps, and the usual invocative circular inscription K(ύρι)ε βοήθη τ(ῷ) [σ](ῷ δούλ(ῳ). Instead of the *omikra* always an *omega*.

The reverse legend reads:

M̲IX̲-.HΛ R, CΠ-.Θ, Ƨ ЄΠH TW̲-N̲ VKHAK, Ƨ K-V̲PW XЄP-C̲WN̲
Μιχ[α]ὴλ β(ασιλικῷ) σπ[α]θ(αρίῳ) (καὶ) ἐπ(ὶ) τῶν (οἰ)κ(ει)ακ(ῶν) (καὶ) κυρῷ Χερσῶν(ος)

We know a (little bit younger) seal type of (another?) Michael, also imperial *spatharios* and ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν, but as *proteuon* of Cherson, with a nimbated patriarchal cross on the obverse [16, no. 82.10; 14, p. 216–217, no. 132; 2, c. 414–415, № III.8.1]; the indicia are not sufficient to identify these homonymoi, but it would not be impossible. Alekseyenko dated this seal to the first half of the tenth century, probably too late.

For the dating the "nimbated" cross on the obverse is of decisive importance. Crosses on steps became popular around the middle of the ninth century [cf.: 34, σ. 676–679; 17, p. 275–284; 15, p. 225–232; 23, p. 43–52]. The first examples were in the form of a cross potent (with one horizontal arm, but with small bars at the end of the arms, and without any floral ornaments), but soon the patriarchal cross (with two horizontal arms) prevailed. Latin crosses (with a single horizontal arm) are very rare, probably a short-living intermediary type between the two main types. We prefer to date this type to the period 860/880. Alekseyenko prefers a later date, last third of the ninth century. There is some similarity with the a little bit later seal of Theophanios, imperial *protospatharios* and *strategos* of Cherson [14, p. 127, no. 37; 2, c. 282–283, № III.1.9], also dated to the last third of the ninth century by Alekseyenko, but probably a little bit earlier.

Unlike his predecessors Michael was not *hypatos* but imperial *spatharios*. Concerning ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν it is well known that in the eleventh century there existed an important bureau of this name for the administration of fiscal domains [cf.: 25, p. 136–137], but in

former centuries this term designated simply οἰκειακοὶ ἄνθρωποι of the imperial household, in many cases probably only as a titular designation; *spatharioi, spatharokandidatoi,* and *protospatharioi* could be inscribed in such a list, similar like later on titular ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου. It is absolutely impossible to deduce from this designation (in the ninth century!) any duties of the *kyr Chersonos* concerning fiscal or other domains. That seems to be the alignment of Alekseyenko [3].

But what were the duties of the kyr Chersonos?

I suggest the designation of the official as κῦρ and not κύριος. In later times κύρ or κῦρ (as a short form of κύριε) was a form of address or salutation of respected persons. E. g. *Vita Basilii imperatoris* used αἳ αἳ κῦρι Λέων, with respect to the emperor's son Leon VI (Vita Basilii imperatoris 101.4) [18, p. 330; cf.: 24, S. 900; 35, σ. 209–226]. The dative should be better κυρί, but on the seals we find κυρῷ. Sometimes this word became even part of the name, but in the case of *kyr Chersonos* we are confronted with a *terminus technicus* of Byzantine administration, though a very rare one.

As I noted above probably all the seals stem from the relatively short period of the first decades of the new Byzantine *thema* on the Crimea, ca. 841 – ca. 875. I follow C. Zuckerman in dating the creation of the *thema* in 841 [31, p. 210–215; 11, c. 312–316]. I think that the many seals of *archontes* of Cherson ended when a *thema* was established there. So in some way the *kyr*, a subordinate of the strategos, was a successor of the former *archontes*, though under different conditions and with – at least partially – different duties. We should have in mind, that the first ambitions of the Byzantine administration had been far-reaching (*thema* of the Klimata). Since ca. 836 the Khazars had problems with the Hungarians who settled till ca. 889 north of the Black See [cf.: 32; 12]. But the Hungarians and the Khazars did not tolerate such an expansion of the Byzantine Empire [cf.: 31, p. 67–74; 11, c. 316–321], and soon the new *strategos* had to be content with a much smaller territory with Cherson as its center; since that time we have to do with the *thema* of Cherson, which could expand somehow only in later times. But the term "kyr" is exceptional and outstanding for this period, it cannot designate a simple civil official. As some scholars pointed out in the *Vita of St. John of Gotthia*, which was composed between 815 and 842, the Gotthian uprising against the Khazar *khaganate* in 787 is mentioned, guided by the king and the nobles of this country (τῷ κυρῷ καὶ τοῖς ἄρχουσιν αὐτοῦ) [8, c. 28–29; cf.: 4, c. 416–417; 20, p. 161–169; 29, p. 115; 13, S. 196–197; 7, c. 207].

Perhaps the *kyr Chersonos* had the command of local (and federate) forces, similar like a *merarches* or *tourmarches* in other *themata*. Such a (local) army was of special importance on the Crimea, because the emperor did not want to send a strong army there from other *themata* and he did not want to stress the relations with the neighboring Turkic tribes too much. When the situation had become "normalized", there was not any more a necessity to promote *kyroi* of Cherson, probably the less ambitious *proteuon* [for seals of *proteuontes*, which date from later ninth till tenth centuries, cf.: 14, p. 216–221; 2, c. 414–423; 28, S. 192; cf. also: 22, p. 182–184], became their "successor", but without military duties, eventually with a kind of police supervision.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', DAR Publ., 1999, 352 p.
2. Alekseyenko N.A. *Vizantiiskii Kherson VI–XIII stoletii v pamiatnikakh sfragistiki. 1: Chinovniki Khersona VIII–XI vv.* Sevastopol', Kolorit Publ., 2017, 474 p.
3. Alekseenko N.A. Predstaviteli biuro ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν v khersonskoi administratsii: novaia pechat' kira Khersona kontsa IX v. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2018, vol. 94, pp. 29–45.
4. Vasil'evskii V.G. Zhitie Ioanna Gotskogo. *Trudy V. G. Vasil'evskogo, vol. 2, pt. 2*. Saint-Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademiia nauk Publ., 1912, pp. 351–427.
5. Vishniakova A.F. Svintsovye pechati vizantiiskogo Khersonesa. *Vestnik drevnei istorii,* 1939, vol. 1, pp. 121–133.
6. Zaibt N., Zaibt V. Pechati stratigov vizantiiskoi femy Kherson. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1995, vol. 27, pp. 91–97.
7. Mogarichev Iu.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B. *Krym v «khazarskoe» vremia (VIII – seredina X vv.): voprosy istorii i arkheologii.* Moscow, Neolit Publ., 2017, 744 p.
8. Nikitskii A. Zhitie prepodobnogo ottsa nashego Ioanna, episkopa Gotii. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1883, vol. 13, pp. 25–34.
9. Sokolova I.V. Monety i pechati vizantiiskogo Khersona. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1983, 176 p.
10. Sorochan S.B., Smychkov K.D. Kiry vizantiiskogo Khersona: problemy statusa i datirovki. *Problemy istorii, filologii, kul'tury,* 2006, vol. 16, pt. 1, pp. 207–217.
11. Zuckerman C. K voprosu o rannei istorii femy Khersona. Mogarichev Iu.M., Khrapunov I.N. (eds.), *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik, vol. 1*, Simferopol, Tavriia Publ., 1997, pp. 312–323.
12. Zuckerman C. Vengry v strane Levedii: novaia derzhava na granitsakh Vizantii i Khazarii ok. 836–889 g. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, vol. 6, pp. 663–688.
13. Ajbabin A.I. *Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit.* Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2011, 276 S.
14. Alekseyenko N. *L'administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux.* Paris, ACHCByz, 2012, 268 p.
15. Caseau B. L'iconographie des sceaux après la fin de l'iconoclasm (IXe–XIe s.). Jordanov I. (ed.), *Sto godini ot rozhdenieto na d-r Vasil Kharalanov (1907–2007),* Shumen, Regionalen istoricheski muzei Publ., 2008, pp. 225–231.
16. Nesbitt J., Oikonomides N. (eds.). *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art, vol. 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea.* Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1991, 253 p.
17. Cheynet J.Cl. *La société byzantine. L'apport des sceaux, 2 vols.* Paris, ACHCByz, 2008, 732 p.
18. Ševčenko I. (ed.). *Chronographiae quae Theophanis Continuati nomine fertur liber quo Vita Basilii imperatoris amplectitur* (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, vol. 42). Berlin, De Gruyter, 2011, 584 p.
19. Fritz S. *Iranisches Personennamenbuch. Bd. III: Neuiranische Personennamen. Fasz. 3: Die ossetischen Personennamen* (Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse, Bd. 746). Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006, 321 S.
20. Huxley G. On the Vita of St. John of Gotthia. *Greek, Roman and Byzantine Studies,* 1978, vol. 19, no. 2, pp. 161–169.

21. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, N. G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1895 (reprint: Hildesheim, Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963), 526 S.
22. Khrapunov N. Continuity in the Administration of Byzantine Cherson According to Seals and Other Sources. Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W. (eds.), *Byzantine and Rus' Seals*, Kyiv, 2015, pp. 179–191.
23. Koltsida-Makre I. The Representation of the Cross on Byzantine Lead Seals, *Studies in Byzantine Sigillography,* 1994, vol. 4, pp. 43–51.
24. *Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.-12. Jahrhunderts, 1, Bd. A–K.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001, 905 S.
25. Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation administrative de l'empire byzantin au XIe siècle (1025–1118), *Travaux et mémoires*, 1976, no. 6, pp. 125–152.
26. Seibt W. Review of: Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals, vol. I. *Byzantinoslavica*, 1975, vol. 36, pp. 208–213.
27. Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, vol. 7, pp. 302–309.
28. Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? *Zbornik radova Vizantoloshkogo instituta*, 2013, vol. 50, no. 1, pp. 187–194.
29. Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period. Bryer A., Herrin J. (eds.), *Iconoclasm: Papers Given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, March 1975.* Birmingham, Centre for Byzantine Studies, University of Birmingham, 1977, pp. 113–131.
30. Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals, vol. 1, pt. 1–4.* Basel, J. J. Augustin, 1972. 1965 p.
31. Zuckerman C. Short Notes: Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson, *Byzantine and Modern Greek Studies,* 1997, vol. 21, pp. 210–222.
32. Zuckerman C. Les Hongrois au pays de Lebedia: une nouvelle puissance aux confins de Byzance et de la Khazarie ca 836-889. *To empolemo Byzantio (9os – 12os ai.),* Athena, Idryma Goulandre-Chorn Publ., 1997, pp. 51–74.
33. Zuckerman C. Emperor Theophilos and Theophobos in Three Tenth-Century Chronicles: Discovering the "Common Source". *Revue des études byzantines,* 2017, vol. 75, pp. 101–150.
34. Wassiliou-Seibt A.-K. Symbolon zoephoron. Parastaseis stauron se byzantina molybdoboulla. *Philotimia. Timetikos tomos gia ten omotime kathegetria Alkmene Stauridou-Zaphraka,* Thessalonike, Banias Publ., 2011, pp. 676–679.
35. Kontogiannopoulou A. H prosegoria kyr ste byzantine koinonia. *Byzantina*, 2012, vol. 32, pp. 209–226.

Рис. 1. Печать Льва, ипата и кира Херсона (фото: Музей Шереметьевых).
Fig. 1. Seal of Leon, *hypatos* and *kyr Chersonos* (photo courtesy: Sheremetievs' Museum)

Рис. 2. Печать Зопака, ипата и кира Херсона (фото: Ж.-Кл. Шене).
Fig. 2. Seal of Zopakes, *hypatos* and *kyr Chersonos* (photo courtesy: J.-Cl. Cheynet).

Рис. 3. Печать Зопака, императорского спафария и кира Херсона (фото: Музей Шереметьевых).
Fig. 3. Seal of Zopakes, imperial s*patharios* and *kyr Chersonos* (photo courtesy: Sheremetievs' Museum).

Рис. 4. Печать Михаила, императорского спафария, эпи тон икиакон и кира Херсона (фото: Музей Шереметьевых).
Fig. 4. Seal of Michael, imperial *spatharios, epi ton oikeiakon*, and *kyr Chersonos* (photo courtesy: Sheremetievs' Museum).

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО
Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ПЕЧАТЬ ПАНИПЕРСЕВАСТА АЛЕКСЕЯ ВРАНЫ-КОМНИНА ИЗ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Аннотация: Моливдовул паниперсеваста Алексея Враны-Комнина, происходящий с территории городища византийского Херсона, представляет редкий пример проявления интереса одного из высокопоставленных представителей византийской военной элиты к Юго-Западной Таврике в период, когда городские связи с империей уже не ощущались столь надежными и прочными. Не исключено, что известный военачальник, в конце своей карьеры претендовавший на царство, пытался заручиться поддержкой своих притязаний, также как и в случае с балканской знатью, со стороны нобилитета Херсона.

Ключевые слова: история Византии, византийский Херсон, сфрагистика, печати, моливдовулы, просопография, византийская аристократия.

Сфрагистическо-просопографический комплекс в византийском Херсоне насчитывает чуть более двух десятков моливдовулов, владельцы которых являлись представителями аристократической элиты империи. Однако далеко не все из них отмечены в анналах истории. Бóльшая часть стала известна лишь благодаря находкам их печатей, как правило, датирующихся в пределах второй половины XI столетия.

Из недавних находок можно назвать моливдовул куропалата Никифора Вотаниата около 1074–1077 гг. [1, с. 420, 421, 424, № 4, рис. 4], а также буллу, принадлежавшую сыну севастократора Исаака, племяннику императора Алексея I Комнина Иоанну Комнину, которую мы относим к началу 1090-х гг., когда Иоанн, очевидно, еще не имел высоких придворных званий или постов и был вынужден на своей печати указывать на родственные связи [2, с. 405–414].

Печатей же XII в. – лишь считанные единицы. Это давно известные моливдовулы севастов Михаила Синадина [10, с. 181–182] и Константина Ксира [4, с. 296–298] и из относительно недавних находок – частная печать Феодора Агиостефанитиса [1, с. 418, 424, № 1, рис. 1], датировки которых в пределах XII столетия достаточно условны, в силу того, что мы не располагаем точными сведениями о данных персонажах.

Практическое отсутствие официальных печатей византийской администрации в Таври-

ке второй половины XI в. позволило К. Цукерману прийти к заключению, что в это время наступает кризис и происходит исчезновение византийской административной власти Крыму и на Тамани [30, с. 311–329].

Впрочем, здесь не следует сбрасывать со счетов появление в самое последнее время буллы катепана Херсона и Хазарии [3, с. 7–17] и печатей Олега-Михаила, на которых владелец печати, несомненно, назван византийским правителем – дукой Матрахи и всей Хазарии [13, p. 28–31]. И кто знает, какие сюрпризы ожидают нас в будущем… Правда, по-прежнему нет никаких данных ни о катепанате Херсона, ни о дукате Тмутаракани. Не исключено, что к XII в. в Крыму вновь происходит очередная трансформация административной системы. Как нам представляется, в роли своеобразных византийских наместников в этот период могут выступить представители имперских аристократических родов, близких к правящей династии. Находки их печатей в обоих регионах появляются все чаще и чаще. По мнению В. Н. Чхаидзе, аристократическая корреспонденция в регионы могла поступать в частные родовые владения [9, с. 18, 19].

Но, так или иначе, наличие моливдовулов представителей аристократической элиты, вне всякого сомнения, – очевидное свидетельство определенной заинтересованности высших кругов византийского общества в том или ином регионе. И Таврика, и Херсон здесь совсем не исключение.

В этой связи сегодня мы имеем возможность ввести в оборот еще одну печать – самый поздний из известных к настоящему времени моливдовулов византийских аристократов, найденных на территории городища древнего Херсонеса.

Настоящая находка являет редкий пример проявления интереса одного из высокопоставленных представителей византийской военной элиты к крымскому региону и, в частности, к Херсону в период, когда связи последнего с империей уже не ощущались столь надежными и прочными.

Моливдовул представляет так называемый билатеральный тип, когда на обеих сторонах печати расположен только текст метрической (стихотворной) легенды (рис. 1).

1. М-037. Частная коллекция И. Горшкова (Москва)[1].

D – 32 мм; толщина пластинки – 2-3 мм; вес – 9,0 г.

Фрагмент. Сломана по линии канала; на лицевой стороне сверху и в центральной части помята. Часть легенды повреждена.

Найдена в Херсонесе (конец 1980-х– начало 1990-х гг.).

Аверс. Пятистрочная надпись в ободке из слившихся в одну линию жемчужин:

....ΙΟϹ	[Ἀλέξ]ιος
...ΟΙΜЄR	[τυπ]οῖ με Β
....ΔЄ.ΠΟ	[ρανᾶς] δε[σ]πό
..ΚΟΜΝΗΝΟ	της Κομνηνο
..ΥΗϹ	[φ]υής
+	

[1] Автор выражает глубокую благодарность И. Горшкову за предоставленную возможность изучения и публикации моливдовула.

Реверс. Пятистрочная надпись в ободке из слившихся в одну линию жемчужин:

ЄΚΓЄΝ...	ἐκ γένους
ΤȣΜΗΤ...	τοῦ μητ[ρόθεν]
ΚΑΙΠΑΝ...	καὶ παν[υπερ]
ϹЄRΑϤΟ...	σέβαστο[ς ἐκ]
ΤΗϹΑ..	τῆς ἀ[ξίας]

Ἀλέξιος τυποῖ με Βρανᾶς δεσπότης Κομνηνοφυής
ἐκ γένους τοῦ μητρόθεν καὶ πανυπερσέβαστος ἐκ τῆς ἀξίας –
Алексей опечатывает меня Врана, деспот, из рода Комниных по материнской линии и паниперсеваст по званию (достоинству)

К сожалению, печать не обладает полной сохранностью и представлена лишь во фрагменте (чуть более ½ печати). Тем не менее, сохранившаяся часть легенды и выявление полной аналогии (рис. 2) в собрании Софийского национального археологического музея [21, p. 29, nr. 62] позволили ее точно атрибутировать и датировать.

Среди характерных эпиграфических особенностей печати следует отметить наличие в легенде лигатур. На лицевой стороне в четвертой строке родовое имя Комнинов передано в лигатуре из четырех литер – *мю-ню-эта-ню* (ΜΝΗΝ), а на обороте – лигатурой *мю-эта* (ΜΗ). Кроме этого, в шрифте присутствует характерное для печатей XII–XIV вв. начертание *стигмы* (Ϥ) [см.: 26, p. 167].

Исходя из текста легенды моливдовула, его владельцем был деспот Алексей Врана, по материнской линии из рода Комнинов, состоявший в ранге паниперсеваста.

Значение ранга деспот подробно рассмотрено Г. Острогорским [27, p. 448–460] и Р. Гийяном [18, p. 1–16]. Г. Закос и А. Веглери отмечают, что в данном случае термин «деспот» следует понимать как эквивалент «кесарю» [29, p. 1485]. При династии Комнинов группа деспотов была сформирована из севастократоров и гамбров, куда включались *кесари, паниперсевасты, протосевастыипертаты и севастыипертаты* [28, p. 223, 224].

Алексей Врана-Комнин был сыном севаста Михаила Враны и Марии Комниной, внучки первого севастократора Исаака Комнина, брата императора Алексея I Комнина (1081–1118) [14, p. 395–417]. Согласно сообщениям Никиты Хониата, он родился в Адрианополе [24, p. 378_{58}] и «был небольшой по стати, но гигантский по размаху своего интеллекта и хитрости его замыслов, а также наиболее сведущим в полководческом искусстве среди всех людей того времени» [24, p. $376_{27\text{-}30}$; cf.: 25, p. 207]. Эти его личные качества и обусловили успешную карьеру военачальника, в завершение которой он даже претендовал на императорский трон.

Впервые имя Алексея Враны встречается среди участников заседания Синода в период между маем 1166 г. и июлем 1167 г., где он значится как «всеславный» (пансеваст) севаст [17, p. 521, no. 1075; 23, col. 254B]. В. С. Шандровская, рассматривая печати представителей рода Вранов из собрания Эрмитажа, отмечала, что «Алексей не был включен в число тех, кто назван пансевастами севастами и зятьями васи-

левса, но относился к категории зятьев племянниц императора» [12, с. 197]. Как известно, Алексей был женат на Анне Комниной Ватацине [14, T. II, p. 394–417, nr. 149], мать которой была женой Феодора Ватаца и сестрой императора Мануила I Комнина (1118–1180) [14, T. I, p. 412–421, nr. 80].

Никита Хониат также сообщает, что Алексей Врана при Алексее II Комнине (1180–1183) был стратигом тагмы [24, p. 376_{28-30}].

Источники содержат интересные сведение о его выдающейся карьере византийского военачальника, принесшего немало славы имперскому оружию, но, по традиции, преисполненной и великих амбиций, и тщеславия, нередко поражавших аристократические круги в окружении императора. И Алексей Врана не стал здесь исключением.

Последняя четверть XII в. была временем тяжелых испытаний для Византии. Это был период практически перманентных военных действий и смуты. В 1180 г. от византийского владычества полностью освободилась Сербия. В 1181 г. венгры захватили Далмацию, часть Хорватии и Сирмий. В 1182 г. венгерский король Бела III вторгся в районы Белграда и Браничево, а в 1183 г. достиг Ниша и Софии, откуда были взяты мощи святого Иоанна Рильского и перенесены в Венгрию. Врана был одним из командующих византийским войском в венгерской кампании 1183 г. [24, p. 277_{44-47}] и в конце концов одержал победу над Белой III [6, с. 423]. Вместе с ним против сербов и венгров был направлен еще один опытный полководец, Андроник Лапард [24, p. 376–378]. Однако последний покинул поле битвы и отправился в Малую Азию, где поднял бунт, в то время как Алексей Врана сохранил свою верность императору. Более того, он был направлен против повстанцев Лапарда, где жесточайшими репрессиями подавил бунт, пощадив лишь будущего императора Исаака Ангела. В. Лоран полагал, что титулы севаста и протосеваста Алексей Врана получил из рук Мануила I Комнина [22, p. 49–51, nr. 64]. Однако, по мнению Ж.-Кл. Шене, очередной придворный титул протосеваста Врана получает уже от нового императора Андроника I (1183–1185), последнего представителя династии Комнинов [15, p. 437, nr. 60]. Никита Хониат пишет, что «Врана встретил перемену царствования охотно, потому что он уже был включен в круг людей, на которых Андроник взирал кротко» [24, p. 277_{50-51}].

Последние месяцы царствования Андроника ознаменовались новыми потрясениями. В Эпир вторглись норманны и подчинили себе обширные территории империи на западе и юге Балкан. 24 августа 1185 г. была захвачена Фессалоника. Свержение с престола Андроника I сопровождалось волнениями не только в столице, но и во многих регионах страны. 12 сентября 1185 г. на престол взошел Исаак II Ангел (1185–1195). После интронизации нового императора Алексей Врана был назначен ответственным за войну против норманнов и стал во главе имперского войска. Византийцы нанесли тяжелый удар норманнам при Мосинополе, а 7 ноября в решающей битве под Димитрицей, на нижнем течении реки Струма, норманны потерпели жесточайшее поражение [6, с. 434], и вскоре после этого и Фессалоника

была возвращена империи [24, p. 358–362]. Надо полагать, военные успехи Враны в войне с норманнами были отмечены императором присвоением ему очередного высокого титула *паниперсеваста* [15, p. 437]. Тем самым удачливый полководец достиг высшей ступени в имперской придворной иерархии.

Во время войны с норманнами Алексей Врана, учитывая свои успехи и популярность в армии, предпринимает попытку овладения византийским престолом. Никита Хониат сообщает о его желании провозгласить себя императором в храме Святой Софии [24, p. 376, 377_{39-52}], однако население столицы не поддержало нового претендента на престол и осталось верным Исааку II Ангелу. Но судьба все-таки оказалась милостивой к нему. Очевидно, принимая во внимание былые военные заслуги Враны и возможность мятежа в верной ему армии, император не применил к нему каких-либо репрессий. Алексей был лишь смещен с поста главнокомандующего, а на его действия была объявлена амнистия [6, с. 444, 445; 15, p. 437].

В конце осени – начале зимы 1185 г. началось болгарское восстание во главе с Петром (Феодором) и Асеном. После неудачных походов севастократора Иоанна и Иоанна Кантакузина, весной 1186 г. в качестве верховного главнокомандующего против восставших болгар был снова отправлен Алексей Врана. К сожалению, в сообщениях Никиты Хониата нарушена хронологическая последовательность событий, что вызвало различные точки зрения и жаркие споры исследователей в отношении и восстания болгар, и военных действий византийцев [см., например: 6, с. 443–448; 26, p. 358, 359; 5, с. 349–356; 7, с. 437–439; 8, с. 69, 73, прим. 63; 16, S. 291, 292, 294, Nr. 1574, 1578a (1575)]. Но здесь мы не будем вдаваться в дискуссию о времени восстания и последовательности связанных с ним событий, поскольку это не является главной целью нашего исследования. Об этом много и подробно написано. Отметим лишь то, что, по мнению Ж.-Кл. Шене, к которому присоединилась и В. С. Шандровская, указанные выше события проистекали с весны 1186 по лето 1187 гг. [15, p. 122; 12, с. 197].

Возвращаясь к нашему персонажу, отметим, что, получив под свое командование значительный контингент войск, Врана первоначально предпринял ряд важных тактических военных действий против болгар. Однако честолюбивые амбиции не оставили его и на этот раз. Когда под его началом собралась достаточная армия, он решил вновь заняться исполнением своей мечты стать византийским императором. Вскоре после того, как он армией был провозглашен императором, Врана отправился в поход на Константинополь. Для подавления мятежа Алексея Враны Иаак II Ангел призвал Конрада Монфератского, который справился с поставленной задачей и разгромил восставших. Алексей Врана был убит в бою под стенами осажденной им столицы [24, p. 378–389; 14, p. 416] и его голова, насаженная на копье, была выставлена на агоре Константинополя [24, p. 388_{53-55}].

Печатей Алексея Враны вместе с рассмотренным сегодня экземпляром известно совсем немного, но они не только подчеркивают его родственные связи с правящей династией, но прекрасно иллюстрируют его высокое положение в византийском

обществе [11, с. 478–480]. На всех известных моливдовулах Враны представлены метрические легенды, которые кроме имени владельца называют только его придворные ранги: сначала в звании *севаста* [29, p. nr. 2734], затем *протосеваста* [22, p. 49–51, nr. 64; 12, с. 196, 197, ил. 4] и, наконец, *паниперсеваста* [19, p. 101, 102, nr. 121–122; 20, p. 183, nr. 462, 463; 21, p. 29, nr. 62]. На последних трех экземплярах печати Враны особо подчеркнута его принадлежность к высшей аристократической группировке – деспотам, члены которой, как правило, являлись представителями императорской фамилии.

Безусловно, особый интерес представляет вопрос определения причин появления буллы мятежного византийского генерала в далекой заморской Таврике.

В свое время И. Йорданов высказал мнение по поводу находки аналогичной буллы Алексея Враны в Болгарии. Экземпляр, происходящий из района Пловдива, болгарский исследователь связывает с военными экспедициями византийцев против норманнов и болгар, которыми командовал Врана. Наличие на болгарской находке наивысшего титула *паниперсеваста,* аналогичного херсонскому экземпляру, ученый объяснял тем, что печать должна быть связана с периодом, когда Врана пытался узурпировать трон, ища поддержки от командиров гарнизонов и вообще от аристократии Пловдивского региона [19, p. 102].

Находка моливдовула Алексея Враны в Херсоне, вне всякого сомнения, – явление экстраординарное. Мы практически не знаем здесь памятников сфрагистики этого времени. Но, возможно, появление буллы Враны в Херсоне продиктовано теми же причинами, что и в Болгарии. Не исключено, что претендующий на царство военачальник пытался заручиться поддержкой не только со стороны вверенных ему армейских подразделений, но, так же как и в случае с балканской знатью, имел заинтересованность и в лояльности к его притязаниям со стороны нобилитета других регионов империи, в том числе и Херсона. Вероятно, именно этим причинам мы и обязаны появлению корреспонденции Враны в далекой заморской Таврике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко Н.А. Печати представителей византийской аристократии в Таврике: новые персонажи // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 417–424.
2. Алексеенко Н.А. Печать аристократа Иоанна Комнина с южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 405–414.
3. Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. Севастополь, 2012. Вып. XVII. С. 7–17.
4. Банк А.В. Вислая свинцовая печать XI–XII вв. // МИА. 1953. № 34. С. 296–299.
5. Дуйчев И. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология // Известия на Института за българска история. София, 1956. Т. VI. С. 327–358.
6. Златарски В. История на българската държава. Т. II. София, 1934.
7. Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
8. Сюзюмов М.Я. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году // ВВ. 1957. Т. 12. С. 58–74.

9. Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015. 202 с.
10. Шандровская В.С. Печати представителей рода Синадинов в Эрмитаже // ВВ. 1990. Т. 51. С. 174–182.
11. Шандровская В.С. Родственные связи по данным византийских печатей // МОСХОВІА. Проблемы византийской и новогреческой филологии: К 60-летию Б.Л. Фонкича. М.: Индрик, 2001. С. 469–480.
12. Шандровская В.С. Представители рода Вранов (XI–XIII века) // Византийская идея. К XXI Международному конгрессу византинистов (Лондон, 21–26 августа 2006 года). Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб., 2006. С. 192–200.
13. Alforov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaria, in Oleksii Sheremetiev's Collection // International Colloqiumon Rus' – Byzantine Sigillography «Sfragistic Meridian: КИЇВ – КОРСУНЬ/ХЕРСΩN – КΩNСТАNТІNОУПОΛІС». Program and Abstracts. Kyiv; Sevastopol, 2013. P. 28–31.
14. Barzos K.Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. T. I–II. Thessalonica, 1984.
15. Cheynet J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210) // Byzantina sorbonensia. Paris, 1990. Série 9.
16. Dölger F., Wirth P. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reich von 565–1453. München, 1995. Teil 2. Regesten von 1025–1204.
17. Grumel V. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. I. Paris, 1989.
18. Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. T. I–II.
19. Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2006. Vol. 2: Byzantine Seals with Family Names.
20. Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2006. Vol. 3. Part One: Text. Part Two: Text and Illustrations.
21. Jordanov I. The Collection of Medieval Seals from the National Archaeological Museum Sofia. Sofia, 2011.
22. Laurent V. Les sceaux Byzantins du Medailier Vatican. Cite du Vatican, 1962.
23. Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Parisiis, 1887. T. CXL.
24. Nicetae Choniatae Historia / Ed. J.L. Van Dieten. Berlin; New York, 1975.
25. O City of Byzantium, Annals of Niketas Choniates / Trans. by H.J. Magoulias. Detroit, 1984.
26. Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986.
27. Ostrogorsky G. History of the Byzantine State / Trans. by J. Hussey. Oxford, 1956.
28. Stiernon L. Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Sébaste et Gambros // Revue des Études Byzantines. Paris, 1965. Vol. XXIII. P. 222–243.
29. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972.
30. Zuckerman C. The end of Byzantine rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XVIII. С. 311–336.

REFERENCES

1. Alekseenko N.A. Pechati predstavitelej vizantijskoj aristokratii v Tavrike: novye personazhi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 417–424.
2. Alekseenko N.A. Pechat' aristokrata Ioanna Komnina s juzhnogo berega Kryma: novye dannye k sfragisticheskoj karte. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 405–414.

3. Alekseenko N.A., Tzepkov Ju.A. Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetel'stva ili istoricheskie realii. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 2012, Vol. XVII, pp. 7–17.
4. Bank A.V. Vislaja svincovaja pechat' XI–XII vv. *Materialy i issledovanija po arkheologii SSSR,* 1953, No 34, pp. 296–299.
5. Dujchev I. Vystanieto v 1185 g. i negovata hronologija. *Izvestija na Instituta za bylgarska istorija,* Sofia, 1956, T. VI, pp. 327–358.
6. Zlatarski V. *Istorija na blgarskata derzhava.* T. II. Sofija, 1934.
7. Litavrin G.G. *Bolgarija i Vizantija v XI–XII vv.* Moscow, 1960.
8. Sjuzjumov M.Ja. Vnutrennjaja politika Andronika Komnina i razgrom prigorodov Konstantinopolja v 1187 godu. *Vizantijskij vremennik,* Moscow, 1957, T. 12, pp. 58–74.
9. Chkhaidze V.N. *Vizantijskie pechati iz Tamani.* Moscow, 2015, 202 p.
10. Shandrovskaja V.S. Pechati predstavitelej roda Sinadinov v Jermitazhe. *Vizantijskij vremennik,* Moskow, 1990, T. 51, pp. 174–182.
11. Shandrovskaja V.S. Rodstvennye svjazi po dannym vizantijskih pechatej . *MOCXOBIA. K 60-letiju B.L. Fonkicha*, Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 469–480.
12. Shandrovskaja V.S. Predstaviteli roda Vranov (XI–XIII veka). *Vizantijskaja ideja. K XXI Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov (London, 21–26 avgusta 2006 goda). Vizantija v jepohu Komninov i Paleologov,* St-Petersburg, 2006, pp. 192–200.
13. Alforov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaria, in Oleksii Sheremetiev's Collection. *International Colloqiumon Rus' – Byzantine Sigillography «Sfragistic Meridian: KIEV – KORSUN'/XEPCΩN – KΩNCTANTINOYΠOΛIC». Program and Abstracts,* Kyiv, Sevastopol, 2013, pp. 28–31.
14. Barzos K. *Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν.* T. I–II. Thessalonica, 1984.
15. Cheynet J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). *Byzantina sorbonensia,* Paris, 1990, Série 9.
16. Dölger F., Wirth P. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reich von 565–1453. Teil 2. Regesten von 1025–1204.* München, 1995.
17. Grumel V. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. I. Paris, 1989.
18. Guilland R. *Recherches sur les institutions byzantines.* T. I–II. Berlin, Amsterdam, 1967.
19. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 2: Byzantine Seals with Family Names.* Sofia, 2006.
20. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 3. Part One: Text. Part Two: Text and Illustrations.* Sofia, 2006.
21. Jordanov I. *The Collection of Medieval Seals from the National Archaeological Museum Sofia. Sofia,* 2011.
22. Laurent V. *Les sceaux Byzantins du Medailier Vatican.* Cite du Vatican, 1962.
23. Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series Graeca.* T. CXL. Parisiis, 1887.
24. *Nicetae Choniatae Historia.* Berlin, New York, 1975.
25. *O City of Byzantium, Annals of Niketas Choniates.* Detroit, 1984.
26. Oikonomides N. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals.* Washington, 1986.
27. Ostrogorsky G. *History of the Byzantine State.* Oxford, 1956.
28. Stiernon L. Notes detitulature et de prosopographiebyzantines. Sébaste et Gambros. *Revue des Études Byzantines,* Paris, 1965, Vol. XXIII, pp. 222–243.
29. Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals.* Basel, 1972.

30. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, Vol. XVIII, pp. 311–336.

N. A. ALEKSEENKO

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

A SEAL OF PANYPERSEBASTOS ALEXIOS BRANAS KOMNENOS FROM BYZANTINE CHERSON

Abstract: The molybdoboullon of panypersebastos Alexios Branas Komnenos from the ancient city of Byzantine Cherson is a rare case of the interest of a high-rank representative of Byzantine military elite to the south-western Taurica in the period, when the city's connections to the Empire were neither stable nor strong. It is possible that this famous military commander who in the end of his career pretended to the crown tried to get support not only from the Balkan nobility but also from the elite of Cherson.

Keywords: Byzantine history, Byzantine Cherson, sigillography, seals, molybdoboulla, prosopography, Byzantine aristocracy.

Рис. 1. Моливдовул паниперсеваста Алексея Враны из византийского Херсона (частная коллекция, Москва).

Рис. 2. Моливдовул паниперсеваста Алексея Враны из Софийского Национального археологического музея [по: 20, nr. 121].

Е. В. СТЕПАНОВА
Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия)

КСЕНОН СВЯТОГО САМПСОНА[1]

Аннотация: Статья посвящена печатям и тессерам ксенона Святого Сампсона. Этот ксенон, куда входили странноприимный дом и больница – наиболее прославленное благотворительное учреждение Константинополя, просуществовавшее более тысячи лет. Сохранилось достаточно большое количество печатей и тессер этого благотворительного заведения, датированных VI–VII вв., а также три печати ксенодохов – глав этого ксенона, в том числе ранее не публиковавшаяся печать Мануила, императорского веститора, первой половины IX в. из собрания Эрмитажа.

Ключевые слова: Византия, печать, ксенон Святого Сампсона, благотворительность.

Истории благотворительных учреждений в Византии уделено в научных исследованиях достаточно большое внимание. В работах Р. Гийана [10], Р. Жанэ [9], Д. Константелоса [5], Т. Миллера [11] и других рассматриваются проблемы, связанные с истоками создания этих учреждений начиная с IV в., их становлением, историей, структурой и деятельностью. Именно эти работы показали очень значительный масштаб филантропической деятельности в империи, что определялось, прежде всего, христианскими принципами, лежащими в основе византийского общества. Помощь бедным, больным, сиротам, пожилым считалась одной из добродетелей и важнейшей обязанностью христианина. Для оказания этой помощи в Византии существовала целая разветвленная система специальных учреждений. Некоторые из них были основаны императорами, другие – частными лицами, многие были созданы при церкви. Среди них выделялись ксеноны, или ксенодохии – странноприимные дома, часто совмещающиеся с функциями больниц, герокомии – приюты для пожилых, птохотрофии – для бедных и больных, орфанотрофии – дома для сирот, носокомии – больницы, диаконии – сообщества клириков и мирян, основанные при церквях с благочестивыми целями и для взаимопомощи, и другие. Только в Кон-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-01-00228).

стантинополе Р. Жанэ прослеживает по письменным источникам существование 27 герокомий, 28 ксенонов и ксенодохий, нескольких носокомий и орфанотрофий [9, p. 550–569]. О филантропических учреждениях вне Константинополя известно гораздо меньше.

Свои выводы и наблюдения исследователи строят на обширной источниковедческой базе, включающей нарративные и законодательные источники, агиографическую литературу. Это – Новеллы Юстиниана, «De cerimoniis» Константина Багрянородного, «Клеторология» Филофея, Типикон монастыря Христа Пантократора и многие другие.

Кроме этих, уже традиционных источников, существует и сфрагистический материал. В его состав входят печати герокомов, орфанотрофий и орфанотрофов, птохотрофов, их сохранилось достаточно большое количество – несколько десятков. В их числе и печати ксенонов, а также их глав – ксенодохов. Среди них самый ранний моливдовул относится к VI в. [18, no. 129; 3, no. 36.1] (рис. 1,*1*). Он еще односторонний, конусообразный. В верхнем поле, в центре помещен образ Богоматери, по сторонам от него – изображения императора и императрицы, предполагают, что это Юстин II и София. Под изображениями надпись τοῦ εὐαγοῦς δεσποτικοῦ ξενῶν. Надпись свидетельствует о том, что этот ксенон был под прямым контролем императора и, по-видимому, находился в столице. Другая, также ранняя, печать принадлежала Андрею, хартуларию и ксенодоху (VII в.) [18, no. 741] (рис. 1,*2*). Владельцем еще одной печати, датированной IX в., был Георгий, ксенодох Лупадиона [18, no. 1938] (рис. 1,*3*). Лупадион – город, располагавшийся на южном побережье Мраморного моря. Это один из немногих сфрагистических памятников, где есть прямое указание на провинциальную благотворительную деятельность. Самой поздней из печатей ксенодохов, вероятно, является печать Леонтия, патрикия, ксенодоха и человека василевса – ἀνθρώπῳ τοῦ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως – второй половины XI в. [19, no. 839] (рис. 1,*4*). Леонтий – очень высокопоставленное лицо, приближенное к императору. Этот ряд печатей можно продолжить.

Наибольшей же по объему группой сфрагистических памятников такого рода являются печати и тессеры ксенона Святого Сампсона. Этот ксенон, куда входили странноприимный дом и больница – наиболее прославленное благотворительное учреждение Константинополя, просуществовавшее более тысячи лет.

Как пишет Прокопий, еще до правления Юстиниана благочестивый человек по имени Сампсон (рис. 4) создал в столице ксенон для нищих, страдающих серьезными заболеваниями [14, p. 19: 1.2.15]. Больница находилась между храмами Св. Софии и Св. Ирины. Во время восстания Ника в 532 г. она была уничтожена [15, p. 622; 16, I. 181]. Однако Юстиниан не только отстроил ксенон заново, но и расширил его, а также определил ему ежегодное содержание, чтобы большее число людей могло пользоваться услугами больницы.

Согласно другой традиции – традиции Менология, Сампсон являлся выходцем из рода Константина Великого и был рукоположен в священный сан патриархом

Миной (536–552 гг.). Профессионально занимающийся врачебной деятельностью, Сампсон вылечил императора Юстиниана от опасной болезни, за что тот в знак благодарности основал ксенон и назвал его в честь своего избавителя [13, t. CXVII, col. 513 B]. Этой версии придерживались и Симеон Метафраст [13, t. CXV, col. 281A, 288–289], и Псевдо-Кодин [15, t. III, p. 254].

Больница св. Сампсона вновь была уничтожена пожаром в декабре 563 г. [15, t. I, 240), но позже вновь отстроена. Согласно Синопсису Василик последней четверти IX в., «ксенону, носящему имя благословенной памяти Сампсона», наряду с великой церковью Святой Софии, Орфанажем столицы, а также зданиями, учреждениями, церквями и странноприимными домами, которые находятся под охраной и управлением, подтверждались привилегии, данные прежде [20, t. V, p. 447]. Ксенон пользовался большим почетом. Его глава участвовал во всяких придворных церемониях, в частности, как пишет Константин Багрянородный, нес шестой лабарум в процессии Вербного Воскресенья [6, t. I, p. 161]. Больница работала еще в начале XIII в., как о том свидетельствует Антоний, архиепископ Новгородский в своей «Книге Паломник». Там же Антоний замечает, что погребен Св. Сампсон в церкви Святого Мокия [2, ст. 121], а в «бозницы святого Сампсона посох его и петрахиль и ризы его» [2, ст. 156–157]. Слава ксенона Св. Сампсона гремела еще в конце XIII в., когда Константин Акрополит при описании сравнивал его с великой церковью Юстиниана – Святой Софией. Возможно, ксенон существовал почти до конца империи (разные точки зрения изложены в книге Д. Константелоса [5, p. 193]). О структуре больницы святого Сампсона известно немногое. Вероятно, она была многопрофильной и хорошо организованной. Определенно, что среди отделений были хирургическое и офтальмологическое, о чем говорится в житии Святого Артемия.

Учитывая продолжительность работы ксенона Св. Сампсона, размах его деятельности и популярность, неудивительно, что время сохранило нам достаточно большой объем связанного с ним сфрагистического материала.

На рис. 2 представлены основные типы печатей и тессер ксенона, все они относятся к раннему времени – VI–VII вв. [основные издания см.: 16, p. 154; 18, no. 1273A, 1274, 1277, 1366, 1367, 2970; 3, no. 37.1–3]. На л.с. чаще всего изображался сам Св. Сампсон – погрудно или в полный рост, в позе Оранта. На одном из вариантов (рис. 2,*4*) святой окружен линейной рамкой. Это заставило издателей предположить, что таким образом он изображен на территории странноприимного дома [18, no. 1273A]. Еще в одном случае образ Сампсона заменен знаком креста (рис. 2,*5*) [18, no. 1366, 1367]. На обороте печатей и тессер помещалась надпись – +TOV OCIOV CAMΨW = Τοῦ ὁσίου Σαμψώ(ν), переданная в несколько строк или крестообразно.

Печати и тессеры объединены в одну таблицу, поскольку иногда их трудно отделить друг от друга, не всегда правильные данные дают издания, где эти памятники опубликованы. Точно известно, что два экземпляра из эрмитажной коллекции являются тессерами, они не имеют канала, и, по всей видимости, служили жетонами для благотворительной раздачи. Интересно отметить, что эрмитажная тессера

(рис. 2,*1*) и печать из каталога Г. Закоса и А. Веглери (рис. 2,*3* – на то, что это печать, указывают отчетливо видимые выходы канала), при всем внешнем различии, вероятно, были оттиснуты одним буллотирием.

Сохранились также три печати ксенодохов Святого Сампсона.

1. Печать Константина, императорского скевофилакса, с крестообразной инвокативной монограммой и тетраграммой TW CW ΔȣΛW на л.с. Середина IX в. [1, с. 67–68, no. 52; 9, no. 922] (рис. 3,*1*). Скевофилакс – клирик, обычно священник, который заведовал церковной утварью и распоряжался ею во время богослужения. Скевофилаксы занимали высокую позицию в церковной иерархии, так, например, скевофилакс Великой церкви занимал следующую ступень после великого эконома [7, p. 314–318]. В легенде печати Константин назван императорским скевофилаксом, что указывает на его принадлежность к императорской церкви. Печать была найдена в составе комплекса коммеркия Дэбельта на территории Болгарии.

2. Чуть более ранняя печать из Эрмитажа (М-641) Мануила (?), императорского веститора (первая половина IX в.) публикуется впервые (рис. 3,*2*). Ее диаметр 29 мм. Происходит из коллекции Русского археологического института в Константинополе.

Л.с. Крестообразная инвокативная монограмма (VIII тип по В. Лорану). В углах тетраграмма – .W|C.|ΔȣΛW

...OVH|.B/BECTI|T/SΞENOΔ|../TWNCA|MΨW

Κύριε βοήθει [τ]ῷ σ[ῷ] δούλῳ [Μαν]ουὴ[λ] β(ασιλικῷ) βεστίτ(ορι) (καὶ) ξενοδ[όχ(ῳ)] τῶν Σαμψών(ν)

Веститор – невысокий придворный чин. Согласно «Клеторологии» Филофея, веститоры имели статус сенаторов и находились под руководством ὁ ἐπὶ τῆς καταστάσεως – магистра церемоний. В «Книге церемоний» Константина Багрянородного сообщается, что веститоры помогали препозиту Sacri Cubiculi при облачении императора [6, p. 305. 14–15].

3. Печать рубежа IX/X в. Георгия протонотария, с изображением креста на трех ступенях и круговой надписью на л.с. (рис. 3,*3*) [3, no. 37.3]. Должность протонотария – главы нотариев – встречается во многих византийских ведомствах. Где именно служил Георгий, в легенде печати не уточняется.

Интересно отметить, что две из трех печатей ксенодохов Святого Сампсона принадлежат не клирикам (хотя роль церкви в благотворительной деятельности в Византии была очень важна). Эта особенность – привлечение светских лиц (состоящих на придворной службе или государственных чиновников) на должности глав филантропических учреждений – хорошо заметна при рассмотрении в целом этой группы сфрагистических памятников. Информация печатей всегда актуальна и отражает реальное положение дел. Известно, что поддержка государства, императорской власти благотворительных учреждений была активной и многоплановой. Она выражалась в законодательстве императоров, прямом финансировании, включении глав благотворительных учреждений в государственную административную систему, назначении их на должности императором. Так, благодаря «Клеторологии»

Филофея (899 г.) известно, что ксенодохи и герокомы находились под юрисдикцией хартулария сакеллы, либо великого куратора и имели титул спафария [12, p. 121]. Возможно, привлечение и осмысление их печатей, в том числе и ксенодохов Святого Сампсона, позволит по-иному посмотреть на проблему участия государства в благотворительной деятельности.

В освещении этой темы данные памятники, безусловно, играют вспомогательную роль. Тем не менее, во многих случаях они интересны уже тем, что являются единственными материальными напоминаниями о некогда знаменитых филантропических учреждениях империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Йорданов И. Печатите на комеркиарията Девелт. София, 1992. 88 с.
2. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / предисл. и примеч. П. Савваитова. СПб., 1872.
3. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Eds. E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides. Washington, 2005. Vol. 5. 198 p.
4. Chronicon Paschale / Ed. L. Dindorf // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn, 1832.
5. Constantelos D. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1968. 356 p.
6. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae / Ed. I.I. Reiske. Bonnae, 1829–1830.
7. Darrouzès J. Recherches sur les ὀφφίκια de l' Église Byzantine. Paris, 1970. 618 p.
8. Janin R. La Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. Ière Partie. Le siège de Constantinople et le patriarcat oecumènique. III. Les Églises et les monastères. Paris, 1969. 607 p.
9. Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Byzantine Seals. Sofia, 2009. Vol. 3. Pt. 1-2. 1274 p.
10. Guilland R. Étude sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. L'orphanotrophe // Revue des études byzantines. 1965. Vol. 23. P. 205–221.
11. Miller T.S. The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. Baltimore, 1997. 288 p.
12. Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. 403 p.
13. Patrologia Graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1857–1866.
14. Procopii Caesariensis opera omnia / Ed. J. Haury. Leipzig, 1913. Vol. 4.
15. Preger Th. Scriptores originum Constantinopolitanarum. Leipzig, 1901–1907.
16. Schlumberger G. Sigillographie de l' Empire byzantin. Paris, 1884. 749 p.
17. Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. 2 vols. Leipzig, 1883.
18. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. I. Pt. 1-3. 1965 p.
19. Zacos G. Byzantine Lead seals. Berne, 1984. Vol. II. 543 p.
20. Zepos J., Zepos P. Jus Graecoromanum. T. I–VIII. Athenai, 1931.

REFERENCES

1. Jordanov I. *Pechatite na komerkiarijata Develt.* Sofia, 1992, 88 p.
2. *Puteschestvije novgorodskogo archiepiskopa Antonija v Tsar'grad v kontse 12-go stoletija.* St-Petersburg, 1872.
3. McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. (Eds.), *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art.* Vol. 5, Washington, 2005, 198 p.
4. Dindorf L. (Ed.), Chronicon Paschale. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae,* Bonn, 1832.
5. Constantelos D. *Byzantine Philanthropy and Social Welfare.* New Brunswick, N.J., Rutgers University Press, 1968, 356 p.
6. Reiske I.I. (Ed.), *Constantini Porphyrogenniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae.* Bonnae, 1829–1830.
7. Darrouzès J. *Recherches sur les ὀφφίκια de l' Église Byzantine.* Paris, 1970, 618 p.
8. Janin R. La *Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin.* Ière Partie. Le siège de Constantinople et le patriarcat oecumènique. III. Les Églises et les monastères. Paris, 1969, 607 p.
9. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Byzantine Seals.* Vol. 3. Pt. 1-2. Sofia, 2009, 1274 p.
10. Guilland R. Étude sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. L'orphanotrophe. *Revue des études byzantines,* 1965, Vol. 23, pp. 205–221.
11. Miller T.S. *The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire.* Baltimore, 1997, 288 p.
12. Oikonomides N. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles.* Paris, 1972, 403 p.
13. Migne J.-P. (Ed.), *Patrologia Graeca.* Paris, 1857–1866.
14. Haury J. (Ed.), *Procopii Caesariensis opera omnia.* Vol. 4. Leipzig, 1913.
15. Preger Th. *Scriptores originum Constantinopolitanarum.* Leipzig, 1901–1907.
16. Schlumberger G. *Sigillographie de l' Empire byzantin.* Paris, 1884, 749 p.
17. de Boor C. (Ed.), *Theophanis Chronographia,* Leipzig, 1883.
18. Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals.* Vol. I. Pt. 1-3. Basel, 1972, 1965 p.
19. Zacos G. *Byzantine Lead seals.* Vol. II. Berne, 1984, 543 p.
20. Zepos J., Zepos P. *Jus Graecoromanum.* T. I–VIII. Athenai, 1931.

STEPANOVA E. V.

State Hermitage Museum (Saint Petersburg, Russia)

THE XENON OF SAINT SAMPSON

Abstract: This paper addresses seals and *tesserae* of the Xenon of Saint Sampson. This *xenon* comprising hospice and hospital was the most famous charitable institution in Constantinople that existed for more than a thousand years. There exist many seals and *tessarae* of this philanthropic institution dated from the sixth and seventh centuries, and three seals of the *xenodochoi*, who supervised this *xenon*, including previously not published one of Manuel, imperial *vestitor*, from the first half of the ninth century, now residing in the State Hermitage Museum collection.

Keywords: Byzantium, seal, Xenon of Saint Sampson, philanthropy.

Рис. 1. Ксеноны и ксенодохи.
1 – императорский ксенон (VI в.), 2 – Андрей, хартуларий (VII в.), 3 – Георгий, ксенодох Лупадиона (IX в.), 4 – Леонтий, патрикий и человек василевса (XI в.).

Рис. 2. Печати и тессеры ксенона Святого Сампсона (VI–VII вв.).

Рис. 3. Ксенодохи Святого Сампсона.
1 – Константин, императорский скевофилакс (середина IX в.), 2 – Мануил (?), императорский веститор (первая половина IX в.), 3 – Георгий, протонотарий (IX/X в.).

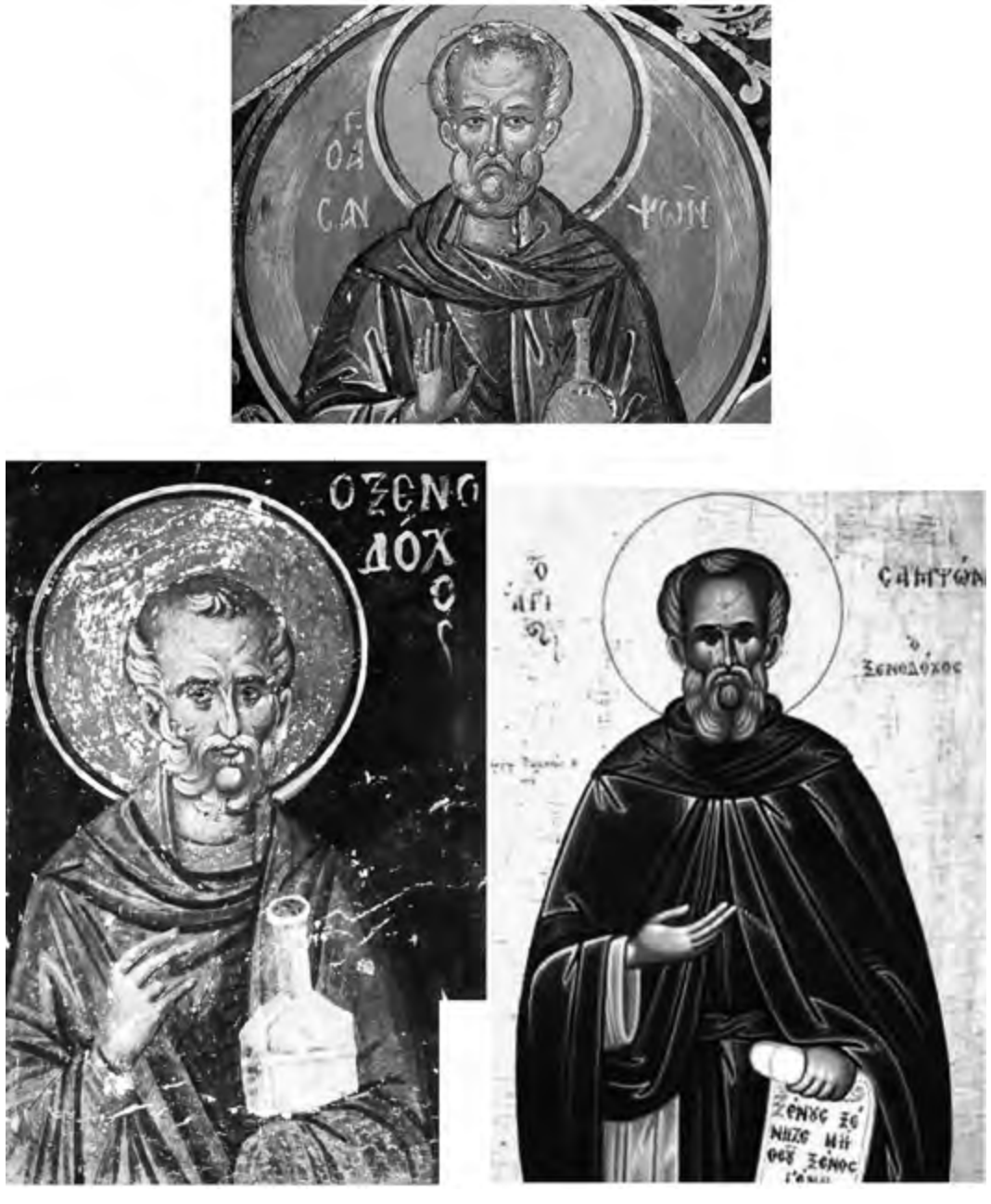


Рис. 4. Святой Сампсон.

ИСТОРИЯ

Фалько ДАЙМ
Римско-германский центральный музей (Майнц, Германия)

ПАЛОМНИКИ В ИЕРУСАЛИМЕ

Аннотация: Строительство базилики на месте погребения Иисуса Христа (Храм Гроба Господня) Константином Великим в 326 г. и храма на Масличной горе вызвали массовое явление поздней античности и средневековья – паломничество христиан в Святую землю и другие места религиозного поклонения. Главной целью паломников был Иерусалим – место страданий, смерти и воскресения Христа. В IV–V вв. продолжилось строительство церквей, монастырей и приютов, часто благодаря пожертвованиям богатых знатных римлянок и даже императрицы Евдокии. Благотворительницы, склонные к аскетизму и долго пребывавшие в Палестине, критически относились к лавине паломников. Однако многочисленные паломники – большая базилика Гроба Господня вмещала тысячи людей – способствовали быстрому росту населения и экономическому подъему маленького римского провинциального города. В VI в. византийский Иерусалим достиг расцвета, затем последовало его разрушение персами и вскоре после этого – арабское завоевание. Но и под властью арабов, и во время короткого правления крестоносцев важную роль играли, как и играют сегодня, паломники. Кроме экономического значения, паломничество обеспечивало постоянный поток информации из Святой земли. Средиземное море являлось гигантским коммуникативным пространством, Святая земля была тесно связана с исторической Европой. В статье освещается развитие христианского паломнического движения до размеров массового явления и его значение для подъема Иерусалима в V–VI вв. Миграция – длительное пребывание пилигримов и аскетичных монахов в Иерусалиме и его окрестностях – являлась важным экономическим фактором. Особое внимание в работе уделяется предметам, которые паломники брали с собой, возвращаясь из святых мест, и с помощью которых, очевидно, распространялась информация об определенных местах паломничества.

Ключевые слова: Иерусалим, Святая Земля, Храм Гроба Господня, паломничество, реликвия.

Введение[1]

«Если бы места воскресения и крестной смерти находились не в знатнейшем городе, где есть дворец, казармы, публичные женщины, комедианты, шуты и все, что обыкновенно бывает в других городах, или если бы этот город посещали только толпы монахов, то действительно можно бы желать, чтобы такой город был жилищем всех монахов. А теперь было бы глупо оставлять родину, покидать города, считаться монахом и среди большого многолюдства жить совершенно так же, как бы жил на родине. Сюда стекаются со всего света. Город наполнен людьми всякого рода и бывает такое стеснение обоего пола, что чего в другом месте отчасти избегал, здесь все вынужден терпеть». Так св. Иероним (около 347–419/20 гг.) писал о скоплении людей в Иерусалиме [14, S. 14]. Его идеалом была уединенная жизнь в монастыре. В 386 г. он прибыл в мужской монастырь, основанный в Вифлееме богатой римлянкой Павлой (347–404 гг.), где оставался до конца жизни. Хотя он и считал путешествия в Святую землю полезными для лучшего понимания Библии, но даже его возмущал нарастающий поток паломников и уже тогда наметившиеся крайности. «Quomodo Graecorum historias magis intelligunt, qui Athenas viderint, et tertium Virgilii librum, qui a Troade per Leucaten, et Acroceraunia ad Siciliam, et inde ad ostia Tiberis navigarint: ita sanctam Scripturam lucidius intuebitur, qui Judaeam oculis contemplatus est, et antiquarum urbium memorias, locorumque vel eadem vocabula, vel mutata cognoverit» [14, S. 136; латинский текст: 57, Praefatio Hieronymi, 401A]. Сходные мысли высказывает Мелитон, епископ города Сард (умер около 180 г.), отправившийся в Иерусалим, чтобы увидеть те места, «где Писание было проповедано и исполнено», и собрать точные сведения. Вскоре в Палестину прибыл Александр, епископ Каппадокии (умер около 250 г.) «для молитвы и ради истории тех мест» [14, S. 28]. Здесь уже просматривается представление, что молитвы в местах, где совершались священнодействия, будут услышаны быстрее. Однако это представление не относится только к христианству. Убеждение, что определенные культовые места служат некими каналами сверхъестественного, укоренилось во всех мировых культурах. Для античной культуры можно назвать культы в Дельфах, Дидиме, в храме Асклепион в Пергаме и в храме Артемиды в Эфесе, которые привлекали «паломников» со всего Средиземноморья [39, S. 1, 178, 234]. От массовых посещений христианских святынь в позднюю античность и средневековье, эти греческие и римские движения были далеки. Явление паломничества в Святую землю, принявшее колоссальные масштабы в VI в. во время правления императора Юстиниана, показывает мобильность широких слоев населения, а не только элиты. Часто пилигримы оставались в Палестине надолго – они становились мигрантами.

[1] Я выражаю благодарность Д. Арианци и А. Кюльцеру за их комментарии, советы и исправления. Появлению важных мыслей я обязан Ш. Альбрехту, Н. Асутай-Эффенбергер, Г. Авни, А. Эффенбергеру, Б. Кедару, Э. Кислингеру, Йо. Паличу, М. Риттеру и Йо. Зелигману. Я также признателен Дж. Шмидт за ее поддержку и Д. Шалыге за перевод статьи на русский язык. При цитировании текстов автор опирался на переводы и исследования, а также на экспертное мнение выше названных коллег.

То, как, начиная с IV в., паломничество христиан в Святую землю принимало массовый характер, отражено в заметках пилигримов и в указаниях для паломников. В этих источниках, прежде всего, представлена точка зрения автора, и, следовательно, упущены многие важные практические аспекты. Особое значение в этой связи приобретают сохранившиеся сооружения и археологические находки, которые Г. Авни называет «Arguments in stone» [3, S. 1–10]. Масштабы явления лучше всего оценить на примере Калат-Семан, крепости Симеона под Алеппо, где поклоняются столбу преподобного Симеона Столпника (389–459 гг.), на котором он стоял в 412 г. (рис. 1). Сразу после смерти Симеона в 459 г. монастырь стал превращаться в гигантский паломнический центр, руины которого, надеемся, можно будет скоро снова посетить (рис. 2). Цель строительства грандиозного комплекса – вместить большие массы людей и произвести на них впечатление. Паломники проходили Триумфальную арку и поднимались на гору по «священной дороге». В баптистерии с правой стороны дороги можно было принять таинство крещения. В конце пути они попадали в крестообразный храм, рассчитанный на тысячи верующих и поражающий своими размерами. В его восьмиугольной центральной части поклонялись колонне святого[2]. В комплекс на горе входило также большое здание монастыря. У подножия горы находилось селение с четырьмя монастырями, платными приютами и другими зданиями[3]. Уже здесь становится очевидно, что исследования сооружений и археологических артефактов не только иллюстрируют письменные источники, но и необходимы для понимания определенных исторических реалий и процессов.

Решающим импульсом для внезапного нарастания потока паломников послужило активное строительство церквей в Святой земле, проводимое в 325–335 гг. Константином. Об «обретении Честного креста» его матерью, св. Еленой, вероятно, в 326 г., сообщается только в 395 г.[4] В виду того, что частицы «Честного креста» все средневековье оставались наиболее ценными реликвиями христианского мира, его «обретение» можно рассматривать как важное историческое событие.

Суть паломничества и культ реликвий рассматриваются отдельно, хотя явления взаимосвязаны и частично совпадают. Когда паломник путешествует по библейским местам, он как бы прикасается к Священной истории, находится в непосредственной связи с Иисусом или святыми. Полученное благословение «берешь домой», как около 570 г. сформулировал паломник из Пьяченцы [14, S. 245, 277, 311]. Реликвиям и амулетам, кроме сохранения памяти, приписывалась способность помогать в сложных жизненных ситуациях. Амулеты (частицы почвы или воска из какого-либо святого

[2] 16000 м2 – площадь застройки и 706,5 м2 – площадь восьмиугольного двора [63, S. 69–70]. См. также [60, p. 348–368; 46, p. 342–344; 40, S. 186, 188, 189 f.; 66, Sp. 1812–1818; 41, S. 728].

[3] О найденных амфорах см. [35; 53]. О приютах для паломников см. [33].

[4] Елена посетила Святую Землю в ходе традиционного *iter principis* [см.: 30]. Об обретении Истинного креста: [15; 16]. О паломничестве Елены: [62; 37, S. 91–92; 31, S. 28–49; 30, S. 66–81; 15; 16, S. 125–174; 20, S. 80–93; 43, S. 113–124; 13, S. 32–52].

места, кусочки ткани, елей или вода), т.е. вещи, которые соприкасались с самой реликвией, можно было носить с собой или на себе. Культ реликвий иногда принимал извращенные формы. Реликвии наделялись качествами и даже правами живого человека[5]. Тонкую грань между христианскими реликвиями и магическими оберегами[6] с трудом могло провести большинство жителей ранней Византии (рис. 3,*1*). Благодаря реликвиям появлялась возможность вдали от Святой земли сооружать многочисленные местные, небольшие и большие, паломнические церкви, где их почитали и использовали как надежный канал связи с небесами.

Деятельность Константина Великого вывела Иерусалим из тени истории. После второго иудейского восстания в 135 г. Иерусалим был малонаселенным малозначимым римским городом, Элией Капитолиной (Colonia Aelia Hadriana Capitolina) (рис. 4) [21]. При императоре Адриане было построено несколько общественных зданий. Среди них, очевидно, храмы Венеры и Юпитера, возведенные западнее городской стены, где местные христиане сохраняли память о распятии и погребении Иисуса. Здесь в 325 г. Константин развернул масштабное строительство, велел вместо языческих храмов соорудить над Гробом Господним величественную пятинефную базилику с прилегающей ротондой, при этом в строение частично были включены римские храмы. Комплекс вмещал 8000 верующих. В рамках исследовательского проекта Римско-германского центрального музея в г. Майнц «Ради спасения души и счастливой жизни: исследование византийского паломнического движения и его истоков» (2013–2017 гг.) В. Здравкович выполнил реконструкцию Храма Гроба Господня константиновского времени (рис. 5–9).

Немного позже, по желанию Елены, на Масличной горе воздвигли большую базилику Елеона, в которой сначала почитали последнее наставление апостолов, а позже Вознесение Господне [4, p. 154; 70, p. 199–234].

Паломнику из Бордо, имя которого осталось неизвестным, мы обязаны самому раннему сохранившемуся описанию паломничества [14, S. 36–38; 18, p. 181–195]. В Святую землю он прибыл через Константинополь в 333 г. и вернулся в Константинополь в 334 г. Сухие формулировки его заметок показывают нам Палестину еще до наплыва паломников. Строительство, начатое Константином, вероятно, еще не было завершено (рис. 10). К сожалению, он не описывает эти храмы подробно, лишь в нескольких местах отмечает их «поразительную красоту». Сначала паломник отправляется к купальне у Овечьих ворот, где Иисус исцелил лежащего, потом на Храмовую гору, где еще стояли две статуи Адриана. Возле них он увидел камень с отверстием, «к которому весь год приходили иудеи, натирали его благовониями, стонали, причитали, рвали на себе одежду и потом снова шли дальше» [14, S. 56]. Затем он идет на юг к купальне Силоам, где Иисус исцелил слепых. После этого он поднимается на гору Сион к дому Каиафы, где также стояла колонна, на которой бичевали Иисуса. Оттуда

[5] О сути реликвий см. [23].

[6] О неопределенной границе между реликвиями и оберегами см. [68]. О магических оберегах см. также Gush Halav (Galilea): [32, S. 159–161].

паломник отправляется к месту, где согласно преданию находился дворец Давида, затем – к «дому или преторию Пилата», на «гору Голгофа, где распяли Господа» и к «пещере, где его тело было погребено и на третий день воскресло» [14, S. 59]. Кратко паломник описывает Храм Гроба Господня, бассейн и купель. Свое паломничество в Иерусалим он завершает на Масличной горе. На месте, где Иисус наставлял апостолов перед тем, как его арестовали, была построена вторая из константиновских базилик. Из Иерусалима паломник отправился в Иерихон, оттуда – к месту крещения Иисуса в Иордане. Мертвое море его восхитило как чудо природы: «его вода чрезвычайно горькая. Нет ни рыб, ни судов; и когда кто-то входит чтобы поплыть, тогда вода его держит» [14, S. 61] .

Активное строительство продолжалось на протяжении всего IV в.: еще до 374 г. богатая паломница Пимения построила ротонду для базилики Елеона – Имвомон, где поклонялись Вознесению Господнему. Чуть позже в Гефсимании, в Кедронской долине появилась трехнефная базилика в память о молитве Христовой в его страхе смерти. Этот храм смогли локализовать в 1920 г. В 392–394 гг. на горе Сион построили апостольскую церковь Тайной вечери и Троицы.

В 378 г. два монастыря и приют для путников на западном склоне Масличной горы основала знатная римлянка Мелания Старшая (342–410 гг.) [50, S. 5–6]. В сопровождении Руфина Аквилейского (345-411/12 гг.) она прибыла в Иерусалим, где умерла в 410 г. [50, S. 2–6]. Ее внучка, Мелания Младшая (383–439 гг.), считавшаяся богатейшей женщиной Рима, также последовала в Святую землю сообразно своим христианским устремлениям. В Иерусалиме, на Масличной горе после смерти матери Альбины она основала женский монастырь [67, S. 41] и после смерти мужа Пиниана – мужской монастырь. Она умерла в Иерусалиме в 439 г.[7]

Большой интерес представляет сообщение о богатой, вероятно благородной по происхождению, монахине Эгерии, посетившей около 400 г. Палестину и многие святыни в Египте и Малой Азии[8] (рис. 11). Эгерия прибыла из Константинополя в Иерусалим и оттуда, испытывая любопытство, как она сама написала, отправлялась во многие места в Палестине и верхом в Египет и Месопотамию. На обратном пути паломница задумала посетить Эфес. Пребывание в святых местах сопровождалось чтением Библии и совершением молебнов, иногда также богослужением и причащением. От живущих там монахов она получала в дар евлогии, в те времена это были хлеб или фрукты, происходившие из сада Иоанна Крестителя на месте крещения Иисуса Христа[9]. Особенно подробно Эгерия описывает литургию в церквях Иерусалима.

Примерно в то же время паломничество совершала знатная богатая овдовевшая римлянка Павла [56, S. 155–156; 19, S. 177–188; 38; 28, S. 2–224]. Позже паломничество Павлы описал сопровождавший ее св. Иероним в посвященной ей эпита-

[7] О паломничествах римских аристократок и их благодеяниях в Святой земле см. [2]. Первое вступление [61; 36, S. 344 f.].

[8] О паломнических центрах в Малой Азии см. [42].

[9] О евлогиях см. [51; 64; 9; 57; 34; 27; 59].

фии. В Риме Павла, как и другие знатные дамы, слушала проповеди Иеронима. В 385 г. с дочерью Евстохией и почтенным спутником через Кипр она отправилась в Антиохию, где встретилась с Иеронимом и осмотрела многочисленные святыни. С помощью Иеронима Павла и Евстохия основывают два женских монастыря [38, S. 106–121], настоятельницей которых стала Павла, и мужской монастырь в Вифлееме [19, S. 185], который возглавил Иероним. Павла умирает в 404 г. в возрасте 56 лет. Сразу после этого Иероним создает описание паломничества Павлы для признания ее святой, намеренно принижая собственную роль. Эпитафия задумывалась также как ответ на признание Мелании Младшей, о деятельности которой писал Павлин Нолански [2]. Иероним больше не покидал монастырь и умер там в 417/420 г.[10]

Благотворительницей, наиболее преуспевшей в Иерусалиме, была Евдокия, супруга императора Феодосия II (рис. 12). Она дважды совершала паломничества в Иерусалим и жила там длительное время, в 444–460 гг.[11] По ее приказу построены многочисленные церкви, монастыри и приюты, среди которых церковь Святого Стефана севернее Дамасских ворот, где позже ее погребли, а также церковь над гробницей Богородицы в Кедронской долине [4, S. 158]. В этот период возводятся и два больших здания, дополнивших строения ранней Виа Долороза: церковь Святого Петра у дома Каиафы на восточном склоне горы Сион и церковь Святой Софии у дворца Понтия Пилата. Оба храма посещал паломник из Бордо. До сих пор обсуждается точная локализация обеих церквей. В двух других местах, где тоже побывал паломник из Бордо, тоже уже были построены церкви в память о чудесных деяниях Христа: рядом с купальней у Овечьих ворот и около купальни Силоам. Одну из самых больших церквей Иерусалима, церковь Святого Георгия с приютом для престарелых, Евдокия возвела за стенами Башни Давида. Ее смогли отождествить благодаря археологическим исследованиям в 1975 г. [4, S. 161].

Активное строительство в Иерусалиме осуществлялось и в VI в. во времена правления Юстиниана I (527–565 гг.) (рис. 13). Наиболее величественную постройку представляет собой Новая церковь Богородицы, спроектированная архитектором Феодором. Подробно здание описывает Прокопий: «В Иерусалиме же он воздвиг храм богоматери, с которым никакой другой не сравнится. Жители города называют его Новой церковью». Это было технически сложное сооружение, на круто спускающемся склоне строение держал арочный контрфорс. Прокопий уделяет особое внимание колоннам и тому, как сложно их было доставить. Здание церкви дополняли «пристанище для прибывающих сюда иноземцев» и «дом отдохновения для бедных больных» [55, V,6, S. 267–271]. Небольшую часть церкви исследовали еще в 1862 г., продолжили раскопки в 1970-е и 1980-е годы [21, p. 140]. Новую Церковь с Храмом Гроба Господня Юстиниан соединил вновь проложенной улицей Кардо,

[10] О связи эпитафии Иеронима и эпитафии Мелании Старшей Павлина Нолански см. [2]

[11] О паломничествах Евдокии см. [37, S. 259–260, 328; 29, p. 112–146, 183–186, 217–228; 43, p. 117–124; 28, p. 154–157; 7, S. 136–165; 13, p. 144–153].

что показано на знаменитой Мадабской карте (рис. 14), мозаичном панно с картой Святой земли, вероятно, относящимся приблизительно к 600 г. [71, p. 156].

Многочисленные новые церкви, конечно, не стояли обособленно. В VI в. строительство велось во всех частях города. Обновлялись городские стены, появлялись новые улицы, места, где путникам можно было сменить лошадей и найти пристанище на ночь, приюты для бедных и престарелых. Быстро растущее население нужно было снабжать водой, продуктами и прочим, поэтому увеличивающееся количество паломников играло существенную роль в развитии экономики.

В VI в. увеличивается значение поклонения реликвиям. Иерусалимский Бревиарий называет 13 главных реликвий: 1 – Крест Господень, 2 – Святое Копье, 3 – Губка, смоченная в уксусе для утоления жажды и трость, на которой Иисусу подали губку, 4 – Чаша Тайной Вечери, 5 – блюдо для головы Иоанна Крестителя, 6 – рог для помазания древних царей Израиля, 7 – перстень с печатью царя Соломона, 8 – колонна бичевания, 9 – камень св. Стефана, 10 – Терновый венец, 11 – лампада, в свете которой Иисус наставлял своих учеников во время Тайной вечери и 12 – загадочная зеленая ветвь в колонне [14, S. 229].

Поздние сообщения паломников содержат подробные описания ритуалов, проводимых в определенных местах, например, на месте крещения Иисуса в реке Иордан, или сцены на рыночной площади[12]. Особенно живые описания находим у анонимного паломника из Пьяченцы, побывавшего в Палестине в 570 г. Имея разносторонние интересы, он описывает не только сами святыни, но и людей, а также сельское хозяйство, ремесла и торговлю. От него мы узнаем, что в Тире делают шелк, а на северном побережье Мертвого моря добывают серу и смолу [14, S. 247 f.]. Особо он упоминает целебные источники, а также болезни, которые там лечили.

Большое значение имеют его описания литургии и поведения паломников в святых местах. Он знакомит нас с религиозными практиками, требуемыми в соответствующих зданиях или других сооружениях. Паломнику из Пьяченцы мы обязаны также пассажем о благословении, полученном от достойного почитания предмета, например, от бронзовой лампы у Гроба Господня [14, S. 277].

Если места поклонения в IV–V вв., в основном, были связаны с жизнью и страданиями Иисуса Христа, то в VI в. все большее распространение получает почитание святых и великомучеников. Паломник из Пьяченцы упоминает о существовании около 570 г. 43 усыпальниц святых и почти 50 реликвий, среди них – находившиеся в Иерусалиме пояса и ленты Богородицы и цепи Иуды.

Как правило, паломники плохо знали местность и были вынуждены полагаться на проводников или указания местных жителей, что способствовало появлению новых святынь. Конечно, паломники осознавали, что историческое отождествление мест поклонения часто проблематично. Такие фразы как: «Нам рассказывают, что [...]» или «Как говорят [...]», «Старая традиция гласит [...]» встречаются почти во всех

[12] Описание рыночных собраний на Великие праздники в Иерусалиме по примеру античко-византийских *panegyreis* и их трансформации в исламский период см. [69; 5].

сообщениях паломников. В поздних сообщениях появляются довольно объективные описания, например, скалы Голгофа: «Здесь, как говорят, лежал череп Адама. [...] С левой стороны креста скала раскололась; одни говорят, что там пролилась кровь Господа на крещение и омовение Адама, другие говорят, что скала раскололась от голоса распятого Иисуса Христа, [...]». Приводятся даже противоречивые толкования: «[...] у латинян там есть монастырь, они называют его „Святым Сионом“. В нем есть верхний этаж, одни говорят, что это место омовения ног, другие называют его местом последней трапезы, а третьи – местом (чуда) закрытых дверей и уверения Фомы» [1, c. 1–16, Anonymos Athous Dionysiu, Codex 301, saec. XV, 1253/54; 39, S. 308].

Авторы подобных сообщений одобряли паломничество, даже если в цитируемых местах проявляется определенное (интеллектуальное) дистанцирование. Как они относились к «исторической достоверности», аутентичности мест поклонения? Перед теми, кто прибыл в Святую землю, раскрывалась Библия – многие содержащиеся там истории приобретали рамки и форму. Во времена, когда еще не было соответствующих изображений, воздействие на личное восприятие с помощью всех органов чувств должно было быть гораздо интенсивнее, чем сегодня. Это глубокое переживание находило продолжение в молитве и в ритуалах, иногда очень детализованных. Обращение к аскетическому образу жизни в иерусалимском монастыре или лавре отгораживало отшельников и монахов от суетного мира – хоть и на месте спасения.

Однако с разных сторон, также и со стороны клириков, высказывалась жесткая критика паломнического движения и некоторых связанных с ним крайностей [37, S. 421–426; 39, S. 726 f.]. Даже Иероним отговаривал от путешествий в Святую землю, как следует из приведенной выше цитаты. Позже особенно сильной критике подвергались те, кто благодаря паломничеству хотел получить отпущение не только уже совершенных грехов, но и возможных в будущем. Так, епископ Орлеана Теодульф (750/60–821 гг.) полагал: «Лучше жить в уважении на родине, чем отправиться в Рим. Заслужить небеса благочестием, а не ногами» [58, S. 331]. Св. Бонифаций (673–754/55 гг.), известный своими язвительными высказываниями, утверждал, что все сестры ордена, пожелавшие отправиться в Рим, потом пополняли публичные дома в городах Франкского государства и Италии [58, S. 331].

Благодаря многочисленным паломникам осуществлялся обмен информацией между географической Европой и Святой землей. Благодаря пилигримам в Европу попадали также различные товары. Пилигримы привозили не только товары, пользующиеся спросом, такие как шелк и пряности, но и долго сохраняющиеся продукты. Так, паломник из Пьяченцы около 570 г. в качестве сувенира члену городского совета Патерию привез финики [14, S. 229, 248]. Растущая популярность палестинского вина на Западе также связана с паломниками. Конечно, большинство сувениров имело религиозный контекст: напоминания о местах поклонения, филактерии и реликвии. Таковыми могут быть и собранные в Святой земле камни, как, например, камни, находящиеся внутри двух реликвариях из Музея религиозного

искусства (Museo Sacro) в Ватикане (рис. 15). Часто встречаются маленькие сосуды из керамики, стекла или даже металла для освященной воды или масла. Известны ампулы св. Мины с изображениями лежащих верблюдов (рис. 3,*2*). По церковному преданию св. Мина был египетским солдатом, который после принятия христианства жил отшельником во Фригии (Малая Азия) и был казнен во время гонений на христиан при Диоклетиане около 300 г. Его останки потом перевезли в Египет и погребли «там, где уже не ходят верблюды», примерно в 40 км юго-западнее Александрии. В этом месте сразу начал развиваться крупный паломнический центр. Сюжет на ампулах св. Мины способствовал популяризации места почитания святого [26].

То же происходит и с Калат-Семаном, где почитается колонна преподобного Симеона Столпника. На сувенирах для паломников здесь изображают колонну с приставленной лестницей и преподобного Симеона в остроконечном головном уборе – простой, но очень выразительный сюжет (рис. 3,*3*).

Приблизительно в это же время (конец VI – начало VII вв.) появляется ряд круглых фибул-медальонов с фигурным декором, которые находят на территории современной Венгрии в горизонте так называемой Кестхейской культуры (рис. 16,*1–4*) [22; 10; 6]. Хотя регион принадлежал тогда Аварскому каганату, его своеобразие проявляется в определенных греко-средиземноморских чертах, необычайном богатстве некоторых погребальных сооружений и явном христианском контексте. Уже три поколения исследователей обсуждают, идет ли речь об автохтонном обществе или одной группе населения, отделившейся от аваров на Балканах (например, из района Салоник) и переселившейся в Паннонию. Примечательно, что это культурное своеобразие сохраняется до конца VIII в., даже если в поздний период христианский элемент выступает не так явно.

Круглые фибулы-медальоны с фигурным декором изготовляли из цветных металлов или серебра и, насколько можно было установить, наполняли воском. Исследователи выделяют две группы, причем край фибул более поздней группы украшает орнамент из так называемых дентикул, состоящих из сгруппированных поперечных линий. Декор, особенно распространенный в первой половине VII в. в ранней Паннонии, связан с германскими группами, те, в свою очередь, – с северной Италией, современной южной Германией и Франкским королевством [11, S. 143–145, Abb. 80]. К другой, несколько более ранней, группе принадлежит круглая фибула без бордюра из зубчатых выступов с крошечным изображением Геркулеса и Омфалы, которое Франц Глазер идентифицировал в 2002 г. [24, S. 145 f., Abb. 1]. На двух фибулах изображен Беллерофонт, пронзающий копьем Химеру (рис. 16,*1*) [12, S. 327, Abb. XII,22]. Как ни странно, но еще на одной фибуле (рис. 16,*2*) можно хорошо различить святого всадника с нимбом и тоже с копьем, но теперь длинная извивающаяся змея символизирует зло [12, S. 327, Abb. XII,25]. Здесь мы наблюдаем соединение антично-мифологического и христианского сюжета, иначе говоря, «христианизацию» античного сюжета. Трижды встречается изображение распятого Христа, окруженного двумя ангелами (рис. 16,*3*) [10, S. 127, Abb. 2–3; 24, S. 146 f.,

Abb. 3], на одной из фибул изображение ангела сопровождается греческой (!) надписью «Архангел помогает» (рис. 16,*4*) [12, S. 327, Abb. XII,24 und Abb. S. 170].

Подобные круглые фибулы известны из Круи в Албании и Вирпазара в Черногории. Как и на двух экземплярах из Калабрии, на них изображены два павлина, пьющих из канфара [10, S. 118, Abb. 8–11]. В Паннонии такой сюжет не встречается, однако эти четыре фибулы свидетельствуют о том, что круглые фибулы-коробочки с фигурным декором использовались в Средиземноморье. Круглая фибула со стилизованной виноградной гроздью (рис. 16,5) найдена в Леже (Албания) [49, p. 79, fig. 13]. Особое значение имеет круглая фибула из Лавелло (Базиликата): несмотря на то, что она очень плохо сохранилась, на ней можно различить крест, окруженный двумя фигурами (рис. 17) [8, p. 120, fig. 10][13]. Изображение дополняет неразборчивая, но однозначно греческая надпись, в которой можно прочитать только «жизнь» и «Господь». Хотя изображение не совпадает с сюжетом распятого Христа из Паннонии, оно, вне всяких сомнений, имеет с последним общие черты и, вероятно, происходит из греческой среды.

Ранее уже выдвигались предположения, что подобные круглые фибулы, рассматриваемые как приносящие удачу амулеты, попали в Карпатский бассейн благодаря паломникам [10]. Они могли послужить образцами для фибул с зубчатым оформлением края. Возможно ли, что экземпляры с распятием и ангелами указывают на Храм Гроба Господня в Иерусалиме, подобно тому, как изображение Мины с лежащими верблюдами отсылает нас к Абу-Мине, а изображение преподобного Симеона Столпника – к Калат-Семан? Эту гипотезу поддерживают знаменитые ампулы из музея собора г. Монца и из коллекции собора г. Боббио [25; 61]. На большинстве из них изображен распятый Христос меж двух разбойников. Внизу можно увидеть Гроб Господень (рис. 15,*1*). При этом речь не идет о массовом производстве, а об удивительно маленьких произведениях искусства – скорее всего, дорогих сувенирах для паломников, с помощью которых можно было взять с собой на родину «благословение Гроба Господня».

Также и в Эфесе попытались создать узнаваемое изображение, которое ассоциировалось бы с базиликой св. Иоанна и усыпальницей апостола[14]. С большой долей вероятности, распространенный сюжет с тремя волхвами и новорожденным Иисусом связан с Вифлеемом. Стену над входом раннесредневековой базилики действительно украшала мозаика с этой сценой. То, что волхвы здесь были изображены в «персидской одежде», спасло базилику в 614 г., когда сасаниды разрушили в Палестине большинство церквей [45, p. 114]. Было бы интересно также подтвердить связь архангела из Паннонии (рис. 16,*4*) с паломническим центром Сант-Анжело (на юге Италии?), это станет предметом будущих исследований.

[13] Выражаю благодарность Э. Блей за указание на эти две аналогии.

[14] Доклад A. Pülz “Consideration on the Iconography and Distribution of the so-called Ampoules of Asia Minor” на конференции “Pilgrimage to Jerusalem – Christians, Jews and Muslims”, проходившей 5–7 декабря 2017 г. в г. Иерусалиме.

Когда думаешь о паломниках, невольно исходишь из того, что после посещения святых мест они вернулись на родину. Однако в действительности многие оставались на Святой земле. Это относится и к св. Иерониму, как уже упоминалось выше. Строительство церквей, монастырей и приютов, снабжение большого числа паломников, торговля, а также предметы религиозного культа привели к экономическому подъему во всем городе. Этому сопутствовали многие негативные явления, которые пытались искоренить.

Таинственным и одновременно увлекательным можно назвать сообщение «галльского» епископа Аркульфа, путешествовавшего по Святой земле около 680 г. и «унесенного встречным ветром на наш британский остров» [14, S. 316]. Его рассказ о паломничестве и зарисовки архитектуры, которые Аркульф сделал на вощеных дощечках, записал и перерисовал аббат Адамнан. Не кто иной, как Беда Достопочтенный (672/73–735 гг.), автор «Церковной истории народа англов», обращается к рассказу Аркульфа (и Адамнана) и дополняет его [14, S. 315 f.].

Довольно выразительно описывается ярмарка в Иерусалиме того времени, а именно около 680 г.: «неисчислимое множество всяких народов собирается каждый год 12 сентября в Иерусалиме, чтобы вести торг с обменом, продажей и покупкой. Тогда может случиться, что в течение нескольких дней в город прибудут огромные толпы разных народов, чьи несметные множества верблюдов, лощадей и ослов, а также волов, везущих всевозможные вещи, оставляют повсюду на улицах зловонную грязь, смрад от которой тяготит жителей и в значительной мере затрудняет передвижение» [14, S. 336 f.]. По Божьему промыслу, по словам Аркульфа, после ярмарки начинались дожди, смывавшие все нечистоты.

Ко времени паломничества Аркульфа, Иерусалим уже завоевали арабы, немного позже началось строительство Купола Скалы. Почти весь период господства арабов, мамлюков и османов паломники-христиане могли посещать святыни, зачастую на основании специально заключенных договоров. Такое соглашение, очевидно, существовало уже между Карлом Великим и Харуном ар-Рашидом и позволяло Карлу определенную деятельность в Святой земле. По его приказу составляется список христианских церквей, монастырей и других сооружений, а также находившегося там клира [48]. В 1046 г. был заключен договор между византийским императором Константином IX Мономахом и Фатимидами, обеспечивающий паломникам доступ к святым местам [65, p. 50–62].

Изменили ситуацию крестовые походы, вызванные захватом Иерусалима сельджуками в 1071 г. и призывом папы Урбана в 1095 г.[15] Когда крестоносцы овладели городом, была убита большая часть иудейского и мусульманского населения. Вовсе не славная страница истории для паломников, которыми считали себя и крестоносцы. Развернутое латинянами строительство охватывает Храм Гроба Господня, в результате чего он приобретает современный вид (рис. 18), и базилику Святой Анны около купальни у Овечьих ворот. По счастливой случайности крестоносцы

[15] Об этом в общем: [47]; о завоевании Иерусалима в 1099 г.: [44].

не уничтожили Купол Скалы, а лишь превратили его в христианскую церковь. При калифе Мамелюков в Иерусалим снова хорошо инвестируют [21, p. 209–231]. В 1335 г. в Иерусалиме опять появляются францисканцы, мастера шествий и представлений. Широкое освещение получает Виа Долороза, сначала с семью святынями, позже с четырнадцатью. Эти 14 остановок появляются на своеобразных изображениях Крестного пути. Так верующие могут на месте, в своей церкви или недалеко от нее воспроизвести шаг за шагом Страсти Христовы. Францисканцам, прежде всего, было важно направить потоки паломников в нужное русло. Некоторые места поклонения они без раздумий переносили, если это обещало организационные и экономические преимущества [14, S. 22 f.].

Заключение

Христианское паломничество, если это явление рассматривать из Центральной Европы, является мощным, редко иссякающим потоком людей, движимых желанием благодаря посещению мест, связанных с жизнью Иисуса Христа, получить помощь в их борьбе за существование и непосредственную связь с Богом и святыми. Проводниками к божественному служили также реликвии и филактерии. Однако интересы и жизненные концепты паломников и мигрантов сильно отличались, о чем свидетельствуют все те же сообщения пилигримов. Богатые римлянки IV–V вв. и их духовные учителя, в первую очередь св. Иероним, представляли аскетический идеал и не имели ничего общего с более поздними массами паломников. Большинство из них укрылось в уединенных монастырях или лаврах и проводило свою жизнь в молитвах и строгом контроле над всеми низменными порывами. Расцвету Иерусалима способствовало активное строительство, осуществляемое императорами начиная с Константина Великого, местными епископами и императрицей Евдокией. Оно обусловило увеличение потока паломников, многие из которых оставались в Святой земле надолго, т.е. становились мигрантами. Возведение новых зданий сопровождалось существенным ростом населения. Иерусалим, каким мы знаем его сегодня, немыслим без позднеантичных и средневековых паломников.

Перевод с немецкого языка Д.А. Шалыги

REFERENCES

1. Восемь греческих описаний святых мест XIV, XV и XVI вв. / Изд. и предисл. А. И. Пападопуло-Керамевса [Vosem' grecheskikh opisanij svyatykh mest XIV, XV i XVI vv.] // *Православный Палестинский сборник [Pravoslavnyj Palestinskij sbornik].* St-Petersburg, 1903. T. XIX. Vol. 2(56). P. 1–16.
2. Ariantzi D. Römische Aristokratinnen als Pilgerinnen und Stifterinnen im Heiligen Land (4.–5. Jahrhundert) // Ariantzi D., Eichner I. (Eds.). *Für Seelenheil und Lebensglück. Das byzantinische Pilgerwesen und seine Wurzeln.* Mainz, 2018. P. 231–241.
3. Avni G. *The Byzantine-Islamic Transition in Palestine. An Archaeological Approach.* Oxford: Oxford Stud. Byzantium, 2014.

4. Bieberstein K., Bloedhorn H. *Jerusalem. Grundzüge der Baugeschichte vom Chalkolithikum bis zur Frühzeit der osmanischen Herrschaft.* Wiesbaden, 1994. (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients, Reihe B, Nr. 100/1).
5. Bingeli A. Annual Fairs, Regional Networks, and Trade Routes in Syria, Sixth – Tenth Centuries // Morrisson C. (Ed.). *Trade and Markets in Byzantium.* Washington: Dumbarton Oaks Byzantine Symposia and Colloquia, 2012. P. 281–296.
6. Bollók A. Bellerophon and Crucifixion? A brief note on late antique circular box brooches from Pannonia // Heinrich-Tamaska O., Straub P. (Eds.). *Menschen, Siedlung und Landschaft im Wechsel der Jahrtausende am Balaton. People, Settlement and Landscape on Lake Balaton over the Millennia.* Budapest, Leipzig, Keszthely, Rahden Westf., 2014. P. 259–279.
7. Busch A. *Die Frauen der theodosianischen Dynastie: Macht und Repräsentation kaiserlicher Frauen im 5. Jahrhundert.* Stuttgart, 2015.
8. Ciriello R., Marchetta I., Bruscella A., Marinelli D., Santarelli A. Nuovi data su lavello altomedievale. Acquisizioni recenti e prospettive di ricerca // Ebanista C., Rotili M. (Eds.) *Aristocrazie e società fra transizione romano-germanica e alto medioevo, Atti del Convegno internazionale di studi Cimitile, Santa Maria Capua Vetere, 14–15 giugno 2012*. Cimitile, 2015. P. 109–124.
9. Constantelos D.J. *Byzantine Philanthropy and Social Welfare.* New Brunswick, N.J., 1968.
10. Daim F. Pilgeramulette und Frauenschmuck? Zu den Scheibenfibeln der frühen Keszthely-Kultur // *Zalai Múzeum*. 2002. Bd. 11. P. 113–132.
11. Daim F. Die Steppe und Byzanz. Kunsthandwerk und Bilderwelten im Awarenkhaganat // Lübke Ch., Hardt M. (Eds.). 400–1000. *Vom spätantiken Erbe zu den Anfängen der Romanik.* Berlin, 2017. P. 138–153.
12. *Das Goldene Byzanz und der Orient (Expositioncatalogue).* Schallaburg, 2012.
13. Dirschlmayer M. *Kirchenstiftungen römischer Kaiserinnen vom 4. bis zum 6. Jahrhundert, die Erschließung neuer Handlungsspielräume.* Münster, 2015. (Jahrbuch für Antike und Christentum. Ergänzungsband Kleine Reihe 13).
14. Donner H. *Pilgerfahrten ins Heilige Land. Die ältesten christlichen Palästinapilger (4.–7. Jahrhundert).* Stuttgart, 1979.
15. Drijvers J.W. *Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of her Finding of the true Cross.* Leiden, New York, 1992.
16. Drijvers J.W. Helena Augusta, the Cross and the Myth: some new reflections // *Millennium.* 2011. Bd. 8. P. 125–174.
17. Effenberger A., Brandt M. (Eds.). *Byzanz – Die Macht der Bilder.* Hildesheim, 1998.
18. Elsner J. The “Itinerarium Burdigalense”: Politics and Salvation in the Geography of Constantine’s Empire // *Journal Roman Studies.* 2000. Vol. 90. P. 181–195.
19. Feichtinger B. *Apostolae Apostolorum. Frauenaskese als Befreiung und Zwang bei Hieronymus.* Frankfurt am Main, 1995. (Studien zur klassischen Philologie. Bd. 94).
20. Fortner S., Rottloff A. *Auf den Spuren der Kaiserin Helena. Römische Aristokratinnen pilgern ins Heilige Land.* Erfurt, 2000.
21. Galor K., Bloedhorn H. *The Archaeology of Jerusalem – from the Origins to the Ottomans.* New Haven: Yale University Press, 2013.
22. Garam E. Die awarenzeitlichen Scheibenfibeln // *Communications Archaeologicae Hungariae.* 1993. P. 99–134.
23. Geary P.J. *Furta Sacra: Thefts of Relics in the Central Middle Ages*. Princeton, 2011.

24. Glaser F. Die Bildmotive der Scheibenfibeln aus Keszthely // *Zalai Múzeum.* 2002. Bd. 11. P. 145–152.
25. Grabar A. *Ampoules de Terre Sainte (Monza – Bobbio).* Paris, 1958.
26. Grossmann P. Abû Mînâ // M. Krause (Hrsg.). *Ägypten in spätantik-christlicher Zeit – Einführung in die koptische Kultur.* Wiesbaden, 1998. S. 269–293. (Sprachen und Kulturen des christlichen Orients. 4).
27. Hahn C. Loca Sancta souvenirs: Sealing the pilgrim's experience // Ousterhout R. (Ed.). *Blessing of Pilgrimage.* Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 1990. P. 85–96. (Illinois Byzantine Studies. 1).
28. Heyden K. *Orientierung. Die westliche Christenheit und das Heilige Land in der Antike.* Münster, 2014. (Jerusalemer Theologisches Forum. 28).
29. Holum K.G. *Theodosian Empresses. Women and Imperial Dominion in Late Antiquity.* Berkeley, Los Angeles, London, 1982.
30. Holum K.G. Hadrian and St. Helena: Imperial Travel and the Origins of Christian Holy Land Pilgrimage // Ousterhout R. (Ed.). *Blessing of Pilgrimage.* Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 1990. P. 66–81. (Illinois Byzantine Studies. 1).
31. Hunt E. D. *Holy Land Pilgrimage in the later Roman Empire AD 312–460.* Oxford, 1984.
32. Israeli Y., Mevorah D. *Cradle of Christianity*. Jerusalem, 2000.
33. Kislinger E. *Gastgewerbe und Beherbergung in frühbyzantinischer Zeit:* Thesis of doctoral diss. Wien, 1982.
34. Kislinger E. Kaiser Julian und die (christlichen) Xenodocheia // Hörandner W., Koder J., Kresten O., Trapp E. (Eds.). *Byzantinos. Festschrift für Herbert Hunger zum 70. Geburtstag.* Wien, 1984. P. 171–184.
35. Kislinger E. Zum Weinhandel in frühbyzantinischer Zeit // *Tyche*. 1999. Bd. 14. P. 141–156.
36. Kislinger E. Reisen und Verkehrswege in Byzanz. Realität und Mentalität, Möglichkeiten und Grenzen. // Nikolov A. (Ed.). *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies, Sofia, 22–27 August 2011, Plenary Papers.* Sofia, 2014. P. 341–387.
37. Kötting B. *Peregrinatio religiosa. Wallfahrten in der Antike und das Pilgerwesen in der alten Kirche.* Münster, 1980.
38. Krumeich C. *Paula von Rom. Mittlerin zwischen Okzident und Orient. Eine Biographie.* Bonn, 2002.
39. Külzer A. *Peregrinatio graeca in Terram Sanctam. Studien zu Pilgerführern und Reisebeschreibungen über Syrien, Palästina und den Sinai aus byzantinischer und metabyzantinischer Zeit.* Frankfurt am Main, 1994. (Studien und Texte zur Byzantinistik. 2).
40. Külzer A. Wirtschaftliche Aspekte byzantinischer Pilgerzentren // Kislinger E., Koder J., Külzer A. (Eds.). *Handelsgüter und Verkehrswege. Aspekte der Warenversorgung im östlichen Mittelmeerraum, 4. bis 15. Jahrhundert.* Wien, 2010. P. 185–196. (Denkschr. der Österr. Akad., Phil.-Hist. Kl., Bd. 388).
41. Külzer A. Pilgerfahrt // *Der Neue Pauly.* Stuttgart, 2016. Suppl. 11. P. 725–737.
42. Külzer A. Pilgerzentren im westlichen Kleinasien: Heilige, Orte und Wege // Ariantzi D., Eichner I. (Eds.). *For the Sake of Salvation and Happiness. Byzantine Pilgrimage and its Origins.* Mainz, 2018 (in press).
43. Lenski N. Empresses in the Holy Land: The Creation of a Christian Utopia in Late Antique // Ellis L., Kidner F.L. (Eds.). *Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane.* Ashgate, 2004. P. 113–124.
44. Lobrichon G. *Die Eroberung Jerusalems im Jahre* 1099. Stuttgart, 1998.

45. Mango C. *The Art of the Byzantine Empire 312–1453. Sources and Documents.* Toronto, 1972. (Reprint 1993).
46. Maraval P. *Lieux saints et pèlerinages d'Orient. Histoire et géographie des origines à la conquête arabe.* Paris, 2004.
47. Mayer H.-E. *Geschichte der Kreuzzüge.* Stuttgart, 2005.
48. McCormick M. *Charlemagne's Survey of the Holy Land. Wealth, Personnel, and Buildings of a Mediterranean Church between Antiquity and the Middle Ages.* Washington, 2011.
49. Nallbani E. Nouvelles formes d'habitat en Albanie du nord du VIIe au XIIIe siècle // *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions.* 2014. I (janvier–mars). P. 67–81.
50. *Palladio, La Storia Lausiaca (Schrittori Grece e Latini).* Ed. G.J.M. Bartelink. Roma, 1974.
51. Philipsborn A. Der Fortschritt in der Entwicklung des byzantinischen Krankenhauswesens // *Byzantinische Zeitschrift.* 1961. Bd. 54,2. P. 338–465.
52. Piccirillo M., Alliata E. The Madaba Map Centenary 1897–1997: Travelling Through the Byzantine Umayyad Period // *Proceedings of the International Conference Held in Amman, 7–9 April 1997.* Jerusalem, 1999.
53. Pieri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule.* Beirut, 2005.
54. Praefatio Hieronymi in librum Paralipomenon iuxta LXX interpretes // *Patrologia Latina.* 401A–404A.
55. *Procopii Caesarensis Opera Omnia.* Bd. IV: De aedificiis cum duobus indicibus praefatione excerptisque Photii adiectis. Leipzig, 1963.
56. Rebenich St. *Hieronymus und sein Kreis. Prosopographische und sozialgeschichtliche Untersuchungen.* Stuttgart, 1992. (Historia. Heft 72).
57. Reekmans L. Siedlungsbildung bei spätantiken Wallfahrtsstätten. // Dassmann E., Frank K. (Eds.). *Pietas. Festschrift für Bernhard Kötting.* Münster, 1980. S. 325–355. (Jahrbuch für Antike und Christentum. Ergänzungsband 8).
58. Riché P. *Die Welt der Karolinger.* Stuttgart, 1981.
59. Ritter M. *Die Ökonomie des byzantinischen Pilgerwesens (4.–12. Jahrhundert):* Thesis of doctoral diss. Mainz, 2017.
60. Sodini J.-P. Qal'at Sem'an: Quelques données nouvelles // *Akten des XII Internationalen Kongresses für Christliche Archäologie. Bonn 22.–28. September 1991.* Münster, 1995. P. 348–368. (Jahrbuch für Antike und Christentum. Ergänzungsband 20).
61. Spidlík T. *Melania la giovane. La Benefattrice (383–440).* Milano, 1996. (Series: Donne d´Oriente e d´Occidente. 2).
62. Steidle W. Die Leichenrede des Ambrosius für Kaiser Theodosius und die Helena-Legende // *Vigiliae Christianae.* 1978. Bd. 32,2. P. 94–112.
63. Strube C. *Die „Toten Städte". Stadt und Land in Nordsyrien während der Spätantike.* Mainz: Antiken Welt, 1996.
64. Stuiber A. Eulogia // *Reallexikon für Antike und Christentum.* 1966. Bd. 6. P. 899–928.
65. Thomson K.E.F. Relations between the Fatimid and Byzantine empires during the reign of the caliph al-Mustansir bi'llah, 1036–1094/427–487 // *Byzantine and Modern Greek Studies.* Cambridge: University Press, 2008. Vol. 32,1. P. 50–62.
66. Todt K.-P., Vest B.A. *Syria (Syria Prōtē, Syria Deutera, Syria Euphratēsia).* Wien, 2014. (Tabula Imperii Byzantini. Bd. 15).

67. *Vie de Sainte Mélanie.* Texte grec, introd., trad, et notes par D. Gorce. Paris, 1962. (Sources chrétiennes. No. 90).
68. Vikan G. Art, Medicine and magic in early Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers.* 1984. Vol. 38. P. 65–86.
69. Vryonis S. The panégyris of the Byzantine saint: a study in the nature of a medieval institution, its origins and fate // Hackel S. (Ed.). *The Byzantine Saint: University of Birmingham Fourteenth Spring Symposium of Byzantine Studies.* London, 1981. P. 196–226.
70. Walker P.W.L. *Holy City, Holy Places? Christian Attitudes to Jerusalem and the Holy Land in the Fourth Century.* Oxford, 1990.
71. Wilkinson J. *Jerusalem Pilgrims before the Crusades.* Oxford, 2011. (Reprint).
72. Wittke A.-M., Olshausen E., Szydlak R. *Historischer Atlas der antiken Welt.* Stuttgart, 2007. (Der Neue Pauly. Suppl. 3).

Falko DAIM
Roman-Germanic Central Museum (Mainz, Germany)

PILGRIMS IN JERUSALEM

Abstract: When Constantine the Great built the basilica at place where Jesus Christ was buried (Church of the Holy Sepulchre) in 326, and the church in the Mound of Olives was constructed, it caused the mass phenomenon of the Late Antique and Mediaeval periods, i. e. Christian pilgrimage to the Holy Land and other places of religious veneration. The pilgrims' main aim was Jerusalem, the place of passions, death, and resurrection of Christ. In the fourth and fifth centuries, there continued buildings of churches, monasteries, and asylums, often on the donations of rich and noble Roman ladies, particularly empress Eudokia. The almsgivers, often inclined to ascetics, who lived in Palestine for long, were critical towards the avalanche of pilgrims. However, numerous pilgrims (the big Basilica of the Holy Sepulchre could include thousands of people) contributed to rapid growth of the population and economic development of a small Roman provincial town. In the sixth century, Byzantine Jerusalem reached its climax, but the Persian destruction followed, and the Arab conquest came soon. Nevertheless, the pilgrims continued playing a great role under the power of Arabs and during the short rule of the Crusaders, as they are doing now. Apart from its economic importance, the pilgrimage provided permanent inflow of information from the Holy land. The Mediterranean Sea was a vast space of communication, and the Holy Land was closely related to historical Europe. This paper sheds light on the development of the Christian pilgrimage to the scope of mass phenomenon and its significance for the rise of Jerusalem in the fifth and sixth century. The migration, or the long stay of the pilgrims and ascetic monks in Jerusalem and its environs, was an important economic factor. Especial attention of this study has been paid to the artefacts that the pilgrims took with them when returning back home from the holy places, and which likely contributed to the distribution of the information on particular pilgrimage places.

Keywords: Jerusalem, Holy Land, Church of the Holy Sepulchre, pilgrimage, eulogia, relic.

Рис. 1. Мартирий Симеона Столпника в Калат-Семане, Сирия, после 459 г. В центре – остатки колонны преподобного Симеона (фото Т.М. Вебера, Bilddatenbank der JGU, Майнц).

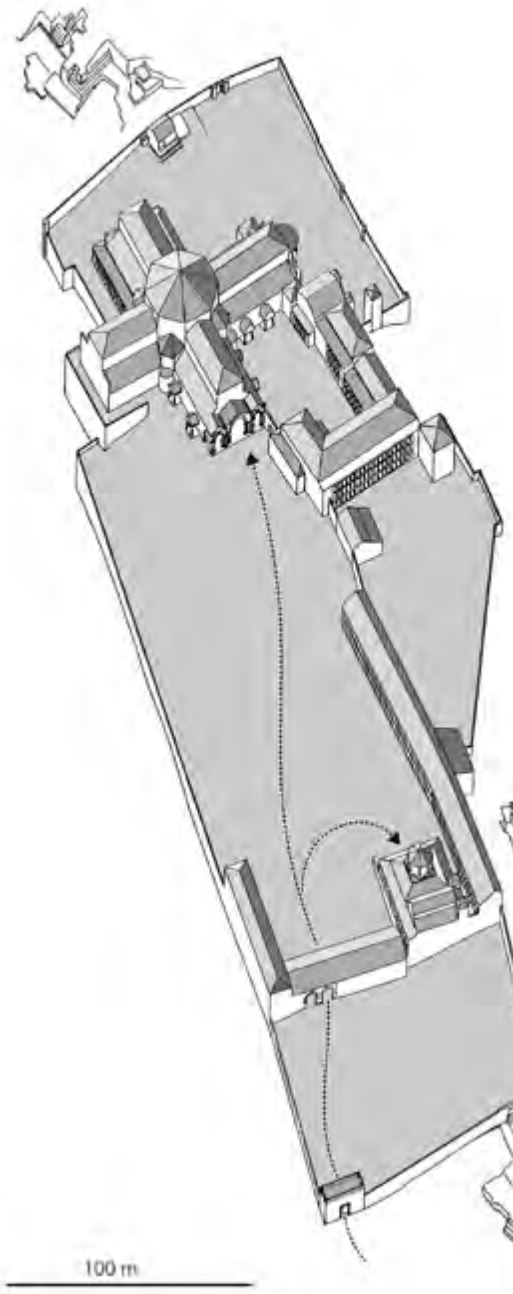


Рис. 2. Изометрическая проекция Калат-Семана, Сирия. Внизу – Триумфальная арка, справа – баптистерий, сверху – мартирий Симеона Столпника. Главная церковь ориентирована апсидой на восток с небольшим отклонением к северу (выполнена М. Обер, RGZM, Майнц).

Рис. 3. 1 – Обратная сторона византийского магического амулета с изображением «дурного глаза». Гуш Халав (Галилея), могила V–VI вв. Бронза. Высота 64 мм, ширина 30 мм [по: 32, № 38.1091].
2 – Глиняная ампула св. Мины, V–VII вв. В центре изображен св. Мина, окруженный двумя лежащими верблюдами. Из паломнического центра св. Мины (Абу-Мина) юго-западнее Александрии, Египет.
3 – Рельеф со святым на столбе. V–VI вв., Сирия (2, 3 – Собрание скульптур и Музей византийского искусства, Государственные музеи Берлина).

Рис. 4. Иерусалим – Элия Капитолина (Colonia Aelia Capitolina) в 130 г. н.э. Реконструкция плана города выполнена В. Здравковичем.

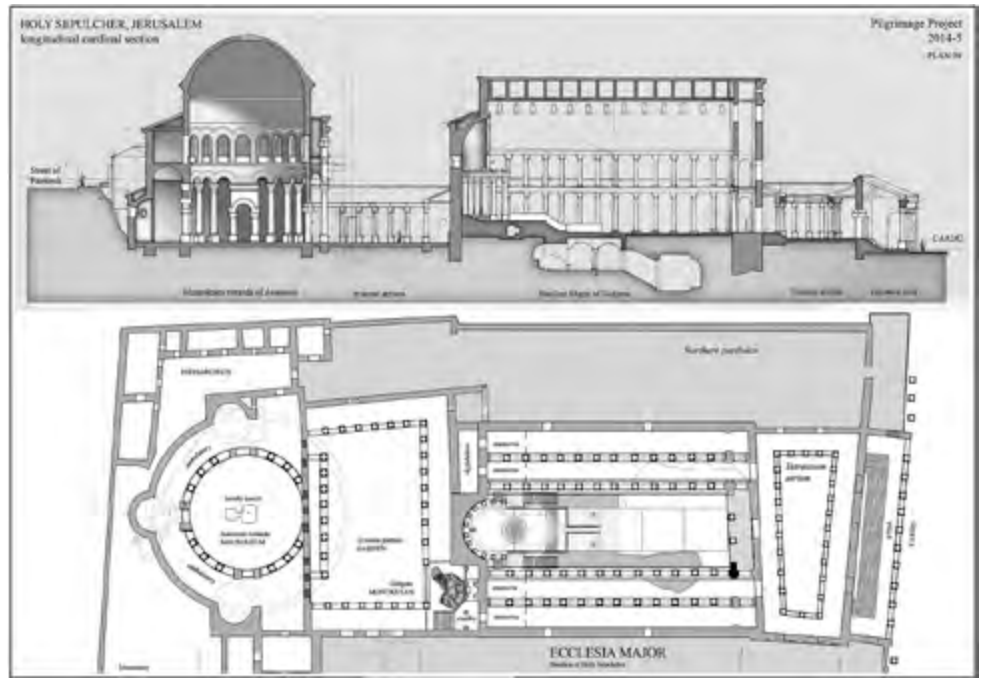


Рис. 5. Храм Гроба Господня времени Константина Великого (после 325 г.): план и продольный разрез. Справа – пятинефная базилика, в центре – скала Голгофа, слева – ротонда с Гробом Господним (реконструкция В. Здравковича).

Рис. 6. Реконструкция Храма Гроба Господня времени Константина Великого (после 325 г.) по уровню фундаментов стен и баз колонн (реконструкция В. Здравковича).

Рис. 7. Реконструкция Храма Гроба Господня времени Константина Великого (после 325 г.), вид сверху (реконструкция В. Здравковича).

Рис. 8. Реконструкция Храма Гроба Господня времени Константина Великого, разрез центрального нефа базилики (реконструкция В. Здравковича).

Рис. 9. Реконструкция константиновской ротонды (Анастасиса) с Гробом Господним, продольное сечение (реконструкция В. Здравковича).

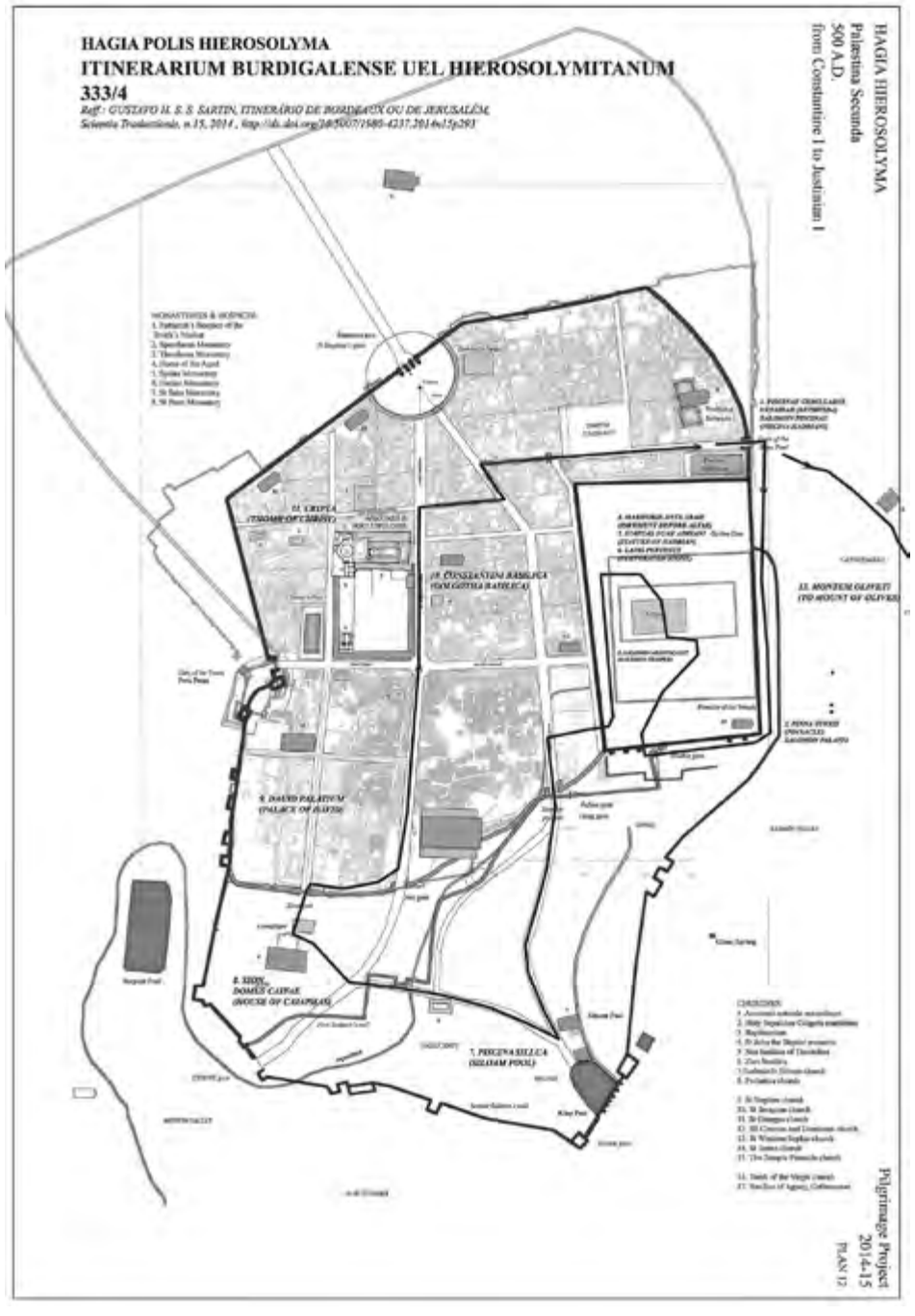


Рис. 10. План города Иерусалима в III–VI вв.
и маршрут анонимного паломника из Бордо 333/334 гг.

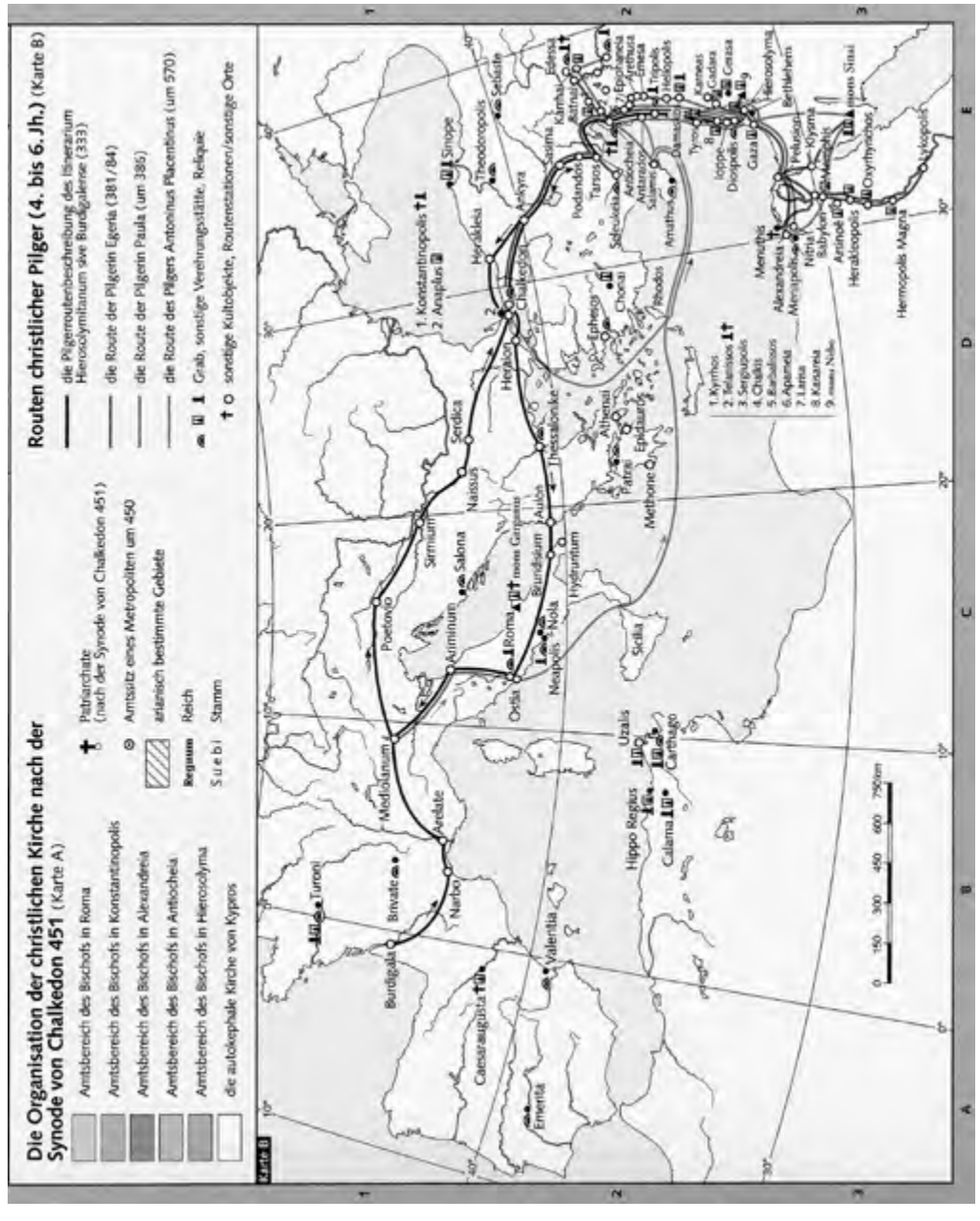


Рис. 11. Маршруты паломников-христиан (IV–VI вв.) [по: 72, S. 229, Karte B].

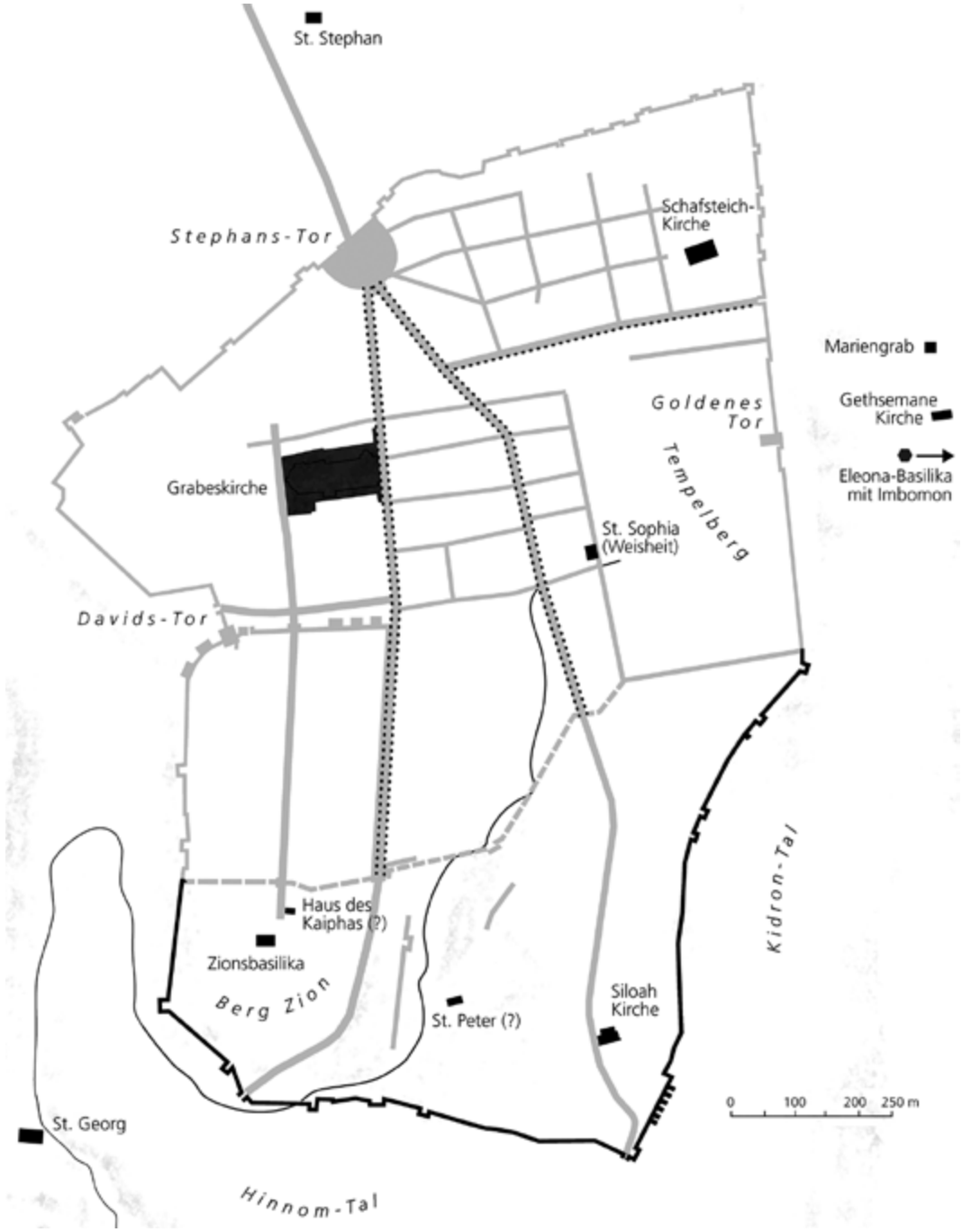


Рис. 12. План Иерусалима с постройками императрицы Евдокии (середина V в.) (выполнен М. Обер, RGZM, г. Майнц)

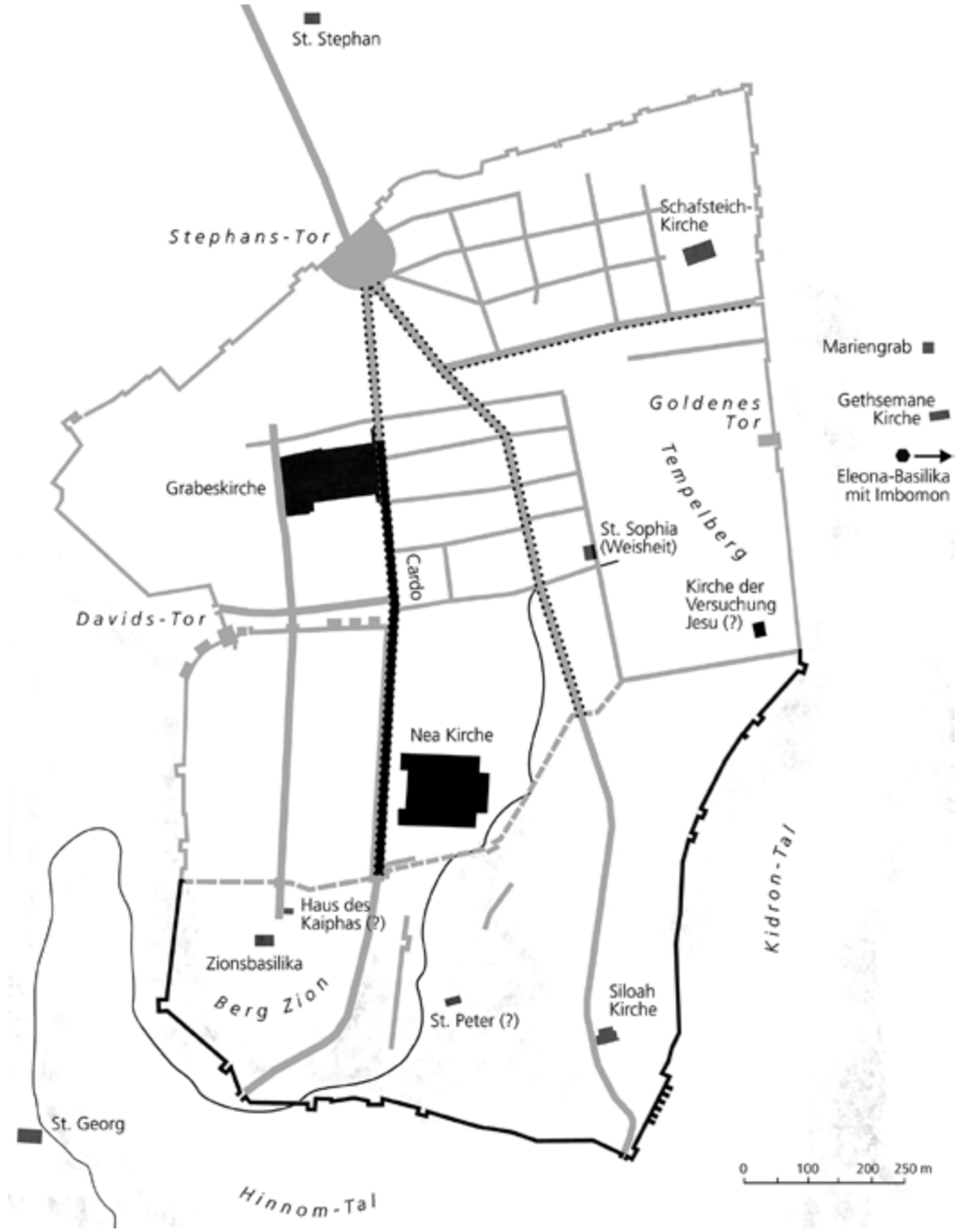


Рис. 13. План Иерусалима во время правления Юстиниана (527–565 гг.) с гигантской Новой церковью и базиликой Елеона на Масличной горе (выполнен М. Обер, RGZM, г. Майнц).

Рис. 14. 1 – Мозаичная Мадабская карта (Иордания, около 600 г.). Справа внизу изображен Иерусалим [52, S. 63].
2 – Церкви Иерусалима на Мадабской карте согласно интерпретации Дж. Вилкинсона [71] (выполнен М. Обер, RGZM, г. Майнц).

Рис. 15. 1 – Ампула из Святой земли с изображением распятия и жен у гроба, VI в., Монца, Италия [по: 25, Pl. 18].
2 – Реликварий с камнями из Святой земли, VI–VII вв., Санкта-Санкторум, Ватикан [по: 17, S. 41, Abb. 27–28].

Рис. 16. Круглые фибулы с изображениями: 1 – Беллерофонта, VI в., Кестхей-Фенекпушта, Венгрия; 2 – святого всадника, VI–VII вв., Надьхаршань, Венгрия; 3, 4 – распятия и двух ангелов, VI–VII вв., Кестхей-Фенекпушта, Венгрия; 4 – архангела, VI–VII вв., Надьхаршань, Венгрия; 5 – виноградной лозы с гроздью, VII в., Лежа (Албания) [1, 2, 4 – по: 12, S. 170, 327, Abb. XII,22,25; 3 – по: 22, pl. XVIII,2; 5 – по: 49, P. 79, fig. 13].

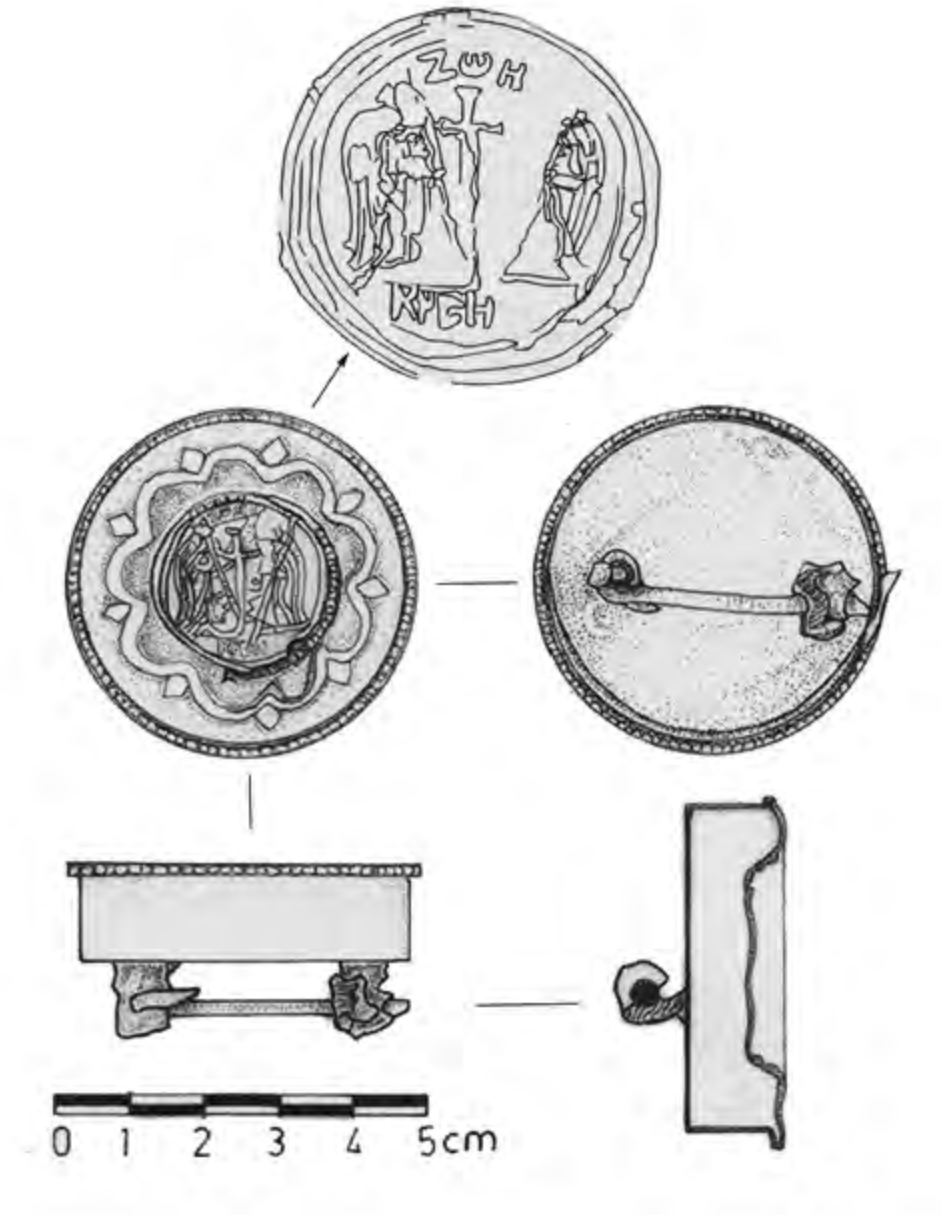
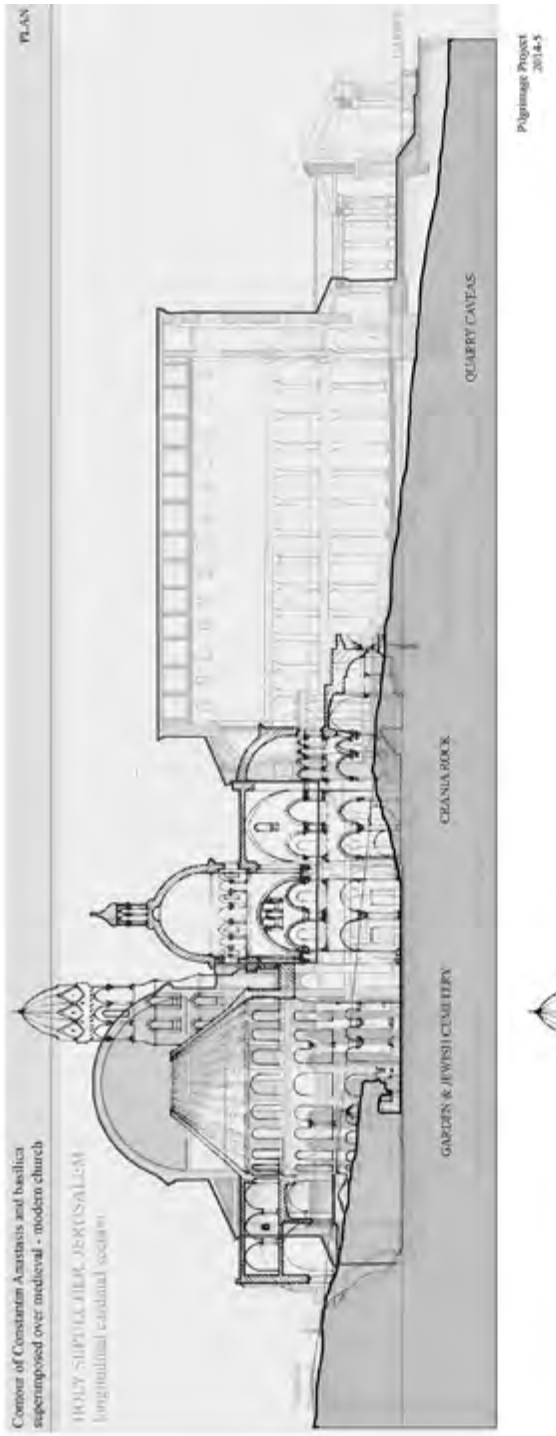


Рис. 17. Круглая фибула с распятием и двумя ангелами, VI–VII вв., Лавелло, Италия [по: 8, p. 120, fig. 10].



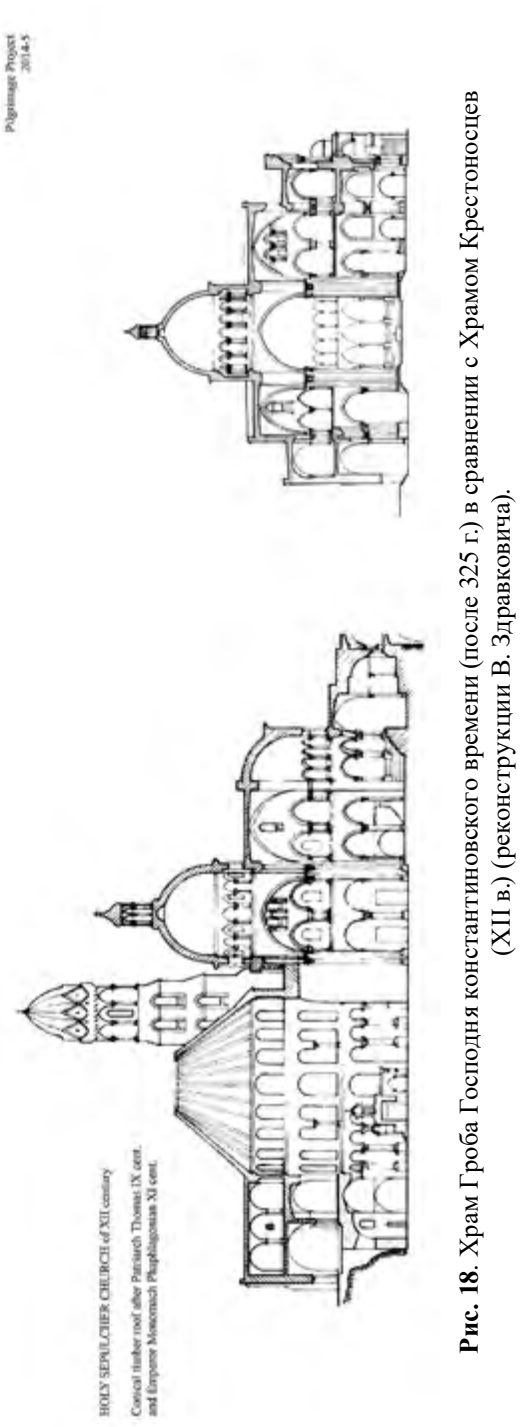


Рис. 18. Храм Гроба Господня константиновского времени (после 325 г.) в сравнении с Храмом Крестоносцев (XII в.) (реконструкции В. Здравковича).

В. В. МАЙКО

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ КРЫМА В XXI ВЕКЕ

Аннотация: Рубеж прошедшего и нынешнего столетий можно считать началом нового этапа в изучении салтово-маяцкой культуры Крыма. Исходя из этого, в работе проанализировано изучение этой археологической культуры полуострова за прошедшие 17 лет. Сделан вывод о том, что для рассмотрения всех аспектов материальной культуры получены новые данные. Они позволяют по новому представить характер жилой, хозяйственной, фортификационной и культовой застройки, погребальный обряд, керамический комплекс, предметы вооружения и быта. Все эти материалы свидетельствуют о том, что несмотря на сильный религиозный синкретизм салтово-маяцкя культуры Крыма является одним из вариантов провинциально-византийской культуры. Степень ее византинизации была ниже, чем у материальной культуры греческого и алано-готского населения полуострова.

Ключевые слова: средневековая Таврика, салтово-маяцкая культура Крыма, история изучения.

С полным основанием можно считать, что большой этап изучения салтово-маяцкой культуры средневековой Таврики, начавшийся в конце 60-х гг. прошлого века, завершился на рубеже тысячелетий выходом в 1999 г. монографии А. И. Айбабина «Этническая история ранневизантийского Крыма». Через два года не стало и выдающегося исследователя Игоря Авенировича Баранова, посвятившего изучению крымского варианта салтово-маяцкой культуры всю свою жизнь. В указанной работе А. И. Айбабин на основании большого комплекса всех известных письменных источников и огромного массива археологического материала подвел итог изучения салтово-маяцкой культуры Крыма и предложил концепцию развития полуострова с периода раннего средневековья и до рубежа IX-X вв. [1, с. 171–230]. В более кратком и обобщенном варианте эти выводы были опубликованы несколько позже в очередном томе 20-ти томного издания, посвященного отечественной археологии [3, с. 55–67].

За прошедшие 17 лет текущего столетия в изучении салтово-маяцкой культуры Таврики были достигнуты определенные результаты. На мой взгляд, рано пока говорить о каком-либо кардинальном прорыве, но практически во всех вопросах исследования данной проблематики получены новые материалы и сделаны интересные выводы.

Необходимо подчеркнуть, что целью данной работы является анализ накопления и атрибуции археологических источников. Проблемы, связанные с анализом исторической ситуации, сложившейся в средневековой Таврике во второй половине VII – на рубеже IX–X вв., остаются за рамками этого исследования.

Все анализируемые работы, несмотря на то, что многие из них носят комплексный характер, распределены по основным составляющим материальной культуры. Следуя хронологии, прежде всего, это проблематика раннего «кочевого» и «полукочевого» этапа салтово-маяцкой культуры Крыма и археологические свидетельства перехода населения к оседлости.

К сожалению, специалистам хорошо известно, что археологических источников, представленных в основном впускными кочевническими погребениями, для решения комплекса проблем первоначальных этапов салтово-маяцкой культуры Крыма, чрезвычайно мало. Обнаруживаются они случайно при исследовании курганных насыпей эпохи бронзы, скифского, сарматского и античного времени. Тем не менее, многочисленный материал, накопленный за предшествующие годы, был впервые проанализирован и обобщен в двух крупных работах А. И. Айбабина [4, с. 67–88; 5, с. 277–315]. Ученый справедливо обосновал неоднородный характер захоронений, оставленных как рядовыми воинами, так и тюркской знатью, и выделил их в особую археологическую культуру. Исходя из анализа погребального инвентаря и ориентируясь на немногочисленные данные письменных источников, исследователь обоснованно датировал ее появление не ранее последней трети VII в. и связал с кочевниками, этнически однородными тюркам [5, с. 277–315].

Чрезвычайно интересные материалы, углубляющие наши знания о тюркской кочевой культуре раннесредневекового Крыма, были получены в 2012 г. при проведении А. В. Гавриловым раскопок курганов у села Молочное Симферопольского района. В двух исследованных насыпях было обнаружено два погребения, датированных в широких хронологических рамках второй половиной VII в. [21, с. 34–70]. Важно отметить, что курганные насыпи располагались на расстоянии около 200 м одна от другой. При этом вторая курганная насыпь может быть названа таковой только условно. По сути дела, это была каменная наброска над могильной ямой без какой-либо грунтовой насыпи. Обе могилы сопровождались тризной. Таким образом, в качестве постановки проблемы можно говорить о существовании на этом месте не традиционных единичных погребений, а своеобразного некрополя, включавшего как типичные впускные могилы в курганы более раннего времени, так и грунтовые захоронения, не связанные с курганами. Такой обряд у раннесредневековых тюркоязычных кочевников Таврики был зафиксирован впервые. Не исключено,

что он свидетельствует о постепенном переходе населения к грунтовым некрополям и, соответственно, о начале седентаризации.

Тем не менее, приходится констатировать, что источниковая база для решения проблем раннесредневековых номадов полуострова пополняется очень медленно. Помимо указанных погребений у с. Молочное за прошедшие почти два десятилетия только в 2017 г. в связи с масштабными охранными раскопками на полуострове возле пгт Крымская Роза Белогорского района в курганной группе Крымская Роза–2 было обнаружено впускное погребение № 99, которое можно датировать второй половиной VII в.[1]

Так же немногочисленны археологические источники, связанные с ранним периодом уже оседлых носителей салтово-маяцкой культуры Крыма. В рассматриваемый период данные материалы, полученные в ходе раскопок начала 1990-х гг. Сугдеи, были проанализированы автором этой статьи [35, с. 287–297], а Боспора – А. И. Айбабиным [86, p. 31–65]. На основании немногочисленных комплексов и археологического материала был сделан вывод о том, что салтовцы, перешедшие к оседлости в городах, очень быстро восприняли приемы провинциально-византийского домостроительства и другие особенности материальной культуры греческого населения приморских городов [50, с. 54–62, 120–123]. Специально рассматривался и керамический комплекс данного периода, особенно лепная и подправленная на гончарном круге кухонная посуда [37, с. 14–31][2]. Сразу необходимо оговориться, что предложенные ранее выводы о наличии в нем элементов позднепеньковского керамического комплекса, нуждаются в дополнительном обосновании. К сожалению, при практически полном отсутствии датирующих находок тяжело однозначно определить хронологические рамки данного периода развития салтово-маяцкой культуры полуострова. В целом они были определены, как рубеж VII–VIII – первая половина VIII вв. Важно отметить, что подобные материалы были получены не только при раскопках городских горизонтов Сугдеи и Боспора [2, с. 168–185], городища на плато Тепсень [55, с. 157–162], но и сельских памятников Керченского полуострова [13, с. 17–23; 14, с. 334–348]. Таким образом, несмотря на дискуссионность предположения и отсутствие достаточного количества археологических источников, можно говорить о масштабном заселении полуострова салтовцами уже на рубеже VII-VIII вв. и их быстром переходе к оседлости.

Рассмотрение вопросов, связанных с памятниками оседлого населения крымского варианта салтово-маяцкой культуры, начнем с работ, посвященных проблемам жилой и хозяйственной застройки, а также в целом планировке поселений. Значительное внимание этим аспектам уделил Л. Ю. Пономарев. На примере проа-

[1] Выражаю глубокую признательность С. Г. Колтухову за возможность ознакомиться с полученными материалами.

[2] Интереснейший и уникальный по количеству и разнообразию форм ранний керамический комплекс салтовцев Крыма был получен в 2011-2012 гг. Ю. П. Зайцевым при раскопках городища Вишенное. Он все еще ждет своей подробной публикации.

нализированных комплексов, найденных на территории Керченского полуострова, ученый значительно расширил и скорректировал существовавшую до недавнего времени типологию. Исследователь выделил 8 типов жилых сооружений, среди которых отметил не учтенные в предшествующих типологиях однокамерные и двухкамерные дома с округлой в плане пристройкой и многокамерные дома со смежными помещениями [69, с. 186–209]. Значительно были дополнены наши сведения об однокамерных жилищах и отдельно рассмотрены подобные варианты построек с хозяйственной пристройкой [75, с. 131–139].

Впервые на основании практически всех исследованных домов-пятистенок Керченского полуострова Л. Ю. Пономареву удалось выделить общие и индивидуальные черты, присущие этому типу салтовских сооружений [74, с. 440–461]. Среди них были отмечены прямоугольная форма, северо-восточная – юго-западная ориентация, высчитаны чаще всего встречающиеся размеры, наличие одного или двух отопительных сооружений в жилых помещениях и временного отопительного сооружения – в хозяйственных. Важным явился вывод ученого о существовании в жилых помещениях временного отопительного сооружения, представлявшего собой пристроенный к стене каменный ящик, сооруженный из поставленных на ребро плит известняка.

Особого внимания заслуживает выделение на примере Кыз-Аульского и Илуратского некрополей античного времени такой категории построек, как жилища, устроенные в античных склепах [69, с. 186–209]. Последние справедливо трактуются, прежде всего, как загоны для мелкого рогатого скота и убежища скотоводов. Подробно опубликованный, совместно с Н. Ф. Федосеевым, археологический материал из этого типа сооружений [81, с. 491–525; 82, с. 82–132] свидетельствует, тем не менее, о длительном, а не сезонном их использовании.

Отдельно следует проанализировать вопрос о существовании на территории салтово-маяцких памятников Крыма юртообразных построек и полуземлянок. В свое время И. А. Баранов предполагал, что они характеризуют самый ранний этап данной археологической культуры полуострова и полностью вытесняются каменными домами, привнесенными т.н. второй волной переселения тюрок в Таврику. К ранней дате полуземлянок склоняется и Л. Ю. Пономарев, выделяя среди них бестолбовые и каркасно-столбовые полуземлянки с неукрепленными бортами и полуземлянки, котлован которых по периметру обложен камнем [69, с. 186–209; 70, с. 65–78]. Следует сказать, что работы последних лет не подтверждают предложенную концепцию. На посаде средневековой Сугдеи [45, с. 263–272], городище на плато Тепсень и поселении Кордон-Оба [38, с. 72–75, 99–101] известны полуземлянки, существовавшие, как минимум, до середины IX в. При этом полуземлянки на посаде Сугдеи и на участке раскопа «И» городища Тепсень были перекрыты каменными домами. Стратиграфическая ситуация и археологический материал четко свидетельствуют о том, что каменные дома были возведены сразу после прекращения функционирования полуземлянки, вероятно одними и теми же жителями, воспринимавшими византийские приемы домостроительства. Никаких слоев пожаров в заполнении всех раскопанных в Крыму полуземлянок не зафиксировано. Таким образом, развитие домостроительства крымских салтовцев происходило, вероятно, эволюционно.

Впервые Л. Ю. Пономаревым на примере памятников Керченского полуострова был выделен такой интересный элемент поселенческой инфраструктуры, как зольники, расположенные среди жилых построек, на дневной поверхности и чаще всего без какого-либо ограждения. Ученым были проанализированы точки зрения об их хозяйственно-бытовой и сакральной атрибуции и верно сделан вывод о том, что в настоящее время для решения вопроса доказательной базы явно недостаточно [72, с. 52–54].

Благодаря раскопкам на плато Тепсень в 2011 г. впервые появилась возможность говорить и о таких ремесленных постройках, как производственные металлургические горны. Раскопанные в юго-восточной части памятника и расположенные на окраине поселения, они датируются временем не позже середины VIII в. [55, с. 157–162] и еще ожидают подробной публикации.

Значительный шаг вперед сделан в осмыслении погребального обряда населения, оставившего памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры. В текущем столетии в монографическом исследовании впервые были проанализированы и максимально полно опубликованы все салтово-маяцкие некрополи средневековой Сугдеи. Среди них отмечены наиболее ранний могильник середины VIII – первой половины IX вв. Судак–VI [42, с. 152–182] и на участке куртины XIV [42, с. 247–248][3], выделены наиболее ранние материалы салтовского времени некрополя Судак–VII [42, с. 185] и синхронные погребальные сооружения некрополя Судак–IX [42, с. 190–192]. Уже после выхода отмеченной монографии на основании раскопок 2006–2008 гг. был выделен первоначальный салтово-маяцкий период этого последнего могильника [58, с. 159–176]. В. И. Барановым были полностью опубликованы материалы раскопок каменных склепов упомянутого некрополя на участке куртины XIV средневековой Сугдеи [10, с. 4–17]. Большой массив археологических источников подтвердил предшествующие выводы о существовании двух основных типов погребального сооружения в виде грунтовой ямы и коробовой конструкции. Вместе с тем, был выделен новый тип погребального сооружения, представленный крупными подквадратными земляными склепами.

Наиболее значимым итогом анализа явился вывод о биритуальности практически всех, даже наиболее ранних городских некрополей Сугдеи. Сказанное справедливо и по отношению к ранним прихрамовым некрополям, в частности городища Тепсень [38, с. 164–176]. Стало совершенно очевидным, что на площади некрополей в один хронологический период, не образуя отдельных скоплений, сосуществуют не

[3] Исследования этого некрополя были продолжены в 2012 г. А. В. Джановым, которому в ходе работ удалось зафиксировать погребения, в том числе и с богатым погребальным инвентарем [57, с. 299–300].

только два типа грунтовых погребений, но и плитовые могилы, погребения с элементами плитовой могилы, каменные и земляные склепы. Данные наблюдения полностью подтверждают не только городские некрополи, но и могильники сельских поселений, например, рассмотренные плитовые погребения некрополя Кордон-Оба в юго-восточном Крыму [36, с. 76–85].

Вторым важным выводом можно считать тот факт, что, согласно анализу погребального инвентаря, к середине IX в., благодаря успешной христианизации местного населения, городские и даже сельские некрополи состоят уже преимущественно из плитовых могил. Указанные некрополи Керченского полуострова, в частности у поселка Эльтиген и поселения Героевка–2, в том числе на основании собственных раскопок, были проанализированы в работах Л. Ю. Пономарева [66, с. 445–475; 68, с. 287–295] и обобщены в отдельной публикации [61, с. 97–106]. Ученым были впервые отмечены такие характерные элементы плитовой могилы салтовского населения, как полукруглые ниши, вырубленные с внутренней стороны стенки у черепа захороненных. На примере раскопок городского некрополя Боспора в районе Босфорского переулка А. И. Айбабиным и Э. А. Хайрединовой было убедительно доказано, что процесс христианизации городского населения шел быстрее и уже к середине VIII в. основная масса погребальных сооружений данного могильника представляла собой классические плитовые могилы с ярко выраженной христианской символикой [7, с. 354–378]. Такая же ситуация была характерна для выделенных плитовых некрополей второй половины IX в. городища Тепсень [38, с. 156–163] и памятников юго-восточного Крыма, например, некрополя у с. Дачное Судакского района [39, с. 122–128].

Наряду с этим, на протяжении всего периода существования салтово-маяцкой культуры Крыма в погребальном обряде ощущались и языческие влияния. Последние наиболее ярко проявились на раскопанном в 2015 г. некрополе Конрат на территории Керченского полуострова[4]. К христианским чертам погребений данного могильника можно отнести саму конструкцию классической плитовой могилы. К языческим – разнообразный и редчайший для Таврики состав погребального инвентаря, наличие специально сделанных для него боковых ниш, кости жертвенных животных на месте полукруглой арки, обряд тризны, специально изготовленную для погребения лепную посуду.

Следует сказать, что для решения проблемы религиозного синкретизма салтовцев Крыма в текущем столетии, помимо указанного выше некрополя Конрат, были получены новые интереснейшие материалы. Речь идет, прежде всего, о комплексах, полученных при раскопках средневековых поселений на месте античных городищ Артезиан и Белинское на территории Керченского полуострова, расположенных в прямой видимости один от другого. Здесь, прежде всего, наиболее ярко проявился обряд совместного погребения людей и жертвенных животных. В центральной

[4] Выражаю глубокую признательность Ю. П. Зайцеву за возможность ознакомиться с данными материалами и подготовить их к печати.

части поселения на месте городища Артезиан Н. И. Винокуровым и Л. Ю Пономаревым было выделено два условных культовых комплекса. В состав одного из них, «южного», входило совместное захоронение в каменном ящике подростка и частей туши быка и, что наиболее важно, два жертвоприношения, состоявших из расчлененных останков людей и животных. В составе другого, «юго-восточного культового комплекса», было исследовано захоронение в хозяйственной яме расчлененных останков подростков и домашних собак [17, с. 18–22; 18, с. 266–300; 19, с. 44–50; 20, с. 208–211]. Исследователями была высказана обоснованная точка зрения о связи комплексов с земледельческим и скотоводческим культами плодородия.

Материалы склепа № 23 некрополя городища Белинское дают уникальную возможность подтвердить существование у салтовцев Крыма языческих верований, связанных с культом домашних животных, при совершении которых производилось перезахоронение некоторых костей погребенных с принесением в жертву частей расчлененных туш животных [30, с. 348–363].

С другой стороны, на том же поселении Белинское присутствуют находки, говорящие о высокой степени христианизации проживавшего там населения. Об этом свидетельствуют не только многочисленные кресты, в том числе и архаичные христианские надгробья, но и находка первого для всей салтово-маяцкой археологической культуры штампа для просфор [59, с. 320–329]. Второй штамп был обнаружен в 2017 г. при раскопках горизонтов салтово-маяцкого времени поселения Биели на территории Керченского полуострова[5].

Однако наиболее ценным и показательным источником, свидетельствующем о глубоком проникновении в среду салтовцев Крыма христианской идеологии, является возникновение на территории поселений христианских храмов. В рассматриваемый период все известные материалы, связанные с культовым христианским строительством на городище Тепсень, были обобщены в монографическом исследовании, посвященном данному памятнику [38, с. 250–274]. В последнее время выводы о периодизации комплекса храмов в центральной части городища были аргументировано оспорены в работе И. А. Завадской [23, с. 211–239]. На основании анализа стратиграфических данных, приведенных в вышеупомянутой монографии, исследовательница считает, что самым ранним сооружением была трехапсидная трехнефная базилика середины VIII в. Кладка из сырцовых кирпичей в центральной апсиде древней базилики являлась, по мнению автора, свидетельством ее перестройки в конце VIII – начале IX вв. Большая базилика, аналогии которой были найдены в Преславе, была отнесена к последнему строительному периоду. Следует отметить, что предложенная концепция имеет право на существование, однако минимальность наших сведений о стратиграфической картине этого комплекса делает ее не более чем гипотезой [63, с. 130–155].

[5] Выражаю глубокую признательность Ю. Л. Белику за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

В течение анализируемого периода исследователями уделялось значительное внимание и керамическому комплексу салтово-маяцких памятников Крыма. Прежде всего, следует упомянуть две монографические работы, посвященные городищу на плато Тепсень [38] и Тиритаке [28] хазарского времени. В первой из них были полностью проанализированы все составляющие керамического комплекса, включающие тарную, столовую, в том числе лощеную и импортную, и кухонную посуду. Некоторые типы сосудов были выделены впервые [38, с. 177–208]. В. Е. Науменко в виде отдельных глав монографии, посвященной Тиритаке, впервые подробно проанализировал все составляющие керамического комплекса этого памятника [64, с. 32–64].

Помимо общего анализа керамических комплексов отдельных памятников, так или иначе упоминаемых и в других исследованиях, в течение рассматриваемого периода появлялись и отдельные работы, посвященные конкретным категориям керамического комплекса. В. И. Баранов специально рассмотрел амфорный материал поселения Тау-Кипчак, бывший реперным при создании И. А. Барановым хронологии салтово-маяцкой культуры и выделении его раннего варианта. В. И. Баранов аргументировано доказал, что амфорный материал принципиально не отличается от подобного на других памятниках Таврики и датируется широкими хронологическими рамками середины VIII – рубежа IX–X вв. [11, с. 23–25]. Автором данной статьи анализировались отдельные немногочисленные граффити на амфорах юго-восточного Крыма, среди которых выделены греческие буквы и монограммы, тюркские тамгообразные знаки и простые знаки, трудные для атрибуции [51, с. 69–82]. В целом на сегодняшний день можно констатировать практически полное однообразие амфорной тары для средневековой Таврики в целом и памятников крымского варианта салтово-маяцкой культуры, в частности. Вместе с тем, благодаря значительному количеству гончарных центров и большому разнообразию вариантов основных типов амфор в настоящий момент единая типология для всего полуострова отсутствует. В принципе не вызывает больших споров и хронология основных типов амфор, в том числе выделенных исследователями ранних вариантов.

Значительное внимание было уделено специалистами и кухонной керамике, являющейся «визитной карточкой» крымского варианта салтово-маяцкой культуры. В отдельной работе автора этой статьи была проанализирована история изучения салтово-маяцкой кухонной керамики полуострова, ставшей, особенно в 40–50-е гг. прошлого века, важнейшим источником не только для этнокультурных, но и политических выводов [53, с. 256–261].

На основании собственных раскопок городища на плато Тепсень С. Г. Бочаровым, в соавторстве с В. Ю. Ковалем была предпринята первая попытка комплексного изучения кухонной керамики, включающая рассмотрение посуды по разработанной комплексной морфолого-технологической методике. Ученые пришли к выводу, что предполагаемая эволюция ранней болгарской керамики и трансформация ее в классический вариант салтово-маяцких горшков Крыма не является доказанной [15,

с. 13–19]. Следует отметить, что, к сожалению, для анализа был привлечен очень ограниченный комплекс материала, притом происходящего из одного памятника и существовавшего в узких хронологических рамках. Все это делает выводы исследователей явно преждевременными.

Напротив, предложенная в это же время автором данной статьи хронологическая эволюция кухонной керамики базируется на многочисленных материалах, полученных при раскопках датированных объектов и четко стратифицированных горизонтов средневековой Сугдеи, Тепсеня, Кордон-Обы и других памятников юго-восточного и восточного Крыма [49, с. 79–93]. Она была поддержана и подтверждена тщательным анализом кухонной посуды, в том числе с точки зрения разнообразия формовочных масс, памятников Керченского полуострова, опубликованным в специальной работе Л. Ю. Пономарева [76, с. 239–276].

Таким образом, на сегодняшний день подробно рассмотрена морфология и технология изготовления кухонных горшков, встреченные на них орнаментальные мотивы, основные типы клейм, выделены новые, ранее не проанализированные формы. В качестве последних следует, конечно же, упомянуть т.н. маслобойки и миски, специально собранные и опубликованные Л. Ю. Пономаревым и И. А. Пономаревой [80, с. 453–464]. Тем не менее, исходя из огромного разнообразия форм, единой для полуострова типологии так пока и не создано.

Главный вывод сводится к тому, что технологически, а отчасти и морфологически салтово-маяцкая кухонная керамика, относящаяся к разным хронологическим периодам этой культуры в Таврике, имеет закономерные отличия. Безусловно, все сосуды изготовлены на ручном гончарном круге, но степень использования его возможностей в различные периоды была не одинакова. Во-первых, для периода второй половины VIII – первой половины IX вв. характерно большее морфологическое разнообразие форм и орнаментации горшков. Во-вторых, технологически для этих сосудов характерны признаки развивающихся операций заглаживания и обтачивания и зарождающейся операции профилирования исключительно венчика горшка.

Для следующего хронологического периода второй половины IX – первой половины X вв. характерны сероглинянные горшки, отличительной особенностью которых является ярко выраженная стандартизация форм, безусловно, связанная с общей византинизацией поздних салтовских памятников Крыма. Она проявилась не только в высоком качестве изготовления сосудов, но и в основных морфологических показателях, прежде всего, в однотипности профилировки эллипсовидного отогнутого венчика. Орнамент так же не отличается особым разнообразием. В основном это сочетание неглубокого линейного орнамента на тулове и многорядной волны на плечиках горшка. Для этих горшков характерны признаки не только хорошо развитых операций заглаживания и обтачивания при помощи гончарного круга, но и достаточно освоенной операции профилирования. Следы, характерные для нее отмечены как на венчике, так и на всей верхней части тулова сосуда.

Отдельного внимания заслуживает лощеная керамика, упоминавшаяся во многих публикациях и специально проанализированная в отдельной работе [62, с. 49–54]. Традиционно ее незначительное присутствие в керамических комплексах связывалось с аланским этнокультурным влиянием, что не вызывает сомнений. Можно утверждать, что по большей части она характерна для памятников Керченского полуострова, а в других частях полуострова встречена реже. При этом она, несомненно, многочисленнее в составе ранних салтовских комплексов. Тем не менее, датировать комплекс лощеной посуды временем до начала византинизации керамического производства салтовцев Таврики, т.е. до середины VIII в., как это постулировал И. А. Баранов, преждевременно. Вероятнее всего, производство лощеной керамики на полуострове существовало и после середины IX в.

В течение рассматриваемого периода значительное внимание уделялось анализу организации сельского хозяйства, основных ремесел, промыслов салтовцев Крыма и связанным с этим категориям археологических предметов. На примере городища на плато Тепсень этой проблеме были посвящены соответствующие главы монографии автора статьи [38, с. 211–241], на примере уникального комплекса находок у с. Русское – две отдельные работы [56, с. 237–263; 47, с. 265–272], а на примере памятников Керченского полуострова – статьи Л. Ю. Пономарева [71, с. 67–78, 130–132; 79, с. 235–267]. Последним ученым, например, все предметы в зависимости от функционального назначения были разделены на сельскохозяйственные орудия, орудия животноводства и рыболовства, изделия и находки, связанные с прядением и ткачеством, орудия универсального назначения и бытовые предметы. Учитывая дискуссионный характер многих изделий, а также небольшое количество исследованных на Керченском полуострове салтово-маяцких комплексов, приведенный обзор хозяйственно-бытовых и культовых находок имеет предварительный характер.

Новые информативные материалы были получены для изучения вооружения и конского снаряжения салтовцев Таврики. Упоминавшийся комплекс находок, связанный с поселением у с. Русское, был опубликован автором данной статьи в трех отдельных работах [56, с. 237–263; 47, с. 265–272; 52, с. 15–28]. В них было отмечено, что предметы вооружения и конского снаряжения, до этого среди салтовских материалов полуострова в таком количестве не встречавшиеся, позволяют впервые поставить вопрос о характере вооружения населения этой части полуострова во второй половине IX – первой половине X вв. Справедливости ради необходимо сказать, что, к сожалению, археологический контекст всех этих находок точно не определен, исходя из чего их следует рассматривать пока только как подъемный материал. В качестве постановки проблемы укажем близость практически все предметов комплексу погребального инвентаря кремационных захоронений некрополей Подонья хазарского времени.

Практически во всех публикациях, посвященных салтовцам Таврики, рассматривались проблемы хронологии и периодизации крымского варианта салтово-маяцкой культуры. К сожалению, за прошедшие годы, благодаря отсутствию в большинстве случаев надежных хронологических реперов, принципиального прорыва в этом вопросе достичь не удалось. Привлечение минимального количества нумизматического материала позволило только уточнить верхний хронологический рубеж существования салтово-маяцких горизонтов средневековой Сугдеи, который приходится на середину X в. [41, с. 42–43]. При этом, совершенно однозначно, что время прекращения существования большинства сельских салтовских памятников Крыма растянулось на всю первую половину этого столетия.

Важнейшей проблемой, для рассмотрения которой появились в текущем столетии новые материалы, является вопрос о существовании у салтовцев Крыма рунического письма. На основании анализа тамгообразных знаков [40, с. 234–244; 9, с. 25–28] и известных надписей, можно предварительно сделать вывод о том, что крымское руническое письмо имеет несомненные общие черты с Донским, в меньшей степени с Кубанским алфавитами. Главное своеобразие заключается во включении в руническое письмо тамгообразных знаков, широко известных на территории полуострова. Требует дальнейшего анализа присутствие в крымских надписях рун, отсутствующих в Донском и Кубанском алфавитах, но характерных для других евроазиатских и азиатских тюркских письменностей, а так же знаков, отсутствующих в известных на сегодняшний день алфавитах и не находящих аналогий в тамгах средневекового Крыма. Своеобразие крымского письма заключается и в наличии тюркских «монограмм», совмещающих в одном знаке несколько. Все эти характерные черты крымского рунического письма в качестве постановки проблемы позволяют говорить о существовании крымского рунического алфавита.

Важным направлением, которое можно выделить условно, являются предварительные публикации материалов раскопок салтово-маяцких памятников Крыма, необходимые и предшествующие аналитическим и обобщающим работам. В этом ряду следует, прежде всего, выделить уже упоминавшиеся монографические издания материалов исследований городищ на плато Тепсень [38] и Тиритака [28]. Обе эти монографии дают максимально полное представление о проделанных работах и содержат, помимо описательных разделов, и аналитическую часть.

В текущем столетии наиболее активно публиковались материалы раскопок салтовских памятников Керченского полуострова. Материалы масштабных исследований салтово-маяцких горизонтов самого Боспора были опубликованы А. И. Айбабиным, распределившим их по выявленным объектам и хронологическим слоям [86, с. 31–65] и отметившим их идентичность находкам на остальных синхронных памятниках данного региона [6, с. 306–310]. В нескольких работах В. Г. Зубаревым, С. В. Ярцевым и автором были предварительно обобщены раскопанные в последние годы салтово-маяцкие объекты и материалы городища Белинское [59, с. 320–329; 60, с. 98–104; 30, с. 348–363] и сделан вывод о том, что основная масса находок и объектов датируется второй половиной IX – рубежом IX–X вв., что не исключает и наличие ранних салтовских материалов.

Еще более показательные материалы были получены при исследовании салтовских горизонтов поселения Артезиан, расположенного в прямой видимости от поселения Белинское. Н. И. Винокуровым и Л. Ю. Пономаревым были проанализированы материалы раскопок последних лет южного и центрального участков поселения. Среди обнаруженных на этом участке раннесредневековых комплексов преобладали котлованы, образовавшиеся в результате добычи камня из античных построек. Помимо них раскопаны постройки на каменных цоколях, котлованы полуземлянок, загон для скота, хозяйственные ямы. Некоторые из них удалось разделить на два хронологических периода, рубежной датой для которых условно принята середина IX века [16, с. 46–53].

Важное значение, особенно для выделения ранних горизонтов первой половины – середины VIII в., имело введение в научный оборот материалов выявленного в 2009–2010 гг. на северо-восточной оконечности Керченского полуострова поселения Завал-Восточное [13, с. 17–23; 14, с. 334–348]. Полученный в процессе разведок археологический материал был отнесен к двум периодам. Хронологические границы ранневизантийского периода предварительно определяются между V/VI – VII вв. Не ранее середины – второй половины VIII в. на этом месте возникло салтово-маяцкое поселение. Отдельные находки указывают на то, что оно функционировало, по крайней мере, до второй половины – конца IX в.

Не менее интересными оказались и результаты введения в научный оборот материалов поселения Осовины, расположенного на побережье Азовского моря. В частности, был отмечен факт использования салтовцами построек предшествующего позднеантичного времени [27, с. 183–196].

Значительное внимание уделялось и известному комплексу памятников салтово-маяцкой культуры, расположенному близ пос. Героевское. Были проанализированы разведочные работы, произведенные А. В. Гадло в 1962 г. на этом эталонном памятнике, в результате которых в окрестностях пос. Эльтиген В. Н. Зинько и Л. Ю. Пономареву удалось выделить и локализовать целый ряд отдельных античных и раннесредневековых поселений [24, с. 147–158; 29, с. 435–471]. Помимо этого, на основании архивных данных были подробно рассмотрены раннесредневековые горизонты поселения Героевка–2 [25, с. 236–268] и Героевка–3 [78, с. 376–399]. Относительно последнего памятника Л. Ю. Пономаревым была высказана аргументированная точка зрения о том, что предложенная А. В. Гадло нижняя хронологическая граница поселения нуждается в существенной корректировке. По мнению ученого, каких-либо находок, указывающих на то, что поселение могло функционировать в период между рубежом VII–VIII вв. и серединой VIII в., зафиксировать среди представленного в отчете материала не удалось. Таким образом, памятник пока что можно датировать не ранее середины VIII в. и не позднее первой половины X в. Напомним, что в течение рассматриваемого периода были полностью опубликованы материалы раскопок жилых комплексов на площади двух склепов античного некрополя Кыз-Аул [81, с. 491–525; 82, с. 82–132].

Достаточно полно в текущем столетии были опубликованы и салтовские материалы средневековой Сугдеи и памятников ее окрестностей. Речь идет, прежде всего, о стратифицированных материалах раскопок 1994–1996 гг. в портовой части этого памятника, позволивших достаточно аргументировано выделить горизонты первой половины VIII в., слои второй половины этого столетия и первой половины следующего и материалы второй половины IX – первой половины X вв. [8, с. 83–100]. Эти материалы, совокупно с данными письменных источников, послужили основанием для реконструкции истории этого раннесредневекового города [6, с. 306–310]. Помимо этого, в отдельных работах были полностью обобщены материалы раскопок всех салтовских комплексов Сугдеи [44, с. 159–180], в том числе расположенных на ее посаде [45, с. 263–272], что дало дополнительные материалы для реконструкции ее исторической топографии. Полностью были опубликованы и материалы охранных раскопок поселения у с. Солнечная долина [48, с. 207–219].

На совершенно новый уровень в XXI веке было поднято изучение салтово-маяцких памятников северо-западного Крыма. В нескольких публикациях, вышедших в разные годы, была освещена история раскопок раннесредневековых горизонтов и объектов этой части полуострова [85, с. 165–179; 54, с. 118–128], на основании архивных материалов, данных современных раскопок и разведок уточнен список объектов, которые можно относить к салтово-маяцкой археологической культуре Таврики [31, с. 155–159; 32, с. 274–286; 34, с. 48–55; 85, с. 165–179; 54, с. 118–128]. Были опубликованы археологические материалы конкретных объектов Калос-Лимена [33, с. 113–121], обобщены результаты раскопок городища Чайка [65, с. 155–194], введены в научный оборот находки нового многослойного поселения в окрестностях Сак [84, с. 182–188]. Подводя итоги, сложно, по крайней мере пока, говорить о каких-либо определенных этапах, накопление данных происходило постепенно, в связи с изучением античных древностей этого региона полуострова. Данная ситуация существует и ныне.

Нельзя признать удачной попытку выделения В. И. Барановым т.н. группы салтовских памятников типа Тау-Кипчак. Отличительной ее особенностью, по мнению автора, является наличие красно- и коричневоглиняной керамики, встреченной в комплексе с традиционной сероглиняной, и традиция использования на протяжении всего периода существования объектов полуземлянок, наряду с каменными домами. На этом основании исследователь связывает Тау-Кипчакскую группу с отличным от праболгарского этносом [12, с. 35–36]. Гипотетичность данных построений очевидна. Все известные на сегодняшний день салтовские материалы северо-западного Крыма не имеют никаких принципиальных отличий от других салтово-маяцких памятников полуострова. Это справедливо и в отношении состава керамического комплекса, и в приемах домостроительства, и в хронологии объектов.

В отдельный блок можно выделить работы, связанные с обобщением данных о салтово-маяцкой культуре Таврики, и статьи, посвященные общей проблематике

этой археологической культуры полуострова с попыткой анализа исторической ситуации, сложившейся в это время в Крыму.

В нескольких работах были проанализированы все известные к настоящему времени салтовские памятники [22, с. 141–167], в том числе Судакского региона [57], всего Керченского полуострова [26, с. 406–429; 73, с. 384–391; 77, с. 135–159] и подробно его южной части [67, с. 343–378]. В целом выводы исследователей сводятся к тому, что большинство салтово-маяцких памятников располагалось в восточной его части, явно тяготея к Боспору и пролегавшим по Керченскому проливу морским торговым коммуникациям. Несколько десятков поселений обнаружено в северо-западной части полуострова, преимущественно на побережье Азовского моря. Юго-западная часть полуострова, как и в античное время, оставалась практически не заселенной. В целом на сегодняшний день на археологическую карту Керченского полуострова нанесено свыше 200 салтово-маяцких поселений. Принадлежащих им могильников открыто на порядок меньше, поскольку в отличие от поселений они не имеют каких-либо признаков на дневной поверхности. В целом на сегодняшний день на Керченском полуострове выявлено 19 салтово-маяцких плитовых и плитово-грунтовых могильников второй половины VIII – первой половины X вв. Они составляют большинство раскопанных на территории средневековой Таврики погребальных памятников «хазарского» периода.

Накопленные к настоящему моменту данные позволяют говорить о нескольких группах салтово-маяцких памятников, расположенных в разных частях Крымского полуострова. Различия между ними, как уже указывалось, незначительны и связаны, в первую очередь, с географическим расположением и связанной с ним спецификой хозяйственной деятельности, наличием или отсутствием на месте поселений объектов античного времени и степенью византинизации населения [43, с. 151–166].

Одной из особенностей изучения салтово-маяцкой культуры Крыма в текущем столетии является дискуссия о византийском или невизантийском характере материальной культуры юго-восточной Таврики [46, с. 428–437; 83, с. 140–172]. Нет сомнения, что надежными аргументами в этой полемике могут служить только археологические материалы. Рассмотрим коротко основные спорные моменты.

Во-первых, организация жилого и хозяйственного пространства внутри жилища свидетельствует о невизантийских корнях их возникновения и развития. Переход к каменному строительству был связан с влиянием и быстрым проникновением передовых византийских строительных технологий, творчески переработанных местным населением с учетом существовавших традиций.

Во-вторых, строительство фортификационных сооружений производилось под руководством византийских инженеров. Однако возводились и ремонтировались стены местным населением, о чем красноречиво свидетельствуют разнообразные тамгообразные знаки, идентичные экземплярам Маяцкого городища и городов Болгарии.

В-третьих, обряд погребения находит полные аналогии в традиции захоронений тюркоязычного населения Подонья, Приазовья, Поволжья, Добруджи и не имеет ничего общего с византийским. Однако уже в середине VIII в. начинается христианизация местного населения, наиболее ярко проявившаяся в городах, где существовали христианские епархии. К середине IX в. для обряда погребения характерны плитовые христианские могилы.

В-четвертых, керамический комплекс един для всех памятников салтово-маяцкой культуры Крыма, в том числе и городских. Амфоры только в самых общих чертах повторяют византийские образцы, а их местное производство не вызывает сомнений. Эволюционное развитие кухонной керамики прослеживается на основании изменения морфологии форм и следов, оставленных на сосудах. Главное ее отличие заключается в более совершенной технике производства, связанной с влиянием более передовых византийских гончарных технологий при сохранении традиционных форм.

В-пятых, набор предметов этнографического костюма и украшений интернационален и ориентирован на влияние моды. При этом, благодаря хорошо развитому местному ювелирному производству, некоторые категории украшений изготавливались в Крыму.

Исходя из этого, культура населения юго-восточного Крыма VIII – первой половины X вв. этнически однородна как для восточной, так и для северо-западной и юго-западной частей полуострова. Оставлена она была местным оседлым болгарским населением, на протяжении всего периода непосредственно соприкасавшимся с культурой Константинополя и центральных провинций Византийской империи. Эта прочная, достаточно привлекательная и модная византийская вуаль, накрывшая своим покрывалом средневековую Таврику, завуалировала этническую суть самого населения юго-восточного Крыма. Причем завуалировала не только для некоторых современных исследователей, но, вероятно, и для самих средневековых жителей, принявших христианство и считавших себя византийцами. В этом плане салтово-маяцкую культуру Крыма можно считать одним из вариантов провинциально-византийской, менее византинизированной, чем материальная культура Херсонеса и гото-аланского населения полуострова.

Таким образом, изучение салтово-маяцкой археологической культуры Крыма на протяжении текущего столетия активно продолжалось, что позволяет говорить о необходимости нового обобщающего труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 352 с.
2. Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 168–185.
3. Айбабин А.И. Крым в VIII–IX вв. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 55–67.

4. Айбабин А.И. Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. 2009. Т. 8. С. 67–88.
5. Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 277–315.
6. Айбабин А.И. Хазарская Сугдея // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 306–310.
7. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы с высеченными крестами // БИ. 2015. Вып. XXXI. С. 354–378.
8. Баранов И.А., Майко В.В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // Блъгарите в Северното Причерноморие. 2000. Т. VII. С. 83–100.
9. Баранов В.И. К вопросу о тамгообразных знаках салтово-маяцкой культуры (по материалам могильника Судак–VI) // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины. Материалы научной конференции. Киев, Судак, 2002. С. 25–28.
10. Баранов В.И. Судакские склепы// Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 2. С. 4–17.
11. Баранов В.И. Амфоры Тау-Кипчака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Часть II. Киев, Судак, 2004. С. 23–25.
12. Баранов В.И. К вопросу об этнокультурной дифференциации салтово-маяцких памятников Крыма (VII–X вв.) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции. Т. II. Киев, Судак, 2006. С. 34–36.
13. Бейлин Д.В., Пономарев Л.Ю. К изучению раннесредневековых памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова (поселение Завал-Восточное) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 17–23.
14. Бейлин Д.В., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековое поселение Завал-Восточное на Керченском полуострове (по материалам разведок 2009–2010 гг.) // История и археология Крыма. 2015. Т. II. С. 334–348.
15. Бочаров С.Г., Коваль В.Ю. Керамика хазарской эпохи в восточном Крыму // Керамика хазарского каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье: Тезисы Международного научного семинара. Симферополь, 2011. С. 13–19.
16. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // Таврические студии. 2015. № 7. С. 46–53.
17. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров) // Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков, 2015. С. 18–22.
18. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Южный участок Салтово-Маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II) // ПИФК. 2015. № 3. С. 266–300.
19. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан // Таврические студии. 2016. № 10. С. 44–50.
20. Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // ПИФК. 2016. № 1. С. 184–232.

21. Гаврилов А.В., Тощев Г.Н. Курганы у с. Молочное в центральном Крыму // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 2014. Т. XVII. С. 34–70.
22. Герцен А.Г., Майко В.В. Хазары // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004. С. 141–167.
23. Завадская И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 211–239.
24. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. 2001. Вып. I. С. 147–158.
25. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка–2 у поселка Эльтиген // БИ. 2005. Вып. X. С. 236–268.
26. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 406–429.
27. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 183–196.
28. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. 328 с.
29. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Разведки А.В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 435–471.
30. Зубарев С.В., Майко В.В., Ярцев И.Б. Новый склеп с раннесредневековыми материалами из раскопок некрополя городища Белинское // БИ. 2017. Вып. XXXV. С. 348–363.
31. Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины. Киев, Судак, 2002. С. 155–159.
32. Кутайсов С.В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 274–286.
33. Кутайсов С.В. Раннесредневековый слой Калос-Лимена (по предварительным данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. Ч. II. Киев, Судак, 2004. С. 113–121.
34. Кутайсов С.В. Средневековые памятники Северо-Западного Крыма (Археологическая карта) // Калос-Лимен – Ак-Мечеть – Черноморское: Материалы I международной научно-практической конференции. Черноморское, 2008. С. 48–55.
35. Майко В.В. К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 2000. Т. VIII. С. 287–297.
36. Майко В.В. Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 76–85.
37. Майко В.В. Керамічний комплекс однієї групи праболгарських пам'яток Таврики другої половини VII ст. н.е. // Українська керамологія. Опішне, 2001. Кн. 1. С. 14–31.
38. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.
39. Майко В.В. Средневековый плитовый могильник в с. Дачное Судакского района Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской конференции. Ч. II. Киев, 2004. С. 122–128.
40. Майко В.В. К вопросу о рунических и тамгообразных знаках тюрко-болгар Таврики VIII–X вв. // Хазарский альманах. 2005. Т. 4. С. 234–244.

41. Майко В.В. Нумизматические данные о хронологических рамках салтово-маяцкой культуры Крыма // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2005. С. 42–43.
42. Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев: Академперіодика, 2007. 273 с.
43. Майко В.В. Территориальные группы праболгарских памятников Таврики VII – первой половины X вв. // Проблеми на прабългарската история и култура. Сборник в памет на ст.н.с. I ст. д.и.н. Димитър Ил. Димитров. София, 2007. Том 4-1. С. 151–166.
44. Майко В.В. Памятники VII–X вв. Судакского района АР Крым (дополнение к археологической карте) // Хазарский альманах. 2007. Т. 6. С. 159–180.
45. Майко В.В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности. Харьков, 2009. С. 263–272.
46. Майко В.В. Юго-Восточный Крым VIII–XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2010. Т. 51. Византия в контексте мировой культуры. С. 428–437.
47. Майко В.В. Комплекс конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму. Ч. II // Древности. Харьков, 2010. С. 265–272.
48. Майко В.В. Праболгарское поселение VIII – первой половины X вв. в с. Солнечная Долина в юго-восточном Крыму // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков, 2011. С. 207–219.
49. Майко В.В. Праболгарские памятники юго-восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса // Дриновский сборник. Харьков, София, 2012. Т. V. С. 79–93.
50. Майко В.В. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012. Вип. 2. С. 54–62, 120–123.
51. Майко В.В. Граффити на амфорах юго-восточного Крыма VIII – начала XI вв. // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Киев, 2012. С. 69–82. (Бібліотека Vita Antiqua).
52. Майко В.В. Вооружение и конское снаряжение праболгар Крыма первой половины X в. // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. М., Тула, 2014. Вып. 3. С. 15–28.
53. Майко В.В. Салтово-маяцкая кухонная керамика восточного Крыма. Исследователи и исследования // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 256–261.
54. Майко В.В. Северо-Западный Крым в VII–XV вв. Попытка исторического очерка // Археология Северо-Западного Крыма. Материалы III Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2017. С. 118–128.
55. Майко В.В., Баранов В.И. Новый производственный комплекс раннесредневекового времени с городища Тепсень // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. СПб., 2012. С. 157–162.
56. Майко В.В., Гаврилов А.В., Гукин В.Д. Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму // Хазарский альманах. 2009. Т. 8. С. 237–263.

57. Майко В.В., Джанов А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. 448 с.
58. Майко В.В., Джанов А.В. Некрополь Судак–IX на посаде средневековой Сугдеи (по материалам раскопок 2006–2008 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2015. Т. 12. С. 159–176.
59. Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму // Древности Боспора. 2016. Т. 20. С. 320–329.
60. Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени «Белинское» // Таврические студии. 2016. № 10. С. 98–104.
61. Майко В.В., Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие некрополи восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2013. Вип. 3. С. 97–106.
62. Майко В.В., Семин С.В. Аланський середньовічний посуд Криму VIII – першої половини X ст. // Український керамологічний журнал. 2003. № 1. С. 49–54.
63. МогаричевЮ.М., Майко В.В. Тепсеньская базилика и проблема локализации Фул // Хазарский альманах. 2015. Т. 13. С. 130–155.
64. Науменко В.Е. Пифосы, высокогорлые кувшины, амфоры, столовая керамика // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. С. 32–64.
65. Новиченкова Н.Г. Средневековое поселение на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 2007. С. 155–194.
66. Пономарёв Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. 2004. Вып. V. С. 445–475.
67. Пономарев Л.Ю. К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 343–378.
68. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка–2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 287–295.
69. Пономарев Л.Ю. Жилища восточного Крыма эпохи хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Сугдейский сборник. 2012. Т. V. С. 186–209.
70. Пономарев Л.Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) // Дриновський збірник. 2012. Т. V. С. 65–78.
71. Пономарев Л.Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012. Т. 2. С. 67–78, 130–132.
72. Пономарев Л.Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Бахчисарай, 2012. С. 52–54.

73. Пономарев Л.Ю. Степи Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв. // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 384–391.
74. Пономарёв Л.Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Ῥωμαίος. Т. 2. Сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013. С. 440–461.
75. Пономарев Л.Ю. Жилые однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Таврические студии. 2014. Т. 6. С. 131–139.
76. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие горшки из поселений Керченского полуострова // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2014. Т. 12. С. 239–276.
77. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным) // Хазарский альманах. 2014. Т. 12. С. 135–159.
78. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка–3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А.В. Гадло 1963 г.) // История и археология Крыма. 2014. Т. I. С. 376–399.
79. Пономарев Л.Ю. Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок из салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова // История и археология Крыма. 2016. Т. III. С. 235–267.
80. Пономарев Л.Ю., Пономарева И.А. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2010. Т. IV. С. 453–464.
81. Федосеев Н.Ф., Пономарёв Л.Ю. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // Древности Боспора. 2012. Т. 16. С. 491–525.
82. Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. Погребальный и жилищно-хозяйственный комплекс склепа № 7 Кызаульского некрополя (Крым) // История и археология Крыма. 2017. Т. V. С. 82–132.
83. Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2011. 264 с.
84. Шапцев М.С. Новое многослойное поселение в окрестностях Сак // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности. Симферополь, 2012. С. 182–188.
85. Шапцев М.С. История исследования памятников средневекового времени в северо-западном Крыму // Крымское историческое обозрение. Казань, Бахчисарай, 2015. № 3. С. 165–179.
86. Aibabin A.I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. par C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 31–65.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryima.* Simferopol, 1999, 352 p.
2. Aibabin A.I. Hazarskiy sloy v Kerchi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2000,Vol. VII, pp. 168–185.

3. Aibabin A.I. Kryim v VIII–IX vv. Hazarskoe gospodstvo. Makarova T.I., Pletneva S.A. (Eds.), *Kryim, Severo-Vostochnoe Prichernomore i Zakavkaze v epohu srednevekovya IV–XIII veka,* Moscow, 2003. C. 55–67.
4. Aibabin A.I. Rannie hazarskie arheologicheskie pamyatniki v Severnom Prichernomore. *Hazarskiy almanah,* Kiev, Harkov, 2009, Vol. 8, pp. 67–88.
5. Aibabin A.I. Arheologicheskoe nasledie hazar vremeni sozdaniya kaganata. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 277–315.
6. Aibabin A.I. Hazarskaya Sugdeya. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, Vol. XXII, pp. 306–310.
7. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Plitovyie mogilyi s vyisechennyimi krestami. *Bosporskie issledovaniya,* Kerch, Simferopol, 2015, Vol. XXXI, pp. 354–378.
8. Baranov I.A., Maiko V.V. Prabolgarskie gorizontyi Sudakskogo gorodischa seredinyi VIII – pervoy polovinyi X vv. *Bl'garite v Severnoto Prichernomorie,* Veliko Tyirnovo, 2000, Vol. VII, pp. 83–100.
9. Baranov V.I. K voprosu o tamgoobraznyih znakah saltovo-mayatskoy kulturyi (po materialam mogilnika Sudak–VI). *Surozh, Sugdeya, Soldayya v istorii i kulture Rusi–Ukrainyi. Materialyi nauchnoy konferentsii,* Kiev, Sudak, 2002, pp. 25–28.
10. Baranov V.I. Sudakskie sklepyi. *Istoricheskoe nasledie Kryima,* Simferopol, 2003, Vol. 2, pp. 4–17.
11. Baranov V.I. Amforyi Tau-Kipchaka. *Prichernomore, Kryim, Rus v istorii i kulture. Part II,* Kiev, Sudak, 2004, pp. 23–25.
12. Baranov V.I. K voprosu ob etnokulturnoy differentsiatsii saltovo-mayatskih pamyatnikov Kryima (VII–X vv.). *Prichernomore, Kryim, Rus v istorii i kulture. Materialyi III Sudakskoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii,* Kiev, Sudak, 2006, Vol. II, pp. 34–36.
13. Beylin D.V., Ponomarev L.Yu. K izucheniyu rannesrednevekovyih pamyatnikov severo-vostochnoy okonechnosti Kerchenskogo poluostrova (poselenie Zaval-Vostochnoe). *Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferentsiya «XIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Problemyi urbanizatsii»,* Kerch, 2012, pp. 17–23.
14. Beylin D.V., Ponomarev L.Yu. Rannesrednevekovoe poselenie Zaval-Vostochnoe na Kerchenskom poluostrove (po materialam razvedok 2009–2010 gg.). *Istoriya i arheologiya Kryima,* Simferopol, 2015, Vol. II, pp. 334–348.
15. Bocharov S.G., Koval V.Yu. Keramika hazarskoy epohi v vostochnom Kryimu. *Mezhdunarodnyiy nauchnyiy seminar «Keramika hazarskogo kaganata (VII–X vv.) i problema identifikatsii bolgarskoy keramiki v stranah Prichernomorya i Povolzhe»,* Simferopol, 2011, pp. 13–19.
16. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Saltovo-mayatskie kompleksyi gorodischa Artezian (po materialam raskopok 1994–2010 gg.). *Tavricheskie studii,* Simferopol, 2015, Vol. 7, pp. 46–53.
17. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Saltovo-mayatskoe poselenie na antichnom gorodische Artezian (Kerchenskiy poluostrov). *Laurea I. Antichnyiy mir i Srednie veka: Chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva,* Harkov, 2015, pp. 18–22.
18. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Yuzhnyiy uchastok Saltovo-Mayatskogo poseleniya na gorodische Artezian (po materialam issledovaniy na raskope II). *Problemy istorii, filologii, kultury,* Moscow, Magnitogorsk, 2015, Vol. 3, pp. 266–300.

19. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Saltovo-mayatskie pogrebeniya na gorodische Artezian. *Tavricheskie studii,* Simferopol, 2016, Vol. 10, pp. 44–50.
20. Vinokurov N.I., Ponomarev L.Yu. Tsentralnyiy uchastok saltovo-mayatskogo poseleniya na gorodische Artezian (po itogam issledovaniy na raskope I v 1989–2001 gg.). *Problemy istorii, filologii, kultury,* Moscow, Magnitogorsk, 2016, Vol. 1, pp. 184–232.
21. Gavrilov A.V., Toshchev G.N. Kurgany u s. Molochnoe v centralnom Krymu. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu*, Zaporizhzhya, 2014, Vol. XVII, pp. 34–70
22. Gertsen A.G., Maiko V.V. Hazaryi. *Kryim skvoz tyisyacheletiya,* Simferopol, 2004, pp. 141–167.
23. Zavadskaya I.A. Periodizatsiya tserkovnogo stroitelstva na gorodische Tepsen (o kafedralnom hrame Fulskoy eparhii). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2014, Vol. XIX, pp. 211–239.
24. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Issledovanie rannesrednevekovyih pamyatnikov v okrestnostyah poselka Geroevskoe. *Bosporskie issledovaniya,* Simferopol, 2001, Vol. I, pp. 147–158.
25. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Rannesrednevekovyiy gorizont poseleniya Geroevka–2 u poselka Eltigen. *Bosporskie issledovaniya*, Simferopol, 2005. Vol. X, pp. 236–268.
26. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Stepi Vostochnogo Kryima v epohu Hazarskogo kaganata. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2005, Vol. XI, pp. 406–429.
27. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Saltovo-mayatskie kompleksyi poseleniya Osovinyi–I. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 183–196.
28. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arheologicheskie kompleksyi VIII–X vv.,* Simferopol, Kerch, 2009, 328 p.
29. Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Razvedki A.V. Gadlo na Kerchenskom poluostrove v 1962 g. (v svete sovremennyih arheologicheskih dannyih). *Bosporskie issledovaniya,* Simferopol, 2013, Vol. XXVIII, pp. 435–471.
30. Zubarev S.V., Mayko V.V., Yartsev I.B. Novyiy sklep s rannesrednevekovyimi materialami iz raskopok nekropolya gorodischa Belinskoe. *Bosporskie issledovaniya,* Simferopol, 2017, Vol. XXXV, pp. 348–363.
31. Kutaysov S.V. Saltovskie pamyatniki Severo-Zapadnogo Kryima. *Sugdeya, Surozh, Soldayya v istorii i kulture Rusi–Ukrainyi,* Kiev, Sudak, 2002, pp. 155–159.
32. Kutaysov S.V. Arheologicheskaya karta rannesrednevekovyih pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryima. *Hersonesskiy sbornik*, Sevastopol, 2003, Vol. XII, pp. 274–286.
33. Kutaysov S.V. Rannesrednevekovyiy sloy Kalos-Limena (po predvaritelnyim dannyim). *Prichernomore, Kryim, Rus v istorii i kulture. Materialyi II Sudakskoy mezhdunarodnoy konferentsii,* Kiev, Sudak, 2004, Vol. II, pp. 113–121.
34. Kutaysov S.V. Srednevekovyie pamyatniki Severo-Zapadnogo Kryima (Arheologicheskaya karta). *Kalos-Limen – Ak-Mechet – Chernomorskoe: Materialyi I mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii,* Chernomorskoe, 2008, pp. 48–55.
35. Maiko V.V. K voprosu o neodnorodnosti saltovo-mayatskogo naseleniya Tavriki vtoroy polovinyi VII v. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu,* Zaporizhzhya, 2000, Vol. VIII, pp. 287–297.
36. Maiko V.V. Plitovyie pogrebeniya saltovo-mayatskogo mogilnika Tavriki Kordon-Oba. *Hersones Tavricheskiy u istokov mirovyih religiy*, Sevastopol, 2001, pp. 76–85.
37. Maiko V.V. Keramichniy kompleks odnieyi grupi prabolgarskih pam'yatok Tavriki drugoyi polovini VII st.n.e. *Ukrayinska keramologiya,* Opishne, 2001, Vol. 1, pp. 14–31.

38. Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodische na plato Tepsen v yugo-vostochnom Kryimu.* Kiev, Akademperiodika Publ., 2004, 316 p.
39. Maiko V.V. Srednevekovyiy plitovyiy mogilnik v s. Dachnoe Sudakskogo rayona Prichernomore, Kryim. *Rus v istorii i kulture. Materialyi II Sudakskoy konferentsii,* Kiev, 2004, Vol. II, pp. 122–128.
40. Maiko V.V. K voprosu o runicheskih i tamgoobraznyih znakah tyurko-bolgar Tavriki VIII–X vv. *Hazarskiy almanah,* Kiev, Harkov, 2005, Vol. 4, pp. 234–244.
41. Maiko V.V. Numizmaticheskie dannyie o hronologicheskih ramkah saltovo-mayatskoy kulturyi Kryima. *XIII Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya,* Moscow, 2005, pp. 42–43.
42. Maiko V.V. *Srednevekovyie nekropoli Sudakskoy dolinyi*. Kiev, Akademperiodika Publ., 2007, 273 p.
43. Maiko V.V. Territorialnyie gruppyi prabolgarskih pamyatnikov Tavriki VII – pervoy polovinyi X vv. *Problemi na prab'lgarskata istoriya i kultura. Sbornik v pamet na st.n.s. I st. d.i.n. Dimit'r Il. Dimitrov*, Sofiya, 2007, Vol. 4–1, pp. 151–166.
44. Maiko V.V. Pamyatniki VII–X vv. Sudakskogo rayona AR Kryim (dopolnenie k arheologicheskoy karte). *Hazarskiy almanah*, Kiev, Harkov, 2007, Vol. 6, pp. 159–180.
45. Maiko V.V. Arheologicheskie materialyi dlya rekonstruktsii posada rannesrednevekovoy Sugdei. *Drevnosti*, Harkov, 2009, pp. 263–272.
46. Maiko V.V. Yugo-Vostochnyiy Kryim VIII–XI vv. Dva primera provintsialno-vizantiyskoy kulturyi. *Trudyi Gosudarstvennogo Ermitazha*, St. Petersburg, 2010, Vol. 51, pp. 428–437.
47. Maiko V.V. Kompleks konskogo snaryazheniya i byitovyih predmetov s prabolgarskogo poseleniya IX – pervoy polovinyi X vv. v yugo-vostochnom Kryimu. Part II. *Drevnosti,* Harkov, 2010, pp. 265–272.
48. Maiko V.V. Prabolgarskoe poselenie VIII – pervoy polovinyi X vv. v s. Solnechnaya Dolina v yugo-vostochnom Kryimu. *Drevnosti Vostochnoy Evropyi. Sbornik nauchnyih trudov k 90-letiyu B.A. Shramko,* Harkov, 2011, pp. 207–219.
49. Maiko V.V. Prabolgarskie pamyatniki yugo-vostochnogo Kryima. Evolyutsiya keramicheskogo kompleksa. *Drinovskiy sbornik,* Harkov, Sofiya, 2012, Vol. V, pp. 79–93.
50. Maiko V.V. Sugdeya vo vtoroy polovine VII – pervoy polovine VIII vv. Obzor arheologicheskoy situatsii. *Saltovo-mayatska arheologichna kultura: problemi ta doslidzhennya,* Harkov, 2012, Vol. 2, pp. 54–62; 120–123.
51. Maiko V.V. Graffiti na amforah yugo-vostochnogo Kryima VIII – nachala XI vv. *1000 rokiv vizantiyskoi torgivi (V–XV stolittya),* Kiev, 2012, pp. 69–82.
52. Maiko V.V. Vooruzhenie i konskoe snaryazhenie prabolgar Kryima pervoy polovinyi X v. *Voennaya arheologiya. Sbornik materialov Problemnogo soveta «Voennaya arheologiya» pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*, Moscow, Tula, 2014, Vol. 3, pp. 15–28.
53. Maiko V.V. Saltovo-mayatskaya kuhonnaya keramika vostochnogo Kryima. Issledovateli i issledovaniya. *Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferentsiya «XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Issledovateli i issledovaniya»,* Kerch, 2016, pp. 256–261.
54. Maiko V.V. Severo-zapadnyiy Kryim v VII–XV vv. Popyitka istoricheskogo ocherka. *Arheologiya Severo-Zapadnogo Kryima. Materialyi III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii,* Simferopol, 2017, pp. 118–128.

55. Maiko V.V., Baranov V.I. Novyiy proizvodstvennyiy kompleks rannesrednevekovogo vremeni s gorodischa Tepsen. *Slavyane Vostochnoy Evropyi nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva,* St. Petersburg, 2012, pp. 157–162.
56. Maiko V.V., Gavrilov A.V., Gukin V.D. Kompleks oruzhiya, konskogo snaryazheniya i byitovyih predmetov s prabolgarskogo poseleniya IX – pervoy polovinyi X vv. v yugo-vostochnom Kryimu. *Hazarskiy almanah*, Kiev, Harkov, 2009, Vol. 8, pp. 237–263.
57. Maiko V.V., Dzhanov A.V. *Arheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Kryim.* Simferopol, 2015. 448 p.
58. Maiko V.V., Dzhanov A.V. Nekropol Sudak–IX na posade srednevekovoy Sugdei (po materialam raskopok 2006–2008 gg.). *Stepi Evropyi v epohu srednevekovya,* Donetsk, 2015, Vol. 12, pp. 159–176.
59. Maiko V.V., Zubarev V.G., Yartsev S.V. Rannesrednevekovyie materialyi gorodischa «Belinskoe» v Vostochnom Kryimu. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2016, Vol. 20, pp. 320–329.
60. Maiko V.V., Zubarev V.G., Yartsev S.V. Hozyaystvennyie yamyi srednevekovogo poseleniya v vostochnoy chasti gorodischa antichnogo vremeni «Belinskoe». *Tavricheskie studii,* Simferopol, 2016, Vol. 10, pp. 98–104.
61. Maiko V.V., Ponomarev L.Yu. Saltovo-mayatskie nekropoli vostochnogo Kryima (materialyi k arheologicheskoy karte). *Saltovo-mayatska arheologichna kultura: problemi ta doslidzhennya,* Harkov, 2013, Vol. 3, pp. 97–106.
62. Maiko V.V., Semin S.V. Alanskiy serednovichniy posud Krimu VIII – pershoyi polovini X st. *Ukrayinskiy keramologichniy zhurnal,* Opishne, 2003, Vol. 1, pp. 49–54.
63. Mogarichev Yu.M., Maiko V.V. Tepsenskaya bazilika i problema lokalizatsii Ful. *Hazarskiy almanah,* Moscow, 2015, Vol. 13, pp. 130–155.
64. Naumenko V.E. Pifosyi, vyisokogorlyie kuvshinyi, amforyi, stolovaya keramika. *Zinko V.N., Ponomarev L.Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. Arheologicheskie kompleksyi VIII–X vv.,* Simferopol, Kerch, 2009, pp. 32–64.
65. Novichenkova N.G. Srednevekovoe poselenie na gorodische «Chayka» v Severo-Zapadnom Kryimu. *Materialyi issledovaniy gorodischa «Chayka» v Severo-Zapadnom Kryimu*, Moscow, 2007, pp. 155–194.
66. Ponomaryov L.Yu. Biritualnyiy saltovo-mayatskiy mogilnik u poselka Eltigen. *Bosporskie issledovaniya,* Simferopol, 2004, Vol. V, pp. 445–475.
67. Ponomaryov L.Yu. K arheologicheskoy karte pamyatnikov VIII – pervoy polovinyi X vv. yuzhnoy chasti Kerchenskogo poluostrova. *Bosporskie issledovaniya,* Simferopol, 2011, Vol. XXV, pp. 343–378.
68. Ponomaryov L.Yu. Saltovo-mayatskiy plitovo-gruntovyiy mogilnik poseleniya Geroevka–2 (kak odin iz primerov vzaimodeystviya kultur i religiy na okrainah vizantiyskogo mira). *Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferentsiya «XII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Vzaimovliyanie kultur»,* Kerch, 2011, pp. 287–295.
69. Ponomaryov L.Yu. Zhilischa vostochnogo Kryima epohi hazarskogo kaganata (po materialam raskopok saltovo-mayatskih poseleniy Kerchenskogo poluostrova). *Sugdeyskiy sbornik,* Kiev, Sudak, 2012, Vol. V, pp. 186–209.
70. Ponomaryov L.Yu. K evolyutsii i hronologii zhilisch saltovo-mayatskih poseleniy Kerchenskogo poluostrova (yurtoobraznIe postroyki i poluzemlyanki). *Drinovskiy zbirnik*, Harkov, 2012, Vol. V, pp. 65–78.

71. Ponomaryov L.Yu. Hozyaystvennaya deyatelnost naseleniya saltovskoy kulturyi Kerchenskogo poluostrova (kratkiy obzor arheologicheskih istochnikov). *Saltovo-mayatska arheologichna kultura: problemi ta doslidzhennya,* Harkov, 2012, Vol. 2, pp. 67–78, 130–132.
72. Ponomaryov L.Yu. Zolniki saltovo-mayatskih poseleniy Kerchenskogo poluostrova. *I Bahchisarayskie nauchnyie chteniya pamyati E.V. Veymarna,* Bahchisaray, 2012, pp. 52–54.
73. Ponomaryov L.Yu. Stepi Kerchenskogo poluostrova vo vtoroy polovine X–XIII vv. *Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferentsiya «XIV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Arheologicheskiy ob'ekt v kontekste istorii»,* Kerch, 2013, pp. 384–391.
74. Ponomaryov L.Yu. Dvuhkamernyie zhilischa (doma-pyatistenki) saltovo-mayatskih poseleniy Kerchenskogo poluostrova. *'Ρωμαίος. Vol. 2. Sbornik statey k 60-letiyu prof. S.B. Sorochana. Narteks. Byzantine Ukrainensis*, Harkov, 2013, pp. 440–461.
75. Ponomaryov L.Yu. Zhilyie odnokamernyie postroyki saltovo-mayatskih poseleniy Kerchenskogo poluostrova. *Tavricheskie studii,* Simferopol, 2014, Vol. 6, pp. 131–139.
76. Ponomaryov L.Yu. Saltovo-mayatskie gorshki iz poseleniy Kerchenskogo poluostrova. *Stepi Evropyi v epohu srednevekovya*, Donetsk, 2014, Vol. 12, pp. 239–276.
77. Ponomaryov L.Yu. Saltovo-mayatskie poseleniya Kerchenskogo poluostrova (kratkiy obzor po arheologicheskim dannyim). *Hazarskiy almanah*, Kiev, Harkov, 2014, Vol. 12, pp. 135–159.
78. Ponomaryov L.Yu. Saltovo-mayatskoe poselenie Geroevka–3 na Kerchenskom poluostrove (po materialam raskopok A.V. Gadlo 1963 g.). *Istoriya i arheologiya Kryima*, Simferopol, 2014, Vol. I, pp. 376–399.
79. Ponomaryov L.Yu. Hozyaystvenno-byitovoy i kultovyiy kompleks nahodok iz saltovo-mayatskih poseleniy i mogilnikov Kerchenskogo poluostrova. *Istoriya i arheologiya Kryima,* Simferopol, 2016, Vol. III, pp. 235–267.
80. Ponomaryov L.Yu., Ponomaryova I.A. Redkie formyi saltovo-mayatskoy neloschenoy keramiki iz rannesrednevekovyih poseleniy Kerchenskogo poluostrova (predvaritelnaya informatsiya). *Sugdeyskiy sbornik*, Kiev, Sudak, 2010, Vol. IV, pp. 453–464.
81. Fedoseev N.F., Ponomaryov L.Yu. Sklep № 6 na Kyizaulskom nekropole. *Drevnosti Bospora,* Moscow, 2012, Vol. 16, pp. 491–525.
82. Fedoseev N.F., Ponomaryov L.Yu. Pogrebalnyiy i zhilischno-hozyaystvennyiy kompleks sklepa № 7 Kyizaulskogo nekropolya (Kryim). *Istoriya i arheologiya Kryima*, Simferopol, 2017, Vol. V, pp. 82–132.
83. Flyorov V.S. *"Goroda" i "zamki" Hazarskogo kaganata. Arheologichesraya realnost.* Moscow, 2011, 264 p.
84. Shaptsev M.S. Novoe mnogosloynoe poselenie v okrestnostyah Sak. *Istoriko-kulturnoe nasledie Tarhankuta: novyie tendentsii razvitiya, novyie vozmozhnosti,* Simferopol, 2012, pp. 182–188.
85. Shaptsev M.S. Istoriya issledovaniya pamyatnikov srednevekovogo vremeni v severo-zapadnom Kryimu. *Kryimskoe istoricheskoe obozrenie,* Kazan, Bahchisaray, 2015, Vol. 3, pp. 165–179.
86. Aibabin A.I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea. Zuckerman C. (Ed.), *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006, pp. 31–65.

V. V. MAYKO
Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

A HISTORY OF RESEARCHES IN THE SALTOV-MAIAK CULTURE IN THE CRIMEA IN THE TWENTY-FIRST CENTURY

Abstract: In the turn of twentieth and twenty-first centuries, there started a new stage in researches in the Saltov-Maiak culture in the Crimea. Therefore this paper addresses the studies of the said archaeological culture in the peninsula during the past 17 years. The conclusion is that the new data provide insight into all aspects of the material culture and supply new notion of residential, economic, defensive, and cult buildings, funeral rite, pottery assemblages, weaponry, and daily life artefacts. All these materials demonstrate that, despite strong religious syncretism, the Saltov-Maiak culture in the Crimea represents a variant of provincial-Byzantine culture. The degree of its Byzantinization was lower than in the material culture of the Greek and Alano-Gothic populations in the peninsula.

Keywords: mediaeval Taurica, Saltov-Maiak culture in the Crimea, research history.

А. Г. ГЕРЦЕН, В. Е. НАУМЕНКО
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МАНГУПА VIII–XI ВВ. СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

Аннотация: В статье представлен обзор историографии и современной источниковой базы по истории Мангупского городища хазарского и фемного времени. Начало хазарского периода в истории Дороса-Мангупа, вероятно, близко к сообщению Жития Иоанна Готского о захвате хазарами крепости в 80-х гг. VIII в., размещении здесь вооруженного гарнизона и последующем неудачном восстании населения Готии. Как показывают археологические исследования, хазарский период в истории Мангупа был недолговременным и не привел к значительным этническим изменениям среди его населения. Отмечаем редкость важного этнокультурного индикатора – салтово-маяцкой керамики. В период пребывания хазарского гарнизона в крепости был предпринят ремонт ее отдельных оборонительных узлов. С учреждением византийской фемы на полуострове в 841 г. начинается фемный период в истории Мангупа. В стратиграфии городища он отмечен сменой комплекса материальной культуры, в котором доминируют артефакты византийского круга. Еще одна особенность истории памятника IX–X вв. – активное развитие виноградарства, ориентированного на экспорт в донские и приазовские районы Хазарского каганата и находившегося, очевидно, под опекой византийской администрации крепости. Фемный период завершается около середины XI в. до конца не ясной катастрофой природного или военного характера. После этого Мангупское поселение вступает в полосу длительного упадка. До сих пор на его площади, как и в округе, не выявлены следы культурного слоя и комплексов XII–XIII вв. Крайне немногочисленны находки этого времени. Однако, представления о цезуре в истории Мангупа мы не склонны рассматривать как окончательные. Они во многом зависят от результатов будущих археологических исследований.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангуп, Дорос, Феодоро, Готия, Византия, хазары, византийская фема, византийская археология.

[1] Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 17-49-92019 «Историко-археологические исследования княжеского дворца Мангупского городища в 2018 г.: восточный участок дворцового комплекса». Его отдельные положения ранее были озвучены авторами в докладах на нескольких научных конференциях [36, с. 92–94; 37; 42, с. 56].

Археологические исследования Мангупского городища было начаты еще в середине XIX в. и продолжаются до настоящего времени. С 1967 г., с момента создания Мангупской археологической экспедиции Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, они приобрели систематический характер, что позволило существенно изменить наши представления о масштабах и исторической топографии памятника [об истории изучения городища см.: 25; 27; 41]. Одним из главных результатов раскопок Мангупа в последние десятилетия стала разработка его общей периодизации, которая ныне включает шесть основных периодов – докрепостной (позднеримский, конца III – середины VI в.), ранневизантийский (середины VI – конца VIII вв.), хазарский (конца VIII – середины IX вв.), фемный (середины IX – середины XI вв.), феодоритский (XIV в. – 1475 г.) и турецкий (османский, 1475–1792 гг.) [24; 36]. В рамках феодоритского периода ныне также выделяется особый золотоордынский этап, связанный с включением городища в 1360–1390-е гг. в сферу прямого контроля администрации Золотой Орды на полуострове [38; 39].

Представленная периодизация Мангупского городища носит объективный характер, так как опирается, главным образом, на результаты многолетних и систематических раскопок памятника, что закономерно в условиях редкости и фрагментарности имеющихся письменных и эпиграфических источников. В то же время нужно отметить, что различные периоды в истории Мангупа – средневекового Дороса-Феодоро, имеют разную степень археологической изученности. Лучше всего реконструируется его топография и историческая канва событий для периода княжества Феодоро, что связано во многом с тем, что практически все архитектурно-топографические доминанты Мангупа были возведены в это время (цитадель на мысе Тешкли-бурун, княжеский дворец 1425–1475 гг., церкви Св. Георгия и Св. Константина), либо продолжали функционировать в своих максимальных размерах (Большая трехнефная базилика) (рис. 1). Как показывает картографирование археологических объектов XIV–XV вв. на территории памятника, в это время его населением использовалось в том или ином виде большая часть Мангупского плато, за исключением мысов Чамну-бурун и Чуфут-Чеарган-бурун, а само укрепленное поселение окончательно приобрело черты средневекового города и столичного центра. Также в максимальных размерах использовалась территория плато и в ранневизантийский период, но результаты этих исследований пока еще недостаточно опубликованы. Менее изученными, на сегодняшний день, остаются остальные периоды в истории Мангупского городища – позднеримский, хазарский, фемный и османский, что связано, с одной стороны, с очевидным снижением уровня экономической жизни на памятнике в это время, а с другой – с отсутствием их специальных исследований [см. подробнее: 36, с. 90–96; 37, с. 36–38; 40, с. 34–38].

Статья посвящена малоизвестной истории Мангупского городища VIII–XI вв., совпадающей с так называемыми «хазарским» и «фемным» этапами в периодизации памятника. В целом этот период времени представляется крайне важным для понимания целого комплекса серьезных научных проблем в истории не только Мангупа, но и всего Юго-Западного Крыма, в том числе – характера территориальной и военно-политической экспансии Хазарского каганата в глубинные районы Таврики, особенно успешной в конце VIII – начале IX вв., и предпринятых Византийской империи мерах, чтобы противостоять ей; особенностей византийской административно-территориальной системы управления горными районами полуострова после возвращения их в состав империи, начиная с учреждения в 841 г. фемы Климатов и заканчивая пока еще мало понятными событиями XI–XII вв. в истории византийской фемы в Крыму; эволюции, на примере Дороса-Феодоро-Мангупа, ранневизантийской крепости в крупный городской центр эпохи зрелого средневековья. Мангупское городище, в силу своего геополитического положения, очевидно, оказалось в эпицентре этих событий и процессов. Однако, период VIII–XI вв. в его истории слабо освещен письменными свидетельствами, а общая оценка специалистами имеющегося фонда археологических источников, безусловно, во многом зависит от оперативности и полноты публикаций результатов многолетних раскопок памятника. Наша работа предполагает максимально полный обзор современной источниковой базы по теме исследования, дополненный некоторыми наблюдениями в отношении исторической топографии городища в это время.

Историография вопроса. К специальному анализу истории изучения Мангупа в период VIII–XI вв. мы уже неоднократно обращались [23; 34, с. 240–247; 37]. Это избавляет от необходимости повторять некоторые детали и дает возможность сосредоточиться на наиболее важных моментах.

Процесс формирования современной исторической периодизации Мангупского городища отражает различные этапы археологической изученности памятника; иные группы источников (письменные, эпиграфические, нумизматические, сфрагистические), если и влияли на него, то лишь косвенно. Также следует учитывать слабую разработанность хронологии массового археологического материала из раскопок не только Мангупа, но и других средневековых памятников Крыма вплоть до конца XX в., что, безусловно, мешало объективной атрибуции многих археологических находок и комплексов. Совершенно особым фактором, долгое время серьезно влиявшим на представления исследователей об основных этапах в истории городища, является ряд ныне устаревших, сугубо теоретических гипотез – о некоем готском периоде, занимавшем большую часть истории Мангупа, вплоть до XV в. [47, с. 268], локализации раннесредневекового Дороса не на Мангупе, а на плато соседнего Эски-Кермена и позднем характере, не ранее XI–XII вв., крупного Мангупского поселения [64, с. 134–150; ср. колебания А. А. Васильева в связи с новой гипотезой локализации Дороса: 87, p. 47–52]. Безусловно, в этих концепциях хазарскому и фемному периодам в истории Мангупа не находилось места.

Нужно сказать, что гипотеза о поздней (не ранее XI–XII вв.) хронологии Мангупского городища, наиболее ясно сформулированная Н. И. Репниковым, вполне отвечала археологическим реалиям своего времени. Она опиралась на результаты раскопок на Мангупе А. С. Уварова в 1853 г., Ф. А. Брауна в 1890 г. и Р. Х. Лепера в

1912–1914 гг., несовершенных с точки зрения современной археологической методики, практически не опубликованных и не содержавших, что главное, выразительных раннесредневековых артефактов. К тому же практически все известные к этому времени эпиграфические находки с территории городища, за исключением плиты с именем императора Юстиниана I (527–565), которую Н. И. Репников расценивал, как привезенную извне и использованную в одной из гробниц Большой базилики как обычный строительный материал, датировались XIV–XV вв. [49].

Слабость гипотезы Н. И. Репникова обнаружили уже новые раскопки Мангупского городища в 1938 г. Используя их результаты, М. А. Тиханова и А. Л. Якобсон датировали VI в. сооружение на Мангупском плато большой византийской крепости и синхронной ей трехнефной базилики; ими же были приведены аргументы в пользу прежней локализации раннесредневекового Дороса на Мангупе, наследником которого позднее стала одноименная столица княжества Феодоро [67; 76; 77; в целом о дискуссии в отношении локализации Дороса см.: 6, с. 10–25]. Однако главным для нашей работы является то, что в публикациях материалов раскопок 1938 г. впервые оказались представленными археологические находки интересующего нас периода времени. Из нижнего слоя в центральном здании комплекса Мангупского княжеского дворца 1425–1475 гг. (помещения С) происходила монета времени императора Льва VI Мудрого (886–912) [78, с. 409], из культурных горизонтов на площади раскопок базилики (раннесредневекового времени и периода XIV–XV вв.) – фрагменты «причерноморских» амфор с желобчатым корпусом VIII–X вв., кувшинов «скалистинского типа» VII–X вв., византийской глазурованной керамики группы «Glazed White Ware II» X–XI вв. и золотая серьга с пирамидкой из зерни первой половины VIII в. [68, с. 344, 363, 365, 377, 383, 386, рис. 20,н; 30,а-б,е-к; 32][2]. К сожалению, должного внимания этим находкам авторы публикаций не уделили. В общей работе по истории Мангупа-Дороса-Феодоро, написанной М. А. Тихановой, хазарского и фемного периодов в истории городища по-прежнему не было [67, с. 326–328].

Е. В. Веймарн вернулся к раскопкам Мангупского городища только в 1967 г., по сути, открыв новый этап археологического изучения памятника, характерной чертой которого являются систематические исследования его территории и крупных объектов. Однако его концепция раннесредневековой истории городища также существенно отличалась от современной, сочетая, в определенной степени, представления Н. И. Репникова и М. А. Тихановой – А. Л. Якобсона. Для Е. В. Веймарна поселение на Мангупском плато возникло еще в III–IV вв., в верховьях балок Гамам-дере и Табана-дере. В V–VI вв. появляется первое укрепление на мысе Тешкли-бурун. На его эспланаде, вдоль южного края Мангупского плато, находился ранний скальный некрополь памятника. Только после VIII в. или в начале IX в., после гибели Эски-Кермена, очевидно, в результате хазарского вторжения в Юго-Западный Крым, начнет формироваться «Большой Мангуп», занявший всю основную площадь плато. Тогда же первоначальное укрепление городища станет его цитаделью, ранний некрополь прекратит функционировать, а его территория начнет застраиваться [15, с. 125, 139]. С учетом этой концепции датировались, в пределах VIII–IX вв. или IX–X вв., и все археологические объекты (храмовые комплексы, усадьбы), раскопанные Е. В. Веймарном в конце 1960-х – начале 1970-х гг. на эспланаде Мангупской цитадели [15, с. 126–134; 62]. Сейчас эти заключения следует признать малообоснованными.

[2] О современной хронологии «причерноморских» амфор, в том числе указанного типа, и кувшинов «скалистинского типа» см.: [57, с. 35–50, 60–64]. О глазурованной керамике группы «Glazed White Ware II» см.: [82, p. 15–29]. Датировку отмеченных серег см.: [1, с. 123, 126, рис. 6,33].

Современный этап археологического изучения Мангупа начинается в 70-е гг. XX в. с открытия новых звеньев Главной (Внешней) линии обороны Мангупской крепости и неизвестной прежде группы раннесредневековых могильников на ее южной периферии. Эти открытия полностью изменили наши представления об исторической топографии, характере и масштабах памятника, что позволило, в конечном итоге, разработать его объективную периодизацию, в которой впервые за многие годы исследований нашла отражение концепция истории Мангупа VIII–XI вв. Ее основные положения были изложены одним из авторов настоящей статьи еще в монографии 1990 г. В ряде позднейших статей они были незначительно скорректированы в связи с появлением материалов из новых раскопок и вкратце сводятся к следующему. Ранневизантийский период в истории городища завершается только в конце VIII в., когда в ходе подавления антихазарского восстания населения Готии, описанного в Житии Иоанна Готского, крепость была занята хазарами, разместившими здесь свой гарнизон. С этого момента Мангуп становится одним из опорных пунктов византийско-хазарского пограничья, но присутствие каганата носило, скорее, военно-политический характер, не отразившись принципиально на этническом составе населения городища и его округи. С учреждением в середине IX в. в Таврике фемы крепость вновь переходит под контроль империи. Фемный период в истории памятника завершается в первой половине XI в. военно-политической (или природной) катастрофой, приведшей к его запустению. Типологически Мангуп VIII–XI вв. может рассматриваться как крепость-убежище для относительно немногочисленного населения, с редкими усадьбами и хозяйственными комплексами, сосредоточенными в основном в северо-восточной части Мангупского плато. Основным занятием населения является в это время виноградарство и экспортное виноделие, о чем свидетельствует появление на плато множества скальных виноградодавилен [20, с. 112–119, 133–138; 23, с. 32–33; 24, с. 104–105].

Представленная концепция истории Мангупа VIII–XI вв. уже получила признание в научной литературе как составная часть истории раннесредневековой Таврики [2, с. 209–210, 216–218; 3, с. 62–64; 4, с. 77–80; 48]. Разночтения вызывают лишь некоторые детали. Необходимо отметить, пожалуй, лишь единственный неудачный внешний опыт интерпретации результатов раскопок памятника, принадлежащий И. А. Баранову, для которого ранние крепостные стены городища датировались ха-

зарским временем, а сам Мангуп являлся наиболее крупной крепостью Хазарского каганата в Юго-Восточной Европе [12, с. 58–59]. Априорность этих заключений была очевидна уже сразу после появления монографии исследователя, что подтвердили дальнейшие публикации материалов из раскопок Мангупа.

Источники по истории Мангупа VIII–XI вв. Всестороннее изучение истории любого крупного археологического памятника подразумевает комплексный анализ имеющейся источниковой базы. Для Мангупа ныне она включает практически все возможные группы источников – письменные, эпиграфические, сфрагистические, нумизматические и археологические.

Письменные и эпиграфические источники. Несмотря на очевидное важнейшее значение Дороса-Мангупа в политической истории Юго-Западного Крыма для периода VIII–XI вв., исследователи сталкиваются с крайней скудостью информации нарративных свидетельств. Фактически письменная история Мангупа этого времени сводится только к четырем историческим сюжетам. Положительным моментом в этом смысле является то, что они сильно отдалены хронологически друг от друга и, тем самым, позволяют проследить отдельные этапы истории городища на протяжении практически всего интересующего нас периода времени.

Прежде всего, речь идет о сообщении Феофана Исповедника и Никифора о бегстве в крепость Дорос между 695 и 705 гг., скорее, ближе к концу этого периода, отбывавшего в Херсоне ссылку опального императора Юстиниана II. Здесь, скрываясь от византийской администрации, он обратился к хазарскому кагану с просьбой о встрече, которая состоялась, очевидно, за пределами Дороса, на территории Хазарии. Полные результаты переговоров нам не известны, за исключением договоренности о браке между экс-императором и сестрой хазарского кагана, принявшей после крещения имя Феодоры. После свадьбы, с разрешения кагана, Юстиниан II с женой поселился в Фанагории, вероятно, на тот момент наиболее западном крупном населенном пункте, находившемся под прямым контролем хазарской администрации [84, p. 520; 83, p. 100–101]. Данное известие византийских источников имеет в историографии длительную дискуссию. Наиболее важный вопрос – политико-административный статус Дороса в условиях возросшего влияния Хазарского каганата на полуострове. Как нам представляется, отсутствие в источниках каких-либо упоминаний хазар применительно к Доросу и не случайное замечание Никифора о нем как о крепости, лежащей «в готской земле», не позволяет рассматривать версию о хазарской принадлежности Мангупского городища в это время [23, с. 30]. Дорос продолжал сохранять свою традиционную провизантийскую ориентацию, хотя его автономия и фактическая неподконтрольность представителям византийской власти не может быть не отмечена.

О событиях на Мангупе в 80-е гг. VIII в. сообщает Житие Иоанна Готского, составленное между 815 и 842 гг. [86, p. 115]. В центре агиографического сюжета – описание восстания населения Готии во главе с его господином («киром») и епископом Иоанном против овладевших около 786–787 гг. областью и ее главной

крепостью Дорос хазар. Восставшие изгнали из Дороса хазарский гарнизон и захватили окружающие крепость «клисуры». Однако вскоре мятеж был подавлен, и хазарское господство в Готии восстановлено [14, с. 397–398]. Многие вопросы, следующие из текста источника – точная хронология антихазарского восстания и учреждения Готской епархии, статус епископа Иоанна, роль Грузинской церкви в его рукоположении и пр., являются предметом постоянной дискуссии в современной историографии [31; 55; 5; 79, p. 69–75; 72, с. 416–419; и др.]. Не вызывает сомнений, пожалуй, лишь сам факт происшедших событий, в центре которых оказался Дорос, и то, что они отражают наивысший этап военно-политической экспансии хазар в Крыму, установивших к концу VIII в. свой контроль практически над всей территорией полуострова.

Следующее упоминание Дороса как центра Готской митрополии содержится в так называемой нотиции К. Де Боора (№ 3 по Ж. Даррузесу) [88, p. 231, 241–242, 245], составленной в начале 60-х гг. IX в. [54, с. 133–141], либо в самом начале этого столетия [72, с. 402–405]. Митрополия включала в свой состав области Хазарского каганата от Нижнего Поволжья до Крыма и, как считается, представляла нереализованный проект Константинопольского патриархата, призванный объединить в рамках одной церковно-административной единицы разрозненные христианские общины Хазарии и тех областей Таврики, которые оказались в зоне византийско-хазарского пограничья. Статус Дороса в данном проекте подразумевал регулярные связи с Константинополем, в представлении которого крепость продолжала оставаться политическим и духовным центром региона.

Наконец, последним письменным свидетельством из истории Мангупского городища интересующего нас периода времени является Пространная редакция Ответного письма хазарского царя Иосифа Хасдаю Ибн Шапруту, составленная в середине 50-х гг. X в. В ней Мангуп (уже в форме топонима «Манк-т», а не «Дорос», более привычного для эпохи раннего средневековья) фигурирует среди опорных пунктов Хазарского каганата вдоль линии его западной границы в Таврике [44, с. 102; об идентификации крымских топонимов см.: 21, с. 58–64]. Здесь главной научной проблемой остается вопрос, к какому историческому периоду следует относить сведения нашего источника. Одни исследователи считают, что западные пределы Хазарии, очерченные Иосифом, близки составлению Еврейско-хазарской переписки (И. А. Баранов, В. Л. Мыц, С. Б. Адаксина), другие видят в них реалии более раннего времени (М. И. Артамонов, А. В. Гадло). Мы также полагаем, что сведения Письма Иосифа в его «крымской» части следует датировать концом VIII – началом IX вв., когда проникновение хазар вглубь полуострова было максимальным [56, с. 236, 240–241].

Представленный перечень письменных источников можно пополнить и рядом косвенных свидетельств, в содержании которых Мангуп-Дорос подразумевается как центр области Климатов на полуострове (Константин Багрянородный) [45, с. 36–37, 52–53, 174–175], резиденция топарха Готии (Житие Феодора Студита, Vita B,

около 878 г.) [цит. по: 11, с. 68–69] или архиепископа Готии (в нотициях Константинопольского патриархата, начиная с нотиции Николая Мистика, 901–907 гг.) [88, p. 274, 294, 346]. Особое место занимают данные Тактикона Ф.И. Успенского (около 842–843 гг.) об учреждении весной – летом 841 г. фемы Климатов в Таврике, территория которой, несомненно, включала Дорос с округой [85, p. 48–49; о дате учреждения фемы см.: 71, с. 312–316; 53, с. 689–691]. Это означает завершение «хазарского» периода в истории региона и на Мангупе.

Фонд эпиграфических источников, происходящих с территории Мангупского городища, а также из раскопок памятников его ближайшей округи, ныне, благодаря многолетней работе А. Ю. Виноградова по их систематизации, включает девять надписей [17, с. 292–298][3]. Восемь из них являются фрагментами обычных христианских посвящений (по А. Ю. Виноградову – IOSPE V 181, 183–184, 186, 192–195), в содержании которых приведены, как правило, греческие имена просителей и отдельные титулы церковной иерархии (анагност, папа, протопапа, пресвитер), однако не сохранилась (отсутствует?) точная дата источников. Девятая надпись (IOSPE V 172), с именем Цулы-бега, до сих пор видна в кладке внешней облицовки башни укрепления A.XI в ущелье Табана-дере на Мангупе (рис. 1,*1*). Ее первые издатели (В. В. Латышев, Э. И. Соломоник) датировали памятник 1503 г., увязав с реконструкцией оборонительной системы крепости в начале османского периода в истории городища. Эта традиционная точка зрения недавно пересмотрена А. Ю. Виноградовым, который обратил внимание на последнюю строку надписи, где видна ее дата – греческие буквы φφγ (вместо αφγ, по В. В. Латышеву), то есть 6503 г. (994–995 гг.) [16, с. 263–264; там же историография вопроса].

Что следует из новой датировки надписи Цулы? Прежде всего, в нашем распоряжении появляется источник, имеющий прямое отношение к письменной истории Мангупского городища X в., о которой прежде можно было судить только по косвенным свидетельствам. Обратим внимание на титул Цулы – топотерит, из чего следует принадлежность его обладателя к числу представителей византийской администрации, подчиненной, очевидно, стратигу фемы Херсон в это время. Таким образом, передатировка эпиграфического источника позволяет надежно рассматривать Мангуп как часть территории фемы в Таврике в конце X в. Вполне вероятно, что горные районы полуострова были выделены в ее особое подразделение – турмархию Готия, две печати главы которой, спафария Льва, недавно были опубликованы [7, с. 230; 8, с. 566–567]. В Мангупской крепости, судя по надписи 994–995 гг., был размещен византийский гарнизон во главе с чиновником, носившим титул топотерит. Под его руководством осуществлялись локальные строительные работы по укреплению оборонительной системы городища. Безусловно, с учетом со-

[3] Мы исключаем из обсуждения серию «готских» граффити из раскопок Мангупской базилики, недавно опубликованных А. Ю. Виноградовым и М. И. Коробовым [18; 19]. Дискуссия вокруг правомерности предложенной авторами атрибуции надписей на данный момент далека от завершения [см.: 74; 75; 46].

временных результатов археологических исследований Мангупа, далеко не все в републикации надписи может быть воспринято. Вряд ли целесообразной выглядит попытка предложить, вслед за надписью, новую хронологию для укрепления A.XI и расположенного рядом пещерного монастыря. Этому противоречит, прежде всего, топография местности и выработанный за многие годы раскопок комплекс сведений о периодизации оборонительной системы городища и его пещерных сооружений. Также нет необходимости отказываться от рассмотрения имени Цулы в надписи как патронима хорошо известного, прежде всего, на материалах сфрагистики, местного аристократического рода на византийской службе второй половины X – начала XI вв. [58, с. 202–204].

В целом, подводя итоги анализа данных нарративных источников об истории Мангупа интересующего нас периода времени, отмечаем крайнюю фрагментарность информации, из которой ясно лишь то, что здесь на протяжении VIII–X вв. существовало сильно укрепленное поселение (крепость), являвшееся к тому же политическим и церковно-административным центром Крымской Готии. Оно имело регулярные связи с Херсоном и столицей Византийской империи. В самом конце VIII в., ненадолго, Мангуп был завоеван хазарами, разместившими здесь свой гарнизон, что позволяло им вплоть до середины X в. считать городище включенным в свою сферу влияния на полуострове. Однако, в действительности, хазарский период в истории городища завершился еще в 841 г., когда оно, как и другие области Горного Крыма, вошло в состав византийской фемы на полуострове. В конце X в. на территории Мангупского городища еще находился византийский гарнизон во главе с топотеритом, который был занят, в том числе, ремонтами (или строительством) отдельных фортификационных узлов обороны крепости.

Сфрагистические и нумизматические источники. Обе группы источников крайне немногочисленны, к тому же в историографии отсутствуют специальные исследования, в которых они были бы систематизированы и изданы. Представленный ниже обзор основан исключительно на опубликованных к настоящему времени материалах. Приступая к нему, необходимо также отметить, что практически все происходящие с Мангупа печати и монеты VIII–XI вв., за исключением так называемого «чамну-бурунского клада», обнаружены случайно (подъемный материал), либо извлечены из более поздних культурных горизонтов на городище в виде «переотложенного» археологического материала. Это объяснимо ввиду масштабных строительных работ на памятнике в период княжества Феодоро (XV в.), фактически уничтоживших культурный слой и сооружения интересующего нас периода времени.

На сегодняшний день, издана только одна византийская печать фемного периода в истории Мангупа, найденная в 2009 г. случайно в центральной части городища, на месте раскопок дворца 1425–1475 гг. (рис. 1,*7*). Она принадлежит Григорию, императорскому спафарию и архонту Херсона, и датируется 40-ми гг. IX в. [9, с. 123; 10, с. 256]. Моливдовул X в. из верхнего культурного слоя христианского некрополя у храма св. Константина (рис. 1,*10*) XV–XVI вв. лишь упоминается в одной из пу-

бликаций [28, с. 60]. Из ближайшей округи городища, района с. Холмовка, происходит еще одна печать архонта Херсона 820-х гг. – императорского спафария Григоры [9, с. 124; 10, с. 233]. Незначительный круг сфрагистических источников, имеющих отношение к истории Мангупа X–XI вв., можно пополнить моливдовулами уже упоминавшегося Льва, императорского спафария и турмарха Готии [7, с. 230; 8, с. 566–567], и церковных иерархов Готии [73]. В общей сводке последних, составленной В. Н. Чхаидзе, три моливдовула X–XI вв. принадлежат Иоанну, архиепископу Готии, еще один XI–XII вв. – архиепископу Готии Кесарию. Трудности вызывает точная хронология и содержание легенды печати епископа (?) Готии Иоанна, изданной Н. В. Пятышевой и датированной ею второй половиной VIII в. [63, с. 32–33]. Моливдовул имеет плохую сохранность, что требует обязательного нового обращения к источнику, с целью его републикации. Пока лишь отметим, что дата печати, предложенная издателем, больше ориентирована на сведения известного агиографического источника (Жития Иоанна Готского), нежели на анализ собственно данных сфрагистики [55, с. 133].

Среди нумизматических находок Мангупа, по сути, только «чамну-бурунский клад» монет имеет ясные стратиграфические основания и, соответственно, возможность быть вписанным в узкий исторический контекст. Он происходит из слоя ремонта оборонительной стены ранневизантийского укрепления A.I Мангупской крепости на мысе Чамну-бурун и включает восемь медных монет-имитаций солидам императоров Льва III Исавра и Константина V Копронима 725–732 гг. выпуска. Время сокрытия клада и, соответственно, дата ремонта крепостной стены отнесены А. Г. Герценым и В. А. Сидоренко к 30-40-м гг. VIII в. [43, с. 126–133]. Остальные нумизматические материалы из раскопок городища еще требуют своей систематизации. В их первичной сводке учтенными на 2005 г. оказались 165 экземпляров, из которых только 11 были выпущены в период IX–X вв. – монеты Василия I (867–886), Льва VI Мудрого, Романа I Лакапина и Константина VII Багрянородного (920–944), Никифора II Фоки (963–969) [26, с. 457]. Монеты Романа II (959–963) и Иоанна Цимисхия (969–976) из раскопок жилого квартала вблизи церкви Св. Константина несколько расширяют период поступления византийской нумизматики на территорию Мангупа [30, с. 295; 33, с. 410], но о каких-либо статистических закономерностях монетного обращения городища в фемное время говорить пока рано.

Археологические источники. В условиях дефицита нарративных свидетельств основной ресурс для расширения источниковой базы по истории Мангупа VIII–XI вв. лежит в области археологического изучения городища. Ныне это наиболее пополняемая группа источников; к тому же большая часть открытых в конце XX – начале XXI вв. археологических объектов, имеющих отношение к теме исследования, оперативно введены в научный оборот, что избавляет нас от повторов. В результате, высказанное ранее заключение о Мангупе VIII–XI вв. как крепости-убежище с относительно небольшим населением, редкими усадьбами и хозяйственными (винодельческими) комплексами, сосредоточенными в основном в северо-восточной

части Мангупского плато, уже требует корректировки. Однако, главные проблемы археологического изучения городища – отсутствие хорошо выраженного культурного слоя хазарского и фемного времени и неравномерность в распределении вещественных находок, среди которых преобладают материалы второй половины IX – X вв. и почти нет артефактов VIII и XI вв., по-прежнему актуальны.

Хазарский период в истории Мангупа остается почти не изученным археологически. Как уже отмечалось, его начальный этап, вероятно, близок к сообщению Жития Иоанна Готского о захвате хазарами крепости в 80-е гг. VIII в. и последующем неудачном восстании населения Готии. С этими событиями может быть связан «слой пожара» на участке поселения в Лагерной балке (рис. 1,*4*), выявленный на площади раскопов I (1978–1979 гг.) и XIII (1996 г.) и до сих пор не имеющий полноценной публикации [20, с. 133–134]. Наиболее поздние датирующие находки из слоя представлены фрагментами «причерноморских» амфор с мелким зональным рифлением класса 24 по классификации херсонесских амфор 1995 г. [об их хронологии см.: 57, с. 41–43]. С определенными оговорками, к датировке «слоя пожара» близок ремонт куртины ранневизантийского укрепления A.I, хронологию которого определяет сокрытие уже упоминавшегося «чамну-бурунского клада» с имитациями солидов Льва III Исавра и Константина V Копронима 725–732 гг. выпуска [43, с. 126–133]. Обращение таких монет было возможно лишь при условии политического обособления территории, где они изготавливались, из-под юрисдикции Византии, что хорошо соотносится с сообщениями письменных источников о значительной автономии Мангупа-Дороса в первой половине – середине VIII в.

Как показывают археологические исследования, хазарский период в истории Мангупского городища был недолговременным и не привел к значительным этническим изменениям среди его населения. До сих пор не обнаружены участки жилой застройки конца VIII – первой половины IX вв. на территории Мангупа. Во всех публикациях материалов раскопок памятника отмечается редкость в культурном слое городища такого важного этнокультурного индикатора как салтово-маяцкая керамика. Пожалуй, лучше всего присутствие хазар на городище видно при изучении его оборонительной системы, отдельные узлы которой были подвергнуты хазарским гарнизоном ремонту (раскопки 1970-х гг.). Примером таких работ, вероятно, служит сооружение на месте некрополя позднеримского времени новой куртины А укрепления A.XIV на восточном склоне мыса Чуфут-Чеарган-бурун (рис. 1,*3*). Ее отличительная особенность – значительная толщина (местами до 3,5 м) и постановка без фундамента, непосредственно на грунт, что сближает технику строительства с фортификационными приемами населения Хазарского каганата, выявленными в Подонье и на Северном Кавказе. Датировка стены, очевидно, увязывается с хронологией женского погребения с двумя бронзовыми серьгами VIII–IX вв., открытого в строительной траншее стены куртины [20, с. 111–114]. Как показывают раскопки укреплений A.I, A.VIII, A.XIV Главной линии обороны Мангупской крепости, начиная с хазарского периода, при сооружении крепостных стен используется прак-

тика маркировки блоков «внутренними» знаками-тамгами, которые выступают в роли родовых символов патронимий, принимавших участие в строительстве [20, с. 114–119].

Еще одна важная научная проблема изучения истории Мангупа VIII – первой половины IX вв. – поиск основного некрополя городища этого времени. Наибольший интерес в этом смысле вызывают результаты раскопок Адым-Чокракского грунтового могильника VII–IX вв., расположенного в одноименной долине к югу от Мангупского плато (рис. 2,*11*). На сегодняшний день, они известны только благодаря предварительной публикации [80, S. 2–7, 37–72, Taf. 1–31]. Многие вопросы атрибуции некрополя – его общей хронология и внутренней периодизации, реконструкции погребального обряда, соотношения византийского и салтово-маяцкого круга древностей, требуют специальных исследований.

С учреждением византийской фемы на полуострове в середине IX в. начинается фемный период в истории Мангупа. В стратиграфии памятника он отмечен резкой сменой комплекса материальной культуры, в котором отныне доминируют артефакты византийского круга – различные типы «причерноморских» амфор и бытовой керамики, высокогорлые кувшины, глазурованная посуда групп «Glazed White Ware I» и «Glazed White Ware II», монеты от Василия I (867–886) до Иоанна Цимисхия (969–976). Отметим также открытие участков культурного слоя и застройки городища второй половины IX – X вв. в ходе исследований многих крупных археологических объектов.

На сегодняшний день, не вызывает сомнений функционирование поселения фемного времени на территории Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун (рис. 1). Полностью опубликованы результаты раскопок 1998 и 2003 гг. на его юго-восточном склоне, где выявлены стратифицированные материалы X – первой половины XI вв. (слой № 3), сброшенные с поверхности мыса в результате строительной активности более позднего времени [29, с. 392–409]. Изданы наиболее выразительные фрагменты византийской поливной керамики IX–XI вв. (группы «Glazed White Ware I» и «Glazed White Ware II»), происходящие из культурного слоя акрополя городища [66; 32, с. 257–259, рис. 1]. Еще один участок жилой застройки Мангупской крепости этого периода открыт вблизи церкви Св. Константина (рис. 1,*10*). Здесь полностью раскопана трехкамерная постройка полуземляночного типа середины IX – начала X вв., со стенами, сложенными с элементами «кладки в елку» [34, с. 247–269]. Пятью наземными и скальными постройками представлен строительный ярус второй половины IX – X вв. на месте Мангупского княжеского дворца 1425–1475 гг. (рис. 1,*7*) [42, с. 56]. Одна из них уже полностью опубликована [59, с. 226–231]. Издана также строительная керамика из слоя разрушения застройки IX – начала X вв., открытой в 2007–2008 гг. на участке поселения в Лагерной балке (рис. 1,*4*) [50, с. 174–185]. К сожалению, остаются не введенными в научный оборот материалы археологических исследований 1967–2005 гг. Большой Мангупской базилики (рис. 1,*6*), которыми долгие годы руководила Н. И. Бармина. В итоговой публикации представлен

только общий план строительных остатков памятника конца IX – начала X вв. [13, с. 310–312, ил. 6]. О его архитектурном декоре мы можем судить на основе работ других исследователей [70, с. 118–120].

По-прежнему одной из главных особенностей исторической топографии Мангупа фемного периода является обилие на его территории стационарных винодельческих комплексов. Важно еще раз подчеркнуть, что виноградарство и виноделие на памятнике имело товарный характер, было ориентировано на экспорт в донские и приазовские районы Хазарского каганата и находилось, очевидно, под управлением и опекой византийской администрации крепости. Для культивирования винограда наиболее благоприятными являлись южные склоны Мангупского плато, где до сих пор сохранились заросли дикорастущей виноградной лозы. На самом же городище, под защитой крепостных стен и византийского гарнизона, размещались скальные тарапаны. Всего, на сегодняшний день, известно 10 таких комплексов, расположенных в основном в восточной и центральной частях городища (рис. 1,*12*). Планы некоторых из них изданы [15, с. 134, 136, рис. 7; 35, с. 240–241, ил. 4, 6]. Однако полная публикация всей группы археологических источников представляется крайне необходимой, чтобы окончательно решить вопросы ее хронологии, конструктивных особенностей и в целом технологии винодельческого процесса.

Долгое время наши представления о ближайшей округе Мангупа в фемное время были ограничены двумя храмовыми комплексами – крестообразным храмом на юго-восточном склоне Мангупского плато (рис. 2,*7*) [51] и так называемой «Карлезской базиликой» с расположенным рядом некрополем (рис. 2,*2–3*) [65, с. 114–115]. В 1996 г. новый участок поселения IX–X вв. был открыт рядом с базиликой [52]. Еще один крупный объект византийской археологии второй половины IX – X вв., так называемая «базилика Маркевича», исследован в последние годы (рис. 2,*10*) [60].

Фемный период в истории Мангупского городища завершается около середины XI в. до конца не ясной катастрофой природного или военного характера. Ее следы отложились в комплексе слоя пожара на площади раскопа X (1976 г.) и X-Б (1978 г.) у тыльной стороны цитадели, в котором погибла постройка X в. Для датировки слоя важное значение имеют находки в нем фрагментов высокогорлых кувшинов (около 65% от общего числа находок), амфор типа II по Гюнзенин, византийской белоглиняной поливной керамики группы GWW-II (типы 1, 2, 9, 13) [89, с. 132–146]. С этими же событиями, очевидно, связано сокрытие так называемого «тешкли-бурунского клада», состоявшего в основном из находок, происхождение которых связано с функционированием раннесредневековых могильников в округе Мангупа [81; о структуре и реконструкции предметов из клада см.: 69].

После катастрофы середины XI в. городище вступает в полосу длительного упадка. До сих пор на его площади, как и в округе, не выявлены следы культурного слоя и комплексов XII–XIII вв. Крайне немногочисленны находки этого времени. Фактически, к их числу могут быть уверенно отнесены только редкие фрагменты византийской поливной керамики групп «GWW IV», «Zeuxippus Ware» и «Ceramique

byzantine de l'Egee» [32, с. 260–261, рис. 2–4; 61, с. 102–105, ил. 73]. Однако, представления о цезуре в истории Мангупа мы не склонны рассматривать как окончательные. Во-первых, потому что письменные источники (нотиции и акты поместных соборов Константинопольского патриархата) по-прежнему фиксируют регулярные связи иерархов Готской епархии с Византией. Во-вторых, указанная глазурованная керамика относится к разряду художественной парадной посуды, обычно составляя лишь незначительную часть керамического комплекса на памятниках этого времени. Выделение иной бытовой керамики XII–XIII вв. из общего массива археологических находок и соответственно связанного с ними участка культурного слоя на площади городища является одной из первоочередных задач. Пока же отметим, что подавляющее большинство поливных изделий XII–XIII вв. происходит с территории цитадели на мысе Тешкли-бурун и ближайших окрестностей Мангупского плато.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 121–132.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Айбабин А.И. Крым в VIII–IX вв. Хазарское господство. Степь и Юго-Западный Крым // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 59–64.
4. Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII вв. Степь и Юго-Западный Крым // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 74–82.
5. Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 615–626.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
7. Алексеенко Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 230–235.
8. Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 564–570.
9. Алексеенко Н.А. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 121–135.
10. Алексеенко Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017. 474 с.
11. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. 500 с.
12. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. 168 с.
13. Бармина Н.И. Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. СПб., 2008. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры: К 100-летию со дня рождения А.В. Банк. С. 305–313.
14. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. С. 351–427.

15. Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 123–139.
16. Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 262–271.
17. Виноградов А.Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 278–298.
18. Виноградов А.Ю., Коробов М.И. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2015. Вып. 76(3–4). С. 57–75.
19. Виноградов А.Ю., Коробов М.И. Corrigenda. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2017. Вып. 78(1–2). С. 323–325.
20. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87–166, 242–271.
21. Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 59–66.
22. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127–147.
23. Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 29–34.
24. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
25. Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 228–246.
26. Герцен А.Г. Нумизматический спектр Мангупа-Дороса // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на Милко Мирчев. Варна, 2008. С. 457–458.
27. Герцен А.Г. К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 12–45.
28. Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 59–65.
29. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.
30. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233–298.
31. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 95–115.
32. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 257–287.
33. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389–431.
34. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Иванова О.С. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп). III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.

35. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. СПб., 2010. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв. С. 227–253.
36. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 88–100.
37. Герцен А.Г., Науменко В.Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища // VII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2015. С. 36–38.
38. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 247–258.
39. Герцен А.Г., Науменко В.Е. «Между Золотой Ордой и Романией…». Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь, 2016. С. 36–49.
40. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К ранней истории княжества Феодоро: историко-археологический комментарий // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 34–38.
41. Герцен А.Г., Науменко В.Е. История изучения и топография храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): М.; СПб., 2017. С. 10–55.
42. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2018. С. 53–58.
43. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. 1988. Вып. 24. Вопросы социального и политического развития. С. 120–135.
44. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. 134 с.
45. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. 496 с.
46. Курышева М.А., Фонкич Б.Л. К палеографической интерпретации греческих граффити Мангупской базилики // Средние века. 2017. Вып. 78(3). С. 167–179.
47. Лепер Р.Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. // ИТУАК. 1913. № 49. С. 266–269.
48. Майко В.В. К вопросу о выделении средневековых горизонтов Мангупа IX–XI вв. // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 152–159.
49. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. 47 с. (отдельный оттиск).

50. Моисеев Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной балке (Мангуп) // Древности. Харьков, 2011. С. 172–190.
51. Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 224–242.
52. Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. 1. С. 324–340.
53. Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 689–700.
54. Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae Episcopatuum) // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 123–145.
55. Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Никее и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX вв. // Sacrum et Profanum. Севастополь, 2005. Вып. I. С. 129–140.
56. Науменко В.Е. Византийско-хазарские отношения в середине IX века // Хазары. Иерусалим, М., 2005. С. 231–244.
57. Науменко В.Е. Пифосы, амфоры, высокогорлые кувшины, фляги, столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. С. 32–64.
58. Науменко В.Е. К дискуссии об этнополитической истории Крымской Готии в X в.: археологический комментарий к надписям с Мангупского городища // XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры». Сборник материалов конференции. М., 2016. С. 202–206.
59. Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н Южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187–238.
60. Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича. Сборник материалов. Севастополь, 2017. С. 50–55.
61. Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И. Церковь Святого Георгия // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): М.; СПб., 2017. С. 56–108.
62. Піоро І.С. Археологічні дослідження залишків садиби на середньовічному городищі Мангуп у 1969 році // Вісник Київського університету. Серія: Історія. Київ, 1972. № 14. С. 113–118.
63. Пятышева Н.В. Печать готского епископа в коллекциях Государственного Исторического музея // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 32–36.
64. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. 12. С. 107–152.
65. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105–118.

66. Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 172–181.
67. Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 319–333.
68. Тиханова М.А. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Базилика // МИА. 1953. № 34. С. 334–389.
69. Хайрединова Э.А. Парадный убор жительницы раннесредневекового Дороса (по находкам из Тешкли-бурунского клада Мангупского городища) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 62–88.
70. Хрушкова Л.Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 107–138.
71. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. 1. С. 312–323.
72. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae Episcopatuum // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 399–435.
73. Чхаидзе В.Е. Печати Иоанна, архиепископа Готии (X–XI вв.) // РА. 2016. № 2. С. 169–174.
74. Шалыга Д.А. К вопросу о письменности крымских готов // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 312–316.
75. Шалыга Д.А. Язык крымских готов // Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь, 2017. С. 310–322.
76. Якобсон А.Л. Из истории архитектуры средневекового Крыма. II. Мангупская базилика // СА. 1940. Т. 6. С. 205–226.
77. Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 55–63.
78. Якобсон А.Л. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Дворец // МИА. 1953. № 34. С. 390–418.
79. Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 69–85.
80. Bemmann J., Schneider K., Gercen A.G., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frűhmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup. Mainz, 2013. 100 S.
81. Gertsen A. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup) // Unbekannte Krim. Archaologische Schatze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999. S. 151–152.
82. Hayes D.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
83. Mango C. Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Washington, 1990. 247 p.
84. Mango C., Scott R. The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813. Oxford, 1997. 744 p.
85. Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. 404 c.
86. Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast period // Iconoclasm. Birmingham, 1975. P. 113–131.
87. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936. 292 p.
88. Darrouzès J. Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981. 352 p.
89. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127–147.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. Mogil'niki VIII – nachala X vv. v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 1993, vol. III, pp. 121–132.
2. Ajbabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma.* Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
3. Ajbabin A.I. Krym v VIII–IX vv. Khazarskoe gospodstvo. Step' i Yugo-Zapadnyj Krym. *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII veka,* Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 59–64.
4. Ajbabin A.I. Krym v X – pervoj polovine XIII vv. Step' i Yugo-Zapadnyj Krym. *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII veka,* Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 74–82.
5. Ajbabin A.I. Nekotorye aspekty istorii Gotskoj eparkhii v YUgo-Zapadnom Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2006, vol. XII, pp. 615–626.
6. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.).* Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
7. Alekseenko N.A. Gotiya v strukture vizantijskoj administrativnoj sistemy v Tavrike vo vtoroj polovine X v. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 1998, vol. IX, pp. 230–235.
8. Alekseenko N.A. Vizantijskaya administratsiya na Bospore vo vtoroj polovine X v. (po dannym pamyatnikov sfragistiki). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, vol. XII, pp. 564–570.
9. Alekseenko N.A. Novye nakhodki vizantijskikh pechatej na territorii Kryma. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2011, vol. 40, pp. 121–135.
10. Alekseenko N.A. *Vizantijskij Kherson VI–XIII stoletij v pamyatnikakh sfragistiki. 1. Chinovniki Khersona VIII–XI vv.* Sevastopol, 2017, 474 p.
11. Bajer Kh.-F. *Istoriya krymskikh gotov kak interpretatsiya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro.* Ekaterinburg, 2001, 500 p.
12. Baranov I. A. Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ya. Kiev, 1990, 168 p.
13. Barmina N.I. Etapy zhizni Mangupskoj baziliki. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha,* St-Petersbugr, 2008, T. XLII, pp. 305–313.
14. Vasil'evskij V.G. Zhitie Ioanna Gotskogo. *Trudy V.G. Vasil'evskogo,* St-Petersbugr, 1912, T. 2, S. 351–427.
15. Vejmarn E.V., Loboda I.I., Pioro I.S., Choref M.Ya. Arkheologicheskie issledovaniya stolitsy knyazhestva Feodoro. *Feodal'naya Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 123–139.
16. Vinogradov A.Yu. Nadpis' iz Tabana-dere: pyat'sot let spustya. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2009, vol. 39, pp. 262–271.
17. Vinogradov A.Yu. Osnovnye problemy i voprosy izucheniya vizantijskoj epigrafiki Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 278–298.
18. Vinogradov A.Yu., Korobov M.I. Gotskie graffiti iz Mangupskoj baziliki. *Srednie veka*, 2015, vol. 76(3–4), pp. 57–75.
19. Vinogradov A.Yu., Korobov M.I. Corrigenda. Gotskie graffiti iz Mangupskoj baziliki. *Srednie veka,* 2017, vol. 78(1–2), pp. 323–325.
20. Gertsen A.G. Krepostnoj ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 1990, vol. I, pp. 87–166, 242–271.
21. Gertsen A.G. Vizantijsko-khazarskoe pogranich'e v Tavrike. *Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma*, Simferopol, 1993, pp. 59–66.

22. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Keramika IX–XI vv. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-burun. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2001, vol. 32, pp. 127–147.
23. Gertsen A.G. Khazary v Dorose-Mangupe. *Khazarskij al'manakh*, Khar'kov, 2002, T. 1, pp. 29–34.
24. Gertsen A.G. Doros-Feodoro (Mangup): ot rannevizantijskoj kreposti k feodal'nomu gorodu. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2003, vol. 34, pp. 94–112.
25. Gertsen A.G. Mangup glazami issledovatelej i puteshestvennikov (XVI – nachalo XX v.). *Bakhchisarajskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, 2008, vol. 3, pp. 228–246.
26. Gertsen A.G. Numizmaticheskij spektr Mangupa-Dorosa. *Numizmatichni, sfragistichni i epigrafski prinosi k"m istoriyata na Chernomorskoto krajbrezhie. Mezhdunarodna konferentsiya v pamet na Milko Mirchev*, Varna, 2008, pp. 457–458.
27. Gertsen A.G. K 50-letiyu vozobnovleniya arkheologicheskogo izucheniya Mangupa: nachal'nyj etap. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 12–45.
28. Gertsen A.G., Alekseenko N.A. Vizantijskie molivdovuly iz raskopok Mangup-Kale. *Antichnaya drevnost' i srednie veka,* 2002, vol. 33, pp. 59–65.
29. Gertsen A.G., Zemlyakova A.Yu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniya na yugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-burun (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2006, vol. XII, pp. 371–494.
30. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Arkheologicheskie issledovaniya v rajone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): I gorizont zastrojki (XVI–XVIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2007, vol. XIII, pp. 233–298.
31. Gertsen A.G., Mogarichev Yu.M. K voprosu o tserkovnoj istorii Tavriki v VIII v. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1999, vol. 30, pp. 95–115.
32. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Polivnaya keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.,* Kiev, 2005, pp. 257–287.
33. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v rajone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastrojki (XV v.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2009, vol. XV, pp. 389–431.
34. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Ivanova O.S. Arkheologicheskie issledovaniya v rajone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup). III gorizont zastrojki (seredina IX – nachalo X vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2010, vol. XVI, pp. 240–295.
35. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Oktagonal'naya tserkov' tsitadeli Mangupa (Krym): voprosy khronologii i arkhitekturnoj kompozitsii. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha,* St-Petersbugr, 2010, T. LIII, pp. 227–253.
36. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Stratigrafiya Mangupskogo gorodishcha: antropogennyj i prirodno-geograficheskij kontekst. *Materialy nauchnoj konferentsii «XVI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium»,* Kerch, 2015, pp. 88–100.
37. Gertsen A.G., Naumenko V.E. O khazarskom i femnom periode v istorii Mangupa: predvaritel'nye nablyudeniya nad istoricheskoj topografiej gorodishcha. *Materialy nauchnoj konferentsii VII Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»,* Sevastopol, 2015, pp. 36–38.

38. Gertsen A.G., Naumenko V.E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Yugo-Zapadnom Krymu. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*, 2016, No 9, pp. 247–258.
39. Gertsen A.G., Naumenko V.E. «Mezhdu Zolotoj Ordoj i Romaniej…». Velikokhanskij vektor v kul'ture regional'nykh elit ili k voprosu o zolotoordynskom periode v istorii Mangupa serediny – vtoroj poloviny XIV v. (obzor arkheologicheskikh istochnikov). *Krymskij yurt Zolotoj Ordy: nasledie ischeznuvshej imperii: katalog vystavki,* Simferopol, 2016, pp. 36–49.
40. Gertsen A.G., Naumenko V.E. K rannej istorii knyazhestva Feodoro: istoriko-arkheologicheskij kommentarij. *Materialy nauchnoj konferentsii VIII Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»*, Sevastopol, 2016, pp. 34–38.
41. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Istoriya izucheniya i topografiya khramovykh kompleksov i nekropolej Mangupskogo gorodishcha. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.),* Moscow, St-Petersburg, 2017, pp. 10–55.
42. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Knyazheskij dvorets Mangupskogo gorodishcha. Stratigrafiya uchastka issledovanij 2006–2017 gg. (predvaritel'noe soobshchenie). *Materialy nauchnoj konferentsii X Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»,* Sevastopol, 2018, pp. 53–58.
43. Gertsen A.G., Sidorenko V.A. Chamnuburunskij klad monet-imitatsij. K datirovke zapadnogo uchastka oboronitel'nykh sooruzhenij Mangupa. *Antichnaya drevnost' i srednie veka,* 1988, vol. 24, pp. 120–135.
44. Kokovtsov P.K. *Evrejsko-khazarskaya perepiska v X veke.* Leningrad, 1932, 134 p.
45. Konstantin Bagryanorodnyj. *Ob upravlenii imperiej*. Moscow, 1991, 496 p.
46. Kurysheva M.A., Fonkich B.L. K paleograficheskoj interpretatsii grecheskikh graffiti Mangupskoj baziliki. *Srednie veka*, 2017, vol. 78(3), pp. 167–179.
47. Leper R.Kh. Protokoly zasedanij Tavricheskoj Uchenoj Arkhivnoj Komissii. Zasedanie 16 oktyabrya 1912 g. *Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arkhivnoj komissii,* Simferopol, 1913, No 49, pp. 266–269.
48. Majko V.V. K voprosu o vydelenii srednevekovykh gorizontov Mangupa IX–XI vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 152–159.
49. Malitskij N.V. Zametki po epigrafike Mangupa. Izvestiya *Gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury,* 1933, vol. 71, 47 s. (otdel'nyj ottisk).
50. Moiseev D.A. Arkheologicheskij kompleks stroitel'noj keramiki IX–X vv. iz raskopok poseleniya v Lagernoj balke (Mangup). *Drevnosti*, Khar'kov, 2011, pp. 172–190.
51. Myts V.L. Krestoobraznyj khram Mangupa. *Sovetskaya arkheologiya*, 1990, No 1, pp. 224–242.
52. Naumenko V.E. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya u podnozhiya Mangupa. *Bakhchisarajskij istoriko-arkheologicheskij sbornik,* 1997, vol. 1, pp. 324–340.
53. Naumenko V.E. K voprosu o nazvanii i date uchrezhdeniya vizantijskoj femy v Tavrike. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 1998, vol. VI, pp. 689–700.
54. Naumenko V.E. K voprosu o tserkovno-administrativnom ustrojstve Tavriki v VIII–IX vv. (po dannym Notitiae Episcopatuum). *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2003, vol. 34, pp. 123–145.

55. Naumenko V.E. K voprosu o gotskom episkope na VII Vselenskom sobore v Nikee i tserkovno-politicheskoj situatsii v Krymskoj Gotii v kontse VIII – nachale IX vv. *Sacrum et Profanum,* Sevastopol, 2005, vol. I, pp. 129–140.
56. Naumenko V.E. Vizantijsko-khazarskie otnosheniya v seredine IX veka. *Khazary*, Jerusalem, Moscow, 2005, pp. 231–244.
57. Naumenko V.E. Pifosy, amfory, vysokogorlye kuvshiny, flyagi, stolovaya posuda. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie kompleksy VIII–X vv.,* Simferopol, Kerch, 2009, pp. 32–64.
58. Naumenko V.E. K diskussii ob etnopoliticheskoj istorii Krymskoj Gotii v X v.: arkheologicheskij kommentarij k nadpisyam s Mangupskogo gorodishcha. *Sbornik materialov konferentsii XXVIII Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto «Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Pis'mennost' kak element gosudarstvennoj infrastruktury»,* Moscow, 2016, pp. 202–206.
59. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Knyazheskij dvorets Mangupskogo gorodishcha: pomeshchenie X Yuzhnogo uchastka kompleksa (po materialam kollektsii R.Kh. Lepera Gosudarstvennogo Ermitazha i sovremennykh arkheologicheskikh issledovanij). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 187–238.
60. Naumenko V.E., Iozhitsa D.V., Nabokov A.I. «Bazilika Markevicha» na yuzhnoj periferii Mangupskogo gorodishcha (po materialam issledovanij 2012–2016 gg.). *Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Arkheologiya srednevekovogo khrama», k 170-letiyu K.K. Kostsyushko-Valyuzhinicha,* Sevastopol, 2017, pp. 50–55.
61. Naumenko V.E., Iozhitsa D.V., Nabokov A.I. TSerkov' Svyatogo Georgiya. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.),* Moscow, St-Petersburg, 2017, pp. 56–108.
62. Pioro I.C. Arkheologichni doslidzhennya zalishkiv sadibi na seredn'ovichnomu gorodishchi Mangup u 1969 rotsi. *Visnik Kiivs'kogo universitetu. Seriya: Istoriya,* Kiev, 1972, No 14, pp. 113–118.
63. Pyatysheva N.V. Pechat' gotskogo episkopa v kollektsiyakh Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. *Arkheograficheskij ezhegodnik za 1962 god*, Moscow, 1963, pp. 32–36.
64. Repnikov N.I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928–1929 gg. *Izvestiya Gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury,* 1932, T. 12, pp. 107–152.
65. Sidorenko V.A. «Goty» oblasti Dori Prokopiya Kesarijskogo i «dlinnye steny» v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 1991, vol. II, pp. 105–118.
66. Smokotina A.V. Vizantijskaya polivnaya keramika VII – pervoj poloviny IX vv. iz raskopok Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 172–181.
67. Tikhanova M.A. Doros-Feodoro v istorii srednevekovogo Kryma. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1953, No 34, pp. 319–333.
68. Tikhanova M.A. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Bazilika. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1953, No 34, pp. 334–389.
69. Khajredinova E.A. Paradnyj ubor zhitel'nitsy rannesrednevekovogo Dorosa (po nakhodkam iz Teshkli-burunskogo klada Mangupskogo gorodishcha). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 62–88.

70. Khrushkova L.G. K diskussii o vremeni stroitel'stva Mangupskoj baziliki. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 107–138.
71. Zucerman C. K voprosu o rannej istorii femy Khersona. *Bakhchisarajskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, 1997, vol. 1, pp. 312–323.
72. Zucerman C. Politika Vizantii v Severnom Prichernomor'e po dannym Notitiae Episcopatuum. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2010, vol. XVI, pp. 399–435.
73. Chkhaidze V.E. Pechati Ioanna, arkhiepiskopa Gotii (X–XI vv.). *Rossijskaya arkheologiya,* 2016, No 2, pp. 169–174.
74. Shalyga D.A. K voprosu o pis'mennosti krymskikh gotov. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, vol. XXI, pp. 312–316.
75. Shalyga D.A. Yazyk krymskikh gotov. Ajbabin A.I., Khajredinova *E.A. Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.),* Simferopol, 2017, pp. 310–322.
76. Yakobson A.L. Iz istorii arkhitektury srednevekovogo Kryma. II. Mangupskaya bazilika. *Sovetskaya arkheologiya,* 1940, T. 6, pp. 205–226.
77. Yakobson A.L. O rannesrednevekovykh krepostnykh stenakh Mangupa. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury AN SSSR*, 1949, vol. 29, pp. 55–63.
78. Yakobson A.L. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Dvorets. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1953, No 34, pp. 390–418.
79. Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891). *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006, pp. 69–85.
80. Bemmann J., Schneider K., Gercen A.G., Černyš S., Mączyńska M., Urbaniak A., von Freden U. *Die frűhmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup.* Mainz, 2013, 100 p.
81. Gertsen A. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup). *Unbekannte Krim. Archaologische Schatze aus drei Jahrtausenden,* Heidelberg, 1999, pp. 151–152.
82. Hayes D.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul.* Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
83. Mango C. *Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History.* Washington, 1990, 247 p.
84. Mango C., Scott R. *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813.* Oxford, 1997. 744 p.
85. Oikonomides N. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles.* Paris, 1972, 404 p.
86. Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast period. *Iconoclasm,* Birmingham, 1975, pp. 113–131.
87. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, 1936, 292 p.
88. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae.* Paris, 1981, 352 p.
89. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Keramika IX–XI vv. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-burun. *Antichnaya drevnost' i srednie veka,* 2001, vol. 32, pp. 127–147.

A. G. GERTSEN, V. E. NAUMENKO
V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

FOR THE STUDY IN THE HISTORY OF MANGUP FROM THE EIGHTH TO THE ELEVENTH CENTURY: THE CONDITION OF SOURCES AND PERSPECTIVES FOR RESEARCH

Abstract: This paper presents a review of scholarship and currently available sources on the history of the ancient town atop Mangup plateau in the Khazar and Theme periods. The Khazar period in the history of Doros-Mangup started probably close to the account of the Life of St. John of Gothia informing of the Khazar occupation of the fortress in the 780s, the placement of their garrison there, and the unsuccessful uprising of the locals that followed. According to archaeological researches, the Khazar period in the history of Mangup did not lasted for long; neither had it caused important ethnic changes of the local population. An important ethnic and cultural marker, the Saltov-Maiak pottery, was rare. When the Khazar garrison occupied the fortress, they repaired particular defences. The establishment of the Byzantine theme in the Crimean peninsula in 841 opened the Theme period in the history of Mangup. In the ancient town stratigraphy, it was marked by the change of the material culture complex, where from that time on artefacts of the Byzantine circle dominated. Another feature of the site history in the ninth and tenth centuries was the active development of viticulture, which was oriented toward exportation to the Don and Azove Sea areas of the Khazar khanate, plausibly under the patronage of the Byzantine administration of the fortress. The Theme period finished ca. the mid-eleventh century with a catastrophe of still unclear origin, natural or military. Then the town of Mangup entered the long period of decline. So far no trace of cultural layer or assemblages dated to the twelfth and thirteenth centuries was uncovered in the town and its environs. The finds from this period remain extremely rare. However, we are still far from considering the idea of a time gap in the history of Mangup as the final solution. This interpretation much depends on the results of future researches.

Keywords: south-western Crimea, Mangup, Doros, Theodoro, Gothia, Byzantium, Khazars, Byzantine theme, Byzantine archaeology.

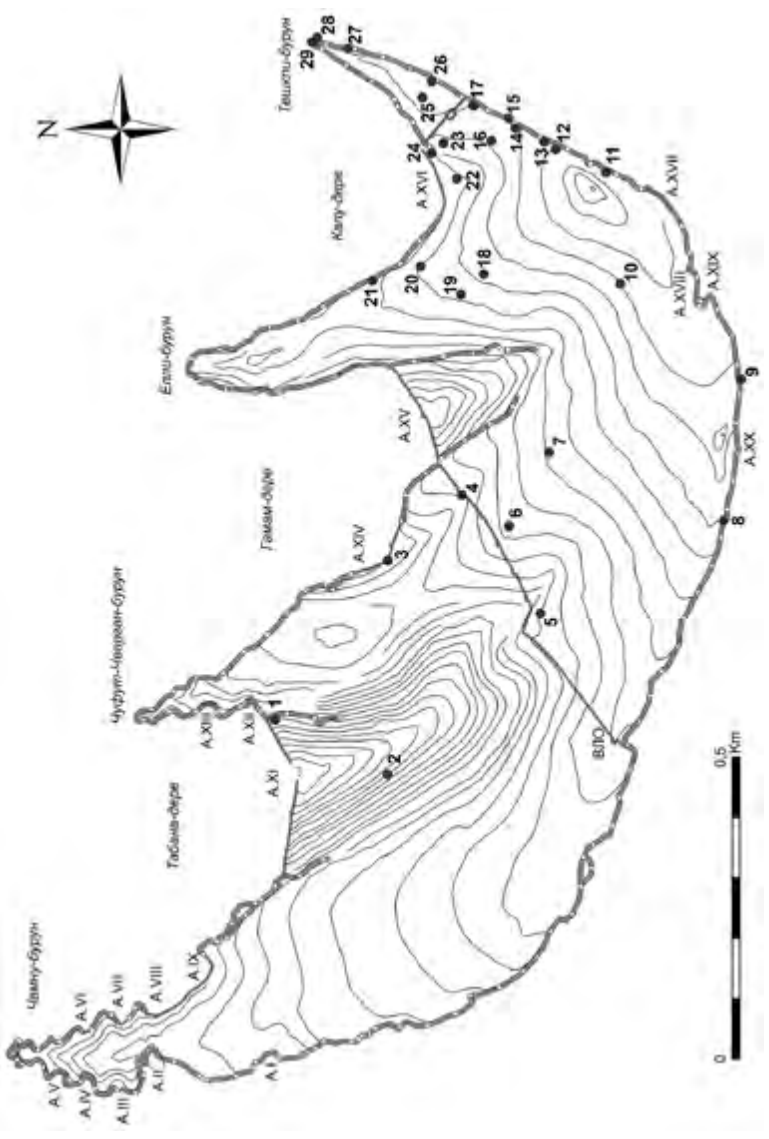


Рис. 1. Общий план Мангупского плато с указанием основных объектов археологических исследований 1853-2017 гг.: 1 – Северный пещерный монастырь; 2 – Караимский некрополь в устье Лагерной балки; 3 – Позднеримский некрополь; 4 – поселение в Лагерной балке; 5 – Синагога; 6 – Большая трехнефная базилика; 7 – Дворец правителей княжества Феодоро 1425-1475 гг.; 8 – алтарь в карстовой пещере МК-2; 9 – Южный пещерный монастырь; 10 – церковь Св. Константина; 11 – «Малая базилика»; 12 – тарапаны 1912 и 1968 гг.; 13 – «церковь 1968 г.»; 14 – пещерная церковь на «площадке со склепами»; 15 – пещерная церковь в обрыве под «площадкой со склепами»; 16 – Главная мечеть; 17 – «церковь 1967 г.»; 18 – «церковь 1969 г.»; 19 – мусульманское кладбище в верховьях Гамам-дере; 20 – церковь Св. Георгия; 21 – «церковь 2015 г.»; 22 – безымянная церковь в верховьях Капу-дере; 23 – скальный некрополь на эспланаде цитадели; 24 – надвратная церковь с усыпальницами в Капу-дере; 25 – октагональный храм; 26 – «церковь 2005 г.»; 27 – «Гарнизонная церковь»; 28 – пещерная церковь под оконечностью мыса Тешкли-бурун; 29 – Северо-восточный монастырь.

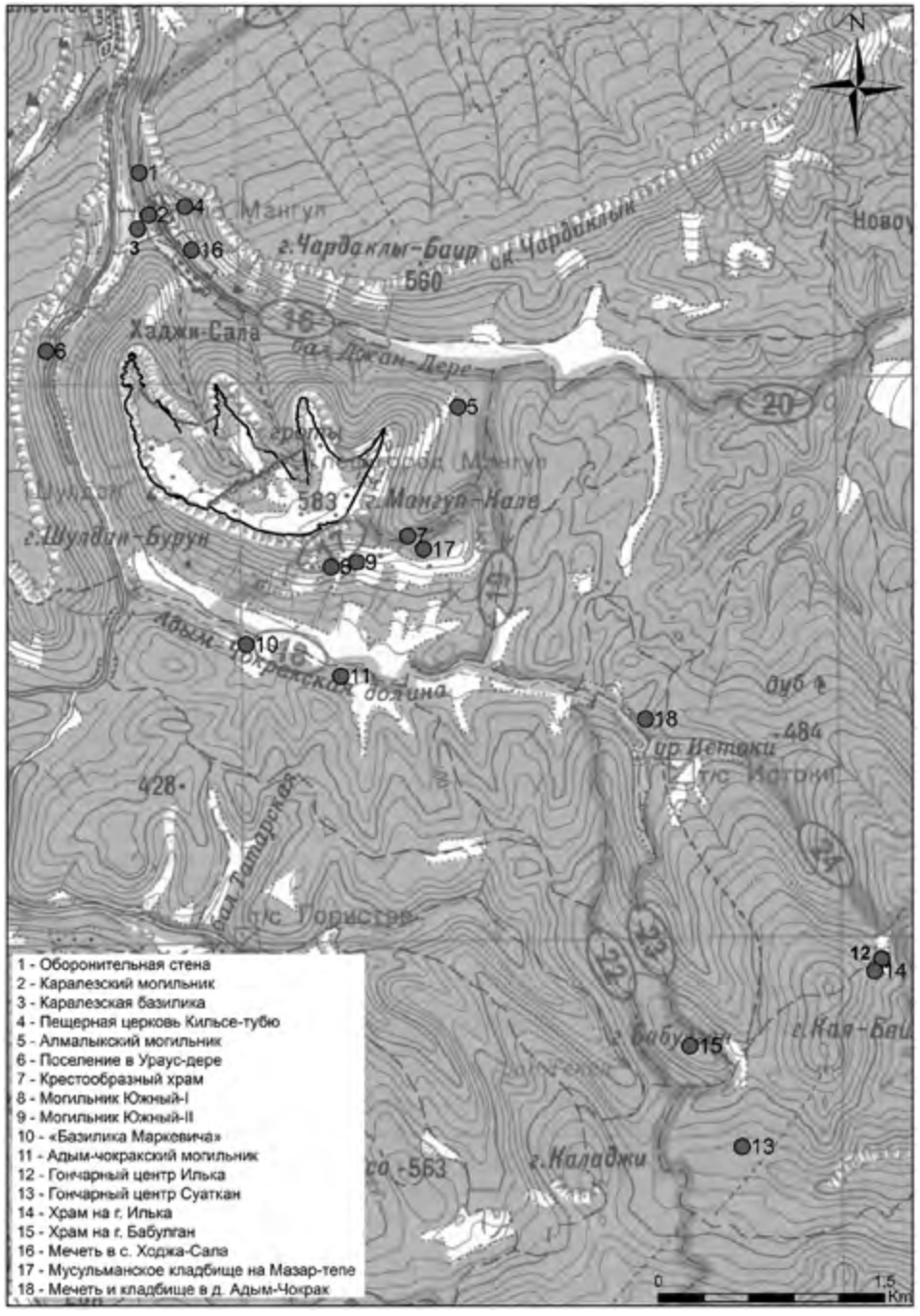


Рис. 2. Археологическая карта окрестностей Мангупского городища с указанием основных объектов исследований.

Н. И. ХРАПУНОВ
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИЗВЕСТИЙ О ПОХОДАХ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ НА КРЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI В.[1]

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об источниках известий о походах Руси на Крым 1074/1078 и 1095 гг., связанных с именем Владимира Мономаха. Дискуссия о том, можно ли считать сведения о данных походах достоверными, об их историческом контексте и хронологии ведется более двухсот лет. Исследователи, считавшие первый поход исторической реальностью, как правило, указывали на два сообщения. Одно находится в сочинении Василия Никитича Татищева, второе – у Эдуара де Мюраля, со ссылкой на Гаспаро-Луиджи Одерико. Подразумевалось, что в основе обоих – не дошедшие до нас древнерусский и византийский источники. Исследователи, отказывавшие этим известиям достоверности, считали данный эпизод выдумкой Татищева, а слова Мюраля объясняли заимствованием у Татищева либо у Станислава Сестренцевича-Богуша. Анализ сочинений историков Нового времени показал, что истоки сообщений об обоих походах – в информации австрийского дипломата первой половины XVI в. Сигизмунда фон Герберштейна, который описывал российский обряд поставления на великое княжение и в связи с этим привел историю о происхождении великокняжеских барм как трофея, взятого Владимиром Мономахом в Крыму. В дальнейшем этот сюжет был переосмыслен и расширен польским историком Мацеем Стрыйковским, а от него попал в западноевропейские хроники. Впоследствии эти материалы и были использованы Татищевым, который понял их так, как будто походов было два. Одерико работал с известиями Герберштейна и других западных историков, а собранные им данные стали источником для Мюраля. Исходя из своего понимания исторических процессов, исследователи пытались подобрать подходящую хронологию одному или двум походам и вписать их в контекст византийско-древнерусских отношений. Учитывая, что сообщение Герберштейна на четыре с лишним столетия позже описываемых событий, что военные победы древнерусского князя не были предметом его интереса, и что никакие «промежуточные» источники неизвестны, в нашем распоряжении не остается достоверных

[1] Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053. Я признателен А. С. Щавелеву (Москва) за разнообразные консультации, а также Т. Ю. Яшаевой (Севастополь) и А. Ю. Мазиновой (Симферополь) за помощь в поиске нужной литературы.

сведений о «крымских походах» Владимира Мономаха, которые тем самым из предмета актуального обсуждения историков превращаются в материалы к истории науки.

Ключевые слова: византийский Крым, Херсонес, Кафа, Владимир Мономах, Сигизмунд фон Герберштейн, Мацей Стрыйковский, Василий Никитич Татищев, Гаспаро-Луиджи Одерико, Эдуар де Мюраль.

К числу дискуссионных вопросов истории Крыма в византийское время[2] относится проблема достоверности известий о походах древнерусского войска во главе с будущим великим князем Владимиром Мономахом (1053–1125) на полуостров во второй половине XI в. Обсуждение того, следует ли считать эти события реальностью, какими обстоятельствами они были вызваны и когда именно произошли, продолжается более 200 лет. Информация о первом из походов выглядит следующим образом. В 1076 г. (варианты: 1074, 1077, 1078 гг.) по просьбе византийского императора Михаила VII Дуки (ок. 1050 – ок. 1090) князья Всеволод (1030–1093) и Святослав (1027–1076) Ярославичи отправили против отложившегося от империи Херсона[3] войско во главе со своими сыновьями – Владимиром Всеволодовичем (который в будущем получит прозвище «Мономах») и Глебом Святославичем (?–1078). Даты, ход и результаты похода в изложении разных исследователей могут несколько отличаться. Существует обширная историография вопроса [см. обзоры: 29, с. 140, 179–185; 34, с. 120–129; 28, с. 327–334]. Поскольку эти события неизвестны дошедшим до наших дней древнерусским и византийским источникам, многие исследователи не считают их достоверными. Они указывают, что информация восходит к «Истории Российской» Василия Никитича Татищева (1686–1750), которая, как известно, включает ряд весьма сомнительных эпизодов [см.: 37, с. 91–92, 249, прим. 287]. Те же, кто с доверием относится к данным сведениям, в качестве дополнительного источника указывают на фрагмент исследования византийской хронологии Эдуара де Мюраля (1808–1895), где говорится о мятеже херсонитов, подавленном в 1074 г. союзниками империи – древнерусскими князьями [53, p. 28]. Предполагается, что сведения об этом взяты из неопубликованных материалов, собранных историком генуэзских колоний в Крыму Гаспаром-Луиджи Одерико (1725–1803). Кроме того, привлекаются разного рода косвенные данные и логические построения. Второй поход, отнесенный Татищевым к 1095 г., был якобы предпринят в ответ на нападение жителей Херсона на «русские корабли». Владимир Мономах и союзные князья осуществили карательную экспедицию и победили херсонитов у города Кафы (нынешняя Феодосия) [37, с. 103]. Современные исследователи, как правило, не считают эту информацию достоверной [см. обзор: 34, с. 158–160]. Думается, что «Татищевские известия» об обоих походах имеют общее происхождение и основываются на одном и том же источнике. Более того, информация Мюраля и Одерико восходит к той же самой традиции, причем никаких «неопубликованных» материалов последнего, повествующих о походе Руси на Крым, не существовало. Изучение источников Нового времени позволяет проследить историю рассказа о походах Владимира Мономаха на Крым и решить вопрос о его достоверности. Это и является целью данной статьи.

[2] Хотя топоним «Крым» (вероятно, тюркский по происхождению) впервые фиксируется источниками только в конце XIV в. [49, p. 468–471], в данной статье он используется для обозначения полуострова в византийскую эпоху, поскольку ромеи, кажется, не выработали соответствующего географического названия.

[3] В античности этот город назывался «Херсонесом», а источники времени древней Руси и начала Нового времени знали его как «Корсунь». В данной статье все три названия используются как синонимы.

Происхождение «Татищевских известий»: Мацей Стрыйковский и Сигизмунд фон Герберштейн. Сообщив о втором походе Владимира Мономаха на Крымский полуостров, Татищев в примечании указал на источник своих сведений: *«Сей поход Владимиров и поединок с генуэзским генералом, от которого Владимир Мономах поименовался, в некоторых Степенных и у Стрыковского описано…»* [37, с. 252, прим. 312]. Ссылка на памятник русской исторической литературы середины XVI в. – «Степенную книгу» – думается, ошибочна [ср.: 16, с. 184–189; 36, с. 402–410], а вот у польского хрониста Мацея Стрыйковского (ок. 1547 – после 1582) похожий эпизод действительно есть.

В его книге рассказывается о походе Владимира Мономаха на Таврику, где тот побеждал «итальянцев-генуэзцев» [51 (Ks. 5, Rozd. X), s. 188; 20, с. 256]. Подробное описание этого эпизода делится на две части. Сначала говорится о том, что князь разгромил генуэзцев и захватил город Кафу, а затем – что, *«когда во второй раз довелось [ему] столкнуться с генуэзцами у моря» («gdy się miał drugi raz potykać z Genuensami nad morzem»),* то, победив их вождя, он в качестве трофея взял драгоценное наплечное украшение, бармы. Показательно, что в книге польского хрониста анализируемый эпизод не датирован. Кажется, Татищев понял Мацея Стрыйковского таким образом, что «крымских» походов Владимира Мономаха было два, и в дальнейшем «подобрал» им подходящую хронологию (1076 и 1095 гг.), исходя из того, что ему было известно о жизни древнерусского князя [подробнее: 44]. Почему он не указал свой источник для первого похода, остается неясным. Заметим, что в первой редакции «Истории Российской» ни одного из обсуждаемых эпизодов нет. Гораздо меньше здесь и цитат из Мацея Стрыйковского [38, с. 157–158, 165, 549 (указатель)]. Ясно, что Татищев стал шире использовать труд польского хрониста при подготовке второй редакции своей «Истории» [см.: 37, с. 340 (указатель)], когда и мог извлечь из него указания на два похода Владимира Мономаха в Крым.

Упоминание Мацеем Стрыйковским генуэзцев, появившихся в Крыму гораздо позже Владимира Мономаха [см.: 21, с. 6], делает его информацию сомнительной. Следует отметить, что в анализируемом фрагменте польской хроники не упомянут Херсон, и фигурирует только Кафа. Корсунь и его жители-корсуняне возникли лишь в «Истории» Татищева, который к тому же назвал Кафу подвластным им городом. Вероятно, русский историк домыслил информацию Мацея Стрыйковского. Нахождение Херсона и Кафы в одном контексте не удивительно. Дело в том, что по-

сле того, как последние жители оставили Херсон в середине XV в., его территория запустела, и вскоре точное место древнего города было забыто. В Новое время возникли разные предположения, локализовавшие Херсон в Крыму и за его пределами, причем весьма популярным было его отождествление с Кафой. Правда, сам Татищев считал, что Херсон находился в низовьях Днепра [42, с. 319–323; 43, с. 237–242].

Важно, что Мацей Стрыйковский назвал свой источник: это знаменитые записки австрийского дипломата Сигизмунда фон Герберштейна (1486–1566), побывавшего при дворе Василия III в Москве в 1516–1517 и 1525–1526 гг. В этом сочинении впервые встречается рассказ о «крымском походе» Владимира Мономаха, но интересовала Герберштейна не воинская слава древнего князя, а нечто совсем другое. Записки австрийца отразили изменения в государственной идеологии Московского государства, когда, стремясь упрочить свою власть, его правители обратились к популярной фигуре древнерусского князя. Возникло представление о том, что Владимир Мономах получил знаки власти, перешедшие по наследству к его потомкам, от византийского императора Константина IX Мономаха (1000–1055) после успешного похода во Фракию. «Мономахова легенда» имела особое значение для обоснования легитимности московской династии [9, с. 162–165, 175–177, 182–184, 189–195, 197–199, 209, 210; 24, с. 171–190; 33, с. 125–132; 41, с. 47–51; 25, с. 106–109]. Однако Герберштейн изложил альтернативную версию происхождения инсигний московских правителей, которые оказались связаны не с Византией, а с Крымом: *«Владимир [Мономах] отнял их у некоего побежденного им генуэзца, начальника Кафы»* [31, с. 122, 123]. Для нашего исследования не существенно, выдумал ли Герберштейн свое сообщение, чтобы снизить престиж московских регалий, которые в его версии оказались взятыми у неведомого генуэзца, а не полученными от византийского императора, как утверждалось официально, или пересказал какую-то историю, которую слышал от русских знакомых [см.: 11, с. 337–354; 9, с. 107; 32, с. 356, прим. 235]. Важно, что австрийского дипломата интересовал не поход на Крым, а происхождение великокняжеских инсигний[4].

Очевидно, Мацей Стрыйковский расширил это краткое сообщение, дополнив его новыми деталями [см.: 44]. Поскольку иных, более древних известий о деяниях Владимира Мономаха в Крыму не обнаруживается, а хронологическая дистанция между известием Герберштейна и описанным им событием превышает четыре столетия, вопрос о достоверности известий о походе или походах Руси на Крым в последней четверти XI в., думается, можно считать решенным.

[4] Впоследствии известие Герберштейна, иногда через посредство Мацея Стрыйковского, попало в разные исторические тексты западно- и восточноевропейского происхождения, датированные XVII–XVIII вв. Как правило, историков и хронистов больше интересовал вопрос о великокняжеских инсигниях, чем об иных деталях похода. Подробно эти материалы рассмотрены в отдельной статье [44]. Потому здесь привлекаются только те источники, которые представляют интерес для выяснения вопроса о достоверности «крымских походов» Руси второй половины XI в. и влиянии этого сюжета на историографию.

Происхождение сведений Эдуара де Мюраля и Гаспаро-Луиджи Одерико

Исследователи, считающие поход 1076 г. исторической реальностью, полагают, что был еще один источник, его упомянувший, параллельный «Татищевскому». Об этом, якобы, свидетельствует труд знаменитого швейцарско-немецкого исследователя XIX в. Эдуара де Мюраля (Эдуарда Муральта), упомянувшего в исследовании византийской хронологии бунт херсонитов против ромейского императора, который был подавлен союзными Византии древнерусскими князьями в 1074 г. [53, p. 28]. Мюраль сослался на итальянского историка Гаспаро-Луиджи Одерико, сочинение которого о генуэзцах в Крыму, как считается, было представлено Екатерине II во время ее путешествия на юг (1787), а впоследствии напечатано в Италии [47, с. 9]. С легкой руки В. Г. Васильевского, который не смог отыскать в опубликованном сочинении Одерико информацию, на которую сослался Мюраль, предполагается, что тот использовал не дошедший до наших дней источник, а Мюраль видел его в неопубликованных бумагах итальянца [7, с. 29–30, прим. 1]. Исследователи, не считающие поход 1076 г. исторически достоверным, думают, что Мюраль использовал не сведения Одерико, а проанализированные выше фрагменты из книги Татищева [29, с. 184, 185] или польского автора истории Крыма Станислава Сестренцевича-Богуша (1731–1826) [15, с. 15–16; ср.: 55, p. 308–309; 30, с. 344–347]. Эти предположения, думается, не вполне верны.

Из ссылок в книге Сестренцевича следует, что он знал не только сообщение Мацея Стрыйковского, но и критику, которую оно вызвало у работавшего в эпоху Екатерины II историка и государственного деятеля Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790). Последний разобрал известие польского хрониста в связи с вопросом о происхождении барм Владимира Мономаха и пришел к выводу о его вымышленности, поскольку генуэзцы появились в Крыму через много лет после смерти древнерусского князя [46, с. 112–114]. Между прочим, позднее из тех же соображений не поверил в достоверность сообщений Гербертштейна и Мацея Стрыйковского Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Так было положено начало «скептическому» направлению историографии исследуемых походов [14, с. 278, прим. 221].

Но размышления Щербатова не убедили Сестренцевича, во многом потому, что сторонником подлинности сообщения Мацея Стрыйковского оказалась сама Екатерина II. Императрица создала «Записки касательно российской истории», книгу, которая предназначалась для ее внука, будущего императора Александра I, а в перспективе должна была стать учебником для молодого поколения россиян [45, с. 218–223]. «Записки» имеют патриотическую направленность. К тому же работа над ними шла во время подготовки и сразу после присоединения Крыма, а потому рассказ о «древних» связях Руси с полуостровом в очередной раз указывал на правомерность современных политических решений. Наконец, Екатерина II ценила «Историю» Татищева куда больше труда Щербатова [см.: 43, с. 238–241]. Поэтому неудивительно, что в ее «Записках» нашлось место для обоих «крымских походов» Владимира Мономаха [10, с. 223–224, 275].

Зная об этом, Сестренцевич не счел аргументы Щербатова существенными, а историческую основу («le fond de l'événement») известия Мацея Стрыйковского назвал достоверной. Чтобы избежать неувязки, Сестренцевич предположил, что второй поход возглавлял не Владимир Мономах, а его полный тезка, бывший удельным князем («duc apanagé»). Кроме того, ссылаясь на западных историков, он писал, что генуэзская Кафа возникла в середине XI в. [55, p. 308–309; 30, с. 344–347]. Впрочем, сказанное говорит лишь о спорах историков рубежа XVIII–XIX вв., а не об источнике сведений Мюраля и не о гипотетических материалах Одерико.

Книгу генуэзца сложно назвать хорошо изученным материалом. Взаимоотношения ее автора с российскими властями – это также вопрос, требующий дальнейших исследований. И хотя во введении к книге (кстати, написанном не самим Одерико) говорится о том, что его «Письма» были представлены императрице [54, p. viii], в документах, связанных с ее южным путешествием, имени генуэзского историка выявить не удалось. Нельзя исключить, что рукопись сочинения Одерико была передана императрице через третье лицо. Во всяком случае, опубликованные генуэзцем рисунки крымских надписей, вероятно, выполнены не им, а кем-то не слишком квалифицированным [47, с. 9, 12, прим. 1; ср.: 54, p. 195]. Эти и другие материалы могли собирать, например, по указанию наместника Юга России Григория Александровича Потемкина (1739–1791), который был заинтересован в написании истории Крыма [40, с. 39–40; 42, с. 324–325]. Иначе говоря, Одерико мог работать за пределами России, используя присланные ему документы. Подобный прием не был чем-то необычным для историков XVIII в. Достаточно вспомнить, что именно так, за несколько десятков лет до Одерико, писал «Историю Российской империи при Петре Великом» Вольтер [13, с. 14–15]. Но какие именно материалы мог использовать ученый генуэзец, остались ли некоторые из них неопубликованными, и видел ли их Мюраль, точно не известно. Впрочем, для решения вопроса о «крымских походах» Руси в XI в. это, как выясняется, не принципиально.

Представляется, что источник Мюраля можно определить достоверно, тем более что историк сам его назвал. Это раздел 13 (sic; правильнее – XIII) книги Одерико [53, p. 28]. Там можно обнаружить отсылку к отрывкам из сочинений Герберштейна, а также использовавшим его известие о походе Владимира Мономаха на Кафу испанскому историку Антонио Эррера-и-Тордесильясу (1549–1625/1626) и переработавшему сведения последнего итальянцу Джеронимо Марини [54, p. 121–124; ср.: 48, p. 749 (col. 2); 52, p. 106–107]. Мюраль обработал собранную Одерико информацию примерно тем же методом, что и Татищев, подобрав подходящую хронологию для похода Владимира Мономаха (1074) и предположив, что князь напал на Херсон [53, p. 28–29]. Иначе говоря, никакого «параллельного Татищевскому» источника о походе Руси на Крым в конце XI в. не существовало.

Более того, Мюраль упомянул в своей хронологии и второй поход Руси на Крым, который, по его мнению, был направлен против Кафы в 1095 г. И здесь исследователь сослался на Одерико, но оставил данный пункт под вопросом, поскольку

в русской летописи сказано, что Владимир Мономах в указанном году воевал с половцами. Мюраль сослался на публикацию «Никоновской летописи» – летописного списка XVI в. из личной библиотеки патриарха Никона [53, p. 74; ср. p. xii; 26, с. 4–5]. Ученый писал о двух походах, а это может говорить о том, что ему были известны сочинения Татищева, Пьера-Шарля Левека (1737–1812) или Сестренцевича, но ссылок на них в тексте нет.

В свою очередь, Одерико неплохо знал существовавшую в его время историографию вопроса и потому относился к сообщению о походе Владимира Мономаха на Крым с известным скепсисом. Французский историк Левек, некоторое время состоявший на службе у Екатерины II, также обращался к сюжету с «крымским походом» Владимира Мономаха. Источником для него было сочинение Мацея Стрыйковского. Левек заметил, что поддерживает скепсис Щербатова [50, p. 226 et n. *, p. 227; ср.: 19, с. 220]. Одерико читал этот фрагмент труда Левека и согласился с его (а вернее, Щербатова) выводом: Владимир Мономах не мог напасть на Кафу, которой в его время еще не существовало. Потому Одерико задумался, не мог ли в этом отрывке упоминаться не город, а человек (противник Владимира Мономаха), например, носивший фамилию Каффаро (Caffaro) [54, p. 123–124].

Как бы то ни было, В. Г. Васильевский не смог отыскать источника сведений Мюраля в книге Одерико, а потому решил, что тот воспользовался неопубликованными записками итальянца. Это не удивительно. Русский ученый не знал о том, что во второй половине XVIII в. с местоположением Херсонеса не было ясности, что город путали с Кафой, и, быть может, не очень хорошо помнил записки Герберштейна. Именно поэтому Васильевский не смог понять ни логику Мюраля, ни то, что его выводы основывались на материалах, цитированных в книге Одерико. Куда удивительней, что последующая историография повторяла вслед за Васильевским мысль о загадочных, не дошедших до нас материалах Одерико – Мюраля.

Небольшая разница в датировках первого «крымского похода» Руси у Татищева (1076), Екатерины II (1077), Сестренцевича (1078) и Мюраля (1074) объясняется тем, что каждый пытался по-своему подобрать подходящую дату в контексте известных событий византийской и древнерусской истории.

Предполагаемая реконструкция взаимоотношений между упомянутыми в статье текстами представлена на рис. 1.

Косвенные аргументы историков и неожиданные выводы археологов и искусствоведов

Как уже говорилось, сторонники истинности походов Руси на Крым во второй половине XI в. стараются подкрепить свои размышления разными косвенными соображениями. Прежде всего – это спекуляции относительно времени и исторических обстоятельств, призванные доказать возможность походов в контексте византино-древнерусских отношений и биографий древнерусских князей. Как правило,

противоречий избежать все равно не удается, но дискуссия смещается от обсуждения достоверности источников к тому, когда и почему мог произойти поход [подробнее: 34, с. 120–129, 158–160; 28, с. 327–334]. Учитывая происхождение известий Татищева и Одерико – Мюраля, вряд ли остается смысл обсуждать такого рода умозаключения. Любопытны, однако, попытки привлечь свидетельства других групп источников, таких как народные предания, былины и памятники материальной культуры. Подобная аргументация показывает, в какие дебри может завести исследователя доверие к источнику, если он не пытается его критически осмыслить, а также к каким далеко идущим выводам можно прийти на столь сомнительном основании.

Так, например, в «Записках» Герберштейна передана история о том, как некогда новгородцы осаждали «греческий город Корсунь» и вернулись с богатыми трофеями – воротами и колоколом, которыми украсили собственную соборную церковь [31, с. 342–345]. С. Н. Азбелев решил, что эти сведения подтверждают достоверность «Татищевского известия» о первом походе, который исследователь отнес к 1077 г. [1, с. 68–69; 2, с. 319]. Думается, что этот аргумент не выдерживает критики. Во-первых, в этом же сюжете австрийский дипломат перенес в Новгород действие рассказа о неверных женах, которые в отсутствии задержавшихся в походе мужей вступили в связь с рабами. Возвращавшимся пришлось укрощать взбунтовавшихся рабов с помощью дубинок и плетей. В основе этого сообщения – история, которую рассказывал еще Геродот (V в. до н. э.), и, конечно, не о новгородцах, а о скифах. Именно «отец истории» пояснил, зачем нужно было использовать плети, а не боевое оружие: дабы противники вспомнили свой рабский статус, испугались, покорились господам, и так обе стороны избежали бы ненужных жертв [8, с. 187, 188]. Во-вторых, Герберштейн никак не датировал этот фрагмент. Заимствовавший же у него данные сведения Мацей Стрыйковский связал их с крымским походом Владимира Святого (ок. 988 г.), причем отметил и параллель со скифским сюжетом Геродота [51 (Ks. 5, Rozd. X), s. 130; 20, с 192–193].

Кроме того, С. Н. Азбелев привлек известия сирийского путешественника и монаха Павла Алеппского (ок. 1627–1669), который в 1656 г. побывал в Новгороде и также пересказал местные легенды о взятых в походе на Крым христианских реликвиях, усмотрев в них отражение событий XI в. [1, с. 69; 2, с. 319]. Заметим, что известия Павла Алеппского куда более путаны, чем сведения Герберштейна. Сначала сириец говорит о походах новгородского князя «на сербов и греков», состоявшихся «около 700 лет тому назад», то есть в X столетии. Далее Павел Алеппский упоминает альтернативное предание, согласно которому во главе операции стоял «хакан, хан татарский», который осаждал Константинополь. Кем бы ни был командир новгородцев, он, по преданию, отправился на войну с Кафой или Корсунем и вывез оттуда трофеи [22, с. 70]. Думается, из этого следует лишь, что в Новгороде бытовали легенды о давних походах и захваченной в Крыму добыче, украсившей местный собор св. Софии.

По мнению ряда исследователей, предание о «корсунских вещах» в Новгороде возникло достаточно поздно, в связи с желанием новгородцев защитить свою независимость от Москвы в XV–XVI вв. Происхождение этих вещей связывали с крымским походом Владимира Святого. Апеллируя к авторитету «корсунских святынь», новгородцы указывали на непосредственное участие своего города и своих предков в крещении Руси и тем самым утверждали особую историческую роль Новгорода [39, с. 156–157]. Следует отметить и то, что название «корсунских» закрепилось на Руси за самыми разнообразными произведениями искусства – иконами, предметами личного благочестия, архитектурными деталями. Оно способствовало увеличению ценности и престижа артефактов, которые в большинстве своем сделаны не в Корсуне, а русскими мастерами, и к тому же датируются временем более поздним, чем X–XI вв. [подробнее: 39, с. 152–186; см. также: 27, с. 223–231].

С. Н. Азбелев и некоторые другие исследователи попытались связать с «походом Руси» на Крым во второй половине XI в. былину о князе Глебе Володьевиче [1, с. 56–59, 65–67, 69–70; 2, с. 319]. В этой былине (известной в нескольких вариантах) рассказывается о походе древнерусского правителя на Крым и о взятии города Корсуня [3, с. 429–433; 5, с. 204–208]. Заметим, что изучение данной былины породило значительную историографию [17, с. 305–308]. Исследователи обратили внимание на сходство описания осады города в одном из вариантов былины и летописного рассказа о покорении Корсуня Владимиром Святым [23, с. 8–9; ср.: 1, с. 65–67]. Другая гипотеза утверждает, что былина отражает реалии XIII–XIV вв., и в частности – нападение на Херсон золотоордынского войска [17, с. 314–318].

Когда бы ни возник русский эпос, в настоящее время известный как «былины», первые записи отдельных текстов относятся только к XVI–XVII вв., причем между устной и письменной традицией происходил обмен [23, с. 17]. Применительно к конкретному случаю это, вероятно, не позволяет исключить «книжного» происхождения деталей былины о Глебе Володьевиче, и ставит под вопрос любые попытки использовать былину как независимый источник для реконструкции конкретно-исторических реалий. Отметим и вариант былины, где о Корсуни не говорится, а поход Глеб Володьевич совершает *«во тотарьскую-то во земьлю, во Арапьскую»* [3, с. 251–255]. По мнению Н. В. Петрова, *«эпос не является отражением определенного исторического события или ряда таких событий, но представляет собой набор сюжетных схем, в которые может включаться на разных этапах разнородный исторический или квазиисторический материал»* [23, с. 161]. Примером тому может быть, например, былина, повествующая о том, как «цареградский царь» (то есть византийский император) организовал похищение жены «премудрого» царя Соломана (прототипом которого, очевидно, был библейский царь Соломон). Для этого к Иерусалиму отправили корабли. В одном из вариантов былины отомстить за оскорбление помогли царю Соломану русские богатыри Алеша Попович и Добрыня Никитич [3, с. 144–151, 450–456]. Риторическим будет вопрос, можно ли на этом основании реконструировать конкретно-историческую или географическую реальность.

Приведенные эпизоды показывают хрупкость косвенных аргументов, привлекаемых для доказательства аутентичности известий о походе или походах Руси на Крым во второй половине XI в. Тем не менее, представление о реальности этих событий вышло за пределы исторической дискуссии и стало оказывать влияние на археологию и искусствоведение. Так, были попытки отыскать следы набега Руси в раскопках Херсонесского городища [напр.: 35]. Другой пример – привлечение проанализированных данных к изучению «шапки Мономаха», ведь в известиях Герберштейна и Мацея Стрыйковского говорится о том, что взятые древнерусским князем в Крыму трофеи стали знаком власти его потомков. Правда, источники говорят о наплечном украшении, бармах, а не о шапке. Как известно, вопрос о происхождении этой важнейшей великокняжеской инсигнии является предметом дискуссии [см. обзор: 4, с. 181–182]. Многие исследователи указывают на связь «шапки Мономаха» с Золотой ордой [18; 6]. Другие полагают, что драгоценный головной убор создан в Москве из деталей разного происхождения [4, с. 182–189]. Сторонник же византийского изготовления шапки Н. В. Жилина, пытаясь использовать известия о «крымском походе» Владимира Мономаха, пришла к следующему выводу: *«Конкретность и постоянство упоминания Кафы в воспроизведении легенды о завоевании Царских регалий Владимиром Мономахом позволяют признать, что произошедшее там событие, связанное с историей Шапки, случилось на самом деле, она была там куплена Иваном Калитой в период генуэзской колонии. Генуэзские торговцы имели возможность торговать дорогими византийскими раритетами XIII в.»* [12, с. 205]. Понятно, что изложенные выше соображения по поводу известий о «крымских походах» второй половины XI в. делают данную гипотезу крайне маловероятной.

***

Таким образом, в основе известий о походах древнерусских князей, и прежде всего Владимира Мономаха, на Крым во второй половине XI в., которые находятся в сочинениях Василия Никитича Татищева, с одной стороны, и Эдуара Мюраля и Гаспара-Луиджи Одерико, с другой, лежит краткое сообщение из записок австрийского дипломата первой половины XVI в. Сигизмунда фон Герберштейна. К Татищеву соответствующая информация попала через посредство польской хроники Мацея Стрыйковского, который значительно расширил известие Герберштейна, а Одерико знал также восходившее к Герберштейну свидетельство Антонио Эррера-и-Тордесильяса и труд переработавшего последнее Джеронимо Марини. Значительный хронологический промежуток между известием Герберштейна и последней четвертью IX в., в отсутствие других источников, заставляет предположить, что перед нами не информация о реальном прошлом, а продукт воображения либо самого австрийца, либо его московских информаторов. Потому нет никакого смысла в поисках «отражений» крымского похода Руси в памятниках археологии, былинах или новгородских легендах. Тем самым сюжеты с нападениями Владимира Мономаха на Крым из предмета актуального обсуждения историков превращаются в материалы к истории науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азбелев С.Н. Походы русских князей на Херсонес в былинной интерпретации // Средневековая Русь. М.: Индрик, 2007. Вып. 7. С. 56–70.
2. Азбелев С.Н. В защиту труда Василия Никитича Татищева // Сборник Русского исторического общества. 2011. № 11(159). С. 316–324.
3. Беломорские былины / ред. А. В. Марков. М.: Т-во скоропечати А. А. Левенсон, 1901. 617 с.
4. Богатырёв С.Н. Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1(9): Январь – Июнь. С. 171–200.
5. Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / ред. А. М. Астахова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 654 с.
6. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Короны русских царей – памятники татарской культуры // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М.: ОГИ, 1997. С. 40–52.
7. Васильевский В.Г. Труды. Т. 2. Вып. 1. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1909. 295 с.
8. Геродот. История в девяти книгах / пер. с др.-гр. Г. А. Стратановский. Л.: Наука, 1972. 599 с.
9. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 213 с.
10. [Екатерина II] Записки касательно российской истории. Ч. I. СПб.: Императорская типография, 1787. 416 с.
11. Жданов И.Н. Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских» (окончание) // ЖМНП. 1891. Ч. CCLXXVII: Октябрь. С. 325–368.
12. Жилина Н.В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М.: Наука, 2001. 246 с.
13. Искюль С.Н. Вольтер и его «История Российской империи» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 9–17.
14. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. II–III. М.: Наука, 1991. 832 с.
15. Каштанов Д.В. К критике известий об угрозах Херсону в последней четверти XI в.: «Татищевское известие» о походе русского войска // II Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Севастополь, 2010. С. 15-17.
16. Книга степенная царского родословия. Ч. 1 // Полное собрание русских летописей. Т. 21. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 342 с.
17. Козловский С.В. Древняя Русь в зеркале былинной традиции. Гендер, сакральность и социальные практики в героическом эпосе. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 512 с.
18. Крамаровский М.[Г.] «Шапка Мономаха»: Византия или Восток? // СГЭ. 1982. Вып. XLVII. С. 66–71.
19. Левек [П.-Ш.] Российская история. М.: Типография Компании типографической, 1787. 370 с.
20. Мацей Стрийковський. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси / пер. з. пол. Р. Івасів. Львів, 2011. 1074 с.
21. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
22. Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века / пер. с араб. Г. Муркос. Вып. 4 (Москва, Новгород и путь от Москвы до Днестра). М.: Университетская типография, 1898. 195 с.
23. Петров Н.В. Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Форум; Неолит, 2017. 280 с.

24. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.
25. Ричка В.М. Володимир Святий в історичній пам'яті. Київ: Видавець Олег Філюк, 2016. 202 с.
26. Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением Императорской академии наук. Ч. 2. СПб.: Императорская академия наук, 1768. 379 с.
27. Сазанов А. В. Когда же Владимир взял Корсунь? Споры о датах // Русский исторический сборник: Средневековый Херсон X–XI вв. М.: Киммерийский центр, 2015. С. 63–231.
28. Сазанов А.В. Херсон в XI веке // Русский исторический сборник: Средневековый Херсон X–XI вв. М.: Киммерийский центр, 2015. С. 232–345.
29. Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский дом, 2009. 344 с.
30. Сестренцевич-Богуш С. История о Таврии [История царства Херсонеса Таврийского]. Т. 1. СПб.: Типография Шнора, 1806. 440 с.
31. Сигизмунд [фон] Герберштейн. Записки о Московии. Т. I: Латинский и немецкий тексты / пер. с лат. А. И. Малеин, А. В. Назаренко, с ранневерхненем. А. В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
32. Сигизмунд [фон] Герберштейн. Записки о Московии. Т. II: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 656 с.
33. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции, XV–XVI вв. М.: Индрик, 1998. 416 с.
34. Слядзь А.Н. Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII века). СПб.; М.: Евразия; Клио, 2014. 288 с.
35. Смирнов Р.П. К дискуссии о походе русских на Херсон в последней четверти XI века по материалам раскопок // II Свято-Владимирские чтения. Севастополь, 2015. С. 61–62.
36. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.
37. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. II–III: История российская. Часть вторая. М.: Ладомир, 1995. 688 с.
38. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. IV: История российская. Часть вторая. М.: Ладомир, 1995. 688 с.
39. Толстая Т.В., Уханова Е.В. «Корсунские» реликвии и крещение Руси // Христианские реликвии в Московском кремле. М.: Радуница, 2000. С. 147–189.
40. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 674 с.
41. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I / пер. с англ. С. В. Житомирская. М.: ОГИ, 2002. 606 с.
42. Храпунов Н.И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 317–358.
43. Храпунов Н.И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // АДСВ. 2016. Вып. 44. С. 236–251.
44. Храпунов Н.И. Известия о «крымском походе» Владимира Мономаха в источниках Нового времени // АДСВ. 2018. Вып. 45 (в печати).
45. Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы / пер. с нем. И. Карташева, М. Лавринович. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.
46. Щербатов М.[М.] История российская от древнейших времен. Т. II. СПб.: Императорская академия наук, 1770. 346 с.

47. Юргевич В.[Н.] Исторический очерк пятидесятилетия Императорского одесского общества истории и древностей, 1839–1889. Одесса: Типография А. Шульце, 1889. 121 с.
48. Herrera A. de. Historia general del mundo, de XVII. años del tiempo del señ Rey don Felipe II. el Prudente, desde el año de M.D.LIIII hasta el de M.D.LXX. P. 1. [Valladolid: J. Godinez de Millis], 1606. 820 p.
49. Jankowski H. A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden; Boston: Brill, 2006. 1233 p.
50. Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. T. 1. Hambourg; Brunswick: Pierre-François Fauche et Compagnie, 1800. 324 p.
51. Maciej Stryjkowski. Kronika polska, litewska, żmódska i wszystkiéj rusi. T. I. Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glücksberga, 1846. xlviii + 63+392 s.
52. Marinis H. de. Genua, sive dominii, gubernationis, potentiae, dignitatis, Serenissimae Reipublicae Genuensis. Compendiaria descriptio. Genova: Petrus Ioannes Calenzanus, 1666. 166 p.
53. Muralt E. de. Essai de chronographie byzantine, 1057–1453. T. 1. Bale; Genève: H. Georg; St.-Pétersbourg: Eggars et comp, 1871. 939 p.
54. Oderico G. L. Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa… Bassano, 1792. 214 p.
55. Siestrzencewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. T. 1. Brunswick: Pierre-François Fauche et Comp., 1800. 395 p.

REFERENCES

1. Azbelev S.N. Pokhody russkikh kniazei na Khersones v bylinnoi interpretatsii. *Srednevekovaia Rus',* Moscow, Indrik Publ., vol. 7, 2007, pp. 56–70.
2. Azbelev S.N. V zashchitu truda Vasiliia Nikiticha Tatishcheva. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*, 2011, vol. 11(159), pp. 316–324.
3. Markov A.V. (ed.), *Belomorskie byliny.* Moscow, T-vo skoropechati A. A. Levenson Publ., 1901, 617 p.
4. Bogatyrev S.N. Shapka Monomakha i shlem naslednika: reprezentatsiia vlasti i dinasticheskaia politika pri Vasilii III i Ivane Groznom. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana,* 2011, vol. 1 (9), pp. 171–200.
5. Astakhova A.M. (ed.), *Byliny Severa,* vol. 1, Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1938, 654 p.
6. Valeeva-Suleimanova G.F. Korony russkikh tsarei – pamiatniki tatarskoi kul'tury. *Kazan', Moskva, Peterburg: Rossiiskaia imperiia vzgliadom iz raznykh uglov,* Moscow, OGI Publ., 1997, pp. 40–52.
7. Vasil'evskii V.G. *Trudy,* vol. 2/1, St-Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1909, 295 p.
8. Herodotus. *Histories,* Leningrad, Nauka Publ., 1972, 599 p.
9. Dmitrieva R.P. *Skazanie o kniaz'iakh vladimirskikh,* Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1955, 213 p.
10. [Ekaterina II] *Zapiski kasatel'no rossiiskoi istorii,* vol. 1, St-Petersburg, Imperatorskaia tipografiia Publ., 1787, 416 p.
11. Zhdanov I.N. Povesti o Vavilone i «Skazanie o kniaz'iakh vladimirskikh» (okonchanie). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya,* 1891, vol. 277, pp. 325–368.

12. Zhilina N.V. *Shapka Monomakha. Istoriko-kul'turnoe i tekhnologicheskoe issledovanie,* Moscow, Nauka Publ., 2001, 246 p.
13. Iskiul' S.N. Vol'ter i ego «Istoriia Rossiiskoi imperii». *Otechestvennaia istoriia i istoricheskaia mysl' v Rossii XIX–XX vekov: sbornik statei k 75-letiiu Alekseia Nikolaevicha Tsamutali,* St-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007, pp. 9–17.
14. Karamzin N.M. *Istoriia gosudarstva rossiiskogo*, vol. 2–3, Moscow, Nauka Publ., 1991, 832 p.
15. Kashtanov D.V. K kritike izvestii ob ugrozakh Khersonu v poslednei chetverti XI v.: «Tatishchevskoe izvestie» o pokhode russkogo voiska. II *Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis»,* Sevastopol, 2010, pp. 15–17.
16. *Kniga stepennaia tsarskogo rodosloviia, vol. 1 (Polnoe sobranie russkikh letopisei, vol. 21),* St-Petersburg, Tipografiia M. A. Aleksandrova Publ., 1908, 342 p.
17. Kozlovskii S.V. *Drevniaia Rus' v zerkale bylinnoi traditsii. Gender, sakral'nost' i sotsial'nye praktiki v geroicheskom epose,* St-Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 512 p.
18. Kramarovskii M.[G.] «Shapka Monomakha»: Vizantiia ili Vostok? *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha,* 1982, vol. 97, pp. 66–71.
19. Levesque [P.-Ch.]. *Rossiiskaia istoriia* Moscow, Tipografiia Kompanii tipograficheskoi Publ., 1787, 370 p.
20. Ivasiv R. (trans.), *Maciej Stryjkowski. Litopis pol's'kii, litovs'kii, zhmuds'kii i vsiei Rusi.* Lviv, 2011, 1074 p.
21. Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty,* Simferopol, Universum Publ., 2009, 528 p.
22. Murkos G. (transl.), *Paul of Aleppo, Puteshestvie antiokhiiskogo patriarkha Makariia v Rossiiu v polovine XVII veka,* vol. 4, Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1898, 195 p.
23. Petrov N.V. *Russkii epos: geroi i siuzhety*, Moscow, Forum Publ., 2017, 280 p.
24. Pliukhanova M.B. *Siuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva,* St-Petersburg, Akropol' Publ., 1995, 336 p.
25. Rychka V.M. *Volodimir Sviatii v istorichnii pam'iati,* Kiev, Vydavets' Oleg Filiuk Publ., 2016, 202 p.
26. *Russkaia letopis' po Nikonovu spisku, izdannaia pod smotreniem Imperatorskoi akademii nauk,* vol. 2, St-Petersburg, Imperatorskaia akademiia nauk Publ., 1768, 379 p.
27. Sazanov A.V. Kogda zhe Vladimir vzial Korsun'? Spory o datakh. *Russkii istoricheskii sbornik: Srednevekovyi Kherson X–XI vv.,* Moscow, Kimmeriiskii tsentr Publ., 2015, pp. 63–231.
28. Sazanov A.V. Kherson v XI veke. *Russkii istoricheskii sbornik: Srednevekovyi Kherson X–XI vv.,* Moscow, Kimmeriiskii tsentr Publ., 2015, pp. 232–345.
29. Sverdlov M.B. *Vasilii Nikitich Tatishchev – avtor i redaktor «Istorii Rossiiskoi»,* St-Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2009, 344 p.
30. Siestrzencewicz de Bohusz S. *Istoriia o Tavrii*, vol. 1, St-Petersburg, Tipografiia Shnora Publ., 1806, 440 p.
31. Malein A.I., Nazarenko A.V. (trans.), *Sigizmund [von] Herbershtein. Zapiski o Moskovii,* vol. 1, Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2008, 776 p.
32. Sigizmund [von] Herbershtein. *Zapiski o Moskovii,* vol. 2, Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2008, 656 p.
33. Sinitsyna N.V. *Tretii Rim. Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii, XV–XVI vv.,* Moscow, Indrik Publ., 1998, 416 p.
34. Sliadz' A.N. *Vizantiia i Rus': opyt voenno-politicheskogo vzaimodeistviia v Krymu i Priazov'e (XI – nachalo XII veka),* St-Petersburg, Moscow, Evraziia Publ., 2014, 288 p.

35. Smirnov R.P. K diskussii o pokhode russkikh na Kherson v poslednei chetverti XI veka po materialam raskopok. *II Sviato-Vladimirskie chteniia,* Sevastopol, 2015, pp. 61–62.
36. Pokrovsky N. N., Lenhoff G. D. (eds.), *Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam,* vol. 1, Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur publ., 2007, 598 p.
37. Tatishchev V.N. *Sobranie sochinenii,* vol. 2–3, Moscow, Ladomir Publ., 1995, 688 p.
38. Tatishchev V.N. *Sobranie sochinenii,* vol. 4, Moscow, Ladomir Publ., 1995, 688 p.
39. Tolstaia T.V., Ukhanova E.V. «Korsunskie» relikvii i kreshchenie Rusi. *Khristianskie relikvii v Moskovskom kremle,* Moscow, Radunitsa Publ., 2000, pp. 147–189.
40. Tunkina I. V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.).* St-Petersburg: Nauka, 2002, 674 p.
41. Wortman R.S. *Stsenarii vlasti.* Mify i tseremonii russkoi monarkhii, vol. 1, Moscow, OGI Publ., 2002, 606 p.
42. Khrapunov N.I. Kak Khersones stal tsentrom russkogo pravoslaviia. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2016, vol. XXI, pp. 317–358.
43. Khrapunov N.I. Vizantiiskii Kherson i Ekaterina Velikaia. *Antichnaia drevnost' i srednie veka,* 2016, vol. 44, pp. 236–251.
44. Khrapunov N.I. Zabytaia istoriia o «Monomakhovykh regaliiakh» i ee istoriograficheskie posledstviia. *Antichnaia drevnost' i srednie veka,* 2018, vol. 45 (in press).
45. Scharf K. *Ekaterina II, Germaniia i nemtsy.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 535 p.
46. Shcherbatov M.[M.] *Istoriia rossiiskaia ot drevneishikh vremen,* vol. 2, St-Petersburg, Imperatorskaia akademiia nauk Publ., 1770, 346 p.
47. Iurgevich V.[N.] *Istoricheskii ocherk piatidesiatiletiia Imperatorskogo odesskogo obshchestva istorii i drevnostei, 1839–1889,* Odessa, A. Shul'tse Publ., 1889, 121 p.
48. Herrera A. de. *Historia general del mundo, de XVII. años del tiempo del señ Rey don Felipe II. el Prudente, desde el año de M.D.LIIII hasta el de M.D.LXX,* vol. 1, [Valladolid, J. Godinez de Millis], 1606, 820 p.
49. Jankowski H. *A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea,* Leiden, Boston, Brill, 2006, 1233 p.
50. Levesque P.-Ch. *Histoire de Russie*, vol. 1, Hambourg, Brunswick, Pierre-François Fauche et Compagnie, 1800, 324 p.
51. Maciej Stryjkowski. *Kronika polska, litewska, żmódska i wszystkiéj rusi,* vol. 1, Warszawa, Nakład Gustawa Leona Glücksberga, 1846, xlviii + 63+392 p.
52. Marinis H. de. *Genua, sive dominii, gubernationis, potentiae, dignitatis, Serenissimae Reipublicae Genuensis. Compendiaria descriptio,* Genova, Petrus Ioannes Calenzanus, 1666, 166 p.
53. Muralt E. de. Essai *de chronographie byzantine*, 1057–1453, vol. 1, Bale, Genève, H. Georg; St-Petersbourg, Eggars et comp, 1871, 939 p.
54. Oderico G.L. *Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa*…, Bassano, 1792, 214 p.
55. Siestrzencewicz de Bohusz S. *Histoire de la Tauride*, vol. 1, Brunswick, Pierre-François Fauche et Comp., 1800, 395 p.

N. I. KHRAPUNOV
V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

THE ORIGIN OF THE ACCOUNT OF THE PRINCES OF RUS' CAMPAIGN IN THE CRIMEA IN THE SECOND HALF OF THE ELEVENTH CENTURY

Abstract: This paper addresses the source of the account of the campaigns undertaken by the princes of Rus' against the Crimea in 1074/1078 and 1095, which were related to the name of Prince Vladimir Monomakh. The discussion on the reliability of this information and on the historical context of the said campaigns has been lasting for more than two hundred years. The researchers who considered this first campaign as historical reality use to appeal to two accounts, supplied by Vasilii Tatishchev and Eduard de Muralt (with a reference to Gaspar Luigi Oderico). It has been supposed that these accounts are based on a Rus' and a Byzantine sources accordingly that did not survive. Those who think these stories not reliable consider the said episode a Tatishchev's invention, and Muralt' words a borrowing from either Tatishchev or Stanislaw Bohusz Sestriencewicz. The analysis of modern historians' accounts has discovered that the source of information on both campaigns lays in the book of the sixteenth-century Austrian diplomatist Sigismund von Herberstein who described the ritual of enthronement of Russian grand princes and, in this connection, sited the account of the origin of princely insignia as a trophy taken by Vladimir Monomakh in the Crimea. Later on, this story was reconsidered and enlarged by Polish historian Macej Stryjkowski. His chronicle became the source of this account for several Western European historians. Tatishchev used Macej Stryjkowski's information, understanding it as the account of two campaigns. Oderico worked with information by Herberstein and other Western chroniclers, and his own book became a source for Muralt. Using their own understanding of historical processes, historians tried to invent an appropriate chronology of one or two campaigns, inscribing them into the context of Byzantine-Rus' relations. Since Herberstein's account appeared more than four centuries later than the events described, the Prince of Rus' victories were not a subject of the Austrian's interest, and no "intermediate" source exists, there remains no reliable information of Vladimir Monomakh's "Crimean campaigns," which now turns from the subject of current historical discussion to the material for the history of research.

Keywords: Byzantine Crimea, Chersonese, Caffa, Vladimir Monomakh, Sigismund von Herberstein, Macej Stryjkowski, Vasilii Nikitich Tatishchev, Gaspar Luigi Oderico, Eduard de Muralt.

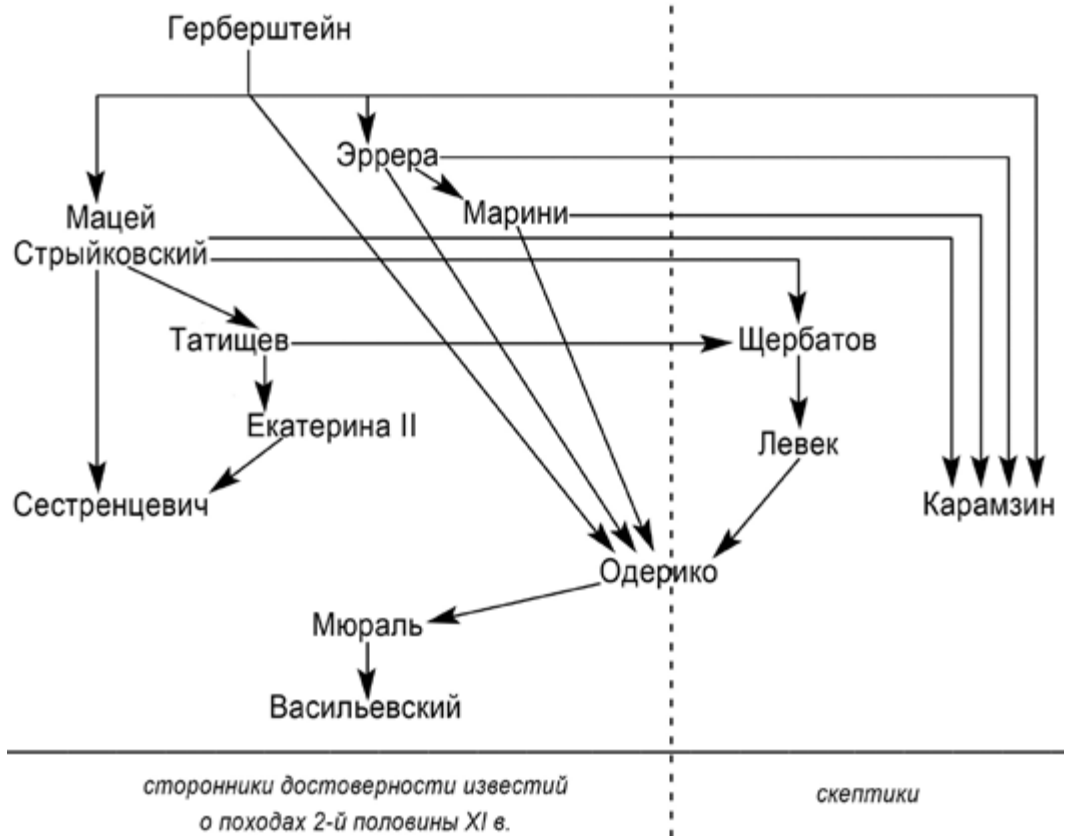


Рис. 1. Развитие представлений о походе (походах) Владимира Мономаха на Крым в текстах XVI – начала XIX в.

Константин ЦУКЕРМАН
Практическая школа высших исследований, Исследовательский университет Paris Sciences & Lettres (Париж, Франция)

О КИЕВСКОМ ПИСЬМЕ ИЗ КАИРСКОЙ ГЕНИЗЫ[1,2]

Аннотация: В исследовании уделяется внимание двум важным аспектам Киевского письма из каирской Генизы, которые должным образом не рассматривались. Первый из них касается дипломатического аспекта Письма, которое является копией, а не оригиналом, письма еврейской общины Киева в поддержку ее попавшего в беду члена. Это наблюдение в значительной степени определяет историческую интерпретацию документа. Второй аспект касается денежной единицы, zaquq, названной для описания долга, который должен был быть погашен носителем Письма. Этот редкий термин, наиболее ранней известной аттестацией которого является Киевское письмо, связывает его с еврейскими общинами Каролингской империи. Попытка понять древнерусский контекст использования термина zaquq побуждает нас рассмотреть сложную природу русской гривны, которая представляет структурно сходные черты, а также и древнерусской денежной системы в целом. Это исследование выводит нас на все более широкий круг проблем, касающихся денежных основ торговли между Востоком и Западом в X в.

Ключевые слова: Киевское письмо, Каирская гениза, хазары, Киев, еврейский брак, Гершом Меор ха-гола, закук, марка серебра, гривна, милиаресий, куна, ногата, резана.

[1] Авторизованный перевод с английского Аврама Торпусмана. Английский текст статьи опубликован: Zuckerman C. On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo // Ruthenica. Киев, 2011. Вып. X. С. 7–56.

[2] Первые наметки данной работы были представлены на семинаре Алексея Толочко (НАН Украины, Киев) 25 мая 2007 г. Симхе Эмануэлю (Еврейский университет, Иерусалим) я обязан подробной консультацией по ашкеназским респонсам. Благодаря дружеской помощи Ронит Никольски (университет Гронингена) мне стала доступна база данных Бар-Иланского проекта «Респонсы». Я очень признателен названным коллегам за поддержку и помощь, сохраняя, разумеется, за собой всю ответственность за высказанные суждения и ошибки в интерпретации.

«Киевское Письмо – подлинный документ хазарских евреев Киева» остается предметом живой дискуссии с тех пор, как оно было опубликовано под этим названием Н. Голбом и О. Прицаком в 1982 г. [75][3]. Оба основных положения, заявленных в заглавии, а именно киевское происхождение письма и его связь с хазарами, были резко оспорены; многие детали издательских комментариев также вызывали возражения. Скажу сразу, что моей целью здесь вовсе не является возродить эти дебаты во всей их сложности и полноте, тем более что по основным пунктам я разделяю позицию издателей, признавая как киевское, так и хазарское происхождение Письма.

Настоящее исследование посвящено, в основном, двум аспектам Письма, которые не привлекли достаточного внимания издателей, да и позднейших толкователей, хоть их и трудно назвать незначительными. Речь идет, прежде всего, о дипломатическом аспекте Письма. Я показываю, что документ, сохранявшийся в генизе каирской синагоги, был копией – а не оригиналом – послания, составленного еврейской общиной Киева в поддержку своего задолжавшего деньги члена. Историческую интерпретацию документа необходимо пересмотреть в свете этого наблюдения. Второй аспект касается денежной единицы, закука, в которой выражается сумма долга, подлежащего возвращению. Киевское письмо представляется наиболее ранним текстом, где используется этот редкий термин. Попытка осмыслить его появление на русской почве приводит нас к рассмотрению русской денежной единицы гривны, обнаруживающей неожиданное структурное сходство с *закуком*. Эти разыскания выведут нас на более широкий круг проблем и позволят предложить ряд наблюдений о монетарных основах торговли между Востоком и Западом в X веке.

I. Документ из генизы – заверенная копия оригинального письма.

После краткого введения в стиле синагогальных гимнов авторы Письма излагают суть дела: «Теперь, наши вельможи и господа, мы, община Киева, (сим) сообщаем вам о трудном деле этого Мар Яакова бен Р. Ханукки…», который стал поручителем своего брата и оказался неспособным вернуть его долг. Пышно расхвалив Мар Яакова, авторы Письма ручаются, что он достоин доверия, – «поэтому мы послали его по святым общинам, чтобы они могли оказать милость ему» – и завершают похвалой благотворительности и напоминанием, что за нее предстоит большая награда [75, p. 10–15].

Представляя читателю этот гладкий перевод, Н. Голб не скрывал связанных с ним трудностей. Строго следуя порядку слов в еврейской фразе, следовало бы перевести: «Теперь, наши вельможи и господа, (сим) сообщаем вам, общине Киева…». Н. Голб [75, p. 6] подкрепил свою версию перевода аргументами, которые были приняты не всеми учеными. Первым С. Шварцфукс в своей рецензии на издание [92, p. 433], а затем М. Эрдаль [71, p. 95; ср.: 49, с. 131] предпочли буквальный перевод

[3] Все дальнейшие ссылки даются по английскому изданию [75]. Имеется русский перевод книги, вышедший двумя изданиями: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Иерусалим, М., 1997 и 2003. Ср. ниже, прим. 5.

фразы, из которого следовало бы, что письмо было отправлено в Киев из другого места. Представляется целесообразным вновь показать, почему подобный подход неплодотворен и буквальный перевод порождает больше проблем, чем решений.

Киевское письмо – типичное рекомендательное письмо (*намлаца*), в котором еврейская община поручается за одного из своих членов, оказавшегося в столь тяжелом положении, что его община не в силах ему помочь и он вынужден просить милостыни в других общинах (частым поводом таких обращений являлся выкуп пленников). Соответственно, Письмо адресовано «святым общинам, разбросанным по всем уголкам (мира)» (строка 6). В данном случае, община, составившая послание, сама является заинтересованной стороной, так как она оплатила бóльшую часть долга, чтобы выкупить Мар Яакова из рук кредиторов, и может рассчитывать на частичный возврат этой суммы в случае успеха его миссии. Очевидно, что послание теряет смысл и вес, если исходная община, выступающая гарантом за его носителя, в нем никак не определена – как это оказалось бы в том случае, если признать Киев местом назначения Письма, а не местом его составления. В этой интерпретации анонимная община не только заявляет в окружном послании: «мы послали его /Мар Яакова/ по святым общинам, чтобы они могли оказать милость ему» (строки 16–17), но и вставляет отдельный призыв к общине Киева, что выглядит весьма неуклюже, как грамматически, так и по смыслу. Можно ли полагать, что Мар Яаков вез отдельное письмо для каждой отдельной общины, которую он собирался посетить – с призывом о помощи, разжиженным всякий раз заявлением, что он и его спонсоры не рассчитывают на щедрость одной лишь этой общины[4]? Таким образом, интерпретация, выдвинутая С. Шварцфуксом и М. Эрдалем, помещает в Письмо фразу, которая лишает документ в целом логики и смысла. Поэтому я не вижу альтернативы мнению Н. Голба, что расположение местоимения *лахем* (вам) мотивируется соображениями стиля, а возникающая при этом двусмысленность корректируется контекстом.

За основной информативной частью текста Письма следуют девять подписей свидетелей, заверяющих его содержание и добросовестность его подателя. Первый среди них, Авраам, носит титул *парнас*, лидер общины (строка 25), и я хотел бы подчеркнуть, что столь краткий титул уместен и понятен лишь в том случае, если община, во главе которой стоял Авраам, была ранее определена. Бросается в глаза, что как имя Авраам, так и восемь последующих подписей, выписаны одной и той же рукой – той, что написала основную часть Письма. Н. Голб кратко отметил эту палеографическую особенность [75, p. 5–6], но, насколько мне известно, никто ее не

[4] Я не могу понять логику утверждения М. Эрдаля [71, p. 95], что «/Письмо/, возможно, обращается к общине Киева за помощью посредством упоминания, что подобное обращение направляется и в другие еврейские общины». Его лингвистический аргумент против киевского происхождения письма, а именно «Письмо, вероятно, исходит из места, где говорят не по-хазарски», – вряд ли является уместным, поскольку мало кто станет утверждать, будто в Киеве разговаривали по-хазарски.

комментировал. У меня же есть этому только одно объяснение. Документ из генизы был не оригиналом, а копией рекомендательного письма, направленного еврейской общиной Киева в поддержку злосчастного Яакова. Это парадоксальным образом противоречит цели документа: только письмо, содержащее оригинальные подписи, могло представлять потенциальным донорам свидетельство доброго имени Яакова.

Однако сохранившееся Письмо ни в коем случае не являлось частной копией. В последней строчке содержится имя другого *парнаса*, Ицхака, выписанное иным почерком и иными чернилами. В этой же строке содержится еще одна запись, начертанная рунами особыми чернилами, много способствовавшая славе Письма (рис. 1). Как и Авраам, *парнас* Ицхак не счел нужным назвать ту общину, которую он возглавлял. Это может только означать, что каждый *парнас* поставил свою подпись там, где осуществлял свою власть: Авраам первым подписал оригинальный документ в Киеве, а Ицхак заверил его копию в месте, которое, естественно, не могло быть Киевом, где он возглавлял местную еврейскую общину. Далее я представлю некоторые соображения относительно его местонахождения, по всей очевидности идентичного тому месту, где Письмо было отмечено рунической записью. Иными словами, дипломатический аспект Письма позволяет опознать в нем копию оригинальной *намлацы*, исходящей из еврейской общины Киева, копию, заверенную главой другой еврейской общины, вероятно, с целью представления документа той власти, которая оставила руническую отметку в левом нижнем углу.

О. Прицак, который сопроводил документ историческим комментарием, пренебрег его дипломатическим аспектом. Идентифицировав руническую подпись как хазарскую, О. Прицак писал: «Киевское письмо, написанное в Киеве на еврейском языке, было кем-то прочитано и аннотировано на хазарском языке хазарскими письменами, явно чиновником, уполномоченным читать документы, чья аннотация удостоверяла законную силу документа в целях путешествия» [75, p. 42–43]. Убеждение, что Киевское письмо было скреплено в Киеве подписью крупного хазарского чиновника, подвигло О. Прицака на обширное обсуждение сроков хазарского господства в Киеве и обстоятельств завоевания города русью. О. Прицак пришел к заключению, что хазарское правление длилось до начала 30-х гг. X в. и что киевское Письмо должно быть датировано концом этого периода, т.е. около 930 г.

Представления О. Прицака о роли хазар в ранней истории Киева вызвали резкие возражения, нашедшие наиболее полное выражение в серии статей П. П. Толочко [36, с. 104–108; 37, с. 38–42; 38, с. 99–108]. П. П. Толочко предложил собственную интерпретацию письменных источников и обратил внимание на почти полное отсутствие археологических свидетельств хазарского присутствия на территории Киева. Мне немного неловко определять свою позицию в этой дискуссии. Я полагаю, как и О. Прицак, что Киев появился на исходе IX века как торговая фактория на окраине Хазарского каганата и что он был завоеван Олегом лет 30–40 спустя после летописной даты этого события (6390 / 882 г.) [42, с. 346–349]; но я бы затруднился присоединяться к какому-либо аргументу О. Прицака. Ниже я обосную, что

датировка Письма около 930 г. не только маловероятна, но и просто невозможна. Но основное мое возражение касается базовой предпосылки О. Прицака, будто руны были начертаны на письме в Киеве. Они были начертаны там, где письмо было скопировано и где во главе еврейской общины стоял не Авраам, как в Киеве, а Ицхак.

О. Прицак прочел руническую подпись «по-хазарски» как *hokurüm* и перевел ее: «я прочел /это/» [75, p. 41–43]. Н. Голб, со своей стороны, указал, что эта формула эквивалентна отметке *legi* или *legimus*, подписи византийских императоров [75, p. 15]. Прочтение и перевод О. Прицака были приняты с немногими замечаниями М. Эрдалем [71, p. 97–99]. Однако они были отвергнуты И. Л. Кызласовым и последовательно опровергнуты, руна за руной, В. В. Напольских, который заявил, что О. Прицак произвольно определил фонетическое значение большинства рун и сконструированная им глагольная форма лингвистически невозможна [12, с. 34; 20, с. 221–225][5].

Не-тюрколог не может занять собственную позицию в этом споре языковедов, но он в состоянии оценить исторические выводы, следующие из лингвистического анализа. М. Эрдаль находит в прочтении О. Прицака поддержку своей гипотезе о том, что Письмо было отправлено в Киев «из района Дунайской Болгарии» [71, p. 97–98][6]. Эта теория, однако, более фантастична, чем любое построение О. Прицака. В Дунайской Болгарии нет следов использования рунического письма [12, с. 38]. Его появление в славяноязычной канцелярии болгарских царей X в. столь же невообразимо, как и скрепление (по выражению М. Эрдаля, «пометка цензора») христианским болгарским чиновником письма еврейской общины, написанного на иврите. И зачем путешествовать из Болгарии в Киев за милостынею, если рядом многочисленные и богатые еврейские общины Византии? Напротив, для И. Л. Кызласова и В. В. Напольских отказ от прочтения О. Прицака, да и какого-либо прочтения надписи, подтверждает ее принадлежность Хазарии, откуда происходят несколько рунических надписей, не поддающихся расшифровке.

Еще один круг проблем, поднятых лингвистами, касается интерпретации имен свидетелей, подписавших Письмо. Не будет преувеличением сказать, что О. Прицак, объяснив все шесть нееврейских имен как тюркские, преимущественно этнонимы, превратил Письмо в миниатюрный каталог тюркских племен. Однако вскоре А. Торпусман и В. Орел резонно возразили, что именная форма GWSTT' восходит не к алтайским языкам и к печенежской провинции Талмач [75, p. 39], а скорее к широко представленному славянскому имени Гостята [96, p. 174; ср.: 39, с. 48–53 (не видел); 22, с. 335–338]. Никто, насколько мне известно, эту интерпретацию не оспаривал.

В форме SWRTH О. Прицак усмотрел монгольский суффикс и объяснил ее как «принадлежащий к племени Сэвэр», более известному как Сабиры или Сабирские гунны [75, p. 37–38]. А. Торпусман предложил схожий подход на славянской основе, исходя из близости звучания SWRTH славянскому Севера или Северяне – племени левобережья Днепра в его среднем течении. Таким образом он сконструировал имя собственное Северята, относящееся к Северам, признавая, однако, что в славянской ономастике эта форма не представлена [96, p. 175]. Иную теорию предложил М. Эрдаль, возводя имя к форме *swartä*, «черный» или «смуглый» по-готски и по-древнескандинавски. М. Эрдаль обратил внимание на то, что SWARTH было не именем, а прозвищем свидетеля, чье имя он приводит как Шимшон Иеуда. Подлинное имя свидетеля – Иеуда (Шимшон – патроним предыдущего свидетеля), но в чем-то наблюдение М. Эрдаля справедливо. Прозвище должно обладать смыслом для тех, кто применяет его к его носителю, и потому М. Эрдаль напоминает о бытовании готского языка «в этой части Восточной Европы», а именно в Крыму, где на нем говорили вплоть до XVI в., по свидетельству посла Священной Римской империи в Высокой Порте Ожье Жислена де Бусбека [71, p. 100–101].

Идея о том, что по-готски разговаривали в Киеве – или, согласно локализации Письма М. Эрдалем, в Болгарии – X века, привлекает новизной, но она очень маловероятна. Более вероятное объяснение прозвищу предложил В. Орел, который обратил внимание на разительное отличие подписи Иеуды от остальных: патроним подменен в ней прозвищем, которое и объясняет отсутствие патронима. По В. Орлу, *вав* в слове SWRTH ошибочно передвинут, он должен был стоять после *реш*, таким образом исказилось слово SRWTH – славянское «сирота» [22, p. 335–338; ср. ранее: 99, p. 171–187]. Эту гипотезу можно несколько упростить. Прозвище можно прочесть и SWRTH, и SYRTH, ведь на письме едва заметно различие между вавом и йодом (ср. *вав* в *ha-mexuneh*); во всяком случае, путаница между *вавом* и *йодом* часто встречается в еврейских рукописях, особенно в словах, которые писец не мог опознать и вокализировать. Факт (не подмеченный В. Орлом), что Письмо является копией подлинного документа, в этом отношении существен. Прозвище Иеуды SYRTH означает, что отец его неизвестен, а догадка В. Орла, якобы прозвище «сирота» определяет статус Иеуды как прозелита (*ger*), не аргументирована. Прочтение «сирота» объясняет обе особенности подписи: отсутствие патронима и употребление прозвища. Оно твердо помещает подписавшего в славяноязычную среду.

Еще четыре имени были определены О. Прицаком в качестве тюркских: KYBR, MNS, MNR и QWFYN. М. Эрдаль подверг критике попытку О. Прицака связать

[5] Следует обратить внимание на то, что приложение В. В. Напольских опубликовано лишь во втором издании перевода монографии Н. Голба и О. Прицака под редакцией В. Я. Петрухина, вместо ответа О. Прицака, опубликованного только в первом издании, на его критику В. Я. Петрухиным.

[6] Предположение М. Эрдаля было воспринято и развито Д. Шапира [45, с. 61–62], который полагает, что Письмо было написано в 968–971 гг. евреями «Преславца-Киева» в Болгарии, пострадавшими от буйства русских завоевателей во главе с князем Святославом. Оно якобы предназначалось еврейской общине Киева, столицы Руси, и через ее посредство княгине Ольге для ходатайства о заступничестве за болгарских евреев. Однако я не вижу возможности увязать эту смелую конструкцию с действительным содержанием Письма и сожалею, что увековечивается старая путаница, где болгарская столица Преслав, захваченная Святославом, смешивается с полумифическим «Преславцем-Киевом».

KYBR с названием племени каваров, восставших против венгров согласно трактату *Об управлении империей*, а QWFYN – с рекой Куфис/Кубань и с болгарами Куп'и *Армянской географии*. Только для имени MNR он признает возможным толкование О. Прицака, что оно происходит от Man är «великий человек», хотя и с оговоркой «даже если Man-är является правильным объяснением имени собственного и хазарским словом, мы не продвигаемся в вопросе о том, к какой группе тюркских языков относится хазарский» [71, p. 99–103]. Последний вопрос находится вне рамок данной работы, но я хочу лишь отметить, что критика этимологий О. Прицака не выявила альтернативы его атрибуции имен KYBR, MNS, MNR и QWFYN к тюркскому языковому полю.

Итак, примерно тридцать лет дебатов скорее обогатили, чем разрушили ономастическую панораму Письма, выстроенную О. Прицаком. Из десяти киевских подписей к Письму пять (включая Авраама *парнаса*) относятся к чисто еврейской ономастике, одна, Иеуда, состоит из еврейского имени и славянского прозвища, две содержат предположительно тюркские имена QWFIN и MNR с еврейскими патронимами, одна соединяет, скорее всего, еврейское имя (сохранилось не полностью) с патронимом MNS и, наконец, Гостята, неоспоримо славянское имя с патронимом KYBR и титулом, определяющим носителя как потомка священников (*cohen*). Такое добавление есть и при имени MNR, сына Шмуэля, второго *cohen'a* в Письме.

Комментируя это сочетание еврейской и «нееврейской» ономастики, Н. Голб здраво описал киевскую еврейскую общину как общину прозелитов, которые, «принимая иудаизм, не отбрасывали свои старые племенные связи», а поддерживали их, «сохраняя старые семейные имена» [75, p. 26–27]. Значительную трудность для Н. Голба представило наличие когенов среди хазар-иудеев, ибо строго наследственный титул священника в иудаизме недоступен прозелитам. Убежденный, что «обращенные пришли к соблюдению строгой раввинистической формы иудаизма», как это описано в пространной версии письма хазарского царя Иосифа к еврейскому вельможе Хасдаю ибн Шапруту из Кордовы, Н. Голб допускает «процесс священнической метаморфозы» – трансформацию прежних жрецов Тенгри в еврейских священников-когенов на ранней стадии процесса обращения [там же], но только не для реальных жертвоприношений. Я показал в другом месте, что пассажи в пространной версии письма царя Иосифа, настойчиво утверждающие строгую еврейскую ортодоксию хазар и отсутствующие в краткой версии, должны рассматриваться как интерполяция в текст. Я также показал, приводя свидетельство *респонса* рабби Иеуды бен Барзилая из Барселоны начала XII в., что хазары продолжали совершать жертвоприношения и после их обращения в иудаизм [101, p. 248–250]. Этим шокирующим свидетельством источника можно пренебречь, но его невозможно опровергнуть.

Пренебрежение свидетельствами источников превратилось в своего рода искусство в недавних спорах относительно связи хазар с иудаизмом, которые заслуживают краткого отступления от темы. Нынешний спор был затеян Ш. Зандом,

специалистом по истории французского искусства, в частности, кинематографа, из Тель-Авивского университета. В его книге с красноречивым названием «Когда и как был придуман еврейский народ» – нацеленной, как и вытекает из заглавия, на деконструкцию этого понятия – большая глава, воспринятая многими рецензентами как основа книги, посвящена хазарам [90; английский перевод: 91][7]. Автор признает, что «сионистские реконструкторы прошлого» [91, p. 213], также представленные как «торговцы памятью» (p. 236) или «официозные историки» (p. 18), не сумели вытравить из памяти историю обращения хазар в иудаизм, несмотря на всю свою антихазарскую предвзятость. Тем не менее, автор пересказывает эту историю в деталях, признавая, что он «не является специалистом» и «допускает высокую степень спекуляции» (p. 20). Подобно любому антисионистскому памфлету такого рода, книга Ш. Занда приобрела громадную популярность и более широкое распространение, чем все недавние академические публикации о хазарах, вместе взятые. Поэтому имеет смысл подвергнуть краткому рассмотрению 40-страничное повествование, которое стало для тысяч читателей новой «официозной» версией хазарской истории.

Сюрпризы ожидают читателя на каждой странице. Так, например, он узнает, что засвидетельствованная источниками история хазар «берет начало в IV в. н. э.» (а не с середины VII в.) и что хазары, «коалиция сильных тюркских или гунно-булгарских племен», «смешались со скифами, которые обитали в этих горах и степях между Черным и Каспийским морями» [91, p. 214], при том, что последние скифы, зажатые в маленьком анклаве в Северном Причерноморье, сходят с исторической сцены за полтысячи лет до появления хазар. Пользуясь подборкой отрывков из армянской хроники Псевдо-Себеоса в старом переводе на иврит, Ш. Занд заявляет, что «Великий Каган» упоминается в ней как правитель Хазарии (p. 215), хотя мог бы узнать из современного английского перевода и комментария к этой хронике, что речь идет о *кагане* тюрок. По Ш. Занду, две еврейские буквы, шин и цадик, вошли в кириллический алфавит «под влиянием хазар, в ранний период их владычества над русскими» (p. 218); для него не имеет значения тот факт, что кириллица пришла на Русь из Болгарии, где хазары никогда не «властвовали», как, собственно, не властвовали они и «над русскими». Массу подобных ошибок можно отыскать и на следующих страницах, но в мое намерение не входит подробно рецензировать труд Ш. Занда – рекомендованный видными французскими историками П. Ассулином и Ж. Жюльяром как выдающееся историческое исследование и обязательное чтение. Мне кажется любопытным проследить, как авторское принципиальное пренебрежение современной «официозной» ученостью сказывается на его попытках выстроить собственную концепцию.

[7] Я ссылаюсь на текст английского перевода. [Существует и русский перевод: Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ / Пер. М. Урицкого; под ред. А. Этермана. М., 2010. – Прим. пер.]

Хазары заняли центральное место в аргументации Ш. Занда, так как он усвоил тезис, разработанный А. Поляком и популяризированный А. Кестлером, будто обратившиеся в иудаизм хазары были основными предками восточноевропейских евреев. «Перепакованная» в рамках его деконструкции еврейского народа, эта идея приобрела изрядную популярность. Многие израильтяне были столь воодушевлены перспективой сменить предков и обратиться в потомков гуннов и скифов, что книга Ш. Занда на иврите стала бестселлером. Однако его концепция страдает от структурных дефектов, которые указывались, и не раз. Падение Хазарского каганата датируется источниками и традиционной историографией 60-ми гг. X в.; есть споры относительно точного года, но не десятилетия. Существенное увеличение числа восточноевропейских евреев, – слишком резкое, по мнению историков-ревизионистов, чтобы удовлетвориться его традиционным объяснением миграцией германоязычных евреев из Западной Европы, – наблюдается не ранее конца XIII в., а по сути на столетие позже. Популярное эссе А. Кестлера, предтечи Ш. Занда, не содержит объяснения, где потомки обращенных хазар прятались целых три столетия после разгрома собственного государства и как им удалось пережить без потерь монгольское вторжение, сильно ударившее по городским центрам, где они предположительно обитали. Ш. Занд не бежит от проблемы и предлагает новое революционное решение, которое можно резюмировать в трех словах: Хазария не пала!

Как первое доказательство продолжения существования Хазарии после 960-х гг., Ш. Занд утверждает [91, p. 228, со ссылкой на Д. М. Данлопа: 68, p. 251], что «в 1016 г. н. э. объединенное византийско-русское войско напало на Еврейское царство и нанесло ему поражение». Однако Ш. Занду следовало заметить, что правитель покоренного края носил христианское имя Георгий и фамилию Цула, что свидетельствует о его принадлежности к аристократии крымского города Херсона. Излагая это событие, византийский историк Иоанн Скилица не упоминает о «Еврейском царстве», и к былому Хазарскому каганату оно никакого отношения не имеет [104, p. 224; см. подробнее 105]. Выживание Хазарии после поражения Цулы объясняется довольно странно: «С этого времени русская церковь управлялась Константинопольским патриархом, но этот священный альянс долго не продлился. В 1071 г. сельджуки, восходящее племя тюркского происхождения, разгромили большое войско империи, а затем и русское Киевское королевство тоже распалось» (p. 228; напомню, что Русь оставалась реальной силой до монгольского нашествия, а Константинопольский патриарх продолжал назначать Киевских митрополитов до середины XV в.). Более чем на непрерывном существовании Хазарии как государства, Ш. Занд настаивает на ее жизнестойкости, заявляя, что она возродилась в середине XIII в. в качестве «небольшого княжества в составе Золотой орды» (p. 229). В своих границах (Ш. Занд их не указывает) оно содержало всех хазар-иудеев. Впрочем, недолго, и это было ошибкой монголов: «Монголы не понимали нужд покоренных стран на тех громадных территориях, что они захватили, и недостаточно заботились о сельскохозяйственных потребностях порабощенного населения» (p. 229). Иудеи-хазары, которые, видно, стали фермерами за их длительный период консервации, бежали от монголов. Вдохновленный образом утраченных колен, выпущенных из-за реки Самбатион, Ш. Занд живописует иудеев-хазар, которые «движутся вперед в Западную Украину, а оттуда в польскую и литовскую землю» (p. 229), заполняя Восточную Европу евреями, не имеющими в этническом плане ничего общего с еврейским народом (какового, как мы узнали, и вовсе нет). Но эта величественная картина меркнет при соприкосновении с историческими фактами. Ш. Занд, по своему обыкновению, не цитирует источники, однако можно догадаться, что в основе его реконструкций лежат путаные данные, почерпнутые в публикациях Авраама Поляка. Его таинственное Хазарское княжество (царство) – *Газария* – отмечено в некоторых источниках монгольского периода. Но уже давно было показано, что это название – восходящее, как ни парадоксально, вовсе не к Хазарскому каганату, а к одноименному региону в Восточном Крыму – обозначает в источниках, относящихся к Золотой орде, вовсе не некое жизнестойкое хазарское образование, а … саму Золотую орду [104, p. 221–226].

Ревизионистский взгляд на происхождение восточноевропейских евреев основывается на оценке, что демографический потенциал общин германских евреев (ашкеназов) был недостаточен для того, чтобы обеспечить миграционную волну на восток. Это мнение весьма субъективно, но здесь не место его обсуждать. Я хотел лишь показать, что без убежища, сооруженного для них Ш. Зандом вне времени и места, миграционный потенциал хазарских евреев был просто нулевым и обеспечить на исходе XIII в. миграционную волну, которую Ш. Занд посылает с востока на запад, они не могли никак. После разгрома Хазарии в 960-х гг. некоторые из них вынуждены были принять ислам, а те, что остались иудеями, могли внести скромный демографический вклад в малочисленные славяноязычные общины Восточной Европы, однако эта скудная еврейская популяция после удара, нанесенного монгольским вторжением, практически сошла на нет еще до прихода мигрантов-ашкеназов.

Фантастическая конструкция Ш. Занда спровоцировала поражающий воображение ответ. М. Гил, выдающийся арабист из Тель-Авивского университета, заявил в недавней статье, что хазары вообще никогда в иудаизм не обращались [73, p. 5–14], выбивая тем самым почву из-под ног ревизионистов и закрывая *in ovo* все дальнейшие попытки возвести восточноевропейских евреев к хазарам. М. Гил начинает с верного наблюдения, что ни один арабский источник IX в., включая основных историографов, упоминая хазар, не говорит об их иудаизме; в самом деле, в моем исследовании 1995 г. это является одним из аргументов того, что обращение хазар в иудаизм произошло позднее, чем было принято считать. Затем, неожиданно для арабиста, М. Гил заявляет [73, p. 7–8], что и Ибн аль-Факих аль-Хамадани (около 903 г.) не говорит об иудаизме хазар, хотя свидетельство аль-Факиха об их обращении, которое тот описывает как недавнее, широко известно и часто цитируется [68, p. 109; 101, p. 246]. По идее М. Гила, совмещение хазар и иудаизма было чистой клеветой, изобретательной уловкой для дискредитации хазар в исламском мире, придуманной

не кем иным, как Ахмадом Ибн Фадланом, посланником калифа к волжским булгарам в начале 920-х гг. Основное свидетельство о хазарском иудаизме, исходящее в следующем поколении от аль-Масуди, объясняется влиянием Ибн Фадлана [73, p. 10], хотя М. Гил не приводит текстуальных доказательств знакомства аль-Масуди с Запиской Ибн-Фадлана. Известно, что аль-Масуди сам путешествовал по Закавказью, граничащему с Хазарским каганатом, где собирал информацию для своего трактата. Объявив единственно весомыми лишь арабские источники, которые он сводит к одному [73, p. 13], М. Гил игнорирует свидетельство Кристиана из Ставело от 860-х гг., на полвека раньше Ибн-Фадлана, о недавнем обращении хазар в иудаизм [см.: 101, p. 246]. В равной мере он пренебрегает почти современным ему славянским Житием Константина. Еврейская традиция об обращении хазар кратко упоминается [73, p. 13–14] в качестве фантастической выдумки ашкеназских евреев, обезумевших от преследований и колеблющихся между преувеличенной гордостью (в связи с могущественным Еврейским царством хазар) и самобичеванием: их превращение в потомков монголов компенсировало то бесчестье, что обрушилось на потомков Авраама, Исаака и Якова. Каким образом ашкеназские евреи могли почерпнуть вдохновение в арабских текстах, М. Гил не объясняет. Ведь факт, что все ивритские источники о хазарах созданы как раз на Востоке и содержат многочисленные данные, которые невозможно найти в арабских источниках.

Опус М. Гила, хоть и опубликованный в ведущем журнале по еврейской истории – *Zion*, по его пренебрежению к источникам и к современным научным работам (автор их намеренно игнорирует), стоит на столь же зыбкой почве, что и работа Ш. Занда. Оба оппонента равно далеки от подхода, продемонстрированного девятью столетиями раньше рабби Иеудой бен Барзилаем из Барселоны. В его широко известном *респонсе* (вопреки утверждению М. Гила [73, p. 14], не являющимся единственным раввинистическим *респонсом*, упоминающим о хазарах) он не скрывает своего замешательства перед вопросом, каким образом хазары после обращения в иудаизм могли продолжать практику жертвоприношений. Он признается, что изначально усомнился в реальности их обращения. Потом, после многих расследований и после сопоставления различных версий письма царя Иосифа – их различие было одной из причин сомнений р. Иеуды – он пришел к заключению, что хазары и в самом деле были обращены, что их цари были иудеями … и, однако, они практиковали жертвоприношения.

II. Денежная единица *закук*. О дате и месте назначения письма.

Предъявитель Письма, Мар Яаков, выступил гарантом своего брата, и после того, как брат был убит грабителями, унаследовал его долг, выплатить который был не в состоянии. Сумма долга определена в 100 *зекуким*.

Н. Голб комментирует термин *закук* (мн. ч. *зекуким*) весьма неудовлетворительно. Он переводит *зекуким* как «монеты» и толкует как «один из многочисленных терминов в иврите, обозначающих монеты» [75, p. 13, ad l. 16]. Далее он утверждает,

что хотя «обычно так обозначаются серебряные монеты», здесь «явно» речь идет о золотых, конкретно о византийском *триенсе* (греч. *trimission / tremissis*), золотой монете, соответствующей по весу и стоимости трети номисмы [75, p. 7]. В этом анализе я могу согласиться лишь с дальнейшим утверждением, что закук не может быть отожествлен с арабским дирхемом, серебряной монетой, наиболее широко распространенной в районе Киева в X в. Долг в 100 серебряных дирхемов был слишком скромной суммой, чтоб оправдать призывы, изложенные в письме. Однако *закук* никак не может обозначать византийский *триенс.* Последний выпуск этой монеты имел место веком раньше, чем было написано Письмо, но еще с середины VIII в. ее ввод в денежное обращение ограничивался, как отметил Ф. Грирсон, «церемониальными выпусками» [79, p. 184]. Нет ни одного указания, что эта монета когда-либо достигала Руси. Более того, и в самой Византии она никогда не была расчетной единицей; какая бы монета не использовалась для реальной оплаты, сумма указывалась в номисмах.

Однако мое основном возражение касается утверждения Н. Голба, что в рассматриваемый период термин *закук* мог обозначать просто «монету». Н. Голб ссылается на классический *Thesaurus* Элиэзера Бен-Йеуды, но как внимательное прочтение соответствующей словарной статьи, так и ознакомление с компьютерной базой данных проекта «Респонсы» Бар-Иланского университета, убеждают, что термин закук отнюдь не банален, и наводят на ряд наблюдений.

Слово *закук* впервые обретает значение монеты в комментариях XIV в. к еврейскому брачному контракту (*кетуба*), в котором этот термин используется для определения суммы, которую супруг должен выплатить жене при разводе. Для комментаторов это понятие чуждое и устаревшее, которое они пытаются перевести в монетные единицы своего времени. Однако в более раннем употреблении *закук* обозначал не монету, а некое количество, обычно фунт или полфунта, чистого серебра, которое могло быть воплощено в слитках или, если это было специально оговорено, в монетах. Само слово *закук* обозначает «очищенный» (металл), и с XII в. оно применялось для обозначения *marca puri argenti*, германской марки серебра. Употребления термина *закук* редки в XI в. и исключительны в X в. В компьютерном словаре Израильской академии языка иврит Письмо из генизы представлено как самое раннее свидетельство бытования этого значения слова. Термин используется исключительно в западном ашкеназском регионе (грубо говоря, в Каролингской империи). Он не известен восточным евреям – из всех документов генизы, столь богатых экономическими реалиями, он представлен в одном лишь нашем Письме.

Эти данные трудно совместимы с датировкой Письма, определенной Н. Голбом и О. Прицаком как начало 930-х гг. Они также заставляют поставить вопрос о предполагаемом маршруте Мар Яакова. Если он планировал сбор пожертвований в Египте, где было найдено Письмо, или вообще в еврейских общинах исламского и византийского регионов, зачем выражать сумму долга в денежных единицах, которые заведомо ничего не значили для потенциальных жертвователей? Ответ на эти

вопросы позволит уточнить наши представления и о дате Письма, и о его историческом контексте, и мы начнем с более подробного рассмотрения термина *закук.*

Самое раннее употребление термина закук вне Письма читается в постановлении Р. Гершома, прозванного Светочем изгнания за его роль в формировании ашкеназской раввинистической традиции. Рожденный в Меце в середине X в., он преподавал в Майнце до изгнания евреев из города в 1012 г., и умер, вероятно, до 1028 г. Его самым известным постановлением был запрет брать вторую жену, учрежденный вплоть до тысячелетия изгнания евреев из Майнца (по истечении этого срока, полагал Р. Гершом, оно будет отменено). Он также запретил развод против воли жены. Обе меры объясняются желанием приспособить нормы еврейской семейной жизни к таковым в немецком католическом обществе[8]. Постановление, в котором упоминается *закук*, не имеет даты и может быть отнесено к концу X – началу XI вв. Оно дошло до нас в составе сборника постановлений (*Sefer ha-Dinim*), составленном Р. Йеудой бен Меиром а-Коэном, учеником Р. Гершома, ранее середины XI в.[9]

«Р. Шломо сказал от имени Р. Гершома, благословенна память праведника, что запрещено поступать так, как поступают в этом царстве, и давать (в долг) на ярмарке в Кельне серебряный закук в 12 унций, а получать у себя дома в Майнце или в Вормсе 13 унций монет (*пешитим*).»

Р. Гершом затем разъясняет, что такая прибыль дозволена, только если заимодавец, лично или через посредника, разделяет ответственность за транспортировку товара, приобретенного на ссуженные им деньги, иными словами, становится активным партнером в сделке, которая приносит ему прибыль [70, p. 94 (№ 29)].

Объяснение термина *закук* в употреблении Р. Гершома зависит от понимания галахического контента его постановления. Еврейские купцы, не оспаривая запрет на ростовщичество, искали путей обойти его, не нарушая еврейское право. Но почему же они считали законным дать взаймы 12 унций серебра в ожидании получить обратно 13 унций? Объяснение этому явно связано с различием между чистым серебром в слитках (*закук*) и монетой (*пешитим*). Для купца было гораздо удобнее брать с собой на дальнюю ярмарку серебро в слитках, а не в мелкой монете своего города, которую пришлось бы обменивать с уценкой. Напротив, возвращая долг в своем городе после реализации товара на ярмарке, купец располагал местной монетой в избытке. Однако то, что купец признавал ценной банковской услугой, заслуживающей вознаграждения, отвергалось Р. Гершомом как ростовщичество. Важно отметить, что Р. Гершом считает необходимым указать точный вес *закука*, не полагаясь на то, что он заранее определен и известен читателю.

Сам Р. Иеуда бен Меир а-Коэн описывает случай из собственной практики, в котором закук является эквивалентом «половины». Значение термина «половина» проясняется в другом казусе, описанном тем же автором, – истории об еврее, продавшем некий предмет епископу за 3 литра (фунта) пшитим (монет). Епископ заявил, что монет у него нет, и предложил уплатить еврею 5 «половинок», что, как показал И. А. Агус, было обозначением вновь созданной марки в 8 унций, «половиной» фунта в 16 унций. Преимущество слитка перед монетами – которое не желал признавать Р. Гершом – является единственным оправданием намерения епископа уплатить 2,5 фунта вместо оговоренных 3 фунтов [56, p. 152, n. 47][10]. Таким образом, в тексте первой половины XI в. термин закук используется для обозначения 8 унций литого серебра (в одном или нескольких слитках).

Определенное указание, что *закук* означает слиток или набор слитков, содержится в комментариях к книге Второзакония (25, 13), принадлежащим Р. Шмуэлю бен Меиру из Труа (1080-е – 1150-е). Он описал мошенническую практику изготовления *закука* из двух кусков металла, кажущихся одинаковыми, но на деле слегка различающихся в весе, и взвешивания их вместе для демонстрации правильного веса. Тот, кто получает более легкий слиток, оказывается обманутым, а потому Р. Шмуэль советует изготовлять *закук* в форме единого слитка. *Закук* неоднократно упоминается в произведениях его младшего современника Р. Элиэзера бен Натана из Майнца (около 1090 – около 1170). Так, например, тот упоминает о практике покупок *закука* серебра для будущей поставки по цене в 10 унций, тогда как мера *закука* составляла 1 литр. Такая практика обосновывалась аналогией с предоплатой за урожай, которая оправдывала предпочтительную цену для покупателя, но Р. Элиэзер усмотрел в ней сходство с ростовщичеством и, следовательно, запретил (толкование к *Бава мециа,* ф. 5). Приведенная аналогия показывает, что *закук* серебра, приобретаемый за монеты, представлял из себя слиток (или слитки), рассматриваемый как товар (толкование, отвергнутое Р. Элиэзером). Очевидно, что здесь, как и в постановлении Р. Гершома на полтора столетия ранее, *закук* ассоциируется с литром (фунтом) в 12 унций.

С конца XII в. термин *закук* обозначает исключительно марку (*marca puri argenti*) в 8 унций, которая, с региональными вариациями, становится стандартом в Германии и вне ее. Споры позднейших комментаторов относительно веса и стоимости *закука* имеют практическое основание: возникла традиция указывать в *закуках* обязательства ашкеназского брачного контракта (*кетуба*). Как убедительно доказывает И. А. Агус, новая стандартная *кетуба*, которая представляет собой существен-

[8] А. Гроссман высказывает сомнение относительно этого объяснения и связывает оба постановления с образом жизни ашкеназских купцов, которые надолго покидали дом и заводили себе новую жену там, куда заносили их дела [80, p. 139–159]. На это можно возразить, что религиозные авторитеты восточных евреев сталкивались со сходными проблемами, но не приходили к подобным решениям.

[9] О Р. Йеуде и об этой книге см.: [81, p. 175–210, особенно 195–206]. Следует подчеркнуть, что до поколения Р. Гершома и его учеников респонсы ашкеназов столь редки, что отсутствие в них термина закук не может служить аргументом.

[10] Как указывает И. А. Агус (со ссылкой на старые исследования, опирающиеся на Леопольда Цунца), отдельные фрагменты Сефер а-Диним Р. Иеуды были включены в респонсы Р. Меира из Ротенбурга (XIII в.). Проф. Симха Эмануэль любезно сообщил мне, что три фрагмента содержат термин закук.

ную переработку этого контракта, восходит к Р. Гершому. Это заслуживает краткой дигрессии.

Еврейский брачный контракт подробно указывает обязательства мужа перед женой и ее права в случае вдовства или развода. Он перечисляет и оценивает содержимое приданого, которое жена имеет право получить обратно, и обозначает установленную компенсацию (*'икар а-кетуба*) – освященную и незыблемую, но подлежащую при необходимости перерасчету для актуализации монетных единиц, а также добровольную добавку, обещанную жене мужем (*тосефет кетуба*). Новая ашкеназская *кетуба*, порывая с талмудической и восточной традицией, фиксирует единообразно, по 50 фунтов серебра, как стоимость приданого, так и «добровольный» вклад мужа. Эти суммы засвидетельствованы, как практика «последнего поколения», в середине – конце XII в. с указанием общей суммы в 100 *зекуким* [72, p. 374–376].

Объяснение этого изменения брачного контракта стало предметом дискуссии между И. А. Агусом и А. Х. Фрайманом. И. А. Агус был, вероятно, первым, кто осознал, сколь огромна была общая стоимость «приданого» и мужней добавки. Он увидел в ней знак богатства ашкеназских евреев и их заботы о будущем дочерей. А. Х. Фрайман возразил, что эта сумма, которая не разнится от одной *кетубы* к другой, была доступна лишь очень немногим, а указывалась как стандартная, дабы «не позорить тех, у кого нет» после разгрома еврейских общин Рейна в ходе Первого крестового похода. Отвечая А. Х. Фрайману, И. А. Агус убедительно показал, что изменение в *кетубе* не может быть датировано XII веком, после Первого крестового похода, и настаивал на его атрибуции Р. Гершому. Он подчеркивал контрактное обязательство придерживаться сумм, перечисленных в *кетубе*, которые не могут считаться пустой похвальбой, но на замечание А. Х. Фраймана об отрыве указанных компенсаций от экономических реалий он не ответил[11].

Оба исследователя подметили, что новая формула контракта сделала развод крайне затрудненным, но не развили это наблюдение, так как И. А. Агус считал сумму возмещения в целом доступной, а А. Х. Фрайман в какой-то степени номинальной. Позднее Исраэль Юваль высказался в том смысле, что это соображение не может способствовать объяснению изменения *кетубы*, так как запрета развода против воли жены Р. Гершомом (см. выше) было достаточно, чтобы предотвратить фривольные разводы [100, p. 195–196]. На это можно возразить, что проведение запрета в жизнь было бы трудно осуществимо без экономической санкции, обусловленной *кетубой*. В целом, систематический просмотр упоминаний закука в *респонсах*, где в подавляющем большинстве случаев речь идет всего о нескольких зекуким, поддерживает позицию А. Х. Фраймана, что лишь очень немногие еврейские мужья были в состоянии выплатить обусловленные по кетубе 100 *зекуким*, по минимальной оценке составлявшие свыше 20 кг серебра. В отношении же аргумента И. А. Агуса

[11] И. А. Агус защищает свои положения [58, p. 225–232], высказанные в более раннем исследовании [56, p. 163–168], против аргументов А. Х. Фраймана [72, p. 371–384].

добавлю, что если целью было обеспечить будущее новобрачной, то не было резона отступать от древней традиции и делать *кетубу* одинаковой для всех. Из всей совокупности данных складывается картина сознательных усилий – со стороны Р. Гершома и, вероятно, его учеников, – по устранению из еврейской семейной жизни таких черт как двоеженство и свободный развод, которые виделись наиболее несозвучными окружающему немецкому обществу. Размер денежной пени за развод делал его на практике невозможным, однако эта ситуация изменилась в течение XIII в. и все усилия раввинов XI в. сошли на нет из-за обесценивания серебреной монеты, в которой выражалась назначенная ими пеня [об этом процессе см.: 57, p. 221–256].

Это небольшое отступление не должно нас отвлечь от цели – прояснения термина *закук*, использованного в Киевском письме. Свидетельство, сохраненное Р. Иеудой бен Меир а-Коэном, подтверждает, что этот термин был в ходу в конце X – начале XI вв. Изначальное сосуществование *закука* в 12 и в 8 унций показывает, что эта расчетная единица чистого серебра возникла независимо от марки в 8 унций. Исключительное распространение термина в ашкеназском регионе обнаруживает связь еврейских общин Германии и Киева и не оставляет сомнения в том, что Письмо направлялось потенциальным еврейским донорам на Рейне, а не на Ниле. Необходимо, однако, попытаться приблизить хронологический контекст Письма ко времени первых появлений термина *закук в респонсах*, что также позволит нам уточнить его связь с Германией.

Эта связь, как мне кажется, является ключевой для датировки Письма. Если мы оставим в стороне загадочных ругов из Таможенных правил Раффельштеттена (около 904 г.)[12], то нет никаких свидетельств о связи между Германией и Русью ранее 950-х гг. В конце же 950-х эти связи стали столь тесными, что посольство княгини Ольги в 959 г. попросило короля (будущего императора) Оттона I направить епископа и священников для распространения христианства на Руси. Мне нет необходимости давать обзор источников этого эпизода, рассмотренных во всей полноте А. В. Назаренко, и хочу лишь напомнить о его конечном фиаско. Епископ Адальберт был направлен в Киев после долгих промедлений лишь ранней весной 961 г., но возвратился уже на следующий год, потеряв многих спутников и еле уцелев сам. Большинство исследователей объясняют столь драматический поворот событий переменой власти в Киеве. Летописи отмечают в 964 (6472) г. «возмужание» и приход

[12] Дебаты об идентичности ругов оживил недавно А. В. Назаренко, который однозначно определил их как русских купцов, торговавших на путях из Баварии в Киев, а оттуда в Хазарию в течение второй половины IX в. [19, с. 71–112]. Я отметил [42, с. 348–349], что не только эти маршруты и торговля не оставили археологических следов, но нет и следов самого города Киева ранее самого конца IX в. Руги IX в. явно являются близкими соседями Раффельштеттена в Баварии, и я придерживаюсь традиционного взгляда, согласно которому они наследуют название одноименного племени, которое поселилось по соседству, в Норике, в V в.

к власти сына Ольги Святослава, закоренелого язычника. Даже некоторые стойкие приверженцы «условной» летописной хронологии допускают датировку переворота Святослава несколькими годами раньше, в 961-м или в начале 962-го, в связи с миссией Адальберта [см.: 19, с. 263–310, с обширной библиографией]. В самом деле, трудно приписать Ольге бесцеремонное изгнание Адальберта, которое омрачило отношения между двором Оттона I и Киевом на многие годы.

Рискну предположить, что дипломатическое сближение между Русью и Германией сопровождалось – а может быть, и было предварено, – установлением связей между еврейскими общинами обеих стран. В этот период естественным было бы обращение евреев Киева за помощью к богатым единоверцам на Рейне. Однако после фиаско Адальберта в 961 или 962 г. путешествие в империю Каролингов было бы для киевского еврея весьма рискованным. Но в это время, до хазарской кампании Святослава, состоявшейся позднее в том же десятилетии, путь на восток был еще открыт. Потому, я думаю, Мар Яаков, который не мог оставаться в Киеве из-за неудовлетворенных кредиторов, и предпринял это более обременительное и рискованное путешествие. Где-то в пути, возможно в Саркеле или в Итиле, глава местной еврейской общины заверил копию его *намлацы*, которая была затем завизирована хазарским чиновником и использовалась как проездной документ.

Мой анализ очерчивает очень узкие хронологические рамки для Письма: конец 961 или начало 962 г. Только в этот период Мар Яаков мог попросить у еврейской общины Киева *намлацу* с намерением предъявить ее во владениях Каролингов, а затем обнаружить, что для путешественника из Киева это направление стало слишком опасным. Тем самым, Письмо сближается по времени с первым упоминанием *закука в респонсах*, но датируется до падения Хазарского каганата. Соседство ашкеназского термина *закук* с тюркской ономастикой в Письме, найденном в Каире, весьма показательно; оно дополняет другое свидетельство о пути еврейских купцов, описанном несколькими годами ранее Хасдаем Ибн Шапрутом в его письме к хазарскому царю Иосифу, – пути, ведшем из Испании в страну Гвалим (обычно отождествляемую с Чехией) и далее на Каспий.

Приведенные соображения оставляют пока открытым существенный вопрос, который касается суммы долга Мар Яакова. Как мы удостоверились, ранний *закук*, мера чистого серебра, не обладал постоянным весом. Его определение как фунт в 12 унций, следуя Р. Гершому, обременило бы Мар Яакова внушительным долгом в 30 кг серебра. (Я избегаю здесь обсуждения веса унции). Но вряд ли для читателей Письма, даже на Рейне, *закук* без обозначения веса мог обозначать нечто более конкретное, чем «мера чистого серебра». Получается, что главной целью Письма было не указать точную сумму, а засвидетельствовать доброе имя просителя, вынужденного покинуть свой город из-за очень крупного долга. Авторы Письма, несомненно, сознавали неопределенность денежной единицы, но они вполне могли выражать ею меру серебра, принятую в Киеве, в которой сумма долга рассчитывалась как для

еврея-должника, так и для его заимодавцев-язычников, – русскую гривну. При всей своей обыденности, это понятие требует разъяснения.

III. Древнерусская гривна.

Гривна – единственная русская денежная единица, упоминаемая в древнейшем слое русского летописания. Гривна – также единственная денежная единица, используемая в древнейшем слое русского обычного права – Правде русской, дошедшей до нас в 18 первых главах (по современному делению) так называемой Краткой Правды. После краткого обзора этих сведений, мы их сопоставим с данными о денежных штрафах в договорах X в. между Византией и Русью, что даст нам ключ к оценке серебряного содержания гривны. Наблюдения над серебряными слитками, известными также как гривны, дадут дальнейшие аргументы в пользу предлагаемых решений. Установление точной стоимости гривны послужит для определения реальной ценности суммы долга, указанной в Письме из генизы, и, попутно, для оценки денежной массы в обращении в Древней Руси.

а. Гривна в древнейшем источнике летописи – Сказании 1016/1017 г.

Как мне уже доводилось указывать, Новгородская I летопись младшего извода (Н1Л мл.) [по: 21] и Повесть временных лет (ПВЛ) [по: 23] восходят к своду, составленному в Киево-Печерском монастыре в 1076 г., который, в свою очередь, является расширенной обработкой Сказания, написанного в 1016/1017 г. [43, с. 183–305]. Свод 1076 г. не добавляет собственных сведений о гривне. В самом же раннем слое упоминания гривны редки и в большинстве своем связаны с событиями, современными составлению Сказания. Так, мы читаем за 1014 г., что Ярослав, княживший в Новгороде, отказался от ежегодной выплаты в 2000 гривен, посылавшейся его отцу Владимиру в Киев; он раздавал 1000 гривен каждый год своей дружине [21, с. 168]. Старинная дань, которую Новгород ежегодно платил варягам и которую Ярослав упразднил в 1016 г., составляла 300 гривен [21, с. 107; об этом эпизоде см.: 43, с. 205–206]. Ровно ту же сумму Владимир раздал нищим на пиру в честь освящения церкви Преображения Христова, построенной в ознаменование его победы над печенегами [21, с. 166].

Выплаты Ярослава новгородцам, которые возвели его на киевский престол зимой 1015/1016 г., соответствуют трем сословным категориям: 1 гривна для смердов, 10 гривен для деревенских старост и те же 10 гривен для горожан-«новгородцев» [21, с. 175; по этому эпизоду см. также старший извод: 21, с. 15]. Войско Ярослава состояло из 3000 новгородцев всех сословных категорий и 1000 варяжских наемников. Граждане Новгорода составляли «тысячу» (*вои славны тысящу* [21, с. 174]). Как недавно напомнил П. В. Лукин, эту номинальную цифру не следует воспринимать буквально [17, с. 3–20]; однако в тот ранний период истории Новгорода она была, возможно, недалека от реальности. Все потенциальные воины вряд ли могли быть призваны в поход, организованный за очень короткий срок, и если мы оценим коли-

чество граждан Новгорода в войске в 750, мы вряд ли ошибемся больше чем на 20%. Если мы оценим число деревенских старост в 50, расход Ярослава на поощрение последовавших за ним новгородцев мог составить, с тем же пределом погрешности, (750+50) x 10+2200 x 1 = 10200 гривен[13].

Варяжские наемники Ярослава тоже должны были получить достойное вознаграждение, тем более, что Киев был взят без боя и их добыча была невелика. Автор Сказания не вдается в детали об их оплате, но, не исключаю, дает косвенное указание о ее размере. Ярославов поход 1015 г., в котором автор, возможно, участвовал лично, мог послужить для него моделью описания похода князя Олега на Константинополь. Многие читатели знают это описание по отредактированной версии ПВЛ, которая относит его к вымышленному походу 907 г. [23, с. 23–24]. Олег появляется в этом повествовании во главе разноплеменной оравы («варяги, и словене, и чудь, и словене (так!), и кривичи, и меря, и древляне», и еще семь племен), разместившейся на 2000 суден по 40 воинов в каждом. Эта фантазия стала общим местом в работах по византийской и древнерусской истории [см. недавний пример: 11, с. 7–35, с избирательной библиографией]. Изначальное же описание читается в Н1Л мл. Здесь поход относится ко времени после женитьбы Игоря на Ольге и рождения Святослава, примерно за четыре года до гибели Игоря: это уже окрашенное легендой воспоминание о русском походе на Константинополь в 941 г. [42, с. 346]. Победоносная армия Олега состоит исключительно из варягов и словен, разместившихся на 100 судах по 40 воинов в каждом [21, с. 108, принимая общее чтение Академического и Троицкого списков]. Это ближе к составу и численности похода Ярослава 1015 г. Поэтому, быть может, значима легендарная сумма выкупа, взысканного князем Олегом с византийцев в пользу победителей: 12 гривен на воина. Конструируя славное прошлое, автор Сказания, возможно, брал пример с Ярославовых щедрот. Если предположить, что каждый варяг получил 12 гривен, общая сумма выплат после взятия Киева составила ок. 22 тысяч гривен.

Гривна еще раз упоминается в Сказании в контексте начала княжения Владимира, когда тот, одержав быструю победу над сводным братом Ярополком, вынужден был пообещать своим варяжским союзникам выкуп по 2 гривны за каждого осажденного в Киеве. Автор дает понять, что Владимир был неспособен выполнить это обязательство, и пошел на хитрость, чтобы от него избавиться [21, с. 127–128]. Число осажденных, подлежащих выкупу, оценить очень трудно. Ярополк, не в состоянии отразить нападение Владимира, вначале укрылся со своими воинами в Киеве, потом бежал с немногими в крепость Родню; те его воины, что остались в Киеве, подлежали выкупу наряду с горожанами и беглецами из окрестных поселений. Очевидно, во всяком случае, что Владимир, на момент прихода к власти около 978 г.,

[13] Сходный расчет см. у Б. А. Романова [28, с. 378]. В недавних публикациях, посвященных Н. П. Бауеру, В. В. Гурулева и П. Г. Гайдуков сообщают, что данная работа, первоначально написанная Н. П. Бауером, была дополнена после Второй мировой войны Б. А. Романовым и опубликована только под его именем, так как Н. П. Бауер был осужден и расстрелян в 1942 г.

не располагал той суммой, которую Ярослав нашел в 1015 г. в казне своего покойного отца, накопленной за 37 лет благополучного правления.

б. Гривна в Краткой правде и в договорах между Византией и Русью.

Краткая правда, дошедшая до нас в статье за 6524/1016 г. в Н1Л мл. [21, с. 176–180], состоит из двух частей. В отличие от второй части и от Пространной правды, ее первая древнейшая часть [21, с. 176–177] указывает виры только в гривнах. Самое тяжелое наказание, вира в 40 гривен, назначается убийце (если семья отказывается от кровной мести) или тому, кто нанес рану, чреватую потерей руки. Следующий уровень наказания, за бесчестье, не осложненное постоянным увечьем, оценивается в 12 гривен, а ряд меньших провинностей карается штрафом в 3 гривны. Когда в статье предусматривается выплата компенсации за материальный ущерб, указывается лишь, что средством выплаты служат деньги (*скот*), без дальнейшей детализации.

Статус Краткой правды как части летописи и как документа вызывает споры. Согласно распространенному мнению, нашедшему в последнее время защитника в лице А.А. Гиппиуса [3, с. 61–63], первая ее часть воспроизводит некую грамоту, пожалованную Ярославом в 1016 г. своим новгородским союзникам. Это так называемая Правда Ярослава, вначале помещенная в некую «Новгородскую летопись XI в.» (гипотетический текст, реконструированный А. А. Шахматовым, на мой взгляд, без достаточных аргументов), а потом замененная в «летописи 1167 г.», составленной Германом Воятой (другая конструкция А. А. Шахматова, обоснованность которой я не оспариваю), на расширенную юридическую компиляцию, нашу Краткую правду. Напротив, А. П. Толочко определяет Краткую правду как компиляцию, составленную в XV в. специально для включения в Н1Л мл., продукт радикального сокращения Пространной правды [95, p. 1–56; 35; из современных изданий Правды Русской см.: 29, с. 490–517, 668–669, 675–676 (доступно также он-лайн)]. В специальной работе я признаю, что Краткая правда была вставлена в Новгородскую летопись только в конце XIV или в начале XV в., но я также показываю, что летописец, подбиравший юридический документ для олицетворения «хартии» Ярослава, не сфабриковал его, а подобрал наиболее архаичную доступную ему версию Правды. Нормы, зафиксированные в первой части этого документа, могут восходить и ко времени княжения Ярослава (1015/16–1018, гг., около 1023–1054[14]), и к более раннему периоду [44, p. 108–156]. В контексте данной работы, исключительное использование денежной единицы гривна в первой части Краткой правды является показателем ее древности. Первая часть Краткой правды содержит еще один такой показатель, важный не только для истории текста, но и в более широком контексте. Как я надеюсь показать, он поможет нам с уверенностью определить стоимость гривны.

В центре моей аргументации – связь между установлениями Русской правды и каждого из двух договоров между Византией и Русью (911 г. и 944 г.), включенных

[14] О хронологии Святополка, чье правление предшествует правлению Ярослава, а затем его прерывает см.: [43, с. 200–202, 221–222].

в ПВЛ, относительно суммы компенсационных выплат за тяжелые раны. Правовые установления обоих договоров очень близки. Они не только почти совпадают по содержанию, но и очень сходны друг с другом в словесном выражении, что является исключительным случаем в договорах:

Договор 911 г. [23, с. 27]	**Договор 944 г. [23, с. 38]**
Аще ли ударить мечем или бьеть кацѣм любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону (*v.l.* покону) рускому; аще ли не имовит тако сотворивый, да вдасть елико можеть, и да соиметь с себе и ты самыя порты, в них же ходить, а о процѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребывает тяжа отолѣ не взыскаема. Если кто ударит мечом или побьет каким-либо орудием, за этот удар или избиение должен отдать 5 литров серебра по закону (*вар.* обычаю) русскому; если же неимущ такое совершивший, – должен отдать, сколько может, и снять с себя ту одежду, в которой ходит, а о прочем пусть даст клятву по своей вере, что никто не может помочь ему, и с тех пор (сумма) тяжбы не подлежит взысканию.	Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ (*v. l.* съсудъмь) русинъ грьчина, или грьчинъ русина, да того дѣля грѣха заплатить сребра литр 5 по закону рускому; аще ли есть неимовитъ, да како можеть, въ только же проданъ будеть, яко да и порты, въ нихъ ж ходить, да и то с него сняти, а о процѣ да роту ходить по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти тако пущенъ будеть. Если русский грека или грек русского ударит мечом, или копьем, или каким-либо оружием (*вар.* орудием), то за этот грех должен заплатить 5 литров серебра по закону русскому; если же неимущ, – сколько может, столько с него взыщется, и одежда, в которой он ходит, будет с него снята, а о прочем пусть даст клятву по своей вере, что нет у него ничего, и так отпущен будет.

Ссылки на русский закон или обычай (поконъ) в договорах весьма редки. Однако здесь тот самый случай, когда весь параграф договора, явно чуждый византийской правовой практике, представляется продиктованным имперским чиновникам их русскими партнерами в соответствии с нормами их устного обычного права. Что важнее, ссылка на русское право конкретно касается определения компенсационной суммы. Как и следовало ожидать, исследователи попытались найти те же самые нормы и суммы штрафов в Правде русской.

Обе версии Правды, Краткая и Пространная, содержат положения о компенсации людям, которые подверглись ранениям оружием в ссоре. Оба текста, однако, рассматривают разные казусы, причем в довольно путаной форме.

3. Аще ли кто кого ударить батогомъ любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию, то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець. 4. Аще утнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за обиду. 5. Оже ли отнеть руку, и отпадеть рука любо усохнеть, то 40 гривенъ. 6.Аще будеть нога цѣла или начнеть храмати, тогда чада смирять. 7. Аще ли перст утнеть которыи любо, 3 гривны за обиду.	23. **Оже кто ударить мечемь.** Аже кто ударить мечемь, не вынезъ его, или рукоятию, то 12 гривен продажи за обиду. 24. Аже ли вынезъ мечь, а не утнеть, то гривна кунъ. 25. Аже кто кого ударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылеснию, то 12 гривенъ. 26. Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нѣтуть. 27. Аче ли утнеть руку, и отпадеть рука или усохнеть или нога, или око или нос утнеть, то полувирье 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ. 28. Аже перст утнеть кии любо, 3 гривны продажЪ, а самому гривна кунъ.
3. Если кто кого ударит кнутом, или жердью, или кулаком, или чашей или рогом (для питья), или тыльной стороной (ладони?), то 12 гривен; если того, кто должен платить, не поймали, то делу конец. 4. Если ударит мечом, не вынув его (из ножен), или рукоятью, то 12 гривен за обиду. 5. Если ранил руку и отвалится рука, или отсохнет, то 40 гривен. 6. Если будет нога цела и начнет хромать, оградить детей (от попыток мести?). 7. Если отрубит какой-либо палец, 3 гривны за обиду.	23. **Если кто ударит мечом.** Если кто ударит мечом, не вынув его (из ножен), или рукоятью, то 12 гривен штрафа за обиду. 24. Если вынул меч, но не ударил, то гривна денег. 25. Если кто кого ударит кнутом, или чашей, или рогом (для питья), или тыльной стороной (ладони?), то 12 гривен. 26. Если тот, кого ударили, ответит мечом, то вины на нем нет. 27. Если ранил руку, и отвалится рука или отсохнет, или же ногу, или глаз, или нос поранит, то полштрафа 20 гривен, а пострадавшему за увечье 10 гривен. 28. Если отрубит какой-либо палец, 3 гривны штрафа, а самому (пострадавшему) гривна денег.

Статьи Краткой правды принадлежат к наиболее архаичной части документа (см. выше) и следуют вскоре за статьей об убийстве (§1 современных изданий), которое каралось – в случае отказа от мести – вирой в 40 гривен. Как отмечают комментаторы, Краткая правда сохранила изначальное представление о вире как о возмещении в пользу жертвы и его семьи, тогда как в Пространной правде штраф взыскивается в пользу князя, а компенсация потерпевшим определяется особо в случае нанесения телесного ущерба. Многие аспекты текстов заслуживают коммен-

тария, но мы ограничимся лишь одним. Если оставить в стороне персты, Краткая правда различает две базовые ситуации: удар рукой или тупым предметом, который несет в себе оскорбление, но не влечет телесного вреда, и серьезное увечье важного органа, явно нанесенное вынутым из ножен мечом и напрочь выводящее воина из строя. То же различие просматривается и в лучше сохранившемся параллельном отрывке из Пространной правды. В то время как Краткая правда присуждает за постоянное увечье руки компенсацию, равную полной вире в 40 гривен, Пространная правда отводит половину этой суммы в качестве штрафа князю, а еще 10 гривен в пользу потерпевшего. Этот текст содержит более полный перечень органов, из которого следует заключить, что атрофированный §6 Краткой правды изначально карал за нанесение раны, повлекшей утрату ноги столь же строго, как и за руку. Таким образом, обе версии Правды четко различают бесчестье и увечье. Остается лишь понять, о котором из двух, бесчестье или увечье, идет речь в договорах 911 г. и 944 г.

Обширная научная литература, посвященная договорам и Правде русской, поможет нам на удивление мало. Зачастую полезный комментарий к договорам, составленный А. В. Лонгиновым, являет пример царящей в данном вопросе путаницы [16, с. 130–136]. Как и почти все комментаторы, автор отмечает сходство между началом криминальной статьи в договоре 911 г. «Аще ли ударить мечьмъ или биеть кацѣмь любо съсудъмь, и т. д.» и началом §3 Краткой правды «Аще ли кто кого ударить батогомъ, и т. д.». Он утверждает, что договора не принимают в расчет «качество удара» (что было бы очень странно), но добавляет, что жестокость штрафа наводит на мысль о ране с тяжелыми последствиями для здоровья потерпевшего. Ссылки на русский закон или обычай в договорах, как верно заметил А. В. Лонгинов, касаются, как правило, определения суммы штрафа, но он не сумел найти в Правде русской эквивалента изрядной сумме в 5 византийских литров серебра. Известные мне комментарии текстов повторяют, но не развивают общепризнанную параллель между «Аще ли ударить» в договорах и «Аще ли кто кого ударить» в Краткой правде.

Прямой перевод метрологических данных в отмеченных параллелизмом статьях состоял в делении пяти византийских фунтов на 12, что дает вес гривны примерно в 136 г серебра. Этот расчет приводится во многих работах, начиная со второй половины XIX в., а недавно и у О. Прицака [88, p. 37–38]. Однако, когда В. Л. Янин в своей известной монографии 1956 г. впервые предложил системную реконструкцию «денежно-весовых систем русского средневековья», столь тяжелая гривна ни в одну систему не вошла. Не отказываясь от того же предполагаемого параллелизма, В. Л. Янин нашел путь уменьшить вес гривны наполовину, до 68,22 г, основываясь на сложных текстологических и метрологических рассуждениях [51, с. 48–52][15]. Эта гривна, предположительно реликт старинной славянской весовой системы, стала краеугольным камнем янинских построений, но также и их наиболее спорным элементом [7, с. 46–51]. Недавний критический разбор аргументации В. Л. Янина, проделанный А. В. Назаренко, избавляет меня от необходимости проводить его здесь [18, с. 123–129]. По схеме В. Л. Янина, архаичная гривна была заменена во второй половине X в., уже после заключения договоров, на гривну в 51,19 г, а согласно А. В. Назаренко, гривна в 51 г возникает уже в IX в. [18, с. 130]. Поскольку и А. В. Назаренко признает указанный выше параллелизм между двумя статьями, ему также необходимо уравнять 5 фунтов серебра с 12 гривнами, при том что его гривна на четверть легче той, что заявлена у его предшественника. Скажу сразу, что гривна в 51,19 г – это такая же мнимость, как и ее «архаичная» ипостась. Читателю это, я надеюсь, станет ясно после того, как я предложу альтернативный анализ текстов.

Если мы пробьемся сквозь библиографический лабиринт и непредвзято прочтем тексты, в них нет двусмысленности. Статья договора, в которой рассматривается случай, когда один человек наносит другому удар мечом или, более определенно, мечом или копьем, не может быть интерпретирована по умолчанию в том смысле, что меч не вынут из ножен, а копье то ли специально обернуто, то ли повернуто острием назад. В обоих договорах рассматривается нанесение тяжелых открытых ран, будь то оружием или другим острым предметом. В терминах Правды русской речь идет не о бесчестье, а о возможном увечье. Главное отличие в подходе к ранам в договорах и в Правде русской состоит в том, что Правда судит о тяжести ранения по его окончательному результату: атрофии органа. В договорах же подобный критерий отсутствует по вполне понятной причине. Останется ли орган дееспособным или нет, станет ясно после завершения лечения раны, но к тому времени караван купцов-русов будет уже далеко от Константинополя. Решение о санкции должно было приниматься на месте, исходя из характера раны и не дожидаясь результатов лечения. В остальном же нет сомнения, что оба договора содержат, после статьи об убийстве, статью о тяжелой открытой ране, какую наносят меч или копье в их обычном применении – в данном случае не летальной, но потенциально влекущей инвалидность. В Правде такую статью следует увязывать со статьей о нанесении ранения, а не о бесчестящем ударе.

Этот анализ приводит к главному заключению, которое позволяет, наконец, определить реальную ценность древнерусских вир. Солидная сумма в 5 фунтов серебра, которая, согласно договорам, определяется «по закону русскому», должна быть соотнесена с тяжелейшей вирой в 40 гривен, а не с вирой в 12 гривен, как принято считать. Византийская литра, подобно римской, оценивалась в 327,6 г, но эта классическая оценка давно признана чрезмерной. Современные исследования снижают оценку литры до 326,34 г или даже 324,72 г [86, p. 920]. Таким образом, штраф, указанный в договорах, представляет собой по весу между 1631,7 и 1623, 6 г серебра.

Однако в Византии X в. серебро имело хождение не в слитках, а в форме монет. Банкирам и купцам вменялось в обязанность принимать монеты без видимых дефектов по счету, а не по весу. С. Морриссон, следуя Ф. Грирсону, оценивает номинальный вес серебряного милиаресия в 2,98 г (реальный их вес обычно чуть ниже),

[15] О несовместимости этой гипотетической стоимости гривны с метрологическими системами, представленными в регионе, ранее говорилось у Н. П. Бауера [1, с. 212].

близко к номинальному весу дирхема [86, p. 930; 78, p. 554–558 (с указанием веса представленных монет)]. Думаю, что милиаресии номинально чеканились из расчета 108 монет на литру, в четком весовом соотношении 3:2 к *номисме*, которая чеканилась из расчета 72 на литру, но тоже с небольшим недовесом. Пять литров серебра приравниваются, в таком случае, к 540 милиаресиям в чеканной монете, возможно, чуть больше для компенсации недовеса серебряных монет.

В источниках X в. отмечены два обменных курса милиаресия: 12 или 14 за одну золотую номисму. Эти источники весьма различны. Книга церемоний, около 946 г., применяет старый официальный курс в 12 милиаресиев за номисму для императорских раздач, и этот же курс предписан, не ранее второй половины X в., в схолии к Книге эпарха [65, p. 799–800; 66, p. 76 (в аппарате к гл. 1, 4 строка 58), ср. введение, p. 37–39, о следах, оставленных в Книге эпарха, редакторами между серединой X и началом XI в.]. Эти нормативные указания контрастируют с прямым свидетельством договора из Южной Италии от 959 г., где солид (номисма) приравнен к 14 милиаресиям [64, p. 6 (№ 3)]. Майкл Хенди, который приводит эти свидетельства, полагает, что курс номисмы в отчете о Критской экспедиции 949 г., приложении к *Книге церемоний*, также превышает 12 милиаресиев [83, p. 504–506][16]. Более того, Ф. Грирсон и М. Хенди относят к тому же периоду указание юридической схолии (одна из *glossae nomicae,* заведомо трудно поддающихся датировке), оценивающей миларесий в 1 3/4 карата, что дает соотношение в 13 5/7 миларесия к номисме [84, p. 308–309; 77, p. 67; 83, p. 504]. М. Хенди думает, что дело в неустойчивости цены серебряной монеты, а С. Морриссон предполагает ее легкую девальвацию на протяжении X в. [83, p. 505; 86, p. 930], но дело в том, что все наши данные строго современны. Мне представляется более верным, что в X в. официальный курс в 12 милиаресиев за номисму несколько переоценивал серебро, и потому в коммерческих сделках допускалась рыночная коррекция (причины объясняются ниже), которая приближала курс к 14 серебряным монетам за номисму. При соблазнительно точном курсе в 13 5/7 за номисму, 540 милиаресиев – минимальный эквивалент в монетном серебре 5-литрового штрафа договоров – должны стоить 39,4 номисмы, в то время как 548,6 милиаресия соответствуют 40 номисмам. Таким образом, штраф в 40 гривен Правды русской равен по стоимости 5 литрам серебра, если мы признаем в гривне серебряный эквивалент византийской золотой монеты – номисмы.

в. Гривенные слитки и стоимость древнерусской гривны.

Как известно и как следует из предыдущего, древнейшая гривна, стоимость которой мы обсуждаем, являлась расчетной единицей, не материализуясь в конкретный слиток серебра. Лишь к началу XII в. появляются серебряные слитки, также со временем называемые в источниках гривнами. Четыре типа слитков стандартного

[16] М. Хенди, пользуясь неисправным изданием текста, ошибается в интерпретации отчета, где, как и во всех официальных документах, применяется официальный курс [см. теперь: 106].

вида и веса имели обращение на Руси[17]; слитки иного типа отливались в Литве. Поскольку источники приравнивают один из типов слитков к четырем «старым» гривнам, Н. П. Бауер предположил, что вес гривенных слитков должен отражать вес ранней гривны [1, с. 223 и сл.], каковой он определил в 49,25 г. Н. П. Бауер полагал, что гривна появилась в XI в. как эквивалент 50 западноевропейских пенни (ср. ниже). Для В. Л. Янина это была вторая по древности гривна в 51 г., существовавшая со второй половины X века, для А. В. Назаренко это древнейшая гривна, восходящая к IX в. (см. выше), но как бы то ни было, метрология гривны Н. П. Бауера стала краеугольным камнем всех последующих разысканий в этой области. Однако уже тот факт, что среди четырех типов гривны четко представлены два весовых стандарта, существенно усложняет дело.

Последний обзор гривен-слитков принадлежит Н. Ф. Котляру [10, с. 80–142]. Толчком к его составлению послужила находка в составе огромного клада 1140 г., открытого в Бурге (Готланд, Швеция), 28 целых и 6 фрагментарных русских слитков «черниговского» типа. Н. Ф. Котляр, вслед за Н. П. Бауером, отверг принадлежность слитков этого типа Черниговскому княжеству и предложил переименовать их в «северорусские» [10, с. 98–99; 1, с. 225], но недавнее открытие клада с такими же слитками в Чернигове [6, с. 48–49] побуждает повременить с переименованием. Черниговские слитки, характерно сплющенные по краям, менее изящны в исполнении, чем остальные типы; на них видны следы ударов молотка – самого простого способа грубой проверки пробы серебра. Н. Ф. Котляр взвесил слитки из клада, а также слитки черниговского типа, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и в Историческом музее, то есть почти две трети из 120 известных слитков этого типа. Средний вес 28 целых слитков в кладе – 196,2 г, в Государственном Эрмитаже (31 экз.) – 195,74 г, а в Историческом музее (15 экз.) – 195,56 г. Н. Ф. Котляр предлагает определить «весовой стандарт» слитка этого типа в 196,72 г [10, с. 100–101].

Замеры Н. Ф. Котляра очень близки данным Н. П. Бауера, указавшего для «расплющенных» слитков средний вес приблизительно в 197 г. Тот же самый показатель Н. П. Бауер считал весовой нормой более распространенных продолговатых слитков-гривен новгородского типа, средний вес которых чуть превышает 197 г. Н. Ф. Котляр цитирует Н. П. Бауера, однако утверждает, что Н. П. Бауер ошибался в определении среднего веса новгородских гривен, каковой составлял ок. 204 г [10, с. 100; 1, с. 225]. Также и в полезной сравнительной таблице типов слитков, составленной Н. Ф. Котляром [10, с. 87], средний вес «северорусских» (т. е. черниговских) слитков указан в ок. 196 г, а новгородских – ок. 204 г. Однако позиция Н. Ф. Котляра содержит парадокс, который весьма показателен для путаницы, царящей в данном вопросе. Н. П. Бауер, ведущий специалист по древнерусской нумизматике до своей гибели от рук НКВД в 1942 г., уж конечно не ошибся в исчислении среднего веса новгородских гривен, которые он лично изучал в Эрмитаже. Только их подлинный вес был полностью заслонен чисто умозрительной цифрой в 204,756 г, которую ввел

[17] Гривны-слитки были малоизвестны за пределами Древней Руси [ср.: 94, p. 7, 10].

В. Л. Янин. Удаление этой призрачной цифры из обсуждения – непременное условие для решения вопроса о гривне.

В. Л. Янин утверждал, что весовое значение новгородской гривны определяется не ее реальным весом (который обозначил Н. П. Бауер), а весом серебра, использованного при ее отливке. Допуская «угар» приблизительно в 7 г в процессе литья, он определяет вес исходного слитка в 204,756 г [51, с. 46]. Деленая на 4, эта цифра дает номинальный вес в 51,19 г для древней гривны, каковая (как указано выше) появилась, по В. Л. Янину, во второй половине X в., а по А. В. Назаренко – на столетие раньше, и каковая лежит в основе реконструкции древнерусской монетной системы каждым из двух исследователей. Названные весовые показатели весьма популярны среди историков, так как они позволяют привязать и слиток, и древнюю гривну к каролингскому фунту в 409,562 г – основополагающий элемент конструкции А. В. Назаренко. Однако нет смысла отслеживать эту связь. В небольшом по объему, но ценном исследовании И. Леймус показал, что система аргументов А. В. Назаренко, при всей ее изобретательности, не дает убедительного объяснения происхождения некоей «традиционной» гривны в 51 г [15, с. 24]. Как недавно отметил А. П. Толочко, произвольное включение В. Л. Яниным веса угара в номинальный вес слитка не имеет параллелей в нумизматике и не может быть принято [34, с. 360–361]. Реальный средний вес новгородской гривны, поделенный на четыре, составил бы «старую» гривну в те самые 49,25 г, которые обозначены у Н. П. Бауера. В более поздних слоях Правды гривна делится на 50 кун или резан, откуда Н. П. Бауер предположил, что 49,25 г составляли вес 50 серебряных пенни (денариев) по ок. 1 г каждый, которые обращались в Новгороде в XI в. [1, с. 225 и сл.]. И. Леймус, однако, отметил, что расчет Н. П. Бауера занижает средний вес западных монет, имевших обращение в районе Новгорода [15, с. 26]. Таким образом, гипотеза Н. П. Бауера никуда нас не ведет.

Н. П. Бауер, а за ним и Н. Ф. Котляр, объяснили весовой стандарт в 197 г для слитков «черниговского» и новгородского типов воспроизведением скандинавской марки в 8 эре (по ок. 24,5 г) [1, 227–228; 10, с. 102]. Эта идея воспринята и развита И. Леймусом, а также А. П. Толочко (которому работа И. Леймуса осталась неизвестной). И. Леймус указал, что слитки весом ок. 197 г появляются в кладах на острове Готланд, а также в Латвии и Эстонии, со второй половины XI в. Оба исследователя подчеркивают, что когда серебряная гривна, очевидным образом новгородского типа, начинает упоминаться в договорах Новгорода с Готландом и иными торговыми партнерами с конца XII в., это платежное средство воспринимается как общее для обеих договаривающихся сторон. Они заключают, что если весовой стандарт новгородской гривны соответствовал скандинавской марке, нет оснований полагать, что, разделив его на четыре, мы получим вес древней гривны. Важно также замечание исследователей, что сама по себе идея выпуска гривны-слитка четырех-

кратного веса и стоимости по сравнению с гривной в монетах восходит к Скандинавии и конкретно к Готланду [15, с. 24–25; 34, с. 62][18]

Эти ценные замечания могут быть дополнены еще одним, также сравнительно новым, и которым мы обязаны самому В. Л. Янину. Споря с Н. П. Бауером, полагавшим, что слитки черниговского типа предшествовали новгородским, появившимся только в начале XIII в. [2, с. 202], В. Л. Янин считал новгородский тип древнейшим и относил его появление к XI в. [51, с. 161–162]. Этот взгляд нашел поддержку в позднейших публикациях [19, с. 120]. Напротив, в комментарии к новооткрытой берестяной грамоте начала XIII в., где упоминается долг размером в *гривну новую* (№ 713), В. Л. Янин замечает, что эта «новая гривна» появилась в конце XII в. [55, с. 13; 5, с. 426][19]. Это замечание может относиться лишь к новгородскому типу слитков. В отсутствие недавних обзоров их находок личное свидетельство наиболее информированного специалиста в этой области очень ценно и влечет далеко идущие последствия. Стремление относить появление гривен-слитков к началу XI в. восходит к историкам начала XX в., и хотя археологических свидетельств нет, его логика ясна. Обращение дирхемов прекращается на юге Руси в конце X в.; только в Северной Руси на смену дирхемам пришли импортированные западные монеты, но и их оборот вскоре пошел на спад, а в начале XII в. прекратился почти полностью. Таким образом, Русь вступила в так называемый «безмонетный» период, продлившийся до второй половины XIV в. Старая хронология слитков новгородского типа позволяла связать их напрямую с последней фазой денежного обращения в регионе. Из новой же их датировки вытекает, что слитки появились более полстолетия спустя после исчезновения монет из обращения или резкого сокращения их числа. Этот разрыв существенен для объяснения веса новой гривны (см. ниже).

Таким образом, немало важных новых наблюдений по истории денежного обращения на Руси было сделано после опубликования синтетических исследований В. Л. Янина и А. В. Назаренко. Прояснилась хронология слитков черниговского и новгородского типов: первые появляются в Южной Руси не позднее 1130-х гг., а по-

[18] Я очень благодарен д-ру И. Леймусу за консультацию (устную) о слитках, весом около 197 г, найденных в Прибалтике, о которых он вкратце упоминает в своей статье. Самая существенная находка – Рийниекский клад в 18 слитков; если мы исключим два изолированных слитка в 103 и 159,9 г, остальные 16 весят в среднем 200,33 г (между 189 и 209,6 г) [см.: 97, p. 66–67 (n. 63)]. Однако другие релевантные находки исключительно редки. В отличие от новгородцев, балтийские торговые партнеры Новгорода почти не располагали стандартизированными «монетными» слитками и явно платили свои штрафы в нерегулярных слитках и монетах.

[19] Между тем, В. Л. Янин отказался от определения весового стандарта в 204 г. В работе 1979 г. он описывает монетную (кунную) систему в Новгороде XIII в. как «базирующуюся на реальном слитке серебра по норме в 196,2 г» [52, с. 251]. Достойно сожаления, что в последнем переиздании исследований В. Л. Янина по истории денежного обращения на Руси, опубликованной полстолетия спустя после издания книги [54], читатель не проинформирован об эволюции взглядов автора по обсуждаемым проблемам.

следние, в Северной Руси, вряд ли ранее 1180-х. Оба типа слитков привязаны к одному и тому же скандинавскому весовому стандарту. Попытка же протянуть связь между древней и новгородской гривной посредством произвольного наделения последней весом ок. 204 г оказалась тупиковой. Я определяю оба типа слитков – черниговский и новгородский – как экспортную валюту; их отливали для облегчения торговли со Скандинавией.

Третий тип древнерусских слитков, «тяжелая киевская гривна», переименованная Н. Ф. Котляром, отрицавшим ее отнесение к Киеву, в «псевдокиевскую» [10, с. 87–88], принадлежит к той же категории. Датируемая первой половиной XIII в., наименее распространенная – известно ок. 50 экз., – она обладает характерной формой киевских слитков (см. ниже) и средним весом ок. 197 г [28, с. 395] (что объясняет ее отнесение некоторыми учеными к весовому стандарту в «204 г» [31, с. 64–66; 10, с. 87]).

Эти предварительные замечания могут навести читателя на мысль, что моей целью является вернуть его на позиции Н. П. Бауера, но это верно лишь отчасти. Н. П. Бауер был убежден, что Киевская Русь заимствовала свою метрологическую систему у скандинавов, и поэтому сосредоточился на черниговских и новгородских гривнах, которые привязывал к скандинавской метрологии. В. Л. Янин, оппонируя Н. П. Бауеру, попытался разрушить зависимость от Скандинавии, но сосредоточился, тем не менее, на том же самом новгородском типе слитков, каковой он безуспешно попытался привязать к иному весовому стандарту. Однако и тот и другой подход намерено оставлял в тени ромбовидную киевскую гривну, а это поистине парадокс. Н. Ф. Котляру были известны ок. 120 слитков черниговского типа (см. выше), а старая, вероятно, завышенная оценка числа находок новгородских гривен XIII в. и ранее определяет его в 118 экз. [51, с. 46]. Число же гривен киевского типа, известных Н. Ф. Котляру [10, с. 87], превышало 400 экз., и это при том, что их производство прекратилось около 1240 г. после монгольского нашествия, а не продолжалось, как в Новгороде, на протяжении XIII в. и далее. Таким образом, киевская гривна, золушка древнерусской монетной истории, была доминантным «монетным слитком» в домонгольской Руси. Было бы логично попытаться связать весовой стандарт древнейшей гривны именно с этим массовым продуктом Киевской Руси.

Появление киевской гривны датируется по-разному – XI или XII в. Забавно, что один и тот же слиток, обнаруженный в «непотревоженном археологическом контексте» в Новгороде, приводится в обоснование как более ранней [51, 171; 25, с. 107], так и более поздней [31, с. 64] даты. Допуская как компромисс датировку самым началом XII в., я подчеркиваю, что слитки киевского и черниговского типа вошли в обращение более или менее одновременно.

Наиболее существенная характеристика киевской гривны в контексте настоящей работы – ее вес. В таблицах Н. Ф. Котляра [10, с. 87], как и во многих других исследованиях, он оценивается ок. 164 г, но это, опять-таки, умозрительная цифра, основанная на утверждении В. Л. Янина [51, с. 54] о номинальном весе киевской

гривны в 163,73 г, четверть византийского фунта. Н. П. Бауер определил средний вес доступных ему 376 слитков в 158–159 г, но его собственная гистограмма показывает, с одной стороны, несколько слитков с резким отклонением от нормы (ниже 150 г), а с другой стороны, разительное сосредоточенье веса в пределах 156–165 г [см.: 51, с. 53], с эффективным средним весом в 161 г. Как я уже отмечал, весовой стандарт византийского фунта (литры) определяется в новейших исследованиях немного ниже классической оценки римского фунта в 327,46 г, взятой В. Л. Яниным за основу. Таким образом, эффективный средний вес слитков киевского типа очень близок к половине фунта, но здесь не это главное. Вес киевской гривны представляет собой учетверенный серебряный вес древней гривны, определенный выше на основе договоров 911 и 944 гг. в сопоставлении с Краткой правдой.

Идея о делении веса киевской гривны на четыре возникала у ученых и раньше. В обзоре русской монетной системы, опубликованном почти тридцать лет спустя после его монографии, В. Л. Янин утверждает, что в Южной Руси гривна приобретает собственный весовой стандарт в (163,73 : 4 =) 40,92 г, отличный от 51,19 г на Севере [53, с. 365]. Цифры В. Л. Янина были восприняты О. Прицаком, который добавил подробные таблицы веса дробных единиц гривны (ногата, куна и др.) соответственно на Юге и на Севере, исходящие из предполагаемого веса гривны в каждом регионе [88, p. 52–55]. А. В. Назаренко предложил свою собственную сложную систему, также основанную на предположении, что «монетная и весовая система» Южной Руси «полностью отличалась» от таковой на Севере [19, с. 194–195]. Идея о двух зонах монетного обращения, восходящая к Н. П. Бауеру и В. Л. Янину, если не к их предшественникам, и предусматривающая различные весовые стандарты для одноименных денежных единиц на Киевском Юге и Новгородском Севере, была воспринята и многими другими исследователями. Не входя в ненужные детали (и не отрицая региональных различий древнерусской денежной системы[20]), я предлагаю отклонить эту бинарную конструкцию *en bloc* по двум решающим причинам.

Одна из этих причин для читателя уже очевидна: если оставить черниговскую гривну за Черниговом, то Русь невозможно разделить на две зоны. Неудивительно, что эти слитки не обсуждаются ни В. Л. Яниным (1956), ни О. Прицаком (1998), ни А. В. Назаренко (2001), а также разительно отсутствуют в таблицах гривны В. Л. Янина [53, с. 373, табл. 152]. Отделение Чернигова от Киева и присоединение его к «северной» зоне было бы абсурдом. Поэтому Н. П. Бауер в полуфразе, а подробнее Н. Ф. Котляр попытались оторвать проблематичную гривну от Чернигова [1, с. 225; 10, с. 98–99]. Н. Ф. Котляр не предлагает альтернативный городской центр как место ее производства, полагая, что деревенские ремесленники могли отливать эти слитки «в обширном регионе от Псковщины и Северной Двины до Средней Волги». Однако подобная модель децентрализации монетного дела вызывает сомнения, а ее географический охват не соответствует карте находок, представленной самим Н. Ф. Котляром. Единственная значительная находка к востоку от Пскова, клад из 44 слитков,

[20] О специфике Южной зоны см. исследование Н. Ф. Котляра [8].

была сделана близ Великих Лук на Ловати, то есть на основном речном пути из Киева и Чернигова в Новгород и Скандинавию. Она ничуть не противоречит версии южного происхождения слитков черниговского типа. Еще четыре северо-восточные находки содержат вместе семь слитков. Напротив, Н. Ф. Котляр отмечает три клада в районе Чернигова, содержащие вместе 36 слитков; к ним присоединяется крупный клад, найденный недавно в самом Чернигове (см. выше). Клад из 11 черниговских гривен, найденный под Киевом, был охарактеризован Н. Ф. Котляром как «случайный» [10, с. 98]. На фоне вышеизложенного с этой оценкой согласиться трудно[21].

Нет ничего удивительного в том, что слитки для целей внешней торговли отливались именно в Чернигове, экономическом «локомотиве» Киевской Руси XII в. Более легкие слитки, восходящие к весовому стандарту древнерусской гривны (обычные гривны киевского типа), отливались в то же время в Киеве. Поскольку в кладах, связываемых с монгольским нашествием, черниговские гривны не представлены, можно предположить, что в начале XIII в. они были заменены в качестве экспортной валюты на тяжелые киевские гривны.

Итак, на протяжении большей части XII в. «монетные» слитки черниговского и киевского типов, и только они, имели хождение повсюду на Руси. Поскольку районы их обращения в основном совпадали, они не могут относиться к двум разграниченным монетным зонам. Различие их весовых стандартов следует рассматривать как функциональное. Черниговские слитки предназначались для северной торговли, в то время как киевский тип отливался для внутреннего обращения. Следует подчеркнуть, что ни один из этих типов слитков не обозначался в источниках как «гривна». Первые слитки, которые «унаследовали» название древнерусской гривны, были отлиты в Новгороде.

Вторая причина, по которой не следует делить Русь на две зоны монетного обращения, – это полнейшее отсутствие в источниках даже намеков на существование подобного деления. Сосуществование в Новгороде и Киеве гривен различных по весу и стоимости создало бы огромные трудности не только для проведения коммерческих сделок, но и для их описания, если участники происходили из разных городов. В эпизоде вознаграждения князем Ярославом зимой 1015/16 г. в Киеве новгородцев, которые вернули его на отцовский престол (см. выше), необходимо было бы указать, выдал ли он им указанные суммы в киевских гривнах весом в 40 г, или в новгородских, на 25% тяжелее. В 1130 г. киевский князь Мстислав, вместе со своим сыном Всеволодом, сделал пожертвование Юрьевскому монастырю в Новгороде [4, с. 109–129]. В жалованой грамоте, ставшей древнейшим сохранившимся русским документом (кроме берестяных грамот), князь использует термин гривна дважды, обозначая сумму ежегодных налогов, передаваемых монастырю, т.е. в качестве монетной единицы, и для обозначения веса даруемого серебряного блюда, т.е. в качестве единицы веса. В этой грамоте, написанной в Киеве и адресованной в Новгород, нет намека на то, что в каждом из этих городов гривна имела разную стоимость. Берестяные грамоты не менее красноречивы. Две из наиболее древних, обе середины XI в., сохранили сведения о займах в гривнах, полученных вне Новгорода. В грамоте № 246, которая происходит, согласно А. А. Зализняку, из Смоленска или Полоцка, некто Жировит требует от своего новгородского должника Стояна четыре с половиной гривны; он не указывает стандарт гривны. Автор грамоты № 915, вероятно, новгородец, напоминает своему новгородскому же адресату о серебряной гривне, взятой им в Киеве у «оторока» автора, и требует вернуть «деньги» (куны). Автору не приходит в голову указать стоимость серебряной гривны, хотя сделка охватывает и Киев, и Новгород [5, А.29 (с. 272) и А.5 (с. 243), соответственно]. Отсутствие какого-либо указания в источниках на то, что гривна могла разниться по серебряному содержанию от региона к региону, подчеркивает несостоятельность теории раздельных монетных зон.

[21] Клад из 32 черниговских гривен и 19 серебряных слитков ненормированного веса, так называемых камских лепешек (они сопровождают черниговские гривны в готландском кладе), был обнаружен кладоискателями в мае 2002 г. Он известен из сообщения в интернете (www.grivnaklad.narod.ru), где место находки не указано.

Таким образом, с рубежа X–XI вв. по рубеж XII–XIII вв. многочисленные употребления термина гривна толкуются вполне однозначно. До введения слитков в Новгороде – еще в 1220-е гг. обозначаемых как «новая гривна» (см. выше) – все упоминания гривны имеют в виду ок. 40 г серебра, изредка их золотой или меховой эквивалент. Разные пути выражения стоимости гривны в шкурах – сложный предмет, о котором я сделаю только несколько кратких замечаний в Приложении. Однако признание, что существовала лишь одна гривна ценностью в ок. 40 г серебра, открывает путь к новой оценке экономики Древней Руси.

Данные XI и XII вв., относящиеся к платежам в серебре и золоте, неоднократно собирались, в первую очередь Н. П. Бауером и Б. А. Романовым, но реальная ценность называемых сумм откровенно представлялась как догадка: «Если мы допускаем вес гривны не в один фунт (около 409 г. – К.Ц.), как полагают некоторые, и не в десятую часть фунта, как полагают другие, а в треть фунта (как рассчитал Прозоровский), то получаем…» [28, с. 377]. Преимущество гривны Д. И. Прозоровского в 136 г (см. ниже) перед иными оценками не объяснено, и более попыток перевести стоимость гривны в граммы в работе не делается. Н. Ф. Котляр [10, с. 85], полагающий, что термин «гривна серебра» мог обозначать слиток серебра уже в начале 1140-х гг., допускает еще более высокую стоимость гривны. Так, он оценивает штраф в 1400 гривен, выплаченный младшим князем, Владимирком из Галича, киевскому князю Всеволоду в 1144 г., «от 230 до 280 кг серебра, в зависимости от типа монетной гривны, киевского или новгородского». По моим подсчетам, штраф, описанный летописцем как тяжелый (*много заплативъ*) [24, кол. 316], составлял лишь 56 кг серебра. С весом гривны в 40 г мы можем точнее рассчитать ценность разных даров Печерскому монастырю в Киеве, выраженную в сотнях гривен серебра и/или в десятках гривен золота [28, с. 380]. Мы можем также лучше представить себе широкий жест юного Владимира Мономаха (в 1070-е гг.), который почтил своего отца

Всеволода обедом и подарком в 300 гривен золотом [23, с. 159]: подарок должен был представлять собой мешок весом в 12 кг, наполненный, вероятно, византийскими золотыми монетами и золотыми слитками разного веса, нередкими в древнерусских кладах [ныне я не уверен в этой интерпретации гривны золота, см. Postscriptum][22]. Напомню, что крупнейший и широкочитаемый русский историк В. О. Ключевский принадлежал к тем ученым, неназванным по имени Н. П. Бауером и Б. А. Романовым (цит. выше), которые приравнивали гривну к каролингскому фунту. Ее реальная ценность была в десять раз ниже.

После всех этих расчетов пришло время вернуться к проблеме стоимости закука в Киевском письме. Если признать его за фунт в 12 унций, то долг, унаследованный Мар Яаковом, составит свыше 30 кг серебра (см. выше); если же рассматривать этот термин как ивритское обозначение гривны, то долг следует оценить примерно в 4 кг серебра, эквивалент ок. 1400 дирхемов или, в период столь близкий к договорам Руси с Византией, 100 номисм. Мне кажется, что в содержании Письма можно найти поддержку для последней оценки. Напомню, что сумма долга была разделена на две части: киевская община выплатила кредиторам 60 *закуков*, а Мар Яаков был послан с заданием собрать оставшиеся 40 (строки 15–16). Еврейская община не стала поручителем за выплату остатка долга, и наиболее вероятная экономическая основа для его деления на две части – это продажная цена самого Яакова. Кредиторы вряд ли могли затребовать за освобождение Яакова, а еврейская община вряд ли заплатила бы много больше той суммы, какую можно было выручить за продажу должника в рабство. Если исходить из ценности *закука* в 12 или 8 унций серебра, то выплата в 60 *закуков* намного превзойдет ту сумму, которую можно было выручить за раба. Обычная цена при массовом выкупе составляла в X–XI вв. 100 номисм (или динаров) за трех пленников [89, p. 199–200]. В случае личного выкупа сентиментальные соображения могли поднять цену, но не кардинально выше рыночной. Поэтому идентификацию *закука* в Письме как ашкеназского *закука* оправдать трудно, а уравнение его с гривной экономически обосновано.

Напомню о старом споре между теми, кто рассматривает клады IX–X вв. как свидетельства денежного оборота внутри Руси, и теми, кто видит в них торговый капитал, сформированный вне русской территории и предназначенный для транзита в Скандинавию, если, конечно, непредвиденное несчастье его не остановит. Не возвращаясь к этому спору в целом, я обращаю внимание на сделку, упомянутую в Письме, касающуюся многих сотен дирхемов – существенно больше, чем содержимое почти любого клада, – выданных в долг и подлежащих возвращению в Киеве, предположительно в 950–960-х гг. Это, пожалуй, наше наиболее раннее несомненное свидетельство «внутреннего» денежного обращения на Руси.

[22] При всех своих тесных политических и торговых связях с Византией, Русь практически не находила применения для византийских золотых монет: их очень мало в кладах и их упоминания в источниках (златьникъ/золотьнткъ, златьница/златица) редки. Причина тому, я думаю, не столько в экспортном контроле за золотом (который вряд ли мог быть эффективен), сколько в падении веса и пробы византийских золотых монет, начиная с конца X в. Поэтому номисма, надежный «доллар Средневековья» во времена договоров, не могла служить ориентиром для экономики Руси в период ее становления в XI в.

Эпилог. Гривна, динар и номисма и открытое торговое пространство в IX–X вв.

Начало попыткам уравнять русскую гривну и византийскую номисму было положено в трудах основоположников современной русской монетной истории Руси И. Ф. Круга и Д. И. Прозоровского. Так, последний заметил, что синод, созванный митрополитом Кириллом II в 1273 или 1274 г., ввел плату в 7 гривен за рукоположение в дьяконы или священники, в соответствии с византийским установлением около 1058 г. о выплате в 7 номисм [26, с. 169–173]. Это верное наблюдение сопровождалось метрологическими соображениями, которые настолько устарели, что нет смысла их приводить. Однако попытки установить византийские связи гривны были оставлены к началу XX в., и с тех пор превалирует тенденция искать для нее восточные (см. ниже), скандинавские или славянские корни.

А. В. Назаренко вернулся к этому вопросу в исследовании, на которое мне уже не раз доводилось ссылаться, изначально опубликованном в виде статьи, а потом, в обновленной форме, как глава монографии [18, 5–79; 19, с. 113–218]. Он вновь соотнес гривну с византийской золотой монетой, определив ее как «счетный солид» [19, с. 149]. Не пренебрегая наследием историографии XX в. и не отрицая связи гривны с Востоком, он очень верно определил ее как «стоимость золотой монеты (динара или номисмы – К.Ц.), выраженную в серебре» [18, с. 30–33]. Целью А. В. Назаренко было показать, что гривна представляла собой эквивалент одновременно византийской номисмы и исламского динара. Я всячески подчеркиваю замечательную новизну и справедливость этого тезиса, но при этом считаю необходимым обосновать его заново. Дело в том, что аргументация А. В. Назаренко исходит из веса гривны в 51 г, а я представил выше эту гривну как фантом. Поскольку я подробно аргументировал альтернативное представление о гривне на базе византийских свидетельств, я хотел бы под конец несколько сместить акценты и рассмотреть свидетельства с Востока.

Оперируя византийскими метрологическими и монетными данными, А. В. Назаренко формулирует понятия и высказывает предположения, которые я нахожу весьма спорными. Одно из таких понятий – «провинциальная византийская номисма», предположительно немного более легкая, чем золотая монета, имевшая хождение в столице, и потому по весу близкая к динару. Эта «провинциальная» номисма, которая якобы обращалась в VI–IX вв. [19, с. 144–148], являет собой соединение легкой номисмы, которая чеканилась в Константинополе в VI–VII вв., и номисмы, которую можно с бóльшим основанием называть провинциальной, ибо она чеканилась и обращалась только в Византийской Италии в VIII–IX вв. Однако между двумя этими монетными сериями нет ничего общего. Легкие номисмы, введенные при Юстиниане [103, p. 87–91], имели постоянный вес и золотое содержание; эти выпуски, четко помеченные как легкие, не могли повлиять на метрологию гривны, с которой они

не совпадали во времени. Что же касается золотых монет, чеканеных в Византийской Италии, то их весовые показатели, ставшие в глазах А. В. Назаренко образцом для гривны, нерелевантны в основе, поскольку вес монет был нестабилен (редко достигая 4 г), а проба столь низка [77, p. 196–202, 212–213], что они не могли стать образцом ни для какой метрологической системы. Уравняв стандарт гривны с «провинциальной» номисмой, А. В. Назаренко [19, с. 149] вынужден ввести «Константинопольский вариант гривны» весом в 54,58 г. Поскольку ни та, ни другая гривна не соответствует данным договоров, автор [19, с. 183–188] вводит в византийскую метрологию еще и серебряный литр, иначе «большой литр», в 392,94 г, до сих пор неведомый византинистам; половина этого литра (196,47 г) представлена как гривна Правды русской и договоров. Не буду пересказывать дальнейшие превращения гривны; они основаны на метрологических гипотезах столь смелых, что им трудно следовать.

Со своей стороны, я думаю, что византийские свидетельства, представленные мною выше, вполне однозначны, чего не скажешь о восточных свидетельствах, столь же важных для нашей темы. Здесь проблема не столько в оригинальных построениях А. В. Назаренко, сколько в его базовой предпосылке относительно обменного курса золотого динара к серебряным дирхемам, которую он разделяет со многими учеными. Не будучи арабистом, я попытаюсь представить состояние вопроса, которое не отличается четкостью в работах специалистов.

Одной из дробных единиц гривны была ногата. Термин ногата полагают производным от арабского *naqd*, обозначающий монету – полноценный дирхем. Прежняя этимология, от славянского нога, представлявшая изначальную ногату как шкурку с лапами (хотя лапа зверя в славянских языках никогда не называлась ногой), была остроумно осмеяна Н. П. Бауером. Поздняя часть Краткой правды, как и Пространная правда, и другие источники четко показывают, что гривна содержала 20 ногат [1, с. 196–202, 212–213]. Некоторые арабские источники также приравнивают золотой динар к 20 серебряным дирхемам (ср. ниже). Здесь трудно предположить совпадение. Вывод о гривне как о серебряном эквиваленте динара стоимостью в 20 дирхемов напрашивается сам собой. Однако, как подчеркнул А. В. Назаренко [19, с. 114, 121], вес 20 динаров, 2,97 г х 20 = 59,4 г, не совместим ни с одной теорией о весовом значении русской гривны. В. Л. Янин и сам А. В. Назаренко пытаются вписать весовую категорию в 59,4 г в свои концепции гривны, допуская, в случае А. В. Назаренко, «арабский» вариант гривны с собственным весом [см.: 19, с. 149 и сл., с критикой В. Л. Янина]. Я нахожу их аргументы чрезвычайно сложными и спекулятивными, но что подрывает их еще больше – это факт, что обменный курс, на котором они построены, не имеет, по-моему, отношения к делу.

Некоторые современные авторитеты все еще считают обменный курс в 20 дирхемов за динар аксиомой, не нуждающейся в доказательствах. Так, например, Р. Финдли и К. О'Рурк [107, p. 48–49] указывают этот курс для всего периода классического ислама. В томе I первого издания Encyclopaedia of Islam (1913 г.) статья

"dirham" Э. фон Цамбаура содержит однозначное утверждение, что «В ранние дни ислама отношение золота к серебру фиксируется на уровне 14:1 (20 дирхемов=1 динар)» (p. 979). Когда первая современная «исламская» валюта была воссоздана в Ираке в 1923 г., динар был разделен на 20 дирхемов. Среди специалистов по экономической истории Средневековья этот курс был популяризирован во влиятельных работах С. Болина (1953) и, в особенности, Ф. Грирсона (1960) [60, p. 5–39; 76, p. 241–264]. Не удивительно, что идея динара, состоящего из 20 дирхемов, взята на вооружение В. Л. Яниным и А. В. Назаренко.

Однако, когда К. Каэн в 1964 г. был приглашен дать комментарий арабиста на пост-пиренновскую модель торговли между Западом и Востоком, подготовленную С. Болином и Ф. Грирсоном, он не скрыл своего замешательства при рассмотрении ее монетарного аспекта. Он пришел к выводу, что единственное свидетельство о обменном курсе в 20 дирхемов за динар, приведенное у Ф. Грирсона, – запоздалое и ненадежное [62, p. 396–397]. В томе II второго издания Encyclopaedia of Islam (1965 г.) Дж. К. Майлс, автор статей "dinar" и "dirhem", осторожно обходит вопрос об обменном курсе между обеими денежными единицами. Исчерпывающий обзор средневековой исламской экономики Э. Аштора (1969) содержит одно единственное указание, что в Ираке начала IX в. динар оценивался в 20 или 22 дирхема [59, p. 40]. Вернувшись к вопросу пятнадцать лет спустя, К. Каэн занял более компромиссную позицию. Припомнив свои прежние сомнения, он все же допустил, что «при всем сказанном, все-таки кажется, что во II и III столетиях после Хиджры, дирхем и динар соотносятся по Закону в расчете 1 к 20, т. е. по весу дирхем составляет 0.7 часть динара, а соотношение золота и серебра составляет 1:14» [63, p. 14]. К сожалению, он не указал источники, которые заставили его признать этот обменный курс правдоподобным.

Наиболее ценное свидетельство, незадействованное в дискуссии, фигурирует в Книге даров и редкостей (*Kitab al-Hadaya wa al-Tuhaf*) XI в., впервые опубликованной в 1959 г. и теперь доступной в английском переводе. В ней сказано: «Когда почил аль-Мунтазир би-Алла, полная сумма его личной сокровищницы составила миллион дирхемов. Он обменял золотые монеты (*al-'ayn*) на серебряные монеты (*wariqan*), поскольку курс в то время был двадцать дирхемов за динар» [61, p. 209, § 306]. Автор явно намекает, что калиф аль-Мунтазир воспользовался очень выгодным курсом, практически обвиняет его во внутренней торговле, поскольку, как мы увидим, этот курс должен был измениться. Что важно, упомянутая операция может быть датирована с большой точностью: аль-Мунтазир правил только около шести месяцев в 861–862 гг. Не принимаемый во внимание арабистами факт, что русская гривна делилась на 20 ногат, приобретает в этом контексте особое значение. На раннем этапе своих торговых контактов с халифатом русские купцы, как и все остальные, приравнивали динар к 20 серебряным монетам. Возможно, и обычай делать ожерелья – изначальное значение слова гривна – из 20 дирхемов возник как раз в

этот период[23]. Этот обычай может объяснить, почему Русь сохранила такое деление на двадцать и в более поздние времена, когда и в самой исламской монетной системе оно стало нерелевантным.

Свидетельства об обменном курсе динара к дирхемам становятся более надежными с конца IX в., когда биметаллизм распространился по всему халифату (прежде только один драгоценный металл, золото или серебро, превалировал в обращении каждого отдельного региона). Как подчеркивает К. Каэн, в этот период возникает нужда в учреждении официального обменного курса для фискальных и иных целей. Курс в 14 2/7 дирхема за динар (из расчета золота к серебру 1:10) оставался в действии на протяжении почти всего X в. [63, p. 14]. Таким образом, в конце IX – начале X в., в период формирования русской гривны, динар официально оценивался не в 59,4 г серебра, как полагали В. Л. Янин и А. В. Назаренко, а в 42 г.

Обильные, но иные по характеру данные представлены в документах из Каирской генизы. Они фиксируют не официальный, а реальный обменный курс, применявшийся на практике с конца X по XIII вв., и трудно найти два документа, в которых обменный курс одинаков. Ш. Д. Гойтейн, собравший и прокомментировавший эти драгоценные сведения, подчеркнул, что не могло быть стабильного курса обмена золотых и серебряных монет, ибо те и другие были, в первую очередь, товаром, цена которого определялась его качеством (проба и вес) и доступностью на рынке. Ценность серебряных монет была особенно нестабильна, так как сделки осуществлялись в низкопробных дирхемах. Однако Ш. Д. Гойтейн отмечает, что во многих случаях обменный курс таких дирхемов основан на принципе: «1 золотой динар равен 13 1/3 монетам чистого серебра» – соотношение, с перерывами засвидетельствованное на протяжении более двухсот лет [74, p. 390, Appendix D о валютных курсах]. По этому курсу динар должен был стоить 39,6 г серебра, в хороших дирхемах того типа, который попадал на Русь.

В отличие от Византии, где официальный обменный курс слегка завышал ценность серебра, создается впечатление, что в Халифате официальный курс слегка занижал его ценность. Однако в обоих случаях рыночная коррекция была небольшой и, что наиболее примечательно, способствовала сближению обоих курсов, делая их практически идентичными. Это выравнивание обменных курсов не отмечается современными исследователями, но оно не ускользнуло от русских купцов.

Русская гривна весом ок. 40 г возникла после того, как официальный обменный курс в Халифате был изменен с 20 до 14 2/7 дирхемов за динар, что означает – после краткого правления аль-Мунтазира би-Алла в начале 860-х гг. и, вероятно, не ранее конца IX в. (см. выше). Старый курс увековечен в делении гривны на 20 ногат, но не отражается на ее весе. Это несоответствие находит объяснение в том разрыве в истории Руси IX в., который я некогда описал как «два этапа» формирования Древнерусского государства. С начала 830-х гг. до около 870 г. источники упоминают

[23] Много сказано о гривне-ожерелье у Н. П. Бауера [1, с. 208], но я не вижу необходимости останавливаться на этом вопросе, породившем немало спекуляций.

Русь, возглавляемую каганом, которая торгует, а временами и воюет с Византией и Халифатом и к которой относятся скандинавские древности, обнаруженные, в первую очередь, в районе Новгорода и Ладоги. Затем следы разрушений на памятниках, отмеченных скандинавским присутствием, свидетельствуют о больших потрясениях, и поток восточного серебра в Скандинавию практически прекращается. Начало нового подъема прослеживается в Ладоге и на Рюриковом городище около 890 г., а новые поселения, такие как Гнездово (Смоленск) и Шестовица (Чернигов), возникают около 900 г. Византийские и восточные источники о Руси X в., коих немало, никогда не называют ее правителя каганом. Я связываю эти изменения с летописным описанием, восходящим к древнейшему Сказанию, изгнания, а затем призыва «варягов». Некоторые русские ученые отрицают историчность этого нарратива, другие ограничивают длительность варяжского изгнания несколькими месяцами (следуя хронологии ПВЛ, которую они сами признают поздней и «условной»), но на самом деле, как я попытался показать, скандинавское присутствие на Руси было прервано примерно на двадцать лет [102, p. 95–120; ср.: 41, с. 76–99; 40, с. 55–77]. Когда русские купцы возобновили свою торговую деятельность в Византии и Халифате, они должны были обнаружить, что номисма и динар, почти равные по весу, теперь почти равны и в своей стоимости в серебре. Поскольку их «валютой» было исключительно серебро, они измыслили единицу расчета в серебре, которая соответствовала обоим рынкам.

Таким образом, я предполагаю, что древнерусская гривна появилась около 900 г. и определялась с момента появления весовым стандартом ок. 40 г, который оставался неизменным, пока в конце XII – начале XIII в. другая, «новая» гривна не начала обращаться в Новгороде под этим названием. Ее серебряное содержание вписывалось в скандинавскую весовую систему как пятикратное по отношению к базовой единице, *эртогу*, весом ок. 8 г. В этой системе ногата, весом ок. 2 г, оказалась очень удобной дробной единицей. Важно отметить, однако, что У. Педерсен в своем обзоре скандинавских находок гирек IX в. (сосредоточенном на Каупанге, но не ограниченном им) обратила внимание на отсутствие в Скандинавии гирек в ок. 40 г [87, p. 144 и таблицы в конце]. В противоположность этому, находки гирек в ок. 40 г нередки на Руси X–XII вв. [см.: 19, с. 161–163], хотя в остальном состав гирек очень схож с находками в Скандинавии. Гривна ок. 40 г была русским дополнением к скандинавской весовой системе.

Влиятельные работы С. Болина и Ф. Грирсона ввели представление о резком разрыве в сравнительной стоимости золота и серебра между Меровингским и Каролингским Западом, Византийской империей и Халифатом. Немалое число современных исследований полны спекуляциями о потоках золота и серебра из одного региона в другой, в зависимости от того, где обменный курс предполагается более благоприятным для каждого металла. Недавно, говоря о «монетарных реалиях» экономики раннего средневековья, Дж. У. Хек назвал в качестве «главной из них … разительное отсутствие равновесия в обменных курсах золота и серебра меж-

ду разными соседствующими экономическими регионами – разрыв, который мог значительно способствовать исчезновению золота на христианском Западе. Соотношение золота и серебра, судя по разным средневековым источникам, было 1:12 в государстве Каролингов, 1:14 внутри Дар аль-Ислама и 1:17 в Византии». В таких условиях купцы становились специалистами в «валютных спекуляциях» [82, p. 118]. П. Спаффорд размышляет о последствиях изобилия и дешевизны золота в Византии (и, следовательно, об утечке его на Запад) [93, p. 51], в то время, как Д. Вуд, напротив, полагает, что золото перетекает в Византию и та лишается серебра [98, p. 128–129]. Такого рода научные спекуляции опасны без четкого указания источников и определения хронологических рамок. Обменные курсы VII – начала VIII в. еще очень темны[24], но когда свидетельства умножаются, а средиземноморская торговля обретает новую динамику, соотношение между драгоценными металлами в разных частях Средиземноморья обнаруживают тенденцию к выравниванию. Хочу особо отметить, что когда на рубеже IX–X вв. курс золота к серебру в Византии и Халифате уравнялся, он вышел на уровень 1:10, повсеместно признаваемый для Западной Европы.

Русская гривна, созданная торговцами, активными на всех трех рынках, восприняла и воплотила это новое равновесие.

Приложение. Куна.

Об этимологии и первоначальном значении древнерусского слова куна идут споры. Так, по мнению О. Прицака, «это слово – подобно древнефризскому cona (в сочетании *skilling cona*) – восходит к позднелатинскому *cuneus* (> старофранц. *coing* > староангл. coin), означая ‘клин; изображение на монетном штампе; монета’». Из такого объяснения вытекает, что слово куна – скандинавское заимствование в славянские языки [88, p. 40–41]. Более распространено представление о том, что слово было изначально славянским и всегда означало маленького пушного зверька, как правило куницу, с которой оно исключительно ассоциируется в позднейшем русском обиходе [50, с. 102–104]. Славянская этимология куны, поддержанная балтийскими параллелями, наталкивалась на возражение, что слово отсутствует в письменном корпусе старославянского и засвидетельствовано в других славянских языках довольно поздно. Не претендуя на компетентность в лингвистических спорах, я не вижу лучшего пути постичь смысл слова, чем представи в его употребление в хронологическом порядке.

В древнейшем пласте летописи, к которому я отношу Сказание 1016/7 г., слово куна употребляется только с определением «черная» (*черна куна*) и в этом сочетании неоспоримо означает «черная куница». Такое употребление представлено в Н1Л мл. [21, с. 109] в описании покорения князем Игорем племени древлян в начале 940-х гг. Победоносный Игорь и его воевода Свенельд возложили на древлян дань:

[24] Так, в несправедливо недооцененной работе Ж. Дюрлиа убедительно доказано, что Ф. Грирсон преуменьшил стоимость серебра в Византии седьмого века [69, p. 121].

«имаша по чернѣ кунѣ от дыма». Автор ПВЛ (около 1115 г.) передает честь покорения древлян предшественнику Игоря Олегу. По его версии событий, древляне восстают после смерти Олега против его наследника Игоря, который, покорив их вновь, увеличивает размер дани, установленный Олегом. Однако описывая покорение древлян Олегом, автор ПВЛ переносит фразу из изначального описания их покорения Игорем и Свенельдом: «имаша на нихъ дань по чернѣ кунѣ» [13, кол. 24; ср.: 46; репринт в: 48, с. 66 (Шахматовский путь реставрации текста более сложен, чем в источнике)]. Он оставляет по недосмотру множественное число имаша (сохранено в Лаврентьевской летописи, исправлено на единственное имаше в других редакциях ПВЛ), хотя подлежащим в предложении является только Олег[25]. Более того, в описании дани автор ПВЛ по небрежности опустил единицу обложения, домашний очаг («дым»). Приняв вторичную форму текста за первоначальную, Дж. Мартин превращает «подворную» подать в подушную: «Олег как киевский князь ‘возложил… дань в шкурку черной куницы на человека’ на древлян (племя, обитавшее к северо-западу от Киева). После того, как древляне восстали, князь Игорь восстановил власть Киева над ними и в 914 г. ‘возложил на них дань более тяжелую, чем Олег’» [85, p. 9]. Подобное изменение налоговой базы, превратив каждого древлянина в поставщика черной куницы, заставило бы подпрыгнуть объем меховой продукции на Руси.

Дважды слово куны (мн. ч.) употребляется в Сказании без какого-либо определения. Когда князь Владимир столкнулся (около 980 г.) с ультиматумом своих варяжских союзников – выкупить каждого из осажденных в Киеве за 2 гривны (см. выше), он ответил, что им придется подождать месяц, пока будут собраны куны: «пождите, оже вы куны сберуть, за месяц» [21, с. 128]. Куны здесь могут быть переведены как «монеты» или более обще – как «деньги». Другой пассаж из того же древнего пласта летописи столь же четок. В конце своего правления Владимир, ныне верный христианин, распростер свое милосердие на всякого нищего и убогого, который мог получить на княжьем дворе все, в чем нуждался: еду, питье «и от скотниць кунами» (и монетами/деньгами из казны) [21, с. 166].

Летописный свод 1076 г. добавляет от себя лишь одно употребление термина куны, весьма поучительное, в описании разграбления двора князя Изяслава в 1068 г. восставшими киевлянами, которые «бещесленое множество злата поимаша и сребра и кунами и скорою» [21, с. 189]. Следуя В. Л. Янину против А. В. Назаренко [51, с. 114; 19, с. 151], я полагаю, что куны здесь противопоставлены шкурам и обозначают только (серебряные) монеты. Автор свода 1076 г., описывая недавние события, явно представлял себе шкуры как эквивалент серебряным монетам: «серебро» было разграблено либо в деньгах, либо в шкурах. Весьма показательно, что когда игумен Сильвестр переписывал Повесть в 1116 г., он механически заменил «скорою», общее обозначение шкур, на «бѣлью» (так в Лаврентьевском и Радзивиловском/ Академи-

[25] То же явление, когда только текст Лаврентьевской летописи сохранил оригинальную неадаптированную глагольную форму в измененном контексте, рассмотрено А. А. Шахматовым во вставной части описания мести Ольги древлянам [см.: 47, с. 432].

ческом списках Повести), т. е. беличью шкуру – мех, употреблявшийся в качестве денежного эквивалента в его время и, несомненно, также и полвека назад[26].

Два остальных упоминания кун в ПВЛ содержатся в описании событий, которые разразились после смерти Владимира. Они появились не в изначальном рассказе о них, восходящем к Сказанию, представленному в Н1Л мл., а в тех пассажах, которые, как я недавно показал [43, с. 252–257], были переписаны или впервые написаны в 1090-е гг. Первый пассаж не очень информативен. В Н1Л. мл. [21, с. 169] читается краткое описание Святополка, воссевшего на престол после смерти Владимира и раздающего подарки киевлянам («нача даяти имѣние имъ»). Та же сцена подробнее описана в ПВЛ: Святополк, созвав народ, «нача даяти овѣмъ корзна [плащи], а другимъ кунами, и раздая множьство». Здесь не указано, в каких денежных единицах, монетах или шкурах, раздавал подарки Святополк[27]. Второй пассаж, помещенный под 6526 (1018) г., касается добровольного сбора денег новгородцами для найма варягов в помощь Ярославу, который укрылся в Новгороде после захвата Киева Святополком и его польским союзником Болеславом. Каждый горожанин жертвовал 4 куны, каждый деревенский староста давал 10 гривен и каждый боярин 18 или 80 гривен. Здесь не место обсуждать историчность этого эпизода в целом и расхождения в рукописях относительно последней цифры. Суть дела в том, что перед нами первое поддающееся датировке свидетельство употребления термина куны не в значении денег, будь то монет или шкур, вообще, а в значении специфической денежной единицы, явно дробной единицы гривны.

Так называемые «сребреники Ярослава малого веса» немало обсуждались нумизматами. В каталоге М. П. Сотникова указывает пять целых монет этой эмиссии, весом в 1.57, 1.55, 1.49, 1.37 и 1.34 г, и фрагмент весом в 1.18 г. Она приводит новые аргументы в обоснование чеканки этих монет в Новгороде для оплаты услуг варяжских наемников Ярослава и полагает, что поэтому они ориентировались на весовой стандарт «скандинавских» денариев [32, с. 118–120, 211–215][28]. Две самые тяжелые монеты ближе всех к норме, которую имел в виду Ярослав; также их вес очень близок к 1/25 гривны – ок. 1,6 г. В Краткой правде куна оценивается в 1/25 гривны (см. выше), что не может быть совпадением. Это наводит на мысль, что ассоциация термина куна с конкретной монетой и с определенной дробью гривны возникла лишь тогда, когда тяжелый западный денарий начал обращаться в Северной Руси в самом конце X в. Эмиссия Ярослава представляется единственной попыткой «материализовать» куны как монеты. Реальный вес серебряных монет, которые продолжали

[26] Ипатьевский список ПВЛ сохраняет чтение «скарою», восходящее к своду 1076 г. [24, кол. 161].

[27] Удивительно, что Н. Ф. Котляр [9, с. 162] цитирует именно этот пассаж как явный пример употребления термина куны для обозначения монет (и, попутно, как доказательство, что XI и XII вв. не были «безмонетными» в Южной Руси, как считают большинство ученых).

[28] Новый текст каталога [33] содержит немало изменений по сравнению с первым изданием и, в частности, устраняет сомнительную монету из этой серии.

поступать на Северную Русь, был очень непостоянным, но куна осталась, подобно ногате, номинальной дробной единицей гривны.

Примерно 130 лет спустя после чеканки Ярославом «сребреников малого веса», исламский ученый и купец Абу Хамид аль-Гарнати посетил Страну славян (Русь) и с большой неожиданностью для себя открыл ее монетную систему:

Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету [славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее *джукн*. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине. На них покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране, то не купили бы тысячу их вьюков за *хаббу*, и не пригодились бы они совсем ни на что. Когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их, [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают [27, с. 35–36][29].

Свидетельство Абу Хамида аль-Гарнати об обращении меховых денег на Руси (около 1150 г.) – одно из многих, но оно наиболее подробно и имеет преимущество показаний очевидца, менявшего собственные дирхемы на потрепанные беличьи шкурки. Это свидетельство стало известно слишком поздно, чтобы Н. П. Бауер и В. Л. Янин смогли его учесть в своих монографиях. Со времени публикации текста в русском переводе он часто цитируется, но, насколько мне известно, так и не вошел в «обойму» свидетельств о «монетном» обращении на Руси XII–XII вв., где доминирует Правда русская. Я ограничусь здесь краткими пояснительными замечаниями, а затем подчеркну один аспект, важный для данной работы.

Термин *ğukn* у аль-Гарнати передает слово куна, как предлагает считать испанский издатель арабского текста Ц. Э. Дублер и как допускают, не без колебаний, но и без альтернативных предложений, русские переводчики [27, с. 73–74, прим. 99; на с. 110–119 читатель найдет отличный обзор свидетельств о меховых деньгах на Руси]. Этот *ğukn* мог обмениваться на серебряные монеты. Следует понимать, что серебряное содержание низкопробных дирхемов, чеканившихся в то время в Волжской Булгарии, которые привез с собой аль-Гарнати, оценивалось тем самым ок. 1,6 г, что вполне приемлемо. Куна-*ğukn* состояла из 18 беличьих шкурок, разрозненных или связанных вместе владельцем, с неповрежденными головами и лапками. Когда эти шкурки изнашивались и начинали распадаться, их подрезали и сшивали в посто-

[29] В английском варианте статьи цитировался французский перевод [67, p. 91].

янные связки, скрепленные княжеской печатью. Эта процедура дала начало монетному термину *резана*, сокращенному варианту от *резана куна*[30]. Как было сказано выше, название куна закреплено в Краткой правде за 1/25 гривны, тогда как 1/50 гривны именуется резана; напротив, в Пространной правде 1/50 гривны обозначается как куна, без промежуточной единицы между ней и гривной. Вариантность наименования 1/50 гривны, резана и куну, много обсуждалась, но объяснения так и не получила. Однако ее легко понять, если мы допустим, что название *резана куна* было сведено к просто куне в регионах, в которых никакая иная куна более не обращалась. Явное преимущество резаны (резаной куны) перед «классической» куной состояло в том, что эмиссия резаны контролировалась князем и приносила ему выгоду, а просто куну мог ввести в «монетный» оборот любой охотник. Отдельная потертая беличья шкурка может быть идентифицирована как векша, самая мелкая известная нам единица «денежно-меховой» системы. 18 таких векш сшивались и скреплялись печатью, составляя резану. Этот вывод не противоречит единственному указанию Краткой правды о числе векш в резане: их было более чем 12 [ср.: 1, с. 206, 215][31]. Соединяя данные аль-Гарнати и Правды русской, я заключаю, что запечатанная связка из 18 изношенных и подрезанных беличьих шкурок, в которой я вижу резану, составляла половину стоимости 18 шкурок лучшего сорта, моей куны. В таком случае, «монетная» система, описанная аль-Гарнати около 1150 г., в которой имеют хождение как свежие, так и изношенные шкурки, соответствует больше схеме Краткой, нежели Пространной правды. По аль-Гарнати, единая система принята во всей Руси, которую он пересек с Востока на Запад.

После этого краткого комментария перехожу к своему главному выводу. Длинный период обращения меховых денег, во время которого средства платежа не имели собственной ценности (подобной золоту и серебру), а только условную, конвенциональную, является необходимым элементом для объяснения перехода к «новой гривне» в Новгороде. Когда четыре старые гривны (гривны кун или гривны ветхих кун) были признаны равными по стоимости серебряному слитку весом ок. 197 г, номинальная серебряная стоимость гривны выросла примерно на 25%. Этот переход выпадает на начало XIII в., и через два или три поколения старая гривна полностью исчезает: как указывал Н. П. Бауер, последний раз она упоминается в Нов-

[30] Наличие в кладах большого числа дирхемов, обрезанных по краю или разрубленных на куски, объясняет всеобщее мнение, что слово *резана* первоначально относилось к усеченной или разрубленной серебряной монете. А. И. Черепнин, а позже В. Л. Янин немало потрудились над изучением монетных фрагментов, пытаясь обнаружить систему в разнобое их весов [ср.: 14, с. 575–598]. Подобные исследования дали повод для интересных наблюдений, но к искомой цели не привели: в фрагментарном нумизматическом материале IX–X вв. никаких весовых норм обнаружено не было, ни для куны, ни для резаны. Я не вижу оснований полагать, что эти термины вообще использовались в тот период для обозначения монеты, фрагмента монеты или веса.

[31] Г. В. Семенченко предлагает расчет 4 векши за резану, я не нахожу его аргументы убедительными [30, с. 245–251].

городе в духовной Климента в 1270-е гг. [2]. Приблизительно в это же самое время, в записи, датированной 6796 (1288) годом, Галицко-Волынская летопись описывает последние дни волынского князя Владимира Васильковича, который для облегчения благотворительной раздачи своих сокровищ разбил свои золотые и серебряные украшения и сосуды и перелил их в гривны (полья в гривны) [24, кол. 914]. Это единственный известный мне «южный» источник, где термин гривна используется для обозначения слитка[32].

Post-scriptum.

Предлагаемый здесь вниманию читателя русский перевод моей статьи, опубликованной семь лет тому назад по-английски, обязан своим появлением инициативе г-на Аврама Торпусмана, которому я за это глубоко благодарен. Я выверил по возможности перевод и несу ответственность за его окончательный вид. К сожалению, я не сумел сверить с оригиналами все цитаты из русскоязычных работ; они зачастую приводятся в обратном переводе с английского, за что я приношу извинения авторам (для читателя это мало что меняет). При подготовке перевода к печати я добавил пару ссылок на собственные статьи, но речь вовсе не шла о систематическом обновлении библиографии, не говоря уж о тексте. Новейших публикаций, которые потребовали бы от меня пересмотреть высказанные в работе положения, мне не попадалось. Со своей стороны, однако, я должен указать, что кратко высказанная мной идея о том, что гривна золота являла собой весовой эквивалент гривны серебра, мне кажется опрометчивой. Я не осмелился бы ныне утверждать, что подарок Владимира Мономаха отцу в 300 гривен золотом представлял собой мешок в 12 кг золота. Полагаю, что гривна золота была эквивалентна гривне серебра по стоимости, иными словами, приравнивалась по весу к византийской золотой монете, и подарок Владимира отцу весил почти в десять раз меньше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауер Н.П. Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М., Л., 1937. С. 183–244.
2. Бауер Н.П. Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение Северо-Запада Руси в XIII в. // Проблемы источниковедения. М., Л., 1940. Вып. III. С. 175–203.
3. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6(16). С. 3–72.
4. Гиппиус А.А. Загадки Мстиславовой грамоты // Miscellanea Slavica: Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского / Ред. Ф.Б. Успенский. М., 2008. С. 109–129.

[32] Когда подготовка англоязычной версии статьи подходила к концу, я получил возможность представить некоторые из ее положений в рамках «Oriental Numismatics Workshop: Monetary Circulation in 10th-centtury Northern Europe» (Оксфорд, 1–2 августа 2011 г.). Я очень благодарен организаторам, Люку Тредвэллу и Мареку Янковяку, за любезное приглашение.

5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
6. Казаков А., Жаров Г. Клад гривен из Чернигова // Нумизматика. 2001. № 2. С. 48–49.
7. Кистерев С.Н. Русское денежное обращение в трудах В. Л. Янина. М., 2004.
8. Котляр М.Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971.
9. Котляр Н.Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения древней Руси (XII–XIII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1973. № 5. С. 152–169.
10. Котляр Н.Ф. Северорусские («черниговские») монетные гривны // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 80–142.
11. Кузенков П.В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. 2011. VIII. С. 7–35.
12. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
13. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет / Изд. Е. Ф. Карского. Л., 1926.
14. Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение на территории курских северян в IX–X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. 2009. Т. 7. С. 575–598.
15. Леймус И. Русский денежный счет XII века – свой или заимствованный? // Монета. Вологда, 2001. № 8. С. 23–30.
16. Лонгинов А.В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке: Историко-юридическое исследование. Одесса, 1904.
17. Лукин П.В. События 1015 г. в Новгороде. К оценке достоверности летописных сообщений // Отечественная история. 2007. № 4. С. 3–20.
18. Назаренко А.В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 5–79.
19. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
20. Напольских В.В. К чтению так называемой “хазарской надписи” в Киевском письме // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Иерусалим, М., 2003. С. 221–225.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Ред. А.Н. Насонов. М., Л., 1950.
22. Орел В. О славянских именах в еврейско-хазарском письме из Киева // Palaeoslavica. 1997. Vol. V. P. 335–338.
23. Повесть временных лет. Ч. I / изд. текста Д. С. Лихачева, пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова. М., Л., 1950.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись / Ред. А.А. Шахматов. СПб., 1908. (репринт: М., 1998).
25. Потин В.М. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 84–115.
26. Прозоровский Д.И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865.
27. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М., 1971.
28. Романов Б.А. Деньги и денежное обращение // История культуры древней Руси: Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура. М., Л., 1948. С. 370–396.
29. Русская Правда. Краткая и пространная редакции / Подг. текста, пер. и ком. М.Б. Свердлова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. IV.
30. Семенченко Г.В. Несколько дополнительных замечаний о денежном счете домонгольской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы, 1991 год. М., 1994. С. 245–251.

31. Сотникова М.П. Серебряный слиток с Изяславля-городища // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
32. Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М., 1995.
33. Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983.
34. Толочко А. О новгородской гривне серебра // Ruthenica. Киев, 2007. Вып. 6. С. 359–365.
35. Толочко А. Краткая редакция Правды Руской: Происхождение текста. Киев, 2009. (Ruthenica. Suppl. 2).
36. Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь в зарубежной историографии. Киев, 1990. С. 99–121.
37. Толочко П.П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева // РА. 2001. № 2. С. 38–42.
38. Толочко П.П. К вопросу о хазаро-иудейском происхождении Киева // Хазарский альманах. 2005. Вып. 2. С. 99–108.
39. Торпусман А.Н. Антропонимия и межэтнические контакты народов Восточной Европы в средние века // Имя – этнос – история. М., 1989. С. 48–53.
40. Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. М., 2001. № 4. С. 55–77.
41. Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Археологія. Киев, 2003. № 1. С. 76–99.
42. Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 343–351.
43. Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник / Collectanea Borisoglebica. Вып. 1 / Ред. К. Цукерман. Париж, 2009. С. 183–305.
44. Цукерман К. О Правде руской // Ruthenica. Киев, 2014. Вып. 12. С. 108–156.
45. Шапира Д. Евреи в раннее Средневековье в соседних с Россией странах // История еврейского народа в России. Т. 1. От древности до раннего Нового времени / Ред. А. Кулик. Иерусалим, М., 2010. С. 44–76.
46. Шахматов А.А. О Начальном Киевском летописном своде. М., 1897.
47. Шахматов А.А. Киевский Начальный свод 1095 г. // А.А. Шахматов. 1964–1920: Сборник статей и материалов / Ред. С.П. Обнорский. М., Л., 1947.
48. Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003.
49. Эрдаль М. Хазарский язык // Хазары. М., Иерусалим, 2005. С. 125–139. (Jews and Slavs 16).
50. Этимологический словарь славянских языков. М., 1987. Т. 13.
51. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
52. Янин В.Л. К истории формирования новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1979. № 11. С. 251–259.
53. Янин В.Л. Русские денежные системы IX–XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 364–375. (Археология СССР).
54. Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.
55. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). М., 2000.
56. Agus I.A. The value of the marriage contract as a measure of the economic standing of the German Jews in the Middle Ages // Horeb. 1939. March. No 5. P. 163–168.

57. Agus I.A. The Development of thr Money Clause in the Ashkenazic Ketubah // Jewish Quarterly Review. New Series. 1939–1940. Vol. 30. P. 221–256.
58. Agus I.A. The Standart Ketuba of the German Jews and Its Economic Implications // Jewish Quarterly Review. New Series. 1951–1952. Vol. 42. P. 225–232.
59. Ashtor E. Histoire des prixet des salaires dans l'Orient medieval. Paris, 1969.
60. Bolin S. Mohammad, Charlemagne and Ruric // Scandinavian Economic History Review. 1953. Vol. I. P. 5–39.
61. Book of Gifts and Rarities (Kitab al-Hadaya wa al-Tuhaf) / transl. and annot. by Gh. al Hijjāwī al-Qaddûmī. Harward, 1996.
62. Cahen Cl. Quelques problèmes concernant l'expansion économique musulmane au Haut Moyen Âge // L'Occidente e l'Islam nell'alto medioevo (Spoleto, 2–8 aprile 1964). Spoleto, 1965. P. 391–432. (Settimane de studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo 12).
63. Cahen C. Commertion relations between the Near East and Western Europe from the VII-th to the XI-th century // Islam and the Medieval West: Aspects of intercultural relations / Ed. Kh.I. Semaan. Albany, 1980. P. 1–25.
64. Codice Diplomatico Barese. Vol. 1: Nitto de Rossi G.B., Nitti F. Le pergamene del duomo di Bari (952–1264). Bari, 1897.
65. Constantinos Porphyrogenitus. De ceremoniis aulaue byzantinae, 55 / Ed. K. Reiske. Bonn, 1829.
66. Das Eparchenbuch Leons der Weisen / Ed. J. Koder. Wien, 1991.
67. De Grenade à Bagdad. La relation de voyage d'Abü Hāmid al-Gharnātī (1080-1168) / Traduction annotée de J.-Ch. Ducène. Paris, 2006.
68. Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Prinston, 1964.
69. Durliat J. La valeur relative de l'or, de l'argent et du cuivre dans l'empire protobyzantine (IV–VIII siècle) // Revue numismatique 6 série. 1980. No 22. P. 138–154.
70. Eidelberg Sh. The Responsa of Rabbenu Gershom Meor ha-Golah. New York, 1955.
71. Erdal M. The Khazar Language // The World of the Khazars: New Perspectives / Eds. P.B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Rona-Tas. Leiden, Boston, 2007. P. 75–108.
72. Freiman A. The value of the marriage contract in Ashkenaz and France in the Middle Ages // Alexander Marx Jubilee Volume / Ed. S. Lieberman. New York, 1950. Hebrew part. P. 371–384.
73. Gil M. The Khazars did not convert to Judaism // Zion. 2010. Vol. 75. P. 5–14.
74. Goitein S.D. A Mediterranean society // The Jewish communities of the Arab world as portrayed in the documents of the Cairo Geniza. Vol. I: Economic foundations. Berkley, Los Angeles, 1967. P. 368–392.
75. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, London, 1982. P. 1–71.
76. Grierson Ph. The monetary reforms of 'Abd al-Malik: their metrological basis and their financial repercussions // Journal of Economic and the Social History of the Orient. 1960. No 3. P. 241–264.
77. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and im the Whittemore Collection. Vol. III: Leo III to Niceporhus III, 717–1081. Part 1: Leo III to Michael III. Washington, D.C., 1973.
78. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and im the Whittemore Collection. Vol. III: Leo III to Niceporhus III, 717–1081. Part 2: Basil I to Nicephorus III (867-1081). Washington, D.C., 1973.
79. Grierson Ph. Byzantine Coinage. London, Berkely, CA, 1982.

80. Grossman A. The connection between religion and economy in the status of the woman in early Ashkenaz // Religion and Economy: Connection and Interactions. Collected essays / Ed. M. Ben Sasson. Jerusalem, 1995. P. 139–159.
81. Grossman A. The early sages of Ashkenaz. Their life, leadership and work, 910–1096. 3rd revised edition. Jerusalem, 2001.
82. Heck G.W. First century Islamic currency: mastering the message from the money // Money, power and politics in early Islamic Syria / Ed. J. Haldon. Ashgat, 2010. P. 97–123.
83. Hendy M. F. Studies in the Byzantine monetary economy c. 300–1450. Cambridge, 1985.
84. Hultsch F. Metrologicorum scriptorrum reliquiae, I. Leipzig, 1864.
85. Martin J. Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia. Cambridge, 1986.
86. Morrisson C. Byzantine money: It's production and circulation // The economic history of Byzantium from the through the fifteenth century, I–III / Ed. A. Laiou. Washington, D.C., 2002. P. 906–966.
87. Pedersen U. Weight and Balances // Means of Exchange, Dealing with Silver in the Viking Age / Ed. D. Skre. Oslo, 2008. P. 119–195. (Kaupang Excavation Project Publication Series 2, Norske Oldfunn 23).
88. Pritsak O. The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems: Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries. Cambridge, Mass., 1998.
89. Rotman Y. Byzantine slavery and the Mediterranean world. Cambridge, Mass., 2009.
90. Sand Sh. The Invention of the Jewish People. Tel-Aviv, 2008 (in Hebrew).
91. Sand Sh. The Invention of the Jewish People. New York, 2009.
92. Schwarzfuchs S. Review of: Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca – London, 1982 // Revue de l'histoire des religions. 1984. No 201. P. 432–434.
93. Spufford P. Money and its use in Medieval Europe. Cambrige, 1988.
94. Spufford P. How rarely did medieval merchants use coin? Utrecht, 2008.
95. Tolochko O. The Short Redaction of Pravda Ruskaia: A Reconsideration // Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. 2007. Vol. 15. No. 1. P. 1–56.
96. Torpusman A.N. Slavic names in a Kiev manuscript from the first half of the 10th century // A. Demsky (ed.), The Are the Names: Studies in Jewish Onomastics. Vol. 2. Ramat-Gan, 1999. P. 171–175.
97. Urtans V. Senākie depozīti Latvijā (līdz 1200. g.). Riga, 1977.
98. Wood D. Medieval economic thought. Cambridge, 2002.
99. Wörn D. "Sirota" als sozialrechtlicher Terminus im russischen Mittelalter (Anmerkungen zum Verhältnis von rethorisch-topischem und terminologischem Sprachgebrauch) // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl / Hrsg. U. Halbach, H. Hecker, A. Kappeler. Stuttgart, 1986. S. 171–187. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 28).
100. Yuval I. The Financial Arragements of Marriage in Ashkenaz in the Middle Age] //Religion and Economy: Connection and Interactions. Collected essays / Ed. M. Ben Sasson. Jerusalem, 1995. P. 191–207.
101. Zuckerman C. On the date of the Khazars' conversion to Judaizm and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor: A study of the anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // Revue des études byzantines. 1995. Vol. 53. P. 237–270.

102. Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Eds. M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman. Paris, 2000. (Réalités byzantines 7).
103. Zuckerman C. Du village à l' Empire: autor du Registre fiscal d'Aphroditô (525/526). Paris, 2005.
104. Zuckerman C. Byzantium's Pontic policy in the Notitiae episcopatuum // La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar / Ed. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 201–230. (Monographies du Centre de recherché d'histoire et civilisation de Byzance 25).
105. Zuckerman C. The end of Byzantine rule in north-eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.
106. Zuckerman C. A chapter in the Byzantine paleography of accountancy: The fractions // Book of Ceremonies, Millennium. 15. 2018 (in print).
107. Findley R., O'Rourke K.H. Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium. Princeton: Princeton University Press, 2007.

REFERENCES

1. Bauer N.P. Denezhnyj schet Russkoj Pravdy. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny,* Moscow, Leningrad, 1937, pp. 183–244.
2. Bauer N.P. Denezhnyj schet v dukhovnoj novgorodtsa Klimenta i denezhnoe obrashchenie Severo-Zapada Rusi v XIII v. *Problemy istochnikovedeniya*, Moscow, Leningrad, 1940, vol. III, pp. 175–203.
3. Gippius A.A. K istorii slozheniya teksta *Novgorodskoj pervoj letopisi. Novgorodskij istoricheskij sbornik,* 1997, vol. 6(16), pp. 3–72.
4. Gippius A.A. Zagadki Mstislavovoj gramoty. F.B. Uspenskij (ed.), *Miscellanea Slavica: Sbornik statej k 70-letiyu B. A. Uspenskogo,* Moscow, 2008, pp. 109–129.
5. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskij dialekt.* Moscow, 2004.
6. Kazakov A., Zharov G. Klad griven iz Chernigova. *Numizmatika*, 2001, No 2, pp. 48-49.
7. Kisterev S.N. *Russkoe denezhnoe obrashchenie v trudakh V.L. Yanina.* Moscow, 2004.
8. Kotlyar M.F. *Groshovij obig na teritorii Ukrainy doby feodalizmu.* Kiev, 1971.
9. Kotlyar N.F. Eshche raz o «bezmonetnom» periode denezhnogo obrashcheniya drevnej Rusi (XII–XIII vv.). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny,* 1973, No 5, pp. 152–169.
10. Kotlyar N.F. Severorusskie («chernigovskie») monetnye grivny. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1994. Novoe v numizmatike,* Moscow, 1996, pp. 80–142.
11. Kuzenkov P.V. Rus' Olega u Konstantinopolya v 904 g. *Prichernomor'e v Srednie veka,* Moscow, 2011, vol. VIII, pp. 7–35.
12. Kyzlasov I.L. *Runicheskie pis'mennosti evrazijskikh stepej.* Moscow, 1994.
13. *Lavrent'evskaya letopis'.* Vol. 1. Povest' vremennykh let. Leningrad, 1926.
14. Lebedev V.P., Zorin A.V. Denezhnoe obrashchenie na territorii kurskikh severyan v IX–X vv. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya,* 2009, T. 7, pp. 575–598.
15. Lejmus I. Russkij denezhnyj schet XII veka – svoj ili zaimstvovannyj? *Moneta,* Vologda, 2001, No 8, pp. 23–30.
16. Longinov A.V. *Mirnye dogovory russkikh s grekami, zaklyuchennye v X veke: Istoriko-yuridicheskoe issledovanie.* Odessa, 1904.
17. Lukin P.V. Sobytiya 1015 g. v Novgorode. K otsenke dostovernosti letopisnykh soobshchenij. *Otechestvennaya istoriya,* Moscow, 2007, No 4, pp. 3–20.

18. Nazarenko A.V. Proiskhozhdenie drevnerusskogo denezhno-vesovogo scheta. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1994. Novoe v numizmatike,* Moscow, 1996, pp. 5–79.
19. Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazej IX–XII vv.* Moscow, 2001.
20. Napol'skikh V.V. K chteniyu tak nazyvaemoj "khazarskoj nadpisi" v Kievskom pis'me. Golb N., Pritsak O. *Khazarsko-evrejskie dokumenty X veka,* Jerusalem, Moscow, 2003, pp. 221–225.
21. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvoda.* Moscow, Leningrad, 1950.
22. Orel V. O slavyanskikh imenakh v evrejsko-khazarskom pis'me iz Kieva. *Palaeoslavica,* 1997, vol. V, pp. 335–338.
23. *Povest' vremennykh let.* Part I. Moscow, Leningrad, 1950.
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisej.* T. 2. Ipat'evskaya letopis'. St-Petersburg, 1908.
25. Potin V.M. Prichiny prekrashcheniya pritoka zapadnoevropejskikh monet na Rus' v XII v. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v.,* Moscow, 1961, pp. 84–115.
26. Prozorovskij D.I. *Moneta i ves v Rossii do kontsa XVIII stoletiya.* St-Petersburg, 1865.
27. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Evropu (1131–1153 gg.).* Moscow, 1971.
28. Romanov B.A. Den'gi i denezhnoe obrashchenie. *Istoriya kul'tury drevnej Rusi: Domongol'skij period. T. 1. Material'naya kul'tura,* Moscow, Leningrad, 1948, pp. 370–396.
29. Russkaya Pravda. Kratkaya i prostrannaya redaktsii. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi,* St-Petersburg, 1997, T. IV.
30. Semenchenko G.V. Neskol'ko dopolnitel'nykh zamechanij o denezhnom schete domongol'skoj Rusi. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 1991 god,* Moscow, 1994, pp. 245–251.
31. Sotnikova M.P. Serebryanyj slitok s Izyaslavlya-gorodishcha. *Kul'tura srednevekovoj Rusi*, Leningrad, 1974.
32. Sotnikova M.P. *Drevnejshie russkie monety X–XI vv. Katalog i issledovanie.* Moscow, 1995.
33. Sotnikova M.P., *Spasskij I.G. Tysyacheletie drevnejshikh monet Rossii. Svodnyj katalog russkikh monet X–XI vv.* Leningrad, 1983.
34. Tolochko A. O novgorodskoj grivne serebra. *Ruthenica,* Kiev, 2007, vol. 6, pp. 359–365.
35. Tolochko A. *Kratkaya redaktsiya Pravdy Ruskoj: Proiskhozhdenie teksta.* Kiev, 2009.
36. Tolochko P.P. Spornye voprosy rannej istorii Kievskoj Rusi. *Slavyane i Rus' v zarubezhnoj istoriografii,* Kiev, 1990, pp. 99–121.
37. Tolochko P.P. Mif o khazaro-iudejskom osnovanii Kieva. *Rossijskaya arkheologiya,* Moscow, 2001, No 2, pp. 38–42.
38. Tolochko P.P. K voprosu o khazaro-iudejskom proiskhozhdenii Kieva. *Khazarskij al'manakh,* 2005, vol. 2, pp. 99–108.
39. Torpusman A.N. Antroponimiya i mezhetnicheskie kontakty narodov Vostochnoj Evropy v srednie veka. *Imya – etnos – istoriya,* Moscow, 1989, pp. 48–53.
40. Zuckerman C. Dva etapa formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. *Slavyanovedenie,* Mjscow, 2001, No 4, pp. 55–77.
41. Zuckerman C. Dva etapa formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. *Arkheologiya,* Kiev, 2003, No 1, pp. 76–99.
42. Zuckerman C. Perestrojka drevnejshej russkoj istorii. *U istokov russkoj gosudarstvennosti: istoriko-arkheologicheskij sbornik,* St-Petersburg, 2007, pp. 343–351.
43. Zuckerman C. Nablyudeniya nad slozheniem drevnejshikh istochnikov letopisi. C. Zuckerman (ed.), *Boriso-Glebskij sbornik / Collectanea Borisoglebica,* Vol. 1, Paris, 2009, pp. 183–305.

44. Zuckerman C. O Pravde ruskoj. *Ruthenica,* Kiev, 2014, vol. 12, pp. 108–156.
45. Shapira D. Evrei v rannee Srednevekov'e v sosednikh s Rossiej stranakh. A. Kulik (ed.), *Istoriya evrejskogo naroda v Rossii. T. 1. Ot drevnosti do rannego Novogo vremeni,* Jerusalem, Moscow, 2010, pp. 44–76.
46. Shakhmatov A.A. *O Nachal'nom Kievskom letopisnom svode.* Moscow, 1897.
47. Shakhmatov A.A. Kievskij Nachal'nyj svod 1095 g. S.P. Obnorskij (Ed.), *A.A. Shakhmatov. 1964–1920: Sbornik statej i materialov,* Moscow, Leningrad, 1947.
48. Shakhmatov A.A. *Istoriya russkogo letopisaniya.* St-Petersburg, 2003.
49. Erdal' M. Khazarskij yazyk. *Khazary,* Moscow, Jerusalem, 2005, pp. 125–139.
50. *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov.* Moscow, 1987, T. 13.
51. Yanin V.L. *Denezhno-vesovye sistemy russkogo srednevekov'ya. Domongol'skij period.* Moscow, 1956.
52. Yanin V.L. K istorii formirovaniya novgorodskoj denezhnoj sistemy XV v. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny,* 1979, No 11, pp. 251–259.
53. Yanin V.L. Russkie denezhnye sistemy IX-XV vv. *Arkheologiya SSSR. Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo,* Moscow, 1985, pp. 364–375.
54. Yanin V.L. *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoj Rusi i ocherki istorii denezhnoj sistemy srednevekovogo Novgoroda.* Moscow, 2009.
55. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 godov).* Moscow, 2000.
56. Agus I.A. The value of the marriage contract as a measure of the economic standing of the German Jews in the Middle Ages. *Horeb*, 1939, March, No 5, pp. 163–168.
57. Agus I.A. The Development of thr Money Clause in the Ashkenazic Ketubah. *Jewish Quarterly Review. New Series,* 1939–1940, vol. 30, pp. 221–256.
58. Agus I.A. The Standart Ketuba of the German Jews and Its Economic Implications. J*ewish Quarterly Review. New Series,* 1951–1952, vol. 42, pp. 225–232.
59. Ashtor E. *Histoire des prixet des salaires dans l'Orient medieval.* Paris, 1969.
60. Bolin S. Mohammad, Charlemagne and Ruric. *Scandinavian Economic History Review,* 1953, vol. I, pp. 5–39.
61. *Book of Gifts and Rarities (Kitab al-Hadaya wa al-Tuhaf).* Harward, 1996.
62. Cahen Cl. Quelques problèmes concernant l'expansion économique musulmane au Haut Moyen Âge. *L'Occidente e l'Islam nell'alto medioevo (Spoleto, 2–8 aprile 1964),* Spoleto, 1965, pp. 391–432.
63. Cahen C. Commertion relations between the Near East and Western Europe from the VII-th to the XI-th century. Kh.I. Semaan (ed.), *Islam and the Medieval West: Aspects of intercultural relations,* Albany, 1980, pp. 1–25.
64. *Codice Diplomatico Barese.* Vol. 1: Nitto de Rossi G.B., Nitti F. Le pergamene del duomo di Bari (952–1264). Bari, 1897.
65. Constantinos Porphyrogenitus. *De ceremoniis aulaue byzantinae,* 55. Bonn, 1829.
66. *Das Eparchenbuch Leons der Weisen.* Wien, 1991.
67. *De Grenade à Bagdad. La relation de voyage d'Abü Hāmid al-Gharnātī (1080-1168).* Paris, 2006.
68. Dunlop D.M. *The History of the Jewish Khazars.* Prinston, 1964.
69. Durliat J. La valeur relative de l'or, de l'argent et du cuivre dans l'empire protobyzantine (IV–VIII siècle). *Revue numismatique 6 série,* 1980, No 22, pp. 138–154.
70. Eidelberg Sh. *The Responsa of Rabbenu Gershom Meor ha-Golah.* New York, 1955.

71. Erdal M. The Khazar Language. P.B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Rona-Tas (eds.), *The World of the Khazars: New Perspectives,* Leiden, Boston, 2007, pp. 75–108.
72. Freiman A. The value of the marriage contract in Ashkenaz and France in the Middle Ages. S. Lieberman (ed.), *Alexander Marx Jubilee Volume,* New York, 1950, Hebrew part, pp. 371–384.
73. Gil M. The Khazars did not convert to Judaism. *Zion,* 2010, vol. 75, pp. 5–14.
74. Goitein S.D. A Mediterranean society. *The Jewish communities of the Arab world as portrayed in the documents of the Cairo Geniza. Vol. I: Economic foundations,* Berkley, Los Angeles, 1967, pp. 368–392.
75. Golb N., Pritsak O. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century.* Ithaca, London, 1982.
76. Grierson Ph. The monetary reforms of 'Abd al-Malik: their metrological basis and their financial repercussions. *Journal of Economic and the Social History of the Orient,* 1960, No 3, pp. 241–264.
77. Grierson P. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and im the Whittemore Collection. Vol. III: Leo III to Niceporhus III, 717–1081. Part 1: Leo III to Michael III.* Washington, D.C., 1973.
78. Grierson P. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and im the Whittemore Collection. Vol. III: Leo III to Niceporhus III, 717–1081. Part 2: Basil I to Nicephorus III (867–1081).* Washington, D.C., 1973.
79. Grierson Ph. *Byzantine Coinage.* London, Berkely, CA, 1982.
80. Grossman A. The connection between religion and economy in the status of the woman in early Ashkenaz. M. Ben Sasson (ed.), *Religion and Economy: Connection and Interactions. Collected essays,* Jerusalem, 1995, pp. 139–159.
81. Grossman A. *The early sages of Ashkenaz. Their life, leadership and work, 910–1096.* Jerusalem, 2001.
82. Heck G.W. First century Islamic currency: mastering the message from the money. J. Haldon (ed.), *Money, power and politics in early Islamic Syria,* Ashgat, 2010, pp. 97–123.
83. Hendy M. F. *Studies in the Byzantine monetary economy c. 300–1450.* Cambridge, 1985.
84. Hultsch F. *Metrologicorum scriptorrum reliquiae,* I. Leipzig, 1864.
85. Martin J. *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia.* Cambridge, 1986.
86. Morrisson C. Byzantine money: It's production and circulation. A. Laiou (ed.), *The economic history of Byzantium from the through the fifteenth century,* I-III, Washington, D.C., 2002, pp. 906–966.
87. Pedersen U. Weight and Balances. D. Skre (ed.), *Means of Exchange, Dealing with Silver in the Viking Age*, Oslo, 2008, pp. 119–195.
88. Pritsak O. *The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems: Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries.* Cambridge, Mass., 1998.
89. Rotman Y. *Byzantine slavery and the Mediterranean world.* Cambridge, Mass., 2009.
90. Sand Sh. *The Invention of the Jewish People.* Tel-Aviv, 2008 (in Hebrew).
91. Sand Sh. *The Invention of the Jewish People.* New York, 2009.
92. Schwarzfuchs S. Review of: Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca – London, 1982. *Revue de l'histoire des religions,* 1984, No 201, pp. 432–434.
93. Spufford P. *Money and its use in Medieval Europe.* Cambrige, 1988.
94. Spufford P. *How rarely did medieval merchants use coin?* Utrecht, 2008.

95. Tolochko O. The Short Redaction of Pravda Ruskaia: A Reconsideration. *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology,* 2007, Vol. 15, No. 1, pp. 1–56.
96. Torpusman A.N. Slavic names in a Kiev manuscript from the first half of the 10th century. A. Demsky (ed.), *The Are the Names: Studies in Jewish Onomastics,* Vol. 2, Ramat-Gan, 1999, pp. 171–175.
97. Urtans V. *Senākie depozīti Latvijā (līdz 1200. g.).* Riga, 1977.
98. Wood D. *Medieval economic thought.* Cambridge, 2002.
99. Wörn D. "Sirota" als sozialrechtlicher Terminus im russischen Mittelalter (Anmerkungen zum Verhältnis von rethorisch-topischem und terminologischem Sprachgebrauch). U. Halbach, H. Hecker, A. Kappeler (Hrsg.), *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl,* Stuttgart, 1986, pp. 171–187.
100. Yuval I. The Financial Arragements of Marriage in Ashkenaz in the Middle Age. M. Ben Sasson (ed.), *Religion and Economy: Connection and Interactions. Collected essays,* Jerusalem, 1995, pp. 191–207.
101. Zuckerman C. On the date of the Khazars' conversion to Judaizm and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor: A study of the anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo. *Revue des études byzantines,* 1995, vol. 53, pp. 237–270.
102. Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe. M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman (eds.), *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient,* Paris, 2000.
103. Zuckerman C. *Du village à l' Empire: autor du Registre fiscal d'Aphroditô (525/526).* Paris, 2005.
104. Zuckerman C. Byzantium's Pontic policy in the Notitiae episcopatuum. C. Zuckerman (ed.), *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar,* Paris, 2006, pp. 201–230.
105. Zuckerman C. The end of Byzantine rule in north-eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 311–336.
106. Zuckerman C. A chapter in the Byzantine paleography of accountancy: The fractions. *Book of Ceremonies, Millennium,* 2018, vol. 15 (in print).
107. Findley R., O'Rourke K.H. *Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium.* Princeton: Princeton University Press, 2007.

Constantin ZUCKERMAN
École pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (Paris, France)

ON THE KIEVAN LETTER FROM THE GENIZAH OF CAIRO

Abstract: This study focuses on two major issues in the Keivan Letter from the Genizah of Cairo that have not been treated in a satisfactory manner. The first issue concerns the diplomatic aspect of the Letter, which is a copy — not the original — of the letter produced by the Jewish community of Kiev on behalf of a member in distress. This observation has a crucial impact on the historical interpretation of the document. The second issue concerns the monetary unit, zaquq, named in the Letter to describe the debt that needed to be repaid by its bearer. This rare term,

which the Kievan Letter seems to be the earliest surviving text to employ, links it to the Jewish communities of the Carolingian realm. An attempt to situate zaquq on Rus'ian ground prompts us to explore the complex nature of the Rus'ian grivna, which presents structurally similar traits. and of the early Rus'ian "monetary" system as a whole. This exploration also touches on increasingly larger issues leading to some observations on the monetary bases of the tenth-century East-West trade.

Keywords: Kievan Letter, Genizah of Cairo, Khazars, Kiev, Jewish marriage, R. Gershom Meor Hagola, zaquq, marca puri argenti, grivna, miliaresion, kuna, nogata, rezana.

Рис. 1. Киевское письмо из Каирской генизы (Cambridge, T-S /Glass/ 12.122) [по: 75].

В. П. СТЕПАНЕНКО

Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

ВИЗАНТИЯ И КРЫМ В ПОСТФЕМНЫЙ ПЕРИОД (КОНЕЦ XI – XII ВВ.): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: Судьбы византийской администрации в Крыму XII – первой четверти XIII вв. неизвестны. Последние печати функционеров империи здесь, как и в Византии в целом, датируются концом XI в. Как известно, к началу XII в. административный аппарат уменьшается в размерах, упрощается как в столице, так и в провинциях. Центральные органы власти «приватизирует» аристократия, по преимуществу принадлежащая к клану Комнинов, тогда как в провинциях она переходит в руки принадлежавших к этому клану магнатов, опиравшихся как на свои поместья, так и этерии своих «людей». Отсюда многочисленные печати представителей рода Комнинов и связанных с ними фамилий в Малой Азии и на Балканах. Есть они и в Крыму. После разгрома Константинополя и образования Трапезундской империи крымские владения Византии в юго-западном Крыму, с Херсоном и «климатами Готии», переходят под контроль Трапезунда, приобретая на протяжении XIII в. определенную автономию.

Ключевые слова: Византия, Крым, фемы, Комнины, Трапезунд, климаты Готии, моливдовулы.

Упоминания о фемах в целом исчезают со страниц византийских источников с конца XI в. С 90-х гг. исчезают и моливдовулы фемных функционеров, что отметил И. Йорданов для Паристриона [30, с. 73]. В Крыму применительно к Херсонесу и Сугдее можно сказать то же самое [7, с. 170; 18, с. 56–60]. Как следствие, сложилось мнение о том, что фемная организация, в том числе и военные контингенты фем были заменены чем-то иным. Для Закавказья данный процесс фиксируется с 40-х гг. XI в., когда Константин Мономах распустил стратиотское ополчение фемы Иверия, заменив военную службу уплатой налогов [31, с. 354.88–94]. В 70-х гг. XI в. в связи с сельджукским нашествием на первый план выходят наемные дружины, продолжавшие пополняться выходцами с Запада. Часть из них вошла в состав византийской элиты (Рогерии, Петралифы, Франкопулы) [11, с. 214–216].

При Мириокефале (1176) армия Мануила Комнина состояла из собственных контингентов василевса и отрядов его родственников и вассалов [32, p. 180.81–89; Об армии см.: 26]. Но известно, что, очистив от сельджуков район Пергама, он основал здесь фемы и (или) куратории, в том числе Неокастра [32, p. 150.35–55]. По крайней мере, в первой четверти XII в. упоминаются дуки Фракисия [32, p. 245.74–75, 400.77]. Так что рудименты фемной организации, по крайней мере в пограничье, сохранялись до 70-х гг. XII в. Но руководство ими перешло к представителям клана Комнинов. Так, Андроник Комнин воевал с венграми, командуя Нишем и Браничевым, позже был переброшен в Киликию для борьбы с Торосом Рубенидом [32, p. 138.89–138.7] .

Еще А. П. Каждан поставил вопрос о структуре византийской элиты, гражданского аппарата и армии в XII в., полагая, что пришедший к власти комниновский клан фактически управлял империей посредством назначения на все более или менее ответственные посты своих представителей [12, с. 94]. Это подтверждается и данными сфрагистики. По-видимому, стратиотское ополчение сменили частные этерии представителей все того же клана. Лишь на границе, по крайней мере, в Малой Азии, сохранились акриты, несшие пограничную службу, и постфемные структуры.

Именно поэтому, на наш взгляд, и фиксируются в провинциях моливдовулы многочисленных представителей клана Комнинов, в том числе в Болгарии (И. Йорданов) [9, с. 26-59] и в Крыму (В. С. Шандровская, И. В. Соколова, Е. В. Степанова, Н. А. Алексеенко). И хотя весь материал пока не обобщен, можно назвать найденные в Крыму печати севастов Михаила Синадина и Константина Ксира, куропалата Никифора Вотаниата, Федора Агиостефанита, Иоанна Комнина, сына севастократора (вероятно, племянник Алексея I) [23, с. 437; 36, p. 153–161; 37, p. 99–111; 19, p. 364–374; 3, с. 417–424; 5, с. 405–414], Иоанна Ангела, сына деспота Константина Ангела и дочери Алексея I Феодоры Комниной (В. и Н. Зайбт датировали ее ок. 1185 г. [34, p. 363–364]). И найдена она была в районе Ени-Кале, что ставит вопрос о принадлежности района Керченского пролива Византии. Данные примеры можно продолжить.

Какова была ситуация в Крыму в данный период? По крайней мере до конца XI в. продолжают существовать византийские фемы Херсон и Сугдея, появляется (фиксируется) фема Хазария. Относительно судьбы фемы Боспор ничего не известно. Вероятно, она была одной из временных, ситуационных фем. Известно, что существовала она в 975 г. и ее стратигом был Аркадий [10, с. 87–90]. Можно предположить, что в византийских владениях в Крыму происходили те же социально-экономические процессы, что и на остальной территории империи – формирование крупной земельной собственности, появление динатов, распространение их юрисдикции на население как собственных владений, так и соседних территорий, появление частной администрации, постепенная «приватизация» функций государства на местах. В пользу этого могут свидетельствовать отмеченные

Н. А. Алексеенко находки моливдовулов византийских функционеров не в административных центрах, но в их сельской округе, где, по-видимому, и располагались поместья местной элиты [6, с. 19–21], к которой принадлежали Цулы, Херсониты и Протевоны [17, с. 103–106; 2, с. 81–87; 7, с. 306–307, 343–347]. В свое время Г. Г. Литаврин попытался на примере «Стратегикона» Кекавмена дать характеристику византийскому феодалу конца XI в. [14, с. 217–240]. Из трех категорий населения Византии – «царствующих, архонтов и хлеб себе добывающих» – автор Стратегикона явно принадлежал ко второй, связанной с государственной службой, как гражданской, так и военной, и обладавшей земельной собственностью. Представители этой группы могли вести и частную жизнь, не будучи связанными с государственной службой, проживая в своих поместьях. К ней, следуя за Кекавменом, исследователь причисляет экскусиастов. Что до топархов, то они, по мнению Кекавмена, должны были держаться подальше от василевса и, чтобы сохранить автономию, не мечтать о «богатстве, чинах и великих обещаний василевсов», «ибо лучше быть самовластным другом (василевса – В.С.), чем безвластным рабом». Топархи (архонты) в конце XI в. – правители пограничных с Византией областей, населенных «другими народами» [27, p. 254–266; 28, p. 128–131; 24, с. 310–316]. Реальная юрисдикция василевса ромеев распространялась на них эпизодически и конечной целью Византии всегда была ликвидация самостоятельности этих владетелей, а затем и инкорпорирование их владений в состав империи. Примеров тому для X–XI вв. множество, в частности, описанная Константином Багрянородным эволюция статуса Таронского княжества армянских Багратидов, в конечном счете ставшего византийской фемой [13, с. 178–183]. Напомним, что князья Тарона постепенно превратились в наследственных (!) византийских стратигов своих владений, а последние уже как частные лица были высланы в пожалованные им владения в феме Халдия, получив саны магистров и позже приняв участие в византийско-болгарских войнах на стороне империи [25, с. 117–125].

Достаточно много написано о мятеже архонта Хазарии Георгия Цулы в 1016 г. [16, с. 68–74; 17, с. 103–106]. При всем разбросе мнений о статусе мятежника, отнюдь не исключен вариант трактовки данного события именно как мятежа пограничного архонта (топарха), в той или иной степени признававшего сюзеренитет Византии [20, с. 21–26; 33, p. 71–90; Об архонтах см.: 27, p. 254–266; 28, p. 128–131; 24, с. 310–316]. Позже, к концу XI в. Хазария – уже византийская фема, хотя ее локализация все еще дискуссионна: восточный Крым или Тамань [21, с. 1–44]. К концу XI в. Византия явно вернула себе утраченные ранее владения на Тамани, ликвидировав Тмутараканское княжество. На наш взгляд, именно с этим связана географическая номенклатура печати катепана Херсона и Хазарии Никифора Алана, как бы мы ее не датировали в пределах второй половины века [4, с. 6–7; 22, с. 167–172; Ср.: 37, с. 311–336].

В целом же данный материал дает возможность предположить, что византийская Таврика после 1204 г. оказалась предоставлена сама себе и позже установила

контакты с формирующейся Трапезундской империей. Конечно же, ни о каком завоевании со стороны последней речи не идет. Но автономия бывших византийских владений в Таврике представляется нам несомненной. Как бы не трактовали мы статус Сугдеи в связи с сельджукским походом в Таврику, даже год которого спорен [8, с. 46–78; Ср.: 15, с. 176–186], о реакции Трапезунда на него ничего не известно. Создается впечатление, что Таврика вернулась в эпоху автономных архонтий, где власть перешла в руки представителей городской и экс-фемной администрации. Это подтверждается известным пассажем из синопсиса «Жития Евгения Трапезундского» скевофилакса Иоанна Лазаропулоса (ок. 1364 г.) о том, что после заключения соглашения о мире между Великим Комнином Андроником Гидом и султаном Рума Ала ад дином Кей Кубадом в 1223 г. «соглашение было нарушено вследствие неправедного поступка Реис Хетума, подчиненного султану наместника Синопа. Начало военных действий было вызвано следующим случаем. Нагруженное собранными с Херсона и климатов тамошней Готфии суммами и другими взносами судно, на котором находился как заведующий казенными сборами Алексей Пактиарий, так и некоторые херсонские архонты, шло по направлению в нашу сторону с целью уплаты василевсу Гиду годичного взноса. Но по причине бурной погоды судно было прибито к Синопу. Названный губернатор разграбил это судно, завладел находящимися в нем денежными суммами и пленил всех вместе с корабельщиками. Кроме того, послал против Херсона вооруженные суда и опустошил его окрестности» [29, с. 310.1161–312.1182][1]. Можно сделать вывод о том, что Херсон и «климаты» платили Трапезунду не дань, но ежегодный взнос (что не одно и то же), и что Херсон оставался центром экс-византийских владений в юго-западном Крыму, тогда как Сугдея к этому времени была относительно автономной и платила дань кыпчакам [1, с. 285].

Подведем итоги. В целом создается впечатление о том, что до 1204 г. крымские фемы Византии оставались под контролем Константинополя (находки здесь печатей столичной элиты, в том числе и Комнинов). В какой форме осуществлялся данный контроль в настоящее время, определить трудно по причине отсутствия источников. После краха Византии и образования Трапезундской империи византийский юго-западный Крым признал власть Великих Комнинов, выплачивая им ежегодную дань. Остается вопрос – каков был статус архонтов Херсона и «климатов Готфии»? Не вернулся ли юго-западный Крым к системе автономных архонств, легитимирующих свой статус признанием со стороны Трапезунда в обмен на ежегодную дань? Трапезундскими чиновниками эти архонты явно не были.

На наш взгляд, архонты Херсона и «климатов Готфии», по-видимому, были вполне автономны и не являлись представителями имперской администрации, и их можно рассматривать как местных архонтов (топархов) – автономных правителей данных территорий.

[1] В английском переводе (с. 311) климаты Готфии стали «neighbouring region of Gotthia», что не одно и то же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 277–306.
2. Алексеенко Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности. Харьков, 1995. С. 81–87.
3. Алексеенко Н.А. Печати представителей византийской аристократии в Таврике: новые персонажи // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 417–424.
4. Алексеенко Н.А., Цапков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельство или исторические реалии? // IV международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис», Национальный заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, 31 мая – 5 июня 2012 г. Севастополь, 2012. С. 6–7.
5. Алексеенко Н.А. Печать аристократа Иоанна Комнина с южного берега Крыма // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 405–414.
6. Алексеенко Н.А. Новые сфрагистические находки в округе византийского Херсона (к вопросу об адресах корреспонденции) // VII международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис», Национальный заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, 1–5 июня 2015 г. Севастополь, 2015. С. 19–21.
7. Алексеенко Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. Севастополь, 2017. 473 с.
8. Джанов А.В. Походы сельджукских войск и Киликию в правление Ала ад дина Кейкубада // Судакский сборник. Киев – Судак, 2008. Вып. III. С. 46–78.
9. Иорданов И. Печати на императорската фамилия Комнини – Ангели (1081–1203) от територията на днешна България // Плиска – Преслав. 2003. Вып. 3. С. 26–59.
10. Иорданов И. Печатите на Аркадий, стратег на Боспора (X–XI в.) из Преслава // X международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис», Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 87–90.
11. Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. 292 с.
12. Каждан А.П. Загадка Комнинов (опыт историографии) // ВВ. 1964. Т. 25. С. 53–98.
13. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. М., 1989. 494 с.
14. Литаврин Г.Г. Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? // Византийские очерки. М., 1961. С. 217–240.
15. Мыц В.Л. О датировке похода эмира Хусам ад дина Чобана на Судак // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 176– 186.
16. Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе // Палестинский сборник. 1971. Вып. 23. С. 68–74.
17. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. 175 с.
18. Степаненко В.П. Фема Сугдея в XI в. // ТГЭ. СПб., 2017. Т. LXXIV: Материалы и исследования Отдела нумизматики. По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». С. 56–60.
19. Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Крыму и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 364–374.
20. Удальцова З.В., Каждан А.П., Бартикян Р.М. Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX–XII вв. // Actes du XIVe Congrès international des Etudés Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971. II. Bucarest, 1975. P. 21–26.

21. Чхаидзе В.Н. «Хазария» в XI в. К вопросу локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016. С. 1–44. (Препринт).
22. Чхаидзе В.Н. Восстановление византийской власти на Боспоре (конец XI в.) // X международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис», Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 167–172.
23. Шандровская В.С. Родственные связи по данным византийских печатей // МОСХОВІА. Проблемы византийской и новогреческой филологии: К 60-летию Б.Л. Фонкича. М., 2001. С. 469–480.
24. Шене Ж.-Кл. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 310–316.
25. Юзбашан К.М. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988. 300 с.
26. Birkenmeier J.W. The Development of Komnenian Army. 1081–1180. Leiden, 2002.
27. Ferluga J. Archon. Ein Beitrag zur Untersuchung der sudslawischen Herrschertitel im 9 und 10 Jahr. im Lichte der Byzantinischen Quellen // Tradition als historische Kraft. Berlin, 1982. P. 254–266.
28. Koder J. Zu den Archontes der Slaven in De Administrando imperio // Wiener Slavistischen Jahrbuch. 1983. Bd. 29. S. 128–131.
29. The hagiographic dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154 / A Critical edition with Introduction, Translation, Commentary and Index by J. O. Rosenquist. Uppsala, 1996. 650 p.
30. Jordanov I. The Katepanate of Paraduounavon according to the Sphragistic Data // SBS. 2003. Vol. 8. P. 63–74.
31. Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini, Novi Eboraci, 1973.
32. Nicetae Choniatae historia / Rec. I.A. van Dieten. Berolini, Novi Eboraci, 1975. 655 p.
33. Oikonomides N. L' organization de la frontiere orientale de Byzance aux Xe–XIe siecles et le Taktikon de l'Escorial // Actes du XIVe Congrès international des Etudés Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971. II. Bucarest, 1975. P. 71–90.
34. Seibt N., Seibt W. Рец. на: Лихачев Н.П. Моливловулы Греческого Востока. М., 1991 // Byzantinoslavica. 1993. LVI. P. 363–364.
35. Sokolova I. Les sceaux byzantins de Cherson // SBS. 1993. Vol. 3. P. 99–111.
36. Sandrovskaja V. Die neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // SBS. 1995. Vol. 4. P. 153–16.
37. Zuckerman C. The end of Byzantine rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. Goroda i stepi Kryma v XIII–XIV vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2003, Vol. X, pp. 277–306.
2. Alekseenko N.A. Novye nakhodki molivdovulov roda Tsuly iz Khersonesa. *Drevnosti,* Khar'kov, 1995, pp. 81–87.
3. Alekseenko N.A. Pechati predstavitelej vizantijskoj aristokratii v Tavrike: novye personazhi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 417–424.
4. Alekseenko N.A., Tsapkov Yu.A. Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetel'stvo ili istoricheskie realii? *IV mezhdunarodnyj vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»,* Sevastopol, 2012, pp. 6–7.

5. Alekseenko N.A. Pechat' aristokrata Ioanna Komnina s yuzhnogo berega Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2013, Vol. XVIII, pp. 405–414.
6. Alekseenko N.A. Novye sfragisticheskie nakhodki v okruge vizantijskogo Khersona(k voprosu ob adresakh korrespondentsii). *VII mezhdunarodnyj vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»,* Sevastopol, 2015, pp. 19–21.
7. Alekseenko N.A. *Vizantijskij Kherson VI–XIII stoletij v pamyatnikakh sfragistiki.* Sevastopol, 2017, 473 p.
8. Dzhanov A.V. Pokhody sel'dzhukskikh vojsk i Kilikiyu v pravlenie Ala ad dina Kejkubada. *Sudakskij sbornik*, Kiev, Sudak, 2008, Vol. III, pp. 46–78.
9. Iordanov I. Pechati na imperatorskata familiya Komnini – Angeli (1081–1203) ot teritoriyata na dneshna Blgariya. *Pliska – Preslav,* 2003, Vol. 3, pp. 26–59.
10. Iordanov I. Pechatite na Arkadij, ctrateg na Bospora (X–XI v.) iz Preslava. *X mezhdunarodnyj vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»,* Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 87–90.
11. Kazhdan A.P. *Sotsial'nyj sostav gospodstvuyushchego klassa Vizantii XI–XII vv.* Moscow, 1974, 292 p.
12. Kazhdan A.P. Zagadka Komninov (opyt istoriografii). *Vizantijskij vremennik*, 1964, T. 25, pp. 53–98.
13. Konstantin Bagryanorodnyj. *Ob upravlenii imperiej.* Moscow, 1989, 494 p.
14. Litavrin G.G. Byl li Kekavmen, avtor «Strategikona», feodalom? *Vizantijskie ocherki,* Moscow, 1961, pp. 217–240.
15. Myts V.L. O datirovka pokhoda emira Khusam ad dina Chobana na Sudak. *Antichnaya drevnost' i srednie veka,* 1999, Vol. 30, pp. 176–186.
16. Sokolova I.V. Pechati Georgiya TSuly i sobytiya 1016 g. v Khersonese. *Palestinskij sbornik,* 1971, Vol. 23, pp. 68–74.
17. Sokolova I.V. *Monety i pechati vizantijskogo Khersona.* Leningrad, 1983, 175 p.
18. Stepanenko V.P. Fema Sugdeya v XI v. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha,* St-Petersburg, 2017, T. LXXIV, pp. 56–60.
19. Stepanova E.V. Vizantijskie pechati, najdennye v Krymu i na Tamanckom poluostrove, iz sobraniya N.P. Likhacheva. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 364–374.
20. Udal'tsova Z.V., Kazhdan A.P., Bartikyan R.M. Sotsial'naya struktura vostochnykh granits Vizantijskoj imperii v IX–XII vv. *Actes du XIVe Congrès international des Etudés Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971.* II, Bucarest, 1975, pp. 21–26.
21. Chkhaidze V.N. *«Khazariya» v XI v. K voprosu lokalizatsii (po dannym vizantijskikh molivdovulov).* Moscow, 2016, pp. 1–44. (Preprint).
22. Chkhaidze V.N. Vosstanovlenie vizantijskoj vlasti na Bospore (konets XI v.). *X mezhdunarodnyj vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»,* Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 167–172.
23. Shandrovskaya V.S. Rodstvennye svyazi po dannym vizantijskikh pechatej. *MOCKHOBIA. Problemy vizantijskoj i novogrecheskoj filologii: K 60-letiyu B.L. Fonkicha,* Moscow, 2001, pp. 469–480.
24. Shene Zh.-Kl. Pozdnij arkhont na primere Khersona. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2000, Vol. VII, pp. 310–316.
25. Yuzbashan K.M. *Armyanskie gosudarstva epokhi Bagratidov i Vizantiya IX–XI vv.* Moscow, 1988, 300 p.
26. Birkenmeier J.W. *The Development of Komnenian Army.* 1081–1180. Leiden, 2002.

27. Ferluga J. Archon. Ein Beitrag zur Untersuchung der sudslawischen Herrschertitel im 9 und 10 Jahr. im Lichte der Byzantinischen Quellen. *Tradition als historische Kraft,* Berlin, 1982, pp. 254–266.
28. Koder J. Zu den Archontes der Slaven in De Administrando imperio. *Wiener Slavistischen Jahrbuch,* 1983, Bd. 29, pp. 128–131.
29. *The hagiographic dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154.* Uppsala, 1996, 650 p.
30. Jordanov I. The Katepanate of Paraduounavon according to the Sphragistic Data. *Studies in byzantine sigillography,* 2003, Vol. 8, pp. 63–74.
31. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum.* Berolini, Novi Eboraci, 1973.
32. *Nicetae Choniatae historia.* Berolini, Novi Eboraci, 1975, 655 p.
33. Oikonomides N. L' organization de la frontiere orientale de Byzance aux Xe–XIe siecles et le Taktikon de l'Escorial. *Actes du XIVe Congrès international des Etudés Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971. II,* Bucarest, 1975, pp. 71–90.
34. Seibt N., Seibt W. Review: Likhachev N.P. Molivlovuly Grecheskogo Vostoka. Moscow, 1991. *Byzantinoslavica,* 1993, LVI, pp. 363–364.
35. Sokolova I. Les sceaux byzantins de Cherson. *Studies in byzantine sigillography,* 1993, Vol. 3, pp. 99–111.
36. Sandrovskaja V. Die neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim. *Studies in byzantine sigillography,* 1995, Vol. 4, pp. 153–16.
37. Zuckerman C. The end of Byzantine rule in North-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, Vol. XXII, pp. 311–336.

V. P. STEPANENKO
Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

BYZANTIUM AND THE CRIMEA IN THE POST-THEMATIC PERIOD (LATE ELEVENTH AND TWELFTH CENTURIES): THE PROBLEM STATEMENT

Abstract: The fate of the Byzantine administration in the Crimea in the twelfth and the first quarter of the thirteenth century remains unknown. Following general Byzantine trend, the latest seals of imperial officials date to the late eleventh century. It is known that by the early twelfth century the administrative machinery decreased in size and simplified both in the imperial capital and in provinces. Central bodies of power were privatised by aristocracy, mostly of the clan of the Komnenoi, though in the provinces the power became the property of magnates of the said clan supported by their estates and hetaireiai of their own "men." This is why numerous seals of the representatives of the Komnenoi and related families appeared in the Asia Minor and in the Balkans. Such seals also occurred in the Crimea. Following the conquest of Constantinople and the establishment of the Trebizond empire, Byzantium's possessions in the Crimea, with Cherson and the Gothic klimata, appeared under the control of Trebizond and, throughout the thirteenth century, got a certain degree of autonomy.

Keywords: Byzantium, Crimea, themes, Komnenoi, Trebizond, Gothic klimata, molybdoboulla.

В. Н. ЧХАИДЗЕ
Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

ВИЗАНТИЙСКАЯ ВЛАСТЬ НА БОСПОРЕ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XI – НАЧАЛО XIII ВВ.)

Аннотация: Значительное количество научных работ и дискуссии на научных конференциях в последние годы посвящены «Крымской Хазарии» в XI веке и проблеме ее локализации – теме, возникшей вокруг событий, происходивших в Крыму и на Тамани в X–XII вв., тесно связанной с возвращением Боспора под власть Византии. В 2017 г. в обширной работе под названием «Конец византийского правления в северо-восточном Понте» обратился к этой теме К. Цукерман, который предложил «новое видение» последнего этапа византийской власти на Боспоре в конце X в., за которым в последней трети XI в. следует быстрый упадок и окончательное ее исчезновение в Крыму и на Тамани.

Настоящая работа представляет собой полемику с К. Цукерманом – с выводами исследователя и в деталях, и в совокупности согласиться крайне трудно. Констатируется, что все известные, хоть и немногочисленные категории источников позволяют полагать, что с 80-х гг. XI в. и вплоть до падения Константинополя в 1204 г. территория Боспора (Керченский и Таманский полуострова) находились под властью Византийской империи.

Ключевые слова: Византия, Боспор, Тамань, сфрагистика, письменные источники, критика

В последние годы значительное количество научных публикаций и оживленные дискуссии на научных конференциях посвящены так называемой «Крымской Хазарии» XI века и проблеме ее локализации – теме, возникшей вокруг событий, происходивших в Крыму и на Тамани в X–XII вв., тесно связанной с возвращением Боспора под власть Византии вплоть до 1204 г. В своей недавней работе, вышедшей в качестве препринта [17, там же вся библиография по теме] я попытался подвести предварительные итоги ведущемуся диспуту и привести в систему сформировавшиеся мнения исследователей. Уже после появления этой работы появились статьи, в том числе с названием «К дискуссии…», хотя самой дискуссии как таковой в них не содержится [см.: 5, с. 50–52; 10, с. 71–72; 8, с. 70–72; 9, с. 652–654]. Все сводится к

повторению неоднократно высказанного ранее собственного видения проблематики и пересказу уже озвученного в других работах, прежде всего – в своих. Складывается впечатление, что авторы, желая "высказываться по теме", не имея возможности привнести ничего свежего (письменные источники предельно изучены, а археологические нужно еще обнаружить), уповая лишь на новые (своевременно вводимые в научный оборот другими исследователями) материалы, в том числе сфрагистические, раз за разом "прогоняют" проблему локализации Хазарии XI в. по замкнутому кругу.

В обширной работе под названием «Конец византийского правления в северо-восточном Понте» обратился к интересующей нас теме К. Цукерман [35, с. 311–329]. На основании публикации двух новых печатей Олега–Михаила (в легенде которых он впервые представлен в должности *дуки*) читателю предлагается «новое видение» последнего этапа византийской власти на северо-востоке Понта в конце X в., за которым в последней трети XI в. следует быстрый упадок и окончательное ее исчезновение в Крыму и на Тамани [35, с. 311]. Работа, основное содержание которой представляет собой пересказ хорошо известных фактов, разделена на пять параграфов, с выводами каждого из которых (и в деталях, и в совокупности) согласиться крайне трудно.

К. Цукерман прав в том, что с середины XI в. наблюдается *«полное отсутствие сигиллографических следов византийской администрации в Херсоне, да и в Крыму в целом»*, из чего, однако, делается вывод, что с этого времени *«такой администрации не существовало»* [35, с. 312]. Однако им никак не объясняется факт присутствия печатей византийских чиновников центральной администрации XI–XII вв., хорошо известных в Херсоне, Судаке и на Тамани. Это не говоря уже о моливдовулах, как частных лиц, так и членов императорский семьи [см.: 16, с. 221–222].

Нет возможности согласиться и с предложенным К. Цукерманом прочтением половинки печати Олега–Михаила, обнаруженной в Тамани 2015 г.: † K(úr)ιε β(οή)θ(ει) | Μιχαὴλ ἄρχ-] | οντι[καὶ δ-] | ούκ[α Μ-] | ατρ[άχ(ων)] | (καὶ) πά[σ(ης) | Χα]ζα[ρ(ίας) † [36, с. 320]. Более убедительным представляется прочтение В. Зайбта и автора этих строк: † K(úri)ε [β(οή)θ(ει)] | Μιχαὴλ ἄρ-] | [χ]οντι [(καὶ) δουκ-] | [ὶ τ]ὸν Z[ιχήα(ς)] | [M]ατρ[άχο-] | [ν] (καὶ) π[άσ(ης) Χα-] | ζα[ρία(ς)] [33; 18, с. 168].

Таким образом, нет оснований отрицать того, что с момента своего появления в Матархе-Тмутаракани Олег выступал в качестве представителя византийской администрации на территории, включающей Матраху, Зихию и часть Крыма, – об этом и свидетельствуют три известных к настоящему времени типа его печатей (рис. 1). Последовательность их появления, как и причины изменения типов, могут являться предметом дискуссии [17, с. 10–14, рис. 11–15].

На двух печатях первого типа Олег именуется Михаилом, *архонтом* и *дукой* Матрахи и всей Хазарии: † Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Μιχαὴλ ἄρχοντι καὶ δουκα Ματράχου καὶ πάσης Χαζαρίας – печати, несмотря на ошибку в надписи, вероятно, были исполнены резчиком в Константинополе в 1083 г.

На половинке печати из Тамани второго типа он Михаил, *архонт* и *дука* Зихии, Матрахи и всей Хазарии: – † Κύριε βοήθει Μιχαὴλ ἄρχοντι καὶ δουκὶ τὸν Ζιχήας Ματράχον καὶ πάσης Χαζαρίας (примерно до 1086 г.).

Наконец, девять печатей третьего типа представляют нам Михаила как *архонта* Матрахи, Зихии и всей Хазарии: † Κύριε βοήθει Μιχαὴλ ἄρχοντι Ματάρχου, Ζιχήας καὶ πάσης Χαζαρίας.

Не убеждает и мнение К. Цукермана о появлении приставки πάσης на византийских печатях лишь в качестве *«маньеризма речи, типичного для последней четверти XI в.»* [35, с. 325]. Я уже отмечал, что на протяжении конца X – первой половины XII вв. существовало различие в обозначении территорий и областей на печатях их правителей. Так, появление приставки πάσης в случае с Западом, Востоком (или совместно с этими областями), Азией и Болгарией связано с какими-либо экстраординарными событиями на этих территориях, требовавшими не только постановки в управление ими энергичных функционеров, но и расширения их полномочий. В этом же контексте достаточно показательно выступает и ставшая известной недавно печать Константина, сына *протопроедра* и *эксусиократора* всей Алании (πάσης Αλανίας), датированная временем ок. 1065–1075 гг. [2]. Помещение же Хазарии XI в. в Крыму, равно как и утверждение, что на Корчев распространялась власть русского князя в Тмутаракани [35, с. 326, 327] не дают ничего нового сверх уже рассмотренных версий [см.: 17, с. 17–20].

К. Цукерман оставляет в стороне и существование вплоть до 90-х гг. XI в. *фемы* Сугдея, где, судя по сфрагистическим данным, присутствовала византийская администрация, о чем свидетельствуют печати *стратигов*, там же найдены печати *дуки* и *вестарха* [см.: 12, с. 56–58]. В это же время прослеживается повышение торгового статуса как Сугдеи, так и Боспора [7, с. 302–305].

К территориям Боспора, судя по находкам в Тамани печатей конца XI – первой половины XII вв. представителей родов Дук, Палеологов, Кастамонитов, Агиостефанитов, Врахамиев и др., в Керчи – Ангелов, Пистиков, Псилианов, а в Судаке – Кедринов, Куркуасов, Коскинов и др., проявляли интерес высшие слои Византийской империи. Безусловно, нельзя установить конкретные причины, по которым высокопоставленные ромеи отправляли свою корреспонденцию в Северное Причерноморье. Однако понятно, что для постфемного периода – с конца XI в. – появление печатей представителей знатных родов может являться показателем смены в империи *стратиотского* ополчения частными этериями, прежде всего входящими в клан Комнинов [11, с. 134]. С другой стороны, интерес высших слоев Византийской империи к этим территориям мог быть обусловлен тем, что адресанты подвешивали печати к документам, которые отправляли в свои частные владения [14, с. 191–192; 15, с. 18–19]. Аналогичная ситуация наблюдается в Болгарии [20, p. 128–130].

Невозможно согласиться с К. Цукерманом и по поводу его скептической оценки трудов Мануила Ставоромана и Феофилакта Охридского [35, с. 321–323, 328].

Мануил Ставороман между 1098 и 1103 гг. сообщает об утверждении власти

Алексея I Комнина на берегах Киммерийского Боспора [23, p. 190], однако К. Цукерман искусственно притягивает его свидетельство к хронологии печатей Олега-Михаила (1083 – начало 1090-х гг.). К тому же излишне смелым является суждение о том, что Олег, в чьем владении была Зихия, *«наложил лапу»* на ее нефтяные источники (находящиеся в Касахии) [35, с. 322]. Здесь достаточно перечитать Константина Багрянородного, который указывает, что нефть находится не в Касахии, а в Папагии [4, с. 272–273; см.: 3, с. 77–78], при этом в источнике Касахия называется отдельной от Зихии областью [4, с. 174–175].

Из письма Феофилакта Охридского (лето 1103 г.) известно, что дука Трапезунда Григорий Таронит отразил набеги мелитинского султана Данишменда-гази, который собирал дань, помимо прочего, с: τὸν Πόντον ἑλληνίδας πόλεις ἐντὸς Τανάϊδος ποταμοῦ καὶ λίμνης Μαιώτιδος – *«греческих городов около Понта между рекой Танаис и Меотидским озером»* [34, p. 426–427]. К. Цукерман, не приводя примеров, углубляется в лингвистические изыскания и приходит к выводу, что Феофилакт использовал в своем письме архаические данные. Между тем Феофилакт использует слово Ἕλλην для обозначения грека: καὶ ἐπὶ ταῖς Βουλγάρων μὲν γλώτταις λεγομέναις στρούγαις, ἕλλην δὲ ἀνὴρ διώρυχας ἂν ταύτας ἐρεῖ – *«у говорящих на болгарском языке струги, а грек назовет их диорихи»* [34, p. 488–489]; в том числе и конкретно для слова ἑλληνίς – греческого языка: οὗ γείτονος ποταμοῦ, ὃν ἡ παλαιὰ μὲν καὶ ἑλληνὶς Ἄξιον, ἡ νέα δὲ καὶ βάρβαρος ὀνομάξει Βαρδουάριον – *«соседней реки, которая по-старому и по-гречески Аксий, а по-новому и по-варварски называется Вардар»* [34, p. 530–531]. Таким образом, у Феофилакта ἑλληνίδας πόλεις – это именно грекоязычные города. Что же до городов между Танаисом и Меотидой, то Данишменд заставил платить их дань вместе со всем Восточным побережьем Черного моря – соответственно, вполне можно полагать, что какой-то поход имел место быть. И как сообщает Евстафий Солунский, именно из этих мест полвека спустя в Константинополь доставляли соленую рыбу и икру [22, p. 80].

Наконец, нельзя оставить в стороне еще ряд хорошо известных свидетельств [см.: 27, p. 346–353]. В середине XII в. Никифор Василаки в инвективе против своего противника Вагоя пишет, что отец последнего служил в суде (?) в краях Βοσπορίους βαρβάρους – *«боспорских варваров»* возле ἡ ψυχρὰ Μαιῶτις – *«влажной Меотиды»* [31, p. 100]. Писатель того же времени Иоанн Цец в «Ямбических стихах» упоминает προσφυεῖς γῇ βατράχων – *«землю матрахов»* [24, p. 515]. Ритор Михаил в речи к Мануилу I Комнину в 1153 г. утверждает, что войска императора могут оказаться *«к северу от Меотийского озера»* [32, p. 152]. В соборном постановлении 1166 г. император Мануил, помимо прочего, назван ζηκχικὸς, χαζαρικὸς – *«зихийским и хазарским»* [29, p. 324]. В хрисовуле генуэзцам от октября 1169 г. Мануил разрешил им торговлю по всей территории империи, кроме Ῥωσίας καὶ τῶν Ματράχων – «России и Матрахи» [26, p. 496]; в апреле 1192 г. это пожалование было подтверждено Исааком II Ангелом [28, p. 35]. Отметим, что изданию этих актов предшествовали визиты в столицу иерарха Матрахи, который отмечен на соборах 10 марта 1169 г.

[25, p. 282] и сентября 1191 г. [19, σ. 364–365]. Константин Пигонит, адресат Михаила Хониата, до 1182 г. собирал подати *«поблизости от гипербореев»*, *«на той стороне пролива»*, и часто «*посещал климаты Понта»* [30, p. 5–6], т.е., как верно считал А. П. Каждан, осуществлял свою деятельность на азиатском Боспоре [ср.: 35, с. 329].

Наконец, нельзя не отметить данные сфрагистики XI–XII вв. [см.: 11, с. 134, рис. 1–4]. Концом XII в. датируется найденная в Тамани печать Евфросинии Дукены, супруги Алексея III Ангела [15, с. 30–31, № 2]. Из Керчи происходит печать Иоанна Ангела, сына *деспота* Константина и Порфиродной Феодоры (Комниной), датированная ок. 1195 г. [13, с. 367–368, рис. 5]

Указанные факты входят в противоречие с выводами К. Цукермана в каждом из пяти параграфов его работы. Автор полагает что в конце XI в. не произошло возвращения Матархи–Тмутаракани под юрисдикцию Византии, а боспорские города *«выжили сами по себе и процветали»* [35, с. 329]. Увы, но дело обстояло с точностью до наоборот.

Вызывает удивление менторский тон автора, выражающийся в виде формулировок: *«призрачное предположение, не подкрепленное никакими доказательствами»* [35, с. 315] в отношении terminus post quem для переноса центра епархии Зихии из Никопсии в Таматарху [см.: 1, с. 172] или же *«спекулятивная экзегеза»* [35, с. 323] по поводу интерпретации двух печатей Алексея Комнина [см.: 21, p. 18] и пр. Тем более странно, когда научные работы пишутся в качестве проводника антиимперской идеи, причем в проекции на собственные воображаемые современные имперские реминисценции.

Возвращаясь же к наличию византийской власти на территории Боспора в XII в., можно констатировать, что все известные нам (хоть и немногочисленные) категории источников позволяют полагать, что таковая имела место быть вплоть до падения Константинополя в 1204 г. В XIII в. Крым и, вероятно, Тамань контролировались Трапезундом [см.: 11, с. 136; 6, с. 133].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов А.Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 1. С. 156–176.
2. Виноградов А.Ю., Чхаидзе В.Н. Печать Константина, сына *протопроедра* и *эксусиократора* всей Алании, из Анакопии (ок. 1065–1075 гг.). 2018 (в печати).
3. Дружинина И.А. Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2018. Т. 17. № 1. С. 76-89.
4. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991. 496 с.
5. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XI вв. // Крым: проблемы истории. М., 2016. С. 43–56.

6. Майко В.В. Провинциально-византийская культура Восточного Крыма первой половины XIII в. // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов. М., Белгород, 2016. С. 132–133.
7. Майко В.В. К вопросу о повышении торгового статуса Боспора и Сугдеи во второй половине X–XI вв. // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути–товары–отношения. Керчь, 2017. С. 302–307.
8. Могаричев Ю.М. Хазария XI в.: Крым или Северный Кавказ? // Археология и этнография Крыма и Кавказа. Научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Александра Вильямовича Гадло (1937–2002). СПб., 2017. С. 70-72.
9. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское время» (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. М., 2017. 744 с.
10. Науменко В.Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X–XII веках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Религиоведение. Международный отношения. 2016. Т. 21. № 5. С. 67–80.
11. Степаненко В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI–XII вв.) // X Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 133–136.
12. Степаненко В.П. Фема Сугдея в XI в. // ТГЭ. 2018. Т. XCIV: Материалы и исследования отдела нумизматики. По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». С. 56–60.
13. Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н. П. Лихачева // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 364–374.
14. Степанова Е.В. Печати Крыма из коллекции Н. П. Лихачева // Сто години от рождението на д-р Васил Хараланов (1907–2007). Шумен, 2008. С. 187–194.
15. Чхаидзе В.Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015. 202 с.
16. Чхаидзе В.Н. Связи Херсона, Сугдеи и Матархи по данным памятников сигиллографии IX–XI вв. // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов. М., Белгород, 2016. С. 219–222.
17. Чхаидзе В.Н. «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016. 44 с.
18. Чхаидзе В.Н. Восстановление византийской власти на Боспоре (последняя четверть XI века) // X Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 167–172.
19. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Ἐκδιδόμενα ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. Τόμος δεύτερος. Ἐν Πετρουπόλει, 1894. 540 σ.
20. Cheynet J.-C. L'aristocratie byzantine en Bulgarie, principalement d'après les sceaux (XIe–XIIe siècle) // Сто години от рождението на д-р Васил Хараланов (1907–2007). Шумен, 2008. P. 123–132.
21. Chkhaidze V., Kashtanov D., Vinogradov A. The Mysterious seal of Alexios Komnenos from Tamatarcha. Moscow, 2014. 22 p.

22. Eustathii Thessalonicensis. De emendanda vita monachica. Recensuit germanice vertit indicibusque instruxit Karin Metzler. Berolini et Novi Eboraci, 2006. 270 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XLV).
23. Gautier P. Le dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis Ier Comnène, Manuel Straboromanos // Revue des Études byzantines. Paris, 1965. № 23. P. 168–204.
24. Ioannis Tzetzae Historiarum variarum Chiliades. Graece. Textum ad fidem duorum codicum Monacensium recognovit, brevi adnotatione et indicibus instruxit Theophilus Kiesslingius. Lipsiae, 1776. 568 p.
25. Ivris Graeco-Romani tam canonici qvam civilis. Tomi duo. Iohannis Levnclavii... nunc primum editi... Tomus primus. Francofvrti, 1596. 563 p.
26. Jus Graeco-Romanum. Novellae Constitutiones. Edidit C. E. Zachariae von Lingenthal, D. J. U. Dominus in Grosskmehlen. Pars III. Lipsiae, 1857. 750 p.
27. Kazhdan A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, 1983. Vol. 7. Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. P. 344–358.
28. Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta. Tome III. Vienne, 1865.
29. Mango C. The Conciliar Edict of 1166 // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1963. Vol. 17. P. 316–330.
30. Michaelis Choniatae Epistulae / Rec. F. Kolovou. Berolini et Novi Eboraci, 2001. 396 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XLI).
31. Nicephori Basilacae Orationes et epistolae / Rec. A. Garzya. Lipsiae, 1984. 254 p. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
32. Regel W. Fontes rerum byzantinarum. Fasc. 1. Petropoli, 1892. 400 p.
33. Seibt W. Ἐπίσκοπος τῆς Ἀτέλου – Residierte der Bischof von Atel in Chazaria (am unteren Don)? 2018 (в печати).
34. Theophylacti Achridensis. Epistulae. Recensuit, gallice vertit, notisque instruxit P. Gautier. Thessalonicae, 1986. 634 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XVI/2).
35. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

REFERENCES

1. Vinogradov A.Ju. Vizantijskaja politika v Vostochnom Prichernomor'e (vtoraja polovina VII – pervaja polovina X v.). *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza*, Krasnodar, 2013, vol. 1, pp. 156–176.
2. Vinogradov A.Ju., Chkhaidze V.N. *Pechat' Konstantina, syna protoproedra i jeksusiokratora vsej Alanii, iz Anakopii (ok. 1065–1075 gg.).* 2018 (in press).
3. Druzhinina I.A. Istoricheskaja oblast' Papagija traktata Konstantina VII Bagrjanorodnogo «Ob upravlenii imperiej» v svete pis'mennyh i arheologicheskih istochnikov. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik,* Volgograd, 2018, T. 17, № 1, pp. 76-89.
4. Konstantin Bagrjanorodnyj. *Ob upravlenii imperiej. Tekst. Perevod. Kommentarij.* Moscow, 1991, 496 p.
5. Majko V.V. Vostochnyj Krym vo vtoroj polovine X–XI vv. *Krym: problemy istorii,* Moscow, 2016, pp. 43–56.
6. Majko V.V. Provincial'no-vizantijskaja kul'tura Vostochnogo Kryma pervoj poloviny XIII v. *Imperija romeev vo vremeni i prostranstve: centr i periferija. Tezisy dokladov XXI Vserossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov,* Moscow, Belgorod, 2016, pp. 132–133.

7. Majko V.V. K voprosu o povyshenii torgovogo statusa Bospora i Sugdei vo vtoroj polovine X–XI vv. *XVIII Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Torgovlja: puti–tovary–otnoshenija,* Kerch, 2017, pp. 302–307.
8. Mogarichev Ju.M. Hazarija XI v.: Krym ili Severnyj Kavkaz? *Arheologija i jetnografija Kryma i Kavkaza. Nauchnaja konferencija, posvjashhennaja 80-letiju so dnja rozhdenija Aleksandra Vil'jamovicha Gadlo (1937–2002),* St-Petersburg, 2017, pp. 70–72.
9. Mogarichev Ju.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B. *Krym v «hazarskoe vremja» (VIII – seredina X vv.): voprosy istorii i arheologii.* Moscow, 2017, 744 p.
10. Naumenko V.E. K diskussii o politiko-administrativnom statuse Bospora v X–XII vekah. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Religiovedenie. Mezhdunarodnyj otnoshenija,* 2016, T. 21, № 5, pp. 67–80.
11. Stepanenko V.P. Vizantija i Krym v postfemnyj period (konec XI–XII vv.). *X Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperija» i «polis»,* Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 133–136.
12. Stepanenko V.P. Fema Sugdeja v XI v. *Materialy i issledovanija otdela numizmatiki. Po materialam konferencii «Sfragistika, numizmatika, geral'dika srednevekovogo Kryma». Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha,* St-Petersburg, 2018, T. XCIV, pp. 56–60.
13. Stepanova E.V. Vizantijskie pechati, najdennye v Kerchi i na Tamanskom poluostrove, iz sobranija N. P. Lihacheva. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2007, vol. XIII, pp. 364–374.
14. Stepanova E.V. Pechati Kryma iz kollekcii N. P. Lihacheva. *Sto godini ot rozhdenieto na d-r Vasil Haralanov (1907–2007),* Shumen, 2008, pp. 187–194.
15. Chkhaidze V.N. *Vizantijskie pechati iz Tamani.* Moscow, 2015, 202 p.
16. Chkhaidze V.N. Svjazi Hersona, Sugdei i Matarhi po dannym pamjatnikov sigillografii IX–XI vv. *Imperija romeev vo vremeni i prostranstve: centr i periferija. Tezisy dokladov XXI Vserossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov, Moscow,* Belgorod, 2016, pp. 219–222.
17. Chkhaidze V.N. *«Hazarija» XI veka: k voprosu o lokalizacii (po dannym vizantijskih molivdovulov).* Moscow, 2016, 44 p.
18. Chkhaidze V.N. Vosstanovlenie vizantijskoj vlasti na Bospore (poslednjaja chetvert' XI veka). *X Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperija» i «polis»,* Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 167–172.
19. *Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας.* Ἐκδιδόμενα ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. Τόμος δεύτερος. Ἐν Πετρουπόλει, 1894, 540 p.
20. Cheynet J.-C. L'aristocratie byzantine en Bulgarie, principalement d'après les sceaux (XIe–XIIe siècle). *Sto godini ot rozhdenieto na d-r Vasil Haralanov (1907–2007),* Shumen, 2008, pp. 123–132.
21. Chkhaidze V., Kashtanov D., Vinogradov A. *The Mysterious seal of Alexios Komnenos from Tamatarcha.* Moscow, 2014, 22 p.
22. Eustathii Thessalonicensis. *De emendanda vita monachica.* Berolini et Novi Eboraci, 2006, 270 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XLV).
23. Gautier P. Le dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis Ier Comnène, Manuel Straboromanos. *Revue des Études byzantines,* Paris, 1965, № 23, pp. 168–204.
24. *Ioannis Tzetzae Historiarum variarum Chiliades. Graece.* Lipsiae, 1776, 568 p.
25. *Ivris Graeco-Romani tam canonici qvam civilis.* Tomus primus. Francofvrti, 1596, 563 p.
26. *Jus Graeco-Romanum. Novellae Constitutiones.* Pars III. Lipsiae, 1857, 750 p.

27. Kazhdan A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources. *Harvard Ukrainian Studies. Vol. 7. Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students.* Cambridge, 1983, pp. 344–358.
28. Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta.* Tome III. Vienne, 1865.
29. Mango C. The Conciliar Edict of 1166. *Dumbarton Oaks Papers,* Washington, 1963, Vol. 17, pp. 316–330.
30. *Michaelis Choniatae Epistulae.* Berolini et Novi Eboraci, 2001, 396 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XLI).
31. *Nicephori Basilacae Orationes et epistolae.* Lipsiae, 1984, 254 p. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
32. Regel W. *Fontes rerum byzantinarum*. Fasc. 1. Petropoli, 1892, 400 p.
33. Seibt W. *Ἐπίσκοπος τῆς Ἀτέλου – Residierte der Bischof von Atel in Chazaria (am unteren Don)?* 2018 (in press).
34. *Theophylacti Achridensis. Epistulae.* Thessalonicae, 1986, 634 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XVI/2).
35. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 311–336.

V. N. CHKHAIDZE

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

BYZANTINE RULE AT THE BOSPOROS (LAST QUARTER OF THE ELEVENTH TO THE EARLY THIRTEEN CENTURY)

Abstract: Recently, there appeared a significant number of academic publications and discussions at scholarly conferences addressing the eleventh-century "Crimean Khazaria" and the problem of its localization. This discussion is related to the events in the Crimea and the Taman in the tenth and eleventh centuries, in connection to the return of the Bosporos under Byzantine power. In 2017, Constantine Zuckerman published an extensive work entitled "The End of Byzantine Rule in North-Eastern Pontus" to offer a "new vision" of the last stage of Byzantine power in the Bosporos in the late tenth century, followed by its rapid decline and final disappearance in the Crimea and the Taman in the last third of the eleventh century. The given study presents a polemic with Zuckerman since it would be difficult to agree with his conclusions in general and particular respects. There is need to assume that all the known (not numerous) categories of sources supply arguments that from the 1080s to the fall of Constantinople in 1204 on the Bosporos area, i. e. the Kerch peninsula and the Taman peninsula, continued to live under rule of the Byzantine Empire.

Keywords: Byzantium, Bosporos, Taman, sigillography, written sources, criticism.

Рис. 1. Три типа печатей Олега–Михаила (ок. 1083 – нач. 90-х гг. XI в.).

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ
Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия)

БРАТСТВО *ФИТЙАН* В КРЫМУ И ЧАША СО СЦЕНОЙ ПИРА ИЗ СОЛХАТА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIV В.)

Аннотация: Братства *фитйан (*юношей), получившими название «ахи» («мой брат»), возникли в аббасидском халифате (750–1258) и были распространены в Иране, Средней Азии, но особенно в исламской Малой Азии. Ахи выработали регламентированный устав и получили большое влияние на ремесленные корпорации, особенно в государстве сельджуков Рума. Здесь в начале 40-х гг. XIV в. с братством познакомился арабский путешественник Ибн Баттута, на которого большое впечатление произвело радушие, хлебосольство, услужливость и нетерпение к несправедливости этих юношей. Из сельджукской Анатолии традиция братств ахи перешла в золотоордынский Крым. Несмотря на органическое слияние с жизнью улицы (во многом благодаря яркой обрядности, музыке и веселью), тема жизни молодежных братств не отложилась в художественной культуре Востока. Исключение составляет керамическая чаша первой половины XIV века из раскопок в Солхате (Крым). В ее декоре изображена сцена пира молодых людей в гранатовом саду, в которой можно опознать черты обрядности, свойственной братствам *фитйан.* Декор чаши из Солхата свидетельствует о жизнеспособности традиций исламского Рума вне Анатолии и сельджукском вкладе в формирование культуры золотоордынского Крыма.

Ключевые слова: братство *фитйан*, государство сельджуков, Рум, золотоордынский Крым, пир в гранатовом саду.

Свидетельства о братствах *фитйан* («юношей»), получившими название *ахи* («мой брат»), приходят в Крым из Анатолии, что одним из первых отметил российский востоковед и тюрколог В. А. Гордлевский [3, с. 111]. В Малую Азию идеи и обрядность *футуввы* проникли при ‘Изз-ад Дине Кай-Кавусе I (1210–1219) – тесте аббасидского халифа ан-Насира. Ее народная линия (*футувва* постепенно сближалась с суфийскими *тарикатами*) и была подхвачена братствами *ахи*.

Выдающаяся роль в распространении принципов, исповедуемых ахи, в которых высоко ценились человеческое достоинство, честность, ремесленное мастерство и радушие (гостеприимство), принадлежала основателю «Братства ахи» в Анатолии *Ахи Эврану* (1172–1261).

Его полное имя *Насреддин Абул Хакайык Махмуд бин Ахмет.* В юности *Махмуд бин Ахмет* брал уроки у последователей Ходжи Ахмета Йесеви. Около 1227 г. он прибыл в Конью по приглашению султана Алаэд-дина Кей-Кубада I, где основал кожевенную мастерскую и выступал с проповедями. После смерти султана, Ахи Эвран переезжает в Кыршехир. Здесь, как участник антимонгольского движения, 89-летний суфий был казнен. В память о нем воздвигнут мавзолей у городской мечети в центральной части Кыршехира (1482 г.). При жизни Ахи Эвран пользовался особым авторитетом у ремесленных братств Рума; после смерти в нем стали видеть покровителя кожевенников и еще тридцати двух различных ремесел.

Одна из самых ярких картин из жизни ремесленных братств Анатолии запечатлена арабским путешественником и кадием из Танжера (Марокко) Ибн Баттутой (1304–1368 или 1377). Книга озаглавлена «Подарок созерцающим о диковинах городов и чудесах странствий». Наиболее полно в ней представлены обычаи *фитйан* Антальи. *«...Их* (членов братства – М.К.), – рассказывает Ибн Батута, – *можно встретить во всех туркменских землях Рума, в каждой области, в любом городе и деревне. Никто в мире не сравнится с ними радушием к чужеземцам, хлебосольством, услужливостью, нетерпимостью к тиранам. <...> Ахи у них – это человек, собирающий людей своей или других профессий, как правило, неженатых. Они делают его своим предводителем. <...> Ахи строит обитель, обставляет ее мебелью, светильниками и всем необходимым. Его товарищи днем трудятся, чтобы заработать себе на жизнь, а к вечеру приносят ему выручку и на нее покупают фрукты, еду и все, что необходимо для содержания обители. Если в этот день появляется странник, они поселяют его у себя и оказывают ему самый радушный прием. Он остается у них до тех пор, пока снова не отправится в путь. Если же гостей нет,* ***они собираются за совместной трапезой, едят, пьют, танцуют, а поутру уходят на работу*** (здесь и далее выделено мной – М.К.). *К вечеру они возвращаются к своему предводителю и приносят ему свой заработок. Их называют* ***фитйан****, а предводителя их, как мы уже упоминали, зовут* ***ахи****...»* [8, Vol. 2, p. 264].

Закономерен вопрос, нашло ли отражение праздничное застолье *фитйан* в исламской изобразительности? В 1987 г. на городище Солхата (Юго-Восточный Крым), при исследовании нижних кладок одной из средневековых мечетей города в заполнении землянки, предшествующей мечети, в слое с монетами первой половины XIV в. археологами найдена поливная чаша с желто-зеленой глазурью со сценой пира (рис. 1). Ее декор выполнен в технике сграффито (диаметр чаши 35,5 см, высота 15,7 см).

На внешней стороне чаши изображена сцена веселья и пира молодых людей в гранатовом саду; внутри – рыбы и кусты граната. Техника исполнения многофигурной композиции сближает солхатскую чашу с малоазийско-анатолийскими образцами, для которых характерно изображение мужских образов [6, p. 113–125; 7, p. 537–540; 4, с. 171–180]. Эта сельджукская традиция указывает на линию гончарства, перенесенную на крымскую почву мастерами из Анатолии.

Сюжет декора чаши из Солхата со сценой пира, несомненно, отражает общественные вкусы и ритуалы, принятые в ремесленных объединениях исламских общин Юго-Запада Золотой Орды. Их существование в Крыму подтверждается упоминанием *«алемдара ахи»* в тюркской надписи кенотафа 776 г.х. (1374 г.) [2, с. 3, 4]; в 1333 г. Ибн Баттута встретил в Азаке ножовщика из братства ахи.

Солхат изначально складывался как поселение, в котором монголы и тюрки, прошедшие этап седентаризации, а вместе с ними многочисленные мигранты из ближних и дальних районов Северного Причерноморья, оказавшиеся на Юго-Востоке Крыма, образовали многосоставное неоднородное культурное пространство [5, с. 245–250]. Естественно, что «национальные» маркеры в таком полиэтническом ландшафте вынужденно отступили перед маркерами исповедальных групп, легитимированных в формате мировых религий. В условиях *интегративного пространства, порожденного чингисидской глобализацией,* каждая из религиозных общин – *христианская, иудаистская и исламская* – были не просто неоднородны этнически и культурно, но еще и гетерогенны в рамках входящих в них конфессий и толков. Так, христианская община объединяла представителей ортодоксального православия, несторианства, католичества и григорианства; иудаистскую общину составили представители раббанитов и караимов из Ближнего Востока и Европы. В исламской общине, где доминировали монгольские и тюркские реалии, сложилось суннитское большинство с четырьмя *мизхабами* (богословско-правовыми школами) – *маликитским, шафиитским, ханафитским* и *ханбалитским.*

Исламскую общину, занявшую доминирующее положение в городе Солхате со времени Узбек-хана (1312–1341), в 1360-е годы возглавили перешедшие к оседлости представители элит монгольских родов ***кыйат*** (приверженцев *беклярибека* Кучук Мухаммеда – Мамая) и ***найман*** (сторонников *улусбека* Кутлуг-Буга). Заметное место на периферии этой группы лидеров заняли духовные авторитеты, в том числе, из числа сельджуков Рума. Среди них назовем имя *Абу Бакра Руми*, автора персоязычного суфийского трактата *«Каландар-наме»*, недавно переведенного И. Р. Гибадуллиным и М. Р. Шамсимухаметовой [1]. Абу Бакр родился в Акхешире (Анатолия), но до конца жизни служил *имамом* одной из двух пятничных мечетей Солхата. Дорогу в Крым мигрантам из Малой Азии проложило окружение поселенного в 1267 г. в Крыму экс-султана Рума ‘Изз ад-Дина Кей-Кавуса II (султан Рума 1246–1257; ум. 1280). Орда Кей-Кавуса пришла из Анатолии через Добруджу [9, p. 639–667]. В Крыму Кей-Кавусу в *икта* были переданы Солхат и Судак.

В жизни общины сельджукские традиции нашли проявление практически во всех основных формах религиозной жизни, в стилистике памятников архитектуры и строительных технологиях, в производстве столовой посуды и малых формах ювелирной пластики [4, с. 164–198, 206–218, 254–270]. Возможно, с сельджукской миграцией связана и находка неподалеку от Солхата (близ бывшей дер. Суук-Су), вероятно, из разрушенного святилища, каменной стелы XII – начала XIII вв. с изображением воина-сельджука.

Чаша из собрания Эрмитажа с изображением пира молодых людей из братства *фитйан* – уникальна как артефакт археологии, но ее декор и манера изобразительности типичны для поливной керамики Рума XIII–XIV веков. Сюжет чаши дает представление об усвоении обрядности *футтувы* в повседневной жизни одного из городских центров Крыма в период распада государства Сельджукидов в Малой Азии. Сохранение гончарной техники, стилистики и декоративных приемов, которые благодаря анатолийским мигрантам унаследовал Солхат, свидетельствует о жизнеспособности традиций исламского Рума вне Анатолии и сельджукском вкладе в формирование культуры золотоордынского Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / Пер. с персидского И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; Общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017.
2. Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. I (58). (Отдельный оттиск).
3. Гордлевский Вл. Государство сельджукидов Малой Азии. М., Л., 1941.
4. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб., 2012.
5. Крамаровский М.Г. Солхат: от яма к городу (этапы роста и векторы культуры) // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь, Керчь, 2018.
6. Öney G. Human Figures on Anatolian Seljuk Sgraffiato and Champlevé Ceramics // Islamic Art and Architecture in Honor of Katharina Otto-Dorn. Malibu, 1981. № 1.
7. Redford S. Kinet Höyük'te bulunan bir kase // Konya Kitabı X, International Symposium Turkish Art and Archeology, in honor of Prof. Dr. Olus Arik and Ruçhan Arik / Eds. H. Karpuz, O. Eravşar. Konya, 2007.
8. Voyajes d'Ibn Batoutah: en 4 vol. / Texte arabe, accompagne d'une traductionis par C. Defremery et B.R. Sanguinetti. Paris, 1853.
9. Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobrujia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1952. Vol. XIV. Part 3.

REFERENCES

1. Abu Bakr Kalandar Rumi. *Kalandar-name: izbrannoe.* Kazan', Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT, 2017.
2. Akchokrakly O. Starokrymskie i otuzskie nadpisi XIII–XV vv. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii,* Simferopol, 1927, T. I (58).
3. Gordlevskiy Vl. *Gosudarstvo sel'dzhukidov Maloy Azii.* Moscow, Leningrad, 1941.
4. Kramarovskiy M.G. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda, Vizantiya, Italiya.* St-Petersburg, 2012.
5. Kramarovskiy M.G. Solkhat: ot yama k gorodu (etapy rosta i vektory kul'tury). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XIX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii",* Simferopol, Kerch, 2018.
6. Öney G. Human Figures on Anatolian Seljuk Sgraffiato and Champlevé Ceramics. *Islamic Art and Architecture in Honor of Katharina Otto-Dorn,* Malibu, 1981, No 1.
7. Redford S. Kinet Höyük'te bulunan bir kase. H. Karpuz, O. Eravşar (Eds.), *Konya Kitabı X, International Symposium Turkish Art and Archeology, in honor of Prof. Dr. Olus Arik and Ruçhan Arik,* Konya, 2007.
8. *Voyajes d'Ibn Batoutah:* en 4 vol. Paris, 1853.
9. Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobrujia. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London,* 1952, Vol. XIV, Part 3.

M. G. KRAMAROVSKY

State Hermitage Museum (Saint Petersburg, Russia)

THE FITYAN BROTHERHOOD IN THE CRIMEA AND THE BOWL FEATURING FEAST SCENE FROM SOLKHAT (FIRST HALF OF THE FOURTEENTH CENTURY)

Abstract: Brotherhoods of the *fityan* (youth), who were called "ahi" ("my brother"), appeared in the Abbasid caliphate (750–1258) and were spread in Iran, Central Asia, and especially in Islamic Asia Minor. The *Ahi* developed a regulated charter and greatly influenced corporations of craftsmen especially in the Seljuk state of Rum. There, in the early 1340s, Arab traveller Ibn Battuta got acquainted with them and was much impressed by these youth's hospitality, board, helpfulness and impatience to injustice. From Seljuk Anatolia, the tradition of *Ahi* brotherhoods went to the Golden Horde Crimea. Despite its organic merging with the street life (in many respects due to its bright ritual, music, and fun), the theme of the life of youth brotherhoods did not appear in the artistic culture of the East. The exception is the ceramic bowl from the first half of the fourteenth century excavated in Solkhat (Krym). Its decoration depicts a scene of young men feasting in pomegranate garden, where one can identify the features of ritualism typical of the *fityan* brotherhoods. The decoration of the bowl from Solkhat testifies to the viability of the traditions of the Islamic Rum outside Anatolia and the Seljuk contribution to the formation of the culture of the Golden Horde Crimea.

Keywords: *fityan* brotherhood, Seljuk state, Rum, Golden Horde Crimea, feast in pomegranate garden.

Рис. 1. Поливная чаша со сценой пира из Солхата.
1 – общий вид, 2-4 – сохранившиеся фрагменты росписи наружной стороны.

Д. А. ЛОМАКИН
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ПРОЧТЕНИЕ ДЛИНОЙ В 155 ЛЕТ: НАДПИСЬ НАД МИХРАБОМ МЕЧЕТИ В СУДАКЕ[1]

Аннотация: Систематизирована обширная история изучения латинской надписи, размещенной на наличнике михраба мечети в Судаке. Приведены и проанализированы основные варианты ее прочтения, начиная с подвижничества В. Н. Юргевича во второй половине XIX в. и заканчивая современной трактовкой. Наиболее спорными моментами являются датировка надписи и идентификация личности Г. Каталано, чье имя в ней увековечено. Установлено, что, несмотря на более чем полуторавековую историю исследования, применение современных технических средств и технологий, требуются дополнительные изыскания с целью окончательного преодоления многочисленных разногласий и разночтений, прекращения научных дискуссий по данному вопросу.

Ключевые слова: Судак, михраб, надпись, прочтение, история изучения, историография.

Надпись, размещенная на наличнике михраба бывшей мечети (рис. 1–2), расположенной на территории современного Музея-заповедника «Судакская крепость»[2], более полутора веков привлекает внимание исследователей. Начиная с 60-х гг. XIX в. продолжаются регулярные попытки ее прочтения, перевода и датировки, но даже на современном этапе исследования, несмотря на наличие высококлассной компьютерной техники и фотоаппаратуры, в научной среде нет единства в этом вопросе, окончательная точка еще не поставлена.

Первые обстоятельные попытки изучения надписи относятся к подвижничеству В. Н. Юргевича, опубликовавшего на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД) в 1863 г. ее перевод:

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

[2] Памятник федерального значения (распоряжение Правительства Российской Федерации № 2073-р от 17.10.15), расположен по адресу: Республика Крым, г. Судак, ул. Генуэзская крепость, д. 1.

«In Christi nomine Amen. 1422, die 4 Ianuarii
(hoc) opus fecit fieri, Domine, Consul T
alanus Christianus Mondiana»,
«Во имя Христа Аминь. 1422 года 4-го дня Января, эту постройку велел сделать, Господи! консул Талано Кристиано Мондиана» [23, с. 174][3].

Надпись была обнаружена в 1861 г. «в развалинах крепостной церкви над углублением в стене, в котором стоял алтарь. Она была покрыта толстым слоем извести от частого беления и почти незаметна» [24, с. 174]. В 1873 г. В. Н. Юргевич вновь был командирован в Крым с целью осмотра судакской крепости и выработки мер по ее поддержанию. В результате повторного осмотра, исследователь был вынужден признать неверным выполненный им ранее перевод. Новый вариант гласил:

«IN CHRISTI NOMINE AMEN. MCCCCIXXIII DIE IV IANUARII HO COPUS FECITFIERI. DOMINE R. CATALANUS. CHRISTUS CUSTODIAT»,
«Во имя Христа Аминь. 1423, в день 4 Января эту постройку соорудил, господи, Р. Каталано. Да хранит Христос» [24, с. 398].

В 1875 г. на страницах ЗООИД В. Н. Юргевичем приведены замечания к его переводу члена Лигурийского общества истории отечества (Генуя) К. Десимони, которые сводились к прочтению даты. Последний был склонен связывать появление надписи с 1473 г. В. Н. Юргевич отметил, что такой вариант вполне вероятен [24, с. 398].

Выполняя одно из поручений Одесского общества истории и древностей (ООИД), его основатель и секретарь Н. Н. Мурзакевич летом 1870 г. посетил Судак. После двухдневного осмотра крепости, был предложен новый вариант прочтения:

«IN XHRI: NOMINE: AMEN: MCCCCXXIV: DIE: IIII: IANU.. OPUS: FECIT: FIERI: DOMIN(US): DTM(?): ALANUS: XINUS: MO(N)DIAN(A)» [18, с. 318].

Таким образом, надпись была датирована 1424 г., рядом с ней были обнаружены два герба в виде башни и льва.

Детальный анализ архитектурного стиля судакской мечети представлен А. Л. Бертье-Делагардом в 1918 г. на страницах «Известий Таврической ученой архивной комиссии» (ИТУАК). О надписи на наличнике михраба (рис. 3) исследователь отметил: «Генуэзцы захватили Судак в 1365 г., обратили мечеть в церковь и по верхнему поясу наличника михраба, вкривь и вкось, нарубили надпись, в которой с обычным им бесстыдством всю постройку приписал себе солдайский консул <…>. Очевидно, что надпись требует расчистки и новой попытки прочтения. Пока можно думать, что имя консула может читаться Catalanus Mondiona, а год – 1422, 1423, 1424 и даже 1473» [3, с. 22]. Исследователь также подчеркнул, что «кроме букв надписи посередине наличника слегка намечен крест, а по сторонам – геральдические фигуры, вероятно, с гербового щита консула». А. Л. Бертье-Далагард обратил внимание

[3] О первом прочтении надписи В. Н. Юргевичем А. Г. Еманов скептически заметил: «Дана далекая от действительности реконструкция титулатуры, личного и родового имени создателя храма. Только-только формирующийся список генуэзских консулов Солдайи поспешно “пополнился” никогда не существовавшим “Талано Кристиано Мондианой”» [11, с. 40].

на то, что после захвата Судака генуэзцами до появления надписи прошло не менее пятидесяти лет, но объяснить причину этого не смог: «Объяснения могут быть многоразличны. Вначале они [генуэзцы – Д.Л.] едва удерживались только в Судаке <…>. Укрепившись после мирного договора с татарами 1380 г., они, может быть, вначале стеснялись затронуть их религиозные чувства, а, может быть, в действительности мечеть и сразу же была обращена в церковь, но много позже нашелся бахвал-консул, воспользовавшийся какой-либо починкой церкви для надписи своего имени, как строителя чего-либо нового» [3, с. 23].

А. И. Полканов, автор одного из первых советских путеводителей по территории судакской крепости, склонен был датировать надпись над михрабом 1422 г., приводя вариант прочтения В. Н. Юргевича 1863 г. [19, с. 35]. Н. Ф. Лапин в своем путеводителе по Судаку был предельно осторожен в воспроизведении надписи. Он ограничился лишь ее достоверно установленными, по его мнению, фрагментами:

«IN… X… NOMINE AMEN MCCC…XX… DIE IIII IANUA… OPUS FECI
T FIERI DOMINE T CAT ALANUS X…MODIAM» [15, с. 35].

При этом автор справедливо отметил, что «неясность даты и имени, скрывающихся под слоем извести и под бронзовой раскраской этих букв, в состоянии разрешить только осторожная реставрация» [15, с. 35]. По свидетельству А. В. Джанова, Н. Ф. Лапин после тщательного исследования надписи в 1935 г. пришел к иному выводу. По его мнению, видимые над михрабом цифры могли соответствовать только двум вариантам даты – 1373 г. или 1473 г. Данные тезисы автором не были опубликованы и сохранились в черновых набросках в архиве Судакского музея [6, с. 179; 7, с. 657].

В 1928 г. Е. Ч. Скржинской в Генуе на французском языке опубликован свод лапидарных надписей генуэзских колоний в Крыму, в который вошли все выполненные на тот момент варианты прочтения надписи над михрабом (рис. 4), и предложен свой:

«+ IN XIPI NOMINE AMEN MCCCCXXIII DIE IIII IANUA (rii hoc) OPUS FECI
+T FIERI DOMINE G CAT+ALAN[us] XI …US TODI AT» [27, с. 122].

Автор констатировала, что «надпись покрыта слоем извести, но буквы позолочены и четко выделяются на белом фоне. Однако, возможно, что их форма была немного искажена <…>. Надпись размещена на двух линиях. На первой линии буква после “X” возможно “h”. Во второй линии окончание “domine” странно. Буква “g” остается необъяснимой. Слог “ca” плохо читаем, буква “a” кажется вырезанной очень небрежно, слово “alanus” оканчивается знаком сокращения. Конец второй линии, возможно, был поврежден. Рамка михраба под надписью украшена на восточный манер. По бокам видны два генуэзских рельефа: слева – замок с башней и бойницами, справа – плохо различимая фигура (голова льва)» [27, с. 123][4]. В опубликованной уже после смерти исследователя «Истории

[4] По поводу сомнений о правильности прочтения окончания надписи Е. Ч. Скржинской и, видимо, поддерживая вариант В. Н. Юргевича, А. Г. Еманов резюмировал: «Надо сказать, пренебрежительное отношение искушенного питерского эпиграфиста к Юргевичу не позволило ей оценить интуитивно угаданный одесским историком финал лапидарного послания» [11, с. 41].

генуэзских поселений в Крыму» [21] подчеркнуто, что «весьма серьезного внимания и тщательного изучения заслуживает мечеть Судацкой крепости. <…> Над михрабом в мечети высечена латинская надпись с указанием на 1423 г., на основании которой можно полагать, что когда-то генуэзцы обратили мечеть в христианский храм» [21, с. 81]. В 1954 г. Е. Ч. Скржинская допустила другой вариант прочтения надписи. На полях рукописи «Надписи на плитах. Судак» автором была помещена приписка: «Рассматривая замечательную фотографию А. П. Смирнова (1926-го года) теперь, в октябре 1954 г. я пришла к выводу, что надпись над михрабом можно датировать 1372 г. MCCCLXXII 4 января. Надо бы влезть и прощупать, очистить – тогда, конечно, все будет ясно» [22, с. 231].

В 1951 г. смотритель судакских древностей, председатель Правления РОПИК Е. Ф. Карпович «на основании своих личных впечатлений от изучения надписи [на наличнике михраба – Д.Л.], а также соображений исторического характера, считал, что эту мало разборчивую дату следует понимать как MCCCLXXIII, т.е. 1373. Во всяком случае, надпись относится ко времени превращения мечети в церковь по приказу Каталано, видимо, генуэзского консула – правителя Солдайи (Судака)» [12, с. 121].

В 1955 г. опубликованы «Очерки истории Сурожа IX–XV вв.» С. А. Секиринского. Несмотря на перегруженность работы идеологическими мотивами, попытками вписать историю города в марксистско-ленинскую концепцию, не утратили своего значения описания архитектурного ансамбля крепости. Автором был предложен вариант прочтения надписи: «Во имя Христа аминь. В 1423 г. четвертый день января; эту постройку велел сделать… консул Талано Кристиано Мондиано» [20, с. 70].

О. И. Домбровский в результате исследований здания мечети в Судаке пришел к достаточно оригинальному выводу: «Надпись <…> служит свидетельством использования здания не в религиозных, а в мирских целях и позволяет, как мы полагаем, считать, что само здание было построено именно для этих целей и именно в то время, о котором говорит надпись. <…> Здание могло предназначаться не для мечети или церкви, а для вершения различных служебных дел и официальных приемов консула» [8, с. 71]. О. И. Домбровский считал, что, «если католическое духовенство и могло примириться с использованием михраба в качестве алтаря и обращением молящихся в сторону юга, то гордая консульская надпись с гербами не могла быть допустимой над алтарем какого бы то ни было христианского храма» [8, с. 71][5]. Автор отнес сооружение здания и появление надписи к концу XIV – началу XV вв., считая их связанными одновременными событиями. Тезисы О. И. Домбровского получили развитие в его работе, опубликованной по-

[5] По мнению А. В. Джанова, «надпись нельзя назвать ни “гордой”, ни “консульской”, поскольку в ней отсутствует имя заказчика и должность. В данном случае мы имеем дело с донаторской надписью, хотя и не лишенной официальной символики. В храмах Западной Европы донаторские надписи с геральдическими символами можно встретить в самых неожиданных местах: над отдельными сюжетами стенной росписи, на оборотных сторонах икон» [6, с. 188; 7, с. 658].

сле смерти автора [9]. Он отметил, что «пресловутое купольное здание <…> было построено не ранее XV в. местными мастеровыми в свойственных им строительных традициях, но для генуэзцев, по-видимому, оказалось ничем иным как своего рода присутственной залой, тем “домом консульства”, что упомянуто в переписке последнего консула Солдайи. Уточнение даты его возведения кажется невозможным» [9, с. 619]. Учитывая незавершенность орнамента, автор предположил, что именно захват крепости турецкими войсками в 1475 г. не дал возможности полностью закончить постройку. Исходя из этого, был принят один из наиболее поздних существовавших вариантов прочтения даты надписи над михрабом – 1473 г. [9, с. 620].

В октябре 1982 г. в Ереване на республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении И. А. Барановым прочитан доклад «Судакская капелла. Датировка и атрибутация», в котором был предложен ряд небесспорных тезисов. Автор исключил возможность первоначального строительства здания в качестве храма, отметив при этом, что «вероятнее всего здание использовалось под городскую ратушу и в нем собирались представители разноэтничных общин Солдайи, оставившие свои автографы в галерее и на стенах самой постройки» [1, с. 276]. Автор отметил беспочвенность рассуждений о прямом участии сельджуков в строительстве рассматриваемой постройки. И. А. Баранов, считая датой возведения сооружения 1423 г., подчеркнул, что «оно не могло быть возведено на этом участке города ранее XV в., т.к. его застройка началась после 1409 г.» [1, с. 276]. Частично данные тезисы были перенесены автором в свои более поздние работы.

В связи с реставрационными работами с южной стороны здания в 1986 г. были продолжены начатые ранее археологические исследования под руководством И. А. Баранова. В результате работ наиболее ранний горизонт на исследуемом участке был датирован второй половиной XIV – XV вв. [2, с. 649]. Это позволило руководителю экспедиции говорить о том, что здание мечети не могло возникнуть в более ранний период, исключая при этом связь с сельджукской эпохой [2, с. 650]. И. А. Баранов предложил вариант прочтения надписи на наличнике михраба, при этом дата существенно отличалась от его же прочтения 1982 г.:

«+ IN XIPI NOMINE AMEN MCCCCLXXIII DIE IIII IANUA(RII HOC) OPUS FECI T FIERI DOMININE G CAT+ALANU(S) XI.. CUSTODIAT»

«+ Во имя Христа, Аминь. 1473, четвертый день января эту перестройку велел сделать господин Каталано. Да хранит Христос» [2, с. 644].

Появление надписи автором связано не со строительством здания, а с его реконструкцией. При этом ремонтные работы были отнесены к действиям состоятельного горожанина Каталано, возможно, принадлежавшего к купеческому сословию и являвшегося донатором [2, с. 646].

В 1991 г. опубликована работа Е. И. Лопушинской, посвященная историко-архитектурному описанию крепостного ансамбля Судакской крепости. Надпись на наличнике михраба автором однозначно датирована 1422 г. и связана с приспособлением здания мечети под капеллу [16, с. 69].

А. В. Джанов существенные стилистические отличия в оформлении михраба (рис. 5–6) не склонен связывать с его полным либо частичным переносом, изменением архитектоники здания, перестройкой на раннем этапе и т.п. Он заключил, что нижняя часть михраба могла быть разрушена в середине XIX в. Во время реставрации 1883 г. отсутствовавшие блоки были заменены обычной кладкой и закрыты алтарем. На новых деталях орнамент продолжен по аналогии с сохранившимися фрагментами [6, с. 182; 7, с. 663]. Кроме того, добавленные фрагменты были выполнены из иного материала: верхняя часть обрамления, центральное поле и сталактитовый свод ниши михраба изготовлены из нуммулитового известняка, позднейшие добавления – из копсельского песчаника. «К сожалению, это обстоятельство ускользнуло от внимания исследователей, <…> что само собой породило массу недоразумений, бытовавших несколько десятилетий в научной литературе,» – заключил А. В. Джанов [6, с. 189; 7, с. 663]. Надпись автор датировал 1373 г.:

«+ IN XIPI NOMINE AMEN MCCC LXXIII DIE IIII IANUAR[II HOC] OPUS FECI T FIERI DOMINE G C + ATALANUS XI[PI CU]STODIAT»

«+ Во имя Христа. Аминь. 1373, дня 4 января. Это сооружение повелел возвести, Господи, Г. Каталани. Христос, сохрани» [6, с. 182; 7, с. 664].

При этом у исследователя «вызвала недоумение датировка генуэзской строительной надписи <…> 1422 г., 1423 г., 1424 г. Слишком невероятным кажется тот факт, что почти полностью законченное здание простояло неиспользованным более пятидесяти лет. Это недоразумение, как оказалось, было основано исключительно на неправильном прочтении даты, после 1475 г. густо замазанной известью и штукатуркой» [6, с. 179; 7, с. 656].

А. В. Джанов, подытоживая свои размышления, заключил, что «характерные черты мусульманской культовой архитектуры и аналогии второй четверти XIV в. не оставляют сомнения, что постройку начинали возводить как мечеть» [6, с. 185; 7, с. 667]. На последнем этапе строительство мечети из-за захвата Судака генуэзцами было прекращено. В 1373 г. недостроенное здание мечети обращено в католическую церковь, стены внутри оштукатурены и покрыты росписями с изображениями христианских святых. Над михрабом появилась латинская строительная надпись. В качестве заказчика этих работ в надписи значится некто Г. Каталано. По мнению А. В. Джанова, «это лицо не было представителем генуэзской администрации города, иначе в надписи была бы обязательно упомянута его должность. Даже вместо его полного имени в надписи оставлена только заглавная буква. Подчеркнуто уничижительное отношение к себе в подписях характерно было для представителей не светской, а церковной администрации» [6, с. 186; 7, с. 667]. Исследователь пришел к выводу, что упомянутый Г. Каталано являлся монахом, а купольное здание – храмом основанного им францисканского монастыря. По его мнению, «на то, что в районе судакской мечети существовал монастырь, <…> свидетельствует тот факт, что территория, где расположен памятник, находилась до 1409 г. за пределами основной части города. Территория монастыря была обнесена отдельной каменной крепостной стеной, которую фланкировали с севера две башни <…>. Из других сооружений монастыря следует упомянуть большое квадратное здание к северу от храма, раскопанное в 1970 г., а также большую цистерну между ними» [6, с. 187; 7, с. 668].

Во многом поддержал выводы А. В. Джанова В. П. Кирилко. Латинская надпись над михрабом исследователем датирована 1373 г. и связана, предположительно, с «приспособлением бывшего здания мечети Солдайи для новых потребностей Коммуны, возможно, под католическую церковь» [14, с. 413]. Автором справедливо подчеркнут дискуссионный характер гипотезы о возможности вторичного использования михраба мечети, «время возведения и идентификация которой, в свою очередь, также небесспорны» [13, с. 166].

Е. А. Яровая в 2004 г. на Второй Судакской международной конференции пришла к выводу, что на михрабе мечети слева от надписи помещен герб рода Гоано (рис. 7–8)[6]: «Гербы в нижней части архивольта справа и слева хорошо сохранились. Их можно рассмотреть по фотографии, сделанной Е. Ч. Скржинской во время Судакской экспедиции ГАИМК 1928 г. На ней четко виден герб с изображением донжона в поле с боковыми полосами справа налево. Он идентифицируется однозначно – это фамильный знак генуэзского рода Гоано» [26, с. 248]. К единому мнению датировки надписи автор, видимо, не пришла: в 2004 г. указан 1423 г. [26, с. 248], в 2010 г. – 1373 г. [25, с. 118].

В 2009 г. Д. В. Вальковым опубликован сборник эпиграфических памятников из крупнейших генуэзских центров Крыма: Балаклавы, Судака и Феодосии. Под № 52 представлена надпись над михрабом мечети. Автор привел возможные, по его мнению, варианты прочтения:

«IN XIPI (Christi) NOMINE AMEN [MCCCLXXIII, либо MCCCC:I:XXIII, либо MCCCCLXXIII] DIE IIII IANUA[r](ii) [HOC] OPUS [менее вероятно … IANUA[rii] [.] HOPUS] FECIT FIERI DOMINE G CATALANU[.] XI[n?] [менее вероятно …XI[R] или XI[P]] CUSTODIAT».

«Во имя Христа, аминь; лета (1373, либо 1423, либо 1473), в 4 день января, это сооружение распорядились возвести при господине G CATALANU[.] (возможно также “…труд господина G CATALANU[.]…”; “…сооружено при господине G CATALANU[.]…”); (Христос?) да охранит» [4, с. 159].

Этот же вариант прочтения надписи был повторен во втором издании сборника генуэзских эпиграфических памятников Крыма (надпись над михрабом помещена под № 18) [5, с. 134]. В 2015 г. Д. В. Вальков добавил, что «графические формы букв в тексте памятника отличаются некоторой искаженностью и небрежностью исполнения. Текст памятника выполнен стилем письма, имеющим в целом черты удлинен-

[6] Гоано (Guano) – торговцы и ремесленники гибеллины. Корни семьи прослеживаются в Лигурии с 1233 г. Известные представители рода: Джованни в 1308 г. исполнял обязанности подеста в Савоне (Лигурия). С 27 марта 1415 г. по 1 июля 1416 г. Барнаба ди Оттобоно Гоано занимал дожеское кресло в Генуе. Член семьи Гоано Пьетро проживал в Каффе около 1290 г. [25, с. 118; 26, с. 248].

ной готики, с некоторыми элементами округленной готики, в частности, в графике букв R, D» [5, с. 136].

В 2015 г. опубликованы результаты исследований надписи А. Г. Еманова. Летом 2003 г. выполнена цифровая съемка надписи, гербов и каменной резьбы всего обрамления алтарной ниши, осуществлена компьютерная обработка снимков. Результатом стала следующая транскрипция:

> «† IN XIPI NOMINE AMEN MCCCCXXIII DIE IIII IANUA[rii hoc] OPUS FECI †T FIERI DOMIN[u]S G[erolamus] CAT†ALAN[us] XI N[omen] CUSTODIAT»
>
> «† Во имя Хри[ста], аминь [!] В 1423 году, в четвертый день янва[ря], это строение веле†л возвести господин Дж[ироламо] Ката†лано. Да хранит [имя] Х[риста!]» [11, с. 43].

А. Г. Еманов обратил внимание на стилистическую конструкцию надписи: в ней присутствует три креста (два в начале каждой строки, один, в круге, в центральной части нижней строки, разделяя фамилию на части): «Invocatio signi не только открывает все сообщение, но и является зачином второй строки, знаменательным указанием на действие и действующее лицо <…>. Определенно, он призван акцентировать особо значимый акт. Третий signum crucis в круге далеко не случайно совмещен с именем: он являлся, вероятнее всего, знаком поминовения данного лица <…>. Круг, как известно, был одним из символов Бога. И в соотнесенности с именем и signum crucis он мог указывать на восхождение души почившего и будущее соединение ее с Богом. Надежду на это могло дать строительство не какого-то профанного складилища и даже не консульских апартаментов, но храма» [11, с. 43]. Анализируя стилистику надписи, усиливая данный тезис о назначении здания, А. Г. Еманов пришел к выводу: «Здесь отчетливо обозначается верховный патронат Иисуса Христа, что имело смысл, прежде всего, по отношению к храмам, освящаемым обычно именами Богоматери, апостолов и святых, да к крепостным башням, носящим имена святых воителей» [11, с. 43].

А. Г. Еманов предположил, что увековеченный в надписи Каталано мог быть одним из католических священников Солдайи первой четверти XV в., который «в соответствии со своим долгом и подобающими его сану средствами заботился о спасении и защите граждан города от надвигавшейся турецкой опасности» [11, с. 44]. Исследователь упомянул католического епископа Кафы в 1404–1417 гг. Джироламо («Gerolamus», церковная латинизация «Hieronimus»), позже переведенного в Солдайю, где, по его мнению, мог пробыть в епископском сане последние годы жизни (1417–1423 гг.) и завершить свой жизненный путь великим начинанием [11, с. 44]. Из этого следует, что гербы, высеченные на сторонах резного наличника, не связаны с родом Каталано. Вероятно, они указывают на имена донаторов, внесших пожертвования на строительство храма.

Одним из наиболее острых вопросов, связанных с исследованием здания бывшей мечети на территории судакской крепости, вызвавших массу споров и противоречий, является прочтение и датировка надписи на наличнике михраба. В

отечественной историографической традиции по этому поводу существует масса предположений, хорошо аргументированных либо основанных на домыслах и догадках: 1372 г. (Е. Ч. Скржинская, 1954), 1373 г. (А. В. Джанов, Е. Ф. Карпович, В. П. Кирилко, Е. А. Яровая, 2010), 1373 г., 1423 г. или 1473 г. (Д. В. Вальков), 1373 г. или 1473 г. (Н. Ф. Лапин), 1422 г. (Е. И. Лопушинская, А. И. Полканов, В. Н. Юргевич, 1863), 1423 г. (И. А. Баранов, 1982, А. Г. Еманов, С. А. Секиринский, Е. Ч. Скржинская, 1928, В. Н. Юргевич, 1875, Е. А. Яровая, 2004), 1424 г. (Н. Н. Мурзакевич), 1473 г. (И. А. Баранов, К. Десимони, О. И. Домбровский), 1422 г., 1423 г., 1424 г., 1473 г. (А. Л. Бертье-Делагард). При этом надпись рассматривается либо в качестве непосредственного указателя на дату возведения памятника, либо на момент его кардинальной перестройки или реставрации. До настоящего момента достоверно не установлена личность Г. Каталано, чье имя увековечено в надписи. Исходя из накопившихся сведений, он мог являться консулом города (Е. Ф. Карпович, С. А. Секиринский), представителем купеческого сословия (И. А. Баранов), монахом-францисканцем (А. В. Джанов), католическим священником (А. Г. Еманов). На современном этапе исследований с полной уверенностью можно констатировать лишь то, что для преодоления многочисленных разногласий и разночтений по данному вопросу требуется проведение тщательных дополнительных изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов И.А. Судакская капелла. Датировка и атрибутация // Пятая республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении: тезисы докладов, 12–16 октября 1982 г. Ереван, 1982. С. 275–276.
2. Баранов И.А. Зальное купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 632–653.
3. Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. Вып. 55. С. 1–44.
4. Вальков Д.В. Памятники Генуэзской эпиграфики Крыма. М.: Университет, 2009. 186 с.
5. Вальков Д.В. Генуэзская эпиграфика Крыма. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 368 с.
6. Джанов А.В. Храм с аркадой в Судаке. Мечеть или храм католического монастыря? // Церковная археология Южной Руси: сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия», Севастополь, 2001 г. Симферополь, 2002. С. 178–191.
7. Джанов А.В. «Храм с аркадой» в Судаке // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 654–669.
8. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. 110 с.
9. Домбровский О.И. Средневековое купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 612–620.
10. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5–6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
11. Еманов А.Г. Дж. Каталано из Солдайи первой четверти XV века: эпиграфический экзерсис // Stratum plus. Специальный выпуск: «Генуэзская Газария и Золотая Орда». 2015. С. 39–46.

12. Карпович Е.Ф. Судакская капелла: история одного архитектурного памятника // Известия Крымского отдела географического общества СССР. 1951. Вып. 1. С. 119–123.
13. Кирилко В.П. Сполии в архитектуре Крымского Ханства // Материалы конгресса исламской археологии России и стран СНГ, г. Казань, 26–28 сентябрь 2016 г. Казань, 2016. С. 160–169.
14. Кирилко В.П. Строительная летопись Таврики второй половины XIII – третьей четверти XV веков // История и археология Крыма. 2014. Вып. 1. С. 406–434.
15. Лапин Н.[Ф]. Судак: записки на досуге. М.: Тип. ВХУТЕМАСа, 1928. 71 с.
16. Лопушинская Е.И. Крепость в Судаке. Киев: Будивельник, 1991. 106 с.
17. Мальгина М.Р. Виды Крыма второй половины XIX века: каталог литографий из собраний Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь: Сонат, 2006. 260 с.
18. Мурзакевич Н.Н. Поездки в Феодосию, Судак и Керчь // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 318–322.
19. Полканов А.И. Судак (Сугдея–Сурож–Солдайя): исторический очерк и путеводитель по крепости. Симферополь: Издание КрымОХРИСа, 1926. 79 с.
20. Секиринский С.[А.]. Очерки истории Сурожа IX–XV вв. Симферополь: Крымиздат, 1955. 102 с.
21. Скржинская Е.Ч. Истории генуэзских поселений в Крыму // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История, археология, эпиграфика: сборник работ и материалов / авт.-сост. А.В. Джанов, Л.Г. Климанов. Киев; Судак; СПб.: Академпериодика, 2006. С. 39–100.
22. Скржинская Е.Ч. Надписи на плитах. Судак // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История, археология, эпиграфика: сборник работ и материалов / авт.-сост. А.В. Джанов, Л.Г. Климанов. Киев; Судак; СПб.: Академпериодика, 2006. С. 191–244.
23. Юргевич В.Н. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 157–177.
24. Юргевич В.Н. Донесение о поездке в Крым // ЗООИД. 1875. Т. 9. С. 397–403.
25. Яровая Е.А. Геральдика генуэзского Крыма. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 196 с.
26. Яровая Е.А. О новых идентификациях гербов на закладных плитах из Судака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы Второй Судакской международной конференции. Киев; Судак, 2004. Ч. 2. С. 247–249.
27. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies genoises en Crimee (Theodosie, Soudak, Balaklava). Genova, 1928. 140 p. (Atti della Societa ligure di storia patria. Vol. 56).

REFERENCES

1. Baranov I.A. Sudakskaja kapella. Datirovka i atributacija. *Pjataja respublikanskaja nauchnaja konferencija po problemam kul'tury i iskusstva Armenii: tezisy dokladov, 12–16 oktjabrja 1982 g.,* Erevan, 1982, pp. 275–276.
2. Baranov I.A. Zal'noe kupol'noe zdanie Sudakskoj kreposti. *Sugdejskij sbornik,* 2005, Vol. 2, pp. 632–653.
3. Bert'e-Delagard A.L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii,* 1918, Vol. 55, pp. 1–44.
4. Val'kov D.V. *Pamjatniki Genujezskoj jepigrafiki Kryma.* Moscow, Universitet Publ., 2009, 186 p.
5. Val'kov D.V. *Genujezskaja jepigrafika Kryma.* Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke Publ., 2015, 368 p.

6. Dzhanov A.V. Hram s arkadoj v Sudake. Mechet' ili hram katolicheskogo monastyrja? *Cerkovnaja arheologija Juzhnoj Rusi: sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii «Cerkovnaja arheologija: problemy, poiski, otkrytija»,* Simferopol', 2002, pp. 178–191.
7. Dzhanov A.V. «Hram s arkadoj» v Sudake. *Sugdejskij sbornik,* 2005, Vol. 2, pp. 654–669.
8. Dombrovskij O.I. *Freski srednevekovogo Kryma.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1966, 110 p.
9. Dombrovskij O.I. Srednevekovoe kupol'noe zdanie Sudakskoj kreposti. *Sugdejskij sbornik,* 2005, Vol. 2, pp. 612–620.
10. Djubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abhazam, v Gruziju, Armeniju i Krym.* Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.
11. Emanov A.G. Dzh. Katalano iz Soldaji pervoj chetverti XV veka: jepigraficheskij jekzersis. *Stratum plus. Special'nyj vypusk: «Genujezskaja Gazarija i Zolotaja Orda»,* 2015, pp. 39–46.
12. Karpovich E.F. Sudakskaja kapella: istorija odnogo arhitekturnogo pamjatnika. *Izvestija Krymskogo otdela geograficheskogo obshhestva SSSR,* 1951, Vol. 1, pp. 119–123.
13. Kirilko V.P. Spolii v arhitekture Krymskogo Hanstva. *Materialy kongressa islamskoj arheologii Rossii i stran SNG, g. Kazan', 26–28 sentjabr' 2016 g.,* Kazan', 2016, pp. 160–169.
14. Kirilko V.P. Stroitel'naja letopis' Tavriki vtoroj poloviny XIII – tret'ej chetverti XV vekov. *Istorija i arheologija Kryma,* Simferopol, 2014, Vol. 1, pp. 406–434.
15. Lapin N.[F]. *Sudak: zapiski na dosuge.* Moscow, Vhutemas Publ., 1928, 71 p.
16. Lopushinskaja E.I. *Krepost' v Sudake.* Kiev, Budivel'nik Publ., 1991, 106 p.
17. Mal'gina M.R. *Vidy Kryma vtoroj poloviny XIX veka: katalog litografij iz sobranij Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeja.* Simferopol', Sonat Publ., 2006, 260 p.
18. Murzakevich N.N. Poezdki v Feodosiju, Sudak i Kerch'. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej,* 1872, Vol. 8, pp. 318–322.
19. Polkanov A.I. *Sudak (Sugdeja–Surozh–Soldajja): istoricheskij ocherk i putevoditel' po kreposti.* Simferopol', KrymOHRIS Publ., 1926, 79 p.
20. Sekirinskij S.[A.]. *Ocherki istorii Surozha IX–XV vv.* Simferopol', Krymizdat Publ., 1955, 102 p.
21. Skrzhinskaja E.Ch. Istorii genujezskih poselenij v Krymu. Skrzhinskaja E.Ch. *Sudakskaja krepost'. Istorija, arheologija, jepigrafika: sbornik rabot i materialov,* Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 39–100.
22. Skrzhinskaja E.Ch. Nadpisi na plitah. Sudak. Skrzhinskaja E.Ch. *Sudakskaja krepost'. Istorija, arheologija, jepigrafika: sbornik rabot i materialov,* Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 191–244.
23. Jurgevich V. N. Genujezskie nadpisi v Krymu. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej,* 1863, Vol. 5, pp. 157–177.
24. Jurgevich V.N. Donesenie o poezdke v Krym. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej,* 1875, Vol. 9, pp. 397–403.
25. Jarovaja E.A. *Geral'dika genujezskogo Kryma.* St-Petersburg, State Hermitage Publ., 2010, 196 p.
26. Jarovaja E.A. O novyh identifikacijah gerbov na zakladnyh plitah iz Sudaka. Prichernomor'e, *Krym, Rus' v istorii i kul'ture: materialy Vtoroj Sudakskoj mezhdunarodnoj konferencii,* Kiev, Sudak, 2004, Vol. 2, pp. 247–249.
27. Skrzinska E. *Inscriptions latines des colonies genoises en Crimee (Theodosie, Soudak, Balaklava).* Genova, 1928, 140 p.

D. A. LOMAKIN

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

THE 155-YEAR-LONG READING: THE INSCRIPTION ABOVE THE MIHRAB IN THE MOSQUE IN SUDAK

Abstract: This paper has systematised a long history of research of the Latin inscription on the casing of the mihrab of the mosque in Sudak. There have been cited and analysed basic versions of its reading, from the one suggested by V. N. Yurgevich in the second half of the nineteenth century to the modern interpretation. The most controversial points are the date of the inscription and personal identification of G. Catalano, whose name appeared in it. It has been discovered that, despite more than 150-year-long research and the use modern technical means and technologies, further research is required to fix numerous discussions and various readings thus settling the debate.

Keywords: Sudak, mihrab, inscription, reading, research history, historiography.

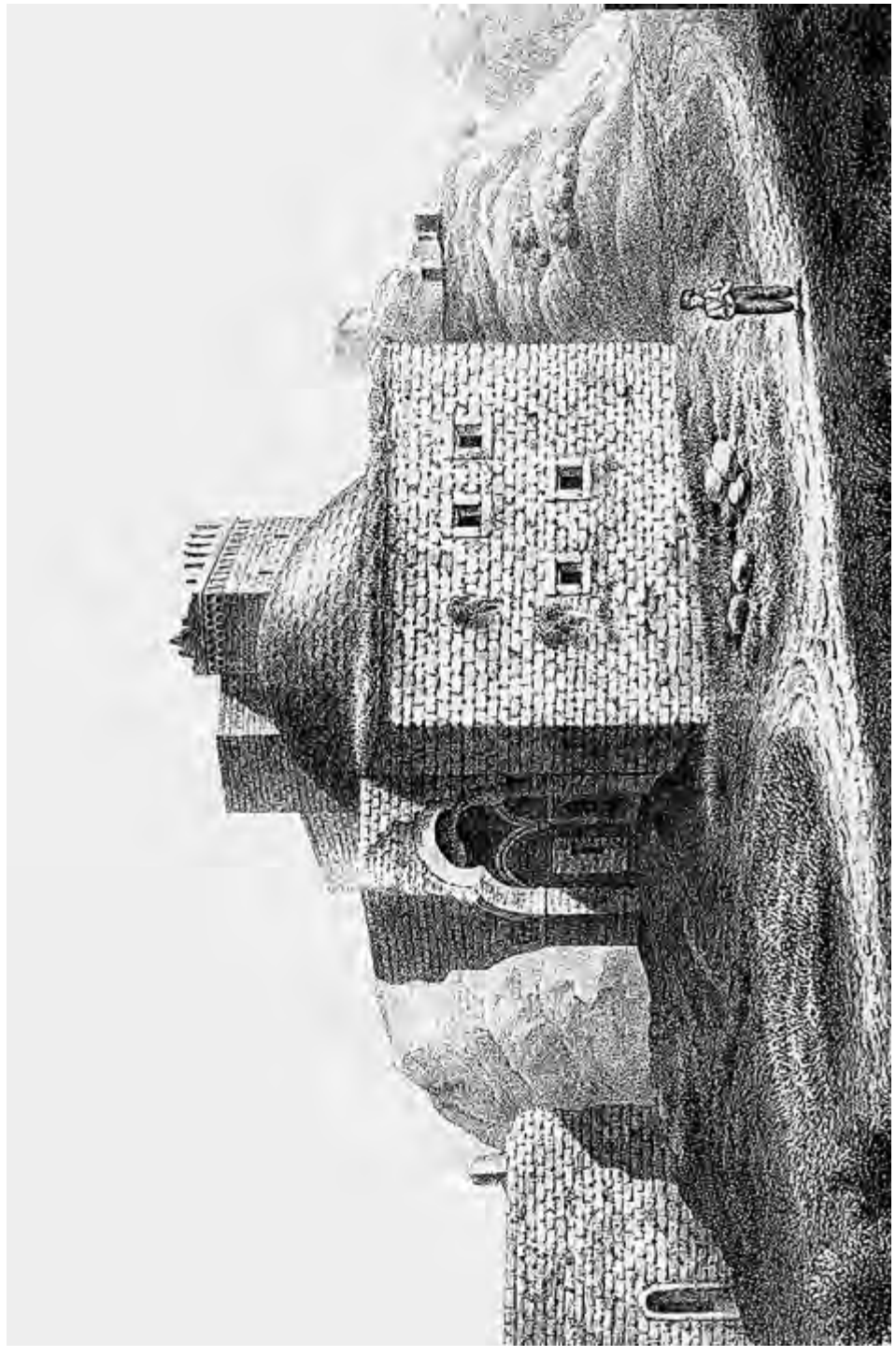


Рис. 1. Мечеть в Судаке. Гравюра 40-х гг. XIX в. [по: 10, цв. вставка].

Рис. 2. Руссен В. О. «Церковь в Судакской крепости». Литография. 1853 г. [по: 17, с. 240].

Рис. 3. Интерьер армяно-католического собора в здании бывшей мечети. Фото 1889 г. Из архива А. Л. Бертье-Делагарда Центрального музея Тавриды.

Рис. 4. Надпись на наличнике михраба. 20-е гг. XX в. [по: 22, с. 230].

Рис. 5. Михраб мечети в Судаке. Современное состояние [по: 2, с. 643].

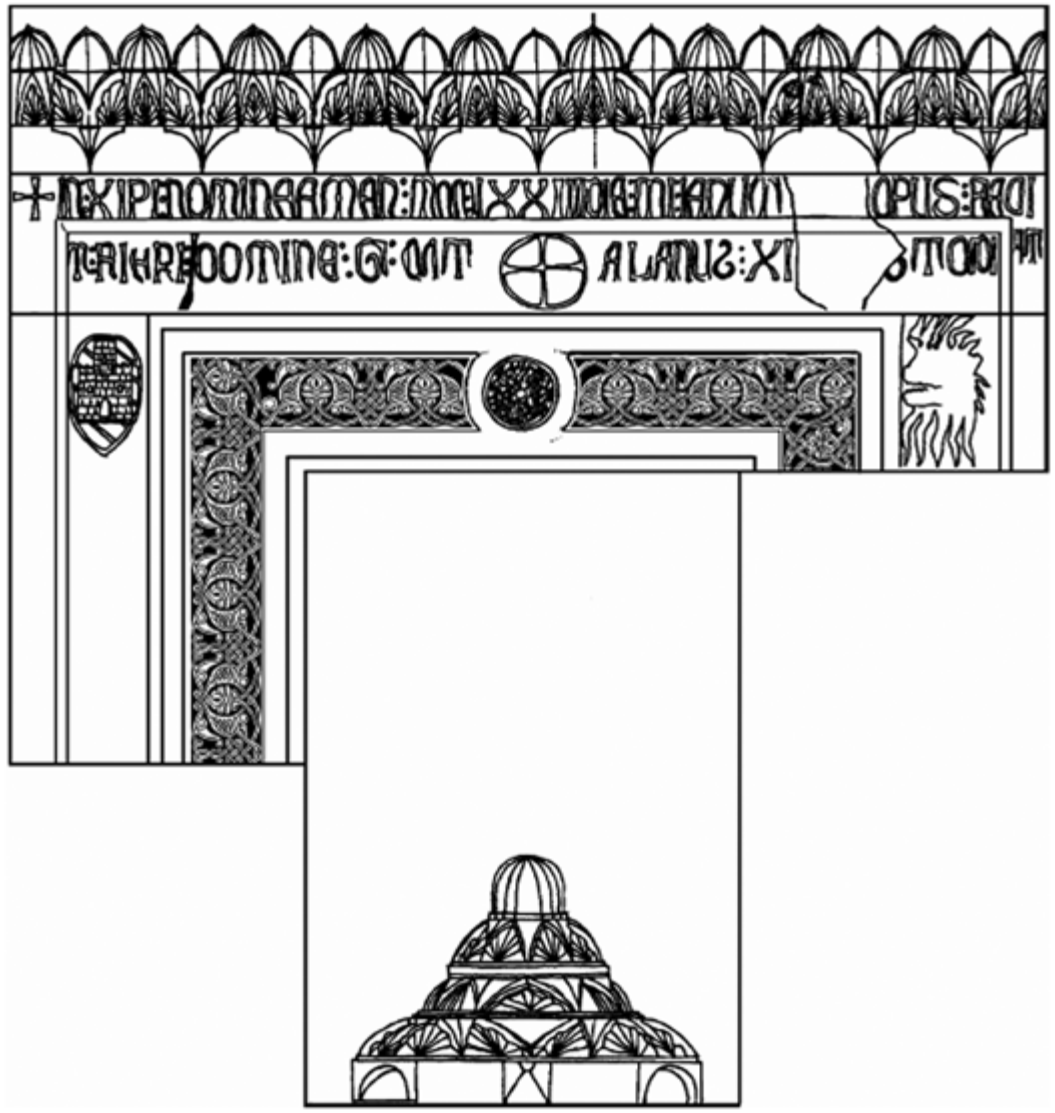


Рис. 6. Прорисовка резьбы михраба. 2006 г. [по: 7, с. 662].

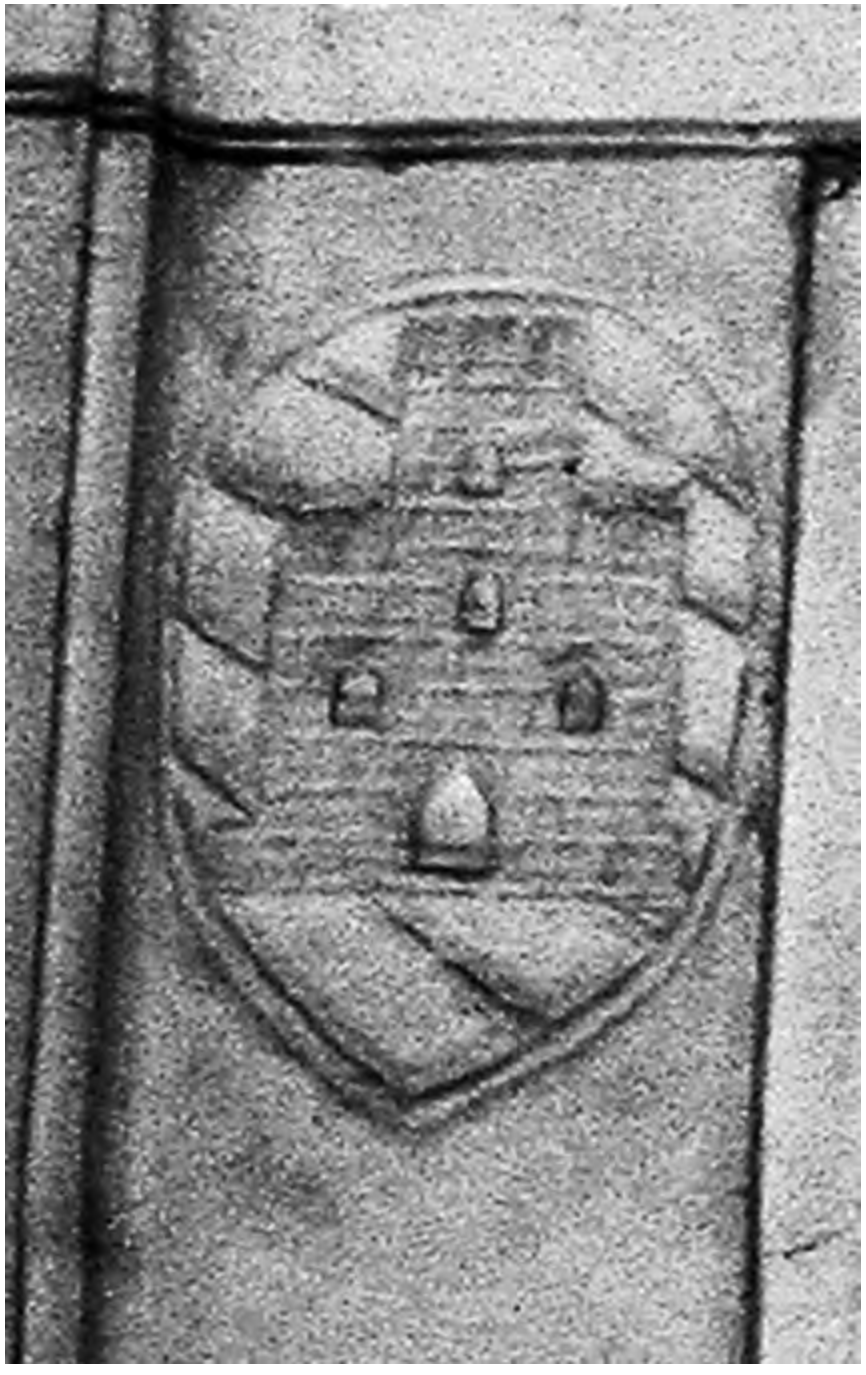


Рис. 7. Герб генуэзского рода Гоано, высеченный контррельефом на наличнике михраба. Фото А. Г. Еманова. 2015 г. [по: 11, с. 44].

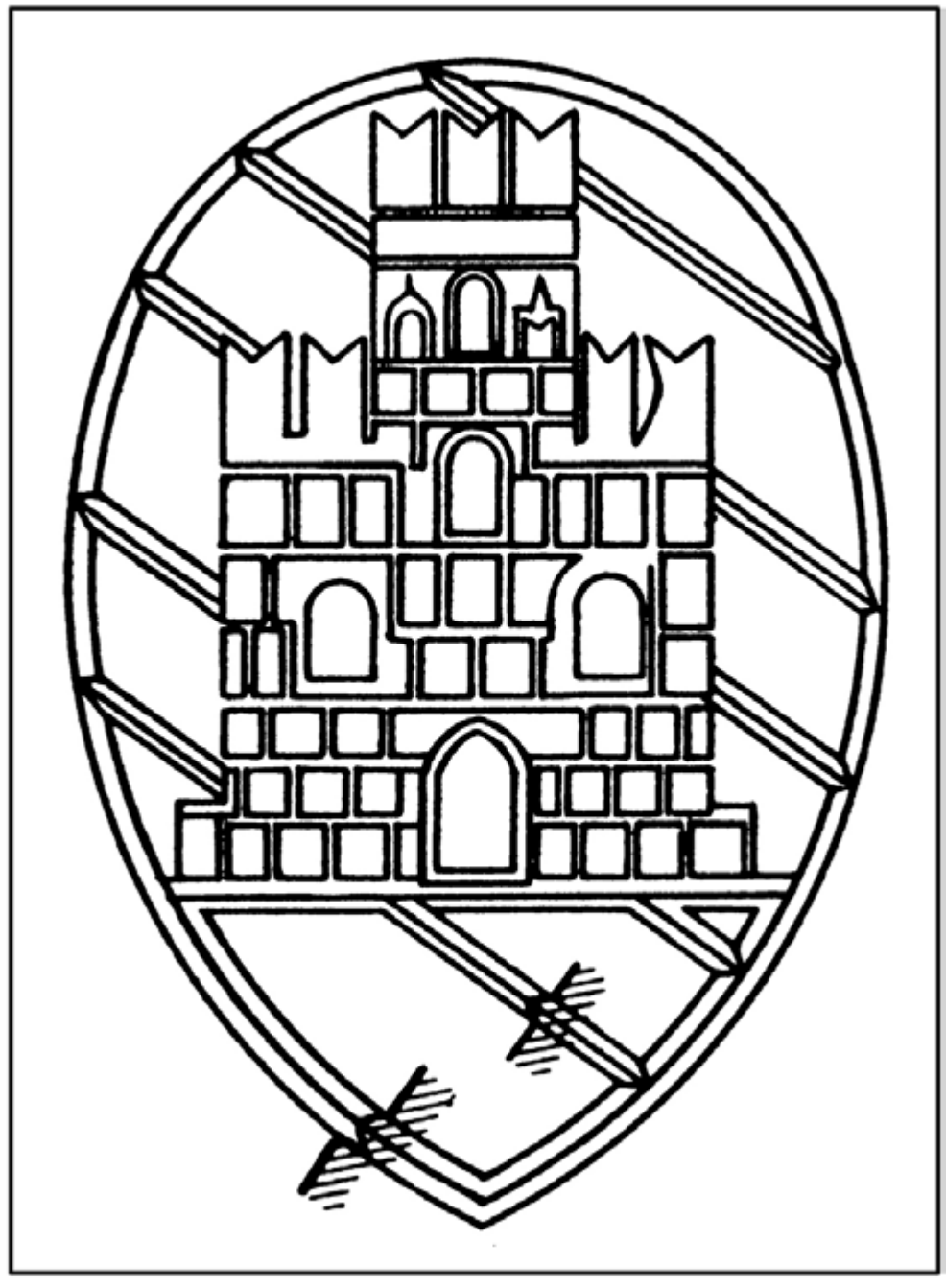


Рис. 8. Герб генуэзского рода Гоано, высеченный контррельефом на наличнике михраба. Прорисовка [по: 16, с. 65].

Д. В. КОНКИН

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

РОССИЙСКИЕ ПОМЕЩИКИ В КРЫМУ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.): НОВЫЕ ЛЮДИ СО СТАРЫМИ ВЗГЛЯДАМИ[1]

Аннотация: После присоединения Крыма к Российской империи между российским помещиками и местным мусульманским населением стали возникать взаимные претензии в отношении прав на земли, границ земельных наделов и возможностей ими пользоваться. В ходе решения земельных споров неизбежно проявлялись различные фобии и предрассудки российских помещиков в отношении крымских татар. Антитатарская позиция части новоприбывших землевладельцев в Крыму не находила поддержки в итоговых решениях имперской власти. В целом можно сделать вывод, что случавшиеся в конце XVIII – начале XIX вв. конфликты между старожильческим населением Крыма и российскими помещиками имели в первую очередь экономическую основу и лишь в качестве дополнительной аргументации переносились в конфессиональную или этническую плоскость. Применяемая российскими помещиками антитатарская риторика служила главным образом средством убеждения правительства в сохранении спорной собственности, и, как показала практика, не имела воздействия на конечные решения имперской власти.

Ключевые слова: Российская империя, крымские татары, земельные отношения, российские помещики.

После присоединения Крыма к Российской империи едва ли не главной проблемой, с которой столкнулась царская власть на полуострове, стала малонаселенность региона. Логичным ее решением являлись мероприятия по привлечению на полуостров новых жителей. Одним из важных элементов переселенческой программы были бесплатные раздачи крымских земель помещикам из внутренних российских губерний под обязательства их заселения рабочими людьми. Отношения новоприбывших помещиков с местным мусульманским населением выстраивались различными способами и зависели от многочисленных

1 Исследование выполнено в рамках базовой части госзадания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

сопутствующих факторов. При этом земельная сфера стала, пожалуй, наиболее конфликтогенной зоной взаимодействия. Российская власть изначально задекларировала незыблемость традиционных прав и обычаев местных жителей[2]. В то же время раздачи наделов на полуострове происходили без качественного учета фонда земель крымскотатарских собственников, в число которых в 1794 г. были законодательно включены и лично свободные крымскотатарские крестьяне-общинники («татары-поселяне») (сенатский указ от 9 ноября 1794 г. [28, т. 23, № 17265, с. 585–589]). Между помещиками и старожильческим населением возникали взаимные претензии в отношении прав на земли, границ земельных наделов и возможностей ими пользоваться [13, с. 627–640; 14, с. 483–501].

Проблемам земельных конфликтов, возникших в Крыму после присоединения к Российской империи, были посвящены работы ряда отечественных исследователей. В имперский период следует отметить, прежде всего, труды Ф. Ф. Лашкова [18, с. 50–71; 19, с. 29–88], А. Воскресенского [5], А. Г. Завадовского [8]. В советское время данному вопросу уделяли внимание И. Медведева [24], С. А. Секиринский [32]. В современных условиях наиболее подробно отдельные аспекты интеграционных проблем, включая земельные отношения, были освещены в нескольких обобщающих сборниках и монографиях [23, с. 7–99; 29; 17, с. 101–155].

Хотя в последнее время наблюдается активизация усилий по изучению заданной проблематики, по-прежнему в стороне от исследовательского интереса остаются аспекты культурных, идеологических различий внутри формировавшегося крымского сообщества имперского периода. Необходимо помнить, что если в современном восприятии большинства россиян Крымский полуостров является колыбелью русского православия, героико-патриотическим историческим центром и, наконец, популярным курортом, с замечательным морем и многочисленными достопримечательности, то двести с лишним лет назад Крым для Российской империи являлся абсолютно чуждой территорией, населенной извечными военными противниками. Несмотря на очевидный антагонизм двух государств, присоединение Крымского ханства к России прошло удивительно спокойно и стало одним из первых опытов мирного освоения православной империей мусульманской окраины. Через Крым происходило «открытие» мусульманского Востока западноориентированным российским светским обществом [6, с. 199–204; 36, p. 3–25]. Огромная цивилизация ислама со своими традициями, правилами, философией стала объектом познания и интеграции, а не подавления российской властью [29]. На изучение новообретенного края были направлены усилия государственных деятелей, чиновников, исследователей [см.: 7; 34; 15; 16]. Различные проявления традиционной культуры исламского мира через Крым и

[2] См.: Манифест от 8 апреля 1783 г. [28, т. 21, № 15708, с. 897–898]; именной указ Г. А. Потемкину от 28 июля 1783 г. [28, т. 21, № 15798, с. 985–986]; сенатский указ от 2 февраля 1784 г. «Об учреждении Таврической области» [28, т. 22, № 15920, с. 17–18].

в Крыму открывались теперь и для столичного «высшего света», представители которого все чаще появлялись в южной провинции, и для рядовых чиновников, помещиков, оказавшихся здесь по долгу службы или в поисках «лучшей жизни».

В ходе решения имущественных споров, при доказательстве своих прав на полученные наделы со стороны новоприбывших землевладельцев неизбежно проявлялись различные фобии и предрассудки в отношении местного мусульманского населения. Это, прежде всего, были «архетипичные» фобии в отношении татар в целом, как захватчиков русских земель, традиционных военных противников, авторов многочисленных разорительных походов. Имевшие место в прошлом набеги татар на российские территории напрямую никак не были связаны с проблемами крымского землеустройства, возникшими после присоединения Крыма к России. Но часто именно подобные широко распространенные в российском обществе стереотипы таврические помещики использовали в качестве важного аргумента в защиту своих собственнических прав в письменных обращениях к императору и высшим чиновникам.

Так, местные помещики Федор Поляков и Евстафий Сарандинаки, получившие наделы в Крыму еще в 80-х гг. XVIII в. [20, с. 99, 153], в 1802 г. были выбраны депутатами от дворян Таврической губернии христианского исповедания в землеустроительную комиссию, которая должна была решать земельные конфликты в Крыму. Свои взгляды и общую позицию местных помещиков-христиан они оформили в виде прошения к имперскому правительству [21, с. 46–52; ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 306, л. 1–6]. В самом начале своего обращения «напоминали», что *«нет нужды здесь говорить о кровопролитии, грабительствах и разорении в российских пределах набегами жителей Крымского полуострова издревле наносимых. Сие известно всему свету»* [21, с. 47]. Далее в документе, который должен был убедить правительство в законности помещичьих владений, депутаты продолжали исторический экскурс во времена существования Крымского ханства. В 1772 г., писали они, татары силой русского оружия были побеждены и присягли российской короне. Но быстро стали нарушать присягу (*«...в нарушении таковой не замедлили»*), и где было возможно найти малочисленные команды российских войск, убивали их (*«...забыв клятву свою, не только открыли воинское действие во многих частях Крыма против войск российских, делая повсюду набеги большими толпами, с причинением великого кровопролития, но и бывших при посланнике Веселицком чиновников и служителей вырезали»*)[3]. Эти провокации прекратились после заключения Кючук-Кайнарджийского договора, согласно которому ханство получило независимость. Но крымские татары были недовольны правлением сначала Сахиб-Гирея II, затем Шагин-Гирея, началось «внутреннее смятение», и тогда последний крымский хан обратился за помощью к России, в результате чего мятеж был подавлен. Но в 1782 г. произошло новое волнение и

[3] Имелся в виду эпизод с мятежом в Крыму и высадкой турецкого десанта на полуостров в июле 1774 г. См.: [22, с. 126–146].

тогда Россия, *«яко соседственная держава»*, снова ввела войска в Крым. Татары, *«не видя в злых своих начинаниях успеха»*, и чтобы спасти себя *«от справедливого наказания» решили окончательно «покориться в подданство»* России. Хан же не захотел управлять таким *«буйным народом»* и остался жить внутри империи (самоустранился). Последовавшая затем присяга стала ни чем иным, как *«предметом заглаждения прежних их поступков»*, и причиной *«Монаршего попечения об их наравне с природными подданными»* [21, с. 47]. Однако, по мнению авторов прошения, благосклонность со стороны Екатерины II не подействовала на крымских татар, и как только началась очередная война с Турцией (1787–1791 гг.), стало очевидным пренебрежение их к присяге христианскому государству, в крымских мечетях начались молитвы *«о изощрении меча на погубление христиан»* [21, с. 48–49]. В конце прошения Поляков и Сарандинаки весьма вольно, но логично для себя формулировали цель Екатерины II при раздаче земель в Крыму: *«цель воли Августейшей Монархини была крымские земли раздать по предмету неверности татар...»* [21, с. 49].

Таким образом, исходя из логики авторов прошения, массовые раздачи земель осуществлялись в Крыму исключительно с целью государственной безопасности, а следовательно, не было необходимости возвращать крымскотатарским собственникам изъятую землю, не стоило правительству привлекать к ответственности местных российских помещиков за неисполнению своих обязательств по заселению полученных наделов и т. д. Все эти нарушения меркли по сравнению с озвученной миссией безопасности державы, гарантом которой в Крыму являлись новоявленные землевладельцы-христиане. Обращаясь к правительству нового императора Александра I, внуку и последователю политики Екатерины II, крымские помещики напоминали о всех негативных проявлениях татар в далеком и не очень прошлом, и призывали не принимать решения *«к удовольствию такого народа, который менее заслуживает уважения»* [21, с. 52]. То есть, очевидно, происходила подмена идей и понятий. Вместо правовых доводов, фактических подтверждений, планов, документов на земли, конструктивных предложений по решению земельных конфликтов, мы видим, как аргументация одной из сторон намеренно уводилась в эмоциональную плоскость, экономическая и правовая оценка событий заменялась идеологическими обоснованиями. Депутаты-помещики намеренно концентрировали негативные оценки крымскотатарского населения, чтобы вопросы прав собственности рассматривались не в юридическом контексте, а в политическом, имевшем значение для «государственной безопасности» и внутриполитической стабильности в регионе, с надеждой найти, прежде всего, эмоциональный отклик со стороны властей на эти известные и широко распространенные в русском обществе стереотипы в отношении крымских татар и Крымского ханства.

Еще один депутат от «помещиков христианского закона», но в составе другой, действовавшей в Крыму в 1800 г. землеустроительной Комиссии, Александр

Таранов, также считал крымских мусульман народом *«во многих политических отношениях вредным»* [18, с. 68]. Предлагал не имевших подтверждающих документов на собственность татар Горного и Южнобережного Крыма переселить на казенные земли в степной части полуострова. Благодаря чему, по мнению Таранова, *«из ленивых тунеядцев, питавшихся продажею плодов, там изобилующих, и беззаконным опустошением лесов, необходимость может сделать их добрыми хлебопашцами и хозяевами полезного скотоводства, состоящего из лошадей, рогатого скота и овец»* [18, с. 69].

Схожих взглядов придерживался и Евстафий Иванович Нотара – крупный таврический помещик, которого крымскотатарские мурзы-дворяне акмечетского уезда избрали своим предводителем. В своем секретном рапорте, составленном в январе 1803 г. и адресованном сенатору Ивану Владимировичу Лопухину, предводитель дворянства описывал нелегальные миграционные перемещения крымскотатарского населения, и в конце риторически вопрошал: *«Известно в каком порабощении были татары при ханских владениях, и каковым благоденствием ныне они наслаждаются, освобождены будучи от всех податей, от постоя и от рекрутской повинности, пользуясь свободным отправлением веры, и совершенно обеспечены будучи в собственности каждого...; казалось бы чего, чего еще недостает к их счастливому состоянию».* А далее следовал ответ в виде обвинительной тирады: *«Одна лишь склонность к вероломству и врожденная в них ненависть к христианам заставляет их нарушать верность и клятву в оной учиненную. После сего можно ли положиться на их наружную приверженность к России, и заслуживает ли вероятия присяга их в каком-либо случае против христиан чинимая, особенно где могут найтить собственные свои выгоды, когда и не имея в виду оные они всегда нарушить ее готовы...»* [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 165, л. 7 об.–8]. Нотара, по-видимому, умело скрывал подобные убеждения от местного населения, поскольку в том же 1803 г. смог избраться на следующий высокий пост предводителя дворянства в новообразованной Таврической губернии, где значительную часть выборщиков также составляли крымскотатарские мурзы. По отзывам российских чиновников, он продолжал пользоваться «всеобщим доверием» жителей Тавриды вне зависимости от их национальности и конфессии [РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 219, л. 141–142; ГАРК, ф. 24, оп. 1, д. 660, л. 2–3].

Можно предположить, что вышеперечисленные мнения не были исключительными, и примерно таким был общий взгляд рядовых российских помещиков, который они иногда скрытно, а порой открыто демонстрировали и использовали в качестве аргумента, способного убедить правительство в своей правоте. Сделать это было тем легче, что негативная оценка татар, ислама в целом была весьма распространенной в данное время. Известный российский востоковед Марк Батунский отмечал, что в русской литературе XVIII века обобщенный образ «Татарина» имел стабильно отрицательный контекст, стал символом злобы, уникального коварства и жестокости. И если среди российских авторов порой

находились сочувственные слова в отношении таких, в общем-то, отдаленных от России представителей мусульманского мира, как арабы и персы (см. «Тамира и Селим» М. В. Ломоносова, «Тахмас Кули-хан» Н. А. Плавильщикова), то подобные оценки нивелировались бескомпромиссным негативным образом татар и турок, которых неизменно представляли в качестве «бывших» (татары) или «нынешних» (турки) врагов [2, с. 204–205; см. также: 33]. Причем крымские татары, как мы видели выше, всегда имели потенциальную возможность стать врагами «будущими»[4]. Что говорить, если даже идеологи европейского Просвещения, непререкаемые модные авторитеты западной образованной публики рассматривали турок и татар в качестве источника постоянных угроз. Вольтер, как известно, старательно и последовательно пытался внедрять в сознание Екатерины II мысль о необходимости борьбы с мусульманской Турцией, рассматривая войну России с ней, как борьбу между варварством и цивилизацией [см.: 6, с. 314–328; 9, с. 106–116; 10, с. 39–45; 30, с. 165–167]. Жан-Жак Руссо вообще апокалиптически предсказывал гибель России, а затем и всей Европы от татар (в широком смысле): *«Российская держава пожелает покорить Европу, и сама окажется покоренной, ее подданные – татары – и ее соседи станут сначала ее хозяевами, а потом и нашими: этот переворот мне кажется неизбежным»*, – писал философ в своем знаменитом «Общественном договоре» [31, с. 153–154].

И хотя публикация писем Вольтера Екатерине II, равно как и русские переводы «Общественного договора» Руссо появились значительно позже рассматриваемых событий, тем не менее в конце XVIII – начале XIX вв. просветительская западная литература в оригинальных изданиях быстро распространялась даже в российской провинции. В. О. Ключевский описывал, как один из малороссийских дворян, гвардеец Винский, за беспорядочную жизнь в столице был осужден и сослан в Оренбург и к своему удивлению обнаружил в библиотеках местного светского общества подлинные произведения Руссо, Монтескье и Вольтера. От скуки занялся переводом этих книг, которые пользовались большой популярностью среди провинциальных помещиков [12, с. 158–159].

Проецируя вышесказанное на крымскую ситуацию, можно предположить, что сложно было простому обывателю, в общем-то, малообразованному таврическому помещику, сохранить объективность и непредвзятость в отношении своих

[4] Эти опасения в Российской империи, в общественном дискурсе или официальных документах, высказывались постоянно, в особенности, накануне или во время частых русско-турецких конфликтов. Пожалуй, в наибольшей концентрации подобные негативные отклики проявились в период Крымской войны, когда даже предельно осторожные в данном вопросе высшие администраторы империи, включая императора Александра II, поддались распространенному общественному мнению и, например, полуофициально или вполне открыто поддерживали, а порой поощряли эмиграцию крымских татар (см.: [3, с. 45–46]). Впрочем, такая государственная позиция продержалась недолго, и в дальнейшем власти стали принимать меры по прекращению эмиграционного потока (см.: [4, с. 439–444]).

соседей, будучи подвергнутым такой мощной интеллектуальной атаке, как со стороны российских «властителей дум», так и западных интеллектуалов. Поэтому ничего удивительного, что читатели, потребители художественной, философской литературы (а она была широко распространена даже среди провинциального дворянства) часто воспринимали и оценивали «инородцев», отталкиваясь от уже сформированных представлений и образов. И пусть, как правило, окружающая действительность расходилась с литературными портретами, тем не менее, крымским помещикам было выгодно в своих практических интересах не замечать эти несоответствия, а в публичных высказываниях тиражировать, подтверждать негативный стереотип, распространять его среди неподготовленной столичной публики, которая никогда не бывала в Крыму, но с легкостью соглашалась с отрицательными характеристиками и описаниями мусульманского населения полуострова, удачно вписывавшимися в их устоявшиеся представления по данному вопросу.

Наиболее известным и влиятельным выразителем подобного мнения можно назвать адмирала Николая Семеновича Мордвинова, крупнейшего крымского землевладельца. В своих многочисленных обращениях, мнениях, заметках и письмах относительно Крыма он также неоднократно заявлял, что местные татары неблагонадежны, «привержены» туркам, с которыми Россия всегда враждует, не соблюдают присягу и «нисколько не способны» к хлебопашеству и садоводству, считал, что переселение и расселение крымских татар было бы лучшим решением для экономики полуострова [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 13, л. 2–3; 26, с. 201, 211–214]. Небезлюбопытно, что при всей резкости высказываний, взгляды адмирала на крымских татар не имели исключительно исламофобской, антитатарской направленности. Первопричина его возмущения находилась в области экономических отношений и фундаментальных прав и привилегий российских помещиков, риски которым он усмотрел в крымском деле. Помимо того, что он пытался защитить от изъятия свои крымские владения, Мордвинов полагал, что возврат крымскотатарским крестьянам земель в собственность угрожал общероссийским правилам землеустройства, правам помещиков на земельную собственность. В 1818 г., уже будучи известным и авторитетным государственным, общественным (светским) деятелем, либеральным «гуру», к мыслям которого прислушивались первые лица империи, которому император поручил разработать правила по освобождению крестьян, Мордвинов писал своим коллегам по Госсовету, влиятельным сановникам Александру Семеновичу Шишкову, Ивану Васильевичу Тутолмину, Василию Степановичу Попову и графу Юлию Помпеевичу Литте, что разрабатываемые в это время специально учрежденным Таврическим комитетом правила землеустройства Крыма разрушают права собственности и *«со временем послужат примером для всех областей Российских»*, и тогда *«...российское дворянство сделается низшим сословием, а паны будут крестьяне ваши. В крымском деле я усматривал в самом начале оного не частный вред,*

но всеобщий для России, и все подаваемые мною мнения заключали в себе защиту прав собственности и личной свободы...» [РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 1484, л. 25–26 об.]. Таким образом антитатарская риторика была на самом деле только лексическим приемом с помощью которого Мордвинов пытался повлиять на политику правительства в Крыму, угрожавшую, по его мнению, правам всех российских дворян[5].

Не все крымские помещики разделяли столь радикальные взгляды в отношении местного мусульманского населения. Губернский секретарь Василий Чернов, которому крымские землевладельцы-христиане поручили представлять свои интересы в Новороссийском Комитете, заседавшем в Санкт-Петербурге в начале XIX в., в обращении к генерал-прокурору А. А. Беклешову в 1801 г. заметно меняет риторику в отношении крымских татар, и уже не прибегал к использованию откровенно враждебных вербальных конструкций. Хотя он считал, как и предыдущие депутаты, что *«вообще примечено, что татары не способны к хозяйству...»* [21, с. 63][6], и *«ябеда и алчность к корыстолюбию овладели татарами»*, которые *«легко поддаются увещеваниям»* [21, с. 65–66]. Тем не менее, полагал, что крымские татары, равно как и добропорядочные таврические помещики, стали «жертвами обстоятельств». Главными же виновниками в сложившейся тяжелой и противоречивой ситуации в землеустройстве Крыма, конфликтах между старожилами и новоприбывшим населением Чернов считал местных коррумпированных чиновников (*«явно несправедливые и законопротивные тамошнего начальства поступки»* [21, с. 52–56, 65–66]).

Такого же мнения придерживался и представитель от крымскотатарского дворянства Мехмет-бей, которого для получения объективной картины также вызвали в Санкт-Петербург и заслушали в Новороссийском Комитете. Он ничего не говорил о религиозной дискриминации мусульманских жителей Крыма, а источником земельных конфликтов считал нечистоплотных местных чиновников, которые *«для собственной корысти стали рассылать слухи между простыми татарами о принадлежности им всех земель в полуострове имеющихся...и посеяв таким образом злобу между помещиками и татарами, и ходатайствуя будто за последних, вовлекли их в бесконечные тяжбы, к крайнему разорению обеих сторон»* [РГИА, ф. 1307, оп. 1, д. 1, л. 44].

[5] Следует заметить, что в искренности Мордвинова сомневались еще современники, которые видели в его активности по защите частной собственности в России, прежде всего, заботу о собственном благосостоянии [11, с. 55]. «Славны бубны за горами», – так иронично отозвался император Александр I о «правозащитной» деятельности адмирала, когда в Крыму непосредственно столкнулся с жалобами крымских татар на нарушение их собственнических прав со стороны Мордвинова [см.: 25, с. 100].

[6] Сюжет о «лености» и «безхозяйственности» крымских татар имел большую популярность также и в многочисленных иностранных травелогах, но, по замечанию Н. И. Храпунова, являлся примером стереотипа, порожденного европейской культурой и мировоззрением [35, с. 584–585].

Несмотря на распространенные в российском обществе негативные настроения в отношении крымских татар, педалируемые, как показано выше, в обращениях российских помещиков «с мест», из Крыма, нужно отдать должное высшей имперской администрации, которая шла наперекор общественному мнению, и последовательно настаивала на исполнении законов, гарантировавших защиту имущественных прав старожильческого населения полуострова. На самом высоком уровне российской власти к началу XIX века сложилось мнение, что именно местное население, крымские татары должны стать основой будущего экономического благосостояния полуострова. На состоявшемся 17 апреля 1802 года заседании Непременного совета – формально высшего совещательного органа Российской империи, в состав которого входили ключевые государственные деятели державы, было отмечено, что причиной *«настоящего упадка сей некогда процветавшей страны»* стало *«стеснение прежних ея жителей, понудившее их к переселению из отечества, и настоящее положение оставшихся…»* («Мнение» Непременного Совета от 17 апреля 1802 г. См.: [1, т. 3, ч. 1, стлб. 852–853]). Только *«оставшиеся жители»* (то есть, крымские татары) уберегли *«сей край от совершенного его опустения»*. Поэтому *«для восстановления сей страны»* необходимо было поставить их *«в независимости от притязаний помещиков»*. По заключению членов Непременного совета, предпочтение в решении земельных споров необходимо было отдавать именно татарам, *«яко древнейшим и для блага общаго полезнейшим»* [1, т. 3, ч. 1, стлб. 853].

К вопросам же переселения, отселения крымских мусульман в Санкт-Петербурге подходили крайне осторожно, поскольку право собственности, владения, пользования крымских татар землями гарантировались еще манифестами Екатерины II. И российская власть в дальнейшем очень внимательно относилась к этим документам и их содержанию. Антитатарская позиция части российских помещиков в Крыму не находила сочувствия и поддержки в итоговых решениях имперской власти, что достаточно хорошо доказывается и при анализе законодательных актов рассматриваемого периода, в которых не обнаруживается ни одного откровенно дискриминационного (как, например, в отношении евреев) по отношению к крымским мусульманам документа [27, с. 38–47].

В целом можно сделать вывод, что случавшиеся в конце XVIII – начале XIX вв. конфликты между старожильческим населением Крыма и российскими помещиками имели в первую очередь экономическую, хозяйственную основу и лишь в качестве дополнительной аргументации переносились в конфессиональную или этническую плоскость. Применяемая российскими помещиками антитатарская риторика служила главным образом средством убеждения правительства в сохранении спорной собственности, и, как показала практика, не имела воздействия на конечные решения имперской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Государственного совета: в 5 т. СПб.: Тип. Второго Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1869–1904.
2. Батунский М. Ислам и русская культура XVIII века. Опыт историко-эпистемологического исследования // Мир ислама. 1999. № 1/2. С. 191–224.
3. Бекирова Г. Проблема еміграцій кримських татар у російській історичній літературі XIX ст. – 30-х років XX ст. // Studia Turkologica. Воронежский тюркологический сборник. Вып. 4. С. 37–52.
4. [Воронцов С. М.] О выселении татар из Крыма. Всеподданнейшее донесение генерал-адъютанта князя С. М. Воронцова // Русский архив. 1906. № 7. С.439–444.
5. Воскресенский А. Татары и земельно-устроительные комиссии в Крыму // Вестник Таврического Земства. 1904. № 6 (март). С. 39–56; № 7–8 (апрель). С. 24–49.
6. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
7. Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Открыватели земли Крымской. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007.
8. Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды. Симферополь: Тавр. Губ. тип., 1885.
9. Зорин А. Л. Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия. М.: Наследие, 1999. С. 106–116.
10. Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла…». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
11. Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. Историческая монография. СПб.: Типография и литография А. Траншеля, 1878.
12. Ключевский В. О. Собрание сочинений в 9 т. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5 / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989.
13. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.). // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 627–640.
14. Конкин Д. В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 483–501.
15. Конкин Д. В. Экономические «открытия» в Крыму в работах В. Ф. Зуева и К. И. Габлица: «дефект описания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 378–399.
16. Конкин Д. В. Экономические «открытия» академика П. С. Палласа в Крыму: «дефект описания» // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 448–456.
17. Крым: проблемы истории. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Индрик, 2016.
18. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 24. С. 35–71.
19. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения. (Окончание) // ИТУАК. 1896. № 25. С. 29–88.
20. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 25. С. 89–158.
21. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения. (Окончание) // ИТУАК. 1897. № 26. С. 24–154.
22. Мальгин А. В. «Покоренье Крыма» 1768–1774. Симферополь: СОНАТ, 2016.

23. Материалы к истории Причерноморья в Новое время: сб. науч. ст. / Ред.-сост. Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов. Симферополь, 2016.
24. Медведева И. Таврида. Исторические очерки и рассказы. Л.: Лениздат, 1956.
25. [Михайловский-Данилевский А. И.] Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1818 г. Гл. I–III // Русская старина. 1797. Т. 91. Вып. 7 (Июль). С. 69–102.
26. Мордвинов Н. С. Мнение относительно Крыма // Русская старина. 1872. Т. 5. Вып. 2 (Февраль). С. 199–214.
27. Никифоров М. А. О проблемах интеграции Крыма в состав Российской империи в правление Екатерины II // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. № 1(67). С. 38–47.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПБ.: Тип. СЕИВ Канцелярии, 1830.
29. Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / Под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Симферополь: Альбатрос, 2017.
30. Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
31. Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С. В. Занин; отв. ред. И. А. Исаев. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013.
32. Секиринский С. А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI – пер. пол. XIX вв.). Симферополь, 1984.
33. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян: Монография. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
34. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002.
35. Храпунов Н. И. Известия о Крыме и о Крымском ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г. Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 579–595.
36. Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. № 1. P. 3–25.

REFERENCES

1. *Arkhiv Gosudarstvennogo soveta*. St.-Petersburg, Tipografiia II-go otdeleniia E.I.V. Kantseliarii, 1869–1904, Vol. 1–5.
2. Batunskiy M. Islam i russkaya kul'tura XVIII veka. Opyt istoriko-epistemologicheskogo issledovaniya. *Mir islama*, 1999, N 1–2, pp. 191–224.
3. Bekirova G. Problema emigratsiy krims'kikh tatar u rosiys'kiy istorichniy literaturi XIX st. – 30-kh rokiv XX st. *Studia Turkologica. Voronezhskiy tyurkologicheskiy sbornik. 2007, N 4*, pp. 37–52.
4. [Vorontsov S. M.] O vyselenii tatar iz Kryma. Vsepoddanneysheye doneseniye general-ad"yutanta knyazya S. M. Vorontsova. *Russkiy arkhiv*, 1906, N 7, pp. 439–444.
5. Voskresenskiy A. Tatary i zemel'no-ustroitel'nyye komissii v Krymu. *Vestnik Tavricheskogo Zemstva,* 1904, N 6, pp. 39–56; N 7–8, pp. 24–49.
6. Wolff L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya.* Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2003.

7. Ena V. G., Ena Al. V., Ena An. V. *Otkryvateli zemli Krymskoy.* Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007.
8. Zavadovskiy A. G. *Sto let zhizni Tavridy.* Simferopol, Tavr. Gub. tip., 1885.
9. Zorin A. L. Vol'ter i vostochnaya politika Ekateriny II. *Vol'ter i Rossiya.* Moscow, Naslediye Publ., 1999, pp. 106–116.
10. Zorin A. *«Kormya dvuglavogo orla…». Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka.* Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2004.
11. Ikonnikov V. S. *Graf N. S. Mordvinov. Istoricheskaya monografiya*. St.-Petersburg, Tipografiya i litografiya A. Transhelya, 1878.
12. Klyuchevskiy V. O. *Sobraniye sochineniy v 9 t. T. 5: Kurs russkoy istorii.* Moscow, Mysl' Publ., 1989.
13. Konkin D. V. Zakonodatel'noye oformleniye zemel'noy sobstvennosti v Krymu (1783–1796 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* 2006, Vol. XII, Part 2, pp. 627–640.
14. Konkin D. V. Nekotoryye aspekty zemel'nykh otnosheniy v Krymu v poslednem desyatiletii XVIII v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* 2007, Vol. XIII, pp. 483–501.
15. Konkin D. V. Ekonomicheskiye «otkrytiya» v Krymu v rabotakh V. F. Zuyeva i K. I. Gablitsa: «defekt opisaniya». *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii,* 2017, Vol. 16, № 3, pp. 378–399.
16. Konkin D. V. Ekonomicheskiye «otkrytiya» akademika P. S. Pallasa v Krymu: «defekt opisaniya». *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* 2017, Vol. XXII, pp. 448–456.
17. Yurasov A.V. (Ed.). *Krym: problemy istorii. Sbornik statey.* Moscow, Indrik Publ., 2016.
18. Lashkov F. F. Istoricheskiy ocherk krymskotatarskogo zemlevladeniya. (Prodolzheniye). *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii,* 1896, N 24, pp. 35–71.
19. Lashkov F. F. Istoricheskiy ocherk krymskotatarskogo zemlevladeniya. (Okonchaniye). *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1896, N 25, pp. 29–88.
20. Lashkov F. F. Sbornik dokumentov po istorii krymskotatarskogo zemlevladeniya. (Prodolzheniye). *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1896, N 25, pp. 89–158.
21. Lashkov F. F. Sbornik dokumentov po istorii krymskotatarskogo zemlevladeniya. (Okonchaniye). *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1897, N 26, pp. 24–154.
22. Mal'gin A. V. *«Pokoren'ye Kryma» 1768–1774.* Simferopol, Sonat Publ., 2016.
23. Konkin D. V, Khrapunov N. I. (Ed.). *Materialy k istorii Prichernomor'ya v Novoye vremya: sb. nauch. st.* Simferopol, 2016.
24. Medvedeva I. *Tavrida. Istoricheskiye ocherki i rasskazy.* Leningrad, *Lenizdat*, 1956.
25. [Mikhaylovskiy-Danilevskiy A. I.] Iz vospominaniy Mikhaylovskogo-Danilevskogo. 1818 g. Ch. I–III. *Russkaya starina,* 1897, Vol. 91, Part 7, pp. 69–102.
26. Mordvinov N. S. Mneniye otnositel'no Kryma. *Russkaya starina,* 1872, Vol. 5, Part 2, pp. 199–214.
27. Nikiforov M. A. O problemakh integratsii Kryma v sostav Rossiyskoy imperii v pravleniye Ekateriny II. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskiye nauki»,* 2015, N 1(67), pp. 38–47.
28. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye.* St.-Petersburg, 1830.
29. Khrapunov N. I., Konkin D. V. (Ed.). *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825.* Simferopol, Al'batros Publ., 2017.
30. Proskurina V. *Imperiya pera Ekateriny II: literatura kak politika.* Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2017.
31. Russo J.-J. *Politicheskiye sochineniya*. St.-Petersburg, Rostok Publ., 2013.

32. Sekirinskiy S. A. *Agrarnyye otnosheniya v Krymu v period pozdnego feodalizma (XVI – per. pol. XIX vv.).* Simferopol, 1984.
33. Taki V. *Tsar' i sultan. Osmanskaya imperiya glazami rossiyan.* Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2017.
34. Tunkina I. V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.).* St.-Petersburg, Nauka Publ., 2002.
35. Khrapunov N. I. Izvestiya o Kryme i o Krymskom khanstve, sobrannyye Uil'yamom Tukom v 1785 g. *Zolotoordynskoye obozreniye*, 2018, Vol. 6, N 3, pp. 579–595.
36. Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History,* 2002, Vol. 3, N 1, pp. 3–25.

D. V. KONKIN

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

RUSSIAN LANDOWNERS IN THE CRIMEA (LATE EIGHTEENTH AND EARLY NINETEENTH CENTURY): NEW PERSONS SHARING OLD VIEWS

Abstract: Following the Crimea's joining Russia, there appeared varied reciprocal pretensions between the Russian landowners and local Moslem population concerning the land-ownership right, limits of land possessions, and the possibility of their use. The solving of disputes about land ownership uncovered Russian landowners' various phobias and prejudices concerning Crimean Tatars. However, the solutions made by the Russian authorities did not support the anti-Tatar position hold by some of the new-coming to the Crimea landowners. The general conclusion is that conflicts between the traditional Crimean populations and the Russian land-owners in the late eighteenth and early nineteenth centuries primarily had an economical base and were transferred to the sphere of confession and ethnicity only when searching for additional arguments. The Russian landowners' anti-Tatar discourse was mainly a way to convince the government that disputable properties should be secured for them, and, practically, did not influence the final solutions from the imperial authorities.

Keywords: Russian Empire, Crimean Tatars, land relations, Russian landlords.

Д. А. ПРОХОРОВ

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

КАРАИМСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ФЕОДОСИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА[1]

Аннотация: В статье рассмотрена история развития традиционных этноконфессиональных караимских учебных заведений, существовавших в Феодосии во второй половине XIX – начале XX вв. Выяснено, что мероприятия, проводимые учебным ведомством, были направлены на распространение образования среди самых широких слоев «инородческого» населения полуострова; через караимские учебные заведения активно пропагандировались русский язык и русская культура. Целенаправленная деятельность прогрессивных педагогов и учебного ведомства по модернизации системы караимского образования способствовала тому, что в городах губернии возникла разветвленная сеть учебных заведений для караимской молодежи.

Ключевые слова: караимы, народное образование, просветительство, Феодосия, Крым, Российская империя.

В 1848 г. согласно сведениям, приведенным в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», в Таврической губернии проживало 3400 караимов; в городах действовало 15 караимских училищ, в которых обучалось 470 человек. По этому показателю караимы находились на втором месте после немцев-меннонитов, чьи колонии были созданы в Крыму после присоединения его к России [1, с. 104, 205]. В Феодосии в указанный период существовало одно училище при местной кенасе, при котором состоял один учитель (газзан Исаак Самуилович, шамаш – Исаак Кефели), и обучалось 45 учеников [12, с. 230; 1, с. 209]. В 1861 г., по данным Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП), в городах Российской империи проживало 6026 караимов мужского и женского пола, а в Таврической губернии их насчитывалось 4957 человек [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 87]. Всего в это время в си-

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

стеме караимского народного образования России функционировало 26 караимских «мидрашей» и молитвенных школ [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 81]. На территории Таврической губернии действовало 17 школ; что касается Феодосии, то здесь в трех отделениях мужского училища (именовавшихся в отчете, как отдельные мидраши) в 1861 г. обучалось 55 детей; общее число караимов, проживавших в городе, составляло 609 человек, а именно – 297 мужчин и 312 женщин [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 44. Л. 76, 119]. Преподавали в училище старший газзан Мордехай Ходжаш, и.о. младшего газзана Илья Синани и Исаак Танагоз. В 1863 г. число отделений в мидраше сократилось до двух, при этом у двух педагогов обучалось уже 58 мальчиков [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 53. Л. 24].

Всего же в 17 мидрашах и четырех молитвенных школах Таврической губернии, действовавших при шести караимских кенасах, обучалось 458 человек; учительский контингент состоял из 20 педагогов [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 87]. Оплата труда учителей производилась за счет средств местных караимских общин: в среднем, каждому педагогу полагалось жалование от 300 до 600 руб. в год; иногда эта сумма доходила до 1200 руб. [2, с. 70, 71]. Кроме того, ежегодно на праздник Пурим (праздновавшийся 14-го и 15-го адара по караимскому календарю, т.е. в феврале – марте) ученики мидрашей ходили от дома к дому, пели «агават-пурим», собирая деньги для своих учителей. В соответствии с канонами празднования Пурима в караимской традиции, в первый вечер, в знак миролюбия, ученики и молодые люди посещали дома караимов с благословением и получали подарки в пользу газзана и шамаша. Родным, бедным и, в особенности, детям раздавались подарки, именовавшиеся *тяфьяслик*. В конце XIX – начале XX вв. эта традиция во многих караимских общинах была практически упразднена. Родители учащихся, в зависимости от своего социального статуса и материального положения, также должны были раз в год подносить учителю подарки за то, что он обучал их детей [15, с. 50; 20, с. 14; 18, с. 87, 88].

Воспитанники, окончившие мидраш, получали (вместе с правом резать скот) соответствующее свидетельство и звание «эрби»[2] (учитель, наставник) для занятия учительской или духовной должности в караимских начальных школах. В свидетельстве, в частности, говорилось, что выпускник «по окончании курса наук <…> знает все правила и догматы по-караимски и удостоен звания ребы, почему дозволяется ему быть учителем, обучать детей грамоте, Закону Божьему по-караимски». Документ заверялся подписями гахама и двух газзанов-членов духовного правления, а также скреплялся печатью ТОКДП [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 219. Л. 2].

В Феодосии караимский мидраш первоначально находился в наемном помещении, расположенном близ кенасы, однако впоследствии, на средства одного из состоятельных караимов города, гевира общины Шаббетая Симовича Хаджи (1800–1871),

[2] Термин «эрби» является простонародным искажением термина «рабби» (ивр.), т.е. «учитель», «образованный человек», «господин» или «раввин». Крымскими и польско-литовскими караимами он употреблялся крайне редко; более популярной была форма «рибби» [9, S. 47, note 14].

для училища построили новое здание на ул. Турецкой, 17 [7, с. 34]. По сведениям, предоставленным феодосийским старшим газзаном Ильяго Бабовичем Хаджи директору народных училищ Таврической губернии Арсению Николаевичу Дьяконову, к 1 января 1885 г. в феодосийском мидраше числилось 60 мальчиков, а к 1 января 1886 г. их было 65. Содержалось это учебное заведение на средства караимской общины (в год на нужды училища ассигновалось до 700 руб.) [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 419. Л. 26 об., 29]. Преподавательский контингент состоял из трех учителей. Помимо этого, Ш. С. Хаджи завещал караимской общине Феодосии определенную сумму, проценты от которой должны были составить фонд, благодаря которому в мидраше могли бы оплачивать свое обучение дети из малообеспеченных семей. Кстати, в их числе был и Борис Яковлевич Кокенай – известный исследователь фольклора, истории и культуры караимов, который до 12 лет обучался в феодосийском мидраше, а затем окончил пять классов в гимназии Феодосии [6, с. 198, 199]. В феодосийском мужском училище в 1917 г. в должности заведующей состояла Елена Сергеевна Белаго, обязанности вероучителя исполнял газзан Арон Ильич Катык, учителя – Аврам Яковлевич Бараш [14, отд. II, с. 203, 204].

Как правило, большинство мидрашей и русско-караимских министерских училищ (РКМУ), созданных в ходе образовательных реформ 1870-х гг., действовали при караимских кенасах. Что же касается помещений, где размещались РКМУ Таврической губернии, то, по замечанию директора народных училищ Таврической губернии А. Н. Дьяконова, в начале 1880-х гг. не все они соответствовали санитарно-гигиеническим нормам. Критику в свой адрес за недостаточно внимательное отношение к проблемам народного образования неоднократно выслушивали и представители караимских обществ других городов Таврической губернии. Например, о положении караимских училищ в Феодосии регулярно писал журнал «Караимская жизнь», указывая на бездеятельность училищной комиссии, созданной при Феодосийском благотворительном караимском обществе [21, с. 119, 120].

В феодосийской караимской школе, по словам доктора И. Л. Яхниса, инспектировавшего это учреждение в 1911 г., помещение не соответствовало своему предназначению; санитарное состояние школы оставляло желать лучшего. Отсутствовала необходимая школьная мебель, в библиотеке не хватало учебников, книг. «Больше половины учащихся, – отмечал проверяющий, – отличаются резко выраженным плохим питанием, <…> желательно командирование нескольких учеников в летнюю антитуберкулезную колонию врачей». Для исправления ситуации даже создали специальную комиссию, в которую вошли видные педагоги, общественные деятели и представители караимского духовенства Феодосии: С. С. Крым, А. И. Катык, И. С. Крым, А. И. Шамаш и др. [22, с. 119].

В июле 1895 г. в Феодосии, усилиями Анны Самуиловны Капон, открылось бесплатное частное училище 3-го разряда для девочек 7–11 лет караимского вероисповедания. Обучение в этой школе продолжалось три года, а окончившие ее могли поступать в средние и высшие учебные заведения [7, с. 37, 38]. Однако уже марте 1899

г. «Феодосийскую бесплатную караимскую девичью школу 3-го разряда А. С. Капон», по распоряжению управляющего Одесского учебного округа (ОдУО), передали в ведение Феодосийского караимского благотворительного общества, учрежденного местной общиной в 1896 г. При этом, по существовавшим правилам, содержательница этого училища А. С. Капон была обязана вернуть в дирекцию народных училищ Таврической губернии выданное ей ранее разрешение на право содержать частное училище [ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 66. Л. 15, 36; ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 68. Л. 28]. Заведующей этим учебным заведением стала дочь известного караимского общественного деятеля, городского головы Феодосии Самуила Крыма (1835–1898) Федосея (Фумла) Самуиловна Крым (ум. 1910) [ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2182. Л. 15, 36; 8, с. 90]. Помимо Ф. С. Крым, исполнявшей свои обязанности безвозмездно, в школе, курс которой по-прежнему был рассчитан на три года, работали также две учительницы и законоучитель, получавшие жалованье в размере, соответственно, 300 и 250 руб. [ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2182. Л. 32]. В числе преподававших в школе педагогов числились, в основном, выпускницы женских казенных и частных гимназий Таврической губернии (Анна Афанасьева, Эстер Таймаз, Евдокия Ефимова и др.), а также выпускник Феодосийского учительского института Е. Н. Раковский [ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2464. Л. 37; ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2393. Л. 69]. В 1917 г. школа находилась в управлении Екатерины Иосифовны Шпаковской; должности преподавателей занимали вероучитель Исаак Давидович Дормадор, Дмитрий Климентьевич Юрьев и Юстиния (Иустина) Гавриловна Бородниченко [17, с. 9; 14, отд. II, с. 204]. В школе обучалось до 40 воспитанниц из самых бедных караимских семей – например, в 1908 году в этом учебном заведении числилось 29 девушек, которых обучали два учителя [11, с. 41]. Учебная программа школы была идентичной программам, применявшимся в начальных народных училищах Таврической губернии.

Основными средствами к существованию феодосийской караимской девичьей школы стали пожертвования от членов местной караимской общины, а также средства, поступавшие от членов Феодосийского караимского благотворительного общества – например, в 1902 г. школьный бюджет составлял 1445 руб. [16, с. 105]. Одним из важных источников в обеспечении учебных заведений для караимской молодежи являлись благотворительные вечера, устраиваемые местными караимскими обществами по различным поводам. Педагогическое начальство губернии отмечало, что преподаватели частных и общественных караимских школ «относятся сочувственно к детям, устраивая елки и музыкально-литературные вечера в праздники и в другое подходящее время» [4, с. 76]. Например, 19 декабря 1898 г. в Феодосии организовали благотворительный вечер в пользу караимской девичьей школы. Как отмечал корреспондент газеты «Крым», «симпатичная цель вечера, оживление и непринужденность, господствовавшая всегда на этих вечерах, постоянно привлекала массу публики» [19]. В результате проведения этого благотворительного мероприятия и пожертвований частных лиц удалось собрать 600 руб.; непосредственного от самого Феодосийского благотворительного общества поступило еще 600 руб. Что же касается затратной части бюджета училища, то в статье «расходы» значились такие пункты, как: приобретение учебных пособий (70 руб.), отопление, освещение и прочие расходы (100 руб.); выплата жалования педагогическому персоналу (550 руб.) и сторожу (180 руб.) [17, с. 9; 14, отд. II, с. 204].

Необходимо отметить, что караимские благотворители брали на себя расходы по оплате обучения некоторых учащихся. В частности, вдова феодосийского купца Р. С. Коген оплачивала обучение трех бедных учеников в Феодосийском городском трехклассном училище [3, с. 112; 10]. Благотворители из числа караимов занимали должности почетных попечителей и блюстителей также и в других общеобразовательных учебных заведениях Таврической губернии, оказывая им всестороннюю помощь. Так, например, феодосийский караим И. И. Хаджи передал для Дальне-Камышанского училища Феодосийского уезда 50 саженцев деревьев, деревянный стол, шесть стульев, две железные лопаты и пр. [3, с. 112]. Почетным попечителем Феодосийской мужской гимназии являлся коллежский асессор Соломон Самойлович Крым, а председателем попечительского совета в женской гимназии – статский советник Арон Яковлевич Крым. Кроме того, караимы работали учителями и в русско-татарских министерских училищах (РТМУ) – так, например, Яков Маркович Кокенай состоял несколько лет преподавателем в РТМУ в дер. Беш-Коджа Феодосийского уезда и в дер. Кокташ Карасубазарского района, а также преподавал в Феодосийской мужской казенной гимназии [6, с. 106, 107; ГАРК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 144. Л. 19]. Связано это было с тем, что общеобразовательные программы РКМУ и РТМУ были практически идентичными (исключение составляли лишь дисциплины богословского характера).

Одним из типов народного образования караимского населения Таврической губернии стали курсы для взрослых караимов, или т.н. «субботние классы». Их открытие обуславливалось необходимостью повышения общего образовательного уровня караимского населения. В апреле 1898 г. Феодосийское караимское благотворительное общество ходатайствовало перед дирекцией народных училищ Таврической губернии об открытии при Феодосийском караимском женском училище субботнего вечернего класса для взрослых караимок. Основной целью этого класса, открытого по разрешению попечителя ОдУО Х. П. Сольского в октябре 1899 г., являлось распространение образования среди «безграмотного и малограмотного взрослого караимского населения женского пола» [ГАРК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 144. Л. 2, 13, 13 об.].

Программа обучения в субботнем вечернем классе была составлена из таких предметов, как русский язык, арифметика (в объеме начальной школы), «караимское вероучение» и древнееврейский язык, «русское и караимское чистописание». Курс был рассчитан на два года. Преподавание «караимского вероучения» осуществлялось по несколько иной программе, отличной от программ РКМУ и частных караимских школ, и включало в себя следующие пункты: изучение необходимых молитв с параллельным обучением караимской грамоте по «звуковому» методу (чтение и письмо), «объяснение исторического и религиозного значения караимских праздников и постов»; кроме того, преподавателями зачитывались различные поучительные отрывки

из ТаНаХа [ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2182. Л. 5; ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 68. Л. 88]. Как правило, изучение основ караимской религии в таких учебных заведениях проводилось под руководством газзана местной караимской кенасы или квалифицированного педагога, основательно подготовленного по этой дисциплине.

Общеобразовательным дисциплинам принятые в класс караимки обучались в соответствии с курсом, применявшимся в РКМУ, но с небольшой коррекцией (с учетом специфики самого класса). Так, по русскому языку в первый год полагалось пройти материал, изложенный в первой части книги М. И. Вольпера «Русская речь»; в программу входило чтение басен, стихотворений, пересказ несложных статей «в виде отдельных ответов» на вопросы учителя, диктант. На второй год обучения учащиеся переводили статьи, написанные на древнееврейском языке, на русский язык, и наоборот. Осуществлялось и «связанное» изложение прочитанных статей – особое внимание обращалось на ясность, правильность и выразительность произношения учениц. Упражнения по этимологии и синтаксису задавались воспитанницам по второй части учебника М. И. Вольпера [ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 68. Л. 78 об., 88].

Арифметике (элементарный курс по учебнику А. И. Гольденберга) в первом классе обучались при помощи наглядных пособий: учащиеся решали практические задачи (устно и письменно) с числами в пределах до 30, а затем изучали числа от 30 до 100, проходили нумерацию чисел любой величины, а также четыре основных арифметических действия (сложение, вычитание, умножение и деление), решали простые задачи. Во втором классе девушки продолжали курс элементарной арифметики; кроме того, их знакомили с мерами (т.н. «раздробление и превращение») [ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 68. Л. 78 об., 88].

К обучению в классе допускались лица караимского вероисповедания не моложе 12 лет; обучение в нем было бесплатным. Число учащихся в классе не должно было превышать числа воспитанниц в самом караимском женском училище (т.е. не более 20–25 человек); все ученицы класса были разделены на три группы. Занятия проходили по субботам (кроме «великоторжественных дней»), с четырех до семи часов вечера. Преподавательский контингент состоял из заведующего (инспектор Феодосийского городского училища И. М. Корецкий) и трех учителей (газзан Товий Симович Леви-Бабович, дочь Самуила Крыма Адгелели-Пали Самуиловна Крым[3] и преподавательница Феодосийского караимского женского училища Раиса Григорьевна Пинская), работавших в классе на общественных началах [ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2182. Л. 3]. Содержался класс на средства Феодосийского караимского благотворительного общества.

Русские классы открывались и при общественных мужских караимских училищах. Так, в 1901 гг. при Феодосийском мужском караимском училище открыли специальный класс, в котором детей караимов обучали русской грамоте. Всего учащихся

[3] Адгелели-Пали (Ангелина, Гачлельпони) Самуиловна Крым – одна из восьми дочерей Самуила Авраамовича Крыма, городского головы Феодосии (в 1863–1869 гг.), сестра Соломона Крыма и Федосеи (Фумлы) Крым.

было 46 человек (36 мальчиков и 9 девочек). Преподавала русский язык учительница, получавшая жалованье в размере 360 руб. в год, которые отпускались из средств феодосийской караимской общины; еще 450 руб. поступало на содержание самого класса «из других источников» (частные пожертвования, сборы от благотворительных лотерей и пр.) [16, с. 105; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 674. Л. 58]. В самом же Феодосийском мужском караимском училище в 1900-х гг. трудились такие педагоги, как Анна Крым, Арзу Тылсым, Далита Зубиетова, Коралина Бабаева [ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2464. Л. 31; ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2393. Л. 50, 51, 59, 65]. В 1912 г. в этом учебном заведении обучалось 33 ученика, а преподавали им три педагога [11, с. 40].

В соответствии со сведениями, представленными в январе 1891 г. начальниками образовательных учреждений А. Н. Дьяконову, в низших и средних учебных заведениях, функционировавших на полуострове, числилось: в Феодосийском приходском училище – 7 учащихся-караимов; в Феодосийском городском трехклассном училище – 54; в Феодосийской мужской казенной гимназии – 21; в Феодосийской женской казенной гимназии – 18. Кроме того, караимы обучались также в одноклассных приходских начальных народных училищах. В низших учебных заведениях Таврической губернии в общей сложности училось 215 детей-караимов, в средних образовательных учреждениях – 206.

Что касается гимназий и прогимназий, то в Феодосийской мужской казенной гимназии в 1909/1910 учебном году два караима получили аттестаты об окончании 8-го класса, в 1910/1911 учебном году – трое, а в 1911/1912 учебном году в числе выпускников было пятеро караимов (один из них – с золотой медалью; и еще один сдал экзамен экстерном), в 1912/1913 гг. – четверо, в 1912/1913 и 1914/1915 гг. – по одному караиму, в 1915/1916 гг. – двое. Наконец, в 1916/1917 учебном году Феодосийскую мужскую казенную гимназию окончили пятеро караимов. В 1912 г. в Феодосийской мужской казенной гимназии успешно сдал экзамены и получил свидетельство на звание аптекарского ученика караим Сима Нейман. В 1915/1916 и 1916/1917 гг. свидетельство о «выдержании частных испытаний за курс восьми классов мужских гимназий» получили караимки Акбике Крым, Ева Бабаджан, Беруха Бобович, Рахиль Джумук, а свидетельство об успешной сдаче экзаменов по программе 6-ти классов – караим Илья Бобович. Свидетельство, дающее право поступления на военную службу вольноопределяющимся 2-го разряда, в 1915/1916 учебном году получил, после успешной сдачи соответствующих экзаменов, караим Иосиф Джумук[4] [ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 3. Д. 787. Л. 1–5, 9–12, 12 об., 13; 23, с. 103].

Что касается Феодосийской женской казенной гимназии, то в 1903 г. ее окончили две караимки (с аттестатами об окончании 8-ми классов), в 1904 г. – три, в 1905 г. – пять, в 1906 г. – одна, в 1907 г. – три, в 1908 г. – одна, в 1909 г. – восемь, в 1910 и 1911 гг. – по одной, и в 1914 г. – две караимских девушки [ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 14. Д. 201. Л. 164, 169, 171, 173, 177, 179, 181, 184, 185]. Феодосийская женская частная гимназия В. М. Гергилевич, преобразованная из женского училища 2-го разряда, открыла свои

[4] Автор выражает благодарность П. Иванову за предоставленные архивные материалы.

двери для учащихся в сентябре 1907 г. В 1910 г. с аттестатом об окончании 7-ми классов обучение в ней завершила одна караимка, в 1911 г. – три девушки-караимки, а в 1912 г. обучение с аттестатом об окончании 7-ми классов завершила одна караимка и с аттестатом об окончании 8-ми классов – также одна караимская девушка [ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 14. Д. 201. Л. 189, 190, 191].

Большинство учителей, приславших эти сведения, сообщали также о том, что, несмотря на некоторые успехи в арифметике, склонность к изучению которой проявили многие учащиеся из числа караимов, особенно трудно детям давалась такая дисциплина, как русский язык. «Поступая в училище, им приходится учиться говорить по-русски, – замечал инспектор Феодосийского городского трехклассного училища И. М. Корецкий. – В большинстве караимских семей родители, особенно матери, буквально не знают ни одного русского слова» [ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 62. Л. 13 об]. Резюмируя представленные отчеты, инспектор Д. И. Писаревский докладывал А. Н. Дьяконову, что «учеников с выдающимися способностями очень мало; все они очень прилежны, и, за весьма немногими исключениями, они являют удовлетворительные успехи» [ГАРК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 62. Л. 30]. Можно резюмировать, что в начале 90-х гг. XIX в. распространение светского образования среди караимов Таврической губернии еще на дало тех результатов, на которые рассчитывало российское правительство, а русский язык пока не стал для караимов языком межэтнического общения. Караимская молодежь, несмотря на значительное представительство в учебных заведениях Таврической губернии, испытывала некоторые трудности в изучении общеобразовательных дисциплин. Тем не менее, по сравнению с серединой 1860-х гг., определенный прогресс в вопросах распространения русского языка и образованности среди представителей караимского населения Крыма российскими властями все же был достигнут.

Таким образом, проанализированные материалы позволяют сделать вывод о том, что мероприятия, проводимые учебным ведомством, были направлены на распространение образования среди самых широких слоев «инородческого» населения полуострова. Через караимские учебные заведения активно пропагандировались русский язык и русская культура. Целенаправленная деятельность прогрессивных педагогов и учебного ведомства по модернизации системы караимского образования способствовала тому, что в городах губернии возникла разветвленная сеть учебных заведений для караимской молодежи. Уже в начале XX в. в Крыму функционировало: три частных женских караимских училища третьего разряда; одна частная смешанная школа (для мальчиков и девочек) в Симферополе; Евпаторийское женское училище, в которое принимали и караимок, и представительниц других конфессий; один субботний вечерний класс для взрослых караимок в Феодосии, открытый при Феодосийском женском караимском училище [5, с. 7, 9; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 674. Л. 48–55; ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2182. Л. 2–5]. Всего в этих учебных заведениях обучалось около 200 караимских девушек [16, с. 105]. Молодые представительницы караимского общества могли получать образование, близкое по своей основе к светскому; помимо этого,

они приобретали и определенные профессиональные навыки для своей дальнейшей трудовой деятельности. Что касается Одесского учебного округа в целом (он включал территории Бессарабской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний), то в учебных заведениях, подчиненных Министерству народного просвещения, по сведениям, полученным в 1908 г. в результате проведения однодневной переписи начальных школ Российской империи, обучалось 300 лиц караимского вероисповедания (131 мальчиков и 169 девочек), причем большинство из них – в городах (295 человек) [13, с. 20, 72, 75].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба, Т. XI, Ч. 2: Таврическая губерния. СПб.: в тип. Генерального Штаба, 1849. [6], 225, 50 с., 16 л. табл.
2. Дуван Я.В. Мои детские и юношеские годы (Автобиография) // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь. С. 64–72.
3. Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1887 г. / Сост. директором народных училищ на основании ст. 23 полож. о начальных народных училищах. Бердянск, 1888. 120 с.
4. Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1895, 1896 гг. / Сост. директором народных училищ на основании ст. 23 полож. о начальных народных училищах. Симферополь: печатня М. Б. Карского, 1897. 158, 15, 25 с.
5. Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии и Севастопольского и Керчь-Еникальского градоначальств за 1898, 1899 годы / Сост. директором народных училищ на основании ст. 23 полож. о начальных народных училищах. Симферополь, 1900. 162, 57 с.
6. Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2. 238 с.
7. Ельяшевич В.А. Караимские национальные школы (мидраши) в Феодосии середины XIX – начала XX века // Караимы Феодосии: история, религия, культура / Ред. и сост. В.А. Ельяшевич, М.Б. Кизилов. Симферополь, Феодосия: Таврида, 2018. С. 31–42.
8. Кизилов М.Б. Караим Соломон Крым: жизнь и судьба // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10. С. 86–96.
9. Кизилов М. Ильяш Караимович и Тимофей Хмельницкий: кровная месть, которой не было // Karadeniz Araştırmaları. Cilt: 6, Sayı: 22, Yaz 2009. S. 43–74.
10. Летопись. Управляющий Одесским учебным округом… [О пожертвованиях Р.С. Коген] // Салгир. 1897. № 29. 7 марта.
11. Материалы к введению в г. Феодосии всеобщего обучения: 1912 г. / Феодос. гор. управа. Феодосия: тип. А.Е. Цвибака, 1912. 45 с.
12. Новороссийский календарь на 1849 год; изд-е Ришельевского лицея. Одесса: гор. тип., 1848. 412, 33, V с.
13. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 года / под ред. В.И. Покровского; Министерство народного просвещения. Выпуск IV, Ч. 1: Одесский учебный округ. Губернии: Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая и

Херсонская. Введение: историко-статистические справки, средние выводы, процентные отношения. Пг.: типо-лит. М.П. Фроловой, 1914. [2], 26, 93 с.
14. Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год / Изд-е Таврического Губернского Статистического комитета; Под ред. Н.Г. Часовникова. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1917. 32, 275 с.
15. [Пигит С.Ш.] Дни минувшие…: Из воспоминаний С.Ш. Пигита [Пер. с древнеевр. И. Круглевич] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь. С. 43–51.
16. Сведения об учебных заведениях и именной список начальных училищ Таврической дирекции народных училищ. Симферополь: типо-литогр. Вересотской, 1902. 115 с.
17. Справочный отдел. Учебные заведения // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1917. № 1. С. 8–9.
18. Т.Д. Агават: из читательских откликов // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 8–9, январь–февраль. С. 87–88.
19. Феодосия (корреспондента «Салгира») // Салгир. 1898. № 168. 8 декабря.
20. Фиркович М.Я. Караимский катехизис вкратце. Мелитополь, 1915. [20], 4, [33] с.
21. Хроника текущей жизни: Среди караимов. Феодосия // Караимская жизнь. М., 1910. Кн. 1, июнь. С. 119–120.
22. Хроника текущей жизни: Феодосия // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 8–9, февраль. С. 119.
23. Хроника текущей жизни: Феодосия. Окончившие [учебные заведения] // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 12, май. С. 103.

REFERENCES

1. *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii, izdavaemoe po vysochajshemu poveleniju pri 1-m Otdelenii Departamenta General'nogo shtaba,* T. XI, Part 2: Tavricheskaja gubernija. St-Petersburg, 1849.
2. Duvan Ja.V. Moi detskie i junosheskie gody (Avtobiografija). *Karaimskaja zhizn'*, Moscow, 1911, Book 7, dekabr', pp. 64–72.
3. D'jakonov A.N. Obshhij ocherk sostojanija narodnyh uchilishh Tavricheskoj gubernii za 1887 g. Berdjansk, 1888, 120 p.
4. D'jakonov A.N. *Obshhij ocherk sostojanija narodnyh uchilishh Tavricheskoj gubernii za 1895, 1896 gg.* Simferopol, 1897, 158 p.
5. D'jakonov A.N. *Obshhij ocherk sostojanija narodnyh uchilishh Tavricheskoj gubernii i Sevastopol'skogo i Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stv za 1898, 1899 gody.* Simferopol, 1900, 162 p.
6. El'jashevich B.S. Karaimskij biograficheskij slovar' (ot konca XVIII veka do 1960 g.). M.N. Guboglo, A.I. Kuznecov, L.I. Missonova (Eds.), *Karaimy. Materialy k serii «Narody i kul'tury»,* Moscow, 1993, Vol. XIV, Book 2, 238 p.
7. El'jashevich V.A. Karaimskie nacional'nye shkoly (midrashi) v Feodosii serediny XIX – nachala XX veka. V.A. El'jashevich, M.B. Kizilov (Eds.), *Karaimy Feodosii: istorija, religija, kul'tura,* Simferopol, Feodosija, Tavrida Publ., 2018, pp. 31–42.
8. Kizilov M.B. Karaim Solomon Krym: zhizn' i sud'ba. *Istoricheskoe nasledie Kryma,* Simferopol, 2005, No 10, pp. 86–96.
9. Kizilov M. Il'jash Karaimovich i Timofej Hmel'nickij: krovnaja mest', kotoroj ne bylo. *Karadeniz Araştırmaları,* Cilt: 6, Sayı: 22, Yaz 2009, pp. 43–74.

10. Letopis'. Upravljajushhij Odesskim uchebnym okrugom… [O pozhertvovanijah R.S. Kogen]. Salgir, 1897, No 29, 7 marta.
11. *Materialy k vvedeniju v g. Feodosii vseobshhego obuchenija: 1912 g.* Feodosija, 1912, 45 p.
12. *Novorossijskij kalendar' na 1849 god; izd-ie Rishel'evskogo liceja.* Odessa, 1848, 412 p.
13. *Odnodnevnaja perepis' nachal'nyh shkol v Imperii, proizvedennaja 18 janvarja 1911 goda.* Vol. IV, Part 1: Odesskij uchebnyj okrug. Gubernii: Bessarabskaja, Ekaterinoslavskaja, Tavricheskaja i Hersonskaja. Petrograd, 1914, 93 p.
14. *Pamjatnaja knizhka Tavricheskoj gubernii na 1917 god.* Simferopol, 1917, 275 p.
15. [Pigit S.Sh.] Dni minuvshie…: Iz vospominanij S.Sh. Pigita [Per. s drevneevr. I. Kruglevich]. *Karaimskaja zhizn',* Moscow, 1911, Book 7, dekabr', pp. 43–51.
16. *Svedenija ob uchebnyh zavedenijah i imennoj spisok nachal'nyh uchilishh Tavricheskoj direkcii narodnyh uchilishh.* Simferopol, 1902, 115 p.
17. Spravochnyj otdel. Uchebnye zavedenija. *Izvestija Tavricheskogo i Odesskogo Karaimskogo Duhovnogo Pravlenija,* Evpatorija, 1917, No 1, pp. 8–9.
18. T.D. Agavat: iz chitatel'skih otklikov. *Karaimskaja zhizn',* Moscow, 1912, Book 8–9, janvar'–fevral', pp. 87–88.
19. Feodosija (korrespondenta «Salgira»). *Salgir*, 1898, No 168. 8 dekabrja.
20. Firkovich M.Ja. *Karaimskij katehizis vkratce.* Melitopol', 1915. [20], 4, [33] s.
21. Hronika tekushhej zhizni: Sredi karaimov. Feodosija. *Karaimskaja zhizn',* Moscow, 1910, Book 1, ijun', pp. 119–120.
22. Hronika tekushhej zhizni: Feodosija. *Karaimskaja zhizn',* Moscow, 1912, Book 8–9, fevral', pp. 119.
23. Hronika tekushhej zhizni: Feodosija. Okonchivshie [uchebnye zavedenija]. *Karaimskaja zhizn',* Moscow, , Book 12, maj, pp. 103.

D. A. PROKHOROV

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

KARAITE EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS IN FEODOSIA IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract: This paper addresses the history of development of traditional ethnoconfessional Karaite educational establishments in Feodocia in the second half of the nineteenth and early twentieth century. It has been uncovered that the measures provided by the department of education were aimed at the spread of education through the widest layers of the inorodtsy (“allogenes”) in the peninsula. Russian language and culture were widely propagated via the Karaite educational establishments. Progressive pedagogues’ and department of education’s task-oriented works toward modernization of the Karaite education system contributed to the development of far-reaching network of educational establishments for the Kartaite youth in cities and towns of the Taurida governorate.

Keywords: Karaites, popular education, enlightenment, Crimea, Russian empire.

М. А. ЛОМАКИНА[а)], **Д. А. ЛОМАКИН**[б)]
а) Крымский этнографический музей (Симферополь, Россия)
б) Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

МОНАСТЫРЬ СУРБ ХАЧ – ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ ПАМЯТНИК В АКВАРЕЛЯХ К. Ф. БОГАЕВСКОГО[1]

Аннотация: Средневековый армянский монастырь Сурб Хач, расположенный в 4,5 км от г. Старый Крым, стал одним из объектов акварельных работ, выполненных К. Ф. Богаевским в 20-х годах XX века. Зарисовка строений монастыря осуществлялась художником в соответствии с заданием, полученным от КрымОХРИСа (Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта). Монастырь Сурб Хач в течение длительного времени был духовным и просветительским центром с библиотекой, духовной школой и семинарией, с XVI века – местом пребывания главы армянской епархии. К началу XX века в монастыре существовал ансамбль построек: храм Сурб Ншан (св. Знамение) 1358 г. с гавитом (притвором), внутренний двор – атриум, двухэтажный комплекс келий обители с двориком, построенный в 1694 г., трапезная из двух залов XV века, с надстройкой 1784 г. В четырех акварелях монастыря Сурб Хач художник отразил общие планы и отдельные элементы ансамбля: храм и постройки, вид сверху; изображение стен гавита и церковного купола, вид из двора обители; атриум и интерьер трапезной. Используемые им художественные методы: детальные зарисовки архитектуры с присущими для объекта особенностями на фоне характерного ландшафта, колорит, приближенный к природному, поиск композиционного решения для создания наиболее выразительного образа.

Ключевые слова: К. Ф. Богаевский, КрымОХРИС, акварели, монастырь Сурб Хач, храм, обитель, атриум.

Средневековый армянский монастырь Сурб Хач, расположенный в лесном урочище, в 4,5 км на юг от границы г. Старый Крым, стал одним из объектов акварельных работ, выполненных К. Ф. Богаевским в 20-х годах XX века. Зарисовка строений монастыря осуществлялась художником в соответствии с заданием, полученным им от КрымОХРИСа (Крымский отдел по делам музеев и охраны

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00024мол_а.

памятников искусства, старины, природы и народного быта, создан в 1921 г.) [4, с. 552]. В 1921 г. монастырь Сурб Хач вместе с рядом археологических памятников полуострова был передан в ведение КрымОХРИСа, который в 1923 г. добился его обязательной постоянной охраны, также как и других значительных объектов: Судакской крепости, средневекового городища Мангуп-Кале. Сурб Хач в этот период еще был действующим: он был закрыт в 1925 г. постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета Крымской АССР [6, с. 156].

Монастырь Сурб Хач в течение длительного времени был духовным и просветительским центром с библиотекой, духовной школой и семинарией, а с XVI века – местом пребывания главы армянской епархии «Северная страна», престольным духовным центром [6, с. 89–92, 100, 102–103]. Он был хорошо известен и в научных кругах. В начале века в «Трудах Восточной комиссии московского археологического общества» была опубликована статья Христофора Кучук-Иоаннесова, посвященная старинным армянским эпиграфическим надписям из Юго-Западной Руси и Крыма [2]. В ряде статей и книг содержались описание монастыря, дискуссии о дате постройки храма, давались переводы сохранившихся надписей, другие исторические сведения. (Подробный список библиографии приведен в работе Т. Э. Саргсян и М. В. Петросяна [6, с. 28–34, 279–293]. Книга является наиболее полным и оригинальным трудом по истории, археологии, источниковедению и архитектурной реконструкции монастыря).

Производил впечатление монастырь и своими архитектурными формами. К началу XX века в монастыре существовал целый ансамбль построек: храм Сурб Ншан (св. Знамение) XIV века с гавитом (притвором) и атриумом (внутренним двором) перед ним, двухэтажный комплекс келий обители, построенный в 1694 г., с собственным двориком, огражденный высокими стенами, трапезная, состоящая из двух залов, построенная в начале XV века, с надстройкой 1784 г. [6, с. 26–27, 143]. Возведение храма св. Знамения в 1358 г. датируется по надписи на барабане купола. Храм крестово-купольный с гавитом, имеет типические черты армянской архитектуры [1, с. 15–19]. Имелись хозяйственные помещения, гостиничное здание – заезжий дом, рядом с обителью, сооруженный в 1906 г. [6, с. 28]. Ансамбль построек был внушительным. Как писал Г. И. Спасский в 1877 г., монастырь производил впечатление «…грозной крепости, нежели мирной обители» [7, с. 101].

Храм прекрасных пропорций с шатровым куполом на широком барабане, высокий сводчатый гавит, крутые ступени паперти, замкнутое пространство атриума, в который выходили порталы всех частей комплекса – каждая деталь ансамбля имеет свои характерные черты. Все выстроено добротно, из крупного подтесанного камня, проёмы оформлены обработанным известняком. Храм, гавит и порталы украшены надписями и искусной резьбой. Хачкары, резной тимпан над входом, наличники ниш, перекрестья гуртов сводов, дополнены фресковыми образáми и орнаментальной росписью. Ансамбль создавался в течение нескольких веков и пережил ряд перестроек. Он производил впечатление и на тех, кто видел его с

внешней стороны: монументальные глухие стены, сад с террасами и двумя орнаментированными резьбой фонтанами с родниковой водой, с узкими каналами для стока. Монастырь раскинулся посреди лесной чащи. Ему принадлежала не только собственная территория, но и обширные лесные массивы, земельные участки, дачи и сады [6, с. 155].

Благополучное состояние обители, вероятно, приходится на период с конца XVII века до переселения армянского населения и вывода из Крыма, т.е. до 1778 г. В свое время количество келий на обоих этажах достигало, по мнению одного из исследователей монастыря В. А. Сидоренко, почти 50 [6, с. 143]. К 20-м годам XX века количество обитателей монастыря значительно сократилось. Как пишет Т. Э. Саргсян о существовании монастыря в новейший период, в определенный момент даже высказывалось мнение о сносе его строений, который удалось предотвратить благодаря действиям Феодосийского исполкома Центрального Административного Управления Крыма, направленным на сохранение памятника [6, с. 156].

Документы, хранящиеся в Феодосийской картинной галерее им. И. К. Айвазовского, свидетельствуют о том, что К. Ф. Богаевский выезжал в район монастыря неоднократно, в частности, в июне 1926 г. и в июне 1929 г. (письмо Феодосийского музея хранителю Старокрымских памятников Э. Я. Бэру о предоставлении помещения художнику К. Ф. Богаевскому, «отправляющемуся в армянский монастырь с группой музейных работников для ведения научной работы», датированное 29 июля 1926 г.; «удостоверение» (копия) Феодосийского музея, по которому «хранителю галереи Айвазовского художнику Богаевскому К. Ф. поручено Феодосийским Археологическим музеем сделать зарисовки памятников старины в г. Старом Крыму и окрестностях», датированное 3 июля 1929 г.; личное заявление К. Ф. Богаевского о предоставлении отпуска с 3 июля 1929 г. по 17 июля 1929 г. для поездки в г. Старый Крым «на зарисовки памятников древности» с визой директора музея Н. С. Барсамова). К. Ф. Богаевский работал в 1925 г. в составе археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР, возглавляемой профессором И. Н. Бороздиным, которая в течение нескольких лет проводила изучение памятников Старого Крыма [3, с. 80–82]. К. Ф. Богаевским были сделаны акварели средневековых руин и раскопов объектов, на которых велись работы экспедиции.

В настоящее время акварели с видами монастырских построек хранятся в Феодосийской картинной галерее им. И. К. Айвазовского [5, с. 30–33].

1. Старый Крым. Сурб Хач. Вид сверху. 1928 г. Бумага, акварель. 40,5х47,4. Слева снизу: «Старый Крым КБ 28». Поступила в 1928 г. от автора. ФКГА. Инв. № РГ 438 (рис. 1–2).

На акварели представлен вид монастырских построек, верхней их части – кровель и верхних этажей, с восточной-юго-восточной стороны. На переднем плане изображены высокое дерево слева, кустарниковые заросли. Средний план занимают монастырские строения, которые светлым пятном выделяются на фоне

лесных массивов и темнеющих на горизонте гор. Яркий светлый колорит зданий с красными черепичными крышами, сочная зелень крымского леса, синева высоких западных гор – все находится в гармонии и равновесии. Постройки монастыря предстают в полном ансамбле: храм с куполом, гавитом с дозорной башней, корпус келий, надстройка трапезной – все основные здания налицо. Всё целое, отсутствуют следы утрат и разрушений. Это состояние памятника засвидетельствовано целым рядом фотоснимков конца XIX и начала XX веков.

2. Монастырь Сурп-Хач в Старом Крыму. Церковный купол и стены. 1920-е. Бумага, акварель. 47,5х42,7. Поступила в 1949 г. из областного краеведческого музея (г. Симферополь). ФКГА. Инв. № РГ 528 (рис. 3–4).

На акварели изображены: южная стена гавита, часть двора обители, примыкающего к этой стене, на заднем плане – стена, ограждающая обитель с востока, за ней – шатровый купол храма св. Знамения (Сурб-Ншан) на барабане. Вид двора – с юго-запада. Во дворик обители из гавита ведет входной проём со ступеньками (уровень двора значительно ниже пола гавита; как сообщалось выше, они были сооружены в разное время, соответственно, в последней четверти XIV в. и в 1694 г.). Входной проём и окошки гавита обрамлены профилированными наличниками из пиленого известняка. Кладка стен из бутового камня. Барабан храма обрамлен известняковыми плитами, украшен карнизом, профилировкой в виде арочек и содержит надпись с датой постройки храма – 1358 г. [6, с. 245–246]. В момент написания акварели шатровый купол, по всей видимости, был покрыт железной крышей (то же на предыдущей работе). Колорит светлый, охристые тона кладки стен четко выделяются на фоне небесной синевы. Акварель выполнена в середине дня, близко к полудню: тени постройки и архитектурных деталей короткие и «падают» с востока-юго-востока. В работе художнику удалось передать особый светлый тон, присущий этому памятнику, который, по-видимому, ему придает цвет кладки стен из светлого известняка. Обращает на себя внимание, что по армянской строительной традиции, стены не были покрыты штукатуркой, а затерты раствором. Монастырь, располагающийся на склоне холма, окружен лесом со всех сторон, однако, его строения были видны с западных и северо-западных склонов окружающих возвышенностей, даже с довольно большого расстояния.

3. Монастырский дворик в Сурб Хаче. 1928 г. Бумага, акварель. 42,4х47,5. Слева снизу: «Старый Крым КБ 28». Поступила в 1928 г. от автора. ФКГА. Инв. № РГ 439 (рис. 5–6).

Изображение южной части атриума – внутреннего монастырского дворика, вид с севера. Атриум представляет собой свободное прямоугольное внутреннее пространство перед порталом храма, в него выходят двери трапезной, входы несохранившихся ныне построек у северной стены гавита, а также входной проём двора обители. Через небольшой коридор атриум сообщается через вход с внешней средой, т.е. с монастырским обширным подворьем и садом. Двор обители и вход в атриум запечатлены на акварели слева и справа от высокой лестницы, ведущей

на второй этаж – пристройку над трапезной монастыря. Как указывалось выше, пристройка над трапезной была сооружена в 1768 г. В дальнейшем, уже в середине XIX века помещения верхнего этажа над трапезной были подвержены перепланировке [6, с. 144–145]. Подпорная стенка лестницы примыкает к стене обители, сложена из бутового камня, подобно кладке стены двора обители. В стенке лестничного марша сооружен фонтан в 1836 г. с полуциркульным арочным сводом [6, с. 142–147]. Вода в него поступала, по трубам водовода из какого-либо источника, которым изобилует прилегающая территория. Передняя стенка резервуара фонтана (в армянской традиции – родника) изготовлена из тесанных известняковых плит. В правой части акварели изображен входной проем со стрельчатым арочным верхом – первоначальный вход в атриум [6, с. 143]. Сооружение родника возле храма является традиционным в комплексе армянских церквей: такие фонтаны существуют у феодосийских церквей св. Саркиса (Сергия), св. Архангелов Михаила и Гавриила, св. Стефана (первоначальной церкви св. Димитрия) в Феодосии, средневековой Кафе.

В этой работе отражена еще одна важная деталь: на заднем плане изображены кельи верхнего этажа с галереей с традиционным для крымской архитектуры выступающим деревянным «козырьком». Справа виднеется кладка стены второго яруса трапезной из пиленого камня. Подобное отражение архитектуры памятника, несомненно, является иконографическим материалом, используемым при подготовке проектов реставрации комплекса. Не случайно эта акварель К. Ф. Богаевского в качестве иллюстрации приведена в книге Т. Э. Саргсян и М. В. Петросяна [6, с. 147: цв. ил.].

4. Интерьер трапезной монастыря Сурб Хач в Старом Крыму. 1920-е. Бумага, акварель. 42,4х47,5. Поступила в 1928 г. от автора. ФКГА. Инв. № РГ 479. В инвентарной описи акварель ошибочно значится под названием «Интерьер храма Сурп-Хач в Старом Крыму» (рис. 7–8).

На акварели – вид северного трехнефного зала монастырской трапезной, состоящей из двух сводчатых помещений, вид с юго-восточного угла. Нефы разделены продольными аркадами стрельчатого профиля, опирающимися на четырехгранные столбы и пилястры, перекрыты поперечными арками на консолях. Прописаны детали: профилированные абаки в основании арок и консоли, прямоугольное окно в западной стене, портал камина. Крутой подъем высоких и широких арок подчеркивает масштабность и презентабельность внутренней части трапезного зала. Намечены границы пиленого камня внутренней кладки стен и сводов. Помещение наполнено солнечным светом, льющимся из большого прямоугольного окна (всего в зале их три), колорит стен передан светлыми, прозрачными охристыми и лиловыми тонами. Дата постройки трапезной является дискуссионной: от начала XV века до XVII века [6, с. 133].

В своих акварелях армянского средневекового монастыря Сурб Хач художник старался отразить общий вид монастыря и отдельные элементы ансамбля.

В акварелях К. Ф. Богаевского передается впечатление монолитности объемов храма и других значительных построек монастыря – трапезной со стрельчатыми сводами, келий, сторожевой башни-колокольни. Подчеркивается интимность небольших двориков, низкие проемы, характерность кладки стен из подтесанного камня с выделяющимися известняковыми наличниками окон и входов. Деревянные детали кровли и устоев галереи отражают черты и характер местной архитектуры.

Выбор точки обзора производился так, чтобы были отражены его наиболее выразительные части. Кроме того, в работах изображены почти все основные постройки, находящиеся в пределах укрепленной части ансамбля, как культовые (храм, гавит), так и жилые и подсобные (кельи, трапезная, фонтан), который формировался на протяжении длительного времени, начиная с середины XV века до середины XIX века. Отражено их состояние на момент создания акварелей, т.е. 20-е годы XX века. Необходимо отметить, что некоторые монастырские объекты не попали в поле зрения художника: портал гавита (т.е. вход в храм), строения, находящиеся за пределами древней укрепленной части – заезжий дом, фонтаны, террасы сада, не прописаны интерьеры (кроме одного – северного зала трапезной). Возникает предположение, что далеко не все работы с изображением монастыря сохранились. Художник обычно старался представить памятник с разных ракурсов, выполняя иной раз довольно много видов одного объекта с разных сторон. Так, например, сохранилось 7 видов мечети Узбека в г. Старый Крым, 6 – феодосийского Карантина, 8 – Арабатской крепости. Среди памятников Бахчисарая акварелей только одного архитектурного объекта, мавзолея Эски-Дюрбе, сохранилось 7 видов.

Этот небольшой цикл, состоящий в настоящее время из четырех работ, мог быть дополнен, прежде всего, видами самого храма. Что же касается работы с интерьерами, то, делая зарисовки внешнего вида памятников, художник изображал внутренние помещения очень редко. Так, например, из выявленных 156 акварелей и рисунков, сделанных К. Ф. Богаевским по заказу КрымОХРИСа, изображений интерьеров насчитывается всего 9.

Акварели с видами монастыря Сурб Хач выполнены в одной манере с другими работами этого большого цикла, куда входят изображения многочисленных памятников архитектуры Юго-Восточного и Центрального Крыма, Южного берега полуострова. Художественные методы, используемые им: детальные зарисовки архитектуры с присущими для объекта особенностями на фоне характерного ландшафта, приближенный к природному колорит, поиск композиционного решения для создания наиболее выразительного образа. При подготовке этого цикла акварельных зарисовок объекта архитектуры художником было найдено верное соотношение передачи архитектоники комплекса построек и характерных деталей памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаян Ф.С., Корхмазян Э.М. Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым / НАН Республики Армения, Институт археологии и этнографии. Ереван: Гитутюн, 2000. 83 с.
2. Кучук-Иоаннесов Х.[И.] Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму // Древности восточные: труды Восточной комиссии Московского археологического общества. 1903. Т. 2, вып. 3. С. 33–75.
3. Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 23).
4. Ломакина М.А. Комплекс мечети хана Узбека-медресе и караван-сарай в Старом Крыму в работах К. Ф. Богаевского // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 552–567.
5. Памятники крымской старины в графике К. Ф. Богаевского: альбом иллюстраций / авт.-сост. И. Баранов. Киев: Энергия плюс, 2006. 95 с.
6. Саргсян Т.Э., Петросян М.В. Крым. Монастырь Сурб Хач. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 304 с.
7. Спасский Г.[И.] Старый Крым: из путевых записок о Крыме // ЗООИД. 1858. Т. 4, отд. 1. С. 85–102.

REFERENCES

1. Babayan F.S., Korkhmazyan E.M. *Armyanskie monastyri Surb Khach i sv. Stepanosa bliz goroda Staryy Krym*. Erevan, Gitutyun Publ., 2000, 83 p.
2. Kuchuk-Ioannesov Kh.[I.] Starinnye armyanskie nadpisi i starinnye rukopisi v predelakh Yugo-Zapadnoy Rusi i v Krymu. *Drevnosti vostochnye: trudy Vostochnoy komissii Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*,1903, vol. 2, pp. 33–75.
3. Lomakin D.A. *Musul'manskie pamyatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istoriya izucheniya, sovremennoe sostoyanie.* Simferopol, Solo-Rich Publ., 2015, 240 p.
4. Lomakina M.A. Kompleks mecheti khana Uzbeka-medrese i karavan-saray v Starom Krymu v rabotakh K. F. Bogaevskogo. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* 2017, vol. XXII, pp. 552–567.
5. *Pamyatniki krymskoy stariny v grafike K. F. Bogaevskogo: al'bom illyustratsiy.* Kiev, Energiya plyus Publ., 2006, 95 p.
6. Sargsyan T.E., Petrosyan M.V. *Krym. Monastyr' Surb Khach.* Simferopol, Mediatsentr im. I. Gasprinskogo Publ., 2017, 304 p.
7. Spasskiy G.[I.] Staryy Krym: iz putevykh zapisok o Kryme. *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej,* 1858, vol. 4, pp. 85–102.

M. A. LOMAKINA[a], D. A. LOMAKIN[b]

a) Crimean Ethnography Museum (Simferopol, Russia)

b) V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

THE MONASTERY OF SURB-KHACH AS A HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MONUMENT ON K. F. BOGAEVSKII'S WATERCOLOURS

Abstract: Mediaeval Armenian monastery of Surb-Kach located 4.5 km far from the town of Staryi Krym appeared among the subjects of the "watercolour project" performed by K. F. Bogaevskii in the 1920s. The painter drew the monastic buildings upon the task entrusted by the Crimean Department on the Museums and Protection of the Monuments of Art, Antiquity, Environment, and Folk Daily Life (KrymOKHRIS). For a long time the monastery of Surb-Khach was spiritual and enlightenment centre with a library, spiritual school, and seminary. From the sixteenth century on, it was the residence of the head of Armenian bishopric. By the early twentieth century, the monastery comprises an ensemble of buildings: the church of Surb-Nshan ("holy portent") of 1358 with gavit (narthex), courtyard (atrium), two-storey complex of monastic cells with a small yard constructed in 1694, and refectory of two halls from the fifteenth century with an additional storey from 1784. The painter's four watercolours of the monastery of Surb-Khach reflect its general ground plan and individual elements of the complex: the church and the buildings viewed from above; the walls of the gavit and the church dome viewed from the monastery courtyard; the atrium; and the refectory interior. The painter used the following artistic methods: detailed drawings of architecture with typical features of the object and typical landscape in the background; colour range similar to natural; and the search of composition solution to create the most impressive image.

Keywords: K. F. Bogaevskii, KrymOKHRIS, watercolours, Surb-Khach monastery, church, cloister, atrium.

Рис. 1. Богаевский К. Ф. Старый Крым. Сурб Хач. Вид сверху. 1928 г. Акварель. 40,5х47,4. ФКГА.

Рис. 2. Монастырь Сурб-Хач. Вид с юго-востока. 2018 г. Фото авторов.

Рис. 3. Богаевский К. Ф. Монастырь Сурб-Хач в Старом Крыму. Церковный купол и стены. 1920-е. Акварель. 47,5х42,7. ФКГА.

Рис. 4. Монастырь Сурб-Хач. Вид из двора обители на гавит и купол храма. 2018 г. Фото авторов.

Рис. 5. Богаевский К. Ф. Монастырский дворик в Сурб Хаче. 1928 г. Акварель. 42,4х47,5. ФКГА.

Рис. 6. Монастырь Сурб-Хач. Атриум, стена обители, вход. Вид с севера. 2018 г. Фото авторов.

Рис. 7. Богаевский К. Ф. Интерьер трапезной монастыря Сурб Хач в Старом Крыму. 1920-е. Акварель. 42,4х47,5. ФКГА.

Рис. 8. Монастырь Сурб-Хач. Интерьер трапезной. Вид с юго-востока. 2018 г. Фото авторов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айбабин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

Алексеенко Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

Антипенко Анна Витальевна, младший научный сотрудник Научно- исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: an.antipenko@yandex.ru

Гавритухин Игорь Олегович, старший научный сотрудник отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: gavritukhin@rambler.ru

Герцен Александр Германович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: gertsenag@yandex.ru

Голофаст Лариса Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: larisa_golofast@mail.ru

Дайм Фалько, доктор исторических наук, директор Римско-германского центрального музея (Майнц, Германия), e-mail: daim@rgzm.de

Душенко Антон Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: tnu.dushenko@mail.ru

Жилина Наталья Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: nvzhilina@yandex.ru

Завадская Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

Зайбт Вернер, доктор наук, профессор, Австрийская Академия Наук, Институт средневековых исследований, Отделение византиноведения (Вена, Австрия), e-mail: werner.seibt@oeaw.ac.at

Зинько Алексей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: a.zinko@mail.ru

Зинько Виктор Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: zinko@bfdemetra.org

Зинько Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: elena-zinko@mail.ru

Иштванович Эстер, кандидат исторических наук, археолог-музеевед, музей им. Андраша Йожа (Ньиредьхаза, Венгрия), e-mail: istvanov@josamuzeum.hu

Казанский Михаил Михайлович, доктор хабилитет (docteur habilité), ведущий научный сотрудник, Национальный центр научных исследований (CNRS), исследовательская лаборатория 8167 «Восток и Средиземноморье» (UMR 8167 «Orient et Méditerranée»), Коллеж де Франс (Париж, Франция), e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Конкин Денис Валериевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: denis_konkin@mail.ru

Крамаровский Марк Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: solkhat@hermitage.ru

Кульчар Валерия, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия), e-mail: vkulcsar58@gmail.com

Лобзова Раиса Викторовна, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации (Москва, Россия), e-mail: lobzovarv@mail.ru

Ломакин Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, старший науч-

ный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: LomakinDA@mail.ru

Ломакина Мария Александровна, младший научный сотрудник Крымского этнографического музея (Симферополь, Россия), e-mail: Aibabina87@mail.ru

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Мастыкова Анна Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: amastykova@mail.ru

Науменко Валерий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: byzance@rambler.ru

Обломский Андрей Михайлович, доктор исторических наук, заведующий Отделом археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: oblomsky_a@rambler.ru

Прохоров Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: prohorov1da@yandex.ru

Радочин Владимир Юрьевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: radochin_v@mail.ru

Седикова Лариса Васильевна, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: sedikova7@yahoo.com

Сейдалиев Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета, научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Россия), e-mail: codexcummanicus@gmail.com

Сейдалиева Джемиле Эльвировна, техник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им В.И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: djemka65@gmail.com

Сидоренко Валерий Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: crimeastor@rambler.ru

Степаненко Валерий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: v.stepanenko49@mail.ru

Степанова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: stepanovaespb@yandex.ru

Тесленко Ирина Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: i_teslenko@mail.ru

Хайрединова Эльзара Айдеровна, кандидат исторических наук, заведующая Отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: khairedinovaz@rambler.ru

Храпунов Никита Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: khrapunovn@gmail.com

Цукерман Константин, доктор исторических наук, профессор византийской истории в Практической школе высших исследований, Исследовательский университет Paris Sciences & Lettres, заместитель директора Центра истории и цивилизации Византии, Коллеж де Франс (Париж, Франция), e-mail: constantin.zuckerman@college-de-france.fr

Чхаидзе Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

CONTRIBUTORS

Aibabin Alexander, DSc., Prof., Director of the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

Alekseenko Nikolai, dr. études médiévales (Paris IV-Sorbonne), CSc, Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: alekseyenkonikolaj@gmail.com

Antipenko Anna, Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: an.antipenko@yandex.ru

Chkhaidze Victor, CSc, Researcher at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

Daim Falko, DSc, Director of the Roman-Germanic Central Museum (Mainz, Germany), e-mail: daim@rgzm.de

Dushenko Anton, CSc, Junior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: tnu.dushenko@mail.ru

Gavritukhin Igor, Senior Researcher at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: gavritukhin@rambler.ru

Gertsen Alexander, CSc, Ancient and Mediaeval History Department at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: gertsenag@yandex.ru

Golofast Larisa, CSc, Researcher at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: larisa_golofast@mail.ru

Istvánovits Eszter, PhD, Archaeologist-Museologist at the Jósa András Museum (Nyíregyháza, Hungary), e-mail: istvanov@josamuzeum.hu

Kazanski Michel, DSc, Research Director, National Centre for Scientific Research (CNRS; UMR-8167 "Orient et Méditerranée") (Paris, France), e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Khairedinova Elzara, CSc, Head of the Mediaeval Archaeology Department, Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: khairedinovaz@rambler.ru

Khrapunov Nikita, CSc, Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: khrapunovn@gmail.com

Konkin Denis, CSc, Head of the Modern History Department at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: denis_konkin@mail.ru

Kramarovsky Mark, DSc, Leading Researcher at the Oriental Department of the State Hermitage Museum (Saint Petersburg, Russia), e-mail: solkhat@hermitage.ru

Kulcsár Valéria, PhD, Associate Professor at the Department of Archaeology, University of Szeged (Szeged, Hungary), e-mail: vkulcsar58@gmail.com

Lobzova Raisa, CSc, Leading Researcher at the State Research Institute for Restoration (Moscow, Russia), e-mail: lobzovarv@mail.ru

Lomakin Dmitry, CSc, Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre and Senior Researcher at the University History Museum, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: lomakinda@mail.ru

Lomakina Maria, Junior Researcher at the Crimean Ethnography Museum (Simferopol, Russia), e-mail: aibabina87@mail.ru

Maiko Vadim, DSc, Director of the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Mastykova Anna, DSc, Leading Researcher at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: amastykova@mail.ru

Naumenko Valerii, CSc, Ass. Prof. of the Ancient and Mediaeval History Department at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: byzance@rambler.ru

Oblomskiy Andrey, DSc, Head of the Great Migration and Early Mediaeval Archaeology Department, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: oblomsky_a@rambler.ru

Prokhorov Dmitry, CSc, Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: prohorov1da@yandex.ru

Radochin Vladimir, Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: radochin_v@mail.ru

Sedikova Larisa, CSc, Deputy Director in Research of the State Historical and Archaeological Museum Preserve of Tauric Chersonese (Sevastopol, Russia), e-mail: sedikova7@yahoo.com

Seibt Werner, DSc, Prof., Austrian Academy of Sciences, Institute for Mediaeval Research, Division of Byzantine Research (Vienna, Austria), e-mail: werner.seibt@oeaw.ac.at

Seidaliev Emil', CSc, Head of the History Department at the Crimean Engineering and Pedagogical University, Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: codexcummanicus@gmail.com

Seidalieva Dzhemile, Technical Specialist at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: djemka65@gmail.com

Sidorenko Valery, CSc, Deputy Director at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: crimeastor@rambler.ru

Stepanenko Valery, DSc., Prof., Ancient and Mediaeval History Department, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), e-mail: v.stepanenko49@mail.ru

Stepanova Elena, CSc, Senior Researcher at the Oriental Department, State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russia), email: stepanovaespb@yandex.ru

Teslenko Irina, CSc, Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: i_teslenko@mail.ru

Zavadskaya Irina, CSc, Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

Zhilina Natalya, DSc, Leading Researcher at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: nvzhilina@yandex.ru

Zin'ko Alexey, CSc, Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: e-mail: a.zinko@mail.ru

Zin'ko Elena, CSc, Senior Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: elena-zinko@mail.ru

Zin'ko Victor, DSc, Leading Researcher at the History and Archaeology of the Crimea Research Centre, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: zinko@bfdemetra.org

Zuckerman Constantin, DSc, Prof., Ecole pratique des hautes études / Université Paris Sciences et Lettres (EPHE / PSL), Deputy Director of the History and Civilization of Byzantium Research Centre, Collège de France (Paris, France), e-mail: constantin.zuckerman@college-de-france.fr

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и средние века
АО — Археологические открытия
БИ — Боспорские исследования
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские (Москва)
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры (Ленинград)
ГАРК — Государственный архив Республики Крым (Симферополь)
ГИАМЗ ХТ — Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
ДБ — Древности Боспора
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины (Киев)
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук (Москва)
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН — Корпус боспорских надписей. М., Л.: Наука, 1965
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КрымОХРИС — Крымский областной комитет по делам музеев и охраны памятников искусства, истории, старины и народного быта (Симферополь)
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры

ПСЗРИ-1 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е
РА — Российская археология
РГИА — Российский Государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
СА — Советская археология
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ФКГА — Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского (Феодосия)
ХСб. — Херсонесский сборник
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы (Москва)

ABSA — Annual of the British School at Athens
AIECM3 — Association Internationale pour l'Etude des Céramiques Médiévales et Modernes en Méditerranée
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
RDAC — Report of the Department of Antiquities, Cyprus
SBS — Studies in byzantine sigillography

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию Александра Ильича Айбабина....5

Список научных трудов Александра Ильича Айбабина....42

АРХЕОЛОГИЯ

Зинько А.В. К вопросу о локализации якорных стоянок древних судов на Боспоре Киммерийском....55

Антипенко А.В. Снаряжение верхового коня из склепа 4(77) Чернореченского могильника....70

Иштванович Э., Кульчар В. Погребение ранней эпохи переселения народов под паломнической церковью в г. Мариапоч (на англ. яз.)....86

Казанский М.М. Центры власти у гунно-болгар Причерноморья в постгуннское время...100

Зинько В.Н., Зинько Е.А. Сакральные постройки ранневизантийской Тиритаки.....120

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронеж....135

Хайрединова Э.А. Геральдический поясной набор с христианской символикой второй половины VI в. из могильника у с. Лучистое....207

Радочин В.Ю. Некоторые особенности жизни средневекового населения Крыма (по результатам антропологических исследований могильников у с. Лучистое и Эски-Кермен)....233

Душенко А.А. Византийские разновесы из раскопок Мангупа....255

Жилина Н. В. Лунничные серьги и колты средневекового Крыма (матрица из фондов ГИАМЗ «Херсонес Таврический»)....269

Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен....277

Завадская И.А., Голофаст Л.А. Керамические комплексы хозяйственных вырубок в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.)....305

Голофаст Л.А., Мастыкова А.В. О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах....359

Лобзова Р.В. Исследование поливной чаши из храмовой гробницы в Горзувитах естественно-научными методами....396

Седикова Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища....402

Тесленко И.Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште....459

Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Керамика как индикатор инноваций в традиционной кочевнической культуре Золотой Орды (на примере находок с поселения «Старый Фонтан»)....499

СФРАГИСТИКА И ЭПИГРАФИКА

Сидоренко В.А. Две надписи на камне из раскопок в Босфорском переулке в Керчи в 2007 г....510

Зайбт В. Κῦρ Χερσῶνος (на рус. и англ. яз.)....520

Алексеенко Н.А. Печать паниперсеваста Алексея Враны-Комнина из византийского Херсона....537

Степанова Е.В. Ксенон Святого Сампсона....547

ИСТОРИЯ

Дайм Ф. Паломник и в Иерусалиме....557

Майко В.В. История изучения салтово-маяцкой культуры Крыма в XXI веке....589

Герцен А.Г., Науменко В.Е. К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований....615

Храпунов Н.И. Происхождение известий о походах древнерусских князей на Крым во второй половине XI в....641

Цукерман К. О Киевском письме из Каирской генизы....658

Степаненко В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII вв.): к постановке проблемы....713

Чхаидзе В.Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.)....721

Крамаровский М.Г. Братство фитйан в Крыму и чаша со сценой пира из Солхата (первая половина XIV в.)....731

Ломакин Д.А. Прочтение длиной в 155 лет: надпись над михрабом мечети в Судаке....737

Конкин Д.В. Российские помещики в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): новые люди со старыми взглядами....756

Прохоров Д.А. Караимские учебные заведения Феодосии во второй половине XIX – начале XX века....769

Ломакина М.А., Ломакин Д.А. Монастырь Сурб Хач – историко-архитектурный памятник в акварелях К. Ф. Богаевского....780

Сведения об авторах....796

Список сокращений....802

CONTENTS

On the occasion of 70th anniversary of A.I. Aibabin....5

List of publications of A.I. Aibabin....42

ARCHAEOLOGY

Zin'ko A.V. On the Problem of Location of Anchorages of Ancient Ships in the Cimmerian Bosporos....55

Antipenko A.V. Riding Horse Tack from Burial Vault 4(77) at Chernorechenskii Cemetery...70

Istvánovits E., Kulcsár V. An Early Migration Period Burial under the Pilgrimage Church of Máriapócs....86

Kazanski M.M. Centres of Power among the Black Sea Hunno-Bulgars in the Post-Hunnic Period....100

Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. Sacral Buildings in Early Byzantine Tyritake....120

Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Radiate-Headed Brooches with Rhombi on the Foot-Plate Originating from the Staevo Manufacturing Centre on the Voronezh River....135

Khairedinova E.A. Heraldic Belt Set Featuring Christian Symbols from the Second Half of the Sixth Century from the Cemetery near Luchistoe Village....207

Radochin V.Yu. Some Life Features of Mediaeval Population of the Crimea (According to the Palaeoanthropological Researches of the Cemeteries near Luchistoe Village and Eski-Kermen)....233

Dushenko A.A. Byzantine Weights Excavated at Mangup....255

Zhilina N.V. Lunular Earrings and Pendants in Mediaeval Crimea (A Matrix from the Collection of the State Museum Preserve of Tauric Chersonese)....269

Aibabin A.I. The Excavation of Urban House 2 in Quarter I at Eski-Kermen Plateau....277

Zavadskaya I.A., Golofast L.A. Pottery Assemblages from Production Carvings in Quarter 1 of the Ancient Town of Eski-Kermin (2006 and 2007 Excavations)....305

Golofast L.A., Mastykova A.V. On a Glazed Bowl in the Context of Funeral Rite of the Medieval Church Tomb in Gorzubitai....359
Lobzova R.V. Researching the Glazed Bowl from the Church Tomb in Gorzubitai by Scientific Methods....396

Sedikova L.V. A Thirteenth-Century Pottery Assemblage from the Destruction Layer of Urban Houses 2 and 3в in Quarter L of Ancient Chersonese....402

Teslenko I.B. The Byzantine-Influenced Glazed Pottery from the Palaiologean Period Excavated in the Fortress in Alushta....459

Seidaliev E.I., Seidalieva D.E. Pottery as Innovation Indicator in Traditional Nomadic Culture of the Golden Horde (The Case of the Finds from the Settlement of Staryi Fontan)....499

SIGILLOGRAPHY AND EPIGRAPHY

Sidorenko V.A. Two Stone Inscriptions Excavated in Bosforskii Lane in Kerch in 2007...510

Seibt W. Κῦρ Χερσῶνος....520

Alekseenko N.A. A Seal of Panypersebastos Alexios Branas Komnenos from Byzantine Cherson....537

Stepanova E.V. The Xenon of Saint Sampson....547

HISTORY

Daim F. Pilgrims in Jerusalem....557

Mayko V.V. A History of Researches in the Saltov-Maiak Culture in the Crimea in the Twenty-First Century....589

Gertsen A.G., Naumenko V.E. For the Study in the History of Mangup from the Eighth to the Eleventh Century: The Condition of Sources and Perspectives for Research....615

Khrapunov N.I. The Origin of the Account of the Princes of Rus' Campaign in the Crimea in the Second Half of the Eleventh Century....641

Zuckerman C. On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo....658

Stepanenko V.P. Byzantium and the Crimea in the Post-Thematic Period (Late Eleventh and Twelfth Centuries): The Problem Statement....713

Chkhaidze V.N. Byzantine Rule at the Bosporos (Last Quarter of the Eleventh to the Early Thirteen Century)....721

Kramarovsky M.G. The Fityan Brotherhood in the Crimea and the Bowl Featuring Feast Scene from Solkhat (First Half of the Fourteenth Century)....731

Lomakin D.A. The 155-Year-Long Reading: The Inscription above the Mihrab in the Mosque in Sudak....737

Konkin D.V. Russian Landowners in the Crimea (Late Eighteenth and Early Nineteenth Century): New Persons Sharing Old Views....756

Prokhorov D.A. Karaite Educational Establishments in Feodosia in the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Century....769

Lomakina M.A., Lomakin D.A. The Monastery of Surb-Khach as a Historical and Archaeological Monument on K. F. Bogaevskii's Watercolours....780

Contributors....796

List of Abbreviations....802

Научное издание

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

Вып. XXIII

Перевод на английский: *Н.И. Храпунов*
Корректор: *С.И. Власова*
Компьютерная верстка: *В.С. Смирнова*

Издательство: ООО «Соло-Рич»
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 89
тел.: +7 (978) 817 05 50, +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 722 63 66
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru

SOLO
RICH

Отпечатано в ООО «Прондо»
109316, Москва, ул. Волгоградский пр-т, д.45, офис 542
тел.: +7 (977) 805-63-95

Подписано в печать: 30.11.2018 г.
Выход в свет: 17.12.2018 г.
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 65.65
Тираж 300 экз. Заказ № 75
Распространяется бесплатно

Представитель типографии ООО «Прондо»
в Республике Крым ООО «Соло-Рич»
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 89
тел.: +7 (978) 817-05-50, +7 (978) 817-39-39, +7 (978) 722-63-66
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru

SOLO
RICH